ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXVIII. — 1/14 ІЮЛЯ 1900.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, [illegible], ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1900.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXVIII. — 1/14 ІЮЛЯ 1900.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

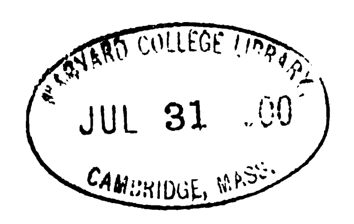
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1900

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1900.

Стр.



ПРОМЫСЛОВЫЙ ТРУДЪ
ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА
ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Еще въ 1832 году, въ предѣлахъ прусскаго королевства, была запрещена для дѣтей моложе шести лѣтъ какая бы то ни было работа въ шахтахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Съ теченіемъ времени этотъ предѣльный возрастъ дѣтей все болѣе и болѣе повышался. Сначала воспрещеніе распространено было закономъ 9 марта 1839 года на всѣхъ дѣтей моложе 9 лѣтъ, причемъ максимальнымъ срокомъ для работы дѣтей моложе 16 лѣтъ установленъ былъ десятичасовый, а работа ночью, въ воскресные и праздничные дни—была имъ совершенно воспрещена. Позже, по закону 16 мая 1853 года, то же самое воспрещеніе распространено было и на тѣхъ дѣтей, которыя еще не достигли двѣнадцатилѣтняго возраста.—Въ Баваріи фабрикантамъ и заводчикамъ воспрещено было въ 1840 году принимать дѣтей, которымъ не минуло полныхъ девяти (съ 1854 года пол...ъ десяти) лѣтъ. Здѣсь максимальнымъ срокомъ работы для ...й старше десяти лѣтъ установленъ былъ сначала десяти—, а ...же девятичасовый, причемъ ночная работа воспрещена была ...мъ дѣтямъ моложе 12 лѣтъ.—Въ Баденѣ установлены были ...ницы дѣтскаго труда распоряженіемъ 4 марта 1840 года, ...ь Саксоніи и Вюртембергѣ—законами о промысловомъ трудѣ ...1 года.—Законодательное собраніе Сѣверо-Германскаго Союза

также занялось урегулированіемъ вопроса о промысловомъ трудѣ дѣтей и назначило предѣльнымъ возрастомъ для допущенія дѣтей къ фабричному труду двѣнадцатилѣтній, причемъ фабрикантамъ опять-таки строго было воспрещено посылать дѣтей на ночныя работы или эксплоатировать ихъ трудъ въ воскресные и праздничные дни.—Германскій рейхстагъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше: въ 1891 году имъ было постановлено, чтобы дѣти, не достигшія еще тринадцатилѣтняго возраста, а также тѣ, которыя достигли уже этого возраста, но не прошли полнаго школьнаго курса, не принимались, вообще, на фабрики и заводы. Дѣтямъ же, перешедшимъ за этотъ предѣльный возрастъ, разрѣшалось работать на фабрикахъ и заводахъ только шесть часовъ въ день, если имъ не исполнилось еще 14 лѣтъ, и десять часовъ въ промежуткѣ между 14 и 16 годами, причемъ ночная работа отъ восьми съ половиной часовъ вечера до пяти съ половиной часовъ утра была имъ опять строго воспрещена.

Для разъясненія закона 1891 года мы напомнимъ, что въ Пруссіи дѣти обязаны посѣщать школу отъ шести- до четырнадцатилѣтняго возраста. Казалось бы, что, благодаря этому, на фабрики, заводы и въ мастерскія могутъ поступать только тѣ дѣти, которымъ исполнилось полныхъ 14 лѣтъ, и которыя уже освобождены отъ обязательнаго посѣщенія школы. Но прусскія общинныя школы имѣютъ въ настоящее время, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, не восемь классовъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать, сообразно съ обязательнымъ для дѣтей посѣщеніемъ школы въ теченіе 8 лѣтъ, но только 6 классовъ. Вслѣдствіе этой неправильной организаціи, весь учебный матеріалъ, разсчитанный на восьмилѣтній курсъ, долженъ быть пройденъ въ теченіе 6 лѣтъ въ 6-ти классахъ [1]). Результатъ тотъ, что въ низшихъ классахъ на дѣтей налагается теперь непосильное бремя, и многія дѣти изъ-за неуспѣшности занятій остаются въ низшихъ или среднихъ классахъ на лишній семестръ или даже годъ. Большая часть учениковъ не достигаетъ перваго (т.-е. послѣдняго, высшаго) класса. Только болѣе одаренныя дѣти проходятъ весь курсъ въ теченіе 6 лѣтъ и, такимъ образомъ, въ двѣнадцати- или тринадцатилѣтнемъ возрастѣ уже заканчиваютъ обязательный срокъ посѣщенія высшаго класса. По буквѣ закона эти дѣти должны посѣщать пройденный ими

---

[1]) Школьная коммиссія берлинской думы занята въ настоящее время коренной переработкой этого учебнаго плана.

уже высшій классъ въ теченіе еще одного года или двухъ, но школьная администрація, уступая просьбамъ родителей, которые находятъ, что цѣль школьнаго образованія ихъ дѣтьми уже достигнута, освобождаетъ тѣхъ дѣтей отъ дальнѣйшаго обязательнаго посѣщенія школы, и въ одномъ только Берлинѣ отдаются ежегодно свыше тысячи дѣтей 13 лѣтъ ихъ родителями или опекунами преждевременно на фабрики, заводы и въ мастерскія. Конечно, это не такъ важно въ сравненіи съ благотворными результатами закона 1891 года, положившаго предѣлъ алчности фабрикантовъ, наживавшихся путемъ эксплоатаціи дешеваго дѣтскаго труда. Такъ, въ 1886 году насчитывалось въ Германіи дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ и т. п.—21.053; въ 1888 г.—22.913; въ 1890 г.—27.485; въ 1892 г.—уже только 11.212, а въ 1895 г.—гораздо меньше, и именно: 4.327 [1]). Но фабриканты и работодатели стали прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы обойти законъ, наносящій имъ значительный уронъ, и, конечно, нашли себѣ пособниковъ раньше всего въ лицѣ родителей, изъ которыхъ многіе вынуждены прибѣгать къ помощи даже своихъ малолѣтнихъ дѣтей и заставляютъ ихъ работать, очень часто до полнаго изнуренія. Фабриканты и родители воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ одной стороны—есть довольно много родовъ дѣтскаго труда, закономъ не предусмотрѣнныхъ, какъ, напр., склеиваніе коробокъ, пришиваніе пуговицъ, выдѣлка дешевыхъ украшеній, разноска утромъ и вечеромъ газетъ, молока, хлѣба и т. п.; а съ другой стороны, законъ 1891 года былъ формулированъ нѣсколько неясно и не устанавливалъ точно, что̀ нужно понимать подъ словами: „Gewerblicher Betrieb“ и что̀—подъ словомъ: „Hausindustrie“, не проводя рѣзкой грани между фабрикой и мастерской, такъ что фабричные инспекторы очень часто не имѣютъ права вмѣшаться и заступиться за эксплоатируемыхъ дѣтей, если они работаютъ въ мастерскихъ, на которыя законъ 1891 года не распространяется.

Но не только для фабричныхъ инспекторовъ давно уже не было тайной, что тысячи и десятки тысячъ дѣтей школьнаго возраста осуждены своимъ, очень часто непосильнымъ трудомъ поддерживать своихъ родителей и опекуновъ. Въ то время какъ фабричные инспектора ограничивались одними лишь своими служебными донесеніями (нѣсколько подобныхъ донесеній мы приводимъ ниже), нѣкоторые прусскіе народные учителя, также

[1]) Въ слѣдующемъ году количество ихъ снова повысилось до 5.312.

замѣтившіе, что значительная часть ихъ учениковъ слишкомъ обременена промысловымъ трудомъ, позаботились о томъ, чтобы обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на слишкомъ частое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи родителями и опекунами своей властью. На судъ общества необходимо было, конечно, явиться съ цифрами въ рукахъ. Поэтому, ставшій во главѣ движенія, Конрадъ Агадъ, школьный учитель [1]) въ Риксдорфѣ (предмѣстье Берлина, имѣющее права самостоятельнаго города), обратился раньше всего къ своимъ коллегамъ съ просьбой заинтересоваться судьбой маленькихъ тружениковъ и освѣтить ихъ подчасъ ужасное положеніе статистическими данными. Первое изслѣдованіе сдѣлано было въ Гамбургѣ (1890), затѣмъ въ Альтенбургѣ (1891), Лейпцигѣ (1892) и Штеттинѣ, но результаты этихъ изслѣдованій покоились или гдѣ-либо въ шкафу, среди школьныхъ бумагъ, или же были опубликованы въ мало распространенныхъ органахъ учительскихъ ферейновъ. Болѣе интенсивное движеніе началось только въ 1894 г., послѣ того какъ Конрадъ Агадъ сдѣлалъ подобное же изслѣдованіе въ Риксдорфѣ, и не только позаботился о томъ, чтобы результаты предпринятой имъ переписи были опубликованы въ распространенныхъ берлинскихъ газетахъ, но и обратилъ на нихъ вниманіе школьной администраціи. Правительственный президентъ въ Потсдамѣ распорядился тогда же, чтобы сдѣлано было изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ берлинскихъ предмѣстьяхъ, и указалъ въ своемъ циркулярѣ, отъ 15 февраля 1896 г., подвѣдомственнымъ ему чинамъ на необходимость борьбы съ злоупотребленіями въ данной области всѣми допускаемыми закономъ средствами. Въ Шарлоттенбургѣ сдѣланы были затѣмъ два изслѣдованія (въ 1895 и въ 1896 г.), съ результатами которыхъ мы познакомимся ниже, а впослѣдствіи — и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ большой и средней величины.

Весь собранный за послѣдніе годы въ этой области матеріалъ мы находимъ въ обработанномъ видѣ въ надѣлавшей такъ много шуму брошюрѣ того же Конрада Агада: „Die Erwerbsthätigkeit schulpflichtiger Kinder“ [2]). Въ этой брошюрѣ мы встрѣчаемся прежде всего съ цѣлой коллекціей живо набро-

---

[1]) Мы имѣли возможность лично познакомиться съ Конрадомъ Агадомъ. Это — типъ нѣмецкаго, преданнаго своему дѣлу, скромнаго и нетребовательнаго, народнаго учителя.

[2]) „Sammlung pädagogischer Vorträge“, Band X, Heft 9 und 10. Брошюра написана живымъ, образнымъ языкомъ, но фактическій матеріалъ сообщенъ безъ строгой системы.

санныхъ образовъ маленькихъ тружениковъ. По словамъ Агада, слѣдующій діалогъ является въ школѣ самымъ обычнымъ явленіемъ. Какой-нибудь школьникъ проситъ учителя освободить его отъ послѣобѣденныхъ занятій.—„Я долженъ пойти сдавать работу", —мотивируетъ свою просьбу школьникъ. Учитель обращаетъ вниманіе на его блѣдныя щечки и спрашиваетъ его, въ которомъ часу онъ легъ спать? Со слезами на глазахъ разсказываетъ школьникъ, что только на зарѣ онъ заснулъ за рабочимъ столомъ. — „Что же ты дѣлалъ такъ поздно?" — любопытствуетъ учитель. — „Мы дѣлаемъ башмачки для куколъ и украшенія для елокъ"... Вотъ еще другой случай.

Девятилѣтній Францъ прислуживаетъ на кегельбанѣ гдѣ-нибудь въ кабачкѣ „mit Damenbedienung", гдѣ кельнерши не только разносятъ пиво, но безцеремонно садятся къ посѣтителямъ на колѣни и позволяютъ себѣ другія вольности. На обязанности Франца—ставить на мѣсто сбитые кегли и выкрикивать число упавшихъ. При неутомимости и усердіи игроковъ, Францъ не перестаетъ нагибаться и выкрикивать часовъ шесть подъ-рядъ. О томъ, что мальчикъ долженъ ѣсть, расправить свои члены или отправиться домой, игроки очень часто совершенно забываютъ [1]). Они потчуютъ Франца пивомъ, подчасъ коньякомъ или водкой. Конечно, рѣчи онъ слышитъ при этомъ далеко не поучительныя: когда любители игры въ кегли устроили, года два тому назадъ, свой съѣздъ въ Дрезденѣ, они вели себя такъ распутно, что объ ихъ поведеніи шла даже рѣчь въ рейхстагѣ.

Если Фрицу не приходится ставить на мѣсто кегли, за отсутствіемъ въ его кабачкѣ кегельбана, онъ перемываетъ посуду и полощетъ бутылки, собираетъ со столовъ объѣдки или помогаетъ кельнершамъ прислуживать посѣтителямъ. Послѣдніе заставляютъ его пить для своей потѣхи; кельнерша также отдаетъ ему свое пиво, которое ей уже не въ моготу. Ея участь также не завидная: не получая въ большинствѣ случаевъ ни гроша жалованья, она обязана, по договору съ хозяиномъ, пить пиво безъ конца и всевозможными ухищреніями онъ заставляетъ платить за выпитое ею пиво—посѣтителей. Если хозяинъ ею почему-либо недоволенъ, онъ имѣетъ право вышвырнуть ее тотчасъ же, безъ двухнедѣльнаго предупрежденія, установленнаго, напр., для урегулирования отношеній между хозяевами и домашней прислугой. Самостоятельно начинаетъ подобная кельнерша заработывать

[1]) Въ Фриденау, близъ Берлина, завели шары, обтянутые резиной, чтобы не тревожить ночью окрестныхъ жителей,—но о дѣтяхъ, которымъ приходится прислуживать до поздней ночи, позабыли.

также съ ранняго дѣтства, тотчасъ послѣ смерти отца или какого-нибудь несчастья въ домѣ родителей. Сначала она продавала поздно вечеромъ на болѣе оживленныхъ улицахъ спички, навязчиво предлагая ихъ запоздавшимъ прохожимъ. Когда она подросла, мать посылала ее продавать вечеромъ у дверей какого-нибудь второразряднаго кафе-шантана цвѣты, и ей приходилось не разъ выслушивать всевозможныя сальности изъ устъ входившихъ и выходившихъ гулякъ и совершающихъ свой „Bierreise“ полупьяныхъ студентовъ. Ея младшій братишка продавалъ въ это время также на улицѣ „Schäfchen“, по „Sechser das Stück“, но занятіе это не прибыльное: прохожимъ эти игрушки не нужны, и никто не обращаетъ вниманія на его утомленное, блѣдное личико. Сколько разъ онъ замѣчалъ съ завистью, что нищему-слѣпому или калѣкѣ съ деревяшками вмѣсто ногъ прохожіе бросаютъ въ шапку монету-другую, а у него никто не хочетъ купить его нехитростнаго издѣлія. Развѣ онъ не такъ же голоденъ, какъ слѣпой или калѣка?.. Его торговля идетъ нѣсколько лучше только предъ Рождествомъ, когда, вмѣсто „Schäfchen“, онъ продаетъ такъ-называемаго „Hampelmann'a“, человѣчка изъ картона съ вертящимися руками и ногами. Съ тѣхъ поръ, какъ старшая сестра его стала кельнершей, онъ также поступилъ въ ресторанъ: наряженный въ бѣлый фартучекъ и бѣлый колпачокъ, онъ разноситъ отъ столика къ столику сласти, спички, etc. Здѣсь, въ ресторанѣ, и свѣтло, и тепло, но ему никогда не приходится возвращаться домой раньше 2—3 часовъ ночи... Еще примѣръ.

Отецъ маленькаго Курта находитъ, что „der Bengel hat Schwein“: Куртъ разноситъ утромъ и вечеромъ газеты, а въ послѣобѣденное время служитъ на побѣгушкахъ у торговца бакалейными товарами. Встаетъ онъ въ 4—5 часовъ утра и спѣшитъ къ газетной экспедиціи или къ установленному мѣсту, гдѣ получаетъ изъ рукъ экспедитора пачку свѣжихъ газетъ для разноски. Съ этими газетами въ рукахъ онъ обѣгаетъ цѣлый рядъ домовъ съ лѣстницы на лѣстницу, до пятаго или шестого этажа включительно, пока всѣ газеты не доставлены имъ абонентамъ. Изъ школы онъ отправляется на минутку домой пообѣдать и спѣшитъ затѣмъ къ торговцу бакалейными товарами, гдѣ его уже ждетъ куча пакетовъ и рядъ порученій. А часовъ въ шесть онъ стережетъ вмѣстѣ съ другими школьниками у какого-нибудь вокзала городской желѣзной дороги: вотъ-вотъ привезутъ и раздадутъ имъ для разноски вечернія газеты. Мальчикъ получаетъ за свой трудъ не только вознагражденіе, но и „Trinkgeld“ отъ

тѣхъ, кому онъ доставляетъ пакеты, и отецъ его находитъ, что онъ—„verdient'n scheenet Stück Jeld". На минуту онъ задумывается, пожалуй, о томъ, что Куртъ слишкомъ надрываетъ свои сла ыя силёнки, или что заработокъ его вовсе ужъ не такъ необходимъ семьѣ, но быстро утѣшаетъ себя мыслью: „ett is mal so!"

Яркими красками описываетъ Агадъ тяжелый трудъ ребятишекъ, разносящихъ поутру свѣжіе хлѣбцы, такъ называемыхъ „Semmeljungens". Укоренившійся обычай—поставлять изо дня въ день свѣжіе хлѣбцы на домъ, несомнѣнно, — обычай не дурной и для потребителя весьма удобный. Но въ то время какъ бюргеръ еще нѣжится подъ своей пуховой периной, маленькій Пауль или крохотный карапузъ Георгъ (дѣвочки также употребляются на эту работу, но, какъ мы увидимъ ниже, значительно рѣже) давно уже шагаютъ съ лѣстницы на лѣстницу, съ маленькимъ фонарикомъ у пояса и съ нѣсколькими мѣшечками со свѣжими булочками въ рукахъ. Уже половина восьмого, въ восемь начинаются въ школѣ занятія, а карапузу нужно еще забѣжать въ 3—4 дома, взобраться еще на 200—250 ступеней. Утомленный, очень часто промокшій отъ дождя, онъ приходитъ въ школу съ опозданіемъ минутъ на десять-пятнадцать. Въ классѣ тепло, и его клонитъ ко сну, но повтореніе дѣтьми стиховъ или молитвы хоромъ мѣшаетъ ему привести свое намѣреніе въ исполненіе. Только-что онъ закрылъ глаза, учитель заставляетъ его повторить фразу, прочтенную сосѣдомъ. Онъ не слышалъ этой фразы: учитель сердится, остальныя дѣти смѣются надъ нимъ. Но ему безразлично: онъ ждетъ минуты, когда его оставятъ въ покоѣ, и начинаетъ снова клевать носомъ. Пять часовъ занятій для него—цѣлая вѣчность. Наконецъ, школьныя занятія окончились, и онъ можетъ пойти домой обѣдать. Но ни отдохнуть, ни приняться за приготовленіе уроковъ онъ не имѣетъ права: хозяйка пекарни экономитъ на мѣшечкахъ, и онъ долженъ обѣжать послѣ обѣда всѣхъ ея заказчиковъ, чтобы отобрать у нихъ нужные ей къ завтрашнему дню мѣшечки. Уроки онъ готовитъ вечеромъ спустя рукава, или совсѣмъ ихъ не готовитъ, ссылаясь въ школѣ на отсутствіе времени. Несчастный школьникъ охотно завалился бы спать, но онъ ночуетъ не дома, а въ пекарнѣ. Къ десяти часамъ вечера онъ бѣжитъ въ пекарню. Онъ пошелъ бы уже раньше на 2—3 часа, чтобы выспаться хорошенько, но въ пекарнѣ единственная кровать, и ее до 10 часовъ занимаетъ подмастерье, которому предстоитъ всю ночь печь хлѣбцы. На дворѣ еще темно, когда хлѣбцы уже испечены и разложены по мѣшечкамъ. Мальчика будятъ, и онъ начинаетъ свое обычное

путешествіе съ лѣстницы на лѣстницу: за 3—4 часа онъ долженъ разнести нѣсколько десятковъ мѣшечковъ, а большинство потребителей живетъ въ „партерѣ, если считать отъ неба", иначе говоря: „vier Treppen hoch". Извѣстно, что „Treppe" считаютъ въ Германіи обыкновенно каждыя двѣ полулѣстницы, ведущія отъ одного этажа до другого, въ 10—12 ступеней каждая. Это необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія приводимой нами таблицы, оффиціально установленной въ Шарлоттенбургѣ, богатѣйшемъ (относительно) и тѣсно слившемся съ Берлиномъ городѣ Германіи. Тамъ подсчитано было число „Treppen", на которыя взбирались изо дня въ день ребятишки, разносившіе хлѣбцы. Результатъ получился слѣдующій:

Въ теченіе 1-го часа: . .	82	дѣтей взбирались на				20	Treppen.
„ „ „ „ . .	51	„ „	отъ	21	до	40	„
„ „ „ „ . .	7	„ „	„	41	„	60	„
Въ теченіе 1½ час.: . .	69	„ „	до	25	„	—	„
„ „ „ „ . .	64	„ „	„	26	„	50	„
„ „ „ „ . .	14	„ „	„	51	„	75	„
Въ теченіе 2 час.: . .	44	„ „	„	25	„	—	„
„ „ „ „ . .	56	„ „	„	26	„	50	„
„ „ „ „ . .	20	„ „	„	51	„	75	„
Въ теченіе 3 час.: . .	67	„ „	„	50	„	—	„
„ „ „ „ . .	23	„ „	„	51	„	100	„

Одинъ школьникъ въ теченіе 2 часовъ долженъ былъ взбираться на 80 Treppen; два другихъ за тотъ же срокъ — на 90 — 120 Treppen. Еще два школьника вынуждены были дѣлать болѣе длинные концы и тратили поэтому ежедневно 3¼ часа, хотя взбираться приходилось имъ только на 39 и 54 Treppen. Наконецъ, въ одномъ случаѣ школьнику приходилось ежедневно взбираться на 56 лѣстницъ, при томъ тяжеломъ условіи, что потребители, къ которымъ онъ ходилъ, жили далеко другъ отъ друга, такъ что у него уходило ежедневно на бѣготню полныхъ 4 часа [1]). 56 Treppen и 4 километра ежедневно до начала школьныхъ занятій! Удивительно ли, что такой мальчикъ, придя въ школу утомленный, часто засыпалъ [2]), или

---

[1]) За разноску хлѣбцевъ дѣти получаютъ, если не обходятъ послѣ обѣда снова потребителей, чтобы отобрать мѣшечки, лишь отъ 3.50 до 4 марокъ въ мѣсяцъ и два хлѣбца ежедневно, но въ большинствѣ случаевъ плохихъ и сухихъ.

[2]) Одинъ тринадцатилѣтній мальчикъ, разсказываетъ К. Агадъ, всталъ однажды на работу уже въ 3 часа ночи. Придя въ школу, онъ заснулъ въ 9 час., спалъ въ 10 час., проспалъ, несмотря на шумъ дѣтей, всю большую перемѣну и не проснулся къ началу слѣдующаго урока.

бывалъ не въ состояніи слѣдить за словами учителя! Да и надо ли говорить много о всемъ вредѣ подобнаго рода труда въ физическомъ отношеніи, послѣ того какъ мы знаемъ, что послѣдній изъ зарегистрованныхъ выше школьниковъ долженъ былъ выходить изъ дому въ 3½ часа ночи, чтобы къ восьми часамъ обойти всѣхъ потребителей и поспѣть въ школу? И этотъ школьникъ не былъ рѣдкимъ исключеніемъ: изъ числа шарлоттенбургскихъ „Semmeljungens“ начинали свою обычную работу зимою:

раньше	4-хъ час. утра . . .	20 мальч.	— дѣвоч.		0,6%
между	4 и 4½ „ „ . .	85 „	10 „	}	20,4%
„	4½ „ 5 „ „ . . .	65 „	11 „	}	
„	5 „ 5½ „ „ . . .	88 „	11 „	}	43,7%
„	5½ „ 6 „ „ . . .	41 „	24 „	}	
отъ	6 и позже „ „ . . .	50 „	23 „		35,3%
	Итого . . .	349 мальч.	и 79 дѣвоч.		

Но на этомъ еще не заканчиваются мытарства маленькихъ тружениковъ. Нѣтъ! 33,1% изъ числа тѣхъ школьниковъ, которые работаютъ до начала школьныхъ занятій 2—3 часа, и 10,8% изъ числа тѣхъ, которые проработали уже утромъ 3—4 часа, вынуждены работать также послѣ обѣда и вечеромъ, и именно: еще 2—3 часа—25% всего числа школьниковъ; еще 3—4 часа — 4,5%; еще 4—5 часовъ—2%; еще 5—6 часовъ—3%, и еще 6—7 часовъ—5%. А одинъ школьникъ вынужденъ былъ работать ежедневно еще 8—9 часовъ!

Напрашивается, конечно, вопросъ: какого возраста были всѣ эти зарегистрованные маленькіе труженики? На какомъ году они вынуждены уже заниматься промысловымъ трудомъ и своимъ грошовымъ заработкомъ помогать родителямъ въ ихъ борьбѣ за кусокъ насущнаго хлѣба? Жестокія цифры даютъ и на этотъ вопросъ многозначительный отвѣтъ. — Только по достиженіи ребенкомъ шестилѣтняго возраста, считаютъ его настолько развившимся физически и умственно, что его сажаютъ уже въ школѣ за букварь. Но еще только четырехъ лѣтъ отъ роду вынужденъ былъ одинъ ребенокъ, зарегистрованный въ томъ же Шарлоттенбургѣ, самостоятельно заработывать нѣсколько жалкихъ грошей труднымъ ремесломъ разноски хлѣбцевъ на зарѣ. Троихъ ребятишекъ пятилѣтняго возраста посылали тамъ же разносить газеты утромъ и вечеромъ, и еще одного мальчика, не достигшаго того возраста, когда онъ долженъ посѣщать уже школу, отдали его родители въ услуженіе какой-то зажиточной семьѣ. Нѣсколько дѣвочекъ моложе шести лѣтъ также не избѣгли

этой тяжелой участи: двѣ изъ нихъ разносили поутру хлѣбцы, одна разносила абонентамъ газеты, а одна дѣвочка, пяти лѣтъ, служила у кого-то на побѣгушкахъ. Что же касается дѣтей школьнаго возраста, то регистрація возраста тѣхъ изъ нихъ, которыя занимались въ Шарлоттенбургѣ [1]) промысловымъ трудомъ, дала слѣдующіе результаты:

Лѣта.	Мальчики.	Дѣвочки.
6	18	8
7	19	19
8	68	23
9	89	36
10	134	46
11	107	61
12	140	69
13	74	39
14	—	1
безъ указанія возраста	35	30

Наконецъ, что касается рода занятія мальчиковъ, то большинство изъ зарегистрованныхъ разносило, какъ указано уже выше, газеты или хлѣбцы. Остальные находились въ домашнемъ услуженіи, прислуживали при кегельбанѣ или, наконецъ, служили на побѣгушкахъ. У дѣвочекъ родъ занятія нѣсколько отличался отъ рода занятія мальчиковъ: и онѣ разносили газеты и хлѣбцы; онѣ также находились въ домашнемъ услуженіи или служили спеціально на побѣгушкахъ, но брали на себя также нелегкую обязанность спеціальнаго ухода за годовалыми или еще моложе ребятишками (такъ наз. „Kindermädchen"), или шли къ зажиточнымъ семьямъ—рукодѣльничать и шить на дѣтей. Этимъ всѣмъ, однако, далеко еще не ограничивается область дѣтскаго труда въ Германіи; маленькихъ тружениковъ можно встрѣтить здѣсь не только на кегельбанѣ, въ кабачкѣ или въ пекарнѣ, но и на улицѣ, въ торговыхъ заведеніяхъ всякаго рода, въ погребѣ и на чердакѣ. Такъ, напр., ребятишки, которыхъ народный юморъ окрестилъ характерной кличкой: „Rollmops", лежатъ, обыкновенно, съ утра до вечера на фургонахъ и стерегутъ такимъ образомъ принадлежащіе экспортнымъ конторамъ ящики и тюки, которыми нагружены фургоны. Другія дѣти изо дня въ день, изъ часу въ часъ, проводятъ щеточкой по тонкой жести,

[1]) Въ Риксдорфѣ изъ 600 маленькихъ тружениковъ 135 (22,5%) посѣщали еще низшій классъ; въ Ганноверѣ 243 дѣт.—три низшихъ класса; въ Штольпе—12,12%; въ Альтенбургѣ—до 33%; въ Галле — 40% дѣтей (въ домашней индустріи даже 56%) еще не достигли 10 лѣтъ.

съ вырѣзанными въ ней буквами или нужными заказчику словами,—положенной надъ полотномъ или бумагой, или же пришиваютъ пуговицы, склеиваютъ коробки и бумажные мѣшечки, изготовляютъ искусственные цвѣты и перья, украшенія для елокъ, наряды для куколъ, разныя мелочи ко времени карнавала и сезона баловъ и т. п. А въ округѣ C. Zehdenik было зарегистровано 96, и въ Alt-Landsberg'ѣ—120 дѣтей, выдѣлывавшихъ на-ряду со взрослыми кирпичи. Во франкфуртскомъ (н. О.) округѣ одинъ мальчикъ топилъ изо дня въ день, въ будни и въ праздникъ, въ продолженіе 12 часовъ печь для обжиганія кирпичей.

Фабричный инспекторъ въ Лигницѣ доносилъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, что въ Бунцлау работаетъ въ мѣстныхъ типографіяхъ и печатняхъ 69 дѣтей моложе 9-ти лѣтъ. Фабричный инспекторъ въ Мюльгаузенѣ жаловался, что въ его округѣ сажаютъ дѣтей даже за катушки льна, что̀ отражается на ихъ здоровьѣ самымъ вреднымъ образомъ. Въ Изерлонѣ,—сказано было въ отчетѣ мѣстнаго фабричнаго инспектора,—работаютъ на фабрикахъ надъ очисткой и шлифовкой иглъ не менѣе 646 дѣтей. Въ Аренсбергѣ не даютъ дѣтямъ времени на отдыхъ, вслѣдствіе чего имъ приходится готовить свои школьные уроки въ мастерскихъ, не отрываясь отъ работы. Между тѣмъ,—добавляетъ въ своемъ отчетѣ мѣстный фабричный инспекторъ,—родители многихъ изъ этихъ маленькихъ тружениковъ совершенно не нуждаются въ грошовомъ заработкѣ своихъ дѣтей, такъ какъ въ данномъ округѣ процвѣтаетъ фабричное производство лентъ. Въ дюссельдорфскомъ округѣ число школьниковъ, занимающихся промысловымъ трудомъ, возросло, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 48,18%, причемъ въ 50 случаяхъ констатировано было тамъ нарушеніе закона, устанавливающаго время и продолжительность дѣтскаго труда. Въ одномъ случаѣ, мальчикъ моложе 14 лѣтъ работалъ даже отъ семи часовъ утра до пяти съ половиной часовъ утра слѣдующаго дня, съ самыми лишь незначительными перерывами. Въ Крефельдѣ дѣти, работающія на фабрикахъ шолковыхъ матерій, получаютъ, за 30 и больше часовъ труда въ недѣлю, отъ 55 пфенниговъ до одной марки 40 пфенниговъ, что̀ составляетъ за часъ отъ двухъ до пяти пфенниговъ. Въ Барменѣ дѣтей сажаютъ за катушки льна не только утромъ до начала школьныхъ занятій, но и между утренними и послѣобѣденными занятіями, равно какъ и вечеромъ.

Всѣ эти данныя заимствованы изъ оффиціально опубликованныхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. При этомъ надо принять

во вниманіе, что число зарегистрованныхъ въ томъ или другомъ мѣстѣ маленькихъ тружениковъ далеко подчасъ не соотвѣтствуетъ истинному количеству ихъ. Такъ, напр., въ упомянутомъ Аренсбергѣ зарегистровано было во всемъ округѣ только 12-ть дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, въ то время какъ власти одного лишь города въ данномъ округѣ выдали въ теченіе года дѣтямъ 377 рабочихъ книжекъ. Очевидно, громадное большинство дѣтей въ Аренсбергѣ работаетъ въ тѣхъ мастерскихъ, на которыя упомянутый законъ 1891 года не распространяется. Вотъ, напр., у одного слесаря въ Минденѣ работалъ тринадцатилѣтній мальчикъ въ теченіе 10 часовъ ежедневно, а фабричный инспекторъ не имѣлъ права вмѣшаться, такъ какъ слесарная мастерская есть „Werkstätte“, а не „Fabrik“, о которой говорится въ законѣ. Другой фабричный инспекторъ нашелъ въ одной большой мастерской дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, но не имѣлъ права потребовать удаленія ихъ, такъ какъ въ этой мастерской работали моторами, а потому она не могла быть причислена къ фабрикамъ.

И такихъ примѣровъ донесенія фабричными инспекторами изъ года въ годъ министерству о томъ, что значительное число школьниковъ, а равно и дѣтей старше 13 лѣтъ, обременены промысловымъ трудомъ, но работаютъ дома или въ мастерскихъ, такъ что они, фабричные инспектора, не имѣютъ права положить извѣстный предѣлъ этому обремененію дѣтей работой,—можно привести очень и очень много. Съ одной стороны, въ Германіи, какъ и всюду, на-ряду съ фабричною промышленностью существуетъ и широко развитая домашняя индустрія, которая, будучи постепенно вытѣсняема фабричнымъ производствомъ, стремится, конечно, продолжить свое существованіе хотя бы искусственнымъ путемъ, и пользуется для этого наиболѣе дешевыми рабочими руками, т.-е. дѣтскими. Съ другой стороны, многіе фабриканты во всѣхъ частяхъ Германіи прибѣгаютъ, въ видахъ болѣе успѣшной конкурренціи съ домашней индустріей, къ слѣдующей уловкѣ: они не принимаютъ дѣтей на свои фабрики, но поручаютъ имъ исполнять на дому такія работы, которыя не требуютъ обязательнаго употребленія машинъ. Съ послѣдствіями этой конкурренціи мы лучше всего знакомимся также изъ донесеній фабричныхъ инспекторовъ.

Одинъ фабричный инспекторъ пишетъ: „Пока только мѣстныя большія фабрики изготовляли стеклянные инструменты, цѣны на нихъ и вознагражденіе рабочихъ были соотвѣтствующе велики. Съ тѣхъ поръ какъ тѣ же предметы стали изготовляться жен-

щинами и дѣтьми въ домашнихъ мастерскихъ, цѣны значительно понизились"... Изъ Саксенъ-Мейнингена пишутъ, что такъ какъ закономъ не урегулированъ срокъ работы женщинъ и дѣтей на дому, то домашняя индустрія является крупнымъ конкуррентомъ фабричной промышленности. Дѣти работаютъ на фабрикахъ лишь 6 часовъ въ день, но еще столько же часовъ и больше они работаютъ на дому. Мюльгаузенскій фабричный инспекторъ жалуется на то, что дѣти все больше и больше обременены работой для фабрикъ на дому. Изъ Миндена пишутъ: „Фабрики значительно пустуютъ, а въ домашнихъ мастерскихъ работаютъ женщины и дѣти при ужасной обстановкѣ". Изъ Аренсберга: „Фабричный трудъ дѣтей въ домашнихъ мастерскихъ принимаетъ значительные размѣры".

Вѣтряныя мельницы, напр., также не подлежатъ надзору фабричной инспекціи, и поэтому въ одной деревнѣ близъ Крефельда работали, согласно донесенію мѣстнаго фабричнаго инспектора, вполнѣ безпрепятственно 98 школьниковъ, получавшихъ по 8—10 пфенниговъ въ день. Въ Ахенѣ учителя жаловались единогласно на то, что дѣти, работающія на дому для фабрикъ, не готовятъ уроковъ, невнимательны во время занятій и имѣютъ всегда утомленный и унылый видъ. Поэтому ахенская школьная администрація рѣшила сократить каждый часъ занятій на 10 минутъ, чтобы дать дѣтямъ возможность подышать чистымъ воздухомъ и порѣзвиться, и ввела также обязательныя игры и прогулки. Въ Саксенъ-Альтенбургѣ фабричные инспектора засвидѣтельствовали, что нѣкоторые родители эксплоатируютъ даже своихъ шестилѣтнихъ дѣтей. Значительное число школьниковъ работаетъ въ будни по 6 часовъ въ день, а по праздничнымъ днямъ—по 11 часовъ, за что они получаютъ отъ 50 пфенниговъ до 1 марки въ недѣлю. Въ Штольбергѣ фабричный инспекторъ нашелъ около тысячи дѣтей, помогающихъ родителямъ въ ихъ мастерскихъ и нанимаемыхъ для работы другими мастерами; среди этихъ дѣтей были и такія, которымъ только-что исполнилось 6 лѣтъ. Лангенгелау, величайшій центръ ткацкой промышленности въ Силезскихъ горахъ, даетъ самаго печальнаго свойства матеріалъ къ вопросу о дѣтскомъ трудѣ. Здѣсь, изъ 2.104 зарегистрованныхъ дѣтей (отвѣты были присланы только двумя третями опрошенныхъ школъ), занимались промысловымъ трудомъ 1.130 дѣтей, т.-е. 53%. Въ отдѣльныхъ школахъ число такихъ дѣтей колебалось между 63 и 51%, достигая въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ 88 и даже 90%, причемъ заработокъ дѣтей, въ среднемъ, равнялся не болѣе 65 пфеннигамъ въ недѣлю. Нѣкоторымъ изъ нихъ выдаютъ

вмѣсто денегъ одежду, ѣду и пиво. Начинаютъ они работать, по большей части, въ часъ пополудни, но все-же насчитано было среди мѣстныхъ школьниковъ сто, начинавшихъ свою работу въ $5^{1}/_{2}$ или 6 час. утра, и 44, начинавшихъ ее въ 5 час. утра; а для одного школьника трудовой день начинался уже въ 4 часа утра. Другимъ школьникамъ, которые начинаютъ свою работу въ послѣобѣденное время, приходится очень часто работать до поздней ночи. Такъ, на вопросныхъ листкахъ значилось не разъ: „позже 10 час. вечера", или: „до $2^{1}/_{2}$ час. ночи". Замѣтимъ еще, что далеко не всѣ школьники пользовались въ томъ году, когда была произведена мѣстная перепись, воскреснымъ отдыхомъ: 78 дѣтей вынуждены были работать и по воскресеньямъ. 329 школьниковъ работали въ Лангенгелау отъ 37 до 40 часовъ еженедѣльно, 76—отъ 40 до 50 часовъ, и 18—отъ 50 до 60 часовъ. Переписью установлено было также, что въ 637 случаяхъ причиной подобной эксплоатаціи дѣтскаго труда была безъисходная нужда родителей, въ то время какъ 72 семейства могли бы сносно просуществовать и безъ грошей, получаемыхъ ихъ малолѣтними дѣтьми за свой трудъ.

Мы привели достаточно примѣровъ, чтобы установить, что значительное число нѣмецкихъ школьниковъ, если ихъ и не отдаютъ преждевременно на фабрики и заводы, работаютъ на дому или въ мастерскихъ, гдѣ трудъ ихъ не подверженъ контролю фабричной инспекціи, а потому и длится дольше, и обставленъ болѣе дурно. Но приведемъ еще нѣсколько наиболѣе яркихъ цифръ изъ статистическаго матеріала, опубликованнаго въ названной выше брошюрѣ Конрада Агада. Изъ 3.627 опрошенныхъ имъ въ Риксдорфѣ дѣтей, занимались регулярно промысловымъ трудомъ 600 чел. Оффиціальная статистика показываетъ для берлинскихъ предмѣстій тотъ же процентъ: изъ 11.440 опрошенныхъ дѣтей, работали 1.013; изъ нихъ свыше 4 час. ежедневно—898 чел., до 6 час. утра—283 чел., позже 9 час. вечера—205 чел., также и по воскреснымъ днямъ—642 чел. Въ болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ Берлина процентъ маленькихъ тружениковъ нѣсколько понижается: тамъ изъ зарегистрованныхъ 20.000 школьниковъ работали только 1.394 человѣкъ. Въ г. Альтенбургѣ замѣчено было особенно учащенное привлеченіе къ регулярному промысловому труду мѣстныхъ школьницъ: такъ, напримѣръ, изъ 520 ученицъ одной изъ мѣстныхъ общинныхъ школъ работали, очень часто до 9 часовъ въ день, 232 школьницы (44,61%), причемъ вознагражденіе, получаемое ими, во многихъ случаяхъ не превышало 20 пфенниговъ

въ недѣлю, хотя достигало иногда и 4 марокъ въ недѣлю. 32,64% всѣхъ школьницъ и 34,54% всѣхъ школьниковъ работали внѣ дома. Въ Бранденбургѣ, въ этомъ старомъ городѣ, по имени котораго носитъ свое названіе провинція, къ которой принадлежитъ и Берлинъ, число малолѣтнихъ тружениковъ далеко не достигаетъ того высокаго процента, какъ въ Альтенбургѣ, и объясняется это, конечно, тѣмъ, что Бранденбургъ не является болѣе или менѣе крупнымъ промышленнымъ центромъ. Здѣсь въ 5 общинныхъ школахъ зарегистровано было 1.770 школьниковъ (мальчиковъ); изъ нихъ промысловымъ трудомъ занимались только 215, или $12^1/_7$%. Въ Брауншвейгѣ опрошено было 7.504 школьника обоего пола. Промысловымъ трудомъ занимались, въ общемъ, 24% всего числа дѣтей: въ низшемъ классѣ 0,8% мальчиковъ и 3% дѣвочекъ, и въ высшемъ классѣ—45% мальчиковъ и 53% дѣвочекъ. До начала школьныхъ занятій ходили на работу 35%, а послѣ окончанія классныхъ занятій вынуждены были работать 88%; изъ нихъ, до 10 часовъ вечера—27%, и позже 10 час. вечера—7%. 44% маленькихъ тружениковъ работали шесть дней въ недѣлю, а 39%—даже семь дней въ недѣлю, причемъ 41% дѣтей работали свыше 20 часовъ въ недѣлю. Одинъ мальчикъ восьми лѣтъ шилъ 30 ч. въ недѣлю джутовые мѣшки; одна дѣвочка тринадцати лѣтъ работала не менѣе 11—13 часовъ въ сутки. Двое дѣтей девяти лѣтъ продавали ежедневно цвѣты на улицахъ до 2 час. ночи; и если эти дѣти проводили долгіе часы на вольномъ воздухѣ, то другая дѣвочка девяти лѣтъ плела дома стулья до 2 час. ночи. Дѣти, которымъ поручено разносить хлѣбцы и газеты, выходятъ на работу уже въ 4 или 5 час. утра. При этомъ замѣтимъ, что 82% всѣхъ маленькихъ тружениковъ имѣютъ родителей, и только 18%—сироты или полусироты. Въ большомъ городѣ Галле было опрошено въ нѣсколькихъ школахъ одного участка 1.819 мальчиковъ и 1.928 дѣвочекъ; изъ нихъ, работали 405 мальчиковъ (22,27%) и 684 дѣвочекъ (18,25%). Меньшинство дѣтей (12,28%) занято было сельско-хозяйственнымъ трудомъ; 17,69% дѣлали цвѣты, цѣпи и другія мелочи изъ бумаги, причемъ на долю дѣвочекъ выпадало также вышиваніе и вязаніе. Большинство дѣтей (до 75%) служило на побѣгушкахъ, разносило хлѣбцы и газеты, прислуживало на дому, берегло крохотныхъ дѣтей и т. под. 64-ти школьникамъ приходилось ежедневно заниматься въ опредѣленные часы двумя или тремя родами труда. Восемь дѣтей работали 45—50 часовъ въ недѣлю, 5—даже отъ 50 до 60 час. въ недѣлю. Одному мальчику приходилось ежедневно разносить

хлѣбъ въ теченіе долгихъ 8—9 часовъ. Одна девятилѣтняя дѣвочка наклеивала этикеты 36 часовъ въ недѣлю; другая—вязала 35 часовъ въ недѣлю, принимаясь за работу уже за два часа до начала школьныхъ занятій; пятеро дѣтей дѣлали цвѣты изъ бумаги 50 часовъ въ недѣлю; у 24 дѣтей время труда начиналось уже въ 5 час. утра, а у 9 дѣтей—въ $4^1/_2$ часа утра; двое дѣтей, наконецъ, выходили изъ дому въ 12 часовъ ночи или въ 3 часа утра аккуратно три раза въ недѣлю: ихъ работа состояла въ томъ, что они въ теченіе трехъ часовъ помогали ставить базарныя будки и въ тотъ же день, послѣ обѣда, должны были помогать опять-таки три часа,—какъ лѣтомъ, такъ и зимою,—при разборкѣ будокъ. Изъ всего числа дѣтей, $^2/_5$ приблизительно не достигли еще 10-лѣтняго возраста, 9% дѣтей помогали родителямъ въ ихъ ремеслѣ, 18% работали дома на чужихъ, и 70%, наконецъ, работали внѣ дома.

Въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Гамбургъ, зарегистровано было 6.208 дѣтей (4.193 мальчиковъ и 2.015 дѣвочекъ), занимавшихся промысловымъ трудомъ. Процентное отношеніе маленькихъ тружениковъ ко всему числу школьниковъ было, конечно, въ различныхъ кварталахъ иное и колебалось между 6,24%—12,90% въ среднемъ. Изслѣдованіе, сдѣланное въ городѣ Ганау, показало, что на 2.716 школьниковъ приходится только 107 маленькихъ тружениковъ. Результатъ этотъ, конечно, въ сравненіи съ результатами въ другихъ городахъ—весьма отрадный. Въ Ганноверѣ на 9.235 школьниковъ приходилось 1.094 (12%) маленькихъ тружениковъ, и на 8.566 дѣвочекъ—526 (6 %) школьницъ, вынужденныхъ заниматься промысловымъ трудомъ. Изъ мальчиковъ работали 6 разъ въ недѣлю 366, и 7 разъ въ недѣлю—304; изъ дѣвочекъ—6 разъ 169, и 7 разъ—246. Изъ мальчиковъ работали до 7 часовъ утра, т.-е. до начала школьныхъ занятій,—11 %; до 8 или 9 часовъ вечера—73 %; до 10 час. вечера—5 %, и до 11 час. вечера—11 %; изъ дѣвочекъ: до начала занятій въ школѣ—11 %; до 8 или 9 часовъ вечера—87 %, и до поздней ночи—2 %. Высчитано было также, что въ среднемъ мальчики заработываютъ въ Ганноверѣ до 62 марокъ въ годъ, а дѣвочки—до 36 марокъ въ годъ. Наиболѣе высокое жалованье, а именно 30 марокъ въ мѣсяцъ, получалъ мальчикъ, прислуживавшій изо дня въ день безъ перерыва на кегельбанѣ. Нѣкоторыя дѣти получали вмѣсто денегъ за свой трудъ пищу, платье или даже подарки. До чего точно сдѣлано было въ Ганноверѣ изслѣдованіе, показываетъ то обстоятельство, что произведенъ былъ даже подсчетъ хорошо успѣвающихъ и

неуспѣвающихъ школьниковъ изъ числа тѣхъ, кто занимается промысловымъ трудомъ. Результатъ получился печальный: успѣхи въ школѣ половины числа маленькихъ тружениковъ оказались ниже нормальныхъ; домашнія работы были всегда приготовлены большинствомъ ихъ неудовлетворительно, какъ и въ классѣ они давали большой процентъ лѣнивыхъ и невнимательныхъ. Значительное число дѣтей оказались слабыми или больными; 126 мальчиковъ и 116 дѣвочекъ найдены были настолько слабыми, что промысловый трудъ долженъ былъ бы быть имъ совершенно воспрещенъ.

Въ нравственномъ отношеніи, по мнѣнію народныхъ учителей, наиболѣе вредно отражается промысловый трудъ на тѣхъ дѣтяхъ, которыя прислуживаютъ на кегельбанахъ до 10, 11 или даже 12 часовъ ночи. Въ Лейпцигѣ въ одной только школѣ зарегистровано было, кромѣ 71 школьника, разносившихъ хлѣбцы, 54 маленькихъ сторожей, 45 мальчиковъ на побѣгушкахъ и 13 прислуживавшихъ на кегельбанахъ, также и 8 дѣтей, находившихъ себѣ работу въ театрѣ, и 7 дѣтей, служившихъ на почтѣ. Въ Познани опрошено было въ такъ-называемой „Bürgerschule“ 728 мальчиковъ и 387 дѣвочекъ; изъ нихъ работали $5^1/_2\,\%$ мальчиковъ и 3,1% дѣвочекъ. Но надо замѣтить, что школа эта платная, и, конечно, поступаютъ въ нее дѣти только болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей; интересно, что 20 дѣтей, однако, сами заработывали ту плату, которую вносили ихъ родители за право обученія ихъ. Изслѣдованіе, сдѣланное въ трехъ мѣстныхъ общинныхъ школахъ, дало, конечно, гораздо болѣе печальные результаты. Изъ 657 мальчиковъ одной школы работали 26% и изъ 566 дѣвочекъ той же школы занимались промысловымъ трудомъ 13,75 %; изъ 667 мальчиковъ другой школы работали 29 %, и изъ 804 дѣв. той же школы—16 %. Замѣтимъ, что первая изъ этихъ школъ лежитъ на окраинѣ, а вторая—въ центрѣ города. Можно было бы подумать, что въ центральной части города, гдѣ живетъ гораздо больше зажиточныхъ лицъ, нежели на окраинѣ, процентъ малолѣтнихъ тружениковъ долженъ быть ниже, но, какъ оказывается, онъ, наоборотъ, еще болѣе высокъ. Объясняется это тѣмъ, что дѣтямъ, живущимъ въ центральной части города, гораздо легче найти себѣ работу у зажиточныхъ горожанъ, нежели дѣтямъ, родители которыхъ живутъ на окраинѣ.

Изъ всего числа зарегистрованныхъ въ Познани школьниковъ работали 27,5 % мальчиковъ и 14,4 % дѣвочекъ, причемъ внѣ дома работали 68 % маленькихъ тружениковъ, дома для чужихъ работо-

дателей 10% и помогали родителямъ 22%. Въ 24,5% всѣхъ случаевъ найдено было, что родители могли бы сносно просуществовать, и не заставляя своихъ дѣтей заниматься промысловымъ трудомъ. Въ Шмелльнѣ (Тюрингенъ) ректоръ одной изъ народныхъ школъ подсчиталъ, что изъ 880 школьниковъ заняты регулярно тѣмъ или инымъ родомъ промысловаго труда 336 чел. (почти 38%), а изъ 800 школьницъ—350 чел. (почти 43.75%). Громадное большинство мальчиковъ и дѣвочекъ занято пришиваніемъ пуговицъ. Мальчики, кромѣ того, еще работаютъ на табачной плантаціи, разносятъ газеты и хлѣбцы, служатъ при кегельбанахъ и на побѣгушкахъ, дѣлаютъ щетки и приколачиваютъ подметки, шьютъ войлочныя туфли, вяжутъ и т. д. Изъ мальчиковъ работаютъ внѣ дома 34,2%, а изъ дѣвочекъ—45%. Число часовъ работы въ день колеблется между 2 и 8, причемъ для нѣкоторыхъ дѣтей рабочій день начинается уже за часъ или два до того времени, когда нужно отправляться въ школу. 57 изъ зарегистрованныхъ дѣтей работаютъ до 8 часовъ вечера, 11—до 9 час. вечера и 4—до 10 час. вечера, если только усердіе любителей игры въ кегли не заставляетъ ихъ оставаться на кегельбанѣ до 12 часовъ ночи. Одна дѣвочка, въ видѣ исключенія, работала обыкновенно отъ 5 час. утра до 9 час. вечера (кромѣ часовъ школьныхъ занятій) и никогда не готовила уроковъ. Опаснѣе всего въ гигіеническомъ отношеніи пришиваніе пуговицъ, а между тѣмъ за эту работу дѣти получаютъ только отъ 2 до 7 пфенниговъ въ часъ. Лучше оплачивается служба на кегельбанѣ или помощь на дому (такъ-назыв. „Aufwartung“): дѣти получаютъ отъ 1,5 до 2 марокъ въ недѣлю, работая не такъ много и не будучи такъ прикованными къ мѣсту, какъ дѣти, пришивающія пуговицы. Въ Штольпе (Померанія) встрѣчаемся мы еще съ однимъ родомъ дѣтскаго труда: 26 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ занимаются тамъ подметаніемъ улицъ. Въ Штеттинѣ констатировано было, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одной изъ мѣстныхъ школъ, что работаютъ тамъ 9,46% всего числа школьниковъ, но въ послѣднее время, по частнымъ свѣдѣніямъ Агада, количество это нѣсколько увеличилось. Въ городѣ Гера опрошены были воспитанники трехъ мѣстныхъ школъ: въ первой приходилось на 1.558 человѣкъ 223 (14,31%) маленькихъ тружениковъ, во второй на 1.191 человѣкъ—152 (12,76%) и въ третьей, наконецъ, на 1.349 человѣкъ—только 94 (7,04%).

Въ Мюльгаузенѣ, наконецъ, въ одной изъ мѣстныхъ школъ на 1.500 дѣтей приходилось 448 малолѣтнихъ работниковъ (т.-е. 29%), и изъ нихъ въ домашней индустріи работали

240 человѣкъ. До 8 часовъ вечера работали 24 человѣка, позже 10 часовъ вечера—13 человѣкъ (на кегельбанахъ), до 12 час. ночи и позже—3 человѣка. Одинъ школьникъ исполнялъ три раза въ недѣлю до поздней ночи обязанности кельнера, а одна дѣвочка, пришивавшая ежедневно отъ 4 до 7 часовъ пополудни пуговицы, получала за свой трудъ только 20 пфенниговъ въ недѣлю... 373 чел. изъ названныхъ 448 жили при родителяхъ, а что послѣдніе далеко не всегда нуждались въ поддержкѣ своихъ дѣтей, показываетъ то обстоятельство, что 28 % дѣтей сберегали свои заработки [1]).

II.

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ условія, въ которыя поставленъ въ Германіи дѣтскій трудъ въ области сельскаго хозяйства. И здѣсь мы замѣчаемъ, въ общемъ, рядъ гигіеническихъ опасностей для дѣтей, вынужденныхъ заниматься промысловымъ трудомъ; равно и нравственность ихъ въ очень многихъ случаяхъ сильно страдаетъ, благодаря тѣмъ условіямъ, въ какія поставленъ трудъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ вообще. Отчасти судьба маленькихъ тружениковъ въ этой области смягчается тѣмъ, что они поставлены въ условія болѣе или менѣе урегулированной семейной жизни и лучше питаются, да и не вынуждены проводить цѣлые дни въ тѣсныхъ и удушливыхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ. Но, съ другой стороны, и здѣсь эксплоатація дѣтскаго труда переходитъ очень часто границы дозволительнаго, и здѣсь на каждомъ шагу приходится быть свидѣтелемъ такихъ порядковъ, которые заставляютъ невольно подумать о путяхъ и средствахъ для уничтоженія ихъ. Но тутъ рѣшеніе вопроса еще труднѣе, нежели въ большихъ городахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ.

Прежде всего приходится считаться съ постановкой школьнаго дѣла въ деревняхъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ имѣются такъ называемыя „лѣтнія школки", занятія прекращаются въ 8½ час. утра, что̀ является на руку крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, которые очень часто обязываютъ своихъ рабочихъ контрактомъ приводить съ собою всѣхъ своихъ дѣтей старше 11 лѣтъ. Родителямъ приходится выполнять какъ это условіе контракта, такъ и требованіе государства о посѣ-

[1]) Средній выводъ изъ сообщенныхъ цифръ: въ большихъ городахъ работаютъ 14% всего числа школьниковъ—и 8% школьницъ.

щеніи всѣми безъ исключенія дѣтьми элементарной школы. Страдаютъ изъ-за этого, конечно, только дѣти: раннимъ утромъ, весьма часто даже на зарѣ, они уже на работѣ; затѣмъ они отправляются въ школу, иногда очень далеко отъ мѣста работы, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если они въ классѣ совершенно невнимательны; спустя два часа, они должны пройти тотъ же длинный путь обратно, чтобы работать затѣмъ въ теченіе цѣлаго дня. Къ тому же сельскимъ хозяевамъ очень часто удается добиться освобожденія бо̀льшаго или ме́ньшаго числа школьниковъ на болѣе или менѣе короткое время отъ занятій или даже продленія обычныхъ каникулъ, съ тѣмъ, чтобы, конечно, имѣть возможность еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ эксплоатировать дѣтскій трудъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, тамъ, гдѣ упомянутая выше лѣтняя школка не введена, дѣти работаютъ обыкновенно уже отъ $6^1/_2$ до 7 час. утра, затѣмъ отъ 12 до $12^1/_2$ и, по окончаніи занятій въ школѣ, отъ $4^1/_2$ до 9 час. вечера, а по средамъ и субботамъ, когда послѣобѣденныхъ занятій въ школѣ нѣтъ—все время отъ полудня до вечера. Дѣти, конечно, переутомляются и въ громадномъ большинствѣ случаевъ не оказываютъ въ школѣ никакихъ успѣховъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если окружной инспекторъ, пріѣзжающій къ началу зимы ревизовать школы, остается сплошь и рядомъ недоволенъ достигнутыми результатами. Да и могутъ ли быть достигнуты хорошіе результаты, если въ Помераніи, напр.,—гдѣ народные учителя собрали наиболѣе полный матеріалъ относительно сельско-хозяйственнаго труда школьниковъ,—въ одной школѣ съ 31 учен. всѣ безъ исключенія дѣти работали на табачныхъ плантаціяхъ; въ другой школѣ, съ 294 учен., работали 210 на картофельныхъ и хлѣбныхъ поляхъ; въ третьей школѣ, съ 56 учен., всѣ, за однимъ исключеніемъ, нанимались пасти стада; въ четвертой школѣ, съ 80 учен., работали по садоводству и добыванію торфа 66 чел. и т. д. Вообще, въ Помераніи зарегистровано было 3.514 дѣтей, занимавшихся сельско-хозяйственнымъ промысловымъ трудомъ; изъ нихъ, пасли стада—757 ч., работали на торфяныхъ болотахъ—137, работали исключительно на картофельныхъ поляхъ—1.790, пасли стада и кромѣ того работали на картоф. поляхъ—401, вытаскивали бураки—185, помогали убирать урожай и сѣно—233, молотили—70, работали въ лѣсу—50, на табачныхъ плантаціяхъ находили себѣ работу—40; пятьдесятъ-шесть занимались тѣми родами промысловаго труда, которые принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ „городскихъ", но встрѣчаются и въ деревняхъ, и, наконецъ, 40 школь-

никовъ являлись, такъ сказать, спеціалистами по части устройства облавъ на дичь во время господской охоты, несмотря на строжайшій запретъ прусскаго правительства нанимать дѣтей на подобнаго рода работу. Изъ числа зарегистрованныхъ въ Помераніи маленькихъ тружениковъ насчитано было 209 шестилѣтнихъ, 360 семилѣтнихъ, 1.883 восьмилѣтнихъ и 933 девятилѣтнихъ школьниковъ, и что же удивительнаго, если на 1.614 вполнѣ здоровыхъ школьниковъ приходилось тамъ 1.382 больныхъ и слабыхъ дѣтей? Заработокъ ихъ колебался, смотря по роду занятій, отъ 15 пфенниговъ до 1 марки 10 пфенн. въ день.

Въ Восточной Пруссіи такого подробнаго изслѣдованія, какъ въ Помераніи, сдѣлано не было. Тамъ удалось лишь констатировать, что изъ 588 школьниковъ, посѣщавшихъ 6 школъ одного округа, занимались сельско-хозяйственнымъ трудомъ 22%, и тамъ же, кромѣ знакомыхъ уже намъ разнообразныхъ родовъ сельскохозяйственнаго труда дѣтей, мы встрѣчаемся еще съ собираніемъ грибовъ и ягодъ и съ промысловымъ нищенствомъ.

Условія сельско-хозяйственнаго труда являются, конечно, причиной, почему весною и осенью сельскіе школьники сплошь и рядомъ заняты помощью при посѣвахъ или работой на картофельныхъ поляхъ, причемъ послѣдняго рода трудъ далеко не легкій, если онъ длится изо дня въ день, съ утра до вечера. Лѣтомъ сельскія школы также на половину пустуютъ: дѣти помогаютъ своимъ родителямъ или нанимаются къ сельскимъ хозяевамъ пасти стада. А надо замѣтить, что наиболѣе тяжело отражается сельско-хозяйственный трудъ именно на тѣхъ дѣтяхъ, которымъ поручаютъ стеречь стада. У этихъ дѣтей развиваются лѣность, грубость, чувственность и страсть мучить животныхъ. Здоровье ихъ подвергается постоянной опасности, благодаря несвоевременному питанію и благодаря тому, что они и въ зной, и во время дождя—всегда подъ открытымъ небомъ. Наблюденія надъ образомъ жизни маленькихъ пастуховъ сдѣланы были народными учителями въ Помераніи, Бранденбургѣ, Познани и другихъ провинціяхъ, причемъ матеріалъ, собранный ими, былъ отчасти опубликованъ тѣмъ же Конрадомъ Агадомъ. Въ одной нормальной школѣ близъ Бромберга,—разсказываетъ онъ,—двадцать-пять школьниковъ изъ 49 были снабжены пастушескими свидѣтельствами. Изъ числа этихъ 25-ти, 21 школьникъ вынуждены не посѣщать школу по три раза въ недѣлю, а четверо по одному разу въ недѣлю, несмотря на то, что въ этой школѣ учебныя занятія начинаются очень рано и длятся недолго. Всѣмъ этимъ пастухамъ—отъ шести до тринадцати лѣтъ, при-

чемъ 18 изъ нихъ—дѣти мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ, которые обладаютъ каждый 100—400 моргами земли,—и посылаютъ все-же своихъ дѣтей на работу. Старшій сынъ одного крестьянина не посѣщаетъ школы лѣтомъ три раза въ недѣлю, а второй сынъ—также три раза въ недѣлю, только въ другіе дни; зимою же, когда дороги засыпаны снѣгомъ, они уже оба вмѣстѣ не являются въ школу. А народный учитель не пользуется такого рода властью, чтобы заставлять крестьянъ аккуратно изо дня въ день посылать своихъ дѣтей въ школу.

Вотъ какъ Конрадъ Агадъ описываетъ времяпрепровожденіе маленькаго пастуха. Въ половинѣ девятаго утра онъ уже является изъ школы въ домъ крестьянина, чье стадо онъ нанимается стеречь. Весело пощелкиваетъ онъ бичомъ, не обращая вниманія на солнечные лучи, палящіе его обнаженную головку. Прибывъ на мѣсто, онъ располагается не подъ тѣнью деревьевъ, гдѣ ему не совѣтовали ложиться, такъ какъ онъ можетъ схватить простуду отъ сырой земли, но опять-таки подъ палящими лучами солнца. Онъ развлекается наблюденіями за коровой, которая, вотъ-вотъ, должна отелиться, за поведеніемъ быка и т. п.; затѣмъ онъ натравливаетъ собаку на забредшую въ сторону корову и, если собака не повинуется, вытягиваетъ ее нѣсколько разъ бичомъ, и чѣмъ болѣе собака визжитъ, тѣмъ болѣе жестоко хлещетъ онъ ее по бокамъ. Вотъ попалась ему лягушка. Маленькій пастухъ отъ нечего-дѣлать прокалываетъ соломинкой лягушкѣ верхнюю кожицу и старается надуть ее, словно пузырь. Когда это развлеченіе ему надоѣдаетъ, онъ отправляется смотрѣть, не попалось ли что̀ въ разставленные имъ наканунѣ силки; дохлыхъ птичекъ онъ потрошитъ, а живымъ отрываетъ крылья и любуется ихъ безпомощностью. А такъ какъ ему сегодня удалось нарвать тайкомъ волосъ изъ хвоста лошади, то онъ ставитъ новые силки. Вниманіе его отвлекается коровой, забредшей на чужой лугъ, и маленькій пастухъ съ наслажденіемъ хлещетъ и корову, и свою невнимательную собаку. Одинъ народный учитель, сынъ крестьянина, разсказывалъ Агаду, что когда онъ, будучи еще мальчишкой, служилъ въ пастухахъ, онъ вмѣстѣ со своими товарищами находилъ особое развлеченіе въ спариваніи барана съ овцами. Не разъ маленькихъ пастуховъ застигали въ тотъ моментъ, когда они пытались подражать дѣйствіямъ барана и овцы. Самое обычное развлеченіе для маленькаго пастуха—поджечь сухой кустъ или развести небольшой костеръ, чтобы сварить себѣ яйца, стянутыя имъ утромъ у крестьянки, чье стадо онъ стережетъ. Конечно, о приготовленіи уроковъ и

рѣчи нѣтъ; захваченная книжка лежитъ нетронутой въ ранцѣ, если только не привлекаетъ вниманіе пастуха какая-либо глава изъ библіи, пропущенная наканунѣ учителемъ...

Выразить опасность, которой подвергается нравственность маленькихъ пастуховъ въ видѣ статистическихъ данныхъ, конечно, невозможно. Агаду удалось установить, что изъ 3.275 зарегистрованныхъ въ Помераніи школьниковъ—2.310 подвергаются постоянной опасности въ нравственномъ отношеніи, и только 653 школьника, занимающихся сельско-хозяйственнымъ трудомъ, были поставлены въ сколько-нибудь сносныя условія; въ 312 случаяхъ народные учителя, производившіе изслѣдованіе, не имѣли возможности дать опредѣленный—положительный или отрицательный отвѣтъ. Агаду писали изъ Помераніи, что очень часто мальчики и дѣвочки отправляются стеречь стада вмѣстѣ, и не разъ уже застигали дѣвочекъ на лугу совершенно обнаженными; возвращаясь съ черной работы на поляхъ, школьники и школьницы очень часто купаются всѣ вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ озерѣ. Очень часто учителямъ приходится констатировать, что та или другая школьница была на полѣ во время работы или на лугу во время пастьбы изнасилована—и не только взрослыми, но и ея ровесниками. Въ высшей степени часто дѣти являются свидѣтелями разврата, господствующаго между взрослыми рабочими, такъ что померанскіе народные учителя въ 1.389 случаяхъ указывали на необходимость полнаго раздѣленія половъ при полевыхъ работахъ. Бранденбургскіе коллеги писали Агаду, что школьники на поляхъ являются сплошь и рядомъ свидѣтелями разврата и выслушиваютъ по неволѣ безобразную руготню, циничные разсказы и т. п. Одинъ учитель писалъ Агаду дословно: „Вы не повѣрите, съ какимъ особаго рода наслажденіемъ взрослые рабочіе разсказываютъ другъ другу въ присутствіи дѣтей разнаго рода безнравственныя подробности"; а въ концѣ письма другого народнаго учителя было сказано: „На основаніи всего этого я прихожу къ заключенію, что пастьба является для дѣтей преддверіемъ ада". Не лучше обстоитъ, конечно, дѣло въ тѣхъ двухъ восточныхъ прусскихъ провинціяхъ, гдѣ чуть-ли не совершенно безконтрольно властвуютъ прусскіе „юнкера" (землевладѣльцы), и гдѣ эксплоатація мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ доведена до геркулесовыхъ столбовъ. Въ самый разгаръ борьбы „юнкеровъ", вмѣстѣ съ клерикалами, за проведеніе столь излюбленнаго ими законопроекта о насажденіи нравственности въ народѣ (Lex Heinze) опубликованы были однимъ врачомъ свѣдѣнія о жилыхъ помѣщеніяхъ, отведенныхъ круп-

ными землевладѣльцами по ту сторону Эльбы пришлымъ рабочимъ. Оказалось, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ мужчины, женщины и дѣти спятъ всѣ вмѣстѣ въ повалку въ одномъ помѣщеніи. Надо замѣтить, что нигдѣ въ нѣмецкихъ деревняхъ школьное дѣло не поставлено въ столь дурныя условія, какъ именно въ восточно-прусскихъ провинціяхъ. Крестьяне тамъ стараются по возможности болѣе эксплоатировать силы и время своихъ малолѣтнихъ и подростающихъ дѣтей. „Юнкера“ же, являющіеся въ значительномъ числѣ случаевъ патронами школы, относятся къ школѣ враждебно, такъ какъ знаютъ по личному опыту, что рабочій, чѣмъ онъ грамотнѣе, тѣмъ дороже и тѣмъ скорѣе стремится изъ деревни въ городъ. Конечно, враждебность эта маскируется такими доводами, какъ напр.: „полуграмотность вреднѣе безграмотности“; или: „сельскій трудъ требуетъ выносливости и физическихъ силъ, а не выносимыхъ изъ школы познаній и смѣтливости“, и т. п.

Прекрасно иллюстрировалъ отношеніе „юнкерства“ къ сельской школѣ свободомыслящій депутатъ Копшъ, во время прошлогоднихъ дебатовъ въ прусской палатѣ депутатовъ, по поводу предложеній, поставленныхъ „юнкерами“ относительно уменьшенія господствующаго недостатка въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ числѣ мѣръ, которыхъ требовали „юнкера“, значилось и сообразованіе въ возможно большей степени съ мѣстными условіями при назначеніи времени учебныхъ занятій въ сельскихъ школахъ.—„Если перевести это предложеніе на обыденный нѣмецкій языкъ,—сказалъ упомянутый депутатъ Копшъ,—оно должно гласить не иначе, какъ: освободите намъ побольше дѣтей сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ школы, дабы мы имѣли возможно болѣе дешевыя рабочія руки“! Коммиссія, разсматривавшая это предложеніе, очевидно, поняла скрытый смыслъ его, если добавила къ формулировкѣ его слова: „при полной охранѣ все-же интересовъ школьнаго дѣла“. Но та или другая формулировка въ данномъ случаѣ—звукъ пустой. Корень всего предложенія, это—желательное для „юнкерства“ сокращеніе времени школьныхъ занятій ради его, „юнкерства“, интересовъ; ибо какъ же можно одновременно и охранять интересы школьнаго дѣла, и эксплоатировать въ еще большемъ размѣрѣ дѣтей, обязанныхъ въ то же время посѣщать школу? Какъ спеціалистъ, я могу вамъ сообщить, что уже и теперь школьное дѣло поставлено въ деревняхъ въ дурныя условія. Что̀ такое такъ-называемая лѣтняя школа? Это та же элементарная школа съ сильно сокращенными въ лѣтнее время часами занятій. Тѣмъ не менѣе,

раздаются требованія, чтобы занятія въ подобныхъ школахъ начинались уже въ $5^1/_2$ часовъ утра. Значитъ, дѣтямъ придется вставать въ $4^1/_2$, — замѣтьте, тѣмъ самымъ дѣтямъ, которыя вынуждены работать затѣмъ цѣлый день. Развѣ подобное требованіе не жестоко, и какъ согласовать его, вообще, съ характеромъ и духомъ нашей народной школы? Вѣдь сельскую школу посѣщаютъ не только дѣти рабочихъ, которыхъ вы (ораторъ обращается къ сторонѣ правой) желаете эксплоатировать! Какъ предполагаете вы измѣнить время каникулъ? Каникулы вѣдь совпадаютъ, кромѣ лѣтнихъ, съ большими праздниками,—и самое большое, насколько удастся ихъ сократить, будетъ развѣ лишь три дня. Или же вы хотите эксплоатировать дѣтскій трудъ даже и въ праздничные дни, подобно тому какъ лѣтнія каникулы являются для нихъ періодомъ наиболѣе усиленной работы"?..

Далѣе, ораторъ указываетъ, что необходимо было бы путемъ опроса учителей и пасторовъ установить, сколько часовъ, вообще, въ сутки заняты школьники сельско-хозяйственнымъ трудомъ и какое вознагражденіе они получаютъ. Онъ, ораторъ, полагаетъ, что получаемые ими жалкіе гроши не возмѣщаютъ громаднаго урона въ ихъ образованіи, являющагося слѣдствіемъ эксплоатаціи слабыхъ дѣтскихъ силъ. Противъ сельско-хозяйственной работы, вообще, ораторъ ничего не имѣетъ, если только дѣти помогаютъ своимъ родителямъ, а не работаютъ на землевладѣльца. На основаніи всего сказаннаго ораторъ проситъ, въ интересахъ дѣтей и школьнаго дѣла, отклонить поставленное на очередь предложеніе.

Депутатъ Дазбахъ (клерикалъ) проситъ, наоборотъ, это предложеніе принять въ интересахъ хотя бы прирейнской провинціи, гдѣ каникулы въ сельскихъ школахъ должны быть установлены въ иное время, нежели въ другихъ провинціяхъ, сообразно съ мѣстными условіями. „Здѣсь, въ Берлинѣ,—говоритъ ораторъ,—дѣти ставятъ кегли до 3-хъ час. ночи, разносятъ газеты, продаютъ спички и т. д. Это, несомнѣнно, вредитъ здоровью дѣтей, но никакъ не является вредной въ гигіеническомъ отношеніи помощь дѣтей родителямъ въ сажаніи картофеля или вытаскиваніи бураковъ". Депутатъ Эрнстъ (свободомыслящій) находитъ, что разбираемое предложеніе консерваторовъ лишено логики. Уже и теперь школа въ восточно-прусскихъ провинціяхъ поставлена въ высшей степени дурныя условія. Каковы же будутъ результаты, если время занятій въ сельскихъ школахъ будетъ сокращено, а каникулы еще болѣе продлены? Консерваторы утверждаютъ, что введенныя въ на-

званныхъ провинціяхъ школы съ сокращеннымъ курсомъ оправдали возложенныя на нихъ надежды. Да, можетъ быть, въ томъ смыслѣ, что нигдѣ число безграмотныхъ такъ не велико, какъ именно въ тѣхъ провинціяхъ. Грѣшно по отношенію къ дѣтямъ и ихъ будущности сокращать время школьныхъ занятій ради того, чтобы „юнкера“ имѣли возможность еще болѣе эксплоатировать дешевый дѣтскій трудъ. Депутатъ Заттлеръ настаиваетъ на необходимости не только не сокращать время школьныхъ занятій, но даже продлить ихъ по образцу, введенному въ Шлезвигъ-Голштиніи. Свободомыслящій депутатъ Крейтлингъ говоритъ: „Эти господа хотятъ лишь того, чтобы имъ выдали изъ школы дѣтей, являющихся наиболѣе дешевыми рабочими руками. На это мы (свободомыслящіе) никогда не согласимся“.

Отъ имени лицъ, внесшихъ указанное выше предложеніе, говорили депутатъ Энгельбрехтъ (консерваторъ) и фонъ-Вангенгеймъ, членъ „Союза сельскихъ хозяевъ“. Первый сказалъ, что ему еще никогда не приходилось слышать, будто сельско-хозяйственный трудъ дѣтей вредитъ ихъ здоровью. Да и оплачивается дѣтскій трудъ весьма хорошо. Второй изъ названныхъ депутатовъ также находитъ, что трудъ дѣтей въ сельскомъ хозяйствѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать чрезмѣрнымъ... На этомъ дебаты по существу разбираемаго вопроса закончились, и вслѣдъ затѣмъ предложеніе „юнкеровъ“ объ измѣненіи времени каникулъ, сообразно съ мѣстными условіями, было большинствомъ голосовъ принято. Но прусское правительство до сихъ поръ не санкціонировало этого, какъ и другихъ предложеній, принятыхъ тогда аграрнымъ большинствомъ, хотя и обѣщало (это обѣщаніе повторено было въ болѣе опредѣленной формѣ въ засѣданіи 16-го мая текущаго года) оказать въ этой области извѣстную помощь усиленіемъ наказаній за нарушеніе сельско-хозяйственными рабочими контрактовъ. Какъ извѣстно, аграріи возбуждали тотъ же вопросъ—о мѣрахъ для пресѣченія бѣгства сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ промышленные центры—и въ рейхстагѣ, и только спустя двѣ недѣли послѣ того какъ имѣли мѣсто въ прусской палатѣ приведенные дебаты, Бебель воспользовался представившимся случаемъ, чтобы еще разъ раскритиковать съ высоты трибуны рейхстага требованіе „юнкеровъ“ о сокращеніи времени занятій въ сельскихъ школахъ, ради ихъ аграрныхъ интересовъ. Въ другой разъ стоялъ на очереди въ рейхстагѣ цѣлый рядъ петицій объ охранѣ дѣтскаго труда. Коммиссія, разсматривавшая эти петиціи, высказалась въ доброжелательномъ духѣ, да и правительственный коммиссаръ обѣ-

щалъ свое посильное содѣйствіе въ виду того, что новое гражданское уложеніе даетъ возможность вступиться за маленькихъ тружениковъ. Тѣмъ не менѣе, коммиссія предлагала оставить петиціи безъ вниманія. Депутатъ Зингеръ замѣтилъ, что необходимо не только платоническое участіе, но и логическое слѣдствіе изъ него, какимъ въ данномъ случаѣ явилось бы постановленіе рейхстага—передать петиціи правительству въ качествѣ матеріала. Рейхстагъ согласился съ Зингеромъ и принялъ его предложеніе.

Отношеніе же имперскаго правительства къ вопросу о сельско-хозяйственномъ трудѣ дѣтей выяснилось уже годомъ раньше, когда партія центра, обративъ вниманіе на движеніе, начавшееся въ обществѣ въ пользу облегченія участи дѣтей, обремененныхъ промысловымъ трудомъ, предложила имперскому правительству: во-первыхъ, изслѣдовать размѣры промысловаго труда дѣтей, обязанныхъ еще посѣщать школу, причины и гигіеническія условія ихъ труда, а также вредъ его въ нравственномъ и воспитательномъ отношеніи; и, во-вторыхъ, если будетъ констатировано чрезмѣрное обремененіе дѣтей промысловымъ трудомъ, издать соотвѣтствующія распоряженія и принять мѣры противъ соотвѣтствующаго зла. Исполняя принятое большинствомъ рейхстага предложеніе партіи центра, имперскій канцлеръ обратился вскорѣ съ особымъ циркуляромъ ко всѣмъ союзнымъ правительствамъ съ предложеніемъ: заняться изученіемъ вопроса о промысловомъ трудѣ школьниковъ, собрать необходимый статистическій матеріалъ (о возрастѣ дѣтей, о тѣхъ или иныхъ родахъ ихъ труда, продолжительности его, о помѣщеніяхъ, въ которыхъ живутъ и работаютъ дѣти, о получаемомъ ими вознагражденіи, и т. д.) и фактическія данныя относительно обремененія школьниковъ работой, — а также представить свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ повести къ уменьшенію обремененія дѣтей промысловымъ трудомъ. Въ этомъ же циркулярѣ было указано, что при собираніи фактическаго и статистическаго матеріала должно сдѣлать исключеніе для всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыя заняты сельско-хозяйственнымъ трудомъ или находятся въ услуженіи, и вотъ какъ мотивировалъ имперскій канцлеръ въ своемъ циркулярѣ это сокращеніе на три четверти области, которую предстояло союзнымъ правительствамъ изслѣдовать: промысловый трудъ дѣтей не можетъ и не долженъ быть совершенно искорененъ, такъ какъ онъ пріучаетъ дѣтей къ физическому труду, къ прилежанію и экономіи, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти лишены надзора со

стороны своихъ родителей, а также предотвращаетъ ихъ отъ праздности и пороковъ; поэтому, говорится въ циркулярѣ, не только допустимо, но полезно и заслуживаетъ распространенія пріученіе дѣтей съ ранняго возраста къ легкимъ сельско-хозяйственнымъ работамъ и садоводству, тѣмъ болѣе, что гигіеническія условія этого рода труда позволяютъ дѣтямъ дышать чистымъ воздухомъ и совершать умѣренныя движенія корпусомъ...

Конечно, за цитированными фразами скрывается только еще одна новая уступка аграріямъ, и это высказалъ въ рейхстагѣ, когда циркуляръ имперскаго канцлера былъ уже опубликованъ, депутатъ Певсъ, горько упрекавшій правительство за то, что оно изъ любви къ аграріямъ не распространило задуманное изслѣдованіе и на область сельско-хозяйственнаго труда, и тѣмъ сократило, какъ мы уже сказали, всю область изслѣдованія до одной четверти.

Если считать оффиціальныя статистическія данныя о промысловомъ трудѣ дѣтей наиболѣе приблизительными [1]), то оказывается, что различнаго рода ремеслами и промыслами занималось въ 1895 году только 45.375 дѣтей школьнаго возраста, въ то время какъ сельско-хозяйственными работами вынуждены были заниматься 135.175 дѣтей, не достигшихъ еще 14-лѣтняго возраста, а въ услуженіи находились 33.500 школьниковъ. Депутатъ Певсъ не преминулъ указать, что условія сельско-хозяйственнаго труда дѣтей подчасъ столь же тяжелы, какъ и условія, при которыхъ городскія дѣти пришиваютъ пуговицы, разносятъ хлѣбъ и газеты или прислуживаютъ въ кабакахъ, на кегельбанахъ и т. п. Опасность при употребленіи дѣтей на работы у сельско-хозяйственныхъ машинъ особенно велика. Характерно и то, что теперь сельскіе хозяева хлопочутъ о томъ, чтобы отмѣнено было распоряженіе о максимальномъ 12-часовомъ трудѣ дѣтей. А вѣдь на работу они ставятъ даже 8-лѣтнихъ дѣтей. Эксплоатація дѣтскаго труда сельскими хозяевами столь же велика, какъ и эксплоатація его въ городахъ, и учителя весьма часто заявляютъ, что они не въ состояніи успѣшно обучать переутомленныхъ полевыми работами дѣтей. Статсъ-секретарь Позадовскій, отвѣчая депутату Певсу, оправдывалъ исключеніе, сдѣлан-

---

[1]) Приводимыя ниже цифры, добытыя по переписи 14-го іюня 1895 года, не лишены недочетовъ, такъ какъ имперское статистическое бюро зарегистровало почему-то лишь тѣхъ школьниковъ, у которыхъ промысловый трудъ составляетъ „главное занятіе“ (Hauptberuf).

ное въ циркулярѣ имперскаго канцлера, тѣмъ, что изслѣдованіе промысловаго труда дѣтей вовсе не должно быть связано съ изслѣдованіемъ ихъ сельско-хозяйственнаго труда, что подобная связь сдѣлала бы все изслѣдованіе поверхностнымъ, и что, наконецъ, въ нравственномъ отношеніи сельско - хозяйственный трудъ дѣтей вовсе не вреденъ. Но мы уже имѣли случай выше ознакомиться съ „идилліей" сельско-хозяйственнаго труда дѣтей, обрисованной въ столь свѣтлыхъ краскахъ имперскимъ канцлеромъ и статсъ-секретаремъ Позадовскимъ. Замѣтимъ еще, что до сихъ поръ, хотя прошло уже два года со времени опубликованія названнаго циркуляра, не опубликованы результаты сдѣланнаго изслѣдованія, и не внесенъ имперскимъ правительствомъ въ рейхстагъ соотвѣтствующій законопроектъ для искорененія эксплоатаціи дѣтскаго труда. Насколько необходимо принять именно въ данной области мѣры въ законодательномъ порядкѣ, показываетъ неудавшаяся попытка прусскаго правительства искоренить окончательно дѣтскій трудъ на фабрикахъ слѣдующей полумѣрой. Особымъ министерскимъ циркуляромъ предложено было, въ 1896 г., всѣмъ оберъ-президентамъ и правительствамъ прусскихъ провинцій строго слѣдить за тѣмъ, чтобы работодатели ни въ какомъ случаѣ не принуждали дѣтей работать въ часы школьныхъ занятій, подъ страхомъ наказанія штрафомъ въ размѣрѣ 30 марокъ или арестомъ до 14-ти дней. Циркуляръ этотъ, очевидно, своей цѣли не достигъ, если въ 1893 г. работали въ Пруссіи на фабрикахъ—773 мальчика и 473 дѣвочки; въ 1895 г.—570 мальч. и 257 дѣв.; въ 1896 году—всего 802 дѣтей моложе 14-ти лѣтъ, а въ 1897 г.—уже почти 1.000 дѣтей.

III.

Гораздо успѣшнѣе повели борьбу противъ эксплоатаціи дѣтскаго труда—насколько эта область входитъ въ кругъ ихъ компетенціи—отдѣльныя общины (т.-е. городскія общественныя управленія). Раньше всего въ Майнцѣ и Штеттинѣ изданы были постановленія, воспрещающія и ограничивающія торговлю дѣтей школьнаго возраста въ разноску и участіе ихъ въ театральныхъ представленіяхъ и иныхъ публичныхъ зрѣлищахъ. Въ Гамбургѣ было постановлено, чтобы дѣти моложе 12-ти лѣтъ не употреблялись на работу въ ресторанахъ и кабакахъ позже 8 час. вечера, а школьники старше 12-ти лѣтъ

—позже 9 час. вечера; чтобы прислуживаніе на кегельбанахъ не было никоимъ образомъ поручаемо дѣвочкамъ и чтобы, наконецъ, хозяева ресторановъ и кабачковъ не давали, подъ страхомъ наказанія штрафомъ или арестомъ, работающимъ у нихъ дѣтямъ спиртныхъ напитковъ. Въ Гиссенѣ сдѣлано было постановленіе о воспрещеніи дѣтямъ школьнаго возраста прислуживать на кегельбанахъ, а въ Лейпцигѣ право подобнаго воспрещенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставлено было ректорамъ народныхъ школъ. Въ Шпандау, небольшомъ городѣ съ сильной крѣпостью близъ Берлина, издано было мѣстной полиціей, по соглашенію съ магистратомъ, постановленіе, воспрещающее дѣтямъ школьнаго возраста всякаго рода промысловый трудъ, внѣ дома, отъ 7 часовъ вечера до 7 час. утра, съ угрозой штрафа въ 30 марокъ или соотвѣтствующаго ареста, налагаемаго на тѣхъ родителей или опекуновъ, которые будутъ уличены въ неисполненіи указаннаго постановленія. Въ Потсдамѣ воспрещено было малолѣтнимъ школьникамъ разносить газеты или хлѣбъ и молоко ранѣе 7 час. утра. Въ Бромбергѣ воспрещена была вечерняя работа дѣтей въ ресторанахъ и кабакахъ. Подобныя же обязательныя постановленія изданы были вскорѣ въ цѣломъ рядѣ другихъ среднихъ и мелкихъ городовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы уже видѣли выше, сдѣланы были, по иниціативѣ школьной администраціи или народныхъ учителей, предварительныя изслѣдованія области и размѣровъ промысловаго труда школьниковъ.

Несмотря на требованіе народныхъ учителей, начавшихъ и въ Берлинѣ агитацію въ пользу облегченія отъ непосильнаго труда своихъ маленькихъ учениковъ, несмотря на то, что въ обществѣ усиленно заговорили о необходимости если не совсѣмъ искоренить, то уменьшить это зло, а печать стала оказывать давленіе на общественныя и правительственныя учрежденія,—берлинская школьная администрація не только не произвела статистическаго изслѣдованія, подобно сдѣланному въ другихъ городахъ, но и не занялась ближе поднятымъ въ обществѣ и печати вопросомъ. По этой причинѣ группа гласныхъ-рабочихъ рѣшила взять на себя иниціативу и внесла, въ концѣ 1898 г., въ думу слѣдующее предложеніе: „Просить магистратъ (управу) войти въ соглашеніе съ президентомъ полиціи для изданія постановленія, по которому промысловый трудъ дѣтей школьнаго возраста до начала занятій ихъ въ школахъ былъ бы воспрещенъ, въ особенности разноска молока, газетъ и хлѣба“. Гласные, подписавшіе это предложеніе, мотивировали свой совѣтъ магистрату

обратиться за помощью къ президенту полиціи тѣмъ, что хотя помощь полиціи общинѣ и ея школамъ совершенно нежелательна, но обращеніе къ ней—единственный способъ ускорить рѣшеніе даннаго вопроса, потому что законодательнымъ путемъ разбираемый вопросъ можетъ быть разрѣшенъ еще не скоро. Гласные, возражавшіе противъ упомянутаго предложенія, указывали наоборотъ, что если слѣдуетъ рѣшать такой важный вопросъ, то исключительно въ законодательномъ порядкѣ. Теперь же нельзя заниматься разрѣшеніемъ его уже хотя бы потому, что не имѣется еще необходимаго статистическаго матеріала. Не надо также забывать, что во многихъ семьяхъ трудъ дѣтей составляетъ большую поддержку для нуждающихся родителей ихъ, вслѣдствіе чего запрещеніе полиціи дѣтямъ разноски хлѣба и газетъ заставитъ многихъ родителей найти для своихъ дѣтей другую, болѣе вредную и худшую работу. Можно воспретить пекарямъ или газетнымъ экспедиціямъ пользоваться трудомъ дѣтей, но нельзя же родителямъ приказать, чтобы они не заставляли своихъ дѣтей работать, и т. п.

Въ концѣ концовъ, гласные передали разбираемое предложеніе на разсмотрѣніе особой коммиссіи, которая въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій думы предложила собранію принять слѣдующую резолюцію: „Собраніе гласныхъ проситъ магистратъ войти съ президентомъ полиціи въ переговоры о томъ, какимъ образомъ можно уменьшить чрезмѣрный промысловый трудъ школьниковъ, въ особенности до начала занятій въ школахъ, а также воспретить дѣтямъ мелкую торговлю на улицахъ". Гласными резолюція эта была принята значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но прошло полныхъ два года, прежде чѣмъ магистратъ нашелъ возможность представить гласнымъ на утвержденіе выработанное имъ, совмѣстно съ представителями берлинской полиціи, постановленіе. Причиной подобнаго промедленія было желаніе какъ магистрата, такъ и президента полиціи, убѣдиться въ полной законности постановленій полиціи о сокращеніи границъ промысловаго труда дѣтей школьнаго возраста. Въ Шпандау, какъ мы уже сказали, полицейскимъ постановленіемъ воспрещенъ былъ дѣтямъ промысловый трудъ отъ 7 час. вечера до 7 час. утра. Одинъ изъ мѣстныхъ пекарей все-же продолжалъ посылать дѣтей разносить хлѣбцы раньше 7 час. утра, и получилъ за это отъ полиціи „Strafmandat" въ размѣрѣ 5 марокъ. Пекарь перенесъ дѣло въ судъ, гдѣ защитникъ его доказывалъ, что постановленіе полиціи незаконно, такъ какъ оно противорѣчитъ уставу о занятіи промысловымъ трудомъ, и такъ какъ полиція,

во всякомъ случаѣ, не имѣетъ права устанавливать сроки работы для кого бы то ни было. Но судъ отклонилъ жалобу пекаря на томъ основаніи, что, во-первыхъ, полиція имѣетъ право принимать мѣры для огражденія дѣтей отъ угрожающей имъ опасности, да и школьники не включены въ число тѣхъ лицъ, на которыхъ распространяется уставъ о промысловомъ трудѣ. Только въ томъ случаѣ, еслибы тотъ или иной изъ школьниковъ былъ записанъ ремесленнымъ ученикомъ,—на него полицейское постановленіе не можетъ быть распространено.

Въ Мюльгаузенѣ также поднятъ былъ этотъ крупный вопросъ, имѣютъ ли право полицейскіе органы издавать постановленія, ограничивающія промысловый трудъ дѣтей. Въ этомъ городѣ постановлено было, въ октябрѣ 1897 г., мѣстной полиціей, чтобы дѣти отъ 7 час. вечера до 7 час. утра не были допускаемы къ какому-либо роду промысловаго труда. На этомъ основаніи полиція привлекла къ суду пекаря Мейера, продолжавшаго посылать своего малолѣтняго сына разносить хлѣбъ отъ 6 до 7 час. утра. Мейеръ присужденъ былъ къ штрафу, причемъ судъ упомянулъ въ своей мотивировкѣ, что необходимо строго слѣдить, въ интересахъ охраны дѣтей, за исполненіемъ полицейскаго постановленія. Мейеръ принесъ кассаціонную жалобу, но она была окружнымъ судомъ отклонена. Тогда Мейеръ обратился въ высшій судъ (Kammer-Gericht) съ новой жалобой, въ которой снова оспаривалъ законность полицейскаго постановленія, указывая, что гамбургскій судъ, напр., счелъ подобное постановленіе полиціи неправильнымъ. Но и Kammer-Gericht'омъ жалоба Мейера была вторично отклонена, съ мотивированнымъ указаніемъ на то, что подобныя полицейскія постановленія, нисколько не противорѣча промысловому уставу, вполнѣ законны. На эту же точку зрѣнія стало и прусское правительство. Такъ, прусскій министръ народнаго просвѣщенія оповѣстилъ особымъ циркуляромъ оберъ-президентовъ прусскихъ провинцій о томъ, что постановленія мѣстной полиціи о воспрещеніи промысловаго труда дѣтямъ школьнаго возраста отъ 7 час. вечера до 7 час. утра являются вполнѣ, съ точки зрѣнія правительства и на основаніи рѣшеній суда, законными.

Какъ мы уже сказали выше, такихъ же окончательныхъ рѣшеній суда ожидали, совмѣстно съ магистратомъ, представители берлинской полиціи, вслѣдствіе чего столь долго жданное разрѣшеніе поднятаго берлинской думой вопроса объ охранѣ берлинскихъ школьниковъ затянулось на два года. Въ концѣ истекшаго года магистратъ представилъ, наконецъ, думѣ выработанныя, имъ

вмѣстѣ съ президентомъ полиціи, обязательныя постановленія, воспрещающія прежде всего какой бы то ни было промысловый трудъ внѣ дома всѣмъ дѣтямъ моложе 9-ти лѣтъ и разрѣшающія дѣтямъ отъ 9 до 14 лѣтъ заниматься промысловымъ трудомъ внѣ дома никакъ не позже 7 час. вечера и не раньше 5½ час. утра лѣтомъ (отъ апрѣля по сентябрь), и 6½ час. утра зимою (отъ октября по мартъ). Отвѣтственность несутъ за проступки противъ этихъ обязательныхъ постановленій какъ родители и опекуны дѣтей, такъ и лица, нанимающія дѣтей для порученія имъ промысловаго труда. Коммиссія, на разсмотрѣніе которой дума передала эти постановленія, предлагала: 1) въ первомъ пунктѣ повысить минимальный возрастъ дѣтей съ 9 лѣтъ до 10; 2) дополнить параграфомъ, гласящимъ о томъ, что дѣти моложе 12 лѣтъ не должны употребляться для какихъ бы то ни было публичныхъ зрѣлищъ; 3) прибавить еще одинъ параграфъ, на основаніи котораго дѣтямъ, освобожденнымъ отъ послѣобѣденныхъ занятій, разрѣшается наниматься на побѣгушки. Гласными поставленъ былъ, кромѣ того, рядъ отдѣльныхъ дополняющихъ предложеній, причемъ самыя широкія ограниченія труда берлинскихъ школьниковъ предложены были соціаль-демократической фракціей, желавшей, чтобы дѣтямъ совершенно воспрещенъ былъ промысловый трудъ до начала школьныхъ занятій, и чтобы имъ воспрещена была продажа цвѣтовъ и спичекъ на улицахъ и въ ресторанахъ, а также разноска хлѣба, молока и газетъ, не говоря уже о воспрещеніи наниматься въ театры, цирки и другія публичныя зрѣлища. Но эти предложенія соціаль-демократической фракціи не нашли себѣ большинства, какъ не нашли его и предложенія думской коммиссіи. Большинствомъ голосовъ приняты были въ концѣ истекшаго года вышеуказанныя обязательныя постановленія въ редакціи, составленной магистратомъ совмѣстно съ полиціей, и они вошли въ силу съ перваго февраля текущаго года.

Насколько велика польза, принесенная этими постановленіями, показываютъ цифры, добытыя берлинской школьной администраціей, которая, послѣ того какъ, два года назадъ, сдѣлано было извѣстное уже читателямъ постановленіе думы, распорядилась, чтобы во всѣхъ берлинскихъ общинныхъ школахъ собраны были статистическія данныя о числѣ дѣтей, занимающихся промысловымъ трудомъ. Результаты изслѣдованія были таковы: промысловымъ трудомъ занимаются въ Берлинѣ всего 25.394 школьниковъ (именно: 17.636 мальчиковъ и 7.758 дѣвочекъ), причемъ болѣе, нежели 3 часа въ день, работаютъ 11.091 школьн. (8.766 мальч. и 2.325 дѣв.). Но даже эти крупныя цифры, замѣтимъ тутъ же,

ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ дѣвочки, находящіяся въ услуженіи, не были засчитаны ни въ одной школѣ. Такимъ образомъ, занимающіяся промысловымъ трудомъ дѣвочки составили только 8% всѣхъ берлинскихъ школьниковъ, а мальчики—18% всѣхъ школьниковъ. Интересно, что цифры, добытыя статистическимъ изслѣдованіемъ въ Берлинѣ, превзошли цифры предварительнаго подсчета, сдѣланнаго тогда, когда школьная администрація еще отказывалась произвести изслѣдованіе, подобно сдѣланному въ другихъ городахъ. Тогда лица, занимавшіяся поднятымъ уже въ обществѣ и печати вопросомъ о промысловомъ трудѣ дѣтей, высчитывали,—принимая тотъ же процентъ маленькихъ тружениковъ, какой оказался, въ среднемъ, въ другихъ городахъ и берлинскихъ предмѣстьяхъ,—что въ Берлинѣ почти на 200.000 школьниковъ приходится 19—20 тысячъ маленькихъ тружениковъ; оффиціальное же изслѣдованіе показало, какъ мы уже знаемъ, что число маленькихъ тружениковъ въ Берлинѣ превышаетъ 25.000.

Внѣ всякаго сомнѣнія,—для многихъ изъ нихъ оказалось весьма благотворнымъ вошедшее, какъ мы уже сказали, въ началѣ текущаго года въ силу обязательное постановленіе полиціи. Такъ, напр., пекарямъ невыгодно теперь нанимать дѣтей для разноски поутру свѣжихъ хлѣбцевъ, и они почти всѣ замѣнили школьниковъ взрослыми женщинами. Изъ другихъ полицейскихъ постановленій отмѣтимъ еще опубликованное въ Барменѣ: тамъ дѣтямъ школьнаго возраста воспрещенъ всякаго рода промысловый трудъ отъ 8 час. вечера до 6½ час. утра. Допускается только участіе въ театральныхъ и иныхъ зрѣлищахъ, и то съ разрѣшенія школьнаго начальства. Для лицъ, не подчиняющихся этому постановленію, установленъ, какъ и въ Берлинѣ и въ громадномъ большинствѣ другихъ городовъ, штрафъ въ размѣрѣ 30 марокъ, или же соотвѣтствующій арестъ.

Что касается сельско-хозяйственнаго труда дѣтей, то въ этой области сдѣлано было по иниціативѣ общинъ или школьной администраціи гораздо меньше. Нельзя не считать полумѣрой тотъ циркуляръ правительственнаго президента въ Силезіи, въ которомъ говорилось, что администрація провинціи готова идти на уступки сельскимъ хозяевамъ, нанимающимъ на работы школьниковъ лишь постольку, поскольку дѣтскій трудъ совмѣстимъ съ требованіями школы, и при томъ условіи, если сельскіе хозяева не будутъ злоупотреблять предоставленными въ ихъ распоряженіе дѣтскими силами. Администрація провинціи требуетъ, чтобы за работающими дѣтьми былъ веденъ обязательный надзоръ, въ видахъ предохраненія дѣтей отъ грозящей имъ

опасности въ нравственномъ отношеніи; чтобы дѣтей не заставляли работать по воскреснымъ днямъ, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не давали имъ спиртныхъ напитковъ. Въ противномъ случаѣ, сказано было въ циркулярѣ, администрація вынуждена будетъ сократить или совершенно прекратить свою готовность идти на уступки. Въ послѣднее время изданъ былъ цѣлый рядъ постановленій о воспрещеніи сельскимъ школьникамъ пасти стада, но характерно, что постановленія эти имѣли мѣсто не на востокѣ Пруссіи, гдѣ сельско-хозяйственный трудъ дѣтей достигаетъ огромныхъ размѣровъ, а на промышленномъ западѣ. Въ Люнебургѣ, уже съ 1891 г., отказываютъ въ отпускѣ дѣтямъ, нанимающимся пасти стада; примѣру названнаго округа послѣдовала школьная администрація многихъ другихъ округовъ. Во франкфуртскомъ (н. О.) и лигницкомъ округахъ принимаютъ мѣры для постепеннаго преобразованія такъ-называемыхъ лѣтнихъ школъ въ нормальныя, что̀ лишаетъ школьниковъ возможности наниматься въ пастухи. Въ Помераніи стали въ послѣднее время строже наказывать за пропуски въ посѣщеніи школы, а въ Шлезвигъ-Голштиніи выдаютъ во многихъ мѣстахъ школьникамъ разрѣшеніе наниматься въ пастухи только при томъ условіи, если работодатели письменно обязуются отпускать дѣтей въ школу въ часы занятій...

Итакъ, въ области промысловаго труда нѣмецкихъ школьниковъ остается, повидимому, сдѣлать для искорененія существующаго зла гораздо больше, нежели было сдѣлано до сихъ поръ. Что̀ именно надо сдѣлать, какія мѣры были бы въ данномъ случаѣ благотворны, и до какого минимума слѣдуетъ сократить границы промысловаго труда дѣтей,—объ этомъ успѣло уже высказаться общественное мнѣніе Германіи. Выразителемъ этого мнѣнія явился хотя бы „Германскій ферейнъ общественной гигіены“, пришедшій, послѣ трехъ засѣданій, всецѣло посвященныхъ интересующему насъ въ данномъ случаѣ вопросу, къ тому заключенію, что при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, благодаря которымъ нужда извѣстныхъ классовъ неискоренима, и при современной организаціи народныхъ школъ, исключающей возможность наблюденія за времяпрепровожденіемъ дѣтей во внѣклассное время, не можетъ быть и рѣчи о совершенномъ искорененіи промысловаго труда дѣтей. Къ тому же, ферейнъ считаетъ полезнымъ, если дѣти будутъ постепенно и въ умѣренныхъ границахъ пріучены къ промысловому труду, но, ко-

нечно, только при томъ условіи, чтобы не страдали при этомъ какъ физическое и духовное развитіе ихъ, такъ и родъ ихъ школьныхъ занятій. Въ заключеніе ферейнъ требуетъ разрѣшенія школамъ и общиннымъ совѣтамъ подавать свои совѣты родителямъ, чьи дѣти вынуждены заниматься промысловымъ трудомъ, и настойчиво требуетъ принять мѣры для улучшенія экономическихъ условій бѣднѣйшаго класса населенія. Къ подобному же выводу о невозможности полнаго запрета промысловаго труда, но достижимости значительнаго сокращенія границъ его, пришелъ цѣлый рядъ политическихъ и общественныхъ организацій, то желающихъ видѣть разрѣшеніе вопроса въ законодательномъ порядкѣ, то настаивающихъ на необходимости предоставить эту область въ вѣдѣніе городского самоуправленія. Такъ, „Berliner Frauenverein“,—принявъ послѣ реферата Конрада Агада резолюцію: „считать промысловый трудъ школьниковъ нежелательнымъ и требовать полнаго искорененія его, но до тѣхъ поръ, пока этого еще невозможно достигнуть, добиваться всевозможныхъ ограниченій промысловаго труда дѣтей и расширенія контроля въ этой области со стороны государства“,—обратился съ соотвѣтственной петиціей въ бюро съѣзда представителей прусскихъ городовъ (Preussischer Städtetag). Конрадъ Агадъ неутомимо реферировалъ по тому же вопросу еще на нѣсколькихъ собраніяхъ и съѣздахъ, и брошюра его есть не болѣе какъ переработанный и дополненный рефератъ, прочитанный имъ въ г. Форстѣ, на съѣздѣ народныхъ учителей бранденбургской провинціи. Изъ тезисовъ, поставленныхъ Конрадомъ Агадомъ и принятыхъ на томъ съѣздѣ, мы отмѣтимъ особенно одинъ:

„IV. Главнымъ образомъ, необходимо добиваться:

„A. Для большихъ городовъ и промышленныхъ центровъ—полнаго запрета: a) многихъ изъ существующихъ родовъ дѣтскаго труда; b) труда дѣтей до начала школьныхъ занятій; c) труда дѣтей позже 6 час. вечера; d) двойного или тройного рода промысловаго труда дѣтей, и e) всякаго рода труда дѣтямъ моложе 12-ти лѣтъ.

„B. Для деревни: a) энергическихъ мѣръ противъ найма дѣтей въ пастухи: 1) уничтоженіе спеціально приноровленныхъ для дѣтей-пастуховъ школъ съ сокращеннымъ курсомъ; 2) строгое наказаніе за пропуски классныхъ часовъ; 3) точное слѣдованіе изданнымъ уже до сихъ поръ постановленіямъ администраціи, и в) отвѣтственности со стороны работодателей“.

Состоявшійся въ 1897 г. въ Цюрихѣ конгрессъ по охранѣ

труда рабочихъ пошелъ, какъ извѣстно, въ этомъ отношенiи гораздо дальше, принявъ постановленiе о томъ, чтобы дѣтямъ моложе 15-ти лѣтъ воспрещенъ былъ всякаго рода трудъ за вознагражденiе.

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

ПО ЗАКОНУ

РОМАНЪ

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

На осеннюю „Казанскую" 1893 года, въ селѣ Старой-Ивановкѣ, одной изъ черноземныхъ губерній, кругомъ старой деревянной, очень просторной церкви собралась большая толпа народу. Храмовой праздникъ всегда въ деревнѣ приводитъ въ церковь весь приходъ отъ мала до велика, за исключеніемъ старухъ, которыя и въ праздникъ должны хлопотать вокругъ печки. А въ осенній праздникъ и подавно много народу: крестьянинъ—осенній богачъ; осенью и угощеніе лучше у него, и на душѣ веселѣе. Къ тому же, въ Старой-Ивановкѣ къ осенней „Казанской" крестьянами пригонялись всѣ свадьбы, во избѣжаніе двойныхъ расходовъ. Въ другіе мясоѣды рѣдко-рѣдко когда игралась свадьба, да и то вдовыхъ или перестарковъ, вернувшихся изъ солдатъ. Понятно, что къ „Казанской" въ церковь собирался не только приходъ, но и многіе крестьяне изъ сосѣднихъ селъ и деревень, лишь бы родство, кумовство, или общія дѣла, давали имъ право зайти послѣ обѣдни къ кому-нибудь изъ жителей села.

Такъ было и въ 1893 году. Мелкій, лившій точно сквозь сито, осенній дождикъ и невылазная грязь, какую увидишь только въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ, не помѣшали къ обѣднѣ собраться у церкви большой пестрой толпѣ, разговаривавшей громко, чтобы слышно было, несмотря на гулъ большого, недавно привезеннаго колокола, которымъ мѣстные крестьяне очень

гордились. Въ толпѣ этой были пріѣзжіе и мѣстные крестьяне; послѣдніе вышли освѣжиться послѣ заутрени и встрѣчали подъѣзжавшихъ родственниковъ, помогая привязывать лошадей къ поломанной желѣзной церковной оградѣ.

Бабы и дѣвки кучками стояли и обмѣнивались замѣчаніями, касавшимися преимущественно внѣшности подъѣзжавшихъ женщинъ. Отдѣльной группой у лѣстницы паперти стояла кучка изъ пяти-шести дѣвушекъ, болѣе занятыхъ своими разговорами, чѣмъ глазѣньемъ по сторонамъ.

— Анютка, гляди, гляди, Ермошкины пріѣхали. Молодая-то, смотри, какъ убралась; мужъ ее, говорятъ, очень ужъ жалѣетъ. Ухъ, хорошо!

— Небось, хорошо! Мужъ хромой, а отъ свекрови-то житья ей нѣтъ: поѣдомъ ѣстъ. На что все и богатство?

— Ну?

— Вѣрно слово! А заступиться некому. Недаромъ Блоха и доселѣ кричитъ, что на сторону дѣвку отдать пришлось. Ныньче и то не пускала на свадьбу сестры. Блоха намедни сама ѣздила, кое-какъ упросила. Э! Какая тамъ „жизть“ на сторонѣ!

— Да и Блоха-то твоя тоже хороша. Ну къ чему она Машку-то неволитъ замужъ идти? Вѣдь въ ногахъ у нея на посидѣлкахъ валялась—не губи, молъ, меня: не житье мнѣ у Климачевыхъ будетъ. Такъ нѣтъ же, неволитъ идти за Кирилла, да и все тутъ.

— Чего Блоха, Блоха! Да что Блоха сдѣлаетъ, коли самъ Евтѣй Евтѣичъ порѣшилъ отдать за Кирюху. Небось при мнѣ онъ ей сказалъ: „Машка, выкинь дурь изъ головы, слышь! А то плохо будетъ“. Пыталась-было Блоха замолвить словечко. Онъ только взглянулъ на нее, плюнулъ: „И ты, говоритъ, туда-жъ? Я не какой-нибудь шаромыжникъ; сказалъ разъ, что Машка пойдетъ за Климачева малаго—и пойдетъ. А двоесловомъ я не буду“. Машка хотѣла-было что-то сказать—какъ онъ на нее топнетъ! Гдѣ тамъ перечить! А знамо дѣло, дѣвку жаль, да не она первая, не она послѣдняя.

— Такъ! Ну, а Сергѣй?

— Сергѣй-то? Сергѣй—что же? Сергѣй молчитъ, да ходитъ волкъ волкомъ. На улицѣ, на Покровъ, Кирюха повелъ Машку играть, такъ Сергѣй чисто тѣнь ходилъ. Да и теперь не ѣстъ, не пьетъ, къ обѣднѣ каждый день ходитъ. Трушка разсказывалъ, что просвиры вынимаетъ за здравіе Маріи и за упокой Кирилла.

— Тоже выдумалъ: живого человѣка за упокой поминать!

— Помянешь! Вчера всю ночь подъ окномъ у Машки про-

стоялъ. Евтѣй Евтѣичъ вышелъ на зарѣ, да только посмотрѣлъ на него—и поплелся, бѣдняга, домой.

— Что-то его здѣсь нѣтъ! Неужто не придетъ?

Такъ говорили старо-ивановскія дѣвки. Толпа между тѣмъ все росла. Наконецъ, мѣрный звукъ благовѣста смѣнился веселымъ трезвономъ взбѣжавшаго на колокольню Трушки. Все повалило въ церковь, причемъ нѣкоторое время стоялъ обычный въ такихъ случаяхъ гулъ. Наконецъ, хотя и тѣсно, но размѣстились всѣ: впереди мужики, сзади бабы. Въ переднемъ ряду стояли богачи и міроѣды, и въ храмѣ Божіемъ чувствовавшіе себя неизмѣримо выше бѣдняковъ. Служили оба священника прихода, старый—о. Петръ, и молодой—о. Семенъ. Діаконъ, сорокъ лѣтъ выкрикивавшій верхнія ноты своимъ грубымъ, хриповатымъ басомъ, особенно старался въ этотъ день. Пѣвчіе изъ мальчиковъ министерской школы съ пятью-шестью большими, подъ управленіемъ учителя, тоже старались. „Слава-Единородный“ пропѣли подъ названіемъ „Небесное“, причемъ нѣкоторыя слова, напримѣръ: „святому“ и „распныйся“, повторялись разъ по десяти со всевозможными переливами. „Милость мира“ пѣли тоже удивительное, безъ названія (мѣстное названіе было „Милость мира—праздничная“); при этомъ и тонъ учителемъ былъ заданъ праздничный, такъ что на „Святъ-святъ“ оборвались и басы, и тенора. Такъ шла вся обѣдня, что̀ весьма понравилось присутствующимъ и возбудило зависть прихожанъ сосѣднихъ, менѣе богатыхъ приходовъ.

На лѣвомъ клиросѣ сидѣла прихожанка села Старой-Ивановки, богатая помѣщица, вдова полковника, Нина Николаевна Ардальонова; съ ней рядомъ стояла, больше глядя на нее, чѣмъ на образъ, дѣвушка лѣтъ двадцати, худенькая, съ веснушками, некрасивая, но миловидная. Выраженіе робости не сходило съ ея лица, и все казалось, что она вотъ-вотъ расплачется. Нина Николаевна сидѣла больше, чѣмъ стояла, не потому, что не могла стоять, а потому, что считала себя вправѣ сидѣть въ отличіе отъ мужиковъ, которые должны стоять. Вставала она въ важные моменты службы, причемъ важными считала, кромѣ „Отче нашъ“ и „Вѣрую“, тѣ пѣснопѣнія, которыя пѣлись громко. Такъ, на „Святъ-святъ“ она стояла, а во время „Тебе поемъ“ сидѣла. Она была близорука и то-и-дѣло оглядывалась вокругъ, поднося къ глазамъ черепаховую, съ бриллiантовымъ вензелемъ, лорнетку.

У праваго столба было возвышеніе для аристократіи мѣстной и пріѣзжей: тутъ стояли расфранченныя семьи духовныхъ, лавоч-

ника, урядника, кабатчика, управляющаго Ардальоновой, и еще кое-кто. У самыхъ пѣвчихъ стоялъ и подтягивалъ высокимъ фальцетомъ врачъ земской больницы, Петръ Антоновичъ Ѳедосѣенко. Пѣлъ онъ фальшиво, стараясь попасть то въ дискантовую партію, то въ теноровую, причемъ часто не попадалъ ни въ ту, ни въ другую. Учителя-регента его пѣніе коробило, но сказать ему что-либо онъ, конечно, боялся. Самому же Петру Антоновичу казалось, что онъ не только не портитъ хора, но что безъ него не будетъ ни той полноты, ни той правильности, ни—главное—той задушевности, которую онъ вносилъ въ изобиліи въ свои головныя нотки.

Во время пѣнія „Херувимской" церковь заволновалась: „Свадьба, свадьба пріѣхала!"—шептали бабы, стоявшія сзади. Это извѣстіе быстро распространилось впередъ и дошло даже до клиросовъ: пѣвчіе и тѣ оглядывались; Нина Николаевна поднесла лорнетъ къ глазамъ. Впереди шелъ дружко, съ полотенцемъ, привѣшеннымъ къ кушаку, неся въ рукахъ образъ. Изъ лѣваго кармана его поддёвки торчала бутылка водки, а на кисти правой руки висѣлъ кнутъ. Противъ ношенія въ церковь, въ свадебные дни, водки и кнутовъ, лѣтъ десять тому назадъ, при своемъ поступленіи, сильно возставалъ о. Семенъ, причемъ, въ частыхъ бесѣдахъ съ крестьянами, предупреждалъ ихъ не дѣлать этого. То же онъ два раза проповѣдовалъ и съ церковной каѳедры, но проповѣдь его мало кто понялъ: водку онъ называлъ, для благозвучія, „виннымъ зеліемъ", а кнутъ—„ременнымъ бичомъ". Большинство согласилось, что проповѣдь хороша, но къ чему собственно она клонила—не поняли. Такъ этотъ стародавній обычай и до сихъ поръ не вывелся въ Старой-Ивановкѣ.

За дружкомъ шли женихъ и невѣста: женихъ въ синей поддёвкѣ, зеленомъ кушакѣ, красномъ шарфѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, съ пестрой шолковой лентой, приколотой къ плечу. Обычно сдѣлавъ поясной поклонъ, крестьяне встряхиваютъ волосами, которые лѣзутъ имъ въ глаза; но для торжества волосы жениха были такъ густо намазаны масломъ, что встряхивать волосами не приходилось: они и такъ въ глаза не лѣзли. Невѣста была въ первый разъ въ понёвѣ, но голова убрана еще по-дѣвичьи, съ фатой, сшитой изъ двухъ кусковъ кисеи. Она шла чинно, съ опущенными глазами и держа одной рукой полотенце, другой конецъ котораго былъ въ рукахъ у жениха. Дружко пробрался до солеи, поставилъ образъ на подсвѣчникъ передъ иконой Спасителя и вернулся къ жениху съ невѣстой. Стоя вблизи, онъ поглядывалъ то на нихъ, то на народъ, гордясь своею обя-

занностью участвовать въ свадьбѣ. Раскраснѣвшіеся глаза доказывали, что онъ недаромъ захватилъ съ собой бутылку вина.

Послѣ „Херувимской", такія пары, съ дружкомъ впереди, стали подъѣзжать все чаще и чаще, причемъ все происходило точь въ точь такъ же, какъ и съ первой свадьбой. Сѣрая поддёвка, вмѣсто синей, красный кушакъ, вмѣсто зеленаго, у молодого; другіе цвѣта радуги на невѣстѣ, дружокъ потрезвѣе и поскромнѣе, или наоборотъ, попьянѣе и понахальнѣе—вотъ и вся разница. Къ концу обѣдни собрались тридцать-семь свадебъ—число небывалое даже въ Старой-Ивановкѣ. Предыдущіе голодные года многихъ бѣдныхъ заставили отложить свадьбы до лучшихъ временъ. Думается, что крестьянинъ предпочтетъ вовсе не женить сына и не выдавать дочери, если не будетъ возможности на свадьбѣ устроить трехдневнаго гулянья съ обильными возліяніями. Тянутся изъ послѣдняго, чтобы не ударить въ грязь лицомъ. Имѣть раскрытую избу, не имѣть двора, лошади и, подавно, коровы—не стыдно. Что же? бѣдность—не порокъ. Но сыграть свадьбу безъ предварительныхъ взаимныхъ съ сватомъ угощеній и безъ большого числа ведеръ вина на свадьбѣ—стыдно, страшно стыдно; вся деревня осудитъ; а такого осужденія боятся крестьяне пуще всего, даже преступленія. Не играли свадебъ безъ большихъ расходовъ и старо-ивановцы. Потому теперь и накопилось ихъ столько.

II.

Изо всѣхъ свадебъ одна обратила на себя особое вниманіе. „Климачевы пріѣхали!" — „Глядите, глядите Блохину!" — пронеслось по церкви, и всѣ взоры обратились на входящую парочку. Пѣвчіе пропустили одно „Подай, Господи"; Нина Николаевна долго не отнимала лорнетки отъ глазъ. Женихъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Девятнадцати лѣтъ, онъ смотрѣлъ гораздо старше своего возраста; отъ глазъ, какъ будто, уже шли морщинки; маленькіе русые усики еле пробивались; бороды не было вовсе, но видно было, что это не только отъ молодости, но что такъ и останется онъ на вѣкъ безъ бороды. Худоба его и блѣдность при несвѣжемъ цвѣтѣ лица увеличивали впечатлѣніе несвоевременной старости. Росту онъ былъ средняго. Выраженіе его лица было не умное и не глупое, не злое и не доброе, не сердитое и не веселое. Онъ исполнялъ обязанность, и такъ же бы онъ смотрѣлъ, еслибы въ качествѣ крёстнаго былъ на крестинахъ. Худыя губы, тонкій носъ и скорѣе маленькіе сѣрые глаза не

придавали его лицу какого бы то ни было выраженія, которое могло бы служить признакомъ его внутреннихъ свойствъ.

Онъ былъ одѣтъ скорѣе лучше, чѣмъ другіе: сукно было тоньше, сапоги бураками больше скрипѣли, перчатки были зеленыя съ красной выпушкой, поясъ пестрый, фуражка въ рукахъ съ глянцевымъ козырькомъ. Смотрѣлъ онъ передъ собой, молился хорошо, изрѣдка взглядывалъ на стоявшую слѣва невѣсту свою. Ни страсти, ни любви, ни даже участія этотъ взглядъ не выражалъ. Ясно было, что будь другая на мѣстѣ его невѣсты, онъ на нее глядѣлъ бы тѣмъ же взглядомъ.

Нельзя того же сказать о невѣстѣ. Она была одного росту съ женихомъ, что̀ для женщины уже было высокимъ ростомъ; чрезвычайно стройная и нарядно одѣтая, она отличалась отъ всѣхъ другихъ невѣстъ. Понёва изъ тонкой шерсти, фартукъ и рубашка изъ синей шерстяной матеріи, обшитой оранжевой шолковой лентой, оранжевый же шолковый платокъ на головѣ—все свидѣтельствовало не только о достаткѣ, но какъ будто и о нѣкоторомъ вкусѣ. Красивой ее нельзя было назвать: нѣсколько выдающіяся скулы придавали ей сходство съ татаркой; носъ былъ небольшой; губы слишкомъ толстыя придавали видъ чувственности; безукоризненные черные глаза, рѣдко встрѣчающіеся у русскихъ, и густыя рѣсницы невольно обращали на нее вниманіе. Такой взглядъ могутъ имѣть только женщины, способныя сильно любить. Въ настоящую минуту она была мертвенно блѣдна, даже губы цвѣтомъ почти не отличались отъ щекъ. Вся кровь, очевидно, прилила къ сердцу. Таковы бываютъ матери у гроба сына, когда не находятъ слезъ утѣшенія, или преступники, которыхъ ведутъ на казнь. При этомъ, взглядъ казался спокойнымъ; она не опускала смущенно глазъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что, глядя на окружающихъ, она мысленно была не тутъ. Себя она принесла въ жертву людскимъ предразсудкамъ и жестокости, но душа оставалась ея собственностью, и эта душа не собиралась участвовать въ совершеніи предстоящаго таинства.

Таковы были Кириллъ Ѳедоровъ Климачевъ и невѣста его, Марья Евтѣева Купріяшина, дочь Варвары, по прозванію „Блоха“. Нельзя не остановиться и на дружкѣ. Быть дружкомъ не такъ легко. Надо спѣть „каравай“, приговаривать „куницу“; надо половчѣе помудрить надъ молодыми; надо умѣть угостить свата со свахой и гостей. Поэтому въ каждомъ селѣ есть спеціалисты по этой части, и таковыхъ заранѣе стараются приглашать богачи. Въ свадьбѣ Климачева съ Блохиной Марьей дружкомъ былъ

Алексѣй, по прозванію Шабарша; рѣдкій умѣлъ такъ, какъ онъ, спѣть „каравай“, чтобы съ заунывнаго, за душу хватающаго напѣва, перейти къ плясовому тэмпу. Поэтому уже съ августа Климачевы заручились его обѣщаніемъ быть дружкомъ именно у нихъ. Шабаршѣ было уже далеко за-сорокъ, но доселѣ онъ всегда считался лучшимъ украшеніемъ богатой свадьбы; невысокаго роста, безъ усовъ и бороды, онъ производилъ впечатлѣніе комика—по первому взгляду. Этотъ-то комизмъ или, скорѣе, шутовство при извѣстной ловкости и доставили ему славу хорошаго дружка.

Шабарша, несмотря на тѣсноту, быстро пробрался къ иконамъ и, поставивъ образъ Николая Чудотворца на подсвѣчникъ передъ святцами, возвратился къ своей парочкѣ, взглядами ихъ ободряя. Они же, символически связанные полотенцемъ, но, въ сущности, другъ отъ друга далекіе, стояли недалеко отъ лѣваго клироса, онъ—отъ природы безличный, равнодушный ко всему, она—можетъ быть, и одаренная сильной волей, но обезличенная воспитаніемъ и жизненными условіями. Ардальонова почти не сводила съ нихъ своей лорнетки, иногда улыбаясь, иногда возмущаясь, что Маша позволяла себѣ не быть довольной.

Обѣдня отошла; кончился и молебенъ съ многолѣтіемъ, удивительно громко и высоко провозглашеннымъ діакономъ. Произошла пауза, во время которой всѣ женихи со своими невѣстами вышли на середину церкви и начали готовиться къ вѣнцу. Многіе, пріѣхавшіе только для обѣдни, уѣхали, большинство же осталось: свадьбы — всегда интересное въ деревнѣ зрѣлище. Ушли изъ церкви и родители жениховъ и невѣстъ, по обыкновенію не присутствующіе на вѣнчаніи дѣтей своихъ. Въ числѣ прочихъ, ушли и Евтѣй Евтѣичъ съ Блохой, и старики Климачевы. Евтѣй Евтѣичъ мимоходомъ что-то шепнулъ урядинику; тотъ улыбнулся и отвѣтилъ: „Небось“! Оставшіеся размѣстились направо и налѣво, оставивъ середину церкви свободной. Стояли они бокомъ къ иконостасу, а лицомъ къ брачущимся, причемъ стоявшіе ближе къ солеѣ, въ особенности дѣти, понемногу вовсе поворачивались спиной къ алтарю. Пошли разговоры, подчасъ громкіе и со смѣхомъ. Всѣ разсматривали одежду невѣстъ и лѣзли поближе, чтобы лучше ихъ разглядѣть.

Не унялись разговоры и тогда, когда вышелъ о. Петръ для совершенія брака. Обрученіе было общее для всѣхъ, а самое вѣнчаніе производилось одновременно по числу вѣнцовъ, имѣвшихся въ церкви. Ихъ было трое; поэтому вѣнчали по три пары за-разъ. Въ числѣ первыхъ была и Маша съ Кирюхой. При

вѣнчаніи первыхъ трехъ паръ пѣли пѣвчіе, тоже, конечно, стоя спиной къ иконостасу. Остальнымъ воспѣвали два безголосыхъ псаломщика съ Трушкой. Наибольшее вниманіе привлекала Маша: всѣ знали, что она выходитъ насильно, знали, что она любитъ Сергѣя Ермакова,—всѣмъ хотѣлось разглядѣть ее; но что-либо прочесть на лицѣ ея не удавалось: она стояла неподвижно, какъ и въ обѣдню, только безкровное лицо ея еще какъ бы поблѣднѣло, глаза оставались сухи, губы иногда что-то шептали. Возносилась ли изъ души ея молитва къ Богу о себѣ и Сергѣѣ, невольное ли проклятье къ своей судьбѣ она не могла подавить въ себѣ, или шептала другу своего дѣвичества послѣднее „прости" —никто не зналъ; не сознавала того, вѣроятно, и сама она. Вѣроятно, было и то, и другое, и третье.

Кучка подругъ ея тоже жадно слѣдила за каждымъ движеніемъ ея.

— Гля-ка Машку-то. Краше въ гробъ кладутъ.

— Говорятъ, она хочетъ отказаться...

— Чего?

— Хочетъ батюшкѣ сказать, что не хочетъ идти за Кирюху.

— Ну, бреши больше. Нежто это можетъ статься? Да Евтѣй Евтѣичъ ее со двора сгонитъ, а то и убьетъ. Все готово, сколько родни съѣхалось. Обѣдъ готовъ. Да отецъ ея и Блоху-то прогонитъ, и самъ-то со стыда убѣжитъ.

— Захотѣла тоже—отказаться!

— А что̀ Сергѣй?

— Я его не видала. Говорятъ, здѣсь; Митричъ и то пришелъ. Говорятъ, въ ноги кланялся сыну. „Погубилъ, говоритъ, тебя. Прости меня".

— Лучше бы въ острогъ не попадалъ! А за острожника тоже не вотъ-на̀ отдадутъ невѣсту, да еще такую, какъ Машка.

— А зря Кирюха ее беретъ. Она сбѣжитъ. Ужъ очень характерна.

— Будешь характерна, коли жизнь не въ радость.

— А прежде, бывало, кто пѣсни игралъ, какъ Машка? Кто работалъ, какъ Машка? Нѣтъ, дѣвки, какъ хотите, а жалко бѣднягу!

Наконецъ, вѣнчаніе подходило къ концу. Роковое „да" Маша не произнесла: она пошевелила губами, что̀, конечно, было принято за согласіе. Вѣнчаніе первыхъ паръ кончилось; многіе пошли изъ церкви. Остались только родственники и друзья еще не обвѣнчанныхъ паръ. Вышла и Нина Николаевна, не спускавшая лорнета съ Маши и искренно негодовавшая на испорченную, непокорную

дѣвчонку. Молодыхъ подъ вѣнцами провели до дому Климачевыхъ. Евтѣй Евтѣичъ былъ человѣкъ почтенный, да и для храма Божьяго полезный. Онъ ѣздилъ въ Москву за колоколомъ. Вышелъ и Сергѣй, все время стоявшій въ заднемъ углу церкви. Какъ прошло вѣнчаніе Маши, онъ, вѣроятно, не слыхалъ: онъ стоялъ на колѣняхъ и молился: о чемъ, онъ самъ бы не сказалъ,—и о себѣ, и о ней, и о всѣхъ людяхъ. Слезы текли изъ глазъ его, и онъ ихъ даже не отиралъ. Какъ начали выходить, и онъ вышелъ и сталъ на паперти. Появилась Маша подъ вѣнцомъ. Онъ поднялъ на нее глаза; она почувствовала этотъ взглядъ и тоже посмотрѣла на него. Это было ихъ молчаливое прощаніе. Никто почти не замѣтилъ его, только урядникъ, оказавшійся рядомъ съ Сергѣемъ, проговорилъ: „Ну, ну, смотри, не скандалить". Процессія уже прошла, и Сергѣй, можетъ быть, и не слыхавшій наставленія урядника, пошелъ, самъ не зная куда.

Однимъ изъ послѣднихъ вышелъ изъ церкви невысокаго роста мужикъ, лѣтъ пятидесяти. Небольшая русая бородка съ просѣдью, рѣдкіе волосы, сквозь которые просвѣчивала кожа, глаза сѣрые, лицо, носъ обыкновенные, какъ пишется въ крестьянскихъ паспортахъ, ни въ какомъ случаѣ не обратили бы ничьего вниманія, еслибы не было несоотвѣтствія между его одеждой и торжествомъ дня. Въ лаптяхъ и поношенномъ зипунѣ онъ, казалось, попалъ сюда нечаянно. Только крайняя бѣдность или неряшливость могли объяснить это отступленіе отъ крестьянскаго обихода. Глаза у него были заплаканы. Это былъ крестьянинъ села Старой-Ивановки, Сергѣевъ отецъ, Митричъ, котораго дѣвки называли „острожникомъ". Онъ пошелъ домой не улицей, которая кишмя-кишѣла народомъ, а задворками.

III.

Домъ Климачевыхъ былъ недалеко отъ церкви. Три усадьбы отдѣляли его отъ церковной земли, на которой стояли школа и домъ духовныхъ. Шабарша опередилъ молодыхъ и съ причитаніями извѣстилъ о приближеніи свадьбы. Старики Климачевы съ хлѣбомъ-солью и овсомъ встрѣтили молодыхъ, которые, вошедши по разостланному холсту въ хату, усѣлись подъ образами. По обыкновенію, въ домъ могли войти не только званые, но и посторонніе, которыхъ всегда много является поглазѣть на свадьбу, въ особенности на богатую. Началось пѣніе пѣсней. Водка подносилась всѣмъ по стаканчику, а кто пѣлъ, тому и по два, и по

три. Сватъ со свахой и почетные гости размѣстились на лавкахъ и скамейкахъ вокругъ стола. Тутъ счету стаканамъ не было. Угощеніе было на славу: щи, лапша, пшенная каша, блины, блинцы, жареная говядина, огурцы и даже куры. Невѣстинъ шаферъ, полудружье, рѣзалъ мясо; ѣли руками; голову курицы символически дали молодой, а задъ—молодому; все сопровождалось подходящими причитаніями. Шабарша пилъ умѣренно и безъ устали угощалъ и смѣшилъ гостей. Нѣсколько часовъ продолжался пиръ. Нѣкоторые были сильно пьяны. Одинъ старикъ заснулъ на задникѣ [1]). Молодые сидѣли неподвижно: Кирюха смотрѣлъ на все безучастно. Маша тоже смотрѣла какъ автоматъ. Художникъ не могъ бы выбрать болѣе удобную модель для изображенія нѣмого отчаянія. Когда языки стали заплетаться, и говоръ сдѣлался громче, до ея слуха донеслось слово: „острожникъ". Говорилъ ея отецъ съ какимъ-то старикомъ. Старикъ говорилъ о Богѣ и о страшномъ судѣ.

— Охъ, и нехорошо, ребятушки, намъ, грѣшнымъ! И столько-то мы грѣшимъ, грѣшимъ. Чтò тамъ-то будетъ?

— А ты не грѣши; а коли грѣшишь, ходи въ церковь, замаливай грѣхи. Ныньче и острожникъ свои замаливаетъ.

— Эхъ, Евтѣй Евтѣичъ, острожникъ-то не лучше ли насъ съ тобой?

— Чтò?.. да ты ужъ не на носъ ли мнѣ это наматываешь? Я тѣ задамъ—„острожникъ лучше"!

— А не лучше? А мало ты людей по міру пустилъ? А Никитка кривой? А Андрошкины?

— Да ты, братъ, чтò разошелся? Иль учить меня вздумалъ? голь прокатная!

Евтѣй Евтѣичъ всталъ. Раскраснѣвшіеся отъ вина глаза его еще болѣе налились кровью. Вообще сдержанный, онъ во хмелю иногда свирѣпѣлъ. Всѣ его гнѣва боялись. Физическая сила, репутація справедливости, почетъ, окружающій богача—все заставляло молчать передъ нимъ. Молчалъ бы и его собесѣдникъ, да и ему вино развязало языкъ. Онъ хотѣлъ возражать, но вмѣшались старикъ Климачевъ и Шабарша, воздерживавшіеся отъ вина по своему положенію хозяина и дружка. Климачевъ обратился къ Евтѣю Евтѣичу:

— Сватушка, брось ты дурака; съ дуракомъ связываешься; выпьемъ лучше за здоровье молодыхъ.

— Да онъ не дуракъ! Онъ давно... я его...

---

[1]) Задняя лавка въ избѣ.

— Да брось ты его! Уважь свата. Вотъ его и нѣтъ ужъ.

Тѣмъ временемъ Шабарша подскочилъ къ пьяному спорщику и словами: „Вотъ что̀, дѣдъ Никифоръ, милому гостю почетъ да коникъ [1]), а немилому тумакъ да дверь“,—выпроводилъ его на улицу при смѣхѣ молодежи. Дѣдъ Никифоръ, шатаясь, поплелся къ себѣ, бормоча: — „Иродъ... острожникъ... Эхъ, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ“. — Сватья цѣловались и пили за здоровье молодыхъ.

При словѣ: „острожникъ“, Маша вздрогнула и перевела на отца глаза, въ которыхъ блеснулъ недобрый огонекъ. Замѣтила этотъ взглядъ только свекровь ея, которая и отъ печки часто взглядывала на свою новую сноху.—„Небось, смиришься“,—думала она и продолжала хлопотать, улыбаясь дорогимъ гостямъ. Почти не сводила глазъ съ Маши и мать ея. Она какъ сѣла у стола противъ нея, такъ и сидѣла неподвижно. Не обманывала она себя насчетъ чувствъ дочери; не вѣрила и въ то, что она смирится. Страшна ей казалась будущность ея, и тѣмъ больше жалѣла ее, что и сама себя винила въ ея участи. Теперь она только сознавала, что, тридцать лѣтъ проживъ съ мужемъ, она должна была возвысить голосъ, когда дѣло шло о счастьѣ всей жизни дочери ея. Теперь она соображала, что какъ ни силенъ, какъ ни своенравенъ былъ ея мужъ, но что ея дѣло было заступиться за дочь; и, можетъ быть, мужъ смягчился бы, понялъ бы ихъ, и теперь они сидѣли бы не здѣсь, а въ бѣдной избѣ Ермаковыхъ. Маша ея была бы счастлива, и все было бы такъ хорошо... Но счастьемъ Маши она пожертвовала ради своего спокойствія, и наказаніе уже начиналось. Она хотѣла бы плакать, какъ плачутъ надъ гробомъ умершаго ребенка, но плакать было нельзя, надо было казаться веселой, чтобы уважить свата со свахой и не разгнѣвать Евтѣя Евтѣича. „Дитятко милая, не на радость, а на горе великое отдала я тебя“,—въ душѣ причитала она, а самой надо было нѣтъ-нѣтъ, да выпивать со свахой нарочно для нея припасенную наливку. И чѣмъ больше она выпивала, тѣмъ больше сосали ея сердце раскаяніе и жалость; тѣмъ блѣднѣе, тѣмъ мертвеннѣе казалось ей неподвижное лицо ея послѣдней дочери.

Между тѣмъ пиръ становился все шумнѣе и шумнѣе. Одни входили, другіе выходили; хозяева, дружко, полудружье, не поспѣвали подносить вино; пѣсни становились громче, въ избѣ появилась гармоника; сначала солдатки, потомъ дѣвки и бабы на-

---

[1]) Передняя лавка.

чали плясать подъ ея звуки. Всѣ свадьбы давно разъѣхались изъ церкви по домамъ. Но нигдѣ не было столько народу, какъ кругомъ дома Климачевыхъ; кто хотѣлъ посмотрѣть на молодую, такъ какъ всѣ знали, что отдана она насильно; кто просто пришелъ поглазѣть; а кто надѣялся получить даровой стаканчикъ вина. Къ вечеру надъ молодыми начали „мудрить“. По командѣ Шабарши: „горько!“—надо было цѣловаться. Маша не двигалась. Молодой самъ поцѣловалъ ее и обтерся рукавомъ. Свекровь покосилась, молодежь стала шептаться.

— „Кто кому покоренъ?“—раздалась новая команда дружка.

Маша должна была кланяться мужу въ ноги, но она стояла и не двигалась; ропотъ удивленія послышался отъ такого небывалаго нарушенія обычая. Выручилъ Евтѣй Евтѣичъ.

— Аль не слышишь, дитятко?—сказалъ онъ сдержаннымъ, несмотря на хмель, голосомъ, и при этомъ подошелъ и такъ сжалъ ей руки выше локтя, что она какъ снопъ повалилась передъ мужемъ. „Смиришься!“—говорили Кирилловы глаза; „смиришься!“—прошипѣла свекровь. Долго потомъ—дольше обыкновеннаго—мудрили надъ ней. Глядя по тому, что̀ кому угодно будетъ крикнуть, Маша цѣловала мужа въ уши, руками брала его за уши и притягивала его губы къ своимъ. Маша все это дѣлала. Минута строптивости прошла: она уже покорилась.

Давно уже стемнѣло. На улицѣ шумъ становился все больше: молодежь собиралась кучками, пѣла монотонныя пѣсни, плясала подъ музыку изрѣдка гармоній, чаще жилеекъ и дудокъ, а то и подъ аккомпаниментъ тѣхъ звуковъ, которые въ тактъ производятъ дѣвушки, ударяя пальцами по губамъ. Кончался ужинъ у Климачевыхъ. Пора настала расходиться.

Брачное ложе было приготовлено для молодыхъ за дворомъ, въ хаткѣ рубленой, не плетневой. Климачевы не ударили лицомъ въ грязь. Молодежь вся высыпала на улицу; старики, выпивъ посошокъ, поплелись домой, шатаясь; въ избѣ оставались только молодые и ихъ родители, да Люба, Машина сестра, отданная замужъ въ сосѣднее село, Отраду, за хромого Ермошкина. Блоха подошла къ дочери и стала ее крестить.

— Ну, дитятко, прощай. Не забывай свою мамушку, которая носила и вскормила тебя. Прощай!

Не посмѣла Блоха сказать, какъ говорится въ этихъ случаяхъ, чтобы она любила своего мужа, чтобы были между ними миръ да любовь.

— Вскормила, ходила за тобой. Уму-разуму учила, припасла тебѣ приданое.

Надо было продолжать, что она ее въ церковь отвела и суженому отдала, но голосъ оборвался, она начала рыдать больше и больше. Маша припала къ груди матери; не ненависть къ будущему, оставлявшая ее невозмутимою въ своемъ отчаяніи, а сожалѣніе къ прошедшему, сулившему столько счастья, сразило ее. Она начала плакать сначала тихо, потомъ громче и громче; безсвязныя слова невольно вырывались у нея: „Мамушка, мамушка... зачѣмъ ты бросила меня... пожалѣй... прости"... Послышалось Блохѣ и имя Сергѣя, но что̀ о немъ хотѣла сказать Маша—она не узнала. Изъ объятій матери Маша перешла въ объятія сестры, свидѣтельницы ея дѣвическихъ грезъ. Люба, сама многое пережившая, лучше другихъ могла понять ея душевное состояніе, но словъ утѣшенія найти не могла. Долго плакала Маша, прощаясь съ матерью и сестрой, пока плачъ не перешелъ въ истерику. Изба опять наполнилась народомъ, всегда падкимъ до всякихъ зрѣлищъ. Эти сцены, обычныя въ такихъ случаяхъ, даже при счастливыхъ свадьбахъ, не удивили сначала никого; но когда поняли, что это слезы неизлечимаго отчаянія, начали шептаться. Подруги жалѣли Машу и невольно думали о своихъ женихахъ и суженыхъ. „Слюбятся!"—думалъ Евтѣй Евтѣичъ и большинство присутствовавшихъ. „Смиришься!"—говорили про себя свекровь и мужъ. Наконецъ, старуха Климачева нашла нужнымъ вмѣшаться:

— Ну, чего же, дочка, убиваться?—вѣдь была мамушка одна, а станетъ двѣ. Иль не милы мы тебѣ?

— Иди, дитятко, иди, Богъ съ тобой!—черезъ силу сказала Блоха.

Люба въ ковшикѣ принесла холодной воды; Маша выпила и обвела заплаканными глазами всю избу. Взглядъ ея остановился на мужѣ, и ей досадно стало, что она не удержалась предъ нимъ. Она готовилась къ борьбѣ, и передъ борьбой выказала слабость. Она обтерлась фартукомъ, еще выпила воды, и со словами: „Батюшка, мамушка, сестрица, не поминайте лихомъ", вышла изъ избы.

За нею повалилъ народъ. Дружко повелъ молодыхъ въ хату съ причитаніями, уговаривая жить дружно, другъ друга любить. Наконецъ, и изъ хаты всѣ вышли. Молодые остались одни...

Долго еще на улицѣ раздавались пѣсни и шла пляска. Ребята „играли" съ дѣвками и угощали ихъ, кто чѣмъ могъ. Годъ былъ хорошій, и „Казанскую" справляли на славу.

Въ одной только избѣ не было праздника, не было водки, не было шума. Никто за весь день не входилъ и не выходилъ

изъ нея. Это была изба „острожника". Какъ онъ вернулся домой, какъ вернулся Сергѣй—они бы сказать не съумѣли. Цѣлый день они не ѣли; только Митричъ, по просьбѣ старухи-жены, къ вечеру съѣлъ кусочекъ чернаго хлѣба и выпилъ кружку квасу.

Не разъ онъ подходилъ къ сыну и долго, долго глядѣлъ на него. Наконецъ, къ вечеру, онъ рѣшился заговорить съ нимъ.

— Сережа, прости меня окаяннаго, ради Христа!

— Богъ проститъ, батюшка, и я прощу, но не теперь. Знаю, что не виноватъ ты въ горѣ моемъ, но... ой, Боже, какъ тяжело!

— Поплачь, поплачь, сынокъ! — говорила мать: — вѣдь и она, небось, плачетъ теперь!—прибавила она ему на ухо.

Ребенокъ въ люлькѣ закричалъ: старуха пошла его укачивать: „Ну бай, ну бай"... слышалось въ избѣ. Сергѣй молчалъ и не плакалъ. Митричъ тоже молчалъ: онъ надѣялся получить прощеніе сына. Семилѣтняя Надёжка училась уже прясть. Миколка гдѣ-то на улицѣ смотрѣлъ, какъ ребятишки играютъ, но самъ играть не смѣлъ, чтобы не услыхать: „у-у-у... острожникъ!"

IV.

Село Старая-Ивановка лежитъ, какъ и всѣ села, на берегу рѣки. Черезъ село проходилъ одинъ изъ уѣздныхъ земскихъ трактовъ; въ старину по немъ ѣзжали на Москву, а потому въ земствѣ онъ называется „Московскимъ". Онъ тянется параллельно рѣкѣ на протяженіи четырехъ верстъ. Усадьбы, расположенныя по берегу рѣки, утопаютъ въ зелени осокорей, необыкновенно легко принимающихся и быстро ростущихъ въ этомъ мѣстѣ. Эти усадьбы особенно дорого цѣнятся: прекрасные огороды, возможность имѣть на своей же усадьбѣ лѣсъ для мелкихъ хозяйственныхъ надобностей, близость рѣчной воды, нужной бабамъ для бѣленія холстовъ и вообще въ хозяйствѣ, дѣлаютъ эти усадьбы особенно цѣнными. Владѣльцы ихъ дорожатъ ими больше всего. Тутъ живутъ богачи, жадно при дѣлёжкахъ слѣдящіе, не собирается ли кто продавать нижнюю усадьбу.

Гораздо хуже верхнія усадьбы, расположенныя, по другой сторонѣ большой дороги. Все-таки эти мѣста—насиженныя, съ хорошо унавоженными огородами, съ гумнами, обсаженными ветлами. Нельзя того же сказать про новыя улицы, разбитыя перпендикулярно большой дорогѣ и носящія названія: „Погорѣловки", „Чибизовки", „Бутырокъ". Здѣсь живетъ старо-иванов-

ская голытьба. Дѣлится семья—часть обездоленная идетъ селиться на Бутырки; пропился мужикъ—продастъ нижнюю усадьбу богачу, а самъ идетъ на Погорѣловку. Здѣсь картина совсѣмъ другая: семи-аршинная изба, иногда плетневый дворъ—все это кое-какъ слѣплено, безъ гумна, безъ деревца: такъ и чувствуется, что при попутномъ вѣтрѣ, загорись порядокъ съ одного конца—та́къ и дойдетъ до другого, несмотря на всякія трубы и бочки. Такъ и было въ дѣйствительности: Погорѣловка такъ и названа отъ того, что три раза выгорала сплошь.

Ближе къ одному изъ концовъ села, противъ выгона, на которомъ собирался по понедѣльникамъ базаръ, стоитъ большая деревянная церковь, построенная полтораста лѣтъ тому назадъ, когда въ этой губерніи были еще тѣ старинные лѣса, о которыхъ теперь еле сохранилось воспоминаніе. Построенная изъ дуба въ обхватъ толщиной, она вполнѣ замѣняла каменную. За то старо-ивановцы не жалѣли средствъ на ея внутреннее украшеніе.

Рядомъ съ церковью возвышается двухъ-этажное каменное зданіе министерской двухъ-классной школы. По причудливой крышѣ и окнамъ видно, что строитель ея хотѣлъ придать ей видъ готическій. По другую сторону тянулись пять усадебъ духовныхъ, затѣмъ мелочная лавка купца изъ мѣстныхъ крестьянъ, его же трактиръ, а рядомъ—усадьба Дегтеревыхъ, по уличному—Климачевыхъ. Фамилій на селѣ было немного,—поэтому, еслибы кто спросилъ про Ѳедора Дегтерева, то услыхалъ бы отвѣтъ: „а кто его знаетъ, Дегтеревыхъ много". Даже сосѣди не отвѣтили бы; мало того: бабы, по выходѣ въ замужество, первые года̀ не знаютъ фамиліи мужа, а слѣдовательно и своей. Знать фамиліи—дѣло посельнаго писаря, записывающаго ихъ въ приговорахъ. Зато спросите Климачева—и всякій мальчишка вамъ покажетъ его домъ.

Даже фамиліи Евтѣя Евтѣича Юдакова—и то никто не зналъ, ужъ на что извѣстный на селѣ человѣкъ! А скажите: „Купріяшинъ"—малая дѣвочка пойметъ.

Ѳедоръ Климоновъ Дегтеревъ, иначе Ѳедоръ Климачевъ, былъ, когда женилъ сына Кирилла, старикъ лѣтъ 65-ти, худой, маленькаго роста, казавшійся еще меньше оттого, что года его согнули, и онъ былъ сутуловатъ настолько, что нормально смотрѣлъ въ землю; когда же хотѣлъ взглянуть вдаль, а тѣмъ болѣе наверхъ, ему приходилось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы выпрямиться. Онъ былъ совсѣмъ лысый, такъ что лобъ кончался на спинѣ; только за ушами еще оставались волосы,

почему-то не посѣдѣвшіе, а оставшіеся черными, также какъ и жидкая борода его. Глаза его были вѣчно красные и влажные; говорилъ онъ громко, какъ-то особенно отчетливо выговаривая слова.

Непохожа на него была его жена, Анна Иванова, высокая, сохранившая, несмотря на сѣдые волосы, слѣды прежней красоты, старуха; она была лѣтъ на десять моложе мужа: дѣвкой еще она вышла за вдовца, не побрезговавъ имъ, какъ другія. Дѣтей у него не было, домъ былъ искони богатый, старики у него старые, да и характеръ покладистый. Она это сообразила, и хотя 27-лѣтній вдовецъ въ деревнѣ считается женихомъ незавиднымъ, поторопилась выйти за него, предварительно пустивъ въ ходъ всѣ свои чары, лишь бы его завлечь въ свои сѣти.

Раскаиваться ей не пришлось. Она сразу пріобрѣла такое вліяніе на мужа, что тотъ слова не смѣлъ говорить противъ нея. Хозяинъ онъ былъ прекрасный: съ утра до ночи или въ полѣ съ работникомъ, или на гумнѣ, или на дворѣ—онъ успѣвалъ за всѣмъ услѣдить, все привести въ порядокъ. Это сознавала и Анна, и въ распоряженія его по полю или по скотинѣ не вмѣшивалась, но зато дома она была полновластной хозяйкой. Какъ устроить праздникъ, дать ли кому денегъ или хлѣба взаймы, выдать ли дочь замужъ — все это вопросы, которые она рѣшала единолично, не позволяя мужу себѣ перечить. И надо отдать ей справедливость, что роль хозяйки или скорѣе хозяина она исполняла превосходно. Торговли она боялась, указывая то на того, то на другого проторговавшагося односельца; арендовать много земли тоже не позволяла, говоря, что курочка по зернышку клюетъ—и то сыта бываетъ; взаймы давала людямъ вѣрнымъ и подъ хорошіе проценты. Много денегъ у нея не было, но по крестьянству Климачевы считались богачами; домъ у нихъ былъ всегда полная чаша; одонья оставались въ лѣто; скотина водилась всегда лишняя, нужды не видали и въ голодные года.

Сознаніе своего превосходства и привычка командовать развили въ ней такую любовь властвовать, что она перестала терпѣть какое-либо противорѣчіе со стороны мужа. Физически сильнѣйшая, она прибѣгала къ обычному средству убѣжденій—кулакамъ. Въ особенности въ ярость приводило ее, когда Ѳедоръ позволялъ себѣ выпить лишнее, чт̀о случалось довольно часто, благодаря сосѣдству трактира. Не разъ посѣтители этого заведенія съ нескрываемою радостью присутствовали при сценахъ усмиренія иногда разгулявшагося мужа.

— Ты опять здѣсь? А? пьяная рожа! А дѣтей забылъ. Мало, что женинъ вѣкъ загубилъ. Чѣмъ работать — по кабакамъ шляешься... Ну, нечего, поворачивайся домой!

— Да я съ кумомъ насчетъ кобылы...

— Будетъ, будетъ, знаемъ... насчетъ кобылы. Да и тебѣ, кумъ, стыдно: знаешь, у дурака жена, дѣти... Да пойдешь ты, аль нѣтъ?

При этомъ она брала мужа за шиворотъ и, при громкомъ хохотѣ присутствующихъ, уводила его домой, по дорогѣ нѣсколько разъ ущипнувъ его, а то и такъ спихнувъ со ступенекъ трактира, что онъ кубаремъ летѣлъ въ грязь, даже и въ сухое время бывшую передъ трактиромъ.

Дѣтей у нихъ было много, но бо̀льшая часть умирали въ дѣтствѣ. Въ живыхъ остались старшая дочь Марья, замужемъ за односельцемъ, знакомый намъ Кириллъ, да двѣ дѣвочки — Анютка 13-ти лѣтъ и Пара̀шка 11-ти лѣтъ. Всѣ дѣти боялись матери, которая не скупилась на колотушки. Они съ малолѣтства привыкли смотрѣть на все ея глазами. Кирюха, отъ природы безличный, былъ ея любимцемъ: молча исполняя ея приказанія и идя на встрѣчу каждому ея желанію, онъ съумѣлъ такъ ее расположить къ себѣ, что и она, въ свою очередь, старалась ему сдѣлать пріятное,—приберегала лучшіе кусочки, не жалѣла денегъ на одёжу. Хуже было положеніе дочерей: работать съ малолѣтства имъ приходилось не по силамъ. Сама неутомимая работница, Анна и десятилѣтнихъ дѣвочекъ заставляла цѣлыя ночи просиживать за пряжей.

Отецъ ихъ, когда его пускали на базаръ одного, иногда урветъ изъ проданнаго овса двугривенный, другой, купитъ дѣвочкамъ жамковъ или баранокъ и дастъ, бывало, потихоньку. Горе, если они попадались: и дѣвочкамъ доставалось, и старику. Сердился на нихъ, и не скрывалъ этого, и Кирюха, который привыкъ смотрѣть на отца чуть не какъ на работника.

V.

Разъ произошелъ неожиданный случай. Это было года полтора до описываемыхъ нами событій. Ѳедоръ Климачевъ продавалъ въ самую распутицу лишнюю лошадь. Лошадёнка была немудрая, но шустрая: взять за нее онъ рѣшилъ съ женой рублей 30. Какъ онъ сталъ въ конномъ ряду, такъ подходитъ какой-то баринъ, обошелъ его лошадь, посмотрѣлъ ей въ зубы, велѣлъ

проѣхаться. Ѳедоръ видѣлъ, что лошадь понравилась, и запроси 50 рублей. Съ двухъ словъ покончили на 45 рубляхъ, ударили по рукамъ. Ѳедоръ передалъ лошадь покупателю изъ полы въ полу и положилъ деньги въ карманъ. На радостяхъ выпилъ порядочно, и рѣшилъ сдѣлать дочерямъ подарки; тутъ же на базарѣ купилъ по пяти четвертаковъ два шерстяныхъ платка и, торжествующій, явился домой съ обновками, которыя и передалъ дѣвочкамъ. Тѣ запрыгали отъ радости и бросились его цѣловать. Но не такъ приняла это дѣло его жена.

— Это что̀ такое? Да ты оболдѣлъ?

— Съ радости выпилъ, да дѣвочекъ потѣшить захотѣлъ.

— Съ какой радости?

— Сѣруху-то мы за тридцать цѣлковыхъ отдать порѣшили, а я цѣлыхъ сорокъ-пять получилъ. Вотъ и деньги.

— А я имъ купить не могла, что̀ надо? Я вамъ задамъ платки...

На этихъ словахъ, Анна выхватила изъ рукъ дочерей платки, причемъ Анютку, не сразу отдавшую платокъ, толкнула такъ сильно, что та упала. Старикъ, подъ вліяніемъ вина, вздумалъ заступаться.

— Да что ты, очумѣла что-ль? Аль я не хозяинъ? Я наживалъ, я и Сѣруху выростилъ, а въ своихъ деньгахъ не воленъ? Отдай платки!

— Ты наживалъ? А я не наживала? Да ты бы давно всѣхъ по міру пустилъ безъ меня. Дѣвки—мои: я съ ними, что̀ хочу, то и дѣлаю. Слышишь?

— А я имъ не отецъ? Не дамъ тебѣ больше измываться надъ ними, да и надо мной. Я—хозяинъ, а твое дѣло—слушаться. Вотъ тебѣ и весь сказъ. А не хошь—я старшину позову.

— Старшину? Да ты не ополоумѣлъ? Ты мой вѣкъ загубилъ, да ты еще буянить хочешь. Ступай вонъ отсюда, пьяная рожа!

— Что? Я хозяинъ, и ты меня же гонишь? Ахъ, безстыжая тварь, я тѣ покажу, что я—хозяинъ!

Ѳедоръ Климачевъ при этихъ словахъ разозлился. Ему, десятки лѣтъ исполнявшему всѣ желанія жены, захотѣлось въ эту минуту показать свою власть надъ ней, и онъ подскочилъ къ ней съ поднятыми кулаками и даже ударилъ ее кулакомъ по щекѣ; но, какъ всегда бываетъ, когда человѣкъ сознаётъ въ душѣ свою слабость, ударилъ не изо всей силы, какъ будто боясь сдѣлать больно. Жена его оцѣпенѣла отъ удивленія, но, вскорѣ оправившись, вцѣпилась ему въ бороду. Дѣвочки закричали;

Кирюха смотрѣлъ и не вступался. Старикъ еще больше разошелся и вступилъ со старухой въ бой.

— Кирюха, ослѣпъ что-ль? Иль не видишь, что твою мать бьютъ?—закричала она.

18-лѣтній Кириллъ съ самаго начала сцены былъ на сторонѣ матери. Онъ понялъ, что деньги, затраченныя на платки его сестеръ, достались бы со временемъ ему. Онъ тотчасъ же рѣшилъ помочь матери, бросился сзади и схватилъ отца за руки. Онъ цѣплялся руками за что могъ, за лавки, за притолки, но не надолго. Жена и сынъ отталкивали его, то ногтями впиваясь въ его руки, то сухими ударами кулака заставляя его бросить точку опоры. Старикъ кричалъ, что онъ хозяинъ, что онъ имъ покажетъ, какъ драться, но ничего не помогало: его вытащили изъ избы въ сѣни, изъ сѣней на улицу, и заложили крючки, какъ съ улицы, такъ и со двора.

Выброшенный на улицу, оцарапанный, избитый, въ разорванной одеждѣ, онъ окончательно разсвирѣпѣлъ и началъ стучаться въ дверь: но хорошо сколоченная дверь и прочный крючокъ не подавались. Старикъ, какъ угорѣлый, бѣгалъ кругомъ дома, страшно ругаясь; онъ даже выбилъ два стекла въ окнахъ и еле-еле удержанъ былъ набѣжавшими сосѣдями отъ дальнѣйшаго погрома.

Анна схватила рогачъ, готовая каждую минуту отразить нападеніе; Кириллъ сидѣлъ на передней лавкѣ и утирался; дѣвочки съ воемъ бѣгали вокругъ матери, но не могли ее успокоить. Старикъ нѣсколько разъ пытался войти въ избу, но ему это не удавалось. Часъ спустя уже совсѣмъ стемнѣло, а старикъ все стучался. Наконецъ, одинъ изъ сосѣдей взобрался до окна и началъ уговаривать Анну впустить старика.

— Это ты еще съ чего вздумалъ, сватъ? Онъ же напился, онъ же деньги мотаетъ, онъ же скандалитъ, а я ему кланяйся, да дверь отпирай, да терпи его скандалы, а еще хуже — его побои! Нѣтъ, этому не бывать, хоть ложись, да умирай!

Видя, что ему не войти въ домъ, Ѳедоръ рѣшился переночевать у свата. Онъ строилъ планы мести и собирался доказать, что онъ въ домѣ хозяинъ. Наконецъ, онъ заснулъ и проспалъ до утра.

На слѣдующій день въ старо-ивановскомъ волостномъ правленіи старшина Андрей Уваровичъ Хрѣновъ, входя, увидалъ старика Климачева при входѣ.

— Здравствуйте, Андрей Уваровичъ!

— А, Өедоръ Климоновичъ, здорово. Съ чѣмъ Богъ принесъ?

— Да, вотъ, Андрей Уваровичъ, я къ вашей милости съ жалобами. Жена съ сыномъ изъ дому меня выгнали. Я дѣвкамъ на базарѣ платки купилъ. Такъ вотъ—зачѣмъ покупалъ, не спросясь. Какъ начали меня ругать, начали ругать; мать сына шумнула, да вдвоемъ меня и вытолкали изъ хаты.

— Чудно́ что-то. На старости лѣтъ вздумали драться. Ступай ты, Өедоръ Климоновичъ, домой, не скандаль, а то вѣдь стыдно будетъ передъ народомъ. Вамъ ли, старикамъ, судиться? И изъ-за пустяковъ!

— Нѣтъ ужъ, Андрей Уваровичъ, сдѣлай милость, разбери, я больше женѣ кланяться не намѣренъ. Я—хозяинъ.

Какъ ни уговаривалъ его старшина, онъ стоялъ на своемъ; разбери, да разбери. Главное, больно было ему, что сынъ поднялъ на него руку. Старшина надѣлъ знакъ и отправился къ дому Климачевыхъ.

Анна хлопотала у погреба, какъ вдругъ увидала подходящаго къ избѣ ея старшину и мужа. Она такъ и ахнула, но, быстро оправившись, рѣшила дать отпоръ надвигавшейся грозѣ. Она обтерла руки, распустила подобранную понёву и встрѣтила у двери начальство. Кирюха былъ на мельницѣ, дѣвочки—въ избѣ.

Въ избу вошелъ и старшина, а за нимъ—Өедоръ и Анна. Перекрестившись передъ образами, старшина обратился къ Аннѣ.

— Что это вы вздумали скандалить? А гдѣ Кирюшка?

— На мельницѣ, Андрей Уваровичъ.

— Ну, пошли за нимъ скорѣе. Я вамъ дамъ скандалить, да бить старика. Это на что похоже?

— Никто, господинъ старшина, его не билъ. Самъ онъ налопался на базарѣ винища и пришелъ скандалить. Вотъ у меня и синяки на рукахъ. Вѣдь всю избилъ, смертнымъ боемъ билъ.

— Нешто ты пьянъ былъ? спросилъ старшина.

— Хмеленъ былъ маленько, а драться не дрался. Они на меня напустились съ кулаками, да вытолкали изъ избы.

— А свидѣтели есть у тебя?

— Какіе свидѣтели! Никакихъ свидѣтелевъ не было. Мы одни въ избѣ были. Да я нешто врать стану! Семьдесятъ лѣтъ мнѣ, гдѣ же тутъ врать.

Долго еще разбиралъ дѣло старшина. Сосѣди собрались послушать, и всѣ заявили, что въ избѣ ничего не видали; видѣли только, какъ Өедоръ, пьяный, ходилъ вокругъ избы, ругался, билъ

стекла и старался выбить дверь, въ которую его не пускали. Пришелъ Кириллъ и тоже заявилъ, что отца не билъ, а держалъ за руки, когда тотъ смертнымъ боемъ билъ мамушку. Въ дверь его не пускали, а то онъ убилъ бы ее.

Рѣшеніе старшины было такое: „Самъ Ѳедоръ виноватъ, что напился и скандалилъ. Еще спасибо ему скажи, что онъ не сажаетъ его въ кутузку. Живите, молъ, мирно, а то вздумали ссориться на старости лѣтъ! Кирюха долженъ отца почитать, но нельзя же и мать давать бить". На этомъ старшина снялъ знакъ и пошелъ въ правленіе.

По пятницамъ, въ своемъ имѣніи, въ 10-ти верстахъ отъ Старой-Ивановки, мѣстный земскій начальникъ принималъ просителей, причемъ въ сборѣ бывали всѣ три старшины и волостные писаря его участка.

Въ ближайшую, послѣ описаннаго скандала, пятницу въ числѣ просителей къ нему въ камеру зашелъ и Ѳедоръ Климачевъ. Когда очередь дошла до него, онъ сначала выпрямился, потомъ низко поклонился земскому начальнику.

— Тебѣ чтò, старикъ?

— Я къ вашей милости; позвольте раздѣлиться. Меня сынъ не почитаетъ, и жена тоже. Я, ваше высокоблагородіе, дѣвкамъ платки купилъ, потому на базарѣ лошадь продалъ за хорошую цѣну. Такъ они меня изъ дому выгнали. Явите божескую милость: позвольте отдѣлиться?

— Да съ кѣмъ ты хочешь дѣлиться!

— Съ сыномъ и женой. Пущай себѣ живутъ, Богъ съ ними; а я уйду: житья нѣтъ. До семидесяти лѣтъ дожилъ, а тебѣ вотъ какой почетъ. Увольте, Христа ради!

— Я ничего не понимаю. Старшина, ты дѣло знаешь?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, я ихъ уже мирилъ.

— Ну, разскажи, въ чемъ дѣло.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, жители они хорошіе и никогда не судились. Въ понедѣльникъ на базарѣ онъ напился пьянъ, да и наскандалилъ дома. Жена и сынъ его вывели, а то онъ дрался и все билъ, даже два стекла выбилъ. Свидѣтели говорили. Такъ теперь, поди-жъ его, вздумалъ отдѣлиться отъ жены и сына и отойти изъ дому одинъ. Я ужъ ему говорилъ, что нельзя,—такъ нѣтъ: хотѣлъ вашу милость обезпокоить.

— Ну, чего же ты лѣзешь? Тебѣ сказалъ старшина, чтò такъ дѣлиться нельзя. И ступай.

— Да какъ же, ваше высокоблагородіе, аль я въ дому не хозяинъ? Какіе же это порядки, коли сынъ отца бить будетъ?

Старшина вмѣшался.

— Никакихъ, ваше высокоблагородіе, ему оскорбленіевъ не было, я самъ дознаніе производилъ. Онъ же наскандалилъ и цѣлую недѣлю изъ волостной не выходитъ. То — приди къ нимъ въ домъ, то—запиши жалобу на сына о побояхъ. Я ему ужъ объяснилъ, что это дѣло подсудно окружному суду. Такъ нѣтъ же—и ваше высокоблагородіе безпокоить вздумалъ.

— Явите божескую милость!—взмолился старикъ.

— Тебѣ сказано, ступай, такъ ступай. Ты, старшина, ихъ распустилъ. Самъ скандалитъ, самъ же жаловаться лѣзетъ. Выведи его!

Старшина подхватилъ Ѳедора подъ-руку и вывелъ изъ камеры. Первый разъ въ жизни старикъ, по постановленію старшины, двое сутокъ отсидѣлъ въ „тигулевкѣ“, чтобы „не распускались“.

Больше онъ на жену не жаловался.

VI.

Какъ для крестьянскихъ семействъ есть уличныя фамиліи, такъ есть особыя уличныя имена и у многихъ деревенскихъ бабъ. Имена эти часто переходятъ отъ бабы по наслѣдству къ одной изъ замужнихъ дочерей, обыкновенно той, которая почему-либо ближе къ матери. Таковымъ уличнымъ прозвищемъ величали Варвару Степановну Юдакову, жену Евтѣя Евтѣича Юдакова, Купріяшина-тожъ. Ее звали Блохой, какъ звали ея мать и ея бабушку. Послѣднюю прозвали такъ за маленькій ростъ, смуглый цвѣтъ лица, черные волосы и необыкновенно подвижной характеръ. Молодой Блохой стали уже называть и Варварину дочь, Машу. Дворовая дѣвушка покойнаго капитана перваго ранга, Никиты Николаевича Ардальонова, Варвара еще при крѣпостномъ правѣ была выдана за бурмистрова сына, Евтѣя Евтѣича Юдакова. Говорили, да и теперь еще изрѣдка повторяютъ, что ее поторопились выдать замужъ, чтобы скрыть послѣдствія минутной склонности къ юркой дѣвочкѣ молодого пажа, Степана Никитича. Какъ бы тамъ ни было, но жили Купріяшины дружно.

Евтѣй Евтѣичъ, послѣ смерти отца, какъ всѣ дворовые, остался съ женой нищими, но, предпріимчивый, ловкій, хорошо грамотный, благодаря дѣтству, проведенному въ саду подъ начальствомъ стараго богомольнаго садовника, вѣчно читавшаго

книги, притомъ исключительно божественныя,—онъ быстро сталъ наживать деньги.

Первой его заботой, послѣ отмѣны крѣпостного права, было приписаться въ земельные крестьяне села Старой-Ивановки, что̀ тогда дѣлалось довольно легко при помощи нѣсколькихъ ведеръ водки. Затѣмъ, оставшись у Ардальоновыхъ служить въ саду, вмѣстѣ съ женой, исправлявшей обязанности прачки, онъ получалъ порядочное жалованье и первые года̀ копилъ деньги. Въ это время молодые Купріяшины прославились своею скупостью. Копить деньги имъ помогало то обстоятельство, что первыя шесть лѣтъ ихъ супружеской жизни у нихъ не было дѣтей, такъ какъ первая беременность Блохи разрѣшилась выкидышемъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Евтѣю Евтѣичу удалось привести въ исполненіе завѣтную мечту — купить нижнюю усадьбу у пропившагося мужика. Они бросили мѣсто у Ардальоновыхъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ уже было двое дѣтей, и поселились въ своемъ домѣ.

Высокій, очень сильный, съ рыжей подстриженной бородой, съ умными маленькими глазами, онъ рѣзко отличался отъ жены— маленькой, юркой, черноглазой, съ нѣсколько испуганнымъ взглядомъ. Онъ представлялъ изъ себя типъ силы, физической и умственной; она являла примѣръ покорности, не лишенной часто инціативы и сообразительности. Его цѣлью было пріобрѣсти деньги, почетъ; онъ любилъ, когда его величали, когда передъ нимъ ломали шапку.

Въ садовникахъ еще онъ умѣлъ всегда угодить хозяевамъ, да и себя не забывать; везъ ли онъ арбузы продавать на базаръ, или приводилъ покупателя на яблоки, или продавалъ огурцы и капусту—всегда хорошо было хозяевамъ, недурно и ему. Говорили на селѣ, что, разъ исполняя обязанности ключника, онъ не одинъ мѣшокъ ржи спровадилъ на село. Доходило это и до слуха Ардальоновыхъ, но это какъ-то сошло не только безнаказанно для него, но и къ вящшей его славѣ. Услыхавъ, что про него говорятъ дурно, онъ явился къ барынѣ и началъ проситься домой. Та спросила—почему. Тогда онъ изложилъ свою обиду— что служилъ онъ вѣрой и правдой, а что его подозрѣваютъ въ кражахъ, да еще такихъ крупныхъ. Пришлось его уговаривать и увѣрять, что не думали его оскорблять.

Дѣтей у него было пять человѣкъ: двѣ дочери и три сына. Старшая дочь была выдана, годъ тому назадъ, въ сосѣднее село Отраду; младшая была Маша, на свадьбѣ которой мы присутствовали. Старшій сынъ, Егоръ, 27-ми лѣтъ, былъ отдѣленъ отцомъ

за то, что не съумѣлъ укротить неладившую со свекромъ жену. Онъ былъ отдѣленъ почти ни съ чѣмъ и жилъ на Бутыркахъ съ женой и пятью дѣтьми, изъ коихъ старшему мальчику было семь лѣтъ. Второй сынъ, Андрей, первый годъ былъ въ солдатахъ, оставивъ бездѣтную жену, которая, черезъ мѣсяцъ послѣ отдачи мужа въ солдаты, ушла къ родителямъ. Злые языки говорили, что причина этого ухода крылась въ Евтѣѣ Евтѣичѣ. Наконецъ, Аѳанасій, мальчишка лѣтъ 17-ти, жилъ при отцѣ.

Евтѣй Евтѣичъ съумѣлъ пріобрѣсти совсѣмъ исключительное положеніе въ селѣ. Первый человѣкъ на сходѣ, онъ умѣлъ отстаивать крестьянскіе интересы, когда на нихъ посягалъ кабатчикъ или арендаторъ базарной площади, даже съ поддержкой старшины. Онъ умѣлъ и уговаривать сходъ, когда видѣлъ, что надо исполнить какое-нибудь желаніе начальства. Тягаться ли съ кѣмъ—выбирали повѣреннымъ Евтѣя Евтѣича; за колоколомъ въ Москву ѣздилъ опять Евтѣй Евтѣичъ. Отъ колокола онъ не только ничего не нажилъ, но и поѣздку совершилъ на свой счетъ. Даже съ Ардальоновой онъ съумѣлъ сохранить хорошія отношенія: при случаѣ онъ ей разсказывалъ старо-ивановскія новости, причемъ аттестовалъ того или другого мужика, какъ ему нужно было. Хотѣла ли Ардальонова кому дать взаймы деньжонокъ или лошадь—она нерѣдко совѣтовалась съ Евтѣемъ Евтѣичемъ. А въ голодный годъ онъ принималъ близкое, хотя и неоффиціальное участіе въ раздачѣ комитетскаго хлѣба.

Силу его за послѣднее время сознавали всѣ: отецъ Петръ съ нимъ даже дружилъ и рѣдко проходилъ мимо его дома, чтобы не зайти. Впрочемъ, ихъ сблизило общее дѣло. Оба они были знатоки въ лошадяхъ и вмѣстѣ ими барышничали. Купятъ двухъ-трехъ лошадей, когда видятъ, что сходно можно ихъ пріобрѣсти, а въ слѣдующій же понедѣльникъ продадутъ съ барышомъ. Вообще, Евтѣй Евтѣичъ не брезговалъ никакимъ дѣломъ: онъ торговалъ землей, дешево ее снималъ осенью, а за двойную цѣну отдавалъ ее тѣмъ же иногда мужикамъ, съ платой денегъ къ Успенью. Онъ давалъ денегъ взаймы, причемъ процентовъ не бралъ деньгами, а кое-чѣмъ, что̀ ему часто приносило 200 на 100, но не мѣшало ему хвалиться, что онъ выручаетъ бѣдноту задаромъ.

VII.

Въ 1893 году, домъ Купріяшина былъ только-что выстроенъ—каменный, крытый желѣзомъ, но уже не на той усадьбѣ, которую

онъ купилъ въ молодости, а на новой, пріобрѣтенной въ голодный годъ у старика Андрошкина. Эта усадьба была лучшею въ Ивановкѣ и занимала площадь въ десятину. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала изгибъ, такъ что къ усадьбѣ примыкалъ полуостровъ, вдававшійся въ рѣку и представлявшій заливной лугъ съ прекраснымъ лѣсомъ повыше, гдѣ былъ знаменитый Купріяшинскій пчельникъ.

Эта усадьба, гордость Евтѣя Евтѣича, составляла предметъ его непрестанныхъ заботъ: обстраивать, обсаживать, украшать ее — было его любимымъ дѣломъ. На томъ, какъ онъ ее пріобрѣлъ, стóитъ остановиться.

Когда, въ 1891 году, уже въ іюлѣ опредѣлился полный неурожай въ центральной Россіи, крестьянъ многихъ потянуло на переселеніе въ Сибирь. Изъ Старой-Ивановки въ августѣ поѣхало пять человѣкъ ходововъ на развѣдки хорошихъ мѣстъ. Поѣхали они въ мѣстность, гдѣ уже жили многіе, раньше выселившіеся, крестьяне изъ этого уѣзда.

Въ числѣ ходоковъ поѣхали Андрей Андрошкинъ, сынъ старика Власа. Всѣ они, въ томъ числѣ Андрей, къ концу сентября прислали письмо, что тамъ не жизнь, а рай; совѣтовали поскорѣй распродать имущество и ѣхать къ нимъ. Они же обѣщались ихъ ждать. Нѣкоторые прибавили, что если семейные и не потянутъ за ними, то они, все равно, тамъ останутся.

Рѣшилъ ѣхать и Власъ Андрошкинъ, 70-лѣтній старикъ, съ женой, тремя уже не первой молодости сыновьями и безчисленнымъ множествомъ внучатъ. Власъ жилъ плохо. Никто изъ нихъ не былъ пьяницей, всѣ работали до устали, а имущество не прибавлялось, а убавлялось. Жизнь предъявляетъ къ русскому крестьянину такія требованія, что удовлетворить имъ и выйти побѣдителями изъ борьбы можетъ только сильный человѣкъ и притомъ счастливый. Андрошкины не были ни сильны, ни счастливы. Жили они дружно, не ссорились, работали вмѣстѣ, а дѣло не ладилось,—то лошадь упадетъ, то сгорятъ, то хлѣбъ почему-то родится хуже, чѣмъ у сосѣдей—однимъ словомъ, имъ не везло. Вотъ и рѣшили они ѣхать въ томскую губернію. Письма сына ихъ окончательно убѣдили, и они стали искать покупателей на имущество. Движимость и постройки можно было продать на сносъ кому угодно; посѣвъ и землю до передѣла тоже можно было сдать хоть жителю другого села, а усадьбу—лучшую усадьбу Ивановки—надо было продать не иначе, какъ односельцу. На такую усадьбу въ обычное время охотниковъ нашлось бы много и можно было выручить хорошую цѣну, но

годъ былъ голодный, къ тому же многіе распродавали усадьбы, чтобы ѣхать въ Сибирь. Впрочемъ, покупатель все-таки нашелся: это былъ лавочникъ, сосѣдъ Климачевыхъ. Богатый человѣкъ, онъ не прочь былъ пріобрѣсти усадьбу за сходную цѣну, зная, что продастъ ее въ свое время съ хорошимъ барышомъ. Онъ давалъ 500 рублей, Андрошкинъ просилъ сперва 800, потомъ 700 рублей.

Домъ со скарбомъ и скотиной торговалъ недавно сгорѣвшій крестьянинъ села Отрады и давалъ 250 рублей, а за посѣянную рожь, и за 6 душъ земли до передѣла—100 рублей. Таково было имущество этой семьи въ 32 ѣдока.

Для окончательныхъ переговоровъ въ одинъ осенній вечеръ собрались въ трактирѣ Власъ Андрошкинъ съ двумя сыновьями, самъ трактирщикъ, торговавшій усадьбу, и отрадинскій погорѣлецъ. Пили они водку, поставленную покупателями, и понемногу разница въ цѣнѣ уменьшалась. Одни набавляли, другіе уступали.

За другимъ столомъ сидѣлъ и бесѣдовалъ съ посельнымъ писаремъ Евтѣй Евтѣичъ, изрѣдка вставлявшій слово въ дѣловую бесѣду Андрошкиныхъ.

— Ты бы поторговался съ нами, Евтѣй Евтѣичъ, можетъ и купилъ бы усадьбу то,—заговорилъ одинъ изъ сыновей Власовыхъ.

— Что же,—вмѣшался отрадинскій погорѣлецъ:—вы торгуетесь съ нами, а зовете другихъ? Вѣдь такъ не ладно! Вѣдь мы добро-то ваше не съ торговъ покупаемъ, а по совѣсти.

— Это вѣрно,—отозвался Евтѣй Евтѣичъ:—торгуетесь съ ними,—мнѣ-то что̀ впутываться?

Черезъ нѣсколько минутъ, Андрошкинъ-сынъ, заговорившій съ Евтѣемъ Евтѣичемъ, вышелъ изъ комнаты, причемъ, проходя мимо него, подмигнулъ ему. Евтѣй Евтѣичъ тоже вышелъ.

— Вотъ что̀, коли хотите со мной дѣло сдѣлать, я вамъ скажу по правдѣ: купить я у васъ куплю, но неохотно. Впрочемъ, почему не выручить. Только тогда бросайте вашихъ покупателей и идите всѣ ко мнѣ.

Черезъ два часа, Андрошкинъ-старикъ съ двумя сыновьями сидѣли у Евтѣя Евтѣича. Тутъ же сидѣлъ и писарь. Передъ ними стояли бутылки водки и пива; закуска была роскошная: ветчина, колбаса и сомовина. Андрошкины всѣ раскраснѣлись отъ прежде выпитой водки. Говорилъ Евтѣй Евтѣичъ.

— Коли, къ примѣру, у васъ купить всю эту музыку, я бы давно купилъ,—вѣдь усадьба-то кому такая не нужна; да вѣдь

какъ съ вами связаться-то: не понравится въ Томскѣ, вернетесь,—что тогда подѣлаешь?

— Нѣтъ, зачѣмъ ворачиваться?—заговорилъ старшій сынъ Андрошкина.—Мы совсѣмъ ѣдемъ. Мы не вернемся.

— Нѣтъ, братъ, Евтѣй Евтѣичъ правъ,—возразилъ младшій братъ.—Мало ли что бываетъ? Не мы первые, не мы послѣдніе ѣдемъ въ Сибирь; а мало изъ Сибири ворачивается народу? Почемъ знать,—можетъ, и мы вернемся.

— Да ты къ чему это говоришь, Евтѣй Евтѣичъ? — спросилъ старикъ.

— Къ тому, что я неохотно бы купилъ усадьбу, чтобъ не тягаться потомъ.

— Зачѣмъ тягаться! Мы тягаться не будемъ; мы по совѣсти.

— Хотите такъ, ребята? За усадьбу 500 цѣлковыхъ, за постройки и скотину 250, да за землю 125?

— Да какъ же такъ? Вѣдь и тѣ давали въ трактирѣ дороже?

— То-то я неохотно покупаю; вѣдь тѣ-то купили—да знать васъ больше не хотятъ, а я свой—вѣдь безъ усадьбы не оставлю.

— Такъ-то, такъ, а ты набавь, Евтѣй Евтѣичъ. Ну, какъ мы не вернемся. Обидно будетъ.

— Ну, слушайте. Теперь пишите, какъ я сказалъ. А тамъ останетесь въ Сибири, я вамъ черезъ годъ двѣ сотенныхъ еще вышлю.

Вино начинало все больше и больше разбирать Власа Андрошкина.

— Благодѣтель ты нашъ,—спасибо, что намъ, дуракамъ, глаза открылъ. Пишите, Степанъ Петровичъ, пишите условіе-то, какъ говорилъ Евтѣй Евтѣичъ; ребята, такъ я говорю? Аль не такъ?

— Такъ, такъ, бачка. А ну, какъ вправду воротимся! Спасибо Евтѣю Евтѣичу за совѣтъ и наставленіе. Пишите, Степанъ Петровичъ.

У Степана Петровича оказалась бумага, гербовыя марки, и живо были написаны три условія; Евтѣй Евтѣичъ говорилъ, что такъ нужно. Младшій Андрошкинъ, умѣвшій каракулями выводить свои имя и фамилію, росписался за отца, брата и себя. Евтѣй Евтѣичъ передалъ 875 рублей Власу, который, ихъ три раза пересчитавъ, спряталъ въ бумажникъ изъ толстой кожи, висѣвшій у него на ремнѣ вокругъ шеи. Евтѣй Евтѣичъ, довольный, угощалъ дорогихъ гостей.

Къ Петрову-дню слѣдующаго 1892 года по селу прошелъ слухъ, что Андрошкины вернулись. Житье ужъ далеко оказа-

лось не такъ сладко, какъ писалъ Андрей, да къ тому же снохи затосковали такъ, что хоть пѣшкомъ возвращайся. Андрееву жену вынули изъ петли.

Старикъ Власъ первымъ дѣломъ отправился къ Евтѣю Евтѣичу. Блоха объявила, что его дома нѣтъ, что онъ—въ трактирѣ. Власъ отправился въ трактиръ.

— Здравствуйте, батюшка, Евтѣй Евтѣичъ!

— А, дѣдъ Власъ, здорово! вернулись? Ну, что: али житье въ Сибири плохое?

— Сибирь она—Сибирь и есть. Недаромъ Сибирью прозывается. Я, Евтѣй Евтѣичъ, къ тебѣ насчетъ усадьбы. Денегъ-то пятисотъ у меня нѣтъ,—какъ бы разсрочилъ ты намъ ихъ, побожески.

— Насчетъ какой усадьбы и какихъ денегъ ты толкуешь?—мнѣ невдомёкъ.

— Насчетъ моей усадьбы. Вѣдь ты сулился намъ ее отдать, коль вернемся.

— Я сулился вамъ отдать усадьбу? Аль белены объѣлся, дѣдъ Власъ? Сами же вы ко мнѣ въ домъ приходили, Христомъ-Богомъ просили у васъ ее купить, совсѣмъ, съ землей и имуществомъ.

— Полно шутить, Евтѣй Евтѣичъ! Не тебѣ ли мы уступили противъ того, что мнѣ давали, не ты ли говорилъ—тебѣ продать потому, молъ, что ты вернешь намъ усадьбу.

— Вотъ, послушайте,—говорилъ Евтѣй Евтѣичъ бывшему въ трактирѣ народу.—Всегда они такъ. Какъ нужда—просятъ Христомъ-Богомъ выручить. Ѣдемъ, молъ, въ томскую; все продаемъ. А вернутся, сами не зная зачѣмъ, и ну—кляузы заводить. Вѣдь коли промотались—попроси у меня помощи, я тѣ пятишницу пожертвую.

У старика дыханіе захватило.

— Да ты, Евтѣй Евтѣичъ, не шутишь? Да росписка у тебя есть небось? Посмотри, что въ ней написано. Степанъ Петровичъ писалъ.

— Знаю я росписки. Знаю — Степанъ Петровичъ писалъ. Да ты, братъ, этимъ не возьмешь. Я дурачить себя не дамъ. А помочь я всегда радъ, и вамъ помогу, коли будешь добромъ просить.

— Ну, а посѣвъ, что съ землей на четыре года ты у меня снялъ и сулился вернуть, коли мы въ Сибири не останемся?

— Посѣвы? А-а, когда ты намъ навозъ продавалъ за пять четвертныхъ, такъ было хорошо, а ноньче увидали, что ржи

пятнадцать копенъ будетъ на тридцаткѣ, такъ назадъ хочешь. Ловко, старикъ! Да не на дурака напхался. Проси добромъ— и рожью выручу...

На другой день—было воскресенье — Евтѣй Евтѣичъ выходилъ изъ церкви послѣ обѣдни. На паперти его встрѣтилъ дѣдъ Власъ съ женой, старухой съ дрожащею головой, сгорбленной и еле ходящей, и съ сыновьями. Тутъ же Андрошкины снохи на рукахъ держали дѣтей.

— Евтѣй Евтѣичъ, смилуйся, не губи дѣтей малыхъ! Мы въ тебя, какъ въ Бога, вѣрили,—отдай усадьбу и посѣвъ: мы деньги отдадимъ,—взмолился старикъ.

Вся семья бросилась передъ нимъ на колѣни. Бабы плакали; старуха искала поймать его за ноги. Собралась вокругъ толпа народу, остановившаяся при выходѣ изъ храма. Въ толпѣ были отецъ Петръ, управляющій Нины Николаевны, лавочникъ, мужики, бабы.

— Вотъ, православные, судите сами!—обратился къ толпѣ Евтѣй Евтѣичъ: — не хотѣлъ покупать усадьбы, упросили-таки, я ужъ и строиться началъ—а теперь я же виноватъ!

— Встаньте всѣ,—вскакивая, вскрикнулъ Андрей Андрошкинъ.—Богъ, небось, увидитъ, и ему за кровь нашу достанется!

— Нехорошо, Андрей, — вмѣшался о. Петръ: — чѣмъ милости просить, ты скандалишь. Евтѣй Евтѣичъ свое отдастъ, не то что чужимъ пользоваться. Вѣдь всѣ знаютъ, что онъ на своемъ словѣ вѣренъ. Просите и дастся вамъ—сказано въ Евангеліи, а вы не лгите, не притворяйтесь и попросите помочь: онъ и поможетъ.

Того же мнѣнія былъ почти весь народъ: забывали про кражу ржи изъ амбара; забывали про то, какъ взятые взаймы у Евтѣя Евтѣича десять рублей Никиткой Кривымъ превратились въ нѣсколько лѣтъ въ 75 рублей, а затѣмъ и въ неоплатный долгъ; зато помнили, что Евтѣй Евтѣичъ ѣздилъ въ Москву за колоколомъ на свой счетъ, что онъ ризы къ прошедшей Святой пожертвовалъ въ храмъ. Всѣ винили Андрошкиныхъ, которые, чѣмъ просить, возводили на Купріяшина поклёпъ.

Винила ихъ и Нина Николаевна, давшая даже совѣтъ Евтѣю Евтѣичу не очень-то быть простымъ съ этимъ народомъ. Шляются въ Сибирь, сами не знаютъ, зачѣмъ, а какъ вернутся нищими, такъ другіе виноваты.

Мѣстный „аблакатъ", изъ бывшихъ писарей, написалъ Андрошкинымъ прошеніе въ волостной судъ объ усадьбѣ, другое—о посѣвѣ. Иски, и волостнымъ судомъ, и съѣздомъ, оставлены безъ

удовлетворенія. Степанъ Петровичъ, единственный свидѣтель, показалъ, что никакихъ добавочныхъ словесныхъ условій не помнитъ, что мало ли онъ пишетъ условій старо-ивановцамъ.

Подали Андрошкины и прокурору жалобу о подлогѣ. Пріѣхалъ слѣдователь и спросилъ младшаго Андрошкина, онъ ли расписывался. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ разсердился, что его безпокоили, и пояснилъ, въ чемъ заключается подлогъ. Но жалоба тоже была оставлена безъ послѣдствій.

Дѣдъ Власъ и жена его вскорѣ умерли; сыновья ихъ раздѣлились, и доселѣ двое изъ нихъ живутъ на квартирахъ; одинъ Андрей кое-какъ построился на Погорѣловкѣ.

Евтѣй Евтѣичъ, когда мы съ нимъ познакомились на свадьбѣ дочери, жилъ въ новомъ каменномъ домѣ. Передъ домомъ разбитъ былъ полисадникъ съ кустами сирени, жасмину и розановъ, подаренными Ниной Николаевной.

По его ходатайству, Степанъ Петровичъ получилъ отъ общества сто рублей прибавки къ жалованью.

VIII.

Конецъ Старо-Ивановскаго поселка, ближе къ которому расположены были церковь, базаръ, школа—вообще, болѣе богатая часть села—упирался въ усадьбу Нины Николаевны Ардальоновой, пожизненной владѣлицы имѣнія, оставшагося послѣ смерти мужа ея—Степана Никитича Ардальонова. Единственный сынъ, рано лишившійся отца, наслѣдникъ богатаго состоянія, Степанъ Никитичъ не успѣлъ прожить его, несмотря на бурно проведенную молодость. Спасла его необыкновенная влюбчивость. Двадцати-шести лѣтъ, молодымъ гвардейскимъ ротмистромъ, пріѣхавъ въ отпускъ въ Ивановку, которую собирался заложить, онъ влюбился въ дочь предводителя и сдѣлалъ ей предложеніе. По уши влюбленные другъ въ друга, они рѣшили, что счастье полное они вкусятъ, только уединившись отъ всего остального свѣта. Это рѣшеніе спасло Ивановку отъ заклада. Степанъ Никитичъ вышелъ въ отставку, женился и черезъ годъ былъ отцомъ здороваго мальчика. Неосторожность ли, сдѣланная матерью вскорѣ послѣ родовъ, зараза ли, принесенная акушеркой, вызвала у родильницы послѣродовую горячку. Послали въ городъ за докторомъ; но когда онъ пріѣхалъ, она уже лежала мертвая.

Отчаяніе мужа было велико, но черезъ мѣсяцъ-другой, онъ рѣшилъ провѣтриться. Оставивъ ребенка съ кормилицей у старой

тетки, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, оттуда за-границу, и черезъ годъ только рѣшилъ вернуться на родину, опять-таки чтобы заложить Ивановку. Но не суждено ей было подвергнуться этому позору. Пріѣхавъ въ губернскій городъ, Степанъ Никитичъ опять влюбился въ дочь болѣе именитаго, чѣмъ богатаго помѣщика, и Ивановка была опять спасена. Нина Николаевна скоро съумѣла прибрать его къ рукамъ. Отличная хозяйка, она занялась нѣсколько запущеннымъ хозяйствомъ Старой-Ивановки, и дѣло пошло прекрасно. Сама съ утра на работахъ, она не увлеклась дорого стоющими машинами и усовершенствованіями, а все вниманіе свое обратила на то, чтобы подобрать хорошихъ служащихъ, которые ходили у нея по стрункѣ. Вò-время посѣять и убрать, зà-ведро обмолотить многочисленныя копны, вò-время ремонтировать постройки—вотъ на чтò обращено было главное вниманіе молодой хозяйки. Старо-ивановское хозяйство быстро пошло въ гору: у Ардальоновыхъ урожай былъ всегда лучше, чѣмъ у сосѣдей, скотина лучше накормлена, коровы давали больше молока, приплодъ коннаго завода продавался дороже.

Изъ трехъ дѣтей, родившихся у Нины Николаевны, въ живыхъ остался только старшій сынъ, Миша, на три года моложе Саши, сына Степана Никитича отъ первой жены. Степану Никитичу не очень понравилась деревенская жизнь. Поэтому онъ часто уѣзжалъ то въ Петербургъ, то за-границу, оставляя на попеченіе жены какъ хозяйство, такъ и воспитаніе дѣтей. Когда, въ 1876 году, разгорѣлась балканская драма, онъ, еще молодой гвардеецъ, началъ рваться въ Сербію. Въ Сербію онъ, впрочемъ, не попалъ, а черезъ годъ поступилъ въ ряды русской арміи, уже перешедшей тогда Дунай. Главнымъ побужденіемъ для него была неудовлетворенность, которую онъ чувствовалъ въ деревнѣ. Блестящій офицеръ не могъ находить удовольствія въ разговорахъ о свиньяхъ и умолотѣ, и рѣшилъ наверстать на войнѣ тѣ года, которые онъ провелъ въ отставкѣ.

30-го августа, подъ Плевной, онъ, уже въ чинѣ полковника, велъ блестящую атаку во главѣ полка, когда турецкая пуля, попавшая въ сердце, сложила его на мѣстѣ.

Нина Николаевна, узнавъ про его смерть, поплакала съ дѣтьми, еще не вполнѣ сознававшими, чтò случилось, и еще болѣе углубилась въ хозяйство. Дѣтьми она, конечно, тоже занималась, но не непосредственно, а только наблюдая за приставленными ею къ нимъ сперва мамками, затѣмъ боннами и, наконецъ, французскимъ гувернеромъ. Надо отдать справедливость Нинѣ Николаевнѣ, что она не дѣлала никакой разницы

въ своихъ отношеніяхъ къ сыну и пасынку. Когда послѣднему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, она рѣшила отдать его въ одно изъ привилегированныхъ заведеній Петербурга, но въ немъ онъ не удержался болѣе двухъ лѣтъ. Какъ ему ни твердили со всѣхъ сторонъ, что надо учиться, но его природа, очевидно, не мирилась съ этою необходимостью, и онъ долженъ былъ выйти, не выдержавъ вторично ни экзаменовъ, ни переэкзаменовокъ. Нинѣ Николаевнѣ это очень не нравилось: она боялась, что ее будутъ за это осуждать; поэтому, когда Саша пріѣзжалъ на каникулы, онъ ежедневно долженъ былъ выслушивать длинныя нотаціи мачихи. Эти нотаціи проходили для него совсѣмъ безслѣдно: онъ даже ихъ и не слушалъ, а думалъ о томъ, что̀ онъ сдѣлаетъ, когда Нинѣ Николаевнѣ придется куда-нибудь уйти по хозяйству. Тогда онъ обыкновенно убѣгалъ въ садъ, бралъ у садовника ружье и стрѣлялъ во что̀ попадется: въ галокъ, голубей, а то и въ утокъ. Очень сильный для своего возраста, онъ часто колачивалъ деревенскихъ ребятишекъ и дѣвчонокъ. Крестьяне жаловаться не смѣли, а Нина Николаевна, если и узнавала про его удаль, ограничивалась замѣчаніемъ: „Ты бы лучше учился; успѣешь драться".

Изъ кадетскаго корпуса, куда его помѣстила Нина Николаевна, онъ былъ исключенъ за довольно громкую исторію. Шестнадцати лѣтъ онъ, участвуя въ кутежѣ, напился пьянъ и, не удовольствовавшись тѣмъ, что переколотилъ нѣсколько зеркалъ,—ни съ того, ни съ сего, оскорбилъ дѣйствіемъ статскаго, бывшаго въ томъ же ресторанѣ. Скандалъ вышелъ страшный, и Саша былъ уволенъ. Два года послѣ того онъ безвыѣздно провелъ въ Ивановкѣ съ двумя взятыми для него учителями. Но и въ эти два года онъ не пріобрѣлъ ничего. Какъ ни старалась Нина Николаевна, но онъ на урокахъ зѣвалъ и большею частью отвѣчалъ учителямъ невпопадъ. Зато онъ уже былъ опытный охотникъ и знатокъ сердца деревенскихъ дѣвушекъ и солдатокъ.

Прослуживъ затѣмъ два года въ качествѣ вольноопредѣляющагося, онъ, съ помощью могучей протекціи, сдалъ экзаменъ на офицера, и двадцати лѣтъ, не обязанный больше служить, вышелъ въ отставку и поселился въ Ивановкѣ.

Совсѣмъ не похожъ на брата вышелъ Миша. Нина Николаевна не захотѣла отдавать его въ привилегированное заведеніе, потому что невольно приписывала заведенію свою неудачу въ дѣлѣ воспитанія пасынка. Она отдала Мишу въ одну изъ гимназій Петербурга, особенно рекомендовавъ его директору и помѣстивъ въ общежитіе, подъ строгое наблюденіе швейцарца-

гувернера. Миша унаслѣдовалъ отъ матери разсчетливость, которая его никогда не покидала. Онъ еще мальчикомъ понималъ, что если онъ будетъ хорошо знать урокъ, то его похвалятъ и побалуютъ лишнимъ персикомъ. А такъ какъ ему нравилось, чтобы его хвалили и давали ему лакомства, то онъ старался всегда знать урокъ.

Поступивъ въ гимназію, онъ сообразилъ, что скорѣе выйдетъ въ студенты и развяжется съ несноснымъ гувернеромъ, если будетъ учиться хорошо. Съ другой стороны, ему было внушено матерью, что въ министры онъ выйдетъ только при условіи успѣшнаго окончанія курса гимназіи и университета. Поэтому онъ учился все время отлично, всегда былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ класса. Лѣтомъ онъ пріѣзжалъ въ Ивановку, понемногу вникалъ въ хозяйство и запасался силами на слѣдующій годъ.

Годъ шелъ за годомъ, и въ одно прекрасное утро Миша прибылъ въ Ивановку съ аттестатомъ зрѣлости и серебряною медалью. Красивый, высокій юноша, съ пробивающимися черненькими усиками, карими блестящими глазами и при томъ необыкновенно граціозный, онъ не могъ не порадовать материнскаго сердца. Онъ пріѣхалъ, не предупредивъ никого, такъ какъ станція была недалеко, а ямщиковъ всегда было сколько угодно.

Понятны были радость и удивленіе Нины Николаевны, когда къ крыльцу подкатилъ безобразный ямщицкій тарантасъ, и изъ него выскочилъ въ статскомъ платьѣ Миша.

— Здравствуй, маменька! Что, не узнаешь меня безъ моего ужаснаго гимназическаго мундира?

— Какъ не узнать тебя? Дорогой мой... да ты какимъ красавцемъ сталъ!

И Нина Николаевна не могла оторваться отъ объятій сына.

— Ну, что̀ у васъ новенькаго, маменька?

— Да что̀ новенькаго: я вѣдь тебѣ все писала. Что̀ у тебя новенькаго? Ты медаль привезъ?

— Привезъ, привезъ, я послѣ покажу. Ну, что̀ неурожай?

— Да что̀, дѣло плохо. Рожь врядъ-ли сама третья пройдетъ, а овесъ и того хуже; а про крестьянскія поля и говорить нечего: у нихъ и сѣмянъ не будетъ, и убирать не стоитъ. И посѣятъ-то не во̀-время, и спашутъ-то кое-какъ; чего безъ власти ждать? Вотъ, пожалуй, теперь лучше будетъ. На дняхъ земскіе начальники присягать будутъ.

— Богъ съ ними, съ земскими начальниками. Саша вышелъ въ отставку?

— Вышелъ и теперь съ утра до ночи съ Трезоркой и съ

бутылкой коньяку не разстается. Впрочемъ, съ мѣсяцъ, какъ не пьетъ. Кажется, вообразилъ, что влюбился въ какую-то деревенскую дѣвчонку. Все лучше, чѣмъ съ утра до ночи пьянствовать. Скажутъ, что я его не вывела въ люди, потому что онъ мнѣ не сынъ.

— Ничего никто не скажетъ: вѣдь не могла же ты ему своихъ мозговъ вложить въ голову.

— Ну, да Богъ съ нимъ, толку отъ него уже не жди. А у насъ гостья, да надолго, чуть ли не навсегда. Лиза Прыткова. Помнишь, тутъ жила такая Коробочка,—Анна Львовна Прыткова; такъ это ея дочь. Старикъ Прытковъ все пропилъ. Оставилъ послѣ смерти старухѣ пятьдесятъ десятинъ заложенныхъ, перезаложенныхъ. Какъ она дотянула дочь до конца гимназіи, никто не пойметъ, только Лиза кончила гимназію, имѣніе пошло съ молотка, а старуха умерла, поручивъ Лизу мнѣ. Я, было, не хотѣла ее брать, да сообразила, что она мнѣ можетъ быть полезна по хозяйству, и взяла сироту; она у меня живетъ. Вотъ, увидишь за обѣдомъ.

— Вы по-старому въ двѣнадцать обѣдаете? Я, признаться, проголодался; да теперь уже скоро. Схожу, умоюсь и сейчасъ приду.

— Иди, иди; не знаю, что̀ у насъ къ обѣду: вѣдь мы тебя не ждали.

Сказавъ это, Нина Николаевна направилась къ кухнѣ.

IX.

Въ двѣнадцать часовъ Михаилъ Степановичъ сходилъ къ обѣду въ столовую, гдѣ всѣ уже были собраны. Нина Николаевна, взятая ею сирота—Елизавета Прыткова, Александръ Степановичъ, да двое гостей, о. Семенъ и докторъ Ѳедосѣенко, позванный къ больной женѣ управляющаго и приглашенный кстати къ обѣду,—вотъ и вся собравшаяся къ обѣду компанія. Мать познакомила Михаила Степановича съ Прытковой; съ братомъ онъ поцѣловался довольно холодно, пожалъ руку о. Семену и доктору и сѣлъ между матерью и о. Семеномъ.

— Ну, что̀ у васъ дѣлается въ Петербургѣ? — заговорилъ докторъ. — Говорятъ, профессоръ (докторъ назвалъ знаменитость) выходитъ въ отставку, вслѣдствіе недоразумѣній?

— А Богъ съ нимъ, Петръ Антоновичъ, мнѣ съ нимъ дѣтей не крестить, — отвѣтилъ Михаилъ Степановичъ и притомъ

улыбнулся, показавъ два ряда чудныхъ, точно выточенныхъ изъ слоновой кости зубовъ.

— Не креститъ-то, не креститъ, а небось вы—будущіе студенты—уже волнуетесь по поводу университетскихъ дѣлъ? Небось, забился студенческій пульсъ?

— Ну, у кого забился, у кого нѣтъ. Вотъ я—такъ совершенно спокоенъ.

— Не вошли еще въ этотъ бурный потокъ?

— Не вошелъ, да и не войду никогда: во-первыхъ, я студентомъ университета не буду; во-вторыхъ, еслибы и пошелъ въ университетъ, то не затѣмъ, чтобы жить какою-то обще-студенческою жизнью.

— Какъ, ты не пойдешь въ университетъ?—удивилась мать.

— Нѣтъ, маменька, я рѣшилъ идти въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Гораздо практичнѣе.

— Ну, а наши планы? Мы все съ тобой перебирали, во главѣ какого министерства тебѣ суждено стоять?

— Э, маменька! Кто тебѣ вложилъ въ голову мысль про министерскій портфель для меня, тотъ жестоко ошибся. Сегодня министръ, завтра—ничего. Да вѣдь и министерскій-то портфель теперь потому кажется заманчивымъ, что соединенъ съ крупнымъ содержаніемъ. Чѣмъ больше содержанія, тѣмъ пріятнѣе портфель. Что мечтать о министерскомъ постѣ! Лучше имѣть синицу въ рукахъ, чѣмъ журавля въ облакахъ. А я ищу хорошей синички въ видѣ диплома инженера. Сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ все развивается, а техниковъ все такъ же мало. Понятно, что спросъ на нихъ дойдетъ до баснословныхъ размѣровъ.

— Можетъ, ты и правъ, Миша, а воля твоя,—что инженеръ? Положимъ, въ финансовыхъ кругахъ это—сила. Но ни ко двору, ни въ дипломатическій корпусъ, ни въ высшіе аристократическіе салоны, они приняты не бываютъ.

Нина Николаевна, хотя сама никогда не выѣзжала въ петербургскій высшій свѣтъ, но относилась къ нему всегда съ большимъ почтеніемъ и даже подобострастіемъ.

— Простите меня, Михаилъ Степановичъ,—вмѣшался Петръ Антоновичъ:—я тоже васъ не понимаю. Неужто счастье только въ окладахъ да доходахъ, большею частью незаконныхъ? Неужто не хочется работать не ради денегъ, а ради пользы ближняго?

— А развѣ, Петръ Антоновичъ, не для пользы ближняго работаетъ инженеръ? Вотъ теперь будетъ проводиться сибирская дорога; кто принесетъ человѣчеству бòльшую пользу: инженеръ, который ее выстроитъ, или земскій врачъ, который, за полторы

тысячи въ годъ, теряетъ здоровье, да и подъ старость ничѣмъ не обезпеченъ? Я такъ думаю, что содержаніе—пропорціонально приносимой пользѣ; иначе его бы не назначали такимъ.

Сказавъ это, Михаилъ Степановичъ самодовольно обвелъ всѣхъ глазами и сталъ разсматривать длинные, удивительно остриженные ногти.

— Вотъ-съ,—говорилъ Петръ Антоновичъ, не совсѣмъ вѣжливо обращаясь къ своему сосѣду, о. Семену:—оказывается, что приносить пользу человѣчеству очень пріятно: стоитъ самому наживать деньги. Мы прежде думали, что надо сдѣлать добро Ивану, Петру, Матренѣ, чтобы тѣмъ самымъ принести пользу человѣчеству; оказывается наоборотъ: наживай побольше денегъ, думая больше о себѣ и меньше о другихъ, и тѣмъ самымъ будешь благодѣтелемъ всего человѣчества. По-старому, объектомъ благодѣянія долженъ былъ быть отдѣльный человѣкъ; по-новому—гораздо нужнѣе человѣчеству купецъ, фабрикантъ, а можетъ быть—и ростовщикъ.

О. Семенъ счелъ нужнымъ примирить эти мнѣнія.

— Конечно, великую пользу принесетъ и накормившій алчущаго, одѣвшій нагого, посѣтившій больного, но и не безъ пользы проживетъ и богачъ, если при томъ удѣляетъ часть своего богатства, хотя бы на постройку церкви. Вотъ Нина Николаевна мало ли народу кормитъ своимъ хозяйствомъ, да и храма Божьяго не забываетъ своими щедротами.

Нинѣ Николаевнѣ этотъ разговоръ показался скучнымъ, и она перешла на животрепещущую въ то время тему о неурожаѣ. Главное, что ее безпокоило — это недостатокъ корма; скотину приходилось продавать и, притомъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, за безцѣнокъ. Петръ Антоновичъ заговорилъ о предстоящей нуждѣ крестьянъ, на что получилъ рѣзкій отвѣтъ, что у хорошаго хозяина будетъ чѣмъ прокормиться, а что лодыря жалѣть нечего. Александръ Степановичъ всѣхъ мужиковъ назвалъ животными, а Михаилъ Степановичъ вставилъ нѣсколько туманныхъ фразъ о необходимости сохраненія здоровья и извѣстнаго минимума благосостоянія крестьянъ съ точки зрѣнія сохраненія его работоспособности.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Докторъ и священникъ раскланялись и ушли. Александръ Степановичъ, которому одинъ изъ служившихъ за обѣдомъ, малый лѣтъ 18-ти, по прозванію „Кабанъ", нѣсколько разъ подмигивалъ, выбѣжалъ скорѣе, чѣмъ вышелъ изъ комнаты. Нина Николаевна отпустила Лизу, сказавъ ей: „Ты бы сходила посмотрѣть, что тамъ дѣлается съ вареньемъ",—сама

же, подъ-руку съ своимъ ненагляднымъ Мишей, пошла показывать ему строившійся новый скотный дворъ. По дорогѣ они зашли на конюшню, гдѣ она велѣла вывести по одному готовившихся къ ставкѣ жеребцовъ, а на обратномъ пути прошли черезъ садъ, гдѣ цвѣтники были особенно удачны въ этомъ году. О поступленіи въ университетъ она съ сыномъ больше не говорила, отчасти зная, что онъ не измѣнитъ своего рѣшенія, отчасти предчувствуя его будущее превосходство надъ собой въ болѣе сложныхъ жизненныхъ вопросахъ.

X.

Александръ Степановичъ во время описаннаго нами обѣда сидѣлъ какъ на иголкахъ. И подавали-то медленно, и разговоры-то, притомъ пустые, напрасно удлинняли обѣдъ. Поэтому, какъ только встали изъ-за стола, онъ выскочилъ изъ комнаты и, по дорогѣ бросивъ Кабану вопросъ: „гдѣ?“—и получивъ отвѣтъ: „у Минавны“,—направился чуть не бѣгомъ къ одному изъ многочисленныхъ людскихъ флигелей Ардальоновской усадьбы. Во флигелѣ съ большимъ крыльцомъ жили двѣ семьи, одна направо, другая—налѣво. Онъ вошелъ направо. Въ комнатѣ, увѣшанной лубочными картинами и рисунками, вырѣзанными изъ „Нивы“, сидѣли Минавна, пятидесятилѣтняя жена старосты Сидора, съ малолѣтства служившаго у Ардальоновыхъ, и дѣвушка лѣтъ 18-ти, съ блѣднымъ, довольно красивымъ лицомъ и прекрасными черными глазами. Это была Любаша, дочь Евтѣя Евтѣича Купріяшина.

Не стѣсняясь присутствіемъ старухи, Александръ Степановичъ подсѣлъ на лавку къ Любашѣ, обнялъ ее и долго, долго цѣловалъ, не говоря ни слова.

— Ну, наконецъ-то ты пришла, моя голубка! А то цѣлыхъ два дня тебя не видалъ.

— Или соскучились, баринъ?—ласково улыбаясь, спросила она.

— Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что я для тебя не баринъ.

— А кто же вы такой? Я тоже понимаю, что вы мнѣ не ровня. Въ этомъ-то все и горе мое. Не надо бы мнѣ ходить сюда, анъ нѣтъ—не въ моготу дома сидѣть, и опять иду. Охъ! лучше бы мнѣ не слушать вашихъ рѣчей сперва-наперво. А теперь и обворожили же вы меня.

— Чего же ты боишься? или ты не видишь, что я люблю

тебя, и въ обиду не дамъ никому, ни Нинѣ Николаевнѣ, ни отцу твоему. Хочешь, поѣдемъ въ городъ и будемъ жить? Я тебя обезпечу.

— Сколько разъ, баринъ, просила я васъ не говорить про обезпеченіе. Не изъ-за денегъ пошла я съ вами на позоръ. Да вотъ что̀, баринъ: я пришла вамъ сказать—намъ пора разставаться навсегда. Люди болтать стали, да и мамушка знаетъ.

— Ну, такъ вотъ видишь ли? Та̀къ оставаться нельзя. Надо ѣхать.

— Ѣхать, а черезъ мѣсяцъ или два вы меня бросите,—что̀ я тогда буду дѣлать?

— Да не брошу же я тебя. Я, кажется, ужъ доказалъ свою любовь. Вотъ три мѣсяца, какъ я полюбилъ тебя,—измѣнилъ ли я тебѣ? Ты захотѣла, чтобъ я не пилъ: вотъ второй мѣсяцъ—выпилъ ли я хоть каплю водки?

— Знаю, баринъ, знаю все; но знаю и то, что погибну я, коли уѣду съ вами; а оставаться тутъ и съ вами видѣться—нельзя.

— Правда; правду говоритъ она, баринъ, — вставила свое слово Минавна.—И такъ не знаю, что̀ я надѣлала. Я, старая дура, сгубила дѣвочку. Ужъ очень-то мнѣ жаль васъ было, и позволила видѣться. Да знала ли я, что такъ разыграется дѣло? Или взаправду вы погубить ее хотите на вѣкъ, чтобы и поправить нельзя было? Да я первая пойду къ кумѣ Блохѣ и скажу—дѣвку ни на шагъ никуда не пускать. Побойтесь Бога! Вѣдь не прожить вамъ вѣкъ вмѣстѣ. Ваше дѣло—господское.

— Нѣтъ, Минавна, не отпущу ея добромъ. Если не любитъ она меня—пускай бросаетъ; я же не откажусь отъ нея никогда.

— Эхъ, баринъ!—со слезами на глазахъ проговорила Любаша:—видитъ Богъ, люблю я васъ; да что говорить, вы сами знаете!—но не къ добру все это—вѣрьте, не къ добру.

Александръ Петровичъ понялъ, что ей отъ него не отказаться; самъ же, хотя смутно сознавалъ, что она права, не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы пощадить ее.

Долго они еще сидѣли вмѣстѣ; наконецъ, Минавна рѣшительно потребовала, чтобы Люба уходила. Они въ послѣдній разъ поцѣловались, и Люба ушла, постоянно оглядываясь на стоявшаго на крыльцѣ Ардальонова.

Страстный охотникъ и съ ружьемъ, и съ борзыми, которыхъ онъ держалъ не мало, Александръ Степановичъ часто проѣзжалъ верхомъ по селу. Красивый, бѣлокурый, съ вьющимися волосами и изящной бородкой, онъ былъ всегда предметомъ нѣмыхъ вос-

торговъ деревенскихъ дѣвокъ. Знали, что онъ любитъ выпить; знали, что онъ всегда готовъ обругать и даже поколотить мужика; знали, что на бабу онъ смотритъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ; но это все ему прощалось, потому что барину это къ лицу. Мужика, если онъ пьянъ и дерется, куда же дѣвать, какъ не въ „тигулевку"? А барину почему же и не напиться и не вышибить двухъ-трехъ зубовъ мужику? На то онъ баринъ. Почему ему и не побаловаться съ дѣвушкой, и не бросить ея, когда талья у нея испортится? Вѣдь не вѣкъ же барину баловаться съ мужичкой? Такъ думали и старо-ивановскія женщины; многихъ изъ нихъ семейное счастье было на вѣкъ разрушено Александромъ Степановичемъ, но чѣмъ больше было жертвъ его мимолетныхъ капризовъ, тѣмъ болѣе находилось охотницъ—увеличить число этихъ жертвъ.

Видала его проѣзжающимъ, въ зеленой охотничьей курткѣ, на буланомъ киргизѣ, и Любаша. Дочь Евтѣя Евтѣича была иначе воспитана, чѣмъ большинство ея односельчанокъ. Дочь садовника, разбогатѣвшаго благодаря уму, она принадлежала скорѣе къ той категоріи деревенскихъ людей, которыхъ крестьяне называютъ „синими", въ отличіе отъ „сѣрыхъ". И одѣвалась она не по-крестьянски, и на поденную не ходила, и обращенія съ собою требовала иного.

Несмотря на это, и ей приходилось иногда любоваться на статнаго охотника. Когда же она замѣчала его катающимся на сѣдлѣ или слышала, какъ онъ зычнымъ голосомъ ругался, то смотрѣла на это далеко не такъ снисходительно, какъ другія.

Случай свелъ ее съ нимъ неожиданно. Всѣхъ дѣтей Блохи крестила Минавна, ея давнишняя подруга и пріятельница. Къ своей крёстной часто бѣгали всѣ дѣти Евтѣя Евтѣича; бѣгала и Любаша. Разъ какъ-то она сидѣла у нея, какъ вдругъ вошелъ Александръ Степановичъ, искавшій Сидора, чтобы поговорить объ охотѣ. Любаша хотѣла уйти, но онъ, невольно замѣтивъ ея чудные глаза, удержалъ ее; онъ сказалъ ей нѣсколько пріятныхъ словъ; она покраснѣла, но въ душѣ осталась довольна.

Вечеромъ Кабану, главному довѣренному Александра Степановича по части любовныхъ похожденій, было дано порученіе извѣстить барина, когда Любаша снова будетъ у Минавны.

Началась обычная исторія ухаживанія за неопытной дѣвушкой. Находилъ не разъ предлогъ Александръ Степановичъ бывать и у самого Евтѣя Евтѣича. Дѣвочка влюбилась сама, но и потребовала любви. Къ крайнему своему удивленію, Александръ Степановичъ влюбился не не шутку: ревновала ли Любаша--онъ

умѣлъ ее успокоить, не говоря ни съ какой другой женщиной; выразила Любаша отвращеніе къ вину—онъ бросилъ пить.

Пособницей ихъ любви, кромѣ Кабана, явилась и Минавна. Сдѣлалось это нечаянно. Сначала она видѣла, какъ молодой баринъ любилъ встрѣчаться съ ея крестницей. Увѣренная въ ней, она этого не испугалась, и даже звала барина, когда Любаша была у нея. Въ одинъ прекрасный день она убѣдилась, что это—не шутка: она хотѣла броситься къ Блохѣ, но ей стало жаль Любашу. Каждый разъ она допускала свиданія въ послѣдній разъ, чтобы проститься, и мало-по-малу сдѣлалась пособницей Любашина паденія. Она страшно этимъ мучилась, уговаривала ихъ образумиться, грозила жаловаться,—но было уже поздно.

Разрѣшилось это дѣло иначе. Кабанъ ли разболталъ, Блоха ли прослѣдила, куда часто стала отлучаться Любаша, или народъ сталъ примѣчать частыя посѣщенія Минавны молодымъ бариномъ, или, наконецъ, было и то, и другое, и третье, но, какъ бы то ни было, тайна раскрылась и, вскорѣ послѣ описаннаго нами свиданія, стала извѣстной Евтѣю Евтѣичу. Сначала онъ страшно разсердился не только на дочь и на жену, но и на Александра Степановича. Но затѣмъ, сообразивъ, что ни съ кѣмъ изъ Ардальоновыхъ не надо портить отношеній, онъ принялъ слѣдующее рѣшеніе: за Любой былъ учрежденъ строжайшій ежеминутный надзоръ; затѣмъ было постановлено отдать ее замужъ за перваго, кто посватается.

Люба разъ даже убѣжала къ Минавнѣ, надѣясь увидѣться съ Александромъ Степановичемъ; но онъ былъ на охотѣ, да и Минавна сама отвела ее домой. Александръ же Степановичъ сообразилъ, что такъ, пожалуй, и лучше. Правда, онъ погоревалъ о своей возлюбленной, но вскорѣ утѣшился, частью съ собаками, частью за рюмкой коньяку, частью съ новыми, на этотъ разъ менѣе привязчивыми красавицами. Все это узнала и Люба, и это лучше всего излечило ее: она поняла, что она—выше барской любви, поняла, насколько недостоинъ ея былъ ея красивый любовникъ, и съумѣла съ корнемъ вырвать свое чувство къ нему.

Между тѣмъ въ Ивановкѣ тѣ, которые прежде, можетъ быть, и собирались свататься за Любу, послѣ этого скандала стали искать другихъ невѣстъ; бѣдняки же не могли и думать о свойствѣ съ Купріяшиными, да и не годилась имъ невѣста-бѣлоручка. Между тѣмъ въ сосѣднемъ себѣ Отрадѣ жила богатая семья Ермошкиныхъ; глава ея держалъ партію каменьщиковъ и снималъ подряды, даже на церквахъ. Единственный сынъ его былъ съ малолѣтства хромой. Отецъ-Ермошкинъ не хотѣлъ брать не-

вѣсту изъ бѣдной семьи; богатыя же брезгали хромотой его сына. Услыхавъ тоже про Любашину исторію, Ермошкинъ подумалъ, что лучшаго и искать нечего, и заслалъ сватовъ къ Евтѣю Евтѣичу. Все было живо улажено, и свадьба вскорѣ сыграна. Молодой оказался тихимъ и любящимъ мужемъ, и Люба нашла бы въ новой семьѣ полное спокойствіе, а то, пожалуй, и счастье, не будь на нее нападокъ со стороны свекрови. Можетъ быть, зная прежнія похожденія Любы, а можетъ быть просто по природной злобѣ, она не только сама ее мучила, но и натравляла на нее сына, что̀, впрочемъ, ей иногда не удавалось.

Александръ Степановичъ вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ и уже вспоминалъ о Любѣ только какъ объ одной изъ лучшихъ любовницъ, немножко, впрочемъ, пересаливавшей въ своихъ требованіяхъ отъ него вѣрности и трезвости.

XI.

Михаилъ Степановичъ все лѣто усердно занимался. Онъ былъ хорошій математикъ, и хотѣлъ дѣйствовать навѣрняка, чтобы быть увѣреннымъ, что не останется за флагомъ на предстоявшемъ ему трудномъ конкурсномъ экзаменѣ. Мать его совсѣмъ убѣдилась въ томъ, что онъ избралъ лучшій путь. Хорошее состояніе черноземнаго помѣщика не удовлетворяло его. Нина Николаевна, благодаря предусмотрительности мужа, осталась пожизненной владѣлицей Ивановки, и считала своимъ долгомъ выдавать пасынку и сыну по одинаковому содержанію. Александръ Степановичъ тратилъ свое на охоту и кутежи, Михаилъ Степановичъ—на жизнь въ Петербургѣ. Перспектива имѣть со временемъ восемь, десять тысячъ доходу—не соблазняла Михаила Степановича. Мысль о министерскомъ портфелѣ смѣнилась мечтаніемъ о милліонахъ, о состояніи Вандербильтовъ. Онъ съумѣлъ убѣдить не только себя, но и мать, что стремленіе сдѣлаться Вандербильтомъ не только пріятно, но и въ высшей степени нравственно. Кто, какъ не Вандербильты, создалъ благосостояніе Америки? Кто кормитъ столько десятковъ тысячъ людей? А съ другой стороны, кому дѣлаться Вандербильтомъ, какъ не сильнымъ людямъ, къ которымъ себя причислялъ Михаилъ Степановичъ?

Всякое практическое знаніе онъ считалъ полезнымъ, и потому вникалъ въ хозяйство Ивановки, причемъ разсчеты его подтвердили, что простое хозяйничанье его матери, котораго она держалась на основаніи опыта, самое, въ данное время, лучшее.

Немногіе сосѣди Ардальоновыхъ не только не удовлетворяли Михаила Степановича, но и прямо надоѣдали ему. Большинство участвовало больше въ охотахъ его брата—и дальше разговоровъ о собакахъ и волчьихъ выводкахъ не шло. Нѣкоторые только и думали, какъ бы сохранить свои усадьбы, и счастье видѣли въ увеличеніи удоевъ и умолотовъ, чему учились у Нины Николаевны. Было въ уѣздѣ два-три серьезныхъ земскихъ дѣятеля, но эти тоже не вели компаніи съ Михаиломъ Степановичемъ, считая его мальчишкой, неспособнымъ вмѣстѣ съ ними строить планы спасенія Россіи.

Интеллигенція? да какая въ уѣздѣ интеллигенція? Нѣсколько чиновниковъ, всецѣло поглощенныхъ тѣмъ, чтобы „дѣло“ не залеживалось, и чтобы этому „дѣлу“ дано было движеніе, хотя бы и вовсе ненужное, и притомъ мечтающихъ, какъ бы дотянуть до 20-го числа, не прибѣгая къ займамъ. Священники? Да и съ ними не приходилось ему развивать своихъ теорій о капиталѣ и о преимущественной важности экономической жизни надъ политической. Не интересовали его и заботы ихъ о помѣщеніи дѣтей въ семинарію, о трудности поступленія для ихъ дочерей въ епархіальное женское училище и о денежныхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ. Съ докторомъ Ѳедосѣенко Михаилъ Степановичъ сразу не сошелся, нашедши въ немъ какого-то фантазёра.

Мало-по-малу онъ пересталъ выѣзжать, а когда кто пріѣзжалъ въ Ивановку, старался уединяться, предоставивъ матери пріемъ скучныхъ гостей. Съ братомъ Александромъ онъ видѣлся только за обѣдомъ и съ презрѣніемъ относился къ нему, какъ за неспособность его вести какой бы то ни было серьезный разговоръ, такъ и за его образъ жизни, несогласному съ требованіями порядочнаго общества, къ которому себя причислялъ Михаилъ Степановичъ. Признавая необходимость образованія и стремясь къ нему, онъ все-таки выше всего, кромѣ богатства, ставилъ принадлежность къ порядочному обществу, причемъ признаками его считалъ происхожденіе, умѣнье говорить по французски, хорошія манеры и знаніе нѣкоторыхъ жизненныхъ мелочей, какъ, напримѣръ, что нельзя при сюртукѣ надѣвать бѣлаго галстуха, или что не принято утромъ вмѣсто цилиндра носить открытый клякъ. Будь человѣкъ—Гумбольдтъ по развитію и Муцій Сцевола по доблести,—Михаилъ Степановичъ отчасти все-таки счелъ бы его ниже себя, еслибы тотъ къ утреннему визиту надѣлъ фракъ. Понятно, что онъ не могъ не относиться съ высоты своего величія не только къ брату, не выходившему изъ высокихъ охотничьихъ сапоговъ и не стѣснявшемуся прихо-

дить съ сильнымъ виннымъ запахомъ и грязными ногтями, но отчасти и къ матери, настолько свыкшейся съ деревней, что она мало обращала вниманія на свѣтскія отношенія и на соблюденіе иногда скучныхъ требованій свѣтскаго этикета.

Женскій элементъ въ Ивановкѣ, кромѣ Нины Николаевны, состоялъ исключительно изъ Елизаветы Николаевны Прытковой. Надо сказать, что деревенская женщина для Михаила Степановича не существовала вовсе. Загорѣлыя лица, грубыя рабочія руки, незнаніе самыхъ элементарныхъ правилъ приличія отнимали у нихъ въ его глазахъ все то, что̀ составляетъ женскую прелесть. Естественно поэтому, что онъ въ деревнѣ предпочиталъ общество Елизаветы Николаевны всякому другому. Воспитанная матерью, которая всю душу клала въ ея воспитаніе, она какимъ-то чудомъ материнскаго самопожертвованія дошла до конца курса гимназіи; она много читала, не только знала, но и понимала лучшихъ русскихъ писателей, и если не могла участвовать въ каждомъ разговорѣ, то во всякомъ случаѣ всегда могла сознательно и съ интересомъ слѣдить за нимъ. Мать ея, женщина прекрасно воспитанная въ семьѣ христіанской не только на словахъ, но и на дѣлѣ, вышла за человѣка ея во всѣхъ отношеніяхъ недостойнаго, разорившаго семью и даже доходившаго, въ пьяномъ видѣ, въ обращеніи съ женой до побоевъ. Она все терпѣла ради дочери. Когда мужъ умеръ, она держала одного работника, сама стирала и передъ смертью имѣла счастье увидать дочь окончившею курсъ домашней наставницей съ золотою медалью. Умирая, она поручила ее Ардальоновой, съ семьею которой она была близка съ дѣтства.

Жизнь у Ардальоновой потекла для сироты довольно спокойно. Конечно, въ отношеніяхъ къ ней Нины Николаевны звучала часто покровительственная нотка, граничащая съ презрѣніемъ, но Лиза съумѣла покорностью, готовностью быть полезной, вѣчною предусмотрительностью, до такой степени расположить ее къ себѣ, что Ардальонова, въ душѣ довольная, что ей нашлась такая компаньонка и такая помощница по хозяйству, перестала мало-по-малу считать себя ея благодѣтельницей. Она уже не разъ громко заявляла, что Лиза для нея—сущій кладъ. Разъ инспекторъ, заѣхавъ къ Ардальоновой, шутя, сталъ уговаривать Лизу идти въ народныя учительницы. Нина Николаевна даже разсердилась, и тутъ же, несмотря на протесты Лизы, назначила ей двадцать пять-рублей жалованья на всемъ готовомъ.

Некрасивая, она не привлекала сразу ничьего вниманія. Но въ разговорѣ у нея иногда начинало все смѣяться, по выраже-

нію Михаила Степановича: и глаза, и ротъ, и щеки. Улыбка ея была очаровательная, и она, какъ бы сознавая это, часто улыбалась. Чѣмъ больше ее знали, тѣмъ больше въ ней можно было найти прелести, даже физической.

Михаилъ Степановичъ естественно началъ находить удовольствіе въ бесѣдахъ съ нею. Ему нравилась свѣжесть и искренность ея взглядовъ. То, что̀ въ устахъ мужчины, напримѣръ Өедосѣенки, показалось бы ему непростительнымъ недомысліемъ, сказанное ею — носило для него характеръ естественной наивности. Его теоріи не могли ей нравиться. Съ дѣтства пріученная матерью стремиться къ одному, чтобы по мѣрѣ возможности дѣлать другимъ посильное добро, сама склонная къ тому же, она, тѣмъ не менѣе, не была довольно сильна, чтобы теорію христіанской любви противопоставить его эгоистическимъ теоріямъ экономическаго прогресса. Она съ нимъ не соглашалась, но видѣла въ немъ силу и склонна была вѣрить, что по такому пути должно идти человѣчество, хотя за собой оставляла право дѣйствовать по влеченію своей природы.

За обѣдомъ молодые люди старались сидѣть рядомъ и часто гуляли вдвоемъ по прекрасному, нѣсколько запущенному староивановскому саду. Къ концу лѣта всѣ заговорили о предстоявшемъ голодѣ. Лиза, близкая къ крестьянской жизни, съ дѣтства проводившая свободное отъ гимназическихъ занятій время въ убогомъ деревенскомъ домикѣ своей матери,—не могла не понимать крестьянской нужды, и съ ужасомъ думала о судьбѣ дѣтей въ предстоявшее бѣдствіе. Естественно, что это служило темой ихъ разговоровъ: она старалась развить въ своемъ собесѣдникѣ чувство жалости; онъ же доказывалъ, что улучшить положеніе можно только перемѣной экономическаго положенія русской деревни. Говорилъ онъ, конечно, не свое, а вычитанное и слышанное отъ другихъ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на свою юность, онъ уже успѣлъ составить себѣ довольно опредѣленную теорію взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ въ Россіи. Необходимымъ условіемъ прогресса было, конечно, чтобы образовались въ Россіи Вандербильты, и чтобы въ числѣ этихъ Вандербильтовъ былъ непремѣнно онъ, Ардальоновъ, но все-же онъ защищалъ свою теорію такъ логично, что у Лизы часто не хватало аргументовъ, чтобы его опровергнуть.

Въ концѣ августа онъ уѣхалъ въ Петербургъ — поступать въ институтъ инженеровъ путей сообщеній. Передъ отъѣздомъ онъ обѣщалъ Лизѣ давать ей по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ на бѣдныхъ, и не безъ сердечной боли простился съ той, кото-

рую уже называлъ своимъ лучшимъ другомъ. Послѣ его отъѣзда, Лиза долго плакала и цѣлый день не выходила изъ комнаты отъ головной боли. Нина Николаевна думала о будущихъ милліонахъ сына и еще болѣе углубилась въ хозяйство.

XII.

Старая-Ивановка была въ 50-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Благодаря богатымъ базарамъ и ярмаркамъ, сюда, какъ въ центръ, стекались еженедѣльно жители довольно большого района. Естественно поэтому, что здѣсь была еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ выстроена первая послѣ городской земская больница. Врачомъ былъ приглашенъ тогда молодой еще Петръ Антоновичъ Ѳедосѣенко, уже прежде служившій въ земствѣ сосѣдняго уѣзда. Какъ только открылась старо-ивановская больница, онъ съ радостью пошелъ въ нее, потому что въ мѣстѣ прежней службы была только амбулаторія, что̀, конечно, не могло удовлетворить энергичнаго и любившаго свое дѣло молодого врача. Въ Старой-Ивановкѣ Петръ Антоновичъ служилъ безсмѣнно второй десятокъ лѣтъ: онъ сроднился съ больницей и мѣстнымъ населеніемъ, которое въ свою очередь любило его и довѣряло ему. Собственно, любили его крестьяне и бѣдные люди; помѣщики же относились къ нему далеко не съ тою же любовью. Величайшею для себя честью онъ считалъ свое званіе врача, которое накладывало на него святую обязанность помогать страждущимъ. Платной практики онъ не искалъ и ѣздилъ только тогда, когда зналъ, что помощь его дѣйствительно нужна. Разговаривать же по цѣлымъ часамъ и играть въ богатыхъ усадьбахъ въ винтъ или преферансъ—онъ считалъ грѣхомъ.

— Я получаю жалованье,—говорилъ онъ,—не для того, чтобы забавлять вліятельныхъ лицъ, а для того, чтобы быть съ больными серьезными. Если же у кого насморкъ или прыщикъ на лбу — милости просимъ въ мою амбулаторію.—Зато были ли тяжелые роды, серьезный ли больной—ничто его не останавливало, въ случаѣ надобности, и отъ неоднократныхъ посѣщеній: ни дальность разстоянія, ни погода, ни распутица, ни собственное недомоганіе.

Нѣкоторыя вліятельныя въ земствѣ лица начали-было противъ него походъ, который, можетъ быть, и увѣнчался бы успѣхомъ, не заступись за него старый предводитель, тесть Степана Никитича Ардальонова по первой женѣ. Самъ душу клавшій въ

крестьянское дѣло, онъ высоко цѣнилъ Ѳедосѣенко и отстоялъ его. Впослѣдствіи же его положеніе настолько упрочилось, что всѣ помирились съ его характеромъ и даже стали его уважать за его безкорыстіе.

Врачъ онъ былъ неважный, какъ вообще трудно, двадцать лѣтъ живя въ деревнѣ и служа въ земствѣ, быть хорошимъ врачомъ. Больница, амбулаторія, разъѣзды, эпидеміи, наконецъ довольно сложное больничное хозяйство—отнимали у него все время. Съ другой стороны, скудость больничныхъ средствъ и невозможность оперировать, какъ по неудобству помѣщенія, такъ и по недостатку знаній,—такъ какъ во время студенчества Ѳедосѣенки хирургія была не въ модѣ,—часто въ важныхъ случаяхъ лишали людей помощи, которую они могли бы получить при лучшихъ условіяхъ.

Это не мѣшало ему пріобрѣсти полное довѣріе населенія. Главными же его достоинствами были необычайная, насколько она возможна при ста и болѣе посѣщеніяхъ въ день, внимательность къ больнымъ, крайнее терпѣніе въ объясненіяхъ съ крестьянами и неизмѣнно ласковое съ ними обращеніе. Когда являлся къ нему больной, требовавшій хирургическаго или иного спеціальнаго леченія, онъ прямо говорилъ, что ему помочь могутъ или въ уѣздной, или даже иногда въ губернской больницѣ, причемъ всегда готовъ былъ дать больному письмо или препроводительную бумагу.

Средства у него были самыя небольшія, но и то онъ умудрялся помогать бѣднымъ, чѣмъ могъ, иногда стклянкой, иногда булкой, иногда и пшеномъ для ребенка. Неудивительно, что его любили, уважали, что въ него вѣрили и что мало-по-малу знахари въ его районѣ перевелись.

Къ девяностымъ годамъ онъ былъ пятидесятилѣтнимъ старымъ холостякомъ. Семья его состояла изъ старушки-матери и дѣтей умершей сестры. Сынъ дьякона, онъ осиротѣлъ еще студентомъ и уроками долженъ былъ содержать себя и невѣсту-сестру. Онъ тѣмъ не менѣе кончилъ курсъ, сестру же выдалъ замужъ за фельдшера, такъ какъ образованія родители ей дать не могли. Мужъ ее бросилъ и пропалъ безъ вѣсти, а она умерла отъ чахотки, оставивъ на попеченіе брата семилѣтняго мальчика и дѣвочку, едва отнятую отъ груди.

На этихъ дѣтяхъ онъ сосредоточилъ всю свою любовь. Для нихъ онъ былъ и отцомъ, и матерью, и учителемъ, причемъ отрывалъ для нихъ время не отъ больныхъ, а отъ собственнаго сна. Мальчикъ былъ здоровый и успѣшно проходилъ гимназиче-

скій курсъ въ губернскомъ городѣ; дѣвочка же, слабенькая, золотушная, нервная, до двѣнадцати лѣтъ оставалась дома и много хлопотъ причиняла Петру Антоновичу. Наконецъ, кое-какъ удалось помѣстить и ее во второй классъ женской гимназіи, и она настолько окрѣпла, что могла заниматься не блестяще, но достаточно, чтобы переходить изъ класса въ классъ.

Въ своихъ занятіяхъ и бесѣдахъ съ племянникомъ докторъ не касался научныхъ предметовъ, предоставивъ заботу о нихъ гимназическому начальству. Онъ старался сдѣлать изъ него человѣка такого, какимъ, по его понятіямъ, надо быть, т.-е. любящимъ ближняго, какъ самого себя,—Петръ Антоновичъ сказалъ бы: больше самого себя, еслибы не боялся исправлять евангельскихъ словъ.

Коля былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчишкой, когда разъ его дядя увидалъ, что онъ по двору несетъ двухъ цыплятъ за ноги. Головы ихъ мотались по землѣ, а мальчикъ шелъ потихоньку и даже размахивалъ руками. Это сильно встревожило Петра Антоновича. Какъ докторъ, онъ любилъ крѣпкіе нервы; но когда эти нервы выражались въ отсутствіи состраданія къ чужимъ мученіямъ, онъ предпочиталъ слабонервныхъ. Самъ онъ, хотя и не признавался въ этомъ, но крови не любилъ видѣть: это и была одна изъ причинъ его ненависти къ хирургіи. Узнавъ, что Коля поймалъ и принесъ цыплятъ по приказанію бабушки, онъ довелъ его до слезъ описаніемъ страданій бѣдныхъ животныхъ. Мальчикъ самъ побѣжалъ на кухню, попросилъ кухарку подождать рѣзать цыплятъ, выпросилъ ихъ у бабушки себѣ и самъ ходилъ за этими курами до ихъ естественной смерти. Любовь къ животнымъ и ненависть къ тѣмъ, кто животныхъ мучаетъ, въ Колѣ развились до крайней степени и дошли до того, что онъ никогда не могъ не только застрѣлить птицу, но даже и поймать рыбу на удочку: ему казалось, что его самого вздергиваютъ на воздухъ, зацѣпивъ крючкомъ за щеку.

Въ другой разъ Коля поссорился съ какимъ-то деревенскимъ мальчишкой, и дядя услыхалъ, что онъ ему, между прочимъ, сказалъ: „Ахъ, ты, негодный, я тебѣ задамъ, мужикъ этакій, или ты не знаешь, что я баринъ?“ Петръ Антоновичъ заставилъ его пойти помириться съ мальчишкой, и долго, и въ этотъ разъ, и послѣ, бесѣдовалъ съ нимъ на эту тему. Вообще, что̀ бы ни видалъ онъ предосудительнаго въ Колѣ, онъ старался примѣрами, объясненіями, иногда неоднократными разговорами, убѣдить его, что это дурно, никогда, впрочемъ, не насилуя его и добиваясь всегда воздѣйствовать на его разумъ и на его сердце. Иногда,

ѣздя по больнымъ, онъ бралъ его съ собой, чтобы воспользоваться временемъ ѣзды для бесѣдъ съ нимъ и, кстати, чтобы показать ему различныя стороны крестьянской жизни.

По мѣрѣ того, какъ Коля подросталъ, онъ давалъ ему книги для чтенія, преимущественно русскихъ писателей, и, въ разговорахъ съ нимъ, спрашивалъ его о прочитанномъ, стараясь уяснить ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ, мысль автора. Главнымъ образомъ, онъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, пониманіе которыхъ могло развить въ немъ сердце. Мальчикъ интересовался чтеніемъ больше и больше. Онъ былъ гораздо развитѣе своихъ товарищей, хотя не былъ уже изъ лучшихъ учениковъ. Учитель русскаго языка въ особенности былъ недоволенъ. Онъ неоднократно, разбирая съ учениками чуть не полгода „Слово о полку Игоревѣ", находилъ на партѣ Коли раскрытую книгу Гончарова или Тургенева. Колѣ доставалось при этомъ за „вольнодумство", хотя заданный выучить наизусть отрывокъ изъ „Слова о полку Игоревѣ" онъ зналъ на тройку, а у другого учителя, пожалуй, и на четверку.

Разъ, пріѣхавъ на каникулы, при переходѣ въ шестой классъ, онъ услыхалъ отъ дядиной кухарки, что ея сынъ плохо учится.

— Второй годъ, Миколай Анатольевичъ, сидитъ въ одномъ отдѣленіи, и учитель жалуется, что все плохо учится. Тупъ онъ, что ли—не понимаю.

Коля позвалъ мальчика. Оказалось, дѣйствительно, что онъ два года не можетъ перейти въ старшее отдѣленіе перваго класса.

— Да ты, вѣрно, не стараешься? не готовишь уроковъ?

Мальчикъ молчалъ, глядя на фуражку, которую вертѣлъ въ рукахъ.

— Какъ будто онъ и учится,—отвѣтила за него мать,—по вечерамъ все съ книжкой сидитъ, а толку нѣтъ. Вѣрно учьба не дается ему.

— Хочешь, я тебя буду учить?

Мальчикъ опять молчалъ.

— А кабы милость ваша была, я бы за васъ Бога молить стала. Вѣдь мы люди безземельные. Куды годишься безъ грамоты. Въ пастухи! У меня въ Избердѣевской волости писарь—кумъ, дѣтей моихъ старшихъ, которыя померли, крестилъ. Такъ онъ сулился его въ правленіе взять, въ люди вывести, только бы школу кончилъ. А тутъ вотъ не дается учьба. Развѣ вы его подучите.

— Ну, что-жъ, я попробую. Тебя какъ звать, мальчикъ?

— Сёмка,—прошепталъ тотъ.

— Хочешь учиться, Семенъ?

— Хочу.

Все лѣто мальчикъ учился у Коли, который нашелъ возможнымъ удѣлять ему ежедневно по два часа. Въ два мѣсяца онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что въ старшемъ отдѣленіи не только пересталъ считаться отсталымъ, но былъ посаженъ за переднюю парту, чтобы попасться на глаза инспектору при ревизіи.

Когда впослѣдствіи Семенъ кончилъ и второй классъ и поступилъ въ помощники избердѣевскаго волостного писаря, Коля былъ очень доволенъ: онъ чувствовалъ, что и онъ участвовалъ въ томъ, чтобы этотъ мальчикъ вышелъ въ люди, а не въ пастухи, по выраженію его матери.

XIII.

Въ седьмомъ классѣ Изюмовъ (такова была фамилія Коли) просидѣлъ два года. Къ концу второго года, пріѣхавъ на Пасху домой, ему пришлось присутствовать на экзаменахъ старо-ивановской двухклассной школы. Экзаменъ былъ назначенъ въ пятницу и субботу на Святой, потому что съ Ѳоминой недѣли долженъ былъ начаться сѣвъ, и мальчиковъ трудно было бы заполучить на экзаменъ. Многіе родители не пожертвовали бы днемъ работы двѣнадцатилѣтняго мальчугана ради полученія имъ какой-то льготы, которой они никакъ признать не могли. Учителя знали это и просили инспектора пріѣхать къ нимъ на Святую. Собрались въ школѣ дѣти, многіе изъ родителей, а также нѣсколько постороннихъ, болѣе развитыхъ людей, пришедшихъ отчасти поглазѣть, отчасти послушать отвѣты. Были тутъ, конечно, оба учителя и законоучитель о. Петръ; пришли, по приглашенію учителей, и докторъ съ племянникомъ.

Пріѣхавшій во́-время инспекторъ былъ встрѣченъ общимъ пѣніемъ „Христосъ воскресе“, послѣ чего регентъ-учитель перваго класса, Иванъ Тимоѳеевичъ Звонаревъ, попросилъ позволенія спѣть концертъ. Позволеніе было дано, и хоръ (заранѣе были приглашены и большіе пѣвчіе), послѣ долгаго откашливанія и улавливанія тона, запѣлъ громко: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь“, Бортнянскаго. Ѳедосѣенко подтягивалъ не только когда всѣ пѣли, но и солистамъ. Главное вниманіе было обращено на солиста-дисканта, Сергѣя Ермакова, который дѣйствительно пѣлъ вѣрно и съ чувствомъ. Когда и ему въ соло сталъ

подтягивать докторъ, регентъ укоризненно на него взглянулъ. Инспекторъ остался доволенъ, учителя поблагодарилъ, еще разъ подавъ ему руку, а пѣвчихъ похвалилъ, назвавъ ихъ молодцами.

Инспекторъ былъ министерскій, одинъ на два уѣзда, старикъ, служившій уже тридцать-третій годъ на педагогическомъ поприщѣ. Ревизовалъ онъ школы не всѣ въ теченіе года, хотя въ отчетѣ, согласно требованію начальства, показывалъ посѣщенными всѣ школы, нѣкоторыя же и по два раза. На ревизіяхъ спрашивалъ только сидѣвшихъ на переднихъ партахъ, и потому всегда оставался доволенъ; если же въ старшемъ отдѣленіи ему говорили наизусть басню съ выраженіемъ, то и въ восторгѣ. Хорошіе учителя были недовольны, такъ какъ отличиться было невозможно; плохіе же не могли желать лучшаго. Даже если и инспекторъ находилъ недостатки, то всегда можно было отговориться или тѣмъ, что плохо ходили осенью по случаю распутицы или затянувшихся работъ, или тѣмъ, что много болѣли отъ сырости помѣщенія. Инспекторъ всѣ эти доводы принималъ всегда, и вообще не допускалъ, чтобы его учителя, которыхъ онъ иначе не называлъ, какъ „мои труженики“, могли быть плохи. Передъ учительницами же онъ вовсе таялъ, и отзывы въ ревизіонныхъ книгахъ писалъ самые одобрительные.

Въ старо-ивановской школѣ отзывы были неизмѣнно одни: „Благодарю господъ учителей за неослабно-усердную дѣятельность. Успѣхи у отца законоучителя могли бы быть лучше, хотя стараніе его видно“. Нужно сказать, что серьезно о. Петръ занимался со старшими отдѣленіями обоихъ классовъ послѣдній мѣсяцъ передъ экзаменами, а съ младшими иногда видѣлся, чтобы задать урокъ по священной исторіи.

Такъ же проходили и экзамены: письменныя работы производились учителями, въ то время, какъ инспектора засаживали въ комнатѣ учителя за столъ, на которомъ кромѣ самовара была и бутылка краснаго вина, и пирогъ, и закуска. Понятно, что на работахъ появлялись четверки и пятерки. На устномъ экзаменѣ читали подъ-рядъ—такъ что можно было всегда приготовиться; задачи же устныя, за многолѣтнюю практику инспектора, выработались стереотипныя. Въ каждой школѣ была тетрадка съ этими задачками. Если же инспекторъ ошибался и вставлялъ такую цифру, что рѣшеніе было невозможно или дробное, то ученики, по знаку учителя, бойко отвѣчали: „Это—задача невозможная“. И инспекторъ бывалъ въ восторгѣ. По закону Божію вопросы ставили только законоучителя.

Въ ивановской школѣ такой порядокъ учителямъ не нра-

вился. Старшій учитель Архангельскій, правда, нѣсколько облѣнился, но былъ педагогъ въ душѣ. Звонаревъ же былъ неутомимъ. Оба хотѣли добиться не пятерокъ на экзаменѣ, а дѣйствительнаго знанія и хорошихъ успѣховъ, поэтому и не прибѣгали къ этимъ ухищреніямъ; ученики же были дѣйствительно хороши.

Изюмовъ главное вниманіе обращалъ на старшій классъ и съ удовольствіемъ слѣдилъ за работой этихъ маленькихъ головъ, любовался ихъ глазами, стараніемъ додуматься самимъ. Старшій учитель самъ предлагалъ вопросы. Въ особенности изъ окончившихъ второй классъ восьми мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ онъ любовался черноглазой четырнадцатилѣтней дѣвочкой, все время слѣдившей за вопросами, предлагавшимися другимъ и про себя шептавшей отвѣты. Большими черными глазами она такъ и впивалась въ предлагавшихъ вопросы экзаменаторовъ. Маша Юдакова—это была она—была первой ученицей. Рядомъ съ нею сидѣлъ Сергѣй Ермаковъ въ кумачной рубашкѣ и лаптяхъ. Бѣлокурый, круглолицый, онъ не поражалъ своею бойкостью и живостью; на экзаменѣ читалъ медленно, но толково; отвѣчалъ не спѣша, но обдуманно; на устныхъ задачахъ думалъ долго, но, отвѣтивъ, готовъ былъ доказать, что рѣшилъ задачу вѣрно. Иванъ Тимоѳеевичъ Звонаревъ еще съ младшаго отдѣленія прозвалъ его „кредитнымъ мужикомъ" и предсказывалъ, что онъ будетъ отличнымъ хозяиномъ.

Въ числѣ оканчивающихъ былъ и Семенъ, бывшій ученикъ Изюмова, отличавшійся прекраснымъ почеркомъ, такъ какъ самъ имѣлъ въ виду блестящую для него карьеру волостного писаря. Вторая дѣвочка была дочь мѣстнаго псаломщика, а остальные мальчики—больше дѣти мастеровыхъ и торговцевъ. Крестьяне, кромѣ самыхъ богатыхъ, обыкновенно довольствовались первымъ классомъ, находя большое ученье ненужнымъ, да и нуждаясь въ работѣ своихъ подростковъ. Только Сергѣя Ермакова никакими силами старикъ Митричъ не могъ удержать дома. Впрочемъ, онъ и самъ былъ не прочь его учить, и только негодованіе старшаго брата Сергѣя, что малый балуется, вмѣсто того, чтобы работать, немного нарушало семейное согласіе.

— Скажите, пожалуйста, будутъ эти дѣти заниматься послѣ? —спросилъ Изюмовъ Звонарева, во время отдыха.

— То-есть, какъ заниматься?

— Ну, читать, учиться, дополнять свои познанія?

— Врядъ-ли. Изъ старшаго класса еще кое-кто прочтетъ книжку-другую, да больше изъ дешевенькихъ романовъ или изъ

приложеній къ разнымъ газетамъ и журналамъ, а изъ младшихъ... да половина-то и читать разучится.

— А у васъ вѣдь есть библіотека для окончившихъ?

— Есть-то есть, только слава, что библіотека; книги неподходящія, часто разорванныя; да и мало ихъ. Какія подходящія—всѣ уже прочтены старшими.

— Какъ вы думаете: я бы хотѣлъ съ ними лѣтомъ заниматься—будутъ ихъ родители отпускать?

— Какъ вамъ сказать? Трудно разсчитывать, чтобы всѣ отпускали. Впрочемъ, поговорите.

— Не можете ли вы поговорить? и съ дѣтьми, чтобы они ходили, да и съ родителями, если случай выпадетъ. Мнѣ хотѣлось бы съ ними прочитать кое-что, а то и погулять. Вотъ эта дѣвочка, Юдакова; я думаю, что она очень бы полюбила чтеніе. А то вѣдь дальше прялки ей—никуда.

— Ну, положимъ, этой-то прясть не придется: она изъ богатаго дома. Да, съ удовольствіемъ, я поговорю съ дѣтьми, да и съ родителями. Покажите вашу способность вести повторительные курсы. Да и я не прочь лѣтомъ съ вами позаниматься. Да и товарищу скажу.

На слѣдующій день Изюмовъ уѣхалъ. Въ іюнѣ, сдавъ экзаменъ и перейдя въ восьмой классъ безъ переэкзаменовокъ, онъ, какъ только вернулся къ дядѣ, побѣжалъ въ школу. Мысль о курсахъ не выходила у него изъ головы.

— Ну, что̀, переговорили?

— Переговорить-то переговорилъ. Всѣ родители говорятъ: „Что за ученье лѣтомъ! Надо дѣло дѣлать“.

— Дайте мнѣ ихъ списокъ: я самъ схожу, потолкую.

Какъ ни уговаривалъ Изюмовъ родителей,—только четверо согласились отпускать къ нему мальчиковъ, да все больше такихъ, которымъ было нечего дѣлать.

Семенъ уже былъ въ волостномъ правленіи, гдѣ занимался дѣлами, числясь сторожемъ. Сергѣя Митричъ хотѣлъ-было отпустить, да братъ возсталъ. Блоха не соглашалась пустить Машу, хотя той хотѣлось: ей понравилось, что Изюмовъ обѣщался ей разсказывать про природу, про великихъ людей и гулять по лѣсу, а то и на лодкѣ кататься. Евтѣй Евтѣичъ тоже возсталъ. Убѣдилъ ихъ доводъ, что вмѣстѣ съ ними читать и гулять будетъ Настя, тоже вернувшаяся изъ гимназіи послѣ экзаменовъ.

— Видишь, мамушка, и барышня будетъ,—сказала Маша.

— Не говори: „барышня“. Она вмѣстѣ съ тобой будетъ

учиться и будетъ для тебя такая же подруга, — поправилъ ее Изюмовъ.

— Мамушка, отпусти. Николай Анатольевичъ будетъ читать съ нами.

Блоха посмотрѣла на мужа. Евтѣй Евтѣичъ согласился. Въ первый разъ назначено было собраться въ понедѣльникъ въ восемь часовъ утра. Въ шесть Изюмовъ былъ уже на ногахъ и вышелъ изъ больницы. Дѣти, всѣ четыре мальчика и Маша, были уже у крыльца. Изюмовъ улыбнулся, спросилъ у кухарки побольше молока и чернаго хлѣба, и направился съ дѣтьми въ лѣсокъ, бывшій за рѣкой, предварительно разбудивъ сестру. Та живо вскочила и бѣгомъ догнала остальныхъ. По дорогѣ зашли къ Звонареву, по его просьбѣ, и захватили и его съ собой.

Изюмовъ взялъ съ собой Пушкина и, расположившись на лужайкѣ съ дѣтьми, открылъ „Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ". Дѣти читали поочередно, сначала робко, потомъ все выразительнѣе; Маша же такъ естественно изобразила сварливую старуху, что всѣ расхохотались, въ томъ числѣ и учителя. Затѣмъ пошли разговоры: Изюмовъ объяснялъ своей аудиторіи смыслъ этой сказки и то, какъ надо сдерживать свои желанія, чтобы быть счастливымъ.

— А что̀, правда это, что есть золотыя рыбки? — спросилъ одинъ изъ мальчиковъ.

Пришлось объяснить имъ, что есть, — разсказать, какъ ихъ пріучаютъ приплывать къ извѣстному мѣсту. Дальше, вообще, говорили о рыбѣ, какъ ее ловятъ, о китахъ, объ акулахъ. Дѣти слушали съ жадностью и закидывали учителей вопросами. Молоко было все выпито, хлѣбъ поѣденъ. Въ полдни [1]), Изюмовъ, и Звонаревъ простились съ дѣтьми и возвратились домой.

На другой день повторилось то же. Кромѣ вчерашнихъ дѣтей, пришелъ и Сергѣй Ермаковъ. Узнавъ отъ Маши, что и она ходитъ къ Изюмову, онъ выпросилъ у отца позволеніе ходить къ „молодому доктору", какъ его называли. Отецъ согласился и, на новыя негодованія старшаго сына, отвѣтилъ, что онъ хозяинъ и что онъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Тотъ поворчалъ, но больше противиться не посмѣлъ.

Изюмовъ взялъ бумаги, бичевы и муки для клея. Вырѣзавъ длинныя палки орѣшника, дѣти подъ его руководствомъ состроили змѣй, который пускали, причемъ сбѣжалось много сельскихъ ребятишекъ.

---

[1]) Часовъ въ пять дня, когда крестьяне закусываютъ—полдничаютъ.

При случаѣ разсказалъ онъ и про опыты Франклина, и про громоотводъ, и про грозу.

Въ праздникъ къ нимъ разъ присоединился и старикъ-докторъ, и еще больше оживилъ компанію „юныхъ перепатетиковъ“, —какъ онъ ихъ называлъ.—Въ дождикъ они собирались въ больницѣ, иногда въ школѣ. Докторъ привезъ изъ города фонарь съ чтеніями. Лѣтомъ фонарь въ городскомъ училищѣ былъ ненуженъ.

Александръ Новиковъ.

АНТИСЕМИТИЗМЪ НА ЗАПАДѢ

И

ВЪ РОССІИ.

Въ крестьянствѣ чисто русской центральной Россіи враждебности вообще къ инородцу—будь онъ татаринъ, еврей, нѣмецъ или французъ—не было и нѣтъ. Извѣстные крупные еврейскіе безпорядки, напримѣръ, которые были на нашемъ югѣ и юго-западѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, никакъ не могутъ служить доказательствомъ враждебности нашего народа къ инородцамъ и иновѣрцамъ. Какъ только министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало тогда надлежащее распоряженіе,—безпорядки эти, безъ всякихъ крутыхъ, особыхъ мѣръ, сразу потеряли свой эпидемическій характеръ и совершенно прекратились. А время тогда было довольно трудное—броженіе въ деревнѣ не ограничивалось однимъ антисемитизмомъ,—и полиція не представляла собою образцоваго учрежденія, вполнѣ способнаго успѣшно бороться съ общественнымъ зломъ, еслибы оно пустило крѣпкіе корни въ народѣ. Тѣмъ не менѣе, достаточно было обычнаго исполненія своихъ обязанностей со стороны далеко не образцовой деревенской полиціи, чтобы безпорядки совершенно прекратились и спокойное теченіе общественной жизни было прочно водворено. Стадныя увлеченія базарной, да и всякой толпы—бывали и вездѣ бываютъ; предупреждаются и ограничиваются они только полицейскими цѣлесообразными распоряженіями. Увлеченія нашей, русской толпы обыкновенно объясняются у насъ ея некультурностью; но врядъ-ли и это справедливо. Въ Англіи существуетъ старинная поговорка:

„The worse crowd is a well dressed crowd“; слово въ слово: „худшая толпа—это хорошо одѣтая толпа“.

Вотъ уже девятнадцать лѣтъ, какъ я живу безвыѣздно въ деревнѣ, и первое время, попадая на сельскіе базары и проходя по ихъ узкимъ проѣздамъ, наполненнымъ движущейся, густой толпой, на меня чуть не нападалъ просто паническій страхъ. Привязанныя по сторонамъ къ санямъ или телѣгамъ лошади, проѣзжающіе, часто нетрезвые люди, внушали серьезное опасеніе, что васъ ежеминутно могутъ раздавить, или васъ лягнетъ лошадь. Ничего подобнаго, однако, не бываетъ. Кажущійся безпорядокъ, въ сущности, оказывается своего рода порядкомъ. Дѣйствительно, для чего требуется порядокъ въ многолюдныхъ собраніяхъ?—для предупрежденія несчастныхъ случаевъ; разъ ихъ нѣтъ, или они бываютъ чрезвычайно рѣдко,—ничего другого, пожалуй, и требовать нельзя. Но на базарахъ присутствуетъ постоянно полиція, и, пожалуй, ею можно объяснить базарную безопасность, но нельзя не отмѣтить того образцоваго, осмысленнаго порядка, который царствуетъ въ нашихъ деревенскихъ церквахъ во время богослуженія,—и порядка никѣмъ не водворяемаго и никѣмъ не охраняемаго. Невольно сравниваешь то, чтò видишь въ столичныхъ, элегантныхъ, модныхъ церквахъ, при многолюдномъ, напримѣръ, причащеніи великимъ постомъ,—съ тѣмъ, чтò въ такое же время происходитъ въ сельскихъ приходахъ. Именно здѣсь, въ деревнѣ, убѣдился я въ справедливости вышеприведенной мною старинной англійской поговорки; въ предыдущее же мое пребываніе за-границей, я давно въ нее увѣровалъ.

Но какъ ни склоненъ къ порядку нашъ сельскій людъ, но и онъ, конечно, способенъ увлекаться, особенно когда, по недоразумѣнію, признаетъ это желательнымъ. Помимо увлеченій въ будничной жизни, антисемитизма въ немъ и слѣда нѣтъ; онъ существуетъ, однако, но уже въ болѣе образованной средѣ. Интересно выяснить такое оригинальное явленіе единственно съ общественной его стороны. Законодательство всякой страны болѣе или менѣе сообразно съ общими жизненными условіями ея населенія. Условія эти измѣняются съ теченіемъ жизни; измѣняется и законъ, ихъ опредѣляющій и охраняющій. Еврейство у насъ по закону крайне стѣснено въ своей дѣятельности только внѣ своей осѣдлости, и вотъ интересно выяснить, какъ общество относится къ такой стѣсненной дѣятельности. Этимъ путемъ выкажется, существуетъ ли у насъ антисемитизмъ, и если существуетъ, то въ какомъ видѣ: въ томъ ли, какъ въ западной

Европѣ, или въ другомъ. Постараемся прежде всего коснуться коротко западно-европейскаго антисемитизма.

I.

Проявленіе антисемитизма въ западной Европѣ имѣетъ оборонительный характеръ. Евреи тамъ, за рѣдкими исключеніями, пользуются полной гражданской равноправностью. Выставляется, со стороны антисемитизма, настоятельная необходимость защитить страну отъ вреднаго вліянія еврейства на экономическую ея жизнь. Указывается, что еврейство пріобрѣло громадное вліяніе на промышленность и торговлю, благодаря сосредоточенію въ его рукахъ денежныхъ капиталовъ. Справедливы ли эти жалобы, или онѣ только результатъ неудачной конкурренціи, а иногда и зависти, возбуждаемой всегда и во всѣхъ успѣхомъ ближняго,—вопросъ, обсуждать который здѣсь подробно было бы неумѣстно; но коснуться его необходимо.

При тѣхъ размѣрахъ, которые приняла нынѣ промышленность съ ея громадными сооруженіями, а также и торговля въ западной Европѣ,—денежный капиталъ пріобрѣлъ болѣе важное, такъ сказать, болѣе общее, чѣмъ прежде, значеніе, а потому тотъ, который имѣетъ его, и распоряжается имъ. Какъ ни велико, однако, нынѣ значеніе капитала, но, собственно, онъ заключается не въ формѣ только денегъ, а является въ видѣ рудника, фабрики, завода, желѣзной дороги, морскихъ и рѣчныхъ судовъ, товарныхъ складовъ и т. п.; а для того, чтобы устроить все это и, затѣмъ, вести устроенное дѣло, необходимъ соотвѣтствующій основной и оборотный капиталъ—деньги,—непосильный, большею частью, для отдѣльныхъ личностей, по своей величинѣ, а также, и еще болѣе, по тому риску, съ которымъ связано всякое промышленное предпріятіе. На помощь такому положенію промышленности явилась ассоціація въ видѣ паевъ, акцій и облигацій. Капиталъ демократизировался; разбитый на мелкія единицы, онъ сталъ доступенъ мелкимъ сбереженіямъ. Капиталистомъ сталъ бѣднякъ. Это звучитъ парадоксомъ, но это такъ. Какой-нибудь бѣднякъ, имѣющій всего-на-все ничтожное сбереженіе, можетъ быть, и очень часто бываетъ, совладѣльцемъ рудника, фабрики, завода и пр. Онъ всецѣло интересуется ходомъ и развитіемъ своей, общей съ другими собственности, съ тѣмъ, чтобы своевременно рѣшить крайне важный для него вопросъ: продать ли свою часть общей собственности, или сохранить ее.

Выгодно или невыгодно всякое дѣло въ ходу—оказывается впослѣдствіи, но прежде надо еще его устроить, и тутъ первенствующую роль играетъ капиталистъ, обладающій для того, помимо денегъ, необходимымъ авторитетомъ и умѣньемъ. Тутъ, какъ и во всемъ нынѣ, проявляется раздѣленіе и спеціализація труда.

Спеціальность въ данномъ случаѣ капиталистовъ—реализація, т.-е. осуществленіе денежной части задуманнаго предпріятія, задуманнаго дѣла. Собственно, это посредники, которые, при сравнительно ничтожной затратѣ собственныхъ средствъ, размѣщаютъ между своими кліентами и публикой необходимый капиталъ. По мѣткому выраженію А. Д. Полѣнова, въ его статьѣ, напечатанной когда-то въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", это—„торгующіе деньгами". Прибавлю отъ себя, что для этихъ торговцевъ качество самихъ денегъ, качество самихъ денежныхъ знаковъ не имѣетъ никакого значенія. Преслѣдуется выгодность пользованія ими, а эта выгодность можетъ быть или не быть при всякаго рода денежныхъ знакахъ. Для достиженія намѣченной цѣли необходимо всестороннее изученіе того предпріятія, денежную часть котораго взялся торгующій деньгами осуществить. Кто бы онъ ни былъ, учрежденіе или лицо единичное,—чѣмъ болѣе онъ богатъ и авторитетенъ, тѣмъ болѣе онъ старается и долженъ стараться, чтобы привлеченныя имъ постороннія сбереженія были выгодно помѣщены. Въ этомъ—залогъ не только сохраненія его положенія, но и дальнѣйшаго его преуспѣянія. Неудача дѣла, предпринятаго банкиромъ или кредитнымъ учрежденіемъ, подрываетъ ихъ кредитъ, чѣмъ значительно затрудняется дальнѣйшая ихъ дѣятельность.

Такая связь капитала съ промышленной предпріимчивостью представляетъ собою довольно серьезное обезпеченіе правильнаго развитія самой промышленности. Говорятъ, а иногда и прямо указываютъ, что при этой связи, или, пожалуй, при этой промышленной торговлѣ деньгами, сосредоточенными въ рукахъ еврейства, бываютъ злоупотребленія. Очень можетъ быть, но въ западной Европѣ не у однихъ только евреевъ деньги, а при обиліи тамъ сбереженій и многочисленности лицъ и учрежденій, занимающихся также тамъ ихъ направленіемъ и использованіемъ, конкурренція создаетъ, такъ сказать, нормальное положеніе, одинаково выгодное какъ для промышленности, такъ и для сбереженій. Какъ бы ни относиться къ этому положенію—несомнѣнно одно, что, при такомъ пользованіи денежными капиталами, западная Европа достигла небывалаго, громаднаго промышленнаго и торговаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и небыва-

лаго до сихъ поръ благосостоянія. Говорятъ, еврейство никакимъ производительнымъ трудомъ не занимается, а только посредничаетъ, т.-е. чужимъ трудомъ, чужими деньгами наживаетъ себѣ деньги. Если это вѣрно, то и тогда, въ виду достигнутыхъ результатовъ, необходимо признать, что еврейство представляетъ собою могучія дрожжи, дающія западно-европейскому экономическому тѣсту весьма успѣшное развитіе. Такое положеніе, несомнѣнно, имѣетъ весьма важное значеніе, но во всякомъ случаѣ—второстепенное. Не еврейство создало настоящія условія западно-европейскаго промышленнаго развитія, а оно только умѣло ими пользуется. О монополизаціи этой умѣлости не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ она нашла и находитъ широкое, доступное подражаніе. Если нынѣ выгодность западно-европейской промышленной дѣятельности все болѣе, чуть не съ каждымъ днемъ, уменьшается и затрудняется, то это—прямое и непосредственное послѣдствіе какъ достигнутыхъ результатовъ, такъ и обилія сбереженій и техническаго знанія, усилившихъ конкурренцію настолько, что предложеніе превышаетъ спросъ. Прежней скорой, крупной доходности—ни промышленность, ни промышленная дѣятельность уже не даютъ,—развѣ только при пользованіи какимъ-либо новымъ открытіемъ, или при особо, исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Приписывать настоящія затрудненія еврейству, это—придавать ему болѣе значенія, чѣмъ оно имѣетъ и можетъ имѣть. Если, наконецъ, признать, что западно-европейскіе антисемиты правы, и что дѣйствительно, какъ они увѣряютъ, промышленная жизнь западной Европы задыхается подъ гнётомъ еврейскихъ дрожжей, то намъ нѣтъ такого же повода относиться враждебно къ нимъ. Мы всѣ сознательно, или несознательно, въ той или другой мѣрѣ, желаемъ довести наше обширное отечество до того промышленнаго развитія, которымъ нынѣ пользуется западная Европа. Если есть между нами разногласіе, то только въ способахъ достиженія этой цѣли: одни желаютъ сразу, быстро насадить это развитіе, не останавливаясь для того ни передъ какими жертвами; другіе предпочитаютъ менѣе спѣшный, менѣе рискованный образъ дѣйствія и подчиняютъ такое насажденіе предварительному, постепенному подготовленію подходящей для него почвы. Никакой враждебности, или даже разборчивости къ иностранному капиталу, создавшему иностранную промышленность, у насъ нѣтъ. Слѣдовательно, и антисемитизма въ западно-европейскомъ его смыслѣ у насъ также нѣтъ. Напротивъ, мы ожидаемъ отъ иностраннаго капитала, какой бы онъ ни былъ, усиленной разработки тѣхъ при-

родныхъ богатствъ, которыми, по общему убѣжденію, Россія такъ обильна. Участіе иностраннаго капитала въ высокой доходности нашей отечественной промышленности неоднократно обсуждалось и обсуждается въ печати и въ обществѣ, и потому нельзя не остановиться на этомъ участіи.

Запретительная система, которою обезпечивается высокая доходность нашей отечественной промышленности, настолько фундаментально и наглядно потрясла благосостояніе сельскаго населенія, что объ этомъ нѣтъ надобности и говорить. Это неоднократно было доказано и указано. Нельзя, однако, не замѣтить, что примѣненіе тѣхъ или другихъ экономическихъ мѣръ имѣетъ цѣлью, прежде всего и во всякомъ случаѣ преимущественно, осуществленіе тѣхъ или другихъ экономическихъ взглядовъ и убѣжденій, признаваемыхъ полезными или необходимыми въ общегосударственномъ отношеніи. Тутъ вопросъ о благосостояніи даже и самой многочисленной части населенія отступаетъ на второй планъ. Наша отечественная промышленность достигла во многомъ блестящихъ результатовъ. Нижегородская выставка это вполнѣ доказала, и, вѣроятно, то же покажетъ и настоящая парижская. Казалось бы, цѣль достигнута; очевидно, тяжелыя жертвы какъ сельскаго населенія, а также и самого правительства, были принесены не даромъ. Прекращеніе же этихъ жертвъ не предвидится, и это вполнѣ естественно. Чѣмъ искусственнѣе зачата и обезпечена какая бы то ни было промышленность, тѣмъ менѣе она способна и, главное, расположена обойтись безъ выгодной для нея постоянной защиты и помощи. Ожиданіе, что лица, пользующіяся такой цѣнной привилегіей, или могущія ею воспользоваться сами, по собственному почину, будутъ стараться объ уменьшеніи ея, врядъ-ли основательно; гораздо вѣроятнѣе противоположное. Иностранный капиталъ, довольствующійся, по необходимости, а отнюдь не по доброй волѣ, скромной доходностью на родинѣ своей, нисколько не расположенъ, переѣхавъ въ наше отечество, уменьшать ту высокую доходность, которую можетъ или разсчитываетъ получить и получать. Нѣсколько странно, именно нынѣ, читать и слышать всякія разсужденія о принципіальной желательности или нежелательности участія иностраннаго капитала въ нашей промышленной жизни и дѣятельности, когда издавна, всюду у насъ, такое участіе вполнѣ открыто существовало. Въ нашей мѣстной столицѣ, въ г. Пензѣ, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, выходецъ изъ Мекленбурга, нѣкто В. И. Крюгеръ, основалъ машино-строительный заводъ. Интересно, что этотъ заводъ благоденствовалъ и

расширялся, когда не пользовался никакой защитой отъ заграничной конкурренціи, и сталъ приходить въ упадокъ, когда, вмѣстѣ со всей отечественной промышленностью, началъ получать необходимую для своего развитія поддержку. Дѣло объясняется, однако, очень просто. Заводъ Крюгера работалъ для мѣстнаго сельскаго населенія, и, вполнѣ естественно, вынужденъ былъ сокращать свою дѣятельность, когда это населеніе, обѣднѣвъ, потеряло возможность развивать свое хозяйство. Затрудненіе сбыта, вмѣстѣ съ значительнымъ вздорожаніемъ матеріала, подлежащаго обработкѣ, несомнѣнно должно было сократить производство завода, и дѣйствительно сократило, чѣмъ повысило стоимость его произведеній. Такое явленіе, разумѣется, значительно затруднило удовлетвореніе весьма скромныхъ требованій обѣднѣвшаго сельскаго населенія, но дѣло этимъ не ограничилось. Оно сократило контингентъ опытныхъ машинистовъ и слесарей, получавшихся весьма обширной окружающей мѣстностью съ завода Крюгера, но также и повысило ихъ плату. Позволю себѣ привести еще одинъ примѣръ.

Въ семидесятыхъ годахъ былъ установленъ гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ, убыточный способъ поощренія отечественнаго рельсоваго производства въ видѣ попудной, извѣстной преміи для русскихъ рельсовъ. Старинный заводъ англичанина Берда въ Петербургѣ изъ англійскаго чугуна и угля производилъ русскіе рельсы и, наравнѣ съ прочими представителями отечественной промышленности, получалъ какъ поощрительную премію, такъ и правительственные заказы. Собственно постройка желѣзныхъ дорогъ отъ такого рода поощренія не стала дороже, и, во всякомъ случаѣ, она обходилась дешевле, чѣмъ нынѣ. Главное же,—тогда сельскому хозяйству и всему сельскому населенію былъ болѣе доступенъ такой чуть не на каждомъ шагу необходимый ему матеріалъ, какъ желѣзо.

Если въ западной Европѣ, какъ увѣряютъ антисемиты, промышленность находится подъ владычествомъ еврейскаго капитала, а мы думаемъ, что для нашей, отечественной, слѣдуетъ привлечь еще болѣе иностранный капиталъ, то врядъ-ли насъ можно заподозрить въ антисемитизмѣ съ западно-европейской окраской. Однако онъ существуетъ и у насъ, но съ другимъ оттѣнкомъ, или, пожалуй, характеромъ.

II.

Въ нашей, русской, такъ-называемой „интеллигентной" публикѣ существуетъ антисемитизмъ, и также, какъ въ западной Европѣ, онъ имѣетъ оборонительный характеръ, но гораздо болѣе пассивный, чѣмъ тамъ. Боязнь общей и во всемъ еврейской конкурренціи не проявляется съ энергіей, а ограничивается убѣжденіемъ, что нѣтъ причинъ освободить евреевъ отъ тѣхъ ограниченій ихъ дѣятельности, которыя установлены закономъ. Нужны ли эти ограниченія, — а если нужны, то достигаютъ ли своей цѣли,—это не обсуждается, а признается, что такъ лучше и вѣрнѣе, — иначе евреи сядутъ намъ, русскимъ, на голову. Такое убѣжденіе особенно трудно объяснимо именно у насъ, гдѣ всюду иностранные подданные на всевозможныхъ поприщахъ безпрепятственно и спокойно занимаются своимъ дѣломъ. Если иностранцы не мѣшаютъ намъ, а евреи, русскіе подданные, вредны настолько, что дѣятельность ихъ должна быть стѣснена и ограничена,—то желательно уяснить себѣ, дѣйствительно ли дѣятельность въ нашемъ обширномъ отечествѣ нашихъ же евреевъ—вредна. Прежде, однако, необходимо убѣдиться, дѣйствительно ли мы, русскіе люди, до того безпомощны и лишены всякой личной иниціативы, что насъ необходимо крѣпко оградить отъ еврейскаго вліянія.

Въ рѣдкомъ нумерѣ газеты или журнала, въ коемъ обсуждаются деревенскія дѣла, не упоминается о научной неподготовленности и неумѣлости землевладѣльцевъ и о крестьянской косности, съ которыми прежде всего и болѣе всего надо бороться тѣми или другими мѣрами. Якобы-благонамѣренная печать—та, признавая, что въ русскомъ деревенскомъ народѣ свято хранятся традиціи древняго благочестія и патріотизма, находитъ, однако, необходимымъ усилить, елико возможно, административный надзоръ надъ благочестивой деревней. Деревня мнѣ близко и много лѣтъ извѣстна, и о ней только буду говорить.

Обѣднѣніе деревни, не имѣющей другихъ средствъ къ жизни, какъ отъ земли, всѣмъ извѣстно. Полагаю, нѣтъ надобности доказывать всю трудность развиваться и измышлять новые пути дѣятельности, когда не знаешь, будешь ли завтра сытъ вмѣстѣ съ семьею. Однако, и при такихъ печальныхъ условіяхъ, простой, рядовой крестьянинъ нисколько не теряетъ энергіи, а ищетъ выхода изъ своего положенія. Переселеніе на востокъ никѣмъ не было указано, — народъ самъ, по личной своей иниціативѣ, открылъ

дорогу, и только послѣ, когда движеніе приняло массовый характеръ, началось его упорядоченіе. То же было и есть въ прісканіи себѣ работы на югѣ, за Волгой, на Кубани. Можно ли назвать такой народъ лишеннымъ иниціативы? Притомъ,—ни единаго безпорядка вслѣдствіе нужды, гнавшей изъ родины. Необходимо принять въ соображеніе ту тяжелую школу, которую проходитъ крестьянинъ во время своей трудовой жизни и помимо нужды. Возьмемъ для примѣра осеннюю и весеннюю распутицу, превращающую грузовое движеніе, но нисколько не прекращающую общеніе между селеніями. Полное разъединеніе если и бываетъ, то не надолго—и только въ самый разгаръ весенняго половодья. Бываютъ несчастія, но крайне рѣдко, благодаря той умѣлости сельскаго населенія приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ своей жизни и даже побѣждать ихъ. Эта умѣлость нисколько не есть особенность выдающихся удальцовъ, а общая способность всѣхъ, безъ различія пола и возраста. Она никого не удивляетъ и никто не придаетъ ей особаго значенія. Несчастія, однако, бываютъ настолько крупныя, что, казалось бы, должны были бы отбить охоту у каждаго подвергаться риску.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьянинъ с. Плесса, спускаясь въ темную, осеннюю ночь съ горы на возѣ арбузовъ, опрокинулся и былъ раздавленъ телѣгой; на дняхъ судебный разсыльный Абрамовъ, возвращаясь въ Мокшанъ, въ осеннюю темноту, подъ самымъ городомъ сбился съ пути, упалъ въ оврагъ въ 9 ч. вечера и былъ убитъ на мѣстѣ накрывшей его телѣжкой. Замѣчательно, что ямщикъ, отброшенный при паденіи на нѣсколько саженъ, остался цѣлъ и невредимъ, не получивъ ни единой царапины, и только одна изъ двухъ лошадей имѣла незначительныя поврежденія. Ну, поговорятъ о случившемся день, другой, и никто не задумается, если нужно, идти или ѣхать въ эту осеннюю темноту, когда ни зги не видать въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ себя. Идетъ человѣкъ, и очень рѣдко не придетъ туда, куда шелъ. То же умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ мы видимъ въ крестьянствѣ и въ экономическомъ отношеніи. Въ нашемъ, сравнительно небольшомъ, мокшанскомъ уѣздѣ существуютъ цѣлыя села каменьщиковъ, плотниковъ, бондарей и портныхъ; это, скорѣе, отхожіе промыслы, но есть и кустарные, которыми занимаются на мѣстѣ, преимущественно зимой, также цѣлыя села телѣжниковъ, ободниковъ, выдѣлывающихъ такъ-называемую соломку для спичекъ, топорниковъ и санниковъ. Я не упоминаю о тѣхъ ремеслахъ и зимнихъ занятіяхъ, которыя не охватываютъ цѣлыя селенія,—а ихъ много. То, что̀ существуетъ

въ мокшанскомъ уѣздѣ, встрѣчается повсюду въ центральной Россіи, разумѣется, въ томъ или другомъ видѣ. Кто ввелъ эти побочныя занятія въ черноземной деревнѣ, кто научилъ имъ темнаго русскаго крестьянина — неизвѣстно; такъ, сами собой онѣ народились, существовали и служили немалымъ основаніемъ прочнаго его благосостоянія. Если это благосостояніе нынѣ кореннымъ образомъ потрясено,—потребовалась цѣлая серія, цѣлая сумма неблагопріятныхъ условій для этого — и никоимъ образомъ не косность крестьянства, ни отсутствіе личнаго въ немъ почина — тому причиной. Замѣчательно, что забота, съ которой нынѣ относятся къ насажденію въ крестьянствѣ полезныхъ кустарныхъ промысловъ, достигаетъ часто значительныхъ результатовъ качественно, но не количественно; существовавшіе же издавна—приходятъ въ упадокъ. Очевидно, съ общими причинами паденія благосостоянія нельзя бороться частными мѣропріятіями. Крестьянинъ нашъ нисколько не противникъ всякаго новшества; напротивъ, онъ легко принимаетъ все то, что̀ на дѣлѣ ясно доказало свою пользу и выгодность. Примѣръ одного быстро и широко распространяется. Очень можетъ быть, что вѣковая привычка крестьянства—на сходахъ обсуждать свои нужды—тому не мало способствуетъ. Цѣны на главный, или скорѣе, единственный продуктъ озимаго нашего клина, т.-е. рожь, нѣсколько повысились въ послѣднее время, и крестьянская жизнь оживилась во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, несмотря на почти плохой урожай 1898 года и на всѣ тѣ затрудненія, которыя препятствуютъ сельскому населенію развить свою самодѣятельность.

Не въ одномъ только крестьянствѣ встрѣчается умѣнье приспособляться къ тяжелымъ условіямъ своей жизни настолько, чтобы не только жить въ нихъ, но до нѣкоторой степени развиваться. Укажу только на одинъ примѣръ чисто русскаго почина, имѣющій гораздо болѣе общій характеръ. Первая паровая мукомольная мельница съ очистительными аппаратами появилась въ Венгріи въ шестидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, и въ концѣ этихъ годовъ такая же мельница была построена въ Казани Романовымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, также въ Венгріи, появилась первая вальцовая мукомольная мельница, и въ началѣ семидесятыхъ годовъ была построена въ Нижнемъ-Новгородѣ такая же Башкировымъ. Съ тѣхъ поръ вальцовыхъ мельницъ развелось много въ Россіи, и онѣ постоянно улучшались. По мѣрѣ того, какъ за-границей улучшалось и измѣнялось устройство дорогостоющихъ вальцовыхъ станковъ,—они выписывались. Мукомоль-

ное дѣло все развивалось и улучшалось, хотя никакого поощренія, никакой помощи, оно не имѣло со стороны; напротивъ, оно встрѣчало довольно серьезное затрудненіе въ своемъ развитіи. Вальцовые станки не производятся въ Россіи; тѣмъ не менѣе, они обложены тяжкой пошлиной,—что̀, разумѣется, значительно повышаетъ и безъ того высо̀кую стоимость устройства вальцовыхъ мельницъ. Не одни только русскіе люди вели и ведутъ нынѣ мукомольное дѣло въ этомъ видѣ; впослѣдствіи за него взялись и иностранныя фирмы, но ихъ мельницы устроивались и устроиваются преимущественно въ портахъ или въ крупныхъ центрахъ потребленія, тогда какъ русскіе скорѣе остались и остаются въ центрахъ производства зерна. Для сельскаго хозяйства и для всего сельскаго населенія, страдающаго отъ дешевизны сбыта его произведеній представляетъ значительную выгоду крупный мѣстный сбытъ, до нѣкоторой степени независимый отъ такъ-называемой биржевой цѣны зерна. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общегосударственномъ отношеніи имѣетъ немалое значеніе перевозка сырого матеріала въ обработанномъ видѣ.

Врядъ-ли можно признать, что русское сельское населеніе и вообще русскіе люди нуждаются въ защитѣ отъ евреевъ. Такая защита, однако, можетъ быть необходима, если еврейская дѣятельность дѣйствительно вредна; постараемся выяснить характеръ этой дѣятельности.

III.

Дѣятельное появленіе евреевъ и участіе ихъ въ хлѣбной торговлѣ высказалось въ пензенской губерніи, сравнительно, недавно, лѣтъ пятнадцать, много двадцать тому назадъ. Я не буду говорить о принесенной ими немалой пользѣ землевладѣнію содѣйствіемъ расширенію посѣвовъ масличныхъ растеній и чечевицы, выдачею крупныхъ задатковъ подъ такіе посѣвы, а остановлюсь только на хлѣбной ихъ торговлѣ, или, скорѣе, на формѣ и характерѣ ихъ посредничества при хлѣбной торговлѣ. Вполнѣ естественно, что всякій новый покупатель даннаго продукта, являющійся въ мѣстность, производящую его, этимъ уже однимъ облегчаетъ сбытъ этого продукта и, разумѣется, въ той или другой мѣрѣ, повышаетъ его продажную цѣну. Дѣятельность еврейства не ограничилась такимъ непосредственнымъ ея послѣдствіемъ, и это требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго объясненія.

До появленія еврейства въ нашей мѣстности, хлѣбная торговля была въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ. Мелкіе тор-

говцы, покупатели на сельскихъ базарахъ, были скорѣе агентами этихъ фирмъ, которыя сами покупали преимущественно крупныя, владѣльческія партіи. Въ послѣднемъ случаѣ сдѣлки совершались бо́льшею частью такимъ образомъ, что, при заключеніи условія покупки, выдавался задатокъ, остальная уплата разсрочивалась по соглашенію. Евреи ввели новый порядокъ: они давали задатокъ, остальную же уплату производили при сдачѣ продукта. Между ними были не одни только покупатели, но были и другіе, которые во время сезона хлѣбной торговли жили въ Пензѣ и ограничивали свою дѣятельность выдачею ссудъ подъ дубликаты желѣзной дороги на отправленное зерно. Послѣднее было небывалой новизной въ дѣлѣ нашей мѣстной хлѣбной торговли, и оно имѣло крайне плодотворное вліяніе на сбытъ зерна. Замѣчательно, что такая выгодная форма кредита, лишенная всякаго риска, долго оставалась въ рукахъ частныхъ лицъ. Гораздо позднѣе московскій международный банкъ открылъ въ Пензѣ отдѣленіе, которое почти исключительно занялось ссудами подъ дубликаты, и получало значительный доходъ отъ этого; нынѣ же и отдѣленіе государственнаго банка приступило къ такого рода операціямъ. Польза же отъ нихъ для всего землевладѣнія была несомнѣнная и косвенно, и непосредственно.

Мѣстные дѣятели очень скоро поняли всю выгодность еврейскаго способа вести хлѣбную торговлю и быстро усвоили его. Прежній мелкій торговецъ-агентъ сталъ самостоятельнымъ купцомъ, отправляющимъ зерно въ Либаву, Ревель и даже Кенигсбергъ. Тогда пролегающая по нашей мѣстности частная моршанско-сызранская желѣзная дорога еще не сдѣлалась казенной сызрано-вяземской головной линіей великаго сибирскаго пути; залежей на ея станціяхъ не бывало; вагоны отправлялись безъ задержки, достигали назначенія своевременно и такъ же своевременно сдавались. Результатомъ такого порядка вещей было быстрое полученіе потраченныхъ на отправку вагоновъ денегъ, что̀ давало возможность въ продолженіе зимы, времени дешеваго подвоза зерна къ станціямъ, нѣсколько разъ повторить одну и ту же операцію. Такая возможность, въ сравнительно короткое время, обернуть свой капиталъ нѣсколько разъ давала торговцу, при незначительномъ барышѣ въ каждой операціи, весьма изрядную выгоду въ общей сложности. При ссудахъ же подъ дубликаты желѣзной дороги само дѣло легко расширялось. Имѣющій собственнаго капитала на отправку двухъ или трехъ вагоновъ, могъ легко и безъ всякаго риска, при ссудахъ, отправлять ихъ вдвое и болѣе. Вполнѣ понятно, что, при такомъ расширеніи, торго-

вецъ могъ довольствоваться еще болѣе ничтожнымъ барышомъ въ каждой операціи, въ каждой покупкѣ, и давать продавцу-производителю зерна болѣе высокую цѣну. Удешевленіе торговаго посредничества становилось выгоднымъ какъ для посредника, такъ и для производителя, т.-е. для землевладѣнія. Съ теченіемъ времени, сами землевладѣльцы стали посылать, большею частью, свои цѣнные хлѣба, какъ чечевицу, горохъ, сурѣпку, рыжей, новымъ открытымъ путемъ, не безъ выгоды для себя. Оживленіе хлѣбной торговли, благодаря еврейству, несомнѣнно повысило значительно мѣстное благосостояніе. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Призванная удовлетворять непосильнымъ для нея требованіямъ, сызрано-вяземская желѣзная дорога не могла справиться съ нашими мѣстными грузами. Начались залежи грузовъ на станціяхъ, съ полнымъ иногда прекращеніемъ ихъ пріема. Хлѣбная торговля крайне затруднилась, разумѣется, съ значительнымъ ущербомъ для производителя зерна, для землевладѣнія. Торговые пріемы, введенные еврействомъ, однако, сохранились, и позволительно надѣяться, что при настоящемъ увеличеніи нашей желѣзнодорожной сѣти и улучшеніи ея провозоспособности,— эти пріемы снова будутъ примѣняться и развиваться, если только упорядоченіе хлѣбной торговли не послужитъ тому препятствіемъ. Насколько извѣстно, дѣятельность еврейства по хлѣбной торговлѣ всюду имѣетъ одинаковый характеръ съ тѣмъ, который оно проявило въ нашей мѣстности. Всюду оживляя торговлю, или, лучше сказать, учащая ея дѣятельность, оно на дѣлѣ доказываетъ выгодность малыхъ барышей. Всякое увеличеніе всякаго спроса на продуктъ только полезно для производителя его, въ данномъ случаѣ—для землевладѣнія. Однако, именно среди землевладѣнія высказывается мнѣніе, что евреи своей мелочною торговлею русскимъ зерномъ роняютъ его цѣну на международномъ рынкѣ. Притомъ еврейство обвиняется еще въ томъ, что оно примѣсью всякихъ постороннихъ предметовъ къ этому зерну обезславило его настолько на международномъ рынкѣ, что значительно понизило его цѣну. Второе обвиненіе—крайне тяжкое, и потому мы на немъ остановимся прежде всего.

Фактъ умышленнаго засоренія евреями русскаго зерна, отправляемаго за-границу, представляется нашей деревенской публикѣ въ нѣсколько мутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Разсказывается и даже печатается, что вотъ тамъ-то куплена партія хлѣба, чисто отсортированнаго, высокаго качества; отправляется она по желѣзной дорогѣ въ такое-то мѣсто, и тамъ, вдругъ, въ этомъ прекрасномъ хлѣбѣ оказывается значительная примѣсь та-

кихъ совершенно посторонпихъ предметовъ, какъ мусоръ, песокъ и земля. Въ воображеніи публики составляется мнѣніе о какихъ-то темныхъ продѣлкахъ пресловутаго еврейскаго кагала, систематически старающагося достигнуть обезцѣненія русскаго хлѣба на международномъ рынкѣ. Если до или вскорѣ послѣ извѣстія о такомъ случаѣ засоренія появилась въ газетахъ статья о биржевыхъ заграничныхъ спекуляціяхъ на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, мнѣніе объ еврейскихъ злоумышленіяхъ окончательно укрѣпляется. Является убѣжденіе, что вотъ, наконецъ, найдена дѣйствительная причина страданій русскаго землевладѣнія; вотъ отчего русскій землевладѣлецъ вынужденъ продавать произведенія своего труда по цѣнѣ, не вознаграждающей этотъ тяжелый трудъ. Противъ такихъ злоумышленій, широко раскинутыхъ по всей Европѣ всесильнымъ еврейскимъ кагаломъ,—борьба частныхъ лицъ безсильна. Вполнѣ понятно и естественно въ такомъ случаѣ искать спасенія въ строгомъ упорядоченіи хлѣбной торговли со стороны правительственной администраціи.

Среди еврейства, какъ среди всякаго народа, племени, сословія и общества, встрѣчаются люди самаго разнообразнаго нравственнаго уровня. Если засореніе русскаго хлѣба—результатъ какого-либо рода и вида проступка или преступленія, совершеннаго такимъ-то лицомъ, то оно подлежитъ уголовному преслѣдованію, будь это еврей, мусульманинъ или христіанинъ, безразлично. Можно говорить только о недостаточности нашего уголовнаго законодательства вообще, или, въ частности, о его примѣненіи къ хлѣбной торговлѣ. Врядъ-ли, однако, у насъ представляетъ какое-либо затрудненіе найти виновнаго въ засореніи хлѣба. Обезличеніе зерна у насъ не существуетъ, и, пожалуй, въ данномъ случаѣ это имѣетъ свою весьма хорошую сторону. Продается ли вагонъ, или сто вагоновъ,—отвѣтственнымъ лицомъ за вагонъ, или вагоны, всегда является дѣйствительно существующій отправитель. При обычной, строгой пріемкѣ покупателемъ именно зерна, недобросовѣстному продавцу весьма трудно ускользнуть отъ отвѣтственности. Впрочемъ, объ уголовной отвѣтственности не слышно въ стараніяхъ, стремленіяхъ и ходатайствахъ объ упорядоченіи нашей хлѣбной торговли, такъ о ней и говорить нѣчего. Сложилось убѣжденіе, что для еврея выгодно подмѣшивать къ продаваемому имъ за-границей русскому зерну—всякую дрянь. Выходитъ какъ-то странно: для продавца—выгодно удешевлять продаваемое имъ?!

На международномъ рынкѣ, какъ и на сельскомъ базарѣ, зерно, какъ и всякій другой продуктъ, покупается и прини-

мается по расцѣнкѣ, согласно его качеству, т.-е. чистотѣ, добротности, сухости и пр. При средней такой-то цѣнѣ, бывшей въ такой-то день на рынкѣ, платятъ за товаръ и выше, и ниже ея. При сильномъ требованіи на какой-либо продуктъ, всякій видъ его покупается, даже самый плохой; при умѣренномъ же требованіи плохой сортъ или совсѣмъ не покупается, или покупается по такой низкой цѣнѣ, сравнительно съ средней существующей, что для продавца безусловно было бы гораздо выгоднѣе привести его въ надлежащій видъ, чѣмъ продать за безцѣнокъ и, пожалуй въ убытокъ. На русское—да и на всякое зерно давно уже не было такого усиленнаго требованія международнаго рынка, при которомъ можно бы было предположить, чтобы вполнѣ плохое могло быть тамъ продано по сколько-нибудь удовлетворительной и неубыточной цѣнѣ. Землевладѣлецъ пославшій свой негодный продуктъ на ближайшій базаръ, теряетъ только стоимость подводы или подводъ, если этотъ продуктъ вернулся къ нему; торговецъ же, отправившій его на заграничный, международный рынокъ, теряетъ въ такомъ случаѣ настолько болѣе, что врядъ-ли кто-либо, а всего менѣе еврей, преслѣдующій свою выгоду, подвергнетъ себя такому риску. Случаевъ отказа отъ пріемки русскаго зерна на международномъ рынкѣ не бывало,—по крайней мѣрѣ, объ этомъ никогда не было слышно. Очевидно, на крупныхъ заграничныхъ рынкахъ, какъ и на нашихъ сельскихъ базарахъ, покупатели различные: одни ищутъ товаръ лучшаго сорта и платятъ за него выше средней цѣны; другіе довольствуются сортомъ пониже и платятъ за него дешевле той же средней цѣны. Одна эта средняя цѣна имѣетъ серьезное значеніе; на паденіе ея жалуется не одно русское землевладѣніе, но и все европейское. Упорядоченіе хлѣбной русской торговли съ цѣлью продажи за-границей только отборнаго русскаго зерна, очень вѣроятно, доставитъ ему тамъ высшую, противъ средней, цѣну, но еще болѣе, вѣроятно, затруднитъ дѣятельность всего русскаго землевладѣнія, помимо увеличенія накладныхъ расходовъ хлѣбной торговли вслѣдствіе ея упорядоченія.

Всему русскому землевладѣнію, начиная отъ крупнаго землевладѣльца и кончая крестьяниномъ, сидящимъ на дарственномъ, нищенскомъ надѣлѣ, прекрасно извѣстно, что чѣмъ лучше продаваемое имъ зерно, тѣмъ болѣе за него получается,—познаніе, пріобрѣтенное не теоретически, а чисто практически—на всѣхъ базарахъ и при всякихъ продажахъ. При настоящей дешевизнѣ зерна, всякій живущій только имъ—въ высшей степени дорожитъ каждой лишней копѣйкой, которую онъ можетъ получить за

пудъ этого зерна. Мнѣніе объ общей засоренности крестьянскаго хлѣба не всегда вѣрно. Мнѣ неоднократно доводилось видѣть у пензенскихъ купцовъ крестьянское зерно замѣчательной чистоты и добротности. Правда, эти качества во многомъ зависятъ отъ урожая. Въ такомъ-то году рожь, напримѣръ, рѣдко гдѣ вѣситъ болѣе 115 золотниковъ по пуркѣ, а въ слѣдующемъ—рѣдко гдѣ менѣе 120 золотниковъ. Крестьянинъ, однако, вполнѣ можетъ и умѣетъ изъ всякаго зерна приготовить въ лучшемъ видѣ тотъ возъ его, который онъ везетъ на базаръ. Это—его прямой интересъ, его прямая выгода. Не говоря о мякинѣ, составляющей единственный интенсивный кормъ его скотины зимой, именно изъ легкаго зерна, отлетающаго при тщательномъ отвѣиваніи, дѣлается посыпная мука, коей сдобривается мѣсиво изъ соломы и воды, которымъ подкармливается лошадь передъ весенней пахотой. Само собою разумѣется, что когда нѣтъ лошади, или когда настоятельная нужда въ деньгахъ требуетъ спѣшнаго удовлетворенія, зерно продается безъ тщательной его отдѣлки. Дѣйствительно, базарный крестьянскій хлѣбъ сыроватъ, но только теперь; прежде это встрѣчалось гораздо рѣже. Прежде, когда все крестьянство пользовалось еще нѣкоторымъ благосостояніемъ и крестьянскія гумны были полны одоньевъ, хлѣбъ молотился очень часто весной, даже въ междупарье, и вёдренное сухое крестьянское зерно было далеко не рѣдкостью на базарахъ. При постепенномъ же ростѣ крестьянской нужды, и крестьянскій хлѣбъ сталъ молотиться не тогда, когда бы слѣдовало, а когда приходилось это дѣлать для спѣшной его продажи.

Не стану разсказывать слышанныя мною часто жалобы нашихъ мѣстныхъ, чисто русскихъ, православныхъ купцовъ на неудовлетворительную очистку зерна, купленнаго ими у мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Это было бы нѣчто вродѣ доноса. Предпочитаю сознаться, что я самъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ. Въ 1898 году, много обѣщавшій въ началѣ лѣта овесъ почти погибъ отъ засухи; поздніе дожди дали обильный подгонъ новаго зерна, которое, разумѣется, не могло дозрѣть. Молотьба овса дала весьма мало зерна и очень много мякины; но и малое количество полученнаго зерна было на половину тощее, негодное на сѣмена. Во всей нашей мѣстности,—за ничтожными исключеніями, пришлось покупать овесъ для сѣмянъ. Я именно принадлежалъ къ такому счастливому исключенію. Въ одномъ изъ моихъ хуторовъ, благодаря своевременно прошедшему дождю, былъ обильный урожай доброкачественнаго овса, которымъ не только былъ обезпеченъ посѣвъ другихъ хуторовъ, но семьсотъ

пудовъ его было продано на сѣмена по высшей въ нашей мѣстности цѣнѣ,—по восьмидесяти копѣекъ за пудъ. Я получилъ (700×80) пятьсотъ-шестьдесятъ рублей. Овесъ засѣваемый на всѣхъ хуторахъ, одинъ и тотъ же—перer родъ шатиловскаго овса, но на этотъ разъ онъ былъ весьма различенъ. Обезпечивъ, по возможности, экономію, кормовыя нужды моей скотины, я имѣлъ еще на продажу тысячу пудовъ плохого овса, пропущеннаго, однако, разъ черезъ сортировку послѣ вѣялки. По сдѣланной пробѣ, я бы могъ его довести до хорошей добротности при болѣе тщательной сортировкѣ, но тогда траты были бы болѣе трехсотъ пудовъ изъ тысячи. По пробѣ, мнѣ предлагали тѣ же 80 коп. за пудъ. Я бы могъ продать еще, скажемъ, 700 пудовъ и получить снова 560 рублей, какъ въ первой операціи; но я предпочелъ продать всю тысячу пудовъ мѣстному русскому купцу Шумилину, по 68 коп. за пудъ, и получилъ (1000 × 68) *шестьсотъ-восемьдесятъ рублей.* Слѣдовало бы поддержать хорошую репутацію экономіи, но это оказалось убыточнымъ. Въ оправданіе свое могу только привести одно обстоятельство, нѣсколько облегчающее мою вину, а именно, что въ 1898 г. у меня, при исключительно счастливыхъ условіяхъ, площадь въ 598 десятинъ подъ овсомъ дала валового дохода (560+680) *тысячу-двѣсти-сорокъ рублей.* То, что было у меня, повторяется и можетъ повторяться всюду и вездѣ въ разнообразнѣйшихъ формахъ и размѣрахъ. Дѣятельность сельскохозяйственной промышленности,—какъ и всякой другой,—можетъ быть, къ сожалѣнію, не имѣетъ цѣлью искусство для искусства, а вынуждена руководствоваться одной лишь выгодностью. Врядъ-ли справедливо, путемъ опредѣленныхъ административныхъ мѣръ, т.-е. путемъ своего рода насилія, заставлять производителя зерна преслѣдовать указанный идеалъ. Если онъ выгоденъ, къ нему будутъ стремиться и безъ всякихъ административныхъ понужденій; если же онъ невыгоденъ, то нѣтъ причины заставлять захудалое русское землевладѣніе нести новый убытокъ. Всякое стѣсненіе торговли какимъ бы то ни было продуктомъ всего болѣе и всего вѣрнѣе отражается на производителѣ этого продукта. Хлѣбная торговля,—какъ и всякая другая,—можетъ быть выгодной или убыточной при всякихъ стѣсненіяхъ, какъ и при полной свободѣ. Для нея, собственно, условія дѣятельности—безразличны. Эти условія принимаются посредникомъ въ основаніе его разсчета при покупкѣ для продажи. Если стѣснена послѣдняя,—само собою разумѣется, пропорціонально стѣсняется и первая. Для посредника единственная цѣль—это выгодная разница между

уплаченнымъ и полученнымъ имъ, а эта разница можетъ быть или не быть при всякихъ условіяхъ и при всякихъ цѣнахъ.—Не то бываетъ для производителя предмета торговли,—особенно когда этотъ предметъ — зерно, нынѣ повсюду понизившееся въ своей цѣнѣ.—Всякое огульное обвиненіе рѣдко достовѣрно. Очень можетъ быть, что такой-то еврей или такіе-то евреи дѣйствительно и съ выгодою для себя вели успѣшно недобросовѣстную торговлю русскимъ зерномъ; хотя факты такого рода не были точно разслѣдованы, но еслибы они даже были выяснены и недобросовѣстность занимающихся такой торговлей была вполнѣ доказана, то и тогда обвинять все еврейство въ недобросовѣстной торговлѣ нѣтъ достаточныхъ основаній. Предположимъ, однако, что все, что̀ говорится и пишется о вредѣ еврейскихъ примѣсей къ русскому зерну, безусловно вѣрно и справедливо. Предположимъ, что строгая инспекція, въ лицѣ чиновниковъ новаго сорта, достигнетъ намѣченной цѣли, и на заграничныхъ рынкахъ будетъ появляться русское зерно только въ безукоризненномъ видѣ. При той всеобщей у насъ крѣпкой вѣрѣ въ умѣнье еврейства обходить законъ,—очень вѣроятно, что явится только новая форма такого обхода. Еще болѣе вѣроятно, что упорядоченіе хлѣбной торговли ляжетъ тяжелымъ бременемъ на все русское землѐвладѣніе, которое станетъ получать за свои произведенія еще менѣе, чѣмъ прежде.

Помимо умышленнаго засоренія русскаго зерна, евреевъ обвиняютъ еще въ томъ, что они, отправляя на заграничные рынки мелкія партіи даже доброкачественнаго русскаго зерна и довольствуясь въ каждой операціи ничтожнымъ барышомъ, тѣмъ самымъ роняютъ общую цѣну зерна и препятствуютъ крупнымъ фирмамъ—разумнымъ выжиданіемъ поднять эту цѣну. Вѣра въ успѣшность выжиданія въ торговлѣ существуетъ не у насъ однихъ; основательной ее все же признать нельзя. Владычество нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, на которомъ ищетъ сбыта своихъ произведеній чуть не весь міръ,— рѣшительно невозможно, неосуществимо да и не желательно. Еслибы существовали такіе владыки, могущіе, по своему усмотрѣнію, повышать цѣну зерна на центральномъ рынкѣ сбыта, то точно также и еще болѣе они могли бы понижать ее на внутреннихъ рынкахъ при покупкѣ. Мало вѣроятія, чтобы они стѣснялись въ примѣненіи пріобрѣтенной ими власти. Радоваться, что евреи демократизаціей хлѣбной торговли мѣшаютъ дѣятельности крупныхъ фирмъ на международномъ рынкѣ, или скорбѣть о томъ —это придавать еврейству болѣе значенія, чѣмъ

оно имѣетъ и можетъ имѣть. Основныя, среднія цѣны международнаго хлѣбнаго рынка зависятъ отъ совокупности многихъ вполнѣ реальныхъ причинъ и обстоятельствъ. Россія, дѣйствительно, вліяетъ на эти цѣны, но количествомъ, той массой зерна, которую она выбрасываетъ на этотъ рынокъ, а никакъ не качествомъ его, и еще менѣе способомъ его доставки на заграничные рынки.

Этотъ способъ, однако, имѣетъ весьма существенное значеніе для внутреннихъ рынковъ, на которыхъ покупается вывозимое за границу зерно. Установившіяся на международномъ рынкѣ цѣны, несомнѣнно, имѣютъ вліяніе на таковыя во внутреннемъ. Онѣ, такъ сказать, ставятъ предѣлъ той платѣ, которую можетъ дать покупатель - посредникъ за зерно въ мѣстахъ его производства. Если еврей умудряется съ выгодой для себя выдавать такую плату за зерно въ наивысшемъ ея размѣрѣ и своей конкурренціей вредитъ крупнымъ фирмамъ, также покупающимъ это зерно, но гораздо дешевле,—то для производителя его онъ только безусловно полезенъ.

Не одной хлѣбной торговлей ограничивается еврейская дѣятельность, и прослѣдить ее всю на одной только экономической почвѣ врядъ-ли возможно и, пожалуй, излишне. Нѣсколько подробный разборъ участія евреевъ въ хлѣбной торговлѣ указалъ на характеръ ихъ дѣятельности, который сохраняется и въ другихъ сферахъ всецѣло. Всюду и вездѣ еврей ищетъ новыхъ путей выгодности. Это вполнѣ естественно со стороны людей, издавна поставленныхъ внѣ общихъ условій жизни. Такой постоянный поискъ былъ бы нежелателенъ, еслибы полезные его результаты оставались только въ еврейскихъ рукахъ. Мы видѣли, что евреи приносятъ дѣйствительную, существенную пользу землевладѣнію въ хлѣбной торговлѣ, и не одному только землевладѣнію. То же можетъ быть удостовѣрено и въ другихъ отрасляхъ ихъ дѣятельности. Сошлюсь только на одинъ примѣръ.

Акцизная система очень быстро, послѣ ея введенія, безъ всякихъ жертвъ со стороны и правительства, и публики, достигла замѣчательнаго техническаго развитія въ винокуреніи. Промышленность этого рода такъ тѣсно связана съ сельскимъ хозяйствомъ, что, несомнѣнно, развитіе ея отразилось благотворно на русскомъ землевладѣніи. Превышеніе предложенія надъ спросомъ, естественный результатъ всякаго промышленнаго развитія, грозило крупными затрудненіями въ сбытѣ, что̀, разумѣется, оказало бы вредное вліяніе на сельское хозяйство, а слѣдовательно и на землевладѣніе. Приходилось отыскивать новый рынокъ для

русскаго винокуренія. Первые, которые открыли этотъ рынокъ, были евреи, братья Исай и Михаилъ Аполлоновичи Коробковы. Они первые стали продавать русскій спиртъ на главный германскій спиртовый рынокъ, въ Гамбургъ, а также они первые добились отъ съѣздовъ желѣзнодорожныхъ группъ, существовавшихъ тогда, установленія тарифа на спиртъ, выгоднаго какъ для отправителей его, такъ и для желѣзныхъ дорогъ. Первый, который послѣдовалъ примѣру Коробковыхъ, былъ русскій, православный нижегородскій купецъ Киселевъ, а затѣмъ не только купцы, но сами винокуренные заводчики широко воспользовались открытымъ сбытомъ спирта за-границу.

Изъ весьма обстоятельной брошюры г. Котельникова, съ которой знакомились винокуренные заводчики на ихъ съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ іюнѣ 1892 года, между прочимъ видно, что доля участія Россіи на германскомъ спиртовомъ рынкѣ въ 1878 году опредѣлялась въ 23,73%; самой же Германіи—въ 76,26%. Въ 1889 году доля Россіи была 75,47%, а Германіи—24,53%. Врядъ-ли можно желать лучшаго результата отъ почина гг. Коробковыхъ. Врядъ-ли также, полагаю, нужно разъяснять всю ту пользу, которую извлекало русское землевладѣніе отъ развитія вывоза за-границу переработанныхъ его продуктовъ. Ультра-фискальное направленіе министерства финансовъ, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, не могло помириться съ тѣмъ, что русское винокуреніе, путемъ перекура и вывозной преміи, получало въ свою пользу извѣстную долю акциза, т.-е. извѣстную долю государственнаго дохода. Дѣйствительно, русскій спиртъ пользовался при вывозѣ за-границу преміей, которая, за *четырнадцать* лѣтъ (1887—1890 гг.), составила *сорокъ* милліоновъ рублей кредитныхъ; но и Германія защищала свой спиртъ также преміей, на которую только въ продолженіе десяти лѣтъ (1878—1887 гг.) она потратила *сорокъ-восемь милліоновъ* металлическихъ рублей. Милліоны русской преміи, въ сущности, не составляли дѣйствительной, реальной цѣнности, которую потеряло государственное казначейство. Милліоны рублей числились на бумагѣ по весьма вѣрному подсчету, но они составились изъ извѣстнаго количества акциза, отчисляемаго въ пользу заводчиковъ—отправителей спирта за-границу. Потеря, значитъ, ограничивалась тѣмъ доходомъ, который могъ бы дать спиртъ, еслибы онъ остался въ своемъ отечествѣ,—относительно же возврата путевой траты—доходомъ отъ спирта, такъ сказать, несуществующаго. Предположимъ, наконецъ, что государственное казначейство дѣйствительно истра-

тило 40 милліоновъ въ четырнадцать лѣтъ, т.-е. менѣе *трехъ милліоновъ* кредитныхъ рублей въ годъ, на помощь русскому землевладѣнію для сбыта его произведеній за-границу въ переработанномъ видѣ. Эта потеря окажется рѣшительно ничтожной сравнительно съ тѣми жертвами, которыя несетъ вся страна, да и само правительство нынѣ, отъ обезпеченія высокой доходности отечественной промышленности, хотя бы только въ одномъ рельсовомъ производствѣ. Вывозъ спирта за-границу затруднялся, сокращался, и починъ гг. Коробковыхъ пересталъ давать блестящіе результаты. Врядъ-ли въ этомъ можно винить еврейство.

IV.

Антисемитизмъ интеллигентнаго нашего класса, унаслѣдованный отъ вѣковъ, до нѣкоторой степени поддерживается и даже укрѣпляется общимъ, нынѣшнимъ взглядомъ на посредничество,—взглядомъ, существующимъ не у насъ однихъ. Посредничество же—не только излюбленная форма дѣятельности нашихъ русскихъ евреевъ, но, правду сказать, отчасти и вынужденная для нихъ. Она одна доступна для нихъ; прочія же возможны только при особенно счастливыхъ условіяхъ, и то не всѣ. Всеобщее стараніе установить прямыя сношенія производителя съ потребителемъ, это—стремленіе къ, своего рода, идеалу, которому нельзя не сочувствовать. Несомнѣнно, въ высшей степени желательно устранить всякое посредничество, отъ котораго потребитель платитъ дороже за все ему необходимое, а производитель этого необходимаго получаетъ за него менѣе того, что̀ заплатилъ потребитель. Тутъ является вполнѣ непроизводительный расходъ на посредника, и вполнѣ естественно желаніе устранить его,—но осуществимо ли это? Всѣ тѣ общества, всякаго рода и вида, которыя устроиваются какъ со стороны потребителей, такъ и производителей, вынуждены имѣть извѣстную организацію для закупки, или для продажи. Если дѣла такихъ обществъ ведутся широко и умѣло, они несомнѣнно—въ выгодѣ; но эта выгода происходитъ оттого, что въ самомъ обществѣ есть умѣлый, знающій посредникъ, руководящій покупкой или продажей, что̀ во всякомъ случаѣ представляетъ собою извѣстный расходъ. Необходимо имѣть въ виду, что—скажемъ, напримѣръ, мельникъ производитъ въ годъ десять тысячъ пудовъ муки, а такому-то небольшому потребительному обществу нужно всего въ годъ

тысяча пудовъ; точно также можетъ быть и наоборотъ. Въ обоихъ случаяхъ требуется изысканіе способа согласованія спроса съ предложеніемъ; но рѣдко оно вполнѣ удовлетворяетъ обѣ стороны, и одна изъ нихъ должна продолжать свою дѣятельность или для продажи, или для покупки. При настоящей сложной и все болѣе осложняющейся, экономической жизни, при настоящемъ развитіи, облегченіи и улучшеніи путей и способовъ сообщенія, раздѣленіе и спеціализація всякаго труда становятся все болѣе необходимыми. Посредничество сдѣлалось не только своего рода наукой, но требуетъ постояннаго труда, постояннаго вниманія къ тому, что̀ дѣлается въ избранной сферѣ дѣятельности.

Многіе у насъ въ деревнѣ, — впрочемъ, не въ одной только деревнѣ,—глубоко убѣждены, что низкія цѣны производимаго деревней зерна—результатъ купеческой алчности. Предположимъ, что одни только купцы думаютъ о своей выгодѣ, а мы всѣ дѣйствуемъ единственно для пользы ближняго, — но и хлѣбные торговцы терпятъ убытки и даже разоряются. Наконецъ, эти же торговцы жалуются, что еврейская конкурренція мѣшаетъ ихъ дѣятельности, т.-е. уменьшаетъ ихъ барыши. Вѣруя въ купеческую алчность, мы должны относиться съ благодарностью къ евреямъ, сдерживающимъ эту алчность; а ея не видать, да и не нужно. Требуется справедливое отношеніе къ нашимъ соотечественникамъ, исповѣдующимъ еврейскую религію. Ограниченіе дѣятельности евреевъ чертой ихъ осѣдлости и допускаемыя уклоненія отъ этого ограниченія установлены закономъ, а потому и не зависятъ отъ насъ; но частное, личное отношеніе къ самимъ евреямъ можетъ быть и враждебнымъ, и участливымъ. Послѣднее нисколько не воспрещается закономъ. Необходимо принять въ соображеніе, что еврейская осѣдлость, это—довольно обширное пространство, густо заселенное, представляющее собою, такъ сказать, израильское царство, цѣлость и замкнутость котораго искусственно охраняются нами на нашей западной окраинѣ. Враждебность родитъ враждебность, и врядъ-ли мы, русскіе, православные, имѣемъ право разсчитывать на любовь къ отечеству со стороны тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ фактически мы таковыми не признаемъ. Несомнѣнно, Россія настолько сильна, что вполнѣ можетъ не придавать никакого значенія чувствамъ созданнаго обстоятельствами и охраняемаго ею же израильскаго царства. Но находя къ себѣ въ Россіи справедливое, участливое, человѣ-

ческое отношеніе, евреи сами перестанутъ считать себя въ ней пришельцами. Если, наконецъ, мы не можемъ побѣдить въ себѣ унаслѣдованнаго отъ вѣковъ антисемитизма,—мы должны принять въ соображеніе, что люди, преслѣдующіе всюду только матеріальную выгоду, поражаютъ своей вѣрностью религіи, отказъ отъ которой былъ бы для нихъ безусловно только выгоденъ— въ матеріальномъ отношеніи...

Кн. Дм. Друцкой-Соколышнскій.

ЧАРОДѢЙ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Мое маленькое заводское дѣло, которымъ я занимался въ нашемъ губернскомъ городѣ Желтоводскѣ, давало мнѣ небольшой, но вѣрный доходъ. Не скажу, чтобъ оно увлекало меня: ничего интереснаго въ немъ не было. Но оно, во-первыхъ, служило мнѣ источникомъ существованія и избавляло отъ необходимости „служить", къ чему я чувствовалъ всегдашнее и рѣшительное нерасположеніе; а во-вторыхъ, оно мнѣ нравилось тѣмъ, что соединялось съ ежедневными поѣздками за двѣ версты отъ города, пребываніемъ на свѣжемъ воздухѣ, ходьбою, громкими разговорами подъ грохотъ машинъ, и вообще распорядительною дѣятельностью, отъ которой я чувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ. И мнѣ не приходило въ голову мѣнять это дѣло на что-нибудь болѣе крупное и прибыльное.

Но въ нашемъ мирномъ Желтоводскѣ внезапно появился петербургскій дѣлецъ, магъ и волшебникъ, а по паспорту—всего только отставной полковникъ, Арсеній Петровичъ Столбинъ. Съ его появленіемъ, въ моей судьбѣ произошла быстрая перемѣна.

Припоминая и соображая теперь всѣ тогдашнія обстоятельства, я прихожу къ заключенію, что дѣйствовалъ довольно легкомысленно, несмотря на свой тридцати-пяти-лѣтній возрастъ. Но въ то время мнѣ казалось, будто какая-то волна, чудеснымъ образомъ докатившаяся до меня изъ глубины житейскаго океана, внезапно подхватила меня, подняла и унесла.

Къ пріѣзжимъ изъ Петербурга мы въ провинціи или чрезъ

мѣру подозрительны, или не въ мѣру довѣрчивы. То и другое отношеніе налаживается какъ-то случайно, Богъ-вѣсть, въ силу какихъ психическихъ основаній. Иной разъ вдругъ рѣшимъ, что пріѣзжій — шарлатанъ и тонкій плутъ, и высмѣиваемъ всякаго, кто повѣрилъ хоть одному его слову; а въ другой разъ, сами начинаемъ сочинять про пріѣзжаго какія-то легенды, съ фантастичностью дикарей преувеличиваемъ его значеніе, богатство, положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, и окружаемъ его до гадости раболѣпнымъ поклоненіемъ. Все зависитъ, я думаю, оттого, какимъ взмахомъ крылъ опредѣляется его полетъ.

Столбину въ Желтоводскѣ предшествовали нѣкоторые слухи. О немъ знали, что онъ „создалъ" нѣсколько крупныхъ дѣлъ, что у него связи и съ милліонерами, и съ сановниками, и что онъ считается смѣлымъ и счастливымъ дѣльцомъ. Но когда онъ появился у насъ самъ, когда узнали, что у губернатора онъ не росписался, а оставилъ карточку, и что губернаторъ отдалъ ему на другой же день визитъ въ гостинницѣ; когда увидали его въ клубѣ и въ обществѣ, приглядѣлись къ его представительной фигурѣ, прислушались къ его мягкому, негромкому, слегка хриплому голосу—нашими желтоводскими кружками овладѣло что-то вродѣ изступленія. Столбинъ сдѣлался настоящимъ героемъ на всѣ двѣ недѣли своего пребыванія. На него ѣздили смотрѣть, къ нему безъ всякаго повода приходили знакомиться. Его отзывы о Желтоводскѣ, о губернскомъ обществѣ, о мѣстномъ театрѣ, сдѣлались пословицами. На него, наконецъ, показывали пальцами, когда онъ проѣзжалъ по улицѣ въ пролеткѣ извозчика Гаврилы, единственнаго въ городѣ „лихача".

— Вотъ это человѣкъ!—говорили о немъ.—Немудрено, что у насъ все идетъ изъ Петербурга, если тамъ такіе люди.

— Онъ, батенька, и въ Петербургѣ всѣхъ за̀ поясъ заткнетъ,—добавляли другіе.

— Дѣло-то, дѣло какое наладилъ!—замѣчали третьи.

Дѣло, налаженное Столбинымъ, заключалось пока въ томъ, что онъ купилъ очень дешево подъ самымъ городомъ сотни двѣ десятинъ земли, съ неизвѣстною цѣлью. Но именно потому, что цѣль покупки была неизвѣстна и даже непонятна, воображеніе желтоводскихъ обывателей сильно работало, и заносилось въ разныя стороны. Одни полагали, что тутъ будетъ созданъ вагоно-строительный заводъ.

— Теперь мода на вагоно-строительные заводы; въ каждомъ почти городѣ есть такой заводъ, а у насъ нѣтъ,—говорили въ городѣ.

— Ну, ужъ если пошло на моду, такъ я вамъ лучше скажу,— возражалъ кто-нибудь.—Мода нынче на желѣзную руду, вотъ что! Столбинъ-то еще раньше, скрытнымъ образомъ, сдѣлалъ развѣдку, а теперь и купилъ землю.

Иные останавливались на пивоваренномъ заводѣ, находя такое предпріятіе тоже нелишеннымъ современнаго фасона; иные предполагали заводъ для оцинкованія желѣза, и т. д. Были даже такіе, которые увѣряли, что Столбинъ имѣетъ въ виду завести рыбные промыслы на рѣкѣ Желтой, хотя всѣмъ было извѣстно, что въ этой рѣкѣ ничего, кромѣ плохихъ раковъ и костистой плотвы, не водится.

Самъ Столбинъ, когда его спрашивали, съ какою цѣлью онъ купилъ землю, отвѣчалъ, что теперь вообще есть смыслъ покупать пригородные участки, потому что города быстро ростутъ, и земля поднимается въ цѣнѣ. А топографическое положеніе Желтоводска таково,—пояснялъ онъ,—что городу некуда больше расширяться, какъ только въ ту сторону, гдѣ онъ купилъ землю.

Но объясненію этому никто не вѣрилъ, хотя, очевидно, въ немъ было больше смысла, чѣмъ въ фантастическихъ предположеніяхъ обывателей.

II.

Со мною Столбинъ познакомился на одномъ изъ вечеровъ, данныхъ исключительно по поводу его пребыванія въ Желтоводскѣ.

Я разглядывалъ его съ робкимъ любопытствомъ провинціала, и признаюсь, наружность его произвела на меня вначалѣ не очень выгодное впечатлѣніе. Нельзя было отрицать его представительности—и даже красивости. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ и полноватъ безъ обрюзглости. Густые, темнорусые, съ легкою просѣдью волосы стояли шапкой. Бороды онъ не носилъ, а только крупные, пушистые усы, прикрывавшіе пухлыя и сочныя губы. Великолѣпно выбритыя щеки отливали розоватой свѣжестью, несмотря на его сорока-пяти-лѣтній возрастъ. И при всемъ томъ, меня не располагала къ себѣ эта выхоленная внѣшность, и въ особенности прозрачные, бѣгающіе, лишенные глубины глаза Столбина. Мнѣ казалось, что отъ всего существа его вѣетъ необъятнымъ эгоизмомъ и такою матеріальностью, которая самаго способнаго и веселаго человѣка дѣлаетъ въ концѣ концовъ скучнымъ.

Но это впечатлѣніе продержалось только въ первыя минуты. Разговоръ Столбина скоро заинтересовалъ и даже захватилъ

меня, по той простой причинѣ, что разговоръ этотъ направленъ былъ лично на меня и на мое маленькое дѣло. Столбинъ внимательно разспрашивалъ, какъ устроенъ заводъ, какъ идетъ, откуда получается сырье, что̀ дѣлается для сбыта. Разспросы имѣли такой видъ, какъ будто все это живо интересовало самого Столбина. Иногда онъ вставлялъ свои замѣчанія, казавшіяся мнѣ очень неглупыми; иногда мнѣ представлялось, какъ будто онъ меня экзаменуетъ, вступая въ легкій споръ.

Затѣмъ Столбинъ пригласилъ меня побывать у него, чтобы потолковать подробнѣе о нѣкоторыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Я, разумѣется, обѣщалъ зайти.

Въ это второе свиданіе, Столбинъ рѣшительно очаровалъ меня. Всѣ мои предубѣжденія, и безъ того не серьезныя, разомъ разсѣялись. Я увидѣлъ въ немъ умнаго, дѣльнаго, даже блестящаго человѣка, съ удивительно свѣтлымъ взглядомъ на широкіе экономическіе и практическіе вопросы, съ поражающею легкостью соображенія, и даже съ огонькомъ—что̀ уже совсѣмъ рѣдко встрѣчается у обыкновенныхъ нашихъ дѣльцовъ. Въ немъ что-то горѣло—была какая-то творческая жажда созиданія; видно было, что его увлекала не одна жадность корысти, но и честолюбіе зачинателя, бросающаго на своемъ пути ростки жизни. И при этомъ въ немъ неизмѣнно чувствовался „баринъ“, а не промышленникъ, талантливый дилеттантъ, а не профессіональный работникъ. Долженъ признаться, что, наглядѣвшись на нашу безнадежную провинціальную узость и тупость, я не безъ удовольствія допустилъ себя увлечься именно этой стороной въ личности Столбина.

„Да, это голова“, — думалъ я, все болѣе заинтересованный нашей неожиданно затянувшейся бесѣдой.—„Это человѣкъ“.

И мнѣ казалось, что не только въ рѣчахъ Столбина, но и въ его наружности, и въ его умѣньи носить свое отлично сшитое платье, и въ его посадкѣ, не то чтобы барственной, но какъ-то внушительно-свободной, чувствовалось нѣчто крупное.

Внезапно разговоръ нашъ опять перешелъ на меня и на мой маленькій заводъ, и еще внезапнѣе Столбинъ, откинувшись на спинку кресла и занеся голову назадъ, словно хотѣлъ оглядѣть меня издали, вдругъ произнесъ:

— А что̀ бы вы сказали, любезнѣйшій Павелъ Игнатьевичъ, еслибы я предложилъ вамъ переѣхать ко мнѣ въ Петербургъ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и, не знаю почему, почувствовалъ, что покраснѣлъ. Можетъ быть, мнѣ было лестно услышать такое предложеніе, а можетъ быть оно зацѣпилось

за нѣчто втайнѣ уже подготовившееся во мнѣ самомъ, чего я не сознавалъ.

— Въ какомъ смыслѣ вы предлагаете этотъ вопросъ, Арсеній Петровичъ? Въ виду чего я могъ бы перебраться въ Петербургъ?—проговорилъ я.

Столбинъ продолжалъ смотрѣть на меня издали, серьезно и замысловато; но при этомъ въ его живыхъ и быстрыхъ глазахъ появилось какъ будто ласковое выраженіе.

— Мнѣ представляется, что вы здѣсь не на своемъ мѣстѣ,— отвѣтилъ онъ.—Я, вотъ, бесѣдовалъ съ вами, и думаю, что вы могли бы пойти дальше своего маленькаго дѣла. А мнѣ кажется, что я умѣю узнавать людей.

Я не обратилъ вниманія на промелькнувшее въ этихъ словахъ самохвальство, такъ какъ былъ слишкомъ занятъ касавшимся меня предложеніемъ.

— Но вѣдь это маленькое дѣло мнѣ не хотѣлось бы бросать, въ погонѣ за неизвѣстнымъ,—возразилъ я.

— Вы и не бросайте, а просто сдайте въ аренду; подыскать подходящее лицо не трудно,—продолжалъ Столбинъ.—А что касается неизвѣстности, то на это есть договоръ. Я могъ бы предложить вамъ на первый разъ шесть-тысячъ въ годъ, съ тѣмъ чтобы вы были въ моемъ распоряженіи. Поручу чѣмъ-нибудь заняться — вы займетесь; поручу куда-нибудь поѣхать — вы поѣдете. Дѣло въ томъ, что мнѣ нужны образованные, смѣтливые люди, знакомые съ практической дѣятельностью. Я ихъ ищу повсюду, и гдѣ нахожу — беру. Вѣдь такъ и Петръ Великій дѣлалъ, не правда ли?

И Столбинъ чуть-чуть разсмѣялся. Я опять пропустилъ безъ вниманія это сближеніе съ Петромъ Великимъ, потому что голова моя усиленно работала надъ цѣлымъ рядомъ возставшихъ предо мною соображеній. Внутренно, я уже былъ весь на сторонѣ предложенія. Сдать заводъ въ аренду, конечно, было не особенно трудно. Шесть-тысячъ, да еще арендная плата — это составляло больше, чѣмъ я получалъ теперь. Но сильнѣе всего меня соблазняла возможность выбраться на широкую дорогу, приблизиться къ горизонтамъ, мелькавшимъ въ рѣчахъ Столбина.

Онъ какъ будто угадалъ мои мысли, и сказалъ:

— Вамъ нужно отсюда выбраться, иначе вы застрянете тутъ на всю жизнь. Конечно, вы тутъ устроились, обсидѣлись, завели свое маленькое дѣло... но только что̀ же это въ сравненіи съ тѣми дѣлами, какія я въ Петербургѣ дѣлаю!

Онъ пропустилъ сквозь зубы что-то вродѣ „ффссс“... и

этимъ звукомъ выразилъ такой уничтожающій приговоръ надъ моимъ „маленькимъ дѣломъ", что мнѣ почти даже обидно стало.

— Позвольте завтра дать вамъ отвѣтъ,—сказалъ я.

Но это было сказано только для того, чтобы мое рѣшеніе не показалось слишкомъ легкомысленнымъ. На дѣлѣ, я уже былъ согласенъ принять предложеніе.

Столбинъ уѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Какимъ-то образомъ устроилось такъ, что желтоводское общество дало ему прощальный обѣдъ въ дворянскомъ клубѣ.

Черезъ мѣсяцъ и я уѣхалъ вслѣдъ за нимъ.

III.

Я очень мало зналъ Петербургъ, такъ какъ бывалъ въ немъ только по дѣламъ, на короткое время. Петербургская жизнь была знакома мнѣ больше изъ литературы, да изъ газетъ. Но это не помѣшало мнѣ сразу дать себѣ отчетъ объ обстановкѣ, въ какой я засталъ Столбина. Это была обстановка недавняго, случайнаго богача. Домъ-особнякъ, въ которомъ онъ помѣщался, очевидно былъ купленъ имъ уже въ запущенномъ видѣ. Все— старое, широкое и простоватое. Лѣстница занимала почти всю средину зданія, но это была самая обыкновенная гранитная лѣстница, съ чугунными перилами заводскаго рисунка и съ дешевенькими обоями подъ мраморъ. Еслибъ не узенькій коверъ, сиротливо стелившійся по широкимъ ступенямъ, то можно было бы подумать, что входишь въ старомодное казенное учрежденіе. Комнаты огромныя, довольно безтолково расположенныя, но обставленныя богато. Только это было какое-то неумѣлое богатство,—очевидно, попавшее въ непривычныя руки. Все было дорогое, но все это было только то, что̀ встрѣчается въ каждой квартирѣ: диванъ, кресла, столы, зеркала... Ничего личнаго, указывавшаго на какіе-нибудь вкусы хозяина, я не замѣтилъ; и не замѣтилъ также ничего лишняго, существующаго исключительно для богатыхъ людей съ артистическими прихотями. Было нѣсколько картинъ одного и того же художника. Впослѣдствіи мнѣ объяснили причину такой исключительности: этотъ художникъ былъ знакомъ съ Столбинымъ, немножко прихлебательствовалъ около него, и умѣлъ заставить покупать свои картины.

Кабинетъ хозяина въ особенности поразилъ меня своими размѣрами; видно было, что этимъ размѣрамъ придавали зна-

ченіе, какъ символическому указанію на обширность совершавшейся тутъ дѣловой дѣятельности. Громадный письменный столъ съ десятками ящиковъ, диваны и кресла всѣхъ стилей, каминъ вродѣ тѣхъ, какіе попадаются на оперныхъ декораціяхъ, и въ одномъ изъ простѣнковъ книжный шкафъ, съ затянутыми тафтой стеклами. Разъ Столбинъ при мнѣ раскрылъ этотъ шкафъ, и въ немъ оказались ящики съ сигарами. Такой странный составъ библіотеки въ то время очень удивилъ меня, но позднѣе я узналъ, что Столбинъ никогда ничего не читалъ. По его словамъ, не было времени; я думаю, скорѣе не было привычки.

Когда я въ первый разъ появился въ этомъ кабинетѣ, Столбинъ сразу озадачилъ меня тѣмъ, что какъ будто не узналъ меня. Онъ пристально оглянулъ меня своими близорукими глазами, пожалъ руку, пригласилъ садиться и произнесъ:

— Чѣмъ могу служить?

Съ нимъ былъ молодой человѣкъ въ форменномъ сюртукѣ, очень серьезнаго и вмѣстѣ искательнаго вида. Тотъ тоже оглянулъ меня вопросительно, и уступилъ свое мѣсто.

Признаюсь, я немножко сбился съ толку, не зная, въ самомъ ли дѣлѣ Столбинъ обладаетъ такою забывчивостью, или только играетъ комедію, для пущей важности. Но я тотчасъ рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать комедіи.

— Вы меня вызвали изъ Желтоводска къ вамъ на службу, на опредѣленный окладъ, слѣдовательно—не вамъ, а мнѣ надлежитъ узнать, чѣмъ могу служить?—сказалъ я какъ нельзя болѣе твердымъ тономъ.

Столбинъ поднялъ глаза къ потолку.

— Изъ Желтоводска? Да, да, я что-то припоминаю,—произнесъ онъ, разговаривая какъ будто не со мною, а съ незримымъ духомъ, витавшимъ надъ моей головой.—Вы, если не ошибаюсь, содержите тамъ спичечную фабрику?

— Никакой спичечной фабрики у меня никогда не было,— отвѣтилъ я тѣмъ же нелюбезнымъ тономъ.

— Значитъ, я перепуталъ, извините. Это можетъ случиться, когда приходится въ день принять сто человѣкъ, и изъ нихъ половину — ищущихъ службы или занятій, — продолжалъ Столбинъ. — Невозможно, чтобы всѣ эти разговоры удержались въ памяти.

Я былъ огорошенъ и раздраженъ. Мнѣ въ первый разъ представилось все легкомысліе моего поступка. Дѣйствительно: бросить свое дѣло и пріѣхать въ Петербургъ, основываясь на одномъ разговорѣ съ неизвѣстнымъ мнѣ аферистомъ—не было ли это до-

вольно глупо? Мое раздраженіе звучало ясно въ словахъ, съ которыми я обратился къ Столбину.

— Послушайте, Арсеній Петровичъ, все это походитъ на какую-то плохую шутку, — сказалъ я. — Я не ищу у васъ ни службы, ни занятій, а напротивъ того, вы сами обратились ко мнѣ съ предложеніемъ перебраться въ Петербургъ, и сами предложили мнѣ, на первый разъ, окладъ въ шесть-тысячъ. Вы употребили не мало краснорѣчія, чтобъ убѣдить меня сдать въ аренду мой заводъ. Я это сдѣлалъ, и являюсь сюда согласно нашему условію. Хотя оно не письменное, но это не даетъ вамъ права позабыть его.

Не знаю, что̀ именно подѣйствовало на Столбина, но онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ съ простодушной любезностью:

— Ахъ, Боже мой, вотъ теперь я все припомнилъ, и очень, очень радъ васъ видѣть въ Петербургѣ. Вы намъ будете здѣсь нужны. Я днемъ съ огнемъ ищу людей, которые, подобно вамъ, уже стояли у собственнаго дѣла и пріобрѣли практическій хозяйскій взглядъ на вещи.

И онъ зачѣмъ-то протянулъ мнѣ руку.

— Вѣдь что̀ я всегда говорилъ?—обратился онъ къ сидѣвшему тутъ же молодому человѣку. — Хозяйскій глазъ, вотъ что̀ всего дороже. Въ человѣкѣ, который велъ свое дѣло, вырабатывается что-то такое (онъ щелкнулъ пальцами), что-то особенное, чего не даетъ ни наука, ни практика на чужомъ дѣлѣ. Кстати, позвольте васъ познакомить: Тутинъ, Насѣкинъ.

Тутинъ всталъ и прищелкнулъ каблуками, хотя на нихъ не было шпоръ.

— Вы когда можете приступить къ занятіямъ?—обратился ко мнѣ Столбинъ.

Я отвѣтилъ, что могу хоть сейчасъ же.

— Прекрасно, очень радъ. Такъ зайдите, пожалуйста, завтра пораньше, часовъ въ десять,—сказалъ Столбинъ.

IV.

Несмотря на нѣкоторую шершавость нашей первой встрѣчи, у меня съ Столбинымъ очень скоро установились хорошія отношенія. Въ общежитіи онъ былъ несомнѣнно пріятный человѣкъ, если не придавать значенія его хвастливости и излишней самоувѣренности. Въ немъ была черта, которая меня подкупала—

чрезвычайная воодушевленность въ дѣлѣ: онъ какъ будто хотѣлъ— и притомъ умѣлъ—сдѣлать трудъ пріятнымъ для того, кто съ нимъ работалъ.

Впрочемъ, работать мнѣ приходилось не очень много. Хотя у Столбина была масса дѣлъ, но для всѣхъ уже имѣлись руки. На мою долю попадались случайныя порученія, не представлявшія важности. Похоже было на то, что Столбинъ самъ хорошенько не зналъ, для чего онъ меня выписалъ. Это мнѣ не совсѣмъ нравилось, и однажды я высказалъ ему свои сомнѣнія. Онъ сдѣлалъ серьезное лицо, помолчалъ, потомъ какъ-то особенно многозначительно посмотрѣлъ на меня, и сказалъ:

— Это все скоро объяснится, Павелъ Игнатьевичъ. Я пока присматриваюсь къ вамъ. Ваше главное достоинство — что вы здѣсь человѣкъ новый, чужой, и кромѣ меня никого близко не знаете. Это чрезвычайно важно. Вы можете понадобиться мнѣ для такихъ порученій, которыхъ я не могу довѣрить другимъ лицамъ. Не потому что надуютъ, а болтать станутъ.

— Развѣ у насъ есть такія, таинственныя дѣла?—спросилъ я въ шутку.

— Не таинственныя, а такія, которыя даютъ поводъ постороннему глазу заглядывать куда не слѣдуетъ, — отвѣтилъ Столбинъ.—Я, напримѣръ, никого не желаю посвящать въ свой балансъ. Это никого не касается, пока я исправно вездѣ плачу. Да, признаться, я и самъ не знаю своего баланса. Какъ я могу его высчитать, при этой массѣ разнородныхъ дѣлъ? Иное дѣло еще только въ зародышѣ, причемъ затраты произведены, а барыши не реализованы; въ иномъ накопился громадный инвентарь, которому покупная цѣна—милліонъ, а продажная—грошъ. Есть, наконецъ, дѣла, которыя сами по себѣ ничего не стоютъ, а необходимы по другимъ соображеніямъ. Поэтому мнѣ нужно имѣть свое довѣренное лицо, которое не болтало бы зря обо всемъ, что я захочу сдѣлать. На здѣшнихъ я не могу положиться: они подъ секретомъ разскажутъ своимъ пріятелямъ, а тѣ сдѣлаютъ изъ этого интересную новость, которая пойдетъ гулять по всѣмъ биржевымъ угламъ и щелямъ.

Я въ ту минуту и не подозрѣвалъ, что у меня на рукахъ уже находилось дѣло, требовавшее довѣрія. Мнѣ было поручено хлопотать о скорѣйшемъ утвержденіи одного акціонернаго устава, съ которымъ Столбинъ, повидимому, чрезвычайно торопился. Потомъ, когда уставъ былъ утвержденъ, мнѣ поручено было еще болѣе торопиться съ печатаніемъ акцій. Меня это удивляло, потому что, познакомившись съ уставомъ, я вынесъ обо всемъ

дѣлѣ нѣсколько подозрительное впечатлѣніе. Разъ я даже сказалъ Столбину:

— Вы торопитесь съ этими акціями, а вѣдь наврядъ-ли найдутся охотники разобрать ихъ.

Столбинъ разсѣянно взглянулъ на меня и ничего не отвѣтилъ.

— Или, можетъ быть, акціи уже расписаны между учредителями?—спросилъ я опять.

— Вы еще мало въ этихъ вещахъ понимаете, — сказалъ Столбинъ; — когда акціи будутъ готовы, я вамъ скажу, что̀ съ ними дѣлать.

Загадка объяснилась, къ моему удивленію, очень просто. Всю громадную кипу красиво раскрашенныхъ листовъ Столбинъ велѣлъ мнѣ уложить въ портфёль и свезти въ „столичный банкъ“.

— Спросите тамъ начальника отдѣленія Минорскаго, и сдайте ихъ ему на мой текущій счетъ, — распорядился Столбинъ. — Да скажите ему, что въ три часа я самъ заѣду за деньгами.

— А они примутъ?—наивно спросилъ я.

У Столбина сорвался нетерпѣливый жестъ, но онъ тотчасъ овладѣлъ собою, помолчалъ, потомъ близко подошелъ ко мнѣ, положилъ руку мнѣ на плечо, и сказалъ съ особымъ оттѣнкомъ довѣрія и даже задушевности:

— Вотъ видите, у всякаго сейчасъ возникаютъ какія-то сомнѣнія. Я хорошо сдѣлалъ, что поручилъ эту операцію вамъ, потому что вамъ я могу объяснить, въ чемъ дѣло. Въ настоящую минуту мнѣ нужны наличныя деньги. Васъ удивляетъ это? Но въ такомъ положеніи бываютъ самые крупные капиталисты, банкиры, даже банки. Вы знаете, дѣлъ у меня очень много. Даже допуская, что все это очень вѣрныя и солидныя дѣла, я не могу урегулировать ихъ балансы съ такою точностью, какъ движеніе поѣздовъ на какой-нибудь желѣзной дорогѣ. Вездѣ нужны оборотныя средства, вездѣ есть срочные платежи и т. д. Въ общемъ, все это представляетъ изъ себя кашу, которую нельзя разбирать по крупинкамъ, а надо брать ложкой и глотать. Разбирать, приводить въ ясность—дѣло бухгалтера; а мое дѣло—вносить идею, иниціативу, вносить жизнь, то-есть трудъ и деньги. Къ сожалѣнію, хотя всѣ это знаютъ, но точно также всѣ имѣютъ дурную привычку удивляться, когда дѣловому человѣку нужны деньги.— А! онъ прибѣгаетъ къ кредиту, стало быть дѣла идутъ плохо,— вотъ первая мысль у каждаго. И при этомъ забываютъ, что самая ширина кредита лучше всего доказываетъ, что дѣла идутъ отлично. Вотъ, вы сами знаете, что отвезете въ банкъ какую-то

дрянь. И эту дрянь примутъ, и дадутъ подъ нее деньги, потому что знаютъ блестящее положеніе всѣхъ моихъ предпріятій. Но, повторяю, я радъ, что поручилъ эту операцію вамъ. О ней не должны знать въ моей конторѣ. На васъ же я смотрю какъ на своего человѣка.

Я поблагодарилъ за довѣріе, и сдѣлалъ все какъ мнѣ было поручено. Только мнѣ показалось, что начальникъ отдѣленія Минорскій выслушалъ меня совсѣмъ неблагосклонно, ушелъ куда-то на цѣлые полчаса—вѣроятно, объясняться съ директоромъ—и затѣмъ, подписывая квитанцію, пожималъ плечомъ съ очень иронической гримасой.

V.

Весь этотъ день Столбинъ находился въ особенномъ, радостно-возбужденномъ состояніи. Изъ банка онъ вернулся нескоро—очевидно еще куда-нибудь заѣзжалъ — и, выгрузивъ изъ портфёля значительныя пачки денегъ, съ безпечнымъ видомъ разсовалъ ихъ въ бумажникъ и въ ящики бюро, а самую большую пачку швырнулъ въ несгораемую кассу, причемъ я имѣлъ случай замѣтить, что въ кассѣ этой валялись только какіе-то векселя и дѣловыя бумаги, а денегъ не было. Нѣсколько свертковъ золота онъ тоже бросилъ въ бюро, а одинъ засунулъ въ карманъ брюкъ. Все это онъ дѣлалъ такимъ образомъ, какъ будто это были его собственныя деньги, которыхъ не надо записывать ни на приходъ, ни въ расходъ. Мнѣ невольно припомнились его слова о бухгалтерѣ, обязанномъ „разобрать кашу по крупинкамъ“, и я подумалъ, что исполнять такую задачу бухгалтеру должно быть не легко.

Секретарь Тутинъ, находившійся здѣсь же, слѣдилъ за движеніями Столбина, съ значительнымъ выраженіемъ поджимая губы и бросая на меня какъ бы торжествующіе взгляды, которыми явно хотѣлъ сказать:—„Вотъ какъ у насъ! Вотъ мы какъ!“

Расшвырявъ деньги, Столбинъ съ видомъ пріятной усталости опустился на кресло, закурилъ папироску, задумчиво пыхнулъ изъ нея нѣсколько разъ, и обратился къ Тутину съ словами:

— А вечеркомъ надо бы что-нибудь устроить. Послѣ театра, —какъ всегда. Дамъ я уже предупредилъ. А вы распорядитесь, пожалуйста, насчетъ троекъ, чтобы стояли подлѣ театра.

— Артистическій вечерокъ?—переспросилъ, дѣлая озабоченное лицо, Тутинъ.

— Н-да... какъ обыкновенно... покормить ихъ ужиномъ и позабавиться,—объяснилъ Столбинъ.

Тутинъ сейчасъ же всталъ, опять щелкнулъ каблуками и отправился распоряжаться.

Столбинъ повернулся ко мнѣ вмѣстѣ съ кресломъ.

— Эта дѣловая петербургская жизнь такъ складывается, что отъ поры до времени непремѣнно нужно задавать себѣ встряску,— заговорилъ онъ тѣмъ вызывающимъ на откровенность тономъ, котораго я почему-то всегда пугался въ немъ. — Надо иногда, чтобъ голова совсѣмъ опустѣла на нѣсколько часовъ. Повозишься совсѣмъ въ другомъ обществѣ, и отдохнешь какъ-то. Это у меня вошло въ образъ жизни. Вы вѣдь не женаты?—вдругъ спросилъ онъ.

— Не женатъ.

— И я тоже. То-есть, по крайней мѣрѣ, въ строгомъ смыслѣ,—продолжалъ Столбинъ. — У меня есть давняя привязанность, женщина, которую я глубоко уважаю. Я васъ познакомлю съ нею,—она премилая, чудесное сердце. Но совсѣмъ скромная, такъ что въ этихъ артистическихъ вечерахъ не участвуетъ. Я съ нею обѣдаю сегодня въ ресторанѣ; пріѣзжайте и вы. Тамъ и познакомитесь. Вообще, сегодня я вами распоряжаюсь. Въ балетѣ у меня ложа, я васъ приглашаю.

Программа показалась мнѣ довольно сложною. Обѣдъ въ ресторанѣ съ глубоко уважаемою женщиной, потомъ балетъ, потомъ ужинъ — всего этого было какъ будто много для одного дня. Но Столбинъ хотѣлъ „встряхнуться". Я охотно принялъ это во вниманіе, хотя нѣкоторыя сочетанія въ его программѣ удивляли меня.

Клавдія Петровна Агаринская, та самая, которую „глубоко уважалъ" Столбинъ, произвела на меня очень выгодное впечатлѣніе. Ей было не меньше тридцати лѣтъ, и нѣкоторый отпечатокъ болѣзненности дѣлалъ ее даже старше. Но она была больше чѣмъ „милая", она была прелестная женщина. Повыше средняго роста, тонкая, но не худощавая, съ великолѣпными черными глазами нѣсколько восточнаго рисунка, она представляла чрезвычайно счастливое сочетаніе крупной, но уже начинавшей блекнуть красоты съ какимъ-то тихимъ и скромнымъ обаяніемъ, вѣявшимъ отъ всего существа ея. Она походила на женщину, давно застигнутую чѣмъ-то безпощаднымъ, но уже примирившуюся съ этимъ, и научившуюся страдать молча, безъ ожесточенія и протеста.

Отъ Тутина я потомъ узналъ ея исторію. Ее очень рано

и очень неудачно выдали замужъ. Агаринскій былъ молодымъ офицеромъ въ гвардейскомъ полку, отличался красивой наружностью и хорошими манерами, но характера у него никакого не было, а напротивъ, было очень много легкомыслія и дурныхъ инстинктовъ. Не имѣя самъ никакихъ средствъ, онъ очень скоро прожилъ небольшое состояніе жены, вошелъ въ долги, впутался въ какую-то некрасивую исторію, оставилъ службу, и очутился вмѣстѣ съ женой въ самомъ безвыходномъ положеніи. Это его озлобило... противъ жены. Онъ сталъ очень дурно съ нею обращаться, напивался, скандалилъ, и наконецъ вытолкалъ ее изъ дому. Она ушла къ матери, а мужъ принялся шантажировать ихъ обѣихъ, вымогать подачки, и при случаѣ за что-то мстить, грязно и подло, какъ дѣлаютъ совсѣмъ потерянные люди.

Въ эту тяжкую пору своей жизни Клавдія Петровна познакомилась съ Столбинымъ. Онъ тогда уже выходилъ въ люди, располагалъ большими деньгами, жилъ весело. Отъ него такъ и вѣяло удачей, счастьемъ, жизнерадостностью баловня. Вѣроятно, эта черта его личности и дѣйствовала больше всего на Агаринскую. Ей казалось, что въ его присутствіи она выходитъ изъ своей печальной обстановки, что въ ея душѣ начинаетъ звучать смѣхъ. Она увлеклась. Потомъ умерла ея мать, и начался серьезный романъ, продолжавшійся до сихъ поръ.

Разумѣется, за обѣдомъ я очень внимательно наблюдалъ за ними обоими, желая составить себѣ представленіе объ ихъ отношеніяхъ. Раза два мнѣ показалось, что Столбинъ обнаруживаетъ нѣсколько излишнюю небрежность и какой-то покровительственный тонъ; но Клавдія Петровна умѣла сейчасъ же найтись и затушевать эти оттѣнки. Я составилъ мнѣніе, что она, какъ личность, гораздо выше его, и относится къ нему проще и сердечнѣе.

Когда обѣдъ кончился, онъ объявилъ ей, что ѣдетъ со мной въ балетъ. Я подумалъ, что онъ могъ бы и не говорить этого. Но Агаринская очень мило улыбнулась ему и сказала, что будетъ ждать его.

„Женится ли онъ когда-нибудь на ней?“—шевельнулся у меня въ головѣ вопросъ. И я тотчасъ отвѣтилъ себѣ:—„Никогда. Онъ вообще женится только въ томъ случаѣ, если найдетъ блестящую партію“.

VI.

Вечеромъ въ тотъ же день мнѣ пришлось наблюдать Столбина въ другой обстановкѣ, и онъ опять очень удивилъ меня. Я уже говорилъ, что почти не зналъ петербургской жизни, и потому все, что̀ я увидѣлъ, показалось мнѣ довольно дикимъ.

Изъ театра мы поѣхали большимъ обществомъ на тройкахъ. Ка́къ собралось это общество,—я не знаю. Во время спектакля, Столбинъ безпрестанно выходилъ изъ ложи, давалъ какія-то порученія Тутину, и вообще очень хлопоталъ. Суетливое оживленіе, повидимому, все болѣе его охватывало. При выходѣ изъ театра, къ намъ присоединилось нѣсколько человѣкъ, молодыхъ и старыхъ, и мы всѣ вмѣстѣ довольно долго топтались около подъѣзда, изъ котораго выходятъ корифейки. Тройки тутъ же позвякивали бубенцами. Потомъ Столбинъ сталъ разсаживать всѣхъ по санямъ, и мы тронулись очень шумно, со звономъ, гиканьемъ и неестественнымъ, пискливымъ смѣхомъ и визгомъ нашихъ дамъ. По правдѣ, мнѣ это очень напомнило наше губернское купеческое гулянье на масляницѣ, съ тою разницей, что тамъ все дѣло было въ лошадяхъ, а здѣсь насъ везли какія-то клячи, и въ ямщикахъ не трудно было узнать переодѣтыхъ дворниковъ или „ванекъ“. Наслажденіе, доставляемое этой жалкой пародіей на троечную ѣзду, до сихъ поръ остается для меня тайною.

Насъ очень долго возили по Островамъ, и наконецъ привезли въ ресторанъ, въ большую, нищенски убранную залу, гдѣ тотчасъ появился довольно грязнаго вида таперъ, и забарабанилъ „венгерку“. Дамы, какъ только вбѣжали въ залу, обнаружили самое неестественное оживленіе. Онѣ вертѣлись другъ съ другомъ, вертѣли мужчинъ, визгливо хохотали, безсовѣстно ломались, и вообще какъ бы старались поставить на сцену картину безумнаго веселья. Больше всего, конечно, онѣ цѣплялись за Столбина, а онъ жалъ и цѣловалъ имъ руки, шепталъ имъ что-то на ухо, и имѣлъ совсѣмъ удивительный, глупо-счастливый видъ. Потомъ вдругъ обратился ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону, и сказалъ какъ бы извиняющимся тономъ:

— Въ нашей дѣловой жизни необходимо иногда забыться. Этотъ глупый шумъ оглушаетъ, и даетъ отдыхъ мозгу. А иначе совсѣмъ пропадешь отъ вѣчнаго думанья, вѣчной тревоги...

Мнѣ показалось, что въ послѣднихъ словахъ его прозвучало что-то тоскливое. Онъ и самъ это замѣтилъ, быстро поднялъ

плечи, молодцовато тряхнулъ головой, и крикнувъ тапёру:— „мазурку!“—схватилъ за руку одну изъ танцовщицъ, и съ удивительною для его лѣтъ легкостью сдѣлалъ кругъ по залѣ.

Ужинъ прошелъ очень шумно. Именно—шумно; это гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ сказать—весело. Дамы, очевидно, такъ и понимали свою задачу: онѣ старались какъ можно громче хохотать, взвизгивали, поднимали возню, и, кажется, съ удовольствіемъ вспрыгнули бы на столъ, еслибы не считали это слишкомъ рискованнымъ. А то, вдругъ, которая-нибудь изъ нихъ начинала обижаться, истерически перекидывалась попреками за неуваженіе, и тоже поднимала шумъ, который, впрочемъ, общими усиліями сейчасъ же улаживался.

Столбину, повидимому, все это нравилось. Онъ пилъ немного, но поминутно спрашивалъ еще и еще шампанскаго. Кажется, ему доставляло удовольствіе, что вотъ все льютъ, льютъ безъ конца, и число откупоренныхъ бутылокъ будетъ громадное. Потомъ онъ вдругъ рѣшилъ поднести всѣмъ дамамъ букеты. Вышла цѣлая исторія. Въ ресторанѣ живыхъ цвѣтовъ не нашлось. Столбинъ раскричался, велѣлъ послать къ садовникамъ. Немного погодя, ему доложили, что все заперто, и цвѣтовъ нигдѣ достать нельзя. Онъ опять раскричался и потребовалъ хозяина.

— Это свинство, это чортъ знаетъ что̀ такое! — обратился онъ къ нему со своимъ барскимъ хрипомъ.—Къ вамъ пріѣзжать нельзя. Если я требую букеты, то они должны быть. Заперто? спятъ? Пусть выломаютъ двери, разбудятъ. Я вѣдь не назначаю цѣны, предоставляю брать сколько хотятъ. Я, кажется, не кто-нибудь. Живо! Чтобы черезъ часъ были букеты, иначе моей ноги у васъ не будетъ. У васъ не ресторанъ, а кухмистерская какая-то.

У Столбина было при этомъ такое выраженіе лица, которое ясно показывало, что онъ чувствовалъ себя въ эту минуту совсѣмъ великимъ человѣкомъ. Я невольно оглянулся на другихъ, и мнѣ показалось, будто на всѣхъ лицахъ отпечатлѣлось торжествующее сознаніе важности момента. Тутинъ сдѣлался даже серьезенъ, хотя лицо его рдѣло отъ благоговѣйнаго восторга.

Букеты черезъ часъ дѣйствительно принесли; должно быть, въ самомъ дѣлѣ разбили двери и разбудили садовниковъ. Столбинъ сіялъ, дамы тоже сіяли. Тутинъ шнырялъ между гостями и сообщалъ въ полголоса:

— По сту рублей за штуку взяли.

Въ залѣ становилось все шумнѣе. Тапёръ барабанилъ изо

всѣхъ силъ. Нѣкоторыя пары вертѣлись. Столбинъ, раскраснѣвшійся, съ какимъ-то дикимъ огонькомъ въ глазахъ, крикнулъ:

— Зовите цыганъ!

Цыгане сейчасъ же явились. Пѣли хоромъ, пѣли солистки, плясали тѣ, что покрасивѣе. Столбинъ приказывалъ и имъ подавать шампанское. Потомъ, опустивъ руку въ карманъ брюкъ, разсыпалъ тамъ свертокъ золота, и, прохаживаясь между цыганками, одѣлялъ молоденькихъ горсточками монетъ. Было похоже, какъ будто имъ овладѣлъ особаго рода зудъ, заставлявшій его во что бы то ни стало расшвырять здѣсь всѣ деньги, какія съ нимъ были. И, кажется, онъ достигъ этой цѣли...

Повторяю опять, я совсѣмъ не былъ знакомъ съ петербургской жизнью, и все, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ, до крайности удивляло меня. Мнѣ припомнились кутежи, которые случалось наблюдать въ Нижнемъ на ярмаркѣ, и я не находилъ большой разницы между ними и тѣмъ, что теперь происходило предъ моими глазами. По наружности какъ будто выходило приличнѣе, полированнѣе, но какое-то откровенное безмыслiе и гнетущая культурная скудость одинаково поражали здѣсь и тамъ. Подъ фраками чувствовались тѣ же дикари, что и подъ ярмарочными пиджаками. Они хотѣли веселиться, и чтобъ создать веселье,— не имѣли въ своемъ распоряженiи ничего кромѣ шампанскаго, физическаго шума и опьянѣлаго сознанiя безсмысленно прожигаемыхъ денегъ.

Я слѣдилъ за Столбинымъ и поражался. Вѣдь онъ не купецъ, сгребающiй деньги за прилавкомъ, и не имѣющiй надобности въ умственномъ напряженiи даже для плутовства, потому что плутовство проникаетъ все его существо, какъ безсознательный инстинктъ. Столбина считаютъ свѣтиломъ въ дѣловомъ мiрѣ, чуть не генiемъ. У него, какъ мнѣ объясняли, творческая голова; его мозгъ, какъ огниво, разбрасываетъ искры, отъ которыхъ зажигается промышленная жизнь. А здѣсь, за этимъ безсмысленнымъ ужиномъ, онъ представлялся мнѣ совершеннымъ дикаремъ. Да и все окружавшее его походило на какой-то пиръ краснокожихъ, и нелѣпые костюмы цыганокъ какъ бы подчеркивали это впечатлѣнiе.

Столбинъ, наконецъ, видимо утомился, потребовалъ счетъ, и опустился подлѣ меня на измызганный диванъ.

— Вотъ, вы теперь видѣли, какъ въ Петербургѣ кутятъ,— сказалъ онъ явно самодовольнымъ тономъ.

Но по лицу моему онъ, вѣроятно, замѣтилъ, что мое впечат-

лѣніе было не особенно выгодно. Онъ задумался, поправилъ усы, и добавилъ другимъ, довѣрчивымъ тономъ:

— По правдѣ, все это довольно гнусно. Но что̀ будете дѣлать, если это создаетъ отношенія, расширяетъ кредитъ? Завтра по всему городу будутъ говорить, что Столбинъ швыряетъ деньгами, какъ черепками. А у меня завтра какъ разъ соберется засѣданіе маленькаго синдиката. Надо, чтобъ меня считали при большихъ деньгахъ.

VII.

Я былъ на этомъ засѣданіи маленькаго синдиката. Это тоже представило для меня довольно любопытное зрѣлище. Любопытны, прежде всего, были тѣ самые зрѣлаго возраста господа, которыхъ я видѣлъ за вчерашнимъ ужиномъ, и которые сегодня, какъ ни въ чемъ не бывало, разсуждали съ величайшею самоувѣренностью о производительности желѣзодѣлательныхъ заводовъ, марганцевой рудѣ и нефтяныхъ отбросахъ. Мнѣ сами они казались какими-то странными отбросами промышленной жизни, но нельзя было сомнѣваться въ томъ, что эта жизнь находится въ ихъ рукахъ, и что они имѣютъ способы направлять ее къ большой собственной выгодѣ.

Предпріятіе „маленькаго синдиката“ заключалось въ томъ, чтобы скупить годовую добычу желѣзной руды и раздѣлить ее между нѣсколькими заводами, пропорціонально оборотамъ каждаго. Я ожидалъ, что возникнутъ большіе споры, но очень ошибся. Спорили только о мелочахъ, по которымъ не трудно было придти къ соглашенію. Что дѣло это само по себѣ носило явно хищническій характеръ—о томъ, кажется, никому не приходило въ голову. Дѣлежъ тоже не вызвалъ пререканій: очевидно, синдикатская практика была имъ всѣмъ хорошо знакома, и существовала уже какъ бы табличка пропорціональной силы захвата. Между союзниками были свои признанные львы, безпрекословно пользовавшіеся львиною долею, свои волки, глотавшіе всякій оторванный кусокъ, и свои овечки, терпѣливо выжидающія, пока у нихъ отростутъ волчьи зубы.

Немножко труднѣе было разверстать капиталы, которые каждый изъ участниковъ долженъ былъ держать наготовѣ. Когда назвали круглую сумму, приходившуюся на долю Столбина, я взглянулъ на него. Мнѣ казалось, что даже крупный капиталистъ, если только онъ ведетъ массу разнородныхъ дѣлъ, долженъ былъ бы задуматься надъ такою цифрой. Но Столбинъ

сохранялъ такое величавое спокойствіе, какъ будто дѣло шло о счетѣ портного. Онъ такъ же молодцовато подкинулъ головой, какъ вчера въ ресторанѣ, и произнесъ негромко и совершенно равнодушно:

— Найдется...

Одинъ только Минорскій, присутствовавшій въ качествѣ уполномоченнаго отъ „столичнаго банка", взглянулъ на Столбина съ явнымъ недовѣріемъ и вставилъ замѣчаніе, что хорошо было бы, еслибы каждый указалъ приблизительно фонды, предназначавшіеся для цѣлей синдиката. На это Столбинъ разсмѣялся нѣсколько напряженнымъ смѣхомъ.

— Всегдашняя претензія нашихъ милыхъ банковъ—брать насъ подъ отчетъ,—сказалъ онъ, обводя взглядомъ присутствовавшихъ.

Его сейчасъ же поддержали. Толстый, съ рыжей бородой дѣлецъ укоризненно уставился глазами на Минорскаго и произнесъ:

— Притязаніе въ данномъ случаѣ особенно неумѣстное, такъ какъ я не знаю ни одного банка, который самъ не далъ бы денегъ подъ подобное дѣло.

Минорскій сконфузился и сослался на то, что не имѣетъ отъ банка неограниченныхъ полномочій. Столбинъ откинулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ уничтожающей снисходительности.

— Признаемъ ваше замѣчаніе какъ бы неимѣвшимъ мѣста, —сказалъ онъ.—А теперь, господа, такъ какъ обо всемъ уже переговорено,—куда бы намъ отправиться?

Рѣшили ѣхать въ ресторанъ, и если ничего особеннаго не представится,—ужинать въ общей залѣ подъ музыку. На этотъ разъ Столбинъ меня не пригласилъ, чему я былъ очень радъ, въ виду неизгладившагося впечатлѣнія отъ вчерашней оргіи.

VIII.

Прошло уже больше мѣсяца со времени моего пріѣзда въ Петербургъ. Я замѣчалъ, что пользуюсь неограниченнымъ довѣріемъ Столбина. Это должно было бы удивлять меня, въ виду страннаго пріема, какой онъ оказалъ мнѣ въ самый первый день моего появленія. Но я не удивлялся, потому что уже достаточно присмотрѣлся къ Столбину. Я убѣдился, что по природѣ и по усвоенной манерѣ, онъ былъ нѣсколько комедіантъ. Это сказы-

валось особенно въ его обращеніи съ новыми лицами. Онъ напускалъ на себя важность, показывалъ, что ему нѣтъ минуты свободной, когда не зналъ, чѣмъ занять время; дѣлалъ видъ, что проговаривается, пуская въ ходъ необходимые для него намеки, и вообще лгалъ всѣми способами: словами, цифрами, выраженіемъ лица, всѣмъ своимъ тономъ и всѣми повадками. Сначала я думалъ, что все это выработалось у него безсознательно, что онъ уже вошелъ въ роль до такой степени, что самъ не замѣчаетъ того. Но чѣмъ ближе я знакомился съ его многочисленными дѣлами и съ принятой имъ системой превращать всѣ денежные и кредитные счеты въ какой-то общій потокъ, изъ котораго онъ, не задумываясь, вычерпывалъ все, что шло на его громадные личные расходы, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что онъ поставленъ въ необходимость обманывать, путать и изворачиваться. Онъ уже не самъ управлялъ этимъ потокомъ, а только боролся съ уносившимъ его теченіемъ, барахтаясь и цѣпляясь за что попало.

— Знаете, Арсеній Петровичъ,—сказалъ я ему однажды,—вѣдь настоящаго порядка въ дѣлахъ у насъ нѣтъ. Надо бы сколько-нибудь распутаться, и можетъ быть съ нѣкоторыми дѣлами совсѣмъ прикончить.

Столбинъ посмотрѣлъ на меня съ явно-недовольнымъ видомъ, расправилъ бороду на двѣ стороны, сверкнувъ перстнями на выхоленныхъ рукахъ, и сказалъ:

— Вы хотите посовѣтовать мнѣ ликвидировать, что-ли?

И нѣжно-розоватыя щеки его при этомъ какъ будто побурѣли, а въ глазахъ блеснули сердитыя искры.

— Но вѣдь съ деньгами постоянно происходятъ затрудненія,—замѣтилъ я.

Онъ насмѣшливо покривилъ губы и посмотрѣлъ на меня своимъ взглядомъ комедіанта.

— У васъ, голубчикъ, застряла привычка мѣрить вещи на провинціальный аршинъ,—замѣтилъ онъ.—Здѣсь это не годится. Здѣсь всѣ условія заключаются въ томъ, чтобъ раздвигать кредитъ до послѣдняго предѣла. На свои деньги только дураки работаютъ.

— На чужія, предположимъ, умнѣе, но только... — началъ было я.

Онъ быстро повернулся въ креслѣ и перебилъ меня:

— Ну да, на чужія, именно на чужія,—заговорилъ онъ запальчиво.—Создать дѣловой потокъ, который увлекъ бы чужіе милліоны, далъ бы имъ цѣль и назначеніе, сдѣлалъ бы ихъ источ-

никомъ новыхъ богатствъ—вотъ задача крупнаго дѣлового человѣка. А хозяйничать надъ своими собственными деньжонками—это всякій лавочникъ съумѣетъ. Вы, голубчикъ, не понимаете сложныхъ современныхъ потребностей. Страна заснула бы, еслибы всѣ разсуждали по вашему. Промышленное развитіе не сдѣлало бы шагу впередъ, еслибы не было людей, умѣющихъ шевелить чужіе мертвые капиталы.

Столбинъ всталъ, засунулъ руки въ карманы, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по своему громадному кабинету.

— Вы думаете,—заговорилъ онъ снова,—что все дѣло въ томъ, чтобы вложить кое-какія свои деньжонки въ какую-нибудь спичечную фабрику, вотъ какъ вы сдѣлали тамъ въ Желтоводскѣ? („Далась ему эта спичечная фабрика!"—подумалъ я.—„И вѣдь все это комедіантство: самъ отлично знаетъ, что никакой спичечной фабрики у меня не было").—Далеко не въ томъ дѣло. Это хорошо для тѣхъ, кто мелко плаваетъ. Мы, плавающіе наверху, смотримъ иначе. Задача большого, крупнаго промышленнаго ума—кристаллизовать капиталы вокругъ своей идеи. Мы создаемъ дѣло, вызываемъ на свѣтъ Божій прячущіеся по щелямъ милліоны, боязливые милліоны, массируемъ ихъ, передаемъ имъ свою энергію. Мы—художники, творцы.

Онъ оглянулся на меня, и вѣроятно замѣтилъ по моему лицу, что впечатлѣніе, производимое на меня его рѣчами, не соотвѣтствовало его собственному настроенію. Онъ слегка нахмурился и какъ-то со свистомъ пропустилъ воздухъ сквозь сжатыя губы.

— Вамъ, можетъ быть, кажется, что я выражаюсь слишкомъ хвастливо,—продолжалъ онъ, остановившись предо мной и слегка раскачиваясь на каблукахъ, — а я имѣю полную возможность подтвердить свои слова собственнымъ примѣромъ. Вы теперь немножко знаете размѣры моихъ дѣлъ. А знаете ли вы, съ чѣмъ я началъ?

Я отвѣтилъ, что не знаю.

— Ну, приблизительно? Ну, какъ бы вы думали?—настаивалъ Столбинъ.

— И думать ничего не могу,—сказалъ я.

— Началъ я съ шестью тысячами... вы думаете, денегъ? Нѣтъ, долговъ, мелкихъ частныхъ долговъ!—объяснилъ Столбинъ какъ бы торжественнымъ тономъ.—Вотъ съ чѣмъ я началъ. А теперь...

Онъ оглянулся, словно желая удостовѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто-нибудь, и добавилъ пониженнымъ голосомъ:

— А теперь, если хотите знать, долговъ у меня тысячъ на

шестьсотъ, на семьсотъ. Вы поражены, изумлены? Вамъ такой результатъ дикимъ представляется? Вотъ это и показываетъ, что вы ничего не понимаете. Да-съ, капиталовъ у меня никакихъ нѣтъ, и умри я сегодня, или ликвидируй свои дѣла, и у меня даже не ноль окажется, а громадный минусъ. И не удивляйтесь, что я такъ легко открываю вамъ подобную тайну. Это—„секретъ полишинеля". Всѣ знаютъ, что никакихъ фондовъ у меня нѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ открываютъ мнѣ кредитъ, отдаютъ свои или чужіе милліоны, потому что вѣрятъ въ мое дѣловое искусство, въ мой... ну да, нечего стѣсняться словами, скажу прямо: вѣрятъ въ мой геній.

Онъ подкинулъ головой, какъ въ тотъ разъ послѣ ужина, и засунувъ руки въ карманы, посмотрѣлъ на меня самоувѣренно-вопрошающимъ взглядомъ.

Я чувствовалъ себя неловко.

IX.

При моихъ близкихъ отношеніяхъ къ Столбину, какъ-то само собою случилось, что я сталъ бывать у Клавдіи Петровны Агаринской. Нѣсколько разъ Столбинъ самъ просилъ меня зайти къ ней съ какимъ-нибудь порученіемъ. Я могъ бы, конечно, уклониться отъ такихъ порученій, но мнѣ нравилось разговаривать съ Агаринской. Ея спокойная, мягкая и ласковая безъ кокетства натура была очень привлекательна.

Жила Агаринская въ небольшой квартирѣ, мило обставленной, но безъ всякой роскоши. И въ своихъ туалетахъ она тоже не допускала роскоши, такъ что изъ-за этого у нея выходили даже споры съ Арсеніемъ Петровичемъ.

— Да купите вы себѣ парижское мантó, а то вѣдь вы какой-то чиновницей ходите,—сказалъ онъ ей однажды при мнѣ. —И шляпы шикарной на васъ никогда нѣтъ.

Въ первый разъ я тогда замѣтилъ, что брови Агаринской сблизились, а углы губъ потянулись, словно она почувствовала боль. Я понялъ, что ее оскорбила огромная, безсознательная безтактность, заключавшаяся въ словахъ Столбина.

Никогда на Агаринской не видно было очень дорогихъ бриллiантовъ. Вѣроятно она не позволяла Столбину дарить ихъ ей, потому что самъ онъ, когда къ нему попадали большія деньги, любилъ широко тратить ихъ. Или, можетъ быть, она, какъ женщина разсчетливая, дала ему понять, что предпочитаетъ имѣть

на черный день обезпеченіе въ какихъ-нибудь паяхъ или акціяхъ?

Вскорѣ я долженъ былъ отказаться отъ такого предположенія. Разъ какъ-то у насъ завязался разговоръ, понемногу объяснившій мнѣ весь этотъ вопросъ. Агаринская въ тотъ вечеръ была или несовсѣмъ здорова, или не въ духѣ. Мнѣ показалось даже, что у нея съ Столбинымъ произошло какое-то столкновеніе, и она что-то имѣла противъ него. Всегда очень сдержанная, когда рѣчь заходила о немъ, она на этотъ разъ поддавалась потребности быть откровеннѣе. Мнѣ она вообще довѣряла, и знала, что я больше другихъ понимаю ее.

— Вы не одни такъ думаете, въ этомъ всѣ почему-то увѣрены,—сказала она, когда разговоръ незамѣтнымъ образомъ перешелъ къ ея матеріальному положенію. — Меня всѣ считаютъ богатой, и даже приходятъ ко мнѣ занимать деньги или предлагать какія-то выгодныя спекуляціи. Одинъ биржевой маклеръ, работающій для Арсенія Петровича, такъ надоѣлъ мнѣ съ предложеніями дѣлать дѣла на биржѣ, что я не знала, какъ отъ него отдѣлаться: онъ ни за что не хотѣлъ повѣрить, чтобы у меня не было капиталовъ.

— И немудрено, если не вѣритъ,—замѣтилъ я:—всѣ знаютъ громадные заработки Арсенія Петровича, а скупымъ его не считаютъ.

Клавдія Петровна пожала плечами.

— У Арсенія Петровича такія широкія замашки, что, я увѣрена, этихъ громадныхъ заработковъ ему самому не хватаетъ,—сказала она.

— Но вѣдь долженъ же онъ подумать и о васъ,—опять замѣтилъ я.—При его оборотахъ и дѣлахъ ему это ничего бы не стоило. Вѣдь ему случается захватывать паи, достающіеся ему безъ копѣйки денегъ.

Агаринская повторила движеніе плечами.

— Вы еще несовсѣмъ поняли Арсенія Петровича,—возразила она. — Это человѣкъ изумительный по своей безпечности. Вѣдь онъ и о себѣ еще хорошенько не подумалъ, такъ гдѣ же ему думать о другихъ. Я даже не увѣрена, знаетъ ли этотъ дѣловой человѣкъ настоящую цѣну денегъ. Швырять ихъ безсмысленнымъ образомъ—это онъ можетъ; но подумать серьезно хоть бы о самомъ себѣ, о своемъ черномъ днѣ, о своей старости—не въ его натурѣ. Ему все кажется, что это успѣется, въ свое время само собою сдѣлается.

— Безпечность въ самомъ дѣлѣ удивительная, и тѣмъ болѣе

по отношенію къ вамъ,—сказалъ я.—Вѣдь онъ не можетъ не знать, что вся эта пляска милліоновъ, которою онъ занимается, ничего вѣрнаго не представляетъ. Въ одинъ скверный день оборвется въ одномъ мѣстѣ, не удастся рискъ въ другомъ—и онъ можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи.

— О, Арсеній Петровичъ не допускаетъ этого,—возразила Клавдія Петровна. — Онъ такъ увѣренъ въ своемъ геніѣ, въ своемъ счастьи... онъ самъ называетъ себя чародѣемъ, виртуозомъ, владѣющимъ волшебнымъ смычкомъ. И онъ никогда не остановится, даже въ томъ случаѣ, если въ самомъ дѣлѣ наживетъ милліоны. Онъ поэтъ, ему необходимо опьянять себя этимъ дѣловымъ вдохновеніемъ.

— Да, я знаю, что онъ считаетъ себя геніемъ, чародѣемъ, но вѣдь и для геніевъ существуютъ свои Ватерлоо,—сказалъ я.— А въ этой дѣловой сферѣ все полно самыхъ неожиданныхъ случайностей. Какой-нибудь посторонній кризисъ, сокращеніе кредита...

— И тогда другіе погибнутъ, а онъ нѣтъ, — съ живостью перебила меня Агаринская.—Въ его геній я точно также вѣрю, какъ онъ самъ. У него, дѣйствительно, есть какая-то волшебная способность внушать слѣпое довѣріе. Взгляните, напримѣръ, на Тутина—тотъ прямо молится на него.

— Тутинъ—ничтожество, одинаково способное благоговѣть и предъ ловкимъ дѣловымъ ударомъ, и предъ проектомъ ресторанной оргіи,—сказалъ я.

Клавдія Петровна бросила на меня почти непріязненный взглядъ. Я спохватился, что напрасно допустилъ откровенность въ разговорѣ съ женщиной, очевидно подавленной сознаніемъ геніальности Столбина. Да и объ оргіяхъ я заговорилъ некстати.

X.

Я не назывался управляющимъ дѣлами Столбина: такого лица у него и не было, такъ какъ онъ самъ всѣмъ распоряжался. Но въ дѣйствительности общая конторская работа сосредоточивалась въ моихъ рукахъ, и въ послѣднее время Столбинъ привыкъ обращаться ко мнѣ за денежными справками и отдавать мнѣ всѣ поступавшія къ нему письма и бумаги.

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго разговора съ Агаринской, онъ позвалъ меня къ себѣ, и показалъ письмо одного изъ членовъ синдиката по закупкѣ руды, въ которомъ Столбина приглашали внести на слѣдующій день сто-сорокъ тысячъ.

— Надо непремѣнно внести,—сказалъ онъ, когда я пробѣжалъ глазами листокъ.

— Въ кассѣ нѣтъ такихъ денегъ,—возразилъ я.

— Сколько же не хватаетъ?—спросилъ онъ брезгливымъ и недовольнымъ тономъ, какъ будто я былъ виноватъ въ томъ, что денегъ не хватало.

Я отвѣтилъ, что изъ кассы вообще ничего нельзя брать, потому что черезъ два дня предстоялъ платежъ по крупному векселю.

— Такъ тò черезъ два дня, а это завтра,—возразилъ тѣмъ же тономъ Столбинъ.—Сколько въ кассѣ?

Я сказалъ. Онъ наморщилъ лобъ, подумалъ, и объявилъ, что недостающую сумму привезетъ завтра въ два часа.

— Къ тому времени будьте здѣсь, и сейчасъ же отвезите все сполна въ кассу синдиката,—распорядился онъ.

— Но я не предвижу никакихъ поступленій для платежа по векселю,—рѣшился я замѣтить.

Столбинъ повелъ плечами, какъ дѣлаютъ капризныя дѣти, и только махнулъ рукой. Онъ казался увѣреннымъ, что съ векселемъ никакихъ затрудненій не будетъ.

И дѣйствительно, все разрѣшилось очень просто: вексель переписали на новый срокъ. Мнѣ, съ точки зрѣнія интересовъ дѣла, это совсѣмъ не нравилось, но Столбинъ, напротивъ, казался очень довольнымъ.

— Видите теперь, какъ дѣлаются дѣла—если только идти крупнымъ ходомъ, — сказалъ онъ, поглядывая на меня иронически.—Заплатить по векселю—это всякій лавочникъ съумѣетъ; а вотъ, внести въ синдикатъ сто-сорокъ-тысячъ въ двадцать-четыре часа, по простому увѣдомленію—это совсѣмъ другой эффектъ произведетъ. Это должно тотчасъ бросить извѣстный блескъ на фирму.

И въ самомъ дѣлѣ можно было замѣтить, какъ будто на Столбина легло на нѣкоторое время усиленное сіяніе. Это чувствовалось и въ томъ движеніи, которое какъ-то само собою образовалось вокругъ него, и въ особенно дружескомъ тонѣ, взятомъ безпрестанно заѣзжавшими къ нему капиталистами и дѣловыми людьми, и въ наплывѣ какихъ-то не внушающихъ довѣрія личностей съ искательными манерами и алчущими взглядами.

Но болѣе всего усиленное сіяніе отражалось на самомъ Столбинѣ. Онъ все время находился въ самомъ пріятномъ возбужденіи, чрезвычайно много говорилъ, и выражалъ рѣшительное намѣреніе осчастливить всѣхъ, кто къ нему обращался. Нѣсколько

лицъ съ искательными манерами, ни съ того, ни съ сего, получили у него мѣста, съ порядочными окладами. Другимъ онъ расточалъ какія-то таинственныя обѣщанія.

— Сейчасъ я ничего не могу вамъ предложить, но дѣло найдется, найдется!—говорилъ онъ имъ тѣмъ особеннымъ, поджигающимъ тономъ, который у него являлся при подобныхъ обстоятельствахъ.—Я теперь разбираюсь въ кое-какихъ уже начатыхъ предпріятіяхъ, но у меня зрѣютъ болѣе широкіе замыслы. Россія—удивительно недоконченная страна. Здѣсь на каждомъ шагу все вопіетъ къ предпріимчивости, требуетъ способныхъ рукъ. Я имѣю васъ въ виду для большого, серьезнаго дѣла, о которомъ пока еще не могу распространяться. Все въ свой чередъ, въ свой чередъ.

Раза два я рѣшался выразить удивленіе по поводу этихъ совсѣмъ ненужныхъ для дѣла назначеній и обѣщаній. Столбинъ отвѣчалъ нетерпѣливо:

— Мнѣ нужны люди, какъ вы не понимаете! Нѣсколько лишнихъ тысячъ ничего не составятъ, а между тѣмъ я создаю движеніе.

Я догадался, что возможность придумывать мѣста, назначать, повышать и перемѣщать, доставляла Столбину необъятное наслажденіе. Не было, кажется, человѣка болѣе доступнаго самой грубой лести и самому дѣтскому тщеславію. За всякій низкій поклонъ онъ готовъ былъ расплачиваться деньгами,—правда, не своими. Но кромѣ того, онъ въ самомъ дѣлѣ какъ-то принципіально вѣрилъ въ „движеніе", то-есть думалъ, что чѣмъ больше онъ создаетъ шуму, толкотни, кочеванья, чѣмъ больше разжигаетъ личныхъ интересовъ и аппетитовъ, тѣмъ полезнѣе его дѣятельность для промышленнаго развитія страны. Кромѣ пляски милліоновъ, ему нужны были также и пляшущіе люди.

Отражалось все это, конечно, и на моихъ сослуживцахъ. Тутинъ былъ просто великъ въ эти дни: онъ щелкалъ каблуками, такъ, какъ будто къ нимъ уже подвѣсили шпоры, произносилъ имя Арсенія Петровича не иначе какъ шопотомъ, и до такой степени непрерывно думалъ о его величіи, что иногда по цѣлымъ минутамъ молча смотрѣлъ на кого-нибудь играющимъ взглядомъ, и затѣмъ загадочно произносилъ:

— Н-да-съ... такъ вотъ какъ-съ...

Бухгалтеръ—довольно нелѣпая и глупая фигура—сталъ носить красный галстухъ, купилъ себѣ подержанное ружье и увѣрялъ, что будетъ ходить на охоту.

XI.

И вдругъ все это измѣнилось.

Я только-что вошелъ поутру въ кабинетъ Столбина, какъ онъ стремительно поднялся мнѣ на встрѣчу и схватилъ мою руку обѣими руками.

— Голубчикъ, я васъ поджидалъ съ адскимъ нетерпѣніемъ, — началъ онъ.—Мнѣ необходима ваша помощь. Поѣзжайте, пожалуйста, сію минуту на Черную-рѣчку, на заводъ. Тамъ какія-то недоразумѣнія вышли. Вы сами имѣли заводъ, знаете, какъ говорить съ рабочими. Успокойте ихъ, а то они на стѣну лѣзутъ.

Онъ имѣлъ такой встревоженный видъ, что я даже удивился.

— Какого рода недоразумѣнія? Задержанъ разсчетъ?—спросилъ я.

— Да, что-то въ такомъ родѣ,—почему я знаю?—брезгливо отвѣтилъ Столбинъ.—Развѣ я могу входить въ эти подробности? Я завожу дѣло, привлекаю капиталы, даю заработокъ тысячамъ рукъ, но развѣ я могу сидѣть надъ кассой и производить какіе-то копѣечные разсчеты? Мнѣ понадобились деньги на другое дѣло, я и приказалъ взять изъ кассы завода. Какъ будто у меня только и есть что этотъ дурацкій заводъ. Пожалуйста, Павелъ Игнатьевичъ, поѣзжайте сейчасъ же и уладьте все это. Вы съумѣете, вы знаете, какъ съ ними говорить. Главное—не допустить, чтобы это дошло до начальства.

Порученіе Столбина мнѣ до крайности не нравилось. Конечно, я зналъ, ка́къ говорить съ рабочими, но совсѣмъ не зналъ, что̀ можно по совѣсти обѣщать имъ. Вводить же ихъ въ заблужденіе мнѣ вовсе не хотѣлось.

— Если рабочіе требуютъ разсчета, то надо опредѣленно поручиться, когда именно разсчетъ будетъ сдѣланъ,—сказалъ я.— Сегодня у насъ среда; очевидно, они ждутъ еще съ субботы?

— Ну, съ субботы; очень можетъ быть, что съ субботы,— уже совсѣмъ капризно отвѣтилъ Столбинъ.—Удивительное дѣло— нѣсколько дней. Мнѣ, вотъ, по казеннымъ заказамъ приходится по полугоду ждать уплаты. Объясните имъ, что не пропадутъ же ихъ деньги. Изъ-за чего тутъ шумѣть, скандалъ поднимать.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ полицейскій офицеръ. Я сдѣлалъ видъ, что не желаю быть лишнимъ, и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Офицеръ черезъ четверть часа удалился, а еще минуты черезъ двѣ уѣхалъ и самъ Столбинъ, и вернулся только къ обѣду.

Все обошлось благополучно на этотъ разъ: Столбинъ досталъ гдѣ-то денегъ и отвезъ ихъ на заводъ. Рабочіе были удовлетворены.

Но, какъ я узналъ вечеромъ, „скандалъ" на заводѣ былъ порядочный. О немъ заговорили на другой день и на биржѣ, и въ близкихъ къ Столбину кружкахъ.

И какъ это обыкновенно бываетъ, картина разомъ перемѣнилась. Сіяніе, озарявшее Столбина, внезапно померкло. Эффектъ заводскаго скандала рѣшительно покрылъ собою эффектъ милліоннаго синдиката. Во всѣхъ дѣлахъ произошла зловѣщая заминка. Изъ банковъ, гдѣ лежали на счету Столбина разныя болѣе или менѣе сомнительныя цѣнности, потребовали дополнительнаго обезпеченія. Это было знаменательное предупрежденіе, что о новыхъ кредитахъ нечего и думать.

Столбинъ метался какъ угорѣлый. Онъ теперь бросался къ лицамъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ дѣловыхъ сферъ, занималъ небольшими суммами, мечталъ обратить нѣкоторыя свои предпріятія въ акціонерныя и пытался вербовать пайщиковъ среди еще необработанной никакими гешефтами публики; но изъ всего этого не выходило ровно никакого толку. Лавина уже нависла надъ нимъ. Пока она еще только осыпалась комьями, но уже чувствовалось, что она готова рухнуть всею массою.

Я чувствовалъ себя среди этихъ обстоятельствъ отвратительно. Только теперь мнѣ представилось во всемъ своемъ глупомъ видѣ легкомысліе, съ какимъ я поддался приглашенію Столбина. Зачѣмъ я бросилъ свое маленькое дѣло и ввязался въ большое, но чужое, въ которомъ ничего отъ меня не зависѣло? Мнѣ хотѣлось убѣжать изъ Петербурга, но какой-то стыдъ, можетъ быть даже ложный, удерживалъ меня: не хотѣлось, чтобъ Столбинъ могъ упрекнуть, что я покидаю его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. А между тѣмъ, въ сущности, я былъ совершенно ненуженъ ему.

Столбинъ съ каждымъ днемъ все больше терялъ голову. Онъ то казался подавленнымъ, жалкимъ, то вдругъ напускалъ на себя какое-то фанфаронство.

— Глупости, не могутъ они меня затравить,—говорилъ онъ.— Вѣдь если надо мной разразится крахъ, такъ и они окажутся не при всѣхъ. Я и ихъ потяну съ собою. А впрочемъ, и не дойдетъ до этого. Мнѣ нужны пустяки, какія-нибудь двѣсти-триста тысячъ,—неужели я не найду ихъ? Да вѣдь я сдѣлаю милліонеромъ того, кто меня выручитъ. Вѣдь нашъ синдикатъ— это настоящая золотая розсыпь. А кто его придумалъ, создалъ?

Я, я, всегда я! Безъ меня имъ и въ голову ничего не пришло бы. За эту идею они должны бы мнѣ теперь же милліонъ на подносѣ поднести.

Разъ Столбинъ неожиданно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажите, вѣдь вы не продали свой заводъ въ Желтоводскѣ? Вы его въ аренду сдали?

— Да, въ аренду,—отвѣтилъ я.

— Значитъ, вы могли бы во всякую минуту заложить его?

— Нѣтъ, не могъ бы, потому что это—единственная моя собственность, которую я долженъ беречь пуще глаза, — сказалъ я.

Столбинъ съ выраженіемъ презрительной досады повелъ бровями и усами.

— Но еслибы я предложилъ вамъ заложить эту драгоцѣнную собственность для того, чтобъ удесятерить свое состояніе?— произнесъ онъ съ легкимъ пофыркиваньемъ.—Я на васъ смотрю, какъ на своего близкаго человѣка, и сдѣлалъ бы для васъ то, чего ни для кого не сдѣлалъ бы. На сумму, вырученную по закладной, я уступилъ бы вамъ соотвѣтствующую долю моего пая въ синдикатѣ. Вы понимаете, что это совершенно измѣнило бы ваше положеніе. Кромѣ непосредственной выгоды, это сразу ввело бы васъ въ сферу большихъ дѣлъ.

— Но я не люблю большихъ дѣлъ, Арсеній Петровичъ,— сказалъ я.

Мнѣ былъ крайне непріятенъ этотъ разговоръ, такъ какъ я зналъ, что еслибъ даже послѣдовалъ совѣту Столбина, то моя помощь составила бы каплю въ морѣ, и не устранила бы краха. Во всякомъ случаѣ, я рѣшилъ во что̀ бы то ни стало отстоять свой заводъ, который Столбинъ, въ видѣ отместки, опять сталъ называть „спичечной фабрикой“.

XII.

Агаринская прислала мнѣ записку, прося зайти къ ней вечеромъ.

Я засталъ ее очень разстроенною, даже измѣнившеюся въ лицѣ. Не трудно было догадаться, что она замѣчала удрученное состояніе Столбина, или что до нея дошли слухи о его разстроенныхъ дѣлахъ.

— Скажите, что̀ такое съ Арсеніемъ Петровичемъ? Я просто не узнаю его въ послѣднее время,—прямо обратилась она ко

мнѣ, и столько тревоги выразилось въ ея голосѣ, что мнѣ стало сердечно жаль ее.

— У него, сколько я знаю, разныя дѣловыя затрудненія явились,—сказалъ я.—Безъ этого вѣдь не обходится.

— Но какія? Онъ самъ на себя не похожъ,—продолжала Клавдія Петровна.—Старается при мнѣ напустить на себя спокойный видъ, но я отлично чувствую, что его гложетъ какая-то тяжелая забота.

„Инстинктъ любящей женщины“,—подумалъ я.—„А вѣдь по правдѣ говорить, не стоитъ онъ ея любви“,—шевельнулось тутъ же у меня въ головѣ.

— Затрудненія—денежнаго характера,—сказалъ я, стараясь держаться самаго спокойнаго тона.—Вы знаете, Арсеній Петровичъ имѣетъ слабость разбрасываться, а тутъ случилась общая заминка въ кредитѣ.

— Такъ что его дѣла плохи?—спросила Агаринская съ возроставшей тревогой.

— Все зависитъ отъ удачи,—отвѣтилъ я уклончиво.—Вѣроятно, впрочемъ, ему уже не разъ случалось попадать въ тиски и счастливо изворачиваться.

— Нѣтъ, онъ никогда такой не былъ,—возразила она.—Я боюсь, что положеніе его очень скверно. Пожалуйста, не скрывайте отъ меня. Съ нимъ можетъ случиться крахъ,—да?

Еслибъ этотъ вопросъ я самъ себѣ предложилъ, я отвѣтилъ бы по внутреннему убѣжденію—да. Но развѣ я могъ дать ей такой отвѣтъ? Она почти не дышала, вся захваченная тревогой. Было бы безчеловѣчно отнять у нея надежду. Съ другой же стороны, я не имѣлъ точныхъ данныхъ, чтобы судить о дѣлахъ Столбина. Въ послѣдніе дни онъ сдѣлался очень скрытенъ, ничего мнѣ не сообщалъ, самъ ѣздилъ по банкамъ, привозилъ и отвозилъ деньги, и вообще видимо не желалъ посвящать кого-нибудь въ подготовлявшуюся развязку. Я зналъ, что на завтра предстоялъ крупный платежъ по векселю, тысячъ семьдесятъ; но какъ думалъ Столбинъ распорядиться, приготовилъ ли онъ деньги, или выговорилъ пересрочку—мнѣ было совершенно неизвѣстно.

Я и отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что дѣла Арсенія Петровича мнѣ недостаточно извѣстны.

— Что есть затрудненія—это неизбѣжно чувствуется; но насколько они непреодолимы, о томъ только онъ самъ можетъ судить,—добавилъ я.

Агаринскую, видимо, не удовлетворилъ мой отвѣтъ. Она за-

молчала, провела меня въ столовую, принялась хозяйничать около самовара; но потомъ вдругъ отошла, сѣла на оттоманку у стѣны, и сжала на колѣняхъ руки.

— Вы меня извините, я ужасно разстроена,—сказала она разомъ упавшимъ голосомъ.—Знаете, съ женскимъ сердцемъ иногда что-то странное дѣлается. У меня нехорошее предчувствіе.

Мнѣ опять стало до боли жаль ее. Я живо представилъ себѣ всю безпомощность ея положенія. Но я, какъ и въ тотъ разъ, ошибся, предполагая, что ее тревожитъ мысль о крахѣ со стороны его матеріальныхъ послѣдствій. На мое замѣчаніе, что дѣловымъ людямъ случается прогорать и снова становиться на ноги, она отрицательно покачала головой.

— Вы не знаете Арсенія Петровича,—сказала она. — Онъ способенъ до такой степени падать духомъ, что... за него надо бояться. Я боюсь...

— Чего именно?— спросилъ я.

— Онъ можетъ сдѣлать глупость: порѣшить съ собою,— объяснила она.

Мысль эта показалась мнѣ совсѣмъ несообразной. Чтобы Столбинъ, съ его чисто животной привязанностью къ жизни, съ его способностью создавать десять новыхъ, плановъ вмѣсто одного неудавшагося, и увлекаться самыми легкомысленными фантазіями, чтобы тотъ самый Столбинъ, который, мѣсяцъ назадъ, заложивъ въ банкѣ акціи, ужиналъ съ корифейками и цыганками— вдругъ дошелъ до рѣшимости покончить съ собою,—это представилось мнѣ до такой степени дикимъ, что я даже улыбнулся.

— Вотъ ужъ этого никогда не можетъ случиться!—высказалъ я самымъ убѣжденнымъ тономъ.—Во-первыхъ, это не въ характерѣ Арсенія Петровича; и во-вторыхъ, это вообще не въ нашихъ дѣловыхъ нравахъ. За-границей—да; тамъ банкротство очень часто сопровождается самоубійствомъ. Французъ, англичанинъ, нѣмецъ, считаютъ порядокъ въ дѣлахъ связаннымъ съ вопросомъ чести. Для нихъ легче послать себѣ пулю въ високъ, чѣмъ жить опозореннымъ. А у насъ кто же это позоромъ считаетъ? Помилуйте, да у насъ сплошь и рядомъ нарочно банкротятся, потому что это въ своемъ родѣ привилегированное состояніе.

Мои слова нѣсколько успокоили Агаринскую, по крайней мѣрѣ отвлекли ее отъ мысли о самоубійствѣ Столбина. Она встала и опять занялась чайнымъ хозяйствомъ.

— Какое несчастіе, что у меня ничего нѣтъ!—сказала она,

присѣвъ, наконецъ, къ столу.—Вѣдь иногда даже маленькія деньги въ критическую минуту могутъ спасти все. У меня есть, впрочемъ, кое-какіе брилліанты, я могла бы заложить...

— Не дѣлайте этого,—сказалъ я убѣдительно:—повѣрьте, это не имѣло бы никакого значенія для дѣла.

Мнѣ было почти досадно, что эта женщина до такой степени не думала о себѣ...

XIII.

Пока мы сидѣли за чайнымъ столомъ, подъѣхалъ Столбинъ. Сегодня я только мелькомъ видѣлъ его поутру, и теперь меня поразило какое-то новое выраженіе въ его лицѣ. Онъ казался спокоенъ, но вѣки глазъ его какъ-то часто и слабо мигали, и углы рта какъ будто подергивало. Поздоровавшись, онъ сейчасъ же опустился на стулъ, и принялся громко мѣшать ложечкой въ стаканѣ, явно не замѣчая производимаго стука. Агаринская глядѣла на него пристально, сухимъ и горячимъ взглядомъ.

— Какъ дѣла?—спросила она нарочно громко, словно хотѣла ободрить насъ свободнымъ звукомъ голоса.

Столбинъ хлебнулъ съ ложечки и отвѣтилъ не сразу:

— Дѣла не хороши. Завтра всему конецъ: прекращаю платежи.

Ни я, ни Агаринская, не произнесли ни слова. Я только сбоку взглянулъ на нее, и видѣлъ, какъ она поблѣднѣла и опустила голову.

Столбинъ повернулся ко мнѣ.

— Тамъ есть вексель, вы знаете...—заговорилъ онъ явно напряженнымъ тономъ:—ничего не удалось сдѣлать. Переписывать больше не хотятъ. Находятъ, что фирма не внушаетъ довѣрія.

Онъ сдѣлалъ попытку усмѣхнуться, но только покривилъ губы.

— Я готовъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству,—продолжалъ онъ:—хотѣлъ выйти изъ синдиката; но тамъ не могутъ возвратить мнѣ сейчасъ же вложенныя мною деньги. Да и вообще, кажется, они не вполнѣ согласны въ томъ, чтобъ я имѣлъ право получить деньги. Такъ ужъ я не сталъ съ ними говорить. Все равно.

И онъ махнулъ рукой.

Наступило молчаніе. Мнѣ казалось страннымъ, что Агаринская не отзывается ни словомъ. Но, взглянувъ на нее, я понялъ,

что ей было не до словъ: можно было подумать, что она не дышетъ.

— Передъ вами, Павелъ Игнатьевичъ, я чувствую себя очень виноватымъ,—заговорилъ опять Столбинъ.—Я снялъ васъ съ мѣста, и теперь вы въ глупомъ положеніи. Но кто же могъ предвидѣть?

— Полноте, не во мнѣ дѣло,—поспѣшилъ я сказать.—Я сердечно скорблю о вашихъ неудачахъ.

Столбинъ какъ будто слегка оживился.

— Вы—да, я вамъ вѣрю,—сказалъ онъ.—А сколько такихъ, которые будутъ ругать, проклинать меня на всѣхъ перекресткахъ. Всѣмъ имъ я дѣлалъ добро, каждому кусокъ хлѣба далъ, и всѣ готовы будутъ зашвырять меня камнями.

Агаринская вдругъ встала, подошла къ Столбину сзади, и обвила руками его шею.

— Оставьте, не стòитъ думать о другихъ,—сказала она.—У васъ есть близкая душа, которая не перемѣнится. И для меня вы будете все тотъ же. Я буду счастлива замѣнить вамъ то, чтò вы теряете. И право, мнѣ даже кажется, что если мы уѣдемъ отсюда, и вы отдѣлаетесь отъ всѣхъ этихъ заботъ и тревогъ,—пожалуй, это даже лучше будетъ.

Столбинъ притянулъ къ губамъ обѣ руки Клавдіи Петровны и поцѣловалъ ихъ. Потомъ его вдругъ словно передернуло. Онъ повернулся въ мою сторону и сказалъ своимъ обычнымъ брюзгливымъ тономъ:

— Странныя, право, наши русскія женщины. Имъ кажется, что женская привязанность можетъ замѣнить мужчинѣ все: и деньги, и дѣятельность, и положеніе. Онѣ не понимаютъ, чтò значитъ для дѣлового человѣка перейти въ ничтожество.

— Какой же переходъ въ ничтожество!—возразилъ я, чтобъ затушевать непріятный для Агаринской смыслъ его словъ.—Крахи дѣловыхъ людей—вовсе не рѣдкость, а затѣмъ, кто поумнѣе изъ нихъ, начинаютъ съизнова работать.

Столбинъ мрачно покачалъ головой.

— Для меня это невозможно,—сказалъ онъ.—Я могу работать большимъ ходомъ; сѣменить мелкимъ шагомъ, какъ чернорабочій, я не умѣю. И притомъ... мнѣ и не дадутъ работать. Все это лило, пока обо мнѣ существовало представленіе, какъ о чародѣѣ. Теперь мнѣ никто рубля не повѣритъ.

Когда я собрался уходить, Столбинъ тоже поднялся, и попросилъ меня проводить его до дому.

Была тусклая, талая, мартовская ночь. Въ вѣтреномъ воз-

духѣ крутилась гнилая мокрота. Столбинъ, поднявъ воротникъ пальто и засунувъ руки въ карманы, шагалъ скоро, не обращая вниманія на брызгавшую изъ-подъ ногъ грязь.

— Я вѣдь не ропщу,—заговорилъ онъ, когда мы сдѣлали уже сотни двѣ шаговъ.—Все случилось, какъ должно было случиться. Но развѣ я виноватъ? Вотъ этого ни за что не захотятъ понять. А какъ меня обвинить? Развѣ я былъ сколько-нибудь подготовленъ? Развѣ я, въ сущности, смыслю что-нибудь въ дѣлахъ?

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Да, да, какой же я въ самомъ дѣлѣ фэзёръ?—продолжалъ онъ.—Я цинка отъ олова отличить не умѣю. Кромѣ ариѳметики и алгебры, я, въ сущности, ничего не знаю. То-есть, учили меня разнымъ громкимъ наукамъ—и философіи права, и римскому праву, и политической экономіи, но я только ловко сдавалъ экзамены, вотъ и все. Да и не нужно мнѣ ничего этого. А если хотите знать, чародѣемъ-то я дѣйствительно былъ. Этотъ даръ дался мнѣ. Психологію всякихъ людишекъ я отлично понималъ, и превосходно игралъ на ней. И смотрѣлъ на вещи широко, не по-лавочнически. Сколько я дѣлъ создалъ, какое движеніе поднялъ! Этого у меня никто не отниметъ. Будутъ въ меня послѣ моей смерти грязью бросать, а въ душѣ сохранятъ за мной мое прозвище чародѣя.

— О смерти-то съ какой же стати думать?—сказалъ я.

Столбинъ взглянулъ на меня, потомъ поднялъ глаза кверху.

— А съ такой, что вотъ мы идемъ по панели, а тамъ наверху какой-нибудь карнизъ отмокъ, да и пришибетъ насъ,—сказалъ онъ, и какъ-то странно засмѣялся.—Ну, спасибо, что проводили меня,—добавилъ онъ, когда мы подошли къ его подъѣзду.—Не знаю почему, но мнѣ не хотѣлось возвращаться одному.
—Спокойной ночи.

Онъ пожалъ мнѣ руку и позвонилъ къ швейцару.

XIV.

Прійдя на другое утро къ Столбину, я долго ждалъ, пока мнѣ откроютъ дверь. Наконецъ, меня впустили, и по испуганному лицу лакея я тотчасъ догадался, что въ домѣ что-нибудь случилось.

— А мы только-что хотѣли посылать за вами,—сказалъ слуга.

— А что̀ такое?—спросилъ я.

— Да вѣдь Арсеній Петровичъ приказали долго жить. Тутъ уже и полиція была, и судебный приставъ по сію пору опечатываетъ. Докторъ тоже здѣсь. А изъ близкихъ никого и нѣтъ у покойника. Клавдія Петровна сказала, что придутъ, когда всѣ разойдутся. Да имъ и не съ руки при людяхъ-то.

Я былъ пораженъ. Всего за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ я видѣлъ Столбина совершенно здоровымъ. Правда, онъ былъ разстроенъ, и у него могъ быть порокъ сердца, котораго не подозрѣвали. Но все-таки выходило неожиданно и странно.

Вмѣсто того, чтобъ идти въ комнаты, я машинально присѣлъ на подоконникъ въ прихожей.

— Какъ же все случилось? когда?—спросилъ я.

— Да изволите видѣть, Арсеній Петровичъ въ спальнѣ не запирались никогда, и поутру я имъ газеты подавалъ, и они, лежа въ постели, читали,—объяснилъ слуга.—А распоряженіе отъ нихъ было, что ежели спятъ, такъ непремѣнно будить. Потому, извѣстно вамъ, иной разъ они очень поздно возвращались, а тутъ дѣла̀—нельзя и выспаться никоимъ образомъ. Вотъ, и сегодня я точно такъ вхожу въ спальную, и вижу—они лицомъ къ стѣнѣ спятъ. Я сталъ кликать:—Арсеній Петровичъ, почта пришла, вставать пора.—И всегда это они сразу просыпались, а тутъ нѣтъ. Ну, я опять будить. Ничего. Странно мнѣ это показалось, и согрѣшилъ я, подумалъ:—вотъ такъ нализался баринъ! Тутъ я наклонился надъ нимъ, заглянулъ въ лицо, да такъ и обмеръ на мѣстѣ: вижу, какъ есть мертвъ лежитъ. Я сейчасъ ко всѣмъ бросился: повара позвалъ, разсыльнаго нашего, горничную, всѣхъ. Старшему дворнику дали знать, за докторомъ побѣжали. Ну, доктору что̀ же дѣлать? Такъ только, для видимости.

— Докторъ-то что̀ же говоритъ?

— Говоритъ, сердечный параличъ произошелъ. Да вѣдь развѣ у мертваго узнаешь? А только не дай Богъ, если потрошить станутъ.

— Докторъ, ты говоришь, здѣсь?

— Не уходилъ еще.

Я всталъ и прошелъ чрезъ рядъ комнатъ въ спальную. Столбинъ лежалъ на постели, но уже перевернутый на спину, и съ закрытыми глазами. Лицо его отдавало синевой. Мнѣ показалось, что въ своей мертвой неподвижности оно сохраняло какое-то безпокойное, неразрѣшившееся выраженіе...

Въ сторонѣ докторъ что-то писалъ, присѣвъ къ туалетному

столику. Этого доктора я и раньше встрѣчалъ у Столбина, и потому, когда онъ кончилъ писать, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы полагаете, параличъ сердца?

— Очень возможно,—отвѣтилъ докторъ какимъ-то скептическимъ тономъ.

— Это могло произойти отъ большихъ волненій?

— Можетъ быть, и отъ волненій.

Тонъ доктора раздражалъ меня.

— Но навѣрное вы ничего не утверждаете?—спросилъ я.

Докторъ пожалъ плечами.

— Во-первыхъ,—сказалъ онъ,—отъ меня требуется заключеніе, а не утвержденіе; а во-вторыхъ, утверждать можно только послѣ вскрытія. Но кому нужно вскрытіе? Мнѣ не нужно.

— Но вѣдь могло быть и отравленіе?—прямо спросилъ я.

— То-есть, самоотравленіе? — поправилъ докторъ. — Разумѣется, могло быть. Хорошій пріемъ дигиталиса, напримѣръ... Но стклянки не найдено, да и обыска, собственно, никакого не было... Однако, прошу извинить, мнѣ пора. Здѣсь, на столѣ, я оставилъ все, что̀ нужно.

Я вспомнилъ, что въ домѣ некому заплатить доктору за визитъ, и поспѣшилъ самъ это сдѣлать. Потомъ, отдавъ кое-какія необходимыя распоряженія и воспользовавшись приходомъ Тутина, я ушелъ.

Мнѣ казалось необходимымъ навѣстить Агаринскую. Она тотчасъ ко мнѣ вышла, блѣдная, съ сухими глазами, и быстро бросила мнѣ вопросъ:

— Вы тамъ были? Какъ онъ умеръ, отчего?

Я передалъ полученныя мною свѣдѣнія, не исключая и разговора съ докторомъ. Она опустилась на стулъ и кивнула головой.

— Онъ отравился,—сказала она коротко.

Потомъ, помолчавъ, прибавила:

— У него есть двоюродный дядя, надо дать ему знать.

— Вотъ это кстати: по крайней мѣрѣ будетъ кому распорядиться,—подхватилъ я.

— Да, конечно... — произнесла она какимъ-то мертвымъ голосомъ.

Я по возможности сократилъ свое посѣщеніе.

На панихидахъ собиралось много народу—Столбина зналъ весь Петербургъ—но Агаринская не выходила въ залу. Она стояла въ сосѣдней комнатѣ, закрытая портьерой, и молилась.

Но на похоронахъ она была. Тѣ, кто ее зналъ, указывали на нее незнавшимъ и перешептывались.

Вообще, похороны имѣли нѣсколько своеобразный видъ. Слухъ о банкротствѣ Столбина уже распространился по городу, и придавалъ вѣроятіе предположенію о самоубійствѣ. Любопытство сдѣлало свое дѣло; провожающихъ собралось очень много, и Столбина хоронили не какъ банкрота, а скорѣе какъ блестящую знаменитость. Весь дѣловой и биржевой міръ собрался, чтобъ потолковать и послушать, что̀ толкуютъ. Кто-то сосчиталъ, что провожавшіе представляли собою кругленькую сумму—милліоновъ во сто.

Рѣчей не было,—это не въ обычаѣ среди людей дѣла, къ которымъ принадлежали собравшіеся на похороны.

Потомъ всѣ разъѣхались, удовлетворенные и снова равнодушные.

Спустя недѣлю, я уѣхалъ изъ Петербурга. Въ своей неудачѣ я утѣшалъ себя тѣмъ, что многое узналъ и многому научился.

В. Авсѣенко.

ТѢНИ ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЪ.

I.

Свѣтлая іюньская ночь спускалась уже надъ Петербургомъ.

Во дворѣ ресторана Донона (дѣло было въ началѣ 60-хъ годовъ) усаживалась въ коляски веселая компанія, только-что кончившая обѣдать. Рябоватый татаринъ-лакей суетился, перебѣгая отъ одного къ другому...

Молодой человѣкъ, князь В*, стоя въ коляскѣ и воздѣвъ руки, умилялся звѣзднымъ сіявшимъ небомъ:

„Луна, красавица ночная,
На землю серебро лила,
И, какъ царицу провожая,
За нею купа звѣздъ текла“...

—продекламировалъ онъ изъ Юліи Жадовской.

— Господа!—крикнулъ другой юноша, Телепневъ.—Князекъ въ поэзію ударился: свеземъ его къ Ефремову!

— Къ чорту Ефремова! — отвѣтилъ князь В*, держась не совсѣмъ твердо на ногахъ. — Ты слушай!—И онъ продолжалъ, перемѣнивъ тонъ:

„Какъ эта глупая луна,
На этомъ глупомъ небосклонѣ“...

— Вотъ два міросозерцанія, двѣ отправныхъ точки для мышленія!—заключилъ онъ.

— Измайловъ! — крикнулъ морякъ. —Гдѣ же Измайловъ?— повернулся онъ къ лакею, отворявшему дверцу коляски.

— Идутъ-съ.

— Такъ куда же? Э?—заговорилъ, вскинувъ сверкнувшую при лунѣ одноглазку, пухлый и крашеный почтенный господинъ.

На крыльцѣ показался Измайловъ, — высокій, стройный юноша, въ цилиндрѣ и легонькомъ модномъ пальто съ рукавами раструбомъ.

— Отъѣзжающіе, рѣшайте!—скомандовалъ морякъ, приставивъ къ губамъ кулакъ въ видѣ рупора.

Отъѣзжающими и героями прощальнаго обѣда были студенты — аристократическая молодежь, отправлявшаяся на каникулы въ родительскія помѣстья. Морякъ, лейтенантъ Кравцовъ, доводился родственникомъ Измайлову; почтенный крашеный господинъ, преображенецъ въ отставкѣ, Ахметьевъ, — баловень судьбы, спускавшій наслѣдство за наслѣдствомъ, и свѣтскій левъ, „павшій на заднія ноги", какъ выражались о немъ остряки,— слылъ всеобщимъ пріятелемъ и игралъ сросшуюся съ нимъ роль законодателя на всякихъ пирахъ.

— На Острова!—раздался голосъ.

— Да рано же на Острова!—важно, точно въ государственномъ вопросѣ,—возразилъ Ахметьевъ, сдѣлавъ шеей характерное движеніе назадъ и бросивъ одноглазку.—На Острова потомъ...

— Къ чорту! — предложилъ изъ коляски князь В* и бухнулся на сидѣнье.

Измайловъ, тоже достаточно подгулявшій и бывшій въ самомъ восторженномъ настроеніи, оперся о плечо подскочившаго татарина и приказалъ словами Репетилова:

„Сажай меня въ карету,
Вези меня куда-нибудь!"

— Ахметьевъ, къ рулю!—снова скомандовалъ морякъ.

II.

Заря застала компанію на „Минерашкахъ", у Излера.

Въ саду смолкъ уже хоръ цыганъ. Сквозь занавѣски оконъ отдѣльнаго кабинета пробивался блѣдными пятнами разсвѣтъ; въ люстрѣ, мерцавшей граненымъ хрусталемъ, догорали оплывшія свѣчи. За столомъ, съ остатками ужина,—грудами устричныхъ раковинъ на тарелкахъ, утыканныхъ окурками папиросъ,— Ахметьевъ, безъ сюртука и съ свѣсившимся съ лысины зачёсомъ цвѣта воронова крыла, велъ нескончаемый разсказъ о своихъ парижскихъ похожденіяхъ...

Измайловъ, отправлявшійся съ утреннимъ поѣздомъ, умывался и освѣжался въ сосѣдней комнатѣ. Окончательно „отполированный“, по выраженію опытнаго въ этомъ, услужливаго лакея, онъ, съ пріятнымъ ощущеніемъ силы и бодрости, спустился знакомыми ходами и переходами въ нижній корридоръ. Тутъ остановилъ его происходившій скандалъ. У выхода въ садъ городовые крутили руки какому-то господину—черноволосому и усатому, ругавшемуся хриплымъ, густымъ басомъ; другой—высокій и блѣдный, съ исцарапаннымъ лицомъ, ораторствовалъ, жалуясь пискливымъ голосомъ... Въ одной изъ комнатъ, съ сорванною съ петель дверью, фрачникъ-лакей, грубо и съ крикомъ, наступалъ на двухъ растерянныхъ дамъ. Одна изъ нихъ—худощавая, съ отцвѣтшимъ лицомъ и бойкими сѣрыми глазами, кинулась къ подходившему Измайлову и заговорила прерывисто:

— Будьте добры... Защитите насъ... Что-жъ это такое!

Измайловъ рыцарски вступился, прикрикнувъ на лакея. Тотъ смирился и сталъ объяснять, что не знаетъ, съ кого получить по счету, такъ какъ бывшаго съ дамами господина арестовала полиція. По счету слѣдовало всего нѣсколько рублей. Измайловъ бросилъ лакею бумажку, и онъ исчезъ.

— Помилуйте! И за сломанную дверь съ насъ требовалъ, и за то, что въ корридорѣ попорчено...—заговорила, послѣ многихъ благодарностей, худощавая дама.—Мы чѣмъ виноваты! По счету, конечно... Но мы не могли знать... мы съ мужчиной пріѣхали... сейчасъ гдѣ намъ взять...

Пока она говорила, другая дама ходила безпокойно взадъ и впередъ по комнатѣ, сложивъ руки на груди. Она точно не видѣла и не слышала, что̀ дѣлалось вокругъ. Рѣдкій типъ блондинки съ черными глазами—большими и искристыми,—стройная, граціозная, она имѣла на видъ лѣтъ не больше двадцати. Ея дѣтски-пухлое, миловидное личико, съ правильнымъ носикомъ и алыми, полными губками, казалось помятымъ и утомленнымъ; черепаховый гребень съ фигурнымъ верхомъ едва-едва сдерживалъ русую, небрежно свернутую косу; пышную грудь охватывалъ малиновый бархатный корсажъ, выказывая тонкую, изящную талію.

— Подите... узнайте...—сказала она, остановившись предъ худощавою дамой и чуть замѣтно, уголкомъ глаза, оглядывая Измайлова.

— О чемъ узнавать?—отвѣтила та съ досадой въ голосѣ.—Извѣстное дѣло: арестуютъ, отправятъ въ часть... Явится потомъ... Не первый разъ!

Дама опустилась въ кресло, закрывъ руками лицо, и глухо зарыдала, но тутъ же вскочила и стала торопливо, дрожащими руками, надѣвать шляпку, простенькій сѣренькій бурнусъ...

Измайловъ помогъ ей и вышелъ вмѣстѣ съ ними. За воротами онъ распорядился-было позвать одну изъ колясокъ, предлагая довезти дамъ, но блондинка рѣшительно запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни за что!—почти съ испугомъ воскликнула она.—Проводите насъ... до извозчика.

Измайловъ предложилъ ей руку. Она оперлась на нее съ замѣтною свѣтскостью и низко одернула вуалетку, вся дрожа.

III.

Почти совсѣмъ уже разсвѣло. Красные огоньки фонарей вдоль линій дачъ странно мѣшались съ свѣтомъ яснѣвшей зари.

— Что̀ такое случилось съ вашимъ кавалеромъ?—заговорилъ Измайловъ.

— Это... мой мужъ,—промолвила блондинка.

— Мужъ?!

Она подняла вуалетку и пристально посмотрѣла на Измайлова. Капли слезъ сверкали на ея длинныхъ, выгнутыхъ рѣсницахъ.

— Да, мужъ,—повторила она.—Вы не вѣрите?

— Я не имѣю причинъ сомнѣваться... За что арестовали его?

— Не знаю... Мы пришли чаю напиться, цыганъ послушать... Тотъ, высокій... понятія не имѣю, кто онъ такой... увидалъ мужа, полицію позвалъ... Ну, тутъ и началось... Вѣроятно, гдѣ-нибудь раньше по картамъ раздоръ у нихъ былъ... Онъ очень любитъ въ карты играть, мой мужъ... И потомъ, характеръ у него... вспыльчивый...

Они разговорились. Измайловъ назвалъ себя и пожелалъ узнать ея имя.

— Меня зовутъ... Adeline, а ее—Клара,—отвѣтила она, видимо, съ намѣреніемъ громко и обращая вниманіе подруги, шедшей впереди.

— Аделина. А по отчеству?

— Adeline... просто: Adeline—по-французски.

— Я знаю, что такъ по-французски. Но вы развѣ француженка?

— Pourquoi pas?

Ея заплаканные глаза улыбнулись. Она бойко и остроумно повела разговоръ по-французски. Измайловъ принялся болтать съ

нею, не замѣчая, какъ бѣжитъ время, и опомнился лишь тогда, когда Клара сидѣла уже на дрожкахъ повстрѣчавшагося извозчика, а Аделина протянула на прощанье крошечную бѣленькую ручку.

— Скажите же, какъ васъ зовутъ?—началъ снова Измайловъ.

— Adeline... Я вѣдь сказала.

— Допустимъ... Гдѣ вы живете?

— На что вамъ знать это? Видѣться мы не можемъ.

— Почему?

— Такъ...

— Но я очень желалъ бы увидѣться... Я прошу васъ...

Она задумалась, сдвинувъ серьезно брови, потомъ воскликнула, какъ бы повторяя привычное выраженіе:

— Нѣтъ... Ни за что!

Спустя минуту, она и Клара были уже далеко, покачиваясь на стоячихъ рессорахъ извозчичьихъ дрожекъ. Измайловъ постоялъ, подумалъ и пошелъ своею дорогой. Просыпавшійся Петербургъ уже оживалъ. Дворники поднимали метлами столбы сѣрой, тяжелой пыли, вспыхивавшей мѣстами въ несмѣлыхъ лучахъ солнца; тянулись на рынки чухонскіе возы, спѣшили кухарки съ корзинами въ рукахъ...

Дома—на Гороховой, въ собственной, небольшой, но элегантной квартиркѣ—Измайловъ прилегъ вздремнуть до поѣзда, что̀, однако, не удалось ему. Миловидное личико Аделины стояло передъ нимъ какъ живое. Что-то таинственно-завлекательное чудилось въ несомнѣнно вымышленномъ имени, въ странной близости къ какому-то буяну... Еще незнакомый съ тревогами любви, онъ какъ бы чувствовалъ приближеніе ихъ... Возможность знакомства представлялась теперь ему несомнѣнною, и онъ винилъ себя въ неумѣньи, мальчишествѣ...

IV.

Генералъ Петръ Дмитріевичъ Измайловъ — герой-севастополецъ и губернскій тузъ изъ просвѣщенныхъ — принадлежалъ къ такъ-называемымъ людямъ сороковыхъ годовъ, а въ губерніи примыкалъ къ кружку тѣхъ истинныхъ поборниковъ крестьянской реформы, которые считали 19-е февраля 1861 г. „благимъ начинаніемъ"... Просвѣщенною гуманностью отличался онъ и какъ

семьянинъ. Когда младшій сынъ его, Валентинъ (старшій, Борисъ, служилъ въ гвардіи), захотѣлъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска изъ корпуса, предпочесть военной карьерѣ изученіе естественныхъ наукъ, то генералъ не только не сталъ препятствовать сыну, но отнесся сочувственно къ его новымъ мыслямъ и обѣщалъ сдѣлать немедленно — какъ значилось въ отвѣтномъ письмѣ — „соотвѣтствующія распоряженія".

Распоряженія эти оказались весьма недурными: генералъ оставлялъ за сыномъ то же содержаніе, какое назначалось ему для полковой жизни; деньги, опредѣленныя на обмундировку и обзаведеніе въ полку, обращались на первоначальное устройство въ студенческомъ быту.

Замѣнивъ тѣсную военную куртку моднымъ бархатнымъ вестономъ, выпустивъ безбоязненно голландскіе воротнички, Валентинъ Петровичъ Измайловъ поселился въ Петербургѣ, устроивъ себѣ элегантную квартирку на Гороховой, и поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Красивый, цвѣтущій юноша, съ правильнымъ, породистымъ оваломъ смугловатаго лица, съ ласковыми синими глазами, прекрасно воспитанный въ семьѣ и богато одаренный отъ природы, онъ скоро сдѣлался баловнемъ великосвѣтскихъ друзей и знакомыхъ отца, любимымъ товарищемъ въ кружкѣ университетской аристократической молодежи. Онъ держалъ слугу, обѣдалъ у Донона, на лекціи отправлялся въ щегольской, хотя и наемной „эгоисткѣ", кутилъ, сводя ненадобную дружбу съ такими обломками пошатнувшейся старины, какъ Ахметьевъ, — но это была лишь неизбѣжная полоса переходнаго состоянія. Въ душѣ, какъ и вся тогдашняя молодежь, онъ фатально отдавался обаянію наступавшаго праздника на ея улицѣ... и только шелъ пріятнымъ путемъ къ той общей цѣли, къ которой пробирались по всякимъ терніямъ прочіе, обездоленные... Къ этой цѣли толкала и невидимая сила обстоятельствъ, нечувствительно пробуждавшая, какъ говорилось тогда, „критическое отношеніе" къ себѣ, къ окружающему, къ дѣйствительности вообще, заставлявшая отдаваться общему „идейному" настроенію... Завитой и напомаженный, одѣтый въ сюртукъ отъ Шармера, Измайловъ попадалъ на шумную университетскую сходку, на чреватую послѣдствіями „манифестацію"; послѣ пирушки у Бореля или Дюссо, являлся доканчивающимъ вечеръ за кружкою пива въ „Вольномъ-городѣ Любекѣ" на Васильевскомъ-Острову; изъ перваго ряда креселъ итальянской оперы оказывался на студенческомъ чтеніи гдѣ-нибудь на чердакѣ, на-

полненномъ до темноты дымомъ дешевыхъ папиросъ, набитомъ шумными, длинноволосыми „демократами“ всякаго званія...

V.

Съ первыхъ же дней пріѣзда въ родовое отцовское помѣстье, село Екатериновку — по бумагамъ, Кучукъ-Кайнарджи-тожъ, — Измайловъ замѣтилъ, что жизнь идетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ привыкъ онъ видѣть, появляясь прежде въ деревнѣ на время своихъ корпусныхъ каникулъ.

По справедливости считаясь однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій въ губерніи (средней полосы Россіи), Екатериновка славилась при этомъ своимъ барственнымъ благоустройствомъ — роскошною усадьбой, оранжереями, многодесятиннымъ планированнымъ паркомъ. Царившая въ губернскомъ домѣ Измайловыхъ атмосфера большого свѣта, съ туалетами, гостинными разговорами, выѣздами и пріемами, съ одѣваніемъ „къ столу“, переносилась и сюда, водворяя среди деревенской тиши широкій барственный декорумъ. Не то видѣлось теперь. На смѣну былому строю,—замѣчавшемуся лишь кое въ чемъ, какъ уступка неизбѣжности, — являлся новый строй хозяйственности, дѣла, хлопотъ... Отецъ, въ измятомъ кителѣ и высокихъ сапогахъ, успѣвшій загорѣть и совсѣмъ отстать отъ перчатокъ, смотрѣлъ бравымъ, веселымъ фермеромъ, возился со старостой, ѣздилъ на „бѣгункахъ“ въ поле, въ лѣсъ, толковалъ о вольнонаемномъ трудѣ, уставныхъ грамотахъ, разверстаніяхъ... Мать, Варвара Ивановна,—урожденная свѣтлѣйшая княжна,—принимала всѣхъ „за-просто“ въ гостиной съ чахлами на мебели и люстрахъ, сама завѣдывала птичьимъ и скотнымъ дворами... Вѣчно восторженная нѣмка Шарлота Карловна—бывшая пѣстунья и наставница генеральскихъ дѣтей, а потомъ неизмѣнная разливательница чаю, имѣла новый титулъ экономки и неустанно гремѣла ключами по дому... Даже сестры, уже невѣсты, Лена и Вава, не довольствовались обычнымъ французскимъ чтеніемъ да соревнованіемъ въ модныхъ фортепіанныхъ этюдахъ Черни, а занимались рукодѣльемъ, составленіемъ гербаріевъ...

Измайлову этотъ нежданный строй жизни пришелся совсѣмъ по душѣ. Онъ замѣнилъ всѣ свои шармеровскіе „сельскіе“ костюмы парусинною блузой и соломенной шляпой, отдался прогулкамъ, чтенію, сближенію съ природой, съ жизнью,—со всѣмъ тѣмъ, что чуть еще не вчера было такимъ чуждымъ, далекимъ,

не входившимъ даже въ соображенія... Онъ полюбилъ уединеніе, сталъ уходить въ непривычную, неудержимо закипавшую порою работу мыслей, начавшихъ бродить еще въ корпусѣ...

Лѣто мелькнуло незамѣтно.

Бесѣдуя предъ отъѣздомъ съ сыномъ и потягивая „жуковъ“ изъ „стамбулки“ съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, генералъ спросилъ:

— Ну, что? какъ? Надѣешься ты успѣшно продолжать ученіе?

— Да, папà, — отвѣтилъ Измайловъ. — Только я долженъ буду остаться вольнослушателемъ еще годъ на первомъ курсѣ, чтобъ приготовиться къ гимназическому экзамену и поступить студентомъ прямо на второй.

— Это ужъ твое дѣло... Разумѣется: скакать вольнослушателемъ съ курса на курсъ—пользы не много, какъ я понимаю... Сдай экзаменъ... А ты знаешь? Борисъ тоже твоихъ мыслей... письмо получилъ я... То-есть, не учиться, нѣтъ, теперь гдѣ ужъ ему... Но въ отставку выходитъ онъ, отдѣлить его проситъ... Служба, дѣйствительная служба отечеству—другое дѣло, къ ней всякій обязанъ... А жить вѣкъ сложа руки, въ ожиданіи войны,— нельзя сказать, чтобъ положеніе очень нормальное... Старое кончается, а въ новомъ столько дѣла... столько дѣла...

— Папà...—заговорилъ Измайловъ, вспыхивая и волнуясь.— Если ты будешь отдѣлять Бориса, то... отдѣляй его, не думая совершенно обо мнѣ...

— Что̀ это значитъ? — спросилъ генералъ, остановившись среди кабинета и пыхнувъ трубкой.—Твоя часть твоею и останется. Къ интересамъ Бориса это не можетъ имѣть никакого отношенія.

— Тогда...—уже совсѣмъ пылая, проговорилъ Измайловъ:— тогда пусть моя часть пойдетъ Ленѣ и Вавѣ...

Генералъ съ минуту не сводилъ глазъ съ сына. Умный, добрый взглядъ его тихо свѣтился подъ нависшими сѣдыми бровями, легкая усмѣшка чуть замѣтно трогала длинные нафабренные усы...

— Милый мальчикъ...—проговорилъ онъ потомъ:—я понимаю тебя... Но жизнь вся еще предъ тобою и добрымъ мыслямъ твоимъ найдется много примѣненій... А пока учись и не думай ни о чемъ...

— Но я не долженъ проживать твое, папà...

— Почему? Ты вправѣ. Ты и такъ проживаешь гораздо меньше, чѣмъ Борисъ.

— Борису поздно начинать новую жизнь. А я на иной дорогѣ... Я могу жить своимъ трудомъ...

— И это правильно... Но трудъ твой здѣсь же мнѣ надобенъ будетъ... А пока учись, повторяю я...

Генералъ нахмурился и продолжалъ:

— Великое дѣло совершилось, правда! Но оно не сдѣлано еще, начато только... Мы, дворяне, пожили, мы и поработать должны... поработать въ нашихъ же собственныхъ, грядущихъ интересахъ... Надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть этого... и... всѣ ослѣпли!.. Тормазить, глушить новое — масса лѣзетъ! Помочь ему, поработать ради него — единицы едва оказываются! Да и у этихъ, у единицъ, ни общаго плана, ни сознанныхъ цѣлей, ни единодушія не встрѣтишь!... Для общественной дѣятельности поле открылось, а ей-то и нѣтъ мѣста!.. Всюду силы надобны, а имъ входы и выходы запираются!.. Кто же осуществитъ великое? кто дастъ жизнь дарованному благому?.. Ну, да что объ этомъ! — заключилъ онъ вдругъ. — Увидишь все самъ потомъ. Учись, будешь помощникомъ мнѣ!

Генералъ поцѣловалъ сына въ лобъ и крѣпко, по-дружески, пожалъ ему руку.

VI.

Въ окна элегантной квартирки Измайлова на Гороховой смотрѣло сѣренькое, нерѣшительное сентябрьское утро и освѣщало въ ней самый непоэтическій безпорядокъ: литографированныя тетрадки лекцій, книги, платье — валялись гдѣ и какъ попало; паркетъ былъ затоптанъ; нестертая пыль, разсыпанный на столѣ табакъ—показывали, что о чистотѣ забыли и думать...

Измайловъ, съ засученными рукавами ночной рубашки, въ накинутомъ на плечи халатѣ, расхаживалъ по комнатѣ, въ ожиданіи, пока слуга вычиститъ и подастъ ему платье. Слуга хлопалъ гдѣ-то дверцами шкафовъ, стучалъ немилосердно каблуками, а платья не приносилъ.

Стукъ каблуковъ раздался въ сосѣдней комнатѣ. Измайловъ остановился, ожидая, что слуга вотъ-вотъ войдетъ, но каблуки застучали обратно.

— Капитонъ!—крикнулъ Измайловъ.

Слуга не удостоилъ барина даже отвѣтомъ.

Измайловъ присѣлъ къ столу и углубился въ перечитываніе письма, оконченнаго имъ въ это утро.

Письмо—занимавшее цѣлый десятокъ мелко исписанныхъ

листковъ—назначалось отцу и было слѣдствіемъ завершившагося въ Измайловѣ его внутренняго броженія.

Возвратившись въ Петербургъ и сдѣлавъ по порученію отца нѣсколько визитовъ, онъ совершенно отдалился отъ всякихъ свѣтскихъ связей и удовольствій. Къ этому, и товарищескій кружокъ распшатывался самъ собою. Душа всякихъ затѣй, умный, беззаботный князь В* вернулся съ отцовскимъ нагоняемъ за оказавшіеся долги и игралъ роль смиренника; Ахметьевъ былъ заграницей; морякъ Кравцовъ—человѣкъ безъ средствъ, но хорошо принятый въ „гостиныхъ", бывшій на дорогѣ къ „завидной" партіи съ перезрѣвшею дочкой вліятельнаго вдовца, какъ-то странно перемѣнилъ роль, влюбившись въ гувернантку, и исчезъ совсѣмъ съ горизонта. Измайловъ принялся за работу, сближаясь со всѣмъ истинно-студенческимъ, и рѣшилъ объясниться съ отцомъ. Начатое съ этою цѣлью письмо увлекло его дальше намѣченнаго и разрослось въ цѣлый трактатъ... Строгій критикъ, пожалуй, отмѣтилъ бы въ этомъ трактатѣ нѣкоторую поспѣшность взглядовъ, назвалъ бы автора юнцомъ, оптимистомъ, но при всемъ этомъ не отказалъ бы ему ни въ чистотѣ помысловъ, ни въ искренности... Измайловъ разсуждалъ о цивилизующемъ значеніи труда, о принципахъ и убѣжденіяхъ, объ исторически сложившемся, незавидномъ положеніи русской женщины; проводилъ идею—что взрослый, здоровый человѣкъ обязанъ работать, думать самъ о себѣ. Затѣмъ онъ объявлялъ, что „долгъ гражданина и совѣсть" обязываютъ его уступить сестрамъ всѣ права на родительское достояніе и отказаться отъ всякаго, даже временнаго пользованія родительскими деньгами.

— „Поступить иначе, значило бы поступить нечестно!" — стояло въ заключеніи.

Изъ этого рѣшенія уже само собою вытекало и другое—измѣнить весь образъ жизни, разстаться съ элегантною квартиркой и... лишить теплаго мѣста слугу, Капитона... Измайловъ именно такъ и рѣшилъ, хотя и не зналъ еще, когда перейдетъ въ этомъ рѣшеніи отъ теоріи къ практикѣ, но Капитонъ—рыжій, косоглазый франтъ, говорившій въ носъ и самымъ отборнымъ слогомъ,—уже чутьемъ проникалъ въ мысли барина и выказывалъ признаки самаго горькаго отчаянія: глядѣлъ сумрачно и неодобрительно, забросилъ совершенно квартирку, приказанія пропускалъ мимо ушей и посягалъ чуть не открыто на барскіе галстухи, перчатки, духи...

Въ такомъ настроеніи находился онъ и въ это утро.

— Капитонъ! Капито-о-нъ! — снова крикнулъ Измайловъ, перечитавъ и запечатавъ письмо.

— Слышу-съ!—раздалось изъ-за двери.

— Давайте же платье, или я такъ, какъ есть, уйду въ университетъ!

— Платье—вотъ-съ! — обидчиво заявилъ показавшійся Капитонъ.

Измайловъ сталъ одѣваться торопливо. Капитонъ, не успѣвая услуживать и дѣлая видъ, что помогаетъ, тыкалъ руками въ воздухѣ.

— Па-азвольте-съ мнѣ со двора сегодня,—проговорилъ онъ унылымъ голосомъ, когда Измайловъ одѣлся.

— Позволяю. Но и вы мнѣ ключъ отъ двери позвольте.

Пропадая обыкновенно до ночи, Капитонъ уже не разъ заставлялъ барина дежурить у дверей.

— Ключъ даже совершенно при васъ ежедневно-съ!—возразилъ онъ.

— Цицеронъ вы, какъ есть! А ключъ все-таки при васъ, а не при мнѣ,—вздохнулъ Измайловъ, стоя предъ зеркаломъ.

Капитонъ отыскалъ и принесъ ключъ.

— Касательно, если не въ экипажѣ отправитесь, такъ калоши извольте надѣть-съ,—посовѣтовалъ онъ.

— А что̀? дождь?—глянулъ Измайловъ въ верхушку окна на виднѣвшійся между крышъ сѣроватый клочокъ нѣба.

— Надобно быть въ надеждѣ-съ.

Измайловъ поблагодарилъ его, сдѣлавъ ручкой, захватилъ портфѣль, письмо и бросился чуть не бѣгомъ изъ комнаты.

VII.

Когда кончились лекціи и Измайловъ спустился въ университетскія сѣни, обращавшіяся въ это время какъ бы въ клубную залу, тамъ шелъ уже полный разгаръ. Передъ рамой съ объявленіями за проволочною сѣткой, въ амбразурахъ оконъ—всюду толпилась шумными кучками молодежь; на самой дорогѣ тощій, косматый юноша держалъ за пуговицу дилеттанта съ модными, высоко торчавшими воротничками и кричалъ:—„Постигайте... вдумывайтесь, пока голова лопнетъ!“... Въ дальнемъ, полутемномъ углу шли совсѣмъ настоящіе дебаты.

— ...Беззавѣтное стремленіе къ идеалу, нравственная чистота, служеніе правдѣ,—значитъ, не больше, какъ побрякушки,

которыми ничего не стоитъ и поступиться при случаѣ?..—доносился звонкій молодой голосъ оратора, покрываемый одобрительнымъ гуломъ.—Значитъ, примѣры самоотверженности, доблести, гражданскаго мужества—ничто въ исторіи цивилизаціи, а человѣчество воспитываютъ лишь печатные листы òргановъ, готовыхъ при томъ на всякіе компромиссы?.. Общественный дѣятель, выходитъ, долженъ извиваться на подобіе ужа, а не смѣло и благородно возвышать свой голосъ?.. Это—ложь, тѣмъ болѣе вредная, чѣмъ меньше данное общество богато сознательною моралью!..

Измайловъ втиснулся въ обступавшій оратора кружокъ молодежи.

Ораторствовалъ естественникъ второго курса, Мерцаловъ,—бѣдно одѣтый, худощавый, высокаго роста юноша, съ длинными бѣлокурыми волосами, съ маленькимъ краснымъ ротикомъ и въ очкахъ, съѣхавшихъ на самый кончикъ его тонкаго, горбатаго носа. Измайлову онъ былъ извѣстенъ еще по первому курсу, какъ оригиналъ, любившій забираться въ аудиторію чуть не одновременно со сторожами, занимавшій неизмѣнно одно и то же мѣсто на передней скамьѣ и до того погружавшійся въ слушаніе и записываніе лекцій, что его требовалось приводить въ себя, какъ соннаго, прежде чѣмъ заговорить съ нимъ. Вообще молчаливый, застѣнчивый въ обращеніи даже съ товарищами, онъ былъ теперь неузнаваемъ: глаза у него горѣли, слова такъ и лились, а въ осанкѣ видѣлось что-то боевое, властительное.

Дебаты породила послѣдняя статья одного литератора, имѣвшаго большую извѣстность среди молодежи. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что литераторъ, за прекращеніемъ òргана его партіи, примкнулъ къ числу сотрудниковъ другого, несовсѣмъ одинаковаго по направленію,—„пошелъ на компромиссъ",—что отразилось и на статьѣ.

— Повидимому, оно такъ и должно быть, какъ мыслитъ почтеннѣйшій collega,—раздался басъ вожака самаго радикальнаго кружка—кряжистаго и волосатаго студента, говорившаго съ семинарскимъ удареніемъ на *о*,—но именно *повидимому*, не больше.—Перемѣстимъ вопросъ изъ области отвлеченныхъ нравственныхъ принциповъ на практическую почву общественной дѣятельности, и предъ нами все окрасится по иному! Тогда выйдетъ, что литератору, какъ дѣятелю общественному, надлежитъ отнюдь не щепетильничать по части всякихъ нравственныхъ отвлеченностей, а идти къ цѣли—имѣть свой òрганъ, чтобы вліять, при его посредствѣ, на общество... Въ данномъ случаѣ, ожидающаяся отъ литератора польза для общества покроетъ съ

избыткомъ все, что ни потерпѣла бы нравственность отъ вынужденнаго обстоятельствами компромисса...

— Компромиссы—покатая плоскость! — крикнула дѣвушка въ синихъ очкахъ, крутившая нервно въ рукахъ свернутую въ трубочку тетрадку.

— Разумѣется, покатая плоскость!—поддержалъ ее Мерцаловъ, откинувъ судорожнымъ движеніемъ волосы за ухо.—Каждый компромиссъ, ради какихъ бы благихъ цѣлей ни совершался онъ, сулитъ общественному дѣятелю не силу и успѣхъ, а нравственную приниженность и паденіе... Въ рукахъ такого дѣятеля всякій органъ неизбѣжно выродится въ макулатуру, а самъ онъ—въ хамелеона съ писательскимъ зудомъ!..

Измайловъ тоже вставилъ слово въ защиту мнѣнія Мерцалова. Споръ сдѣлался общимъ. Отъ литературныхъ „компромиссовъ" спорившіе перескочили къ вопросу „о нравственности вообще", потомъ къ „независимости генія отъ морали" и очутились, наконецъ, предъ задачей: „Въ совершенствованіи ли личности или въ учрежденіяхъ лежатъ успѣхи прогресса"?.. Кончилось тѣмъ, что для чтенія и обсужденія „инкриминированной" статьи назначили сходку въ квартирѣ одного учителя гимназіи —въ то же время литератора.

— Вѣдь вы придете? вы поддержите насъ?—умоляюще кинулась къ Мерцалову дѣвушка въ синихъ очкахъ.

— Безпре́мѣнно! какъ говаривали у насъ въ бурсѣ,—отвѣтилъ тотъ, потрясая ей руку.

— А теперь вы куда? - спросилъ его Измайловъ.

— Да никуда, собственно.

— Пойдемте ко мнѣ.

Мерцаловъ, еще ни разу не бывшій у Измайлова и вообще относившійся индифферентно къ толкавшимся въ аудиторіяхъ всякимъ „баричамъ", надвинулъ очки на горбинку носа, глянулъ пристально на приглашавшаго и крякнулъ.

Измайловъ, сжегшій свои корабли отправкой письма къ отцу, былъ переполненъ радостнымъ внутреннимъ волненіемъ. Въ волненіи этомъ не было при томъ же ничего эгоистическаго и радость не была личною. Онъ радовался „во имя идеи", во имя того общаго, служить которому, жертвовать, считалось не больше какъ нравственнымъ долгомъ,—и подъ вліяніемъ этой радости ему хотѣлось быть на людяхъ, двигаться, говорить, весь міръ обнимать...

— Пойдемте!—повторилъ онъ.—Я живу совершенно одинъ. Посидимъ, побесѣдуемъ по-товарищески.

Онъ взялъ Мерцалова подъ руку и мягко потянулъ за собой. Тотъ крякнулъ еще разъ, но уступилъ.

— И о чемъ бы, казалось, спорить тутъ?—заговорилъ Измайловъ, возвращаясь къ предмету дебатовъ.—Оставляя уже въ сторонѣ деморализующее вліяніе компромиссовъ, всякій дѣятель обязанъ вообще быть стойкимъ, непоколебимымъ... Гдѣ, какъ не въ своей собственной нравственной чистотѣ и безупречности, найдетъ онъ силу владѣть умами, трогать сердца?.. На обстоятельства ссылаются... Въ чемъ же смыслъ какой бы то ни было дѣятельности, какъ не въ упорномъ преслѣдованіи цѣли, вопреки всякимъ противодѣйствующимъ обстоятельствамъ?..

— Кружковцы эти шутятъ!—хмурясь, отозвался Мерцаловъ.—Вопросы не сами по себѣ, не всецѣло, интересуютъ ихъ, а лишь постольку, поскольку пригодными для ихъ цѣлей являются... Дѣятель, по ихнему, непремѣнно долженъ быть самъ Лойола или Макіавелли... шагу не ступить безъ конспираціи... Конспираторъ—одно, ему свое время и мѣсто, онъ исключительностью порождается; а общественный дѣятель—другое: онъ—устой, образецъ прочимъ... въ немъ не конспираторскую ловкость, а искренность и благородство подай!..

Высказавъ это нешуточное требованіе, Мерцаловъ насупился, сложилъ руки плотно въ рукавахъ, прижалъ подъ мышкой толстую, суковатую палку, и не раскрывалъ своего маленькаго ротика вплоть до самой квартиры Измайлова.

VIII.

Очутившись въ передней и опустивъ, по примѣру хозяина, палку свою въ рѣзную дубовую этажерку, Мерцаловъ поправилъ очки, оглядѣлся и проговорилъ:

— По-барски живете, не то что нашъ братъ! По-барски живете!—повторилъ онъ, вступивъ въ высокую, про́сторную комнату, составлявшую кабинетъ и гостиную.

— Не закусить ли намъ? какъ вы думаете? — сказалъ Измайловъ.

Мерцаловъ почесалъ за ухомъ и отвѣтилъ:

— Гм! Это не вредно!

Пока Измайловъ, за отсутствіемъ слуги, перетаскивалъ въ кабинетъ все, что̀ попадалось подъ руку въ буфетѣ,—коробку съ остатками сардинокъ, сыръ, кусокъ засохшей паюсной икры,—Мерцаловъ, осторожно ступая по паркету, разглядывалъ шкафы

съ книгами, гравюры на стѣнахъ. Послѣ жалкихъ нумерныхъ чуланчиковъ, комната казалась ему неимовѣрно огромной, обстановка—безумно-роскошной. Присѣвъ на корточки предъ разбросанными на полу у письменнаго стола дорогими нѣмецкими пособіями, онъ жадно, съ внутреннимъ трепетомъ, принялся перелистывать книгу за книгой, и хозяину не безъ труда удалось оторвать его отъ этого занятія и привлечь къ предиванному столу, на которомъ помѣщалась закуска.

— Да, по-барски живете!—снова повторилъ онъ, остановившись предъ Измайловымъ и чокаясь съ нимъ рюмкой водки.

Мысль эта, казалось, засѣла гвоздемъ у него въ головѣ. Измайлову, при его настроеніи, послышался даже какъ бы упрекъ.

— Вѣрнѣе сказать, *жилъ*,—возразилъ онъ. — Не нынче, завтра, все это упразднится, и я переберусь поближе къ университету... въ нумера...

— Что̀ такъ?—вымолвилъ, потупивъ глаза, Мерцаловъ. И въ головѣ у него мелькнуло: „Профарфорился паренёкъ!"

— Какъ вамъ сказать?—заговорилъ Измайловъ, съ подступившимъ волненіемъ.—Отецъ высылаетъ мнѣ достаточно денегъ... онъ даже настаиваетъ, чтобъ я пользовался удобствами... Но мнѣ кажется, что разъ человѣкъ хочетъ учиться, приспосабливаться къ жизни, то барствовать при этомъ—лишнее... Да и обязываться не слѣдуетъ, когда есть голова и руки...

Мерцаловъ воззрился, пощипывая свою жиденькую бородку. Измайловъ подвинулъ ему кресло и продолжалъ, усаживаясь около:

— Кромѣ того, у меня сестры... Онѣ выросли въ роскоши, внѣ нормальныхъ условій... Положеніе же русской женщины, какъ вамъ извѣстно, оставляетъ желать многаго... Даже при наслѣдствѣ дочь получаетъ какую-то тамъ 14-ую часть... Словомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что обязанъ самъ пробивать себѣ дорогу, обязанъ трудиться...

Онъ умолкъ и налилъ рюмки. Мерцаловъ, горбясь въ стильномъ бархатномъ креслѣ, откинулъ волосы за ухо и весь переродился. При другихъ обстоятельствахъ, въ своемъ кружкѣ, у него вырвалось бы что-нибудь „забористое" въ знакъ одобренія, герой получилъ бы по спинѣ... Теперь онъ молча перевелъ свои блестѣвшіе глаза съ хозяина на поднос и съ азартомъ опрокинулъ въ ротъ рюмку.

— Брр!—мотнулъ онъ головой, морщась и нюхая кусочекъ чернаго хлѣба.

— На какой, приблизительно, minimum можетъ существовать студентъ?—спросилъ Измайловъ.

— Тутъ дѣло не въ томъ!—воскликнулъ, оживляясь, Мерцаловъ.—Я всего съ тремя рублями въ карманѣ явился въ Питеръ и ни гроша изъ дому не получаю, а вотъ существую!— При этомъ онъ распахнулъ для чего-то борты своего истрепаннаго пиджачка, взявшись за нихъ кончиками пальцевъ, и клюнулъ носомъ по направленію къ бѣлой когда-то жилеткѣ.—Важно, чтобъ человѣкъ сжаться умѣлъ, сократить себя... а ужъ тамъ все само собою пойдетъ: то урокъ, то работишка набѣжатъ, то какъ-нибудь извернешься... Въ колею втереться—вотъ что̀ важно!.. Вы все вольнослушатель?

— Да, и опять на первомъ курсѣ.

— Отчего же не на второмъ?

— Не усвоилъ многаго... Ко второму я надѣюсь за-одно и курсовой, и вступительный экзаменъ сдать.

— Вотъ то-то и есть! Дѣла по горло будетъ у васъ, а тутъ еще себя содержи! Не выстоите, пожалуй, безъ отцовской-то мошны.

— Тогда я предпочту оставить университетъ!—задорно отвѣтилъ Измайловъ.—Знаніе—все для человѣка, но оно можетъ быть доступно и безъ опекуновъ!

— Фразой отзывается это!—не стѣсняясь, возразилъ Мерцаловъ.—Знаніе знаніемъ, а еще требуется, чтобъ оно удостовѣрено было.

— Дипломировано, то-есть?

— Ну, да.

— Для чего это? для какой надобности? Васъ лично развѣ дипломъ интересуетъ?

— Я скажу:—*и* дипломъ!

— Но почему?

— Потому, что ради однихъ знаній, доступныхъ желающему даже и въ нашей поволжской глуши, я не поперъ бы пѣхтурой за семь верстъ киселя хлебать! Потому что ужъ если работать надъ пріобрѣтеніемъ знаній, то и получать ихъ въ удобной къ обращенію формѣ. А эта форма—дипломъ!

— Для чего нужна форма? почему она—именно дипломъ?— заспорилъ Измайловъ.—Знанія сами по себѣ—польза и нравственное удовлетвореніе...

— Нѣтъ, постойте!—перебилъ Мерцаловъ, наливъ кстати рюмки себѣ и хозяину.—„Эт-та матерія сложная“, какъ говаривалъ у насъ преподаватель философской пропедевтики! Начиниться знаніями до самой макушки и самоуслаждаться этимъ, лежа на боку, или пресерьезно корпѣть надъ изученіемъ, поло-

жимъ, процесса дыханія у муравья,—никто никому, разумѣется, не препятствуетъ!.. Не отъ стремленія же къ такой благодати прыгаетъ въ васъ сердце теперь и кровь бушуетъ! Истинное знаніе, истинная научная мысль всегда бываютъ связаны неразрывно съ фактомъ, съ жизнью... Истинно знающій человѣкъ—будь то хоть самъ Дарвинъ или Карлъ Фогтъ—не автоматъ, глотающій книжную пыль: онъ *живетъ*, дѣйствуетъ... Цѣль всѣхъ его знаній — не украшать его особу, а способствовать людямъ въ одолѣніи трудностей на землѣ, вносить свѣтъ въ темныя стороны дѣйствительности... А тутъ-то какъ разъ и громоздятся всякія преткновенія... тутъ-то и нельзя обойтись безъ оформленія знаній, безъ диплома, сирѣчь!..

— Я не говорю, чтобъ обладающій знаніями оставался равнодушнымъ къ интересамъ жизни...—вставилъ Измайловъ.

— Тогда считайтесь съ фактическою силой, заручайтесь правами!—крикнулъ Мерцаловъ.

Онъ отодвинулъ предъ собою рюмки на подносѣ, потомъ подносъ, наконецъ—самый столъ, и вскочилъ.

Начался споръ—шумный, кипучій, поспѣшный—какъ будто „вопросы", ради которыхъ сцѣпились товарищи, были уже тутъ, за дверьми, и ждали рѣшенія своей участи...

IX.

Пока гость и хозяинъ спорятъ, мы познакомимся поближе съ Мерцаловымъ.

Бурсакъ, сынъ бѣднаго священника, коротавшаго свой вѣкъ въ небольшомъ поволжскомъ сельцѣ, наполовину притомъ раскольничьемъ, Михаилъ Григорьевичъ (или Григорьевъ, какъ рекомендовалъ онъ самъ себя) Мерцаловъ принадлежалъ къ числу той, сразу объявившейся молодежи шестидесятыхъ годовъ, которая, точно стаи сельдей въ морѣ, зачуявшія весну, поднялась изъ темной, холодной глубины провинцій и двинулась въ центры—ближе къ свѣту и теплу... При недюжинномъ умѣ и чисто семинарской усидчивости, Мерцаловъ отличался еще способностью схватывать все быстро и легко—точно знанія не получались имъ извнѣ, а лишь оживали въ его головѣ, давно готовыя, ждавшія только толчка.

Семинарію окончилъ онъ блестяще, съ правомъ поступленія въ академію, но, „по совѣсти", счелъ себя непригоднымъ для духовнаго званія. Раздумывая, куда дѣться и валяясь зиму на

отцовской печи, онъ „выдолбилъ“ французскій и нѣмецкій языки, отчасти и англійскій, „проглотилъ“ не мало изъ чистой математики. Перебравшись въ губернскій городъ, съ ближайшею цѣлью—„ослобонить отцовскую шею“,—онъ весь ушелъ въ химію, въ свѣтскую литературу, философскую и политическую премудрость, причемъ, за право читать даромъ книги, „ставилъ на ноги“ библіотеку, открытую дамой „изъ пробуждавшихся“. Нужда, неизвѣданные до этого житейскій опытъ и треволненія (кое-что изъ нихъ увидится потомъ) помяли его и тоже немалому научили. Распростившись съ родными краями, онъ „двинулъ пѣхтурой“ вверхъ по Волгѣ и попалъ въ студенты земледѣльческой академіи, изъ которой, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, „съ трескомъ“ вышелъ, объяснивъ въ просьбѣ объ увольненіи, что не видитъ ничего поучительнаго ни въ умѣньи откормить до неподвижности заморскую свинью на вольныя казенныя деньги, ни въ искусствѣ взростить яйцеподобную клубнику или буйные хлѣба на саженномъ клочкѣ земли, упитанномъ драгоцѣнными суперъ-фосфатами, обработанномъ при помощи лошадей арденской породы и англійскихъ орудій...

Дальнѣйшія мытарства привели его въ Петербургъ, гдѣ и осѣлся онъ на естественномъ факультетѣ университета въ тотъ самый годъ, когда появился тамъ и Измайловъ. Даровитый и прилежный студентъ, но въ то же время неугомонный ораторъ и коноводъ на сходкахъ, онъ скоро сталъ гордостью профессоровъ и бѣльмомъ на глазу университетскаго начальства... Въ житейскую студенческую колею вправился онъ до совершенства, сжиматься, сокращать себя умѣлъ не хуже истаго подвижника и былъ выносливъ физически какъ кошка.

X.

Спустились уже сумерки.

Товарищи, наспорившись до-сыта, сидѣли за самоваромъ. Предъ ними была отыскавшаяся въ запасахъ хозяина бутылка рому, пускавшая завлекательный запахъ на всю комнату. Капитонъ и не думалъ возвращаться. Измайловъ принялся-было самъ ставить самоваръ, но только набилъ „до непродуваемости“ середку всякимъ горючимъ матеріаломъ, и принужденъ былъ уступить мѣсто Мерцалову. Тотъ поддернулъ рукава своего пиджачка и мигомъ оборудовалъ дѣло,—даже кусочекъ сахару бросилъ въ трубу,—„чтобъ не смрадило“.

Бесѣда шла объ ожидавшей Измайлова перемѣнѣ.

— Первое время, пока не раздѣлаюсь со вступительнымъ экзаменомъ, на заработокъ, разумѣется, досуга хватать не будетъ,— говорилъ онъ, — зато отъ обстановки кое-что выручится. А потомъ стану уроки давать...

— Разумѣется!—отозвался Мерцаловъ, дувшій въ стаканъ съ пуншемъ и поднимавшій въ немъ цѣлую бурю.—Только уроковъ-то этихъ ищешь всегда точно лягашъ бекасовъ въ пригородномъ болотѣ—языкъ высунешь, прежде чѣмъ стойку придется сдѣлать...

— На многое я и не разсчитываю,—согласился Измайловъ.— Но все-таки... Сколько, приблизительно, платятъ за урокъ?

— Рубль на кругъ надо считать.

— За часъ времени?

— Да.

— Рубль,—повторилъ Измайловъ и сталъ выводить цифры на подносѣ мокрою ложечкой.—Уроковъ пять-шесть... да если навернется въ пажи или въ юнкерскую подготовить...

— Ха-ха-ха!—залился Мерцаловъ и даже поперхнулся пуншемъ.

— А чтò?—глянулъ на него Измайловъ.

— Да то, что вы, ни дать, ни взять, Наталья Князева...

— Чтò съ вами? Какая Наталья?

— Бывшая ученица моя въ нашемъ городѣ... какъ вы же— „бѣлая кость". Она тоже, по расовому свойству, любила щипать курицу, не поймавши ея...

— Ну... пятьдесятъ... сорокъ рублей въ мѣсяцъ, отдавая все свободное время? Въ провинціи учителя деньги наживаютъ уроками...

— Какъ есть Наталья Князева!— прихлопнулъ Мерцаловъ ладонью по столу.—Вотъ чтò значитъ порода-то!—„Сколько, Мерцаловъ, могу я своимъ трудомъ заработать?"—Грошъ!—„Всѣ работою деньги наживаютъ, а мнѣ грошъ? Фи, противный!"— И губки свои пурпуровыя надуетъ... Урокъ-другой посчастливится заполучить—уставился онъ на Измайлова,—такъ и за то пудовую свѣчу Миколѣ милосливому ставьте! Вѣдь насъ здѣсь словно нерѣзаныхъ собакъ!

— Ну, а какъ же вы... прочіе студенты?.. Имѣете же уроки?

— Говорю: въ колею вправьтесь! Тамъ все обозначится... А пока, дай вамъ Аллахъ пять уроковъ въ день и всегда такой забористый ромъ къ чаю!

— Почему вы объ этой Натальѣ заговорили?

— Сравненіе подходящее...

— Кто она такая?

— Боярышня губернская... Какъ вы же, вотъ, къ свѣту рвалась, своимъ трудомъ жить хотѣла... Огонь-голова! Въ минуту осмыслитъ все, вспыхнетъ какъ фейерверкъ... Только думать, углубляться не заставляйте ее... Послѣднее-то, впрочемъ, скорѣе наносное было, воспитаніемъ привитое... Выправить, заинтересовать ее удалось бы, пожалуй...

Онъ двинулъ передъ собою подносъ, прищелкнулъ почему-то пальцами и потянулся со стаканомъ къ Измайлову.

— Будемъ здоровы!

— Знаете что̀, Мерцаловъ?—сказалъ тотъ, заглядывая ему въ глаза.—Вы влюблены въ эту ученицу. А? Признайтесь!

Мерцаловъ съёжился въ креслѣ, поправилъ конфузливо очки и засмѣялся.

— Куда намъ!—махнулъ онъ рукой.—Для васъ, вотъ, она пара была бы. Все-же, сдается, вы и ходокъ по этой части... Ха, ха, ха!

— Представьте: даже и не влюблялся ни разу!—со всею искренностью признался Измайловъ.

— Ну!

— Честное слово! Впрочемъ, было разъ... но чисто-платоническое... — поправился онъ, вспоминая встрѣчу съ Аделиной.

— Соблюли себя, значитъ? А то вѣдь „бѣлая кость“ любитъ пожить!

— Мнѣ не случилось.

— Въ такомъ разѣ, за будущія побѣды!—поднялъ стаканъ Мерцаловъ.

— Пить такъ пить!—воскликнулъ Измайловъ.—Мы студенты, чортъ возьми! Выпьемъ Bruderschaft!

— Bene!—отвѣтилъ Мерцаловъ, размахнувшись и хлопнувъ по рукѣ Измайлова.

Было за полночь. Новые друзья прощались въ передней.

Уравновѣсивъ какимъ-то непонятнымъ образомъ на макушкѣ и съ наклономъ къ одному уху свой тонкій, лоснившійся блинъ, слывшій подъ именемъ фуражки (надѣвать его едва-ли имѣлась возможность: онъ былъ и малъ, и недостаточно глубокъ), Мерцаловъ тянулъ хозяйскую „турецкую“ папиросу, выпуская дымъ носомъ, и расхваливалъ для Измайлова свои нумера въ 12-й линіи Васильевскаго Острова, прибавляя при каждомъ словѣ, что хозяйка—„предобрѣйшая колбаса“! Измайловъ готовъ былъ

если не переѣхать тотчасъ же, то, по крайней мѣрѣ, условиться съ этой хозяйкой, и смущался позднимъ часомъ...

— Миша, слушай! — рѣшилъ онъ, стискивая чуть не въ сотый разъ руку товарища. — Посмотримъ завтра нумеръ и... конецъ! Я не хочу больше медлить!

— Э, чортъ!.. Молодецъ, дурья ты голова! — похвалилъ Мерцаловъ. — Ффа! душистый какой! — воскликнулъ онъ, обнимая друга отъ избытка чувствъ и ероша ему голову.

Проводивъ гостя, Измайловъ добрался до постели, полный волнующихъ радостныхъ грёзъ наяву, и долго не могъ заснуть, несмотря на выпитое. Голова у него горѣла; все существо его рвалось, стремилось куда-то, за плечами точно крылья росли... Передъ утромъ его пробудилъ грохотъ за стѣною. Онъ испуганно вскинулъ отяжелѣвшую голову, но скоро сообразилъ, что это возвратившiйся по черной лѣстницѣ Капитонъ одолѣваетъ пространство отъ двери до кровати, на которую, по обыкновенiю, и долженъ повалиться. Донесшiйся характерный глухой шумъ возвѣстилъ, что Капитонъ дѣйствительно повалился.

Измайловъ перевернулся на другой бокъ и погрузился въ сладкiй предразсвѣтный сонъ.

XI.

— Ну и ромъ у тебя: огонь чистый! До сего часу въ башку бьетъ! — говорилъ наутро Мерцаловъ, держа подъ-руку Измайлова и укрываясь подъ его шолковымъ зонтикомъ отъ моросившаго дождичка.

Вѣрные уговору, они, прямо изъ университета, пробирались въ 12-ую линiю Острова, осматривать нумера. Покручивая подъ зонтикомъ головой и какъ бы освобождаясь этимъ отъ стоявшаго все еще въ ней пуншевого тумана, Мерцаловъ сталъ посвящать Измайлова въ порядки нумеровъ, толковать о какихъ-то непонятныхъ ему льготахъ для жильцовъ—вродѣ права имѣть не изъ нумернаго буфета булку къ чаю, колбасу на обѣдъ, принимать у себя „гостью"... Предъ высокимъ и нескладнымъ домомъ въ 12-й линiи онъ вынырнулъ изъ-подъ зонтика и принялся шмыгать своими намокшими, растоптанными сапогами по скобѣ у входа, причемъ они выжимались точно губка. Послѣ этого онъ бросился на крутую, узкую и темную лѣстницу, рекомендуя едва поспѣвавшему за нимъ товарищу держаться крѣпче,—что̀ было далеко не лишнее при кривыхъ, вытоптанныхъ ступенькахъ.

На площадкѣ пятаго этажа, въ которомъ помѣщались нумера, Мерцаловъ остановился, подпираясь въ бокъ палкой, и произнесъ значительно:

— Картина!

Это относилось къ виднѣвшемуся изъ окна широкому сѣрому пространству, гдѣ отдаленная свинцовая черта обозначала взморье.

Измайловъ полюбовался картиной, пользуясь въ то же время случаемъ перевести духъ, и вступилъ вслѣдъ за товарищемъ въ низенькій, освѣщенный лампами корридоръ. Здѣсь встрѣтила ихъ хозяйка, Анна Ивановна Шульцъ, — малорослая, шарообразная дама, со сложенными на желудкѣ руками, походившими на пару огромныхъ сосисекъ.

Свѣтская выправка, модный костюмъ Измайлова, а главное его отличная нѣмецкая рѣчь, произвели на Анну Ивановну истинно подавляющее впечатлѣніе. Она мысленно отнесла его къ особой, высшей породѣ „жильцовъ“, образъ которыхъ — достаточно, впрочемъ, смутный — любило рисовать ея спеціально-настроенное воображеніе, и поплыла впереди, вспыхивая конфузливымъ румянцемъ и распахивая двери немногихъ свободныхъ нумеровъ.

— У, какой онъ богатый! — шепнула она украдкой Мерцалову.

Выбранъ былъ небольшой, но довольно свѣтлый нумерокъ, ближайшій къ комнатѣ Мерцалова. Узнавъ, что цѣна за него въ мѣсяцъ, съ самоваромъ, отопленіемъ и прислугой—десять рублей, Измайловъ чуть не расхохотался и тутъ же вручилъ въ задатокъ пятирублевую бумажку.

— Теперь пойдемъ, ради визиту, въ мое „логово“,—сказалъ Мерцаловъ.

„Логово“,—говоря правду, стоившее такого названія далеко не въ шутку,—состояло изъ крохотной каморки, половину которой занимала желѣзная кровать; стульевъ оказывалось всего два, причемъ одинъ былъ съ прорваннымъ сидѣньемъ и на немъ покоились большія зимнія калоши. Повернуться, правда, было гдѣ, но простирать визитъ дальше этого не представлялось возможности. Задачу разрѣшилъ Мерцаловъ: онъ нашелъ, что съ Измайлова слѣдуетъ взять „литки“, въ виду благополучнаго окончанія дѣла, и предложилъ ему „добѣжать“ до „Города Любека“...

Довольная удачей, Анна Ивановна постояла у перилъ, слѣдя, какъ мелькаетъ на поворотахъ высокая шляпа новаго жильца, затѣмъ перешла къ окну, отдаваясь пріятному созерцательному

настроенію, и устремила взглядъ въ вышину, гдѣ косматыя разорванныя тучи неслись, давя и перегоняя другъ дружку,— точно торопясь поспѣть куда-то далеко-далеко...

XII.

Распинаясь за порядки нумеровъ и „предобрѣйшую колбасу"—Анну Ивановну, Мерцаловъ отнюдь не отдавался пылкости воображенія или обычному людскому влеченію хвалить свое.

Нумера Анны Ивановны Шульцъ, даже при тогдашнемъ, господствовавшемъ типѣ, были выдающимся образчикомъ „студенческихъ" нумеровъ, гдѣ все, на почвѣ своихъ порядковъ и особенностей, дѣлало изъ жильцовъ семью, а изъ хозяйки—заботливую мать.

Еще въ тѣ времена, когда русскіе вельможи вояжировали по Европѣ съ курьерами впереди, откупали виллы и гостинницы, сыпали горстями золото, а Анна Ивановна, дочь деревенскаго ткача, представляла собою пухлую, голубоглазую Annchen,—сцѣпленіе обстоятельствъ перебросило ее съ родныхъ береговъ Шпрее на туманные берега Невы... Она приглянулась вояжировавшей русской графинѣ и была осчастливлена званіемъ суб-камеристки. Очутившись въ большомъ, внушительномъ домѣ на набережной, въ сказочномъ царствѣ роскоши и блеска, Annchen не замедлила расцвѣсть, превратиться изъ мѣшковатой деревенской дикарки въ граціозную, благовоспитанную дѣвицу и сдѣлалась любимицей графини. Но тутъ судьба рѣшила, что для какой-то Annchen уже достаточно сладостей бытія, что пора испить горькую чашу...

Въ числѣ графской дворни былъ молодой кондитеръ Ѳеофилъ — кудрявый, черноусый кавалеръ, сводившій съ ума всю дѣвичью, а невскій климатъ и безотрадное одиночество Annchen совсѣмъ мутили ея національную разсудительность, доводили природную чувствительность до экзальтаціи... Она стала засматриваться на Ѳеофила, мечтать при лунѣ, шепча: — „Готлибъ... Готлибъ..." Заучила по-русски, преодолѣвъ чисто адскія трудности:—„Люблу... ей-богъ... тебя одинъ..."—Развязка не заставила себя ждать: однимъ майскимъ вечеромъ, Annchen произнесла эти слова подъ витой лѣстницей въ корридорѣ, когда шла съ пеньюаромъ къ графинѣ, а выходившій отъ графа Ѳеофилъ приступилъ, съ отличавшею его предпріимчивостью, къ „изъясненіямъ"...

На дачѣ, куда былъ взятъ и Ѳеофилъ, мелькнули для Annchen послѣднія минутки ея счастья, а къ осени—уличенная начавшеюся предательскою перемѣной въ изящной таліи, отринутая разгнѣванною графиней, она очутилась безъ мѣста, безъ друзей, на мокрыхъ улицахъ Петербурга, который должна была теперь узнавать...

Но Annchen не хотѣла сдаваться и унывать. У нея былъ приличный туалетъ, было „серіями" сотни три русскихъ „талеровъ"... Она сняла неподалеку отъ графскихъ палатъ комнатку на чердакѣ, повѣсила въ ней на окно бѣлоснѣжныя кисейныя занавѣски, поставила цвѣтокъ-лазо̀рьку и стала терпѣливо, по цѣлымъ днямъ, ждать у этого окна боготворимаго Готлиба... Готлибъ приходилъ (хотя больше по вечерамъ), но счастье окончательно уже отвертывалось отъ Annchen... Съ каждымъ приходомъ Готлиба утекала часть ея „талеровъ", а Самъ Готлибъ звѣрѣлъ и ожесточался съ каждымъ днемъ... Annchen сносила все, отдавала „талеры", затирала искусно бѣлилами не сходившіе синяки на лицѣ и дышала твердою вѣрой въ слова Готлиба, что скоро станетъ его женой... Эту послѣднюю мечту, вслѣдъ за утекшимъ послѣднимъ „талеромъ", убилъ пасторъ... Онъ объяснилъ открывшейся предъ нимъ Annchen, что, повѣнчавшись съ Готлибомъ, она станетъ не женой его, а вещью графини, и та вольна будетъ продать ее, Annchen, кому и за сколько захочетъ,—какъ продаютъ на берегахъ Шпрее козъ и овецъ... Это стало рѣшительнымъ ударомъ. Всѣ томившія Annchen разнообразныя чувства слились въ ней въ одно—въ испугъ... Она отреклась отъ Готлиба, бросила комнатку, бросила кисейныя занавѣски, цвѣтокъ-лазо̀рьку и исчезла безъ вѣсти, безъ слѣда.

Объявилась она, спустя лишь много лѣтъ, близъ острова Голодая, въ Гавани, нѣмкой Анной Ивановной—жилицей въ чуланчикѣ и обладательницей небольшой, но очень удойливой пестрой коровы, причемъ выходило такъ, что не Анна Ивановна поитъ и кормитъ корову, а наоборотъ... Отъ миловидной Annchen остались у нея лишь голубые мечтательные глаза, а все прочее замѣнили—шарообразная полнота корпуса, мрачно-философское состояніе духа, органическая боязнь мужчинъ... Начавшая перестроивать все, новизна шестидесятыхъ годовъ дала иное направленіе и экономическимъ взглядамъ Анны Ивановны. Она превратила корову въ деньги, а эти послѣднія—въ сборный квартирный скарбъ, и открыла студенческіе нумера.

Эта новая перемѣна жизни вызвала и новую метаморфозу. Пришибленныя чувства, глохшая врожденная страсть къ хозяй-

ственности и радѣнію ожили въ Аннѣ Ивановнѣ. Она вся ушла въ заботы о не замедлившей набраться семьѣ жильцовъ, а наступившій покой и упрочившійся достатокъ замѣстили въ ней мрачную философію склонностью къ тихой, миротворной созерцательности... Незнакомая съ политико-экономическимъ закономъ, вооружающимъ „спросъ“ ежовыми рукавицами противъ обильнаго „предложенія“, она поступала наоборотъ—служила предложенію, полная любвеобильной снисходительности... Какъ неограниченная властительница своего нумерного царства, она считала обязанностью мѣшаться во все—въ разсчеты жильцовъ съ прачкой и лавочникомъ, въ отношенія ихъ другъ къ другу, даже къ „гостьямъ“-модисткамъ... но мѣшаться доброжелательно, на почвѣ чисто нѣмецкаго стремленія къ порядку и справедливости. Въ горькія минуты, когда въ приходной книжкѣ начинали рости за кѣмъ-либо изъ жильцовъ пробѣлы въ полученіяхъ, она становилась неспокойною, пасмурною, но „печаловалась“ не о своихъ интересахъ, а о должникѣ—„Что-жъ *онъ* будетъ дѣлывать безъ деньги?..“

XIII.

Спустя недѣлю, Измайловъ водворился въ своей комнаткѣ.

Первое время онъ никакъ не могъ побороть въ себѣ непривычнаго ощущенія тѣсноты — поминутно опасаясь упереться головою въ потолокъ, задѣть стѣны руками... Внутренно смѣясь и въ то же время радуясь какою-то неопредѣленною, безпредметною радостью, усаживался онъ за работу на жиденькомъ соломенномъ стульчикѣ предъ покоробившимся столикомъ, покрытымъ пестренькою клеенкой, укладывался на узенькую желѣзную кровать, гнувшуюся подъ нимъ и стонавшую. Порою казалось ему, что все это не больше какъ шутка, игра, и онъ мысленно жаждалъ скорѣйшей, дѣйствительной встрѣчи съ суровою, такъ страшною для многихъ нуждой...

Пришло письмо отъ отца. Онъ называлъ рѣшеніе Измайлова „великолѣпнымъ капризомъ юности“, умолялъ бросить этотъ капризъ и думать лишь о наукѣ. Измайловъ — спокойнѣе чѣмъ прежде и еще съ бо́льшею твердостью—отвѣтилъ, что уже ступилъ на новую дорогу, что „смѣло смотритъ въ глаза будущности“. И это не было фразой. Не покидавшій его подъемъ духа, формировавшійся и крѣпнувшій строй мыслей—все порождало въ немъ искреннюю готовность на всякія жертвы, на

самую упорную борьбу съ обстоятельствами. Онъ, не шутя, думалъ приняться, въ случаѣ чего, даже за черную работу.

Вскорѣ товарищи пришли къ мысли „соединить капиталы“. Они заняли сообща первый же освободившійся нумеръ съ двумя кроватями, стали забирать на общее имя въ лавочкѣ, кредитоваться у прачки, завели общую кассу. Разница была только въ характерѣ рессурсовъ... Мерцаловъ черпалъ свои изъ правильнаго экономическаго источника—давая уроки, работая въ артельной студенческой переплетной; а Измайловъ — изъ источника экстреннаго: сперва тратя немногое, очистившееся отъ ликвидаціи обстановки, потомъ закладывая „обломки древней роскоши“, по выраженію товарища,—отъ гардероба до бѣлья...

Годъ мелькнулъ незамѣтно. Измайловъ раздѣлался съ экзаменомъ и поступилъ въ студенты второго курса. Втягиваясь въ трудности новой жизни, одолѣвая въ себѣ упрямившіяся прежнія привычки, онъ — иззябшій, голодный, измученный добросовѣстными стараніями на грошовыхъ урокахъ—онъ впадалъ порою въ отчаяніе, въ апатію, и не разъ,—глядя на Мерцалова, на другихъ, близкихъ теперь товарищей, не знавшихъ ни конца въ терпѣніи, ни устали въ борьбѣ,—вскипалъ новою рѣшимостью, стремился съ новою энергіей покорять обстоятельства, вмѣсто покорности имъ...

Однажды, въ этотъ уже завершавшійся стоическій духовный укладъ ворвалось живымъ, назойливымъ лучомъ недавнее былое и пошатнуло всѣ его неокрѣпшія еще основы... Въ Пассажѣ читалась публичная лекція. Это было новое событіе для тогдашняго Петербурга, собравшее публику всѣхъ слоевъ. Протискиваясь, при выходѣ, въ толпѣ, Измайловъ случайно бросилъ взглядъ предъ собою и... увидѣлъ Аделину. Она подвигалась въ нѣсколькихъ шагахъ предъ нимъ, прижавъ къ груди небольшой клеенчатый портфѣль. Ему видѣлось въ профиль ея похудѣвшее, задумчивое лицо, видѣлась простенькая, запыленная соломенная шляпка... Не спуская глазъ съ этой шляпки, онъ сталъ торопливо проталкиваться впередъ, но за дверями публика разсыпалась, и шляпка исчезла... Охваченный точно угаромъ, съ перепутавшимися мыслями, съ бьющимся сердцемъ, почти выбѣжалъ онъ на троттуаръ, метнулся въ одну сторону, въ другую... потомъ вдругъ устыдился, обозвалъ себя „буржуемъ“, „хлыщомъ“, упрекнулъ въ „низменности инстинктовъ“ и направился домой...

Онъ пересилилъ себя, какъ пріучился уже пересиливать во многомъ, но вернуться къ спокойной ясности духа могъ не

скоро, чувствуя, что все какъ бы соскочило съ винта, что работать надъ собой приходится снова...

XIV.

Мелькнулъ еще годъ.

Мерцаловъ былъ на четвертомъ курсѣ, Измайловъ на третьемъ. Уже окончательно вправившійся въ колею, считавшій „сибаритствомъ" конецъ на извозчикѣ даже въ пору самой отчаянной петербургской слякоти, онъ работалъ въ переплетной, зналъ всю хозяйственную премудрость—отъ поджариванія надъ лампой копченой селедки до починки платья и бѣлья...

Жизнь текла обычнымъ чередомъ. „Идейные" споры и вопросы чередовались съ тревожными „исторіями"... Набѣгавшій избытокъ „работишки" и уроковъ смѣнялся безконечною скудостью... Однимъ туманнымъ великопостнымъ утромъ товарищи сидѣли за самоваромъ, находясь совсѣмъ „на экваторѣ": синяя стеклянная сахарница была почти пуста, отношенія съ лавочникомъ „обострялись", отъ самаго доходнаго урока Мерцалову пришлось отказаться „по принципу"—такъ какъ избалованный маменькинъ сынокъ неглижировалъ уроками и, слѣдовательно, пользы за получаемое не приносилось; а у Измайлова и совсѣмъ не было ни одного...

— Валька! — крикнулъ вдругъ Мерцаловъ, штудировавшій сырыя еще „Полицейскія Вѣдомости", и вздернулъ ноги въ уровень съ конфоркой самовара.—Стремись, бѣги, лети!

— Урокъ?

— Въ Малой-Мастерской... спросить лично поручицу Нащокину... Дуй!

Измайловъ, знавшій по горькому опыту, что въ такихъ случаяхъ надобно именно „дуть", чтобъ не остаться за флагомъ, метался уже по нумеру. Изъ собственнаго сюртука, моментально получившаго недостававшую ему заднюю пуговицу, и изъ Мерцаловскихъ панталонъ („жилетъ не суть важенъ, коль скоро сюртукъ застегивается",—было давнимъ открытіемъ Мерцалова), у Измайлова составился весьма сносный костюмъ. Къ этому приданъ былъ шолковый галстухъ, тутъ же приведенный изъ шнурообразнаго состоянія въ первобытную форму ленты.

Послѣ недолгаго спора — которое изъ двухъ товарищескихъ пальто „новѣе", и сличенія ихъ предъ свѣтомъ у окна, Измайловъ застучалъ каблуками по безконечной лѣстницѣ—теперь знакомой ему до малѣйшей выбоинки на каждой ступенькѣ.

XV.

Поручица Лукерья Ѳоминишна Нащокина была видная и чрезвычайно полная дама, съ вѣчнымъ выраженіемъ сладкаго умиленія на кругломъ, румяномъ лицѣ, всегда плохо причесанная и съ неизмѣнною пуховою шалью на плечахъ, которую она поминутно теряла.

Самъ поручикъ, Егоръ Сосипатровичъ Нащокинъ, отличался, напротивъ, совсѣмъ малымъ ростомъ при умѣренной полнотѣ, носилъ тщательно расчесанные и густо нафабренные усы и бакенбарды николаевскаго образца, высокую шляпу набекрень и застегнутый до-верху черный сюртукъ.

Это были первые бѣглецы изъ начинавшей обрисовываться пореформенной деревни.

Умѣвшіе—всего при сотнѣ душъ и не входя въ долги—давать въ своемъ сельцѣ Дубкахъ званые обѣды на десятки персонъ, держать псовую охоту и музыкантовъ, Нащокины заскучали и опечалились, застигнутые реформой. Видя, какъ оскудѣваютъ чуть не вчера еще обильные дубковскіе погреба и кладовыя, Лукерья Ѳоминишна забезпокоилась, стала впадать въ уныніе, забывать о прическѣ. Егоръ Сосипатровичъ, не ощущая въ себѣ охоты корпѣть надъ выбиваніемъ доходовъ изъ мертвой, безчувственной занадѣльной земли, сталъ коротать досугъ, лежа въ кабинетѣ на диванѣ и отдаваясь размышленіямъ.

Какъ и какой психическій процессъ совершился въ Егорѣ Сосипатровичѣ подъ вліяніемъ этихъ размышленій — мы не беремся опредѣлить; скажемъ только, что въ одно прекрасное утро беззаботный помѣщикъ и ограниченный человѣкъ почувствовалъ себя вдругъ дѣльцомъ и коммерсантомъ. Оставалось лишь дать практическій ходъ новоявленнымъ способностямъ, и для этого послужила запись въ одномъ изъ дѣдовскихъ календарей, въ которой значилось:—„Проѣзжавшій оберъ-штгенъ-фервальтеръ Іуліанъ Иракліевичъ Кашинцевъ сказывалъ, что въ Дубкахъ, подъ Левшинскимъ бугромъ, должны идтить свинцовыя жилы“.—При одномъ взглядѣ на эту запись всѣ нѣдра дубковской занадѣльной земли наполнились въ заигравшемъ воображеніи Нащокина отборнѣйшими жилами, а въ умѣ сразу вырисовался грандіознѣйшій проектъ милліоннаго предпріятія...

Ареной для того избранъ былъ Петербургъ.

Какъ патріотъ, Нащокинъ предоставлялъ всю пользу дѣла отечеству. Для этого онъ привлекалъ къ открытію и разработкѣ

дубковскихъ свинцовыхъ жилъ министерство финансовъ и „отчуждалъ“ свинецъ, „за попудную плату“, военному министерству— „какъ неизсякаемый источникъ одного изъ могущественнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами“— (Такъ стояло въ докладной запискѣ его).

Дальновидно подготовляя почву для рѣшительнаго натиска на министерства, Нащокинъ проводилъ время въ клубахъ и ресторанахъ, выискивая „хòды“, заводя знакомства. Уходя неизмѣнно каждое утро изъ дому, онъ такъ же неизмѣнно восклицалъ, прощаясь съ женою:—„Ну, душка, сегодня еще съ однимъ человѣчкомъ познакомлюсь!“—Лукерья Ѳоминишна обыкновенно ничего не отвѣчала при этомъ, а только смотрѣла на мужа умиленными глазами, и глаза эти говорили:—„Да ужъ ты у меня непрòмахъ!“

Такъ какъ дѣло „пахло“ милліонами, и счастливая перемѣна въ судьбѣ могла наступить въ скорости, то Нащокины,—относившіеся раньше совсѣмъ скептически ко всякимъ наукамъ, выходившимъ за предѣлы вѣдѣнія „гувернантки съ музыкой“,— подумывали и о сообразномъ съ перемѣною положеніи дѣтей. Два мальчика, Коля и Володя, назначались въ гвардію; старшему сыну, Валерію, надлежало зачислиться въ дипломатическій корпусъ.

XVI.

Не пробило еще и девяти, когда Измайловъ позвонилъ у обтянутой клеенкою двери, во второмъ этажѣ каменнаго сѣраго дома.

Уже по одному тому, что горничная, выслушавъ его, отправилась докладывать, онъ догадался объ успѣхѣ. Пройдясь съ облегченнымъ сердцемъ по пустынной низенькой залѣ, съ дюжиною вѣнскихъ стульчиковъ и съ приставленною къ стѣнѣ половою щеткою, онъ собрался-было прикинуть въ мысляхъ возможную доходность урока, но въ это время появилась Нащокина.

Что-то прожёвывая и натягивая на плечи волочившуюся по полу шаль, она спросила:

— Вы въ университетѣ учитесь?

— Да, я студентъ.

— Съ двумя мальчиками надо заниматься. Сколько берете вы въ часъ?

Измайловъ сказалъ.

— Еще старшій есть. Съ тѣмъ ужъ я не знаю какъ... Вы сами увидите...

Измайловъ полюбопытствовалъ-было, гдѣ обучается старшій, но Нащокина только оглядѣла его, отклонившись вбокъ, и сказала:

— Мужъ не вставалъ еще. Да я все равно согласна... пойдемте.

Она ввела его въ комнату, наполненную паромъ отъ пыхтѣвшаго и бурлившаго самовара, гдѣ и представила учениковъ— двухъ краснощекихъ, вихрастыхъ мальчугановъ и взрослаго щеголя, старавшагося картавить на французскій манеръ.

За чаемъ Измайловъ постарался проникнуть въ наличность знаній молодежи, и при этомъ выяснилось, что съ мальчиками отнюдь не будетъ лишнимъ начать занятія прямо съ букваря; а Валерію, желавшему прослушать курсъ русской исторіи и литературы, не мѣшаетъ еще получить болѣе ясное представленіе о грамматическихъ частяхъ рѣчи...

Условившись, что занятія начнутся съ слѣдующаго дня и прощаясь съ Измайловымъ, Нащокина долго ловила за спиною шаль, занятая, очевидно, какою-то мыслью, потомъ сказала:

— Вотъ еще что̀: на той недѣлѣ дѣти театръ устраиваютъ, такъ вы ужъ и этимъ займитесь съ ними... и что-нибудь сами прочтите...

— Да я совсѣмъ не чтецъ,—поспѣшилъ отговориться Измайловъ.

— Какъ же не чтецъ, когда другихъ учите,—возразила Нащокина.—Валерій декламировать будетъ, такъ надо, чтобъ вы судили...

— Судить легче, чѣмъ самому дѣлать...

— Ну, ужъ этому я не повѣрю!

Измайловъ подумалъ и согласился.

XVII.

Дѣтскій театръ даже заинтересовалъ Измайлова, какъ подходящее воспитательное средство, и онъ съ увлеченіемъ отдался устройству его.

Однако, явившись, въ назначенный вечеръ, онъ нашелъ аппартаменты Нащокиныхъ освѣщенными чуть не по бальному. Причесанная Лукерья Ѳоминишна имѣла на головѣ модный пестрый чепецъ съ бантами, а на плечахъ кружевную косынку; самъ

Нащокинъ расхаживалъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. На сценѣ, воздвигнутой въ чайной и имѣвшей занавѣсомъ простыню въ дверяхъ, хозяйничалъ откопанный гдѣ-то отставной теноръ, съ морскимъ канатомъ въ ушахъ и поразительно напоминавшій стараго козла... Изъ гостиной несся гулъ голосовъ...

— Я не могу выступать предъ публикой съ моимъ чтеніемъ,— обратился Измайловъ къ суетившейся Лукерьѣ Ѳоминишнѣ.

— Ахъ, что вы! что вы!— заволновалась она, теряя совсѣмъ косынку съ плечъ.—Какъ же безъ васъ?.. Какая у насъ публика!..

Мѣшая въ одно милліоны, министерства, свинецъ, повторяя: „карты"... „нужные люди", она стала объяснять что-то, чего Измайловъ никакъ не могъ взять въ толкъ. Онъ видѣлъ только ея страхъ потерять „чтеца", и поспѣшилъ, въ знакъ успокоенія, принять отъ появившейся горничной стаканъ чаю...

Въ гостиной, куда направился онъ, размѣщалось за зелеными столами съ десятокъ чиновныхъ, солидно насупившихся мужчинъ. Всѣ они смотрѣли какими-то странно-однообразными: одинаково обладали землистымъ цвѣтомъ до лоска выбритыхъ лицъ и глубокомысленною тупостью выраженія; съ одинаково значительнымъ видомъ прятали мягкіе подбородки въ развалистые воротнички манишекъ и поправляли свои ордена—кто подъ галстухомъ, кто въ петлицѣ; одинаково говорили—важно и монотонно, съ внушительнымъ подниманіемъ и опусканіемъ указательнаго перста; даже одинаково звучно, хотя и въ различныхъ тонахъ, сморкались въ цвѣтные фуляры, одинаково пускавшіе по комнатѣ крѣпкій запахъ „амбрэ"... Это были именно тѣ прикосновенные къ различнымъ вѣдомствамъ „человѣчки", на которыхъ покоились предпринимательскія надежды Нащокина.

На Измайлова, совершенно незнакомаго съ этою частью отечественной системы, чиновные гости произвели впечатлѣніе людей какъ бы иного міра,—призраковъ, покинувшихъ какую-то глубокую историческую даль... Гости тоже не безъ удивленія глянули на непозволительнаго бородатаго и волосатаго „передового" и, какъ бы подписавъ ему единодушный карательный приговоръ, принялись съ тою же отличительною одинаковостью козырять и пристукивать по сукну...

XVIII.

На „спектаклѣ" теноръ приложилъ всѣ старанія, чтобы взять, при помощи кругообразнаго движенія руки подъ потол-

комъ, не дававшій тогда никому покоя Тамберликовскій do-dièze... Измайловъ, съ искреннею вѣрой, что изъ каждаго посѣяннаго слова выростетъ снопъ добра, прочелъ „Школьника“ Некрасова и увлекавшее молодежь стихотвореніе Плещеева: „*Впередъ! безъ страха и сомнѣнья...*“

Въ залѣ приблизился къ нему одинъ изъ чиновныхъ гостей и заговорилъ легонькимъ баскомъ:

— Восхитительно... прекрасно прочли вы! Очень пріятно познакомиться... Надворный совѣтникъ Антроповъ... Андрей Николаевичъ Антроповъ... Вѣдь вы студентъ-съ?

Измайловъ поклонился.

— Отъ Егора Сосипатровича услышалъ фамилію вашу, и... скажите пожалуйста: генералъ Петръ Дмитріевичъ Измайловъ?..

— Мой отецъ.

— Возможно-ли!—удивился Антроповъ, отступивъ маленькимъ шажкомъ.—Въ такомъ случаѣ позвольте имѣть удовольствіе заявить себя извѣстнымъ вашему батюшкѣ... Какъ же, какъ же... Мой покойный отецъ, по дѣламъ ходатайствовалъ — келейно, знаете, какъ водилось это,—ну и батюшки вашего петербургскія дѣла на рукахъ у него были... А я, когда Петру Дмитріевичу случалось въ Петербургѣ бывать, всегда уже въ качествѣ секретаря являлся при немъ...

Онъ сжалъ руку Измайлова между своими мягкими, теплыми ладонями, потомъ поклонился и пошелъ съ нимъ коротенькими шажками по залѣ.

Манера новаго знакомца рекомендоваться по чину, Станиславъ на шеѣ, хотя и спрятанный наполовину подъ галстухъ, нѣсколько смутили Измайлова въ первую минуту. Вскорѣ, однако, онъ почувствовалъ, что въ знакомцѣ есть что-то живое, вызывающее на общительность.

Антроповъ—человѣкъ уже лѣтъ за сорокъ, небольшого роста, полный, но весьма подвижный,—не замедлилъ разговориться; сообщилъ, что служитъ въ министерствѣ финансовъ, женатъ, имѣетъ на Петербургской-Сторонѣ свой собственный домъ съ садомъ—„чистѣйшій Эдемъ-съ!“—что любитъ „почитать“, „получаетъ „Современникъ“, „Искру“. Изъ послѣдней онъ даже привелъ самоотверженно двѣ-три остроумныхъ каррикатуры на чиновную братію, объяснивъ при этомъ, какія именно событія и какихъ сановниковъ имѣлъ въ виду обличитель.

— Могу просить васъ составить компанію?—сказалъ онъ, пріостанавливаясь у закусочнаго стола.

Тутъ шелъ уже полный разгаръ. Гости оживленно разсу-

ждали, поднимая и опуская то-и-дѣло указательные персты. Разрумянившійся Нащокинъ держалъ за пуговицу самаго чиновнаго изъ „человѣчковъ“ (у него была Анна на шеѣ) и смѣло доказывалъ ему, что—„первый долгъ казны—идти на встрѣчу иниціативѣ...“—„Человѣчекъ“ жевалъ бутербродъ съ икрой и смотрѣлъ хозяину въ лобъ тусклыми, безстрастными глазами, представляя собой истинное олицетвореніе канцелярской тайны...

Когда гости усѣлись снова за зеленые столы, Измайловъ пробрался незамѣтно въ переднюю. Тамъ у вѣшалки одѣвался Антроповъ.

— Я не прощаюсь, по-англійски,—сказалъ тотъ.

— А въ карты что-же?

— Я дань приличію отдалъ: сыгралъ пульку; а дальше—слуга покорный! До утра вѣдь прокозыряютъ теперь!

Они вышли вмѣстѣ.

На троттуарѣ Антроповъ взялъ Измайлова за обѣ руки и воскликнулъ:

— Очень, очень радъ знакомству съ вами, Валентинъ Петровичъ! Когда могу застать васъ дома, если позволите?

Измайловъ сказалъ, что лучше всего вечеромъ, но заранѣе извинился за студенческую обстановку.

— Не взыщу-съ!—отвѣтилъ, смѣясь, Антроповъ.—Самъ прошелъ это...

— Вы въ здѣшнемъ университетѣ были?

— То есть, хотѣлъ... готовился... Но вышло такъ, что вдругъ на „коронную“ угодилъ... А тамъ—то-да-сё... новые интересы явились... Оно, конечно, слѣдовало бы... Ну, да впрочемъ... Я къ тому сказалъ, что собственно не „визитъ нанести“ желалъ бы, а статейку одну показать вамъ, мнѣніе ваше выслушать...

— Вы пишете?

— Стыдно сказать и грѣшно утаить! Между дѣломъ—и не въ журналахъ большихъ, разумѣется...

Прибѣгнувъ къ свѣту фонаря, онъ внесъ въ записную книжечку адресъ Измайлова и повернулъ въ свою сторону.—„Извозчикъ!“—донесся вскорѣ его басокъ.

XIX.

Добравшись домой много за полночь, Измайловъ нашелъ кровать Мерцалова пустою. Это было необычайностью, и онъ, уже улегшись, продолжалъ недоумѣвать, поджидая товарища,

пока сонъ не одолѣлъ его. Когда, утромъ, открылъ онъ глаза, Мерцаловъ лежалъ навзничь на кровати, поднявъ колѣни подъ байковымъ одѣяломъ, и не спалъ.

— Гдѣ это пропадалъ ты вчера?—спросилъ Измайловъ.

— Въ „Любекѣ“ пьянствовалъ...

— По какому случаю?

— Такъ... стихъ нашелъ...

Измайловъ сталъ одѣваться. Мерцаловъ зѣвнулъ и проговорилъ:

— Ты на лекціи?

— Да. А ты что же лежишь?

— Я не пойду.

— Отчего?

— Башка трещитъ... Ты у „грекоса“ обѣдать будешь?

— Въ *греческомъ ресторанѣ*! Нé унижай нашего званія!

— Ресторанъ, тоже!—серьезно возразилъ Мерцаловъ.—И кухмистерской-то назвать много будетъ!

— Помиримся на кухмистерской. Ты туда что-ли придешь?

— Нѣтъ, вотъ что̀...—Мерцаловъ подумалъ, поскребъ ногтемъ какое-то пятнышко на одѣялѣ, и докончилъ:—Можешь ты пробыть гдѣ-нибудь часовъ до четырехъ?

— Для чего это?

— Ко мнѣ придутъ...

Измайлова кольнуло. Приходившіе къ Мерцалову по всякимъ сходочнымъ или „конспиративнымъ“ дѣламъ товарищи, а порой и „нелегальные“, — росшіе въ числѣ съ каждою новою „исторіей“,—всегда считали Измайлова своимъ человѣкомъ, принадлежащимъ, хотя бы и идейно, къ „движенію“, и не стѣснялись вести разговоры при немъ. Теперь оказывалось, что его какъ бы опасаются, выпроваживаютъ...

Онъ не сказалъ ничего и сталъ надѣвать пальто.

— Оставь мнѣ твой пиджакъ!—остановилъ его Мерцаловъ. —Да рубашки твои брабантскія, голландскія... какъ ихъ тамъ?.. есть чистыя?

— Есть.

Онъ снялъ свой, хотя и сильно поношенный, но все-же шармеровскій вестонъ и натянулъ на себя неказистый казинетовый пиджачокъ Мерцалова.

— Прощай!—проговорилъ тотъ, и протянулъ руку съ кровати.

Измайлова удивила эта, давно оставленная между ними формальность, а въ крѣпкомъ пожатіи товарища онъ почувствовалъ

что-то доброе, ласковое, говорившее, что дѣло—въ чемъ-то иномъ, не въ недовѣріи...

XX.

Шелъ уже шестой часъ, когда вернулся Измайловъ.

Слѣдовъ собранія, послѣ котораго все оказывалось въ нумерѣ обыкновенно вверхъ дномъ, совсѣмъ не видѣлось. Въ комнатѣ даже царилъ нарочитый отмѣнный порядокъ, пахло приторной курительной свѣчкой „монашенкой". На столѣ, покрытомъ чистою скатертью, выводилъ нотки потухавшій самоваръ, стояла тарелка съ бисквитами (роскошь совсѣмъ непозволительная!), а рядомъ со стаканомъ красовалась расписная фарфоровая чашка...

Мерцаловъ сидѣлъ, сгорбившись, въ уголку дивана.

— Что это за пиръ горой у тебя!—удивился Измайловъ.

Мерцаловъ только подвинулся и снялъ крышку съ самовара.

— Хочешь чаю?

— Давай!

Въ товарищескомъ вестонѣ, совсѣмъ висѣвшемъ на его тонкой, костлявой фигурѣ, въ голландскихъ, слишкомъ широкихъ воротничкахъ, онъ казался какъ-то исключительно некрасивымъ; взволнованное лицо его непріятно горѣло красноватыми пятнами, въ движеніяхъ видѣлась неловкая торжественность...

— Что̀ съ тобою, Миша?—спросилъ безпокойно Измайловъ. —Ты нездоровъ?

Маленькій ротикъ Мерцалова скривился въ улыбку; но она лишь мелькнула, превратившись тутъ же въ горькую усмѣшку.

— Валька!—заговорилъ онъ, задвинувшись снова въ уголокъ.—У тебя догадливая башка, я знаю! Ты сразу раскусилъ меня, понялъ съ одного слова...

— Когда? Что̀ такое?

— А когда я въ первый разъ попалъ къ тебѣ и пуншъ мы пили... Про Князеву, ученицу мою, рѣчь шла тогда... Помнишь?

— Ну?

— Ну, и ты сказалъ, что я... влюбленъ въ ученицу...

— Что жъ изъ этого?

— То, что ты правду сказалъ... И эта ученица была сегодня здѣсь...

Пятна вспыхнули на лицѣ Мерцалова, а глаза заискрились не то лихорадочно, не то отъ подступившихъ слезъ.

— Она въ Петербургѣ?—спросилъ Измайловъ, не зная, что сказать.

Мерцаловъ молчалъ и глядѣлъ въ сторону. Въ наступившей тишинѣ раздавались лишь унылыя нотки самовара, да слышно было, какъ шуршитъ мышь за отставшими обоями.

— Въ тотъ вечеръ, у тебя,—началъ Мерцаловъ,—я упомянулъ, что Князева на дорогу выбивалась, хотѣла собственнымъ трудомъ жить... Надо сказать тебѣ и о прочемъ... Отецъ ея, полковникъ Князевъ, въ нашемъ губернскомъ городѣ заправилой по водяной коммуникаціи состоялъ. Жилъ онъ широко, въ знать лѣзъ, и дочку свою за аристократа прочилъ... Она красавицей считалась, на балахъ да банкетахъ блистала... Губернскій ловеласъ въ испанскомъ плащѣ и съ завитыми усами обезумѣвшимъ отъ нея числился... Однако, и при всемъ этомъ удалось Князевой за умъ взяться, раздвинуть свой кругозоръ дальше губернской околицы... Стала читать она, учиться захотѣла... Безъ гнѣва родительскаго, какъ водится, не обошлось, но верхъ взяла дочка... Тогда и случилось, что я сталъ уроки давать ей... Ка̀къ и въ силу чего мы съ ученицей близкими людьми стали—не стоитъ распространяться. Достаточно сказать, что между нами завелась переписка—не пошлая, нѣтъ... Что̀ за чувства питала ко мнѣ ученица—это Аллахъ знаетъ: сердце женщины—было и будетъ загадкой... Я... я любилъ ее... да... Впрочемъ, и это по̀ боку! Пойдемъ дальше... Переписка наша открылась, а бѣлая кость—ты знаешь—въ сущностяхъ разбираться не создана, ей только форма по̀ мозгу... Такъ вышло и тутъ: дальше факта, что была переписка и при томъ съ плебеемъ—не стали глядѣть... Я, разумѣется, остракизму подвергся, а дочь Князевъ взялъ чуть не подъ караулъ, запретилъ ей и думать о книгахъ... Все, какъ ты видишь, форменно, по „Домострою“ пресѣчено было... Но роковое крутыхъ мѣръ въ томъ и состоитъ, чтобы достигать противнаго хотѣнію... и чѣмъ сильнѣе жмутъ ежовыя рукавицы, тѣмъ естественнѣе становится желаніе человѣка вырваться изъ нихъ... Вырвалась и Князева... бѣжала съ ловеласомъ...

— Запилъ я тогда, Валька, ухъ какъ!—продолжалъ, помолчавъ, Мерцаловъ.—Даже и бурсакъ ни одинъ въ подмётки не годился бы мнѣ!.. Да натуришка не выдержала, захворалъ... Ну, дальнѣйшее тоже мимо!.. а суть вотъ въ чемъ: иду я третьяго дня по Литейной и... лицомъ къ лицу съ Князевой сталкиваюсь!.. Барыня... въ расцвѣтѣ въ полномъ... Меня не почуждалась, однако, провѣдать захотѣла... И сегодня, вотъ, свидѣлись мы...

съ одного полюса на другой руку другъ другу подали... Зачѣмъ?.. что влекло ее?—это опять Аллахъ одинъ знаетъ... На всемъ тайна... о всемъ полуслова... Какой-то неудержимый капризъ—копнуться въ прошломъ и исчезнуть... навсегда...

Онъ всталъ и лѣнивыми, точно старческими шагами добрелъ до кровати.

— И вѣдь что злитъ!—послышалось оттуда.—Знаешь, что все это призракъ, химера... что зоологическіе инстинкты смирять, обуздывать надо въ себѣ, а между тѣмъ, вопреки разуму, волѣ... Еще вѣки вѣковъ пройдутъ, пока культура успѣетъ вытравить въ человѣкѣ зоологическое-то... А вытравитъ, такъ чортъ знаетъ, что вмѣсто человѣка получится!..—заключилъ онъ неожиданно и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

XXI.

Отецъ Антропова—особь исчезнувшаго теперь типа „келейныхъ" ходатаевъ въ судахъ—Николай Саввичъ Антроповъ состоялъ въ чинѣ сенатскаго регистратора и имѣлъ довольно прибыльную практику. Человѣкъ сварливый и неуживчивый, хотя наружно льстивый, пившій секретно запоемъ, онъ даже между своими собратьями, дореформенными приказными, извѣстенъ былъ за выжигу первой руки. Взросши среди памятныхъ порядковъ той эпохи, когда— *„на Руси только и слышалось, что молчаніе..."*, —онъ, такъ сказать, вѣровалъ, что всякій человѣкъ затѣмъ и родится, чтобъ его „держали въ струнѣ"... Съ своей стороны, онъ прилагалъ это правило къ женѣ—дочери бѣднаго чиновника,—которую и не замедлилъ вогнать въ гробъ.

Такимъ же порядкомъ сталъ онъ „выводить въ люди" своего единственнаго сына, Андрея, только-что пристроеннаго настояніями матери въ гимназію,—оставлять его безъ обѣда, морить въ углу на колѣняхъ, стегать ременною плетью... Андрей, учившійся весьма недурно, выносилъ безропотно воспитательные пріемы родителя, но на восемнадцатомъ году, когда начали пробиваться у него усики, а въ пискливомъ ребяческомъ голосѣ проскальзывать басовыя нотки, онъ какъ-то вдругъ измѣнился, сталъ нервенъ, вспыльчивъ, неприлеженъ къ занятіямъ. Къ этому случилось, что гимназисты, уставъ терпѣть отъ инспектора—такого же приверженца „держанія въ струнѣ", какъ и ходатай Антроповъ,—рѣшились на „протестъ" и перебили камнями окна въ его квартирѣ. Андрей хотя и не былъ въ числѣ подозрѣ-

вавшихся, но за отказъ указать протестовавшихъ одноклассниковъ подвергся исключенію наравнѣ съ виновными.

— Я покажу тебѣ, что̀ значитъ вольничать!—прошипѣлъ озадаченный ходатай и пустилъ въ ходъ кулаки.

На Андрея нашло при этомъ что-то небывалое: онъ остановился предъ отцомъ, глядя смѣло ему въ глаза, и крикнулъ:

— Ну, на̀, бей меня!.. убей, какъ убилъ мать!

Антроповъ позеленѣлъ и хотя не убилъ сына, но надавалъ ему достаточно пощечинъ.

Андрей ушелъ изъ дому, съ тѣмъ, чтобы не возвращаться никогда, пріютился у одного изъ исключенныхъ съ нимъ товарищей и сталъ готовиться въ университетъ. Товарищъ былъ не изъ богатыхъ, а Андрей и совсѣмъ не имѣлъ ничего. Поскитавшись года два, онъ, совершенно обнищавшій, явился съ повинною къ отцу. Тотъ принялъ сына, но приказалъ выбросить изъ головы всякія науки и поступить на службу.

Притихшій Андрей закрѣпостился окончательно во власть отца. Даже возмужавшій, досидѣвшійся на канцелярскомъ стулѣ до безвременной полноты и украшенный Станиславомъ въ петлицу, онъ продолжалъ отчитываться предъ отцомъ въ каждой потраченной копѣйкѣ, въ каждомъ шагѣ изъ дому.

Спустя годъ послѣ освобожденія крестьянъ, судьба освободила и Андрея Антропова: престарѣлый ходатай внезапно умеръ, а въ его конторкѣ, набитой всякимъ псевдо-юридическимъ вздоромъ, оказалось, сколоченное втихомолку, цѣлое состояніе—тысячъ пятьдесятъ, въ деньгахъ и документахъ...

Все точно волшебствомъ перемѣнилось предъ Антроповымъ. По службѣ его замѣтили и повысили; впереди открылся доступный просторъ неизвѣданной жизни... Переломъ былъ рѣзкій и... опасный, но Андрей счастливо перенесъ его. Все скомканное, забитое доброе ожило въ немъ, и онъ отдался этому доброму, сбрасывая съ себя начинавшую уже твердѣть канцелярскую скорлупу, стремясь къ лучшему, къ разумному... До нарождавшихся новыхъ взглядовъ, новыхъ идей ему не было прямого дѣла, но сторониться отъ нихъ, быть въ числѣ „отсталыхъ“ онъ считалъ стыдомъ. Онъ даже настолько увлекся начинавшими шумѣть вокругъ „вѣяніями“, что образовалъ въ подвѣдомственномъ ему уголку что-то вродѣ артели „по снабженію недостаточныхъ семейныхъ чиновниковъ предметами первой необходимости“. Оставивъ за собою, по наслѣдственной закладной, недорогой, но удобный домъ, съ стариннымъ садомъ, и устроившись въ немъ, онъ сталъ подумывать, между прочимъ, объ из-

даніи дешеваго общеобразовательнаго журнальца, но тутъ „новые интересы явились“... Интересы эти были—до фатальности странное сцѣпленіе обстоятельствъ, кончившееся нежданной женитьбой Антропова...

XXII.

Не такъ еще давно, въ одной изъ второразрядныхъ линій Смоленскаго кладбища можно было видѣть треснувшую и криво вросшую въ землю чугунную плиту, а на ней разобрать проржавѣвшую надпись — что здѣсь покоится „статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Игнатьевичъ Туманскій, *представленный въ дѣйствительные статскіе совѣтники*“.

Исконный обитатель Галерной-Гавани, вдовецъ, имѣвшій четырехъ дочерей на рукахъ и весьма скудный окладъ за душою, Туманскій аккуратно каждое утро брился до лоску, стягивалъ до головокруженія шею черною саржевою косынкой и (кромѣ табельныхъ дней, посвящавшихся сидѣнію съ трубкой у окна) отправлялся къ Чернышеву мосту, гдѣ писалъ какіе-то, ненадобные никому, экстракты изъ дѣлъ. Всѣ жизненныя заботы его сводились къ стараніямъ поставить дочерей въ положеніе тѣхъ „барышенъ“, для которыхъ въ закипавшей, невѣдомой ему, новой жизни зрѣло уже названіе „кисейныхъ“... Весь внутренній міръ его исчерпывался усиліями приспособиться къ расположенію духа начальства и ожиданіями наградъ къ высокоторжественнымъ днямъ. Положеніе было не изъ отрадныхъ. Но такъ какъ не бываетъ такой безотрадности, въ которой не отыскалось бы мѣста надеждамъ, то ютились онѣ и въ душѣ статскаго совѣтника. Одно время — когда Туманскаго представили въ дѣйствительные статскіе совѣтники—надежды эти, суля „по чину и мѣсто“, начали походить на что-то путное, но тутъ пресѣкла ихъ смерть, не позволивъ даже „исключиться изъ списковъ“ награжденнымъ...

Изъ всѣхъ цѣнностей, оставшихся послѣ статскаго совѣтника, самою цѣнною (если простителенъ такой плеоназмъ) оказались его ордена, уложенные на подушку изъ чернаго полуатласа и придавшіе видъ пышности болѣе чѣмъ скромнымъ похоронамъ, устроеннымъ на департаментскій счетъ. Но и эту цѣнность, какъ „подлежащую по статуту возвращенію въ капитулъ“, отобралъ отъ наслѣдницъ мѣстный квартальный надзиратель—тогда еще бритый, въ киверѣ и при шпагѣ...

Барышни Туманскія разбрелись въ разныя стороны. Младшая изъ нихъ, Марья, оказалась не изъ счастливыхъ... Пройдя все, что̀ полагается проходить въ столичномъ водоворотѣ одинокимъ дочерямъ „бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, и утративъ не только красоту, но и здоровье, она скоро очутилась въ разрядѣ оброшенныхъ существъ—Лазарей на великомъ пиршествѣ жизни, и стала промышлять отдачею жильцамъ комнатокъ въ своей тѣсной, не всегда исправно оплачиваемой квартиркѣ.

На эту Марью Туманскую отыскалась въ наслѣдствѣ Антропова долговая росписка въ нѣсколько сотъ рублей, а повѣренный, приводившій въ порядокъ дѣла, объявилъ ему однимъ утромъ, что хотя у должницы и описана разная рухлядь, но надежды на полученіе долга не видится. Вслѣдъ затѣмъ Антроповъ получилъ письмо отъ само̀й, совсѣмъ неизвѣстной ему, Туманской. Письмо наполнено было упреками въ скупости, даже жадности, и оканчивалось фразой, почти прямо говорившей, что скорѣе наслѣдникъ Антроповъ можетъ быть долженъ Туманской, чѣмъ она—ему.

Заинтересованный, Антроповъ отправился, для выясненія странности, лично къ должницѣ. Онъ отыскалъ ее въ затхлой, темной квартиркѣ во дворѣ огромнаго дома на Караванной. Его обдало въ дверяхъ прѣлымъ запахомъ цикорія; полуслѣпая кошка, не спѣша, поднялась изъ-подъ ногъ у самаго порога... Хозяйка, закутанная, несмотря на лѣтнюю пору, въ большую теплую шаль, встрѣтила его тѣми же упреками, пришла въ негодованіе, что описали имущество даже ея жилицы—madame Сорохтиной.

— Наталья Никаноровна!—крикнула она.

Изъ-за перегородки вышла молодая, прекрасная дама съ пышною русою косой. Она объяснила, что изъ числа описаннаго кушетка и утюги—ея собственность.

— Что̀ значитъ конецъ вашего письма?—обратился Антроповъ къ хозяйкѣ.—До настоящаго случая я не имѣлъ удовольствія даже слышать о васъ.

— Какъ, не имѣли? Я въ домъ ходила, даже бѣлье моего шитья носили вы...—заговорила Туманская.—У меня изъ головы вонъ, что какая-то тамъ росписка... вѣдь этому шестой годъ! Николай Саввичъ безъ росписки ничего не давалъ, такой ужъ порядокъ былъ у него... а деньги я не взаймы брала... Онъ даже бѣлошвейную обѣщалъ открыть мнѣ... и вмѣсто того за квартиру мою платить пересталъ...

Антропову смутно вспомнилось что-то... Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ замять разговоръ, увѣривъ, что никакого

взысканія по роспискѣ не будетъ. Онъ даже освѣдомился деликатно—не можетъ ли быть полезнымъ Туманской. Та расплакалась и откровенно призналась, что не имѣетъ денегъ и на лекарства, что ради нея Сорохтина продала свои книги...

— Какія книги?—спросилъ Антроповъ.

— Гоголя продала, учебниковъ нѣсколько... — отвѣтила Сорохтина.

— Вы учитесь?

— Въ учительницы готовлюсь.

— Вы такъ молоды...

— Вамъ кажется? Я ужъ вдова...

— Быть не можетъ!

Завязался разговоръ. Антроповъ нашелъ въ Сорохтиной умную и очень развитую особу, притомъ еще бывшую какъ-то увлекательно милой. Онъ ушелъ восхищенный и попросилъ позволенія бывать.

Особенно тронула Антропова та высокая въ своей простотѣ человѣчность, которая связывала его новыхъ знакомокъ. Мужъ Сорохтиной, промотавшійся отставной кавалеристъ, задолжавшій даже Туманской за комнатку, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Оставшаяся въ нищетѣ, вдова не знала, гдѣ приклонить голову... Туманская призрѣла ее, предложивъ „бѣдствовать вмѣстѣ", стала дѣлиться послѣднимъ съ нею...—„Куда же дѣваться ей!"—просто заключила она, разсказавъ объ этомъ Антропову. — „Кому же ходить за ней!" — говорила въ свою очередь Сорохтина, когда Антроповъ заставалъ ее озабоченною, погруженную въ хлопоты о пластыряхъ, припаркахъ для изнемогавшей подъ приступомъ недуговъ Туманской...

Такъ же просто, безхитростно установились и отношенія Антропова къ знакомкамъ. Туманская избавилась отъ гнета нужды; въ комнаткѣ Сорохтиной зашумѣла неизбѣжная по идеямъ того времени швейная машина; на этажеркѣ, вмѣсто проданныхъ книгъ, выросла цѣлая библіотека, въ томъ числѣ хорошенькіе томики Гейне, только-что появившагося тогда, гамбургскаго изданія (онъ былъ любимымъ поэтомъ Сорохтиной)... Возвратившись со службы, Антроповъ проходилъ прямо въ садъ, гдѣ знакомки, перебравшіяся по близости, проводили почти цѣлые дни; а если ихъ не было, то, пообѣдавъ нà-скоро, отправлялся къ нимъ... Къ осени Антроповъ и Сорохтина настолько сблизились, что, купивъ однажды въ подарокъ ей томикъ стихотвореній Некрасова, онъ загнулъ уголокъ странички, а на ней подчеркнулъ карандашомъ два стиха:

„И въ домъ мой, смѣло и свободно,
Хозяйкой полною войди..."

И она вошла... Несмотря на всѣ свои качества красивой и свѣтски-воспитанной дамы, она не выказала суетныхъ склонностей, отдалась вся покою, домосѣдству и радостной, хотя не совсѣмъ умѣлой, хозяйственной хлопотливости... Это создало для Антропова конечную тихую пристань. Онъ всецѣло посвятилъ себя службѣ, а какъ „идейную" дѣятельность—избралъ пописываніе статеекъ,—правда, не отличавшихся широтою мыслей, но зато выдававшихся спеціальными свѣдѣніями, цифрами, фактами — изъ числа таившихся отъ свѣта подъ ревнивымъ покровомъ канцелярской тайны въ глубинѣ департаментскихъ шкафовъ...

Не забылъ Антроповъ и случайную виновницу устроившагося блаженства: онъ открылъ Туманской обѣщанное отцомъ бѣлошвейное заведеніе и остался съ нею въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ.

XXIII.

Минула Пасха. Перестала бушевать вскрывшаяся мутная Нева и засверкала прозрачною гладью подъ лучами весенняго солнца. Начали подвѣшиваться штукатуры къ домамъ и затягивать свои безконечныя пѣсни...

Для семьи Анны Ивановны Шульцъ настала „страдная пора" экзаменовъ. Измайловъ и Мерцаловъ стали засиживаться до глубокой ночи, сгорбившись надъ столиками и торопливо наверстывая время, потраченное на уроки и всякія погони за работишкой. Когда сидѣнье доводило до тупого, бездумнаго оцѣпенѣнія, они шли развлечься въ „Вольный-городъ Любекъ" или просто растягивались на кроватяхъ, отдаваясь умственной неподвижности и приходя въ себя.

Во время одного изъ такихъ отдыховъ, кто-то постучался въ дверь. Пока товарищи переглядывались, озадаченные необычайностью, дверь отворилась и вошелъ Антроповъ, съ портфелемъ въ рукѣ.

Измайловъ поспѣшилъ на встрѣчу гостю. Мерцаловъ, бывшій уже слишкомъ „по домашнему", захватилъ должное со стула и скрылся въ другой нумеръ, привести тамъ въ порядокъ себя.

— По совѣсти, Валентинъ Петровичъ!.. по чистой совѣсти!.. — заговорилъ Антроповъ, стоя посреди комнаты. — Свободны вы, не помѣшаю я—то такъ! А нѣтъ—отъ воротъ поворотъ! Безъ церемоній-съ!

Измайловъ по совѣсти увѣрялъ, что помѣхи не можетъ быть никакой, что они съ товарищемъ даже рады отдохнуть.

Вскорѣ вернулся и пріодѣвшійся Мерцаловъ. Столики сдвинулись на срединѣ нумера. Мѣсто лекцій и книгъ занялъ „скомандованный" самоваръ. Послѣ новыхъ, конфузливыхъ извиненій, Антроповъ извлекъ изъ портфёля статью, составлявшую цѣль визита, и ее тутъ же развернули на столѣ.

Она называлась: „Къ вопросу о способахъ взиманія окладныхъ сборовъ". Своимъ звучнымъ, слегка неспокойнымъ баскомъ Антроповъ прочелъ вступленіе. Въ немъ плательщики кудревато уподоблялись дереву, а налоги—плодамъ, сбирать которые слѣдуетъ отнюдь не ломая сучьевъ, а тѣмъ болѣе *не сдирая коры*... Это заставило Мерцалова прищурить одинъ глазъ и вглядѣться въ Антропова, къ бритому лицу котораго и къ „буржуйной" солидности онъ внутренно не чувствовалъ расположенія.

Такъ какъ дальше начиналась область цифръ, статей закона, спеціальныхъ терминовъ, то вызванъ былъ изъ сосѣдняго нумера студентъ-юристъ — черномазый и горбоносый кавказецъ, съ шапкою кудрей, съ желтыми пальцами отъ куренія въ нихъ самодѣльныхъ папиросъ, — „съѣвшій собаку" въ экономистахъ, отъ Адама Смита до Бланкѝ... А такъ какъ у кавказца случились товарищи, то пришли и они.

Самоваръ смѣнили бутылки знаменитаго кроновскаго пива... Антроповъ, снявшій, въ согласность съ порядками, сюртукъ, читалъ, объяснялъ, чокался стаканомъ и вспоминалъ свои мытарства на пути къ наукѣ, повторяя:—„Оно, конечно, слѣдовало бы... Ну, да впрочемъ..."—Среди поднявшихся дебатовъ, огласившихъ даже корридоръ, статья признана была „забористою", но не обоснованною философски. Чтобы помочь этому горю, кавказецъ тутъ же принялся „править" ее, вызывая поминутно новые дебаты...

Красное зарево заката ударило въ окно... замлѣло полоской на пестренькихъ, мѣстами отдувшихся обояхъ... продвинулось дальше и скрылось... Анна Ивановна внесла лампу, отозвала Измайлова къ двери и зашепталъ ему что-то по-нѣмецки...

— Gut! Несите!—весело отвѣтилъ онъ.

Появилась сковорода шипящихъ домашнихъ сосисекъ, а за нею—новая партія бутылокъ.

Уже перекликались пѣтухи. Измайловъ, стоя на площадкѣ и сжигая спичку за спичкой, освѣщалъ лѣстницу. Антроповъ спу-

скался, нащупывая осторожно кончиками сапоговъ вытоптанныя ступеньки...

— Жду-съ, Валентинъ Петровичъ!.. Не съ визитомъ, нѣтъ-съ!.. А чтобы по душамъ, какъ вотъ у васъ имѣлъ удовольствіе! — доносился его басокъ.

XXIV.

Миновали благополучно и экзамены.

Мерцаловъ окончилъ курсъ благополучно, но впалъ отъ этого только въ мрачность, ходилъ угрюмый, нахмуренный, или валялся въ раздумьи на кровати, вздернувъ ноги на спинку, по „американскому способу“.

— Какъ же ты думаешь? При университетѣ останешься? за границу поѣдешь?—спросилъ однажды Измайловъ.

— То-то вотъ и оно-то!—отозвался новоиспеченный кандидатъ.—Университетъ—доброе дѣло... за-граница тоже... А что̀ надобнѣе жизни-то? Теоретики или работники практическіе?.. Наука космополитична, ее и отъ сосѣдей не важность пересадить—такія головы явятся на казенныя деньги, что ну! А съ родною дѣйствительностью какъ ты справишься? Ей родные дѣятели нужны и сейчасъ, вотъ, сію минуту!.. Выходитъ, что время не въ архивы удаляться, а въ жизнь лѣзть, въ сумятицу въ самую!..

— Хочешь въ нашемъ губернскомъ земствѣ работать? Отецъ предсѣдателемъ тамъ.

— И это держу въ башкѣ... А перво-на̀перво, какъ ни вертись, кондицію надо выискать, обмундироваться малость... Ты самъ-то не ѣдешь къ родителямъ?

— Тоже не знаю...

Это значило, что и ему „перво-на̀перво“ надо заработать на проѣздъ...

Товарищи стали разставаться утромъ, чтобы сойтись только вечеромъ, стали отбивать себѣ ноги въ хлопотахъ, истаптывать послѣдніе сапоги. Вернувшись однажды съ своихъ хлопотъ, Измайловъ наткнулся въ нумерѣ на странную картину: ящики комода были выдвинуты и опустошены; Мерцаловъ, поджавъ ноги калачикомъ и распѣвая пѣсни, сидѣлъ на полу, окруженный разбросаннымъ бѣльемъ...

— Что̀ это ты дѣлаешь?—остановился въ недоумѣніи Измайловъ.

— Валька!—поднялъ Мерцаловъ руку съ парою носковъ въ ней.—Побѣда! Кондиція... деньжищи!

— Да что ты дѣлаешь-то?

— Э, чортъ!—И онъ швырнулъ носки.—Имущество думалъ собрать, а тутъ и самъ капитанъ-исправникъ не разберетъ, что твое, что мое... Сколько у тебя „невыразимыхъ" было?

— Ты бери что поновѣе и получше,—рѣшилъ Измайловъ:— мнѣ все равно, съ чѣмъ ни оставаться пока... Гдѣ кондиція? Въ деревнѣ?

— Подъ Питеромъ подъ самымъ! Въ морской корпусъ мальца навастривать!.. Хозяинъ—бѣлѣйшая кость, братецъ ты мой, вельможа изъ вельможъ! Сто рублевъ въ мѣсяцъ самъ ассигновалъ; за мѣсяцъ впередъ запросилъ я—онъ и глазомъ не моргнулъ... Половинку тебѣ оставлю...

— Когда ты ѣдешь?

— Завтра, послѣ завтра—какъ вельможа заблагоразсудитъ...

Онъ задумался, обхвативъ руками колѣни и покачиваясь.

— Валька!—сказалъ онъ потомъ, вскинувъ голову.—Жили мы съ тобой, не дрались; встрѣтимся—тоже не подеремся... А теперь—катнемъ въ „Любекъ"!..

XXV.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Мерцалова, Измайловъ шелъ часу въ пятомъ по Невскому. Его догнали извозчичьи дрожки, и съ нихъ кубаремъ скатился Антроповъ, къ которому онъ никакъ не удосуживался собраться.

— Валентинъ Петровичъ! Вы ли? — воскликнулъ тотъ радостно.

Измайловъ признался, что это онъ, и извинился въ своей неаккуратности хлопотами, проводами товарища.

— Зайдемте къ Палкину! Икра—чистый бисеръ! листовка— просто духи!

Какъ ни отговаривался Измайловъ, но радушный Антроповъ затащилъ-таки его. Вокругъ публика закусывала уже и обѣдала напропалую. У буфета шла давка.

— Долго ждалъ я васъ, Валентинъ Петровичъ, и теперь уже прямо къ обѣду прошу... Да-съ! — сказалъ Антроповъ, чокнувшись рюмкой. — Отказу не полагается!

Измайлову оставалось лишь покориться, и онъ принялъ приглашеніе къ четыремъ часамъ слѣдующаго дня.

Небольшой, тонувшій въ зелени, домъ Антропова, заросшій травою дворъ (ходъ былъ, по старинному, чрезъ калитку), горничная въ розовомъ ситцевомъ платьѣ и съ растеряннымъ взглядомъ—напомнили Измайлову видѣнныя имъ еще въ дѣтствѣ усадьбы небогатыхъ, но рачительныхъ помѣщиковъ.

Въ залѣ, гдѣ встрѣтилъ его Антроповъ, стояла женщина съ болѣзненнымъ лицомъ и вся въ темномъ. Измайловъ принялъ ее за хозяйку, но Антроповъ, отрекомендовавъ его, похлопалъ ее по плечу и сказалъ:

— Туманская, Марья Васильевна... родственница духовная...

Изъ гостиной, куда направились они, доносились отрывочныя нотки пьянино. Онѣ смолкли, и на встрѣчу показалась дама въ свѣтломъ шолковомъ платьѣ.

— Наталья Никаноровна... рекомендую...—познакомилъ галантно Антроповъ.

Они стали перекидываться обычными фразами, и Измайловъ невольно обратилъ вниманіе, что хозяйка имѣетъ „тонъ“ и очень красива.

— Прошу въ столовую! — подлетѣлъ къ нимъ суетившійся Антроповъ.

Столовая оказалась крохотная комнатка, съ единственнымъ „венеціанскимъ“ окномъ, выходившимъ въ уголокъ сада; столъ былъ накрытъ по домашнему—со столбикомъ тарелокъ, съ помятыми салфетками для своихъ и чистою для гостя. Во всемъ видѣлась простота. Наталья Никаноровна, откинувъ широкій модный рукавъ платья, сама нарѣзала хлѣбъ, налила травнику мужчинамъ. Необыкновенно шли къ этой простотѣ и глядѣвшія въ окно вѣтки акацій, увѣшанныя молодыми стручьями, и стаи крикливыхъ пріученныхъ воробьевъ, порхавшихъ предъ стеклами...

Кушанье принесла Туманская, объяснивъ, также по простотѣ, что Аннушка (горничная) кофе варитъ.

За обѣдомъ хозяйка,—видимо, пользуясь случаемъ поговорить,—касалась самыхъ современныхъ вопросовъ, выдававшихся литературныхъ новинокъ, выказывая себя женщиной, какъ называлось тогда, „эманципированной“.

Во время кофе, Антроповъ, гордившійся женой и старавшійся обличать всякіе ея таланты, сказалъ:

— Ты знаешь, Natalie? Валентинъ Петровичъ—чтецъ превосходный! Ты вотъ ему Гоголя прочти, если хочешь, чтобы оцѣнили тебя; а то мы съ Марьей Васильевной только со смѣху помираемъ...

— Что ты все меня выставляешь!..—мягко, но съ нотаціей остановила его Наталья Никаноровна.

Скользнувшая въ ея голосѣ какая-то нотка странно поразила Измайлова... Въ мысляхъ у него мелькнуло что-то смутное, отдаленное... Онъ глянулъ на хозяйку, и точно повязка упала у него съ глазъ... Излеръ... черноволосый буянъ... заплаканное миловидное личико—все воскресло мгновенно и... предъ нимъ была *Аделина*... Она пополнѣла, расцвѣла, но не узнать ее было невозможно... Онъ бросилъ взглядъ на Туманскую, и она превратилась въ постарѣвшую *Клару*...

Онъ чуть не вскрикнулъ, измѣнившись въ лицѣ... Наступившая минутка замѣшательства, быстрый взглядъ, которымъ обмѣнялись дамы,—показывали, что и онѣ узнали его...

Какъ только встали изъ-за стола, Измайловъ, подъ предлогомъ, что надо спѣшить на урокъ, взялся за шляпу.

XXVI.

Дома Измайловъ долго—до самой ночи—то ходилъ по нумеру, то приваливался на диванъ, въ мучительномъ состояніи тупой, безпредметной тоски... Въ неподвижныхъ мысляхъ стоялъ только вопросъ:—„Какъ поступить?“...

Съ установившеюся уже въ немъ привычкой анализировать всякую мелочь въ своихъ поступкахъ, руководиться во всемъ нравственною увѣренностью, провелъ онъ надъ этимъ вопросомъ и ночь, въ какихъ-то отрывкахъ сна, а всталъ съ убѣжденіемъ, что бывать у Антроповыхъ—значитъ смущáть ихъ покой, поступать *нечестно*... Подвернувшееся затѣмъ объявленіе, приглашавшее учителя на дачу „за столъ и квартиру“, послужило какъ бы нитью Аріадны въ лабиринтѣ... Измайловъ ухватился за него и, спустя нѣсколько дней, былъ уже за Ораніенбаумомъ, въ дрянной, изъ барочнаго лѣса лачугѣ, отдаваясь самоотверженно занятіямъ съ дерзкимъ, избалованнымъ мальчикомъ—сыномъ придворнаго истопника.

Но мальчикъ капризничалъ и показывалъ учителю языкъ, вмѣсто отвѣтóвъ. Истопница, не чаявшая души въ своемъ сокровищѣ, „честью просила“ старавшагося учителя „не неволить слабаго ребенка“, а при возраженіяхъ—озлоблялась и начинала „рвать и метать“... Истопникъ проводилъ ночи въ картежной игрѣ съ набиравшимся разнымъ людомъ, и лачужка дрожала отъ шума и гвалта,—причемъ особенно отличался мѣстный дьячокъ,

то вздорившій до озвѣрѣнія, то хвалившійся своимъ козлинымъ теноромъ и пускавшій нестерпимыя рулады... Измайловъ, съ его и такъ уже затронутыми нервами, потерялъ терпѣніе и сбѣжалъ.

На Петербургъ глянулъ онъ съ какимъ-то недоумѣніемъ— не зная, что̀ дѣлать съ собою, за что̀ приняться. Занявъ посуточно комнатку въ простенькихъ нумерахъ на Малой-Итальянской, онъ провалялся нѣсколько дней на кровати, потомъ вдругъ ощутилъ жажду дѣятельности и принялся за переводъ скучнѣйшаго и пространнаго нѣмецкаго руководства по ботаникѣ, уходя, какъ во что-то отрадное, въ міръ фитономіи, фитологіи, тычинокъ, лепестковъ... Но охота такъ же нежданно отпала, какъ и пришла. Немногіе набросанные листки остались на столѣ покрываться пылью, а Измайловъ написалъ отцу, спрашивая—въ Екатериновкѣ ли семья?—и сталъ лихорадочно ждать отвѣта, не сознавая, что все существо его растревожено, что онъ, подобно неспокойному больному, ищетъ только перемѣны положенія...

XXVII.

Отправляясь однимъ днемъ на Крестовскій, Измайловъ взбѣжалъ на пароходъ, по готовому уже сняться трапу, и остановился на палубѣ. Сзади кто-то взялъ его за плечи. Онъ оглянулся: передъ нимъ былъ Антроповъ—гладко выбритый, свѣжій, въ мягкой пуховой шляпѣ и съ биноклемъ на ремнѣ черезъ плечо.

— Откуда? какими судьбами? — заговорилъ онъ.—Былъ у васъ—слѣдъ простылъ! Къ себѣ ждалъ—и не тутъ-то было!

— Я думалъ, что вы уже на дачѣ,—оправдался Измайловъ.

— Зачѣмъ! У насъ садъ—дача! Natalie!—крикнулъ онъ.— Вотъ бѣглецъ-то, нашелся!

Наталья Никаноровна стояла невдалекѣ, разговаривая съ какимъ-то пожилымъ господиномъ сановитой наружности, въ сѣромъ цилиндрѣ и съ плэдомъ на плечѣ. Она отклонила въ сторону бѣлый кружевной зонтикъ, глянула и подошла. Чуть примѣтная краска разлилась у нея по бѣлой, низко открытой шеѣ, когда подала она руку Измайлову.

Антроповъ шепнулъ: „Начальство!“ — и поспѣшилъ къ господину сановитой наружности.

Наталья Никаноровна продвинулась вдоль свободной скамьи и сѣла, указавъ Измайлову мѣсто около себя. Онъ молча и смущенно опустился, стараясь не коснуться ея раскинувшагося

платья. Она смотрѣла на него искоса, съ тонкимъ, мягко-свѣтившимся лукавствомъ во взглядѣ, отводя медленно ленту пастушеской соломенной шляпы, скользившей по щекѣ, и вдругъ разсмѣялась.

— Вотъ и исполнилось ваше желаніе знать, гдѣ я живу!— сказала она шутливо.

Предъ нимъ все точно просвѣтлѣло. Онъ тоже засмѣялся и сталъ разсказывать, какъ встрѣтилъ ее въ Пассажѣ... Она передала о смерти мужа, о знакомствѣ съ Антроповымъ.

— Я очень постарѣла? Да?

— Нѣтъ, но вы измѣнились...

— Я была совершенный ребенокъ...

Пароходъ плавно скользилъ, бороздя спокойную гладь, отливавшую тусклымъ румянцемъ подъ косыми лучами спускавшагося солнца; изъ-подъ мѣрно-стучавшихъ колесъ разбѣгались вѣеромъ плоскія, пѣнистыя по краямъ вòлны, сверкая переливами въ покидаемой дали...

Пароходъ толкнулся о пристань.

— Стопъ!—выкрикнулъ, едва удерживаясь на ногахъ, подходившій Антроповъ.—Пріѣхали!

Онъ взялъ жену подъ-руку, и подтвердилъ, прощаясь съ Измайловымъ:

— Мы ждемъ васъ!

— Ты день назначь,—сказала Наталья Никапоровна.

— И это можно: въ воскресенье, на пирогъ съ сигомъ!

Пароходъ снова застучалъ колесами. Бѣлый зонтикъ Натальи Никаноровны мелькнулъ въ разбредавшейся кучкѣ пассажировъ и пропалъ за темною зеленью деревьевъ...—„Разумѣется...— думалъ Измайловъ. — Чему могутъ мѣшать хорошія, дружескія отношенія!..“

Вечеромъ, дома, онъ нашелъ письмо отъ отца. Оно было пространное и начиналось перечисленіемъ разныхъ губернскихъ событій.—„У насъ новый губернаторъ, изъ „молодыхъ“, противникъ всякихъ табелей о рангахъ,—писалъ генералъ.—Наше чиновное тупоуміе и тупорыліе повергнуто въ ужасъ. Начинается чистка авгіевыхъ конюшенъ—сирѣчь, желтаго корпуса присутственныхъ мѣстъ. Рикошетомъ отзывается это и на прочемъ. Объявился спросъ на знающихъ, чѐстныхъ людей, а такъ какъ все подобное было изстари не ко двору у насъ, то и выходитъ, что хоть шаромъ покати...“ Сообщивъ дальше подробный перечень хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ мѣръ, проектирован-

ныхъ юнымъ, ретивымъ земствомъ, генералъ извѣщалъ сына, что ждетъ его въ городъ, ибо скораго отъѣзда въ Екатериновку не предвидится.

„Зачѣмъ поѣду я въ городъ?—подумалъ Измайловъ.—Дѣлать визиты? показывать себя?"—Онъ раздѣлся и, съ пріятнымъ, совсѣмъ забытымъ за послѣднее время, ощущеніемъ физическаго и душевнаго равновѣсія, улегся на кровать.

XXVIII.

Все складывалось такъ, что провести лѣто было желательнѣе въ Петербургѣ. Среди всевозможныхъ объявленій объ урокахъ, каждое по-своему не говорившихъ „словечка въ простотѣ, а все съ ужимкой"... нашлось одно, правдивое и оправдавшее себя. Оно приглашало „молодого, знающаго репетитора къ послушнымъ дѣтямъ". Явившись по этому вызову въ большую, свѣтлую квартиру, въ Стремянной, Измайловъ столкнулся съ одною изъ тѣхъ реформировавшихся, милыхъ семей, гдѣ почииъ въ этомъ принадлежалъ не молодежи, а старшимъ, и потому все шло плавно, безъ скачковъ, безъ рѣзкостей. Главенствовавшая, какъ „женщина", мать стригла волосы, курила, не носила ни серегъ, ни колецъ, кромѣ обручальнаго, зачитывалась Писаревымъ и Добролюбовымъ, а къ новизнѣ преисполнена была такимъ благоговѣніемъ, что рѣчь не начинала иначе, какъ фразой: „Въ настоящее время, когда..." Прислугѣ говорилось „вы". Отецъ—отставной артиллерійскій полковникъ—носилъ волосы до плечъ и бороду, самъ пилилъ дрова, а о новыхъ порядкахъ, приплетая аллегорически свои и женины волосы, выражался не безъ остроумія:—„Справедливое время: что̀ длинно, то стригутъ, а короткое отпускаютъ..."—Дѣти были благовоспитанно послушны, не скрытничали, не лгали, руководясь примѣромъ старшихъ. Неудачникъ-младшій потому и „срѣзался" на вступительномъ гимназическомъ экзаменѣ, что на вопросъ законоучителя:—„Во сколько дней Богъ создалъ свѣтъ?"—отвѣчалъ со всею, доступною ему правдивостью:—„Говорятъ, что въ семь, а впрочемъ, не знаю..."—Передавая это Измайлову, мать съ сокрушеніемъ воскликнула:—„Какъ объяснить ему, что есть двѣ правды: Фихтевская—абсолютная—и житейская!.."

Измайловъ съ перваго же урока привязался къ этой семьѣ, далеко пересиживая условленный „часъ", становясь изъ учителя гувернеромъ, работая отъ всей радостной полноты души...

У Антроповыхъ сталъ бывать онъ часто, проводить у нихъ вечера, даже цѣлые дни. (— „Вашъ приборъ всегда на столѣ-съ!“ — сказалъ ему въ первое же свиданіе Антроповъ). Чувство какого-то обаятельнаго покоя, душевной благости, охватывало его, какъ только переступалъ онъ порогъ тѣсненькой гостиной, съ традиціоннымъ трельяжемъ изъ плюща, со старинною, обитою кретономъ мебелью. Онъ велъ разговоры съ Антроповымъ, любившимъ порою, путаясь и дѣлая скачки, повитать умомъ въ какой-нибудь отвлеченности; бесѣдовалъ о всякихъ „вопросахъ“ съ Натальей Никаноровной, или читалъ вслухъ что-нибудь новенькое. Случалось, что Антропова не бывало дома. Тогда Наталья Никаноровна принимала Измайлова у „себя“—на террасѣ, выходившей въ садъ, увитой хмелемъ и дикимъ виноградомъ, уставленной по стѣнамъ рѣдкими розами, магноліями, датурами, цѣлыми семьями гераній, разноцвѣтныхъ гвоздикъ... Тамъ шли у нихъ споры, завязывались самыя современныя „идейныя“ бесѣды... „Развивать“—какъ говорилось тогда — собесѣдницу Измайловъ не думалъ. Но проникавшій его задоръ тогдашней, юной, кипучей жизни, бившей всюду ключомъ, смѣло бросавшей перчатку самымъ искони неодолимымъ Голіаѳамъ, переливался невольно въ слушательницу, увлекалъ ее...

XXIX.

Явившись въ одно изъ воскресеній, Измайловъ нашелъ Наталью Никаноровну на ея террасѣ. Она полулежала въ длинномъ вѣнскомъ креслѣ и медленно, съ лѣнивою граціей, поднялась на встрѣчу ему.

— Андрей Николаевичъ гдѣ?—спросилъ онъ.

— Чуть свѣтъ на тоню уѣхалъ.

— Что̀ это вздумалось ему?

— Не знаю... На него что-то часто стали нападать такія „гулянки“... Вчера до самаго утра въ гостяхъ пробылъ... Садитесь и не обращайте вниманія на меня...

— Почему?

— Я никуда не гожусь сегодня... Тоска, скука, жара...

Въ легкомъ, какъ дымка, платьѣ голубоватаго цвѣта, томная, съ небрежно-свернутою косой, она была вызывающе красива. Рука ея точно обожгла Измайлова, когда онъ пожималъ ее.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ онъ.

— Не то, чтобы... Нѣтъ... Мысли сегодня мрачныя у меня...

— Что̀ такъ?

Она молча прошлась по террасѣ, вынула и опять вставила черепаховыя гребенки на вискахъ—жмурясь и сильно надавливая на кожу, точно радуясь ощущенію боли...

— Я думала о томъ, — заговорила она,—какъ настойчиво, систематически судьба отдаляетъ иногда человѣка отъ его цѣлей, мѣшаетъ всякимъ намѣреніямъ, толкаетъ къ противному всѣмъ его ожиданіямъ... свойствамъ...

Румянецъ разлился у нея по лицу, черные искристые глаза отуманились. Она нагнулась и жадно вдохнула въ себя запахъ крупной пунцовой розы. Таившаяся въ кустахъ птичка вспорхнула, играя въ воздухѣ...

— Отсюда, отъ вмѣшательства этой *судьбы*, какъ выразились вы, и беретъ начало борьба съ жизнью, со всѣмъ коснымъ, фатальнымъ...—возразилъ Измайловъ.—Безъ этой борьбы человѣчество не знало бы ни сильныхъ характеровъ, ни героевъ... даже совсѣмъ бы не развивалось...

— Да... Но пока человѣкъ борется, всѣ дары его, всѣ лучшія стремленія глохнутъ... атрофируются... И если случится, что онъ достигнетъ цѣли, то уже трупомъ — усталымъ, извѣрившимся...

— Весьма возможно... Но суть не въ томъ, чтобы человѣкъ достигалъ какой-то, лично ему надобной цѣли... Важенъ самый фактъ борьбы, важно сознаніе ея неизбѣжности... А цѣль — накопленіе этою борьбой суммы общаго блага. Всякое благо тогда лишь хорошо и дѣйствительно, когда имъ обладаетъ общество, а не личность непосредственно...

— Но я, напримѣръ... Я не знала эгоистическихъ стремленій—я рвалась къ свѣту, жаждала жизни, дѣла... А все сложилось такъ, что вотъ я... въ могилѣ...

Голосъ ея дрогнулъ. Она отвернулась, закинувъ руки назадъ и подбирая волосы. Измайлову видѣлся только красивый изгибъ ея шеи, нервно двигавшіеся тонкіе пальцы...

— Да, мрачныя мысли у васъ...—проговорилъ онъ.

— Что-жъ? не права я?—повернулась она.—Этотъ мірокъ разъ навсегда отмежеванныхъ радостей и печалей... этотъ волшебный кругъ чувствамъ, стремленіямъ... мысли...—не могила развѣ?.. Что̀ жъ остается? Влюбляться въ циркистовъ, вродѣ летающаго красавца-Леотара, танцовать въ клубахъ, сходить съ ума отъ Страуса въ Павловскѣ?..

— Боритесь, ищите выхода!

— Да?—спросила она съ удареніемъ и вглядываясь въ него.

— Не опускать же руки...

Она прошлась по терраскѣ. Волна чего-то радостнаго охватила ее, тронула трепетомъ плечи, мелькнула огонькомъ въ глазахъ...

— Еслибъ вы знали, — заговорила она, присаживаясь по другую сторону желѣзнаго садоваго столика.—Еслибъ вы знали, какъ давно и... безуспѣшно борюсь я! Ради этой борьбы, я порвала все съ нашимъ губернскимъ аристократизмомъ, бросила семью, родину... отдалась, чтобъ быть самостоятельной, тому, котораго вы видѣли... Я жертвовала всѣмъ... И всѣ мои самыя чистыя стремленія, всѣ порывы, надежды—все осмѣяла судьба!.. Единственною свѣтлою личностью на всемъ пути моемъ былъ учитель мой..., потомъ я столкнулась съ нимъ здѣсь, въ Петербургѣ...

— Вы... фамилія вашего отца Князевъ!—воскликнулъ Измайловъ:—Учителемъ вашимъ былъ Мерцаловъ?

— Вы знаете?!

— Мерцаловъ—товарищъ мой!

И онъ разсказалъ о своемъ случайномъ заочномъ знакомствѣ съ нею, о томъ, что жилъ съ Мерцаловымъ въ одной комнатѣ. Она слушала его, наклонившись черезъ столикъ и почти касаясь его плеча взволнованнымъ лицомъ.

— Вотъ и тутъ судьба играла мною, столкнувши насъ!..— заговорила она.—На что мнѣ этотъ буржуазный покой! У меня нѣтъ больше силъ выносить его!.. Я не боюсь ни жертвъ, ни лишеній... Съ первой же встрѣчи нашей я не разставалась съ мечтой... винила себя, укоряла...

Она умолкла отъ подступившаго къ горлу волненія, сорвала и бросила на столикъ, точно душившую ее, черную бархатку на шеѣ... Онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе, близость щеки, полураскрытыхъ губъ... Какой-то радостный испугъ охватилъ его до головокруженія, мысли путались у него, въ глазахъ темнѣло...— „Вотъ и развязка... то, чего надо было бояться...“—выстукивало колотившееся сердце, въ тактъ мелькавшему въ головѣ...

Онъ превозмогъ себя, сдѣлавъ отчаянное усиліе, и заговорилъ, едва владѣя блѣдными, слипавшимися губами, о трудностяхъ борьбы вообще, о женскомъ вопросѣ, о „Письмахъ“ Михайлова...

Она изумленно подняла на него глаза, и съ затаеннымъ чувствомъ неловкости и обиды отклонилась къ спинкѣ стула.

Наступило молчаніе. Онъ взялся за шляпу. Наталья Никаноровна, молча и не вставая, протянула ему руку, и рука эта безжизненно упала потомъ на колѣни...

XXX.

— „Чтò же я сдѣлалъ?.. Я только *честно* поступилъ!“ — вскрикнулъ Измайловъ. Онъ приподнялся и сѣлъ на кровати. Онъ былъ одѣтъ. На столѣ, мерцая, вспыхивала забытая догорѣвшая свѣча. Судя по затихшему грохоту экипажей, была уже глубокая ночь...

Онъ провелъ рукою по волосамъ, приходя въ себя, и сообразилъ, что это все—тотъ же кошмаръ, не дающій ему покоя съ самаго возвращенія отъ Антроповыхъ... И онъ сталъ думать, охватываемый то чистымъ, неизвѣданнымъ блаженствомъ, то нестерпимою мукой...

— „Почему такъ поступилъ я?.. Чтò такое честное или нечестное вообще? въ чемъ критеріумъ?..—мелькало въ пылавшей головѣ.—Нечестно—заѣдать чужой вѣкъ, мѣшать человѣку быть счастливымъ... А Дарвинъ?.. борьба за существованіе?.. Кто щадитъ въ ней другъ друга!..“ —И боязнь утраты, надежда, сладкая мука впервые проснувшейся страсти—томили его, мѣшая радость съ грустью... Но тутъ же вставалъ иной порядокъ мыслей, и встревоженная совѣсть шептала:—„Увѣренъ ли ты въ своей нравственной правотѣ?.. При чемъ тутъ Дарвинъ? Борьба за существованіе—неуловимый органическій процессъ, правильно совершающійся въ жизни обществъ, а не безпорядочное осуществленіе каждымъ своихъ личныхъ превосходствъ“... Все существо его точно на части распадалось... выработанные съ такимъ ревнивымъ стараніемъ, принципы, истины—шатались, рушились подъ неумолимою логикою жизни...

Въ окно глянулъ разсвѣтъ. Измайловъ безсильно повалился на жиденькую нумерную подушку, скомкавъ ее и сцѣпивъ руками, стараясь забыться, заснуть...

Всталъ онъ поздно, съ измятымъ лицомъ и красными глазами. Выйдя точно лунатикъ, онъ машинально миновалъ одну улицу, другую... машинально сѣлъ въ попавшуюся общественную карету, тащившуюся при помощи славившихся тогда „Щапинскихъ львовъ“, и поѣхалъ на желѣзную дорогу—къ Мерцалову.

XXXI.

Въ шестомъ часу, въ добытой на полустанкѣ крестьянской телѣгѣ, Измайловъ подъѣхалъ къ роскошной, красивой усадьбѣ.

Презентабельный лакей съ чиновничьими бакенами и въ сапогахъ безъ каблуковъ провелъ его въ сосѣдній съ домомъ павильонъ, гдѣ помѣщался Мѣрцаловъ.

— Валька! Вотъ умница! — обрадовался тотъ, обнимая товарища.—Какъ это надумалъ ты?

Въ черномъ сюртукѣ и сѣрыхъ панталонахъ, замѣтно поздоровѣвшій и пополнѣвшій, онъ походилъ на молодого степеннаго англичанина. Въ манерахъ его видѣлась пріобрѣтенная сдержанность; голосъ утратилъ крикливыя нотки.

— Да тебя узнать нельзя!—удивился Измайловъ

— Дѣйствуетъ, братъ, она, среда-то!.. Ха-ха-ха! Оболваниваетъ! Да только это и есть за бѣлою костью, а прочее-другое такъ и вали цѣликомъ въ феодальный хламъ!.. Даже либеральнѣйшій вездѣ дворню создастъ изъ подвластныхъ ему!.. Всмотрѣлся я!.. Садись же... Да что ты вареный точно?

— Такъ... не по себѣ что-то...

— Растрясло барскія тѣлеса?

— Ты свободенъ?

— Вѣстимо: отбарабанилъ, и мальца берейторъ на предобѣденномъ променадѣ муштруетъ!

— Ты не ожидаешь, что̀ скажу я, пораженъ будешь...—началъ Измайловъ.

И онъ сталъ разсказывать о своей встрѣчѣ съ *Аделиной,* о послѣднемъ свиданіи съ *Князевой*...

Когда онъ кончилъ, Мерцаловъ молча всталъ, отворилъ окно, затѣненное легкими вѣтками молодого клена, и долго смотрѣлъ въ туманную глубь парка, вдыхая врывавшуюся свѣжесть...

— Такъ она за этимъ добрымъ буржуемъ...—заговорилъ онъ потомъ, шагнувъ задумчиво по комнатѣ.—Не хватило, значитъ, силёнки-то, не выстояла... То-то она и скрытничала тогда у меня — знала, что не одобрю. А все-таки я скажу: не конецъ тутъ ея мытарствамъ! Вотъ! какъ эти пять пальцевъ, знаю я ее!.. Буржуй—не пара ей!.. Ты какъ съ нею... въ какихъ отношеніяхъ?

— Честное слово!..

Мерцаловъ постоялъ, опустивъ голову и пощипывая бородку.

— Да нѣтъ... я вотъ къ чему говорю,—точно очнулся онъ: —какія бы ни были у васъ отношенія, до меня не касается это, я—отрѣзанный ломоть...

Онъ досталъ изъ-подъ кровати пыльный, истрепанный чемоданчикъ свой и вынулъ изъ него грязную рубашку. Чрезъ не-

примѣтное подпоротое мѣстечко въ воротничкѣ онъ вытянулъ свернутую полоской бумажку и подалъ ее Измайлову.

Это было безсодержательное дружеское письмо, но между строкъ, химическими возстановленными чернилами, излагался планъ устройства подпольной типографіи на югѣ и сообщалось, что „ставить печатное дѣло“ избранъ Мерцаловъ.

— Теперь понимаешь?—поднялъ онъ на товарища оживившіеся, блестѣвшіе глаза.—Окончится кондиція, и я—провалюсь... исчезну... У человѣка двѣ неотъемлемости—ждать, да еще мозгами шевелить... Забить, принизить возможно все въ немъ, но никакія репрессаліи не заставятъ его не ѣсть, никакія ежовыя рукавицы не выжмутъ изъ него стремленія помыслить... Слабъ, блѣденъ у русскаго человѣка ростокъ этой мысли, но не погибъ онъ!.. Нѣтъ ему воздуха и свѣта, такъ пусть хоть подъ спудомъ прозябаетъ онъ, и послужить этому дѣлу надо...

Тотъ же презентабельный лакей доложилъ, что „изволятъ просить къ столу“, но товарищи предпочли пообѣдать вдвоемъ, а потомъ — незамѣтно, подъ заунывный звонъ чугунной сторожевой доски на усадьбѣ,—протолковали вплоть до поры, когда устали уже перекликаться пѣтухи на деревнѣ, а на далекомъ темномъ горизонтѣ черкнула румяная полоска зари... Мерцаловъ предложилъ-было „соснуть малость“, обѣщая, что потомъ кабріолетъ заложатъ, но Измайловъ не легъ и пожелалъ отправиться на полустанокъ пѣшкомъ. Мерцаловъ долго и горячо обнималъ товарища, повторивъ нѣсколько разъ:

— Будь счастливъ, Валька... будь счастливъ!

XXXII.

Въ Петербургъ вернулся Измайловъ рано—съ первымъ поѣздомъ. Истомленный, съ натянутыми нервами, онъ прилегъ на кровать, но вскорѣ, сквозь набѣгавшее полусонное забытье, разслышалъ чей-то стукъ въ дверь.

Вошелъ Антроповъ. Небритое лицо его, смятые воротнички —все обличало безпорядочно проведенную ночь. Не совсѣмъ вѣрно и шагнулъ онъ отъ двери...

— Прошу извинить-съ, Валентинъ Петровичъ... Но... на нѣсколько словъ только... если угодно вамъ будетъ...—заговорилъ онъ, не подавая руки и съ несвойственною ему холодностью.— Могу разсчитывать на ваше вниманіе?

Измайловъ, съ смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго, выразилъ полную готовность и подвинулъ стулъ, на который Антроповъ опустился послѣ замѣтнаго колебанія.

— Всякое положеніе человѣка... даже и тягчайшее, —началъ онъ, постукивая дрожавшими пальцами по столу,—все же лучше, коль скоро выяснено оно... Потому я, въ моемъ положеніи... въ виду извѣстнаго рода близости между вами и Натальей Никаноровной... рѣшаюсь спросить о вашихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ...

— Вы ошибаетесь, Андрей Николаевичъ... вы...—заговорилъ, дрогнувъ, Измайловъ.

— Нѣтъ-съ! — перебилъ тотъ рѣзко. — Душа моя знаетъ... все, каждая мелочь говорятъ мнѣ это... и я обдумалъ, взвѣсилъ... Но, Боже мой! — уже печально продолжалъ онъ.—Я понимаю ее... вижу весь корень разлада, мукъ... Безъ лжи, безъ хитрости сошлась она со мною,—да-съ! въ это всегда буду вѣрить я,— но ошибка, галлюцинація сердца, при грустныхъ обстоятельствахъ ея, были возможны... И я не варваръ, нѣтъ-съ!—стукнулъ онъ себя въ грудь.—Я не потребую насильно любви... не вмѣшаю въ дѣло тутъ формальныя права... Я найду въ себѣ силы перенесть роковое, неизбѣжное... хотя и не смѣю гордиться принципами, убѣжденіями... Но быть въ роли поруганнаго мужа и терпѣть... дѣлить кровъ... я не могу!.. Нѣтъ силъ... нѣтъ. .—Онъ всхлипнулъ; слеза скатилась на его небритую щеку и остановилась на ней...

— Андрей Николаевичъ!—бросился къ нему пылавшій какъ въ огнѣ Измайловъ и схватилъ его руки. — Выслушайте меня, умоляю васъ! и... вѣрьте мнѣ, вѣрьте совѣсти... Я не буду отрицать... мы близки съ Натальей Никаноровной, сочувствуемъ другъ другу, но... честью, жизнью клянусь вамъ! позорной близости нѣтъ между нами и... не будетъ!

Антроповъ смотрѣлъ на него прояснявшимися глазами, сжимая слабо, потомъ крѣпче и крѣпче его руки.

— Вѣрю... отъ полноты души вѣрю вамъ, Валентинъ Петровичъ! — воскликнулъ онъ, поднимаясь, и продолжалъ, переходя отъ возбужденія къ конфузливости:—Но существуютъ обстоятельства, при которыхъ это... затмѣніе мыслей, скажемъ, какъ со мною, является невольно... и онѣ могутъ извинить меня... Я знаю, среди современной молодежи бываютъ близкія, дружескія отношенія, гдѣ—какъ прекрасно выражается это—мужчина въ женщинѣ „*тѣла*“ не чувствуетъ... Тѣмъ не менѣе, необычайность, новизна еще... Ну, довольно! Конецъ—всякому дѣлу

вѣнецъ! Пробѣжала черная кошка и—нѣтъ ея!.. Но и вы, съ своей стороны, покажите, что неудовольствію въ васъ нѣтъ мѣста... будьте по прежнему желаннымъ гостемъ... И... пусть то, что̀ насъ съ вами коснулось, между нами же и останется...

XXXIII.

Измайловъ весь ушелъ въ мысль о заработкѣ—чтобъ быть въ Екатериновкѣ при первой же вѣсти о выѣздѣ туда семьи.

Точно боясь оставаться наединѣ съ самимъ собою, онъ засиживался на урокѣ, велъ современные разговоры съ полковницей, выслушивая ея яростныя филиппики противъ „плантаторовъ“, „отсталыхъ“, противъ укрывшихся въ „мертвые принципы и пассивныя добродѣтели“... корпѣлъ надъ газетными корректурами... Но дни тянулись медленно, лѣниво; сердце ныло отъ не отходившаго, нестерпимаго ощущенія пустоты...

Визитъ къ Антроповымъ считалъ онъ неизбѣжнымъ по требованіямъ приличій, но, по той же причинѣ, избѣгалъ спѣшности съ нимъ. Однажды предъ вечеромъ, спустя уже недѣли двѣ, онъ рѣшилъ отправиться къ нимъ.

Сердце забилось у него, какъ только повернулъ онъ въ знакомую улицу, и тутъ же сжалось какою-то безотчетною тревогой при взглядѣ на завѣшенныя, сверхъ обыкновенія, о̀кна домика, на растворенную калитку... Растворена была и дверь въ переднюю, гдѣ не нашлось никого... Онъ остановился въ недоумѣніи. На порогѣ залы показался незнакомый господинъ въ черномъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ.

— Что же льду?!—крикнулъ онъ повелительно въ пространство и удалился, поскрипывая блестѣвшими сапогами.

Появившаяся Аннушка совсѣмъ, было, промчалась мимо, не обращая вниманія на Измайлова, но онъ остановилъ ее и спросилъ, дома ли Антроповъ. Не отличавшаяся и безъ того сообразительностью, Аннушка казалась теперь совсѣмъ рехнувшеюся. Дрожавшимъ голосомъ и поводя растерянно глазами, она стала разсказывать цѣлое событіе, изъ котораго Измайловъ схватилъ отчетливо лишь одно, точно огнемъ пробѣжавшее у него по мозгу,—что „барыня покончила съ собой, а съ бариномъ ударъ былъ и ему кровь пускали...“

Домой Измайловъ не вернулся. Наутро, на одной изъ окраинъ Петербурга, его взяли какъ сумасшедшаго.

XXXIV.

Неудержимое время помчалось... Красивый домикъ Антропова обветшалъ и принялъ печальный видъ. Съ вѣчно завѣшенными окнами, съ пошатнувшимся заборомъ и обвалившеюся фигурною трубой, онъ сталъ въ околоткѣ предметомъ разсказовъ, разросшихся постепенно до размѣровъ совсѣмъ невѣроятнаго вымысла. Самъ Антроповъ, разбитый параличомъ, дотягивалъ свои дни почти недвижимый, обросшій большою сѣдою бородой. Лѣтомъ, когда солнце заливало своими лучами опустѣвшую отъ цвѣтовъ террасу, на нее выкатывала Антропова, въ старинномъ кожаномъ креслѣ, женщина съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и всегда одѣтая въ черное. Въ ней не трудно было признать Марью Васильевну Туманскую.

Измайловъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ за-границей, поправился, хотя и не окончательно. Меланхолическая задумчивость, переходившая нерѣдко въ совсѣмъ мрачную, не покидала его. Объ университетѣ онъ уже не думалъ, но идеѣ—существовать собственнымъ трудомъ—отдался до болѣзненности, перебиваясь въ Петербургѣ корректурною работой, уроками, переводами. Бѣдно одѣтый, худощавый, но стройный, съ начавшими сѣдѣть кудреватыми волосами до плечъ, онъ имѣлъ видъ художника или поэта, къ чему подходило и не покидавшее его выраженіе сосредоточенной задумчивости. Жилъ онъ одиноко, въ отдѣльномъ флигелькѣ,—близъ Нарвской заставы. Попадавшихъ въ этотъ флигелекъ поражало обиліе всевозможныхъ цвѣтовъ—свѣжихъ, выхоленныхъ, уставленныхъ правильными рядами и странно выдававшихся среди крайней бѣдноты обстановки и характернаго студенческаго безпорядка. На покупку ихъ онъ тратилъ послѣднюю копѣйку, на уходъ за ними—каждую свободную минуту. Чтò вызвало эту страсть, чтò крылось подъ нею—до этого не было дѣла никому, и слово: „чудакъ“!—стало постепенно приростать къ молчаливому, одинокому обитателю флигелька...

Мерцаловъ такъ и затерялся въ бурномъ потокѣ тѣхъ временъ. Имя его упоминалось въ одномъ изъ извѣстныхъ тогда процессовъ молодежи: въ качествѣ организатора подпольной печати, онъ—неспособный обидѣть курицы—оказалъ при обыскѣ отчаянное сопротивленіе...

XXXV.

За Балканами прогремѣли и затихли раскаты военнаго грома.

Свѣженькимъ февральскимъ утромъ по Невскому проспекту шелъ видный, плотный мужчина, съ топырившеюся во всѣ стороны пушистою русою бородой, въ потертой енотовой шубѣ и барашковой шапкѣ. У магазина Беггрова его вниманіе привлекъ какой-то господинъ, въ цилиндрѣ и коротенькомъ пальтецѣ съ собольимъ воротникомъ, точно танцовавшій предъ зеркальнымъ стекломъ, выискивая пунктъ и всматриваясь чрезъ одноглазку въ выставленныя фотографіи балеринъ и пѣвицъ.

— Если ошибаюсь, то извините,—а если нѣтъ, такъ здравствуйте,—проговорилъ мужчина.—Вы не Ахметьевъ ли?

Господинъ щепетильно выправился, чуть не поднявшись на цыпочки, и прицѣлился одноглазкой въ странную фигуру мужчины.

— Да, моя фамилія Ахметьевъ,—отвѣтилъ онъ, прикоснувшись къ полямъ шляпы затянутою въ перчатку рукой.

— А моя—Кравцовъ.

— Кравцовъ... Ахъ, да! Боже мой!...—вспомнилъ Ахметьевъ, опуская нерѣшительно пальцы въ широкую голую руку бывшаго гвардейскаго лейтенанта. — Но... вы совершенно неузнаваемы!

— Оно и о васъ тоже можно сказать! — отвѣтилъ Кравцовъ, и засмѣялся громкимъ откровеннымъ смѣхомъ.

Это было не въ бровь, а въ глазъ.

Ахметьевъ—носившій теперь въ свѣтѣ новое названіе: „неувядаемой красоты"—даже не напоминалъ прежняго Ахметьева: великолѣпно перекрашенный въ чистѣйшаго блондина, въ моднѣйшемъ галстучкѣ подъ отложными воротничками и искусно подрумяненный, онъ смотрѣлъ настоящимъ „анфанчикомъ". Не вязались съ этимъ только глаза: они выцвѣли, приняли тускло-стеклянный видъ—точно у мерзлаго судака. Онъ благоденствовалъ, получивъ наслѣдство отъ столѣтняго дяди, но новые порядки недолюбливалъ, брюзгливо негодуя „на какіе-то тамъ, выдуманные" планы, банковскія оцѣнки, вмѣсто прежнихъ несложныхъ требованій Сохранной Казны.

— Весьма радъ...—проговорилъ онъ, приподнявъ снова руку къ шляпѣ и готовясь взять въ сторону отъ неприглядной енотовой шубы.

— Нѣтъ, нѣтъ! не угодно ли къ Эрберу!—остановилъ его Кравцовъ.—Встрѣчу вспрыснуть надо!

Это подѣйствовало примиряюще, и Ахметьевъ двинулся рядомъ съ шубой, слегка прицапывая одною ногой.

У Эрбера широко распорядившійся Кравцовъ, походившій располнѣвшею фигурой и манерами на размашистаго русскаго купца, привелъ стараго гурмана совсѣмъ въ восхищеніе.

— Да вы... кто же вы такой теперь?—полюбопытствовалъ тотъ, прицѣливаясь одноглазкой.

— Отецъ семьи, хозяинъ лѣсопильнаго завода въ костромскихъ борахъ... торговецъ—если хотите...

— А вѣдь контръ-адмиралъ были бы...

— Еще бы!—захохоталъ Кравцовъ.—И жилъ бы пенсіей на Пескахъ, училъ бы чижика воду носить... Ха, ха, ха!

— Почему же... нѣтъ?!..—вчужѣ затронутый, возразилъ Ахметьевъ.—Вамъ прекрасная партія предстояла...

— Тогда еще хуже вышло бы! Приданое женино промоталъ бы, началъ бы казну обворовывать... А теперь около меня цѣлая округа кормится... Трудъ—вотъ карьера!...

— Скажите,—перебилъ Ахметьевъ, заминая слишкомъ „свободный“ разговоръ:—что̀ сталось съ родственникомъ вашимъ, съ Измайловымъ? Какая-то исторія была... говорили, что помѣшался онъ?...

— Потомъ поправился...

— Гдѣ же онъ? что̀ съ нимъ?

— Умеръ... подъ Казанлыкомъ...—отвѣтилъ Кравцовъ, сдвинувъ серьезно широкія брови.

— Онъ служилъ?

— Фельдшеромъ-добровольцемъ при Красномъ-Крестѣ былъ... Георгія получилъ... И вдругъ...

— Убили?

— Нѣтъ, тифомъ въ баракѣ заразился.

— Вѣдь онъ идеи имѣлъ эти... новыя...—пролепеталъ Ахметьевъ, вглядываясь въ серебряную солонку и нащупывая ложечку...

Н. Сѣверовъ.

ЯПОНІЯ И КИТАЙ

въ 1899-мъ году.

Опять незамѣтно прошелъ годъ [1]), ознаменованный цѣлою массою событій, изъ коихъ мы отмѣтимъ важнѣйшія для того, чтобы судить: идетъ ли Китай впередъ, и на основаніи прошедшаго и настоящаго гадать о будущемъ.

Въ ряду этихъ событій, первое мѣсто занимаютъ дѣла о движеніи противъ христіанства, повторявшіяся въ Ху-бэй'ской провинціи: въ И-чанпе, Цинь-чжоу и Синъ-го; въ Чже-цзянской провинціи: въ Тай-чжоу, Хуанъ-янь, Тунъ-лу и Ло-цинъ; въ Сычуаньской: въ Чунъ-цинѣ, Хэ-чжоу, Пи-сянь, Сюй-юнъ, Цзюньлянь, Да-цзу, Ань-цю, Суй-нинъ, Ба-сянь и Шунь-цинъ; въ Фу-цзяльской: въ Цзяль-нинъ и Чжанъ-чжоу—противъ японскихъ бонзъ; въ Цзянъ-си: въ Ань-жень, Гуй-си, И-янъ, Нань-чэнъ и Гуань-синь; въ Тибетѣ: въ Бао-ань; въ Юнь-нани: въ Мэнъ-цзы—было нападеніе на христіанъ и разрушеніе французскаго консульства и морской таможни; въ Гуй-чжоу; въ Хэ-нани: въ Ань-янѣ; въ Шань-дунѣ: въ И-чжоу, Цзи-нань, Дэ-чжоу, Си-сянъ, Пинь-юань, Юй-чэнъ, Цао-чжоу, Гуань-чэнъ, Цзи-нинъ, Жень-пинъ, Пинъинь и Цзи-мо; въ Чжи-ли: въ Цзинъ-чжоу, Хо-цзянь и Шэньчжоу и въ провинціи Гань-су.

Удовлетвореніе державъ по всѣмъ этимъ дѣламъ состояло или въ уступкѣ территоріи, или, самое меньшее, въ смѣщеніи властей, въ возмѣщеніи матеріальныхъ убытковъ и въ возобновленіи хра-

---

[1]) См. статью того же автора: „Проблески пробужденія Китая“, помѣщенную въ январѣ 1899 г., стр. 186 и слѣд., и полученную нами также изъ Пекина.—*Ред.*

мовъ. Невозможно допустить, чтобы не было средствъ къ прекращенію этихъ безпорядковъ. Но ясно одно, что здѣшнее правительство не стремится къ прекращенію ихъ и какъ бы смотритъ на все это сквозь пальцы; а это ведетъ къ тому, что гонители христіанства признаются поборниками правды и хорошими людьми. Неудивительно, поэтому, что иностранцы, читая указъ отъ 30 декабря, подозрѣвали само правительство въ потворствѣ этимъ „патріотамъ".

Новымъ доказательствомъ невозможнаго состоянія внутренняго управленія Китая служатъ теперь повсемѣстные безпорядки, производимые въ различныхъ мѣстностяхъ, а именно въ Хубэй'ской провинціи, въ уѣздахъ: Цзянь-ши, Чанъ-ло и Цзянь-ли; въ Кантонской, въ уѣздахъ: Хуа-сянь, Шунь-дэ, Нань-хай, Э-цюань, Хэ-пинъ, Чанъ-пинъ, Лянь-пинъ (округъ), Лу-фынъ, Синъ-нинъ, Гао-чжоу и Яй-чжоу (области); въ Гуань-си'ской: въ У-чжоу и Лю-чжоу; въ Шаньдун'ской: въ Цзяо-чжоу, Гао-ми; въ Ху-нань'ской: въ Хэнъ-шань; въ Цзянъ-си'ской: въ Пинъ-сянѣ; въ Гуй-чжоу'ской: въ Хуан-женѣ; въ Финъ-тянь'ской и Гирильской свирѣпствовали конные разбойники, а въ Гань-су—магометане.

Нѣкоторые изъ этихъ безпорядковъ имѣли отношеніе къ иностранной политикѣ. Особеннымъ несчастіемъ сопровождались безпорядки въ бухтѣ Гуанъ-чжоу и Цзю-лунѣ (Коу-лунѣ), стоившіе здѣшнему правительству о-ва Сюнъ и мѣстности Шэнь-чуань

Участниками всѣхъ этихъ безпорядковъ были мѣстные жители, которые, несмотря на свою численность, представляли изъ себя нестройныя толпы, занимавшіяся грабежомъ и разбоемъ, не имѣя какихъ-либо политическихъ замысловъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ человѣкъ, далекіе замыслы которыхъ не могли быть осуществлены.

Какъ бы то ни было, но эти безпорядки и движенія противъ христіанъ доказываютъ, что внутреннее управленіе Китая, сравнительно съ тѣмъ, что̀ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не только не подвинулось впередъ, но, напротивъ, отступило назадъ.

Естественное дѣло, что, при внутреннемъ нестроеніи, и внѣшнія напасти постоянно усиливаются. Обращаясь ко внѣшней политикѣ Китая, мы видимъ, что Германія заняла И-чжоу. Русскія войска тѣснятъ китайцевъ въ Портъ-Артурѣ, а русскія власти проводятъ границу на Ляо-дунѣ. Канада, съ цѣлью воспрепятствовать доступу китайцевъ, установила поголовную съ нихъ пошлину. Далѣе, русскіе потребовали права на сооруженіе желѣзной дороги изъ Маньчжуріи до Пекина, вытѣснили въ Цзинь-

чжоускомъ округѣ китайцевъ, строго обходились съ ними въ Владивостокѣ и заключили съ Англіей договоръ объ ограниченіи власти Китая. Италія требовала уступки бухты Сань-мынь въ Чжецзянѣ. Англія и Франція оспариваютъ другъ у друга право на разработку минеральныхъ богатствъ въ Сы-чуани. Англія требуетъ концессію на постройку желѣзной дороги отъ Тай-юань до Си-ань, въ Шэнь-си. Въ Сингапуръ ею запрещенъ доступъ китайскимъ рабочимъ. Для шанхайской международной концессіи, не дожидаясь согласія китайскаго правительства, опубликованы правила. Иностранныя державы добиваются учрежденія международной концессіи въ Инъ-коу (Ню-чжуанъ). Бельгія требуетъ для себя концессію, или „сетлементъ" въ Ханькоу. Англичане торопятъ проведеніемъ бирманской границы. Президентъ французской республики отказывается принять въ аудіенціи китайскаго посланника. Французское правительство, при разграниченіи въ бухтѣ Гуанъ-чжоу, предъявило шесть требованій. Америка приглашаетъ иностранныя государства къ открытію воротъ въ Китай, т.-е., къ открытію всего Китая для иностранной торговли.

Всѣ европейскія государства въ своихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, большею частію, прибѣгаютъ къ угрозамъ и силѣ. Только одна Японія въ прошломъ году миролюбиво рѣшила съ нимъ нѣсколько взаимныхъ дѣлъ, а именно: открытіе японскихъ „сетлементовъ" въ Фу-чжоу, Амоѣ и Инъ-коу — и дѣла о безпорядкахъ въ Амоѣ и нанесеніи японскому купцу побоевъ въ Су-чжоу. Было также нѣсколько дѣлъ, касавшихся сношеній Японіи съ китайскими властями. Сюда относятся: переходъ Хань-янскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ и Ма-ань-шаньскихъ каменноугольныхъ копей къ японцамъ, а также путешествіе въ Японію двухъ посланцевъ, Лю и Цина, и японскихъ офицеровъ.

Какъ видно, Японія обращается съ Китаемъ съ бо̀льшимъ дружелюбіемъ, чѣмъ другія державы. Съ своей стороны, и Китай проявилъ также въ нѣсколькихъ случаяхъ свою близость и довѣріе къ Японіи, а именно: въ приглашеніи японцевъ въ свои морскія таможни, въ намѣреніи пользоваться японцами въ Фучжоускихъ докахъ и японскими инструкторами для своихъ войскъ. Хотя еще и неизвѣстно, насколько справедливы послѣдніе два пункта, но такъ какъ о нихъ говорятъ въ чиновничьихъ сферахъ, то на нихъ нельзя смотрѣть какъ на лишенные всякаго основанія, а тѣмъ болѣе, въ виду этихъ фактовъ, нельзя отрицать того, что дружественныя отношенія между Японіей и Китаемъ приняли болѣе интимный характеръ.

Каковы же отношенія самого Китая къ иностраннымъ державамъ? Китай заключилъ новый договоръ съ Кореей и спорилъ съ ней о границѣ у Тумыня; не призналъ англо-русскаго соглашенія, ограничивающаго его державныя права, не разрѣшилъ иностранцамъ набирать и обучать китайцевъ военному дѣлу, отказалъ въ расчисткѣ Янъ-цзы-цзяна и вступленіи китайцевъ въ иностранное подданство. Но, кромѣ Кореи, ни одна изъ иностранныхъ державъ не обратила вниманія на его запрещенія и протесты въ томъ сознаніи, что Китай можетъ сидѣть и говорить, но не можетъ подняться и дѣйствовать. И дѣйствительно, нигдѣ государственный престижъ не падалъ до такой степени, какъ въ Китаѣ. Вдобавокъ къ этому, права на всѣ важнѣйшія дороги попали уже въ чужія руки, такъ что, въ случаѣ внезапной тревоги, Китай очутится въ безвыходномъ положеніи. Лу-ханьская (ханькоу-пекинская) желѣзная дорога попала въ руки бельгійцевъ; тяньцзинъ-чжэньцзянская—къ англичанамъ и нѣмцамъ; тайюань-чжэньдинская—къ русскимъ; тайюань-сяньянская чрезъ Си-ань—къ пекинскому англо-итальянскому синдикату; зашаньхайгуаньская — къ англичанамъ; чжэньнань-лунчжоу'ская — къ французамъ; хэнань-кайфынская до Чанъ-ша (въ Ху-нани)—къ бельгійцамъ, встрѣтившимъ противодѣйствіе со стороны Англіи. Несмотря на множество желѣзныхъ дорогъ, ни одна изъ нихъ не представляется надежною, въ смыслѣ будущей китайской собственности, потому что неизвѣстно, когда эти, такъ-называемые, желѣзнодорожные займы будутъ погашены. Ежегодный балансъ заключается министерствомъ финансовъ съ приблизительнымъ дефицитомъ въ 20 милл. ланъ. Въ виду этого, въ нынѣшнемъ году приложены были всѣ усилія къ изысканію новыхъ средствъ. Но въ чемъ же выражаются эти усилія и какія принимаются къ этому мѣры? Министру Ганъ-и повелѣно было отправиться въ провинціи Цзянъ-су и Кантонъ, гдѣ, въ качествѣ фискала, онъ обшарилъ все, что̀ только можно было обшарить. Поднятъ вопросъ объ увеличеніи таможенной пошлины и измѣнены правила взиманія пошлинъ у Хадамыньскихъ воротъ въ Пекинѣ. Вопросъ объ увеличеніи таможенной пошлины въ портахъ еще не разрѣшенъ, но еслибы онъ и прошелъ въ желательномъ для Китая смыслѣ,—не помогъ бы дѣлу, такъ какъ думаютъ сдѣлать экономію на упраздненіи школъ въ Цзянъ-нани и торговой палаты въ Шанхаѣ. Отказъ человѣка отъ пищи, вслѣдствіе того, что онъ когда-то подавился, вызвалъ бы въ людяхъ непритворное изумленіе.

Цѣль вышеизложеннаго обзора, помѣщеннаго въ издаваемой

японцами въ Тянь-цзинѣ газетѣ, какъ и всей вообще ея дѣятельности, заключается въ томъ, чтобы показать Китаю, что единственнымъ надежнымъ другомъ, союзникомъ и спасителемъ Китая въ его тяжкихъ современныхъ испытаніяхъ можетъ быть только Японія, и что только во временномъ, тѣсномъ союзѣ ихъ между собою лежитъ единственная возможность возстановленія престижа и значенія желтой расы на принадлежащемъ ей, въ силу естественныхъ и историческихъ условій, азіатскомъ материкѣ. Нечего говорить, что вся японская пресса дѣйствуетъ въ томъ же духѣ, но даже издаваемый въ Іокогамѣ бѣжавшимъ въ Японію китайскимъ прогрессистомъ Лянъ Ци-чао журналъ „Цинъ-и-бао“ („The China descussion“) является также рьянымъ поборникомъ и выразителемъ этой идеи, безсознательно содѣйствуя осуществленію якобы-мирной политики Японіи, всецѣло направленной къ полному подчиненію его родины исключительному вліянію этого бойкаго и энергичнаго государства. Не такъ давно, а именно въ 38 нумерѣ этой газеты, отъ 27-го марта, помѣщена передовая статья подъ заглавіемъ: „Вопросъ о жизни или смерти Китая рѣшается въ настоящее время“. Обращаясь къ причинамъ гибели Китая при прежнихъ династіяхъ и признавая таковыми: женское правленіе, евнуховъ, временщиковъ, мятежниковъ и иностранцевъ, авторъ съ горечью замѣчаетъ, что всѣ эти факторы, изъ которыхъ, какъ учитъ исторія, даже одной было достаточно для погибели Китая, въ настоящее время находятся въ немъ на лицо во всей своей совокупности. Но несмотря на это, по мнѣнію автора, Китай, благодаря своей удивительной способности размножаться, терпѣнію, выносливости, трудолюбію своего населенія, его коммерческимъ и промышленнымъ способностямъ, не можетъ погибнуть, если только народъ его сброситъ съ себя апатію къ общимъ интересамъ, воспитанную въ немъ вѣками тысячелѣтняго деспотизма, проникнется духомъ патріотизма и послѣдуетъ примѣру Японіи, которая должна быть его учительницею на пути прогресса и цивилизаціи.

Эти стремленія Японіи на учительство и руководство Китая въ дѣлѣ пересозданія всего строя его жизни еще съ большею ясностью и настойчивостью развиваются въ другой статьѣ того же журнала—о „Поддержаніи цѣлости Китая“. По мнѣнію автора ея, Китай можетъ избѣжать новыхъ захватовъ только въ томъ случаѣ, если извнѣ охраненіе его неприкосновенности приметъ на себя дружественное государство, а внутри партія патріотовъ станетъ во главѣ реформаціоннаго движенія. Такимъ охранителемъ и другомъ является опять-таки Японія. При настоящихъ политиче-

скихъ условіяхъ,—говорится далѣе,—когда Россія, благодаря финансовымъ затрудненіямъ, можетъ только сосредоточить всѣ свои силы на сибирской дорогѣ и Маньчжуріи, когда Франція опасается внутреннихъ смутъ, а Германія недостаточно сильна на морѣ,—она одна, даже безъ помощи Англіи и Америки, можетъ принять на себя обязанность охраненія неприкосновенности Китая, но только при условіи соотвѣтственнаго реформаціоннаго движенія въ самомъ Китаѣ, безъ котораго раздѣлъ Китая является дѣломъ роковымъ, неизбѣжнымъ. Война съ Японіей, — продолжаетъ авторъ,—была хотя и сильнымъ, но спасительнымъ лекарствомъ для Китая, вызвавшимъ въ немъ сознаніе необходимости коренныхъ преобразованій. Сознаніе это съ особенною силою сказывается въ южномъ Китаѣ, гдѣ не только ученый классъ, но даже представители высшей провинціальной власти, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна, всѣ заговорили о необходимости подражанія Японіи. Голосъ этотъ, разнесшійся по всему обширному бассейну Янъ-цзы-цзяна, указываетъ на то, что дѣло китайскихъ реформаторовъ, сложившихъ свои головы во время сентябрьскаго переворота 1898 г., не погибло окончательно; онъ коснулся даже закоренѣлыхъ консерваторовъ центральнаго правительства, какъ то доказываетъ посольство гг. Лю и Цина въ Японію, и хотя слухи о заключеніи этой миссіей союза съ Японіей принадлежатъ къ области чистѣйшаго вымысла, но самый фактъ отправленія ея указываетъ на новыя вѣянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Китая. Такимъ образомъ,—продолжаетъ разсуждать авторъ,—самые закоснѣлые ретрограды мало-по-малу начинаютъ сознавать, что спасеніе Китая отъ угрожающей ему судьбы возможно только при помощи преобразованій; исканіе убѣжища подъ крыломъ Россіи, въ концѣ концовъ, дѣло не надежное, и потому замѣчается движеніе въ пользу сближенія съ Японіей и опоры на нее. Такъ, мы видимъ, что за послѣдніе годы число представителей китайскаго ученаго сословія, направляющихся съ образовательною цѣлью въ Японію, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается; изъ провинцій Ху-нань'ской, Кантонской, Цзянъ-су'ской, Чже-цзянской, Ху-бэй'ской, Цзянъ-си'ской, Фу-цзяльской, Сы-чуаньской, Ань-гуй'ской и Пекинской, китайскіе ученики гурьбою тянутся въ Японію, кто на казенный, а кто и на собственный счетъ. Населеніе Южнаго Китая съ большимъ энтузіазмомъ относится къ сближенію съ Японіей, наперерывъ старается выразить ему свое расположеніе и въ дѣлѣ образованія и торговли думаетъ заручиться ея

содѣйствіемъ. Таковъ взглядъ японской и прогрессистской китайской прессы на отношенія Китая и Японіи.

Всматриваясь въ дѣятельность японскаго правительства по отношенію къ Китаю, мы дѣйствительно не можемъ не видѣть, что она всецѣло направлена къ возможно тѣсному сближенію съ нимъ, какъ страною единоплеменною и единоязычною, на почвѣ снабженія его всѣми необходимыми знаніями для противодѣйствія стремленіямъ бѣлой расы. Надобно сказать, что характеръ дѣятельности иностранныхъ державъ, далеко не внушающій довѣрія Китаю и скорѣе наполняющій его чувствами страха и опасенія за будущее, много содѣйствуетъ осуществленію небезкорыстныхъ плановъ Японіи, выставляя предъ нимъ ее одну въ ореолѣ блюстительницы права и доброжелательницы Китая. Только полное сознаніе своей безпомощности могло заставить гордый Китай склониться передъ державою, къ которой въ теченіе долгаго ряда вѣковъ онъ не питалъ другого чувства кромѣ презрѣнія, и искать у нея помощи. Близость къ Японіи, дешевизна заимствованія всѣхъ необходимыхъ для самозащиты и самосохраненія знаній и, наконецъ, сознаніе, что китайцы, получающіе просвѣщеніе отъ японцевъ менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, рискуютъ потерею своего національнаго облика, играютъ, вѣроятно, извѣстную роль въ предпочтеніи Японіи.

Какъ бы то ни было, но такіе факты, какъ открытіе японо-китайскихъ школъ въ Су-чжоу, Амоѣ и другихъ мѣстахъ, приглашеніе японцевъ въ качествѣ наставниковъ и инструкторовъ въ военныя и гражданскія школы Сы-гуани, Ань-гуй'я и Хубэй'я, учрежденіе японо-китайскихъ торговыхъ ассоціацій и японо-китайскихъ школъ въ Японіи, отправленіе въ Японію значительнаго количества китайскихъ воспитанниковъ, явное предпочтеніе, отдаваемое японцамъ нѣкоторыми высшими провинціальными властями, съ такимъ виднымъ администраторомъ и государственнымъ человѣкомъ во главѣ, какъ гу-гуаньскій генералъ-губернаторъ Чжанъ Чжи-дунъ, несомнѣнно говорятъ за сближеніе Японіи съ Китаемъ.

Задавшись, повидимому, совершенно серьезною мыслью достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ въ дѣлѣ обновленія, или правильнѣе японизаціи Китая, обѣ дружественныя державы, въ виду разныхъ политическихъ соображеній, безъ сомнѣнія постараются выработать, если уже не выработали, для выполненія этой задачи, извѣстный, опредѣленный планъ. Этотъ планъ, вѣроятно, будетъ заключаться въ томъ, что изъ Китая будетъ отправленъ въ Японію болѣе или менѣе значительный контин-

гентъ молодыхъ людей, для пріобрѣтенія тамъ основательныхъ знаній по разнымъ спеціальнымъ предметамъ, необходимымъ для разныхъ отраслей государственной, промышленной и торговой дѣятельности. Эти воспитанники и составятъ ядро будущихъ дѣятелей въ обновленіи и усиленіи Китая.

Впрочемъ, идея сближенія Японіи съ Китаемъ—дѣло не новое. Она зародилась еще до японо-китайской войны, въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, когда въ Японіи образовалось „Общество Великаго Восточнаго Союза", въ спискахъ котораго мы видимъ японскихъ государственныхъ людей, и на открытіи котораго, тоже, вѣроятно, въ качествѣ члена, присутствовалъ посланникъ богдохана, сынъ Ли Хунъ-чжана, Ли Цзинъ-фынъ, въ своей рѣчи отнесшійся вполнѣ сочувственно къ идеѣ союза, поставившаго своимъ девизомъ: „Азія для представителей монгольской, или желтой расы". Идеи этого союза нашли себѣ горячаго поборника въ лицѣ рьянаго противника иностранцевъ вообще и русскихъ въ особенности, члена японской палаты депутатовъ Аомото, который, въ видахъ наибольшаго распространенія идей панмонголизма, издалъ въ Токіо, въ 1893 г., на китайскомъ языкѣ, какъ доступномъ пониманію всѣхъ культурныхъ представителей монгольской расы: китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и индо-китайцевъ, брошюру подъ заглавіемъ: „Великій Восточный Союзъ". Брошюра эта, по словамъ издававшейся японцами въ Чемульпо газеты „Корейскій Вѣстникъ" („Чао-сянь-бо"), поднесенная китайскому богдохану и корейскому королю, представляетъ политическій катехизисъ Японіи, направленный къ созданію на азіатскомъ востокѣ исключительнаго господства желтой расы, съ образованіемъ изъ членовъ ея федераціи государствъ, конечно, во главѣ съ Японіей, которая, какъ наиболѣе усвоившая плоды западной цивилизаціи, возьметъ на себя просвѣтительную дѣятельность и подготовку членовъ союза къ борьбѣ съ бѣлою расою. Форма союза, проводимая авторомъ, это—независимость членовъ союза въ своей внутренней политикѣ и рѣшеніе союзнымъ сеймомъ всѣхъ вопросовъ внѣшней политики, а равно и внутренней, по вопросамъ, касающимся общихъ интересовъ союза. Ближайшимъ объектомъ, въ выполненіи преслѣдуемой задачи, авторъ ставитъ союзъ съ Кореей, какъ настоятельно необходимый противовѣсъ распространенію грознаго владычества Россіи на востокѣ Азіи. Что же касается присоединенія къ этому союзу Китая, то авторъ брошюры, не увѣренный въ томъ, чтобы онъ присоединился къ нему на общихъ основаніяхъ, допускалъ, что онъ

могъ приступить къ нему съ единственнымъ обязательствомъ солидарности его въ борьбѣ противъ бѣлой расы.

Съ возникновеніемъ, въ 1894 г., войны между Японіей и Китаемъ, „Общество Великаго Восточнаго Союза" прекратило свое существованіе, но въ послѣдніе годы оно снова возродилось подъ именемъ „Восточно-азіатскаго Общества" и имѣетъ своею ближайшею цѣлью—содѣйствовать возможно тѣсному сближенію между собою Китая и Японіи.

П. Поповъ.

Пекинъ
15 апр. 1900.

„САМАЯ МЛАДШАЯ"

ЭСКИЗЪ

изъ романа: „La petite dernière", par André Theuriet.

I.

Семья Понталь проводила послѣднее лѣто въ одномъ изъ интереснѣйшихъ и весьма живописныхъ уголковъ Бретани, въ мѣстечкѣ Моргà, расположенномъ на берегу небольшого залива. Моргà — тихій и скромный уголокъ, безъ всякихъ увеселеній и даже безъ обычнаго казинò. Тѣмъ не менѣе, гостинница „Grand Hôtel" бываетъ всегда переполнена буржуазными семьями; сюда охотно пріѣзжаютъ съ дѣтьми, потому что Моргà, со всѣхъ сторонъ защищенный скалами, обладаетъ прекраснымъ, песчанымъ и безопаснымъ для купанья берегомъ.

Семья Понталь состояла изъ пяти членовъ: отца, матери и трехъ дочерей. Отецъ, преподаватель географіи въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ, носилъ въ петлицѣ лиловую ленточку—академическій значокъ—и всегда гордо держалъ свою голову. Это былъ человѣкъ пожилой, высокаго роста, широкоплечій, съ небольшимъ брюшкомъ, всегда тщательно выбритый, цвѣтущаго вида, съ широкимъ ртомъ и крупнымъ носомъ. Ума онъ былъ средняго, отличался медлительной торжественностью и важностью, и никогда, даже въ незначительныхъ случаяхъ, не отрѣшался отъ своей важности. И тутъ, въ Моргà, шагая босикомъ по прибрежному песку, причемъ вода никогда не превышала двухъ дюймовъ глубины, чтò онъ исполнялъ по предписанію доктора, рекомендовавшаго ему ножныя морскія ванны,—онъ про-

дѣлывалъ это съ присущею ему торжественностью. Надвинувъ соломенную шляпу на лобъ и засучивъ панталоны до колѣнъ, онъ медленно шествовалъ по мокрому песку, неизмѣнно при этомъ погруженный въ чтеніе какой-нибудь серьезной книги, чтобы, какъ онъ выражался, не терять даромъ драгоцѣннаго времени.

Женѣ его, Лаурѣ Понталь, было сорокъ-восемь или сорокъ-девять лѣтъ. Средняго роста, довольно полная, она отличалась смуглымъ цвѣтомъ лица, сѣрыми, свѣтлыми и холодными глазами; надъ верхней губой темнѣлъ легкій пушокъ, а черные волосы, гладко причесанные en bandeaux, обладали такимъ ровнымъ, блестящимъ оттѣнкомъ, что невольно напрашивалась мысль, не есть ли это результатъ искусной окраски? Цвѣтъ волосъ придавалъ и безъ того уже рѣзкимъ чертамъ ея лица что-то жесткое и деспотичное.— Г-жа Понталь мнила себя передовой женщиной, занималась вопросами женскаго воспитанія, писала теперь цѣлую книгу о „Воспитаніи дѣвушекъ въ демократіи“ и мечтала о публичныхъ конференціяхъ, гдѣ она могла бы изложить во всеуслышаніе свои педагогическія идеи. И пока ея супругъ важно шагалъ босикомъ по песку, она имѣла обыкновеніе усаживаться въ сторонкѣ, на уединенной скалѣ, въ позѣ задумчивой Полигимніи. Одѣвалась она обыкновенно въ скромное и строгое коричневое платье, безъ всякой отдѣлки; единственнымъ украшеніемъ служила ей золотая брошка въ формѣ пера, закалывавшая воротъ ея коричневой хламиды. Сидѣла она обыкновенно на скалѣ, облокотившись рукой о камень и подпирая подбородокъ ладонью этой руки, тогда какъ другая рука, державшая записную книжку, небрежно и лѣниво опускалась на колѣни. Такова была излюбленная и изученная поза г-жи Понталь, и она не любила, чтобы ее отрывали отъ „созерцанія великой стихіи“.

Дочери супруговъ Понталь представляли три совершенно различныхъ типа. Всѣ три были очень красивы, но красота у каждой была иная. Старшая, замужняя, Антонія Дэжоберъ, была высокая блондинка съ бѣлоснѣжной кожей, красавица типа классической Діаны-ловчей, съ удивительными, безупречными формами. Но красота ея была холодная, выраженіе лица неподвижное; прекрасные синіе глаза неизмѣнно-ласково сіяли изъ-подъ густыхъ рѣсницъ; безукоризненнаго рисунка губки расточали неизмѣнно каждому говорившему съ нею, безъ различія пола и возраста, небесную улыбку. Вторая, Люсиль, была высокая, тонкая брюнетка, съ идеально хорошенькой головкой, напоминавшей картины Боттичелли. Низко спускавшіяся по щекамъ пряди

ея гладко причесанныхъ черныхъ волосъ красиво обрамляли тонкій оваль ея дѣвственнаго личика, съ мечтательно опущенными вѣками надъ большими карими невинными глазками; у нея были прелестныя, свѣжія какъ лепестокъ цвѣтка, губки безупречнаго рисунка. Но порой, когда ея длинныя рѣсницы поднимались и улыбка пріоткрывала ея ротикъ, во влажномъ блескѣ ея глазъ и въ складкѣ ея губокъ мелькало внезапно что-то до того сладострастно-томное, что ея цѣломудренное личико становилось просто-соблазнительнымъ. И все въ этомъ изящномъ, какъ бы ангельскомъ созданіи дышало какой-то грѣховной, вызывающей прелестью. Обѣ старшія сестры были большія кокетки и много занимались своимъ туалетомъ.

Третья, Полетта, „самая младшая“, какъ ее часто называли въ семьѣ, составляла полный контрастъ со своими сестрами. Ей было восемнадцать лѣтъ. Средняго роста, не менѣе хорошо сложенная, чѣмъ Антонія и Люсиль, она была лишена всякихъ претензій и кокетства. Живая, сердечная, непосредственная натура, Полетта была свѣжа какъ майская роза, а подвижныя черты ея лица были какъ бы открытой книгой, въ которой ясно читались всѣ ея впечатлѣнія. Зеленоватые глаза ея искрились веселымъ лукавствомъ, а каштановые, вьющіеся волосы покрывали ея головку цѣлой небрежной копной; шаловливый ротикъ съ приподнятыми уголками охотно улыбался, открывая маленькіе, острые зубки, неровные, но чрезвычайно бѣлые. Она была вся —свѣжесть и простота.

Въ душный августовскій день, спасаясь отъ палящаго солнца, сестры пріютились въ тѣни ивъ, на берегу мельничнаго пруда. Прикрывшись краснымъ зонтикомъ, Антонія Дэжоберъ усѣлась на перекладинѣ шлюза и внимательно читала какую-то театральную пьесу. Развалясь прямо на травѣ и облокотившись о землю, Люсиль лѣниво перелистывала какой-то романъ въ желтой обложкѣ; а Полетта, примостившись на самомъ берегу пруда и засучивъ рукава, болтала руками въ водѣ, пытаясь достать одну изъ крупныхъ бѣлыхъ водяныхъ лилій, красовавшихся на водной поверхности.

Своимъ обычнымъ, лѣниво-небрежнымъ тономъ, Люсиль упрекала Антонію, которую вся семья звала уменьшительнымъ именемъ Тòни, за то, что она подбила ихъ родителей ѣхать въ Моргá. Скука здѣсь ужасная, и не мѣшало бы Тòнѣ доставить сестрамъ хоть какое-нибудь развлеченіе. А все ея эгоизмъ! И завезла она ихъ сюда потому, что ея профессоръ декламаціи, геніальный, какъ она утверждаетъ, Жанъ Ренэ, директоръ „Со-

временнаго Театра", поселился тутъ по сосѣдству и по три раза въ недѣлю является репетировать съ нею „Царицу Дагю", эту бретонскую драму, на которой Тôня помѣшана!..—Что же такое? Тôня и не отрицаетъ этого. Жанъ Ренэ—человѣкъ высокаго ума, преслѣдующій смѣлыя и новыя задачи; онъ думаетъ, что въ ней кроется драматическій талантъ, а она обрадовалась, что можетъ продолжать здѣсь начатые въ Парижѣ уроки. Впрочемъ, на чтó жалуется Люсиль? Вѣдь она желаетъ развлеченій? Ну, вотъ они скоро сыграютъ въ Моргà „Царицу Дагю". Это—великолѣпная драма, чего ей еще!

Но тутъ вмѣшалась Полетта. Прикалывая къ лифу пышную водяную лилію, которую ей удалось-таки сорвать, она сказала, что, какъ развлеченіе, это скучновато. Всѣ эти бретонскія легенды да Ибсеновскія драмы кажутся ей какимъ-то сплошнымъ туманомъ. То ли дѣло ясное солнышко!

— У этой дѣвочки невыносимо низменные вкусы,—промолвила пренебрежительно Тôня.

Но Люсиль возражала. Положимъ, „самая младшая" и разсуждаетъ по-дѣтски, но въ данномъ случаѣ она права, и „Царица Дагю"—плохое развлеченіе. Она предпочла бы веселую морскую прогулку въ обществѣ любезныхъ и оживленныхъ спутниковъ...—Какъ, напримѣръ, ея художникъ Жакъ Сальбри!—Но Люсиль нимало не смутилась.—Ну, да, Сальбри ей очень симпатиченъ. Онъ молодъ, красивъ, талантливъ, и картины его уже цѣнятся. И, право, изъ всѣхъ ихъ сосѣдей по табль-д'оту это единственный, съ которымъ пріятно поговорить.

— А г. Ривоалэнъ?—вставила Полетта.

— Каково?—вскричала язвительно г-жа Дэжоберъ:—„самая младшая" уже засматривается на кавалеровъ!.. Знай, моя милая, что Эрвè Ривоалэну двадцать-восемь лѣтъ, и, слѣдовательно, онъ еще не въ томъ возрастѣ, когда желаютъ любезничать съ дѣвчонками, только-что соскочившими со школьной скамьи... Довольствуйся ухаживаніями своего стараго обожателя, капитана Лё-Дантека.

Полетта густо покраснѣла и промолчала. Люсиль зѣвнула, принялась опять зà свое чтеніе, и наступило полное молчаніе. Но вотъ Тôня, оторвавшись отъ своей пьесы и точно сжалясь надъ Люсиль, сообщила не безъ ироніи, что Сальбри и Ривоалэнъ составляютъ какъ разъ планъ одной изъ такихъ экскурсій, о которыхъ она мечтаетъ. Дѣло идетъ о поѣздкѣ къ мысу Ра, а оттуда, на слѣдующій день, рѣшено отправиться въ экипажѣ на церковный праздникъ святой Анны. Предполагается

эта экскурсія послѣ представленія „Царицы Дагю“, въ концѣ мѣсяца, такъ какъ знаменитый праздникъ св. Анны приходится 30-го августа.—Ну, довольна она теперь?—Но Люсиль не пришла въ восторгъ. Если они поѣдутъ одни, то это будетъ очень мило; но если къ нимъ присоединятся отецъ съ матерью, то прелести въ этой поѣздкѣ будетъ немного. Тòня усмѣхнулась:—Положимъ, это не очень почтительно съ ея стороны, но она можетъ успокоиться. Отецъ боится морской болѣзни, а мама такъ поглощена своей книгой, что почти не выходитъ изъ своей комнаты... Онѣ будутъ совершенно свободны...

— Подъ чьимъ же мы будемъ надзоромъ?

— Да подъ моимъ... Развѣ этого не достаточно! Я же замужняя женщина!

— Хорошо замужество!—сказала Полетта, усмѣхаясь.

— Чтò такое? Чтò ты сказала? — спросила раздраженно Тòня.

— Я? А я сказала: хорошо замужество... Ты же вѣдь разошлась съ мужемъ?..

— Во-первыхъ, юридически мы не разлучены! Разошлись мы по взаимному соглашенію и по несходству характеровъ... Въ господинѣ Дэжоберѣ нѣтъ ничего возвышеннаго... Вотъ я и вернулась домой, и мама находитъ, что я права...

— Само собой... потому что ей не хочется ссориться; но въ надзирательницы за нами ты, все-таки, пе годишься...

— Не мѣшайся не въ свое дѣло! Впрочемъ, будь спокойна, тебя все это не касается... Съ собою мы тебя не возьмемъ, у насъ всего два кавалера, а я вовсе не желаю быть отвѣтственной за твои мальчишескія выходки...

— Ты просто предпочитаешь конфисковать monsieurРивоалэна въ свою пользу!—вскричала Полетта, задѣтая за живое. —Но если тебѣ не желательно тащить меня съ собою къ мысу Ра, то мнѣ еще менѣе желательно ѣхать съ тобою... А вотъ что касается до праздника св. Анны, это—другое дѣло: я хочу туда попасть, и, на зло тебѣ, попаду!

— Попробуй! — возразила лаконически Тòня и вновь принялась за чтеніе. Наступило молчаніе. Но скоро на ближайшей колокольнѣ ударили въ колоколъ. Тòня вынула свои часики: пять часовъ; пора идти купаться. И всѣ три сестры отправились къ морю.

Тамъ, на берегу, чинно шагалъ по мокрому песку ихъ отецъ, а на своей излюбленной скалѣ, въ обычной позѣ, возсѣдала ихъ мать. Она не обратила ни малѣйшаго вниманія на

купающихся теперь дочерей, но скоро ее потревожилъ тотъ самый Лё-Дантекъ, которымъ только-что дразнила Тòня Полетту. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ прослужилъ въ морской службѣ сорокъ лѣтъ, страстно любилъ своё дѣло, находился почти постоянно въ плаваніи, никогда не помышлялъ о женитьбѣ, и до этой поры женщины не играли никогда большой роли въ его жизни. Но мало-по-малу ему надоѣло жить вѣчно между небомъ и землей, въ немъ развилась тоска по берегу, а главное—по своей родинѣ, прекрасной Бретани. Онъ былъ богатъ, честолюбіе съ годами улеглось, и вотъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи близь Бреста, а зимою уѣзжалъ въ Парижъ. Но теперь онъ чувствовалъ себя одинокимъ, ему было всюду скучно, и онъ сталъ жалѣть, что не женился вò-время.

Лё-Дантекъ былъ стройный, чрезвычайно прямой и очень еще моложавый мужчина, съ длинными, почти бѣлыми бакенбардами, обрамлявшими удлиненный овалъ его лица. На бритыхъ губахъ его часто мелькала мягкая, довольно грустная улыбка. Немного крючковатый носъ, голубые глаза, утомленные морскими непогодами, и немного подавшійся назадъ лобъ съ густыми сѣдыми волосами придавали ему сходство съ какой-то меланхолической птицей. Одѣвался онъ тщательно и отличался безукоризненно-свѣтскими манерами.

Онъ любезно освѣдомился у г-жи Понталь, не скучно ли ей тутъ одной!—О, она никогда не скучаетъ предъ зрѣлищемъ океана; она наблюдаетъ, записываетъ. Море убаюкиваетъ насъ, оплодотворяетъ мысль. Ему, какъ бывшему моряку, это должно быть понятно. Но Лё-Дантекъ отвѣчалъ съ прямодушной улыбкой, что на службѣ некогда предаваться мечтамъ и раздумью, да онъ къ этому, вообще, не склоненъ.

Разговаривая, Лё-Дантекъ навелъ свой морской бинокль на купающихся дочерей г-жи Понталь. Былъ часъ отлива; море ушло далеко, и купальщицы находились на значительномъ разстояніи отъ берега. Онъ освѣдомился у г-жи Понталь, хорошо ли плаваетъ mademoiselle Полетта? — Должно быть... вѣдь она приложила всѣ старанія къ тому, чтобы дочери ея научились превосходно плавать; она считаетъ, что женщины должны быть, физически и нравственно, вооружены наравнѣ съ мужчинами, для успѣшной борьбы за существованіе.—Но Лё-Дантекъ не унимался. Все-же Полетта уплыла ужъ очень далеко... Къ тому же, не слишкомъ ли продолжительно подобное купанье въ

годы Полетты? — Но г-жа Понталь отвѣчала догматическимъ тономъ:

— А это ужъ ея дѣло. По принципу я предоставляю своимъ дочерямъ большую свободу дѣйствій, чтобы онѣ пріучались заранѣе къ отвѣтственности за свои поступки и къ взвѣшиванію ихъ послѣдствій. Такое воспитаніе создастъ женщинъ сильныхъ, полезныхъ обществу... Развѣ это не ваше мнѣніе?

— Видите ли, я нахожу, что довольно бы воспитать изъ нихъ здоровыхъ, заботливыхъ и нѣжныхъ матерей... способныхъ кормить и любить своихъ дѣтей...

— Позвольте! вѣдь любить—это не значитъ питать нервную, тревожную нѣжность. Любить ребенка—это значитъ привязаться къ нему силою безкорыстнаго желанія развить хорошенько его физіологическую и психическую натуру... Я это докажу въ своей книгѣ...

— Такая высокая философія недоступна мнѣ,—замѣтилъ почтительно Лё-Дантекъ: — я могу только констатировать, что вамъ удалось сдѣлать изъ mademoiselle Полетты прелестную дѣвушку...

— Вы находите?... А по-моему, ей далеко до сестеръ въ смыслѣ умственнаго развитія... Это просто, по выраженію Герберта Спенсера, „добрый звѣрёкъ“, чисто инстинктивное существо...

— Она проста и искренна, а по-моему, это главное... И для меня величайшее удовольствіе—разговаривать съ нею...

II.

Тѣмъ временемъ, у подножія той же самой скалы, въ гротѣ, выбитомъ въ глубинѣ гранита вѣковымъ дѣйствіемъ прибоя, молодой художникъ Жакъ Сальбри, усѣвшись на складномъ стулѣ передъ мольбертомъ, писалъ этюдъ съ открывавшагося передъ нимъ моря. Съ нимъ бесѣдовалъ его другъ, Эрвé Ривоалэнъ.

Жакъ Сальбри былъ молодой человѣкъ двадцати-семи лѣтъ, невысокаго роста, гибкій, ловкій, пропорціонально сложенный. У него были каштановые, вьющіеся волосы, матовый цвѣтъ лица, большіе смѣющіеся каріе глаза и тонкіе усики, красиво оттѣнявшіе чувственный ротъ. Онъ былъ пріятный собесѣдникъ, живой, великодушный человѣкъ, талантливый и уже извѣстный художникъ. Но у него имѣлся одинъ крупнѣйшій недостатокъ: онъ слишкомъ легко поддавался женской прелести, черезчуръ

любилъ любовь. Нѣжный и влюбчивый по природѣ, онъ зачастую принималъ за любовь именно удовлетвореніе этой потребности любви. Добившись обладанія предметомъ своей страсти, онъ начиналъ боготворить его и дарилъ своему предмету несравненное блаженство. Но стоило наступить разочарованію,—а случалось это обыкновенно весьма быстро,—какъ онъ внезапно охладѣвалъ. Совершенно искренно онъ упрекалъ себя самъ за непостоянство своихъ привязанностей, давалъ себѣ клятву не впадать болѣе въ этотъ недостатокъ — и снова брался за старое.

Эрве́ Ривоалэнъ былъ человѣкъ совсѣмъ иного типа. Несмотря на то, что онъ былъ ровесникъ Сальбри, онъ казался зрѣлѣе, сдержаннѣе, а главное—спокойнѣе. Бѣлокурый, высокій и стройный, онъ былъ худощавъ, но крѣпокъ; на блѣдномъ, худощавомъ лицѣ блестѣли чуть-чуть насмѣшливымъ блескомъ немного впалые глаза; слегка разочарованная улыбка мелькала на тонкихъ губахъ надъ бѣлокурой бородкой клиномъ. У него былъ правильный греческій носъ съ подвижчыми ноздрями. Отецъ его былъ судохозяиномъ въ Брестѣ; въ двадцать лѣтъ Эрве́ очутился наслѣдникомъ крупнаго состоянія матери, и для начала сталъ предаваться кутежамъ и всевозможнымъ моднымъ спортамъ. Но, будучи одаренъ недюжинной душой и получивъ превосходное образованіе, онъ скоро пресытился всѣми этими удовольствіями, заключающимися, по выраженію Дюма-сына, въ томъ, что люди „встаютъ поздно и проводятъ дни въ обществѣ лошадиныхъ барышниковъ, а вечера̀—въ обществѣ нахлѣбниковъ". Бросивъ эту жизнь, онъ пропутешествовалъ два или три года, а затѣмъ принялся вращаться въ мірѣ художниковъ, писателей и музыкантовъ, что̀ развило его природный вкусъ, обострило умъ, а также внушило ему нѣкоторый скептицизмъ. Несмотря на то, что онъ самъ растравлялъ въ себѣ это благопріобрѣтенное разочарованіе, онъ пребывалъ въ душѣ вѣрующимъ и чувствительнымъ бретонцемъ, только тщательно скрывалъ это отъ всѣхъ.

Ривоалэнъ слѣдилъ за работой Сальбри, но уже вечерѣло, и художникъ прекратилъ свою работу.

— Знаете ли, чего не хватаетъ въ моемъ этюдѣ?—спросилъ Сальбри въ отвѣтъ на похвалы Ривоалэна:—фигуры обнаженной до пояса женщины, посреди вотъ этихъ скалъ. Мнѣ хочется нарисовать тутъ какъ бы молодую сирену съ вѣнкомъ изъ водорослей на развѣвающихся волосахъ.

— А вотъ вы попросили бы г-жу Дэжоберъ или m-lle Люсиль позировать вамъ эту фигуру.

— Вы шутите?—вскричалъ художникъ.

— Ничуть. Онѣ особы безъ предразсудковъ, и разъ вы обѣщаете имъ полную тайну, любая изъ нихъ охотно согласится позировать передъ такимъ мастеромъ, какъ вы. Вы не забудьте, что это позволитъ имъ выставить на-показъ, со спокойной совѣстью, свою красоту въ ближайшемъ „Салонѣ“.

— Странныя у васъ понятія о принципахъ семьи Понталь!

— Mon cher,—сказалъ съ иронической усмѣшкой Ривоалэнъ,—вотъ уже двѣ недѣли, какъ я изучаю семью Понталь. Позвольте изложить вамъ резюмé моихъ наблюденій: мать не что̀ иное какъ сумасбродка, занимающаяся вопросомъ дѣтскаго воспитанія, но забывшая воспитать своихъ собственныхъ дѣтей. Отецъ—пустой и тщеславный человѣкъ, совершенно не вѣдающій жизни, тогда какъ дочерямъ его, напротивъ, вѣдомо уже все житейское, за исключеніемъ одной Полетты, которую испортить не успѣли, и которая, благодаря своему здравому смыслу и чистой натурѣ, не поддалась вліянію среды.

— Да, она очень мила, и, очевидно, обожаетъ стараго Понталя.

— Еще черта въ ея пользу, такъ какъ, право же, въ старикѣ нѣтъ ничего привлекательнаго. Я знавалъ его лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ учительствовалъ въ Брестѣ, а я готовился къ экзаменамъ на степень баккалавра. Это—скучнѣйшій и напыщенный невѣжда, подобострастный съ богатыми родителями учениковъ, придирчивый къ ученикамъ, вѣчно рисующійся и разглагольствующій. У него была манія—произносить рѣчи на всѣхъ пышныхъ похоронахъ. Злые языки утверждали, что онъ приготовлялъ заранѣе надгробное слово о видныхъ, престарѣлыхъ дѣятеляхъ, и сердился на нихъ, если они медлили умирать.

Они оба засмѣялись. Сальбри замѣтилъ:

— Я согласенъ съ вами, что жениться можно всего скорѣе на младшей изъ сестеръ, но Люсиль кажется мнѣ интереснѣе съ другой точки зрѣнія... менѣе нравственной...

— Вы хотите этимъ сказать, что она—самая соблазнительная?

— Ну, да; съ ея дѣвственнымъ видомъ и томно опущенными глазками, она похожа на ангела, замышляющаго напроказничать.

— Берегитесь, mon cher, это—самая опасная изъ трехъ. Вы знаете, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, и ужъ разъ вы становитесь на свою спеціальную точку зрѣнія, я предпочелъ бы, чтобы вы флёртировали съ г-жей Дэжоберъ...

Онъ замолчалъ: у входа въ гротъ появились какъ разъ Тоня и Люсиль. Онѣ сообщили, что идутъ гулять, и предложили моло-

дымъ людямъ сопровождать ихъ. Предложеніе было принято, но отсутствіе Полетты было непріятно Ривоалэну. Сальбри завладѣлъ рукою Люсиль, и они быстро ушли впередъ, тогда какъ г-жа Дэжоберъ, не такъ легко ходившая по скаламъ, задерживала Ривоалэна позади, опираясь на его руку. Чтобы вознаградить себя, Ривоалэнъ заговорилъ о Полеттѣ, расточая похвалы ея природному уму, ея добродушію и простотѣ, что раздражало Тоню. Но, черезчуръ ловкая, чтобы не выдать себя, она отвѣчала съ своей невозмутимой улыбкой:

— Да, у Полетты доброе сердечко и не очень возвышенный, немного низменный, но весьма практичный умъ.

— Практичный? Вотъ ужъ этого качества я никогда бы не вздумалъ приписать m-lle Полеттѣ!—вскричалъ Ривоалэнъ.

— Вы ошибаетесь. У нея много здраваго смысла... напримѣръ, она не принадлежитъ къ тѣмъ сантиментальнымъ дѣвицамъ, что хотятъ непремѣнно выйти замужъ по любви. Она охотно пойдетъ замужъ за человѣка пожилого, который обезпечилъ бы ей спокойную, комфортабельную жизнь... словомъ, такую жизнь, какъ она ее понимаетъ.

— Вы думаете?—сказалъ съ горькой усмѣшкой Ривоалэнъ: —если такъ, то мнѣ ее жаль.

— Почему же? Она будетъ вполнѣ счастлива... даже съ мужемъ возраста капитана Лё-Дантека. И бѣдняжка будетъ права, потому что папа не можетъ дать за нею приданаго...

Между тѣмъ, далеко уже ушедшіе Сальбри и Люсиль оживленно болтали. Люсиль собирала букетъ и отважно взбиралась на крутые откосы, гдѣ цвѣли кусты жимолости. Но, вотъ, она очутилась на выступѣ скалы, отдѣленной отъ дороги довольно широкой канавой. Сальбри предложилъ ей перенести ее на рукахъ. Она цѣломудренно опустила глазки, но когда убѣдилась, что самой ей не перескочить канавы,—согласилась. Одной рукой Сальбри схватилъ ее за талію, другой рукой подобралъ складки ея платья и быстро прыгнулъ на дорогу. Но онъ не сразу опустилъ ее на землю, взволнованный близостью этого молодого, упругаго тѣла. Повидимому, волненіе его передалось Люсиль, потому что она медленно высвободилась изъ его объятій. Щеки ея заалѣли; она опустила глаза и прошептала еле слышно:

— Merci!... Я не очень тяжела?

— Вы—настоящее перышко...

Добравшись до верхней площадки скалы, они уже застали тамъ Тоню и Ривоалэна, оживленно болтавшихъ. Несмотря на

чудную панораму, открывавшуюся отсюда, Тоня сидѣла къ морю спиной. Люсиль отнеслась къ дѣлу иначе и погрузилась въ созерцаніе прекраснаго зрѣлища. Но, замѣтя отходившій отъ берега пароходъ, она вздохнула: когда она видитъ отходящее судно, ей неудержимо хочется уплыть на немъ въ невѣдомую даль... Сальбри отвѣчалъ, что желаніе ея легко осуществимо, ибо онъ и Ривоалэнъ намѣрены совершить морскую поѣздку къ мысу Ра; г-жа Дэжоберъ обѣщала ѣхать съ ними, и онъ надѣется, что она не откажется присоединиться къ нимъ.—О, она-то согласна, но что̀ скажетъ мама? Обыкновенно, она такъ поглощена своими книгами, что обращаетъ на дочерей мало вниманія, но когда ей нечего дѣлать, она становится неумолима въ вопросахъ приличій...—Но Сальбри, хорошо понимавшій, что подобная поѣздка будетъ для него почти сплошнымъ tête-à-tête съ Люсиль, уговорилъ ее положиться на Ривоалэна и на него: они съумѣютъ добиться согласія г-жи Понталь.

Но въ эту минуту до ихъ слуха донесся слабый звукъ колокола Grand Hôtel'я, призывавшаго къ обѣду, и они поспѣшили домой...

Всѣ обитатели Grand Hôtel'я собрались уже за большимъ столомъ, и только мѣста по обѣимъ сторонамъ г. Понталя, да мѣста Ривоалэна и Сальбри оставались незанятыми. Но г-жа Понталь, сидѣвшая противъ мужа, между Полеттой и Лё-Дантекомъ, была до того поглощена изложеніемъ своихъ воспитательныхъ теорій капитану, что не замѣчала ни отсутствія своихъ дочерей, ни отсутствія молодыхъ людей. Она говорила громко, точно читала публичную лекцію.

— Нѣтъ, капитанъ, я не хочу согласиться съ тѣмъ, что мужчины, будто бы, обладаютъ какою-то привилегіею или монополіей на нѣкоторыя добродѣтели, въ которыхъ, будто бы, природа отказала женщинамъ. Природа тутъ ни при чемъ, а именно воспитаніе, установившееся вѣками, убиваетъ въ женскомъ мозгу зародыши умственной и нравственной энергіи, для мужчинъ неудобной. Повторяю, что женщины одарены не менѣе васъ мужествомъ, справедливостью и волею.

— Онѣ одарены, chère madame, добротой, скромностью и прелестью; мнѣ кажется, что этого довольно.

— Ну, доброта безъ справедливости есть не больше какъ слабость и сантиментальность; что же касается до прелести...

— Не кажется ли тебѣ страннымъ, другъ мой,—рискнулъ замѣтить г. Понталь, — что Антонія и Люсиль такъ опоздали?

— Не прерывайте меня изъ-за подобныхъ пустяковъ! Ваши

дочери—уже не дѣти, и должны умѣть себя вести. Если онѣ опоздали, тѣмъ хуже для нихъ,—придется ѣсть холодный обѣдъ...

И г-жа Понталь продолжала:

— Прелесть не есть добродѣтель, это—не болѣе какъ личное качество, заманчивое лишь для мужчинъ... Прелесть, прикрывающая своей маской несправедливость и ничтожность,—есть прелесть ложная, обманчивая... Ея намъ не надо! Вѣдь нормальные субъекты обоего пола являются на свѣтъ непремѣнно съ зародышами всѣхъ способностей... И если эти способности не развиваются нормально, то въ этомъ виноваты современное воспитаніе и нравы...

Но здѣсь ее прервалъ шумъ распахнувшейся двери и мужскихъ и женскихъ голосовъ. Въ столовой появились г-жа Дэжоберъ и Люсиль, запыхавшіяся, растрепанныя, съ блестящими глазами и цѣлыми снопами дикой жимолости въ рукахъ. Ихъ сопровождали Сальбри и Ривоалэнъ. Г-жа Понталь бросила на нихъ гнѣвный взглядъ, не за то, что онѣ опоздали, но за то, что ихъ появленіе прервало ее. Усаживаясь за столъ, г-жа Дэжоберъ преспокойно объяснила, что ихъ кавалеры завели ихъ черезчуръ далеко, и онѣ увлеклись разговоромъ съ ними. И она устремила смѣющійся взоръ на Полетту, подлѣ которой Ривоалэнъ уже занялъ свое обычное мѣсто. Люсиль, ничуть не смущаясь, положила свой букетъ на тарелку Сальбри. Мирные буржуа, сидѣвшіе за столомъ, слѣдили за сестрами удивленными глазами, а на самомъ концѣ стола молодой подпрефектъ, пріѣхавшій въ Моргà съ женой и тещей, шепнулъ на ухо этой послѣдней:

— Настоящіе продукты „конца вѣка“, эти дѣвицы Понталь! Прекрасные образчики воспитательныхъ теорій мамаши,—нечего сказать!

Послѣ обѣда, г-жа Понталь ушла къ себѣ; Понталь и Лё-Дантекъ усѣлись за шахматы въ кафè гостинницы, а молодежь перекочевала на террасу. Но, вотъ, послышался шумъ подъѣзжающаго экипажа, и передъ подъѣздомъ остановилась коляска. Увидя сидѣвшихъ въ ней, Тоня бросилась къ нимъ на встрѣчу; то были Жанъ Ренэ, директоръ „Современнаго Театра“, и его труппа, явившаяся изъ Росканьеля репетировать „Царицу Дагю“. Несмотря на настоянія Жана Ренэ и Тони, никто изъ молодежи не захотѣлъ присутствовать на этой репетиціи, а Ривоалэнъ предложилъ пойти къ морю—смотрѣть восходъ луны. Это предложеніе было принято, и Люсиль сейчасъ же ушла впередъ подъ-руку съ Сальбри. Но Полетта не приняла руки Ривоалэна и

сердито сказала, что привыкла ходить одна. Шагая подлѣ этой милой дѣвушки, Ривоалэнъ мало-по-малу поддавался ея обаянію. Отъ нея вѣяло такою свѣжестью, искренностью и честностью, что онъ начиналъ сомнѣваться въ справедливости замѣчаній г-жи Дэжоберъ насчетъ положительности и разсчетливости ума Полетты. Неужели эта восемнадцатилѣтняя дѣвочка уже такъ хитра? Несмотря на свойственный ему скептицизмъ, въ глубинѣ его души что-то протестовало. Онъ рѣшилъ выяснить это и внезапно спросилъ Полетту, почему она на него дуется? Она вздрогнула. —Почему бы ей на него дуться?—Вотъ именно, объ этомъ-то онъ себя и спрашиваетъ, но, несомнѣнно, она таитъ что-то противъ него. Даже подъ-руку съ нимъ идти не захотѣла...

— Я же сказала вамъ, что не привыкла ходить подъ-руку... Я вѣдь не Тоня, которой необходимо виснуть на рукѣ одного изъ своихъ флёртовъ. Прежде всего, у меня вовсе нѣтъ флёртовъ, и я умѣю безъ нихъ обходиться.

— Вотъ какъ! А капитанъ Лё-Дантекъ?

Полетта откровенно расхохоталась.—Ну, этотъ давно въ отставкѣ и слишкомъ уже старъ. Онъ для нея нѣчто въ родѣ отца, а отецъ вѣдь не флёртъ, и какъ она съ нимъ ни зайди далеко гулять, она не забудетъ въ разговорѣ съ нимъ обѣденнаго часа!

Ривоалэнъ не былъ фатомъ, но онъ отлично понялъ намекъ, и догадался, не безъ нѣкотораго самолюбиваго удовольствія, что „самая младшая" была недовольна его прогулкой съ Тоней. Но, благодаря своему скептицизму, онъ все же заподозрилъ ее въ притворствѣ. И онъ принялся защищать Лё-Дантека. Она слишкомъ жестока, капитанъ еще весьма моложавъ и свѣжъ... Изъ него можетъ еще выйти вполнѣ приличный мужъ.

— Для кого это? Для вдовы маминыхъ лѣтъ?

— И даже для благоразумной дѣвицы, предпочитающей обезпеченную жизнь и довольство случайностямъ брака по любви.

Полетта остановилась и сказала:

— Вы шутите?

— Вовсе нѣтъ; я знаю не одну дѣвушку, способную на это, даже не задумываясь!

— Тѣмъ хуже для нихъ!.. Нѣтъ, представляете ли вы себѣ, напримѣръ, меня, въ подвѣнечномъ платьѣ и вуалѣ, подъ-руку со старикомъ Лё-Дантекомъ?..

— Значитъ, вы не пошли бы за него?

— Никогда въ жизни!.. Не знаю, что̀ меня ждетъ впереди, но я предпочитаю скорѣе остаться старой дѣвой, чѣмъ рѣшиться на подобный шагъ.

Она говорила такъ убѣжденно, что послѣднее сомнѣніе исчезло въ душѣ Ривоалэна, и онъ вскричалъ, что она—славная дѣвушка! Полетта снова остановилась.—Итакъ, это было лишь испытаніе? Да? Ну, тѣмъ лучше, а то она было-испугалась, вообразивъ, что Лё-Дантекъ поручилъ ему сдѣлать ей предложеніе отъ его имени! Но какъ могъ Ривоалэнъ считать ее способной на такое безуміе?!..

— Мнѣ внушила это madame Дэжоберъ... Она увѣряла, что вы нимало не сантиментальны, и охотно выйдете замужъ за человѣка пожилого, лишь бы онъ обезпечилъ вамъ жизнь по вашему вкусу...

— Ахъ, вотъ что̀!—пробормотала Полетта сквозь зубы:—узнаю въ этомъ добрую душу сестры Тони!

Дойдя до берега, Полетта приняла уже руку Ривоалэна, убѣждавшаго ее опереться на нее, потому что въ пескѣ попадались ямы. Молодые люди погрузились въ созерцаніе водной поверхности, залитой серебристымъ, волшебнымъ свѣтомъ луны.

Опередившіе ихъ Люсиль и Сальбри тоже не теряли времени. Сальбри окончательно уговорилъ Люсиль предоставить ему и Ривоалэну устройство морской поѣздки. Они берутъ на себя добиться согласія ея матери. Но когда зашла рѣчь о Полеттѣ, то Люсиль заявила невиннѣйшимъ тономъ, что ее брать съ собою незачѣмъ. Вѣдь и кавалера для нея не имѣется, и она только будетъ имъ мѣшать... Сальбри блаженствовалъ заранѣе, предвкушая эту поѣздку вчетверомъ, обѣщавшую ему, въ сущности, tête-à-tête съ Люсиль...

Въ эту минуту къ нимъ присоединились Ривоалэнъ и Полетта, нимало не подозрѣвавшая, какъ безцеремонно ее сейчасъ отстранили. Было рѣшено идти домой. Репетиція, конечно, кончена, и всѣ уже спятъ. Но, къ ихъ изумленію, кафе́ гостиницы оказалось освѣщеннымъ, а когда они вошли въ него, они нашли тамъ весело ужинавшихъ актеровъ и актрисъ. Г-жа Дэжоберъ, улыбаясь, разливала имъ шампанское.

— Добраго аппетита, господа!—произнесъ насмѣшливо Ривоалэнъ, пародируя знаменитую фразу Рюи-Бласа въ драмѣ Виктора Гюго.

Вошедшихъ привѣтствовали смѣхомъ и веселыми восклицаніями. Ривоалэнъ потребовалъ тоже шампанскаго. Поднявъ красивымъ жестомъ свой бокалъ, Жанъ Ренэ воскликнулъ театральнымъ тономъ:

— Mesdames и господа! Пью за здоровье нашей хозяйки, очаровательной царицы-Дагю!

— А я, господа,—отвѣчала немного возбужденная Тоня,— предлагаю тостъ за maître Жана Ренэ, за его геніальный талантъ и все возростающую славу!

Пользуясь всеобщимъ шумомъ, Сальбри схватилъ бокалъ Люсиль, омочилъ въ немъ губы и нѣжно прошепталъ:

— А я пью за вашу красоту, опьяняющую сильнѣе шампанскаго...

Опустивши глазки и улыбаясь, Люсиль взяла изъ его рукъ наполовину еще полный бокалъ и выпила его залпомъ...

А тѣмъ временемъ г-жа Понталь писала у себя наверху, при мирномъ свѣтѣ лампы:

„Молодая англичанка всегда проникнута сознаніемъ своего достоинства и респектабельности; воспитаніе, даваемое ей, уважаетъ ея свободу и способствуетъ ей. У насъ же молодую дѣвушку обуздываютъ, присматриваютъ за нею, слѣдятъ; съ нею обращаются почти какъ съ будущей преступницей. Тамъ ее предоставляютъ самой себѣ, полагаются на ея слово, на ея честь; она — свой собственный наставникъ и судья; здѣсь же ей внушаютъ только пассивное повиновеніе и сознаніе своей природной слабости... А теперь, матери семействъ, выбирайте между укрѣпляющей системой self-control'я и французской дисциплиной, превращающей женщину въ рабу... да, выбирайте, положа руку на сердце!..“

III.

Черезъ нѣсколько дней состоялось представленіе „Царицы Дагю“. Большую залу кафé превратили въ театръ; Сальбри набросалъ необходимыя декораціи, а сцену устроили въ глубинѣ залы, по указаніямъ Ривоалэна, взявшаго на себя режиссерскую должность. Публику составляли обитатели гостинницы и сосѣднихъ виллъ и журналисты, понаѣхавшіе изъ Бреста. Въ первомъ ряду торжественно возсѣдала г-жа Понталь между мужемъ и Полеттой, подлѣ которой усѣлся Лё-Дантекъ. Люсиль же запряталась въ отдаленный уголокъ залы съ Сальбри, нимало не заботясь о пересудахъ обитателей гостинницы.

Въ ожиданіи начала, Ривоалэнъ разсматривалъ со сцены публику сквозь дырочку въ занавѣсѣ. Ему было непріятно видимое вниманіе Лё-Дантека къ Полеттѣ. Положимъ, она говорила, что смотритъ на него какъ на отца. Но вѣдь женщины такъ легко поддаются вліянію среды! Мать о ней не заботится, а сестры подаютъ вреднѣйшій примѣръ, который могъ заразить и ее. Но

почему же все это его такъ тревожитъ? Ужъ не влюбленъ ли онъ въ Полетту? Пока еще нѣтъ, но ему до этого недалеко... А потомъ? Жениться на ней? Бываютъ глупости и больше этой!..

Спектакль начался. Сцена представляла внутренность дворца царя Гралона, сводчатую залу на массивныхъ колоннахъ; въ глубинѣ, въ большое полукруглое окно, виднѣлись улицы города Исъ и заливъ Дуарненэ. Старинная бретонская драма, переведенная бѣлыми стихами какимъ-то поэтомъ новой школы, не отличалась сложной интригой и заключала не много дѣйствующихъ лицъ. Это были — царь Гралонъ, его дочь Дагю, святой апостолъ Гвенноле́ и молодой саксонскій вождь, предметъ безумной страсти Дагю. Всѣ герои говорили много и долго, что̀ задерживало ходъ дѣйствія; тѣмъ не менѣе, въ этой элементарной драмѣ было такъ много наивнаго мѣстнаго колорита, такое пламенное убѣжденіе и порою такіе порывы страсти, что добрая половина публики слѣдила за пьесой съ искреннимъ интересомъ.

При поднятіи занавѣса, царь Гралонъ любовался въ окно на свой городъ, защищенный со стороны моря крѣпкими плотинами. Онъ радовался благосостоянію своего государства и только-что одержанной побѣдѣ надъ англо-саксами, его исконными врагами. Радость его омрачалась только недовольствомъ его народа противъ его дочери Дагю. Въ эту минуту, стоявшая въ глубинѣ залы Дагю медленно выступила изъ-за колонны и появилась передъ восхищенными взорами зрителей. Бѣлая туника, драпировавшая ея чудную фигуру, обнажала ея ослѣпительно бѣлыя плечи и руки, украшенныя золотыми обручами. Бѣлокурые волосы были пришпилены золотымъ гребнемъ. Прирожденная актриса, она расточала направо и налѣво свои улыбки и ласковые взоры. Дагю отвѣчала ласковыми возраженіями на мягкія замѣчанія отца, и скоро ей удалось его успокоить пѣніемъ старой бретонской пѣсенки. Но ее прервало появленіе святого Гвенноле́, который открылъ глаза старому царю на развратное поведеніе дочери. Не обращая никакого вниманія на высокомѣрныя рѣчи Дагю, святой предупреждалъ царя, что часъ небеснаго гнѣва близокъ, и приказывалъ ему идти въ храмъ, гдѣ собрался весь его народъ и ждетъ, чтобы царь изрекъ торжественный приговоръ надъ недостойной царевной. Царь послѣдовалъ за святымъ, а Дагю, оставшись одна, впустила въ потайную дверь Эдвина, англо-саксонскаго вождя, плѣнника ея отца. Давно уже пылая страстью къ красавцу-дикарю, Дагю бросалась въ его объятія, повторяла ему угрозы святого и умоляла помочь ей. Эдвинъ совѣтовалъ ей, какъ поступить, чтобы

парализовать усилія святого. Для этого надо уничтожить власть царя. Стòитъ только овладѣть тѣмъ серебрянымъ ключомъ отъ главнаго шлюза, что царь носитъ всегда на груди, символомъ его власти, и они станутъ господами города. Дагю клялась похитить завѣтный ключъ, и занавѣсъ упалъ.

Во второмъ актѣ старый Гралонъ являлся спящимъ въ своей опочивальнѣ. Пробравшись чрезъ потайную дверь, Дагю, крадучись какъ кошка, приближалась къ спящему отцу, ловко похищала ключъ съ его груди, передавала его Эдвину, и они исчезали, обнявшись. Царь начиналъ метаться во снѣ и вскорѣ просыпался. Комната озарялась страннымъ свѣтомъ, появлялся святой Гвенноле́ и говорилъ царю:—Царь, бѣги скорѣй со своими слугами изъ города, ибо Дагю открыла шлюзы твоимъ серебрянымъ ключомъ, и черезъ нѣсколько часовъ море затопитъ все твое царство!

Несмотря на отсутствіе профессіональной опытности, Тоня Дэжоберъ вносила въ свою роль какую-то порочную прелесть, особенно очаровывавшую мужскую часть зрителей. Красота ея скрадывала недостатки дикціи, и наградою ей былъ шумный успѣхъ. Апплодисменты разбудили г. Понталя, благополучно соснувшаго подъ тирады святого Гвенноле́. Обмахиваясь вѣеромъ, г-жа Понталь принимала похвалы по адресу ея дочери съ олимпійской улыбкой и отвѣчала снисходительно:

— О, да, Антонія превосходно играетъ... У нея природный талантъ, и она могла бы пойти на сцену, но я сомнѣваюсь, чтобы она рѣшилась на это... Вѣдь, въ сущности, актерское искусство,—искусство низшее, превращающее женщину въ рабу авторскихъ вымысловъ... Эта пьеса, напримѣръ, чистѣйшая безсмыслица, и въ этой роли—Дагю—есть что-то унизительное. Эта Дагю—неестественное чудовище, а Гвенноле́ и Гралонъ—типы нечеловѣчные. Пора бы покончить съ легендарной драмой... Это шокируетъ нашъ современный образъ мыслей, и басни эти намъ прискучили... Да я больше и слушать не намѣрена, мнѣ некогда терять времени...

И она увела соннаго Понталя, поручивъ Полетту Лё-Дантеку и даже не позаботясь о томъ, гдѣ Люсиль, которая продолжала шушукаться въ уголку съ Сальбри, вовсе не слушая пьесу. Люсиль находила драму нестерпимо скучною, такъ же, какъ и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ самой Дагю. И что̀ за странное дѣло—сцена! Вѣдь какъ правдиво ея сестра Тоня, женщина холодная и спокойная, изображаетъ эту Дагю, тогда какъ она, Люсиль, сама такая же страстная, какъ Дагю,

была бы въ этой роли прямо плоха... А между тѣмъ все запретное такъ влечетъ ее къ себѣ!.. Сальбри усомнился, но Люсиль откровенно созналась, что ей неудержимо хочется познать все запрещенное, и живи она въ эпоху Дагю,—она была бы такою же порочною, какъ та...

Сальбри же повѣдалъ ей, что нашелъ отличное средство устранить всякую помѣху со стороны г-жи Понталь, и ихъ морская экскурсія обезпечена. Ему удалось добиться отъ съѣхавшихся сюда брестскихъ журналистовъ, чтобы они посовѣтовали г-жѣ Понталь устроить въ Брестѣ конференцію наканунѣ дня ихъ поѣздки, то-есть въ пятницу, 28-го августа. И если она согласится, то въ день ихъ отъѣзда они будутъ въ Брестѣ. Люсиль пришла въ восторгъ.

Но вотъ начался послѣдній актъ. Сцена представляла пустынныя ланды; вдали шумѣло море. Старый царь бѣжалъ, увлекая за собою, изъ жалости, Дагю, пытаясь спасти ее отъ грозныхъ послѣдствій ея безумія. Но волны уже настигали его, а повисшая на его рукѣ Дагю замедляла его бѣгство. И вотъ снова появлялся неизбѣжный Гвеннолѐ и въ длинной рѣчи убѣждалъ царя покинуть виновную, навлекшую на себя небесный гнѣвъ: „Если ты не хочешь погибнуть, царь, то отринь отъ себя того демона, что ты держишь въ своихъ объятіяхъ!“... Въ ужасѣ, Дагю вырывалась изъ объятій старика, прощалась въ длинномъ монологѣ съ радостями жизни и, полная отчаянія, но отнюдь не раскаянія, бросалась въ море...

Занавѣсъ упалъ, но скоро вновь поднялся, подъ шумные аплодисменты. Исполнителямъ устроили настоящую овацію. Лѐ-Дантекъ всталъ, созерцая съ недоумѣніемъ происходившую передъ нимъ сцену: опьяненная успѣхомъ, То̀ня Дэжоберъ бросилась на шею Жана Ренэ и при всѣхъ его поцѣловала, а въ глубинѣ залы Люсиль была всецѣло поглощена своей бесѣдой съ Сальбри. Ни та, ни другая, и не вспоминали о „самой младшей“. Чѣмъ болѣе онъ приглядывался ко всему этому, тѣмъ дороже становилась ему эта молодая дѣвушка. Само великодушіе предписывало вырвать ее изъ этой среды, которая могла, въ концѣ концовъ, дурно отразиться на ней. Роль эта соблазняла его. Онъ предложилъ Полеттѣ провести ее на террасу, но та приняла его руку безъ особаго энтузіазма, потому что ей хотѣлось, чтобы Ривоалэнъ ее замѣтилъ. Но, видя ее подлѣ Лѐ-Дантека, онъ притворился поглощеннымъ бесѣдою съ Жаномъ Ренэ. Тогда Полетта сказала, что если она уйдетъ, то ее не пригласятъ ужинать, а ужинъ, навѣрное, устроится!..—Развѣ ее такъ

соблазняетъ ужинъ съ актерами? — Напротивъ, она находитъ ихъ неестественными и дурно воспитанными, но ей надоѣло, что То̀ня и Люсиль вѣчно отстраняютъ ее. Лё-Дантекъ резонно замѣтилъ, что сёстры ея чувствуютъ сами, что ей было бы неловко въ подобномъ обществѣ, и онѣ правы. И онъ сталъ убѣждать ее просто вернуться къ себѣ, хотя бы для отца, котораго она такъ любитъ и который огорчился бы, узнавъ объ ея участіи въ этомъ ужинѣ. Полетта вздохнула, и послушно дала проводить себя до лѣстницы. Но тамъ она внезапно остановилась и объявила шаловливо капитану, что онъ долженъ вознаградить ее за такое примѣрное поведеніе.—Съ восторгомъ! Онъ готовъ ей угодить, но чего же ей хочется?—Вотъ чего: То̀ня и Люсиль не хотятъ брать ее съ собою на праздникъ св. Анны, отецъ и мать ни за что туда не поѣдутъ, и ей придется просидѣть дома... Между тѣмъ праздникъ этотъ—вполнѣ подходящее для нея развлеченіе. Пусть же онъ обѣщаетъ ей пустить въ ходъ свое вліяніе для того, чтобы она туда попала!—И только? И онъ далъ ей клятву, что онъ лично свезетъ ее туда... Они разстались, весьма довольные другъ другомъ.

А черезъ два дня въ брестской газетѣ „Депеша“ появилась слѣдующая замѣтка, перепечатанная затѣмъ всѣми бретонскими газетами:

„Вчера, въ „Grand Hôtel“ Моргà, въ присутствіи блестящей и многочисленной публики, состоялось первое представленіе нашей національной драмы—„Царица Дагю“. Устроителемъ спектакля явился неутомимый директоръ „Современнаго Театра“, г. Жанъ Ренэ. И пьеса, и исполнители имѣли блестящій успѣхъ, причемъ самый крупный выпалъ на долю артистки, игравшей роль Дагю. Мы слышали, что эта замѣчательная исполнительница—не профессіональная актриса, а свѣтская дама съ непреодолимымъ влеченіемъ къ театру. И разъ мы рѣшились на эту нескромность, то приподнимемъ уже уголокъ завѣсы, скрывающей эту новую, таинственную звѣзду. Насъ увѣряютъ, что исполнительница роли Дагю—не кто иная, какъ дочь г-жи Лауры Понталь, извѣстной писательницы-феминистки, и жена одного провинціальнаго учителя. Г-жа Т. Д.—не только безупречная красавица-блондинка, но еще обладательница недюжиннаго таланта, и въ трудную роль Дагю она внесла столько искренности и такія чары, что вызвала бурю аплодисментовъ и безконечныхъ вызововъ. Это—много-обѣщающій дебютъ. Послѣ спектакля состоялся товарищескій ужинъ, за которымъ была выпита не одна

бутылка шампанскаго за здоровье прекрасной и соблазнительной царицы-Дагю".

IV.

Въ ближайшій послѣ спектакля четвергъ, г-жа Понталь получила по почтѣ конвертъ съ печатнымъ штемпелемъ „Общества брестскихъ конференцій". Съ нескрываемымъ удовольствіемъ прочла она содержаніе конверта и разразилась чуть не цѣлой торжествующей рѣчью. Говорила же она, что ничто не можетъ задержать шествія истины! Провинція идетъ къ нимъ на встрѣчу; доктрины ихъ проникли въ самое сердце Бретани! Ее приглашаютъ читать въ Брестѣ о женскомъ воспитаніи... Переглянувшись съ Люсиль, Сальбри лицемѣрно поздравилъ г-жу Понталь.— Когда же назначена эта конференція?—На завтра же, а потому она не можетъ терять ни минуты...—Вотъ жалость! онъ и Ривоалэнъ какъ разъ устроили поѣздку къ мысу Ра,—а то они съѣздили бы въ Брестъ послушать ее!—Что же, и дочери поѣдутъ съ нею?—Ну, нѣтъ, онѣ ей только помѣшаютъ, пусть остаются съ отцомъ.—Но не разрѣшитъ ли она тогда старшимъ дочерямъ съѣздить съ ними къ мысу Ра,—экскурсія такъ интересна!..—Г-жа Понталь возразила, что г-жа Дэжоберъ вольна дѣлать что̀ ей угодно, но участіе Люсиль не очень-то корректно... Впрочемъ, не до этихъ пустяковъ ей теперь,—пусть рѣшаетъ г. Понталь, онъ компетентенъ въ подобныхъ вопросахъ. А она заранѣе умываетъ себѣ руки.

И на другое же утро она уѣхала, а въ субботу, въ семь часовъ утра, въ спальню супруговъ Понталь явились Тòня и Люсиль въ дорожныхъ костюмахъ и заявили опѣшившему, полусонному отцу, что пришли проститься съ нимъ. Понталь слабо протестовалъ: вѣдь мать ихъ этого вопроса не рѣшила... Тòня пустила въ ходъ всю свою хитрую вкрадчивость:—Ну, да, мама предоставила это ему, но онъ такой милый, добрый папа̀, что отпуститъ ихъ. Къ вечеру онѣ уже вернутся, а съ нимъ останется Полетта... И, поспѣшно расцѣловавъ отца и еще разъ формально обѣщая вернуться къ вечеру, онѣ исчезли.

Погода стояла превосходная, и на палубѣ небольшого пароходика обѣ парочки туристовъ оживленно болтали. Пока Люсиль и Сальбри откровенно любезничали, Тòня кокетничала съ Ривоалэномъ, но тотъ, проницательный и опытный, отлично понималъ, что съ ея стороны это не болѣе какъ привычное ей упражненіе. И насмѣшливымъ тономъ онъ заявилъ ей, что она—рѣшительно

артистка по природѣ: она только-что доказала, что прекрасно умѣетъ играть пылкихъ любовницъ, а теперь ясно, что всего лучше она была бы въ роли кокетокъ, потому что владѣетъ собою въ совершенствѣ, а это—главное. Внушающая сильныя страсти Селимена ничего не испытываетъ сама. И, навѣрное, она никогда не была страстно влюблена... Играя глазами, Тòня отвѣчала, что никогда еще не встрѣчала страстнаго влюбленнаго, иначе... И улыбка ея какъ бы приглашала его попытать счастія. Но Ривоалэнъ перевелъ разговоръ на Полетту. Это жестоко, что онѣ ее съ собою не взяли и обрекли на tête-à-tête съ отцомъ.—Чтò за бѣда? Полетта обожаетъ отца... а когда отцовское краснорѣчіе ей прискучитъ, у нея останется еще Лё-Дантекъ. Она питаетъ явное предпочтеніе къ старикамъ. —Однако, m-lle Полетта утверждаетъ, что все это неправда, распущенная про нее г-жею Дэжоберъ.—Тòня стояла на своемъ: —Полетта притворяется; она весьма осторожна и разсчетлива, несмотря на внѣшнюю беззаботность. Она—самая умная въ семьѣ, и это понятно, потому что она была ближе ихъ всѣхъ къ семейнымъ передрягамъ. Она, Тòня, вышла замужъ очень рано, Люсиль—натура безпечная, а Полетта не такова. Конечно, при равенствѣ средствъ, она предпочла бы молодого мужа старому, но несомнѣнно, что прежде всего она хочетъ составить выгодную партію...

Но, вотъ, пароходъ пришелъ въ Дуарненэ, гдѣ надо было ждать два часа поѣзда въ Одіернъ. Но здѣсь молодые люди предложили на обсужденіе такое соображеніе: изъ Дуарненэ на праздникъ св. Анны пароходъ доставитъ ихъ завтра въ часъ времени, тогда какъ если они вернутся вечеромъ въ Моргà, переѣздъ этотъ потребуетъ восемь часовъ. Гораздо проще—переночевать въ Дуарненэ. Люсиль объявила, потупившись, что это заманчиво, но не совсѣмъ прилично; впрочемъ, пусть рѣшаетъ Тòня; а та отвѣчала, что пусть вся отвѣтственность падаетъ на ихъ кавалеровъ... Это вѣрно, что возвращаться въ Моргà глупо, когда отсюда такъ недалеко до св. Анны, но останься онѣ здѣсь, сплетенъ въ гостинницѣ не оберешься!.. Ривоалэнъ возразилъ, что до мнѣнія всѣхъ этихъ незнакомыхъ буржуа имъ не можетъ быть никакого дѣла, а г-ну и г-жѣ Понталь можно телеграфировать, чтобы они не безпокоились. Сальбри бросился сейчасъ же на телеграфъ и отправилъ слѣдующую депешу въ своемъ обычномъ шутливомъ стилѣ:

„Господину Понталь, „Grand Hôtel“, Моргà. Рѣшили опоз-

дать на вечерній поѣздъ. Выѣзжаемъ въ Одіернъ. Завтра утромъ прибудемъ благоговѣйно прямо къ св. Аннѣ.—Сальбри".

Тѣмъ временемъ, г-жа Понталь вернулась въ Моргà весьма не въ духѣ. Читала она въ Брестѣ почти при пустой залѣ, и рѣчь ея о женскихъ правахъ освистали. До-нельзя раздраженная проваломъ, вошла она на террасу и застала тамъ только мужа, читавшаго какую-то телеграмму.

— А гдѣ же Тòня и Люсиль?—вскричала она съ досадой.

Несчастный Понталь совершенно растерялся, а его жена вырвала изъ его рукъ депешу и вскричала громко, негодующимъ тономъ, не обращая вниманія на присутствіе многихъ обитателей гостинницы:

— Какое неприличіе!.. Этотъ художникъ объявляетъ вамъ, что онѣ сегодня не вернутся!.. И вы это допустили! Вы дѣлаете только глупости!.. Сейчасъ я отвѣчу сама этому Сальбри! Но куда же телеграфировать?

Свидѣтели этой сцены только посмѣивались. Кто-то, однако, посовѣтовалъ ей телеграфировать въ Одіернъ, въ „Hôtel des Voyageurs", потому что, навѣрное, они тамъ остановятся нанимать экипажъ.

И вотъ когда туристы, вернувшись съ мыса Ра, остановились передъ упомянутой гостинницей, хозяинъ ея, освѣдомившись, который изъ нихъ Жакъ Сальбри, подалъ ему телеграмму, гласившую коротко: „Требую, чтобы дочери мои вернулись сегодня вечеромъ въ Моргà".

Несмотря на общую досаду, рѣшено было вернуться, но, по дорогѣ въ Дуарненэ, Люсиль все время ворчала, что прогулка ихъ испорчена. Какая это скучная вещь—семья! Сальбри утѣшалъ ее: можно вѣдь и не возвращаться,—притвориться, что не получили телеграмму... Наконецъ, эти лѣтніе поѣзда вѣчно опаздываютъ: они могутъ еще пропустить нечаянно отходъ парохода изъ Дуарненэ... Оно такъ и случилось: ихъ поѣздъ опоздалъ, и пароходъ ушелъ въ Моргà у нихъ подъ носомъ. И пришлось имъ переночевать въ Дуарненэ, телеграфировавъ супругамъ Понталь о случившемся.

На другое утро погода испортилась, и пока туристы переѣзжали изъ Дуарненэ къ св. Аннѣ, разразилась гроза, и дамы прибыли къ мѣсту назначенія съ растрепанными и вымокшими волосами. Небо прояснилось, и теперь выглянуло солнце.

Но только-что Ривоалэнъ съ Тоней и Сальбри съ Люсиль направились по дорогѣ къ церкви св. Анны, какъ ихъ опередила двухмѣстная легкая колясочка, изъ которой, къ ихъ изум-

ленію, вышли Полетта и Лё-Дантекъ. „Самая младшая“ была свѣжа и прелестна въ своемъ простенькомъ лѣтнемъ туалетѣ и соломенной шляпкѣ, и у Ривоалэна такъ и ёкнуло сердце при ея видѣ. Какъ непохожа она на своихъ сестеръ! Зачѣмъ только уѣхалъ онъ съ ними!..

Онъ откровенно ей это и высказалъ, черезъ какіе-нибудь полчаса. Передъ началомъ службы, пошелъ опять небольшой дождь, и многочисленные туристы, наѣхавшіе большею частью изъ Морга̀,—причемъ почти весь Grand Hôtel оказывался въ сборѣ,—расхватавъ присланную изъ гостинницы провизію, расположились какъ могли. Полетта взобралась въ одинъ изъ большихъ шарабановъ, поодаль отъ другихъ, и, пріютившись подъ большимъ зонтикомъ, принялась съ философскимъ равнодушіемъ за ломоть хлѣба, единственное, что̀ ей удалось достать. Ревниво слѣдившій за нею издали, Ривоалэнъ подбѣжалъ къ ней съ бутылкой вина, двумя стаканами и жаренымъ цыпленкомъ на тарелкѣ. Посмѣиваясь, онъ предложилъ ей свою провизію въ обмѣнъ мѣстечка подъ зонтикомъ. Полетта согласилась. Она не желаетъ, чтобы онъ схватилъ насморкъ, хотя онъ нимало не заслуживаетъ, чтобы о немъ заботились. И будь у нея хоть сколько-нибудь достоинства, она не должна бы ничего принимать отъ него. Но она проголодалась, а „голодъ—не тетка“. Тѣмъ не менѣе, она должна замѣтить ему, что поведеніе его неприлично: ему слѣдовало воспротивиться этой выходкѣ ея сестеръ, скандализировавшей всю гостинницу и разстроившей ея родителей.—Еще мама скоро и думать объ этомъ забудетъ, а бѣдный папа внѣ себя. И ей такъ его жалко, что она теперь сердита на Ривоалэна: она считала его благоразумнѣе остальныхъ, а онъ оказался такимъ же вѣтрогономъ...

— Не браните меня, я довольно наказанъ... Мнѣ вовсе не было весело... напротивъ!

— Правда?—вскричала Полетта, подвижное личико которой такъ и просіяло:—вы раскаяваетесь?

— Да, я жалѣю, что нечаянно огорчилъ васъ и палъ въ вашемъ мнѣніи... которымъ я дорожу болѣе всего...

Когда они кончили завтракать, дождь прошелъ и снова засіяло яркое солнце. Уступая настояніямъ Ривоалэна, Полетта согласилась уйти смотрѣть процессію съ нимъ вдвоемъ, хотя врожденное ей чувство справедливости протестовало противъ подобной неблагодарности относительно Лё-Дантека. Вѣдь ему она обязана тѣмъ, что попала сюда!—Но зато Лё-Дантекъ прокатился съ нею вдвоемъ,—довольно съ него!..—И Полетта, давно уже меч-

тавшая поболтать съ Ривоалэномъ наединѣ, уступила ему. Пробившись сквозь огромную толпу, они выбрали себѣ поодаль удобный наблюдательный пунктъ и оттуда смотрѣли на крестный ходъ. Торжественный колокольный звонъ, набожныя, благоговѣйныя лица всей этой крестьянской толпы, наивно выражавшей свою глубокую вѣру, невольно тронули Полетту и Ривоалэна. Глаза ихъ увлажнились; Полетта инстинктивно прижалась крѣпче къ рукѣ своего спутника и вздохнула: она не религіозна, ей этого не внушали, но искреннее убѣжденіе всѣхъ этихъ простыхъ людей хватаетъ ее за душу. Ривоалэнъ прошепталъ измѣнившимся, мягкимъ голосомъ:

— Я тоже становлюсь религіознымъ... Но святая, которую я чту,—это вы... вы будете моей мадонной!..

— Не шутите! Я ужасно довѣрчива, и если это только насмѣшка, я буду очень несчастна!

— Это серьезно, я люблю васъ!

Полетта потупила головку, молча наслаждаясь прелестью этого неожиданнаго признанія и тихонько прижимаясь къ Ривоалэну...

Но Ривоалэну не удалось ѣхать съ нею на обратномъ пути. Уже недовольная продолжительнымъ исчезновеніемъ сестры, г-жа Дэжоберъ любезно объявила ему, что припасла для него мѣстечко въ шарабанѣ подлѣ себя; Полетта же поѣдетъ съ капитаномъ, который, конечно, охотно возьметъ на себя заботу о ней. Лё-Дантекъ отвѣчалъ, что таково именно его непремѣнное желаніе, и что онъ обязанъ исполнить свою миссію до конца и доставить обратно m-lle Полетту. Скрѣпя сердце, Полетта покорилась, но съ досады вначалѣ молчала. Однако, долго дуться она не умѣла, и, скоро развеселясь, заговорила съ Лё-Дантекомъ. Онъ обрадовался. Слава Богу, она развеселилась, а то ужъ онъ начиналъ опасаться, не сердится ли она на него за то, что онъ разлучилъ ее съ сестрами.—Она ихъ очень любитъ, да? —Но Полетта не умѣла притворяться и заявила, что довольно равнодушна къ нимъ. Характеры ихъ не сходятся: Тоня ужъ черезчуръ себялюбива, а Люсиль слишкомъ безпечна. Порою она даже готова считать себя безчувственной... Вотъ кого она страшно любитъ, такъ это отца... вѣроятно, потому, что онъ одинъ занимался ею и былъ бы черезчуръ несчастенъ, еслибы лишился ея... Ну, а всѣ остальные не обратили бы никакого вниманія на ея изчезновеніе!..—Но какъ это странно, что въ свои молодые годы она видитъ все въ такомъ мрачномъ свѣтѣ!—А это потому, что она привыкла быть постоянно съ людьми пожилыми...

Сестры вѣчно ее отстраняютъ, и она проводитъ время съ отцомъ, который уже не молодъ...

— Не молодъ!—вскричалъ съ легкой гримаской Лё-Дантекъ: —да сколько же ему лѣтъ?

— Пятьдесятъ-четыре года.

— И вы считаете уже его старикомъ! — пробормоталъ Лё-Дантекъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

Полетта замѣтила это, сообразила, что онъ, конечно, лѣтъ на пять старше ея отца, и, желая исправить свою оплошность, сказала, что отца состарила супружеская жизнь.—А что, онъ, капитанъ, никогда не былъ женатъ? — Нѣтъ, пока еще онъ о женитьбѣ не думалъ... а она, думала ли она о замужествѣ? —О, нѣтъ, пока еще не думала... то-есть, вѣрнѣе, никто еще не просилъ ея руки. Она вѣдь безприданница, ей трудно выйти замужъ.—Но если представится случай, охотно ли она пойдетъ замужъ?—О, да... за человѣка, который бы ее любилъ... и не былъ бы первымъ встрѣчнымъ...

— Вотъ какъ! и вы также мечтаете выйти за принца!..

— Вы заблуждаетесь! Я вовсе не такая фантазёрка. Я просто хотѣла бы такого мужа, который нравился бы мнѣ и обѣщалъ бы быть добрымъ къ бѣдному папà... А такъ какъ у меня нѣтъ ни копѣйки, то необходимо, чтобы у него было положеніе и хоть небольшія средства.

Лицо Лё-Дантека просвѣтлѣло.

— Я вижу, что вы не эгоистка и думаете о другихъ больше, чѣмъ о самой себѣ... Очевидно, вамъ очень хочется видѣть вашего отца довольнымъ.

— Еще бы!.. Скажу вамъ по секрету, только вы не выдавайте меня,—ему приходится нелегко... Мама поглощена своей книгой, сёстры думаютъ только объ удовольствіяхъ, и всѣ домашнія тяготы лежатъ на немъ одномъ. Несмотря на свои годы, онъ принужденъ еще бѣгать по частнымъ урокамъ, чтобы сводить концы съ концами. Я была бы такъ рада облегчить его немного!

— И вы думаете, что вашъ мужъ сдѣлалъ бы это?

— Конечно... разъ онъ любилъ бы меня... Я вдвое любила бы его за это... Мы брали бы часто папà гостить къ себѣ, баловали бы его и вели бы втроемъ пресчастливую жизнь...

— Вы славная дѣвица и заслуживаете того, чтобы мечты ваши осуществились!—прошепталъ Лё-Дантекъ, положа отечески руку на плечо Полетты, которой припомнилось, что и Ривоалэнъ назвалъ ее разъ „славной“... И ей припомнились всѣ слад-

кія минуты сегодняшняго дня, любовныя рѣчи Эрвé; сердце ее переполнилось радостью и надеждой, и она убѣжденно вскричала:

— Да, я вѣрю въ будущее!..

Они оба теперь молчали, задумавшись. День склонился къ вечеру, и на ясномъ небѣ понемногу показывались звѣзды. Полеттѣ показалось, что она утомила Лё-Дантека своей болтовней, чтò она и высказала ему не безъ робости. Но Лё-Дантекъ протестовалъ.—Наоборотъ! Она его въ высшей степени интересуетъ; а задумался онъ потому, что ему припомнилась его далекая молодость. Еще будучи только ученикомъ морского училища, онъ проходилъ не разъ по этой самой дорогѣ въ такую же прекрасную погоду, вечеромъ. И вотъ ему вдругъ показалось, что онъ вернулся къ этому времени... Чтò дѣлать? Когда чувствуешь еще себя такимъ крѣпкимъ и бодрымъ, то все еще считаешь себя молодымъ... И только глядя на своихъ сверстниковъ, замѣчаешь непріятные симптомы старости... Полетта понимала, что изъ любезности ей слѣдовало бы сказать ему, что онъ кажется гораздо моложе своихъ лѣтъ. Но у нея ничего не вышло, кромѣ довольно банальной фразы:

— Да, камни, вода и деревья имѣютъ надъ нами то преимущество, что незамѣтно, старѣютъ ли они...

V.

Въ тотъ же вечеръ къ „Grand Hotel'ю", въ Моргà, подъѣхалъ новый путешественникъ, господинъ лѣтъ тридцати-пяти, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ холеной бѣлокурой бородой, невысокаго роста, весьма корректно одѣтый и высоко державшій свою голову съ узкимъ лбомъ. Изъ-подъ стеколъ пенснэ его сѣрые глаза глядѣли холодно, рѣзко и недовѣрчиво. Ни состраданіе, ни умиленіе этимъ глазамъ были, очевидно, незнакомы. Губы его складывались въ горькую складку, голосъ былъ рѣзкій, то сухой, то насмѣшливый. Спросилъ онъ въ конторѣ г-жу Дэжоберъ, и, узнавъ, что та уѣхала и вернется, вѣроятно, только поздно ночью, но что г-нъ и г-жа Понталь дома, онъ приказалъ передать имъ, что ихъ желаетъ видѣть господинъ Дэжоберъ.

Супруги Понталь, дѣйствительно, сидѣли вдвоемъ въ своей небольшой гостиной. Г-жа Понталь что-то царапала на бумагѣ, а ея мужъ ворчалъ, просматривая счетъ за двѣ недѣли.—Чего

это онъ разворчался?—А какъ же ему не ворчать! Если она думаетъ, что этотъ счетъ представляетъ просто двухнедѣльный итогъ, то она сильно заблуждается! Платить было условлено за все по 50-ти франковъ въ день, а итогъ поданнаго счета составляетъ 1.550 франковъ. Болѣе 600 франковъ ушло на расходы Тони на ея каботиновъ: ужины, шампанское, освѣщеніе, и т. д. Она ихъ прямо разоряетъ! Обыкновенно витавшая превыше всякихъ прозаическихъ жизненныхъ подробностей, г-жа Понталь на этотъ разъ нашла, что Тоня слишкомъ много себѣ позволяетъ! Эти расходы до нихъ не касаются, ихъ слѣдуетъ переписать на отдѣльный счетъ, и пусть Тоня платитъ ихъ изъ той пенсіи, которую ей даетъ мужъ...

Въ эту-то самую минуту пришли имъ доложить, что ихъ желаетъ видѣть г-нъ Дэжоберъ, и вскорѣ предъ ошеломленными супругами предсталъ самъ Урбэнъ Дэжоберъ, преподаватель какого-то лицея.

Г-жа Понталь спросила его съ достоинствомъ о цѣли его посѣщенія. Въ отвѣтъ, Дэжоберъ вынулъ изъ кармана мѣстную газету и прочелъ воспроизведенную изъ „Депеши“ замѣтку о представленіи „Царицы Дагю“. Должны же они понять, что ему не могло быть пріятно узнать, что жена его ломается на подмосткахъ передъ публикой и ужинаетъ съ актерами. Что станетъ говорить его начальство, товарищи, ученики?.. Высокомѣрнымъ тономъ г-жа Понталь возразила, что жена его—женщина совершеннолѣтняя и свободная. Все это ихъ вовсе не касается, тѣмъ болѣе, что принципы не позволяютъ ей стѣснять ничьей свободы дѣйствій.

— Да, принципы ея ему знакомы, и онъ знаетъ имъ цѣну, почему онъ и хотѣлъ объясниться сначала съ ея дочерью, но неизвѣстно, гдѣ она и когда-то еще вернется. Вотъ онъ и намѣренъ высказаться имъ. У него тоже имѣются свои принципы, и онъ находитъ, что всякая жена должна повиноваться мужу, имя котораго она носитъ. Онъ не позволитъ болѣе надувать себя... Довольно того, что его надули при женитьбѣ. Именно, надули! Когда онъ женился, ему сулили, что, благодаря своимъ связямъ, добьются его скораго перевода въ Парижъ, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ киснетъ въ провинціи... И это еще не все... По контракту, за ихъ дочерью было сорокъ-тысячъ франковъ приданаго, но онъ не получилъ изъ нихъ ни сантима, да и проценты, которыми ихъ замѣнили, вносятся ему чрезвычайно неаккуратно. Къ тому же, пока Тоня жила съ нимъ, она тратила на свой туалетъ больше, чѣмъ проценты съ ея при-

данаго, почему онъ и предпочелъ разойтись съ нею полюбовно. И онъ аккуратно выплачиваетъ ей назначенную имъ ежемѣсячную пенсію, въ 150 франковъ. Но теперь онъ ставитъ свой ультиматумъ: онъ прекращаетъ уплату этой пенсіи, и Тôня должна вернуться къ нему, гдѣ ждутъ ее кровъ и столъ, подъ условіемъ приличнаго исполненія супружескаго долга... Кромѣ того, онъ требуетъ немедленной уплаты ея приданаго... Или же онъ потребуетъ развода, въ поводахъ къ которому недостатка не будетъ!

Понталь сталъ умолять его—не дѣлать этого! Подобный скандалъ пагубно отзовется на всѣхъ. Но Дэжоберъ отвѣчалъ, что ему все равно, все это ему надоѣло, и онъ намѣренъ всецѣло воспользоваться своимъ правомъ.

— Да, правомъ сильнѣйшаго,—горько возразила г-жа Понталь.—Узнаю деспотизмъ мужчины, злоупотребляющаго несправедливымъ, имъ самимъ вымышленнымъ закономъ!

Она собиралась уже разразиться цѣлой рѣчью, но была прервана звонкомъ, призывавшимъ къ обѣду. Понталь сталъ увѣщевать зятя сохранить внѣшнія приличія за столомъ и не посвящать постороннихъ въ ихъ семейные разсчеты... Дэжоберъ возразилъ, что онъ не неучъ.

За обѣдомъ г-жа Понталь была разсѣянна, а Понталь ничего не ѣлъ и только вздыхалъ. Одинъ Дэжоберъ обѣдалъ съ превеликимъ аппетитомъ, усѣвшись напротивъ супруговъ. Только-что подали второе блюдо, какъ послышался стукъ колесъ, и вскорѣ въ столовую ворвались уѣхавшіе съ утра туристы и набросились на ѣду съ волчьимъ аппетитомъ. Утоливъ немного голодъ, они принялись съ ехидной любезностью разсказывать наперерывъ супругамъ Понталь, что только-что видѣли ихъ старшихъ дочерей здравыми и невредимыми. Господа Сальбри и Ривоалэнъ отъ нихъ не отходятъ... Въ Дуарненэ онѣ переночевали прекрасно, благодаря любезности своихъ кавалеровъ... Непріятно только, что онѣ попали на морѣ подъ грозу и чуть не потерпѣли крушеніе, но, къ счастью, кавалеры перенесли ихъ на берегъ на рукахъ... Но въ ихъ годы ничто не утомительно, и уже черезъ часъ послѣ этого онѣ преспокойно завтракали со своими неотлучными ухаживателями... Г-жа Понталь выслушивала все это съ олимпійскимъ спокойствіемъ, Понталь вздыхалъ, а Дэжоберъ, не отрываясь отъ ѣды, внимательно прислушивался къ этимъ разсказамъ, благодаря которымъ, онъ имѣлъ теперь подробныя свѣдѣнія о женѣ. Ничто не укрылось отъ его вниманія, а обитатели гостинницы преспокойно злословили, потому что Дэжобера никто не зналъ.

Къ концу обѣда, въ столовую вошли Полетта и Лё-Дантекъ. Полетта бросились къ отцу на шею и поцѣловала его, а когда подняла голову, то увидала Дэжобэра.—Какой сюрпризъ! Какъ онъ поживаетъ?—И она протянула ему черезъ столъ свою маленькую ручку, которую тотъ вяло пожалъ. Лё-Дантекъ говорилъ тѣмъ временемъ г-жѣ Понталь, что сдержалъ свое слово вполнѣ и лично доставилъ обратно m-lle Полетту.—О, капитанъ исполнилъ свои обязанности отечески-добросовѣстно, и тѣмъ не менѣе ничуть не помѣшалъ ей веселиться.—Но гдѣ же ея сёстры?—Онѣ уѣхали съ Сальбри и Ривоалэномъ,—пожалуй, остановятся гдѣ-нибудь ужинать, и лучше вовсе не ждать ихъ возвращенія до ночи. Дэжоберъ не пропускалъ ни одного слова. Лё-Дантекъ и Полетта усѣлись подлѣ г-на Понталя и передавали ему свои впечатлѣнія; каждый разъ, когда Полетта мимоходомъ упоминала о Тòнѣ или Люсиль, Понталь внимательно слѣдилъ за зятемъ, опасаясь какой-нибудь выходки. Наконецъ, г-жа Понталь нервно бросила свою салфетку, встала и направилась къ дверямъ. Дэжоберъ послѣдовалъ за нею и нагналъ ее на террасѣ.

— Я отказываюсь дожидаться возвращенія вашей дочери,—прошепталъ онъ съ глухимъ раздраженіемъ. — Довольно я уже наслушался; я знаю теперь, *какъ* ведетъ себя моя жена, и какъ судятъ ея поведеніе другіе... Завтра утромъ я уѣду къ одному своему пріятелю, тутъ по близости, а къ шести часамъ вечера буду обратно... Вы успѣете все обдумать и сообщить моей супругѣ мой ультиматумъ: покорность или разводъ... Выборъ зависитъ отъ нея и отъ васъ...

И онъ ушелъ, не дожидаясь ея отвѣта, а она погрузилась въ горькое раздумье. Невзгоды преслѣдуютъ ее: сначала ея проваль въ Брестѣ, затѣмъ эта глупая продѣлка Тòни и Люсиль, усложненная неожиданными, унизительными требованіями Дэжобера, и, наконецъ, матеріальныя непріятности...

Изъ тяжелаго раздумья ее вывелъ голосъ Лё-Дантека. Почтительно, но немного задыхаясь отъ волненія, онъ говорилъ, что ему необходимо имѣть съ нею серьезнѣйшій и важнѣйшій для него разговоръ... Сегодня это было бы неумѣстно, но не приметъ ли она его завтра утромъ... Удивленная, она отвѣчала, что будетъ ждать его завтра утромъ около девяти часовъ...

На другой день, всѣ обитатели гостинницы, утомленные вчерашней экскурсіей, заспались. Вернувшіяся только ночью, Тòня и Люсиль нѣжились въ своихъ постеляхъ, не спѣша подвергаться гнѣву матери. Полетта уже не спала, но мечтала въ постели. Ей все слышались незабвенныя слова Ривоалэна: „Это

серьезно... я люблю васъ!" Она была любима!.. И эти первыя любовныя рѣчи она услышала именно отъ того, кого она отличила отъ всѣхъ съ перваго же раза!.. Ея молодое сердечко, такъ лишенное доселѣ ласки, радостно билось, и слезы счастія подступали къ глазамъ. Вдругъ, вспомнивъ, что она увидитъ сейчасъ Эрвѐ, она соскочила съ постели и принялась поспѣшно одѣваться.

Въ назначенный часъ Лѐ-Дантекъ явился къ г-жѣ Понталь. Бесѣда ихъ длилась около получаса, и выходя отъ нея, онъ казался еще озабоченнѣе и смущеннѣе, чѣмъ входя. Не заглядывая къ себѣ, онъ вышелъ изъ гостинницы и отправился на морской берегъ, гдѣ и принялся шагать тревожно по песку.

Г-жа Понталь отрядила горничную къ Полеттѣ, съ приказаніемъ немедленно явиться къ ней. Полетта весело вбѣжала въ гостиную, гдѣ застала и мать, и отца. Понталь былъ красенъ, какъ піонъ, и весь сіялъ; глаза его блестѣли, грудь была выпячена впередъ, голова высоко поднята, и по движенію его губъ было ясно, что онъ собирается произнести одну изъ тѣхъ цвѣтистыхъ рѣчей, до которыхъ онъ былъ такъ падокъ.

— Полетта,—заговорила г-жа Понталь съ доброжелательной важностью:—садись и слушай меня, но не прерывай... Дитя мое, у насъ только-что просили твоей руки...

Щеки Полетты заалѣли, глаза радостно расширились, и она откровенно вскричала:

— Моей руки? Уже!

— Да, уже! Я признаюсь, — ты еще немного молода, и я предпочла бы пристроить прежде Люсиль... Но не слѣдуетъ быть слишкомъ требовательной... Что же! ты даже не спрашиваешь, кто просилъ твоей руки?

— Это потому... что я немного подозрѣваю—кто...

— Тѣмъ лучше! значитъ, мы избѣжимъ лишнихъ объясненій... Впрочемъ, я заключаю по твоему сіяющему виду, что ты все это отлично понимаешь, и не станешь дѣлать пустыхъ возраженій, какъ я того опасалась... Да, ты можешь быть довольна... Это—блестящая партія, завидная во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на разницу лѣтъ...

— Какая разница лѣтъ!—необдуманно возразила Полетта.— Онъ старше меня едва на десять лѣтъ.

— Чтò такое? О комъ ты говоришь?

— О комъ... Объ Эрвѐ Ривоалэнѣ.

Г-жа Понталь пожала плечами и отрывисто сказала:

— Дѣло идетъ вовсе не объ этомъ господинѣ, который

только умѣетъ мистифицировать людей, да кутить... Тутъ партія серьёзная... Тебѣ дѣлаетъ предложеніе капитанъ Танги Лё-Дантекъ.

Вся радость Полетты мигомъ пропала. Въ ея большихъ глазахъ мелькнули негодованіе и насмѣшка, на губахъ показалась горькая улыбка, и разочарованіе ея было такъ велико, что она не имѣла даже силы протестовать. Находя, что пора и ему вступиться, Понталь началъ торжественно:

— Въ жизни не бываетъ такъ, какъ въ романахъ, милая дочь. Когда дѣло идетъ о бракѣ,—нельзя становиться на точку зрѣнія исключительно сантиментальную...

— Оставь, папà, свои рѣчи,—прервала его непочтительно Полетта:—это напрасная потеря времени... Я твердо рѣшилась отказать капитану Лё-Дантеку...

— Почему же, сударыня?—рѣзко вскричала г-жа Понталь:—за что вы хотите такъ оскорбить человѣка порядочнаго, богатаго, весьма приличной наружности и предлагающаго вамъ неожиданно блестящее положеніе?

— Почему? Да потому, что это было бы смѣшно, потому что онъ годится мнѣ въ дѣды, и, наконецъ, потому что я его не люблю... Вотъ!.. Довольны вы теперь?

— Вы предпочли бы этого ломаку Ривоалэна?.. Человѣка безъ внутренняго содержанія и безъ принциповъ!

— Разумѣется... Пусть онъ только явится—и вы увидите!

— Но дѣло въ томъ, что онъ не является,—усмѣхнулась г-жа Понталь.—Подобно своему достойному другу Сальбри, онъ принадлежитъ къ той категоріи молодыхъ людей, которые компрометтируютъ честныхъ дѣвушекъ, но не женятся на нихъ!

— Послушай, Полетта, — заговорилъ ласковымъ, умиротворяющимъ голосомъ Понталь:—поразмысли немного... Мы не можемъ дать тебѣ приданаго, и ты рискуешь остаться старой дѣвой: въ наше время безкорыстные молодые люди, которые женились бы на безприданницахъ, встрѣчаются все рѣже и рѣже... Тебѣ представляется неожиданная партія... Капитанъ немолодъ, это правда, но онъ весьма моложавъ и хорошо сохранился... Онъ богатъ, любитъ тебя и желаетъ на тебѣ жениться... Партія, несомнѣнно, выгодная...

— Для васъ, пожалуй... Но не для меня.

— Оставьте, Эваристъ,—сказала кислымъ тономъ г-жа Понталь:—эта дѣвчонка глупа и упряма. Но я берусь сломить ея упорство.

— Ну, это мы увидимъ!—объявила Полетта, вызывающе поднимая головку.

— Ты забываешь, моя милая, что ты несовершеннолѣтняя, —возразила ея мать, выведенная изъ себя этимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ: — ты забываешь, что мы имѣемъ надъ тобою родительскія права, и я надѣюсь еще, что ты не заставишь насъ дать тебѣ это почувствовать.

— А ты, мама,—возразила Полетта съ лукавой ироніей:— забываешь и свои принципы, и свои писанія на тему о бракахъ по разсчету... Не ты ли повторяла, что въ дѣлѣ выбора мужа женщина должна слѣдовать только своему побужденію? Не ты ли требовала для дѣвушекъ такой же свободы брачнаго выбора, какъ въ Англіи? Было бы странно, еслибы ты отреклась отъ всѣхъ своихъ теорій, какъ только дѣло зашло о твоей собственной дочери!..

Внѣ себя отъ того, что ее уличили въ противорѣчіи съ самой собою, и теряя окончательно хладнокровіе, г-жа Понталь бросилась къ Полеттѣ, которая храбро и спокойно стояла передъ нею.

— Ты смѣешь спорить съ матерью, дерзкая, неблагодарная дѣвчонка! Ты смѣешь попрекать меня моими принципами! Да не будь ихъ, я уже давно бы обошлась съ тобою—какъ ты того заслуживаешь...

Сцену эту прекратило появленіе Тòни и Люсиль. У нихъ были любопытныя и довольныя лица: слава Богу, вниманіе матери было отвлечено отъ нихъ.—Въ чемъ дѣло? Тутъ ссорятся? —Но цѣломудренно-невинный видъ Люсиль и безмятежная улыбка Тòни довели ярость г-жи Понталь до пароксизма, и она разразилась градомъ упрековъ.—Хороши у нея дочки, нечего сказать! Всѣ хороши! Одна довела себя до того, что мужъ ея требуетъ развода; другая такъ себя скомпрометтировала съ Сальбри, что никто на ней теперь не женится... А третья, въ которой она предполагала каплю здраваго смысла и привязанности, если не къ ней, то хоть къ отцу, оказалась безчувственнѣе всѣхъ... Имѣя возможность все исправить, она отказывается вывести свою семью изъ затрудненія...—Полетта подавила рыданіе и пролепетала:

— Я не водолазъ, и не желаю топить себя для того, чтобы спасти погибающихъ!

— Ты безсердечное существо, чудовище эгоизма! — простонала ея мать, безсильно падая въ кресло.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Тòня принялась убѣждать Полетту.

—Она неправа: капитанъ въ нее безумно влюбленъ, она легко будетъ водить его за носъ, будетъ счастлива сама и осчастливитъ всю семью! Ну, что̀ ей стоитъ согласиться!—А Люсиль добавила своимъ томнымъ голосомъ:

— Да не ребячься же!.. Сдѣлай это для насъ!.. Да оно вовсе и не такъ уже страшно!

Готовая, было, расплакаться, Полетта подавила свои слезы и, смѣривъ сестеръ презрительнымъ взглядомъ, отвѣчала:

— Даже слушать васъ противно! Вы готовы принести меня въ жертву для исправленія вашихъ глупостей. Я всегда была Сандрильоной въ домѣ, чинила ваши тряпки, пока вы веселились. До сихъ поръ я все терпѣла, донашивала ваши старыя платья и сносила ваши грубости; но теперь, когда дѣло идетъ о счастіи или несчастіи всей моей жизни, прошу на меня не разсчитывать!.. Насильно меня замужъ не выдадутъ, а уже если Люсиль находитъ замужество по разсчету такой естественной вещью,—пусть она выходитъ сама за капитана... Я охотно уступаю его ей... Прощайте!

И она вышла, хлопнувъ дверью, пробѣжала въ свою комнату, бросилась тамъ на постель и спрятала лицо въ подушки. У нея разрывалось сердце при мысли, что вѣсть о случившемся можетъ дойти до Ривоалэна, потому что То̀ня вполнѣ способна все разгласить, да еще съ прикрасами. Что̀ онъ подумаетъ о ней, онъ, уже ревновавшій ее къ Лё-Дантеку? Не покажется ли ему страннымъ это предложеніе, сдѣланное ей на другой же день его признанія въ любви, и не сочтетъ ли онъ ее вѣроломной, двоедушной? И ей страстно, отчаянно захотѣлось сейчасъ же оправдаться передъ нимъ...

Послышался звонокъ къ завтраку, но Полетта рѣшилась не выходить изъ своей комнаты, пока ее не извѣстятъ, что Лё-Дантекъ знаетъ объ ея отказѣ. И когда къ ней постучались, она не двинулась. Тогда дверь ея открылась, и къ ней вошли То̀ня и Люсиль, уговаривая ее идти въ столовую, но ничего отъ нея не добились. То̀ня не понимала ея отказа Лё-Дантеку... Ужъ не разсчитываетъ ли она на Ривоалэна? Вотъ наивность! Не далѣе какъ вчера онъ объявилъ имъ, что отъ *флерта* никогда не прочь, но жениться отнюдь не собирается... Люсиль же находила, что это просто глупо!.. Есть о чемъ говорить! Если ей станетъ скучно со старымъ мужемъ,—въ развлеченіяхъ недостатка не будетъ...

— Какая гнусность!—отрѣзала Полетта.

И, выпроводивъ сестеръ, она заперлась на задвижку, броси-

лась снова на постель и разрыдалась, думая теперь объ огорченіи отца, на которое ей намекнули сёстры,—но она все объяснитъ ему, и онъ не потребуетъ отъ нея этой безнравственной, жестокой, превосходящей ея силы жертвы...

Черезъ часъ къ ней снова постучались, и вошелъ ея отецъ, съ видомъ человѣка, убитаго горемъ. Онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо рукой. Полеттѣ стало его жаль; она опустилась подлѣ него на колѣни и прошептала:

— Бѣдный папà, я тебя огорчила... Ты на меня сердишься? Ну, прости и выслушай... Мама вѣчно сердится, а ты добрый и поймешь меня... Ты подумай: вѣдь, мнѣ только восемнадцать лѣтъ, а капитану—шестьдесятъ. Я знаю, что онъ добрѣйшій человѣкъ, но онъ слишкомъ старъ; полюбить его я не могла бы, а просто возненавидѣла бы и мы стали бы жить какъ кошка съ собакой... Довольно одного несчастнаго брака въ семьѣ, не хочешь же ты несчастія своей „самой младшей"... Не сердись же, папà, и согласись, что я права...

— Ты права, жестоко права. До нѣкоторой степени я тебя понимаю, и мнѣ тѣмъ болѣе тяжела свалившаяся на насъ бѣда...

И онъ принялся драматически излагать озадаченной дочери все только-что случившееся. Положеніе ихъ безвыходно! Они могутъ лишиться не только всего своего имущества, но даже общественнаго уваженія; онъ можетъ даже потерять свое мѣсто и заработокъ... Полетта пришла въ ужасъ. Не преувеличиваетъ ли онъ? Но Понталь впадалъ все болѣе и болѣе въ трагическій тонъ:—А знаетъ-ли она, зачѣмъ такъ внезапно явился вчера Дэжоберъ? А потому, что прочелъ въ газетахъ о томъ, что Тòня выступила на сценѣ, разъярился и ухватился за этотъ предлогъ, чтобы позволить себѣ почти шантажъ. Онъ требуетъ немедленной уплаты приданаго Тòни, или грозитъ начать дѣло о разводѣ... И онъ приведетъ свою угрозу въ исполненіе. Такимъ образомъ, ея родителямъ грозитъ одно изъ двухъ: или уплатить сорокъ тысячъ, или—скандалъ. Въ первомъ случаѣ—это разореніе, ибо суммы этой у нихъ нѣтъ, и ее придется занимать... А если не удастся занять, то придется продать всю обстановку... ему придется бросить мѣсто, и подобнаго униженія онъ не переживетъ... И вотъ, утромъ, когда они совсѣмъ потеряли уже голову, явился Лё-Дантекъ... Чтò же удивительнаго, что они приняли его почти какъ спасителя!.. Горе—эгоистично, и они приняли предложеніе капитана какъ чудное вмѣшательство свыше... Ея бракъ съ человѣкомъ богатымъ и почтеннымъ сразу возстановлялъ ихъ кредитъ и престижъ. Дэжоберъ моментально бы смирился, въ на-

деждѣ получить свои деньги, и все уладилось бы... А что она можетъ отказать, — это имъ и въ голову не приходило! И въ первую минуту, видя, что этотъ шансъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ, они не съумѣли скрыть своего разочарованія...

Когда отецъ кончилъ, Полетта поднялась и пугливо посмотрѣла на него. Губы ея трепетали; холодная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, и она стала бѣлѣе снѣга. Понталь продолжалъ съ отчаяніемъ:—Впрочемъ, старики должны страдать и приносить себя въ жертву молодымъ,—это справедливо. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ исчезнуть... О, онъ не вскроетъ себѣ жилы, подобно Сенекѣ, но вѣдь море такъ близко, и въ немъ такъ легко найти вѣчное забвеніе!..

И онъ такъ быстро подошелъ къ окну, точно готовился привести свою угрозу въ исполненіе. Наивная Полетта попалась на эту удочку. Ей представилось бездыханное тѣло отца, выброшенное на берегъ,—а вѣдь только одного отца она любила глубокой, слѣпой любовью. На него переносила она весь богатый запасъ своей любви, надѣляя его глубокой нѣжностью къ себѣ. Мысль о его смерти была для нея нестерпимой, а домъ безъ него былъ бы просто тюрьмой. И, въ великодушномъ порывѣ своей стремительной натуры, она бросилась на грудь отцу и пролепетала сквозь душившія ее рыданія:

— Папа, я не хочу, чтобы ты мучился... Все лучше, чѣмъ видѣть тебя несчастнымъ... Хорошо, я выйду замужъ за капитана Лё-Дантека...

Понталь крѣпко обнялъ ее, но тутъ въ немъ шевельнулась совѣсть.—Пусть она все же подумаетъ,—онъ не хочетъ, чтобы она могла потомъ упрекать его въ томъ, что онъ вырвалъ у нея черезчуръ поспѣшное согласіе. Но Полетта твердо и мужественно возразила:

— Я ни въ чемъ тебя не упрекну... Для тебя я отъ всего сердца принесу ту жертву, въ которой отказала другимъ...

Затѣмъ она освѣдомилась, отвѣчали ли уже капитану, и, узнавъ, что его попросили ждать до вечера, она почувствовала, что такъ долго откладывать она не можетъ. Всякая проволочка только ослабитъ ея рѣшимость. Желая, къ тому же, избавиться отъ любопытства обитателей гостинницы, она поручила отцу пойти передать капитану, что она ждетъ его черезъ четверть часа въ одномъ уединенномъ и хорошо ему извѣстномъ уголку въ рощѣ...

VI.

На мѣсто свиданія Полетта явилась первою,—такъ ей хотѣлось теперь поскорѣе покончить со всей этой исторіей. Усѣвшись подъ высокимъ деревомъ, она закрыла глаза и задумалась. Но скоро послышались шаги, и, открывъ глаза, Полетта увидала приближавшагося къ ней Лё-Дантека. Капитанъ имѣлъ робкій, смущенный видъ; загорѣлое лицо его было блѣдно и немного грустно. Она пошла къ нему рѣшительно на встрѣчу. Когда они сошлись, наступило неловкое молчаніе. Первымъ заговорилъ поспѣшно Лё-Дантекъ.

— Вы, конечно, считаете меня старымъ безумцемъ, m-lle Полетта?... И вы назначили мнѣ свиданіе для того, чтобы бросить мнѣ это прямо въ лицо?

Снова наступило молчаніе, и хотя Полетта чувствовала, что ей слѣдуетъ отвѣчать,—она не могла вымолвить ни слова. Еще болѣе блѣднѣя, онъ спросилъ, не считаетъ ли она его дерзкимъ и назойливымъ. Но, тронутая, наконецъ, его глубоко печальнымъ тономъ и недовѣріемъ къ самому себѣ, она пролепетала, что онъ ошибается.

— Простите мою поспѣшность, — сказалъ онъ. - Но виноваты тутъ мои годы и безпокойный характеръ. Я никогда не могъ выносить невѣдѣнія, и предпочитаю рѣшительный ударъ томительному ожиданію... Будьте же откровенны, не бойтесь огорчить меня... Я выносливъ и никогда не былъ баловнемъ судьбы. Если меня ждетъ разочарованіе, оно не будетъ первымъ въ моей жизни, и пусть это васъ не останавливаетъ.

Она молчала, тронутая этимъ смиреннымъ признаніемъ, но не способная на лицемѣрныя утѣшенія. А онъ вскричалъ еще тревожнѣе:

— Я не могу видѣть васъ такой трепещущей и растерянной, дитя мое... Быть можетъ, г-жа Понталь, немного деспотичная, васъ запугала?... Я былъ бы въ отчаяніи, еслибы вы считали себя обязанной щадить меня изъ повиновенія!

— Вы ошибаетесь, капитанъ,—отвѣчала она, гордо поднимая головку: — запугиваніемъ отъ меня нельзя ничего добиться... И свиданіе это я назначила вамъ добровольно!

— Тѣмъ лучше; всякое давленіе на васъ было бы для меня невыносимо... Только отъ васъ одной зависитъ моя участь... Повѣрьте, что я долго колебался, прежде чѣмъ идти къ вашимъ родителямъ... Каждый разъ какъ я видѣлъ себя въ зеркало, я

думалъ: „Для молодой дѣвушки во мнѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, и на героя романа я не похожъ"... А между тѣмъ, я рѣшился на этотъ безумный, самоувѣренный шагъ. Побудилъ же меня къ этому нашъ вчерашній разговоръ на обратномъ пути отъ св. Анны. Слушая васъ, мнѣ почудилось, что и я могу еще быть на что-то пригоденъ... Кромѣ того, вы оказывали мнѣ такое наивное довѣріе, что я заключилъ, что вы питаете ко мнѣ немного симпатіи... Если я ошибся и говорю вздоръ,— скажите мнѣ прямо...

— Нѣтъ, это не вздоръ... я... всегда питала къ вамъ большую симпатію...

Печальные голубые глаза Лё-Дантека повеселѣли.—И это правда? Понимаетъ ли она всю важность своихъ словъ, и къ чему они ее обязываютъ?—Она отвѣчала утвердительно, но взглянуть на него у нея не было силы. Онъ продолжалъ допрашивать ее: увѣрена ли она, что это не жалость съ ея стороны, не боязнь огорчить его отказомъ?.. Онъ знаетъ, до чего она великодушна и мало эгоистична по натурѣ. Она привыкла забывать себя для другихъ, но ей не слѣдуетъ поддаваться необдуманно лишь внушеніямъ своей доброты... Вѣдь дѣло идетъ о заключеніи узъ, порвать которыя можетъ только смерть, и онъ будетъ жестоко страдать, если она потомъ, слишкомъ поздно, упрекнетъ его въ томъ, что онъ воспользовался ея неопытностью и загубилъ ея жизнь!..

— Но я никогда не имѣла бы жестокости сказать вамъ это, даже еслибы оно было такъ!

Но это наивное восклицаніе Полетты недостаточно его успокоило, и онъ продолжалъ допросъ.—Не встрѣтила ли она уже хоть одного молодого человѣка, съ которымъ она охотнѣе связала бы свою молодость, чѣмъ посвящать ее человѣку его лѣтъ?—Вопросъ этотъ переполнилъ чашу, и Полетта едва не вскричала, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ!... Но она вспомнила отчаяніе отца и промолчала. Лё-Дантекъ же объяснилъ себѣ по-своему ея грустное лицо, и разсердился на себя самого за то, что мучаетъ этого ребенка неумѣстными вопросами. Рѣшительно, онъ превратился въ идіота! Надоѣдаетъ ей вопросами, вмѣсто того, чтобы радоваться ея согласію. Это потому, что онъ не довѣряетъ себѣ: она такъ молода, жизни еще не знаетъ, а вѣдь если потомъ она встрѣтитъ человѣка, къ которому ее потянетъ, онъ будетъ безконечно несчастливъ!..

Полеттѣ было невыносимо тяжело. Она уже встрѣтила этого человѣка... но сегодня же онъ узнаетъ, что она отъ него от-

ступилась, станетъ ее презирать и отречется отъ нея въ свою очередь!.. И глубоко убѣжденная, что ея единственный любовный романъ конченъ, и не повторится никогда, она искренно отвѣчала:

— Я гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете, и хорошо знаю, на что иду... Вамъ никогда не придется упрекать меня...

Съ блистающими глазами, капитанъ схватилъ ее за обѣ руки и вскричалъ:

— Значитъ, вы согласны?... Вы будете моей женой, Полетта?

— Да... Прошу васъ только устроить одно... Уѣдемте завтра же изъ Морга... Одна мысль о тѣхъ толкахъ и пересудахъ, которые вызоветъ извѣстіе о нашей помолвкѣ, уже раздражаетъ меня... Уѣдемте...

Прекрасно,—онъ раздѣляетъ вполнѣ ея желаніе, и завтра же они уѣдутъ въ Парижъ, гдѣ онъ примется за устройство ихъ будущаго жилища. Его бретонскій замокъ слишкомъ мраченъ для такой молоденькой парижанки, какъ она, а потому онъ пріищетъ хорошенькую виллу въ окрестностяхъ Парижа, чтобы она могла навѣщать и принимать своихъ родныхъ, сколько ей угодно.—Какъ онъ добръ! Особенно ей хочется, чтобы отецъ ея почаще у нихъ бывалъ и гостилъ бы во время вакацій. И когда все было условлено, они разстались. Полетта пожелала остаться одна...

И добрую четверть часа она неподвижно простояла на мѣстѣ, ошеломленная быстротой совершившагося въ ея жизни переворота. Минутами ей казалось, что все это не болѣе какъ галлюцинація. Но нѣтъ, это правда,—завтра она уѣдетъ отсюда невѣстою Лё-Дантека. И вдругъ ей припомнилась ея недавняя прогулка съ Ривоалэномъ въ лунную ночь, и ея шутливая фраза о томъ, можно ли, напримѣръ, вообразить ее въ подвѣнечномъ платьѣ и вуалѣ, подъ-руку со старикомъ Лё-Дантекомъ?.. А теперь эта картина скоро превратится въ дѣйствительность...

Наконецъ, Полетта медленно направилась къ морскому прибрежью, гдѣ, она знала, ждала ее вся семья. Дѣйствительно, всѣ были въ сборѣ: г-жа Понталь прогуливалась подъ-руку съ Лё-Дантекомъ, супругъ ея шествовалъ позади нихъ, а Тоня и Люсиль держались по близости. Полетту привѣтствовали съ шумной радостью, и г-жа Понталь торжественно передала ее Лё-Дантеку. Тѣмъ не менѣе, сёстры успѣли насмѣшливо шепнуть Полеттѣ, что нѐчего ей принимать такой погребальный видъ: Ри-

воалэнъ и Сальбри куда-то уѣхали, и бояться ей нечего. Полетта только сердито отвернулась.

Оставалось покончить съ Дэжоберомъ. Едва онъ показался на прибрежьи, какъ г-жа Понталь кинула на мужа выразительно-повелительный взглядъ, а тотъ устремился на встрѣчу зятю. И все быстро уладилось: какъ только Дэжоберъ узналъ, что Полетта выходитъ за богатаго Лё-Дантека, онъ угомонился, понимая, что теперь Понталю будетъ чѣмъ выплатить ему приданое Тони. Онъ согласился провести еще здѣсь сегодняшній вечеръ, чтобы не портить семейнаго праздника, но сказалъ, что не беретъ назадъ своихъ справедливыхъ претензій.—А то, что Лё-Дантекъ можетъ оказать ему протекцію,—такъ это вздоръ, знакома ему эта пѣсня!—Но какъ только его представили Лё-Дантеку, онъ разсыпался въ любезностяхъ и лестныхъ комплиментахъ. Лё-Дантекъ обошелся съ нимъ со своей обычной, мягкой привѣтливостью; а когда узналъ о положеніи вещей, то услужливо предложилъ замолвить за него словечко одному своему пріятелю, главному секретарю въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Дэжоберъ разсыпался въ такихъ изъявленіяхъ благодарности, что даже пересолилъ, и г-жа Понталь поспѣшила отослать его къ женѣ. Желая перемѣнить разговоръ, она сообщила Полеттѣ, что сегодня они обѣдаютъ всѣ отдѣльно, въ маленькой столовой, и что идея эта принадлежитъ капитану.

— Да, мнѣ показалось, что послѣ сегодняшнихъ треволненій намъ лучше провести вечеръ въ семейномъ кружкѣ... Не такъ-ли, m-lle Полетта?

— Вы правы,—пролепетала она,—и я только-что собиралась попросить васъ объ этомъ...—Вы угадали мое желаніе, merci!

— Какъ я желалъ бы, чтобы всегда было такъ! Какое счастіе, еслибы я могъ всегда заранѣе осуществлять ваши малѣйшія желанія!—вскричалъ капитанъ.

Она подняла на него съ любопытствомъ свои влажные глаза, выражавшіе и благодарность, и безграничную грусть. Ее трогала заботливость этого добрѣйшаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ она подумала съ отчаяніемъ, что такимъ образомъ она не увидитъ въ послѣдній разъ Ривоалэна. Завтра все будетъ безповоротно кончено. И если Лё-Дантекъ ожидалъ отъ нея улыбки или одобренія, онъ горько разочаровался,—она шла съ нимъ подъ-руку разсѣянно и молча. Старый женихъ только задумчиво качнулъ головой.

Тѣмъ временемъ, между супругами Дэжоберъ происходило

почти шопотомъ объясненіе. Тоня, какъ всегда, безмятежно улыбалась.—Значитъ, онъ требуетъ, чтобы она слѣдовала за нимъ.— Развѣ онъ прекращаетъ ей всякія ссуды?—впрочемъ, ей остается только покориться. Не ожидавшій подобной покорности, Дэжоберъ смѣшался.

— Когда же онъ ѣдетъ? Завтра утромъ? Прекрасно, она будетъ готова... но не лучше ли ему отложить это трогательное примиреніе до начала учебнаго года? Ему самому вѣдь не улыбается жизнь въ провинціи, а къ учебному сезону, съ помощью Полетты и Лё-Дантека, удастся, быть можетъ, добиться его назначенія въ Парижъ... Къ тому же всѣ знаютъ, какъ они разстались, и сплетнямъ не будетъ конца... Онъ сознавалъ, что она права, но не хотѣлъ признаваться въ этомъ.—Очевидно, ей хочется въ Парижъ! Она даже въ его интересы входить стала... Ну, хорошо, пусть поживетъ еще мѣсяцъ съ семьей, но ужъ потомъ онъ будетъ неумолимъ...

Семейный обѣдъ прошелъ скучно, несмотря на разбросанныя по скатерти розы и обиліе шампанскаго. Къ концу обѣда совсѣмъ стемнѣло, и стали зажигать лампы; Понталь поднялся съ мѣста, съ бокаломъ въ рукѣ, очевидно готовясь произнести торжественную рѣчь. Люсиль незамѣтно выскользнула въ полуотворенную дверь и добралась до террасы, гдѣ Сальбри, облокотившись на перила, меланхолично курилъ. Она подкралась къ нему и облокотилась подлѣ него, шопотомъ его окликнувъ.—Что̀ это значитъ? Куда они всѣ пропали сегодня?—Но Люсиль предложила ему уйти на берегъ, и они покинули террасу.

Узнавъ о помолвкѣ Полетты съ Лё-Дантекомъ и о завтрашнемъ отъѣздѣ всей семьи, Сальбри пришелъ въ ужасъ.—А какъ же онъ?—Онъ? Онъ останется утѣшать Ривоалэна!—Значитъ, ей безразлично разставаться съ нимъ?—Какая несправедливость! Не она ли убѣжала сюда къ нему?..—О, милая, какъ онъ ее любитъ... И онъ обнялъ ее за талію и нѣжно привлекъ къ себѣ. Она не только не противилась, а крѣпко прижалась къ нему... И среди любовныхъ ласкъ и увѣреній, было рѣшено, что они будутъ видѣться въ Парижѣ, въ его мастерской...

На слѣдующее утро семья Понталь уѣхала въ семь часовъ. Багажъ былъ уже умѣщенъ на верхней площадкѣ омнибуса; всѣ члены семьи усѣлись въ него, и ждали только появленія Полетты, что-то замѣшкавшейся наверху. Она медленно спускалась съ лѣстницы, вся блѣдная. Въ сѣняхъ передъ нею внезапно очутился Эрвѐ Ривоалэнъ, такой же блѣдный, какъ она. Глаза его горѣли ироническимъ огонькомъ, и на губахъ блуж-

дала насмѣшливая улыбка. Поклонившись ей съ преувеличенною почтительностью, онъ сказалъ, неувѣренно смѣясь:

— Хоть я и опоздалъ, mademoiselle,—позвольте мнѣ все-же присоединить мои поздравленія къ поздравленію вашихъ друзей и пожелать вамъ счастія въ супружеской жизни...

— Умоляю васъ... пощадите меня!—прошептала она и стремительно бросилась къ омнибусу.

Когда, отъѣхавъ довольно далеко, омнибусъ ихъ завернулъ за уголъ, и море скрылось изъ глазъ, Лё-Дантекъ, внимательно слѣдившій за Полеттой, откинувшейся въ уголъ, замѣтилъ слезы въ ея глазахъ и сказалъ заботливо:

— Вамъ жалко Моргà?.. Если хотите, мы можемъ вернуться сюда весной...

Она испуганно посмотрѣла на него, качнула головой и прошептала:

— Нѣтъ... никогда!.. Это кончено!

И, не сдерживаясь болѣе, она разрыдалась.

VII.

Лё-Дантекъ нанялъ прелестную виллу въ одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ парижскихъ окрестностей, на берегу Бьевры, неподалеку отъ великолѣпныхъ верріерскихъ лѣсовъ. Изящная снаружи, вилла была удобна и комфортабельна внутри, а капитанъ еще отдѣлалъ ее съ большимъ вкусомъ и роскошью. И въ самый вечеръ свадьбы онъ увезъ туда Полетту.

Когда, двѣ недѣли спустя, Тоня Дэжоберъ явилась навѣстить сестру, видъ всей этой роскоши, выпавшей на долю „самой младшей“, возбудилъ въ ней жгучую зависть. Новобрачныхъ она застала въ саду, въ тѣни развѣсистаго кедра. Полетта особой радости не проявила, но Лё-Дантекъ принялъ Тоню съ изысканной любезностью. Если справедливо замѣчаніе, что въ обществѣ пожилыхъ людей чувствуешь себя иногда какъ бы внезапно постарѣвшимъ, то несомнѣнно, что иныя натуры какъ бы молодѣютъ отъ близкаго соприкосновенія съ юностью. Капитанъ показался Тонѣ именно помолодѣвшимъ. Цвѣтъ лица его сталъ свѣжѣе, талія гибче, походка бодрѣе и развязнѣе. Полетта не измѣнилась, только личико ея было подернуто какой-то меланхоліей, чтò не укрылось отъ взоровъ старшей сестры.

Улыбаясь, Тоня извинилась, что нарушаетъ медовый мѣсяцъ своимъ непрошеннымъ визитомъ, но она непремѣнно хотѣла по-

благодарить его за оказанную ея мужу протекцію. Дэжобера перевели въ лицей Лаканаль, такъ что она наняла домикъ въ Со, и они будутъ теперь близкими сосѣдями.—Не прелестный ли это сюрпризъ?—Но Полетта отнеслась холодно къ „прелестному сюрпризу"; ей вовсе не улыбались частыя посѣщенія четы Дэжоберъ. Чуткій Лё-Дантекъ положилъ конецъ воцарившейся смутной неловкости, предложивъ осмотрѣть подробно всю ихъ виллу.

Осмотръ этотъ только обострилъ зависть Тони, сравнивавшей мысленно весь этотъ роскошный и изящный комфортъ съ собственной мизерной обстановкой. Съ трудомъ сохраняла она свою обычную улыбку; но когда осмотръ кончился, и Лё-Дантекъ предложилъ ей выпить рюмку кипрскаго вина, она не могла удержаться, чтобы не уколоть сестру. Поздравляя притворно Полетту, плававшую, по ея выраженію, въ блаженствѣ, она приглашала ее къ себѣ. Конечно, послѣ здѣшней роскоши, ей покажется неуютно у нея, Тони. Все-же она будетъ жить въ своей скромной обстановкѣ съ удовольствіемъ, потому что любитъ эти пригородные уголки. Впрочемъ, многіе раздѣляютъ ея вкусъ. Напримѣръ, она слышала, что по сосѣдству отъ Полетты, въ Верріерѣ, поселился Жакъ Сальбри и устроилъ себѣ мастерскую. Сообщилъ ей это другъ Сальбри, Эрвé Ривоалэнъ, повстрѣчавшійся ей на-дняхъ. Кстати, помнитъ ли она Ривоалэна? Слегка краснѣя, Полетта отвѣчала утвердительно, а мужъ ея спокойно замѣтилъ, что она не могла забыть такъ скоро недавняго знакомаго изъ Моргà. Тонѣ только это и было нужно:—О, да, Ривоалэнъ былъ весьма любезнымъ кавалеромъ, особенно по отношенію къ Полеттѣ.—Лё-Дантекъ немедленно омрачился.

Но продѣлка эта не прошла Тонѣ даромъ. Провожая сестру, Полетта воспользовалась тѣмъ, что мужъ ея заговорился о чемъ-то съ привратникомъ, проскользнула въ ворота и пошла по дорогѣ рядомъ съ Тоней. Шла она молча, но, пройдя на достаточное разстояніе отъ воротъ своей виллы, она остановилась взглянула Тонѣ прямо въ глаза и сухо сказала:

— Знаешь, это упоминаніе о Ривоалэнѣ при капитанѣ—порядочная гадость съ твоей стороны.

— Боже мой, какая ты странная!—мягко возразила Тоня.—Я не ожидала, что одно упоминаніе о Ривоалэнѣ до того тебя взволнуетъ!

— Во всякомъ случаѣ, чтобы это не повторялось, слышишь! Или я перестану принимать тебя... Теперь ты предупреждена, прощай!

Она повернулась къ ней спиною и быстро отправилась до-

мой. Въ саду мужа она уже не застала, онъ былъ въ своемъ кабинетѣ. Сердце ея сжалось при мысли, что онъ могъ огорчиться словами Тони. Одиноко пробродила она по саду до обѣда, думая о томъ, что Ривоалэнъ снова появился въ ея жизни. И возможность встрѣчи съ нимъ пугала ее.

Но за обѣдомъ Полетта успокоилась. Мужъ былъ съ нею совершенно такой же, какъ всегда, и они оживленно проболтали весь обѣдъ о всякой всячинѣ. Если умъ капитана и не отличался, какъ выразилась бы г-жа Понталь, „высшимъ полетомъ мысли“, зато всѣ рѣчи его были проникнуты такой сердечной добротой, такой заботливостью о женѣ и ея удобствахъ и такой молодой, веселой живостью, что Полетта, тронутая и благодарная, никогда не скучала въ его обществѣ. Послѣ обѣда они совершили вечернюю прогулку, а передъ тѣмъ какъ вернуться въ домъ, Лё-Дантекъ схватилъ жену за обѣ руки и прошепталъ, заглядывая ей въ глаза:

— Что же, Полетта, начинаете ли вы привыкать къ своей новой жизни?

Полетта засмѣялась.—Еще бы! никогда не заботились о ней и не баловали ее такъ, какъ теперь.

— Я такъ боюсь, какъ бы вы не соскучились... Иногда я упрекаю себя за то, что обрекъ васъ на это уединеніе...

Но Полетта заявила совершенно искренно, что ей нравится эта жизнь. Она ненавидитъ и визиты, и гостей, и ей всегда хорошо вдвоемъ съ нимъ...

Дѣйствительно, эта дачная жизнь вполнѣ отвѣчала потребностямъ ея непосредственной натуры. Къ тому же, капитанъ обращался съ нею такъ мягко и осторожно, такъ тщательно щадилъ ея дѣтскую душу, совсѣмъ не подготовленную къ подобному непропорціональному браку, былъ такъ деликатно нѣженъ, что всѣ ея прежніе страхи передъ супружеской жизнью улеглись, и она была настолько счастлива, насколько это было возможно послѣ внезапной развязки ея любовнаго романа. Вначалѣ, боясь, что она соскучится, онъ пробовалъ возить ее къ роднымъ и въ театръ. Но общество матери и сестеръ мало привлекало Полетту, а отца она предпочитала принимать у себя. И Понталь гостилъ обыкновенно у дочери съ субботы до понедѣльника. Въ театрѣ же новобрачные побывали всего разъ, во „Французской комедіи“. Шла драма Виктора Гюго: „Эрнани“. Сначала они слѣдили съ интересомъ за развитіемъ драмы, но когда, въ третьемъ актѣ, донъ-Рюи-Гомецъ заговорилъ съ горечью о томъ, что онъ старикъ, и что его возлюбленная донья-Соль можетъ предпочесть

ему молодого человѣка, Полетта замѣтила, что мужъ ея омрачился, и глаза его печально остановились на ней. Ей стало неловко. И, жалуясь на жару и усталость, она попросила мужа уѣхать, не дожидаясь конца спектакля. Таковъ былъ финалъ ихъ парижскихъ развлеченій.

Поѣздкамъ въ Парижъ Полетта предпочитала прогулки по очаровательнымъ верріерскимъ окрестностямъ. Погода стояла превосходная, и долина Бьевры была очаровательна. Эта теплая осень удивительно подѣйствовала на Лё-Дантека, и не разъ Полетта изумлялась необыкновенной живости и эластичности его движеній, моложавости всей его фигуры. Онъ перепрыгивалъ непринужденно черезъ широкія канавы и легко взбирался на такіе косогоры, на которые сама она взбиралась не безъ труда.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда она проходила съ мужемъ по одной изъ аллей верріерскаго лѣса, до Полетты и Лё-Дантека донесся изъ одной изъ боковыхъ аллей взрывъ музыкальнаго смѣха. Они подняли голову и увидали, шагахъ во ста отъ себя, крѣпко обнявшуюся парочку влюбленныхъ... Съ бьющимся сердцемъ и широко раскрытыми глазами смотрѣла Полетта на эту парочку, потому что хотя ей видны были только спины, она узнала съ перваго же взгляда свою сестру Люсиль и художника Жака Сальбри. Ошибиться она не могла,—слишкомъ хорошо ей былъ знакомъ этотъ музыкальный смѣхъ сестры. Ей вспомнились слова Тони о томъ, что Сальбри поселился въ Верріерѣ, и всякое сомнѣніе для нея исчезло. Но, видя, что мужъ ея готовится повернуть именно въ эту аллею, она испугалась и попросила вернуться домой, подъ тѣмъ предлогомъ, что уже темнѣетъ и становится свѣжо. Капитанъ было-протестовалъ, но потомъ ему пришло въ голову, что Полеттѣ тяжело смотрѣть на эту молодую парочку, что она думаетъ о его старости, онъ припомнилъ горькія рѣчи Рюи-Гомеца, вздохнулъ и повернулъ домой.

Если Полетта считала до свадьбы интимную жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ невыносимою пыткою, то теперь ея прежніе страхи казались ей преувеличенными. Она не только привыкала къ своей новой жизни, но даже любила ея пріятную тишину. Конечно, бракъ ея съ Лё-Дантекомъ не осуществлялъ ея дѣвической мечты, и отеческая нѣжность мужа не могла замѣнить ей любви Ривоалэна. Но о любви она уже теперь и не думала, убѣжденная, что сердце ея не способно болѣе на страстное увлеченіе. Она относилась къ Лё-Дантеку какъ любящая дочь, окружала вниманіемъ и заботами этого прекраснаго чело-

вѣка, такъ трогательно старавшагося доставить ей комфортъ и счастіе. Конечно, капитанъ предпочелъ бы болѣе горячности съ ея стороны, но онъ философски говорилъ себѣ, что въ шестьдесятъ лѣтъ не слѣдуетъ быть слишкомъ требовательнымъ.

Такъ они прожили до ноября, когда наступили первые холода. Но Полетта съ мужемъ не страдали отъ нихъ, потому что вилла прекрасно отапливалась, и они благополучно провели всѣ зимніе мѣсяцы. Въ половинѣ февраля Лё-Дантекъ получилъ отъ управляющаго его бретонскимъ имѣніемъ письмо, заставившее его нахмуриться. Тотъ извѣщалъ его, что январьскія бури произвели большія опустошенія въ его зàмкѣ Керъ-Локъ; сотни деревьевъ вырваны съ корнями, а главное, часть крыши зàмка сорвана вѣтромъ. Честный управляющій совсѣмъ потерялъ голову и умолялъ владѣльца пріѣхать лично взглянуть на бѣду и произвести нужный ремонтъ. Не желая подвергать жену бретонскимъ непогодамъ, капитанъ рѣшился ѣхать одинъ, но боялся оставить жену одну и предложилъ ей, пока, погостить у родителей. Но Полетта предпочла оставаться на виллѣ и только умоляла мужа вернуться поскорѣе, что̀ тотъ съ радостью обѣщалъ.

На другое утро онъ уѣхалъ. Полетта проводила его до станціи, крѣпко обняла его на прощанье, поцѣловала отъ всего сердца и прошептала, прижимаясь къ его груди:

— Клянитесь вернуться какъ можно скорѣе и писать мнѣ часто, часто!

Лё-Дантекъ уѣхалъ, растроганный этой лаской, а Полетта грустно вернулась въ свой опустѣлый домъ. Впервые сознала она, какое большое мѣсто занимаетъ въ ея жизни этотъ мужъ, общество котораго внушало ей сначала такое отвращеніе и который превратился теперь въ ея вѣрнаго друга, въ преданнаго и необходимаго спутника жизни. Дни тянулись теперь безконечно долго. Мужъ писалъ ей аккуратно: доѣхалъ онъ благополучно, но нашелъ Керъ-Локъ въ такомъ печальномъ видѣ, что ему понадобятся, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли для того, чтобы наладить работы по ремонту. Полетта растерялась: одиночество ее страшило, а уѣхать въ Парижъ она не рѣшалась. Она разсчитывала на отца, но тотъ находилъ мало удовольствія бывать у нея въ отсутствіе Лё-Дантека, который вѣжливо выслушивалъ его безконечныя разглагольствованія, тогда какъ Полетта зачастую легкомысленно его прерывала. И, подъ разными хитроумными предлогами, онъ пересталъ у нея гостить. И Полетта проводила время въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

Между тѣмъ погода, до сихъ поръ холодная и дождливая, перемѣнилась. Наступили весенніе дни, и прогулки стали возможны. Но зато теперь Полетту охватило какое-то лихорадочное возбужденіе; ей страшно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поболтать, а потому она очень обрадовалась, когда въ одинъ прекрасный день къ ней явилась Люсиль. Сегодня она была особенно прелестна и свѣжа. Изящное платье красиво обрисовывало ея тонкую фигурку, и нѣжный запахъ букета фіалокъ, приколотаго къ поясу, смѣшивался съ запахомъ табаку, которымъ одежда ея была какъ бы пропитана.—Ну, что же, скоро вернется капитанъ? Бѣдняжка Полетта очень скучаетъ, да? Это понятно: деревенская жизнь зимой, да еще въ одиночествѣ, лишена прелести. И охота, право, ей тутъ киснуть, когда Парижъ подъ бокомъ!—Но Полетта возразила, что въ отсутствіе мужа она не считаетъ приличнымъ ѣздить веселиться въ Парижъ.—Люсиль пожала плечами.—Охота такъ деликатничать! А они-то удивлялись всѣ ея исчезновенію! И вотъ она рѣшилась навѣстить эту маленькую дикарку... и нарочно сюда пріѣхала!

— Неужели нарочно?—насмѣшливо спросила Полетта, пристально глядя на сестру. Люсиль смѣшалась, цѣломудренно опустила глазки и возразила:

— Какъ это—неужели? а зачѣмъ бы мнѣ ѣздить сюда?.. Я вѣдь не такая любительница, какъ ты, природы и пейзажей.

— Нѣтъ, ты предпочитаешь пейзажистовъ!

Слегка краснѣя, Люсиль уклонилась отъ прямого отвѣта.—Ну, она не мастерица разгадывать загадки.—Полетта вскричала нетерпѣливо:

— Хорошо же, поговоримъ на чистоту! Я очень была бы рада тебя видѣть, еслибы ты ѣздила сюда только изъ-за меня; но я не питаю ни малѣйшихъ иллюзій, и знаю, что я не болѣе какъ предлогъ... Только, ma chère, тебѣ слѣдовало бы имѣть вѣжливость избрать меня хоть въ свои повѣренныя... Ясно?

— Не очень.

— Не представляйся невинностью, со мною это напрасно. Слушай же: ты ѣздишь въ Верріеръ къ Жаку Сальбри... Не отнѣкивайся! Въ октябрѣ я встрѣтила васъ какъ-то въ лѣсу, вдвоемъ, и не поверни я поскорѣе назадъ, вы очутились бы лицомъ къ лицу съ капитаномъ, который въ этихъ вопросахъ не шутитъ, и неумолимо закрылъ бы тебѣ двери нашего дома.

Люсиль была прижата къ стѣнѣ.—Ну, хорошо, это правда, но что же можетъ быть предосудительнаго во взаимной любви двухъ молодыхъ людей? Это такъ естественно!..—Но Полетта

протестовала.—Все зависитъ отъ точки зрѣнія... Сальбри—человѣкъ крайне легкомысленный, онъ уже прежде компрометтировалъ Люсиль, а теперь компрометтируетъ еще больше. Съ огнемъ играть не слѣдуетъ...

— Ничего ты въ этомъ не понимаешь, petite... Ты разсуждаешь о любви, какъ слѣпой о цвѣтахъ.

— Почему ты знаешь? Хоть я и не имѣю твоей опытности, все-же здравый смыслъ мнѣ подсказываетъ, что серьезно любящій человѣкъ ведетъ себя съ любимой женщиной почтительнѣе и скромнѣе!

— Жакъ меня страстно любитъ!

— Зачѣмъ же тогда не проситъ онъ прямо и честно твоей руки?

— Стóитъ мнѣ захотѣть, и онъ на мнѣ женится... Но мы не спѣшимъ, мы предпочитаемъ ждать...

— Чего?.. чтобы вы надоѣли другъ другу?

— Какой вздоръ!—Имъ никогда не надоѣстъ любить другъ друга. Она не можетъ понять, какая прелесть заключается въ этой тайнѣ. Упоительная и страстная любовь только тогда вполнѣ свободна, когда не ведетъ прямо и прозаично къ алтарю... Свободныя ласки слаще...—Полетта слушала ее со смущеніемъ и негодованіемъ, стыдясь нравственной испорченности сестры. И она заставила ее замолчать... Люсиль собралась домой, но Полетта не повѣрила, что она возвращается въ Парижъ, хотя Люсиль и утверждала, что была уже у Сальбри,—и рѣшила проводить ее до станціи.

Но, подходя къ станціи, Люсиль внезапно остановилась и сообщила, что забыла предупредить Полетту о томъ, что у нея есть спутникъ. Вонъ тамъ, на террасѣ, ждетъ ее Эрвѐ Ривоалэнъ. Полетта поблѣднѣла и разсердилась.—Нѣтъ, это переходитъ уже всѣ границы!—И она повернулась уже, чтобы уходить, когда Люсиль схватила ее за руку.—Какъ это глупо! Чего она боится? Черезъ три минуты поѣздъ уйдетъ, да къ тому же теперь поздно! Ривоалэнъ ихъ замѣтилъ и спускается съ террасы...—Полетта окончательно растерялась. Ривоалэнъ поклонился ей съ почтительной ироніей, и она вся покраснѣла, внутренно проклиная себя за эту краску. Между тѣмъ, поѣздъ подошелъ; Люсиль поспѣшно вскочила въ вагонъ одна, и оказалось, что Ривоалэнъ вовсе не ѣдетъ въ Парижъ, а возвращается въ Верріеръ, къ Сальбри, у котораго гоститъ. Такъ какъ отъ станціи въ Верріеръ вела одна дорога, то Полеттѣ пришлось, волей-неволей, идти съ Ривоалэномъ до того перекрестка, гдѣ ей надо

было сворачивать къ своей виллѣ. Не желая, чтобы онъ думалъ, что она боится его, она пошла съ нимъ рядомъ. Онъ велъ съ ней вѣжливый, сдержанный разговоръ.—Нравится ей деревенская жизнь? Очень? Ну, тѣмъ лучше... но, кажется, теперь она совсѣмъ одна?..—Да, мужъ ея въ Бретани, и она ждетъ его возвращенія со дня на день.—И она, конечно, дождаться его не можетъ!—Именно.—Ну, разумѣется, она уже нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ, она не привыкла къ одиночеству и, должно быть, смертельно теперь скучаетъ безъ мужа...

Полетту злило, что онъ говоритъ о Лё-Дантекѣ насмѣшливымъ тономъ.—Неправда, она вовсе не скучаетъ, потому что скука—не въ ея натурѣ. А тѣмъ болѣе теперь, когда погода позволяетъ совершать большія прогулки...—Да, онъ знаетъ, что она любитъ ходить... а тутъ такая живописная мѣстность...—Довольная тѣмъ, что разговоръ принялъ невинный оборотъ, Полетта простодушно принялась разсказывать о своихъ любимыхъ уголкахъ, нимало не думая о томъ, что она точно указываетъ Ривоалэну, гдѣ ее можно встрѣтить. Особенно любитъ она ходить къ прудку Малабри. Оказалось, что уголокъ этотъ знакомъ также и Ривоалэну, котораго водилъ туда Сальбри. Прощаясь съ молодымъ человѣкомъ на перекресткѣ, Полетта протянула ему машинально руку, и тотъ ее пожалъ, сожалѣя, что не смѣетъ сказать ей: „До свиданія“.

VIII.

Нѣсколько дней спустя, Полетту навѣстила Тоня Дэжоберъ. Съ прелестной улыбкой она замѣтила, что капитанъ что-то засидѣлся въ Бретани... Полетта грустно отвѣчала, что день возвращенія мужа ей все еще неизвѣстенъ, и ей безъ него очень тяжело. Но Тоня ей не вѣрила:—У нея же имѣются развлеченія!—Отчего, напримѣръ, она не упоминаетъ о томъ, что снова свидѣлась съ Ривоалэномъ?..—Вотъ какъ! Люсиль уже успѣла передать. Лучше бы молчала... Ея же легкомысліе всему причиной. Къ счастію, Ривоалэнъ оказался тактичнѣе Люсиль, и не позволилъ себѣ никакой вольности,—чего она, впрочемъ, не потерпѣла бы.—Тоня улыбнулась.

— Какая у тебя манія видѣть все въ трагическомъ свѣтѣ! Что̀ за бѣда, еслибы онъ немножко полюбезничалъ,—ты могла бы дать ему это маленькое удовлетвореніе послѣ того...

— Послѣ того какъ я вышла за Лё-Дантека,—не такъ ли?.. Ты отлично знаешь, какъ и почему я на это рѣшилась, не

тебѣ бы такъ говорить... Ну, довольно. Я теперь madame Лё-Дантекъ, и господинъ Ривоалэнъ для меня болѣе не существуетъ...

— Ни за что не слѣдуетъ ручаться, ma chère!..

— Я отлично знаю, что ты и Люсиль смотрите на это сквозь пальцы... Это—ваше дѣло! Я же твердо намѣрена честно носить имя своего мужа... Я не хочу, чтобы онъ могъ предполагать, хотя бы на одну минуту, что я раскаяваюсь въ своемъ рѣшеніи, и никому на это не позволю намекать...

— Прекрасно! Я въ восторгѣ отъ твоего геройства. Позволь, однако, дать тебѣ одинъ совѣтъ: не волнуйся такъ при одномъ имени Ривоалэна,—иначе тебѣ не повѣрятъ... До свиданія, моя прелесть!

И она ушла, пустивъ сестрѣ эту шпильку. Полетта сердилась и на сестеръ, и на себя, понимая, что въ словахъ Тони была доля правды. Да, вырвать Ривоалэна изъ своей памяти было труднѣе, чѣмъ она до сихъ поръ думала.

Желая отвлечь себя отъ этихъ мыслей, Полетта вздумала прогуляться и отправилась въ свой любимый уголокъ, къ прудку Малабри. Остановившись на берегу, она задумалась. Но внезапно, рядомъ со своимъ отраженіемъ, она увидала въ водѣ отраженіе другой, хорошо знакомой, мужской фигуры. Она обернулась и увидала за собою улыбавшагося Ривоалэна. Сейчасъ же ей вспомнилось, что она сама сообщила ему о своемъ пристрастіи къ этому уголку, и, повинуясь, какъ всегда, первому движенію, она вскричала негодующимъ, глухимъ голосомъ:

— Вы? Вы осмѣлились слѣдить за мною?

Ривоалэнъ саркастически усмѣхнулся.

— Напрасно вы такъ на меня нападаете... Признаюсь, что, восхищаясь своимъ любимымъ уголкомъ, вы внушили мнѣ желаніе взглянуть на него... Но не могъ же я угадать, что буду имѣть честь встрѣтиться здѣсь сегодня съ вами... Виновата одна случайность.

— Но никто этой случайности не повѣритъ, и всѣ вообразятъ, что это—заранѣе условленное свиданіе.

Но Ривоалэнъ только пожалъ плечами.

— Кто это—*всѣ*? Прохожіе насъ не знаютъ, и если, вмѣсто того, чтобы ссориться, мы станемъ дружески бесѣдовать, мы не привлечемъ ничьего вниманія...

Онъ былъ правъ. Она отошла отъ пруда и пошла рядомъ съ нимъ. Онъ убѣждалъ ее, что ей нѣтъ причины волноваться; если она справедлива, то должна помнить, что никогда онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей нескромности, и если случай

свелъ ихъ опять, пусть она докажетъ ему, что уважаетъ его попрежнему. О, да, положеніе теперь не то, но вѣдь въ перемѣнѣ этой виноватъ не онъ... Но лучше не поминать прошлое... Понемногу Полетта успокоилась, и они шли, непринужденно болтая. Но, вотъ, Полетта узнала, проходя, ту аллею, гдѣ встрѣтила осенью Люсиль съ Сальбри, и въ ней шевельнулась мысль поговорить объ этой опасной исторіи съ Ривоалэномъ. Она знала его здравый умъ, замѣчала не разъ его вліяніе на Сальбри, и считала его вполнѣ способнымъ убѣдить художника поскорѣе жениться на Люсиль. И, со свойственными ей великодушіемъ и стремительностью, она сейчасъ же приступила къ дѣлу. Начала она съ вопроса, очень ли друженъ Ривоалэнъ съ Жакомъ Сальбри?—О, да, это десятилѣтняя дружба!..—Ну, тогда съ ея стороны нѣтъ никакой нескромности—спросить его, посвященъ ли онъ въ тайну интимности своего друга съ ея сестрой Люсиль? Та, впрочемъ, этого и не скрываетъ, и, конечно, Ривоалэну все извѣстно...

— Да, мнѣ извѣстно, что они страстно другъ друга любятъ... Есть же еще люди, принимающіе любовь въ серьёзъ и думающіе, что любить можно вѣчно...

Полетта поблѣднѣла и продолжала измѣнившимся голосомъ:—Люсиль, несмотря на свою спокойную внѣшность, натура пылкая... Страсть преобладаетъ въ ней надъ всѣмъ...

— Да, она не такъ хорошо владѣетъ собою, какъ... другіе члены ея семьи... но порицать ее за это я не въ силахъ...

— Разумѣется... Вы, мужчины, смотрите на это легко... Но если г. Сальбри—такой же непредусмотрительный сумасбродъ, какъ Люсиль, то она погибла... Извѣстны ли вамъ намѣренія вашего друга?

— Сальбри—честнѣйшій малый, и, пока онъ любитъ, онъ способенъ на всякій героизмъ... Но бѣда въ томъ, что онъ влюбляется и разлюбляетъ съ ужасающей быстротой, и стóитъ ему разлюбить, какъ онъ неумолимо сжигаетъ то, чему только-что поклонялся, потому что ни на какое притворство онъ не способенъ... Спѣшу добавить, что теперь онъ безумно любитъ вашу сестру, и согласится на все изъ любви къ ней.

— Значитъ, терять времени нельзя!—вскричала Полетта.—Надо спасти Люсиль, хотя бы противъ ея воли! Помогите мнѣ... Скажите вашему другу, что когда любятъ женщину, то первый долгъ мужчины—это положить конецъ двусмысленному положенію... Добейтесь отъ него, чтобы онъ просилъ руки Люсиль; отказа бояться нечего!..

И Полетта такъ трогательно умоляла его, и была такъ прелестна, что Ривоалэну оставалось только обѣщать исполнить ея щекотливое порученіе. Но какъ передастъ онъ ей отвѣтъ Сальбри? Позволяетъ ли она ему явиться къ ней лично?—О, нѣтъ, пусть его другъ принесетъ ей свой отвѣтъ самъ,—такъ будетъ приличнѣе.—И, обмѣнявшись дружескимъ рукопожатіемъ, они разстались.

Въ концѣ недѣли, какъ-то утромъ, Полетта получила отъ мужа изъ Бреста телеграмму:

„Выѣзжаю вечеромъ скорымъ поѣздомъ. Буду въ Парижѣ въ воскресенье, 7 утра, на станціи Массй 9. Нѣжно цѣлую. Тангй“.

Наконецъ-то! Полетта принялась лихорадочно за всевозможныя хозяйственныя приготовленія, и захлопоталась до того, что не вслушалась хорошенько въ слова горничной, докладывавшей ей, что ее спрашиваютъ „отъ имени господина Жака Сальбри“. Разслышала она только имя художника, вообразила, что онъ явился самъ переговорить съ нею о Люсиль, и, какъ была, въ утреннемъ пеньюарѣ, вбѣжала въ гостиную... и покраснѣла. Передъ нею стоялъ Ривоалэнъ. Онъ? Но ей доложили о приходѣ Сальбри. Какъ смѣлъ онъ прибѣгнуть къ подобной уловкѣ? Но онъ объяснилъ, что ни къ какимъ уловкамъ не прибѣгалъ, и, должно быть, горничная перепутала. Полетта успокоилась. Въ чемъ же дѣло? Ривоалэнъ сообщилъ, что намѣренія Сальбри самыя честныя, и онъ готовъ просить руки Люсиль, какъ только та этого пожелаетъ... Но дѣло въ томъ, что влюбленная парочка вноситъ въ свою любовь современныя утонченности и аргументы fin de siècle... Проникнутая, вѣроятно, феминистскими теоріями матери, m-lle Люсиль увѣряетъ, что одна страсть искрення, а законный бракъ—не болѣе какъ глупая и прозаическая формула, пригодная для однихъ буржуа...—Да, Полетта это знаетъ... Это—безнравственно и глупо. Но г. Сальбри долженъ быть благоразуменъ за двоихъ и покончить съ этимъ фальшивымъ положеніемъ, если онъ любитъ сестру... А теперь пусть Ривоалэнъ оставитъ ее. Завтра возвращается ея мужъ, и она была бы весьма огорчена, еслибы онъ узналъ, что въ отсутствіе его она принимала Ривоалэна.—А! капитанъ ревнивъ! ну, это въ порядкѣ вещей... Весьма понятно, что она щадитъ раздражительность мужа, естественную въ его годы...

— Я вамъ запрещаю говорить такимъ тономъ о человѣкѣ, котораго я уважаю, и къ которому...

— И къ которому вы должны чувствовать благодарность,—

прервалъ онъ ее съ горечью,—и весьма законную. Но это и все...

— Ошибаетесь... Я не только благодарна ему,—я его нѣжно люблю...

— Это—жестокость! Но никогда я не повѣрю, чтобы вы питали нѣжность къ мужу втрое старше васъ... Это было бы болѣе чудовищной испорченностью, чѣмъ та, въ которой вы обвиняете Люсиль... Признайтесь, что васъ побудило выйти за капитана что-нибудь не преоборимое, но не пытайтесь оправдывать такъ свою измѣну... Не оскверняйте этихъ словъ,—„нѣжная любовь"!..

— Замолчите и уходите, если не хотите, чтобы я васъ возненавидѣла... Не убивайте во мнѣ хоть уваженія къ вамъ, разъ я не имѣю болѣе правъ питать къ вамъ другія чувства...

— Не лгите самой себѣ! сердце ваше не могло измѣниться такъ внезапно!..

И, не помня себя, онъ порывисто схватилъ ее въ свои объятія. Ошеломленная въ первую минуту, Полетта не шевельнулась и закрыла глаза. А Ривоалэнъ шепталъ, покрывая поцѣлуями ея волосы:

— Вѣдь вы еще любите меня, какъ и я самъ васъ люблю... не такъ ли?

Глаза Полетты раскрылись, и въ нихъ мелькнули испугъ и негодованіе. Она вырвалась изъ его объятій и сказала, вся трепещущая:

— Довольно оскорбленій! Приказываю вамъ уйти...—Она открыла дверь и добавила съ повелительнымъ жестомъ, подавляя рыданіе:

— Уходите... Мы никогда болѣе не увидимся!..

Онъ бросилъ на нее долгій прощальный взглядъ и молча вышелъ...

Но не прошло и десяти минутъ, какъ къ ней явилась Тоня Дэжоберъ. Недалеко отъ виллы она встрѣтила Ривоалэна, и теперь, видя взволнованное лицо Полетты, дала волю своему ехидству.—Не она ли была права, говоря, что ни за что заранѣе ручаться не слѣдуетъ?! Вѣдь, вотъ, приняла же она Ривоалэна, несмотря на всю строгость своихъ принциповъ!—Полетта вскипѣла.

— Ma chère! — вскричала она:—прошу избавить меня отъ твоихъ насмѣшекъ и предположеній... Я—хозяйка у себя, и принимаю, кого хочу. На этотъ бракъ толкнули меня мама̀, ты и Люсиль. Теперь я имѣю право пользоваться выгодами своего положенія, и прошу избавить меня навсегда отъ вашей зависти,

вашихъ сарказмовъ и вашего шпіонства. Мужъ мой, къ счастію, честный человѣкъ, съ которымъ мнѣ хорошо живется, и я желаю, чтобы ни вы, ни другіе не отравляли моего спокойствія... Поняла?

— Какъ не понять! — возразила Тоня, кусая себѣ губы. — Ты сегодня нервничаешь, — до свиданія. Въ которомъ часу пріѣзжаетъ завтра капитанъ?

— Въ Парижѣ онъ будетъ въ семь часовъ утра, а въ Масси я жду его въ девять.

Уходя отъ сестры, Тоня говорила про себя: „Подожди, ma petite, попомнишь ты всѣ свои дерзости!“

На другое утро Лё-Дантекъ, добродушный и свѣжій, ѣхалъ изъ Парижа домой. На одной изъ первыхъ станцій послѣ Парижа, нарочно подстерегавшая его поѣздъ Тоня разсмотрѣла его въ окно вагона и подошла къ дверцѣ, чтобы сѣсть въ вагонъ. Лё-Дантекъ галантно открылъ ей дверцу, и удивился, узнавъ г-жу Дэжоберъ, которая притворилась крайне удивленной при его видѣ. Какъ онъ посвѣжѣлъ въ Бретани! Лё-Дантекъ, конечно, заговорилъ о женѣ. — Бѣдняжка страшно безъ него скучала!.. — Но Тоня сдѣлала невиннѣйшую мину: — Кажется, нѣтъ; Полетта прекрасно освоилась со своимъ одиночествомъ. Даже въ Парижъ не ѣздила. Впрочемъ, недостатка въ визитахъ у нея не было, благодаря сосѣдству знакомыхъ изъ Моргà. Въ Верріерѣ вѣдь поселился Жакъ Сальбри, и Люсиль бывала съ нимъ у сестры, причемъ ихъ сопровождалъ другъ Сальбри, Эрвé Ривоалэнъ. Да не далѣе какъ вчера, идя навѣстить Полетту, она, Тоня, встрѣтила Ривоалэна, выходившаго отъ сестры... — Слова ея произвели желаемое дѣйствіе. — Вчера! — Капитанъ омрачился; а Тоня, доѣхавъ до Со, разсталась съ нимъ, вполнѣ довольная результатомъ своей продѣлки...

Когда, на станціи Массѝ, Полетта кинулась стремительно на шею мужа, Лё-Дантекъ отнесся къ этому довольно равнодушно и холодно поцѣловалъ жену въ лобъ. Видъ у него былъ озабоченный, и по дорогѣ со станціи домой супруги обмѣнялись только нѣсколькими незначительными фразами. Полетта съ недоумѣніемъ наблюдала за мужемъ, а Лё-Дантекъ думалъ свою думу. Иногда ему казалось, что г-жа Дэжоберъ все преувеличила, и онъ упрекалъ себя за то, что повѣрилъ такой завистливой и недоброжелательной женщинѣ. Все-же, недопустимо, чтобы она выдумала это цѣликомъ. Но какъ могла Полетта поступить такъ опрометчиво? Онъ рѣшился вывести все это на свѣжую воду, и для того, чтобы Полетта откровенно высказалась, онъ первый

принялся за завтракомъ разсказывать ей подробнѣйшимъ образомъ о своемъ пребываніи въ Керъ-Локѣ. Слава Богу, зато онъ надѣется, что теперь ему не придется болѣе уѣзжать отъ нея! А что, очень она безъ него скучала?—О, очень! Въ Парижъ она не ѣздила, находя такія поѣздки въ его отсутствіе неприличными; да къ тому же онъ зналъ, что ее туда вовсе не тянетъ.—Но какъ только мужъ коснулся вопроса о визитахъ, Полетта немного покраснѣла и смутилась на секунду. Лгать она не хотѣла, а сознаться, что она видѣлась трижды съ Ривоалэномъ, у нея не было духу. Мужа это извѣстіе только встревожитъ и вызоветъ безполезную вражду между нимъ и Ривоалэномъ. Къ тому же, совѣсть ровно ни въ чемъ ее не упрекала. И вотъ она отвѣчала, что видѣла только Тоню и Люсиль; а такъ какъ посѣщенія эти были ей скорѣе непріятны, то она и не можетъ считать ихъ за развлеченіе. Какъ ни было мимолетно колебаніе Полетты, мужъ его замѣтилъ. Ссылаясь на утомленіе, онъ ушелъ въ свою комнату сейчасъ же послѣ завтрака, и тамъ принялся обдумывать свое положеніе. Ясно, что или Тоня, или Полетта, солгала. Если Полетта, то это—большое, непоправимое несчастіе; ибо если она отступила отъ своей обычной правдивости,—значитъ, она чувствуетъ себя серьезно виновной. Вѣрнѣе же, что солгала Тоня, хотя и трудно это допустить. Не говоря уже о томъ, что это было бы странной манерой доказать ему свою благодарность за оказанную ея мужу услугу,—Тоня подвергалась большому риску, взводя такую клевету на сестру. И вотъ, на другое же утро, онъ отправился къ г-жѣ Дэжоберъ, которая съ перваго же взгляда на него догадалась о причинѣ его посѣщенія. Впрочемъ, Лё-Дантекъ и не думалъ хитрить, а заявилъ прямо, что пріѣхалъ разспросить ее подробнѣе о посѣщеніяхъ Сальбри и Ривоалэна. Знакомства съ ними онъ продолжать не намѣренъ, но прежде чѣмъ говорить объ этомъ съ Полеттой, онъ хотѣлъ бы знать подробнѣе, какъ обстоитъ дѣло. Тоня прикинулась смущенной и сконфуженной.—Какъ? Полетта ничего ему не сказала? Въ такомъ случаѣ, ей жаль, что она проболталась... Впрочемъ, она вѣдь только встрѣтила Ривоалэна по дорогѣ на виллу, а, можетъ быть, онъ и вовсе не былъ тогда у Полетты. Какъ она сожалѣетъ о своей опрометчивости! она ненавидитъ всякія сплетни, и т. д., и т. д. Ничего другого Лё-Дантекъ отъ нея не добился.

Ревность закралась теперь въ сердце капитана; а такъ какъ выносить такого неопредѣленнаго положенія онъ не могъ, то рѣшился сдѣлать въ тотъ же вечеръ послѣднюю попытку.

Полетта была слишкомъ проницательна, чтобы не замѣтить происшедшей въ мужѣ перемѣны, но ничего въ этой перемѣнѣ не понимала, тщетно ломала себѣ голову и тосковала. И вечеромъ того дня, какъ Лё-Дантекъ ѣздилъ къ Тонѣ, въ концѣ обѣда, прошедшаго натянуто, у Полетты вырвался внезапный тяжелый вздохъ. Мужъ, сидѣвшій молча и потупившись, поднялъ на нее глаза и увидалъ, что она готова расплакаться.—Что̀ съ нею? Не скрываетъ ли она чего-нибудь отъ него? Онъ вѣдь знаетъ, что она способна промолчать о чемъ-нибудь тяжеломъ изъ чистаго великодушія.—И онъ напомнилъ ей, какъ въ день ихъ помолвки въ Моргà, когда онъ сказалъ, что будетъ жестоко страдать, если замѣтитъ, что она принесла себя въ жертву, она отвѣтила ему, что, во всякомъ случаѣ, она „не имѣла бы жестокости упрекнуть его“... Но если она несчастна, пусть она имѣетъ мужество признаться ему въ этомъ...

— Совсѣмъ я не несчастна!—стремительно вскричала она.

— Такъ ли это, дитя мое? Не пытайтесь обмануть себя, подумайте хорошенько, прежде чѣмъ отвѣчать... Между нами такая разница лѣтъ, что я не могу, конечно, требовать отъ васъ той страстной нѣжности, которая такъ естественна между супругами одинаковаго возраста. Но между нами можетъ, зато, царить полное дружеское довѣріе. Умоляю же васъ, откройте мнѣ свое сердце... Если въ мое отсутствіе съ вами случилась какая-нибудь непріятность, или даже вы нечаянно и невольно провинились въ чемъ-нибудь, можете быть заранѣе увѣрены, что я отпущу вамъ всякій грѣхъ.

Онъ говорилъ серьезно и взволнованно, не отрывая отъ нея своихъ добрыхъ голубыхъ глазъ. Полетта была уже готова сознаться ему во всемъ, но слова: „отпущу и грѣхъ“, возмутили ее. Она не знала за собою никакого грѣха, она только исполнила свой долгъ и не намѣревалась просить ни снисхожденія, ни прощенія. И она гордо возразила, что ни упрекать ей себя, ни исповѣдоваться не въ чемъ. Видя, что мужъ ея снова омрачился, Полетта живо заговорила, желая поправить дѣло:

— Впрочемъ, я должна признаться, что прошла недавно черезъ крупную непріятность... Моя сестра Люсиль влюбилась въ Жака Сальбри и чуть не ежедневно бываетъ у него въ мастерской въ Верріерѣ... Эта дѣвушка утратила всякое нравственное чувство...

— Какая строгость! — замѣтилъ не безъ сарказма капитанъ. — Они молоды, свободны, и ничто имъ не мѣшаетъ жениться.

— Но они объ этомъ и не думаютъ! Люсиль увѣряетъ, что только свободная любовь истинна, и я очень тревожусь за ея судьбу. Я пробовала урезонить ее, но она меня же осмѣяла, и я опасаюсь, что все это очень дурно кончится, если Сальбри не окажется благоразумнѣе сестры...

— Объ этомъ, вѣроятно, и являлся говорить съ вами господинъ Сальбри...

— Сальбри?.. Да онъ вовсе не былъ у меня!

— И господинъ Ривоалэнъ также не былъ?—произнесъ съ ироніей капитанъ.

Полетта вздрогнула. Внезапно ее осѣнило вдохновеніе, и она порывисто вскричала:

— Вы видѣлись съ моей сестрой Тоней! Только она одна способна такъ меня очернить!

Лё-Дантекъ заговорилъ глухимъ голосомъ:—Кто ему сказалъ, это безразлично; фактъ тотъ, что онъ знаетъ, и забыть уже не можетъ. Онъ все надѣялся, что она объяснится сама, но такъ ничего отъ нея и не добился. Теперь онъ уже прямо ее спрашиваетъ: правда ли то, что̀ ему сказали, или нѣтъ? Мѣняясь въ лицѣ, Полетта спросила,—что̀ именно ему сказали?

— Правда ли, что вы допустили визитъ господина Ривоалэна въ тотъ самый день, какъ получили извѣстіе о моемъ возвращеніи? Правда ли, что это свиданіе не было единственнымъ, и что вы поддерживали тайно отъ меня сношенія съ этимъ молодымъ человѣкомъ, который, говорятъ, ухаживалъ за вами еще въ Морга̀? Заклинаю васъ, отвѣчайте прямо, безъ лицемѣрныхъ недомолвокъ!

Лицемѣрка?!—она?! Она, никогда не умѣвшая скрывать ни одной своей мысли, и лицо которой было открытою книгой! Никогда еще ее такъ не оскорбляли! Все въ ней возмутилось, и она готова была уже защищаться, но природная искренность одержала въ ней верхъ, она печально опустила голову и пролепетала сквозь слезы:

— Это правда!

Капитанъ потемнѣлъ и отвернулся отъ нея.

— Значитъ, когда вы утверждали мнѣ, что выходите за меня безъ всякой задней мысли, что сердце ваше свободно, и что мнѣ никогда не придется упрекать васъ, что вы отдали его другому,—вы мнѣ лгали. Не прошло и полгода, какъ вы стали принимать того человѣка, чьей любви вамъ не хватало... Впрочемъ, это въ порядкѣ вещей! Въ мои годы жениться на восемнадцатилѣтней

дѣвочкѣ — безуміе! Непремѣнно будешь или смѣшонъ, или обманутъ.

— Вы несправедливы ко мнѣ!—твердо сказала Полетта.— Я сказала вамъ правду, потому что вы ея потребовали... Да, я видѣлась три раза съ господиномъ Ривоалэномъ въ ваше отсутствіе, но вы меня подозрѣваете напрасно, я не сдѣлала ничего дурного... Клянусь вамъ, что это правда, и умоляю васъ повѣрить мнѣ.

Но, пожимая скептически плечами, Лё-Дантекъ возразилъ насмѣшливо:

— Успокойтесь!... До трагедіи я не дойду и обратно къ матери васъ не отошлю... Мы женаты и останемся мужемъ и женой... Но вы убили во мнѣ довѣріе, уваженіе и любовь... Да, все убито!... Все убито!

IX.

Прошла недѣля. Полетта и ея мужъ встрѣчались только за завтракомъ и обѣдомъ, причемъ обмѣнивались лишь незначительными замѣчаніями. Полетта тосковала; Лё-Дантекъ не находилъ себѣ мѣста. Если онъ утратилъ прежнія иллюзіи, то онъ не переставалъ нѣжно любить жену и терзался отъ ревности при мысли, что она, можетъ быть, ждетъ остаться вдовой, чтобы выйти за давно любимаго человѣка. Жить при такихъ условіяхъ подъ однимъ кровомъ съ Полеттой онъ былъ не въ силахъ, а уѣхать, оставить ее одну и тѣмъ очистить поле для Ривоалэна, онъ не хотѣлъ. Нѣтъ, ни за что!

Полетта терзалась не менѣе его. Не желая давать повода для новыхъ подозрѣній, она почти не выходила изъ дому, и, по мѣрѣ того какъ тянулись, одинъ за другимъ, томительные монотонные дни, она все больше сознавала свое одиночество. Теперь, лишившись любви мужа, она чувствовала, какое большое мѣсто занималъ въ ея сердцѣ этотъ человѣкъ, за котораго она вышла, совсѣмъ его не зная. Теперь она лучше цѣнила и благородство его характера, и его сердечность, и его рыцарскую честность, а также и обаяніе его здраваго ума. Теперь она цѣнила по заслугамъ даже его физическія преимущества, на которыя не обращала прежде должнаго вниманія. Она замѣчала теперь и его моложавую фигуру, и отзывчивость его души, и привлекательность его ясныхъ голубыхъ глазъ и веселой улыбки. Этотъ человѣкъ, отъ котораго каждый протекшій день отдалялъ

ее теперь, казался ей и красивымъ, и способнымъ нравиться. И въ душѣ Полетты зарождалась горячая любовь къ этому мужу, который обращался съ нею какъ съ посторонней. И ей не хотѣлось вѣрить, что она навсегда утратила его любовь, и что это непоправимо. Часто ей неудержимо хотѣлось броситься къ нему и разсказать ему все, все... чтобы между ними не оставалось ничего недосказаннаго. Но при мысли, что онъ могъ отвѣтить ей пожатіемъ плечъ и насмѣшкой, въ ней возмущалось все ея человѣческое достоинство, и она не давала воли своему движенію.

Но, вотъ, въ одинъ дождливый день, когда Полетта тоскливо смотрѣла изъ окна гостиной на потоки дождя, у воротъ виллы задребезжалъ звонокъ. Полетта вздрогнула, но когда вскорѣ дверь гостиной отворилась и въ ней показалась Люсиль, Полетта испуганно вскочила. Со шляпки и одежды Люсиль струились потоки воды, подолъ платья и ботинки были всѣ въ грязи, а волосы висѣли мокрыми прядями по щекамъ. Расширенные глаза Люсиль горѣли лихорадочнымъ блескомъ, зубы стучали, губы позеленѣли и сильнѣйшая дрожь трясла все ея тѣло. Полетта поспѣшила усадить сестру у горящаго камина, спрашивая ее, почему она вышла изъ дому въ такую погоду. Люсиль отвѣчала, рыдая:

— У меня нѣтъ болѣе дома, меня отовсюду прогнали!—Какъ! Что̀ это значитъ? Что̀ же случилось?—Вся дрожа, Люсиль отрывисто разсказала свою грустную повѣсть.—Случилось вотъ что̀: благодаря ихъ неосторожности, ее и Сальбри не разъ встрѣчали вмѣстѣ въ разныхъ мѣстахъ; это вызвало толки, сплетни, и до матери стали доходить разные слухи и намеки, возстановлявшіе ее противъ Люсиль. Наконецъ, дѣло дошло до того, что Онталь получилъ анонимное письмо, въ которомъ говорилось о ея свиданіяхъ съ Сальбри въ Верріерѣ, и намекалось на то, что это пятнаетъ его профессорскую честь. Разъ больное его мѣсто было затронуто, Понталь взбѣсился и разразился грозной рѣчью противъ дочери и жены, давшей ей такое дурное воспитаніе. Г-жа Понталь тоже обрушилась на Люсиль, которая непочтительно отвѣчала, что когда еженедѣльно читаютъ публичныя лекціи о „свободной любви и женской независимости“, то нечего злиться на то, что одинъ изъ членовъ вашей семьи примѣняетъ эти теоріи на практикѣ. Люсиль было объявлено, что она—безчувственная и развратная дочь; пусть же она выбираетъ между родительскимъ очагомъ и домомъ своего „соблазнителя“. Она возразила, что выборъ ея сдѣланъ, и шумно ушла, но на

улицѣ разсудила, что благоразумнѣе будетъ попросить пріюта у Тòни, съ которой она всегда дѣйствовала за-одно. Но Тòня, выслушавъ ее, приняла чопорно-цѣломудренный видъ и заговорила о приличіяхъ и принципахъ. Потворствовать выходкамъ Люсиль она не желаетъ, а Дэжоберъ никогда не позволитъ ей принять на себя подобную отвѣтственность. Самое лучшее для Люсиль,—это вернуться домой... Отдѣлавъ Тòню, какъ та того заслуживала, Люсиль поѣхала къ Сальбри. На станціи извозчиковъ не было, а дождь лилъ какъ изъ ведра. Она пошла пѣшкомъ, мечтая о радости, съ которой Сальбри узнаетъ, что она пришла къ нему совсѣмъ и не разстанется съ нимъ болѣе. Но Сальбри не только не обрадовался, а даже разсердился, и тоже прочелъ ёй нотацію:—Это безуміе, она себя компрометируетъ, и онъ не можетъ принять отъ нея подобной жертвы въ ея же интересахъ... Но изъ его холодныхъ разсужденій Люсиль поняла только одно: онъ ее больше не любитъ! Она ему надоѣла, и все кончено, все кончено!

Но Полетта утѣшала сестру. Напротивъ, Сальбри поступилъ какъ честный человѣкъ и доказалъ, что любитъ ее дѣйствительно. Намѣреваясь жениться на ней, онъ не хочетъ, чтобы другіе могли потомъ говорить, что его жена была прежде его любовницей. И онъ правъ. Но Люсиль упорно твердила, что Сальбри ее разлюбилъ, потому что когда любятъ страстно, то не разсуждаютъ. И она оттолкнула его отъ себя и долго блуждала подъ проливнымъ дождемъ, пока не дотащилась до дома Полетты, убѣжденная, что та окажется добрѣе Тòни, и пріютитъ ее, покамѣстъ она не сообразитъ, кàкъ быть дальше. Вѣдь не вытолкаетъ же ее Полетта на улицу?

Полетта была глубоко тронута и всей душой пожалѣла сестру. Разумѣется, она не оставитъ ея, но не знаетъ, удастся ли ей пріютить ее здѣсь. Она здѣсь не хозяйка, все зависитъ отъ ея мужа.—Ну, это пустяки, капитанъ обожаетъ ее...—Это заблужденіе: между нею и мужемъ только-что пробѣжала черная кошка.—Какъ, уже! значитъ, и она несчастлива!...—Нѣтъ, это простая ссора, но такъ какъ вина на ея сторонѣ, то просить теперь о чемъ-нибудь мужа ей трудно...

Тѣмъ не менѣе, Полетта сейчасъ же пошла къ мужу, постучалась и, услышавъ нетерпѣливое: „Войдите!“—вошла, вся блѣдная. Сидѣвшій въ креслѣ Лё-Дантекъ вскочилъ съ видомъ человѣка, внезапно разбуженнаго, и глухо вымолвилъ:—Вы?

Извинившись, что потревожила его, Полетта сказала, что пришла поговорить съ нимъ о Люсиль, съ которой случилась

бѣда. Очевидное смущеніе Полетты огорчило ея мужа.—Почему она дрожитъ? Неужели она даже стала его бояться?—Узнавъ, въ чемъ дѣло, капитанъ сказалъ, что разъ Люсиль несчастна, нечего и говорить. Неужели она считала его способнымъ отказать въ пріютѣ ея сестрѣ?..—Да, она думала, что семья ея уже причинила ему довольно непріятностей, почему и не захотѣла ничего обѣщать Люсиль, не спросясь у него...

Но Лё-Дантекъ только пожалъ плечами и отправился съ нею въ гостиную, гдѣ обошелся съ Люсиль весьма привѣтливо. Разумѣется, она останется у нихъ, а онъ сейчасъ же напишетъ ея матери, гдѣ она. Люсиль хотѣла приподняться, чтобы протянуть ему руку, но страшно поблѣднѣла и упала безъ чувствъ въ свое кресло. Лё-Дантекъ наклонился къ ней.—Да у нея же лихорадка! Еще бы, бѣдняжка промокла насквозь... И какъ это Полетта не догадалась напоить ее чѣмъ-нибудь горячимъ? Капитанъ позвонилъ. Люсиль напоили чаемъ съ ромомъ, уложили въ теплую постель, а Лё-Дантекъ отправился въ Верріеръ за докторомъ. Полеттѣ, тронутой той сердечной простотой, съ которой ея мужъ взялъ на себя, не задумываясь, такую тяжелую отвѣтственность, страстно хотѣлось прижаться къ его груди, но она вспомнила его слова: „Довѣріе между нами убито“,—и не посмѣла.

Докторъ нашелъ у Люсиль нервную горячку, и не скрылъ, что опасается осложненій въ области легкихъ и мозга. На другой день положеніе больной настолько ухудшилось, она такъ металась и бредила, что Полетта не рѣшилась оставаться при ней одна, и пришла просить мужа посидѣть съ нею, чтобы никто изъ постороннихъ не услыхалъ ея странныхъ рѣчей... Это совмѣстное ухаживаніе за больной сильно сблизило мужа и жену. Цѣлыхъ три дня металась Люсиль; порой она воображала себя наединѣ съ Сальбри, и расточала ему такія страстныя рѣчи, что капитанъ смущался, а Полетта краснѣла. А потомъ она кричала, что все кончено, что она ему надоѣла, что онъ ее разлюбилъ!... Хорошо, она уйдетъ отъ него, далеко, навсегда!... —Какъ она любитъ его!—печально замѣчалъ капитанъ. Но Полетту это-то и пугало. Лё-Дантекъ не понималъ, что̀ тутъ страшнаго?—Они оба такъ молоды, передъ ними еще столько лѣтъ счастія!...—Тогда Полетта описала мужу характеръ Сальбри: говорятъ, что онъ ужасно измѣнчивъ, и разлюбляетъ такъ же легко, какъ влюбляется. Ужъ не замѣтила ли давно Люсиль его перемѣны къ себѣ?...—Лё-Дантекъ ужаснулся. Если этотъ художникъ—честный человѣкъ, онъ исполнитъ свой долгъ... Впрочемъ, онъ, Лё-Дантекъ, беретъ это на себя, и завтра же лично пого-

ворить объ этомъ съ Сальбри. Когда Люсиль станетъ поправляться, не слѣдуетъ, чтобы ея выздоровленію препятствовали подобныя опасенія... Полетта смотрѣла на мужа съ тревогой и восхищеніемъ.—Какъ! онъ берется за это дѣло!...—Ну, что-жъ тутъ такого! Это—обязанность одного изъ мужчинъ ихъ семьи, и, право, онъ, пожалуй, способнѣе на это, чѣмъ г. Понталь или г. Дэжоберъ.—Вся въ слезахъ, Полетта порывисто схватила мужа за обѣ руки, крѣпко ихъ сжала и пролепетала:

— Вы добрѣйшій изъ людей!

Внезапность этого порыва застала капитана врасплохъ. Онъ чувствовалъ крѣпкое, горячее, почти страстное пожатіе Полетты, и ему было такъ сладко отъ прикосновенія этихъ маленькихъ теплыхъ ручекъ. Но его отрезвило воспоминаніе о событіяхъ прошлой недѣли. А вдругъ ласки Полетты такъ же лживы, какъ слова? И онъ высвободилъ свои руки.

На другой день Люсиль стало значительно лучше, и докторъ сказалъ, что всякая опасность теперь миновала,—больная скоро поправится. Послѣ завтрака, капитанъ отправился къ Сальбри. Чтò именно говорилось между ними и къ какимъ аргументамъ прибѣгнулъ Лё-Дантекъ, чтобы убѣдить Сальбри,—это такъ и осталось тайной для всѣхъ; но когда, черезъ часъ, капитанъ вышелъ отъ художника, тотъ проводилъ его любезно до двери, и они обмѣнялись тамъ сердечнымъ рукопожатіемъ. Капитанъ направился домой съ прояснившимся лицомъ.

Тѣмъ временемъ, Люсиль, очень слабая, но бывшая въ полномъ разсудкѣ, допрашивала Полетту о томъ, чтò съ нею было? Она была серьезно больна, да?—О, да, очень серьезно; докторъ опасался воспаленія мозга, но теперь опасность миновала...—Этимъ она, Люсиль, обязана Полеттѣ и капитану... Какіе они добрые! Кстати, гдѣ же капитанъ?—И съ невольнымъ трепетомъ Полетта отвѣчала, что мужъ ея вышелъ по очень спѣшному дѣлу. Люсиль замѣтила ея волненіе, пристально на нее взглянула и спросила:

— Скажи мнѣ, милая, приснилось мнѣ или нѣтъ, что ты въ ссорѣ съ мужемъ?

— Увы, это тебѣ не приснилось. Только не я съ нимъ въ ссорѣ, а онъ на меня сердится.

— Ну, тогда это не важно... Пусть его дуется; онъ слишкомъ влюбленъ въ тебя, чтобы не сдѣлать перваго шага.

— Онъ на меня не дуется, а между нами произошла серьезная размолвка... вслѣдствіе которой Лё-Дантекъ лишилъ меня своей любви.

— Ну, онъ самъ и будетъ всего болѣе наказанъ. Въ свои годы онъ болѣе нуждается въ твоей любви, чѣмъ ты нуждаешься въ его чувствѣ.

— Ты ошибаешься. Съ тѣхъ поръ какъ я лишилась его довѣрія и привязанности, я стала очень несчастна... Я чувствую, что виновата въ раздраженіи и страданіи Тангй... Погибла наша интимность, разрушенъ домашній очагъ и жизнь моя лишена цѣли... и это больно до слезъ!..

— Съ какимъ волненіемъ ты это говоришь! вскричала съ изумленіемъ Люсиль.—Право, можно подумать, что ты любишь своего мужа!

— Разумѣется, люблю!.. Я поняла это хорошенько только тогда, когда онъ оттолкнулъ меня...

— И ты любишь его любовью, настоящей любовью?.. Ma chère, да это прямо чудеса!

— Что же тутъ такого удивительнаго?

— А разница лѣтъ... Вѣдь капитану скоро шестьдесятъ лѣтъ, а тебѣ нѣтъ и девятнадцати!..

— Съ тѣхъ поръ какъ я его близко узнала, я его лѣтъ не замѣчаю... Я вижу только молодость его ума, благородство характера, доброту его сердца, сохранившагося такимъ же обаятельнымъ и нѣжнымъ, какъ его глаза... Да, его сердце нѣжнѣе и горячѣе сердецъ многихъ нынѣшнихъ молодыхъ людей!

— Да ты дѣйствительно влюблена! Впрочемъ, въ этой запоздалой любви человѣка пожилого, спѣшащаго насладиться остатками жизни, должны быть страстные порывы, способные возбудить воображеніе...

Полетта покраснѣла и заставила ее замолчать. Но тутъ въ комнату вошелъ Лё-Дантекъ съ блестящими глазами и оживленнымъ лицомъ. Онъ поцѣловалъ руку больной и весело сказалъ:

— Прекрасно, дитя мое, я вижу съ радостью, что вы будете скоро на ногахъ... Я принесъ вамъ добрую вѣсть... Сейчасъ я имѣлъ удовольствіе видѣть господина Сальбри, и мы съ нимъ говорили о васъ. Онъ не скрылъ отъ меня своей любви къ вамъ, и поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что намѣренъ сегодня же вечеромъ просить вашей руки у вашихъ родителей.

— Какъ! вы знали?—пролепетала Люсиль, чуть чуть-краснѣя. —О, капитанъ, теперь мнѣ будетъ совѣстно на васъ смотрѣть... Ну, все равно. Позвольте мнѣ обнять васъ!..—И она поцѣловала дважды въ щеку галантно наклонившагося къ ней Лё-Дантека.

— Что-же, Жакъ рѣшился сразу и самъ пожелалъ просить моей руки?

— Самъ; да, въ сущности, я не имѣлъ никакого права оказывать на него давленіе... безполезное въ подобномъ случаѣ.

— Тѣмъ лучше!.. Я рада за мама̀ и за эту злюку Тòню; лично я любила бы его и безъ всѣхъ этихъ церемоній... Ну, что̀ дѣлать, придется явиться къ господину мэру!..

Ужъ не жалѣешь ли ты объ этомъ?—возразила огорченная Полетта.

— Да, немножко... Мнѣ кажется, что когда мы будемъ связаны закономъ, мы будемъ меньше любить другъ друга.—Капитанъ нахмурился. Наступило молчаніе.

— Что̀ же вы не спрашиваете меня,—обратился, капитанъ къ Полеттѣ,—какъ мнѣ понравился Жакъ Сальбри и о чемъ мы съ нимъ говорили?.. Этотъ молодой художникъ чрезвычайно милъ, и я очень радъ, что познакомился съ нимъ ближе. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ одну совсѣмъ неожиданную новость... Нѣсколько дней тому назадъ, его другъ Ривоалэнъ уѣхалъ съ какой-то экспедиціей въ Африку на нѣсколько лѣтъ.

Онъ остановился и взглянулъ пристально на жену. Ему показалось, что въ глазахъ ея мелькнуло сожалѣніе, а губы нервно дрогнули, и онъ спросилъ:

— Что̀ съ вами? Вы точно взволнованы... Вы этого не знали?

Она качнула отрицательно головой.

— Что̀ же вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, что г. Ривоалэнъ исполнилъ свой долгъ... какъ и я исполнила свой...

И она отвернулась, а Люсиль, съ любопытствомъ слѣдившая за ними, вдругъ сразу все поняла. Усмѣхнувшись слегка, она обратилась къ капитану.

— Я васъ только-что скомпрометтировала, капитанъ, и вы, должно быть, очень дурного теперь обо мнѣ мнѣнія... Желая заслужить ваше уваженіе и доказать вамъ, что и я могу быть серьезной, я хочу принести вамъ свою исповѣдь... но только одному вамъ... Милая, уйди на минутку...

И какъ только она осталась одна съ Лё-Дантекомъ, она спросила его вкрадчивымъ тономъ:

— У васъ съ женой размолвка, капитанъ?

— Она вамъ это сказала?—спросилъ онъ сумрачно.

— Да... причины вашей ссоры она мнѣ не довѣрила, но я сейчасъ ее угадала по одному вашему слову... Вы ревнуете ее къ Ривоалэну,—признайтесь? А такъ какъ во всемъ виновата я, то я и должна попытаться все исправить!

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, – нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мамà,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

[illegible] апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало [illegible] Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду [illegible]нимая свои прекрасные глаза на молчаливаго [illegible] спросила:

— [illegible] вы думаете, Тангѝ?

— [illegible]ю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняш[illegible] [illegible]инъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— [illegible] *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣ[illegible], улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было [illegible]ихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— [illegible]одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангѝ испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ва.

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, – нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мама̀,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

Въ чудный апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало и благоухало, Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду подъ-руку. Поднимая свои прекрасные глаза на молчаливаго мужа, Полетта спросила:

— О чемъ вы думаете, Тангѝ?

— Я думаю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняшній вечеръ—одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— Только *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣчаетъ Полетта, улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было другихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— Ни одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангѝ испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ва.

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, - нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мама̀,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

Въ чудный апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало и благоухало, Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду подъ-руку. Поднимая свои прекрасные глаза на молчаливаго мужа, Полетта спросила:

— О чемъ вы думаете, Тангѝ?

— Я думаю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняшній вечеръ—одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— Только *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣчаетъ Полетта, улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было другихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— Ни одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангѝ испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ва.

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, – нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мамà,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

Въ чудный апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало и благоухало, Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду подъ-руку. Поднимая свои прекрасные глаза на молчаливаго мужа, Полетта спросила:

— О чемъ вы думаете, Тангй?

— Я думаю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняшній вечеръ—одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— Только *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣчаетъ Полетта, улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было другихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— Ни одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангй испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ва.

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, – нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мамà,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

Въ чудный апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало и благоухало, Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду подъ-руку. Поднимая свои прекрасные глаза на молчаливаго мужа, Полетта спросила:

— О чемъ вы думаете, Тангй?

— Я думаю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняшній вечеръ—одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— Только *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣчаетъ Полетта, улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было другихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— Ни одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангй испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ВА.

— Не... понимаю... Объяснитесь.

— Я сдѣлала большую гадость: столкнула нарочно Полетту съ Ривоалэномъ... Какъ только сестра замѣтила ловушку, она захотѣла уйти, но я ее не пустила...

— Вы это сдѣлали!—вскричалъ съ раздраженіемъ капитанъ.

— Да, меня подстрекнули Тоня и моя дурная натура; но Полетта лучше меня и съумѣла не попасть въ ловушку.

— Все-же они видѣлись!

— Да, но ничего дурного изъ этого не вышло... При первой попыткѣ Ривоалэна любезничать, Полетта возмутилась и выгнала его.

— Вы этого не видали... Почему вы знаете?

— Потому что Эрвѐ пришелъ въ мастерскую Сальбри, весь разстроенный, и все ему разсказалъ... Да судите сами: будь у него хоть лучъ надежды,—развѣ онъ уѣхалъ бы такъ надолго?..

— Да, онъ уѣхалъ; но кто мнѣ можетъ поручиться, что она не жалѣетъ его и не думаетъ о немъ?

— Въ этомъ могу вамъ поручиться я,—возразила съ волненіемъ Люсиль,—потому что я знаю, что она любитъ другого... Сейчасъ только она призналась мнѣ, – нѣтъ, вѣрнѣе, я вырвала у нея признаніе въ ея любви къ вамъ... Она страстно любитъ васъ.

— Увы! въ мои годы не вѣрятъ подобнымъ химерамъ!

— Ѳома невѣрный!—говорила Люсиль, смѣясь сквозь слезы:—да гдѣ же ваши глаза?.. Развѣ она осталась бы съ вами, когда вы ее такъ несправедливо подозрѣвали,—будь она къ вамъ равнодушна? Какъ ни мало Полетта на всѣхъ насъ похожа,—все-же она—урожденная Понталь, и если она не убѣжала отъ васъ, какъ я убѣжала отъ мама̀,—повѣрьте, что отъ этого ее удержала только... ея любовь къ вамъ!..

Лё-Дантекъ шагалъ по комнатѣ, скрестя руки и опустивъ голову. Лучъ надежды закрадывался ему въ душу. Въ эту минуту тихонько вошла Полетта, которой Люсиль дала почувствовать, что рѣчь шла о ней. Съ бьющимся сердцемъ она остановилась посреди комнаты. Лё-Дантекъ обернулся и увидалъ ее передъ собой, блѣдную и неподвижную.

— Полетта! — вскричалъ онъ, протягивая къ ней раскрытыя объятія. Она бросилась къ нему, и они крѣпко, крѣпко обнялись...

Въ чудный апрѣльскій вечеръ, когда кругомъ все ликовало и благоухало, Полетта и Лё-Дантекъ прогуливались по саду подъ-руку. Поднимая свои прекрасные глаза на молчаливаго мужа, Полетта спросила:

— О чемъ вы думаете, Тангй?

— Я думаю, что я совершенно счастливъ, и что сегодняшній вечеръ—одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни!

— Только *одинъ* изъ прелестнѣйшихъ? — вкрадчиво замѣчаетъ Полетта, улыбаясь лукаво и нѣжно.—А скажите, много ли было другихъ, лучшихъ, чѣмъ сегодняшній?

— Ни одного!.. Мнѣ кажется, что я живу въ волшебномъ снѣ, и все боюсь, что сонъ скоро кончится. Я такъ далекъ отъ вашей молодости и такъ близокъ къ закату дней...

Но она зажала ему ротъ своей ручкой.

— Замолчите! Я люблю васъ такимъ, какъ вы есть, и будь вы моложе, мое счастіе отравлялось бы постоянно мыслью, что другая женщина можетъ захотѣть понравиться вамъ... Вы вѣдь знаете, что я страшно ревнива, и въ любви, какъ и во всемъ, я не хочу имѣть соперницъ...

Онъ схватываетъ ее въ объятія, и она, смѣясь, приподнимается на цыпочки, чтобы прижаться къ губамъ мужа... Но и вкушая прелесть этого поцѣлуя, Тангй испытываетъ тайную грусть: онъ знаетъ, что эти часы второй молодости сочтены...

Ю. З—ва.

ВЪ СТЕПЯХЪ

и

ПРЕДГОРІЯХЪ АЛТАЯ

ОЧЕРКИ.

Около волостного правленія собралось довольно много народу—все гадюкинскіе [1]) „пахаря“. Тутъ и россійцы—различные типы переселенцевъ, и коренные мѣстные жители—„сибиряки“, „бергалы“, „поляки“ [2]); хохлы, великороссы, два-три татарина, нѣсколько киргизъ; зипуны, чуйки, пиджаки, пальто,—вообще, разноплеменные, разноязычные и разнохарактерные представители края.

Раннее утро, еще часъ шестой, но солнце начинаетъ уже сильно припекать; день обѣщаетъ быть знойнымъ и душнымъ. Многіе сидятъ, въ одиночку и небольшими группами, съ утомленнымъ, скучающимъ видомъ; кое-кто успѣлъ уже растянуться вдоль стѣны, въ холодкѣ, и дремлетъ. Другіе ведутъ разговоры; иногда слышатся бойкія словечки, остроты, шутки. Кучка въ

[1]) Собственныя имена селеній и лицъ—вымышленныя.

[2]) „Бергалъ“—горнорабочій, бывшій ранѣе крѣпостнымъ, приписаннымъ къ заводу. Послѣ освобожденія, горнорабочіе составили особыя общества такъ называемыхъ „горнозаводскихъ обывателей“. Сами себя они называютъ не иначе, какъ „обувателями“, считая кличку „бергалъ“ не совсѣмъ для себя пріятной.—„Поляками“ на югѣ Алтая называютъ потомковъ старообрядцевъ, сосланныхъ сюда во второй половинѣ прошлаго вѣка изъ польскихъ провинцій.

нѣсколько человѣкъ столпилась возлѣ приготовленнаго стола, гдѣ скоро должна начаться подворная перепись населенія, для которой вотъ уже третій день собирается народъ. Здѣсь можно было замѣтить нѣкоторое ожиданіе чего-то новаго, незнакомаго— это тѣ изъ гадюкинцевъ, что въ первые дни почему-либо не были на сходѣ и не присутствовали при началѣ работъ статистика.

Мое вниманіе остановилъ на себѣ еще не старый мужикъ, лѣтъ за пятьдесятъ, бодрый и веселый, съ нѣсколько самоувѣреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавымъ выраженіемъ физіономіи. Одѣтъ онъ былъ по-крестьянски, но хорошо и прочно; держался съ тою простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, какія нерѣдко можно встрѣтить у крестьянина западной Сибири. Въ его рѣчи слышались малороссійскіе звуки, и я спросилъ его, не россіецъ ли онъ.

— Тобольскіе мы, а родомъ точно что россійскіе—изъ курской губерніи; суджанскіе были прежде, господскіе.

Разговорились. Рѣчь быстро свелась на причины переселенія изъ тобольской губерніи на Алтай.

— Мы въ тарскомъ округѣ, на Ошѣ лѣтъ близко тридцать жили,—говорилъ онъ,—а потомъ сюда, годовъ тому съ пятокъ будетъ, переѣхали.

— Что такъ?

— Да какъ вамъ сказать?.. Первое дѣло—посельщики [1]) шибко уже зорить зачали нашего брата-крестьянина: тако воровство завели, что и сказать нельзя, бѣги—такъ въ ту же пору! Вѣрите-нѣтъ, лошади въ поскотину нельзя выгнать—тою же минутою угонятъ, и слѣдовъ потомъ не сыщешь! Вовсе отъ нихъ житья не стало...

— Ну, и тѣсно опять,—продолжалъ онъ.—Землемѣры ходили съ цѣпью, такъ послѣ того много земли въ казну отошло, и пашни, и лѣсу... А на Ошѣ у насъ, кромѣ пашни да дровъ, и заняться нечѣмъ. Которыя у насъ земли остались, скоро выпахались, пошла тѣснота. Народищу этого навалило изъ Россіи— и сказать нельзя, сколько!.. И всѣ къ землѣ лѣзутъ, всѣ къ землѣ!.. Что есть посельщики, ужъ что и за народъ, прости Господи! а и тѣ зачали сохой баловаться... Земля уходу требуетъ—долго ли ее выпахать... Наконецъ того подошло, что другому хозяину и податься некуда... Сталъ подвигаться народъ дальше—кто въ Бейскъ пошелъ, кто въ Устькаменный, а которые на Амуръ отправились, да вотъ сюда тоже...

---

[1]) Уголовные ссыльные, расселяемые по деревнямъ.

— А много вашихъ здѣсь?

— Тобольскихъ-то? Много! Улица у насъ тутъ есть, Нѣмской прозывается—подите, посчитайте, кто проживаетъ: все тарскіе да тюкалинскіе; что съ того боку пойдете, что съ другого—все наши живутъ, все наши... Тàкъ вотъ и пошло на Омѣ: новые подходятъ, а старые уходятъ дальше, и такъ, сказать вамъ, подошло, что и не разберешь, кто куда идетъ...

Во время разговора, возлѣ насъ стоялъ тщедушный старичокъ-бергалъ, въ измызганномъ, неопредѣленнаго цвѣта армячишкѣ, съ рѣдкой, клинышкомъ, бородкой. Онъ внимательно вслушивался въ разговоръ, видимо, его сильно интересовавшій.

— А вотъ теперь сюда прете,—не выдержалъ онъ и вмѣшался,—другъ на дружку лѣзете, ничего не видите, ровно у васъ шары [1]) затянуло!

Россіецъ взглянулъ на него какъ-то однимъ глазомъ, точно мимоходомъ, но этотъ короткій взглядъ выражалъ столько презрѣнія и брезгливости, что мнѣ стало жаль старика.

— Это точно, россійскихъ теперь много наѣхало сюда,—обратился переселенецъ, но не къ бергалу, а ко мнѣ,—и все прибываетъ народъ, безъ малаго каждый день все новые подъѣзжаютъ... Теперь въ обществѣ наши долить зачали ихняго брата,—кивнулъ онъ головой въ сторону старика, а, смотри, дойдетъ то время, когда и вовсе одолятъ... Недолго имъ поцарствовать здѣсь: какой, можетъ быть, годокъ-другой, и наши верхъ возьмутъ!

Послѣдняя фраза ни къ кому прямо не относилась, но старикъ-бергалъ принялъ ее на свой счетъ и вскипѣлъ.

— Не загадывай еще, какъ еще придется!—возразилъ онъ съ плохо сдерживаемымъ раздраженіемъ.—Вашихъ теперь сколько ушло изъ Гàдюкина, и всѣ такъ уйдете... Нешто вы жители! такъ только шляетесь... И зачѣмъ только васъ пускаютъ сюда,—началъ онъ выкрикивать,—этого вотъ я никакъ не возьму въ толкъ!

Россіецъ медленно, всѣмъ туловищемъ повернулся къ бергалу и посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— А это, товарищъ, не твоего ума дѣло,—произнесъ онъ суровымъ, наставительнымъ тономъ.—А еще тебѣ вотъ что̀ скажу, а ты запомни да другой разъ не лѣзь, когда съ тобой не разговариваютъ и тебя не спрашиваютъ... слушай: теперь нашихъ россійскихъ будетъ приходить все больше да больше, а вашихъ бергаловъ будетъ все меньше да меньше, и дойдетъ до того, что не будетъ васъ здѣсь ни единаго!.. Попомни мое слово!

---

[1]) Глаза.

Старикъ даже взвизгнулъ и вплоть подбѣжалъ къ переселенцу, смотрѣвшему на него съ нескрываемымъ пренебреженіемъ.

— Куда же мы должны для тебя дѣваться?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышалась обида и въ то же время насмѣшка.

— Куда?.. А куда знаешь!.. На степь поѣзжай... Не умѣешь за землей ходить, такъ и ступай съ Богомъ, никто тебя не держитъ, ступай себѣ... Степь-то матушка широка,—у нея и тебѣ, дураку, мѣсто найдется!..

Тонъ, какимъ было это сказано, окончательно возмутилъ бергала.

— На степь,—выкрикивалъ онъ, захлебываясь отъ волненія и наскакивая на россійца,—на степь!.. Наши родители сколько годовъ робили въ горѣ, свѣту Божьяго не видѣли, сколько годовъ съ нихъ шкуру спускали, а теперь обуватель не нуженъ сталъ, такъ ступай, обуватель, на степь, пропитывай себя, чѣмъ знаешь!.. Да понимаешь ли ты, что̀ говоришь, еловая ты шишка?!

Россіецъ спокойно стоялъ, опершись плечомъ о крыльцо и заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за цвѣтной кушакъ, опоясывавшій его опрятную фигуру, полную сознанія своей силы и превосходства. Ядовитая улыбка бродила по его губамъ, когда онъ смотрѣлъ на кипятившагося возлѣ старика. Многіе изъ присутствующихъ не безъ любопытства слѣдили за перебранкой; нѣсколько человѣкъ подошли къ спорившимъ, вокругъ которыхъ уже образовался цѣлый кружокъ.

Волненіе бѐргала постепенно возростало.

— Мы на степь, — продолжалъ онъ кричать,—а вы, подлецы, будете тутъ хозяйствовать да пакостѝть нашу землю!.. Нѣтъ, братъ, врешь! не допустимъ! Нѣтъ!

— Да ты постой,—остановилъ его вдругъ переселенецъ, которому передавалось раздраженіе бергала: — ты чего орешь-то? Какая такая *ваша* земля, откуда она взялась у васъ?! —Много ли у васъ, бергаловъ, земли-то своей? спрошу я тебя, а ты мнѣ скажи... Покажи, гдѣ она у васъ! На повѣрку-то и окажется— всего ничего.

Старикъ-бергалъ смущенно молчалъ, а переселенецъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ, хотя и нѣсколько спокойнѣе:

— Казенная она, а не твоя!.. Такъ ты и не суйся не въ свое дѣло... Чего ты о чужомъ-то добрѣ хлопочешь? Вотъ я снималъ въ конторѣ тридцать-пять десятинъ, тебя не спрашивали, небось... Чего же ты не отберешь ее у меня теперь? Попробуй! Може, тогда и узнаешь, ваша ли она...

Скверная улыбка искривила его ротъ. Среди присутствующихъ послышался смѣхъ. Старикъ совсѣмъ стихъ.

— Казенная-то она казенная... А все-таки она и не твоя!— неожиданно напалъ онъ на переселенца съ новой силой.—Ты откуда явился? кто тебя звалъ къ намъ? По-твоему, какъ послушать, такъ выходитъ: пожалуй, батюшка, къ намъ, бери земли, сколько хочешь—сдѣлай такую милость! Мы и такъ обойдемся, намъ, дуракамъ, и безъ земли хорошо! Такъ, что-ли? Мы будемъ съ голоду дохнуть, а ты нашу землю пахать... А тамъ перегадишь, сколько тебѣ нужно, да и скажешь: „прощайте, старички почтенные! благодаримъ покорно на прощаньи!“ Такъ и уйдешь! Вы нѣшто жители?.. Бродяги вы, вотъ кто!...

— Что же,—перебилъ его переселенецъ, но уже совершенно спокойно и съ прежнимъ оттѣнкомъ пренебреженія:—коли ежели пашня не будетъ себя оправдывать, мы и уйдемъ—мѣсто у Бога широко... Мы не привязаны къ ней, да и у васъ тутъ жить всегда тоже не обвязывались!

Ссора готова была вспыхнуть съ новой силой. Я ушелъ...

Этотъ эпизодъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ случилось быть въ одномъ изъ крупныхъ горнозаводскихъ селеній на югѣ Алтая, мнѣ вспомнился нѣсколько лѣтъ спустя, при совершенно иной обстановкѣ, въ обществѣ совсѣмъ иныхъ людей.

— Ну, это я вамъ скажу, какъ случится!.. Вѣрнѣе—кто кого, чья возьметъ!.. Здѣсь старожилъ тѣснитъ и жметъ переселенца, гдѣ можетъ, а тамъ переселенецъ изъ старожила готовъ хоть масло давить... Тоже и россійскій мужичокъ, доложу вамъ, спуску не дастъ, постоитъ за себя... да и пощады у него не проси! Ужъ ежели ему гдѣ нужно и возможно, онъ самъ такъ притиснетъ старожила, что тотъ и не пикнетъ!

— Избаловались, мерзавцы, — возразилъ пьяный голосъ:— своевольничаютъ, дѣлаютъ, что̀ хотятъ...

— Я тамъ не знаю, избаловались или нѣтъ—по-моему, какъ будто имъ и негдѣ было баловаться... Да и не въ томъ дѣло... Я хочу только сказать, что вообще нашъ мужичокъ умѣетъ поприжать ближняго, ежели только въ силѣ... И въ этомъ случаѣ, что переселенецъ, что старожилъ—одна цѣна: только бы онъ въ себѣ силу чувствовалъ, а то, когда нужно, онъ даетъ себя знать... Вы вотъ, можетъ быть, и сами замѣтите: гдѣ въ деревнѣ мало переселенцевъ—худо имъ, жметъ ихъ старожилъ; прошло время, поприбавилось въ деревнѣ россійскаго народу, пообжились

и переселенцы—начали уже они тѣснить старожиловъ, а тамъ, смотришь—старожилъ уже бѣжитъ изъ родного селенія куда-нибудь въ камень [1]). По-моему, попросту каждый свою линію гнетъ: переселенецъ—свою, а старожилъ—свою. Кто попался на пути, тотъ и сворачивай въ сторону, давай ему дорогу... а не свернулъ—не жалуйся, пеняй на себя!.. Кто знаетъ, прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія говорившій, на ихъ мѣстѣ, можетъ быть, и мы съ вами, Петръ Аѳанасьевичъ, также бы поступали... Такъ неужто и мы стали бы оттого мерзавцами?..

— Линію свою гнутъ! — отвѣчалъ раздраженнымъ тономъ тотъ, кого собесѣдникъ называлъ Петромъ Аѳанасьевичемъ.—Да кто имъ позволилъ думать о своей линіи? Поменьше бы ихъ баловали, да почаще бы хорошенько драли ихъ,—они забыли бы, какая тамъ линія есть, и не ломали бы другъ другу ребра... Все это одна распущенность! Съ мужикомъ развѣ можно обращаться по-человѣчески?!

Говорившій съ шумомъ отодвинулъ стулъ, нетвердой поступью вышелъ изъ сосѣдней комнаты въ ту, гдѣ я, только-что пріѣхавши, раздѣвался съ дороги, и прошелъ въ сѣни.

Разговоръ, начала котораго я не слышалъ, происходилъ на земской квартирѣ, въ одной изъ глухихъ волостей Алтая, между волостнымъ писаремъ и врачомъ, случайно, какъ и я, съѣхавшимися и оставшимися ночевать.

Я ихъ засталъ за чайнымъ столомъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ, были разложены закуски и стояла на половину выпитая бутылка водки и рюмки. Писарь и докторъ сидѣли, какъ мнѣ было видно изъ прихожей, гдѣ я раздѣвался, въ непринужденныхъ позахъ, безъ сюртуковъ и, повидимому, уже успѣли достаточно выпить, особенно докторъ, котораго я встрѣтилъ теперь въ первый разъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ представителей захолустной „интеллигенціи", которые въ глуши, куда нерѣдко они попадаютъ на службу прямо со школьной скамьи, какъ-то удивительно быстро не то что опускаются—опускаться имъ нечего—а, такъ сказать, разоблачаются, скидываютъ съ себя все то, что когда-то, хотя бы и поверхностно, было наложено на нихъ школой, книгой, товариществомъ. Встрѣчая такого господина, вы съ изумленіемъ спрашиваете себя: да неужто же этотъ человѣкъ когда-нибудь могъ быть въ университетѣ?.. Пьяный и грубый, ловеласъ и циникъ, Иголкинъ—фамилія доктора—изумительно

---

[1]) Въ горы Алтая.

быстро акклиматизировался въ нашихъ краяхъ, куда лишь недавно попалъ, и уже пользовался въ обществѣ довольно широкой извѣстностью, не особенно для него лестной.

Писаря Коробкина я встрѣчалъ и раньше, и мы были съ нимъ знакомы. Обладая умомъ и характеромъ, достаточно хитрый и ловкій, онъ умѣлъ ладить и съ крестьянами, относившимися къ нему съ большимъ уваженіемъ, и съ чиновниками, которые, можетъ быть, не столько уважали его, сколько остерегались. Никто изъ нихъ не рѣшался не только говорить ему „ты", но не позволялъ себѣ и многаго другого, что въ сношеніяхъ съ писарями у насъ считается позволительнымъ и нормальнымъ. Онъ всегда держался скромно, но вполнѣ независимо. Многіе знали бывшую съ нимъ когда-то „исторію"—онъ далъ пощечину чиновнику, предложившему ему сдѣлать служебный подлогъ, за что отсидѣлъ въ острогѣ,—и это выдѣляло его изъ среды другихъ волостныхъ писарей, создавало ему извѣстное „положеніе"... Деревенскіе знакомые называли его въ шутку „своимъ министромъ", и нужно было видѣть Коробкина въ волостномъ правленіи, окруженнаго толпою мужиковъ, чтобы согласиться, какъ дѣйствительно шло къ нему это шутливое прозвище: это былъ настоящій волостной министръ, какіе иногда попадаются въ Сибири.

Возвратился въ комнату докторъ. Мы познакомились, и я подсѣлъ къ столу.

— Вотъ, докторъ думаетъ,—возобновилъ Коробкинъ прерванный разговоръ, обращаясь ко мнѣ,—что переселенцевъ почаще драть слѣдуетъ...

— А, конечно, слѣдуетъ!—отозвался тотъ, наливая рюмки и приглашая и насъ выпить съ нимъ.

— Много они хлебаютъ, Петръ Аѳанасьевичъ, березовой-то каши,—отвѣчалъ Коробкинъ, выпивъ водку и закусывая,—только что-то она худо дѣйствуетъ... Вотъ, въ сосѣднемъ участкѣ есть поселокъ Марьевка, не такъ давно заселился, — такъ сколько марьевцы переѣли этой каши, а все безъ толку!

— По какому же это поводу?—спросилъ я.

— А такъ сказать, что и безъ всякаго повода. Есть въ Петербургѣ какой-то большой баринъ, который марьевцевъ зналъ и за нихъ другой разъ хлопоталъ—нашимъ-то господамъ чиновникамъ это и не понравилось... Вотъ одинъ изъ нихъ заѣхалъ какъ-то въ Марьевку—то-ли по дѣлу, то-ли безъ дѣла, ужъ не знаю. Только не понравилось ему, какъ мужики построились. Пошумѣлъ по этому поводу господинъ чиновникъ, покричалъ на

мужиковъ и приказалъ избы снести и снова построить, какъ ему хотѣлось. Мужики, гдѣ бы имъ промолчать—тотъ и забылъ бы потомъ, заупрямились: „намъ, говорятъ, и такъ ладно, не согласны сносить!“ Баринъ вспылилъ... Послѣ этого ихъ, марьевцевъ-то, въ волости одного по одному чуть не всѣхъ перепороли... И замѣтьте: за каждымъ оказалась какая-нибудь провинность... Приходитъ мужикъ въ правленіе по своему дѣлу, писарь либо старшина спрашиваетъ: „Откуда?“—„Изъ Марьевки мы“, отвѣчаетъ.—„А, изъ Марьевки! за тобой, братецъ, провинность есть!“—„Какъ будто не должно бы быть“, говоритъ смущенно мужикъ, „ровно бы я ничего такого не сдѣлалъ“...—„Нѣтъ, есть! посиди-ка въ сборной, мы тутъ справимся о тебѣ“. Ну, и справлялись—оказывалось, есть провинность, тутъ же ихъ и раскладывали... Да еще какъ пороли-то!

— Вотъ... это... люблю! — воскликнулъ Иголкинъ, уже совсѣмъ захмелѣвшій.—Вотъ это-то хорошо!.. Такъ и нужно: неповиновеніе—драть скотину!.. Небось... по-умнѣ-етъ!.. Выпьемъ-ка еще по единой!—обратился онъ къ намъ.

Мы отказались.

— Ну, и чортъ съ вами... я и одинъ выпью!—И онъ налилъ себѣ еще рюмку.

— А марьевцы и теперь на прежнихъ мѣстахъ сидятъ—никто не сдвинулся,—замѣтилъ Коробкинъ и тихо засмѣялся.

Но Иголкинъ уже не слушалъ. Онъ съ трудомъ поднялся съ мѣста и, перебравшись на диванъ, легъ, не раздѣваясь.

Пора было спать и намъ. Мы тоже встали изъ-за стола и начали приготовлять себѣ на полу постели.

Часы пробили три. Потому ли что въ комнатѣ было слишкомъ жарко и душно, подъ вліяніемъ ли впечатлѣнія, какое произвелъ на меня докторъ Иголкинъ, не знаю,—но я никакъ не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и курилъ папиросу за папиросой.

Коробкинъ, постель котораго была рядомъ съ моею, тоже не спалъ, тревожимый, повидимому, докторскимъ храпомъ.

— И чудной же человѣкъ!—обратился ко мнѣ Коробкинъ.—Избаловались, говоритъ, мерзавцы!.. А сколько эти „мерзавцы“ терпятъ, сколько имъ достается, про то не говоритъ, небось... а тоже вѣдь по деревнямъ ѣздитъ! Вотъ я видѣлъ въ прошедшемъ году, какъ пальчиковскіе бергалы разоряли Красноярку—такъ, повѣрите ли, старый я человѣкъ, а силъ моихъ не было

смотрѣть на нихъ! А ужъ я ли, кажется, не видывалъ на своемъ вѣку всякаго—и худого, и хорошаго!

Меня это замѣчаніе очень заинтересовало. О разореніи Красноярки я кое-что слышалъ, но всѣ доходившіе до меня слухи не отличались опредѣленностью: кто винилъ во всемъ переселенцевъ, вызвавшихъ столкновеніе своей назойливостью; кто ругалъ бергаловъ, а иные винили во всемъ мѣстную администрацію, которая своими неумѣлыми распоряженіями довела до столкновенія старожиловъ и переселенцевъ, едвà не принявшаго весьма прискорбнаго оборота.

— Вы-то какимъ образомъ туда попали?—спросилъ я Коробкина, желая вызвать его на разговоръ.—Вѣдь Красноярка не въ вашемъ уѣздѣ?

— Совершенно случайно: сына возилъ въ городъ, да на обратномъ пути какъ разъ и наѣхалъ на исторію.

— Въ чемъ же эта исторія состояла?

— Если хотите, я пожалуй подробно разскажу вамъ—все равно, тутъ не уснешь скоро.

Коробкинъ совсѣмъ повернулся въ мою сторону, приподнялся на локтѣ и оперся головой на руку. При слабомъ свѣтѣ лампы мнѣ хорошо было видно его лицо, уже немолодое, съ темной длинной бородой и шапкой вьющихся сѣдыхъ волосъ; темные глаза его, въ которыхъ свѣтились внутренняя усталость, смотрѣли ровно, спокойно.

— Если вамъ случалось бывать въ Пальчиковѣ, такъ вы знаете—селеніе большое, чуть не городъ,—иной городъ, пожалуй, хуже будетъ, — ничего что рудникъ. И народъ въ немъ разный: тутъ и бергалы, и крестьяне, торгующіе... А живутъ между собой пальчиковцы не то чтобы вовсе мирно,—все изъ-за земли ссорятся: то бергалы съ крестьянами не могутъ никакъ разойтись, то опять съ переселенцами, либо съ арендаторами сцѣпятся не хуже собакъ изъ-за кости. Я вамъ не буду разсказывать объ ихъ ссорахъ, — долго говорить, а разскажу только послѣднюю исторію съ красноярцами. Нужно вамъ замѣтить, что много грѣха на душу взяли въ этомъ дѣлѣ два господина... Да вы какъ будто бывали въ Пальчиковѣ,—такъ вы должны тамъ знать Безсонова Василья—старичокъ такой старенькій, за рудникомъ еще домъ у него... Его больше попросту Васькой зовутъ... онъ все еще съ попами ссорится да доносы пишетъ,—напоминалъ мнѣ Коробкинъ.

— Знаю, встрѣчался съ нимъ, — отвѣчалъ я, вспомнивъ

отставного чиновника-старика, котораго въ Пальчиковѣ всѣ ругали и всѣ боялись.

— Ну, вотъ, этотъ самый старичокъ богобоязненный!.. Да еще есть тамъ въ родѣ разбойника—Ванька Каинъ... можетъ быть, и этого знаете?

— Знаю и этого.

— Ну, ну! Да ихъ нельзя не знать въ Пальчиковѣ! Вотъ они и орудовали съ красноярцами.

— Но что же общаго между Безсоновымъ и Васькой? Вѣдь Безсоновъ—отставной чиновникъ...

— А Ванька—разбойникъ, это вы хотите сказать?—перебилъ меня Коробкинъ.—Ну, въ данномъ случаѣ, я вамъ долженъ сказать, плохо же вы еще бергаловъ знаете. Во-первыхъ, у нихъ все сродственники: тотъ ему двоюродный дядя, этотъ—внучатный племянникъ, а та—сватья, и самъ чортъ не разберетъ, кто кому свой... Если поразспросить хорошенько, такъ я увѣренъ, что окажется, что Безсоновъ съ Ванькой въ родствѣ состоятъ. А во-вторыхъ, бергалъ, хоть онъ и чиновникъ, все-таки будетъ за своихъ руку держать, какъ, знаете, у казаковъ: хоть ты и воръ, да свой! Такъ и тутъ: отставной канцелярскій служитель Безсоновъ и разбойникъ Ванька будутъ другъ дружку поддерживать. И ядовитый же народецъ, доложу вамъ! — продолжалъ Коробкинъ, немного помолчавъ. — Вотъ хоть бы того же Безсонова взять... Вѣдь ужъ старъ сталъ, а злости въ немъ, такъ, ей-Богу, что въ другой собакѣ!.. Какъ выгнали его со службы—сказываютъ, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ,—съ тѣхъ поръ онъ пуще и обозлился, все-то ему не нравится, все-то не по его... Вотъ онъ и пишетъ всякія кляузы, травитъ между собой бергаловъ, ссоритъ общество. Смотришь, тамъ съ батюшкой сцѣпился, тутъ съ лѣсничимъ, либо просто съ сосѣдомъ—ядовитый человѣкъ!..

— Полноте, да онъ почти и не ходитъ никуда,—стараюсь я выяснить вполнѣ отношеніе Коробкина къ Безсонову, хотя и знаю, что въ своемъ отзывѣ онъ совершенно правъ.

— Что же изъ того? Онъ не ходитъ, да къ нему всѣ идутъ. Вы посмотрите, какъ пальчиковскіе бергалы его уважаютъ: отставной канцелярскій служитель—это для нихъ, доложу вамъ, штука большая! „Чиновникъ“, говорятъ, „письмяный человѣкъ, онъ все можетъ!“ И они стоятъ за него горой, хотя каждый изъ нихъ знаетъ, что Васька Безсоновъ—воръ, ихъ же прежде грабилъ, чѣмъ и нажилъ состояніе... Надо отдать ему справедливость, онъ умница, хитрый, подлый, увёртливый; онъ изъ всякаго дѣла сухой выходитъ, дѣйствуя доносомъ, ябедой да подговоромъ.

Коробкинъ пришелъ въ нѣсколько возбужденное настроеніе; видно было, что разговоръ задѣваетъ его больное мѣсто.

— Ну, а Ванька Каинъ, тотъ, какъ и подобаетъ разбойнику и барантачу,—нахалъ, вездѣ самъ лѣзетъ, оретъ на сходѣ, булгачитъ народъ... Выросъ онъ на кухнѣ да конюшнѣ управляющаго, и теперь постоянно толчется возлѣ чиновниковъ, обиваетъ задніе пороги. Не успѣетъ чиновникъ какой за чѣмъ-нибудь пріѣхать въ Пальчиково, Ванька ужъ у него на кухнѣ трется чего-то, а потомъ хвастаетъ... Бергалы и ему вѣрятъ, хотя также знаютъ, что онъ—воръ; уважаютъ и его по-своему, говорятъ о немъ: „Нашъ Ванька все знаетъ, ему все извѣстно, потому онъ завсегда около чиновниковъ"... Такъ вотъ въ Пальчиковѣ ни одна исторія не обходится безъ участія Васьки Безсонова и Ваньки Каина.

— Чѣмъ же это объясняется? Вѣдь не тѣмъ же, что одинъ—отставной канцелярскій служитель, а другой—разбойникъ и барантачъ, какъ вы его называете?

— Ну, разумѣется, не тѣмъ,—засмѣялся Коробкинъ.—Тутъ много причинъ: и съ землей неурядица, и характеръ самихъ бергаловъ, ихъ невѣжество—да мало ли что! Дикій народецъ, нечего говорить... Да вы не слыхали, что они въ холерный годъ, было, сдѣлали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, а что?

— Какъ же, помилуйте! Господа пальчиковскіе бергалы чуть, было, холерный бунтъ не сочинили... Порядокъ у насъ во всемъ одинъ: не грянетъ громъ—никто не перекрестится. Какъ начнется эпидемія, мы сейчасъ же назьмы разгребать, что копили, можетъ быть, двадцать лѣтъ; поднимется такая чистка, что изъ комнаты носу нельзя высунуть—такой вездѣ смрадъ стоитъ; иначе нельзя—время пришло умирать!.. То же и въ холерный годъ было. Сначала все смѣялись: „Можетъ ли это быть, чтобы у насъ холера была!"—говорили сибиряки.—„Это у нихъ тамъ, въ Россіи, народъ шибко ужъ нѣжный сталъ, потому тамъ и холера; а у насъ, въ Сибири, ей дѣлать нечего, потому она у насъ никогда и не бывала; мы не знаемъ, какая-такая холера есть!" Такъ разсуждали старички по деревнямъ; такъ же толковали и пальчиковцы. Только слышатъ, по деревнямъ народъ мретъ, все больше по переселенческимъ поселкамъ, а гдѣ и въ сибирскихъ деревняхъ, такъ тоже мрутъ больше россійскіе же... Забезпокоились пальчиковцы... Безсоновъ разъясняетъ: „Вздоръ, молъ! никакой холеры не было бы, еслибы не россійскіе,—это они все хворь распускаютъ"—переселенцы, значитъ... „Не нужно пускать

ихъ въ селеніе, вотъ и холеры никакой не будетъ"... Бараковъ тоже не нужно, потому „некого въ нихъ класть будетъ!.." Собрался народъ; погалдѣли, побранили, какъ водится, начальство, да и порѣшили барака не строить, переселенцевъ въ селеніе не пускать; если пришлютъ доктора или студента—выгнать вонъ. Тутъ ужъ Ванька старался; разсказывалъ, какъ въ гадюкинскомъ рудникѣ выгнали аптекаря изъ селенія: „Пріѣхалъ,—разсказываютъ,—нанялъ квартиру и началъ какую-то особенную печку класть... Къ чему понадобилась печка? въ домѣ и такъ ихъ достаточно... Смотрятъ, печку поставилъ—модныя трубы къ ней прокладываетъ... тутъ ужъ для всякаго на виду, что къ чему... зелье варить хотѣлъ да народъ травить! Какъ узнало обществò, —въ тую же минуту и прогнали изъ деревни... скажи спасибо, что не побили"... Такіе разсказы еще больше тревожатъ; пошли разные толки, и конца имъ нѣтъ... Хорошо, ни одинъ человѣкъ не захворалъ, все такъ и затихло, а могли бы быть серьезныя непріятности... Впослѣдствіи все на переселенцевъ свалили: не пускали-де ихъ, вотъ и холеры не было!

— Причемъ же тутъ красноярцы? спросилъ я, желая навести Коробкина на прежнюю тему.

— У бергаловъ, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ своей земли; усадебное мѣсто да десятина сѣнокоса на душу—вотъ и все, чтò у нихъ есть [1]). Но это не мѣшаетъ бергаламъ считать всѣ заводскія земли своими—мы-де заводскіе, а земля наша. Тò же и въ Пальчиковѣ: сами не пашутъ, а если кто и припахиваетъ, то денегъ не хочетъ платить, потому что „земля наша". Одинъ переселенецъ—Меленчукъ, жившій ранѣе въ Пальчиковѣ, выхлопоталъ разрѣшеніе на образованіе поселка недалеко отъ Пальчикова, и привелъ партію хохловъ съ собой на указанное ему мѣсто, на Красномъ-Яру. Безъ лишнихъ разговоровъ хохлы сейчасъ же разбили усадьбы, назначили, гдѣ будутъ улицы, гдѣ переулки, тамъ базаръ да церковь, наколотили въ землю колышковъ и начали землю рыть—строиться на зиму... хохлы на этотъ счетъ народъ шустрый! Только прошло съ недѣлю, заявляется къ нимъ объѣздчикъ, осмотрѣлъ мѣсто и объявилъ, что они сѣли въ чужой дачѣ—пальчиковской, велѣлъ отнести постройки дальше, выше по рѣкѣ. Сдвинули хохловъ... Кàкъ ужъ тутъ подвернулся Ванька Каинъ, этого я вамъ объяснить не съумѣю, только онъ указалъ Меленчуку, гдѣ слѣдуетъ снова строиться. Хохлы по-

---

[1]) Въ 1897 г. горнозаводское населеніе получило право на отводъ, временно до общаго поземельнаго устройства въ округѣ, до 15 десятинъ на душу.

слушались, вновь все измѣрили, наколотили опять колышковъ и стали рыть землю. Тѣмъ временемъ прослышалъ Безсоновъ, что переселенцы поселокъ заводятъ подъ селеніемъ... Тому-другому поговорилъ: „не слѣдуетъ допускать переселенцевъ селиться, потому лѣсничій не имѣлъ-де права разрѣшать поселка на пальчиковской землѣ". Бергалы загалдѣли... Полетѣли въ разныя стороны жалобы на чинимыя бергаламъ обиды, на своевольство переселенцевъ и потворство имъ лѣсничаго; послали человѣкъ трехъ выборныхъ хлопотать лично. Былъ у нихъ въ то время особый чиновникъ [1])—человѣкъ горячій. Не разобравъ толкомъ, въ чемъ дѣло, онъ сгоряча и далъ распоряженіе пальчиковскому старостѣ произвести осмотръ занятаго Меленчукомъ мѣста, и если оно окажется въ пальчиковской дачѣ, то не допускать хохловъ селиться. Тутъ-то вотъ и заварилась каша!

Коробкинъ поднялся на постели и сѣлъ.

— Я какъ разъ въ то время возвращался изъ города и заночевалъ въ Пальчиковѣ. Утромъ сижу въ избѣ, чай пью и вижу въ окно—сѣдлаютъ лошадей. Спрашиваю хозяина: Куда сряжаешься ѣхать?

— „Россійскихъ зорить ѣдемъ!" говоритъ.

— Какъ, молъ, зорить ѣдете? Какихъ россійскихъ? Врешь, молъ, чего-то?

— „Нѣтъ, говоритъ, вѣрное слово, зорить ѣдемъ на Красный-Яръ, верстъ съ пятнадцать будетъ отсюда,—хохлы тамъ строятся".

Чтò, думаю, за исторія!—Кто же, спрашиваю, позволитъ вамъ зорить ихъ? Вѣдь зà это отвѣчать придется.

— „Ничего,—говоритъ,—не будетъ, не сумлѣвайся. Вечоръ староста приказалъ сегодняшняго числа утромъ всѣмъ явиться на вёршной [2]), съ нимъ мы и поѣдемъ. А ты думалъ, мы дуромъ хочемъ ѣхать? Нѣтъ, сказываю—приказъ вышелъ".

Меня это, знаете, такъ взбудоражило! Дай, думаю, поѣду—посмотрю, чтò у нихъ тамъ такое дѣлается... Не можетъ быть, говорю себѣ, чтобы староста спроста приказалъ народу явиться разорять переселенцевъ—что-нибудь не понялъ старый и навралъ мнѣ. Говорю объ этомъ хозяину.

— „Что-жъ, поѣдемъ, намъ же веселѣе будетъ",—согласился тотъ.

Такъ мы и поѣхали втроемъ: хозяинъ съ сыномъ, да я.

---

[1]) Такъ на Алтаѣ называли чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ.

[2]) Верхомъ на лошади.

Улицей ѣдемъ,—вижу, и въ самомъ дѣлѣ, народъ куда-то сряжается—кто выѣзжаетъ уже со двора, у кого у воротъ готовые кони стоятъ. Выѣхали на базарную площадь,—а тамъ народу собралось, что на ярмаркѣ! Все верховые, а изъ улицъ съ разныхъ сторонъ подъѣзжаютъ новые, кто въ одиночку, а кто и цѣлыми компаніями. Галдитъ народъ; которые смѣются между собой, все такіе веселые...

— „Чего же,—спрашиваетъ одинъ старикъ,—ждать еще будемъ? Время-то не раннее".

— „А вотъ вѣсть подадутъ, что лѣсничій срядился,—тогда и мы поѣдемъ", отвѣчаетъ староста.

Прошлò еще нѣсколько времени, смотримъ, кто-то шибко такъ бѣжитъ улицей на вёршной. Конекъ подъ нимъ чудесный, рыжій—не меньше, думаю, сотенной стоитъ, — а самъ верховой одѣтъ худо: рубаха на немъ старая да грязная, пиджакъ сверху засаленный, подпоясанъ ремешкомъ. Шибко гонитъ и прямо на народъ, а самъ кричитъ что-то да рукой машетъ. Подъѣхавъ ближе, вижу—мужикъ немолодой, въ плечахъ косая сажень, рожа красная, вся въ глубокихъ морщинахъ, точно изсѣченная, скуластая, глаза какъ щелки,—разбойникъ разбойникомъ. „Кто такой?" спрашиваю хозяина. „Кайнóвъ Ванька, не знаешь что-ли?" Потомъ онъ мнѣ разсказалъ о немъ, какъ онъ съ братомъ своимъ киргизъ грабилъ, да одному глаза вырвали. Съ тѣхъ поръ его Каиномъ и прозвали.

— „Приказали сейчасъ подавать!" кричалъ Ванька, подъѣзжая къ толпѣ.

Толпа зашевелилась, заволновалась и направилась въ улицу. Поѣхали и мы за другими.

Выѣхали за село. Посмотрѣлъ я кругомъ: народу съ нами не меньше, какъ человѣкъ триста, растянулись по дорогѣ версты на двѣ... всѣ верхами, у каждаго плеть въ рукахъ—войско войскомъ... Немного погодя, слышимъ сзади колокольчикъ. Смотрю, обгоняетъ насъ тройка, въ тарантасѣ сидятъ лѣсничій да полицейскій приставъ. Проѣхали они, мы за ними припустили рысью. Пыль на дорогѣ столбомъ поднимается, свѣтъ застилаетъ...

Потомъ я узналъ, что староста не рѣшился одинъ ѣхать, еще наканунѣ сбѣгалъ и упросилъ лѣсничаго, чтобы тотъ выѣхалъ осмотрѣть мѣстность. Лѣсничій, слышавшій уже, чтò затѣваютъ бергалы, прихватилъ съ собой и пристава.

Когда мы подъѣхали, въ поселкѣ уже толпа окружала лѣсничаго съ полицейскимъ. Бергалы требовали, чтобы имъ разрѣшили пахать переселенческія жилища. Нѣкоторые слѣзли съ

коней и подошли къ чиновникамъ вплоть. Лица у всѣхъ были возбужденныя... Переселенцевъ я въ эту минуту изъ-за народу не видалъ, только слышенъ былъ бабій вой да плачъ.

— „Я не для того пріѣхалъ сюда", кричалъ лѣсничій, „чтобы ломать что-нибудь, а хочу только провѣрить правильность вашихъ жалобъ, будто переселенцы сѣли въ пальчиковской грани. Подайся, ребята, назадъ, промѣръ будемъ дѣлать!"

Сдвинулись назадъ, очистили мѣсто; впереди остались только лѣсничій, приставъ да нѣсколько человѣкъ бергаловъ. Начали промѣривать землю. Я оглядѣлся. Десятка два-три землянокъ, изъ которыхъ многія были не кончены, другія только еще начаты; нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей да переселенческія телѣги, крытыя сверху холстомъ,—все это было разбросано по степи въ безпорядкѣ. Тутъ былъ и весь поселокъ, который пріѣхали „зорить"... Переселенцевъ въ поселкѣ не было: завидѣвъ приближающійся отрядъ верховыхъ, они бросили свои жилища, бѣжали и столпились на холмѣ, саженяхъ въ двухстахъ отъ поселка. Отсюда-то и несся плачъ женщинъ и дѣтей.

Пока лѣсничій возился съ промѣркой, приставъ задумчиво ходилъ передъ землянками взадъ и впередъ. Маленькій старичокъ, очень добродушный, больше похожій на бабушку, чѣмъ на полицейскаго чиновника, былъ взволнованъ и не зналъ, что ему дѣлать. Двѣ толпы, которыя онъ въ эту минуту раздѣлялъ, обѣ возбужденныя, не обѣщали ничего хорошаго. Лѣсничій кончилъ и объявилъ, что землянки находятся внѣ пальчиковской дачи, кромѣ одного шалаша да опрокинутой и прикрытой телѣги, находившихся нѣсколько поодаль отъ прочихъ. Толпа бергаловъ снова надвинулась ближе и напряженно слушала. Не знаю, не понялъ ли староста, или не дослышалъ, но онъ вновь обратился къ лѣсничему съ прежней просьбой:

— „Ваше-скородіе! прикажите ломать!"

Лѣсничій вновь повторилъ, что приказать ломать онъ не можетъ, такъ какъ переселенцы заняли мѣсто правильно.

— „А если тебѣ непремѣнно хочется ломать,—прибавилъ онъ, — ломай, братецъ, хоть до самаго города — тутъ на сто верстъ все пойдутъ зачинки!"

Толпа зашумѣла... Часть требовала ломать постройки. „Нечего на него смотрѣть—ломай, да и все тутъ!"—слышались голоса. Староста не рѣшался ни на что и безтолково топтался на мѣстѣ. Шумъ все усиливался, нетерпѣніе росло. Ванька тутъ, въ толпѣ, ѣздитъ на своемъ конькѣ отъ одного къ другому, шумитъ, кричитъ... Я его спрашивалъ потомъ, какъ онъ попалъ

въ указчики мѣста переселенцамъ. „А я самъ у барина вызвался, потому мнѣ эти мѣста очень извѣстны", отвѣчалъ онъ, не моргнувъ глазомъ.—„Ну, а теперь ты сюда какъ попалъ?"—„Меня обчество депутатомъ назначило, какъ и другихъ прочихъ..."—„Зачѣмъ?" спрашиваю.—„Извѣстно", говоритъ, „зачѣмъ: избы ломать, потому какъ онѣ въ нашей гранѣ построены". —„Да вѣдь ты же указалъ имъ это мѣсто?"—„Такъ что-жъ, что я?"—„Какъ же ты", спрашиваю, „теперь рѣшился пріѣхать сюда и хочешь ломать избы, когда самъ же указалъ, гдѣ строиться?"—„Помилуйте, какъ же я не поѣхалъ бы? нѣшто я супротивникъ своему обчеству?"—Я только плюнулъ и отошелъ отъ него.

Наконецъ, нашъ старичокъ приставъ надумался.

— „Вотъ что̀, ребята", обратился онъ къ бергаламъ: „я запрещаю вамъ что-нибудь ломать, такъ и знайте! Переселенцы сидятъ правильно. Кто ослушается, отвѣчать будетъ!"

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ. Я взглянулъ въ сторону переселенцевъ. Собрались они въ отдаленіи, на пригоркѣ, толпой человѣкъ въ полтораста-двѣсти. Лица у всѣхъ испуганныя, блѣдныя, всѣ безъ шапокъ, одѣты худо. Бабы воютъ, ребята испуганно жмутся къ ихъ ногамъ. Кто на колѣни опустился, молится на небо, руки поднялъ вверхъ... Солнцемъ сбоку такъ ихъ всѣхъ и обдаетъ... Повѣрите: не могъ смотрѣть, отвернулся, горло сдавило, чувствую—слезы такъ и подступаютъ... И представилось мнѣ, что первые христіане вотъ такъ же стояли передъ своими мучителями...

— „Мы такъ положили", говорили они мнѣ въ тотъ же день вечеромъ: „Будь, что̀ будетъ, а мы съ мѣста не двинемся"... На Бога больше разсчитывали.

Приставъ молча стоялъ и крутилъ свой длинный бѣлый усъ; видно было, какъ тяжело старику. Лѣсничій смотрѣлъ куда-то въ сторону и хмурился. Галдѣть перестали; затихло все кругомъ, только бабій плачъ доносился...

Я теперь не съумѣю вамъ разсказать, что̀ тутъ случилось—я и въ ту минуту чего-то не разобралъ и не понялъ... Какъ будто никто приказанія не отдавалъ, — я не слыхалъ, — какъ вдругъ часть толпы съ ревомъ бросилась впередъ... на нее понадвинулись задніе ряды, опрокинули шалашъ и телѣгу, что на заводской землѣ стояли, да сейчасъ же и назадъ подались... Толпа точно качнулась впередъ и назадъ, да и застыла, шумъ и крики разомъ стихли. Я бросился впередъ: подъ шалашомъ лежалъ покойникъ, совсѣмъ обряженный, а подъ телѣгой двое

больныхъ малыхъ ребятишекъ, кѣмъ-то изъ переселенцевъ забытыхъ и брошенныхъ во время бѣгства... Лѣсничій быстро пошелъ къ пригорку, гдѣ были переселенцы. Его догналъ Ванька.

— „Ваше-скородіе! не извольте ходить къ нимъ — они убьютъ васъ!“

— „Убирайся ты отъ меня къ чорту, мерзавецъ!“ сердито отмахнулся тотъ, продолжая идти.

Бергалы одинъ по одному начали разъѣзжаться, а черезъ полчаса, кромѣ лѣсничаго съ приставомъ да меня, никого уже въ поселкѣ не осталось. Лѣсничій предложилъ переселенцамъ отнести усадьбы подальше отъ границы дачи, и тѣ сейчасъ же согласились.

— Такъ красноярцы и еще разъ перенесли свои усадьбы, — закончилъ свой разсказъ Коробкинъ.

С. Марусинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВОЛНА.

Зеленая, лукавая, коварная волна!
То къ небу ты вздымаешься, то падаешь до дна;
То ласково баюкаешь, вся нѣгою полна,
То дико въ вихрѣ мечешься, бурлива и гнѣвна.

Слезой горько-соленою ты вся напоена,
Вся твердь небесъ лазурная въ тебѣ отражена...
Ты рѣзвишься съ подругами, но все-же ты одна—
Коварная, лукавая, зеленая волна.

II.

Молодою зеленью, зеленью пахучею
Вѣетъ мнѣ, усталому, кроткая весна.
Лаской беззавѣтною, лаской одинокою
Льется ночью бѣлою пѣсня соловья.

У окна открытаго, съ думой безотвѣтною,
Я сижу безъ ропота, въ грёзахъ на яву,
А весна украдкою, съ нѣгой шаловливою
Мнѣ шевелитъ волосы, поцѣлуи шлетъ.

Ничего не хочется, лишь бы въ чарахъ трепетныхъ
До утра рабочаго не спугнуть мечты,
Лишь бы мыслью дерзкою, лишь бы волей суетной
Не вернуться къ пропасти, гдѣ я гибну днемъ.

С. Л—новъ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ

1900-го года.

Письмо третье [1]).

За торжественнымъ открытіемъ выставки послѣдовалъ цѣлый рядъ „открытій“ особыхъ ея отдѣловъ. Въ газетахъ появилась даже новая рубрика: „Les inaugurations d'aujourd'hui“ („Сегодняшнія открытія“), и ежедневно ихъ бывало по нѣскольку. Открываютъ отдѣльные павильоны, разныя деревни — бретонскую, провансальскую и т. д. Но самое главное изъ такихъ „открытій“, съ церемоніаломъ, состоялось 1-го мая (н. с.). Это было—открытіе двухъ дворцовъ, посвященныхъ изящнымъ искусствамъ. Въ Большомъ дворцѣ, который болѣе спеціально называется „Palais des Beaux-Arts“ — дворецъ изящныхъ искусствъ—собраны теперь почти всѣ лучшія произведенія искусствъ всего міра, созданныя за послѣднія десять лѣтъ. Почти всѣ выдающіеся художники всего міра представлены здѣсь; исключеній очень мало.

Когда съ обширной площади, роскошно убранной зеленью и фонтанами, вы черезъ главный входъ направляетесь въ Большой дворецъ, вы попадаете въ громадный эллиптическій нефъ, и передъ вами лѣсъ статуй. Это не тотъ садъ, убранный статуями, памятный всѣмъ, которые посѣтили хоть разъ Парижъ въ маѣ и побывали въ годичномъ салонѣ,—это буквально лѣсъ съ аллеями, даже сравнительно узкими, изъ статуй. Взглядъ невольно останавливается на собранныхъ чуть не въ кучу въ середину нефа, подъ куполомъ, очень крупныхъ скульптурныхъ группахъ: это памятники—Виктору Гюго, Босюэту, Ларошъ-Жаклэну—и летающіе, или взвившіеся на дыбы кони и т. п. И вы

---

[1]) См. выше: май, стр. 311.

видите всѣ эти группы сзади, со стороны спины, такъ что впечатлѣніе сразу получается очень странное.

Мы уже сказали, что нефъ построенъ крестомъ: длинный, въ 105 саженъ эллипсисъ, шириной въ 23 сажени, пересѣкается въ серединѣ перпендикулярнымъ ему нефомъ, идущимъ отъ входа къ поперечной галереѣ, которой онъ захватываетъ большую половину,—соединяющей зданіе на Avenue Nicolas II—главный фасадъ—со зданіемъ на Avenue d'Antin. Весь почти этотъ поперечный срединный нефъ и вся отъ входа правая площадь эллипсиса, т.-е. почти двѣ-трети мѣста, отведеннаго скульптурѣ, заняты французами; лѣвая часть эллиптической площади предоставлена иностранцамъ. Вокругъ всего нефа—непрерывный, довольно широкій балконъ на уровнѣ второго этажа образуетъ открытую галерею; а внизу, подъ балкономъ—портикъ, котораго полъ выше уровня почвы, такъ что въ него ведутъ 12 ступеней. Концы длиннаго нефа и прилегающая къ нимъ часть портиковъ теперь отрѣзаны перегородками и въ нихъ устроены залы для живописи, для которой мѣста оказалось мало. На противоположной входу сторонѣ, тамъ, гдѣ нефъ углубляется въ поперечную галерею, связывающую оба главныя зданія, устроена монументальная лѣстница, ведущая на второй этажъ. Въ этомъ мѣстѣ балконъ расширяется, выступая впередъ дугой, и на него съ двухъ сторонъ, начиная отъ боковыхъ портиковъ, ведутъ двѣ изящно извивающіяся, широкія, привольныя лѣстницы, съ площадками по срединѣ; и каждая лѣстница, нѣсколько ниже второго этажа, отъ послѣдней площадки, раздѣляется на двѣ вѣтви. Все это образуетъ весьма красивое цѣлое, а для архитекторовъ тутъ даже новость. Разстояніе между обѣими лѣстницами внизу очень большое—почти во всю ширину поперечной части нефа,—и балконъ, подъ которымъ обширный проходъ ведетъ въ заднее зданіе, поддерживается колоннами на двѣ трети каменными и на треть желѣзными,—въ этомъ и новость. Желѣзная верхняя часть посажена на каменную, скрѣплена, а затѣмъ, поднимаясь вверхъ, развѣтвляется какъ бы листьями пальмы, идущими отъ общаго каменнаго ствола.

Кругомъ внутренняго нефа расположены въ два этажа залы для живописи, гравюръ, архитектурныхъ рисунковъ и т. п. И тутъ также Франція занимаетъ правую отъ входа половину главной части дворца —и всю поперечную галерею, а иностранцамъ предоставлена лѣвая половина, обращенная къ Сенѣ. Заднее зданіе, по Avenue d'Antin, все занято столѣтней выставкой французскаго искусства.

Въ общемъ, дворецъ, хотя въ архитектурномъ отношеніи представляетъ весьма много интереснаго, далеко не удовлетворилъ художниковъ, для которыхъ онъ главнымъ образомъ предназначенъ. Здѣсь,

впрочемъ, архитекторамъ давно составлена такая слава, что они больше заботятся объ архитектурной красотѣ своихъ произведеній, чѣмъ о пригодности ихъ къ назначенной цѣли. Въ 1889 дворецъ изящныхъ искусствъ удовлетворилъ живописцевъ, но скульпторы были недовольны — для нихъ оказалось мало мѣста. На этотъ разъ какъ только узнали проектъ новаго дворца, художники возроптали: дурное будетъ освѣщеніе, мало будетъ мѣста и т. д.,—такъ что покойный президентъ Ф. Форъ счелъ нужнымъ ихъ успокоить, заявивъ однажды весьма добродушно, что если художники будутъ недовольны дворцомъ по его окончаніи, онъ имъ уступитъ свой Елисейскій дворецъ. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ дворецъ выстроивался, все сильнѣе и сильнѣе носились слухи, что художники недовольны, что архитекторы заботятся, главнымъ образомъ, о внѣшней красотѣ, о колоннадахъ, о роскошныхъ лѣстницахъ, о куполахъ, забывая главное назначеніе дворца—служить для выставки произведеній искусства, требующихъ извѣстнаго освѣщенія. Теперь, когда все устроено, дворецъ законченъ и произведенія разставлены или развѣшены, выяснено, что слухи эти, хотя и оказались преувеличенными, въ значительной мѣрѣ все-таки оправдались. Во дворцѣ множество архитектурныхъ и декоративныхъ красотъ, но въ отношеніи освѣщенія нѣкоторыя его части далеко не удовлетворительны. Прежде всего, въ обширномъ нефѣ подъ стеклянымъ сводомъ слишкомъ много свѣта; особенно въ солнечный день на иные мраморы смотрѣть трудно, и колоритъ получается далеко не тотъ, который художникъ желалъ бы дать своей статуѣ. Поскупились на парусъ—или на время, котораго бы требовала его установка. Но недостатки освѣщенія главнымъ образомъ проявились въ залахъ, гдѣ выставлены живопись или разнаго рода рисунки. Тутъ освѣщеніе—самое разнообразное: залы нижняго этажа получаютъ свѣтъ черезъ боковыя окна и, смотря по положенію картины, по отношенію къ окну, она освѣщена хорошо, посредственно, или вовсе не освѣщена. Есть тутъ залы совершенно темные, получающіе слабый свѣтъ изъ нефа черезъ портикъ. То же самое повторяется и въ верхнемъ этажѣ, хотя тамъ вездѣ освѣщеніе сверху. И наверху есть одинъ большой залъ, прилегающій къ балкону монументальной лѣстницы, который называютъ одни—salle de fêtes, другіе—salon d'honneur,—вѣроятно только потому, что онъ прекрасно освѣщенъ и дѣйствительно имѣетъ какой-то праздничный видъ въ сравненіи съ сосѣдними, менѣе свѣтлыми. Затѣмъ рядомъ съ залами хорошо освѣщенными,—которыхъ, правда, большинство,—есть такіе, гдѣ въ сѣрые дни ничего не видно. Есть даже такіе — въ нѣмецкомъ отдѣлѣ,—гдѣ и въ самый свѣтлый день ничего не видно.

II.

Какъ дворецъ ни великъ, мѣста въ немъ все-таки оказалось мало для всего, что̀ художники хотѣли выставить, и что̀ даже было бы достойно фигурировать здѣсь. Больше всѣхъ отъ недостатка мѣста пострадали французы, несмотря на то, что они, не считая даже ихъ столѣтней выставки, совершенно какъ бы отдѣльной, занимаютъ большую половину располагаемаго пространства. Поэтому произведенія принимались очень строго. Правда, картинъ принято въ одномъ французскомъ отдѣлѣ нѣсколько больше, чѣмъ въ 1889 году: принято 1546 вмѣсто 1418, одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Но за эти одиннадцать лѣтъ художественная производительность Франціи значительно увеличилась, такъ что цифра 1546 составляетъ меньше половины того, что̀ выставляется въ ежегодныхъ „салонахъ". Я говорю: „салонахъ", потому, что съ 1890 до прошлаго года въ Парижѣ ежегодно весною устроивались два „салона". Случилось это такимъ образомъ. До 1883 года ежегодный салонъ устроивался отъ имени государства, и жюри назначался администраціей изящныхъ искусствъ. Но художники давно воевали съ администраціей, требуя полной независимости, и только въ 1883 году они, наконецъ, послѣ долголѣтней борьбы, эту независимость себѣ отвоевали. Художники въ томъ году соединились въ обширное самостоятельное общество подъ названіемъ „Société des artistes français" (общество французскихъ художниковъ), съ вспомогательной кассой, съ пенсіями и съ большими рессурсами отъ членскихъ взносовъ и отъ входной платы въ „салонъ". Съ тѣхъ поръ „салонъ" уже устроивался этимъ обществомъ. Государство только ему оказывало покровительство, отдавало ежегодно обществу въ наемъ помѣщеніе для „салона"—почти весь, существовавшій въ Елисейскихъ Поляхъ, „дворецъ промышленности", и за плату самую минимальную, допускаемую законами—*за одинъ франкъ въ годъ*: *даромъ* отчуждать собственность администрація по законамъ права не имѣетъ. Жюри сдѣлался выборнымъ: выбирали всѣ художники, которые получили награду, или тѣ, которыхъ произведенія выставлялись пять разъ въ „салонѣ". Только выбирать нужно между художниками hors concours (не конкуррирующіе на медаль), а hors concours считается всякій художникъ, получившій вторую медаль или два раза третью [1]). Такъ это общество благоденствовало мирно до 1890 года. Нужно замѣтить, что иностранцы могутъ выставлять въ „салонѣ" на равныхъ правахъ съ французами.

---

[1]) Медалей всего три.

Люди уже таковы,—долго большимъ обществомъ они мирно жить не могутъ. Еще до прошлой выставки, многіе художники были недовольны способомъ раздачи наградъ въ „салонѣ". Говорили, что награды раздаются несправедливо, интриганамъ, и стали требовать совершеннаго уничтоженія наградъ. Дѣло обострилось послѣ выставки, на которой иностраннымъ художникамъ было роздано несмѣтное число медалей—и далеко не по заслугамъ. Французскіе художники не безъ основанія утверждали, что вторыхъ медалей въ иностранныхъ отдѣлахъ роздано столько, что масса иностранныхъ художниковъ,—которые въ обычный „салонъ" никогда бы не попали и которые были на выставкѣ только благодаря своимъ національнымъ жюри, гораздо болѣе снисходительнымъ, чѣмъ французскій,—вдругъ окажется hors concours и наводнитъ ежегодно „салонъ" своими дурными произведеніями, такъ какъ художникъ hors concours, по уставу общества художниковъ, имѣетъ право выставить двѣ вещи безъ разсмотрѣнія жюри. И общество художниковъ рѣшило не признавать за наградами на выставкѣ тѣхъ правъ, которыя присвоены „салоннымъ" наградамъ, что̀ было противно прецедентамъ. Но противъ этого многіе художники — и не изъ послѣднихъ—протестовали. Во главѣ ихъ былъ знаменитый Мейсонье, который на выставкѣ 1889 года былъ предсѣдателемъ жюри по живописи, и онъ рѣшилъ основать новое общество художниковъ, подъ названіемъ: „Société nationale des beaux arts", котораго онъ и сдѣлался пожизненнымъ предсѣдателемъ. Въ новое общество вошли всѣ самые выдающіеся живописцы, у которыхъ есть своя личность, своя оригинальная нота, какъ Пювисъ-де-Шаваннъ, Каролюсъ Дюранъ, Роль, Даньянъ-Буврэ, Жервексъ, Дюбюфъ, Бенаръ, скульпторы: Родэнъ, Энжальберъ, и, несмотря на названіе „nationale", въ него вошли почти всѣ иностранцы, во всякомъ случаѣ всѣ знаменитые, какъ англичанинъ Burm-Jones, американцы: Whistler, Dannat, Sargent, Harisson, датчанинъ Kröyer, скандинавы Thaulow, Hagborg, Zorn, голландцы Israëls и Mesday, и мн. др.

Новое общество устроило свой первый салонъ въ 1890 году—ровно черезъ годъ послѣ выставки и въ томъ самомъ „дворцѣ изящныхъ искусствъ", на Марсовомъ-Полѣ, который уцѣлѣлъ отъ нея потому, что жаль стало разрушить такой красивый дворецъ. Съ тѣхъ поръ вплоть до 1898 года въ Парижѣ устроивались ежегодно два „салона" въ отдѣльныхъ дворцахъ: одинъ во дворцѣ промышленности, въ Елисейскихъ-Поляхъ—обществомъ французскихъ художниковъ, а другой—во дворцѣ на Марсовомъ-Полѣ—новымъ обществомъ. И общества для краткости были прозваны въ публикѣ по мѣсту ихъ „салоновъ": общество Champ de Mars и общество Champs-Elysées.

Новое общество отвергло медали, но замѣнило ихъ двумя чинами:

associé и sociétaire. Ежегодно послѣ „салона“ они выбираютъ между художниками, которыхъ спеціальная коммиссія находитъ достойными, извѣстное число associés, а между associés—нѣсколько sociétaires. Послѣдніе—собственно члены общества; они имѣютъ право выставить безъ разсмотрѣнія жюри *десять* произведеній. Associé имѣетъ право только на одно произведеніе безъ жюри; остальныя же должны быть представлены на его разсмотрѣніе.

Соревнованіе между этими двумя обществами оказало самое благодѣтельное вліяніе на развитіе французскаго искусства въ послѣднія десять лѣтъ. Новое общество съ перваго же своего „салона“ основало въ немъ совершенно новый отдѣлъ искусства—отдѣлъ „художественныхъ предметовъ“ (objets d'arts), который сразу имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Въ этотъ отдѣлъ вошла цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ предметовъ, какъ мебель, драгоцѣнности, крашенныя стекла, фарфоръ, разные виды фаянса, издѣлія изъ кожи, переплеты, оригинальныя вышивки, словомъ, все, что носитъ печать художества. Общество поставило „художественные предметы“ на одинъ уровень съ живописью или скульптурой, и художники, посвящающіе себя исключительно такимъ предметамъ, могутъ быть и associés, и sociétaires. Этимъ нововведеніемъ положено было начало тому громадному развитію промышленнаго художества или художественной промышленности (art industriel или industrie d'art), которое явилось сначала во Франціи, а отсюда перешло въ другія страны и приняло, за послѣдніе годы, большіе размѣры вездѣ. Въ этомъ—главная заслуга общества Champ de Mars и заслуга неоцѣненная. Можно сказать, что главная новость въ искусствѣ за послѣднія десять лѣтъ и есть большое развитіе „художественныхъ предметовъ“. Бывали годы, когда этотъ отдѣлъ былъ самымъ интереснымъ, гдѣ глаза и мысль отдыхали послѣ изобилія картинъ. Общество Champs-Elysées не могло отстать отъ своего соперника. Чтобы удержать иностранцевъ, оно признало за наградами по выставкѣ права салонныхъ наградъ и, кромѣ того, оно тоже, года черезъ два, открыло у себя отдѣлъ художественныхъ предметовъ, подъ названіемъ „декоративнаго искусства“; но все-таки не уравнило его въ правахъ съ другими отдѣлами. Оба „салона“, которые дѣйствовали до нынѣшняго года, довольно характерно отличались одинъ отъ другого и по устройству, и по тенденціямъ. Въ Champ de Mars произведенія каждаго художника группировались вмѣстѣ, такъ что „салонъ“ состоялъ нѣкоторымъ образомъ изъ цѣлаго ряда маленькихъ выставокъ. Какъ частное общество, безъ правительственной субсидіи—оно ежегодно платило за свое помѣщеніе 30 тыс. фр.,—оно очень строго относилось къ произведеніямъ, которыя присылались въ его „салонъ“ посторонними художниками, и даже собственными associés; а

такъ какъ членовъ и associés сравнительно немного (207 чл. и 220 associés), то въ салонѣ оказывалось около 1500 картинъ (только масляными красками писанныхъ), очень хорошо разставленныхъ, которыя осмотрѣть было не трудно. Скульпторовъ тутъ еще меньше—четыре, правда, изъ самыхъ отборныхъ: Родэнъ, Далу, Энжальберъ и Сэнъ-Марсо,—такъ что всего произведеній скульптуры бывало около 150.

По тенденціямъ Champ de Mars представлялъ всегда все, что есть въ искусствѣ передовое, новѣйшее. Какъ только вы входили въ „салонъ", вы сразу чувствовали, что все новое—здѣсь. Чтобы быть принятымъ въ Champ de Mars, произведеніе должно хоть какой-нибудь стороной быть интереснымъ, носить хоть нѣкоторую печать оригинальности. Поэтому всѣ искатели новаго были въ Champ de Mars. Характерно то, что кромѣ Мейсонье, основателя общества, который вскорѣ умеръ (въ январѣ 1891 г.), въ обществѣ не было—и вѣроятно не будетъ—ни одного академика [1]).

Въ Champs Elysées, зато, были всѣ академики. Однѣхъ картинъ выставлялось больше двухъ тысячъ, несмотря на то, что каждый художникъ имѣетъ право только на два произведенія. И разставлялись онѣ такъ, что хорошія вещи утопали въ цѣлой массѣ никуда негодныхъ, и когда изъ этого хаоса, бывало, выберешься, то въ головѣ боль и путаница. Зато скульптура здѣсь была роскошная: громадное большинство выдающихся скульпторовъ—въ Champs Elysées. И здѣсь декоративное искусство часто представляло самое интересное, гдѣ глаза и мысль отдыхали. Разницу между двумя „салонами" особенно легко было отмѣтить въ послѣдніе два года, когда, за разрушеніемъ помѣщеній обоихъ „салоновъ", пришлось ихъ оба соединить въ „Машинной галереѣ". Правда, оба были отдѣлены одинъ отъ другого: залы были отдѣльные, а въ саду, гдѣ выставлялась скульптура, красивый портикъ отдѣлялъ одно общество отъ другого. Champ de Mars всегда отличался рѣдкимъ изяществомъ убранства залъ и сада: внутреннимъ устройствомъ „салона" завѣдывалъ лучшій въ Парижѣ художникъ-декораторъ по утонченности вкуса—г. Дюбюфъ, самъ членъ Champ de Mars и секретарь этого общества.

Въ нынѣшнемъ году одно только общество Champs-Elysées устроило свой „салонъ" недалеко отъ выставки—за „Домомъ Инвалидовъ"; въ Champ de Mars не сочли нужнымъ устроивать „салонъ".

---

[1]) „Академія художествъ" во Франціи есть собраніе художниковъ по каждому роду искусства: шесть скульпторовъ, шесть живописцевъ и шесть композиторовъ-музыкантовъ,—подобно тому какъ знаменитая „Французская академія" есть собраніе представителей литературы—„сорока безсмертныхъ".

III.

Художественный отдѣлъ на выставкѣ устроивается не отъ имени того или другого общества, а именемъ французскаго государства. Члены жюри для пріема хотя и были назначены администраціей, но они съ большой справедливостью распредѣлены были между обоими обществами. То же можно сказать и о назначенномъ уже жюри для распредѣленія наградъ. Всѣ произведенія распредѣлены въ четыре класса: живопись, картины и рисунки (7-й классъ въ общей классификаціи предметовъ на выставкѣ); гравюры и литографія (8-й классъ); скульптура, медальёрное искусство и рѣзьба на драгоцѣнныхъ камняхъ (9-й классъ); архитектура (10-й классъ). „Отдѣла художественныхъ предметовъ“ не устроили, и объ этомъ можно пожалѣть. Этотъ отдѣлъ отнесли къ художественной промышленности, сосредоточенной на Эспланадѣ Инвалидовъ.

Только въ столѣтней выставкѣ устроенъ такой отдѣлъ „художественныхъ предметовъ“, и выставлено тамъ дѣйствительно очень много интересной мебели и вещицъ изъ временъ, главнымъ образомъ, имперіи и реставраціи. Внутреннимъ устройствомъ французскаго отдѣла живописи завѣдывали два члена общества Champ de Mars, Дюбюфъ и Давантъ, и по организаціи этотъ отдѣлъ дѣйствительно напоминаетъ „салонъ“ этого общества: залы прежде всего необыкновенно пріятно поражаютъ вкусомъ ихъ убранства. Краска матеріи, которою обиты стѣны—темная, слабо-зеленая или темно-малиновая—не рѣжетъ глазъ и не убиваетъ картинъ, а картины развѣшены такъ, какъ онѣ развѣшивались въ Champ de Mars: произведенія каждаго художника собраны вмѣстѣ и образуютъ отдѣльную небольшую выставку, которая часто занимаетъ всю стѣну небольшого зала. Все пространство, особенно въ верхнемъ этажѣ, разбито на множество сравнительно небольшихъ залъ, доставляющихъ необходимое для хорошаго разсмотрѣнія картинъ уединеніе.

Жюри по пріему живописи, также по картонамъ и рисункамъ,—въ который вошли всѣ свѣтила этого искусства,—рѣшилъ, что каждый изъ его членовъ будетъ имѣть право выставлять восемь произведеній. Это право было распространено на нѣкоторыхъ другихъ художниковъ, членовъ разныхъ коммиссій по выставкѣ; такъ что оказалось около ста живописцевъ, имѣвшихъ каждый право на восемь произведеній, какой бы величины эти произведенія ни были. Такимъ образомъ, для живописцевъ, непричастныхъ къ выставкѣ, оказалось мало мѣста. Есть тутъ художники, члены въ Champ de Mars, которые тамъ ежегодно выставляли по десяти новыхъ произведеній и отъ которыхъ приняли

только одну картину. Но зато и выборъ роскошный: дурныхъ вещей здѣсь нѣтъ.

Какъ мы уже имѣли случай объяснить, французскій художественный отдѣлъ раздѣленъ на двѣ части: столѣтнюю выставку—въ западномъ крылѣ Большого дворца — отъ первой имперіи и до 1889 года включительно; и десятилѣтнюю выставку—для произведеній, созданныхъ со времени прошлой выставки—въ главномъ зданіи этого дворца.

Осмотрѣть тщательно все, что выставлено въ Большомъ дворцѣ, значитъ познакомиться со всѣми новѣйшими выраженіями искусства нашего отходящаго вѣка. Изучить французскую столѣтнюю выставку, перейти медленно отъ классиковъ Давида и Энгра черезъ романтиковъ Жерико (Géricault), Делакроа, реалиста Курбэ къ послѣднимъ импрессіонистамъ Манэ, Монэ, Писсаро и Ренoару (Renoir—не смѣшивать съ Renouar)—значитъ пріобрѣсти представленіе о ходѣ развитія живописи въ XIX вѣкѣ во Франціи или въ мірѣ вообще. Ибо въ XIX вѣкѣ только во Франціи живопись имѣетъ исторію, и въ исторіи человѣчества однимъ изъ многихъ другихъ неотъемлемыхъ правъ Франціи на вѣчную славу—будетъ созданная ею школа изящныхъ искусствъ. Ибо то, что мы говоримъ о живописи, съ такимъ же основаніемъ примѣняется къ скульптурѣ. И въ другихъ странахъ были отдѣльные великіе, иногда даже геніальные художники, какъ Фортуни въ Испаніи, Макартъ, Менцель, Ленбахъ въ Германіи, Торвальдсенъ въ Даніи; но подобно тому, какъ одинъ или два даже великихъ писателя не составляютъ литературы, такъ отдѣльные художники не составляютъ школы. Школу искусствъ, т.-е. нѣчто цѣльное, живое, само собою развивающееся безъ подражанія и идущее впередъ, въ XIX вѣкѣ создала только Франція.

Для любителей искусства, могущихъ побывать въ Парижѣ — это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ увидѣть въ одномъ мѣстѣ выдающіяся произведенія всѣхъ художниковъ нашего вѣка. И начать осмотръ нужно именно съ французскаго столѣтняго отдѣла.

Такой же столѣтній отдѣлъ устроенъ былъ и въ 1889 году. И мы можемъ сказать, что если въ нѣкоторыхъ частяхъ нынѣшній столѣтній отдѣлъ по выставленнымъ картинамъ нѣсколько слабѣе тогдашняго,—напр., изъ большихъ картинъ Давида тогда была знаменитая „Коронація“ Наполеона I-го, а теперь—„Раздача знаменъ“—гораздо худшая; Делакроа тогда представленъ былъ также болѣе блестящими произведеніями, какъ, напр., „Сраженіемъ при Тальбургѣ“—зато отдѣлъ такъ хорошо сгруппированъ, такъ хорошо классифицированъ, что не нуждается въ каталогѣ, который, впрочемъ, на-дняхъ появился. Произведенія одного художника собраны вмѣстѣ въ одну группу, и если иногда, за недостаткомъ или во избѣжаніе по-

тери мѣста, пришлось какія-нибудь произведенія отдѣлить отъ общей группы,—они въ томъ же залѣ по близости, и ихъ легко найти. Слабость нѣкоторыхъ отдѣловъ происходитъ отъ того, что въ принципѣ рѣшено было не выставлять ни одного изъ произведеній, которыя являлись въ 1889 году. Поэтому для Давида или Делакроа пришлось бы взять въ музеяхъ произведенія болѣе выдающіяся, чѣмъ тогда; напр., могли бы взять въ Луврѣ „Похищеніе Сабинокъ" Давида и „Вступленіе крестоносцевъ въ Константинополь" Делакроа—его chef d'oeuvre; но опорожнять Лувръ было нежелательно. Поэтому пришлось удовольствоваться нѣсколько менѣе извѣстными произведеніями знаменитаго классика и главы романтизма. Зато новѣйшіе, особенно импрессіонисты, представлены самыми лучшими и самыми знаменитыми произведеніями.

Въ устройствѣ этого отдѣла приняли участіе не одни только государственные или городскіе музеи. Масса частныхъ коллекціонеровъ дала свои картины на все время выставки. Въ каталогѣ указаны собственники фигурирующихъ здѣсь картинъ, статуй и вещицъ.

IV.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію, хотя очень краткому, художественнаго отдѣла, не лишнее будетъ указать, какіе теперь во Франціи—а всѣми признано, что Франція въ искусствѣ стоитъ въ настоящее время на высотѣ недосягаемой — господствуютъ взгляды на задачи искусства и съ какой точки зрѣнія современные серьезные критики судятъ о произведеніяхъ художества. И тутъ, по нашему мнѣнію, на первомъ планѣ слѣдуетъ выяснить, что сюжетъ, тема въ живописи или скульптурѣ *никакого значенія* не имѣетъ: громкій сюжетъ можетъ иногда даже помѣшать хорошему исполненію. Здѣсь это— давно избитая истина. Никогда вы не услышите отъ французскаго любителя искусства, или отъ художника, какія-нибудь возраженія относительно сюжета произведенія. Но, насколько мы могли замѣтить, у образованныхъ русскихъ людей, даже у нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, сюжетъ еще играетъ довольно важную роль. Они не подозрѣваютъ, что они „отстаютъ" на цѣлые полвѣка. Въ началѣ нынѣшняго вѣка и до конца пятидесятыхъ годовъ господствовало мнѣніе, что живописецъ, достойный этого званія, долженъ писать историческіе сюжеты; иначе онъ—художникъ низшей категоріи. Высокая живопись должна была передавать красками философскую или поэтическую идею или историческое событіе. Живопись сводилась къ иллюстраціи красками историческихъ фактовъ или чисто литературныхъ, главнымъ обра-

зомъ философскихъ идей, и картина безъ громкаго сюжета рисковала пройти незамѣченной, какъ дурно задуманная, не-серьезная. Мнѣніе это во Франціи сохранилось отъ знаменитаго Пуссэна, главнаго основателя литературной живописи. Нѣмцы въ началѣ нынѣшняго вѣка пошли еще дальше. Дюссельдорфская школа прямо заявила, что живописью должно проповѣдовать нравственность, новѣйшую философію, и представители этой школы, Корнеліусъ и Овербекъ, дошли до того, что, считая *идею* важнѣйшимъ элементомъ картины, они на самую живопись смотрѣли какъ на вещь второстепенную и часто поручали раскрашиваніе картинъ простымъ рабочимъ, сами же только рисовали свои картоны. Но уже въ началѣ нынѣшняго вѣка эта теорія встрѣтила отпоръ со стороны знаменитыхъ основателей новѣйшаго пейзажа, Коро, Руссо, Добиньи и др., и совершенно была отвергнута и окончательно отброшена реалистами.

И нынѣ вполнѣ установленъ такой взглядъ: сюжетъ въ живописи никакого значенія не имѣетъ—все равно, что сюжетъ въ музыкѣ или слова въ пѣніи. Кто изъ истинныхъ любителей музыки, входя въ концертный залъ, гдѣ исполняется интересная музыкальная пьеса, подумаетъ о ея сюжетѣ или, услыша пѣніе, справится о словахъ? Его плѣнитъ только сама музыка, т.-е. звуковая гармонія, мелодія, а не сюжетъ и не слова, которыхъ онъ можетъ и не разслышать или даже не понимать, если слова иностранныя. Сюжетъ можетъ быть самый громкій, а музыка не важная. Симфонія — самая высокая форма музыки—почти всегда безъ сюжета. Да кто думаетъ о сюжетѣ при исполненіи симфоніи Бетховена даже съ самымъ громкимъ названіемъ? То же самое можно сказать и о художественныхъ произведеніяхъ литературы. Развѣ фабула романа интересна, т.-е. сюжетъ? Нисколько. Интересно, какъ сюжетъ развитъ, всѣ *характерныя* детали, дѣлающія то, что люди живы, что сцены интересны и пейзажи рисуются передъ вами какъ въ натурѣ. Фабулу, т.-е. сюжетъ, можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ, и еслибы пришлось прослушать фабулы большого числа романовъ, то въ концѣ стало бы, вѣроятно, скучно слушать: онѣ оказались бы похожими одна на другую, почти повтореніемъ одного и того же разсказа. Сюжетъ—только предлогъ для хорошихъ воспроизведеній жизни и природы. Громкость или обширность сюжета также не имѣютъ никакого значенія. У писателя можетъ быть одно произведеніе съ очень громкимъ, очень обширнымъ сюжетомъ, которое по художественному достоинству будетъ ниже другого, съ сюжетомъ весьма скромнымъ. По нашему мнѣнію, напр., „Война и Миръ“ несмотря на громкость сюжета, на обширность произведенія, на историческія событія, которыя оно описываетъ, на философію, которую авторъ развиваетъ, ниже скромныхъ „Казаковъ“ того же автора.

И это, впрочемъ, не одно наше мнѣніе,—его высказываетъ въ своей перепискѣ И. С. Тургеневъ, который въ искусствѣ кое-что понималъ. Романъ, повѣсть, драматическое произведеніе съ соціальными или философскими тенденціями могутъ быть художественными произведеніями не потому, что они проповѣдуютъ тѣ или другія идеи, а вопреки тому, что они проповѣдуютъ философію или соціологію. Тенденціи мѣняются во времени и въ пространствѣ, а искусство—вѣчно. „Смерть Ивана Ильича“ и „Крейцерова Соната“ носятъ печать великаго художника, несмотря на философію, которую авторъ проповѣдуетъ, особенно въ послѣдней, и съ которой мы вправѣ не соглашаться. Произведенія эти художественны потому, что люди, характеры—написаны нѣсколькими сильными штрихами такъ, что они выступаютъ передъ вами живыми, что сцены выбраны интересныя,—а до философіи намъ дѣла нѣтъ, какъ нѣтъ дѣла до того, что̀ авторъ говоритъ о наукѣ и особенно о медицинѣ, гдѣ онъ положительно васъ обезоруживаетъ наивностью своихъ сужденій.

Интересно отмѣтить, что образованные французы совершенно иначе оцѣниваютъ художественно-литературное произведеніе, чѣмъ образованный русскій человѣкъ. Французъ заинтересуется только художественной стороной произведенія, психологіей выведенныхъ лицъ, но тенденціи или философія, если таковыя имѣются въ произведеніи, его не затрогиваютъ. Споры о томъ, хорошо или дурно поступаетъ Базаровъ, или другой герой романа, для него немыслимы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я захотѣлъ познакомить очень образованную французскую семью съ произведеніями Тургенева и далъ ей „Дворянское Гнѣздо“, въ переводѣ хорошемъ. Черезъ нѣсколько дней, я нашелъ семью въ восторгѣ: „Вотъ чистое искусство, настоящая соната Шумана, гдѣ начальный мотивъ возвращается въ концѣ нѣсколько измѣненнымъ, меланхоличнымъ“. Разумѣется, славянофильство Лаврецкаго и западничество его собесѣдника отъ французовъ совершенно ускользнули, и они увидѣли въ романѣ только произведеніе чистаго искусства, и между тѣмъ ихъ поразила самая, такъ сказать, композиція романа.

Что̀ мы сказали о музыкѣ и о художественной литературѣ, примѣняется вполнѣ къ живописи. Сюжетъ въ живописи или скульптурѣ—только *предлогъ* для гармоническихъ красокъ, формъ и линій. Такъ сюжетъ понимали древніе; такъ его понимали знаменитые итальянцы эпохи возрожденія; такъ его понимали голландцы, и такъ его понимаютъ новѣйшіе французы. Поль Веронезе въ знаменитой картинѣ „Свадьба въ Канѣ“ (въ Луврѣ) воспользовался сюжетомъ только для того, чтобы показать себя великолѣпнымъ колористомъ и декораторомъ: всѣ присутствующіе на свадьбѣ одѣты въ

живописные, современные художнику, венеціанскіе костюмы, что очевидно, совершенно противно и исторіи, и даже традиціи. Для Рафаэля всѣ самые громкіе религіозные сюжеты были только предлогами для большихъ, сильныхъ композицій. Нѣкоторые нѣмцы по поводу „Аѳинской Школы" вздумали восторгаться ученостью Рафаэля и усмотрѣли въ картинѣ исторію философіи. Но оказалось, что Рафаэль вовсе не былъ такимъ ученымъ, что вся историческая сторона картины, т.-е. просто знаніе, что тѣ или другія лица существовали, принадлежитъ какому-то итальянскому монаху. А Рафаэль просто воспользовался сюжетомъ, чтобы написать большую композицію съ большимъ числомъ фигуръ, извѣстнымъ образомъ одѣтыхъ и гармонически сгруппированныхъ въ дорическомъ храмѣ.

У знаменитыхъ голландцевъ семнадцатаго вѣка картины безъ сюжетовъ, и, что интересно, судя по картинамъ самыхъ знаменитыхъ тогдашнихъ голландцевъ, можно подумать, что въ семнадцатомъ вѣкѣ все было тихо, мирно, спокойно,—между тѣмъ этотъ вѣкъ для Голландіи почти весь прошелъ во внѣшнихъ войнахъ и внутреннихъ междоусобіяхъ. На живописи это почти вовсе не отразилось; какъ будто живописцы исторіей своей страны нисколько не интересовались. Они писали портреты своихъ знаменитыхъ людей, спокойныя, а иногда даже довольно скабрёзныя бытовыя сцены, спокойные пейзажи.

То же почти можно было бы сказать и о современныхъ французахъ, и у нихъ историческая живопись—въ опалѣ. Мы уже одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1889 году, указывали на тотъ фактъ, что, несмотря на годовщину извѣстныхъ событій, которую знаменовала прошлая выставка, въ тогдашнемъ „салонѣ" не было ни одной картины, которая бы намекала на эти событія. То же можно повторить и даже дополнить теперь: опала на историческую живопись не только продолжается, но даже какъ будто усиливается. За исключеніемъ трехъ или четырехъ картинъ, заказанныхъ государствомъ въ ознаменованіе нѣкоторыхъ событій, и которыя относятся къ живописи не перваго сорта,—почти ни одинъ изъ большихъ художниковъ не написалъ исторической картины. Политическія или соціальныя событія послѣднихъ десяти лѣтъ на искусствѣ нисколько не отразились.

„Художники французскіе довели технику до большого совершенства"—это совершенно вѣрно. Но подъ техникой они подразумѣваютъ умѣнье владѣть красками такъ, чтобы возможно вѣрнѣе, возможно искреннѣе воспроизвести жизнь и природу и воспроизвести средствами наиболѣе простыми. Живопись есть гармонія красокъ, подобно тому, какъ музыка есть гармонія звуковъ. Что та и другая могутъ вызвать въ насъ тѣ или другія думы—это несомнѣнно; но художникъ долженъ

заботиться только о лучшей гармоніи, а не о сюжетѣ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ живописцевъ, американецъ Whistler часто называетъ свои картины просто: „Гармонія въ сѣромъ", „Гармонія въ розовомъ". Эти „гармоніи" были просто портреты молодыхъ женщинъ. Была также марина подъ названіемъ: „Гармонія въ зеленомъ".

V.

Внутренность зданія, гдѣ помѣщается столѣтняя выставка, представляетъ самое красивое по архитектурѣ во всемъ дворцѣ. Круглый вестибюль въ два свѣта подъ стеклянныимъ куполомъ; съ одной стороны—двери на подъѣздъ по Avenue d'Antin, а съ противоположной стороны—не очень свѣтлый проходъ по поперечной галереѣ въ большой нефъ. Кругомъ вестибюля—красивыя колонны съ бронзовыми украшеніями, а въ немъ разставлены статуи, хорошо освѣщенныя сверху. На уровнѣ второго этажа—круглая открытая галерея. Изъ вестибюля съ двухъ сторонъ—сѣверной и южной—невысокая лѣстница въ 12 ступеней ведетъ въ широкій, полукруглый портикъ, изъ котораго расходятся въ сѣверо-южномъ направленіи (или наоборотъ, смотря по сторонѣ) три параллельные зала. Изъ средняго, самаго широкаго, продолженія портика, подъ стеклянныимъ сводомъ—лѣстница ведетъ въ залы второго этажа.

Всѣ эти залы заняты картинами, статуями, мебелью, относящимися къ столѣтней выставкѣ французскаго искусства. Въ залахъ этихъ вы дѣйствительно чувствуете себя точно въ какомъ-то храмѣ искусства. Произведенія, особенно картины, распредѣлены по школамъ и до нѣкоторой степени въ хронологическомъ порядкѣ. Сѣверная половина нижняго этажа посвящена эпохѣ Первой имперіи и классикамъ. Но здѣсь же являются очень интересныя картины, написанныя въ началѣ нынѣшняго вѣка художниками, которыхъ бо́льшая часть дѣятельности относится къ прошлому вѣку. Таковы картины знаменитыхъ Прудона и Грёза. Замѣчательно то, что манера Прудона уже напоминаетъ не современныхъ ему классиковъ школы Давида, а скорѣе романтиковъ: контуры его фигуръ не очерчены рѣзко, а какъ бы окутаны окружающимъ воздухомъ".

Давидъ представленъ здѣсь семью портретами, изъ которыхъ особенно интересны портретъ знаменитой художницы Виже-Лебрёнъ въ греческомъ костюмѣ и портретъ одной женщины. Несмотря на свой громадный талантъ, какъ портретиста, Давидъ считалъ, что главная задача живописца—историческая живопись съ древне-классическимъ

содержаніемъ. На просьбу Веллингтона написать его портретъ, Давидъ гордо отвѣтилъ: „Я пишу только исторію".

Въ сосѣднемъ залѣ двѣ стѣны заняты произведеніями Энгра. Будучи профессоромъ живописи, онъ проповѣдовалъ, что „нужно изучать природу при помощи древнихъ и Рафаэля". Выставленные здѣсь портреты нарисованы безподобно: контуры всѣ точно очерчены, линіи всѣ вычищены, такъ, чтобы не было въ лицахъ никакихъ недостатковъ. Но лица безцвѣтныя, плоскія, сухія и нѣкоторыя фигуры, и особенно руки, носятъ печать его рабскаго подражанія Рафаэлю. Одинъ только портретъ—герцогини Брольи, въ которомъ шолкъ платья и руки написаны мастерски—отлично сохранился и рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ. Энгръ былъ человѣкъ системы и, какъ таковой, страшный педантъ и необыкновенно высокаго о себѣ мнѣнія. Будучи однажды свидѣтелемъ на свадьбѣ, онъ, во время гражданскаго брака (предшествующаго религіозной церемоніи), на вопросъ писца о его профессіи — удивился, что писецъ могъ не узнать его по фамиліи, и со злобой отвѣтилъ: „Первый живописецъ по исторіи". Весь его педантизмъ отразился на его произведеніяхъ: бòльшая часть его портретовъ до того сухи, что лица кажутся педантическими. Но Энгръ былъ великимъ рисовальщикомъ, и выставленные въ одномъ залѣ его рисунки карандашомъ выше его картинъ, писанныхъ красками. Таково общее мнѣніе теперь.

На южной сторонѣ, въ нижнемъ же этажѣ, въ залѣ, освѣщенномъ боковыми окнами, выставлены картины знаменитаго Делакроа. Ихъ тутъ шестнадцать, изъ не очень большихъ. При первомъ взглядѣ на нихъ даже издали, не видя даже сюжета, вы чувствуете необыкновенную гармонію въ краскахъ. Когда же вы подходите ближе и вглядываетесь, то сразу видите разницу между его манерой писать и манерой Энгра. Краски широкими мазками положены рядомъ такъ, что онѣ соприкасаются, но не слиты, онѣ сливаются на извѣстномъ разстояніи въ глазу, и благодаря этому, краски сохраняютъ свѣжесть и энергію. Рисунокъ Делакроа не составляется, какъ у классиковъ, у Энгра, напр.,—рѣзко обозначенными, нѣсколько жесткими линіями, а линіями легкими, какъ бы носящимися въ воздухѣ; контуры нѣсколько неопредѣленные, окутаны воздухомъ;—все это дѣлаетъ рисунокъ живымъ. Делакроа первый даетъ *впечатлѣніе* не изолированныхъ предметовъ, а впечатлѣніе предметовъ съ окружающимъ ихъ воздухомъ. Въ этомъ отношеніи Делакроа остается отцомъ всей новѣйшей живописи. Новѣйшіе только немного усовершенствовали его способъ. Какъ колористъ, онъ до сихъ поръ неподражаемъ по необыкновенной гармоніи своихъ красокъ; а поэты сороковыхъ годовъ сравнивали его картины съ мелодіями Вебера.

Делакроа, кромѣ своего великаго значенія какъ художника, останется одной изъ интереснѣйшихъ фигуръ нашего вѣка. При жизни онъ считался главой романтиковъ въ искусствѣ. Но какъ человѣкъ, онъ ничего общаго не имѣлъ съ тѣмъ представленіемъ, которое создалось о типѣ романтика. Одинъ изъ его біографовъ, который былъ и однимъ изъ его друзей—поэтъ Бодлэръ—говоритъ, что Делакроа представлялъ смѣсь скептицизма, сильной воли, хитрости, деспотизма и вѣжливости. Любопытно то, что онъ, глава романтиковъ въ живописи, не любилъ Виктора Гюго—главы романтиковъ въ литературѣ, который, правда, отвѣчалъ такой же нелюбовью. Этотъ фактъ, повидимому, сбивалъ съ толку ихъ современниковъ, и Бодлэръ старается доказать, что романтикомъ настоящимъ былъ не Гюго, а Делакроа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появился въ свѣтъ дневникъ Делакроа, и оказалось, что онъ съ большимъ презрѣніемъ высказывается о школахъ вообще и романтизмѣ въ частности; по крайней мѣрѣ онъ высказываетъ мнѣнія, идущія совершенно въ разрѣзъ съ теоріями романтиковъ „о прекрасномъ". Онъ къ этому „прекрасному" относится такъ же скептически, какъ къ великимъ идеямъ о прогрессѣ и т. п. По теоріи, которую онъ высказываетъ, онъ даже очень близко стоитъ къ классикамъ. Онъ не говоритъ, что нужно *исправлять* природу, а что нужно ее *интерпретировать* согласно своему темпераменту; что воображеніе художника должна играть самую главную роль. Очевидно, онъ по теоріи немногимъ отличается отъ классиковъ, которые *исправляли* природу. Делакроа поэтому не любитъ реалиста Курбэ, въ которомъ онъ признаетъ большія достоинства, но считаетъ его фотографомъ, за то, что онъ рабски копируетъ природу.

Одинъ изъ біографовъ Делакроа говоритъ, что у Делакроа не могло быть учениковъ, что онъ на первомъ же урокѣ объявилъ бы имъ, какъ первый принципъ: „будьте геніями"; а второй принципъ—„чтобы сдѣлаться хорошимъ художникомъ, надо прежде всего имъ быть". У него, дѣйствительно, нѣтъ учениковъ, зато есть подражатель Шассеріо, котораго произведенія выставлены въ томъ же залѣ на противоположной стѣнѣ, да еще подъ тремя интереснѣйшими этюдами самого Делакроа. Съ перваго взгляда вамъ кажется, что эти Шассеріо (Chassériau)—произведенія Делакроа. Но въ верхнемъ этажѣ у Шассеріо есть часть фреска, сохранившаяся на одной изъ стѣнъ Cour des comptes послѣ пожара во время коммуны. И фрескъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ какъ будто есть уже намекъ на будущія произведенія знаменитаго Пювисъ-де-Шаванна.

Въ слѣдующемъ залѣ интересенъ Курбэ, какъ первый представитель реализма. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя его картины сильно потемнѣли. Отъ Делакроа онъ не столько отличается манерой рисовать

или писать, какъ выборомъ сюжетовъ. Курбэ пишетъ настоящую природу, жизнь, и вы чувствуете въ немъ необыкновенную силу. Рядомъ здѣсь нѣкоторыя произведенія Миллэ—поэта крестьянъ и крестьянскаго труда. Самое интересное представляетъ крестьянку, которая держитъ на колѣняхъ маленькаго ребенка и дуетъ на ложку съ горячимъ супомъ, которую она готовится ему поднести. У Миллэ крестьяне всегда необыкновенно симпатичные, нѣсколько идеализированные. Интересно, что въ этомъ его упрекалъ Делакроа—самъ могучій идеализаторъ.

Въ слѣдующихъ залахъ мы входимъ въ новый міръ, въ родину французскаго пейзажа и новѣйшаго пейзажа вообще—пейзажа нашего вѣка. На первомъ планѣ—Коро, который съ Делакроа раздѣлитъ славу новатора. Делакроа обновилъ и усовершенствовалъ колоритъ; Коро нашелъ то, что французы называютъ „les valeurs", т.-е. соотношенія между интенсивностью красокъ и ихъ оттѣнковъ, благодаря которымъ ловкій мастеръ даетъ вамъ впечатлѣніе полнаго, ослѣпительнаго солнечнаго свѣта [1]).

Коро и Делакроа были ровесники и другъ друга очень любили. Коро—одинъ изъ немногихъ, о которомъ Делакроа въ своемъ дневникѣ отзывается съ восторгомъ. Но тогда какъ Делакроа съ первой же картины признанъ былъ за великаго художника—признанъ былъ въ 1822 г. знаменитымъ Тьеромъ, который тогда былъ художественнымъ критикомъ въ „Constitutionnel",—Коро пришлось долго мытарствовать, и признанъ онъ былъ уже на старости лѣтъ.

Онъ началъ съ „историческаго пейзажа", въ которомъ все было искусственно составлено: деревья, вода, интересный греческій храмъ вдали, а для оживленія всего—фигуры, непремѣнно вызывающія нравственныя мысли.

Мало-по-малу, несмотря на насмѣшки товарищей, онъ сталъ писать настоящую природу, которую онъ находилъ интереснѣе условной, классической, хотя все-таки считалъ еще нужнымъ оживлять ее человѣческими фигурами. И выработалъ онъ изъ себя необыкновеннаго мастера. Мастерство его заключается въ томъ, что онъ умѣетъ быть колористомъ съ очень небольшой гаммой тоновъ, благодаря необыкновенному умѣнью владѣть соотношеніями красокъ.

Его пейзажи съ перваго взгляда кажутся сѣрыми; но чѣмъ больше вы всматриваетесь, тѣмъ больше вы чувствуете, съ какой силой онъ передаетъ впечатлѣніе свѣтлой обширной природы. Тутъ, напр., вы-

---

[1]) Года два тому назадъ, одинъ художникъ выставилъ въ Champ de Mars шесть этюдовъ полнаго солнца сквозь деревья—такъ положительно ослѣпляло до того, что смотрѣть нельзя было.

ставленъ пейзажъ, изображающій человѣка въ лодкѣ на водѣ, закинувшаго удочку. Весь пейзажъ почти сѣрый, чуть-чуть протертъ зеленымъ, нѣсколько коричневымъ. И получается вода зеркальная, необыкновенно прозрачная, хотя совершенно спокойная.

Выставлено также нѣсколько портретовъ, написанныхъ Коро,—интересныхъ въ томъ отношеніи, что они написаны совершенно но новѣйшему жанру, нѣсколько напоминаютъ манеру импрессіониста Манэ.

Далѣе цѣлый рядъ залъ съ пейзажами Руссо, Діаза, Добиньи, Франсэ и всей „барбизонской школы" [1]. Всѣ они изображаютъ настоящую природу, только каждый беретъ въ ней то, что̀ ему болѣе по душѣ: Руссо—лѣсъ, большія аллеи, пейзажи меланхолическіе, нѣсколько туманные; Троайонъ пишетъ зеленые луга со стадами овецъ, съ коровами... Для этихъ художниковъ природа—не *словарь*, какъ говаривалъ Делакроа, въ которой нужно брать только слова для составленія фразъ, т.-е. для большой композиціи,—а уже сама даетъ готовые сюжеты, и очень интересные, поэтическіе; достаточно только ихъ вѣрнѣе, искреннѣе передать. Разумѣется, каждый невольно передаетъ со свойственнымъ одному ему чутьемъ, подобно тому какъ каждый разсказчикъ, даже самый безпристрастный историкъ, невольно разскажетъ исторію по-своему. Но это не мѣшаетъ имъ быть вѣрными природѣ.

VI.

Отъ реалистовъ нужно прямо перейти въ верхній этажъ, въ тѣ залы, гдѣ выставлены: въ одномъ—самые выдающіеся современные художники—произведеніями, относящимися къ столѣтней выставкѣ, т.-е. написанными до 1889 г., но все художники изъ Champ de Mars, т.-е. „послѣдній крикъ",—а въ сосѣднемъ залѣ—всѣ отборные импрессіонисты: Манэ, Монэ, Писаро, Сизле́ и Реноаръ, т.-е. „самый послѣдній крикъ".

Чтобы быть безпристрастнымъ, слѣдуетъ отмѣтить, что организаторъ столѣтней выставки, очевидно, очень сочувственно относится и къ „новѣйшимъ" изъ Champ de Mars—къ Ролю, Бенару, Карьеру, Жервексу, Дюбюфу и не менѣе сочувственно относятся къ импрессіонистамъ, которые представлены здѣсь самыми лучшими своими произведеніями—какихъ нигдѣ не увидите въ такомъ сборѣ. Но за это ихъ слѣдуетъ похвалить: они хотѣли наглядно выставить исторію

---

[1]) Barbizon—деревья въ фонтэнблоскомъ лѣсу, гдѣ эти художники жили и работали.

живописи, и представили ее, какъ слѣдуетъ, въ хронологическомъ ходѣ развитія: классиковъ, романтиковъ, реалистовъ и импрессіонистовъ.

Въ залѣ импрессіонистовъ, при первомъ даже очень поверхностномъ осмотрѣ картинъ, невольно испытываешь очень сильное впечатлѣніе: чувствуешь жизнь,—до того сильно и искренно они передаютъ впечатлѣніе природы и жизни. Даже тѣ, которые входятъ сюда съ предубѣжденіями противъ импрессіонизма, сознаются, что то, что̀ выставлено—вполнѣ хорошо: пейзажи свѣтлые, прозрачные, полные воздуха; вода живетъ; лица—у Манэ или Реноара—живутъ. Только у нихъ нѣтъ почти рисунка, т.-е. нѣтъ опредѣленныхъ контуровъ, нѣтъ граничащихъ линій: они передаютъ *впечатлѣніе,* т.-е. рисуютъ по-своему, красками, положенными такъ, что на нѣкоторомъ разстояніи вы получаете живое впечатлѣніе природы и жизни. Кто-нибудь, можетъ быть, подумаетъ, что это какіе-нибудь молодые люди выдумали такъ писать, какія-нибудь горячія головы. Ничуть. Манэ, основатель импрессіонизма—такимъ по крайней мѣрѣ, онъ считается—умеръ, 17 лѣтъ тому назадъ, пятидесяти лѣтъ; Сизлѐ умеръ въ прошломъ году шестидесяти лѣтъ; Монэ теперь больше шестидесяти лѣтъ; Писсаро семьдесятъ лѣтъ, а Ренуару—60-й годъ [1]). Значитъ, всѣ эти импрессіонисты—современники не только реалистовъ, но даже романтиковъ и классиковъ.

Такимъ образомъ съ самаго начала нашего вѣка живопись стремилась найти способы, чтобы вѣрнѣе и искреннѣе передать впечатлѣнія природы и жизни. Делакроа и Коро нашли эти способы; Курбэ, Миллэ и новѣйшіе импрессіонисты ихъ усовершенствовали. И однимъ, даже главнымъ изъ пріобрѣтеній живописи за послѣднія десять лѣтъ и есть оффиціальное признаніе импрессіонизма.

VII.

Когда, послѣ осмотра столѣтняго отдѣла, вы обходите залы десятилѣтней выставки, то, даже послѣ поверхностнаго осмотра, легко сдѣлать нѣсколько общихъ соображеній. Прежде всего—полное отсутствіе школъ. Тамъ, въ столѣтней, строгое раздѣленіе на школы: классики (Давидъ, Энгръ и ихъ послѣдователи), романтики (Жерико, Делакроа и ихъ подражатели), реалисты, импрессіонисты; тутъ—ничего этого нѣтъ: школы исчезли; остались только оригинальные, самобытные художники. Самобытность, оригинальность, выработка и сохраненіе собственной личности—таковы характерныя стремленія совре-

---

[1]) Свѣдѣнія изъ оффиціальнаго каталога.

менныхъ французскихъ художниковъ, и въ этомъ—счастіе французскаго искусства и залогъ его будущихъ успѣховъ.

Въ оффиціальномъ каталогѣ обыкновенно при имени художника указаны его учителя, которые почти всѣ сами тутъ же еще выставляютъ. И васъ поражаетъ то, что ученики, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рѣшительно ничѣмъ не напоминаютъ своихъ учителей. Роль по каталогу значится ученикомъ Бонна̀ и Жерома, но нѣтъ ни малѣйшаго сходства между ученикомъ и учителями. То же можно сказать о Коттэ, который значится ученикомъ Пювисъ-де-Шаванна и Роля, и т. д. Французскіе учителя всячески заботятся о томъ, чтобы сохранить оригинальность въ своихъ ученикахъ, если только она у нихъ сколько-нибудь проявляется; а если ея нѣтъ, то они обыкновенно такими учениками не интересуются. И это не только въ искусствѣ,—то же самое происходитъ и въ наукѣ: французскіе профессора даютъ своимъ ученикамъ образованіе, но очень рѣдко укажутъ имъ тему для собственной работы, для диссертаціи, напр. Это самъ ученикъ долженъ себѣ найти; онъ самъ долженъ заинтересоваться какимъ-нибудь вопросомъ, а тамъ, уже совѣтовъ при работѣ—сколько угодно.

Мы, однако, вовсе не хотимъ сказать, чтобы между французскими художниками не было подражателей. Ихъ даже много, и у каждаго свѣтила—свои. Обыкновенно, если въ годичномъ „салонѣ“ замѣчаешь какую-нибудь новую манеру, которая нравится публикѣ, то можно быть увѣреннымъ, что въ „салонѣ“ будущаго года эта манера расплодится. Только этихъ подражателей почти нѣтъ на выставкѣ. И парижанинъ, слѣдящій за „салонами“, сразу замѣтитъ, что строгость жюри, принимавшаго произведенія, выразилась именно въ томъ, что онъ выдѣлилъ почти всѣхъ подражателей и оставилъ художниковъ исключительно оригинальныхъ. Школъ нѣтъ, но реализмомъ проникнуты всѣ въ томъ смыслѣ, что каждый живописецъ старается передать жизнь такъ, какъ онъ ее видитъ, какъ онъ ее чувствуетъ, не руководствуясь никакими теоріями.

Другое общее впечатлѣніе, это—разнообразіе большинства французскихъ живописцевъ. Они не спеціализируются, и почти каждый пишетъ и фигуры—портреты, жанръ,—и пейзажи, и марины. Это тѣмъ легче замѣтить, что произведенія каждаго художника сгруппированы вмѣстѣ.

Третье общее замѣчаніе—французскіе художники всѣ прекрасно знаютъ свою технику, и прежде всего всѣ отлично рисуютъ. Парижанинъ еще отмѣтитъ, что почти все, что̀ выставлено—его старые знакомые изъ прежнихъ „салоновъ“. Для выставки собственно написано весьма мало картинъ. Больше для нея создано скульптурныхъ произведеній.

Но если нѣтъ ясно обозначенныхъ школъ, художниковъ можно

все-таки раздѣлить на двѣ группы: одни—такъ сказать, изслѣдователи, двигающіе искусство впередъ. У каждаго изъ нихъ своя нота, которую они постоянно обновляютъ, варьируютъ. Таковы Роль, Бенаръ (Besnard), Даньянъ-Буврэ, Дюбюфъ, Жервексъ, Коттэ по фигурной живописи, Клодъ Монэ, Казэнъ, Менаръ, Пети-Жанъ и Бинэ—по пейзажу. Это—художники, которые, такъ сказать, не повторяются: каждая ихъ выставка въ ежегодномъ „салонѣ" представляетъ что-нибудь новое—новое освѣщеніе, новый свѣтовой эффектъ—своего рода результатъ новаго художественнаго изслѣдованія. Всѣ они, главнымъ образомъ, „плэнэристы", т.-е. тщательно изучаютъ свѣтовые эффекты открытаго воздуха и стараются ихъ передавать возможно вѣрнѣе, и всѣ очень разнообразны по сюжетамъ, хотя у каждаго свои предпочтительныя темы. Другіе,—какъ знаменитый Деталь, Каролюсъ Дюранъ, Бонна́, Геннеръ, Гебертъ,—несомнѣнно великіе мастера, но у нихъ своя усвоенная манера, такъ сказать, свои спеціальности, изъ которыхъ они не выходятъ. Картину Геннера вы узнаете издали, такъ же, какъ военную картину Деталя, или женскій портретъ Каролюса Дюрана.

VIII.

Школа скульптуры существуетъ только во Франціи, гдѣ она пережила тѣ же періоды, какъ и живопись классицизма (Гудонъ и Давидъ д'Анжé), романтизма (Рудъ), реализма (Карпо и современные) и импрессіонизма (Родэнъ). Въ теченіе всего вѣка французскіе скульпторы славились, и Гудонъ (Houdon), Давидъ д-Анжé, Рюдъ (Rude), Бари и Карпо останутся навсегда лучшими представителями искусства ваянія. Но самый блестящій расцвѣтъ французской скульптуры относится къ послѣдней трети нынѣшняго вѣка, и въ настоящее время она несомнѣнно стоитъ еще выше живописи. Въ другихъ странахъ имѣются отдѣльные скульпторы, часто ученики французскихъ мастеровъ. Но нѣтъ страны, которая могла бы гордиться столькими великими скульпторами, какъ Франція: Родэнъ, Далу, Поль Дюбоа, Боріасъ, Бартоломэ, Фремié, Мерсié, Энжальберъ, Моро, Гильомъ—составляютъ небывалую плеяду великихъ мастеровъ, и мы назвали только самыхъ выдающихся, которыхъ слава давно установлена. А сколько еще молодыхъ—слава будущаго вѣка!

О французской скульптурѣ можно сказать, что все, что̀ выставлено здѣсь—произведенія рѣдкія, и такого собранія шедэвровъ мы вѣроятно скоро не увидимъ. Тутъ нѣтъ ни одной просто хорошей вещи, а все такія, которыя поражаютъ жизнью. Укажемъ только на самыя выдающіяся. Часть „Памятника мертвымъ" Бартоломэ, произведшаго, два года тому

назадъ, такой необыкновенный восторгъ, не только въ Парижѣ, но и во всемъ художественномъ мірѣ. Но памятникъ слѣдуетъ видѣть на знаменитомъ кладбищѣ Père-Lachaise въ Парижѣ,—только тамъ онъ можетъ васъ тронуть и вызвать много думъ. „Памятникъ Виктору Гюго", Боріаса, изображаетъ поэта не такимъ, какимъ мы привыкли его видѣть въ послѣднія двадцать или даже тридцать лѣтъ его жизни—съ бородой и довольно короткими волосами,—а такимъ, какимъ онъ былъ въ силѣ своего генія, въ сороковыхъ годахъ—безъ бороды и съ длинными волосами, какимъ онъ изображается на старинныхъ гравюрахъ. Тѣ, которые, какъ пишущій, видѣли его въ живыхъ, сразу не узнаютъ его. Но памятникъ—очень эффектный: поэтъ стоитъ погруженный въ думы, на высокой скалѣ, оперши голову на правую руку, а морская волна прибиваетъ къ подножію утеса. Кругомъ—нѣсколько фигуринъ. Того же Боріаса — „Природа открываетъ свою вуаль": женская статуя изъ разноцвѣтнаго мрамора—тѣло розоватое, вуаль желтая, а греческое платье свѣтло-коричневое. Статуя—чудная, произвела фуроръ въ прошлогоднемъ салонѣ. Поль Дюбоа выставляетъ слѣпокъ съ „Жанны д'Аркъ", только-что воздвигнутой на площади Св. Августина. Она сидитъ на конѣ, держа мечъ въ правой рукѣ, нѣсколько удаленной отъ тѣла назадъ. Вся фигура—необыкновенно благородная, и въ лицѣ авторъ съумѣлъ выразить вдохновенную рѣшимость, доброту и женственность. Эта статуя—новое украшеніе для Парижа.

Фремié выставляетъ между прочимъ двѣ композиціи: горельефъ „Человѣкъ каменнаго періода и медвѣдь"—дикій человѣкъ убилъ медвѣдицу и тащитъ къ себѣ маленькаго медвѣжонка,—и „Св. Георгій поражаетъ змѣя"—рѣдкія вещи по замыслу, гармоніи линій и исполненію.

„Поцѣлуй" Родэна—также здѣсь; но художникъ устроилъ отдѣльную собственную выставку внѣ всемірной, у моста Альмы.

Нѣкоторые французскіе скульпторы — въ то же время отличные живописцы. Тотъ же Поль Дюбоа выставляетъ въ отдѣлѣ живописи рядъ замѣчательныхъ портретовъ. Боріасъ и очень недавно умершій Фальгіеръ тоже выставляютъ картины. Есть и обратное явленіе: живописецъ Жеромъ занимается теперь скульптурой.

Медальёрное искусство дошло въ настоящее время во Франціи до небывалыхъ ни въ какую эпоху размѣровъ и до никогда невиданнаго совершенства. Roty, Chaplain, Dupuis, Bottée пользуются не меньшей славой, чѣмъ любой изъ названныхъ выше великихъ ваятелей. Ихъ медали извѣстны вездѣ, потому что медальёрное искусство—самый общедоступный изъ всѣхъ родовъ изящныхъ искусствъ. За весьма небольшую цѣну можно имѣть бронзовыя или даже матовыя серебряныя воспроизведенія лучшихъ медалей Роти или Шаплэна. Онѣ продаются

на парижскомъ монетномъ дворѣ, и, между прочимъ, на выставкѣ въ 15-мъ классѣ (3-ей группѣ)—„Монеты и медали". И во Франціи—необыкновенное множество собирателей медалей.

IX.

Можно себя спросить: чѣмъ объяснить такое подавляющее, и качественное, и количественное превосходство французовъ во всѣхъ отрасляхъ искусства? Мы думаемъ, что на первомъ планѣ—богатство страны при извѣстномъ высокомъ развитіи цивилизаціи. Но несомнѣнно, что важную роль играетъ воспитаніе. Во Франціи уже очень давно, еще во время второй имперіи, рисованіе составляетъ одинъ изъ учебныхъ предметовъ въ *элементарныхъ* школахъ большихъ городовъ. Теперь обученіе рисованію распространено на всѣ начальныя школы. При выходѣ изъ начальной школы двѣнадцатилѣтнія дѣти держатъ маленькій экзаменъ. На этомъ экзаменѣ требуются начала рисованія — нужно нарисовать обыденный предметъ: стаканъ, ведро, кружку и т. д.

Вотъ какъ это обученіе рисованію поставлено въ настоящее время. Въ большихъ городахъ, въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели, рисованіе преподается спеціальными учителями и учительницами, и ему посвящаются два урока въ недѣлю, по два часа урокъ. Спеціальный учитель занимается только дѣтьми двухъ старшихъ классовъ—отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ [1]; въ другихъ классахъ сами учителя или учительницы обучаютъ дѣтей начальному черченію.

Лучше всего, разумѣется, дѣло поставлено въ Парижѣ, гдѣ учителя рисованія всѣ, можно сказать, безъ исключенія—хорошіе художники, часто даже весьма выдающіеся, даже знаменитости. Очень извѣстныя акварелистки Конталь [2]), Фо-Фроадюръ, де-Мирмонъ, Дебильмонъ, художники Лами, Дюфо, Давидъ и мн. др., состоятъ учительницами или учителями въ городскихъ начальныхъ школахъ. Трудъ этотъ, впрочемъ, оплачивается довольно хорошо,—особенно, оплачивался. До 1895 года платили по *шести сотъ* франковъ за годичный двухчасовый урокъ и учителю давали только одну школу—двухъ на давали. Съ 1895 года плату уменьшили на треть—платятъ всего четыреста фр. за годичный урокъ; зато, даютъ двѣ школы одному и тому же учителю. Но учителя, назначенные до этой перемѣны,—въ силу закона пріобрѣтенныхъ правъ,

---

[1]) Въ парижской начальной школѣ обыкновенно имѣется семь классовъ; дѣти начинаютъ посѣщать школу отъ пятилѣтняго возраста.

[2]) Она, между прочимъ, имѣла успѣхъ на французской выставкѣ въ Петербургѣ: ея акварель на слоновой кости была пріобрѣтена Государыней въ день открытія этой выставки.

который строго соблюдается во Франціи,—продолжають получать преж-нюю плату. Часто учителя государственныхъ заведеній (лицеевъ, нор-мальныхъ школъ) состоятъ одновременно преподавателями въ город-скихъ начальныхъ школахъ. Въ провинціальныхъ городахъ средней величины, гдѣ имѣется collége или lycée (гимназія), обязанности учи-теля рисованія въ начальной школѣ даже всегда возлагаются на учи-теля этого предмета въ коллегіи или лицеѣ.

Наборъ учителей рисованія, особенно въ парижскихъ школахъ, про-исходитъ по очень строгому конкурсу, тѣмъ болѣе строгому, что н[а] него являются весьма серьезные художники, которые очень част[о] этого конкурса не выдерживаютъ. Требуется хорошо нарисовать с[ъ] натуры академію и голову (на каждый рисунокъ—по дню), затѣмъ с[ъ] гипса—очень сложный орнаментъ (также день на рисунокъ), затѣм[ъ] цѣлый рядъ устныхъ экзаменовъ по исторіи искусства, анатоміи и т. д. Экзаменаторами состоятъ извѣстные художники, главные инспектор[а] по обученію рисованію.

Многіе изъ нынѣшнихъ выдающихся художниковъ, какъ Поль Бо-лэнъ, организаторъ на выставкѣ отдѣла спеціальнаго художественнаг[о] образованія, или знаменитый живописецъ, членъ академіи художеств[ъ], Жанъ-Поль Лорансъ, не пренебрегли этимъ конкурсомъ въ молодости [и] затѣмъ долгое время состояли учителями рисованія въ начальны[хъ] парижскихъ школахъ. Впрочемъ, конкурсъ на преподаваніе рисован[ія] въ лицеяхъ (гимназіяхъ) и парижскихъ начальныхъ школахъ— одинъ [и] тотъ же. Такимъ образомъ, учителя рисованія въ элементарныхъ шко-лахъ—первоклассные.

Въ чемъ же преподаваніе? Кромѣ вырисовыванія обыденныхъ пред-метовъ и рисованія по гипсовымъ моделямъ, дѣтей двухъ старших[ъ] классовъ, *т.-е. отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ*, пріучаютъ къ де-коративной композиціи. Имъ дается, напр., листъ, настоящій, и отъ нихъ требуется нарисовать листъ и потомъ составить изъ этого лист[а] какую нибудь маленькую декорацію: разрисовать тарелку, изразецъ, ил[и] рисунокъ для вышиванья, который дѣвочки же вышиваютъ. Или учи-тель рисуетъ на доскѣ цвѣтокъ — гвоздику, Иванъ-да-Марью,—дѣти его срисовываютъ на краю своего листка бумаги, и затѣмъ рядомъ, на томъ же листѣ — декорація, уже ребенкомъ составленная, изъ этого цвѣтка, какъ декоративнаго элемента. Часто эти декораціи раскраши-ваются дѣтьми же разноцвѣтными карандашиками—такъ пріучають дѣтей гармонизировать краски. На выставкѣ, въ отдѣлѣ начальнаго образованія—масса такихъ дѣтскихъ композицій, и тутъ же—ихъ вы-шивки. Пусть организаторы русскаго отдѣла „Art nouveau“ полюбуются этими работами дѣтей, и они увидятъ, до какихъ результатовъ, въ

дѣлѣ развитія вкуса въ самыхъ бѣдныхъ дѣтяхъ, дошли французскіе учителя.

Разумѣется, при такомъ преподаваніи рисованія въ начальныхъ школахъ, если въ ребенкѣ имѣется хоть малѣйшій природный вкусъ— онъ проявится въ его композиціяхъ. Для поощренія дѣтей устроены трехмѣсячные конкурсы по декораціи въ классѣ, по задачамъ учителя; а въ концѣ каждаго года — между лучшими учениками и ученицами всего Парижа. Въ началѣ каждаго года—торжественная раздача наградъ ученикамъ и *учителямъ*, которыхъ ученики особенно отличились. Вотъ гдѣ кроется, отчасти, причина необыкновеннаго развитія во Франціи всѣхъ родовъ художественной промышленности, особенно за послѣднія 15 лѣтъ.

X.

Перейдемъ теперь къ высшему художественному образованію, оставивъ на другой разъ художественно-промышленное образованіе.

Во Франціи во всѣхъ большихъ городахъ имѣются хорошія школы изящныхъ искусствъ (Ecoles des beaux-arts), на которыя государство, а особенно города, тратятъ большія суммы. Лучшіе ученики изъ этихъ школъ обыкновенно отправляются въ парижскую „Школу изящныхъ искусствъ (которую не нужно смѣшивать съ „Академіей изящныхъ искусствъ“ [1]).

Въ школѣ, кромѣ общаго образованія, дается художественное образованіе въ мастерскихъ. Каждой мастерской завѣдуетъ знаменитый художникъ, почти всегда академикъ, и ученикъ самъ выбираетъ себѣ учителя, т.-е. мастерскую. По окончаніи курса, лучшіе ученики конкуррируютъ на „prix de Rome“, дающій право на четырехлѣтнее жительство въ Римѣ, въ Villa Medicis, и на путешествіе [2]). Такихъ „prix de Rome“ каждый годъ — пять, для пяти искусствъ: живописи, ваянія, зодчества, гравированія и музыки.

Самая процедура конкурса довольно извѣстна: кандидатовъ запираютъ на извѣстное число дней для эскиза, затѣмъ снова запираютъ для исполненія, публичная выставка эскизовъ, такая же выставка

---

[1]) Академія—есть собраніе художниковъ, подобно тому какъ академія наукъ — есть собраніе ученыхъ.

[2]) „Prix de Rome“ учрежденъ былъ Людовикомъ XIV-мъ. Въ ретроспективной части класса: „спеціальное художественное образованіе“—еще не устроенной, для нея еще мѣсто подходящее не найдено — будутъ выставлены картины на „prix de Rome“ разныхъ знаменитостей. Между прочимъ, картина Энгра (1802 г. и вѣроятно, та картина, за которую Делакроа *не* получилъ преміи: онъ оказался *шестидесятымъ* на 60 конкуррентовъ, т.-е. *самымъ послѣднимъ*.

вещей оконченныхъ и т. д. Но интересно, что этотъ конкурсъ сдѣлался почти состязаніемъ между профессорами. Каждый профессоръ по возможности поддерживаетъ своего ученика, и премія, присужденная ученику, является нравственной наградой и учителю, такъ какъ потомъ печатается: премія присуждена такому-то, ученику такого-то.

Но, кромѣ оффиціальной школы, въ Парижѣ громадное количество частныхъ мастерскихъ. Во-первыхъ, многіе выдающіеся художники содержатъ сами мастерскія для учениковъ (des ateliers d'élèves). И дѣлается это не для одной только корыстной цѣли. Тутъ еще другая, болѣе важная цѣль—пріобрѣсти вліяніе и поддержку между художниками. Амбиція очень выдающихся художниковъ — получить въ салонѣ „почетную медаль", которая дается или за очень замѣчательную вещь, или за долгую и отличную художественную дѣятельность. Награду эту даютъ сами художники по голосованію, въ которомъ участвуютъ всѣ *французскіе* художники, получившіе какую-нибудь награду въ салонѣ, хотя бы почетный отзывъ. Чѣмъ больше у художника учениковъ, тѣмъ больше у него вѣрныхъ голосовъ на эту медаль и вообще на разныя почетныя должности въ салонѣ, какъ членъ жюри.

Но въ Парижѣ, кромѣ того, еще много частныхъ мастерскихъ, гдѣ преподаютъ очень знаменитые художники, какъ Бенжаменъ-Констанъ, Роберъ Флёри, Геннеръ, и изъ тѣхъ же видовъ. Обыкновенно они занимаются такимъ преподаваніемъ, пока не получатъ почетную медаль.

Особенно извѣстны мастерскія Жуліана—бывшаго натурщика, которыя устроены въ разныхъ кварталахъ Парижа. До послѣдняго времени женщины могли получать художественное образованіе только въ такихъ частныхъ школахъ. Въ „Ecole des Beaux-Arts" женщины прежде доступа не имѣли. Только года четыре тому назадъ, въ школѣ для нихъ устроена спеціальная мастерская для живописи, которой завѣдуетъ Кормонъ. Многіе изъ самыхъ выдающихся художниковъ, какъ Роль, Дюбюфъ, скульпторъ Родэнъ, никогда въ „школѣ" не были, также какъ недопущеніе женщинъ въ школу не мѣшало тому, что во Франціи всегда были знаменитыя художницы. Во время министерства Гамбетты, бывшій тогда министромъ изящныхъ искусствъ Антонэнъ Прустъ хотѣлъ-было совершенно уничтожить мастерскія въ школѣ, какъ лишнія и отчасти, по его мнѣнію, вредныя, мѣшающія свободному развитію искусства. Но противъ этого большинство художниковъ протестовало, и проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

XI.

Когда, послѣ осмотра французскаго отдѣла, вы переходите въ иностранные, то разница поразительная. Кажется, — смотрѣть нечего; если и есть хорошія вещи, онѣ уже рѣдки, тогда какъ у французовъ посредственныхъ вещей совсѣмъ нѣтъ,—да и эти хорошія вещи вамъ кажутся французскими или подражаніями французскимъ. Общее впечатлѣніе, что всѣ лучшіе иностранцы въ зависимости отъ французовъ. Въ иностранной скульптурѣ то же самое: тамъ у французовъ статуи живутъ, тутъ—особенно у итальянцевъ—только фигуры мраморныя, подражанія жизни; у однихъ чувствуется жизнь, у другихъ—скульптура.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда вы въ какомъ-либо иностранномъ отдѣлѣ, открывъ что-нибудь интересное, справляетесь въ каталогахъ о происхожденіи художника, вы находите, что онъ—ученикъ [1]) французскихъ профессоровъ и часто даже самъ постоянно живетъ въ Парижѣ. И тутъ интересно опять отмѣтить любопытный фактъ: французы учатся у своихъ и не только ихъ не напоминаютъ, но часто совершенно имъ противоположны. Иностранцы учатся у французовъ, и всѣ напоминаютъ своихъ учителей. Не доказываетъ ли это, что иностранцы до собственной еще школы не дошли.

Изъ иностранныхъ отдѣловъ самые интересные—американскій и скандинавскій. Въ американскомъ, всѣ выдающіеся—Whistler, Harisson, Dannat—живутъ въ Парижѣ; Sargent—въ Лондонѣ. Большинство, включая и Harisson'a—ученики Каролюса Дюрана, и онъ несомнѣнно отражается въ ихъ портретахъ. Но у нихъ все-таки таланты очень большіе, а Whistler — одинъ изъ самыхъ большихъ живописцевъ нашего вѣка. Его „Портретъ моей матери" въ люксамбургскомъ музеѣ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній галереи.

Есть у американцевъ и два-три хорошихъ скульптора, какъ Макъ-Моніесъ, ученикъ Фальгіера, который выставляетъ нѣсколько очень интересныхъ группъ, — или Прокторъ, также ученикъ французовъ и живетъ въ Парижѣ.

У скандинавовъ главнымъ образомъ процвѣтаетъ живопись: шведъ Цорнъ уже пріобрѣлъ большую славу великаго портретиста. О немъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ прямо ученикомъ французовъ, но онъ происходитъ отъ французскихъ импрессіонистовъ. Его портретъ короля и „Мать"—женщина, кормящая ребенка,—принадлежатъ къ лучшимъ картинамъ на всей выставкѣ, по обилію жизни и силѣ.

---

[1]) Каталогъ для французовъ всегда указываетъ, у кого они учились; для иностранцевъ это указаніе дается только тогда, когда они учились въ Парижѣ.

Норвежецъ Тауловъ прославился зимними видами своей родины; онъ уже давно пересталъ ихъ писать и пишетъ просто французскіе пейзажи, но выработалъ, несомнѣнно, свою манеру, особенно въ передачѣ текущей воды.

Датчанинъ Кроеръ—одинъ изъ крупнѣйшихъ живописцевъ нашего времени. Его „Засѣданіе королевской академіи наукъ"—гораздо лучше подобной же картины во французскомъ отдѣлѣ. Онъ очень разнообразенъ: пишетъ отличныя марины и замѣчательные портреты. Славу пріобрѣлъ онъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда выставлялъ въ парижскихъ „салонахъ".

У англичанъ есть извѣстный Альма-Тадема, пишущій удивительно чистыя картины: все въ немъ отражаетъ пресловутую англійскую чистоплотность. Если—фигуры, особенно женщины, то онѣ утонченно нѣжныя, чистыя; если—пейзажъ, то земля, трава, деревья тоже все какъ будто спеціально для художника вычищено. Онъ подражаетъ, за исключеніемъ чистоплотности, французу Казэну.

Что̀ сказать объ итальянцахъ? Неужели эти люди, которые занимаютъ здѣсь послѣднее мѣсто, дали эпоху возрожденія? Гдѣ ихъ Рафаэли, Тиціаны, Веронезы, Микель-Анджело и всѣ великіе мастера XV-го, XVI-го и XVII-го вѣковъ? Вотъ куда идетъ обѣднѣніе страны. Искусство развивается и процвѣтаетъ въ странахъ только богатыхъ, но при извѣстной высокой степени цивилизаціи, когда въ странѣ много богатыхъ любителей: нужно богатство и нужны любители-знатоки. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ эти условія существовали, главнымъ образомъ, въ Парижѣ. Школы, какъ заведенія, вѣроятно имѣютъ второстепенное значеніе. Онѣ всегда будутъ, когда въ странѣ почувствуется въ нихъ надобность. Вѣдь есть же школы въ Италіи и теперь, а какое тамъ искусство?

У испанцевъ отмѣтимъ, во-первыхъ, отличнаго живописца Сороллы и двухъ скульпторовъ: Бенліуре выставляетъ необыкновенный каминъ, изображающій адъ Данта со статуями Виргилія и Данта надъ каминомъ; и памятникъ пѣвцу Гаяррэ — оба произведенія принадлежатъ здѣсь къ лучшимъ. Блай (Blay) дѣлаетъ отличные бюсты.

У нѣмцевъ отличается главнымъ образомъ Ленбахъ.

Японцы въ двухъ залахъ собрали рѣдкую коллекцію рисунковъ на шелку старыхъ и новѣйшихъ мастеровъ. Они—рожденные импрессіонисты. Говорятъ даже, что импрессіонизмъ идетъ отъ нихъ. Въ третьемъ залѣ у нихъ выставлены картины уже масляными красками на европейскій ладъ. Они и въ европейской живописи оказываются искусными художниками. Всѣ ихъ картины—очень свѣтлыя и въ нихъ очень много воздуха.

Русскій художественный отдѣлъ занимаетъ весьма скромное мѣсто

въ Большомъ дворцѣ. Съ французами никакого сравненія, разумѣется, и быть не можетъ; но даже между всѣми иностранными отдѣлами, живопись, особенно, ничѣмъ не блеститъ. Тутъ нѣтъ ни одного Таулова, ни Кроера, ни даже Альмы-Тадемы. И удивительно то, что никто изъ русскихъ художниковъ даже своей собственной природы не изучаетъ. Люди большую половину своей жизни проводятъ въ снѣгу, а нѣтъ почти ни одного зимняго пейзажа,—лучшій зимній пейзажъ „Ледоходъ" сдѣланъ французомъ Клодомъ Монэ, который самъ разъ въ десять лѣтъ и ледоходъ-то видитъ. Норвежецъ Тауловъ славу пріобрѣлъ своими снѣжными видами, а русскіе пейзажисты или маринисты предпочитаютъ подражать французамъ, американцу Гариссону, а своего не напишутъ. Г. Похитоновъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе: у него своя личность, своя манера. Его маленькія картинки даютъ всегда впечатлѣніе обширнаго пространства, глубины и безконечной дали, но онъ постоянно живетъ за границей и снѣжныхъ видовъ не пишетъ. Изъ другихъ, самымъ большимъ успѣхомъ пользуется г. Малявинъ картиной „Смѣхъ"—нѣсколько крестьянокъ въ красныхъ платьяхъ хохочутъ, а ихъ красныя платья поднимаются вѣтромъ. Дѣвушки дѣйствительно смѣются, онѣ—совершенно живыя. Г. Сѣровъ выставилъ два хорошихъ портрета; особенно обращаетъ на себя вниманіе портретъ великаго князя Павла Александровича, держащаго за узду лошадь.

Въ группѣ варшавскихъ художниковъ нѣсколько весьма хорошихъ портретовъ г. Піонтковскаго и очень интересный зимній пейзажъ, единственный, г. Вейсенгофа.

Въ финляндской группѣ г. Эдельфельдъ выставляетъ вещи, которыя мы давно видѣли въ Champ de Mars. Въ 1889 году его выставка была гораздо лучше нынѣшней.

Отдѣлъ скульптуры гораздо интереснѣе. Тутъ хоть не много, но есть очень хорошія вещи, и можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что съ 1889 года народились молодые таланты.

На первомъ мѣстѣ стоитъ г. Антокольскій—уже давно пріобрѣвшій славу, получившій большую премію (первую награду) еще въ 1878 г. Однако, онъ напрасно выставилъ 23 произведенія и еще болѣе напрасно онъ устроилъ для себя отдѣльный залъ, довольно темный, куда публика почти не ходитъ, такъ что его произведенія публика видитъ мало. Онъ бы долженъ былъ остаться въ общемъ нефѣ со всѣми скульпторами. Сравненія, разумѣется, онъ не можетъ бояться. По количеству онъ превзошелъ всѣхъ скульпторовъ—даже всѣхъ вообще художниковъ. Ни одинъ изъ великихъ французскихъ скульпторовъ не выставилъ больше 8 произведеній. Далу выставилъ 8 бюстовъ, но каждый бюстъ — chef-d'oeuvre. Немыслимо, чтобы скульп-

торъ могъ выставить 23 вещи одинаково хорошихъ; непремѣнно будутъ вещи болѣе слабыя. И у Даньянъ-Буврэ — одного изъ первыхъ живописцевъ въ мірѣ—есть на выставкѣ портретъ одной молодой женщины, недостойный его репутаціи. Еслибы г. Антокольскій изъ 23 произведеній выставилъ только 8, у него была бы выставка, вполнѣ достойная его давно установленной и вполнѣ заслуженной славы.

То же можно сказать и другому талантливому скульптору, который давно пріобрѣлъ извѣстность въ Парижѣ какъ портретистъ. Его бюсты Ли-хунъ-чанга, Ренана, Жерома и Коклэна (актёра) принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ этого рода. Но и онъ выставилъ слишкомъ много бюстовъ—цѣлыхъ двадцать. Разумѣется, есть нѣкоторые болѣе слабые, а на выставкѣ нужно показывать самыя отборныя произведенія. Это не мѣшаетъ г. Бернштаму быть отличнѣйшимъ портретистомъ.

Между молодыми мы привѣтствуемъ г. Арансона—самаго молодого изъ русскихъ скульпторовъ, и г. Трубецкого, пользующагося въ Италіи, гдѣ онъ выросъ и учился, и въ Россіи, уже очень большой извѣстностью.

Г. Арансонъ попалъ въ Парижъ изъ захолустья, изъ глухого мѣстечка двинскаго уѣзда (вит. губ.). Послѣ долгихъ мытарствъ, онъ три года тому назадъ, въ 1897 году, въ первый разъ послалъ двѣ вещи въ Champ de Mars; онѣ были приняты. Въ 1898 г. онъ послалъ шесть вещей, и онѣ *всѣ* были приняты: Champ de Mars—очень строгое общество, отъ начинающихъ оно рѣдко принимаетъ все, что они посылаютъ, особенно еще отъ иностранца, который ни у кого не учился,—Арансонъ скульпторъ почти самоучка. Въ томъ же году, т.-е. всего послѣ двухъ салоновъ, его выбрали въ associés. Въ прошломъ году его предлагали въ sociétaires, но Родэнъ нашелъ, что онъ слишкомъ еще молодъ—ему всего 27 лѣтъ. Въ русскомъ отдѣлѣ онъ выставилъ пять вещей, но онѣ несомнѣнно принадлежатъ къ самымъ лучшимъ этого отдѣла. У него была еще большая голая статуя—„Жажда"—но ее чиновники, завѣдующіе отдѣломъ, отказались принять, будто бы за недостаткомъ мѣста. Г. Арансонъ по манерѣ, по вкусу — скульпторъ совершенно французскій. Это не значитъ, что онъ кому-нибудь подражаетъ; напротивъ, у него большая оригинальность, но техника—французская, родэновская, т.-е. самая лучшая въ настоящее время.

Г. Трубецкой по воспитанію—итальянецъ; талантъ у него очень крупный—это несомнѣнно. Онъ вздумалъ ввести крайній импрессіонизмъ въ скульптуру. Его импрессіонизмъ заключается въ томъ, что онъ въ статуѣ, почти всегда небольшой, вылѣпливаетъ головку, да и то иногда довольно поверхностно, оставляя все остальное въ видѣ наброска, такъ что всѣ почти его произведенія издали производятъ впе-

чатлѣніе прелестное, но вблизи вы видите, что это все-таки неоконченные, хотя прекрасные эскизы. Но о немъ всѣ говорятъ; это одно показываетъ, что онъ всѣхъ заинтересовалъ. Вотъ мнѣніе двухъ очень важныхъ французскихъ скульпторовъ изъ самыхъ первыхъ. Одинъ выразился приблизительно такъ: „Это прелестныя указанія (des indications charmantes), но онѣ не окончены, а трудность-то и заключается въ томъ, чтобы закончить, не испортивъ первой прелести". Другой высказалъ такое мнѣніе: „У него несомнѣнно очень большой талантъ. Когда скульпторъ съ такими наклонностями является у насъ (во Франціи), мы его уважаемъ по достоинству, но до небесъ не превозносимъ, и отъ него вреда никакого быть не можетъ, потому что наша скульптура стоитъ на солидныхъ традиціяхъ, и при нашемъ художественномъ воспитаніи такой художникъ послѣдователей имѣть не будетъ. Но у васъ (въ Россіи), гдѣ скульптура еще въ зачаткѣ, онъ можетъ имѣть самое пагубное вліяніе,—онъ можетъ ее совершенно убить".

Мы позволимъ себѣ еще маленькое соображеніе: въ Луврѣ—два знаменитѣйшіе антика: „Венера Милосская" и „Самоѳракійская побѣда". „Побѣда"—безъ головы, и это нисколько не мѣшаетъ ей быть рѣдкимъ въ мірѣ скульптурнымъ произведеніемъ. Еслибы древніе скульпторы работали какъ г. Трубецкой,—„Побѣда" безъ головы не только не вызвала бы никакого восторга, а вѣроятно даже не была бы принята ни въ какой музей. Отнимите голову отъ любой статуи г. Трубецкого, и останется безформенная масса: отнимите голову отъ любой французской статуи, что здѣсь на выставкѣ,—и все-таки останется прелестная вещь.

Изъ молодыхъ нужно еще указать на г. Бернштейна-Синаева, талантливаго и добросовѣстнаго скульптора, который выставилъ „Сонъ"—голую спящую молодую женщину, статую единственную въ своемъ родѣ въ русскомъ отдѣлѣ, гдѣ голаго тѣла лѣпить не любятъ или не умѣютъ. Статуя отлично построена и мастерски вылѣплена. Онъ же выставляетъ отличный мраморный бюстъ великой княжны Елены Владиміровны.

Отмѣтимъ еще очень хорошій бюстъ гр. Толстого (писателя), скульптора Гинцбурга, и его же статуэтку, изображающую художника Верещагина передъ картиной, которую онъ разсматриваетъ, собираясь писать,—одно изъ лучшихъ произведеній русскаго отдѣла.

Красоту русскаго скульптурнаго отдѣла составляютъ еще два финляндскихъ мастера, г. Вальгрэнъ и г. Стигель. Г. Вальгрэнъ пріобрѣлъ славу въ Парижѣ своими художественными вещами,—objets d'art, въ которыхъ онъ себѣ выработалъ совершенно особый жанръ. Онъ

выставляетъ три витрины съ такими вещицами—настоящія драгоцѣнности. Въ Champ de Mars, куда онъ ежегодно посылаетъ свои произведенія, онъ всегда пользуется громаднымъ успѣхомъ.

Стигель выставилъ большую, эффектную скульптурную группу — „Потерпѣвшіе кораблекрушеніе“: она принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ „Большого дворца“.

М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1900.

Именной Высочайшій указъ 28-го мая о пріобрѣтеніи правъ дворянства.—Измѣненіе устава государственнаго дворянскаго земельнаго банка. — Проектируемая реорганизація полицейскаго дознанія.—Возможна ли у насъ особая судебная полиція?—Участіе прокуратуры въ производствѣ дознаній. — Расширеніе полномочій полиціи при дознаніи. — Обжалованіе дѣйствій полиціи. — „Чѣмъ должны стать земскіе начальники"?—Именные Высочайшіе указы 27 мая и 7 (20) іюня.

28-го минувшаго мая состоялся Именной Высочайшій указъ, ограничившій способы пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства. До сихъ поръ они пріобрѣтались, между прочимъ, полученіемъ ордена св. Владиміра 4-ой степени; теперь съ этимъ орденомъ соединяются только права личнаго дворянства. Перестаетъ, въ сущности, давать потомственное дворянство и орденъ св. Владиміра 3-ей степени, такъ какъ онъ можетъ быть испрашиваемъ лишь для состоящихъ въ такихъ чинахъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника, капитана перваго ранга), которые уже сами по себѣ служатъ источникомъ правъ потомственнаго дворянства. Только такимъ лицамъ, de facto, жалуются и ордена первыхъ степеней, такъ что изъ числа орденовъ сообщать потомственное дворянство будетъ впредь только орденъ св. Георгія 4-ой степени (третью и, тѣмъ болѣе, вторую степень этого ордена получаютъ обыкновенно только генералы). Отмѣняется возведеніе въ потомственные дворяне тѣхъ лицъ, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ достигли чиновъ, дающихъ личное дворянство. Собранію предводителей и депутатовъ дворянства предоставляется отказывать потомственному дворянину, не владѣющему недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерніи, въ внесеніи его рода въ дворянскую родословную книгу. Для такого отказа требуется присутствіе всѣхъ дворянскихъ предводителей губерніи (или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто) и большинство двухъ третей голосовъ. Евреи, пріобрѣвшіе права

потомственнаго дворянства, въ губернскія дворянскія родословныя книги не вносятся.

Та часть новаго закона, которая затрудняетъ доступъ въ потомственные дворяне, не представляетъ собою ничего существенно новаго. Въ теченіе XIX-го вѣка цѣлый рядъ постановленій постепенно повышалъ мѣру служебныхъ отличій, необходимыхъ для полученія правъ потомственнаго дворянства. Сначала эти права давалъ, въ гражданской службѣ, первый чинъ, потомъ чинъ коллежскаго ассесора, затѣмъ чинъ статскаго совѣтника, наконецъ, съ 1856 г.—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; соотвѣтствующая перемѣна, только менѣе рѣзкая, происходила и по отношенію къ чинамъ военнымъ. Теперь отпала еще одна категорія лицъ, получавшихъ потомственное дворянство путемъ службы: это—кавалеры низшихъ степеней ордена св. Владиміра. Нѣтъ, поэтому, никакихъ основаній усматривать въ законѣ 28-го мая (какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости") разрывъ съ „ошибочной политикой, стремившейся къ нивеллировкѣ русскихъ сословій и проявлявшейся въ демократизаціи дворянства, вслѣдствіе усиленнаго, почти неразборчиваго включенія въ его ряды новыхъ людей". Ни въ эпоху великихъ реформъ, ни при „диктатурѣ сердца", ни, тѣмъ болѣе, въ періоды застоя или реакціи, пережитые Россіей послѣ 1856-го года, не было издано ни одного закона, которымъ бы облегчался доступъ въ потомственное дворянство; если въ это время и происходила „демократизація дворянства", то совершенно независимо отъ законодательныхъ мѣропріятій. Способы пріобрѣтенія дворянскихъ правъ оставались неизмѣнными, вѣроятно, потому, что ихъ уже съ 1856-го г. было весьма немного. Уничтоженіе одного изъ нихъ [1]) едва ли возвыситъ уровень и подниметъ духъ дворянскаго сословія. Главнымъ разсадникомъ его останется по прежнему государственная служба; активной роли въ пополненіи своего состава дворянство по прежнему играть не будетъ. Безспорно, между кавалерами ордена св. Владиміра 4-ой степени, получившими его, бо̀льшею частью, не за отличіе, а за выслугу лѣтъ, было мало такихъ, вступленіе которыхъ въ среду дворянства было замѣтнымъ приращеніемъ его внутренней силы; но вѣдь у многихъ изъ нихъ были сыновья, получавшіе высшее образованіе и ни въ чемъ не уступавшіе большинству дворянъ болѣе старинныхъ. Мы сомнѣваемся, поэтому, чтобы ограниченіе, установленное закономъ 28-го мая, было полезно для самого дворянства. Малочисленность сословія соотвѣтствуетъ его интересамъ только при двухъ

---

[1]) Мы говоримъ только о пожалованіи орденомъ св. Владиміра 4-ой степени, потому что случаевъ возведенія въ потомственное дворянство за службу трехъ поколѣній всегда было чрезвычайно мало.

условіяхъ: если составъ его такъ невеликъ, что между членами его возможна полная однородность развитія и взглядовъ, полная солидарность стремленій, и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему принадлежитъ значительная политическая власть, раздѣленіе которой съ „новыми людьми" было бы равносильно ея уменьшенію. Ничего подобнаго о русскомъ дворянствѣ сказать нельзя: никакою властью оно, какъ сословіе, не обладаетъ, и его составные элементы до крайности разнообразны. Еще меньше затрудненіе доступа въ дворянство соотвѣтствуетъ интересамъ государства. Господствующее мнѣніе видитъ въ дворянствѣ главнымъ образомъ служилое сословіе; дворянамъ предоставляется исключительное или преимущественное право на занятіе тѣхъ или другихъ должностей — и вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ или почти вездѣ чувствуется недостатокъ въ кандидатахъ на эти должности. Съ этой точки зрѣнія цѣлесообразнѣе было бы, повидимому, раздвинуть, а не съузить рамки сословія, облегчить, а не затруднить пріобрѣтеніе дворянскихъ правъ... Замѣтныхъ, крупныхъ результатовъ нельзя ожидать и отъ новыхъ правилъ о запискѣ въ дворянскія родословныя книги. Наше мнѣніе о евреяхъ, какъ членахъ дворянской корпораціи, извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы" [1]); мы думали и продолжаемъ думать, что участіе ихъ въ дворянскихъ собраніяхъ не представляло бы рѣшительно ничего неудобнаго или ненормальнаго — но случаи пріобрѣтенія евреями потомственнаго дворянства всегда были до крайности рѣдки, и запрещеніе включать ихъ въ родословныя книги пройдетъ совершенно безслѣдно. Не часты, по всей вѣроятности, будутъ и случаи отказа въ имматрикуляціи дворянъ, не владѣющихъ, въ предѣлахъ губерніи, недвижимою собственностью — какъ потому, что онъ обставленъ довольно стѣснительными условіями (присутствіе всѣхъ предводителей или ихъ кандидатовъ, большинство двухъ третей голосовъ), такъ и въ особенности потому, что записка въ родословную книгу даетъ не-помѣстнымъ дворянамъ только право присутствовать въ дворянскомъ собраніи, но не право голоса въ немъ. Правомъ безгласнаго присутствія едва ли кто-нибудь дорожитъ, едва ли многіе пользуются—и разрѣшеніе отказывать въ немъ едва ли можетъ считаться серьезнымъ увеличеніемъ полномочій и привилегіей дворянской корпораціи.

Болѣе существенной льготой для дворянства представляется, съ перваго взгляда, созданная новой редакціей устава дворянскаго банка возможность уменьшать задолженность заложенныхъ въ банкѣ имѣній, путемъ продажи банку части имѣнія. Въ теченіе двухъ лѣтъ со дня покупки участка банкъ обязанъ принимать мѣры къ продажѣ его, въ

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 11 „В. Европы" за 1899 г.

полномъ составѣ или по частямъ, по вольной цѣнѣ или съ торговъ. Продажа можетъ состояться и за цѣну, не покрывающую числящагося на участкѣ долга банку, если совѣтъ банка признаетъ это выгоднымъ. Если участокъ не будетъ проданъ въ двухлѣтній срокъ, онъ передается въ распоряженіе крестьянскаго поземельнаго банка, поступающаго съ нимъ по правиламъ, установленнымъ въ 1895 г. относительно земель покупаемыхъ банкомъ съ цѣлью перепродажи крестьянамъ. Дворянскій банкъ продаетъ купленные имъ участки потомственнымъ дворянамъ и только въ крайнемъ случаѣ, съ разрѣшенія министра финансовъ — крестьянамъ. Крестьянскому банку предоставляется назначать ссуды въ размѣрѣ свыше 90% оцѣнки и даже полной оцѣночной стоимости участка, когда эти ссуды испрашиваются на покупку крестьянами участковъ дворянскихъ имѣній, пріобрѣтенныхъ дворянскимъ банкомъ у своихъ заемщиковъ. Совершенно неизбѣжны, при дѣйствіи такихъ правилъ, убытки казны, значительность которыхъ будетъ зависѣть отъ числа участковъ, купленныхъ дворянскимъ банкомъ. Право дворянскаго банка продать участокъ по цѣнѣ, не покрывающей долгъ банка, право крестьянскаго банка на выдачу ссуды въ размѣрѣ, превышающемъ оцѣночную стоимость участка—все это прямо указываетъ на то, что возможность потерь предусмотрѣна закономъ, мирящимся съ нею въ виду выгодъ, ожидаемыхъ для дворянства. Такъ ли велики, однако, эти выгоды? Если владѣлецъ имѣнія затруднялся платежами съ цѣлаго имѣнія, то гдѣ ручательство въ томъ, что для него не будутъ затруднительны платежи меньшіе, но за то и съ уменьшеннаго имѣнія? Какъ ни выгодна была для него продажа участка, она только въ рѣдкихъ случаяхъ значительно увеличитъ его наличныя средства—и, конечно, не измѣнитъ ни его хозяйственныхъ способностей, ни его привычекъ, т.-е. не устранитъ основныхъ, по бóльшей части, причинъ неисправности заемщиковъ дворянскаго банка. „Почти всѣ дворянскіе банковые долги, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу „Недѣля“ (№ 24), — начинались съ шестидесятипроцентной нормы, но, несмотря на рядъ гораздо крупнѣйшихъ вспоможеній, доходившихъ до выпуска выигрышнаго займа, многіе изъ нихъ росли только выше и выше, напоминаніемъ о чемъ служитъ самое появленіе теперь новыхъ правилъ. Дѣйствительное упроченіе явится тогда, когда заемщики разомъ усилятъ свою платежную исправность—а безъ того и новая льгота, и жертвы крестьянскаго банка подѣйствуютъ только на короткое время, давъ лишь добавочную отсрочку, осложненную опытомъ частичной ликвидаціи имѣній“... Кромѣ льготъ заемщикамъ дворянскаго банка и ограниченія способовъ пріобрѣтенія дворянства, иниціатива особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія вызвала, до сихъ поръ, еще двѣ законо-

дательныя мѣры: разрѣшеніе учреждать срочно-заповѣдныя имѣнія и государственное воспособленіе дворянскимъ пріютамъ-пансіонамъ. Указавъ на то, что о результатахъ первой мѣры пока ничего не слышно, а пріютовъ-пансіоновъ возникаетъ немного, „Недѣля" приходитъ къ заключенію, что „чувствительный подъемъ общественнаго и экономическаго положенія дворянъ всего болѣе зависитъ отъ нихъ самихъ, отъ содержательности и правильности направленія ихъ общественной дѣятельности, и главное—отъ умѣлости веденія личныхъ дѣлъ". Къ этимъ условіямъ подъема слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прибавить еще два: болѣе широкое пользованіе, со стороны дворянскихъ собраній, правомъ ходатайства объ общихъ, не-сословныхъ нуждахъ и въ особенности бо́льшую независимость и свободу дѣйствій земскихъ учрежденій, въ которыхъ дворянство всегда преобладало de facto, а теперь преобладаетъ и de jure.

Мы говорили, въ предыдущемъ обозрѣніи, о главныхъ перемѣнахъ, которыя коммиссія, пересматривавшая законоположенія по судебной части, предлагаетъ произвести въ области предварительнаго слѣдствія; мы видѣли, что она соединяетъ слѣдственныя функціи, въ бо́льшинствѣ случаевъ, съ функціями участковаго судьи и значительно уменьшаетъ число дѣлъ, по которымъ обязательно производство слѣдствія, расширяя, соотвѣтственно этому, сферу полицейскаго дознанія. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на соображеніяхъ, которыми коммиссія старается объяснить и оправдать это послѣднее нововведеніе.

Матеріалъ, собранный коммиссіей, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ правильности взгляда, давно сложившагося въ нашемъ обществѣ—взгляда, по которому полиція мало и рѣдко содѣйствуетъ осуществленію задачъ уголовнаго правосудія. „Полицейскія дознанія,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства (ч. 2-ая),—не только въ уѣздахъ, но даже въ губернскихъ городахъ и столицахъ, не соотвѣтствуя, по бо́льшей части, требованіямъ полноты и ясности, обнаруживаютъ или неподготовленность и неспособность полицейскихъ чиновъ къ розыскной дѣятельности, или же поверхностное и небрежное къ ней отношеніе". На это указывала еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ коммиссія, работавшая подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса; къ тому же выводу пришло, четверть вѣка спустя, созванное въ 1894 г. совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. Ревизіонные отчеты, относящіеся къ послѣднему пятилѣтію, удостовѣряютъ, что полицейскія дознанія производятся медленно, неумѣло, а иногда

и съ явнымъ злоупотребленіемъ власти. „Очень часты“ — говорится, напримѣръ, въ отчетѣ по округу тамбовскаго окружного суда—„случаи вымогательства сознанія путемъ угрозъ, лишенія свободы и даже причиненія побоевъ, а иногда и истязаній. Такіе пріемы при производствѣ дознанія употребляются преимущественно полицейскими урядниками, но иногда и чиновниками полиціи. Бывали примѣры употребленія такихъ же пріемовъ и въ отношеніи свидѣтелей, уклоняющихся якобы отъ дачи правильнаго показанія“. Въ тифлисскомъ судебномъ округѣ при производствѣ дознаній „побои (безъ свидѣтелей) и выколачиваніе сознанія у заподозрѣнныхъ—явленіе заурядное“. Вымогательство сознанія путемъ насилія встрѣчается и при дознаніяхъ, производимыхъ сельскою и волостною полиціею. Чины полиціи стараются, главнымъ образомъ, быть исправными при исполненіи порученій, исходящихъ отъ непосредственнаго ихъ начальства, недостаточно заботясь о быстромъ и тщательномъ производствѣ розысковъ по дѣламъ судебнымъ. Исправниками, становыми и участковыми приставами дознанія производятся только въ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно они возлагаются въ уѣздахъ—на урядниковъ, въ городахъ—на полицейскихъ или околоточныхъ надзирателей. Провѣрка становыми приставами дознаній, произведенныхъ урядниками—не болѣе какъ формальность, безъ всякой пользы замедляющая движеніе дѣла.

Такова, въ главныхъ чертахъ, настоящая постановка полицейскаго дознанія, совершенно правильно разсматриваемая коммиссіей какъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ неудовлетворительнаго положенія слѣдственной части. Вопросъ о томъ, что̀ можно и должно сдѣлать для лучшей организаціи дознанія, былъ подвергнутъ предварительному обсужденію въ особомъ совѣщаніи, при участіи представителей обоихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ—министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ. Сущность заключеній, выработанныхъ совѣщаніемъ и принятыхъ коммиссіей, состоитъ въ слѣдующемъ. Розыскъ—т.-е. негласное и неформальное собираніе свѣдѣній посредствомъ расспросовъ, справокъ и наблюденій—можетъ быть возложенъ на всѣхъ чиновъ полиціи, не исключая сельской и волостной. Другое дѣло—производство формальнаго дознанія, требующее извѣстнаго уровня общаго образованія и спеціальнаго знакомства съ основами уголовнаго права и процесса. Наличность такого уровня можно съ несомнѣнностью предполагать лишь у высшихъ чиновъ городской и уѣздной полиціи—полиціймейстера, исправника, начальника уѣзда и ихъ помощниковъ. Между тѣмъ, выполненіе судебно-полицейскихъ функцій не можетъ не быть предоставлено также всѣмъ безъ изъятія участковымъ и становымъ приставамъ и полицейскимъ надзирателямъ. Желательно, поэтому, чтобы назначенію на эти должности предшествовало, на бу-

дущее время, выдержаніе испытанія въ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, при участіи чиновъ судебнаго и административнаго вѣдомства. Необходимость заставляетъ, однако, пойти еще дальше и допустить къ производству дознаній — кромѣ вышепоименованныхъ полицейскихъ чиновниковъ—околоточныхъ надзирателей и урядниковъ, но не всѣхъ, а только выдержавшихъ особое испытаніе въ уѣздной испытательной коммиссіи, смѣшаннаго состава. Для лучшей подготовки къ этому испытанію необходимо усилить средства, которыми располагаютъ такъ называемыя урядническія школы (въ размѣрѣ 300 рублей на каждую школу). Въ каждомъ станѣ слѣдуетъ учредить новую должность старшаго урядника, съ нѣсколько повышеннымъ содержаніемъ, и возложить на него производство дознаній по дѣламъ наиболѣе сложнымъ или возникшимъ въ тѣхъ участкахъ, гдѣ урядники не выдержали или не держали установленнаго испытанія. При производствѣ дознаній чины полиціи должны находиться въ непосредственномъ распоряженіи прокурорскаго надзора, исполняя всѣ отдѣльныя его порученія; если порученія эти именныя, то передача исполненія ихъ другому полицейскому чиновнику можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія лица прокурорскаго надзора, давшаго порученіе. На исправниковъ и полиціймейстеровъ производство дознанія или розыска можетъ быть возложено прокуроромъ окружного суда только по предварительномъ сношеніи съ ними и если они къ тому не встрѣтятъ особыхъ препятствій. Прокурору окружного суда предоставляется сосредоточивать производство розысковъ и дознаній по преступнымъ дѣяніямъ, хотя бы и совершеннымъ въ разныхъ полицейскихъ участкахъ, но имѣющимъ тѣсную связь, у одного изъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ. Прокурорскій надзоръ можетъ налагать на чиновъ полиціи дисциплинарныя взысканія, до выговора безъ внесенія въ формулярный списокъ включительно. Наложеніе высшихъ дисциплинарныхъ взысканій, а равно и преданіе суду за преступленія при исполненіи судебно-полицейскихъ функцій, слѣдуетъ предоставить особому губернскому присутствію, съ правомъ прокуратуры переносить дѣло, въ случаѣ разногласія, на разрѣшеніе сената.—Коммиссія, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію заключеній совѣщанія, остановилась на вопросѣ о томъ, возможно ли и желательно ли учрежденіе въ вѣдомствѣ министерства юстиціи особой судебной полиціи. Вопросъ этотъ разрѣшенъ коммиссіею отрицательно, не только въ виду крупныхъ затратъ, которыхъ потребовало бы устройство судебной полиціи, но и въ виду его нецѣлесообразности. За невозможностью точнаго разграниченія функцій судебной и общей полиціи, между ними, по мнѣнію коммиссіи, постоянно происходили бы столкновенія; первая на каждомъ шагу нуждалась бы въ помощи послѣдней, а единство дѣйствій,

столь необходимое при разслѣдованіи преступленій, оказалось бы недостижимымъ. Поэтому коммиссія одобрила, въ существѣ, предположенія совѣщанія, но осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. предварительнаго испытанія кандидатовъ на должности становыхъ и участковыхъ приставовъ) предоставила усмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, а вопросъ объ учрежденіи намѣченнаго совѣщаніемъ особаго губернскаго присутствія отложила до утвержденія проекта устава о служебныхъ провинностяхъ. На прокурорскій надзоръ коммиссія признала возможнымъ возложить и непосредственное производство дознанія, но только въ исключительныхъ случаяхъ и по особому каждый разъ распоряженію прокурора судебной палаты.

Чтобы опредѣлить значеніе перемѣнъ, проектируемыхъ коммиссіею, стоитъ только сравнить ихъ съ начертаннымъ ею самою изображеніемъ порядка, къ улучшенію котораго онѣ направлены. Полицейское дознаніе, какимъ мы его видимъ въ настоящее время, страдаетъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка, у лицъ, его производящихъ, знаній, умѣнья и доброй воли. Недостатокъ знаній предполагается устранить посредствомъ испытанія—но оно установляется проектомъ лишь для урядниковъ и околоточныхъ надзирателей. Для становыхъ и участковыхъ приставовъ оно только намѣчается въ неопредѣленномъ будущемъ; для исправниковъ и полиціймейстеровъ оно признается совершенно излишнимъ. Между тѣмъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, начальники уѣздной и городской полиціи отличаются отъ своихъ ближайшихъ подчиненныхъ не высшимъ образовательнымъ цензомъ, а только бо̀льшею служебною опытностью, т.-е. бо̀льшею продолжительностью службы. Ручательствомъ въ пріобрѣтеніи *знаній*, необходимыхъ для слѣдователя, такая опытность служить не можетъ — а дознаніе, при дѣйствіи выработанныхъ коммиссіею правилъ, мало чѣмъ будетъ отличаться отъ слѣдствія. Допустимъ, однако, что становые и участковые пристава будутъ, со временемъ, подвергаться испытанію, а исправники и полиціймейстеры будутъ назначаемы не иначе какъ изъ среды приставовъ, выдержавшихъ испытаніе; можно ли ожидать, затѣмъ, что дознанія, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, будутъ производимы съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла? Едва ли. Общее образованіе лицъ, желающихъ занять полицейскія должности, бываетъ, бо̀льшею частью, невысоко; нельзя, поэтому, предъявлять къ нимъ серьезныхъ экзаменаціонныхъ требованій, нельзя ожидать отъ нихъ сознательнаго усвоенія основныхъ юридическихъ положеній. Испытаніе ихъ, силою вещей, сведется къ удостовѣренію въ томъ, что имъ извѣстно содержаніе процессуальныхъ правилъ, которыми имъ нужно будетъ руководствоваться на практикѣ, а также постановленій уложенія, обусловливающихъ формальное направленіе

уголовныхъ дѣлъ. *Такое* знаніе достаточно для избѣжанія грубыхъ ошибокъ, но оно не даетъ умственнаго развитія, которое одно только можетъ служить надежной точкой опоры среди затрудненій всякаго рода, возникающихъ при производствѣ разслѣдованій. Въ гораздо бо̀льшей еще мѣрѣ это слѣдуетъ сказать объ испытаніи, установленномъ для полицейскихъ урядниковъ и околоточныхъ надзирателей. Изъ учрежденныхъ для нихъ школъ они могутъ вынести, въ лучшемъ случаѣ, только *навыки*, только извѣстную степень *умѣнья* (то, что̀ нѣмцы называютъ Fertigkeit), но отнюдь не настоящее, систематическое знаніе, немыслимое безъ общеобразовательной подкладки. Абсолютно ничего испытаніе не измѣнитъ въ нравственномъ складѣ полицейскихъ чиновъ, въ ихъ настроеніи, въ ихъ взглядѣ на свои обязанности; злоупотребленій въ родѣ тѣхъ, которыя слишкомъ часто встрѣчаются въ настоящее время, оно не предупредитъ; вѣдь и теперь, конечно, должностныя лица, пускающія въ ходъ насиліе и принужденіе, очень хорошо понимаютъ противозаконность такого образа дѣйствій. Неустраненной остается, наконецъ, и послѣдняя причина неудовлетворительности полицейскихъ дознаній—отсутствіе особой судебной полиціи и двойственное положеніе чиновъ общей полиціи. Постановленіе проекта, въ силу котораго полицейскіе чины, по производству дознаній, состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей, представляетъ собою повтореніе статьи устава уголовнаго судопроизводства, дѣйствующей уже болѣе тридцати лѣтъ — но дѣйствующей, въ сущности, только на бумагѣ. Въ дѣйствительности никто не можетъ служить одновременно двумъ господамъ; приказанія и даже желанія прямого начальства всегда имѣютъ и будутъ имѣть для подчиненныхъ гораздо бо̀льшую силу, чѣмъ требованія посторонних властей, хотя бы и основанныя на законѣ. Предостереженія и даже выговоры, идущіе отъ этихъ властей, менѣе страшны, чѣмъ малѣйшій признакъ неудовольствія со стороны тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится, de facto, судьба чиновника. Если въ настоящее время чины полиціи „стараются, главнымъ образомъ, быть исправными при исполненіи порученій, исходящихъ отъ непосредственнаго ихъ начальства, недостаточно заботясь о быстромъ и тщательномъ производствѣ по дѣламъ судебнымъ", то нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать чего-либо другого при дѣйствіи правилъ, составленныхъ коммиссіею. Обязательность исполненія именныхъ порученій именно тѣмъ должностнымъ лицомъ, которому они даны, возможность сосредоточенія дознаній, связанныхъ между собою, въ рукахъ одного изъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ, право прокурорскаго надзора поручать производство дознаній исправникамъ и полиціймейстерамъ,

если они не встрѣтятъ къ тому особыхъ препятствій—все это паліативы, не имѣющіе никакого существеннаго значенія.

Единственное сколько-нибудь важное нововведеніе, проектируемое коммиссіей, это—допущеніе лицъ прокурорскаго надзора къ непосредственному производству дознаній; но оно обставлено такими условіями (исключительность случая, особое каждый разъ распоряженіе прокурора судебной палаты), что на практикѣ, по всей вѣроятности, оно будетъ встрѣчаться чрезвычайно рѣдко. Три члена коммиссіи возражали въ принципѣ противъ привлеченія прокурорскаго надзора къ непосредственному производству дознаній, указывая на то, что акты дознанія подлежатъ прочтенію на судѣ и что можетъ встрѣтиться надобность въ допросѣ ихъ составителя, какъ свидѣтеля — а это несовмѣстно съ положеніемъ прокурора, какъ обвинителя. Не отрицая значенія этихъ доводовъ, но находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что полномочія прокурорскаго надзора по производству дознаній не могутъ быть меньше полномочій дѣйствующей подъ его руководствомъ полиціи, большинство коммиссіи остановилось на полумѣрѣ, упомянутой выше. Намъ кажется, что можно было бы пойти нѣсколько дальше. Не касаясь, пока, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли допускать прочтеніе на судѣ актовъ дознанія, мы думаемъ, что даже при утвердительномъ разрѣшеніи этого вопроса производство дознанія лицомъ прокурорскаго надзора не представляетъ—сравнительно съ производствомъ дознанія полиціею—никакого серьезнаго неудобства. Прокурору, руководящему дознаніемъ, ничто не мѣшаетъ принять, de facto, самое дѣятельное участіе въ составленіи того или другого акта или протокола, даже продиктовать его съ начала до конца. Различіе между актами, подписанными полицейскимъ чиновникомъ, и актами, подписанными самимъ прокуроромъ, можетъ быть, такимъ образомъ, чисто внѣшнимъ, формальнымъ, даже мнимымъ. Это признаетъ и большинство коммиссіи—но отступаетъ, почему-то, передъ логическимъ выводомъ изъ безспорной посылки... Допросъ должностного лица, совершившаго то или другое слѣдственное дѣйствіе, составляетъ сравнительно рѣдкое исключеніе; въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ былъ бы признанъ необходимымъ, поддержка обвиненія на судѣ всегда могла бы быть возложена на другое лицо прокурорскаго надзора. Всего правильнѣе и проще, поэтому, было бы установить, что прокуроръ окружного суда всегда можетъ взять на себя производство дознанія или поручить его одному изъ своихъ товарищей. Обусловливать это особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ прокурора судебной палаты, значитъ замедлять ходъ дѣла, для надлежащаго направленія котораго иногда всего важнѣе первые и притомъ безотлагательные шаги—и замедлять его безъ всякой надобности и пользы, потому что

въ огромномъ большинствѣ случаевъ прокуроръ палаты не находилъ бы препятствій къ удовлетворенію ходатайства прокурора окружного суда [1]). Само собою разумѣется, что за прокуроромъ палаты оставалось бы право предписать прокурору окружного суда взять на себя производство дознанія по тому или другому дѣлу. Насколько дознанія, произведенныя прокуратурой, превосходили бы, въ среднемъ выводѣ, дознанія, произведенныя полиціей—это не требуетъ объясненія. Мы не скрываемъ отъ себя, однако, что какъ бы широко ни было, по закону, право прокуратуры на непосредственное производство дознаній, въ дѣйствительности пользованіе этимъ правомъ все-таки встрѣчалось бы весьма рѣдко: личный составъ прокурорскаго надзора слишкомъ ограниченъ, масса возникающихъ дѣлъ слишкомъ велика и, главное, разстоянія у насъ слишкомъ громадны, чтобы можно было разсчитывать на производство прокурорскимъ надзоромъ сколько-нибудь значительнаго числа дознаній.

Для упорядоченія дознаній необходима мѣра болѣе общаго характера—и такою мѣрой могло бы служить учрежденіе судебной полиціи. Соображенія, приводимыя противъ нея коммиссіею, кажутся намъ неубѣдительными. Функціи судебной и общей полиціи разграничить нетрудно: достаточно установить, что къ розыскамъ и другимъ неотложнымъ дѣйствіямъ чины общей полиціи приступаютъ только тогда когда нѣтъ на лицо чиновъ полиціи судебной. Помощь общей полиціи можетъ понадобиться судебной лишь настолько, насколько и всякому другому учрежденію или должностному лицу; никакихъ особыхъ усложненій или недоразумѣній при этомъ ожидать нельзя. Исполнять требованія судебной полиціи общая полиція должна была бы на тѣхъ же основаніяхъ и въ той же мѣрѣ, какъ и всякія другія *законныя* требованія. Учрежденіемъ судебной полиціи было бы достигнуто, во всякомъ случаѣ, *единство* разслѣдованія, немыслимое при раздѣленіи его между органами двухъ различныхъ вѣдомствъ. Зависимость чиновъ судебной полиціи отъ прокурорскаго надзора была бы дѣйствительная, а не номинальная; они не имѣли бы ни возможности оправдывать свои упущенія или медленность занятіями, возложенными на нихъ прямымъ ихъ начальствомъ, ни надежды на защиту и поддержку со стороны этого начальства. Посвятивъ себя исключительно разслѣдованію преступныхъ дѣяній, они могли бы пріобрѣсти въ этой сферѣ такую опытность, которая рѣдко дается работой мимоходомъ и между прочимъ. Нѣчто въ родѣ спеціализаціи труда имѣетъ

[1]) Два члена коммиссіи (А. Ѳ. Кони и Н. С. Таганцевъ) считаютъ разрѣшеніе прокурора судебной палаты излишнимъ, но и они ограничиваютъ непосредственное производство дознаній самой прокуратурой одними лишь „исключительными случаями“.

въ виду и коммиссія, проектируя учрежденіе должности старшаго урядника; но этимъ путемъ нельзя достигнуть цѣли, такъ какъ старшій урядникъ, подчиненный, наравнѣ съ другими, полицейскому начальству, не будетъ состоять въ исключительномъ распоряженіи прокурорскаго надзора и не будетъ заниматься однимъ только производствомъ дознаній. Та самая сумма, которую коммиссія предлагаетъ ассигновать на содержаніе старшихъ урядниковъ, могла бы быть обращена на содержаніе судебно-полицейскихъ чиновъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи и свободныхъ отъ всякихъ другихъ обязанностей, кромѣ производства розысковъ и дознаній; увеличить ее слѣдовало бы лишь въ той мѣрѣ, въ какой это потребовалось бы для учрежденія судебной полиціи не только въ уѣздахъ, но и въ городахъ. Никакихъ „крупныхъ затратъ", слѣдовательно, образованіе судебной полиціи не потребовало бы—а прокурорскій надзоръ получилъ бы въ ея лицѣ помощниковъ если и не особенно развитыхъ, то усердныхъ и опытныхъ. Мы далеки, конечно, отъ мысли, чтобы судебная полиція, хотя бы и дѣйствующая подъ наблюденіемъ и руководствомъ прокурорскаго надзора, могла замѣнить собою судебнаго слѣдователя. Съуживать кругъ дѣлъ, по которымъ обязательно производство предварительнаго слѣдствія, не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, и при существованіи судебной полиціи; но если состоится перемѣна, проектируемая коммиссіею, если область полицейскаго дознанія будетъ расширена въ ущербъ области предварительнаго слѣдствія, то сопряженныя съ этимъ неудобства могутъ быть, до извѣстной степени, смягчены существованіемъ судебной полиціи. *Нормальнымъ* назначеніемъ ея мы считаемъ розыскъ, т.-е. негласное и неформальное собираніе свѣдѣній, относящихся къ предмету разслѣдованія.

Замѣняя предварительное слѣдствіе, для обширной категоріи дѣлъ, полицейскимъ дознаніемъ, коммиссія должна была установить для него совершенно иныя рамки и нормы, чѣмъ созданныя уставомъ уголовнаго судопроизводства, видѣвшимъ въ дознаніи только первый шагъ къ формальному слѣдствію [1]). Въ настоящее время осмотры, освидѣтельствованія, обыски и выемки производятся полиціей только тогда, когда ею застигнуто совершающееся или только-что совершившееся преступное дѣяніе, или когда до прибытія судебнаго слѣдователя слѣды преступленія могли бы изгладиться; но формальныхъ

[1]) За сохраненіе дознанія въ его настоящемъ видѣ, т.-е. за предоставленіе полиціи права совершать слѣдственныя дѣйствія лишь въ случаѣ неотложности, высказались шесть членовъ коммиссіи—В. А. Желеховскій, А. Ѳ. Кони, кн. Н. А. Ливенъ, Н. Н. Мясоѣдовъ, В. К. Случевскій и И. Я. Фойницкій. Первые двое подробно мотивировали свое особое мнѣніе.

допросовъ ни обвиняемымъ, ни свидѣтелямъ полиція не дѣлаетъ, развѣ бы кто-либо изъ нихъ оказался тяжко больнымъ и представлялось бы опасеніе, что онъ умретъ до прибытія слѣдователя. На основаніи проекта, составленнаго коммиссіею, къ нормальнымъ, постояннымъ составнымъ частямъ дознанія—когда оно замѣняетъ собою предварительное слѣдствіе,—относятся не только осмотры, освидѣтельствованія, обыски и выемки, но и допросъ свидѣтелей. Лицамъ, производящимъ дознаніе, не предоставляется: привлекать подозрѣваемое лицо въ качествѣ обвиняемаго, допрашивать свидѣтелей подъ присягою (за исключеніемъ случаевъ тяжкой болѣзни, внушающей опасеніе за ихъ жизнь), подвергать свидѣтелей приводу, налагать взысканія за неявку, производить освидѣтельствованіе мертвыхъ тѣлъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно необходимо для опредѣленія причинъ смерти лица, умершаго скоропостижно или найденнаго мертвымъ безъ явныхъ признаковъ насилія) и нѣкоторыя другія, рѣдко встрѣчающіяся слѣдственныя дѣйствія (напр. вырытіе мертваго тѣла, преданнаго землѣ, выемка почтовой и телеграфной корреспонденціи, осмотръ нотаріальныхъ книгъ и т. п.). Принимать мѣры къ пресѣченію способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда полиція можетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда подозрѣваемый навлекаетъ на себя достаточное подозрѣніе, 2) когда есть поводъ опасаться, что онъ скроется или уничтожитъ слѣды преступнаго дѣянія, и 3) когда онъ не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости. Мѣры пресѣченія, зависящія отъ полиціи—или обязаніе подпиской о неотлучкѣ изъ мѣста постояннаго жительства, или взятіе подъ стражу [1]). Власть полиціи при производствѣ дознаній является, такимъ образомъ, весьма обширной. Прежде всего бросается въ глаза ея право располагать свободой заподозрѣнныхъ ею лицъ—располагать этой свободой не только тогда, когда вѣроятно бѣгство заподозрѣннаго или уничтоженіе имъ слѣдовъ преступленія, но и тогда, когда подозрѣніе, съ точки зрѣнія лица производящаго дознаніе, оказывается *достаточнымъ*. Это выраженіе столь неопредѣленно, столь удоборастяжимо. что открываетъ полный просторъ усмотрѣнію полиціи. Самый неосновательный арестъ можетъ быть оправданъ ссылкою на субъективную оцѣнку уликъ, собранныхъ противъ подозрѣваемаго. Положеніе послѣдняго ухудшается тѣмъ, что полиція не въ правѣ принять по отношенію къ нему одну изъ среднихъ мѣръ пресѣченія, состоящихъ въ распоряженіи судебнаго слѣдователя (домашній арестъ, поручительство, залогъ); если

[1]) Взятіе подъ стражу, какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, допускается проектомъ—по отношенію къ лицамъ, имѣющимъ осѣдлость,—лишь въ дѣлахъ болѣе важныхъ, когда наказаніе, грозящее обвиняемому, не меньше тюрьмы съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

полицейскій чиновникъ, производящій дознаніе, не находитъ возможнымъ удовольствоваться подпиской о невыѣздѣ, ему не остается ничего другого, какъ взять подозрѣваемаго подъ стражу. Между дознаніемъ и слѣдствіемъ обнаруживается, съ этой точки зрѣнія, еще одно различіе, невыгодное для подозрѣваемаго: взятію подъ стражу по распоряженію слѣдователя предшествуетъ, по общему правилу, допросъ обвиняемаго, между тѣмъ какъ полиція не въ правѣ привлекать подозрѣваемаго въ качествѣ обвиняемаго и можетъ, слѣдовательно, допросить его лишь въ качествѣ свидѣтеля. Понятно, что это далеко не одно и то же. Обвиняемый, ясно сознавая свое положеніе, можетъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы поколебать или ослабить имѣющіяся противъ него и предъявленныя ему улики, и тѣмъ склонить слѣдователя къ принятію сравнительно мягкой мѣры пресѣченія; подозрѣваемый, допрашиваемый какъ свидѣтель, можетъ не знать, на чемъ основывается направленное противъ него подозрѣніе, и даже не сознавать, что онъ—свидѣтель только по имени, а въ сущности—обвиняемый. Одна изъ особенностей правильно организованнаго уголовнаго процесса заключается въ томъ, что никто не долженъ быть ни прямо, ни косвенно побуждаемъ или понуждаемъ къ самообвиненію—а допросъ подозрѣваемаго въ качествѣ свидѣтеля слишкомъ легко можетъ обратиться или превратиться именно въ самообвиненіе. Не зная ни причины, ни цѣли предлагаемыхъ ему вопросовъ, мнимый свидѣтель можетъ включить въ свои отвѣты много такого, чего онъ никогда не рѣшился бы сказать какъ обвиняемый. Въ особенности легко можетъ дать, такимъ образомъ, оружіе противъ себя именно тотъ, кого напрасно подозрѣваютъ въ преступленіи; дѣйствительно виновный окажется, въ большинствѣ случаевъ, болѣе осторожнымъ, потому что ему нетрудно будетъ угадать, къ чему клонится разслѣдованіе. Намъ могутъ замѣтить, что неудобство, на которое мы указываемъ, мыслимо и при предварительномъ слѣдствіи: и здѣсь, иногда, будущій обвиняемый сначала допрашивается какъ свидѣтель. Это правда—но разница въ томъ, что при слѣдствіи извѣстная сумма уликъ, указывающихъ на виновность извѣстнаго лица, тотчасъ же влечетъ за собою привлеченіе его въ качествѣ обвиняемаго, а при дознаніи, какъ оно проектируется коммиссіею, подозрѣваемый, при наличности тѣхъ же уликъ, можетъ до самаго конца оставаться на положеніи свидѣтеля [1]). Еще серьезнѣе другая несообразность, неизбѣжная при дѣйствіи порядка, проектируемаго коммиссіею. Чѣмъ

[1]) Мы знаемъ, что и при производствѣ слѣдствій привлеченіе обвиняемаго откладывалось иногда до самаго послѣдняго момента (напр. по извѣстному дѣлу Назарова)—но это были исключенія изъ общаго правила, близко граничащія съ злоупотребленіемъ, а по смыслу проекта таковъ долженъ быть обычный порядокъ дознанія.

меньше можно полагаться на безпристрастіе и правильность дознаній, производимыхъ полиціей, тѣмъ важнѣе обезпечить за лицами, противъ которыхъ направляется дознаніе, полную возможность обжалованія каждаго дѣйствія полиціи. Проектъ предоставляетъ право жалобы *участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ*; но принадлежитъ ли къ ихъ числу *подозрѣваемый* въ преступленіи? Очевидно—нѣтъ; онъ только *свидѣтель*—а свидѣтель можетъ жаловаться лишь на притѣсненія и неправильныя взысканія, которымъ онъ самъ подвергся. Если онъ взятъ подъ стражу или обязанъ подпиской о невыѣздѣ, онъ можетъ обжаловать собственно это дѣйствіе, прямо къ нему относящееся; но все остальное, съ формальной точки зрѣнія, не касается его лично и потому не можетъ служить для него предметомъ жалобы. Ему не возбраняется, конечно, указать лицу, производящему дознаніе, на цѣлесообразность того или другого слѣдственнаго дѣйствія—осмотра, обыска, спроса кого-либо въ качествѣ свидѣтеля; но это указаніе юридически ничѣмъ не отличается отъ заявленія посторонняго лица, и отклоненіе его или оставленіе безъ вниманія не можетъ служить предметомъ жалобы. Конечно, просьба подозрѣваемаго, не уваженная при дознаніи, можетъ быть повторена имъ тогда, когда онъ будетъ привлеченъ слѣдователемъ въ качествѣ обвиняемаго, и на отказъ ее исполнить можетъ быть принесена жалоба суду; но вѣдь моментъ, удобный для производства слѣдственнаго дѣйствія, можетъ быть къ тому времени давно упущенъ, и обвиняемый, этимъ самымъ, можетъ быть лишенъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ къ своему оправданію. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что если дознаніе будетъ преобразовано въ направленіи, проектированномъ коммиссіею, то проектъ устава уголовнаго судопроизводства долженъ быть дополненъ постановленіями о порядкѣ привлеченія къ дознанію лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступномъ дѣяніи, съ тѣмъ, чтобы со времени привлеченія подозрѣваемый считался участвующимъ въ дѣлѣ и пользовался всѣми правами, предоставленными обвиняемому. Нормальнымъ, конечно, такой порядокъ назвать нельзя; но *фактически* допрашивать подозрѣваемыхъ полиція будетъ вѣдь и при дѣйствіи правилъ, составленныхъ коммиссіею—и узаконеніе этого факта было бы, какъ намъ кажется, меньшимъ изъ двухъ золъ. Само собою разумѣется, что для слѣдователя во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы остаться обязательнымъ допросъ обвиняемаго, какъ нѣкоторая гарантія противъ неполноты и односторонности дознанія.

Облекая полицію правомъ допрашивать свидѣтелей, коммиссія признаетъ возможнымъ оглашеніе отобранныхъ такимъ образомъ показаній во время судебнаго слѣдствія. И теперь, правда, показанія, данныя при дознаніи, могутъ быть, по разъясненію сената, прочитываемы

на судѣ; но вѣдь по дѣйствующему закону свидѣтели допрашиваются при дознаніи только въ исключительныхъ случаяхъ, когда тяжкая, опасная ихъ болѣзнь не позволяетъ ожидать пріѣзда слѣдователя—а коммиссія предполагаетъ допустить полицейскій допросъ свидѣтелей, по цѣлому ряду дѣлъ, при условіяхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ, т.-е. возвести его на степень общаго правила. Это — экспериментъ очень рискованный. Мы знаемъ изъ матеріаловъ, собранныхъ самою коммиссіею, какъ обращается полиція, сплошь и рядомъ, съ свидѣтелями, въ особенности если на нихъ падаетъ подозрѣніе въ прикосновенности къ дѣлу. Относить показанія, данныя при столь ненормальной обстановкѣ, къ числу доказательствъ, непосредственно предъявляемыхъ суду и могущихъ служить основаніемъ для приговора, значитъ идти прямо въ разрѣзъ съ указаніями опыта. Опасность увеличивается тѣмъ, что коммиссія, вопреки существующей практикѣ, предполагаетъ разрѣшить прочтеніе на судѣ показаній, данныхъ, при дознаніи, не только свидѣтелями, но и подсудимымъ, если изустныя объясненія его передъ судомъ расходятся съ записанными во время дознанія. Въ какой степени цѣлесообразно, вообще, прочтеніе прежнихъ показаній подсудимаго—это вопросъ, къ которому мы возвратимся при разсмотрѣніи перемѣнъ, вводимыхъ коммиссіею въ постановленія о судебномъ слѣдствіи; теперь для насъ достаточно установить, что въ этомъ отношеніи уравненіе дознанія съ слѣдствіемъ еще болѣе опасно, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Припомнимъ, что, по проекту коммиссіи, подозрѣваемый можетъ быть допрошенъ при дознаніи только въ качествѣ свидѣтеля; справедливо ли, затѣмъ, противопоставлять это *свидѣтельское* показаніе объясненіямъ *подсудимаго*, т.-е. черпать противъ послѣдняго улики изъ такихъ отвѣтовъ, которые были имъ даны при совершенно иномъ отношеніи къ дѣлу, безъ яснаго сознанія опасности, ему грозящей?.. Играть роль на судѣ должны, далѣе, только тѣ письменныя показанія, правильность изложенія которыхъ не внушаетъ никакихъ разумныхъ сомнѣній; а подходятъ ли подъ это условіе показанія, записанныя полиціей? Кромѣ безпристрастія, отъ лица, излагающаго показаніе, требуется еще умѣнье схватывать чужую мысль, воспроизводить чужой разсказъ съ соблюденіемъ всѣхъ его оттѣнковъ и деталей; можно ли ожидать этого умѣнья отъ урядника или околоточнаго надзирателя, хотя бы и выдержавшаго установленное испытаніе? Скажемъ болѣе: можно ли ожидать его отъ большинства выше поставленныхъ полицейскихъ чиновъ?... Подпись свидѣтеля, даже грамотнаго, далеко не всегда удостовѣряетъ тождество сказаннаго и записаннаго; смущенный, запуганный, разстроенный, свидѣтель легко можетъ не замѣтить ошибокъ, вкравшихся въ запись, или у него можетъ не хватить рѣшимости, чтобы указать ихъ и настоять на ихъ

исправленіи. А между тѣмъ, письменное показаніе свидѣтеля, не явившагося въ судъ по законной причинѣ, весьма часто служитъ единственнымъ доказательствомъ того или другого факта, имѣющаго существенно важное значеніе. Повѣривъ ему, судъ повѣритъ иногда, въ сущности, не тому, что̀ сказалъ свидѣтель, а тому, что̀ записалъ отъ его имени полицейскій чиновникъ... Что сама коммиссія не имѣетъ увѣренности въ правильности дѣйствій полиціи при допросѣ свидѣтелей, это видно, между прочимъ, изъ того, что допросъ свидѣтелей при дознаніи допускается проектомъ только въ мѣстѣ ихъ пребыванія [1]). Правило это, однако, не воспрещаетъ полиціи вызывать свидѣтелей, для допроса, въ полицейскій участокъ или другое аналогичное помѣщеніе, если только оно находится въ томъ же городѣ или селеніи, гдѣ живутъ свидѣтели; между тѣмъ, въ настоящее время за полиціей вовсе не признается право *приглашать* къ себѣ свидѣтелей—другими словами, она можетъ производить распросы только на дому у распрашиваемыхъ. И здѣсь, слѣдовательно, проектируется перемѣна къ худшему, какъ естественное послѣдствіе расширенія полицейскихъ полномочій... Ка̀къ отзовется въ жизни предоставленіе полиціи права дѣлать обыски и освидѣтельствованія не только въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства, но и по всѣмъ дѣламъ, по которымъ слѣдствіе замѣняется дознаніемъ—это едва ли требуетъ объясненія.

Жалобы на дѣйствія полиціи при дознаніи приносятся, на основаніи проекта, прокурору окружного суда, за исключеніемъ распоряженій полиціи по принятію мѣръ пресѣченія заподозрѣнному способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда; на эти распоряженія можно жаловаться въ окружной судъ. Два члена коммиссіи (В. К. Случевскій и И. Я. Фойницкій) полагали, что *всѣ* дѣйствія полиціи по производству дознаній должны подлежать обжалованію въ окружной судъ; но большинство нашло, что въ видахъ единства какъ надзора за дѣятельностью полиціи, такъ и руководства ею, слѣдуетъ сохранить нынѣ существующее правило, въ силу котораго жалобы на дѣйствія полиціи приносятся прокурору. Намъ кажется, что съ расширеніемъ полномочій и власти полиціи слѣдовало бы измѣнить и порядокъ принесенія на нее жалобъ. Въ настоящее время ни одно дѣло (въ общемъ порядкѣ судопроизводства) не можетъ быть рѣшено судомъ на основаніи одного только полицейскаго дознанія; дознаніе вовсе не составляетъ части судебнаго производства, и оставленіе его внѣ контроля суда не заключаетъ

[1]) Семь членовъ коммиссіи высказались за предоставленіе полиціи, въ исключительныхъ случаяхъ, права вызывать свидѣтелей для допроса внѣ мѣста ихъ пребыванія; но большинство, съ предсѣдателемъ во главѣ, не согласилось съ этимъ предложеніемъ, между прочимъ потому, что полицейскія дознанія часто касаются предметовъ, вовсе не относящихся къ дѣлу и не подлежащихъ разслѣдованію.

въ себѣ ничего ненормальнаго. Совершенно иной характеръ оно будетъ имѣть при дѣйствіи порядка, проектируемаго коммиссіею; замѣняя собою, для цѣлой категоріи дѣлъ, предварительное слѣдствіе, оно должно быть подчинено, наравнѣ съ послѣднимъ, наблюденію суда. Исключеніе изъ общаго правила могло бы быть допущено развѣ для дознаній, производимыхъ непосредственно прокуратурой, хотя и въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ особой надобности: вѣдь если судъ, въ случаѣ разногласія между прокуроромъ и слѣдователемъ, можетъ признать требованіе прокурора не подлежащимъ исполненію (проектъ, ст. 166 и 168), то мы не видимъ причины, по которой ему нельзя было бы предоставить и право отмѣны распоряженій прокуратуры по производству дознаній (конечно, безъ права привлекать прокурора къ личной отвѣтственности за неправильное дѣйствіе или упущеніе)... Заслуживаетъ вниманія еще одна статья проекта (423), ярко характеризующая отношеніе коммиссіи къ полиціи: „всякая жалоба, для представленія ея по принадлежности, подается тому должностному лицу, на дѣйствія коего она приносится; *но жалобы на дѣйствія полиціи по производству дознаній могутъ быть приносимы и непосредственно прокурору*“. Правило, установляемое послѣднею частью этой статьи, вполнѣ цѣлесообразно—но оно можетъ быть объяснено не чѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ увѣренности, что жалоба на полицейскаго чиновника, поданная ему самому, дойдетъ по назначенію. Кому не довѣряютъ въ маломъ, тому не слѣдуетъ довѣрять и въ большомъ—а между тѣмъ на полицію возлагаются проектомъ обязанности несравненно болѣе важныя, чѣмъ простая пересылка дѣловой бумаги.

Съ большою силой недостатки системы, расширяющей область полицейскаго дознанія, указаны въ особомъ мнѣніи одного изъ членовъ коммиссіи (сенатора Желеховскаго). Въ проектируемомъ нововведеніи онъ видитъ „положительный и рѣшительный шагъ назадъ, возвращающій насъ къ дореформеннымъ временамъ и порядкамъ“. „Производство слѣдствій чинами судебнаго вѣдомства,—читаемъ мы дальше,—служитъ гарантіей, что законныя права всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ будутъ приняты во вниманіе; къ этой гарантіи народъ привыкъ въ теченіе почти сорока лѣтъ, и нѣтъ основаній лишать его таковой. Отъ появленія полиціи въ роли слѣдователей пострадаетъ и государство, такъ какъ подобное возвращеніе къ давно забытымъ порядкамъ несомнѣнно дискредитируетъ судъ въ глазахъ народа и повлечетъ за собою увеличеніе числа оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ... Предоставленіе полиціи права производить слѣдствія представляется мѣрой крайне нежелательною еще и потому, что ею наносится новый ударъ одному изъ самыхъ цѣлесообразныхъ и полезныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ—началу отдѣленія власти

судебной отъ административной. Жестокій ударъ былъ нанесенъ этому началу передачею дѣлъ мировой юстиціи въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ и возложеніемъ кассаціонныхъ функцій по дѣламъ этого рода на губернскія присутствія. Нынѣ, въ новое нарушеніе означеннаго начала, предполагается присвоить полиціи слѣдовательскія обязанности. Когда же и на чемъ остановится такое обездоливаніе власти судебной въ пользу власти административной? Наиболѣе спеціальными и трудными изъ судейскихъ должностей почитаются должности слѣдователя и кассаціоннаго судьи. Если можно первыя возложить на урядниковъ, а послѣднія поручить лицамъ безъ всякаго юридическаго образованія, то почему не передать административнымъ чинамъ, по примѣру дѣлъ мировой юстиціи, и болѣе легкія обязанности судей по существу и такимъ образомъ завершить циклъ судебныхъ преобразованій"?... Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе этихъ словъ, необходимо имѣть въ виду, что В. А. Желеховскій — вовсе не безусловный сторонникъ основныхъ началъ судебной реформы; въ составѣ коммиссіи онъ оказался единственнымъ принципіальнымъ врагомъ суда присяжныхъ. Его не можетъ коснуться, поэтому, подозрѣніе въ тенденціозности, въ отстаиваніи quand-même каждой буквы „судебной конституціи" — и тѣмъ убѣдительнѣе звучитъ его прямая, искренняя рѣчь, когда онъ протестуетъ противъ ограниченія нормальнаго круга дѣйствій судебной власти...

Институтъ земскихъ начальниковъ не перестаетъ возбуждать въ печати самые разнообразные толки. „Московскія Вѣдомости" продолжаютъ usque ad infinitum варіаціи на тему: „чѣмъ должны стать земскіе начальники". Теперь рѣчь идетъ уже не только о расширеніи ихъ судебно-административной власти, не только объ усиленіи ихъ состава почетными земскими начальниками, *содѣйствіе* которыхъ замѣнило бы собою *контроль* почетныхъ мировыхъ судей, но и о передачѣ земскимъ начальникамъ... „общественно-хозяйственныхъ функцій земскихъ учрежденій"! До столь смѣлаго размаха реакціонное прожектерство до сихъ поръ еще не доходило. Мотивировано оно ссылкою на порядокъ, существовавшій въ Англіи до 1888 гг., т.-е. до реформы мѣстнаго управленія. Подобно тому, какъ англійскіе мировые судьи, не выбранные, а назначенные, соединяли въ своихъ рукахъ и судъ, и полицію, и завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ и мѣстными финансами, у насъ въ Россіи, послѣ освобожденія крестьянъ, слѣдовало, по мнѣнію московской газеты, передать всю полноту мѣстной власти помѣстному дворянству, въ лицѣ тѣхъ его членовъ, которые были бы призваны къ тому правительствомъ. Что такое разрѣшеніе вопроса было бы наилучшимъ — объ этомъ сви-

дѣтельствуетъ блестящій успѣхъ учрежденія мировыхъ посредниковъ: „помѣстное дворянство, давъ государству этихъ замѣчательныхъ дѣятелей реформы, вполнѣ доказало, насколько въ немъ были живы традиціи благородства, самопожертвованія, навыка къ дѣламъ управленія и политическаго такта“... Нужно ли доказывать, что англійскіе мировые судьи, пожизненные, безсмѣнные и не получающіе никакого вознагражденія, очень мало похожи на нашихъ дворянъ, занимающихъ платныя должности и находящихся не только въ фактической, но и въ юридической зависимости отъ начальства? Нужно ли доказывать, что вся обстановка, среди которой дѣйствовала и дѣйствуетъ англійская мировая юстиція, не имѣетъ ничего общаго съ обстановкой нашей государственной и мѣстной жизни? Если мировые посредники *перваго призыва* стояли, бо̀льшею частью, на высотѣ своего призванія, то не потому, что они были проникнуты чувствами, одушевлявшими тогда массу помѣстнаго дворянства, а потому, что шли съ нимъ въ разрѣзъ, поднимаемые и поддерживаемые великой исторической минутой. Миновала эта минута, исчезло вызванное ею настроеніе центральной власти—и мировые посредники скоро стали только тѣнью того, чѣмъ были въ медовый мѣсяцъ ихъ существованія. Не трудно себѣ представить, чѣмъ было бы теперь земское хозяйство, еслибы оно попало съ самаго начала въ руки чиновниковъ, проникнутыхъ сословными взглядами и интересами... Какъ бы ни смотрѣть, впрочемъ, на законодательныя мѣры, состоявшіяся нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, нельзя не считаться съ ихъ послѣдствіями, нельзя ломать учрежденіе, съ которымъ свыкся народъ, которымъ дорожитъ общество, и передавать его наслѣдство горсти людей, безъ того уже соединяющихъ въ своихъ рукахъ слишкомъ много разнообразныхъ функцій. Если ужъ ссылаться на англійскихъ мировыхъ судей, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *теперь* они не принимаютъ болѣе никакого участія въ мѣстномъ самоуправленіи.

Разсужденія „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣютъ одно достоинство: онѣ совершенно ясны. Нельзя сказать того же самаго о замѣткѣ „Новаго Времени“ (№ 8716), озаглавленной: „Земскій начальникъ или земскій судья“, и написанной не столько противъ, сколько по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ нашего предыдущаго обозрѣнія. Въ концѣ замѣтки газета выражаетъ сожалѣніе, что самая идея учрежденія земскихъ начальниковъ „созрѣла не гдѣ-либо около сенатскихъ сферъ, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и гдѣ оно родилось, тамъ ужъ и остается“. Къ этому сожалѣнію мы присоединяемся вполнѣ, но путь, которымъ къ нему приходитъ „Новое Время“, выбранъ неудачно. Въ земскомъ начальникѣ,—говоритъ газета,—„больше авторитета, чѣмъ власти... Характеръ управленія, насколько онъ тутъ есть—почетный, а не сухо и не полицейски-адми-

нистративный. Словомъ, это должность чрезвычайно тонкая въ порядкѣ нашего внутренняго управленія; и когда она *потомъ* была поставлена въ тѣснѣйшую зависимость отъ губернаторской власти, то не безосновательно указывалось, что это есть искаженіе точной и истинной мысли Александра III-го... Въ планѣ императора не было дать деревнѣ бюрократа, послать туда управляющаго чиновника; и этого нѣтъ въ самой постановкѣ земскаго начальника въ деревнѣ, въ положеніяхъ о немъ, въ законѣ о немъ. Между тѣмъ, тенденція къ этому непремѣнно выросла изъ его положенія въ линіи такихъ властей, которыя спеціально и характерно бюрократичны". Мы желали бы знать, что̀ разумѣетъ газета подъ словомъ *потомъ*? Какими *позднѣйшими* узаконеніями или распоряженіями установлена тѣснѣйшая зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора? Она создана несомнѣнно самымъ положеніемъ 1889-го года, по которому земскіе начальники избираются губернаторомъ, подчиняются его надзору и руководительству, получаютъ отъ него, какъ единолично, такъ и въ составѣ уѣзднаго съѣзда, указанія къ единообразному примѣненію закона, привлекаются имъ къ дисциплинарной отвѣтственности, а увольняются отъ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернскаго присутствія, въ которомъ предсѣдательское мѣсто—и рѣшающее вліяніе—принадлежитъ губернатору. Все это вмѣстѣ взятое съ самаго начала ввело—и не могло не ввести—земскихъ начальниковъ въ составъ нашей бюрократической системы. Неизбѣжность этого процесса признается и „Новымъ Временемъ", неправильно опредѣляющимъ только его исходную точку. Будучи чиновниками—чиновниками по своему положенію, по источнику своихъ полномочій и по способу ихъ прекращенія,—земскіе начальники облечены именно *властью*, а не *авторитетомъ* (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ особыхъ случаевъ, когда кому-либо изъ нихъ удается пріобрѣсти, своими личными качествами, уваженіе и довѣріе населенія). Еслибы земскіе начальники были *только* администраторами, бюрократическій характеръ ихъ дѣятельности былъ бы болѣе нормаленъ: въ административной сферѣ труднѣе обойтись безъ извѣстной доли подчиненія и дисциплины. Другое дѣло—судьи: для нихъ больше всего и прежде всего необходима независимость, которой нѣтъ и не можетъ быть у земскихъ начальниковъ... Другая ошибка „Новаго Времени" обусловливается тѣмъ, что оно не даетъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ и назначеніи судебной власти. Говоря, въ предыдущемъ обозрѣніи, что осужденію (по суду) подлежитъ только *дѣяніе*, запрещенное подъ страхомъ наказанія, мы высказали не наше личное мнѣніе, а одну изъ тѣхъ аксіомъ, которыя давно уже не составляютъ предмета спора. Это не мѣшаетъ газетѣ усмотрѣть въ нашихъ словахъ „излишество

теоретизма". „Вѣдь кромѣ *дѣяній,*—восклицаетъ она,—есть въ деревнѣ просто безпорядокъ, произволъ пьянаго и сильнаго, произволъ взрослаго и властнаго, есть просто неряшество нравственное и бытовое, пьяная глупая исторія, которая до уровня *дѣянія* не доростаетъ и къ которой прилагать требованія *формальной легальности* просто не всегда возможно... Здѣсь нужно остановить, взыскать, распорядиться мелкимъ распоряженіемъ и взысканіемъ, но непремѣнно быстрымъ... Земскій начальникъ уже сейчасъ есть гораздо болѣе судья, нежели собственно администраторъ, ибо все его дѣло, вся матерія его службы есть вѣчное мелкое разбирательство явленій произвола, нечистоплотности, безшабашности, мелкой злобы и несправедливости". Напрасно, во-первыхъ, газета ставитъ на ходули слово *дѣяніе,* соединяя съ нимъ понятіе о чемъ-то крупномъ, важномъ, серьезномъ. Въ юридическомъ смыслѣ дѣяніемъ можетъ быть названъ всякій поступокъ, всякое дѣйствіе, даже самое незначительное. Одно изъ двухъ: или „безпорядокъ, произволъ, неряшество" соединяютъ въ себѣ признаки проступка, запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія—и въ такомъ случаѣ наказаніе это, какъ бы легко оно ни было, должно быть опредѣлено съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій „формальной легальности"; или въ нихъ нѣтъ никакого уголовнаго элемента—и въ такомъ случаѣ они могутъ быть только устраняемы, но не караемы распоряженіемъ административной власти. „Новое Время" упустило, далѣе, изъ виду, что судъ въ деревнѣ творится не только земскимъ начальникомъ, но и волостнымъ судомъ; послѣднему подвѣдомственны проступки наиболѣе мелкіе—и тѣмъ не менѣе даже отъ него требуется нѣкоторая „формальная легальность". Съ другой стороны, земскому начальнику подсудны весьма серьезныя уголовныя и гражданскія дѣла: онъ можетъ приговорить къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ, можетъ возстановить нарушенное владѣніе, присудить къ уплатѣ значительной денежной суммы. Не всякое разбирательство, наконецъ, носитъ на себѣ черты разбирательства судебнаго; странно считать земскаго начальника „болѣе судьей, чѣмъ администраторомъ" только потому, что онъ постоянно что-нибудь „разбираетъ". Процессъ разбора, въ смыслѣ предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія обстоятельствъ даннаго случая, существуетъ и въ дѣлахъ административныхъ; вся суть въ томъ, что здѣсь употребляются не тѣ пріемы и преслѣдуются не тѣ цѣли, какъ въ дѣлахъ судебныхъ... Мы, конечно, не возражали бы противъ превращенія земскихъ начальниковъ въ земскихъ судей, но лишь въ томъ случаѣ, еслибы подъ этимъ новымъ именемъ они были *дѣйствительно* судьями и *только* судьями.

27-го мая воспослѣдовалъ Именной Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Признавъ необходимымъ изъяснить истинный разумъ закона о неотчуждаемости имѣній, составляющихъ собственность Царствующаго Императора, повелѣваемъ: дворцовыя имущества, именуемыя Государевыми, признавать не подлежащими ни въ цѣломъ, ни въ части, дѣйствію земской давности".

Другой Именной Высочайшій указъ, отъ 7-го (20-го) іюня, имѣетъ весьма важное значеніе для Финляндіи. „Вслѣдъ за включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго въ составъ Россійской Имперіи — сказано въ этомъ указѣ, — по волѣ блаженныя памяти Императора Александра Перваго было положено постепенно ввести въ дѣлопроизводство по управленію краемъ русскій языкъ, въ качествѣ главнаго. Монаршее предначертаніе это, заботою объ укрѣпленіи государственнаго единства внушенное, не было приведено доселѣ въ исполненіе вслѣдствіе недостаточной распространенности въ Финляндіи русскаго языка. Для устраненія сего затрудненія были принимаемы разнообразныя мѣры, и еще въ послѣднее время знаніе государственнаго языка объявлено обязательнымъ для занятія высшихъ должностей въ краѣ. Нынѣ, признавъ своевременнымъ присвоить русскому языку приличествующее ему значеніе въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества, Мы поручили обсудить сей предметъ Особому Совѣщанію, для сего Нами учрежденному. Представленныя Совѣщаніемъ заключенія, Нашимъ намѣреніямъ соотвѣтствующія, опредѣляютъ ихъ осуществленіе съ постепенностью, свойству дѣла сообразною. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты во вниманіе потребности частныхъ лицъ, коимъ и впредь обезпечена возможность обращаться въ правительственныя установленія на родномъ языкѣ такъ же свободно, какъ они имъ пользуются въ общественной жизни и частномъ быту. Утвердивъ вслѣдствіе сего заключенія Особаго Совѣщанія, Мы повелѣваемъ:

I. Статсъ-секретаріату Великаго Княжества Финляндскаго, канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора и финляндской паспортной экспедиціи съ 18-го сентября (1-го октября) 1900 года, производить дѣла и вести переписку исключительно на русскомъ языкѣ.

II. Императорскому финляндскому сенату (по хозяйственному департаменту), съ 18-го сентября (1-го октября) 1900 г., подлинныя всеподданнѣйшія представленія, равно какъ подлинные отзывы и исходящія бумаги при сношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ, излагать на русскомъ языкѣ. Въ потребныхъ случаяхъ къ подлиннымъ производствамъ означеннаго департамента сената прилагать переводы упомянутыхъ представленій, отзывовъ и бумагъ на мѣстный языкъ. Съ 18-го сентября (1-го октября) 1903 года производства дѣлъ въ

сенатѣ и его экспедиціяхъ (кромѣ судебнаго департамента), какъ письменное, такъ и устное, совершать на русскомъ языкѣ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) относящіеся къ дѣламъ подлинные документы могутъ быть читаны на томъ языкѣ, на какомъ они составлены; б) при выдачѣ копій съ сенатскихъ опредѣленій могутъ быть опредѣляемы, по ходатайству просителей, шведскіе или финскіе переводы сихъ опредѣленій, и в) предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ сената, въ теченіе пяти лѣтъ съ указаннаго выше срока, разрѣшается дозволять членамъ сената представлять словесныя объясненія на шведскомъ или финскомъ языкахъ.

III. Главнымъ управленіямъ, подвѣдомственнымъ Императорскому финляндскому сенату, а также губернаторамъ, равно какъ заступающимъ ихъ мѣсто должностнымъ лицамъ и губернскимъ правленіямъ, съ 18-го сентября (1-го октября) 1905 года сноситься съ установленіями, надъ ними стоящими, какъ-то: съ генералъ-губернаторомъ, сенатомъ и другими,—исключительно на русскомъ языкѣ.

IV. Правительственнымъ установленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго, въ дѣлопроизводство коихъ вводится русскій языкъ, принимать и давать установленный ходъ прошеніямъ частныхъ лицъ, писаннымъ на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ.

V. Прошенія и бумаги на русскомъ языкѣ принимать во всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго (Высоч. пост. 3 дек. 1866 г. и 4 апр. 1887 г.).

Прошенія и бумаги сіи, въ потребныхъ случаяхъ, переводить на мѣстный языкъ порядкомъ, установленнымъ Высочайшимъ постановленіемъ 3-го декабря 1866 года.

VI. Подлежащимъ властямъ, подъ руководствомъ и надзоромъ финляндскаго генералъ-губернатора, благовременно принять, въ установленномъ порядкѣ, мѣры къ приведенію къ вышеуказаннымъ срокамъ личнаго состава подвѣдомственныхъ имъ установленій въ такія условія, какія необходимы для успѣшнаго введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и переписку сихъ установленій".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1900.

Китайскій вопросъ.—Правительственное сообщеніе 11 іюня. — Военныя дѣйствія въ Китаѣ.—Смерть графа М. Н. Муравьева; заслуги его въ области дипломатіи. — Задачи нашей внѣшней политики. — Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи и Италіи.

Печальныя событія въ разныхъ краяхъ свѣта непрерывно напоминаютъ намъ о роли „кулака" въ международныхъ отношеніяхъ, вопреки всѣмъ мечтамъ о вѣчномъ мирѣ. Военныя усилія и приготовленія никогда еще, кажется, не предпринимались съ такою энергіею, какъ послѣ Гаагской конференціи, имѣвшей цѣлью положить предѣлъ вооруженіямъ и предотвратить возможность войны. Германія создаетъ себѣ новый могущественный флотъ; Англія завоевываетъ обширныя земли двухъ боэрскихъ республикъ въ южной Африкѣ; на дальнемъ востокѣ происходятъ военныя дѣйствія между полчищами китайскихъ патріотовъ и войсками великихъ державъ, при невольномъ руководящемъ участіи Россіи. Воинственное броженіе, охватившее народныя массы Китая и направленное спеціально противъ иностранцевъ, выдвинуло на сцену грозный китайскій вопросъ, къ которому европейская дипломатія долго относилась безъ достаточнаго вниманія и пониманія.

Неудачная война съ Японіею разоблачила внутреннее безсиліе Небесной имперіи и полное ничтожество ея правительства; передовыя культурныя націи помѣшали предпріимчивымъ японцамъ воспользоваться результатами одержанныхъ побѣдъ, но сами приступили къ захвату прибрежныхъ китайскихъ территорій, подъ разными предлогами, при вынужденномъ формальномъ согласіи пекинскаго двора, и открыто начали дѣлить между собою разлагающуюся имперію, не заботясь о чувствахъ и интересахъ ея многочисленнаго населенія. Требованія желѣзнодорожныхъ концессій предъявлялись въ видѣ ультиматумовъ или поддерживались настойчивыми дипломатическими вліяніями; обезпеченіе льготъ и привилегій по внѣшней торговлѣ, устройство внутренняго рѣчного пароходства, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ,—все это принимало характеръ принудительнаго иноземнаго нашествія, болѣе или менѣе безцеремоннаго и грубаго. Неумѣренныя посягательства европейцевъ дали сильное оружіе врагамъ европейскихъ реформъ въ Китаѣ и облегчили переходъ власти въ руки реакціонной группы старыхъ сановниковъ, окружающихъ вдов-

ствующую императрицу; китайскій патріотизмъ, получившій уже отчасти преобразовательное направленіе при молодомъ богдоханѣ, сталъ опять синонимомъ застоя и мракобѣсія. Въ странѣ появились партизанскіе отряды для истребленія иноземцевъ; опустошительные погромы повторялись систематически въ разныхъ мѣстахъ, причемъ явное бездѣйствіе властей доходило иногда до прямого поощренія или соучастія. Народная „патріотическая лига" оффиціально считалась обществомъ тѣлесныхъ упражненій для лучшей защиты отечества и носила названіе „кулаковъ справедливой гармоніи" (или въ этомъ родѣ); иностранцы назвали этихъ гимнастовъ „боксерами", а въ нашей печати упорно присвоивается имъ титулъ „секты большого кулака". Въ правительственномъ указѣ отъ 3-го іюня рекомендуется начальствующимъ лицамъ, при подавленіи безпорядковъ, не примѣнять строгихъ мѣръ къ благонамѣреннымъ китайцамъ, упражняющимся въ гимнастикѣ для болѣе цѣлесообразной военной службы, и безчинства „боксеровъ" нашли такимъ образомъ свое оффиціальное оправданіе. Замѣчательно, что первыми жертвами народнаго озлобленія въ Китаѣ были миссіонеры, проповѣдники христіанской религіи между туземцами; члены этихъ духовныхъ миссій, обитатели ихъ пріютовъ и поселеній, въ томъ числѣ и женщины и дѣти, находились въ постоянной опасности жестокой расправы. Китайцы вообще равнодушны къ религіознымъ вопросамъ, и христіанская вѣра сама по себѣ не вызываетъ ихъ негодованія и раздраженія; это видно уже изъ того, что „боксеры" обыкновенно нападали лишь на людей, принадлежащихъ къ миссіямъ, и на ихъ имущество, а не на предметы культа. Дѣло въ томъ, что иностранные миссіонеры являются въ глазахъ туземцевъ первыми агентами чужихъ націй и правительствъ внутри Китая, первыми виновниками и предвѣстниками иноземнаго вмѣшательства, и въ ихъ появленіи китайцы видятъ главнѣйшій источникъ бѣдствій, угрожающихъ имперіи въ настоящемъ и въ будущемъ. Лордъ Сольсбери справедливо отмѣтилъ эту черту въ недавней рѣчи, произнесенной въ собраніи британскаго „общества распространенія креста". На востокѣ,—говоритъ онъ,—существуетъ пословица: сначала миссіонеръ, потомъ консулъ, затѣмъ генералъ. Китайцы, какъ и другіе народы, полагаютъ, что миссіонерство есть только орудіе свѣтскихъ правительствъ для достиженія ихъ эгоистическихъ и завоевательныхъ цѣлей. Существованіе миссіи въ какой-нибудь мѣстности даетъ посторонней державѣ право и поводъ принимать мѣры для охраны своихъ подданныхъ, посылать по ихъ требованію свои канонерки или военные отряды, требовать отвода земель въ вознагражденіе за какіе-нибудь убытки или обиды и, вообще, извлекать пользу изъ разстроеннаго положенія Китая. Какъ ни самоотверженна и безкорыстна дѣятельность миссіонеровъ на дальнемъ востокѣ,

но она несомнѣнно приводитъ къ результатамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ проповѣдью христіанскихъ идей. Германія и Франція добились крупныхъ земельныхъ пріобрѣтеній въ Китаѣ подъ предлогомъ возмездія за гибель миссіонеровъ, состоявшихъ въ ихъ подданствѣ,— такъ что смерть этихъ распространителей христіанства доставила весьма реальныя и значительныя выгоды ихъ отечествамъ. Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, которые раньше не имѣли никакого основанія вмѣшиваться въ китайскія дѣла, стали грозить Китаю своими броненосцами только потому, что въ числѣ дѣйствующихъ тамъ миссіонеровъ есть и американцы. Просвѣщенные иноземцы приходятъ къ китайцамъ исключительно въ видѣ искателей добычи; не только торговцы, но и носители религіи и культуры ведутъ за собою боевыя эскадры и подготовляютъ почву для территоріальныхъ захватовъ.

Можно понять настроеніе, создавшее организацію „боксеровъ" и приведшее, въ концѣ концовъ, къ народной борьбѣ противъ иностранцевъ въ Китаѣ; но нельзя было избѣгнуть серьезнаго военнаго вмѣшательства, когда нападеніямъ подверглись даже посольства великихъ державъ въ Пекинѣ и когда сами посланники очутились какъ бы въ плѣну или въ осадѣ. Великимъ державамъ пришлось выказать энергію и единодушіе, чтобы совмѣстными силами обезпечить безопасность своихъ представителей въ китайской столицѣ; соединенные отряды европейскихъ войскъ встрѣтили, однако, на своемъ пути регулярныя военныя силы, съ которыми и должны были сражаться,—и начались военныя дѣйствія съ Китаемъ безъ настоящей войны и даже безъ формальнаго нарушенія мира и дружбы съ китайскимъ правительствомъ. Чтобы добраться до Пекина, надо было завладѣть укрѣпленною гаванью Таку, охраняющею доступъ къ нему съ Печилійскаго залива; затѣмъ нужно было занять Тянъ-Цзинь; а такъ какъ занявшій его небольшой смѣшанный отрядъ былъ, въ свою очередь, окруженъ китайскими войсками, то надо было опять выручить осажденныхъ; въ то же время вышедшая далѣе къ Пекину смѣшанная колонна, подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура, была также задержана и окружена китайцами, и необходимо было идти къ ней на помощь безъ замедленія; начатыя съ ничтожными силами военныя операціи едва не окончились катастрофой, и судьба посольствъ въ Пекинѣ возбуждала общую тревогу. О постепенномъ ходѣ этихъ событій даетъ понятіе слѣдующее оффиціальное сообщеніе, напечатанное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 11-го іюня.

„Со времени полученія первыхъ же тревожныхъ извѣстій изъ Китая, Императорское правительство не замедлило, чрезъ представителя своего въ Пекинѣ, потребовать отъ китайскихъ министровъ принятія рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію спокойствія въ странѣ,

граничащей на обширномъ пространствѣ съ Россійскою Имперіею. Д. с. с. Гирсу вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось привлечь самое серьезное вниманіе Цзунъ-ли-Ямыня на опасныя осложненія, къ которымъ неминуемо поведетъ народное возбужденіе противъ проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ, и возложить на членовъ правительства отвѣтственность за всѣ послѣдствія возникшихъ безпорядковъ.

„Къ сожалѣнію, безпечность китайскихъ провинціальныхъ сановниковъ явилась въ глазахъ мятежниковъ поощреніемъ къ ихъ преступной дѣятельности. встрѣтившей къ тому же сочувствіе въ средѣ правительственныхъ войскъ. Возстаніе съ каждымъ днемъ стало принимать все болѣе широкіе размѣры; 25-го мая боксеры сожгли православную церковь въ деревнѣ Дунтинапь и угрожали поджечь зданіе русской духовной миссіи; жизнь и имущество русско-подданныхъ, проживающихъ въ Сѣверномъ Китаѣ, подвергались серьезной опасности; между тѣмъ въ распоряженіи нашего посланника находился лишь небольшой дессантъ въ 75 человѣкъ.

„При такихъ условіяхъ не представлялось болѣе возможнымъ медлить принятіемъ со стороны Императорскаго правительства рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію Россійскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченію жизни и имущества русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ.

„Въ этихъ видахъ, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, начальнику Квантунской области предписано было держать на-готовѣ 4-хъ-тысячный отрядъ для отправки онаго въ случаѣ необходимости въ Китай по первому требованію Россійскаго посланника въ Пекинѣ; но такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ всѣ сношенія съ нашей миссіею были прерваны, а между тѣмъ телеграммами изъ Шанхая сообщалось о сосредоточеніи вблизи столицы скопища боксеровъ, имѣющихъ намѣреніе произвести нападенія на иностранныя миссіи, вице-адмиралъ Алексѣевъ получилъ приказаніе немедленно отправить вышеупомянутый отрядъ по назначенію. Прибывшій 30-го мая въ г. Тянь-Цзинь первый эшелонъ въ 2.000 человѣкъ нашелъ какъ желѣзнодорожный путь, такъ и телеграфный проводъ къ Пекину разрушенными; въ самомъ Тянь-Цзинѣ подошедшіе мятежники произвели дважды нападеніе на европейскіе участки, начавъ поджогами зданій Китайскаго города и дома мѣстнаго генералъ-губернатора. Нашъ полевой отрядъ, не понеся никакихъ потерь, отбилъ обѣ атаки съ большимъ урономъ для мятежниковъ, шайки которыхъ между тѣмъ успѣли захватить всѣ форты бухты Таку, дабы какъ русскому, такъ и другимъ иностраннымъ дессантамъ отрѣзать путь для полученія провіанта и подкрѣпленій.

„Обстоятельство это побудило международныя войска прежде всего

озаботиться обезпеченіемъ за собою доступа съ моря и съ этою цѣлью принудить мятежниковъ сдать укрѣпленія Таку. Результаты боя, открытаго китайскими мятежниками въ ночь съ 3-го на 4-е іюня, уже извѣстны изъ обнародованной въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" телеграммы вице-адмирала Алексѣева.

„Съ занятіемъ укрѣпленій въ Таку, русскій отрядъ можетъ приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія по обезпеченію прямыхъ сношеній съ Императорскою миссіею и защитѣ русскихъ подданныхъ.

„Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что русскія войска, вступая на сосѣднюю территорію, отнюдь не преслѣдуютъ какихъ-либо враждебныхъ по отношенію къ Китаю цѣлей; напротивъ того, присутствіе ихъ въ дружественной странѣ при настоящихъ тревожныхъ событіяхъ можетъ только оказать существенную помощь пекинскому правительству въ борьбѣ его съ мятежниками и ускорить возстановленіе въ имперіи законнаго порядка вещей въ интересахъ самого Китая".

Приводимъ также оффиціальныя телеграммы командующаго въ Портъ-Артурѣ вице-адмирала Алексѣева о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, начиная съ занятія Таку:

„Утромъ 4-го іюня форты Таку заняты дессантомъ послѣ ночного семичасового боя съ фортами, начатаго китайцами. Въ этомъ дѣлѣ участвовали лодки „Кореецъ", „Гилякъ", „Бобръ", французская „Lion", англійская „Algerine" и германская „Iltis" подъ общимъ начальствомъ старшаго изъ командировъ капитана 1-го ранга Добровольскаго. Потери наши слѣдующія: убитъ лейтенантъ Бураковъ; ранены лейтенанты: Деденевъ — смертельно, Титовъ — тяжело, Богдановъ—легко; нижнихъ чиновъ убито шестнадцать, ранено шестьдесятъ-семь. Потери эти понесены лодками „Гилякъ" и „Кореецъ". Лодка „Гилякъ" потерпѣла серьезныя поврежденія, требуетъ исправленія въ докѣ вслѣдствіе подводной пробоины снарядомъ. Лодка „Кореецъ" получила шесть надводныхъ пробоинъ, каютъ-компанія разрушена. Лодка „Бобръ" не понесла потерь въ людяхъ и поврежденій не имѣетъ".

„Въ Таку взяты четыре китайскихъ истребителя (контрминоноски) и распредѣлены такъ: одинъ намъ, по одному англичанамъ, французамъ и германцамъ. Потери англійскаго „Algerine": ранено два офицера и четыре матроса; германскаго „Iltis": убито—одинъ офицеръ и шесть матросовъ, ранено—командиръ и восемь матросовъ; французскаго „Lion": ранено три матроса".

Изъ Портъ-Артура, отъ 9-го іюня: „Получено донесеніе отъ полковника Анисимова (командира 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка) изъ Тянь-Цзиня, отъ 6-го іюня, изъ котораго видно, что

положеніе отряда очень опасное. Сообщеніе прервано, китайскія скопища окружили Тянь-Цзинь, бомбардирують его изъ орудій большихъ калибровъ, нанося большія потери,—*убито и ранено семь офицеровъ, сто-пятьдесять нижнихъ чиновъ*; патроновъ и снарядовъ осталось немного. Пробиться на Таку трудно, а также везти женщинъ, дѣтей, раненыхъ; желѣзная дорога совершенно испорчена. Донесеніе доставлено, благодаря счастливой случайности. Генералъ Стессель отправилъ 7-го іюня изъ Таку, на выручку Анисимова, что было подъ рукой; сегодня, 8-го, надѣялся, по выгрузкѣ артиллеріи, выступить съ остальными войсками, оставивъ гарнизонъ въ Таку. Серьезность положенія обязываетъ меня принять крайнюю мѣру: не дожидая войскъ изъ Владивостока, отправить немедленно, сегодня ночью, одинъ батальонъ десятаго полка".

Отъ 13-го іюня: „Одиннадцатаго іюня генералъ Стессель съ боемъ вступилъ въ Тянь-Цзинь и соединился съ Анисимовымъ. Потери не велики, подробности дополнительно".

Отъ 14-го іюня: „Ночью на 13-е іюня, вышедшій изъ Тянь-Цзиня отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго, въ составѣ четырехъ ротъ и такого же числа иностранцевъ, освободилъ отрядъ Сеймура и доставилъ въ Тянь-Цзинь. Раненыхъ въ отрядѣ Сеймура двѣсти".

Какъ видно изъ правительственнаго сообщенія отъ 11-го іюня, дипломатія оставляла еще китайскимъ мандаринамъ безобидный выходъ изъ опаснаго международнаго положенія, созданнаго ихъ двусмысленною политикою: великія державы готовы были вѣрить, что и въ фортахъ Таку, и въ Тянь-Цзинѣ, и противъ отряда Сеймура, дѣйствовали не регулярныя китайскія войска, а шайки „боксеровъ" или „мятежниковъ", которыхъ стремится или должно стремиться обуздать само правительство Китая. Къ сожалѣнію, совѣтники вдовствующей китайской императрицы не успѣли воспользоваться этою дипломатическою теоріею, при неудачномъ началѣ войны; но начавшееся движеніе не остановится по указу изъ Пекина,—даже еслибы существовало въ Пекинѣ опредѣленное правительство, внѣ перемѣнчивыхъ вліяній и интригъ, окружающихъ жалкое подобіе высшей власти. Движеніе настолько разрослось, что едва ли уже справятся съ нимъ тѣ разрозненные и безсильные элементы, которые по традиціи продолжаютъ говорить и дѣйствовать отъ имени оффиціальнаго Китая. „Большіе кулаки", направленные противъ иноземцевъ и иновѣрцевъ, пріобрѣли въ короткое время обширную популярность въ китайскомъ народѣ; ихъ простая и грубая программа отвѣчаетъ также задушевнымъ мыслямъ правящаго класса, и подъ видомъ „боксеровъ" будутъ все чаще встрѣчаться регулярныя китайскія войска при дальнѣйшихъ попыт-

кахъ иностраннаго содѣйствія Китаю въ дѣлѣ возстановленія порядка въ имперіи. „Большіе кулаки“ оказались симпатичными и нѣкоторой части нашей печати, нашедшей въ нихъ нѣчто родственное своимъ давнишнимъ и любимымъ патріотическимъ идеямъ; но это вѣроятно объясняется лишь недоразумѣніемъ.

Международное положеніе остается крайне натянутымъ и щекотливымъ на дальнемъ востокѣ, несмотря на внѣшнее согласіе великихъ державъ, участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ китайскихъ „мятежниковъ“. Братство по оружію, соединяющее различныя націи подъ общею командою,—то русскою, то англійскою,—кажется весьма трогательнымъ въ принципѣ, но оно, къ сожалѣнію, нисколько не умаляетъ враждебнаго соперничества случайныхъ союзниковъ и часто, напротивъ, заставляетъ ихъ слѣдить другъ за другомъ съ удвоенною подозрительностью. При совмѣстной вооруженной расправѣ съ такими противниками, какъ китайцы, невольно возникаетъ опасеніе, что временное фактическое преимущество кого-либо изъ участниковъ, можетъ превратиться въ политическое и постоянное; поэтому печать особенно волнуется вопросами объ относительной численности войскъ той или другой державы и о степени участія ихъ въ устройствѣ дѣлъ Китая. Англичане не скрываютъ своего раздраженія по поводу того, что южно-африканская война не даетъ имъ возможности послать къ Пекину столько военныхъ силъ, сколько необходимо было бы для обезпеченія за Англіею руководящей роли въ разрѣшеніи китайскаго кризиса; они желали бы, по крайней мѣрѣ, отстранить Россію при помощи Японіи и выдвинуть послѣднюю на первый планъ, что̀ совпадаетъ и съ спеціальными видами японскаго правительства по отношенію къ Небесной имперіи [1]). Англичанамъ было непріятно, что ихъ отрядъ въ Тянь-Цзинѣ и попавшій въ засаду адмиралъ Сеймуръ освобождены русскими войсками; на этой почвѣ возникла полемика, свидѣтельствовавшая лишь о безтактности споривших. Наши газетные патріоты, съ своей стороны, громили Англію съ необыкновеннымъ усердіемъ и доказывали весьма настойчиво, что для насъ, будто бы, гораздо важнѣе сохранить прочную дружбу съ Китаемъ, чѣмъ съ Англіею и вообще съ Европою. Обѣ стороны забывали только, что дѣло идетъ пока о безопасности многихъ европейцевъ, въ томъ числѣ и англичанъ и русскихъ, которымъ одинаково грозятъ истребленіемъ китайскіе „кулаки“. Говорить о дружбѣ съ китайцами, занятыми вырѣзываніемъ иноземцевъ,—нѣсколько странно, а заводить споры изъ-за дѣлежа бу-

---

[1]) См. выше корреспонденцію г. Попова изъ Пекина, стр. 216 и слѣд.

дущихъ пріобрѣтеній и выгодъ — преждевременно. Патріоты искусственно возбуждаютъ чувства, которыхъ лучше не было бы совсѣмъ: они безъ надобности примѣшиваютъ къ крупнымъ политическимъ задачамъ мелочные счеты національнаго самолюбія и тщеславія. Съумѣетъ ли дипломатія стать выше этихъ счетовъ и не поддаваться впечатлѣніямъ поверхностнаго патріотическаго задора? Со времени торжества „имперіализма" въ Англіи, высшія точки зрѣнія почти не имѣютъ доступа къ политикѣ. Международное соперничество дѣлается все болѣе плоскимъ и вульгарнымъ; прежнія вспышки благороднаго идеализма, какія мы видѣли иногда въ дѣятельности Гладстона, не повторяются, и самые типы, способные къ такого рода порывамъ и стремленіямъ, начинаютъ какъ будто исчезать или теряютъ практическое значеніе.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ сохраняло спокойствіе и умѣренность при трудныхъ обстоятельствахъ послѣднихъ лѣтъ; оно всегда дѣйствовало корректно въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ и предпріятіяхъ, и эти свойства нашей политики повидимому соотвѣтствовали личнымъ качествамъ ея оффиціальнаго руководителя, внезапно скончавшагося (8 іюня) графа М. Н. Муравьева. Мы говоримъ: „повидимому", потому что судить о характерѣ и программѣ министра можно у насъ только по практическимъ мѣрамъ и результатамъ его управленія. Неожиданная смерть его въ такой моментъ, какъ настоящій, составляетъ событіе, которое не можетъ пройти вполнѣ безслѣдно для нашей дипломатіи. Графъ М. Н. Муравьевъ умеръ еще не старымъ—на 56-мъ году жизни; онъ прошелъ съ молодыхъ лѣтъ дипломатическую школу на службѣ за границею, главнымъ образомъ въ Германіи и во Франціи, и затѣмъ былъ съ 1893 года посланникомъ въ Копенгагенѣ, откуда и получилъ назначеніе на постъ министра послѣ князя Лобанова-Ростовскаго. Въ сравнительно короткій періодъ своей министерской дѣятельности—съ начала 1897 года—онъ успѣлъ связать свое имя съ цѣлымъ рядомъ серьезныхъ начинаній и дѣлъ, въ которыхъ принципіальное миролюбіе совмѣщалось съ твердою и предусмотрительною охраною русскихъ интересовъ; онъ подписалъ знаменитые циркуляры 1898 года объ ограниченіи вооруженій, осуществилъ проектъ созванія Гаагской конференціи, и въ то же время устроилъ пріобрѣтеніе значительной части Манчжуріи съ Портъ-Артуромъ и Таліенваномъ, не допустилъ господства японскаго вліянія въ Кореѣ, поставилъ предѣлъ честолюбію Японіи безъ ущерба для хорошихъ съ нею сосѣдскихъ отношеній, а на западѣ неизмѣнно придерживался союза съ Франціею, соблюдая традиціонную дружбу и съ Германіею, и съ Австро-Венгріею, съ которою заключилъ даже особое соглашеніе относительно балканскихъ дѣлъ. Умѣніе достигать реаль-

ныхъ выгодъ своевременными и быстрыми рѣшеніями, не только безъ разстройства общаго мира и цѣнныхъ международныхъ связей, но и съ сохраненіемъ репутаціи Россіи, какъ представительницы миролюбія и справедливости во внѣшней политикѣ, было наиболѣе характерною чертою и безспорною заслугою покойнаго гр. М. Н. Муравьева. Выдающаяся политическая роль Россіи въ ряду великихъ державъ зависитъ не отъ министровъ и дипломатовъ; однако, самое лучшее, естественное положеніе легко могло бы быть испорчено необдуманностью, слабостями и ошибками руководящихъ лицъ, и послѣднія заслуживаютъ похвалы уже и въ томъ случаѣ, когда они не мѣшаютъ мирному стихійному росту государства. Въ сущности, мы не имѣемъ положительнаго матеріала для оцѣнки нашихъ политическихъ дѣятелей, и наши сужденія о нихъ часто основаны только на предположеніяхъ и догадкахъ. Многое изъ того, что̀ приписывалось графу Нессельроде или князю Горчакову, дѣлалось помимо нихъ или противорѣчило ихъ взглядамъ и намѣреніямъ, какъ это выяснялось впослѣдствіи документами, извлеченными изъ государственныхъ архивовъ. Князь Горчаковъ долго пользовался славою первостепеннаго, тонкаго дипломата и даровитаго государственнаго человѣка, а когда ему пришлось дѣйствовать публично и отстаивать русскіе интересы на международномъ конгрессѣ, то онъ обнаружилъ отсутствіе всякаго политическаго плана и готовность пассивно отступать передъ такими противниками, какъ лордъ Биконсфильдъ и графъ Андраши. Дѣятельность нашихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ проходитъ, такъ сказать, за кулисами; ихъ идеи и стремленія, ихъ достоинства и недостатки извѣстны публикѣ лишь по слухамъ, а послѣдніе иногда опровергаются фактами, какъ это и случилось на берлинскомъ конгрессѣ. Преемники князя Горчакова имѣютъ предъ нимъ большое преимущество: они не связаны традиціями обязательной близости и солидарности съ берлинскимъ дворомъ или съ вѣнскимъ кабинетомъ; они не должны заботиться о чужихъ дѣлахъ и защищать выгоды постороннихъ правительствъ, а могутъ ограничиваться обсужденіемъ и охраною того, что̀ прямо или косвенно входитъ въ кругъ дѣйствительныхъ интересовъ Россіи. При графѣ М. Н. Муравьевѣ наша внѣшняя политика вызывала за границей одобреніе или осужденіе, смотря по обстоятельствамъ, но не давала повода къ недовѣрію или разочарованію. Задачи русской дипломатіи, при всей возростающей ихъ сложности, стали проще и естественнѣе; цѣли и дѣйствія стали болѣе опредѣленными и ясными, съ тѣхъ поръ какъ укрѣпилось сознаніе, что политика должна руководиться лишь реальными интересами и потребностями собственной страны, а не случайными и произвольными побужденіями дружбы или родства, симпатіи или антипатіи. Прежде мы представляли собою для Европы

простую физическую силу, которую можно было направить въ какую угодно сторону; русская армія отдавалась въ распоряженіе Берлина или Вѣны, и нельзя было предвидѣть, съ кѣмъ мы будемъ воевать и зачѣмъ. У насъ не было своей политики, а была фантазія, соединенная съ щедростью и великодушіемъ въ расходованіи народныхъ силъ и средствъ. Недовѣріе къ Россіи было тогда понятно и неизбѣжно; никто не зналъ, чего ждать отъ нея и чего бояться. Мы старались успокоить державы заявленіями и обѣщаніями, которыхъ никто отъ насъ не требовалъ и которыя впослѣдствіи намъ приходилось нарушать и перетолковывать по необходимости; особенно много такихъ ненужныхъ и одностороннихъ обязательствъ безкорыстія принималось нами при князѣ Горчаковѣ. Теперь наше министерство иностранныхъ дѣлъ уже не чувствуетъ себя въ положеніи виноватаго и не должно оправдываться передъ Англіею при всякомъ шагѣ Россіи на востокѣ или въ Средней Азіи; всѣ привыкли уже къ тому, что и у насъ есть свои самостоятельные интересы, въ охранѣ которыхъ мы пользуемся равноправностью съ другими европейскими націями. Устраненіе изъ нашей политики элемента случайности и фантазерства открываетъ предъ нами возможность сознательной программы въ области международныхъ дѣлъ и отношеній; передъ дипломатіею какъ будто очистился путь, и ей становится легче дѣйствовать, чѣмъ въ былое время.

Мы не имѣемъ еще выработанныхъ, установившихся взглядовъ по внѣшнимъ политическимъ вопросамъ; наши газетные патріоты готовы съ одинаковымъ краснорѣчіемъ проповѣдовать прямо противоположныя идеи, то воинственно-грозныя, то безусловно мирныя и великодушныя. Недавно еще наша патріотическая печать поддерживала пагубную мысль о неминуемой, будто бы, борьбѣ съ Германіею, но съ теченіемъ времени перестала высказываться въ этомъ духѣ, подъ вліяніемъ возстановленной оффиціальной дружбы съ Берлиномъ. Относительно Австро-Венгріи господствуетъ по прежнему духъ уступчивости и компромисса: преувеличенное вниманіе къ балканскимъ дѣламъ смѣнилось полнымъ равнодушіемъ, и мы предоставляемъ австрійцамъ опеку надъ землями и народами, изъ-за которыхъ предпринята была нами послѣдняя турецкая война. Сильнѣйшій воинственный тонъ усвоенъ нашими газетами по отношенію къ Англіи, а между тѣмъ именно въ Англіи все болѣе распространяется и крѣпнетъ убѣжденіе въ необходимости прочнаго мира и согласія съ Россіею. Напомнимъ, что русская инииціатива въ созывѣ Гаагской конференціи побудила тѣхъ же патріотовъ провозгласить водвореніе справедливости и мирныхъ чувствъ между культурными націями, какъ высшую цѣль и призваніе Россіи. Какъ совмѣстить всѣ эти разнородныя мнѣнія, исходящія изъ одного и того же лагеря? Почему проявляется у насъ на-

большая вражда къ англичанамъ, когда они, въ сущности, наименѣе склонны искать столкновенія съ нами и обнаруживаютъ лишь естественную боязнь нашего возростающаго военнаго могущества на дальнемъ востокѣ? Съ нашей стороны не было бы ни малѣйшаго разсчета ссориться съ Англіею; напротивъ, намъ слѣдовало бы относиться къ ней миролюбиво и идти на встрѣчу возможнымъ съ нею соглашеніямъ, чтобы избѣгнуть въ будущемъ опасныхъ конфликтовъ съ британскимъ флотомъ. Намъ ничего не нужно отъ чужихъ странъ и правительствъ, и мы со всѣми можемъ находиться въ постоянномъ мирѣ; но и дѣлать уступки надо съ осторожностью, по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Напр., отдавать значительную часть Балканскаго полуострова въ распоряженіе Австро-Венгріи было едва ли необходимо и цѣлесообразно; по всей вѣроятности, въ этомъ выразилась лишь сила традиціи. Трудно было бы объяснить причины, заставившія насъ воздержаться отъ законнаго протеста противъ хозяйничанья эксъ-короля Милана въ Сербіи и противъ его безцеремонной расправы съ дѣятелями руссофильской партіи, въ числѣ которыхъ оказался и бывшій сербскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Савва Груичъ. Наше фактическое отреченіе отъ всякаго вліянія въ Сербіи было тѣмъ болѣе странно, что Австро-Венгрія съ своей стороны не стѣснялась открыто оказывать покровительство Милану и принимать его въ Вѣнѣ съ почестями, какъ дружественнаго монарха. Индифферентизмъ нашей печати къ сербскимъ и вообще къ балканскимъ дѣламъ столь же неоснователенъ, какъ и шовинизмъ относительно Англіи. Въ нашихъ газетно-политическихъ увлеченіяхъ нѣтъ системы и послѣдовательности; иногда въ нихъ нѣтъ и здраваго смысла. Важные международные вопросы обсуждаются лишь случайно, въ связи съ текущими событіями, безъ общей руководящей мысли. Гдѣ же тутъ матеріалъ для сознательной и цѣльной программы? Дипломатическое вѣдомство слишкомъ рѣдко выступаетъ у насъ съ своими разъясненіями и указаніями; оно могло бы періодически, напр. разъ въ годъ, печатать обзоры своей дѣятельности, по примѣру и образцу ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра финансовъ, и этимъ путемъ создавалась бы извѣстная преемственность наблюденій и опытовъ, накоплялись бы положительныя данныя для выводовъ и для провѣрки существующихъ взглядовъ, причемъ выяснялись бы и принципіальныя основы нашей политики. Такіе обзоры были бы чрезвычайно полезны и въ томъ отношеніи, что давали бы заграничной печати фактическую почву для сужденій о дѣлахъ и намѣреніяхъ Россіи по внѣшнимъ вопросамъ. Нынѣ западно-европейская публика не имѣетъ другихъ источниковъ для свѣдѣній по этой части, кромѣ противорѣчивыхъ статей русскихъ газетъ; эти статьи, нерѣдко проникнутыя

воинственнымъ духомъ, аккуратно передаются за границу, какъ симптомы нашего общественнаго настроенія или какъ отголоски правительственныхъ тенденцій; отсюда возникаютъ разныя недоразумѣнія, которыя вѣрнѣе всего устранялись бы указаннымъ выше способомъ.

Въ Германіи имперскій сеймъ закрылъ свои засѣданія 12 іюня (нов. ст.) послѣ необыкновенно шумной законодательной сессіи. Окончено было два важныхъ дѣла—обсужденіе поставленнаго вновь на очередь пресловутаго закона Гейнце и принятіе правительственнаго проекта объ увеличеніи военнаго флота. До конца мая велась горячая борьба изъ-за вопросовъ искусства и общественной нравственности; клерикалы и консерваторы желали во что бы то ни стало установить какія-либо мѣры противъ художественныхъ произведеній, нарушающихъ „чувство стыдливости", хотя этотъ неопредѣленный признакъ могъ бы привести къ преслѣдованію всѣхъ классическихъ статуй и многихъ знаменитыхъ картинъ старыхъ и новыхъ временъ. Законъ Гейнце (названный такъ по имени героя одного скандальнаго процесса) былъ первоначально направленъ исключительно противъ зловредной дѣятельности лицъ, промышляющихъ развратомъ; и самая мысль—включить въ подобный законъ специальные параграфы объ искусствѣ—имѣла въ себѣ нѣчто обидное и непріятное. Любопытною особенностью этой упорной борьбы, волновавшей все нѣмецкое общество, было чисто-парламентское ея происхожденіе: клерикальныя и консервативныя группы, стоявшія за законъ Гейнце въ дополненномъ его видѣ, образуютъ большинство въ имперскомъ сеймѣ, такъ что имъ несомнѣнно принадлежало формальное право утвердить спорныя постановленія вопреки протестамъ оппозиціи. Правительство почти не принимало участія въ этихъ спорахъ. Парламентское меньшинство чувствовало свое безсиліе передъ сплоченными партіями центра и его союзниковъ; на подмогу меньшинству выступили передовыя общественныя силы, литературныя и художественныя, и въ странѣ образовалось сильное, энергическое движеніе въ защиту свободы искусства, при участіи самыхъ авторитетныхъ и популярныхъ именъ современной Германіи. Многіе надѣялись, что клерикалы добровольно откажутся отъ несчастнаго проекта, въ виду такого единодушнаго оппозиціоннаго движенія; но клерикальные умы устроены особымъ образомъ, и руководители большинства въ имперскомъ сеймѣ рѣшили поставить на своемъ. Тогда противъ формальнаго парламентскаго права поднялось парламентское же насиліе, въ видѣ обструкціи,—обычное оружіе подавляемаго въ парламентахъ меньшинства. Обструкція явилась послѣднимъ и единственнымъ способомъ предотвратить принятіе закона, ко-

торый по общему убѣжденію принесъ бы неисчислимый вредъ интересамъ искусства и подвергъ бы художественное творчество оскорбительному и мелкому полицейскому контролю безъ всякой пользы для нравовъ. Большинство имперскаго сейма должно было уступить; по предложенію графа Гомпеша и при помощи президента палаты, графа Баллестрема, состоялся компромиссъ, удовлетворившій оба враждебные лагеря: прежній параграфъ закона замѣненъ другимъ, касающимся лишь продажи извѣстнаго рода произведеній несовершеннолѣтнимъ. Побѣда была одержана, но усилія борьбы настолько утомили парламентскія партіи, что дальнѣйшія занятія имперскаго сейма прошли уже совершенно вяло. Вопросъ объ увеличеніи германскаго флота разрѣшенъ утвердительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждены проекты новыхъ налоговъ для покрытія предположенныхъ необычайныхъ затратъ на морское могущество Германіи.

Въ Австріи парламентъ закрылся 8-го іюня, неожиданно для самого себя, послѣ тщетныхъ попытокъ примирить враждующія національныя группы; придумывались еще комбинаціи для борьбы съ чешскою обструкціею и для проведенія закона о языкахъ, выработаннаго министерствомъ Кербера; старые элементы большинства не покидали еще своихъ надеждъ, среди оглушительнаго шума и звона въ лагерѣ чеховъ; но глава кабинета призналъ положеніе безнадежнымъ, и поздно ночью явился въ засѣданіе съ рескриптомъ о закрытіи парламента. Очевидно, заставить чеховъ принять законъ, который кажется имъ посягательствомъ на историческія права ихъ народности,—не въ силахъ правительства и солидарныхъ съ нимъ парламентскихъ партій. Австрійскій кризисъ изъ-за чешско-нѣмецкой распри давно уже сдѣлался хроническимъ, и заинтересованныя стороны сами, какъ будто, потеряли вѣру въ возможность мирной и безобидной развязки.

Въ Италіи министерство генерала Пеллу долго и храбро боролось съ общественнымъ мнѣніемъ, опираясь также на парламентское большинство, отчасти случайное и слишкомъ разнородное; правительство думало усилить свое положеніе, распустивъ парламентъ и устроивъ новые выборы; но результаты избирательной кампаніи не оправдали этихъ разсчетовъ, хотя и обезпечили большинство за кабинетомъ. Послѣ выборовъ 3-го іюня министерство Пеллу сразу лишилось своей энергіи; оно видѣло ясно, что обуздать оппозицію при помощи измѣненій парламентскаго устава — не удастся, и что раздраженіе, вызванное бѣдственнымъ состояніемъ народныхъ массъ, не можетъ быть уничтожено или ослаблено искусственными внѣшними мѣрами. Кабинетъ вышелъ въ отставку, и преемникомъ Пеллу назначенъ престарѣлый президентъ сената, Саракко, отъ котораго трудно ждать серьезнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ въ Италіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1900.

— И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Спб. 1900.

Въ прошломъ Литературномъ Обозрѣніи мы говорили о книжкѣ г. Осадчаго: это—писатель изъ народа, старавшійся выяснить положеніе деревни, знакомой ему съ дѣтства и по собственному жизненному опыту; опытъ автора былъ сравнительно тѣсный, но онъ хотѣлъ обобщать, угадывать будущее,—и при всѣхъ его лучшихъ намѣреніяхъ далеко не всегда можно было съ нимъ согласиться. Совсѣмъ иного рода книга г. Бѣлоконскаго. Онъ не задается широкими планами, разсказываетъ только прямо видѣнное и испытанное,—и книга его исполнена великаго, хотя и тяжелаго интереса. Авторъ давно уже выступилъ въ литературѣ съ отдѣльными работами по изученію народной жизни; у него собрался большой опытъ; если бывали въ свое время иллюзіи, онѣ повидимому совершенно исчезли при долгомъ и совершенно близкомъ знакомствѣ съ дѣйствительностью,— и въ результатѣ накопилось много наблюденій, которыя весьма полезно знать тѣмъ, кто занятъ народною жизнью или какъ теоретическій изслѣдователь, или какъ практическій дѣятель, или наконецъ администраторъ. Авторъ, кажется, былъ довольно долго земскимъ статистикомъ. Если только человѣкъ относится къ этому дѣлу не чисто механически, но живо воспринимаетъ впечатлѣнія и приготовленъ къ пониманію быта, то въ этой дѣятельности представляется едва ли не единственная въ своемъ родѣ возможность познакомиться съ экономической жизнью народа въ ея мельчайшихъ подробностяхъ, а вмѣстѣ и со степенью народной „культуры“. Районъ наблюденій автора былъ очень обширный: главнымъ образомъ это—средняя, замосковная Россія, но автору знакомъ и сѣверо-востокъ, даже Сибирь,—и не вездѣ онъ былъ только земскимъ статистикомъ. Но существенный интересъ представляютъ

именно тѣ его разсказы, гдѣ онъ передаетъ наблюденія, сдѣланныя имъ въ качествѣ земскаго статистика. Какъ мы замѣтили, авторъ не думаетъ вдаваться въ теоріи и при его задачѣ въ нихъ не было никакой надобности. Нѣкогда наша литература потратила не мало труда на созиданіе теорій весьма разнообразныхъ, изъ которыхъ между прочимъ явствовало, что народная жизнь представляетъ такое богатство внутренняго содержанія, что намъ остается только почерпать изъ нея поученія, воспринять отъ нея недостающій намъ истинно народный духъ—поучаться изъ нея, какъ совѣтовали славянофилы, или впослѣдствіи народники, или наконецъ гр. Л. Н. Толстой. Правда, уже во время этихъ идеалистическихъ призывовъ, съ другой стороны выражались немалыя сомнѣнія въ томъ, насколько народная жизнь въ ея непосредственномъ состояніи, безъ теоретическихъ и поэтическихъ натяжекъ, способна дать упомянутое поученіе; и потомъ не однажды говорилось о томъ, насколько удобно „опроститься"—безъ ущерба не только для простѣйшихъ требованій внѣшней жизни, но даже безъ ущерба для здраваго смысла. Теперь многія изъ прежнихъ увлеченій этого рода стали, кажется, невозможны, между прочимъ потому, что „истинная" деревня стала больше извѣстна, была описана съ большей простотой и правдивостью.

Нельзя сказать, однако, что миновала надобность все въ новыхъ изображеніяхъ деревни, т.-е. настоящаго народнаго быта. Однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, нарушившихъ прежнюю иллюзію, было народное бѣдствіе, къ несчастію повторившееся въ послѣдніе годы нѣсколько разъ. Это былъ голодъ: пришлось взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности; сказалась народная безпомощность не только матеріальная, но также и культурная,—какъ подобное сказалось и въ такъ называемыхъ „холерныхъ бунтахъ". Бѣдствія голода показали, кажется, вполнѣ убѣдительно, что со времени освобожденія крестьянъ въ народномъ хозяйствѣ наступалъ кризисъ, который съ теченіемъ времени все болѣе обострялся, кризисъ земельный и земледѣльческій: недостатокъ земли и вмѣстѣ неумѣнье примѣнить новые пріемы сельскаго хозяйства, которые становились необходимы. Фактическое бѣдствіе побуждало къ переселеніямъ. Многіе находили въ нихъ естественное распространеніе народа въ обширной государственной территоріи, которая оставляла еще слишкомъ много мѣстъ пустыхъ и ненаселенныхъ;—но нельзя забыть, что источникомъ движенія была нищета и что при этомъ движеніи большой процентъ переселенцевъ погибалъ, какъ погибаютъ птицы при весеннихъ и осеннихъ перелетахъ. „Холерные бунты" показывали съ другой стороны, что большой массѣ непонятны медицинская помощь и предохранительныя мѣры,—

какъ въ голодные годы были непонятны „столовыя“, устроенныя частными лицами: частная добровольная помощь принималась за „царскій паекъ“, котораго стали требовать себѣ даже люди состоятельные... Во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ,—причины которыхъ были, конечно, весьма сложны,—сказался, однако, совершенно несомнѣнно и настоящій мракъ невѣжества: масса была такъ далека отъ культуры и такъ подавлена тяжелыми условіями своего существованія, что люди „деревни“ часто совсѣмъ не понимали приходившихъ къ нимъ людей другого слоя общества, хотя бы послѣдніе приходили къ нимъ съ наилучшими намѣреніями, съ матеріальной и умственной помощью. Это былъ дѣйствительный „разрывъ“, но уже не тотъ, о какомъ говорили славянофилы или г. Златовратскій... Нельзя сказать, чтобы для самого общества и литературы положеніе народной жизни было совсѣмъ ясно. Далеко не всѣ, кто занимается вопросами внутренняго быта, сельскаго хозяйства, народной школы, управленія и т. д., понимають эти предметы въ ихъ дѣйствительномъ, реальномъ видѣ: отсюда идетъ не мало ошибокъ въ другую сторону, и наконецъ даже въ той области литературы, гдѣ нѣкогда развивался хотя преувеличенный, но въ основѣ благородный идеализмъ, возникаютъ ученія, нерѣдко принимаемыя молодыми поколѣніями съ великимъ азартомъ, но до чудовищности странныя при сопоставленіи ихъ съ дѣйствительнымъ характеромъ и нуждами народной жизни. Таковъ, напримѣръ, нашъ новѣйшій марксизмъ, дѣятели котораго не сознаютъ, изъ какихъ условій нашей жизни они произошли и чему служатъ.

Въ такомъ разбродѣ понятій именно бываютъ важны простыя, безпритязательныя и правдивыя изображенія народной жизни, къ какимъ принадлежитъ книга нашего автора. Его отношеніе къ деревнѣ состояло въ томъ, что онъ былъ земскій статистикъ: онъ не былъ никакимъ начальствомъ и только исполнялъ порученіе земства по собиранію свѣдѣній, въ зависимости отъ которыхъ должна была быть потомъ раскладка земскихъ сборовъ; сельскія власти были предупреждены объ его пріѣздахъ, такъ что могло бы не быть недоразумѣній,—тѣмъ не менѣе не обходилось безъ того, что сельскіе обыватели принимали его за начальство, приходили къ нему со своими жалобами, нуждами и просьбами, и хотя онъ отказывался распоряжаться, оставались убѣждены, что онъ именно присланъ отъ самыхъ высшихъ властей; съ другой стороны, люди болѣе опытные, обыкновенно сельскіе кулаки и управляющіе, старались уклоняться отъ дачи свѣдѣній, даже въ грубой формѣ, а одинъ управляющій (въ бывшемъ имѣніи И. С. Тургенева!) собирался арестовать нашего статистика, пославъ доносъ, что слѣдуетъ „задержать“ „неизвѣстнаго человѣка“, который пріѣхалъ возмущать народъ, хотя „неизвѣстный человѣкъ“ предъявилъ

ему всѣ свои оффиціальные документы. Крестьяне, хотя преувеличивали значеніе „чиновника“ или „члена“ (чего-то), по указаніямъ старостъ и старшинъ совершенно понимали, какія свѣдѣнія отъ нихъ требуются, и статистикъ могъ исправно наполнять цифрами свои бланки и таблицы.

Такимъ образомъ въ этихъ цифрахъ для нашего путешественника становилось совершенно ясно экономическое положеніе села или деревни; но къ нимъ прибавлялись еще живыя подробности: надо было дѣлать переѣзды, слышать разсказы возницъ, останавливаться въ избахъ и цѣликомъ видѣть обстановку, бесѣдовать съ хозяевами, выслушивать множество разсказовъ и объясненій по поводу собираемыхъ имъ цифръ, т. е. по поводу запашной или неудобной земли, покосовъ. лѣса и т. д.

Приводимъ нѣсколько разсказовъ нашего путешественника, гдѣ съ одной стороны обнаруживаются большія внѣшнія ненормальности крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства, съ другой—безпомощность крестьянства въ выясненіи его собственныхъ интересовъ и даже правъ, безпомощность, которая отчасти есть наслѣдіе простой безправности, отчасти происходитъ отъ простого невѣжества, недостатка сознательной грамотности. Замѣтимъ, что статистикъ объѣзжалъ подъ-рядъ села и деревни,—онъ имѣлъ дѣло не съ исключеніями, а съ общимъ тономъ деревенскихъ отношеній.

Дѣйствіе происходитъ въ степной деревнѣ въ Новороссіи. Крестьянство собралось въ избу, гдѣ остановился земскій статистикъ.

„...Первый вопросъ былъ о землѣ.

Слово „земля“ и планъ, разложенный мною на столѣ, по обыкновенію, магически подѣйствовали на сходъ. Собравшіеся близко придвинулись къ столу, лица оживились, послышался шепотъ: „Глянь, братцы, всю землю нашу привезъ; погляди-ко-сь, ребята, планты наши тутъ“...

— Вы за 450 десятинъ платите?—спрашиваю.

— Точно такъ, за 450,—отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

— Только, ваше вскородіе, у насъ этой земли нѣтъ,—замѣчаетъ кто-то изъ толпы.

— Это вѣрно, ваше вскородіе,—подтверждаютъ другіе, — у насъ земли не хватаетъ...

— Какъ такъ не хватаетъ? Гдѣ же она?

— Отрѣзана отъ насъ...

— Ну, сейчасъ увидимъ.

И я началъ подробно вычислять площадь общиннаго владѣнія.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что насколько трудно добиться какихъ-либо свѣдѣній объ общемъ размѣрѣ земли у крестьянъ четвертного

права, владѣющихъ землею подворно, настолько легко у общинниковъ, знающихъ всю принадлежащую общинѣ землю, какъ свои пять пальцевъ. Если попадется толковая община, то любо слушать, какъ она сообщаетъ детальнѣйшія подробности о каждомъ клочкѣ владѣнія. Особенно прекрасно знаютъ распашную землю, дѣлежъ которой иногда доходитъ до виртуозности.

Къ моему удовольствію, изъ первыхъ же словъ нѣкоторыхъ общинниковъ я убѣдился, что община толковая, свѣдѣнія будутъ хорошія, и потому охотно принялся за кропотливое дѣло вычисленія земель деревни N.

Безъ запинки сообщили мнѣ крестьяне, сколько у нихъ приходится саженъ на душу въ каждомъ полѣ, а также число и размѣръ загоновъ. Проставивъ пашню, перехожу къ покосамъ.

— По плану у васъ числится пятьдесятъ десятинъ покоса...

— Пятьдесятъ десятинъ!..

— Да, а по-вашему сколько же?

— По-нашему, ваше вскородіе, ничего нѣтъ: можете у кого угодно спросить...

— То-есть какъ? Вы вовсе нигдѣ не косите?

— А ни Боже мой!

— Куда же покосъ дѣлся?

— Не могимъ знать, ваше вскородіе!..

— Старики баютъ, что на старомъ мѣстѣ кашивали.

— На какомъ „старомъ мѣстѣ“?

— Насъ сюда выгнали: мы при барынѣ за версту отсюда жили.

— Почему же васъ выгнали?

— Такъ, взяли да и согнали со стараго мѣста, какъ волю-то давали... Не дай Богъ, что̀ здѣсь было! Солдаты здѣсь были, жандармы... Рота солдатъ насъ порола—во̀-какъ! Избы наши разобрали, и три волости сюда ихъ возили... Все поломали, порастаскали, и годъ строенія здѣсь валялись, а мы на старомъ мѣстѣ года два по квартирамъ жили... На войнѣ того не было, что̀ здѣсь было... Цѣлую недѣлю на барщину гоняли...

— Позвольте, какъ же здѣсь на планѣ сказано, что у васъ пятьдесятъ десятинъ покоса, и вотъ онъ нарисованъ—смотрите!

Я указалъ пальцемъ на планѣ на длинную зеленую полосу, проведенную отъ самой усадьбы до крайнихъ предѣловъ вытянувшейся холстомъ пашни. Крестьяне еще ближе придвинулись къ столу и съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣли на зеленую полосу. Послѣ нѣкотораго молчанія вдругъ нѣсколько голосовъ разомъ произнесли:

— Ребята, да это наши провалья!

— Какія „провалья“?

— Да такія, что мы и скотину туда не пускаемъ, потому, ежели провалится, тамъ ей и конецъ!..

— Овраги, значитъ?

— Да такія провалья, что не дай Богъ! Ежели ваше вскородіе желаете, мы васъ провеземъ туда... Вы куда отсюда ѣхать изволите?

Я назвалъ слѣдующую деревню.

— Ну, ладно, тутъ небольшой своротъ—мы васъ провеземъ какъ разъ возлѣ нашихъ покосовъ—увидите, каковы они есть...

— Хорошо, я посмотрю... Ну-те, а лѣсъ у васъ есть? По плану его значится 39 десятинъ...

— Лѣсу-то?!

— Да...

Общинники изумленно посмотрѣли другъ на друга.

— Неужели и лѣсу нѣтъ?

— Ваше вскородіе! у насъ ребятъ выдрать нечѣмъ, а не то, чтобы лѣсъ... Кнутовища не изъ чего сдѣлать...

— Но, вотъ, смотрите...

И я опять провелъ на планѣ пальцемъ по свѣтло-зеленому мѣсту съ крупными темно-зелеными пятнами, обозначающими деревья,—словомъ, показалъ, гдѣ значится лѣсъ.

— А-а! Знаемъ, знаемъ! Это старики вамъ разскажутъ... Дядя Семенъ, а дядя Семенъ! Иди-ка сюда!

Толпа разступилась, а къ столу подошелъ сѣдой, какъ лунь, сгорбленный старикъ съ громадною палкою, на которую онъ опирался.

— Дядя Семенъ! разскажи-ка барину о нашемъ лѣсѣ...

— О лѣсѣ?—переспросилъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Да, о лѣсѣ...

— Вишь, баринъ милый,—началъ старикъ,—какъ землю нарѣзáли, точно лѣсъ былъ и хор-рошій лѣсъ, только баринъ его срубилъ и выкорчевалъ, а мы потомъ мѣсто это распахали...

— Такъ что у васъ ни одного дерева, что называется, нѣтъ?

— Ни-ни!

Чтобы не повторяться, здѣсь же скажу, что, осмотрѣвъ мѣста, на которыхъ по плану находились покосъ и лѣсъ, я убѣдился, что крестьяне были совершенно правы: ни покоса, ни лѣса у нихъ дѣйствительно не было. Впервые явленіе это поразило меня, но затѣмъ я пересталъ удивляться, такъ какъ, оказалось, документальныя данныя весьма часто не имѣли ничего общаго съ дѣйствительностью" (стр. 22—25).

Авторъ приводитъ цифры, т.-е. наглядные факты, и затѣмъ приводитъ примѣры того, какъ это простое несоотвѣтствіе предполагае-

маго и дѣйствительнаго крестьянскаго владѣнія отражается въ представленіяхъ, а затѣмъ мѣропріятіяхъ, мѣстной администраціи.

„Послѣ всего сказаннаго,—говоритъ авторъ,—врядъ ли можно оспаривать крайнюю необходимость точной провѣрки крестьянскаго землепользованія при оцѣнкѣ имуществъ, подлежащихъ обложенію земскими сборами, и мы полагаемъ, что такая провѣрка обязательно должна быть произведена на мѣстахъ; въ противномъ же случаѣ не будутъ выяснены измѣненія въ крестьянскомъ землевладѣніи, что при оцѣнкѣ очень тяжело отразится на сельскомъ населеніи, не говоря уже о томъ, что вѣчно будутъ получаться „недоразумѣнія", благодаря несоотвѣтствію данныхъ съ дѣйствительностью, какія и мнѣ приходилось слышать. Напримѣръ, одинъ становой приставъ, характеризуя деревню, которую я долженъ былъ изслѣдовать, говорилъ: „Тамъ большіе мерзавцы живутъ; при собираніи податей—бѣда съ ними: состроятъ лазаря и клянутся-божатся, что у нихъ ничего нѣтъ, потому, молъ, что хлѣбъ не уродился. А между тѣмъ у нихъ есть покосы, лѣсъ—могли бы, канальи, быть исправны". По изслѣдованію же на мѣстѣ оказалось, что у „мерзавцевъ" дѣйствительно ничего не было, ибо земля плоха, и ея мало, а покосы и лѣса красовались лишь на планѣ и значились лишь въ документахъ,—на самомъ же дѣлѣ нѣкогда бывшія небольшія лужайки среди полей давнымъ давно были распаханы, а подъ именемъ „лѣса" по оврагамъ скрывался корявый орѣшникъ, по которому ходилъ скотъ, такъ какъ другого выгона не было".

Авторъ прибавляетъ, что несомнѣнно такого же рода „недоразумѣніями" объясняется и „знаменитый, въ свое время опубликованный, циркуляръ тамбовскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ о взиманіи платежей" (стр. 28—29).

За малымъ количествомъ собственной земли и угодьевъ, крестьяне идутъ на отработки къ помѣщикамъ, на условіяхъ очень скудныхъ, и, въ своемъ безвыходномъ положеніи, мечтаютъ о „вольныхъ земляхъ".

„Только-что спросилъ я о переселеніяхъ,—говоритъ авторъ,—какъ рѣчи рѣкою полились.

— Мы, ваше вскородіе, прошеніе подавали, чтобы либо всѣхъ насъ отсюда выселили, либо по жеребію, на кого, то-есть, выпадетъ, мы спорить не будемъ: на кого жребій падетъ—уйдемъ, потому тѣснота здѣсь безпримѣрная.

— А кто-нибудь изъ вашихъ уже переселялся?

— Да, вотъ, тутъ есть...

— Какъ тутъ?

— Назадъ пришли... Гаврило, Дементій,—подь-ка сюда!

Толпа разступилась, и къ столу продвинулись два оборванныхъ, несчастныхъ мужиченка и низко мнѣ поклонились.

— Вы на вольныя земли уходили?

— Точно такъ, ваше вскородіе...

— Почему же вы возвратились?

— Не принимаютъ тамъ: насъ тамъ не любятъ, приписки не даютъ менѣе какъ за 20 цѣлковыхъ съ головы...

— Далеко ли вы ходили?

— Далеко,—до Анисея-рѣки доходили,—нигдѣ не принимаютъ... Нельзя ли, ваше вскородіе, чтобы принимали? Потому, какъ мы теперича разоримши, намъ жить никакъ невозможно...

— Что же вы прямо такъ и ушли, ничего не разузнавши?

— Ваше вскородіе! Жизнь здѣсь наша такая, что, кажется, въ гробъ бы полѣзъ... Не дай Богъ!..

И пошли жалобы всего міра на своe житье-бытье... Топлива нѣтъ, воды тоже нѣтъ: зимою за версту за водою ѣздятъ „напрямикъ", а лѣтомъ—въ объѣздъ—за три версты, скотинѣ даже пить нечего; вслѣдствіе недостачи соломы, топятъ нерѣдко навозомъ, а потому на поля возить нечего, заработки плохи... Просто всю душу вымотали жалобами,—жалобами искренними, исходившими изъ глубины души" (стр. 31—32).

Крестьяне обыкновенно сообщали требуемыя свѣдѣнія не только безъ затрудненій, но съ большой охотой: передъ ними мелькала надежда объяснить свое положеніе и добиться какого-нибудь облегченія. Ребяческая неопытность побуждала ихъ видѣть въ заѣзжемъ оффиціальномъ человѣкѣ власть, которая можетъ все сдѣлать, если захочетъ. — такъ долго сохраняются преданія того стараго быта, когда дѣйствительно пріѣзжій чиновникъ дѣлалъ между ними что̀ хотѣлъ.

Не такъ легко было получать свѣдѣнія отъ другого разряда сельскихъ обывателей — именно тѣхъ, которыхъ обыкновенно называютъ „кулаками". Эти никакой помощи не ищутъ, а скорѣе желаютъ не допускать глазъ начальства до своихъ дѣлъ. Статистикъ разсказываетъ, какихъ трудовъ стоило ему изловить, наконецъ, подобнаго землевладѣльца. „Онъ, несомнѣнно, скрывался отъ меня, а я, буквально, гонялся за нимъ по разнымъ мѣстамъ и нѣсколько разъ получалъ свѣдѣнія, что „они сей сикундъ уѣхали—ка̀къ вы ихъ не сустрѣли?" А между тѣмъ, безъ описанія этого владѣльца работа по моему району теряла половину цѣнности, такъ какъ Сидоръ Поликарповичъ около третьей части имѣній двухъ моихъ волостей скупилъ, да столько же держалъ въ арендѣ. Во всѣхъ этихъ, еще недавно бывшихъ „дворянскихъ гнѣздахъ" новый владѣлецъ понасадилъ бойкихъ

„молодцовъ", которые на всѣ вопросы отвѣчали незнаніемъ, ссылаясь на то, что всѣ дѣлы, планты и гумаги у хозяина".

Откопать этого землевладѣльца можно было только однимъ средствомъ. Статистикъ попросилъ волостного старшину (который тоже велъ свою политику) выдать ему бумагу, гдѣ старшина удостовѣрилъ бы, что уполномоченный земства, при всемъ желаніи, не могъ отыскать въ волости этого землевладѣльца, хотя онъ въ ней именно и проживаетъ. Старшина этой бумажной отвѣтственности побоялся, и землевладѣлецъ тотчасъ нашелся. Съ нимъ начинаются новыя исторіи. Землевладѣлецъ принялъ статистика „съ неестественной строгостью", притворился ничего не вѣдающимъ, не получившимъ никакихъ бланковъ отъ земства, и признался, что ихъ имѣетъ, только тогда, когда ему сказано было, что отъ него получена росписка; но все-таки отказывался давать какія-нибудь свѣдѣнія о земляхъ, лугахъ, лѣсахъ, потому что онъ ничего не знаетъ: „я, таперича, ни делёмши съ братаномъ,—вотъ и старшина это можетъ заявить... мы, знаппа, ничиво не могимъ знать, сколько чего... ни дилили ничиво..." На вопросъ, на какихъ же основаніяхъ онъ владѣетъ землями, этотъ гражданинъ отвѣчалъ: „да такъ... безъ всякихъ основаніевъ".

Статистику оставалось опять поставить дѣло на формальную почву и онъ обратился къ кулаку съ просьбой: „Въ такомъ случаѣ, потрудитесь росписаться вотъ здѣсь, на бланкѣ: „Я, нижеподписавшійся, свѣдѣній никакихъ давать не желаю и никакихъ документовъ на владѣніе не имѣю". А старшина своимъ подписомъ скрѣпитъ ваше заявленіе".

„Старшина опять испугался, и самъ землевладѣлецъ сообразилъ, что завелъ свое отрицаніе слишкомъ далеко. Въ концѣ концовъ явились и планы, и свѣдѣнія,—хотя землевладѣлецъ и здѣсь еще разъ попытался уклониться отъ земскаго глаза; онъ говорилъ, что готовъ сейчасъ же заплатить двѣсти, либо триста рублей, лишь бы только „безъ безпокойства".

Только кончивъ эти безсмысленные переговоры, статистикъ оглядѣлъ комнату помѣщичьей усадьбы, гдѣ кулакъ его принималъ. „Я увидѣлъ, что громадная комната представляла изъ себя какъ бы музей, въ которомъ собраны были предметы различныхъ эпохъ. Всѣ стѣны увѣшаны портретами, начиная, судя по костюмамъ, со временъ Екатерины II до Александра II. Различныя же наслоенія замѣчались и на мебели, и даже на мелкихъ предметахъ и посудѣ, виднѣвшихся въ большомъ стеклянномъ шкафу. Особенно странное впечатлѣніе производило старинное фортепіано, съ раскрытыми на пюпитрѣ рукописными нотами „Полонезъ Огинскаго" и двумя возлѣ нихъ стеариновыми огарками. Воображеніе рисовало грустную кар-

тину: какъ-то вечеромъ послѣдній разъ огласилась звуками эта зала, а затѣмъ случилась какая-то катастрофа, не дозволявшая даже привести все въ надлежащій порядокъ.

Слѣдующая комната вся завалена была книгами; лежали онѣ въ страшномъ безпорядкѣ на полу; на стѣнахъ ясно замѣтны были слѣды шкафовъ, въ которыхъ когда-то, несомнѣнно, хранились эти книги" (стр. 179).

Такъ разрушено было „дворянское гнѣздо".

Когда статистикъ спрашивалъ, занимается ли владѣлецъ хозяйствомъ, оказалось, что нѣтъ, что онъ сдаетъ землю крестьянамъ, и на вопросъ, по какимъ цѣнамъ, оказалось, что „ни по чемъ", „почти что даромъ"; другими словами, крестьяне въ счетъ аренды производятъ для него всякія работы почти что безъ всякаго разсчета, потому что при болѣе настойчивомъ требованіи правильнаго разсчета, хозяинъ земли совсѣмъ не дастъ аренды. Словомъ, крестьяне—въ полномъ экономическомъ рабствѣ.

Мы дали понятіе объ одной сторонѣ книги г. Бѣлоконскаго. Въ ней и кромѣ того не мало любопытнѣйшихъ разсказовъ, съ которыми полезно было бы ознакомиться тѣмъ, кто беретъ на себя рѣшать вопросы о народѣ. Въ цѣломъ книга производитъ очень тяжелое, почти безотрадное впечатлѣніе матеріальной нищеты и, что̀ не менѣе ужасно, умственной или, точнѣе, образовательной нищеты огромной доли нашего сельскаго населенія. До сихъ поръ продолжаются толки о „народѣ" и всего чаще рѣшаются вопросы объ его настоящихъ нуждахъ и дальнѣйшемъ развитіи—теоретически, огульно (или на моральныхъ соображеніяхъ,—какъ недавно въ статьѣ г. Ромера, „Н. Вр." 15 іюня, впрочемъ весьма почтенной): важно было бы осмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ, на основаніи фактовъ—экономическихъ, образовательныхъ, общественныхъ, административныхъ,—и въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Бѣлоконскаго представляется намъ чрезвычайно цѣнной работой. Книга написана вообще очень живо и просто, и могла бы заинтересовать широкій кругъ читателей.—Д.

II. Руссофилъ. Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ. 1900.

Книга довольно странная, начиная съ псевдонима, подъ которымъ авторъ укрылся. Въ самомъ дѣлѣ, представляя себя какъ „руссофила", авторъ какъ будто впередъ говоритъ, что онъ и есть настоящій патріотъ, такъ что кто-нибудь другой, кто бы съ нимъ не согласился, будетъ патріотъ не настоящій, можетъ быть, даже вовсе не патріотъ. Это или наивно, или показываетъ слишкомъ большія притязанія: против-

нику, который хотѣлъ бы спорить съ г. Руссофиломъ, для обезпеченія своего добраго имени пришлось бы доказывать, что не-настоящій патріотъ есть г. Руссофилъ, а настоящій—онъ, его противникъ. Словомъ, споръ получалъ бы совсѣмъ безобразный видъ. Удалимся, впрочемъ, отъ этой неблагодарной почвы и скажемъ о книжкѣ, которая можетъ заслуживать вниманія по своему предмету.

Этотъ предметъ, безъ сомнѣнія, исполненъ величайшей важности. Авторъ знаетъ, что ему посвящено не мало серьезныхъ трудовъ, между прочимъ людьми мыслящими и убѣжденными (онъ перечисляетъ Кавелина, Пругавина, Рачинскаго, Горбова, Абрамова и т. д.), что безъ этихъ трудовъ даже почти невозможно взяться за разсмотрѣніе этого вопроса,—тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворенъ этими трудами: „ни одинъ изъ названныхъ авторовъ, по нашему крайнему убѣжденію, не разсматриваетъ вопроса о народномъ образованіи *всесторонне, безпристрастно*“.

Приступая къ своему изслѣдованію, авторъ выставляетъ слѣдующія основныя положенія. Во-первыхъ: „мы совершенно оставляемъ въ покоѣ всѣхъ тѣхъ, кто смотритъ на вопросъ о народномъ образованіи въ Россіи, какъ на вопросъ праздный, не заслуживающій серьезнаго вниманія“; во-вторыхъ: „мы совершенно согласны съ мнѣніемъ гр. Л. Н. Толстого, что выдумать русскую систему образованія невозможно, а надобно ждать, чтобы она сама выросла изъ народа“; въ-третьихъ, авторъ желаетъ избѣжать „тѣхъ забѣганій впередъ, которыя составляютъ неотъемлемое право науки, но совершенно негодны при практической постановкѣ какого бы то ни было вопроса, связанной по рукамъ и по ногамъ дѣйствительностью, настоящимъ“; наконецъ, въ-четвертыхъ, авторъ заявляетъ, что онъ будетъ говорить только о низшихъ народныхъ школахъ, школахъ сельскихъ и совсѣмъ не будетъ говорить о городскихъ народныхъ школахъ, даже двуклассныхъ, церковно-приходскихъ и ни о какихъ профессіональныхъ.

Это первое заявленіе уже способно привести въ недоумѣніе: какое же *народное образованіе*, о которомъ авторъ хочетъ говорить? Заглавіе книги слишкомъ громко, если авторъ ограничивается только элементарной школой грамоты; называть *эту* школу *народнымъ образованіемъ* намъ кажется какъ будто даже унизительнымъ для русскаго народа; но авторъ, въ объясненіи ко второму пункту своихъ положеній (см. выше), заявляетъ, что онъ именно желаетъ „воспользоваться въ своей работѣ тѣми данными, какія успѣла дать жизнь“, т.-е. авторъ желаетъ, какъ говорится, оставаться „вѣрнымъ народу“, какъ вѣроятно, по его мнѣнію, подобаетъ „руссофилу“. Само собою разумѣется, что условія народной жизни въ томъ или другомъ отношеніи не могутъ не быть приняты во вниманіе при постановкѣ народной школы:

но мы совершенно не понимаемъ, какъ „народное образованіе“ можетъ быть поставлено по второму пункту автора,—когда вѣковымъ бѣдствіемъ нашей народной жизни было именно отсутствіе школы.

Авторъ ставитъ для своего изслѣдованія слѣдующія темы: крестьянскій вопросъ; народное образованіе и литература; земская народная школа; церковно-приходская школа; школки грамотности. Но онъ разбираетъ ихъ не столько по существу, или даже всего меньше по существу, чѣмъ по разнымъ литературнымъ мнѣніямъ о нихъ. Напримѣръ, онъ приводитъ мнѣнія Кавелина, Рачинскаго, Пругавина и т. д., наполняя ими цѣлыя страницы, находитъ между ними разницу, по этому случаю, какъ подобаетъ, упрекаетъ авторовъ въ „противорѣчіяхъ“ и побѣдоносно выбираетъ середину. Но дѣло бываетъ иногда въ томъ (напр. относительно Кавелина), что въ данномъ случаѣ, по данному поводу, авторъ выставляетъ одну сторону предмета, а въ другомъ случаѣ—другую: напримѣръ, говоря объ общемъ положеніи русскаго крестьянскаго народа, однажды Кавелинъ говоритъ о необходимости прежде всего поддержать его матеріальное положеніе: въ другомъ случаѣ онъ же говоритъ, что необходимѣйшимъ дѣломъ, безъ котораго народъ не можетъ устроить своего благосостоянія, должно быть образованіе. Что̀ же важнѣе? спрашиваетъ авторъ (предполагая, что Кавелинъ не понималъ); отвѣтъ простой: оба важнѣе, и толковать объ этомъ мнимомъ противорѣчіи совершенно не стоило.

Ставъ на свою строгую критическую точку зрѣнія, авторъ вообще мало доволенъ мнѣніями литературы и въ разныхъ случаяхъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ ее обличаетъ. Къ сожалѣнію, не всегда удачно и, скажемъ, не всегда прилично. Напримѣръ. „Указываютъ на желательность матеріальной помощи въ дѣлѣ народнаго образованія со стороны правительства. У насъ вообще необыкновенно легко смотрятъ на казенный сундукъ; гдѣ бы и что̀ ни затѣяли: устройство ли какого-нибудь образцоваго птичника или образцоваго какого-нибудь завода, или же музея, прежде всего спѣшатъ возбудить ходатайство предъ подлежащимъ министерствомъ о пособіи, или о субсидіи, и тѣмъ самымъ напоминаютъ тѣхъ, къ сожалѣнію, еще очень многочисленныхъ россійскихъ финансистовъ, которые искренно убѣждены, что казна можетъ выпускать въ обращеніе сколько угодно денегъ, такъ какъ она сама ихъ дѣлаетъ. Мы нисколько не пытаемся поставить на одну доску дѣло народнаго образованія и устройство какого-нибудь образцоваго курятника, но, спрашивается, откуда же казна возьметъ денегъ на покрытіе новыхъ расходовъ. по министерству народнаго просвѣщенія?“ (стр. 13).

Возраженіе, желающее быть остроумнымъ, и не удачно, и неприлично. „Казенный сундукъ“ есть не что̀ иное какъ матеріальная сила,

собранная средствами націи и направляемая опять на тѣ или другія нужды націи, между прочимъ и на нужды ея образованія. По существу это иначе и быть не можетъ. Можетъ казаться только, что бюджетъ на народное просвѣщеніе можетъ быть увеличенъ, если точнѣе будетъ оцѣнена важность просвѣщенія. Этотъ бюджетъ и дѣйствительно постепенно возростаетъ.

Авторъ мудро намѣренъ избѣгать неосновательныхъ желаній, намѣренъ рѣшать вопросъ „на почвѣ дѣйствительности", а для этого надо „останавливаться только на томъ, что̀ необходимо, и избѣгать усиленныхъ киваній на Европу" (стр. 16). Что̀ означаютъ у автора „киванія на Европу", мы не совсѣмъ понимаемъ. Серьезно говоря, это можетъ быть одно изъ двухъ. Во-первыхъ, ссылка на примѣръ Европы, которая имѣла громадный историческій опытъ и великія заслуги во всемъ дѣлѣ человѣческаго просвѣщенія и между прочимъ въ дѣлѣ народной школы, и въ обоихъ отношеніяхъ могла бы дать важныя и полезныя указанія. Во-вторыхъ, это можетъ быть указаніе на то, что усиленное развитіе просвѣщенія въ Европѣ чрезвычайно усиливаетъ и матеріальное могущество западныхъ народовъ, которое въ концѣ концовъ дѣлаетъ изъ нихъ весьма опаснаго противника. Объ этомъ второмъ обстоятельствѣ нашъ авторъ вѣроятно не думалъ; если онъ не понималъ и перваго, то можно только пожалѣть, что не понималъ этого человѣкъ, который взялся говорить о русскомъ народномъ образованіи.

Въ главѣ о народномъ образованіи и литературѣ—снова рядъ разныхъ путаницъ. „Съ восьмидесятыхъ годовъ народное образованіе дѣлается любимымъ дѣтищемъ литературы, которое она ревниво охраняетъ *отъ малѣйшихъ покушеній*" (стр. 24). Авторъ такъ настоятельно говоритъ о необходимости держаться на „почвѣ дѣйствительности", что надо бы желать, чтобы здѣсь онъ хоть сколько-нибудь понималъ ее, но въ дѣйствительности наша литература вовсе не была, и не есть, въ такомъ положеніи, чтобы „ревниво охранять отъ малѣйшихъ покушеній" какой-либо изъ своихъ интересовъ. Укажемъ, для примѣра, что̀ она не могла охранить отъ недоброжелательства земскія школы, не могла охранить комитета грамотности при В. Экономическомъ Обществѣ, и т. д. Что̀ же означаютъ приведенныя выше слова?—одно пустословіе.

По поводу одной статьи, гдѣ упоминался разсказъ г-жи Ковалевской, что „въ Швеціи забота о народномъ образованіи создала столь замѣчательное явленіе, какъ народные университеты", нашъ авторъ говоритъ: „изъ этого слѣдуетъ, что если въ Швеціи явились народные университеты, то, значитъ, они тамъ нужны, и болѣе ничего не слѣдуетъ" (стр. 25). Другими словами, если въ указаніи на народные

университеты въ Швеціи заключалось пожеланіе, чтобы народное образованіе и у насъ, по мѣрѣ нашихъ условій, находило поощреніе и помощь, г. Руссофилъ не хочетъ объ этомъ знать.

Кажется, можно не углубляться больше въ его разсужденія. Приводимъ только заключеніе.

„Итакъ,—говоритъ г. Руссофилъ,—крестьянинъ *требуетъ* (?) теперь отъ школы только элементарную грамотность. Предлагать ему что-нибудь большее въ этомъ отношеніи *безполезно*, такъ какъ онъ, вещь естественная, будетъ брать только то, въ чемъ нуждается. Это доказывается отношеніемъ крестьянъ къ земской школѣ. *Значитъ*, школой, отвѣчающей вполнѣ требованіямъ народа, можно признать только школу грамотности; кромѣ того, эти школки народъ открываетъ только тамъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ потребность въ грамотности. Слѣдовательно, изъ денегъ, которыя тратятся населеніемъ на школки грамотности, безполезно не пропадаетъ ни одна копѣйка. Что же дальше дѣлать? Дальше, во-первыхъ, необходимо позаботиться, съ помощью мѣръ чисто экономическаго характера, о поднятіи матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, а во-вторыхъ, необходимо оставить совершенно всѣ эти попытки „выдумать русскую систему образованія", насадить образованіе, облагодѣтельствовать русскій народъ: такихъ попытокъ было не мало, и всѣ онѣ,—что и естественно,—только внесли въ жизнь путаницу и безполезную трату денегъ, а пользы не принесли ни на копѣйку (!). Если матеріальное благосостояніе крестьянъ не будетъ поднято, оно, естественно, будетъ падать, а отъ этого, безусловно, проиграетъ и самое дѣло народнаго образованія. Крестьянамъ, которые вынуждены разбирать и продавать на базарахъ свои избы и переходить на житье въ землянки, крестьянамъ, которые ежегодно съ сентября м. вынуждены покупать хлѣбъ, такимъ крестьянамъ, вещь естественная, не до школъ и не до ученья. Дальнѣйшее развитіе народно-образовательнаго дѣла, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, должно быть предоставлено всецѣло естественному теченію жизни. Запросамъ народа въ этой области безусловно и вполнѣ будутъ удовлетворять школки грамотности, подъ тѣмъ, конечно, непремѣннымъ условіемъ, если онѣ будутъ избавлены отъ всякаго непрошеннаго вмѣшательства и будутъ пользоваться полнѣйшими правами гражданства. Бояться безконтрольности школокъ грамотности нѣтъ никакихъ основаній: онѣ всегда были, есть и будутъ только школками грамотности, и ничѣмъ инымъ и быть не могутъ; контроли же эти, въ сущности, не только никакой пользы не приносятъ, но или тормозятъ дѣло, или коверкаютъ его. Можетъ быть, скажутъ, что при такихъ условіяхъ развитіе народно-образовательнаго дѣла будетъ идти слишкомъ медленно, но, вѣдь, скоро только сказка сказывается, да

проекты измышляются, а дѣло всегда медленно дѣлается, а потомъ— право же лучше медленно, да съ толкомъ и съ пользой.

„Въ заключеніе не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о *всякихъ* курсахъ и школахъ. Открытіе всѣхъ этихъ — повторительныхъ, вечернихъ, воскресныхъ, ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ курсовъ при школахъ необходимо признать *праздной затѣей*. Проектъ надѣленія школъ землею съ просвѣтительными цѣлями также долженъ быть признанъ не имѣющимъ *никакого серьезнаго значенія*. Сельско-хозяйственныя школы, какъ разсадницы сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ, тоже должны быть признаны *совершенно безполезными*: въ лучшемъ случаѣ онѣ приготовляютъ только приказчиковъ для большихъ имѣній" (стр. 162—163).

Давно не случалось намъ встрѣчать такихъ безплодныхъ, жалкихъ и отталкивающихъ разсужденій о „народномъ образованіи въ Россіи".—Д.

— Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Томъ II. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1899.

Мы говорили о началѣ этого изданія, которое, въ сущности, въ первый разъ даетъ большинству читателей возможность познакомиться съ публицистической дѣятельностью замѣчательнаго и оригинальнаго писателя,—иначе приходилось бы перерывать массу изданій, имѣющихся обыкновенно только въ большихъ столичныхъ библіотекахъ. Мы говорили о своеобразномъ характерѣ этого писателя, который всего больше подходилъ къ славянофильскому лагерю шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, но оставался отъ него независимъ; нерѣдко обнаруживалъ большую смѣлость въ сужденіяхъ о современныхъ общественныхъ вопросахъ, а иногда, какъ будто намѣренно въ перекоръ „либерализму", оставался равнодушенъ къ весьма несочувственнымъ явленіямъ бытовой рутины, что̀ и могло отталкивать отъ него людей, признававшихъ въ другихъ случаяхъ его достоинства.

Вышедшій теперь томъ сочиненій Гилярова-Платонова, какъ и первый, богатъ любопытными эпизодами его критической и исторической работы. Помѣщенныя здѣсь статьи начинаются съ 1859 года (статья въ Журналѣ Землевладѣльцевъ), продолжаются статьями въ его газетѣ „Современныя Извѣстія", въ „Руси", даже въ „Радугѣ" восьмидесятыхъ годовъ; „Основныя начала экономіи" были изданы отдѣльной книгой по смерти автора. Въ концѣ тома собраны его поминальныя статьи о замѣчательныхъ дѣятеляхъ нашей литературы, общественности, церкви отъ шестидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ.

Съ особеннымъ интересомъ и большой самостоятельностью Гиляровъ-Платоновъ обращался къ вопросамъ нашей церковной жизни.

Онъ самъ вышелъ изъ духовной среды по своему происхожденію, получилъ образованіе въ высшей духовной школѣ, самой богатой по духовно-ученому содержанію (въ московской духовной академіи), одно время, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, былъ тамъ профессоромъ: поэтому и по его собственнымъ обширнымъ познаніямъ, онъ былъ компетентный судья въ предметахъ нашей церковной жизни и исторіи. Чтобы дать понятіе объ его взглядахъ въ этой области, приводимъ нѣсколько его словъ по поводу современнаго положенія раскола.

Нѣкогда расколъ былъ предметомъ его лекцій въ московской духовной академіи,—прерванныхъ, однако, митр. Филаретомъ. Въ статьѣ „Логика раскола", напечатанной въ „Руси" Аксакова 1885, Гиляровъ-Платоновъ взялъ эпиграфомъ слова, сказанныя ему митрополитомъ Филаретомъ именно при этомъ случаѣ: „Вы отдаете справедливость русскимъ раскольникамъ".

„Я взялъ себѣ эпиграфомъ слова, обращенныя ко мнѣ тридцать лѣтъ назадъ митрополитомъ Филаретомъ,—говоритъ Гиляровъ-Платоновъ,—потому что предлагаемое мною будетъ сжатымъ, но точнымъ изложеніемъ именно того, къ чему онѣ относились. Онѣ сказаны были мнѣ въ упрекъ, но передавали мое отношеніе къ расколу вѣрно. „Говорятъ, что вы отдаете справедливость русскимъ раскольникамъ". Это означало: „расколъ есть нашъ противникъ, и противника не должно надоумливать, въ чемъ онъ правъ можетъ быть и силенъ, а только обличать его заблужденія и раскрывать недостатки". Митрополитъ стоялъ на полемической точкѣ зрѣнія. А я себѣ иначе опредѣлялъ задачу преподавателя въ высшемъ учебномъ заведеніи. Слушателей, уже прошедшихъ полный богословскій курсъ, предостерегать отъ какого-нибудь, положимъ, Спасова согласія было бы не меньшимъ дѣтствомъ, чѣмъ приводить въ полдень доказательства зрячему, что солнце стоитъ на горизонтѣ. Не находилъ я ни обязанностью своею, ни призваніемъ и практическую дрессировку студентовъ въ словопреніяхъ: на то другія силы и другая обстановка. На моихъ рукахъ была „Наука о Вѣроисповѣданіяхъ", въ составъ которой, какъ часть, входило и ученіе о русскомъ расколѣ. Я излагалъ сущность вѣроученій и развитіе ихъ историческое и психологическое; не обсуживалъ ихъ, а давалъ имъ самимъ себя обсуживать. Чтобы разбить ложь, нужно показать ея сущность, замѣтилъ Хомяковъ, помнится, по поводу католицизма. Того же основанія, хотя и независимо отъ Хомякова, держался и я. Раскройте сущность вѣроученія: тогда окажется мѣсто его среди другихъ; личное же вѣрованіе само послѣ того найдетъ, чей катихизисъ усвоить и къ какому обществу примкнуть должно по совѣсти (стр. 194—195).

Онъ объясняетъ дальше, какъ „вѣроученіе" остается непоколебимымъ, несмотря на всѣ усилія обыкновенной полемики, напр. въ нашихъ миссіонерскихъ обличеніяхъ раскола.

„Православный повидимому разбиваетъ противника. Онъ разбиваетъ дѣйствительно, но что?—пункты вѣроученія въ отдѣльности, и даже не сами въ себѣ, а въ томъ видѣ, какъ они поставлены противникомъ. Разбиваетъ ихъ внѣ связи, которою они держатся между собою, и еще далѣе отъ живой связи ихъ съ вѣрующею душою. Но не по тѣмъ основаніямъ приняла душа этотъ пунктъ и другіе, значащіеся въ символѣ; и приняла она вовсе не пункты, а вѣрованіе. И вѣрованіе ея вовсе не есть только мнѣніе"... „По психологическому закону полемика и должна приводить скорѣе къ обратному, къ досадѣ „уличеннаго въ заблужденіи", и отсюда не только къ коснѣнію, а даже къ фанатической возбужденности. „Не нашелся, не собрался; а непремѣнно есть другія, крѣпкія свидѣтельства, опровергающія его. Да еще правильно ли онъ привелъ и истолковалъ? Подлинныя ли эти рукописи? Въ связи ли прочтено мѣсто?"—Вотъ мысли, которыя начинаютъ копошиться въ умѣ „обличаемаго". И придетъ время, онъ найдется, онъ дѣйствительно подыщетъ авторитеты; въ случаѣ крайности отступится даже отъ формулы, въ которой его побивали, скажетъ: „Ну, такъ я не такъ выразился, а вотъ какъ". Формула будетъ брошена, а вѣрованіе останется".

И далѣе: „Какой убѣдительный примѣръ видимъ въ полемикѣ между католичествомъ и протестантствомъ! Сколько исписано томовъ въ два столѣтія! Этажи заставишь словопреніями; да и теперь онѣ отчасти продолжаются. И что нелѣпѣе, если взять, напримѣръ, хотя папизмъ? У кого еще встрѣтишь такія гнилыя основанія, догматическія и историческія, такое поразительное противорѣчіе и здравому разсудку, и совѣсти? И однако католичество не только здравствуетъ, но еще сила. И однако есть умы замѣчательные и характеры благородные, которые вѣруютъ, да еще искренно, въ папу и въ его непогрѣшимость. Милліоны же перестали вѣровать, но не перестанутъ быть папистами" (стр. 200—202).

Въ нашей литературѣ мало было высказано такихъ простыхъ и вѣрныхъ объясненій существа раскола и его современнаго положенія относительно гражданской и церковной власти.

„Что такое расколъ?—Явленіе, выбѣгающее изъ формъ, освященныхъ закономъ; пятно на чистомъ полу; кривая линія въ прямоугольникѣ, разбитомъ на квадраты; выпятившаяся грудь изъ фронта или даже дезертирство. Такъ и назову этотъ взглядъ фронтовымъ.

„Для фронтоваго взгляда не важны формулы вѣры, ни само чувство вѣрованія; онъ къ нимъ въ существѣ равнодушенъ, но его воз-

мущаетъ внѣшнее выраженіе, оскорбляетъ отступленіе отъ общеуказанной наружности. Будь про себя чѣмъ хочешь, да показывай себя какъ всѣ. Бываетъ, и ученіе возбуждаетъ во фронтовикѣ интересъ, вызываетъ его и на полемику, которая принимаетъ видъ радѣнія объ истинѣ. Не вѣрьте: не въ истинѣ и не въ убѣжденіи дѣло, а въ единообразіи и повиновеніи. Оно только себя называетъ истиной и убѣжденіемъ: истина въ томъ, чего требуетъ порядокъ; завтра онъ измѣнится—измѣнятся и истина и убѣжденіе. Сообразно съ такой теоретической посылкой и практическій пріемъ болѣе облюбовывается употребительный въ обыкновенномъ фронтѣ: за дезертирство—сквозь строй, за вынятченную грудь—розги".

„Тѣмъ не менѣе, фронтовой взглядъ на религіозныя явленія есть взглядъ у насъ оффиціальный, и на расколъ обрушился онъ даже тяжеле. нежели на другія исповѣданія, потому что расколомъ отступили отъ узаконеннаго вѣрованія не мысль только и вѣрованіе, а общество со своими формами, отличными отъ указанныхъ, со своею даже іерархіею; общество, притомъ, прямо и возникшее изъ ослушанія государственной и церковной власти. Законодательство такъ и осталось со взглядомъ на расколъ, какъ на мятежъ; ему отказываютъ въ гражданскомъ полноправіи. Если въ свѣдѣніяхъ довольствоваться однимъ Сводомъ Законовъ, то надлежало бы признать, что лѣтъ черезъ 25, много черезъ 50, никакихъ сектъ у насъ не будетъ. Переходъ изъ господствующаго вѣроисповѣданія запрещенъ, пропаганда подлежитъ строгимъ уголовнымъ карамъ; слѣдовательно, только вымри живущіе сектанты, особенно безпоповцы и скопцы, тогда водворится желаемое единство.

„Но единство не водворяется, секты продолжаютъ существовать, отчасти размножаясь и распространяясь".

„Государственная власть, впрочемъ, и перестаетъ видѣть въ расколѣ мятежъ, хотя букву закона оставляетъ въ старомъ воззрѣніи: убѣдились въ живучести раскола. Кромѣ того, историческій опытъ вынудилъ примириться вообще съ разновѣріемъ. По покореніи Казанскаго и Астраханскаго царствъ, затѣмъ Балтійскаго поморья и наконецъ западнаго края, не только русское подданство, но и русская народность перестали быть однозначащими съ православіемъ; пришла необходимость оказать иновѣрію не одно гостепріимство, какъ прежде, а дать полныя права гражданства. Рядомъ съ православною іерархіею появились іерархіи другихъ исповѣданій, названныхъ „иностранными" въ воспоминаніе прежней слитности народа и государства съ вѣрою. Противъ раскола суровые законы удержаны, можно сказать безошибочно, лишь изъ уваженія къ православной іерархіи. Она одна, въ сущности, и осталась представительницею фронтоваго начала. Произошло стран-

ное перемѣщеніе принциповъ: за совѣсть сталъ представитель силы— государственная власть, за силу и принужденіе — представитель совѣсти. духовенство. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылось рѣдкое зрѣлище оффиціальнаго лицемѣрія и двоедушія власти самой съ собою: законы угрожаютъ и караютъ, административные наказы предостерегаютъ противъ ихъ строгаго примѣненія; въ полной извѣстности для всѣхъ, кто желаетъ знать, продолжаются расколомъ проповѣдь и развитіе, правительственныя же сношенія едва признаютъ самое существованіе раскола, и если говорятъ о немъ, то не иначе, какъ „конфиденціально" и подъ „секретомъ". Раздѣленіе проникло въ самое духовенство. Низшій слой, непосредственно соприкасающійся съ расколомъ, относится къ нему равнодушно большею частію, иногда даже покровительственно, довольствуясь данью отъ „заблудшихъ чадъ"; причтъ въ иныхъ мѣстахъ былъ бы даже огорченъ пожалуй, когда бы вмѣсто взятокъ за требы пришлось брать съ прихожанъ обыкновенную плату за требы. Лишь далѣе по іерархической лѣстницѣ начинаетъ преобладать настоящій фронтовой взглядъ, и чѣмъ выше, тѣмъ суровѣе. По кажущейся аномаліи, но легко объяснимой, самое горячее радѣніе о соединеніи вѣръ, доходящее почти до инквизиціоннаго, находитъ, впрочемъ, представителей не въ духовныхъ, а въ свѣтскихъ изувѣрахъ, немногихъ къ счастію.

„Первое послѣдствіе такого положенія — деморализація агентовъ власти, для которыхъ расколъ есть только лишняя статья сверхзаконныхъ доходовъ. Затѣмъ правительство лицемѣрною тайною себѣ же закрываетъ глаза и само себѣ связываетъ руки, лишая себя свѣдѣній, на основаніи которыхъ могло бы цѣлесообразно дѣйствовать; мнимо усиленное наблюденіе обращается на дѣлѣ въ отсутствіе всякаго наблюденія. По отношенію же къ сектантамъ этотъ двоящійся взглядъ разрѣшается въ противорѣчивыя дѣйствія, съ нарушеніемъ иногда элементарной справедливости. Безопасность сектанта стала въ зависимость отъ случая, смотря по тому, къ чему больше душа лежитъ у ближайшаго начальства, къ суровому ли закону, или къ потворствующимъ предписаніямъ. Въ одномъ мѣстѣ свободно проповѣдуютъ и совращаютъ; въ другомъ за проступки болѣе маловажные высиживаютъ въ тюрьмѣ и идутъ на поселеніе.

„Приводить ли примѣры? Извѣстенъ случай, что становой въ мѣстности, населенной старообрядцами, періодически прибѣгалъ къ снятію колокола въ моленной. Проигрался: сотскаго за колоколомъ! Женѣ нужна шуба: снова колоколъ! А не далѣе зимы нынѣшняго года произошелъ совершенный даже курьёзъ. По Кавказу началъ разъѣзжать съ проповѣдью сосланный туда распространитель, кажется, штунды, и по справкѣ оказалось, что проповѣдникъ ѣздитъ по закон-

ному виду, гласившему: „данъ сей для свободнаго жительства и проѣзда *распространителю лжеученія* штунды такому-то". Я не преувеличиваю: можно отыскать епархіальныя вѣдомости, гдѣ это происшествіе сообщается оффиціально" (стр. 204—207).

Въ „поминальныхъ" статьяхъ очень опредѣленно сказались общественные взгляды Гилярова-Платонова. Не всегда они заслуживаютъ сочувствія. Такъ, по нашему мнѣнію, онъ совсѣмъ невѣрно оцѣнивалъ дѣятельность Каткова, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣлъ понять броженій русскаго общества въ эпоху реформъ и послѣ; но въ другихъ случаяхъ онъ умѣлъ вѣрно опредѣлять историческихъ людей и историческіи явленія. Укажемъ, напримѣръ, статью объ Иванѣ Аксаковѣ и особенно любопытное письмо къ кн. Н. В. Шаховскому (стр. 516—518), гдѣ Гиляровъ-Платоновъ указывалъ, между прочимъ, паденіе стараго идеала славянскаго братства, который нѣкогда съ такимъ одушевленіемъ строился Хомяковымъ и К. Аксаковымъ.—Т.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію журнала поступили слѣдующія новыя книги и брошюры.

Бальмонтъ, К.—Горящія зданія. Лирика современной души. М. 900. Ц. 1 р.

Верещагинъ, В. В., художн.—Духоборцы и молокане; шіиты, батчи и опіумоѣды; Оберъ-амергау. Разсказы, съ рис. М. 900. Ц. 60 к.

Визнеръ, Юл. — Физіологія растеній. Переводъ В. Г. Бойно-Родзевича, подъ редакціею и съ дополненіями Н. С. Понятовскаго. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Съ 10 рисунками въ текстѣ. М. 900. 186 стр. Ц. 1 руб. 20 коп.

Гіацинтовъ, Н.—Отчетъ Зарайскаго Окружного Правленія Имп. Россійскаго Общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Импер. Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны. За 1899 годъ. Зарайскъ, 900. 71 стр.

Горькій, М.—Разсказы. Т. IV. Содержаніе: Θома Гордѣевъ. — Двадцать-шесть и одна. Спб. 900. Ц. 1 р.

Дукмасовъ, А. И.—Вопросы права и закона. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Езерскій, Θ. В.—Юбилейное изданіе литературныхъ трудовъ русской тройной системы счетоводства и счетоводныхъ курсовъ. Спб. 1899 г.

Елисѣевъ, Я. В., д-ръ.—Львиныя ночи. Изъ путешествія по Сѣверной Африкѣ. Спб. 900. Ц. 50 к.

Жебаръ, Эли.—Мистическая Италія. Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ среднихъ вѣкахъ. Съ франц. Спб. 900.

Кнутъ Гамаунъ.—Сьеста.—Очерки. Съ норвеж. С. Поляковъ. М. 900. Ц. 1 р.

Коппе, Франсуа.—Жертва любви. Ром. съ франц. Н. Сазонова. М. 900. Ц. 60 к.

Котлеръ, Д.—Герои южной арміи. Съ рис. и картой. Спб. 900.

Красновъ, А. Н., проф.—Индія и Цейлонъ. Спб. 900. Ц. 40 к.

Красносельскій, А. П.—Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 900. Ц. 60 к.

Кржививцкій, Л.—Физическая антропологія, съ 10 рис. Съ польск. С. Романько-Романовскій. Спб. 900. Ц. 80 к.

Лаврентьева, С. И.—По бѣлу свѣту. Путешествіе Вани и Сони за границу. Съ иллюстраціями. М. 900.

Леманнъ, д-ръ.—Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Переводъ подъ редакціею В. Н. Линдъ. М. 900. Выпуски 7—10. Подписная цѣна на все изданіе (10 выпусковъ)—3 руб., съ дост. и пересылкой—4 р.

Леруа-Больё, Анат.—Власть денегъ. Перев. Р. Сементковскаго. Спб. 900. Ц. 2 р.

Лондъ, Альб.—Практическое руководство проявленія. Изслѣдованіе различныхъ проявителей и способовъ ихъ употребленія. Перев. Н. Цухановъ. Спб. 900. Ц. 1 р.

Ляфаргъ, Поль.—Экономическая роль биржи. Переводъ А. П. Ненашева. М. 900. 33 стр. Ц. 40 коп.

Майръ, Г.—Статистика обществовѣдѣнія. Т. II, вып. 1: Статистика населенія. Спб. 900.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. II т. Переводъ З. Венгеровой. Спб. 900. 1—151 стр. Изданіе товарищества „Знаніе".

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. Выпуски шестой и седьмой. М. 1899. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". 160 стр. Цѣлое изданіе въ 12 выпускахъ. Подписная цѣна безъ доставки въ Москвѣ 10 р., съ пересылкой и доставкой—12 руб.

Пантюховъ, И. И., д-ръ.—Кобулеты, какъ приморскій курортъ. Тифл. 900. Ц. 30 к.

Пирожковъ, М. В.—Дополнительныя статьи по Алгебрѣ (курсъ 7 и 8 кл. гимн.). Спб. 900. Ц. 75 к.

Погорѣловъ, А.—„Мракъ" и „Передъ грозой". Изъ жизни Пріуралья. М. 900. Ц. 80 к.

Рёскинъ, Джонъ.—Сочиненія. Серія I, книжка 2. Письма и совѣты женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ. Книжка 3. „Послѣднему, что и первому". Переводъ Л. П. Никифорова. М. 900. 37 и 92 стр. Подписная цѣна на 1-ую серію съ доставкой и пересылкой 5 руб.

Родзей, Дж.—Лѣса и воды. Съ англ. Спб. 900.

Сергѣевичъ, В.—Русскія юридическія древности. Т. II: Вѣче и князь; совѣтники князя. Изд. 2-е. Спб. 900. Ц. 3 р.

Сизераннъ, Рёскинъ и религія красоты. Съ тремя портретами и видомъ дома Рёскина въ Брантвудѣ. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 900. 202 стр.

Сперанскій, С. В.—Указатель литературы о Нижегородской ярмаркѣ. Москва. 1890. Стр. 49.

Таліевъ, В. И.—Руководство къ сознательной гербаризаціи и ботаническимъ наблюденіямъ. Съ 71 рис. Спб. 900. Ц. 75 к.

Тихомировъ, Д.—Объ основахъ и организаціи средней школы. М. 900. Ц. 85 к.

Шараповъ, Сергѣй.—Мирныя рѣчи и другія статьи. М. 900. 4°. 40 стр. въ два столбца. Ц. 30 коп.

Шмурло, Е.—Голодный годъ (1898—1899). Письма въ „С.-Петербургскія Вѣдомости". М. 900. VI, 198 и IV стр.

Янжулъ, Екат.—Ручной трудъ въ американской школѣ. М. 900. Ц. 40 к.

Ярцевъ, А. А.—Основаніе и основатель русскаго театра, Ѳ. Г. Волковъ. М. 900. Ц. 50 к.

Struck, L. N.—Das Blut in Glauben und Aberglauben der Menschheit. Mit besonderer Berücksichtigung der „Volksmedizin" und des „Judischen Blutritus". München. 900.

— Отчетъ по дѣтскому пріюту Нижегородск. губ. земства для покинутыхъ младенцевъ. Н.-Новгородъ, 900. Стр. 30.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ 1. Пермь. 900. Стр. 17+VIII.

— Пожары въ Херсонской губерніи за 1886 — 1894 гг. Изд. Херсонской Губ. Зем. Управы. Херсонъ. 900. Стр. 85.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1899 г. вып. 1. Саратовъ. 890. Стр. 150.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

J. H. Rosny. La Charpente, roman de moeurs. Paris, 1900. Стр. 339.

Новый романъ братьевъ Рони, „La Charpente“, производитъ въ художественномъ отношеніи нѣсколько странное впечатлѣніе. Чувствуется двойственность, происходящая, быть можетъ, оттого, что романъ написанъ двумя авторами: одинъ изъ нихъ—психологъ, хорошо знающій людей и понимающій жизнь, а другой—теоретикъ, философъ, занятый отвлеченными идеями. Цѣльности, которая поражаетъ хотя бы въ произведеніяхъ братьевъ Гонкуровъ, нѣтъ въ романахъ Рони. Отдѣльные элементы, философскій и психологическій, связаны лишь искусственно, и при ближайшемъ разсмотрѣніи распадаются. Въ каждомъ романѣ легко отдѣлить психологическую фабулу отъ философской теоріи, освѣщеніемъ которой она является. Въ результатѣ получается неясность общаго впечатлѣнія, отсутствіе внутренней художественности и теоретичность, дѣлающая изъ большинства произведеній Рони отвлеченныя разсужденія на разныя общественныя и научныя темы. Таковы нѣкоторые изъ прежнихъ романовъ Рони: „Impérieuse bonté“, гдѣ проповѣдуется отвлеченная теорія служенія обществу; „Indomptée“, гдѣ героиня во имя отвлеченнаго принципа самостоятельности борется съ инстинктомъ любви; „Daniel Valgrave“ и др. Авторы, или вѣрнѣе одинъ изъ авторовъ—философъ, успокоившійся въ своемъ объясненіи общественной жизни на теоріи эволюціи. Его сотрудникъ доставляетъ ему психологическій матеріалъ, подтверждающій его теоріи, и оба вмѣстѣ создаютъ произведенія, болѣе похожія на проповѣдь общественныхъ идеаловъ, чѣмъ на образное изученіе современности и ея психологическихъ задачъ. Тѣмъ не менѣе, теоретическіе романы Рони представляютъ несомнѣнный интересъ, благодаря важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ, вѣрнымъ мыслямъ, а также отдѣльнымъ, удачнымъ въ художественномъ отношеніи, сценамъ и описаніямъ.

Новый романъ „La Charpente“—одинъ изъ широко и интересно задуманныхъ. Въ немъ разсматривается строй современнаго общества, и каждая изъ частей романа посвящена психологіи одной изъ трехъ составныхъ частей французскаго общества: буржуазіи, аристократіи и народа. Изъ пессимизма порожденнаго болѣе близкимъ изученіемъ

этихъ слоевъ общества, Рони находятъ исходъ въ своемъ упованіи на твердые законы эволюціи, не нарушаемые даже тѣмъ, что̀ кажется самымъ неразрѣшимымъ и неутѣшительнымъ—властью страданія и случая надъ людьми. Въ современномъ обществѣ они усматриваютъ борьбу между отживающимъ началомъ жизни—господствомъ денегъ и назрѣвающимъ новымъ строемъ — господствомъ мысли. За старый строй стоитъ буржуазія и аристократія, окаменѣвшая въ своихъ условныхъ понятіяхъ, освобождающихъ ее отъ необходимости мыслить и искать связи съ будущимъ. Оплотомъ новаго, грядущаго строя Рони считаютъ ту же буржуазію, но уже не въ цѣломъ ея составѣ, а въ лицѣ выдѣлившихся изъ нея просвѣщенныхъ людей. Для нихъ законъ жизни —мысль; они освободились отъ духовной лѣности, связывавшей ихъ съ царствомъ денегъ,—имъ поэтому принадлежитъ будущее.

Другую опору строя, къ которому идетъ современная жизнь, составляетъ народъ, рабочій классъ, который, въ противоположность сельскому населенію Франціи, открытъ для идейнаго прогресса и обусловливаетъ его своими страданіями и своею жизнеспособностью. Къ этой основной идеѣ примыкаютъ въ романѣ Рони размышленія о разныхъ частныхъ вопросахъ, связанныхъ съ жизнью отдѣльныхъ классовъ, съ задачами, которыя они разрѣшаютъ, и отрицательными сторонами отживающихъ среди нихъ понятій.

Фабула романа стоитъ въ связи съ поднятымъ Зола̀—въ его послѣднемъ романѣ—вопросомъ о вымираніи Франціи, о грозно уменьшающемся приростѣ населенія. Зола̀ въ своемъ патріотическомъ рвеніи представилъ картину чрезвычайно мрачной, обличая всѣ классы населенія во всевозможныхъ порокахъ и въ преступномъ эгоизмѣ. Задача Рони—болѣе скромная. На отдѣльномъ примѣрѣ двухъ бездѣтныхъ семей они показываютъ грустныя стороны и психологическія осложненія жизни, не связанной съ будущностью человѣчества живой нитью потомства. Чуждые близорукаго утилитаризма Зола̀, они никого не осуждаютъ и не проклинаютъ. Напротивъ того, они указываютъ исходъ для людей, осужденныхъ на бездѣтность. Въ семьѣ Делафоновъ, представленной въ романѣ, мужъ и жена глубоко несчастны, оттого что судьба, отказавши имъ въ потомствѣ, сохранила въ бездѣтной женщинѣ инстинктъ материнства, составляющій для нея источникъ безъисходныхъ страданій. Видя ея скорбь и надвигающееся на нее безуміе, Делафонъ становится мрачнымъ пессимистомъ; жизнь людей ему кажется безсмысленной, не логичной и безполезной. Но его другъ, устами котораго говорятъ авторы, находитъ утѣшеніе для угнетенной горемъ семьи. Мужа онъ убѣждаетъ въ томъ, что жить для грядущаго можно и должно не только въ дѣтяхъ, а въ безкорыстномъ трудѣ на пользу

міра, все равно, будетъ ли этотъ трудъ относиться къ области отвлеченной мысли, уясняющей значеніе бытія, или къ практическому разрѣшенію ближайшихъ непосредственныхъ задачъ даннаго историческаго момента. Для жены онъ также находитъ утѣшеніе; онъ приводитъ ей въ домъ трехъ сиротъ, очутившихся, со смертью матери, безъ крова и пищи. Материнскій инстинктъ, какъ онъ доказываетъ, не безполезно данъ женщинѣ, лишенной своихъ собственныхъ дѣтей, потому что въ жизни нужны матери для постоянно зарождающейся жизни. Нужно только болѣе правильное распредѣленіе; нужно, чтобы материнскій инстинктъ, имѣющійся далеко не у всѣхъ, могъ всегда быть направленъ на пользу тѣхъ, кого онъ можетъ спасти. Еслибы матери, способныя имѣть дѣтей, но не могущія дать имъ нужную любовь и попеченіе, знали, что есть достаточное количество матерей по призванію, почему-либо лишенныхъ нужнаго ихъ душѣ материнства, вопросъ о ростѣ населенія сталъ бы менѣе грознымъ и не столь неразрѣшимымъ. Такой постановкой вопроса Рони какъ бы даютъ отвѣтъ на голословныя обвиненія Зола̀, раскрывающаго общественную язву, но не указывающаго средства излечить ее. Другого рода драма разыгрывается въ супружеской жизни героя романа, Дюгамеля, того, который съумѣлъ примирить Делафона и его жену съ отсутствіемъ у нихъ дѣтей. Дюгамель—моралистъ, и, какъ говоритъ авторъ, страсть къ отвлеченнымъ разсужденіямъ доходитъ у него до маніи. „Жизнь представлялась ему какимъ-то потокомъ огромной и неорганизованной силы. Въ его мозгу все укладывалось въ правила и законы; а такъ какъ онъ любилъ истину и стремился къ абсолютной искренности, то его приводили въ отчаяніе противорѣчія жизни и требованій этики. Чрезмѣрная воспріимчивость дѣлала для него зрѣлище жизни мало привлекательнымъ въ общемъ, но, съ другой стороны, служила для него источникомъ безконечныхъ наслажденій. Подобно астрономическому прибору, улавливающему движеніе небесныхъ свѣтилъ и постоянно отражающему измѣненія неустойчивой стихіи, мысль его погружалась въ пропасть, изъ которой рождается и произволъ, и гармонія, и отрицаніе, и увѣренность“.

Такая характеристика дается герою романа для того, чтобы оправдать роль резонера, которую онъ играетъ. Онъ не позволяетъ себѣ отдаться ни одному впечатлѣнію, не дѣлая изъ него отвлеченнаго вывода. Люди, которыхъ онъ видитъ, чувства, которыя онъ испытываетъ, и даже видъ сгущающихся въ небѣ облаковъ—являются для него звеньями его разсужденій о „строѣ“ (charpente) отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества, о противоположной морали различныхъ общественныхъ единицъ. Вопросъ нравственности для него—самый существенный, и служитъ для него мѣриломъ для сужденій объ обществѣ и объ отдѣль-

ной личности. Его собственная судьба представляетъ ему случай разобраться въ вопросѣ о справедливости, и о томъ, какъ нужно приводить въ соотвѣтствіе свои желанія и страсти съ интересами и нуждами другихъ людей. Онъ никого не осуждаетъ, а старается понять зависимость даже самыхъ печальныхъ для него, какъ для моралиста, явленій въ людяхъ,—ихъ пошлость, застой мысли и упрямый консерватизмъ,—отъ историческихъ условій, дѣйствующихъ въ жизни общества. Для „эволюціи“ общественнаго организма нужна наличность вполнѣ созрѣвшихъ и потому осужденныхъ на гибель элементовъ, въ борьбѣ съ которыми назрѣваетъ и крѣпнетъ новый строй. Нужно поэтому бороться противъ отсталаго, противъ историческихъ переживаній, но нельзя осуждать самихъ выразителей отживающихъ понятій. Они—только кажущееся противорѣчіе справедливости, будучи тоже воплощеніемъ, хотя бы безсознательнымъ, извѣстнаго идеала, суетность котораго очевидна только потому, что онъ отжилъ свое время и замѣнился другимъ. Такимъ образомъ для Дюгамеля ясно, что человѣческая этика не есть нѣчто безусловное и вѣчное. Только тяготѣніе къ идеалу нравственности составляетъ незыблемую святыню, которой живетъ человѣчество, и въ которой оно находитъ свое оправданіе и весь смыслъ жизни. Самыя же нормы нравственности—историческаго происхожденія, и въ каждый данный моментъ происходитъ и должна происходить борьба между смѣняющимися идеалами. Дюгамель—носитель новыхъ устоевъ, и потому для него мучительно зрѣлище старыхъ переживаній, которыя онъ чувствуетъ не только въ отрицательныхъ явленіяхъ дѣйствительности, но и въ своихъ собственныхъ инстинктахъ. Безпристрастіе аналитическаго ума заставляетъ его, однако, относиться безъ вражды и къ носителямъ стараго строя, спокойнымъ и счастливымъ въ своемъ безмятежномъ пользованіи удобными для нихъ, сложившимися тоже когда-то среди борьбы, правилами жизни.

Для Дюгамеля ясна еще одна истина. Эволюція нравственныхъ понятій совершается сначала въ области отвлеченной мысли, а потомъ уже переходитъ въ жизнь. Для него самого умственный процессъ законченъ. Онъ понялъ, что нужно примирить запросы личности съ требованіями общественными; онъ понялъ также необходимость бороться противъ эгоизма современнаго раздѣленія общества на людей праздныхъ и на чрезмѣрно обремененныхъ трудомъ. Ему даже кажется, что найденъ путь къ болѣе нормальному строю. Путь этотъ—въ борьбѣ мысли противъ денегъ, т.-е. движенія противъ застоя, и въ торжествѣ мысли онъ видитъ исходъ для разрѣшенія соціальныхъ задачъ. Но прежде чѣмъ стать учителемъ и проповѣдникомъ новыхъ общественныхъ идеаловъ, онъ переживаетъ въ самомъ себѣ интимную драму,

уясняющую ему борьбу стараго и новаго въ общественномъ организмѣ. Дюгамель женатъ, и жена связываетъ его съ отживающимъ буржуазнымъ строемъ. М-мъ Дюгамель, принадлежитъ къ той средѣ, въ которой, по выраженію Рони, добродѣтель обусловлена стремленіемъ къ деньгамъ. Идеаломъ для этой среды является восхожденіе по ступенямъ установленной общественной іерархіи, стремленіе попасть въ аристократію, которая обезпечиваетъ полный покой, освобождаетъ отъ всякаго напряженія и необходимости бороться, даетъ радости удовлетвореннаго тщеславія—далѣе чего не заносится эгоистическая мораль буржуазіи, устающей и безъ того въ погонѣ за этимъ, часто недостижимымъ, при всей своей конкретности, идеаломъ. Все воспитаніе дѣвушки средняго класса направлено на пріобрѣтеніе качествъ, необходимыхъ для погони за богатствомъ и положеніемъ въ свѣтѣ. Жена Дюгамеля—типичная представительница своей среды. Дюгамель полюбилъ ее за красоту, изящество и особую умственную гибкость и ловкость, замѣняющія всякую серьезность и искренность мысли. Она образована, усвоила себѣ новые литературные вкусы, но все это для нея—не потребность духа, а средство борьбы. Назначеніе своей жизни она видитъ въ томъ, чтобы быть соблазномъ для человѣка, который сможетъ дать ей ту роскошь жизненныхъ рамокъ, въ которой она видитъ счастье и смыслъ жизни. Съ нею Дюгамель связанъ своими буржуазными инстинктами, взглядомъ на женщину какъ на игрушку. Но по мѣрѣ того, какъ онъ внутренно зрѣетъ для новаго строя жизни, рознь съ женой увеличивается. Она занята своими суетными желаніями, стремленіемъ попасть въ аристократическую среду, увеличить блескъ своей жизни и борется противъ непонятныхъ ей желаній мужа употреблять свое увеличивающееся состояніе на улучшеніе жизни его рабочихъ и служащихъ на его фабрикѣ. Еще одно несогласіе увеличиваетъ разладъ въ семьѣ. Дюгамель страстно желаетъ имѣть ребенка; жена его, занятая эгоистическими удовольствіями, боится материнства, которое можетъ сдѣлать ее менѣе красивой и создать излишнія заботы. Дюгамель, страдающій отъ разлада съ женой, привязывается, сначала безсознательно, а потомъ съ мучительнымъ пониманіемъ безнадежности своего чувства, къ молодой дѣвушкѣ, сестрѣ жены своего друга. Если жена Дюгамеля—представительница отживающаго строя, то Алиса принадлежитъ вся будущему. Она—созданіе Дюгамеля, его ученица, живущая только духовными интересами, строгій и безпощадный критикъ окружающаго. Она тоже любитъ Дюгамеля всей страстью неиспорченной души, и готова или отдаться ему, или отказаться отъ личнаго счастья, покорная его волѣ. Дюгамель выдерживаетъ тяжелую борьбу. Въ немъ прежде всего говоритъ

непосредственное нравственное чувство. Онъ не можетъ рѣшиться причинить горе семьѣ своего друга, и не хочетъ принести въ жертву своимъ желаніямъ благополучіе своей жены, которая, какъ ему кажется, по-своему его любитъ. Онъ борется противъ страсти къ Алисѣ, старается даже содѣйствовать ея выходу замужъ за другого, и отдается своимъ умственнымъ интересамъ, чтобы излечиться отъ мучительной любви. Одно время соблазнъ его одолѣваетъ. Онъ ищетъ теоретическихъ оправданій своимъ инстинктивнымъ влеченіямъ, доказываетъ себѣ, что индивидуальная мораль выше общественной, что нельзя подчинять требованій души условнымъ добродѣтелямъ, что пренебрегать своими высшими потребностями въ угоду условной добродѣтели—своего рода нравственная трусость. Онъ полюбилъ свою жену какъ символъ своей общественной касты; но Алиса для него—болѣе высокій идеалъ, соотвѣтствующій росту его духа, и онъ не имѣетъ права отъ нея отказаться. Но Дюгамель понимаетъ, что эти разсужденія слишкомъ корыстны въ немъ, чтобы онъ могъ имъ довѣрять. Онъ рѣшается поэтому бороться и ждетъ, чтобы сама жизнь создала исходъ изъ трагическаго положенія. Алиса первая говоритъ ему о своей любви, но оба они рѣшаютъ удовлетвориться счастьемъ взаимнаго пониманія и не искать соединенія въ жизни. Тогда обстоятельства естественно складываются въ ихъ пользу. Жена Дюгамеля начинаетъ относиться къ мужу почти съ презрѣніемъ—до того нелѣпыми кажутся ей всѣ его рѣчи и поступки. Онъ подслушиваетъ разъ случайно ея разговоръ съ матерью, и узнаетъ о томъ, какими средствами она въ теченіе всей своей супружеской жизни избѣгала материнства. Кромѣ того, онъ узнаетъ объ ея связи съ однимъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ, который привлекъ тщеславную буржуазку своимъ титуломъ маркиза. Онъ требуетъ развода и является къ сестрѣ Алисы просить ея руки. Этимъ заканчивается романъ, открывающій перспективу торжества новаго строя. Дюгамель, женясь на дѣвушкѣ, близкой ему по духу, создаетъ для самого себя возможность семьи, основанной на искреннемъ исканіи правды. Такъ какъ, одновременно съ разрѣшеніемъ задачи жизни для себя, онъ приходитъ и къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ въ своихъ общественныхъ исканіяхъ, и находитъ въ рабочей средѣ задатки духовнаго прогресса, то получается болѣе свѣтлая картина будущаго, основанная на теоріи „эволюціи"—исходномъ пунктѣ всего романа.

II.

Emile Faguet. Politiques et moralistes du XIX s. Troisième série. 1900. Стр 379.

Французская критика, въ лицѣ столь талантливыхъ своихъ представителей, какъ Жюль Леметръ, Анатоль Франсъ и послѣдователи ихъ среди болѣе молодыхъ писателей, все болѣе склоняется къ импрессіонизму, т.-е. къ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній исключительно мѣриломъ вкуса, непосредственнаго впечатлѣнія. Исключеніе составляютъ писатели, разсматривающіе литературу въ ея исторической перспективѣ и оцѣнивающіе ее какъ выраженіе философскаго міросозерцанія извѣстной эпохи. Одинъ изъ представителей такой исторической и философской критики — Эмиль Фагѐ, недавно выбранный въ члены французской академіи. Его даже относятъ скорѣе къ разряду историковъ литературы, нежели критиковъ, что̀ не совсѣмъ справедливо. Ему недостаетъ научнаго безстрастія, чтобы быть спокойнымъ лѣтописцемъ смѣняющихся литературныхъ теченій. Его критика очень субъективна, но отличается отъ импрессіонистовъ своими теоретическими обобщеніями. Онъ отыскиваетъ нити, связующія разнородныя, на первый взглядъ, явленія литературы, и дѣлаетъ широкія характеристики идейныхъ движеній. Въ своей исторіи четырехъ послѣдовательныхъ вѣковъ французской литературы, XVI-го—XIX-го, Фагѐ даже злоупотребляетъ обобщеніями, находя у каждаго вѣка совершенно опредѣленную физіономію — какъ будто движеніе мысли поддается произвольному дѣленію на опредѣленные промежутки времени. Его рѣзкое осужденіе XVIII-го вѣка за матеріализмъ и отсутствіе религіозныхъ идеаловъ вызвало въ свое время много нападокъ и произвело шумъ своею смѣлостью. Такой же свободой сужденій и рѣзкостью приговоровъ, разбивающихъ установившіеся въ критикѣ взгляды на отдѣльныхъ писателей, отличаются и этюды Фагѐ о писателяхъ и мыслителяхъ XIX-го вѣка. Кромѣ томика литературныхъ этюдовъ, посвященнаго поэтамъ и романистамъ XIX-го вѣка (Шатобріану, Ламартину, Виктору Гюго, Жоржъ-Sандъ и нѣсколькимъ другимъ), Фагѐ предпринялъ еще серію подъ общимъ заглавіемъ: „Политики и моралисты XIX-го вѣка". Изъ ученій отдѣльныхъ мыслителей онъ извлекаетъ тѣ идейныя пріобрѣтенія, которыя нашъ вѣкъ можетъ считать своею собственностью, и старается выяснить, данъ ли въ нихъ отпоръ пагубному, по его мнѣнію, духу XVIII-го вѣка. Въ настоящее время вышелъ третій и послѣдній томъ этой серіи, и въ предисловіи къ нему Фагѐ излагаетъ общую мысль всего сочиненія. „Въ первомъ томѣ,—говоритъ онъ,—я изучалъ мыслителей, которые

были очевидцами французской революціи и вынесли изъ своего знакомства съ нею или глубокое отвращеніе къ нововведеніямъ, или несокрушимыя надежды, или потребность упрочить и привести въ систему новыя завоеванія мысли. Такова была дѣятельность де-Мэстра, Бональда, m-me де-Сталь, Бенжамена Констана, Ройе́-Коллара, Гизо. Во второй томъ вошли мыслители, сосредоточившіе свои мысли и желанія на возрожденіи или созиданіи спиритуалистическаго идеала. Таковы Сенъ-Симонъ, Фурье́, Ламенне́, Викторъ Кузенъ, Огюстъ Контъ, убѣжденные въ необходимости положительныхъ вѣрованій и рожденные быть учителями нравственности и руководителями человѣчества". Къ моралистамъ и мыслителямъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ третьемъ томѣ, Фаге́ относится если не съ пессимизмомъ и осужденіемъ, то во всякомъ случаѣ съ грустью и разочарованіемъ. Самую существенную задачу каждой культурной эпохи онъ видитъ въ созиданіи положительныхъ критеріевъ нравственности. А между тѣмъ учителя мысли второй половины XIX вѣка, напротивъ того, разрушаютъ спиритуалистическіе идеалы своихъ предшественниковъ, и при всемъ своемъ отличіи одинъ отъ другого объединены одной общей чертой — скептицизмомъ. Отдѣльные очерки книги Фаге́ посвящены Стендалю, Сентъ-Бёву, Тэну, Ренану, Прудону, Токвиллю. Всѣхъ ихъ Фаге́ считаетъ скептиками или позитивистами, или равнодушными созерцателями. Стендаль ни во что не вѣрилъ и преклонялся только передъ энергіей и силой, какъ передъ единственнымъ положительнымъ качествомъ человѣка. Міръ, по его убѣжденію, управляется сильными и презирающими все въ жизни людьми, что̀ ему кажется вполнѣ правильнымъ и справедливымъ. Сентъ-Бёвъ—еще болѣе глубокій скептикъ. Онъ не признаетъ никакого идеала, даже идеала силы, и сосредоточиваетъ свое изощренное пониманіе на томъ, чтобы все познать, все уразумѣть и все объяснить. Онъ избѣгаетъ что-либо утверждать, боится вѣры и положительныхъ убѣжденій, какъ чего-то ограничивающаго и сковывающаго свободу познаванія. При своемъ большомъ умѣ онъ былъ истиннымъ выразителемъ „декаданса". Міръ казался ему чѣмъ-то любопытнымъ, но по существу его не трогающимъ, чужой страной, въ которой онъ путешествуетъ въ качествѣ любопытствующаго туриста. Всѣ зрѣлища для него одинаково занимательны, именно потому, что онъ относится ко всему какъ чужой. Тэнъ — позитивистъ, проникнутый пессимизмомъ. Его ужасаетъ извращенность человѣка, и жестокость природы. Онъ убѣжденъ, что всякое пониманіе отвлеченной сущности вещей недоступно человѣку, и это вызываетъ въ немъ нравственную угнетенность, которая не можетъ стать основой плодотворной, здоровой вѣры. Его стоицизмъ заключался въ томъ, чтобы преподать людямъ энергію и спокойствіе

въ отчаяніи, примирить ихъ со зломъ жизни, научить жить съ достоинствомъ и терпѣніемъ, отдаваясь труду, который есть не что иное, какъ медленное и разумное самоубійство. Скептицизмъ Ренана—болѣе улыбающійся и примиряющій. Въ своемъ отсутствіи вѣры онъ готовъ былъ вѣрить всему; этотъ новый видъ скептицизма, имѣющій свои положительныя стороны, наиболѣе привился въ духовной жизни второй половины XIX-го вѣка. Ренанъ научилъ насъ не быть сектантами, не злобствовать другъ на друга изъ-за розни убѣжденій и т. д., но онъ не внесъ ничего положительнаго, не создалъ новой философской доктрины, и не проповѣдывалъ ни одной изъ прежде существующихъ, такъ что „ренанизмъ", привившій благодѣтельную привычку къ размышленію, не составляетъ, въ сущности, ни философскаго ученія, ни даже почвы,на которой таковое могло бы зародиться. Такимъ образомъ мыслители второй половины нашего вѣка болѣе интересны, чѣмъ ихъ предшественники, тѣмъ, что они задаются болѣе высокими и всеобъемлющими задачами, но результатомъ ихъ исканій является разочарованность, отчаяніе, отсутствіе положительныхъ критеріевъ.

Фаге̂, конечно, правъ, считая названныхъ имъ мыслителей учителями современности, но онъ упускаетъ изъ виду, что ихъ власть надъ умами находитъ сильный отпоръ въ столь же сильномъ обратномъ теченіи, въ идеализмѣ, которымъ все болѣе проникается духовная жизнь современности. Она идетъ рука объ руку не съ критиками, изощряющими въ анализѣ свой скептическій умъ, а съ философами, стремящимися къ синтезу. Фаге̂ упоминаетъ вскользь имя Ницше, въ которомъ онъ не усматриваетъ ничего положительнаго, кромѣ преклоненія передъ силой—въ смыслѣ житейской энергіи, какъ ее понималъ Стендаль. Фаге̂ высказываетъ сомнительный парадоксъ, утверждая, что первымъ ницшеанцемъ былъ Вольтеръ. На самомъ дѣлѣ гордая вѣра Ницше въ силу человѣка, освободившагося въ самомъ себѣ отъ всего человѣчнаго и нашедшаго въ глубинѣ своего сознанія источникъ божественной силы, ничего не имѣетъ общаго съ равнодушіемъ Стендаля, Вольтера и другихъ скептиковъ къ отвлеченнымъ цѣлямъ бытія. Ницше, несомнѣнно, одинъ изъ ревнителей того спиритуализма, объ исчезновеніи котораго Фаге̂ говоритъ съ такимъ сокрушеніемъ. Убѣжденный почему-то, что „le rêve du pouvoir spirituel", двигавшій всѣми помыслами философовъ начала XIX вѣка, совершенно забытъ во второй половинѣ вѣка, Фаге̂ дѣлаетъ несомнѣнную натяжку, или, вѣрнѣе, придаетъ слишкомъ исключительное значеніе нѣсколькимъ критикамъ, которые далеко не выражаютъ духовныхъ идеаловъ современности. Въ сущности, все, что Фаге̂ говоритъ о скептицизмѣ и его талантливыхъ выразителяхъ, относится теперь уже къ прошлому.

Современная мысль идетъ уже по пути синтеза. Завѣты мыслителей-скептиковъ не забыты. Привитая ими привычка къ трезвому, не допускающему иллюзій, мышленію сохранилась, и въ этой дисциплинѣ ума—ихъ заслуга. Но въ настоящее время ихъ вліяніе смѣнилось другими, и для современной духовной жизни синтетическія построенія и положительные нравственные идеалы гораздо болѣе характерны, чѣмъ скептицизмъ Ренана и любознательность Сентъ-Бёва. Вмѣсто того, чтобы присмотрѣться къ болѣе новой литературѣ, и отмѣтить въ ней слѣды нарождающихся спиритуалистическихъ запросовъ, Фагѐ высказываетъ свои собственныя, нѣсколько запоздалыя желанія: ему хотѣлось бы, чтобы во Франціи появился геніальный человѣкъ, который внесъ бы въ сознаніе народа стремленіе къ активной любви. Вся мудрость жизни заключается для Фагѐ въ несправедливо опошленномъ республиканскомъ девизѣ, который красуется на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ во Франціи: „свобода, равенство, братство". Свобода ему кажется антитезой равенства, но въ понятіи братства—синтезъ свободы и равенства. „Это приводитъ насъ къ той истинѣ,—говоритъ Фагé,—что нѣтъ другого активнаго элемента въ жизни человѣческой, кромѣ любви, а въ жизни націи—кромѣ патріотизма. Любите другъ друга—вотъ послѣднее слово всякой мудрости. Справедливо было сказано, что въ основѣ всѣхъ соціальныхъ вопросовъ лежитъ вопросъ о нравственности, и это потому вѣрно, что въ сущности всѣ вопросы политическіе тоже разрѣшаются въ области этической".

Это заключеніе странно звучитъ въ устахъ критика, не склоннаго обыкновенно произносить безсодержательныя фразы. Но патріотическія воздыханія сдѣлались теперь во Франціи такой ходячей монетой, что и столь искренній искатель философскихъ основъ въ литературѣ, какъ Фагé, забылъ о томъ, что истина не имѣетъ родины, и перешелъ отъ общей проповѣди спиритуализма къ повторенію прописныхъ истинъ, забытыхъ во Франціи въ ущербъ общему благосостоянію. Въ настоящее время, когда французскіе писатели все болѣе увлекаются политикой, когда Жюль Леметръ и Анатоль Франсъ стоятъ во главѣ политическихъ группъ, немудрено, что и Фагé въ своихъ философскихъ построеніяхъ не только не забываетъ политическаго положенія современной Франціи, но и спеціально имѣетъ его въ виду.

Изъ отдѣльныхъ статей, составляющихъ книгу Фагé, наиболѣе интересенъ очеркъ о Стендалѣ, напечатанный впервые въ 1892-мъ г. въ „Revue de Deux Mondes". Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что Фагé относитъ Стендаля, умершаго въ 1842-мъ г., къ писателямъ второй половины XIX вѣка. Стендаль не былъ человѣкомъ своего времени, а какимъ-то анахронизмомъ, реалистомъ среди романтиковъ,

психологомъ среди людей, слишкомъ увлеченныхъ бурей страстей, чтобы разбираться въ своихъ побужденіяхъ. Самъ Стендаль предсказывалъ, что его начнутъ понимать только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, и такъ оно на самомъ дѣлѣ случилось. Расцвѣтъ славы Стендаля относится къ 80-мъ годамъ, когда зародился психологическій романъ, и Бурже вмѣстѣ съ нѣсколькими другими романистами объявили себя его учениками. Слѣдуя его примѣру, они задались цѣлью анализировать съ безстрастіемъ анатома не чувства и страсти въ ихъ яркомъ романтическомъ проявленіи, а сложные оттѣнки ощущеній, иногда самыхъ противорѣчивыхъ, изъ которыхъ соткана душевная жизнь современныхъ людей. Однимъ изъ главныхъ толкователей Стендаля былъ тотъ же Бурже, который въ своихъ „Essais de psychologie contemporaine" прославлялъ Стендаля за его философское міросозерцаніе, основанное на возведеніи въ принципъ ощущеній, за его аналитическій геній и силу воображенія, возсоздающаго всѣ самые сокровенные оттѣнки душевныхъ переживаній. Онъ признаетъ его въ философскомъ отношеніи ученикомъ идеологовъ XVIII вѣка, превращеннымъ, благодаря своему страстному темпераменту и утонченности нервовъ, не въ реалиста, описывающаго людей, а въ теоретика душевной жизни, который въ поступкахъ и чувствахъ изучаетъ ихъ психологическія первопричины. Такой взглядъ на Стендаля считается болѣе или менѣе установленнымъ въ литературѣ. Фаге, однако, даетъ въ своемъ очеркѣ совершенно другое представленіе объ авторѣ „Rouge et Noir". Онъ относится къ нему во многихъ отношеніяхъ отрицательно. Прежде всего онъ считаетъ его лишеннымъ всякаго философскаго міросозерцанія. Онъ воспитался, писалъ и жилъ недоступнымъ чьему бы то ни было вліянію, потому что главной основой его натуры былъ духъ оппозиціи и противорѣчія. Онъ былъ, по выраженію Фаге, „impermеable". Онъ даже ненавидѣлъ своего отца за то, что тотъ вздумалъ оказывать вліяніе на его жизнь. Всѣ его убѣжденія складывались изъ оппозиціи вѣрованіямъ окружающихъ его людей. Его семья была религіозна и проникнута духомъ аристократизма —поэтому онъ всю жизнь былъ врагомъ духовенства и ненавидѣлъ аристократію,—хотя инстинктивно самъ былъ аристократомъ. Кромѣ духа противорѣчія, въ немъ очень сильно говорили тщеславіе и его чувственная натура, дѣлавшая его эпикурейцемъ. Эти черты характера осложняются въ писателѣ цѣлымъ рядомъ чрезвычайно цѣнныхъ свойствъ ума. Онъ умѣлъ и любилъ наблюдать, и обладалъ памятью психолога, для котораго не пропадаетъ ни одна безсознательно сказавшаяся черта характера въ людяхъ. Какъ наблюдатель, онъ чрезвычайно точенъ и добросовѣстенъ; любознательность постоянно побуждала его жить на людяхъ, заставлять ихъ высказываться, и онъ

запоминалъ все, что видѣлъ и слышалъ. Но внѣ этого дара наблюдательности Фаге́ не видитъ ничего выдающагося въ умѣ Стендаля. Общаго философскаго міросозерцанія у него не было—оно замѣняется у него тонкимъ артистическимъ вкусомъ, эпикурействомъ утонченнаго дилеттанта. Это породило въ немъ два идеала въ жизни: стремленіе къ полнотѣ наслажденій и преклоненіе передъ энергіею. Изучая людей, онъ видитъ въ нихъ исключительно существа, „которыя ежедневно отправляются въ погоню за счастіемъ", и вся его наблюдательность сосредоточена на томъ, чтобы показать, какъ тотъ или другой человѣкъ охотится за тѣмъ, что ему представляется счастіемъ. Всякая идеалистическая философія кажется ему празднымъ измышленіемъ тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ умовъ, а религіозныя побужденія имѣютъ еще менѣе цѣны въ его глазахъ. Цѣль жизни — въ полнотѣ ощущеній. Жизнь только тогда кажется желательной Стендалю, когда она полна сильными страстями или болѣе тонкими наслажденіями, доступными избраннымъ душамъ. Въ такомъ отношеніи къ жизни нѣтъ и слѣда какой-либо попытки уяснить себѣ смыслъ бытія, или даже мотивовъ, оправдывающихъ исканіе счастья. Но никакихъ философскихъ выводовъ изъ своего сенсуализма Стендаль не дѣлаетъ. Это отсутствіе философскаго міросозерцанія Фаге́ приписываетъ тоже свойственному Стендалю духу противорѣчія. Такъ какъ среди писателей времени реставраціи спиритуализмъ былъ въ большомъ почетѣ, то Стендаль и тутъ стремился идти противъ теченія. Отсутствіе философскаго міровоззрѣнія Фаге́ усматриваетъ въ знаменитой книгѣ Стендаля „De l'Amour". Въ ней Стендаль классифицируетъ различные роды любви; но онъ занятъ исключительно анализомъ того, ка̀къ выражается любовь, и никогда не задается вопросомъ, почему она зарождается.

Благодаря своему сенсуализму и ненависти къ отвлеченнымъ выводамъ, Стендаль сталъ такимъ исключительнымъ поклонникомъ энергіи. Фаге́ доказываетъ, что энергія—такъ, какъ ее понималъ Стендаль—въ сущности полная противоположность истинной силѣ характера. Онъ прославлялъ страсть, слѣпыя вспышки страстей, дикость, то, что̀ древніе называли „impotentia sui" и считали слабостью. Его энергичные герои въ сущности—люди порывовъ, и такимъ образомъ все его прославленіе энергіи основано на странномъ недоразумѣніи. Онъ любилъ Италію и итальянцевъ какъ носителей его идеаловъ, но Фаге́ и тутъ видитъ духъ противорѣчія, который заставляетъ его не любить страны, въ которой онъ родился.

Отрицая въ Стендалѣ философа, Фагѐ не признаетъ также его достоинствъ какъ критика и политика. Онъ упрекаетъ его въ несостоятельности и непослѣдовательности сужденій. Но какъ романиста

онъ ставитъ его очень высоко, сходясь отчасти и съ Буржè въ оцѣнкѣ „Rouge et Noir" и „Chartreuse de Parme", какъ геніальныхъ психологическихъ романовъ. Онъ признаетъ, кромѣ того, огромную заслугу Стендаля въ томъ, что онъ понялъ Францію 30-хъ годовъ и воплотилъ въ Жюльенѣ Сорелѣ характерныя черты своихъ современниковъ —честолюбіе, силу воли и ненависти при полномъ отсутствіи нравственнаго чутья. Онъ только протестуетъ противъ случайности развязки романа, слишкомъ уснащенной совершенно лишними преступленіями и внѣшнимъ трагизмомъ. Въ общемъ Фагè, признавая всѣ качества Стендаля какъ художника, осуждаетъ его главнымъ образомъ за отсутствіе философскаго міросозерцанія, за его сенсуализмъ въ духѣ XVIII-го вѣка, за сухость души и позитивизмъ. Онъ считаетъ его предшественникомъ реализма, и видитъ его заслугу въ томъ, что, несмотря на свою страсть къ обособленности, онъ не остался одинокимъ въ литературѣ, а связанъ съ дальнѣйшимъ теченіемъ литературы. Его преемники воспользовались положительными свойствами его аналитическаго ума, но разошлись съ нимъ въ пониманіи жизни исключительно какъ погони за счастіемъ. Другіе очерки въ книгѣ Фагè—о Сентъ-Бёвѣ, Тэнѣ, Прудонѣ—составляютъ развитіе высказанныхъ имъ въ предисловіи общихъ положеній объ этихъ писателяхъ. Очень оригинальна характеристика Сентъ-Бёва, любопытствующаго и нѣсколько завистливаго скептика, который любилъ всегда изучать и разбирать писателей съ среднимъ талантомъ, досказывая за нихъ ихъ мысли и предаваясь самъ художественному творчеству. Фагè не отрицаетъ значенія Сентъ-Бёва, но указываетъ на нѣкоторую безпочвенность его сужденій, не нарушающую, однако, психологическаго и художественнаго интереса его литературныхъ портретовъ.

З. В.

III.

Souchon. La propriété paysanne. Etude d'économie rurale. 1899.
Rocquigny. Syndicats agricoles et leur oeuvre. Paris. 1900.

Вопросъ о будущемъ крестьянскаго хозяйства продолжаетъ обсуждаться въ западно-европейской литературѣ. Не говоря уже о полемикѣ, вызванной извѣстною книгой Каупкаго, различные писатели предпринимаютъ самостоятельныя изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ различныхъ государствахъ и стараются рѣшить вопросъ объ его будущности. Какъ извѣстно, рѣшеніе это зависитъ отъ рѣшенія вопроса о преимуществахъ мелкаго хозяйства надъ крупнымъ—или наоборотъ. Сторонники Каупкаго склоняются къ послѣднему рѣше-

нію, противники — къ первому. Такой вопросъ ставитъ и Сушонъ въ своей книгѣ, но рѣшаетъ его онъ оригинальнымъ способомъ, который отличаетъ его книгу отъ многихъ другихъ, посвященныхъ этому вопросу.

Дѣло въ томъ, что въ спорахъ о мелкой и крупной собственности нерѣдко забывали опредѣлить точно предметъ спора, т.-е., что̀ нужно понимать подъ именемъ мелкой, средней и крупной собственности. Нѣкоторые изслѣдователи (въ томъ числѣ русскіе статистики) клали въ основаніе размѣры владѣнія, но авторъ говоритъ, что этотъ способъ произволенъ и неточенъ, такъ какъ не устанавливаетъ границъ между различными родами собственности. Эта произвольность вызвала другой способъ: опредѣленіе по доходу. Но и этотъ способъ также неточенъ, такъ какъ до сихъ поръ не выработано способовъ для безошибочнаго опредѣленія дохода. Это тѣмъ болѣе трудно, что самый доходъ одного и того же владѣнія измѣняется въ зависимости отъ различныхъ условій. Былъ предложенъ третій способъ—по роду орудій обработки. Напримѣръ, Пасси считаетъ мелкимъ хозяйствомъ то, которое имѣетъ одну соху, среднимъ—имѣющее двѣ, и крупнымъ —свыше двухъ. Этотъ способъ также произволенъ и, кромѣ того, не годится для опредѣленія такихъ владѣній, гдѣ пахота не примѣняется, напримѣръ виноградниковъ. Считая неправильными всѣ эти способы оцѣнки разныхъ родовъ собственности, Сушонъ даетъ свой, основанный на слѣдующемъ. Крупной собственностью онъ называетъ ту, владѣлецъ которой не можетъ эксплуатировать ее безъ помощи рабочихъ; средней—ту, при которой жатвы будетъ достаточно для прокормленія семьи при томъ условіи, что семья не будетъ особенно велика и всѣ ея члены будутъ заняты работой; мелкой—ту, которая не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей владѣльцевъ и заставляетъ искать постороннихъ заработковъ (стр. 10).

Это опредѣленіе, въ основу котораго положены потребности и силы средней семьи, конечно, не можетъ считаться особенно точнымъ, но авторъ считаетъ его вполнѣ подходящимъ къ своей задачѣ. Задача же эта сводится къ изслѣдованію преимуществъ средней собственности, которая, по его мнѣнію, и есть настоящая „крестьянская собственность“ (стр. 11).

Сравнивая крупную собственность съ мелкой, авторъ находитъ, что преимущества первой надъ второй до сихъ поръ не доказаны. Относительно первой говорятъ, что, во-первыхъ, она требуетъ меньшихъ затратъ; во-вторыхъ, она позволяетъ дѣлить землю по ея качествамъ и удобно примѣнять машины; въ-третьихъ, только въ ней могутъ примѣняться крупныя работы. Но относительно первой и са-

мой важной причины можно сказать, что крестьянинъ, потребляя часть продуктовъ, меньше зависитъ отъ рынка и на немъ не отражаются издержки перевозки. Кромѣ того, издержки производства уменьшаются, благодаря развитію ассоціацій; причемъ нужно вообще замѣтить, что расходы въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ совершенно различны. Раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ не такъ велико, какъ въ промышленности, и потому преимущества крупнаго хозяйства надъ среднимъ весьма незначительны. Что касается крупныхъ работъ, то онѣ могутъ производиться сельскими обществами.

Если сравнивать среднюю собственность съ мелкой, то преимущества ея выступятъ весьма ярко. Раздробленность земли ведетъ къ потерѣ труда и времени, а недостатокъ капитала—къ плохой обработкѣ и малой производительности. Авторъ, повидимому, думаетъ, что мелкая собственность должна постепенно сокращаться и даже исчезнуть. Что касается собственности „хозяйственнаго мужика“, то ей „не угрожаетъ опасность уничтоженія“, и, соединившись въ сельско-хозяйственныя общества, средніе крестьяне могутъ бороться какъ съ кризисомъ, такъ и съ крупными собственниками. Остальныя двѣ трети книги посвящены тѣмъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя могли бы облегчить положеніе крестьянской средней собственности во Франціи.

Книга Рокиньи, какъ показываетъ самое ея заглавіе, касается сельско-хозяйственныхъ обществъ (во Франціи). Она до извѣстной степени дополняетъ книгу Сушона, показывая на многочисленныхъ фактахъ способы борьбы крестьянъ съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ и обѣднѣніемъ.

Авторъ книги — страстный защитникъ синдикатовъ и уже выпустилъ нѣсколько работъ по этому вопросу. Въ указанной книгѣ онъ подводитъ итоги своимъ прежнимъ изслѣдованіямъ о положеніи синдикатовъ во Франціи. Вопреки мнѣнію Сушона, онъ доказываетъ, что въ синдикатахъ принимаютъ участіе всѣ классы сельскаго населенія: крупные собственники, фермеры, наемные рабочіе.

Авторъ показываетъ, какъ постепенно развивались эти синдикаты, охватывая одну за другой различныя отрасли сельскаго хозяйства. Въ настоящее время они имѣютъ до одного милліона членовъ и распространены во всѣхъ департаментахъ. Они измѣнили способы обработки, познакомили съ новыми выводами науки, съ машинами, ввели удобреніе, самопомощь, страхованіе и прочее. Но, кромѣ того, они явились до извѣстной степени просвѣтителями крестьянъ. „По мѣрѣ того какъ совершенствуется организація синдиката,—говоритъ авторъ. —сельскій міръ подвергается вліянію ростущихъ доктринъ человѣче-

ской солидарности, которыя все болѣе и болѣе проникають въ современное общество. Лучъ идеала начинаетъ освѣщать скудное существованіе человѣка земли“ (стр. 399).

Эта воспитательная роль синдикатовъ, являющаяся какъ слѣдствіе ихъ работы, представляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Въ воспитаніи „чувства взаимопомощи и человѣческой солидарности“ она должна имѣть огромное значеніе. Книга Рокиньи тѣмъ и интересна, что, помимо богатаго фактическаго матеріала, она даетъ нѣкоторая соціальныя обобщенія.—И. К.

НЕКРОЛОГЪ

Василій Васильевичъ Болотовъ

(сконч. 5 апрѣля 1900 г.).

Отрадное и горькое чувство вызывается этимъ именемъ. Отраденъ запечатлѣнный смертью образъ этого подвижника духовной науки. Горько думать не только о томъ, что прервано это подвижничество на половинѣ жизненнаго пути, но также и о томъ, насколько и въ этихъ предѣлахъ лѣтъ оно могло бы быть плодотворнѣе при другихъ историческихъ условіяхъ умственной жизни...

Достаточно было два или три раза видѣть Болотова и бесѣдовать съ нимъ, чтобы признать въ немъ человѣка, вполнѣ отдавшагося одному служенію. Церковно-историческая наука въ широкомъ смыслѣ этого слова — со всѣми смежными областями знанія—внѣ этого для него ничто не имѣло интереса и значенія. Какъ глубоко-религіозный человѣкъ строго-христіанскихъ убѣжденій, онъ находилъ въ церковной исторіи настоящую жизненную среду для всего истинно-важнаго, и только чрезъ эту среду, чрезъ отраженіе отъ нея, или преломленіе въ ней, всѣ прочія дѣла и вопросы представлялись ему стоящими вниманія. Знакомство съ нимъ оставляло то неизгладимое впечатлѣніе, которое такъ хорошо выражено его ученикомъ и товарищемъ, проф. Жуковичемъ: „Его жизнь, это—жизнь не аскета, ищущаго въ ученомъ трудѣ противовѣса земнымъ вожделѣніямъ, а мыслителя, въ святомъ увлеченіи высшею истиной забывшаго все земное“ [1]).

Но если религіозная вѣра въ соединеніи съ научнымъ призваніемъ изначала предопредѣлила общій предметъ трудовъ В. В., то спеціальныя задачи этихъ трудовъ, темы отдѣльныхъ ученыхъ сочиненій, оставались безъ ясной опредѣленной связи между собою, и, по словамъ того же ученика, „почившій не успѣлъ даже, для всѣхъ ясно, формулировать своихъ конечныхъ цѣлей научныхъ“ [2]), — и я не думаю, чтобы это объяснялось только раннею кончиной...

Сынъ дьячка въ тверской губерніи, Василій Васильевичъ Болотовъ родился 1 января 1854 г. (слѣд. смерть застала его на 47-мъ году

[1]) „Вѣнокъ на могилу В. В. Болотова“, стр. 21.

[2]) Тамъ же.

отъ роду), учился въ осташковскомъ духовномъ училищѣ, тверской семинаріи и—въ 1875—79 гг.—въ Петербургской Духовной Академіи, гдѣ, вскорѣ по окончаніи курса, занялъ каѳедру древней церковной исторіи. Обладая чрезвычайными способностями къ языкамъ при исключительной памяти, онъ кромѣ пріобрѣтеннаго еще въ ученическіе годы основательнаго знанія трехъ древнихъ (еврейскаго, греческаго, латинскаго) и четырехъ новыхъ иностранныхъ языковъ (нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, итальянскаго), вполнѣ овладѣлъ впослѣдствіи семью восточными: сирійскимъ, халдейскимъ, арабскимъ, армянскимъ, коптскимъ, эѳіопскимъ (т.-е. древне-абиссинскимъ) и амхарскимъ (ново-абиссинскимъ). Вооруженный всѣми вспомогательными знаніями и въ совершенствѣ владѣя научнымъ критическимъ методомъ изслѣдованія, молодой ученый принялся во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ раскапывать церковно-историческую почву, вынося отовсюду цѣнныя находки. Наименѣе спеціальное изъ его сочиненій—обширная и основательная диссертація „Ученіе Оригена о св. Троицѣ" (Спб. 1879). Послѣ нея Болотовъ ничего не издавалъ больше отдѣльными книгами, а печаталъ свои многочисленныя изслѣдованія, этюды и замѣтки въ видѣ журнальныхъ статей, преимущественно въ „Христіанскомъ Чтеніи", и оттисковъ. Вотъ болѣе крупные изъ этихъ трудовъ:

1) „Къ исторіи внѣшняго состоянія константинопольской церкви подъ игомъ турецкимъ".

2) „Разсказы Діоскора о халкидонскомъ соборѣ".

3) „Житіе блаженнаго Афу, епископа пемджескаго".

4) „Архимандритъ тавеннисіотовъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г.".

5) „День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка".

6) „Къ вопросу о соединеніи абиссинъ съ православною церковью".

7) „Богословскіе споры въ эѳіопской церкви".

8) „Либерій, епископъ римскій, и сирмійскіе соборы".

9) „Реабилитація четырехъ документовъ 343 г.".

10) „Михайловъ день".

11) „Слѣды древнихъ мѣсяцеслововъ помѣстныхъ церквей".

12) „Древнѣйшія митрополіи въ церкви персидской".

13) „Смутное время въ исторіи сиро-персидской церкви".

14) „Списокъ католикосовъ селевкіе-ктисифонскихъ".

15) „Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія?"

16) „Изъ эпохи споровъ о пасхѣ въ концѣ II в.".

17) „Валтасаръ и Дарій Мидянинъ".

Эти статьи печатались въ „Христіанскомъ Чтеніи" за 1882—1900 гг.—Около двадцати лѣтъ атлетъ науки какъ будто пробовалъ свои богатырскія силы на разныхъ частичныхъ вопросахъ, такъ и не

успѣвши остановиться на обширной задачѣ, достойной его высокаго дарованія. Явленіе не случайное, уже потому, что не единичное: достаточно вспомнить изъ того же міра русской духовной науки двухъ другихъ—старшихъ богатырей мысли и знанія: покойныхъ Ѳ. А. Голубинскаго и А. В. Горскаго. Въ другихъ странахъ богословская и церковно-историческая наука представляетъ могучее собирательное цѣлое, гдѣ всякая умственная сила находитъ и всестороннюю опору, и всестороннія рамки для своей дѣятельности, и свободно развивая свои личныя возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прилагаетъ ихъ къ общему дѣлу; тамъ есть, изъ преданій прошлаго и современной систематической работы слагающаяся, живая и правильно ростущая наука, и отдѣльные ученые въ мѣру своихъ силъ входятъ въ эту общую работу, участвуютъ въ этомъ ростѣ цѣлаго... У насъ и въ другихъ наукахъ, особенно же въ наукѣ богословско-церковной, этотъ *ростъ цѣлаго* отсутствуетъ... Поэтому наши лучшіе ученые, особенно въ области духовной науки, похожи не на притоки могучихъ рѣкъ, текущихъ въ моря и океаны, — а только на ключи, одиноко бьющіе въ пустынѣ... Тѣмъ грустнѣе было потерять одинъ изъ этихъ немногихъ высокихъ ключей.

Владиміръ Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1900.

Оправдательный приговоръ по дѣлу Скитскихъ.—Значеніе этого дѣла, какъ показателя недостатковъ нашего полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія.—Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго и общій вопросъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи.—Разногласіе по этому вопросу въ средѣ коммиссіи, пересматривавшей законоположенія по судебной части.—В. И. Бекарюковъ †.—Именной Высочайшій указъ 26-го мая.

Окончившееся недавно, послѣ троекратнаго судебнаго разбирательства, дѣло Скитскихъ бросаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя стороны дѣйствующихъ у насъ процессуальныхъ порядковъ. Рѣдко обнаруживались съ такою рельефностью недостатки нашего полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія. Съ самаго начала подозрѣніе, слабо мотивированное не столько фактами, сколько догадками, пало на Скитскихъ—и все остальное, ихъ не касавшееся, было забыто, отодвинуто въ сторону. Въ защитительной рѣчи прис. пов. Карабчевскаго указаны цѣлыя группы, среди которыхъ можно было искать ожесточенныхъ, непримиримыхъ враговъ убитаго Комарова — и ни одной изъ этихъ группъ не коснулось разслѣдованіе, ничего не видѣвшее и не знавшее кромѣ Скитскихъ. Недовольны Комаровымъ могли быть не только уволенные имъ, въ числѣ *сорока*, чиновники консисторіи, но и мелкіе ходатаи и профессіональные свидѣтели по бракоразводнымъ дѣламъ, которымъ Комаровъ мѣшалъ удить рыбу въ мутной водѣ. Гораздо меньше, сравнительно, были задѣты Комаровымъ интересы братьевъ Скитскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ только перемѣщенъ имъ съ высшей должности на низшую. а другой даже получилъ, благодаря Комарову, прибавку жалованья. Только при послѣднемъ разбирательствѣ выяснились такіе факты, которые, при своевременномъ обнаруженіи— а оно было весьма легко — могли бы направить слѣдствіе по совершенно другому пути и привести къ совершенно другимъ результатамъ (припомнимъ, напримѣръ, показаніе госпожи Комаровой, что мужъ ея, въ день убійства, просилъ ее, вопреки установившейся у нихъ привычкѣ, не выходить къ нему на встрѣчу). Только при послѣднемъ разбирательствѣ были предприняты такія слѣдственныя дѣйствія, которыя должны были быть произведены при самомъ началѣ разслѣдованія

(напр. осмотръ и измѣреніе пути, ведущаго къ мѣсту происшествія, и пути, которымъ Скитскіе, вечеромъ того же дня, шли къ р. Ворсклѣ)— и могли быть произведены тогда съ бо̀льшею точностью и полнотою, потому что въ теченіе трехъ лѣтъ значительно измѣнился видъ мѣстности (вырублены деревья и т. п.). Все это—грѣхи упущенія; но было еще нѣчто худшее—были попытки прямого противозаконнаго воздѣйствія на обвиняемыхъ. Вотъ что̀ сказалъ на судѣ Петръ Скитскій, человѣкъ робкій, запуганный, промолвившій лишь нѣсколько словъ въ продолженіе всего судебнаго слѣдствія: „меня приставъ втолкнулъ въ полицію. Здѣсь меня схватили городовые за руки, кто-то началъ кричать: *ты убійца, у тебя вездѣ кровь*! Приставъ Царенко тоже кричалъ, махалъ кулаками, топалъ ногами... Я ужасно растерялся". По словамъ г. Карабчевскаго, главный руководитель дознанія, полтавскій полиціймейстеръ Ивановъ, объяснялся съ Скитскими, какъ не-дворянами, „весьма энергично": онъ „имѣлъ, повидимому, повадку въ подобныхъ случаяхъ жестикулировать кулакомъ болѣе выразительно, чѣмъ это обыкновенно принято". Тотъ же г. Ивановъ „такъ дѣтски-довѣрчиво, съ такою пылкою наивностью считалъ собранныя противъ Скитскихъ улики неотразимыми, что на его показаніи, какъ на судебномъ доказательствѣ, даже обвинителямъ пришлось поставить крестъ"; а между тѣмъ, „на предварительномъ слѣдствіи всѣ охотно вѣрили ему, что онъ *корни и нити* всего дѣла держитъ твердо въ рукахъ". Помощниками г. Иванова при дознаніи были полицейскіе пристава Царенко и Семеновъ. Первый, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ Петра Скитскаго, старался не отставать, по энергіи, отъ своего принципала, а свое розыскное искусство проявилъ только въ томъ, что ѣздилъ, переодѣвшись въ партикулярное платье, на мѣсто, гдѣ найденъ былъ трупъ, и присматривался тамъ къ народному говору: но, по выраженію г. Карабчевскаго, „народъ безмолвствовалъ", и г. Царенкѣ, вмѣстѣ съ г. Ивановымъ, пришлось ограничиться какими-то „агентурными свѣдѣніями", происхожденіе которыхъ защита напрасно пыталась выяснить на судѣ. О г. Семеновѣ, какъ о слѣдователѣ, даетъ достаточное понятіе слѣдующій небольшой отрывокъ изъ стенографическаго отчета (см. „Право", № 24): „мы производили обыски въ квартирѣ Степана Скитскаго и нашли тамъ страшный безпорядокъ; всюду валялись куски хлѣба, остатки колбасъ, кислое молоко; въ залѣ была приготовлена постель для двоихъ" (какіе, въ самомъ дѣлѣ, ясные слѣды преступленія!)... „Установивши точно alibi господина Скитскаго, я заходилъ въ разныя мѣста" и т. д. На вопросъ прокурора, какъ понимаетъ свидѣтель терминъ alibi, г. Семеновъ отвѣчалъ: „alibi—это провожденіе времени предыдущаго дня", и когда эти слова вызвали

всеобщій смѣхъ, онъ очевидно не понималъ, надъ кѣмъ и по какому поводу смѣются... Въ камеру Петра Скитскаго былъ посаженъ полиціею, подъ видомъ арестанта, сыщикъ, которому удалось получить отъ Петра записку къ его брату. Записка эта была передана кому слѣдуетъ, доходила до прокурорской власти, но затѣмъ безслѣдно исчезла изъ дѣла, такъ что содержаніе ея (по одной версіи—совершенно невинное, по другой—крайне компрометтирующее) пришлось возстановлять путемъ свидѣтельскихъ показаній. Не поразительна ли во всемъ этомъ смѣсь усердія съ халатностью, претензій—съ невѣжествомъ, первобытныхъ, грубыхъ пріемовъ (крики, размахиванье кулакомъ)—съ утонченными инквизиторскими затѣями (подсаживанье сыщика)? Преданія доморощеннаго „допроса съ пристрастіемъ" переплелись съ ухищреніями, выработанными французскимъ сыскомъ—и образовали до крайности непривлекательную смѣсь, соединяющую въ себѣ худшія стороны двухъ противоположныхъ системъ. И если такъ производятся дознанія въ большомъ, губернскомъ городѣ, то что же происходитъ въ деревенской глуши? Если таковы дѣйствія полицiймейстера и полицейскихъ приставовъ, то чего же можно ожидать отъ урядниковъ и околоточныхъ надзирателей? Не ясно ли, что ручательствомъ въ правильности производства дознаній не можетъ служить и надзоръ прокуратуры, съ вѣдома которой, въ данномъ случаѣ, было допущено „подсаживанье"? Не ясно ли, наконецъ, что необходимо преобразованіе предварительнаго слѣдствія въ смыслѣ повышенія требованій, предъявляемыхъ къ слѣдователямъ, а отнюдь не въ смыслѣ ихъ поощренія, путемъ передачи слѣдственныхъ функцій отчасти полиціи, отчасти участковымъ судьямъ... Намъ рѣшительно не вѣрится, чтобы поразительные уроки, вытекающіе изъ дѣла Скитскихъ, могли быть оставлены безъ вниманія при окончательномъ пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Одностороннее направленіе, сразу данное дѣлу объ убійствѣ Комарова, объясняется, отчасти, тѣмъ мѣстомъ, которое отведено защитѣ въ нашемъ уголовномъ процессѣ. „Въ храмъ правосудія", по выраженію защитника Скитскихъ, защиту „впускаютъ только въ концѣ концовъ". Въ самые трудные для обвиняемаго моменты она находится „въ жалкомъ положеніи оглашеннаго, изгнаннаго, безсильно томящагося въ преддверіи храма. Ее впускаютъ тогда, когда затѣянная въ глубокой тайнѣ, сотканная въ тиши и выполненная въ раздумьѣ творческая работа обвиненія въ сущности готова, окончена совершенно. Защитѣ предоставлено только критиковать или даже разрушать это творчество, класть свои мазки на законченную картину, портить ее или рвать холстъ, на которомъ она нарисована, но не да-

вать ничего своего законченнаго и цѣльнаго. Отсюда досадныя къ защитѣ отношенія и чувства не только со стороны обвинителей, но подчасъ и судей. Она ничего не даетъ взамѣнъ разрушаемаго! Умъ нашъ такъ устроенъ, что, подобно всей природѣ, *боится пустоты*. И защитѣ предъявляется тайное требованіе на смѣну разрушаемаго создать нѣчто новое, свое, положительное и прочное. Но предъявлять подобное требованіе—значитъ издѣваться надъ безсиліемъ защиты въ процессѣ. Вѣдь краеугольнымъ камнемъ уголовнаго процесса является предварительное слѣдствіе, когда защита не допускается. Предварительное слѣдствіе — тотъ фундаментъ, безъ котораго немыслимо построить ничего, а его-то защитѣ и недостаетъ. Еслибы защита располагала такими же средствами, какъ обвиненіе, она, быть можетъ, и дала бы вамъ преступника на смѣну Скитскихъ, но при наличности существующаго порядка слѣдствія мы вамъ не можемъ назвать убійцъ! У защиты нѣтъ ни власти, ни средствъ содѣйствовать правосудію въ этомъ направленіи. А между тѣмъ именно данный процессъ не вопіетъ ли противъ подобнаго ограниченія защиты? Вамъ пришлось дѣлать заново все то, что̀ упустило или не сдѣлало предварительное слѣдствіе Вы вынуждены были произвести самые сложные и тщательные осмотры, испытанія и измѣренія. Скажите, чѣмъ мы вамъ помѣшали въ этой чисто слѣдственной, черной, подготовительной работѣ? Своимъ безсмѣннымъ контролемъ, вопросами и поправками мы только удесятерили авторитетъ вашей безпримѣрной судейской работы. Еслибы уже на предварительномъ слѣдствіи мы имѣли права равныя правамъ обвиненія, не предстали бы мы предъ вами съ пустыми руками. Мы изслѣдовали бы цѣлый рядъ параллельныхъ съ обвиненіемъ версій преступленія, и кто знаетъ, сидѣли ли бы Скитскіе на скамьѣ подсудимыхъ"! Въ этихъ словахъ г. Карабчевскаго заключается большая доля правды. Мы не думаемъ, чтобы въ раскрытіи преступленія и преступниковъ роль защиты, даже при полной, съ самаго начала изслѣдованія, равноправности ея съ обвиненіемъ, могла быть настолько же активной, какъ и роль обвиненія. Защита не располагаетъ и не можетъ располагать ни содѣйствіемъ о̀рагновъ управленія, ни широкими средствами государства; у нея нѣтъ и не можетъ быть принудительной власти. Въ силу своего главнаго, господствующаго призванія, она больше склонна къ критикѣ, чѣмъ къ „творчеству", въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено г. Карабчевскимъ. Иниціативу розыска въ направленіи, противоположномъ избранному обвинителемъ, она принимала бы на себя, по всей вѣроятности, сравнительно рѣдко (хотя нельзя отрицать, что иногда сила вещей могла бы возложить на нее изобличеніе настоящихъ виновныхъ). И тѣмъ

не менѣе, оставаясь въ предѣлахъ своей прямой и главной задачи, она могла бы явиться незамѣнимо важной помощницей обвиненія. Своевременно показать, что путь, на который выступило слѣдствіе, не ведетъ къ цѣли, своевременно раскрыть ошибочность исходной точки, несостоятельность гипотезы, положенной въ основаніе слѣдственныхъ дѣйствій—это, во многихъ случаяхъ, равносильно обращенію вниманія слѣдователя именно въ ту сторону, гдѣ лежитъ ключъ къ правильному рѣшенію дѣла. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы процессъ Скитскихъ: еслибы защитѣ, при самомъ его началѣ, удалось доказать, что Комаровымъ, въ день убійства, было назначено кому-то, на пути изъ города къ дачѣ, дѣловое свиданіе, и что именно потому онъ просилъ жену не выходить къ нему на встрѣчу, то этимъ было бы опровергнуто или по крайней мѣрѣ до крайности ослаблено подозрѣніе, павшее на Скитскихъ, и слѣдствію пришлось бы искать другого объекта, другой дороги. Ничего не утверждая, ни на кого не набрасывая подозрѣнія, защита можетъ, такимъ образомъ, оказать существенную услугу и слѣдователю, и обвинителю.

Вопросъ о допущеніи защиты, въ той или другой мѣрѣ, при предварительномъ слѣдствіи возникалъ еще во время подготовки судебной реформы. Коммиссія, составлявшая судебные уставы, разрѣшала его утвердительно, исходя изъ убѣжденія, что какъ на судѣ, такъ и при слѣдствіи, права обѣихъ сторонъ должны быть одинаковы. „Если,—такъ разсуждала коммиссія,—при собираніи необходимыхъ для суда матеріаловъ слѣдователь будетъ постоянно побуждаемъ только прокуроромъ, лицомъ опытнымъ и вліятельнымъ, то, конечно, онъ сдѣлается одностороннимъ и будетъ оставлять безъ вниманія интересы обвиняемаго, весьма часто не имѣющаго ни смѣлости, ни умѣнья представить все то, что̀ можетъ служить къ его оправданію". Иначе посмотрѣли на дѣло соединенные департаменты Государственнаго Совѣта: они нашли, что „при предварительномъ слѣдствіи трудно поставить защитника въ опредѣленныя границы, и нельзя не опасаться, что онъ сочтетъ своею обязанностью противодѣйствовать собранію обличительныхъ доказательствъ и способствовать обвиняемому въ сокрытіи слѣдовъ преступленія". Въ силу этихъ соображеній постановленія о защитѣ при предварительномъ слѣдствіи были исключены изъ окончательной редакціи устава уголовнаго судопроизводства. Судебная практика сначала допускала участіе защиты въ обжалованіи слѣдственныхъ дѣйствій, но въ 1887 г. и этому былъ положенъ конецъ разъясненіемъ сената. Въ коммиссіи, пересматривавшей законоположенія по судебной части, за допущеніе защиты при предварительномъ слѣдствіи высказалось лишь меньшинство (восемь членовъ),

въ средѣ котораго произошло, притомъ, разногласіе относительно размѣра правъ, которыя могли бы быть предоставлены защитнику. Три члена (И. П. Закревскій, М. В. Красовскій и В. К. Случевскій) полагали допустить защитника къ обозрѣнію слѣдствія только тогда, когда оно признается законченнымъ (съ предоставленіемъ защитѣ права просить о его дополненіи). Пять членовъ (А. Г. Гасманъ, А. Ѳ. Кони, С. И. Лукьяновъ, В. Д. Спасовичъ и И. Я. Фойницкій) находили возможнымъ участіе защиты съ самаго момента привлеченія заподозрѣннаго лица въ качествѣ обвиняемаго, но съ слѣдующими, весьма существенными ограниченіями: присутствіе защитника должно быть допущено только при осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ и экспертизахъ (съ правомъ предложенія вопросовъ экспертамъ), но отнюдь не при допросѣ обвиняемаго и свидѣтелей; обозрѣніе защитникомъ слѣдственнаго производства, въ цѣломъ или въ частяхъ, должно быть разрѣшаемо слѣдователемъ лишь въ такое время, когда не существуетъ опасенія, что это можетъ помѣшать раскрытію истины; свиданія защитника съ обвиняемымъ, заключеннымъ подъ стражу, должны происходить не иначе, какъ въ присутствіи лица судебнаго вѣдомства. Безъ всякихъ оговорокъ защитнику предоставляется лишь участіе въ обжалованіи слѣдственныхъ дѣйствій. Право являться защитникомъ при слѣдствіи должно принадлежать, по мнѣнію пяти членовъ, только присяжныхъ повѣреннымъ. Большинство коммиссіи разошлось съ обѣими группами меньшинства. Какія бы ни были установлены ограниченія въ отношеніи круга лицъ, допускаемыхъ къ защитѣ при предварительномъ слѣдствіи, и какъ бы ни былъ организованъ контроль надъ ними со стороны слѣдователя, защитникъ—по убѣжденію большинства—неизбѣжно будетъ поступаться интересами правосудія ради интересовъ обвиняемаго и всегда будетъ имѣть возможность направить разслѣдованіе въ сторону, ничего общаго съ истиною не имѣющую. Опасенія эти подтверждаются наблюденіями надъ негласной адвокатурой, и теперь имѣющеюся у насъ на лицо при предварительномъ слѣдствіи; даже „легальные“ адвокаты даютъ иногда обвиняемымъ нежелательныя наставленія, учатъ ихъ запирательству. Допущеніе присяжной адвокатуры къ участію въ предварительномъ слѣдствіи привело бы на практикѣ къ чрезвычайному процессуальному неравенству обвиняемыхъ, въ зависимости отъ ихъ имущественной обезпеченности. Разсмотрѣніе домогательствъ защиты и составленіе объясненій на жалобы, которыхъ при ея участіи подавалось бы гораздо больше, неминуемо замедлило бы ходъ слѣдствій. Въ каждомъ дѣлѣ, въ которомъ выступала бы защита, по необходимости долженъ былъ бы принять участіе и прокуроръ, что значительно увеличило бы

тягость прокурорскихъ обязанностей. Неудобнымъ, наконецъ, было бы допущеніе защиты даже въ моментъ признанія слѣдствія законченнымъ: оно повлекло бы за собою напрасное повтореніе многихъ слѣдственныхъ дѣйствій (напр. передопросъ свидѣтелей, показавшихъ противъ обвиняемаго) — особенно излишнее въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіе и безъ того было бы направлено къ прекращенію. Отрицательно разрѣшенъ коммиссіей и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, разрѣшить участіе защитника въ обжалованіи обвиняемымъ, заключеннымъ подъ стражу, того или другого слѣдственнаго дѣйствія: большинство (кромѣ двухъ членовъ—П. М. Бутовскаго и Н. Д. Чаплина,—присоединившихся, собственно по этому вопросу, къ мнѣнію меньшинства) нашло, что прежде принесенія жалобы защитникъ долженъ былъ бы имѣть свиданіе и совѣщаніе съ обвиняемымъ—а этого, по вышеприведеннымъ основаніямъ, допустить нельзя. Замѣтимъ, что право на свиданіе съ защитникомъ меньшинство полагало предоставить обвиняемому не безусловно, а лишь тогда, когда слѣдственная власть по ходу слѣдствія это найдетъ возможнымъ.

Итакъ, законодательная работа, предпринятая съ цѣлью улучшенія дѣйствующихъ судебныхъ порядковъ, не принесетъ съ собою— если одержать верхъ предположенія большинства коммиссіи—никакой перемѣны въ положеніи обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи. Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ составителямъ судебныхъ уставовъ казалось возможнымъ *полное уравненіе* обвиненія и защиты во всѣхъ фазисахъ процесса; теперь за него не высказывается никто, и даже самое радикальное предложеніе не идетъ дальше предоставленія защитѣ *нѣкотораго*, довольно ограниченнаго участія въ предварительномъ слѣдствіи. Все это тѣмъ болѣе странно, что въ другихъ европейскихъ государствахъ права защиты, за тотъ же періодъ времени, возросли весьма существенно: участіе ея въ предварительномъ слѣдствіи допущено не только процессуальными кодексами Австріи (1873), Германіи (1877), Норвегіи (1887), Венгріи (1896), но и французскимъ закономъ 1897 г., хотя французскіе юристы всего менѣе склонны къ расширенію состязательнаго начала въ области уголовнаго судопроизводства. У насъ въ Россіи новыхъ данныхъ противъ участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи не могло явиться уже потому, что оно вовсе или почти вовсе не допускалось. Случаи обжалованія защитникомъ слѣдственныхъ дѣйствій, пока оно не было воспрещено Сенатомъ, были весьма рѣдки и ни къ какимъ особымъ неудобствамъ не приводили; самое запрещеніе было вызвано не практическими, а чисто теоретическими соображеніями. Изъ злоупотребленій, допускаемыхъ „негласной адвокатурой“, нельзя, очевидно, заключать, что нѣчто

подобное имѣло бы мѣсто и при *открытомъ*, законномъ участіи защиты въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. „Легальные“ адвокаты, которые, по словамъ коммиссіи, учили своихъ кліентовъ запирательству, принадлежали, по всей вѣроятности, къ числу частныхъ повѣренныхъ; присяжныхъ повѣренныхъ удерживало бы отъ такого образа дѣйствій, помимо сознанія долга, опасеніе товарищескаго суда [1])—а меньшинство коммиссіи предполагаетъ допускать къ защитѣ при слѣдствіи именно и только присяжныхъ повѣренныхъ (къ которымъ, какъ намъ кажется, можно было бы присоединить и ихъ помощниковъ). Спросимъ себя, далѣе, въ чемъ можетъ выразиться противодѣйствіе защиты, во время слѣдствія, цѣлямъ правосудія? Въ предложеніи свидѣтелямъ наводящихъ или подсказывающихъ вопросовъ? Присутствія защиты при допросѣ свидѣтелей меньшинство вовсе не допускаетъ. Въ сообщеніи отвѣтовъ, данныхъ обвиняемымъ на вопросы слѣдователя, его сообщникамъ или другимъ расположеннымъ къ нему лицамъ, могущимъ быть вызванными въ качествѣ свидѣтелей? Допросъ обвиняемаго также предполагается производить безъ бытности при томъ защитника. Въ преподаніи обвиняемому совѣтовъ, имѣющихъ цѣлью затруднить раскрытіе его виновности? Свиданія обвиняемаго съ защитникомъ предполагается поставить подъ контроль должностного лица и разрѣшать не при всякомъ положеніи дѣла. Въ полученіи отъ обвиняемаго указаній, что̀ слѣдуетъ скрыть или уничтожить, кого слѣдуетъ запросить или подкупить? Такія указанія, въ большинствѣ случаевъ, не ускользнули бы отъ вниманія наблюдателя, присутствующаго при свиданіи, и притомъ исполненіе ихъ было бы нарушеніемъ не только адвокатскихъ, но и общегражданскихъ обязанностей, грозящимъ не только дисциплинарною, но и уголовною отвѣтственностью... Видѣть въ защитникѣ прежде всего и больше всего врага правосудія, значитъ упускать изъ виду, что лицо, противъ котораго направлено слѣдствіе, можетъ быть ни въ чемъ не виновно, или виновно не въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, или не въ той мѣрѣ, въ какой его обвиняютъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ защитникъ, восполняя пробѣлы слѣдствія или создавая противовѣсъ увлеченіямъ слѣдователя, дѣйствуетъ прямо въ интересахъ правосудія. Онъ уменьшаетъ шансы неправильнаго, необдуманнаго преданія суду; онъ мѣшаетъ преждевременному успокоенію на одной, недостаточно провѣренной гипотезѣ; онъ предупреждаетъ сосредоточеніе слѣдственныхъ дѣйствій на одномъ пути, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, можетъ быть, болѣе близкимъ къ цѣли.

---

[1]) Мы говоримъ, конечно, только объ общемъ правилѣ; исключенія возможны вездѣ и всегда.

Даже тогда, когда слѣдователь сразу попалъ на правильную дорогу, производство, по просьбѣ защиты, нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій въ другомъ направленіи, по другому слѣду, можетъ оказаться далеко не безполезнымъ: оно устранитъ возможность ссылки, во время суда, на неполноту слѣдствія — ссылки, такъ часто способствующей оправданію подсудимаго. Опасаться, что защита безъ всякой надобности будетъ предъявлять требованія, замедляющія ходъ дѣла, нельзя уже потому, что ускореніе слѣдствія — почти всегда въ интересахъ обвиняемаго, содержащагося подъ стражей. Чѣмъ больше шансовъ, что слѣдствіе будетъ направлено къ прекращенію, тѣмъ меньше основаній ожидать со стороны защитника безцѣльныхъ домогательствъ о дополненіи дѣла. Ничто, наконецъ, не обязываетъ слѣдователя исполнять такія домогательства; участіемъ защиты самостоятельность слѣдователя не ограничивается нисколько. Что прокуратурѣ, въ случаѣ допущенія защиты, придется принимать болѣе дѣятельное участіе въ слѣдственной процедурѣ—этого мы не отрицаемъ, но не видимъ въ этомъ никакой бѣды: наоборотъ, это было бы первымъ шагомъ къ преобразованію предварительнаго слѣдствія въ духѣ состязательнаго начала, имѣющаго несомнѣнныя и громадныя преимущества передъ розыскнымъ. Сразу осуществить его невозможно, но постепенное приближеніе къ нему весьма желательно.

Изъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ противъ допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, нѣкоторую силу можно признать только за однимъ, но и то лишь съ перваго взгляда: это—указаніе на преимущество, которое получили бы, такимъ образомъ, обвиняемые, располагающіе достаточными матеріальными средствами. Дѣйствительно, обезпечить защиту, при предварительномъ слѣдствіи, за всѣми обвиняемыми, содержащимися подъ стражей, въ настоящее время едва ли возможно: въ нашихъ уѣздныхъ городахъ присяжныхъ повѣренныхъ, помощниковъ ихъ и кандидатовъ на судебныя должности еще такъ мало, что *назначеніе* защитника каждому подслѣдственному арестанту оказалось бы неосуществимымъ. Припомнимъ, однако, что безъ защитника подсудимые остаются иногда по той же причинѣ и на судѣ —и остаются, конечно, именно тогда, когда они не въ состояніи пригласить защитника изъ столицы или губернскаго города. Изъ различія состояній вытекаютъ безчисленныя формы общественнаго неравенства, въ настоящее время ничѣмъ не устранимыя. Необходимо, по возможности, сглаживать послѣдствія этого неравенства—но сглаживать ихъ не путемъ стѣсненія богатыхъ, а путемъ заботливости о бѣдныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣку богатому сравнительно легко освободиться отъ подслѣдственнаго ареста, какъ

потому, что у него всегда есть осѣдлость, такъ и потому, что онъ можетъ представить залогъ, найти поручителей; но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы, въ видахъ равенства, *всѣ* обвиняемые въ серьезномъ преступленіи непремѣнно должны быть заключаемы подъ стражу. Столь же несомнѣнно и то, что матеріальный достатокъ облегчаетъ подсудимому *избраніе* защитника, избраніе его изъ среды наиболѣе даровитыхъ и опытныхъ присяжныхъ повѣренныхъ,—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы, опять-таки въ видахъ равенства, нужно было запретить избраніе защитника и предоставить всѣмъ безъ изъятія подсудимымъ только защитниковъ назначенныхъ [1]). Фактически то неравенство, котораго опасается коммиссія, существуетъ, въ значительной степени, и теперь. Ничто не мѣшаетъ обвиняемымъ, находящимся на свободѣ, совѣщаться, уже во время предварительнаго слѣдствія, съ своимъ будущимъ защитникомъ или съ другими юристами—а мы уже видѣли, что сравнительно чаще сохраняютъ свободу именно обвиняемые, обладающіе нѣкоторымъ достаткомъ. Если самъ обвиняемый взятъ подъ стражу, его средства остаются, большею частью, въ распоряженіи его родственниковъ или друзей, черезъ посредство которыхъ ему и можетъ быть оказана юридическая помощь. Выводъ отсюда ясенъ: неравенство состояній не должно служить препятствіемъ къ допущенію защиты при предварительномъ слѣдствіи. Открыто признанная и правильно организованная, такая защита сдѣлается крайне цѣннымъ элементомъ уголовнаго правосудія, а противъ возможныхъ ея злоупотребленій нетрудно будетъ принять вполнѣ дѣйствительныя мѣры... Къ вопросу о предѣлахъ, въ которыхъ могла бы быть допущена защита при предварительномъ слѣдствіи, мы еще возвратимся.

Та часть нашей іюньской общественной хроники, которая была направлена противъ „Московскихъ Вѣдомостей", вызвала новую статью этой газеты (№ 162). „Предъ Россіей,—читаемъ мы здѣсь,—возникаетъ, при усвоеніи взглядовъ *Вѣстника Европы*, вопросъ о необходимости цѣлаго переворота, радикальность котораго не измѣняется отъ того, производится ли онъ быстро или постепенно. Постановка

[1]) Само собою разумѣется, что защита по назначенію сплошь и рядомъ ничуть не уступаетъ, по талантливости и силѣ, защитѣ по соглашенію, которая, съ другой стороны, нерѣдко выпадаетъ и на долю людей неимущихъ (припомнимъ хотя бы дѣло Скитскихъ); но въ общемъ выводѣ возможность избрать защитника, съ вознагражденіемъ за трудъ, все-таки должна считаться обстоятельствомъ выгоднымъ для подсудимаго.

спора очень откровенная со стороны либеральнаго журнала... Въ аргументаціи *Вѣстника Европы* много *дерзости*... Или *Вѣстникъ Европы* смотритъ на Россію, по *старопольски*, какъ китайцы на Манчжурію? Это взглядъ не заслуживающій даже опроверженія. Даже со стороны поляковъ заграничныхъ онъ составлялъ ошибку, очень для нихъ вредную. Тѣмъ болѣе непростительно такое незнаніе русскаго народа для журнала, издающагося въ Россіи"... Этихъ немногихъ цитатъ достаточно, чтобы понять, почему мы не продолжаемъ полемику съ „Московскими Вѣдомостями".

Намъ не разъ случалось указывать на одну сторону земской жизни, мало бросающуюся въ глаза, но весьма крупную по своему значенію. Призывая мѣстныхъ жителей къ безвозмездному труду въ земскихъ собраніяхъ и коммиссіяхъ, въ совѣтахъ и присутствіяхъ, гдѣ есть члены отъ земства, Земское Положеніе создало новый общественный типъ, незнакомый до-реформенной Россіи. Почти вездѣ можно теперь найти людей, отдающихъ бо̀льшую часть своего времени незамѣтной, скромной работѣ на общую пользу. Лично имъ она не приноситъ ничего, кромѣ заботъ, усталости и столкновеній съ такими сферами, съ которыми удобнѣе жить въ ладу; но свой маленькій міръ они, по мѣрѣ силъ, подвигаютъ впередъ и оставляютъ его не такимъ, какимъ его застали. Справедливую оцѣнку они находятъ, обыкновенно, только послѣ смерти, да и то лишь въ тѣсномъ кругу уѣзда или губерніи. А между тѣмъ, ихъ имена заслуживаютъ болѣе широкой извѣстности; изъ ихъ трудовъ слагается цѣнный вкладъ въ общенародное достояніе. Однимъ изъ дѣятелей этого рода былъ умершій недавно Василій Ивановичъ Бекарюковъ, землевладѣлецъ волчанскаго уѣзда (харьковской губерніи). Въ 1861 г. онъ промѣнялъ службу въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ на званіе мирового посредника. По разсказу близкихъ ему лицъ, онъ садился уже въ экипажъ, чтобы ѣхать обратно въ полкъ, но его убѣдили остаться его бывшіе крѣпостные—и съ тѣхъ поръ онъ всецѣло посвятилъ себя деревнѣ. Всѣ уставныя грамоты въ его посредническомъ участкѣ были введены миролюбиво, съ предоставленіемъ крестьянамъ высшаго, по мѣстнымъ условіямъ, земельнаго надѣла. Когда въ харьковской губерніи были открыты земскія учрежденія, онъ былъ выбранъ въ уѣздные и губернскіе гласные и постоянно стоялъ за интересы народной массы, возражая, напримѣръ, противъ обложенія крестьянъ подушнымъ сборомъ на содержаніе начальныхъ школъ (о чемъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, ходатайствовало харьковское губернское земство) и настаивая на болѣе урав-

нительномъ распредѣленіи натуральныхъ повинностей. Болѣе двадцати лѣтъ сряду онъ былъ въ высшей степени дѣятельнымъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и больше всѣхъ способствовалъ тому, что волчанскій уѣздъ занялъ, по размѣру затратъ на школьное дѣло, первое мѣсто въ губерніи, сохраняемое имъ и до сихъ поръ, хотя въ 1893 г. большинство въ уѣздномъ земскомъ собраніи перешло на сторону противниковъ народнаго образованія. Съ этого времени В. И. Бекарюковъ отказался отъ земской дѣятельности: онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что восторжествовавшая партія забаллотировала всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ, вмѣстѣ съ В. И., въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, постигшаго волчанскій уѣздъ въ 1892 г. Нѣсколько столовыхъ было открыто въ это время на собственныя средства В. И. Бекарюкова, еще раньше устроившаго у себя въ селѣ и школу, и больницу... По словамъ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей", не было, кажется, ни одного общественнаго или важнаго семейнаго дѣла, по которому сосѣди В. И. не обращались бы къ нему за совѣтомъ. Крестьяне очень часто приходили къ нему цѣлымъ обществомъ; онъ принималъ ихъ съ обычной ласковостью, усаживалъ въ своей комнатѣ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ ихъ мірское дѣло. Онъ являлся на всѣ пожары за много верстъ въ окружности, и въ мѣстномъ населеніи существовала вѣра, что стòитъ только ему показаться на пожарѣ, чтобы огонь стихъ. И эту трудовую жизнь онъ велъ даже тогда, когда тяжкій недугъ надломилъ его здоровье...

Наше внутреннее обозрѣніе было уже въ печати, когда въ газетахъ появился слѣдующій Именной Высочайшій указъ, состоявшійся 26-го мая:

„Въ неуклонномъ стремленіи къ упроченію въ губерніяхъ Царства Польскаго образованія юношества въ духѣ русской государственности, Мы признали за благо снабдить представителя высшей мѣстной власти болѣе дѣйствительными способами къ пресѣченію въ упомянутыхъ губерніяхъ тайнаго обученія. Вслѣдствіе сего, согласно съ положеніемъ комитета министровъ, повелѣваемъ:

Распространить на губерніи Царства Польскаго дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ, 3-го апрѣля 1892 года, временныхъ правилъ о взысканіяхъ за тайное обученіе въ западныхъ губерніяхъ, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Возбужденіе дѣлъ о тайномъ обученіи возлагается въ губерніяхъ Царства Польскаго на учебныя дирекціи.

2) Наложеніе установленныхъ этими правилами взысканій принадлежитъ варшавскому генералъ-губернатору.

3) Деньги, взысканныя съ виновныхъ, обращаются, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, въ пособіе недостаточнымъ ученикамъ высшихъ классовъ гимназій и учительскихъ семинарій варшавскаго учебнаго округа, и

4) Порядокъ примѣненія означенныхъ правилъ предоставляется соглашенію попечителя варшавскаго учебнаго округа съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Стихотворенія Владиміра Соловьева. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1900. Стр. XV+231. Ц. 1 р. 50 к.

Это изданіе дополнено противъ прежнихъ новыми стихотвореніями, появившимися съ 1895 года (стр. 136—190), и сверхъ того въ концѣ помѣщены, въ видѣ „приложеній", три статьи о русскихъ символистахъ и замѣтка объ „особомъ чествованіи Пушкина" (по поводу разсужденій гг. Розанова, Мережковскаго и Минскаго). Разборъ декадентской поэзіи, представляющій „маленькое критическое увеселеніе" для читателей, заканчивается тремя самостоятельными образчиками символическаго творчества („Горизонты вертикальные", „Надъ зеленымъ холмомъ" и „На небесахъ горятъ паникадила"). Въ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что поэзія его имѣетъ своихъ друзей, которые цѣнятъ ее больше, чѣмъ онъ самъ; но несомнѣнный интересъ публики къ его философско-мечтательной музѣ выражается уже и въ самомъ фактѣ третьяго изданія его книжки.

Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Обзоръ и критическая оцѣнка ученій главныхъ представителей современной экономической науки, особенно ново-исторической школы. Проф. Г. Ѳ. Симоненко. Варшава. 1900. Стр. LXVI+505. Ц. 3 р.

Обширный трудъ проф. Симоненко долженъ былъ бы обратить на себя общее вниманіе знатоковъ и любителей политической экономіи, которыхъ у насъ оказывается очень много за послѣдніе годы. Если судить по числу появившихся книгъ и статей по экономическимъ вопросамъ, притомъ не практическимъ, а отвлеченно-доктринерскимъ, то надо признать политическую экономію самою популярною изъ наукъ, обрабатываемою у насъ съ наибольшимъ усердіемъ. Необыкновенное оживленіе нашей экономической литературы, переводной и оригинальной, свидѣтельствуетъ, повидимому, о большомъ и серьезномъ спросѣ на самостоятельныя изслѣдованія, подобныя трактату проф. Г. Ѳ. Симоненко. Книга посвящена критической провѣркѣ научныхъ основаній, методовъ и направленій современной политической экономіи, и хотя авторъ дѣлаетъ, быть можетъ, ошибку, объявляя себя заранѣе сторонникомъ устарѣлой и принципіально-несостоятельной школы Рошера, но въ его сочиненіи высказано много дѣльныхъ замѣчаній о новыхъ экономистахъ, преимущественно нѣмецкихъ, и собрана масса литературныхъ свѣдѣній и указаній, представляющихъ интересъ и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его исходной точки зрѣнія. Таковы, напр., его замѣчанія о безплодномъ накопленіи сырого матеріала для будущихъ научныхъ обобщеній, о безконечномъ собираніи сухихъ статистическихъ и историческихъ данныхъ при отсутствіи серьезной надежды на обработку ихъ и на извлеченіе изъ нихъ какихъ-нибудь теоретическихъ выводовъ. Авторъ съ наибольшею подробностью останавливается на воззрѣніяхъ проф. Шмоллера, Брентано, Вагнера, Шеффле, Диле и Штаммлера, равно какъ и основателей ново-исторической школы—Бруно-Гильдебранда и Книса (стр. 286—434). Остается пожелать, чтобы многочисленные наши экономисты-теоретики не оставили этого труда безъ должной и внимательной оцѣнки.

Проф. Р. Випперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Спб. 1900. Стр. 207. Ц. 1 р.

Интересные очерки г. Виппера заключаютъ въ себѣ критическій обзоръ главныхъ общественно-историческихъ теорій въ западной Европѣ съ первой половины XVIII до новѣйшихъ временъ, въ видѣ характеристикъ отдѣльныхъ представителей соціально-научнаго движенія, отъ Вико до Спенсера. Авторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду „показать черты зарожденія и главные моменты той религіи прогресса, которая наполняетъ возбужденную атмосферу европейской мысли" съ конца прошлаго вѣка и которая только впослѣдствіи, почти на нашихъ глазахъ, уступаетъ мѣсто объективному изученію развитія, или „эволюціи", человѣческихъ обществъ. Очерки г. Виппера написаны живо и занимательно, не затрудняя читателя излишествомъ литературно-библіографическаго балласта.

Б. Львовъ. Соціальный законъ. Опытъ введенія въ соціологію. Спб. 1900. Стр. 157. Ц. 1 р.

Въ предисловіи авторъ весьма рѣзко осуждаетъ писателей, позволяющихъ себѣ сомнѣваться въ существованіи объективно-научной соціологіи и ея законовъ; особенно достается при этомъ проф. Н. И. Карѣеву за его слабость къ субъективному индивидуализму. „Простѣйшій способъ справиться съ трудностями, представляемыми соціологіей,—такъ начинаетъ свою книгу г. Львовъ,—состоитъ въ отрицаніи этой науки... Такое вполнѣ отрицательное отношеніе къ соціологіи составляетъ теперь рѣдкость; но все-же подобные взгляды высказываются довольно извѣстными писателями". Опровергнувъ затѣмъ Дильтея и многихъ другихъ, авторъ въ цѣломъ рядѣ главъ разсуждаетъ о научныхъ основахъ соціологіи и „соціологическаго монизма", но въ концѣ самъ признается, что соціологія—пока еще не наука, хотя она „уже очень близка" (!) къ тому, чтобы стать наукою. Для этого намѣчается, однако (въ нѣсколькихъ словахъ), цѣлый рядъ предварительныхъ изученій, которыя именно и составятъ, будто бы, „соціальную науку". Къ сожалѣнію, неясность мысли соединяется у г. Львова съ чрезмѣрною развязностью полемики и излишнею бойкостью стиля.

Питеръ Марицъ, молодой буръ изъ Трансвааля. Историческій разсказъ А. Нимана. Переводъ, съ разрѣшенія автора, съ 6-го нѣмецкаго изданія А. и П. Ганзенъ. Съ 67 рисунками. Спб. 1900. Стр. 524. Ц. 3 р. 50 к.

Въ разсказѣ Нимана излагаются многіе любопытные эпизоды боевой жизни бюрговъ, зулусовъ и англичанъ въ критическій періодъ 1878—81 годовъ, когда война съ туземными кафрами и трансваальское возстаніе противъ Англіи завершились признаніемъ независимости южно-африканской республики. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ встрѣчаются извѣстныя имена Жубера, Бретера и другихъ; центральною фигурою является симпатичный и неустрашимый юноша, Питеръ Марицъ. Русскій переводъ книги сдѣланъ прекрасно, и изданіе отличается внѣшнимъ изяществомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; Н. Е. Голубева, Покровка, 32 (д. церкви Іоанна Предтечи), и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе" Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается выдача журналовъ*, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщаема Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1900.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1900.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1900 года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ПО ЗАКОНУ

РОМАНЪ

изъ деревенской жизни.

XIV *).

Машѣ Юдаковой было восемь лѣтъ, когда ее привели въ школу въ первый разъ. Она казалась моложе своего возраста, но учительница, бывшая тогда на мѣстѣ Звонарева, предлагая дѣтямъ самые элементарные вопросы, о числѣ пальцевъ на рукѣ, о правой и лѣвой сторонѣ и тому подобные, поразилась отвѣтами ея. Мало-по-малу она съ ней разговорилась. Дѣвочка отвѣчала бойко. Сейчасъ можно было увидать, что родители ея— не простые крестьяне, а люди бывалые. Учительница сразу поняла, что съ нею мучиться не придется, и что дѣвочка скоро будетъ понимать то, чему ее будутъ учить.

Дѣйствительно, Маша училась прекрасно, такъ что учительница ее почти не спрашивала. Вѣчно поднятой ручонкой она какъ бы хотѣла сказать, что все, что̀ проходится, ей хорошо извѣстно. Когда никто не могъ отвѣтить, учительница, наконецъ, обращалась къ ней, и она торжественно разрѣшала вопросъ. Зато она же была первой баловницей въ классѣ, вѣчно вертѣлась, подсказывала. Въ перемѣнахъ дѣвочки маленьк группой собирались отдѣльно отъ мальчиковъ. Среди всѣхъ вс да шумѣла, смѣялась больше всѣхъ Маша. Когда входили въ классъ, она не могла не дернуть—кого за рукавъ, кого за вс сы. Впрочемъ, доставалось и ей.

---

*) См. выше: іюль, 42 стр.

Совсѣмъ не таковъ былъ ея одноклассникъ Сергѣй Ермаковъ. Поступилъ онъ совсѣмъ дикаремъ. Высокій девятилѣтній мальчикъ, онъ при каждомъ словѣ несъ палецъ въ ротъ или носъ. Остричь его стоило большихъ трудовъ. „Смѣяться будутъ", — говорилъ онъ, заливаясь горючими слезами. Когда всѣ перестриглись, а онъ остался одинъ съ длинными волосами, кто-то изъ старшихъ прозвалъ его Авессаломомъ. Тогда только согласился остричься и Сережа.

Онъ сразу попалъ въ отсталые. Спроситъ его, бывало, учительница—онъ откроетъ ротъ, чтобы отвѣчать, и такъ съ открытымъ ртомъ и останется. Весь классъ хохочетъ, и учительница переходитъ къ другому. Зато онъ былъ крайне внимателенъ, и разъ что̀ узнавалъ и понималъ—уже не забывалъ никогда. Маша была хорошій математикъ, прекрасно все схватывала, но быстро схваченное иногда такъ же быстро испарялось, въ особенности молитвы. Сережа же разъ выученное держалъ въ головѣ крѣпко. Маша писала правильно, но почеркъ былъ торопливый. Сережа выводилъ букву медленно, но штрихъ былъ правильный. Маша въ старшемъ отдѣленіи ни въ одномъ „ѣ" не ошибалась, зато пропускала буквы, а то и цѣлыя слова. Сережа ошибался по незнанію часто, по невнимательности—никогда. Маша иногда лѣнилась, а затѣмъ въ мѣсяцъ прилежанія догоняла и перегоняла классъ. Сережа сначала былъ послѣднимъ, затѣмъ неослабнымъ стараніемъ понемногу поднимался, въ классѣ нигдѣ не застрѣвалъ и кончилъ хорошо.

Случалось ребятишкамъ обращаться къ Машѣ за помощью. Она охотно показывала, какъ рѣшить задачку, и помогала другимъ, насколько могла. Въ особенности часто обращался къ ней Сережа. Въ младшемъ отдѣленіи онъ самъ себя считалъ тупицей.

— Машка, ты сдѣлала задачу?—спрашивалъ онъ.

— А что? ты не можешь?

— Не могу! Покажи.

— Ну, иди. Слухай. Бери доску.

Въ двѣ минуты задача была объяснена, но Сережа не понималъ. Тогда болѣе терпѣливая въ качествѣ учительницы, нежели ученицы, она объясняла задачу еще, подкрѣпляя примѣрами, поясняя, какъ могла. Обращенія къ ней Сережи дѣлались все чаще и чаще; впослѣдствіи она самого его стала спрашивать, какъ онъ выучилъ урокъ, и смотрѣла его тетради. Когда онъ сталъ понемногу исправляться, она радовалась его успѣхамъ. Спроситъ, бывало, учительница:—Какъ это ты, Ермаковъ,

догадался?—Сережа, лгать не умѣвшій, показывалъ на Юдакову пальцемъ.

— Она показала.

И Маша гордилась своимъ ученикомъ.

Разъ, зимой,—они были въ среднемъ отдѣленіи,—какой-то мальчишка бросилъ снѣжкомъ въ Машу. Маша разозлилась и его ударила; мальчишка накинулся на нее и избилъ до крови. Увидалъ кровь Сережа и спросилъ ее, кто ее побилъ. Маша сказала. Тогда Сережа, не говоря ни слова, подошелъ къ обидчику и такъ его исколотилъ, что тотъ жаловался. Учитель (въ то время уже былъ Звонаревъ) оправдалъ Сережу тѣмъ, что онъ заступился за слабую.

Всѣ и прежде знали, что Сережа силенъ, но не боялись его, такъ какъ онъ никогда не дрался; послѣ этого стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Въ старшемъ отдѣленіи, Сережу, сѣвшаго рядомъ съ Машей, хотѣли посадить, какъ благонравнаго мальчика, на заднюю парту, но онъ выпросилъ у Ивана Тимоѳеевича позволенія сидѣть рядомъ съ Машей. Учитель согласился. Благодаря крайнему трудолюбію, Сережа все меньше и меньше нуждался въ ея помощи. Тѣмъ не менѣе, у нихъ уже вошло въ привычку, у нея—спрашивать его, какъ онъ приготовилъ урокъ, у него—провѣрять съ ней свою работу, даже когда она была составлена правильно. Такъ шло у нихъ до конца ученья. Маша руководила имъ, и ученикъ ея радовался, когда она была довольна имъ. Зато въ обиду онъ ее не давалъ. Хотя съ годами она стала держать себя гораздо тише, чѣмъ вначалѣ, тѣмъ не менѣе у нея часто бывали ссоры то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ. Горе бывало тому, кто ее обидитъ и доведетъ до слезъ. Сережа сейчасъ же наказывалъ обидчика: это, впрочемъ, единственный случай бывалъ, когда онъ дрался. Самъ онъ никого не задиралъ и хладнокровно переносилъ насмѣшки и даже обиды.

Неудивительно, что его прозвали Машинымъ „женихомъ“. Ему ли говорили, если Маша, по болѣзни или непогодѣ, не приходила въ классъ: „Ну, что̀ твоя невѣста?“—ее ли дразнили женихомъ, когда онъ за нее заступался—они не обижались. А она, бывало, засмѣется: „Ну, что-жъ, женихъ, такъ женихъ. Вамъ чего надо?“

Дружба ихъ не ограничивалась школой; когда былъ праздникъ, они вмѣстѣ подолгу бывали на улицѣ—этомъ деревенскомъ клубѣ. По обыкновенію они были вмѣстѣ и толковали

про ученье, про товарищей, про учителей. Разъ только—ему было тринадцать лѣтъ, ей одиннадцать—онъ ее спросилъ:

— Машка, хочешь за меня замужъ идти?

— А то нешто не пойду?—и разсмѣялась.

— Да, ты богатая, работать не станешь!

— Ну, небось, не барыня! Руки не отвалятся.

— Такъ пойдешь?

— Вѣрно слово—пойду.

На этомъ ихъ объясненіе въ любви кончилось. Они продолжали относиться другъ къ другу попрежнему, какъ будто и не говорили о бракѣ: онъ приносилъ ей на улицу подсолнуховъ. Въ школу онъ бралъ съ собой къ завтраку только черный хлѣбъ; она приносила и „пирожка" [1]), и лепешечку, и огурцовъ, и яблокъ; все это ей давалось запасливой Блохой. Она братски дѣлилась съ Сережей.

Блоха, какъ бывшая дворовая, понёвъ не носила, а ходила по-нѣмецки. Если вздумаетъ такъ ходить простая деревенская баба, то ивановскія женщины ее просмѣютъ: вѣдь ужасно стыдно ходить въ юбкахъ! Дворовымъ же это прощалось. Естественно, что по-нѣмецки водила она и своихъ дочерей: Любаша и не заикалась никогда ходить иначе. Когда она пошла къ Ермошкинымъ, нѣмецкаго костюма ей опять снимать не пришлось.

Машѣ сначала тоже сарафановъ не шили. Въ одинъ прекрасный день—это было скоро послѣ разговора съ Сергѣемъ о свадьбѣ—она пристала къ матери:

— Сшей мнѣ, мамушка, сарафанъ.

Блоха сшила ей шерстяной сарафанъ, думая, что это такъ, фантазія.

Когда ей опять пришлось шить одёжу, Маша опять стала просить сарафанъ.

— Да что ты, дурочка, сарафанъ, да сарафанъ! Вѣдь въ кофточкахъ лучше.

— Мамушка, дорогая, сшей сарафанъ лучше! Подруги мои ходятъ въ сарафанахъ.

Пришлось водить ее въ сарафанахъ. Евтѣй Евтѣичъ удивился, но не протестовалъ. Сѣялъ онъ иногда много хлѣба, но, какъ бывшій дворовый, и притомъ богачъ, самъ съ женой въ полѣ не работалъ, а держалъ работниковъ; на бабьи же работы нанималъ деревенскихъ. Лѣтомъ, послѣ переодѣванья въ сарафаны, Маша стала ходить работать сперва на огородѣ. Блоха

---

[1]) Черный же хлѣбъ изъ просѣянной муки.

только удивлялась. Когда же пошли въ поле сажать картофель, Маша стала проситься и въ поле съ поденными. Сначала мать ее не пускала: она цѣлый день тосковала и плакала, такъ что за ужиномъ самъ Евтѣй Евтѣичъ спросилъ, въ чемъ дѣло. Жена ему сказала, а Маша пуще прежняго принялась плакать.

— Ну, пусти ее, коль хочетъ,—сказалъ отецъ.—Пускай работаетъ; плохого въ этомъ нѣтъ.

Съ этого времени Машу нельзя было удержать дома, когда шла работа бабья въ полѣ. Полоть, вязать, даже возить снопы вздумала. Возьметъ съ собой и обѣдъ, и завтракъ, и воды, работаетъ до устали, а сама пѣсни поетъ, здоровёхонька, загорѣлая. И въ это лѣто она выросла чуть не на четверть. Подруги диву давались.

— Кабы намъ да Машкино житье—пошли бы мы въ поле! —говорили онѣ.

— Да что ты, Машка, аль очумѣла?! Мать-то твоя отродясь не вязала. А ты съ утра до ночи на этой работѣ!

Маша посмѣивалась. Разъ на улицѣ встрѣтила она Сережу.

— Ну, что, Ермаковъ,—она звала его такъ по-школьному:— хорошо я работаю?

— А замужъ за меня пойдешь?

— А то нешто?!

И разговоръ ихъ кончился. Осенью они перешли въ старшее отдѣленіе второго класса.

Когда, послѣ окончанія курса, Маша и Сергѣй стали ходить къ „молодому доктору", они видѣлись почти каждый день и притомъ подолгу. Только самая неотложная работа иногда задерживала Сергѣя дома; Маша же въ поле уже не стремилась.

Она убѣдилась сама, а Сергѣю показала, что работать можетъ, и этого ей было довольно: она съ жадностью посѣщала бесѣды Николая Анатольевича. Черезъ недѣли двѣ, дѣти освоились съ молодымъ наставникомъ, какъ съ роднымъ. Учитель Архангельскій изрѣдка сопровождалъ ихъ; Звонаревъ тоже заинтересовался новымъ дѣломъ; докторъ, по праздникамъ, приходилъ часа на два, всѣ они тоже, какъ будто, молодѣли съ ними и никогда не нарушали заведеннаго порядка. Принужденія не было никакого; всякій могъ задавать какіе угодно вопросы. Игры, пѣніе, катанье на лодкѣ,—которую держали на случай весенняго разлива и которую Изюмовъ выпросилъ у старосты,—чередовались. День проходилъ за днемъ. Ни дѣти, ни учитель, не замѣтили, какъ послѣднему пришлось со слезами съ ними проститься, чтобы браться за Ѳукидида и Горація.

Эти два мѣсяца очень сблизили дѣтей: Маша, Настя, Сережа и другіе почувствовали, когда уѣхалъ Изюмовъ, что у нихъ что-то порвалось. Въ особенности сблизились Маша и Сергѣй. Давнишняя дружба ихъ оставалась такою же чистою, какъ и была. Какъ ни патріархально просты и свободны были ихъ отношенія, какъ и вообще у крестьянъ, какъ ни велика откровенность крестьянской жизни—дружба переходила постепенно въ любовь, не теряя прелести дружеской чистоты.

Правда, они говорили про свадьбу, но говорили такъ же просто, какъ говорили бы про совмѣстное житье въ одномъ домѣ братъ и сестра.

XV.

Школа была пройдена, экзаменъ сданъ: встрѣчи дѣтей стали гораздо рѣже. Правда, они искали случая видѣться, но этотъ случай очень рѣдко встрѣчался. При замкнутой зимней жизни, въ будни имъ видѣться почти никогда не приходилось; зато въ праздники на улицѣ они были неразлучны. Лѣтомъ же Маша снова взялась за полевыя работы, такъ какъ родители, въ виду ея возраста, окончательно запретили ей ходить на бесѣды Изюмова, вернувшагося изъ города съ аттестатомъ зрѣлости. Надо было и Сергѣю работать. Поэтому Изюмову пришлось набрать новыхъ учениковъ изъ вновь окончившихъ старо-ивановскую школу.

— Говорятъ, за Антона Сундука сосватали,—говорилъ разъ, слѣдующею осенью, Сергѣй Машѣ.

— Ну, такъ что жъ?

— Да вѣдь онъ мнѣ ровесникъ; на мѣсяцъ моложе меня еще.

— Мнѣ-то что̀ до этого? Богъ съ нимъ.

— А, ну, какъ тебя просватаютъ?

— Да!.. ты вотъ что̀. Я тебѣ ужъ говорила, что ни за кого другого, кромѣ тебя, не пойду.

— Вѣрно слово?

— Вѣрно слово!

— Такъ мнѣ не свататься еще?

— Я тебѣ сама скажу, когда что̀ нужно будетъ дѣлать.

Между тѣмъ время шло, и Сергѣй съ Машей достигли того возраста, когда въ крестьянскомъ быту родители ихъ помышляютъ о свадьбѣ. Естественно, что ихъ частыя свиданія привлекли вниманіе всѣхъ любопытныхъ въ деревнѣ. А кто въ деревнѣ не

любопытенъ? Надъ „женихомъ и невѣстой“ стали смѣяться. Эти разговоры и насмѣшки не могли не дойти до Блохи.

Разъ—дѣло было великимъ постомъ—Маша, вышедши съ матерью изъ церкви, побѣжала впередъ ея; до дому проводилъ ее Сергѣй.

Вернувшись домой, Блоха подозвала ее къ себѣ.

— Слышь, дочка!—сказала она.—Про тебя много что-то болтать стали.

— А что, мамушка?

— Говорятъ, ты и на улицѣ вѣчно съ Сережей, да и такъ все съ нимъ да съ нимъ. Народъ смѣется. Ты ужъ не маленькая.

— Да что-жъ, что не маленькая? Мы вмѣстѣ учились. Кабы что̀ дурное; а мы съ нимъ ничего.

— Знаю, знаю—ничего! А какъ бы не вышло чего! Тебя пора просватывать. Я и то голову ломаю, какого для тебя малаго придумать, а ты вотъ что̀—съ Сережкой играешь. Хорошій женихъ не возьметъ.

— А Серёга чѣмъ не малый?

— Я тѣ про жениховъ настоящихъ толкую, а ты про Сережку!

— Да Серёга-то почему не женихъ?

— Оболдѣла ты что-ль? Нешто онъ тебѣ пара? Да тебя приказчикъ возьметъ, а то и самъ лавочникъ. А она—Серёга!

— Мамушка, ро̀дная!—и Маша бросилась цѣловать мать:—я тебѣ, знаешь, что̀ скажу? Кромѣ Серёги, я ни за кого не пойду! Работать въ полѣ я умѣю.

— Ахъ, ты, негодная дѣвчонка! Да ты въ умѣ что-ль? Да знаешь ли ты, дурочка этакая, что Иванъ Митричъ чуть не нищій; у насъ гдѣ-то его ро̀списка третій годъ валяется. Тебя, да выдать въ курную избу! Да знаешь ли ты, что отецъ и слышать не захочетъ? Да и я не отдамъ!

— Ну, такъ я въ дѣвкахъ останусь, въ монастырь пойду!

— Машка, брось блажь, я вѣдь отцу скажу.

— Ну, такъ что жъ? Я сама ему скажу. Либо Серёга, либо монастырь!

На этомъ дѣло и стало. Убѣдить Машу Блохѣ не удалось. Въ слѣдующее воскресенье мать стала слѣдить за дочерью, и опять оказалось, что она—съ Серёгой. Тогда она порѣшила сказать про все мужу. Выбравъ удобную минуту, она къ нему подсѣла:

— Знаешь что̀? Не подумалъ ли ты о Машѣ? Вѣдь ей шестнадцатый годъ идетъ?

— Думалъ, какъ не думалъ. И люди говорятъ: не вѣкъ ей болтаться, да съ какими-то малыми деревенскими играть.

— А что? Ты нешто что слышалъ?

— Да всѣ смѣются: она съ какимъ-то мальчишкой все на улицѣ бѣгаетъ.

— Вотъ то-то и дѣло. Я давно хотѣла сказать тебѣ. Я съ ней говорила, что пора, молъ, тебя просватывать. Она и слушать не хочетъ: „пойду за Сережку Ермакова“—знаешь, Митрича сынъ, что намъ долженъ?—„или въ монастырь; а за другого жениха не пойду, будь онъ разбогатый“. Я ее и такъ, и сякъ—такъ и слухать не хотѣла.

— Ха, ха, ха... Сейчасъ видно, что ты дура. Дѣвчонка блажитъ, а ты уши развѣсила. Я ей жениха найду.

Вечеромъ, за ужиномъ, Евтѣй Евтѣичъ, строго посмотрѣвъ на Машу, сказалъ:

— Вотъ что, Машка, готовься замужъ идти; тебя пора просватать.

— Я замужъ не пойду, батюшка, за твоего жениха.

— А... такъ это правда, что твоя мать мнѣ сказала? Ты вздумала жениховъ себѣ находить, да нищихъ! Аль я Митричу пара? Чтобы я да сталъ съ Митричемъ гулять! Да чтобы моя дочь въ курной избѣ жила, да въ лаптяхъ ходила! Завтра же я тебѣ ищу жениха. А твоего жениха, да и отца его я...

Евтѣй Евтѣичъ не договорилъ; только сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто онъ ихъ въ кулакъ сжимаетъ.

— Хорошъ сватокъ—Митричъ! Ну, распотѣшила ты, Машка. Коли я еще про это услышу—такъ берегись. Больше мнѣ говорить нечего.

Маша не очень огорчилась разговоромъ съ отцомъ: она его предвидѣла. Съ другой стороны, она знала, что будетъ имѣть, въ концѣ концовъ, союзника въ матери. Стоило ей крѣпче стоять на своемъ. Выбравъ удобную минуту, она встрѣтилась съ Сергѣемъ.

— Я сказала батюшкѣ и мамушкѣ, что либо за тебя пойду, либо въ монашки.

— Ну, что жъ они?

— Знамо дѣло! Ни за что, говорятъ, не отдадимъ за бѣднаго. Батюшка сулился жениха найти и велѣлъ выкинуть дурь изъ головы.

— Значитъ, значитъ... ты за меня не пойдешь!—при этомъ Сергѣй поблѣднѣлъ.

— Значитъ, что ты—дуракъ. А я за тебя пойду. И отецъ, и мать отдадутъ. Слышь?

— И это вѣрно?

— Вѣрно; невѣрно я ничего не говорю; къ осени готовься къ свадьбѣ!

— Маша, голубка...

Больше ничего не нашелъ сказать Сергѣй и протянулъ руку, чтобы обнять ее.

— А ты говори что̀ хошь, а рукамъ воли не давай!— смѣясь, сказала Маша и убѣжала.

За Машей стали слѣдить: ужъ нельзя было открыто проводить вечера на улицѣ съ выбраннымъ ею женихомъ. Тѣмъ не менѣе они часто ухитрялись видѣться; Сергѣй сошелся съ лучшей подругой Маши, Анюткой, и черезъ нее они назначали свиданья, гдѣ-нибудь внизу у рѣки, или въ полѣ, куда Маша устремилась съ открытіемъ весны. Мать ея часто узнавала про эти свиданья, но молчала, чтобы не разсердить еще болѣе Евтѣя Евтѣича.

Разъ онъ явился домой съ базара на̀веселѣ съ однимъ изъ жившихъ въ Старой-Ивановкѣ богачей-мѣщанъ: онъ снялъ на двѣнадцать лѣтъ нѣсколько хорошихъ огородовъ, скупилъ много навозу, десятками лѣтъ накоплявшагося у крестьянъ въ валахъ, служившихъ изгородью, и занялся культурой табаку. Ему повезло,—табакъ былъ въ цѣнѣ, и онъ разбогатѣлъ.

Евтѣй Евтѣичъ объявилъ женѣ, что, молъ, сватъ пріѣхалъ свататься. Блоха не безъ боязни приняла гостя, угостила, какъ можно лучше, и выразила сожалѣніе, что Маша въ полѣ: „ушла на полку проса посмотрѣть за поденными“,—сказала она.

Сватья еще больше выпили, такъ что хозяинъ вовсе захмелѣлъ, и, не дождавшись Маши, заснулъ. Сватъ уѣхалъ. На слѣдующій день Маша объявила матери опять, что этотъ женихъ ей не любъ и что за него не пойдетъ.—„Что̀ хотите дѣлайте, либо Сергѣй, либо монастырь!“—говорила она. Сама же побѣжала къ свату. Явилась она къ нему въ крестьянской простой одёжѣ, съ запачканными въ землѣ руками, и объявила, при женихѣ, что считаетъ его хорошимъ человѣкомъ, но замужъ за него не пойдетъ: ей, молъ, любъ другой. Жениху и жаль было отказаться отъ такой невѣсты, но они сообразили, что насильно брать толку не будетъ, и сватъ опять отправился къ Евтѣю Евтѣичу на этотъ разъ съ отказомъ.

Евтѣй Евтѣичъ при немъ сдержался, пожалѣлъ, что дѣло разстроилось, но, по уходѣ его, разсвирѣпѣлъ до того, что по-

звалъ Машу, схватилъ возжи и хотѣлъ ее бить. Ударилъ онъ ее только разъ, потому что жена и младшій сынъ, Аѳонька, его со слезами упросили пожалѣть ее.

— Ни въ жизть не соглашусь,—говорилъ онъ,—отдать ее за нищаго. Ко мнѣ на свадьбу всѣ пріѣдутъ: и духовенство, и акушерка, и управляющій Ардальоновой—всѣ. А къ нищему Митричу кто поѣдетъ? Никто! Не хочу я этакого сраму изъ за дуры-дѣвчонки.

Другихъ доводовъ у него не было. Тѣмъ не менѣе вышелъ строгій приказъ: Машку запереть въ горницу и не выпускать. „Коли окажется, что она вышла—исколочу, да и всѣмъ достанется". Весь августъ Маша просидѣла дома. Съ Сергѣемъ не видалась, и только черезъ Анютку, да иногда черезъ Любашу, исторія которой съ Александромъ Степановичемъ только-что раскрылась, переписывалась съ Сергѣемъ. Духомъ она не падала и его уговаривала ждать терпѣливо. Блоха поняла, что шутки съ нею плохія, и что не та дѣвка, чтобы ее уломать. Она перешла на ея сторону.

Евтѣй Евтѣичъ, не любившій говорить про исторію Любаши, на Машу жаловался встрѣчному и поперечному. Большинство совѣтовало не уступать. Ардальонова, съ которой тоже пришлось объ этомъ говорить, сказала: „Ну, если дѣти старшихъ слушать не будутъ—это послѣднее дѣло! Да ты построже, Евтѣй Евтѣичъ, знаешь, какъ по-старинному". Другіе же, наоборотъ, совѣтовали ему не насиловать ея. Въ особенности сестра его и зять-мельникъ—уговаривали выдать за Сергѣя. Николай Анатольевичъ, гуляя, заходилъ къ нему и, какъ бы впервые услыхавъ про это, началъ хвалить Сергѣя, и притворился удивленнымъ, что Евтѣй Евтѣичъ не соглашается на этотъ бракъ. Вѣдь Машѣ жить съ нимъ, а не ему.

Евтѣй Евтѣичъ началъ колебаться. Блоха, открыто перешедшая на сторону дочери, пугала его скандалами послѣ свадьбы, если выдать насильно ее. Окончательно убѣдилъ его старый діаконъ. Онъ ему при всѣхъ сказалъ:

— А ты, Евтѣй Евтѣичъ, съ чего началъ? Ты самъ наживалъ, и онъ пускай наживаетъ. А съ Митричемъ гулять—что за бѣда? Я первый на свадьбу приду, коли позовутъ.

Наконецъ, Евтѣй Евтѣичъ согласился. Митричъ сватомъ подсылалъ діакона. Тѣмъ не менѣе Евтѣй Евтѣичъ отъ нѣкотораго чувства брезгливости отрѣшиться не могъ и, въ первый день гулянья, уѣхалъ въ городъ.

По случаю голоднаго года и отказа Евтѣя Евтѣича хоть

копѣйку дать на свадьбу, ее пришлось отложить на годъ. Маша свободно видѣлась съ своимъ женихомъ. Изюмовъ выпросилъ у дяди двадцать рублей и купилъ Сергѣю сапоги и суконную поддёвку.

XVI.

Въ сентябрѣ 1891 года, всѣ помѣщики, священники, купцы, а также выдающіеся крестьяне и нѣкоторыя лица изъ мѣстной интеллигенціи третьяго земскаго участка въ уѣздѣ, получили приглашеніе отъ земскаго начальника собраться въ старо-ивановское правленіе, на засѣданіе вновь организуемаго благотворительнаго комитета для пособія нуждающимся вслѣдствіе неурожая.

Домикъ земскаго начальника былъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить всѣхъ приглашенныхъ, а потому для собранія онъ выбралъ старо-ивановское волостное правленіе, какъ самое большое и при томъ центральное.

Къ одиннадцати часамъ собралось человѣкъ десять полу-купцовъ, полу-крестьянъ, столько же священниковъ, три учителя, докторъ Ѳедосѣенко, два мелкихъ помѣщика и Нина Николаевна съ Лизой.

Когда Ардальонова собиралась ѣхать, Лиза выразила желаніе ей сопутствовать. Ардальонова удивилась и ссылалась на то, что Лиза не приглашена; но, узнавъ, что ея сынъ обѣщалъ ежемѣсячно Лизѣ по пятидесяти рублей на бѣдныхъ, и что за сентябрь деньги уже получены—согласилась.

Земскій начальникъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто; Ардальонова съ Лизой—направо отъ него; остальные размѣстились какъ попало. Крестьяне стояли у дверей, но, услыхавъ приказъ: „Ну, такъ и быть, садитесь и вы!"—сѣли всѣ рядомъ на скамейкѣ. Земскій начальникъ объяснилъ, что будетъ помощь отъ казны черезъ земство, но что для самыхъ бѣдныхъ организованъ этотъ комитетъ, причемъ предложилъ членамъ комитета раздѣлить земскій участокъ на части, гдѣ помощь оказывалась бы отдѣльными членами комитета.

— Вотъ вы, Ѳедоръ Ивановичъ, организуете комитетъ,— говорила Нина Николаевна,—а я убѣждена, что эти деньги не только брошены на вѣтеръ, но и прямо вредны. Вѣдь мужики работать не будутъ. Я собственно пріѣхала заявить, что староивановскіе крестьяне въ помощи не нуждаются, потому что у

меня работы сколько угодно; я и впередъ дамъ подъ разныя работы.

— Мнѣ кажется,—говорилъ земскій начальникъ,—что намъ остается благодарить Нину Николаевну за то, что она такое большое село берется прокормить, не требуя помощи ни отъ земства, ни отъ комитета.

Сказавъ это, земскій начальникъ, убѣжденный, что возраженій быть не можетъ, приготовился встать и положилъ руки на столъ, изобразивъ птицу, расправляющую крылья, чтобы вспорхнуть. Неожиданно вмѣшался Ѳедосѣенко. Предсѣдатель подобралъ крылья и сталъ его слушать.

— Я бы предварительно хотѣлъ спросить Нину Николаевну, —говорилъ докторъ: — сколько въ годъ она тратитъ на полевыя работы вмѣстѣ съ молотьбой и прочей работой, которую могутъ исполнить ивановскіе крестьяне.

Нина Николаевна подумала и скоро отвѣтила:

— Да тысячъ десять, не меньше.

— Хорошо-съ. А на сколько лѣтъ впередъ вы можете ихъ нанять?

— Ну, хоть на два года.

— Отлично-съ. А вы будете имъ платить за два года впередъ по той же цѣнѣ, по какой и прежде платили, или по болѣе дешевой?

— Конечно, буду платить подешевле. Вѣдь деньги мои мнѣ проценты приносятъ, да и съ мужиками нашими третья часть пропадетъ: народъ избаловался, работать не хочетъ. Иди, судись съ ними!

— Такъ-съ. Стало быть, вы намѣрены имъ раздать тысячъ пятнадцать?

Ардальонова кивнула головой. Докторъ обратился къ земскому начальнику:

— А сколько жителей обоего пола въ Старой-Ивановкѣ?

Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлалъ знакъ волостному писарю, стоявшему у двери:—Сколько, Злобинъ? ты долженъ знать.

— Около четырехъ съ половиной тысячъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ изволите ли видѣть?—продолжалъ докторъ.— На жителя придется по три рубля тридцати-три копѣекъ. А я попрошу мнѣ сказать, на сколько мѣсяцевъ не хватитъ хлѣба?

Всѣ члены комитета согласились, что такъ какъ едва собраны сѣмена, то, если не считать запасовъ,—на весь годъ.

— Послѣдній вопросъ: почемъ пудъ муки?

— Вчера на базарѣ мука была рубль тридцать-пять.

— Ну, такъ изволите ли видѣть, на деньги, ассигнованныя Ниной Николаевной, можно будетъ купить по два пуда съ половиной на ѣдока. А такъ какъ кромѣ ржи они ничего ѣсть не будутъ, — ни картофель, ни просо не родились,—то на ѣдока потребно, минимумъ, восемнадцать пудовъ въ годъ. Такъ какъ же не нужно будетъ ни земской, ни комитетской помощи! Нѣтъ-съ, господа, и ивановскіе крестьяне нуждаются и въ той, и въ другой. Пускай Нина Николаевна дѣлаетъ свое дѣло, а мы будемъ дѣлать свое дѣло. А вдовы, сироты, безпомощные старики? Имъ тоже брать подъ работу?

— Имъ будетъ помощь. Мой сынъ изъ своего студенческаго содержанія даетъ на бѣдныхъ по пятидесяти рублей. Вотъ, Ѳедоръ Ивановичъ, позвольте васъ познакомить съ Елизаветой Николаевной Прытковой. Ей мой сынъ поручилъ эти деньги.

Ѳедоръ Ивановичъ и Елизавета Николаевна протянули другъ другу руку.

— Шестьсотъ рублей,—горячился докторъ,—т.-е. 450 пудовъ на бѣдныхъ Старой-Ивановки! Да неужели вы не видите, что это—капля въ морѣ? Спасибо, спасибо великое Михаилу Степановичу и Елизаветѣ Николаевнѣ. Но вѣдь это примѣръ для подражанія, а не поводъ къ тому, чтобы намъ руки сложить и ничего не дѣлать.

Отецъ Семенъ взялся всѣхъ примирить.

— Несомнительно, что Господу Богу угодно было посѣтить и старо-ивановцевъ, и да не оскудѣетъ рука дающаго. Но велики и щедроты именитой Нины Николаевны. Возблагодаримъ и ее.

Проговоривъ это, отецъ Семенъ сѣлъ. Всѣ приподнялись въ знакъ благодарности.

— Больше мнѣ тутъ дѣлать нечего, — проговорила Нина Николаевна и, кое-кому подавъ руку, кое-кому кивнувъ головой, уѣхала. Лиза осталась.

Послѣ этого инцидента, дѣла комитета пошли скоро. Распредѣлили участокъ. Кто взялся устроить столовую, кто—провѣрять нужду, кто—вовсе отказывался отъ дѣятельной работы, за неимѣніемъ времени. Для Старой-Ивановки съ двумя близлежащими деревнями организованъ былъ мѣстный комитетъ изъ Елизаветы Николаевны, доктора и двухъ мѣстныхъ священниковъ. Всѣмъ, кромѣ того, даны были листы для сбора пожертвованій.

Когда населеніе узнало о комитетѣ, кинулись за помощью

бѣдняки, затѣмъ середка, затѣмъ и вовсе состоятельные. Лиза, докторъ и о. Семенъ записывали приходящихъ съ тѣмъ, чтобы послѣ провѣрять степень нужды. Отецъ же Петръ всѣмъ выдавалъ свидѣтельства о бѣдности, чтобы никого не обидѣть. Пожертвованія шли туго; еслибы не крайне строго относиться къ каждому случаю, то не хватило бы средствъ и на недѣлю. Рѣшили кормить самыхъ безпомощныхъ въ столовыхъ. Сначала открыли одну, потомъ другую, затѣмъ третью. Елизавета Николаевна была неутомима. Когда Ардальонова смотрѣла косо на ея вѣчныя отлучки, она наивно возражала:

— А какъ же мнѣ быть съ деньгами Михаила Степановича?

Имя сына мгновенно успокаивало Ардальонову.

XVII.

Весной, какъ и въ прошлый годъ, Михаилъ Степановичъ пріѣхалъ, не предупредивъ никого; поздоровавшись съ матерью, онъ прежде всего спросилъ о Лизѣ.

— Ну, что̀ Елизавета Николаевна? Небось все съ голодающими возится. У насъ въ Петербургѣ другого разговору нѣтъ,— даже надоѣло.

— Да, ты ее мнѣ совсѣмъ испортилъ своими пятьюдесятью рублями; я ея дома не вижу. А! Да вотъ и она.

Дѣйствительно, Лиза, услыхавъ про пріѣздъ Михаила Степановича, поторопилась прибѣжать на террасу, гдѣ они сидѣли.

— Елизавета Николаевна! Какъ я радъ васъ видѣть! О! Да вы похорошѣли,—а я думалъ, что вы тутъ всѣ съ голоду помираете.

— Не смѣйтесь, Михаилъ Степановичъ; умирать-то не умирали, а и жизнь-то многимъ не на радость.

— Ну, ужъ вы навѣрное преувеличиваете. Земство чуть всѣмъ поголовно не выдаетъ пособіе, а тутъ разные комитеты, благотворители...

— Не говори, Миша!—вмѣшалась Нина Николаевна:—народъ весь развратили. Работать не хотятъ. Сегодня повѣщала бабамъ по пятнадцати копѣекъ на полку—не идутъ.

— Да вѣдь вамъ же говорили, Нина Николаевна, что у нихъ свои проса страшно заросли. Я имъ говорила, а они отвѣчаютъ, что не давать же имъ погибать просу своему изъ-за пятнадцати копѣекъ.

— Кабы были голодные,—успѣли бы выполоть и свои, и мои; теперь ночи лунныя: могли бы ночью работать.

— Ну, что ты, мама, говоришь? вѣдь и такъ онѣ на поденной бываютъ съ четырехъ часовъ утра до восьми вечера, не разгибаясь. Когда же имъ отдыхать?

— Вижу, вижу, ты тоже сталъ либеральничать.

— Ха, ха, ха!.. Мамочка, ужъ на этомъ ты меня не поймаешь; я вѣдь не изъ филантропіи такъ говорю, а тѣмъ менѣе изъ либеральничанья. А правда должна остаться правдой.

— Михаилъ Степановичъ, —вмѣшалась Лиза:—хотите посмотрѣть столовую, которая содержится на ваши средства?

— Какже, какже не хотѣть. Я все осмотрю: хочется воочію убѣдиться въ голодѣ. Это очень любопытно.

— Ну, такъ пойдемте.

— Какъ пойдемте? развѣ вы пѣшкомъ ходите?

— Конечно, тутъ недалеко. Да и идти селомъ все время— не замѣтишь разстоянія.

Лиза немного покривила совѣстью. Въ дѣйствительности было не близко и довольно утомительно, но она замѣтила, что Нина Николаевна косится, когда она беретъ лошадь, и потому прибѣгала къ этому только въ крайности, когда погода не позволяла идти пѣшкомъ.

— Ахъ, нѣтъ, Миша, я тебя сегодня не пущу. Съ дороги надо отдохнуть. Сегодня ты мой!—прибавила Ардальонова, гладя его по головѣ.—А экзамены хорошо прошли?

— Очень; одну четверку получилъ. Остальныя всѣ пятерки. Я хочу у васъ хорошенько отдохнуть. До 15-го сентября я свободенъ.

На другой день Михаилъ Степановичъ съ Лизой посѣтили столовую: дѣти и нѣсколько стариковъ обѣдали и благодарили Михаила Степановича. У дверей стояла кучка народу съ дѣтьми и осыпала Елизавету Николаевну заявленіями о своей нуждѣ.

— Ну, что же вы съ этими дѣлаете? — спросилъ Ардальоновъ.

— Провѣряемъ ихъ нужду. Большинству уже отказано. Хотите, поѣдемте сейчасъ къ нимъ?

— Съ удовольствіемъ. Я для этого и поѣхалъ.

Заѣхали сначала къ бабѣ, которая больше всего плакалась на свою судьбу въ столовой. Правда, при одномъ работникѣ были двѣ женщины, да трое дѣтей. Постройка была порядочная; лошадь, корова, три овцы; хлѣба и ничего другого съѣстного не оказалось. Баба причитала, что три дня не ѣвши сидитъ.

— Ну, какъ же имъ, правда, быть?—спросилъ Ардальоновъ: —вѣдь послѣднюю скотину продавать придется.

— Да, вы ей, ваше благородіе, не вѣрьте,—сказалъ старикъ изъ толпы, образовавшейся вокругъ нихъ.—Она вѣчно такъ: у нея и хлѣбушко есть, и картошка; она спрятала, да и зря болтаетъ. Стыдно, Матрена!—бѣднѣе тебя есть.

— Вотъ видите, они сами про себя разскажутъ. Я этому старику отказала,—вотъ онъ и другихъ выводитъ на свѣжую воду.

Заходили еще кое-куда: большею частью приходилось въ помощи отказывать: настоятельная нужда уже была удовлетворена.

— Горе наше, что доктору приходится отказывать въ рыбьемъ жирѣ. У насъ множество больныхъ куриной слѣпотой отъ плохого питанія. Такъ какъ земство не даетъ рыбьяго жиру, а онъ было-началъ помогать, мы купили пудъ на средства комитета, да больше денегъ нѣтъ. А вотъ и докторъ,—прибавила Елизавета Николаевна, проѣзжая мимо больницы.—Онъ ни дня, ни ночи покоя не знаетъ, то съ больными, то съ комитетскими.

Они сошли съ телѣжки; докторъ подошелъ къ нимъ на встрѣчу и, довольно холодно поздоровавшись съ Ардальоновымъ, обратился къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

— Ну, что̀ ваше здоровье? Ничего? Слава Богу. Берегитесь, не заболѣйте,—вы намъ нужны; безъ васъ мы ничего не подѣлаемъ. Да, кстати, позвольте, Михаилъ Степановичъ, васъ поблагодарить за вашу помощь, которую вы оказываете намъ черезъ нашего ангела-хранителя.

— Сто̀итъ ли объ этомъ говорить? Да вотъ, докторъ, у васъ тутъ много больныхъ куриной слѣпотой, я слышалъ, а лечить нечѣмъ. Такъ я хотѣлъ вамъ дать денегъ: купите пудъ рыбьяго жира, а то и два. Вѣдь надо помочь.

— Спасибо, спасибо, молодой человѣкъ, да и вамъ спасибо: вѣдь, небось, она васъ надоумила? — спросилъ докторъ, указывая на Прыткову.

— Кстати, хотите видѣть нашу слѣпую?

— Какую слѣпую?

— А! Вы не знаете? Да Елизавета Николаевна вамъ разскажетъ.

— Ахъ, это ужасная исторія. Въ ноябрѣ, обходя дома на Погорѣловкѣ, я въ одной разваленной избушкѣ—не знаю, ка̀къ она еще стоитъ—увидала ужасную сцену. Буквально на навозѣ —я не преувеличиваю—лежала молодая женщина, едва прикрытая лохмотьями; при ней двое дѣтей трехъ лѣтъ и году—

худыя, худыя, а у нея глаза закрыты и кругомъ красные и въ гноѣ. Оказалось, что она два дня съ дѣтьми не ѣла и не пила, такъ какъ за водой некому было ходить. Она жила прежде съ мужемъ, но, отъ постоянныхъ побоевъ, взяла дѣтей, да ушла. Народъ ее сталъ осмѣивать. Старшина водворилъ ее къ мужу обратно. Обращеніе его стало еще хуже. Отъ слезъ и нечистоты у нея глаза стали гноиться. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы нашли ее, мужъ ея скрылся неизвѣстно куда, и она, можетъ быть, умерла бы, не приди мы.

— Ну, что̀ же потомъ?

— Потомъ? Ее съ дѣтьми умыли, одѣли, накормили, а докторъ ихъ взялъ въ больницу. Здѣсь она уже шестой мѣсяцъ. Глаза окончательно пропали, совсѣмъ бѣлые стали. Да, впрочемъ, зайдемте.

Зашли. Въ углу одного изъ корридоровъ стояла кровать, и на ней сидѣла слѣпая миловидная женщина и гладила кричавшаго младенца.

— А что, если ея мужъ вернется?—спросилъ Ардальоновъ.

Слѣпая вздрогнула и прижала дѣтей къ себѣ, какъ бы загораживая ихъ отъ мужа.

— Врядъ-ли онъ за ней погонится, за слѣпой; развѣ изъ-за дѣтей: на мальчикѣ земля будетъ. Да мы ее отстоимъ; вѣдь можно доказать, какъ онъ съ нею обращался.

Когда они вышли, докторъ прибавилъ:

— Это я сказалъ, чтобъ ее успокоить. А если онъ вернется и, не дай Богъ, потребуетъ ее и дѣтей къ себѣ, то придется ей идти, развѣ заступится кто повліятельнѣе. Вѣдь мужики строго охраняютъ права мужей.

Михаилъ Степановичъ передалъ доктору пять рублей на слѣпую.

Еще кое-куда заходили они. Видя нужду, Ардальоновъ давалъ кому рубль, кому три, пока при немъ были деньги.

— Ну, что̀, молодой человѣкъ,—сказалъ докторъ:—кажется, и безъ милліоновъ можно дѣлать людямъ добро; да, небось, и вамъ пріятно.

— Конечно, жаль ихъ, а все-таки нельзя не сознавать, что это—брошенныя деньги. Далъ одному, другому, а на ихъ мѣсто появится сто нищихъ.

— Да, этимъ вы благосостоянія Россіи не поднимете, но, право же, помогая такъ, какъ вы сегодня помогли, легче почувствуете у себя на сердцѣ. Поживете съ нами—и сами согласитесь. А гнаться за милліонами — всю жизнь не догонишься.

Да и поймаешь его — захочется десятка, сотни милліоновъ. Да такъ и умрешь, спасая Россію своими милліонами, а пользы никому, кромѣ себя, не сдѣлавши.

Весь іюнь Михаилъ Степановичъ, подъ руководствомъ Лизы, занимался комитетскими дѣлами. Онъ, насколько могъ, пополнялъ недостатокъ въ средствахъ комитета. Благодаря все увеличивавшемуся вліянію на него Елизаветы Николаевны, онъ начиналъ находить все бо̀льшую и бо̀льшую прелесть въ томъ, чтобы вникать въ крестьянскую жизнь и по возможности облегчать ее. Съ Лизой же онъ становился все болѣе и болѣе неразлученъ.

XVIII.

Въ іюлѣ комитетъ уже оказался ненуженъ: урожай былъ хорошій, мужики вздохнули. Зато слухи о приближавшейся холерѣ начали всѣхъ волновать. Нина Николаевна боялась ея больше всѣхъ и собиралась уѣзжать, сама не зная куда; удержалъ ее, главнымъ образомъ, доводъ, что кто уѣзжаетъ отъ холеры, тотъ скорѣе всѣхъ ею и заболѣваетъ. Михаилъ Степановичъ тоже ея боялся, но, по мѣрѣ приближенія ея, страхъ его уменьшался. Много тому содѣйствовала Лиза.

— Чего вы ея боитесь особенно? — говорила она. — Вѣдь отъ чахотки умираетъ гораздо больше народу, чѣмъ отъ холеры. Умреть отъ холеры одинъ, ну, два процента населенія, такъ у васъ же девяносто-восемь шансовъ остаться здоровымъ. Да, наконецъ, вы молоды, здоровы, — даже еслибы заболѣли, то можете выздоровѣть. Кто больше боится, тотъ скорѣе заболѣваетъ.

Когда, наконецъ, докторъ прислалъ сказать, что въ Отрадѣ сильная холера, Ардальоновъ не только не палъ духомъ, но рѣшился по возможности бороться съ нею. Во всей усадьбѣ пили кипяченую воду; онъ совѣтовалъ рабочимъ и крестьянамъ не ѣсть сырости. Нина Николаевна все время охала, ходила какъ тѣнь и во все, что̀ пила, вливала какую-то кислоту; Александръ Степановичъ утверждалъ, что лучше внутреннихъ пріемовъ перцовки нѣтъ предохранительнаго средства, а потому съ утра до ночи былъ пьянъ.

Первый случай холеры въ Старой-Ивановкѣ кончился, какъ всегда, почти скоропостижною смертью. Заболѣлъ 17-лѣтній мальчикъ, послали за докторомъ, а когда тотъ пріѣхалъ, мальчикъ уже былъ мертвъ.

На другой день, когда Михаилъ Степановичъ всталъ и по обыкновенію началъ искать Лизу, ему отвѣтили, что она уѣхала на село къ больнымъ. Докторъ выхлопоталъ у земства баракъ, но къ устройству его еще не приступали. Прислали ему запасного фельдшера, да двухъ санитаровъ изъ ротныхъ фельдшеровъ, но всего этого было мало. Лиза предложила свои услуги ходить за больными. Михаилъ Степановичъ объявилъ матери, что и онъ отправится. Нина Николаевна такъ и ахнула, но, назвавъ сына героемъ, благословила и отпустила его.

Вечеромъ Михаилъ Степановичъ и Лиза хлопотали въ одной избѣ, которую превратили во временный баракъ. Сюда собрали трехъ больныхъ и ихъ лечилъ фельдшеръ съ приставленными къ нему Михаиломъ Степановичемъ двумя бабами. Вдругъ вбѣгаетъ старуха съ причитаніями, начинаетъ умолять спасти сына. Михаилъ Степановичъ бросился съ Лизой за нею.

Въ ветхой, на бокъ погнувшейся избушкѣ, на крыльцѣ стоялъ безпомощно старикъ — это былъ Иванъ Митричъ Ермаковъ. Изъ избы доносились стоны. Въ темнотѣ на лавкѣ лежалъ его старшій сынъ и стоналъ отъ схватившихъ его судорогъ. Лиза откуда-то достала коптилку [1]) и воды, и стала звать когонибудь убрать комнату. Но никто не шелъ. Всѣ сосѣди боялись заболѣть сами. Тогда, поборовъ въ себѣ чувство брезгливости, Лиза сама взялась убирать убогую хату. Жена больного стояла какъ истуканъ и всхлипывала. Михаилъ Степановичъ, засучивъ рукава, растиралъ узлы, которые образовывались то тамъ, то сямъ на ногахъ и рукахъ больного отъ схватывавшихъ его судорогъ. Хотѣли перенести и его въ ту избу, которую они обратили въ баракъ, но мать воспротивилась, говоря, что лучше ему умереть дома.

Къ утру, несмотря на старанія Ардальонова, больной впалъ въ безпамятство и умеръ. Съ Лизой, впервые присутствовавшей при смерти и не спавшей ночь, сдѣлалось дурно, и Михаилъ Степановичъ увезъ ее домой, оставивъ десять рублей Сергѣю на похороны.

Видя свою безпомощность, Михаилъ Степановичъ поѣхалъ въ земство хлопотать о присылкѣ еще медицинскаго персонала и о скорѣйшей постройкѣ барака. Медицинскаго персонала не прислали, а баракъ черезъ недѣлю былъ готовъ. Первою въ него была привезена и первою умерла молодая вдова Ермакова, только-что похоронившая мужа. Старшая дѣвочка лѣтъ шести,—

---

[1]) Лампочка безъ стекла, постоянно коптящая.

ее звали Надёжкой,—надрываясь, плакала и не хотѣла оторваться отъ холодѣвшаго трупа матери. Остались еще пятилѣтній мальчикъ и грудной ребенокъ. Сергѣй, худой, какъ будто безучастный, молча стоялъ. Съ нимъ заговорилъ Изюмовъ, поступившій тоже въ санитары, но Сергѣй отвѣчалъ нехотя. Изюмовъ покачалъ головой и отошелъ.

Михаилъ Степановичъ выпросилъ у матери тысячу рублей: изъ нихъ онъ выдавалъ пособія бѣднымъ на похороны, на воспитаніе сиротъ.

Докторъ разъ встрѣтилъ Лизу и заговорилъ о перемѣнѣ, происшедшей съ молодымъ Ардальоновымъ.

— Вѣдь это вы, дорогая Елизавета Николаевна, совершили это чудо: мальчикъ-то совсѣмъ человѣкомъ дѣлается.

— Не я, а жизнь, докторъ; не знаю я ихъ высшаго свѣта, а думаю, что лучше—здѣсь. Думаю, что и Михаилъ Степановичъ будетъ нашъ.

— Дай Богъ, дай Богъ. Сколько ихъ тамъ пропадаетъ для дѣла, для настоящаго дѣла, только потому, что исковерканы дурацкимъ воспитаніемъ. Чтò и говорить—тяжело подчасъ и здѣсь, когда видишь свою безпомощность, а все-таки бываютъ и свѣтлыя минуты.

Когда Михаилу Степановичу пришлось уѣзжать, холера уже потеряла свой острый характеръ.

Прощаясь съ Лизой, онъ долго не могъ оторваться, и нѣсколько разъ возвращался, какъ будто забылъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, только обѣщался пріѣхать на Рождество.

Съ матерью онъ про милліоны и про карьеру не говорилъ, а когда она заговаривала, отвѣчалъ:—Э, мамочка, это все пустяки. Не пріѣхать ли лучше къ вамъ—заняться хозяйствомъ.

Нина Николаевна качала головой.

XIX.

Иванъ Дмитріевъ Ермаковъ былъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ Старой-Ивановки. То лошадь упадетъ, то корова, то сгоритъ, то еще чтò. У него было два сына работника, а больше одной лошади завести ему никогда не удавалось. Когда наступилъ голодный годъ, всѣ думали, что онъ нужды не увидитъ, благодаря сватовству сына; но въ разсчетахъ ошиблись: Евтѣй Евтѣичъ не только ничѣмъ не помогъ будущему свату, но и за-

ставилъ переписать старую росписку въ двадцать-пять рублей на новую въ тридцать.

Отправилъ, было, Митричъ старшаго сына на заработки, но таковыхъ не нашлось, и онъ, проѣздивъ послѣдніе пять рублей, вернулся домой. Кое-какъ кормилась семья на земскую ссуду да на занятыя съ трудомъ деньги, частью подъ заработки, частью подъ росписки.

Разъ—дѣло было Филипповками—поѣхалъ Митричъ на мельницу, гдѣ мololась его земская рожь. Забравъ муку, онъ поплелся домой, но, несмотря на хорошую дорогу, лошадь стала останавливаться: пройдетъ нѣсколько шаговъ и остановится. Бился, бился Митричъ и самъ везти помогалъ—нѣтъ; какъ разъ противъ Ардальоновскаго гумна лошадь стала окончательно. Невдалекѣ стояла мякина барская: Митричъ, въ жизни своей ничего не укравшій, видя, что дѣло плохо, рѣшился украсть охапку мякины, перескочилъ черезъ ровъ, взялъ мякины и пошелъ съ нею къ лошади. Только онъ подложилъ мякину лошади, Семенъ, Ардальоновскій староста,—тутъ, какъ тутъ. Онъ Митрича зналъ за бѣднаго, но честнаго мужика, и, конечно, ограничился бы тѣмъ, что поругалъ бы его, но такая минута вышла, что надо было донести.

Дѣло въ томъ, что старо-ивановцы не считали за грѣхъ украсть что-либо у Ардальоновой. Бывало, даже стащитъ кто копну или мѣшокъ съ хлѣбомъ, а то и хомутъ или возжи, и потомъ самъ же хвалится не только крестьянамъ, но и Ардальоновскимъ служащимъ. Въ голодный годъ кражи особенно участились и приводили въ негодованіе помѣщицу. Въ особенности крали мякину съ гумна. Гнала ихъ, какъ и Митрича, безкормица: купить негдѣ, да и денегъ нѣтъ, хоть продавай послѣднюю лошадь ни по чемъ.

Нина Николаевна рѣшила строго преслѣдовать кражи. Обыкновенно, когда мужики попадались, ихъ приводили къ помѣщицѣ, и она или отпускала ихъ послѣ длиннаго наставленія, или своимъ судомъ штрафовала на рубль, а иногда и на три, или же, въ важныхъ случаяхъ, отправляла въ волостной судъ. Дѣло тогда кончалось арестомъ. При введеніи земскихъ начальниковъ, Нина Николаевна отправляла ихъ посѣчь, но глупая, по ея мнѣнію, практика съѣзда совсѣмъ вывела розги изъ употребленія. Поэтому и мужики, кравшіе что-либо у Ардальоновой, отдѣлывались арестомъ.

Съ Митричемъ же судьба сыграла ужасную шутку.

Когда Семенъ, въ виду строгаго въ то время настроенія

Нины Николаевны, несмотря на просьбы Митрича, отвелъ его къ барынѣ, отъ нея только-что вышелъ мѣстный урядникъ, получавшій отъ нея ежемѣсячно нѣсколько пудовъ сѣна и овса для лошади, хотя его услуги ей никогда не были нужны.

Митрича ввели къ барынѣ въ рваномъ зипунишкѣ, и разсказали, въ чемъ дѣло.

— Подойди, подойди; какъ его звать? я его почему-то не знаю.

— Иванъ Дмитріевичъ Ермаковъ, сударыня; такъ, бѣдный мужичишко. Вотъ за его сына, Сергѣя, изволили слышать, Евтѣй Евтѣичъ вторую дочь просваталъ.

— Ага, га... знаю. Охота Евтѣю съ такою дрянью связываться!

— Да онъ, сударыня, никогда ни въ чемъ замѣченъ не былъ; онъ—мужикъ хорошій; бѣдность одолѣла. Никакъ не поправится.

— Хорошій! ни въ чемъ не замѣченъ! А на гумно за мякиной лазилъ. Нѣтъ, мнѣ это надоѣло; надо ихъ учить. Отправьте его къ старшинѣ... Нѣтъ... здѣсь еще урядникъ: позовите его. Онъ съ тобой, голубчикъ, поговоритъ.

Вошелъ урядникъ и сталъ у дверей по-военному.

— Вотъ, другъ мой, я говорила тебѣ про нашихъ воровъ: вотъ, сейчасъ на гумнѣ поймали его съ мякиной. Ты, пожалуйста, ужъ съ нимъ потолкуй, да чтобъ безнаказанно не прошло. Попросилъ бы у меня мякины,—я бы ему дала.

Нина Николаевна, хорошо знала, да и всѣ знали, что она бы навѣрное не дала ничего.

Что̀ подозрѣвала Нина Николаевна подъ словомъ „потолковать"—она, конечно, и сама бы не сказала, а относительно наказанія она имѣла въ виду не что̀ другое, какъ обыкновенный арестъ.

— Слушаю-съ, будетъ сдѣлано,—проговорилъ урядникъ и вышелъ съ Митричемъ наружу.

Повелъ онъ его въ контору, вызвалъ Семена, допросилъ ихъ, какъ полагается. Митричъ признался, что ѣхалъ мимо гумна, лошадь стала: онъ и взялъ охапку корма. Протоколъ былъ написанъ, вложенъ въ портфель, и урядникъ уѣхалъ, отпустивъ Митрича домой.

Митричъ, въ жизни ничего не кравшій, былъ очень удрученъ этимъ событіемъ. Другой украдетъ, да еще похвалится, Митричу же было стыдно. Стыдно было за него и Сергѣю, и Машѣ, тотчасъ же узнавшимъ про это. Конечно, въ срав-

неніи съ другими, они понимали его, но имъ было досадно, что случилось это именно съ Сережинымъ отцомъ. Ну, что жъ? отсидѣть недѣлю въ холодной—за порокъ у нихъ не считалось, а имъ было больно не изъ боязни людской молвы, а потому что имъ хотѣлось, какъ ихъ училъ Изюмовъ, быть лучше другихъ.

Евтѣй Евтѣичъ прямо-таки разсердился.

— Тьфу, дрянь такая, да еще сватомъ мнѣ называться будетъ! Да укралъ-то что? охапку мякины! Спросилъ бы у меня, нешто я бы ему отказалъ въ такой бездѣлицѣ?

Евтѣй Евтѣичъ тоже хорошо сознавалъ, что навѣрное бы отказалъ, но такъ ужъ говорится въ этихъ случаяхъ. Укради Митричъ много, чтобы дѣла свои поправить, Евтѣй Евтѣичъ его бы за это уважать сталъ; но украсть на двугривенный, да еще попасться — плюнуть стòитъ на такого человѣка; а еще сватъ!

XX.

Прошелъ мѣсяцъ: вдругъ приходитъ Митричу повѣстка отъ земскаго начальника. Кромѣ пустого, по его мнѣнію, проступка, кражи мякины, онъ за собой ничего не зналъ. Но никогда не бывавъ на судѣ, испугался страшно. Неизвѣстность щемила его сердце. Въ назначенный день онъ съ Сергѣемъ отправился въ камеру земскаго начальника. Когда чередъ дошелъ до его дѣла, онъ вышелъ, поклонился. Земскій начальникъ дѣло велъ быстро. Митричъ не отпирался: мякину укралъ по нуждѣ, потому что лошадь стала. Свидѣтели показали то же; всѣ въ одинъ голосъ подтвердили, что Митричъ прежде ни за что не судился. Мякину оцѣнили въ двадцать копѣекъ. Обвинитель, урядникъ, самъ просилъ о снисхожденіи.

Резолюція земскаго начальника была такова: принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, что кража всего на двадцать копѣекъ, что учинена она по крайней нуждѣ, что подсудимый чистосердечно сознался,—Ермакова подвергнуть тюремному заключенію на полтора мѣсяца.

Объявивъ срокъ обжалованья, земскій начальникъ обратился къ Митричу со словами утѣшенія:

— Чтò же дѣлать, старикъ? жалко тебя. Но по закону меньше нельзя.

Митричъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ боялся земскаго начальника, самъ не зная почему,—но полтора мѣсяца тюрьмы ему и въ голову не приходило.

Сергѣй только проговорилъ:—Батюшка, что же такое? — и заплакалъ, какъ дитя.

Пріѣхали домой. Митрича встрѣчаетъ старуха, Катерина.

— Ну, что, старикъ?

— Пропали мы, старуха, съ тобой, пропали!—и какъ бросится Митричъ на лавку и завопитъ:

—Господи, помоги мнѣ! Да за что же? Меня, меня — въ острогъ!

Старуха поняла и тоже стала голосить; дѣти заплакали.

Сергѣй стоялъ и не зналъ, что и думать, кого утѣшать и чѣмъ.

Извѣстіе это съ быстротой молніи разнеслось по селу: Митрича присудили за мякину въ острогъ.

Евтѣй Евтѣичъ, Блоха, Маша, Аѳонька—обѣдали, когда мельникъ, зять Купріяшина, пришелъ разсказать имъ это извѣстіе.

— Острожникъ! Острожникъ—мой сватъ! За тебя,—Евтѣй Евтѣичъ кулакомъ погрозился на Машу,—за тебя мнѣ такой позоръ! Не бывать тому! Слышишь, Машка?

Съ трудомъ его успокоилъ зять, сказавъ, что навѣрное съѣздъ отмѣнитъ это рѣшеніе.

Маша страдала и за себя, и за Сергѣя.

Нина Николаевна удивилась, узнавъ про это рѣшеніе, и сейчасъ же послала за урядникомъ. Урядникъ явился.

— Что же ты, батюшка, человѣка въ тюрьму засадилъ за мякину? Я тебя просила проучить его, а ты его въ тюрьму!

— Да, сударыня, я по закону поступилъ. Разъ до свѣдѣнія полиціи доводятъ о кражѣ, мы передаемъ дѣло земскому начальнику. Воля ихъ.

— Не первый же разъ у меня крадутъ: старшина посадитъ на недѣлю, и дѣло съ концомъ.

— Тогда бы вы и изволили дѣло передать на волостной судъ, а мы иначе не могли по закону.

Нина Николаевна не удовольствовалась этимъ и написала земскому начальнику, прося отмѣнить рѣшеніе. Земскій начальникъ самъ пріѣхалъ и объяснилъ, что онъ присудилъ его къ самому мягкому наказанію. Не признайся старикъ—еще можно бы оправдать, а тутъ ничего не подѣлаешь: дѣло рѣшено по закону; можетъ, съѣздъ и отмѣнитъ.

Въ обществѣ на Ермаковыхъ стали смотрѣть косо. Старикъ заспорилъ разъ съ однимъ крестьяниномъ и, получивъ въ отвѣтъ: „да ты лучше молчи; тебѣ въ острогѣ сидѣть, не мнѣ“,—замолчалъ.

Маша разъ слышала вскользь, какъ надъ нею смѣялись,— что не въ острогѣ ли имъ придется вѣнчаться.

Евтѣй Евтѣичъ не разъ повторялъ, что если Митричъ будетъ сидѣть, то, хоть убей, не отдастъ Машу за Сергѣя.

Сергѣй ходилъ угрюмый, а Маша не находила для него словъ утѣшенія.

Въ іюнѣ въ съѣздѣ назначено было дѣло по апелляціонной жалобѣ Митрича. Жалобу ему написалъ волостной писарь Злобинъ, прежде служившій въ съѣздѣ. Передъ съѣздомъ Нина Николаевна дала доктору, ѣхавшему въ это время въ городъ, письмо къ предводителю.

„Я передала дѣло объ украденной мякинѣ“,—писала она, „дураку урряднику, чтобы онъ проучилъ хорошенько нашихъ мужиковъ, которые покою мнѣ не даютъ, а онъ, вмѣсто того, чтобы его посадить въ холодную, вотъ какую кутерьму надѣлалъ. По-старому, его бы посѣкли, и дѣло съ концомъ, а теперь человѣка за охапку мякины на вѣкъ позорятъ. Зная васъ, я увѣрена, что вы войдете въ его положеніе и замѣните тюрьму арестомъ, а то и вовсе оправдаете. Довольно онъ помучился. Этимъ премного обяжете преданную вамъ Нину Ардальонову“.

Предводитель прочиталъ письмо, вытребовалъ себѣ дѣло, прочелъ его, поговорилъ съ уѣзднымъ членомъ и земскими начальниками, потрясъ головой и самъ пошелъ предсѣдательствовать при разборѣ дѣла.

Всѣ показали опять по-прежнему. Подсудимый со слезами просилъ помиловать его, принявъ во вниманіе прежнее его поведеніе. Въ совѣщательной комнатѣ предводитель долго изыскивалъ средство освободить его отъ наказанія, но ничего не нашелъ. Приговоръ земскаго начальника утвердили.

Старикъ вышелъ изъ залы суда какъ помѣшанный. Онъ вернулся домой уже больной, и въ тотъ же день былъ положенъ въ больницу.

Крестьяне въ большинствѣ были довольны этой развязкой дѣла: они сознавали, что дѣлали хуже, и отчасти злорадствовали, что вотъ, молъ, и этотъ тихоня попался. Его уже начали всегда звать „острожникомъ“,—названіе, которое почему-то перенесли и на его сыновей.

Сергѣй съ Машей, когда увидались послѣ суда, только плакали. Ему было совѣстно передъ ней за отца. Вѣдь невинно-осужденнымъ онъ не могъ его считать.

Машѣ было жаль старика, а еще болѣе жаль Сергѣя.

„Острожникъ, острожникъ“!—слышалось ей; „невѣста острожника“!..

Конечно, любовь ея къ Сергѣю не уменьшилась отъ этого, но къ ихъ отношеніямъ присоединилось чувство неловкости. Евтѣй Евтѣичъ молчалъ, но ходилъ угрюмый, ни разу не произнесъ имени ни будущаго свата, ни Машина жениха; съ Машей не говорилъ.

Нина Николаевна поохала, говорила что-то про нынѣшнее время и про то, какъ было лучше въ старину.

Изъ постороннихъ больше всѣхъ принялъ къ сердцу это дѣло Николай Анатольевичъ Изюмовъ. Онъ перешелъ на четвертый курсъ медицинскаго факультета и, пріѣхавъ на каникулы, нашелъ въ больницѣ Митрича и узналъ про его дѣло. Онъ зналъ про отношенія Сергѣя и Маши, зналъ, какъ трудно было Машѣ добиться разрѣшенія Евтѣя Евтѣича на бракъ, и предвидѣлъ, что исторія Митрича не могла не отразиться на ихъ будущности. Хотя онъ и теперь собиралъ учениковъ и занимался съ ними, но самыми близкими его сердцу были ученики перваго выпуска, какъ онъ ихъ называлъ. Поэтому судьба Сергѣя и Маши его очень заботила.

Хотя Митричъ былъ въ такомъ состояніи, что еле говорилъ, но отъ его имени была составлена кассаціонная жалоба. Писать ее Изюмовъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ совѣтовался съ адвокатомъ. Тотъ разыскалъ какіе-то кассаціонные поводы, и жалоба пошла въ губернское присутствіе.

Въ августѣ дѣло было назначено къ разсмотрѣнію въ присутствіи. Михаилъ Ардальоновъ, тоже заинтересовавшійся судьбой старика, по просьбѣ Изюмова, ѣздилъ въ городъ, гдѣ представился губернатору, котораго, отъ имени матери, просилъ какъ-нибудь исправить ошибку. Губернаторъ принялъ его любезно, но сказалъ, что про судебныя дѣла говорить заранѣе не можетъ; тѣмъ не менѣе, совѣтовалъ не безпокоиться, потому что всѣ дѣла разсматриваются съ большимъ вниманіемъ. То же ему сказалъ и членъ присутствія, завѣдывавшій судебною частью.

Черезъ нѣсколько дней, въ Старую-Ивановку пришло извѣстіе, что кассаціонная жалоба Ермакова оставлена безъ послѣдствій.

Митричъ, давно оправившійся, но не выходившій изъ дому иначе, какъ въ поле или на огородъ по дѣламъ, узналъ про это хладнокровно: онъ понималъ давно, что надежды нѣтъ.

На другой день явился сотскій, съ предписаніемъ урядника доставить Митрича въ городскую тюрьму. Старикъ перекрестился и, простившись съ причитавшей старухой и сыновьями, вышелъ

и сѣлъ въ телѣгу съ сотскимъ. Лошадь тронула. Кучка собравшихся ребятишекъ вслѣдъ кричала: „Острожникъ, острожникъ“!..

Ардальонова негодовала и на себя, и на урядника, и на начальство, и на порядки. Ей, всегда расправлявшейся съ мужиками по-домашнему, было досадно, что изъ-за нея человѣкъ попалъ въ тюрьму. Изъ крестьянъ многіе жалѣли несчастнаго; большинство же относилось равнодушно и говорило, что, значитъ, теперь такія права вышли.

Евтѣй Евтѣичъ, въ день отправленія Митрича въ тюрьму, вечеромъ, за ужиномъ, сказалъ:

— Ну, сватушка моего отвели въ острогъ. Значитъ, слава Богу, дѣлу конецъ. Теперича, Машка, ежели ты, напримѣръ, да еще мнѣ слово скажешь про твоего жениха, или я тебя съ нимъ увижу—такъ берегись. Поняла? Больше мнѣ говорить нечего.

— Да чѣмъ же женихъ-то виноватъ?—попробовала спросить Блоха.

— Что̀? Ужъ не заступаться ли ты вздумала?

— Да я не заступаюсь, я такъ спрашиваю,—чѣмъ же дѣти-то виноваты?

— Какъ? Ужъ не хочешь ли, чтобы я породнился съ острожникомъ? Этого еще недоставало; Чтобы я больше про это не слыхалъ. Слышите вы, или нѣтъ? Одна хорошо сдѣлала, другая—еще лучше.

Онъ при этомъ такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что все задрожало. Жена и дочь молчали. Маша сидѣла ни жива, ни мертва.

На другой день Сергѣй уже почти ночью подходилъ къ ихъ дому. Его увидала Блоха и на́скоро проговорила:

— Уходи, Христа ради! Мой мужъ и слышать про тебя не хочетъ.

Сергѣй ушелъ. Онъ понялъ, что для него все кончено, и что сыну острожника не быть Машинымъ мужемъ.

— Ну, моя пѣсенка спѣта,—сказалъ онъ и заплакалъ.

XXI.

Когда Евтѣй Евтѣичъ объявилъ Машѣ, чтобы она и думать больше не смѣла о Сергѣѣ, она поняла, что дѣло ея кончено, что на этотъ разъ не поколебать ей рѣшенія отца. Изрѣдка ей удавалось видѣться съ Сергѣемъ, но утѣшенія эти свиданія ей не приносили.

— Ну, что̀, какъ дѣла? — обыкновенно спрашивалъ ее Сергѣй.

— Да что̀, —отецъ со мной не говоритъ, ходитъ сердитый: мамушка и то его боится.

— Неужели кончено все, ненаглядная моя лебедянка?

— Отецъ ни за что не согласится выдать меня за тебя. А за другого я, конечно, не пойду, хоть убей меня.

— Ой, правда ли, что не пойдешь? Не ты первая, не ты послѣдняя. Возьмутъ, да отдадутъ тебя, лебедянка моя. А не отдали насильно Аксютку Бѣленкову? Тоже вѣдь не шла, а вѣдь выдали, да плачутся съ ней. И тебя выдадутъ. А я? Ну, я, я... эхъ, на вѣкъ мнѣ острожникомъ оставаться! Маша, Маша моя. не къ лицу тебѣ за острожникомъ быть. А тамъ, можетъ, и забудешь меня?

— Безъ этихъ рѣчей твоихъ больно мнѣ. Вѣдь не такая я, чтобы забыть тебя. А выдать себя насильно я не дамъ... Да мнѣ пора; не хватились бы.

И она уходила, а Сергѣй провожалъ ее долгимъ-долгимъ взглядомъ. Поцѣловаться теперь они стыдились: они начали уже чувствовать себя другъ для друга чужими.

Разъ въ маѣ, за нѣсколько дней до Троицы, Евтѣй Евтѣичъ шелъ изъ трактира домой. Только онъ поровнялся съ домомъ Ѳедора Климачева, какъ услыхалъ голосъ Анны Климачевой.

— Ты бы зашелъ, Евтѣй Евтѣичъ, гостемъ былъ бы.

Ему почему-то приглашеніе пришлось по нраву: онъ вошелъ.

— Спасибо, что зашелъ, не побрезговалъ нами. Ну, какъ твои дѣла дома? что̀ дочка подѣлываетъ?

— А что̀ ты про нее спрашиваешь?

— Да такъ, больно она мнѣ худа показалась намедни. Идетъ, а глаза ввалились, точно сама не своя. Или свадьба разстроилась ея что-ли?

— Не говори мнѣ про эту свадьбу. Отдамъ я дочь за острожника!

— А неужто не отдашь? То-то она такая ходитъ! Что же? Небось въ дѣвкахъ остаться рѣшилась?

— Не просватаю—въ дѣвкахъ останется, а жениха найду—замужъ пойдетъ. Небось, я ее выростилъ; противъ отца не пойдетъ.

— Небось и женихъ на примѣтѣ есть? Что-жъ? Дѣло хорошее.

— На примѣтѣ-то нѣтъ. А вотъ что̀, Аннушка, мнѣ въ голову пришло: у меня товаръ, у тебя купецъ: подсылай сва-

товъ для своего Кирюхи. Его, небось, тоже женить пора. Что̀ скажешь?

— Скажу вотъ что̀: коли ты такъ себѣ... шутишь—такъ нехорошо. А коль взаправду говоришь, то подумалъ ли ты? вѣдь мы—народъ рабочій, а она, глядь, работать не захочетъ?

— А за острожника шла? Что-жъ? и съ нимъ не захотѣла бы работать? Нѣтъ-нѣтъ, работать она можетъ: она всѣ работы работала. Да твой-то сынъ захочетъ ли?

— Э, мой Кирюха малый умный: онъ изъ воли родительской не вышелъ, а твоя дочка—краля, вотъ что̀! Тоже надо сказать, баловаться не дадимъ: у насъ живо смирится.

— Да и отецъ потачки не дастъ. Ну, по рукамъ, сваха: будемъ ждать въ гости. Милости просимъ.

— Придемъ, придемъ, Евтѣй Евтѣичъ, на самую на Троицу и придемъ. Примѣта хорошая. Ежели на Троицу дѣвку просватать,—много дѣтей народитъ.

Слѣдующіе дни Евтѣй Евтѣичъ ходилъ довольный, часто посматривалъ на Машу, но не говорилъ ничего. Только наканунѣ Троицы, вечеромъ, онъ сказалъ женѣ:

— Вотъ что̀, Варвара, принаряди-ка ты Машу; завтра гости будутъ.

Блоха на него посмотрѣла, но подробностей спросить не посмѣла. Когда ея мужъ не договаривалъ, значитъ—не надо было и спрашивать его. Долго она думала про это, и, конечно, мысль о сватовствѣ сама собой напрашивалась.

Къ утру она передала слова мужа Машѣ. Та тоже сейчасъ догадалась, что дѣло идетъ о женихѣ, и только проговорила:

— Знай, мамушка, да и батюшкѣ скажи, что я ни за кого замужъ не пойду. Хоть убейте.

На другой день Евтѣй Евтѣичъ приготовился послѣ обѣдни встрѣчать гостей. Маша же, вернувшись отъ обѣдни, ушла къ себѣ въ хату, заперлась и, сбросивъ праздничный нарядъ, одѣлась въ будничный. Она надѣялась сразу или отбить у новыхъ сватовъ охоту ее брать, или подѣйствовать на отца такъ, чтобы онъ пересталъ ее неволить.

Къ вечеру явились сваты. Старикъ Климачевъ шелъ съ женой и съ сестрой своей, Кирилловой крестной матерью. Крёстная несла съ собой двѣ четверти водки, по одной въ каждой рукѣ. Старуха Климачева несла бутылку наливки и разныя закуски, завязанныя въ узелъ.

Блоха, увидавъ ихъ, поблѣднѣла. Она чувствовала, что не пара Машѣ Кириллъ Климачевъ.

Сватья вошли въ домъ и, помолившись на иконы, обратились къ хозяину.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, Евтѣй Евтѣичъ и Варвара Степановна!

— Здравствуйте!—отвѣтилъ Евтѣй Евтѣичъ.—Что-то поздненько вы забрели къ намъ. Садитесь, садитесь, Ѳедоръ Климоновичъ, гости будете.

— Мы не садиться, Евтѣй Евтѣичъ, къ вамъ пришли, мы пришли къ вамъ родней сходиться. У васъ красный товаръ, а мы—покупатели. У васъ невѣстушка, а у насъ—женишокъ.

— Милости просимъ; я людями добрыми не брезгаю, мною бы не побрезговали. Породниться мы не прочь.

Всѣ подошли къ столу, который убирала Блоха, и разставили вино и закуски. Начался пропой невѣсты и при этомъ торгъ. Отдавай Евтѣй Евтѣичъ дочь за равнаго, онъ бы не только не сталъ требовать кладки, но и далъ бы какое угодно приданое. Но онъ роднился съ простымъ крестьяниномъ. Не брать кладки могло бы показаться желаніемъ отдѣлаться отъ дочери, во что бы то ни стало. Исторія съ Сергѣемъ была извѣстна, и тѣмъ болѣе надо было поддержать свое самолюбіе. Торговались съ Климачевыми долго и опредѣлили все до мелочи: шубу крытую, суконную поддёвку, двое сапогъ; обо всемъ, даже о чулкахъ сговорились—это должны были сдѣлать Купріяшины. Двадцать рублей кладки и угощеніе на большомъ запоѣ и двухъ дѣвичникахъ, не говоря о свадьбѣ,—таковы были обязательства Климачевыхъ.

Маша сидѣла въ своей хаткѣ. Братъ ея, Аѳанасій, который ее любилъ, забѣжалъ сказать ей, что сватаются Климачевы. Кириллъ былъ въ старшемъ отдѣленіи перваго класса, когда Маша была въ младшемъ. Съ тѣхъ поръ она знала его. Совершенно безличный, онъ ни разу не привлекъ ея вниманія ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Но теперь, какъ къ жениху, она почувствовала вдругъ къ нему чувство отвращенія. Думая о бракѣ, она видѣла передъ собой только Сергѣя. Съ трепетомъ сердечнымъ она ждала, что ее позовутъ. Уже довольно поздно Аѳоньку прислали за нею.

— Скажи имъ, что я не пойду; да скажи такъ, чтобы и тѣ слышали.

— Чтò ты, Маша, дѣлаешь? Какъ бы батюшка не осерчалъ.

— Ну, я сказала, что я замужъ не пойду, и къ нимъ не выйду. Такъ и скажи.

Черезъ нѣсколько минутъ явился самъ Евтѣй Евтѣичъ; сзади шли Блоха и старуха Климачева.

— Что это ты, дочка, не идешь? Мы тебѣ жениха нашли. Да ноньче, небось, праздникъ великій, а ты убрана по-будничному!

— Ну, что-жъ, что праздникъ? Мнѣ на улицу не идти.

— Ѳедоръ Климоновичъ тебѣ вотъ честь дѣлаетъ: за сына сватать хочетъ.

— Я ужъ вамъ сказала, батюшка, что замужъ не пойду.

— Что ты, Машенька, такъ говоришь? — вмѣшалась старуха Климачева. —Мы тебя любить будемъ; я замѣсто дочери, за тобой ходить буду; неволить не буду. Что̀ захочешь сработать—то и ладно.

Маша молчала.

— Э, да что̀ ее, дуру, слушать!—продолжалъ отецъ:—нешто дѣти знаютъ, чего хотятъ. Вы, сватушки, не бойтесь. Далъ слово—сдержу. А она что̀? такъ, зря болтаетъ.

Дѣлать было нечего. Всѣ пошли назадъ въ избу. Евтѣй Евтѣичъ остался немного позади.

— А? ты такъ-то срамить еще меня захотѣла? Посмотримъ!— При этихъ словахъ онъ ладонью ударилъ Машу по щекѣ.

Она пошатнулась и бросилась на постель. Отецъ ушелъ.

XXII.

Черезъ недѣлю, на заговѣнье, отъ дома Климачевыхъ повезли на телѣгѣ цѣлый сундукъ угощеній. Предстоялъ „большой запой“. Вся родня съ обѣихъ сторонъ собралась у Купріяшиныхъ пировать на Климачевскій счетъ.

У крестьянъ, чѣмъ люди богаче, тѣмъ у нихъ больше родни. Самъ не знаетъ богачъ, какъ ему иная баба сродни, а все слышитъ: „Да, какже, Ѳедоръ Климоновичъ, вѣдь я, небось, тебѣ не чужая, а родня, да притомъ близкая“.

Такъ и теперь народу набралось множество. Пиръ вышелъ на славу.

Въ хаткѣ Машиной долженъ былъ происходить дѣвичникъ. Будущая свекровь ея отнесла ей разныя угощенія: наливку, или, скорѣе, настойку жженаго сахара на водкѣ, жамки, баранки, пряники, даже орѣхи. Маша ей и не поклонилась. Старуха искоса на нее посмотрѣла и вышла.

Въ хатку вошли подруги Машины.

— Чего вы, дѣвки, лѣзете? — сказала она: — и безъ васъ тошно.

Наконецъ, вошелъ къ ней и женихъ. Она встала, подошла къ нему и громко спросила:

— Кирилла, ты знаешь, что я за другого была просватана?

— Знаю; ну, что̀ жъ изъ этого?

— Такъ я хотѣла сказать тебѣ, что я за тебя не пойду; мнѣ другой любъ. Добра изъ этого не выйдетъ. Откажись лучше.

— Что̀ ты? что̀ ты? Неужто же острожникъ лучше меня?

— Да ты не смѣй его ругать! Онъ въ острогѣ не сидѣлъ. А кто лучше для меня, дай мнѣ знать.

— Вотъ что̀, Маша, я тебѣ скажу. Сватались старики: имъ лучше знать. Чего же мнѣ отказываться отъ тебя? Небось, слюбимся.

— Мое дѣло было тебѣ сказать, что за тебя не пойду, а тамъ—какъ знаешь.

При этихъ словахъ она вышла и больше въ хатку не приходила. Къ счастью, тутъ была Любаша, уже выданная за хромого Ермошкина. Она и угощала гостей.

Маша же отправилась на „улицу“, разыскала Сергѣя и посередь плясокъ и пѣнія, незамѣтно ушла съ нимъ въ олешникъ [1]), къ рѣчкѣ. Тутъ повторила она ему прежнія обѣщанія не выходить ни за кого,—но онъ не утѣшился этимъ. Чувство неловкости, которое они, было, испытывали послѣ Митричева дѣла, уже исчезло: общее горе вновь сблизило ихъ. Они рѣшили кое-кого попросить за нихъ заступиться передъ грознымъ Машинымъ отцомъ. Когда Маша поднялась, чтобы уходить, Сергѣй обнялъ ее и поцѣловалъ въ голову. Прежде она этого не допускала,—теперь же на его поцѣлуй отвѣтила долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

Запой и дѣвичникъ шли неладно: всѣ чувствовали себя неловко. Большинство осуждало Машу. Блоха и Люба душою страдали за нее; Евтѣй Евтѣичъ крѣпился, но пилъ и угощалъ гостей. Поздно вечеромъ кто-то сболтнулъ, что видѣлъ Машу на улицѣ съ Сергѣемъ.

Когда всѣ разъѣхались, Евтѣй Евтѣичъ, съ раскраснѣвшимися глазами, вошелъ въ ея хатку. Она лежала лицомъ къ стѣнѣ и плакала. Отецъ, не говоря ни слова, взялъ конецъ толстой веревки и ударилъ ее. Она вздрогнула, но молчала. Онъ ударилъ второй, третій разъ. Она все молчала. Онъ началъ бить

---

[1]) Ольховые кусты.

сильнѣе. Она прижала руки къ груди и послѣ каждаго удара судорожно всхлипывала. Тутъ только онъ опомнился и ушелъ.

На утро вышелъ приказъ: „Машѣ не выходить никуда; иначе запорю“.

На другой день Блоха, которой Маша все разсказала, отправилась къ отцу Петру. Хотя въ Ивановкѣ приходъ былъ одинъ, но Купріяшины, а также Климачевы были на половинѣ отца Петра. Она ему разсказала все, про страданія Маши, про побои Евтѣя Евтѣича, и просила заступиться.

— Не понимаю тебя, Варвара Степановна,—былъ отвѣтъ:—вѣдь Евтѣй Евтѣичъ соглашался выдать за Ермакова, пока старикъ Ермаковъ не сидѣлъ въ острогѣ. Что̀ же ему теперь-то дѣлать? не родниться же съ острожникомъ! Небось и дѣвка-то твоя слюбится съ новымъ женихомъ. Богъ велѣлъ дѣтямъ слушаться родителей. Она—что̀? она глупа—все хочетъ своимъ умомъ дѣлать; да и тебѣ грѣшно ее противъ отца ставить! Нехорошо, нехорошо. Вѣдь Евтѣй Евтѣичъ дочь не за кого-нибудь отдаетъ: вѣдь Кириллъ—женихъ прекрасный. А она вздумала отца не слушать. Грѣхъ одинъ, а ты за нее стоишь—постыдилась бы.

Къ Нинѣ Николаевнѣ Блоха идти побоялась, но обратилась къ старой подругѣ, Минавнѣ, съ просьбой поговорить съ барыней: не заступится ли за дѣвочку передъ отцомъ.

Минавна, черезъ нѣсколько времени, отвѣтила, что изъ ея заступничества ничего не вышло.

Нина Николаевна искренно сожалѣла объ участи старика Митрича, но и Евтѣя Евтѣича понимала, а главное утверждала, что нѐчего слушаться этихъ дѣвчонокъ. Въ старину, когда господа выдавали ихъ замужъ по-своему, много лучше было. Вначалѣ, бывало, и неохотно шли, а потомъ такія счастливыя парочки выходили, что просто прелесть. Теперь старики какъ хорошо живутъ со своими старухами,—а вѣдь насильно многіе были вѣнчаны. А теперь что̀? женятся по любви, а черезъ годъ, глядь—разошлись. Отъ вмѣшательства въ дѣло Маши Нина Николаевна отказывалась наотрѣзъ.

Обращалась Блоха и къ доктору, и къ Изюмову, да ничего изъ этого не вышло. Евтѣй Евтѣичъ доктору отвѣтилъ довольно грубо, что ему лучше знать, какъ быть съ дочерью.

— Вѣдь не вступаюсь же я въ ваши дѣла, какъ вы больныхъ лечите; такъ и вы дайте мнѣ знать, что̀ дѣлать. Не вамъ съ острожникомъ родниться.

На слѣдующій день послѣ Ильина дня Евтѣй Евтѣичъ подозвалъ къ себѣ Машу.

— Потрудись мнѣ сказать, гдѣ ты была вчера вечеромъ?

Маша молчала.

— Ты оглохла, что-ль? Я тебя спрашиваю. Гдѣ ты была вчера вечеромъ?

— На улицѣ, батюшка.

— А я тебѣ велѣлъ ходить на улицу? А? Опять шашни заводить съ твоимъ проклятымъ острожникомъ? Отца скандалить, чтобы меня сваха Анна сегодня попрекала! Ты думала, не увидятъ? анъ нѣтъ—увидали. Чего же ты стоишь, какъ истуканъ? Съ женихомъ играть не хотѣла, а съ острожникомъ гуляешь? Э, да я съ тобой иначе поговорю.

Маша все молчала, опустивъ глаза и вертя въ рукахъ фартукъ. Отецъ ея взялъ въ руки веревку, которою носилъ солому на топку.

— Я тебя спрашиваю еще разъ: ты пойдешь за Климачева, или нѣтъ?

— Хоть убейте,—не пойду, батюшка. Я Сергѣю слово дала.

— Ты не пойдешь? Ну, это мы увидимъ. Ага, не нравится... Нѣтъ, голубушка, не убѣжишь. Я съ тобой добромъ обходился, какъ съ путной дѣвкой, а ты свое... Нѣтъ, не на того напхалась. Ты выйдешь за Климачева? А? Молчишь? Небось—заговоришь... Будешь отца слушаться? Выкинешь дурь изъ головы?

Говоря это, все болѣе и болѣе свирѣпѣвшій старикъ ударялъ концомъ толстой веревки по дочери, по чемъ попадетъ. Въ комнатѣ не было никого, кто бы заступился. Послѣ перваго удара Маша попробовала бѣжать, но Евтѣй Евтѣичъ ухватилъ ее за косу и бросилъ на лавку. При каждомъ ударѣ тѣло дѣвушки вздрагивало. Она молчала и изрѣдка стонала. Старикъ передохнулъ, но не отказался отъ своего намѣренія.

— Крѣпка больно; небось... сдашься... Я тебѣ дамъ острожника... Ну, говори скорѣй: ты пойдешь за Кирюху, или нѣтъ? Еще тебя спрашиваю: пойдешь за Кирюху?

Правой рукой онъ продолжалъ ее бить, а лѣвой началъ закручивать ея косу. Маша загнула голову назадъ, широко раскрыла глаза и, задыхаясь отъ острой боли, прошептала:

— Пойду за кого хочешь.

Пытка увѣнчалась успѣхомъ. Маша смирилась.

Съ тѣхъ поръ за нею былъ учрежденъ самый строгій надзоръ. Наблюдалъ самъ Евтѣй Евтѣичъ, наблюдали всѣ Климачевы, наблюдала и Блоха, боявшаяся для дочери повторенія истязаній и начавшая ее уговаривать прекратить безполезное

сопротивленіе. Сама она нѣсколько разъ пыталась образумить мужа, но, кромѣ угрозъ ей самой, ничего не добилась.

Сергѣя предупредили, что всякая надежда для него потеряна. Онъ ходилъ угрюмый и даже дома ни съ кѣмъ не говорилъ. Только мать пыталась его утѣшить и иногда выводила его изъ его оцѣпенѣнія. Его тянуло къ Машиной хатѣ. Разъ даже онъ подошелъ къ ней, но слѣдившіе за нимъ Кириллъ Климачевъ и два его товарища поймали его и жестоко избили.

Блоха его разъ подозвала и умоляла отказаться отъ дочери, говоря, что Евтѣй Евтѣичъ ее убьетъ, если она вздумаетъ опять сопротивляться.

Сергѣй написалъ письмо Машѣ, въ которомъ говорилъ, что возвращаетъ ей слово, просилъ не думать о немъ и пожалѣть себя. Блоха же и передала ей эту записку.

За недѣлю до свадьбы, передъ дѣвичникомъ, Маша сдѣлала еще попытку смягчить отца. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляла не выдавать насильно, говорила, что умретъ, если суждено ей будетъ жить съ немилымъ, обѣщалась забыть о Сергѣѣ и остаться въ дѣвкахъ... Евтѣй Евтѣичъ отвернулся и только приказалъ, чтобы она готовилась завтра прилично встрѣтить гостей.

Маша не сопротивлялась.

XXIII.

Тотчасъ послѣ Машиной свадьбы, Сергѣй исчезъ изъ Старой-Ивановки. Ему стало жить въ ней невыносимо, и онъ пошелъ въ Ростовъ. Многіе изъ крестьянъ ивановскихъ ходили туда на заработки. На одномъ заводѣ старшимъ десятникомъ былъ ихъ односельчанинъ и онъ своимъ доставлялъ мѣста чернорабочихъ. Но Сергѣю хотѣлось быть одному, и онъ нашелъ работу на другомъ заводѣ. Но и тамъ онъ недолго пробылъ. Тоска его мучила, и онъ зимой вернулся въ свое село. Встрѣчъ съ Машей онъ избѣгалъ; изрѣдка только въ церкви онъ издали видѣлъ ее, молчаливую, блѣдную, усердно молящуюся. Стороной онъ слышалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы мужъ и свекровь стали взваливать на нее самыя тяжелыя работы по дому. Вопреки обычаямъ, она и печку топила, и коровъ доила. Никто отъ нея не слыхалъ слова жалобы.

Разъ весною они встрѣтились почему-то, можетъ быть, случайно, въ олешникѣ. Сергѣй съ ней заговорилъ:

— Ну, что, Маша?

Маша ничего не отвѣтила, только заплакала. Они сѣли рядомъ.

— Что же не отвѣчаешь?—Иль тяжело?—Маша молчала.— Такъ тяжело, Маша? А прежнее?

— Эхъ!

— Такъ любишь?

— Люблю.

— Милая!

Онъ притянулъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать. Она отдалась ему безъ размышленія, безъ сопротивленія, точно такъ и нужно было, точно она того и ждала.

Съ тѣхъ поръ они только и стали искать случая видѣться. Маша продолжала дома и въ полѣ исполнять всѣ работы, которыя на нее взваливались. Она успѣвала все дѣлать. Съ людьми она стала разговорчивѣе, съ мужемъ же говорила, только когда онъ ее спрашивалъ, и то отвѣчала отдѣльными словами. Иногда она пропадала на часъ-другой и возвращалась на работу, ни слова не говоря.

Народъ замѣтилъ ея свиданія съ Сергѣемъ. Слухи о нихъ дошли до Кирилла. За нею стали слѣдить.

Разъ поздно вечеромъ, въ церковномъ саду, она сидѣла съ Сергѣемъ, какъ вдругъ сзади подошли ея мужъ и отецъ. Кириллъ схватилъ ее за косу и потащилъ съ собой. Сергѣй вздумалъ, было, броситься на него, но Евтѣй Евтѣичъ удержалъ его и съ страшными проклятіями принялся бить кулаками.

Жизнь Маши стала вовсе невыносимой. Ежедневные побои и издѣвательства ее только озлобляли, но явно противиться она не могла. Придетъ, бывало, Кириллъ съ поля мокрый, развалится и заставляетъ ее себя разувать. Маша становилась на колѣни, развязывала оборки, снимала лапти, развивала портянки. Присутствіе постороннихъ не только не удерживало его, но еще больше побуждало его издѣваться надъ женой и показывать свою власть надъ нею.

Евтѣй Евтѣичъ, послѣ того, какъ ея связь съ Сергѣемъ стала извѣстна, перестал ъ ее пускать къ себѣ въ домъ, несмотря на просьбы и слезы Блохи. Народъ закидывалъ ее насмѣшками, называя „острожниковою кралей“. Блоха кое-когда къ ней заходила, но посѣщенія ея, видимо, не нравились старухѣ Климачевой. Несмотря на строгій надзоръ, Машѣ удавалось видѣться съ Сергѣемъ: она знала, что каждая отлучка повлечетъ

за собой новые побои, новыя мученія, но она дошла до того состоянія озлобленія, что переносила все безмолвно.

Осенью Блоха пошла на Ардальоновскую усадьбу. Исторія Маши была всѣмъ извѣстна. Она обратилась къ Елизаветѣ Николаевнѣ, разсказала ей про житье Маши и попросила исходатайствовать у Нины Николаевны какого-нибудь мѣстечка—кухарки или доильщицы; та обѣщалась похлопотать.

Нина Николаевна, несмотря на доводы, ей представленные, и даже на заступничество Михаила Степановича, наотрѣзъ отказала.

— Ты знаешь, Миша, я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь и тебѣ ни въ чемъ не мѣшаю. Но ужъ извини,—распутныхъ бабъ я къ себѣ въ услуженіе брать не намѣрена. Я вѣдь эту исторію знаю хорошо. Климачевы—семья хорошая: ей ли не житье? Да самъ отецъ ея, Евтѣй, ее знать не хочетъ.

— Да, мамаша, вѣдь не можетъ же она любить мужа, когда ее выдали насильно, а теперь бьютъ, какъ собаку?

— Ее бы не били, кабы она вела себя какъ слѣдуетъ. А выдавали ее, правда, насильно; да вѣдь у крестьянъ это всегда было и будетъ. Отецъ, небось, не врагъ своему ребенку: зналъ, что̀ дѣлалъ. А мало ли въ крѣпостное право выдавали замужъ насильно? Это права распутничать не даетъ. Что̀ скажутъ про меня всѣ мужики, если я буду разлучать женъ отъ мужей? Да, наконецъ, я и права-то этого не имѣю. Мужъ можетъ ее вытребовать къ себѣ. Тогда къ чему все это поведетъ?

Словомъ, Нина Николаевна отказала наотрѣзъ впутываться въ это дѣло. Прыткова извѣстила объ этомъ Блоху.

Черезъ нѣкоторое время вдругъ разошелся слухъ, что Маша сбѣжала. Куда — никто не зналъ. Бросились Климачевы туда-сюда—нѣтъ; какъ въ воду канула. Недѣли черезъ двѣ только на базарѣ услыхали, что верстахъ въ двадцати у священника села Крутскаго нанялась какая-то старо-ивановская баба въ кухарки. Примѣты, разсказанныя тамошними бабами, подходили къ Машинымъ. Слухъ дошелъ до Климачевыхъ. Старуха съ Кирюхой тотчасъ же отправилась къ старшинѣ.

Тотъ покачалъ головой.

— Да, ужъ не ожидалъ я этакихъ дѣловъ отъ Евтѣя Евтѣевичевой дочери. Все острожникъ проклятый. И его, говорятъ, эти дни не видно что-то. Да я-то что̀ сдѣлаю? Вѣдь Крутское и волости другой, да и въ участкѣ другого земскаго начальника.

— Ужъ, пожалуйста, Андрей Уваровичъ, помогите.

— Ну, да вотъ что̀, Терентій, — обратился старшина къ

стоявшему у дверей правленія сотскому. — Ты уберись [1]), да поѣзжай съ ними въ Крутское, возьми съ собой тамошняго сотскаго, да привези сюда Марью Дегтереву. Знаешь Евтѣй-Евтѣича дочь?

— Какъ не знать, Андрей Уваровичъ.

— Ну, вотъ-вотъ. Она тамъ у попа нанялась, такъ привези сюда. Кирюха тебя и повезетъ.

— Спасибо, Андрей Уваровичъ,—сказала Анна,—за совѣтъ и наставленіе. Ужъ мы ей зададимъ—бѣгать отъ мужа вздумала! Нѣтъ, не на таковскихъ напхалась.

Часа черезъ четыре, къ маленькому, окруженному густой сиренью, домику священника села Крутскаго подъѣхали на парѣ, запряженной въ телѣгу, Кириллъ Климачевъ, Терентій, староивановскій сотскій, и сотскій села Крутскаго, низенькій, лѣтъ пятидесяти мужичишка съ рѣдкой растительностью на головѣ и на лицѣ и съ тупымъ выраженіемъ лица. Всѣ трое были выпивши. У сотскихъ на шеѣ висѣли бляхи.

Первымъ шелъ крутскій сотскій; помолившись на образа, онъ вошелъ прямо въ залъ. Его встрѣтила матушка, совсѣмъ молодая женщина. Только-что окончившая курсъ епархіальнаго училища, она вышла за отца Владиміра по любви, когда онъ еще былъ псаломщикомъ. Но у него была рука въ консисторіи, и онъ вскорѣ послѣ свадьбы получилъ священническое мѣсто въ небогатомъ приходѣ села Крутскаго.

Когда къ ней явились сотскіе съ Кирюхой, батюшка былъ въ деревнѣ съ требой.

— У васъ, матушка, живетъ Марья Дегтерева въ куфаркахъ?—спросилъ сотскій.

— А вамъ на что?

— Да вотъ что̀: изъ Старо-Ивановки пріѣхалъ ея мужъ съ сотскимъ; требуетъ ее домой.

Матушка, которой Маша разсказала про свое замужество и про жизнь съ мужемъ, за нее вступилась.

— А тебѣ-то что̀?

— Да какъ же? А кому же дѣло до этого? Небось мы къ этому приставлены.

Тѣмъ временемъ Терентій съ Кирилломъ изъ прихожей въ другую дверь прошли на кухню, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должна была быть Маша. Она, дѣйствительно, сидѣла за печкой ни жива, ни мертва. Она какъ только увидала въ окно мужа,

[1]) Одѣнься.

да еще съ сотскими, поняла, что пріѣхали за ней. Кириллъ къ ней подошелъ и протянулъ къ ней руки. Она его оттолкнула и выбѣжала къ матушкѣ.

— Не бойся, не бойся, Маша, - сказала та и указала ей дверь въ спальню.

Маша прошла въ спальню, матушка притворила дверь и сама стала передъ дверью. Кириллъ и Терентій тоже вошли въ залъ.

— Чтò это ты, матушка, противъ полиціи идти вздумала?— сказалъ крутскій сотскій. — Аль ты не видишь, мы по дѣлу пришли?

Сотскій при этомъ поправилъ бляху—гляди, молъ. Терентій тоже поправилъ бляху.

— Я, голубчикъ, ничего не знаю. Я тутъ ни при чемъ. Батюшки дома нѣтъ. Вотъ пріѣдетъ изъ деревни, тогда съ нимъ и говорите. А я безъ него васъ пустить не могу.

— Какъ же такъ насъ не пущать,—мы вѣдь тоже не простые мужики; мы всяку штуку можемъ, мы и обыскать можемъ. А ты лучше не противься, матушка. Вѣдь мы по закону требуемъ. Тебѣ же хуже будетъ. Нешто мужнину жену можно насильно держать?

При этихъ словахъ сотскій, а за нимъ и старо-ивановцы какъ будто начали наступать на матушку, чтобы силой отвести ее отъ двери.

Къ счастью, въ это время вошелъ отецъ Владиміръ. Увидавъ у себя эту толпу, онъ тоже смекнулъ, въ чемъ дѣло. Мужики подошли къ нему подъ благословеніе. Сотскіе поправили бляхи.

— Вы чтò сюда пришли?—спросилъ ихъ отецъ Владиміръ.

— Да вотъ, батюшка, у васъ въ куфаркахъ живетъ вотъ его жена,—онъ показалъ на Кирилла,—такъ мы за ней. А матушка вотъ вздумала не пущать.

— А у васъ бумага отъ начальства есть, что я ее пустить долженъ?

— Какая бумага? Старшина ивановскій вотъ сотскому велѣлъ ее привезти. А онъ меня кликнулъ. На кой намъ бумага? Вѣдь мы закона требуемъ.

— Вы не велико еще начальство. Я безъ бумаги ее не отпущу.

— Ты что-то чудно, батюшка, говоришь. Что-жъ, и по закону ты будешь жену отъ мужа держать? Тебѣ это что-то не идетъ.

— А ты меня не учи. Я и самъ знаю законъ. А онъ зачѣмъ ее бьетъ,—нѣшто это законъ?

— А вы, батюшка, побои видѣли?—вмѣшался Кириллъ.— Такъ чего же вы зря говорите? Я за женой пришелъ, за своей. Небось я въ своей-то женѣ воленъ? Что же это такое, господа сотскіе?

Сотскіе, довольные, что ихъ называютъ господами и что ихъ за большую власть считаютъ, стали смѣлѣе.

— Да что, батюшка, зубы-то чесать? Мы свое дѣло знаемъ и законъ исполнимъ. Эй, ты, бѣглянка, выходи!

Крутскій староста подошелъ къ двери спальни. Батюшка съ матушкой переглянулись.

— Маша, выходи,—позвала ее матушка.

— Мужъ тебя не оставляетъ,—продолжалъ о. Владиміръ.— Что же дѣлать, голубушка? А ты ее не бей!

— Ну, ужъ это, батюшка, наше дѣло. Кто же ее учить-то будетъ, какъ не мужъ? Ну, идемъ, идемъ, поворачивайся.

Маша не плакала, только изрѣдка вздрагивала и пошла за мужиками. Матушка прослезилась.

— Что̀ же дѣлать?—говорилъ ей о. Владиміръ.—Хуже бѣду наживешь, да и ее не спасешь.

Машу посадили въ телѣгу и связали ей руки, чтобъ не сбѣжала. У кабака остановились, угостили, какъ слѣдуетъ крутскаго сотскаго за помощь, выпили сами и поѣхали домой. Кириллъ вздумалъ „поучить“ жену, но его остановилъ Терентій.

— Что̀ ты? что̀ ты? При мнѣ не смѣй. Дома—дѣло твое, а тутъ нѣшто можно? Обалдѣлъ что-ли?

Когда они пріѣхали въ Ивановку и проѣзжали мимо дома Евтѣя Евтѣича, Блоха увидала свою дочь связанную и бросилась къ ихъ телѣгѣ. Кириллъ ее оттолкнулъ.

— Мамушка, не впутывайся въ чужія дѣла. Отдала дѣвку замужъ,—дай мужу знать, что̀ дѣлать. Хороша твоя наука была. Сраму не возьмешь. Спуталась съ острожникомъ, да еще бѣгать вздумала!..

XXIV.

На слѣдующій день къ земскому начальнику явились Блоха и Маша. Прождавъ довольно долго, онѣ были допущены до него. Блоха изложила свою жалобу, говоря за Машу. Земскій начальникъ записалъ жалобу и имъ же далъ, для передачи старшинѣ, бумажку, которою вызывалъ на пятницу старуху Климачеву, Кирилла, Машу и трехъ-четырехъ сосѣдей Климачевыхъ изъ хорошихъ стариковъ.

Въ пятницу камера земскаго начальника была полна народу. Всѣ были въ шубахъ, отъ которыхъ запахъ стоялъ невыносимый. Спереди толпились старшины и писаря. У послѣднихъ подъ мышкой были разныя бумаги. Ждалъ народъ долго, потому что собрались всѣ гораздо раньше назначеннаго срока. Народъ часто выходилъ провѣтриться отъ нестерпимой жары. Говорили шопотомъ. Наконецъ, появился земскій начальникъ въ цѣпи. Старшины и писаря засуетились и начали готовить народъ. Начался разборъ дѣлъ, при чемъ докладывалъ и давалъ заключеніе старшина каждой волости по своимъ дѣламъ. Однимъ изъ послѣднихъ докладывалось дѣло Маши. Старшина въ общихъ выраженіяхъ сказалъ, что у Маши съ мужемъ нелады и что она уже дѣлала попытку отъ него бѣжать.

— Ваше высокоблагородіе!—заговорила Блоха:—измывается онъ надъ ней, вò какъ измывается...

— Да ты кто такая?—спросилъ земскій.

— Я мать ея... Маши-то. Просто глаза не глядятъ на дочь-то.

— Ты, матушка, помолчи. Тебя не вызывали. Пускай Марья Дегтерева сама говоритъ. Она не нѣмая и не малолѣтняя.

Маша молчала.

— Ну, чтò же, говори, голубушка, не бойся. Чего робѣть?

— Меня мужъ бьетъ, ваше высокоблагородіе. Не житье мнѣ съ нимъ. Выдали замужъ насильно. А теперь въ пору руки на себя накладывать. Наука это все свекрови моей.

— И... и... и... И не совѣстно тебѣ это говорить? Да кто же тебя бьетъ? Безстыдница ты этакая!—заговорила старуха Климачева.

— Молчи, молчи. Тебя не спрашиваютъ. Ну, Кириллъ, чтò ты скажешь? Ты зачѣмъ бьешь жену?

— Да кто же ее билъ, ваше высокоблагородіе? Гдѣ ея побои? Сама она потаскушка. Цѣлый мѣсяцъ въ бѣгахъ была.

Сосѣди всѣ показали, какъ было. Климачевы—семья состоятельная, ни въ чемъ дурномъ не замѣшанная. Маша тоже семьи хорошей, но слухи были про нее дурные и до замужества, и послѣ. Связь ея съ острожникомъ извѣстна всему селу. Она уходила отъ мужа и нанималась въ кухарки къ священнику верстъ за двадцать. Были ли побои или нѣтъ—никто не знаетъ, а, можетъ быть, и были. Анна—старуха сварливая и врядъ ли ея снохѣ живется хорошо.

— Чтò же я-то тутъ могу сдѣлать?—рѣшилъ земскій начальникъ.—Дѣло семейное. Конечно, жаль молодую бабу, что ее

выдали насильно; добра отъ такой свадьбы ждать нечего, но вѣдь и она не безъ грѣха. Вы вотъ что̀: идите съ Богомъ. Я ей помочь не могу. Я, правда, вызвалъ васъ, думалъ, что окажутся истязанія, а тутъ истязаній нѣтъ. Одно средство: подайте на Высочайшее имя, чтобы Маріи получить отдѣльный паспортъ. Но врядъ ли что̀ и изъ этого выйдетъ. А я тутъ ничего сдѣлать не могу. Ступайте съ Богомъ. А ты, смотри,—обратился къ Кириллу начальникъ,—коли будешь ее бить, мы съ тобой справимся.

Всѣ поклонились и вышли. Земскій начальникъ посидѣлъ задумчиво и обратился къ старшинамъ.

— Да ужъ чего ждать, когда отдаютъ дочерей насильно? Эхъ, не стоитъ объ этомъ и говорить!

— Вы, ваше высокоблагородіе, все за бабъ стоите,—замѣтилъ старшина, видя, что его начальникъ расположенъ разговаривать.—А это хорошо, что она отъ мужа гуляетъ?

— Э! брось это. Не гуляла бы, кабы ее выдали, ка̀къ она хотѣла. Неужели и ты этого не понимаешь?

— Позвольте мнѣ сказать слово, ваше высокоблагородіе,—вмѣшался другой старшина,—наше дѣло крестьянское: намъ на дѣвокъ смотрѣть нельзя. Мало ли за кого выйти она захочетъ!..

— Ну, довольно, довольно. Кто тамъ еще есть?

И разбирательство жалобъ продолжалось.

Жизнь Маши пошла еще хуже прежняго. Климачевы, чувствуя свою силу, уже не стѣснялись обращаться съ ней какъ съ потаскушкой. Заступиться было некому. Старикъ Климачевъ уже рѣдко слѣзалъ съ печки. Евтѣй Евтѣичъ, несмотря на доводы и убѣжденія жены, все винилъ дочь. Все село было противъ нея. Въ то время Изюмовъ, окончившій курсъ медицинскаго факультета, проводилъ лѣто у дяди, чтобы отдохнуть отъ экзаменовъ. Къ нему Блоха и обратилась, чтобы испытать послѣднее средство, подать жалобу на Высочайшее имя.

Изюмовъ, какъ всегда, горячо взялся за Машино дѣло. Онъ ѣздилъ въ городъ, и тамъ, съ помощью адвоката, прошеніе было написано. Маша его подписала, и Изюмовъ отправилъ его въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ производить дознаніе самъ исправникъ. По пріѣздѣ, онъ, по обыкновенію, остановился у Ардальоновыхъ. Хотя дѣло было секретное, онъ не счелъ нужнымъ молчать о немъ. Онъ думалъ такимъ образомъ узнать правду. Нина Николаевна продолжала порицать Машу, а Михаилъ Степановичъ ее защищалъ. Исправникъ продолжалъ недоумѣвать и съ этимъ отправился на село.

Всѣ свидѣтели были на сторонѣ Кирилла. Никто не былъ свидѣтелемъ дурного съ ней обращенія ея мужа. Съ другой стороны всѣ показанія о ней были для нея неблагопріятны: говорили и объ ея связи съ Сергѣемъ, и объ ея побѣгѣ.

Исправникъ все записалъ дословно и отправилъ свое дознаніе дальше.

Черезъ мѣсяца три Машѣ пришелъ отвѣтъ черезъ полицію, что ея жалоба оставлена безъ послѣдствій, въ виду того, что факты дурного обращенія съ ней мужа не подтвердились при дознаніи.

Такъ какъ жизнь ея становилась все невыносимѣе и притомъ рухнула послѣдняя надежда, то у нея неоднократно возникала мысль о самоубійствѣ, но она ее отвергала и старалась объ этомъ и не думать.

За послѣднее время, впрочемъ, мужъ боялся ее бить попрежнему, потому что беременность ея стала очевидной для всѣхъ. Глумиться надъ ней, поносить ее онъ, конечно, позволялъ себѣ, но бить не билъ: боялся, какъ бы чего не вышло.

XXV.

6-го декабря 1894 года, вскорѣ послѣ попытки Маши бѣжать изъ дому, у Ардальоновыхъ сидѣлъ и пилъ чай становой приставъ. Нина Николаевна и Лиза внимательно слушали его разсказы.

— И удивительное дѣло, какъ въ воду канули! — говорилъ онъ:—вѣдь восемь кражъ въ одинъ мѣсяцъ, и притомъ въ такомъ тихомъ селѣ, какъ Ивановка. Я и то удивлялся: базарное село, а почти не приходится ѣздить сюда. Зато теперь просто мученіе. Съ самой Кузьмы-Демьяны покою нѣтъ; и добро бы мелкія кражи—нѣтъ: все со взломомъ замковъ и на большую сумму. Началось съ амбара Скоробогатовскаго, а теперь вотъ лошадь угнали у отца Петра. Жеребецъ-то двѣсти рублей стоитъ. Да ухитрились-то какъ,—у воротъ замокъ сломали, да на дворъ. Ясно, что завелся свой воръ. Безъ своего вора это немыслимо.

— На кого падаетъ подозрѣніе? Вы дознаніе производили?

— Какъ же-съ, производилъ. Никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Воръ ловкій. Грѣшатъ на Сергѣя Ермакова. Его въ народѣ и зовутъ „острожникомъ“. По отцу это—отецъ въ острогѣ за что-то сидѣлъ. Семья дрянная. Но уликъ—никакихъ! Я и съ обыскомъ къ нимъ ходилъ—ничего!

— А кто же говоритъ на Сергѣя? — спросила Елизавета Николаевна.

— Да всѣ говорятъ. Я собиралъ про него справки. Отзывы плохіе. Самъ-то онъ ни въ чемъ не попадался, да отецъ въ тюрьмѣ сидѣлъ, а сынъ тутъ съ бабой какой-то спутался. Ему давно бы жениться пора, а онъ такъ шляется. Я спрашивалъ кое-кого изъ стариковъ, заслуживающихъ довѣрія: говорятъ, больше некому. Да что̀ подѣлаешь? Непойманный воръ — не воръ.

— А я-то еще тогда за отца его хлопотала! — припомнила Нина Николаевна. — Нѣтъ, видно хорошій человѣкъ красть не пойдетъ.

— Воля ваша, я не повѣрю никогда, что это — дѣло рукъ Сергѣя, — возразила Елизавета Николаевна. — Николай Анатольевичъ Изюмовъ намъ за него ручался.

— Не вѣрьте ему, барышня, — отвѣтилъ становой. — Изюмовъ все возится съ своими ребятишками и думаетъ, право, что они всѣ — ангелы у него. А они еще болѣе балуются, бѣгая съ нимъ лѣтомъ, чѣмъ дѣломъ заниматься.

— Ну, такъ что же вы рѣшили насчетъ воровъ-то нашихъ? — спросила Нина Николаевна.

— Чего-жъ тутъ рѣшать? Велѣлъ уряднику слѣдить за Ермаковымъ. Можетъ, чѣмъ и выдастъ себя. А теперь дѣлать нечего. Ну, а что̀ Михаилъ Степановичъ подѣлываетъ?

— Спасибо. Я отъ него вчера письмо получила. Кончаетъ курсъ, но только и думаетъ, что о деревнѣ. Вотъ ужъ никакъ не ожидала въ немъ этой перемѣны. Прежде все думалъ о службѣ и о дѣлахъ, а теперь и слышать не хочетъ про службу. Ты отъ него не получала писемъ, Лиза?

Елизавета Николаевна, къ концу разговора очень внимательно размѣшивавшая сахаръ въ чаю, вспыхнула и тихо отвѣтила:

— Получила. Онъ мнѣ разныхъ порученій надавалъ насчетъ нѣкоторыхъ крестьянъ, да денегъ выслалъ кое-кому изъ нихъ за землю внести Обрѣзкову.

— Ужъ очень, Нина Николаевна, балуютъ они мужиковъ. Вѣдь сами потомъ плакаться будутъ. Они вѣдь благодарны не будутъ за ихъ милости.

— Я ему ужъ и такъ это говорила, да ничего не подѣлаю. А тутъ еще Лиза ему напѣваетъ. И такъ мальчикъ увлекся благотворительностью, а она ему все новыхъ несчастныхъ подсовываетъ. Всѣхъ лодырей на ноги вздумали поставить.

Такъ мирно шелъ разговоръ за чаемъ у Нины Николаевны.

Тѣмъ временемъ, на селѣ, въ трактирѣ, по случаю празд-

ника, собралось много народу. Тоже шла рѣчь о кражахъ, происходившихъ за послѣднее время на селѣ.

— Я говорилъ батюшкѣ,—громко разсказывалъ, развалясь на стулѣ, сильно подвыпившій старикъ,—чтобы онъ карихъ лошадей не покупалъ. Какія у него карія лошади ни были, всѣ либо пали, либо испортились, либо, вотъ теперь, украдена. Такъ вотъ же не вѣритъ. Пустяки, молъ, все это. А вотъ теперь и свисти. „Вѣрно, дѣдъ Лукьянъ", говоритъ сегодня, „ты мнѣ предсказалъ. Мнѣ бы тебя послушаться".—Теперь-то, говорю ему, поздно слушаться, какъ увели. Не хочешь ли, батюшка еще у меня карюху купить?.. „Нѣтъ, ужъ теперь не буду. Послушаюсь тебя".

— Ужъ этотъ дѣдъ Лукьянъ!—вставилъ тоже подвыпившій молодой парень:—всѣ предметы знаетъ.

— Да какъ же не знать-то? Небось, до семидесяти лѣтъ дожилъ. А предметамъ какъ не вѣрить? Ноньче лѣтомъ молодой докторъ хотѣлъ моего внученка въ ученье взять. Нѣтъ, говорю, шалишь. Ты ихъ портишь только. Въ предметы вѣрить не велишь. А мы вѣримъ, и отцы наши вѣрили, и внукамъ мы вѣрить велимъ. Такъ-то-съ.

— А какъ ты думаешь, дѣдъ Лукьянъ,—кто жеребца-то у батюшки увелъ?

— Кто? А кому же увести, кромѣ острожника? На то онъ и острожникъ. Это кажному видно. Вотъ и Евтѣй Евтѣичъ. Я съ нимъ говорилъ про это. Ему совѣстно за дочь, что съ такимъ спуталась. Какъ будто и не вѣритъ, что онъ укралъ, а самъ говоритъ батраку—а я слышалъ: „Увидишь острожника,—ты слѣди за нимъ, не сперъ бы чего". А мнѣ говоритъ, что это не острожникъ.

— Какая-то баба, говорятъ, ноньче ночью выходила,—разсказывалъ какой-то крестьянинъ, сидѣвшій у другого стола,— и видѣла, какъ Ермаковъ прокрадывался ночью къ усадьбѣ батюшки.

— Какая баба?

— А Богъ ее знаетъ. Мнѣ говорили. Люди врутъ, и я тоже. А я слышалъ, будто вѣрно видѣла.

— Да чего тутъ? Старшина и то говоритъ, что становой, вишь, дознаніе производилъ, да уликъ будто никакихъ нѣтъ. Андрей Уварычъ и говоритъ: „Будь я на мѣстѣ становорого, я его засадилъ, да велѣлъ бы урянику съ нимъ поговорить—живо бы сознался".

— Теперь, слышь, такъ не велятъ. Всѣмъ ворамъ потачку даютъ.

XXVI.

Къ вечеру въ трактиръ приходило все больше и больше народу. Разговоръ все шелъ о происходившихъ за послѣднее время кражахъ, причемъ каждый связывалъ представленія о нихъ съ „острожникомъ“. Уже давно стемнѣло, какъ вдругъ послышался ударъ въ колоколъ, за нимъ другой, третій, еще и еще, все скорѣе и скорѣе.

— Набатъ, набатъ, въ набатъ бьютъ!—послышалось отовсюду.

Народъ выбѣжалъ на улицу—кто въ шапкѣ, а кто и шапку позабылъ. Горѣло за церковью. Народъ побѣжалъ туда. Рядомъ съ домомъ Евтѣя Евтѣича вся въ огнѣ стояла небольшая избушка; загоралась соломенная крыша на дворѣ Евтѣя Евтѣича. Большая толпа стояла на улицѣ и разговаривала.

— Ахъ, батюшки, самъ Евтѣй Евтѣичъ загорѣлся! Какая постройка и проулокъ большой, а отстоять не могли!..

— Гдѣ народъ-то?

— Какой народъ? Что здѣсь стоятъ—и тѣ не работаютъ.

Вещи выносили изъ дома Евтѣя Евтѣича и изъ слѣдующихъ. Первымъ съ усадьбы прискакалъ Александръ Степановичъ; увидя, что работа идетъ плохо,—прежде всего кинулся на стоявшихъ на улицѣ.

— Вы что̀, негодяи, стоите—не работаете? Маршъ таскать и заливать! Вы глазѣть пришли?..

И Александръ Степановичъ прибавилъ крѣпкое словечко. Онъ былъ видимо возбужденъ и метался на своемъ жеребцѣ изъ стороны въ сторону. Народъ разбѣжался. Дворъ Купріяшина вплотную примыкалъ къ его дому, такъ что и домъ, несмотря на желѣзную крышу, загорѣлся.

Народу собиралось все больше; затѣмъ подъѣхала какая-то бочка съ водой. Стали плескать ведрами. Трубы не было. Наконецъ прискакали на дрогахъ съ Ардальоновской трубой. Вода привозилась изрѣдка, такъ что трубѣ не приходилось дѣйствовать много. Пріѣхала и волостная труба, да гдѣ-то что-то примерзло. Труба не работала. На тройкѣ съ колокольцами прискакалъ становой; за нимъ въ шарабанѣ пріѣхала Ардальонова съ Лизой. Становой сталъ понукать народъ работать.

— Да чего же работать?—говорили они:—вѣдь на крышахъ стоятъ, кое-что таскаютъ, а воды нѣтъ. Вы бы за водой послали, ваше высокоблагородіе.

— У васъ лошади есть?—обратился становой къ двумъ пришедшимъ изъ кабака мужикамъ.

— Есть.

— Такъ поѣзжайте за водой.

— Мы на концѣ села живемъ. Пока добѣжимъ—и горѣть нечему будетъ.

— Не разговаривать! Ступайте за бочками. Я вамъ задамъ, мошенникамъ!..

Мужики куда-то скрылись.

Между тѣмъ занялись еще двѣ избы. Народъ таскалъ, что̀ попало, даже гдѣ и опасности не было никакой. Сухая, безснѣжная зима все высушила. Огню пища была обильная. Евтѣй Евтѣичъ просилъ поливать его амбаръ; другіе тянули его трубу къ себѣ, заливать уже горѣвшія избы; третьи умоляли поливать подъ вѣтеръ, чтобы дальше не шло. Бабы, многія раздѣтыя, голосили на улицѣ.

Становой, среди шума, гналъ народъ работать; Александръ Степановичъ, съ поднятой нагайкой, ругалъ всѣхъ.

— Чего они безъ толку гоняютъ за народомъ!—говорилъ докторъ Ѳедосѣенко отцу Семену.—Такъ вѣдь весь народъ разбѣжится.

— Народъ нашъ необразованъ,—возразилъ отецъ Семенъ.—Стоятъ какъ овцы. Безъ понуканія нельзя.

— Знамо,—господа: надо пошумѣть. А тутъ ничего не подѣлаешь,—говорилъ слышавшій это старикъ.

— Видѣли, Петръ Антоновичъ, Ермакова? — спросилъ о. Семенъ.

— Какого Ермакова?

— Да Сергѣя острожника?

— А что?

— Онъ у Цецарки со двора возъ пшена на себѣ вывезъ. Они только привезли его съ рушалки. Совсѣмъ крыша загорѣлась. Пропадать бы пшену, а онъ одинъ вывезъ. Откуда сила взялась?

— Сила всегда бываетъ съ испугу, батюшка. А Сергѣй себя не пожалѣетъ. А кто эта Цецарка?

— Да тутъ вдова одна. У нея и урожаю-то всего было, что это пшено.

О томъ же говорила толпа мужиковъ и бабъ, стоявшая въ сторонѣ.

— Какъ онъ подхватитъ возъ,—говорила одна баба,—такъ и вывезъ, чисто салазки по льду.

— А вотъ онъ тутъ былъ съ самаго начала пожара. Такіе люди ищутъ пожаровъ: было бы чѣмъ поживиться.

— Это вѣрно ты сказалъ. Вотъ я въ городѣ Ригѣ жилъ, такъ тамъ, бывало, какъ пожаръ,—вся золотая рота тутъ. Какъ будто работаютъ, а сами тащатъ, что̀ могутъ. Сколько вещей разворуютъ—страсть! А тамъ ищи потомъ.

— Да что̀ это! Иной разъ еще сами подожгутъ, чтобы попользоваться. Ужъ народъ такой—совѣсти ни на грошъ.

— Ужъ не острожникъ ли и поджегъ? Вѣдь онъ на Евтѣя Евтѣича золъ.

— Такъ вѣдь загорѣлось же съ тетки Марѳы.

— А онъ не дуракъ: онъ и зажегъ подъ вѣтеръ.

— Ну! Пожалѣлъ бы людей жечь; тетка Марѳа ему еще сродни приходится.

— Такіе люди никого не пожалѣютъ. На нихъ и креста нѣтъ.

У амбара, который кое-какъ удалось отстоять, сидѣла Блоха и плакала. Рядомъ сидѣла Маша и тоже плакала. Подошелъ Евтѣй Евтѣичъ.

— Чего тутъ усѣлась? Можетъ, и острожника своего сюда привела? Я тебѣ сказалъ—ко мнѣ не смѣть ходить!

— Побойся Бога,—отвѣтила ему Блоха:—дѣвку погубили сами, да еще теперь все попрекаемъ. Ты хочешь въ гробъ ее ввести, что-ли? Богъ ужъ наказалъ насъ нынче, что дочь загубили.

— Не Богъ наказалъ, а люди. Я знаю, что̀ говорю.

— Аль грѣшишь на кого?

— Грѣшу, не грѣшу—дѣло не ваше. Вотъ, Андрей Уварычъ,—прибавилъ онъ, идя на встрѣчу подходившему старшинѣ, такъ, чтобы никто не слыхалъ:—какъ жить-то съ этимъ народомъ? А вѣдь это дѣло его рукъ.

— Ну? Быть не можетъ. Неужто посмѣетъ?

— Видѣть-то я не видалъ, конечно. Я былъ на гумнѣ, когда народъ зашумѣлъ: „пожаръ“; только успѣлъ прибѣжать, а ужъ онъ тутъ таскаетъ у тетки Марѳы, какъ будто старается.

— Гм... всяко бываетъ. Слѣдовъ-то теперь не найдешь.

— Какіе слѣды, коль все село тутъ топталось. Да и свидѣтелей не будетъ. Кто же при людяхъ пойдетъ поджигать?

— Что же? надо сказать становому.

— И говорить не стоитъ. Вѣдь доказательствъ нѣтъ.

— Онъ поразспроситъ. Можетъ, кто и видѣлъ что-нибудь.

— Не стоитъ, Андрей Уварычъ; коли кто что̀ знаетъ, и

такъ извѣстно будетъ; а дознаніемъ мы только его предупредимъ. Лучше другія мѣры принять противъ него.

— Тамъ подумаемъ. Теперь мнѣ надо идти караульныхъ на ночь поставить. Какъ бы вѣтромъ не раздуло. Вотъ горе-то. Шесть дворовъ сгорѣло, да еще зимой—на Николинъ день: Слыханное ли это дѣло? Гдѣ же ты жить будешь, Евтѣй Евтѣичъ?

— Да къ сестрѣ на квартиру пойду. Куда же мнѣ больше? До весны строиться не придется. Убытковъ-то сколько! Такъ бы его и зарѣзалъ, подлеца!

Старшина пошелъ распоряжаться насчетъ ночной стражи. Въ волостномъ правленіи уже сидѣлъ становой и разспрашивалъ о причинѣ пожара. Никто, конечно, не видалъ: загорѣлось со двора тетки Мареы. Не знали даже, изнутри ли, снаружи ли загорѣлось. Когда увидали, вся крыша уже была въ огнѣ. Одинъ старикъ выразилъ увѣренность, что это былъ поджогъ. На вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ отвѣтилъ, что, во-первыхъ, не отъ чего было загорѣться, а во-вторыхъ, потому что ему подозрительнымъ показалось быстрое появленіе Сергѣя Ермакова, который живетъ довольно далеко.

Позвали Сергѣя. На вопросъ, гдѣ онъ былъ, когда загорѣлось, онъ отвѣтилъ, что гулялъ по улицѣ и невдалекѣ отъ пожара чуть не первый его увидалъ.

— А гдѣ ты гулялъ и съ кѣмъ видѣлся?

Сергѣй замялся. Онъ не могъ сказать, что бродилъ вокругъ дома Климачевыхъ, надѣясь увидѣть Машу.

— Да такъ гулялъ, ваше высокоблагородіе, и ни съ кѣмъ не видался.

Отвѣтъ показался подозрительнымъ, но больше отъ него ничего не добились. Становой отпустилъ его, приказавъ еще разъ уряднику прислушиваться къ тому, что̀ будутъ говорить на селѣ.

Евтѣй Евтѣичъ становому никакихъ подозрѣній не высказалъ, а убытки свои оцѣнилъ въ семьсотъ рублей.

Становой поужинать опять заѣхалъ къ Ардальоновой.

— Такъ то вотъ,—говорилъ онъ,—вотъ, вы, барышня, все заступаетесь за Сергѣя Ермакова. Теперь этотъ пожаръ; конечно, уликъ нѣтъ опять достаточныхъ, чтобы его арестовать или привлекать, но посудите сами: малый поздно вечеромъ гуляетъ одинъ, такъ что никто его не видитъ, и притомъ такъ гуляетъ, что къ самому началу пожара онъ—тутъ. Согласитесь, что есть о чемъ подумать.

— Пожалуй, я согласна, что вы можете его подозрѣвать, но позвольте же мнѣ быть убѣжденной, что онъ и въ поджогѣ не виновенъ, какъ не виновенъ онъ въ кражахъ. Николаю Анатольевичу я вѣрю безусловно; а онъ мнѣ ручался, что Сергѣй— прекрасный человѣкъ, котораго преслѣдуетъ судьба. И пока я сама не увижу, что онъ воръ или поджигатель, я буду говорить и повторять, что онъ невиненъ.

— Ахъ, Лиза, какъ ты горячо заступаешься за человѣка, котораго вовсе не знаешь!—замѣтила Нина Николаевна.—Мало ли негодяевъ на свѣтѣ.

— Какъ я его не знаю? А въ холеру я развѣ не была у нихъ съ Михаиломъ Степановичемъ? Да не вы ли съ нимъ хлопотали объ его отцѣ, когда его въ тюрьму сажали? Да и сегодня я его видѣла, какъ онъ работалъ на пожарѣ. Сколько онъ потаскалъ имущества, которое безъ него сгорѣло бы; хотя бы пшено бѣдной Цецарки. А завтра позвольте мнѣ, Нина Николаевна, взять лошадь, на деревню съѣздить. Надо кое-чѣмъ помочь погорѣльцамъ.

— А у тебя деньги есть?

— Михаилъ Степановичъ мнѣ оставилъ на всякій случай.— Говоря это, Лиза покраснѣла.—Да кромѣ Евтѣя Евтѣича всѣ погорѣльцы—бѣдные, въ особенности Марѳа. У нея ничего не успѣли спасти. Еле-еле вытащила она дѣтей и больного мужа, да и тѣхъ раздѣтыхъ.

— Говорю вамъ, барышня,—вы ихъ всѣхъ избалуете.

— Вы ее не увѣрите. Ужъ я и ей, и Мишѣ тысячу разъ это говорила,—да ничего не подѣлаешь. Всѣ у нихъ бѣдные да несчастные. Я на нихъ уже рукой махнула.

Всѣ встали изъ за стола. Становой сталъ прощаться.

Александръ Новиковъ.

РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

НА

ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ

I.

Значеніе всемірныхъ выставокъ обусловливается тѣмъ, что онѣ служатъ не только мѣрилами достигнутыхъ въ разныхъ государствахъ техническихъ и культурныхъ успѣховъ, но и показателями того, что̀ еще остается сдѣлать и въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти впередъ. Съ этой въ особенности точки зрѣнія мы хотимъ повести рѣчь о современномъ положеніи благотворительности въ Россіи по поводу двухъ изданій, предназначенныхъ для парижской выставки.

Одно изъ нихъ озаглавлено: „Русскіе дома трудолюбія, состоящіе подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны по даннымъ 1900 года". Очеркъ этотъ, снабженный діаграммами и фототипіями, роскошно изданъ московской городской думою. Поводомъ къ этому изданію послужило то обстоятельство, что 28 изъ русскихъ домовъ трудолюбія, и въ ихъ числѣ городской домъ трудолюбія въ Москвѣ, отправили на парижскую выставку образцы своего производства или фотографіи, изображающія эти учрежденія, и желательно было познакомить какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ посѣтителей выставки съ этимъ русскимъ учрежденіемъ—въ виду чего очеркъ напечатанъ въ двухъ изданіяхъ; на русскомъ и на французскомъ языкахъ. Но составитель очерка

задавался, кромѣ того, цѣлью содѣйствовать развитію этого дѣла въ Россіи и обратить вниманіе на общія условія нашей жизни и законодательства, отъ которыхъ зависитъ его дальнѣйшій успѣхъ. Мысль связать милосердіе съ требованіемъ труда, проявить благотворительность въ дѣлѣ *трудовой помощи*—великая культурная мысль, но именно поэтому она не могла явиться рано. Милосердіе сначала вездѣ выражается въ формѣ милостыни, которая ничего не требуетъ въ замѣнъ отъ ищущаго помощи; а кромѣ того самая организація трудовой помощи обусловливаетъ собою большія затраты и предполагаетъ уже развитое общество.

Но неразборчивая милостыня подрываетъ трудолюбіе и потому вызываетъ, наконецъ, запрещеніе милостыни и строгія мѣры противъ лицъ, способныхъ къ работѣ, но живущихъ подаяніемъ. Такъ было и въ Россіи при Петрѣ Великомъ, который приказалъ карать подачу милостыни пенею въ 5 р., а здоровыхъ нищихъ отправлять на заводы и въ прядильные дома.

При запрещеніи милостыни, однако, долго не принималось во вниманіе, что не всѣ здоровые нищіе, просящіе милостыню—тунеядцы, а иные по неволѣ принуждены прибѣгать къ милостынѣ за неимѣніемъ работы. Таковымъ, если не давать имъ милостыню, необходимо оказывать трудовую помощь. Въ Россіи эта мысль о трудовой помощи впервые появляется въ законодательствѣ Екатерины Великой, заключающемъ въ себѣ первый систематическій планъ общественнаго призрѣнія. На учреждаемые въ каждой губерніи приказы общественнаго призрѣнія была тогда возложена обязанность учреждать повсемѣстно больницы, богадельни, пріюты для умалишенныхъ, сиротскіе и работные дома, которые должны были принимать и людей, „добровольно“ туда приходящихъ. Задача, возложенная на приказы общественнаго призрѣнія, была, однако, такъ широка и требовала такихъ большихъ средствъ, что благая мысль законодательницы не могла быть осуществлена приказами. Лишь кое-гдѣ и помимо приказовъ возникло въ Россіи нѣсколько работныхъ домовъ. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ учрежденный въ Москвѣ въ 1837 г. работный домъ, находившійся подъ управленіемъ особаго комитета для разбора нищихъ, задерживаемыхъ полиціей. Хотя въ этотъ домъ, по его уставу, должны были быть принимаемы и лица, добровольно въ него приходившія,—онѣ на самомъ дѣлѣ составляли въ немъ рѣдкое исключеніе. Подобный домъ существуетъ и въ Петербургѣ.

Лишь сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ въ законодательствѣ

Екатерины Великой была высказана правительствомъ мысль о необходимости трудовой помощи, въ русскомъ обществѣ явились первыя попытки удовлетворить этой потребности. Онѣ возникали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и потребность эта живѣе ощущалась и гдѣ явились дѣятели, способные къ почину. При такихъ условіяхъ возникло, въ 1882 г., въ Кронштадтѣ учрежденіе, усвоившее себѣ названіе *Домъ трудолюбія*, такъ какъ предназначалось для лицъ, искавшихъ работы. Въ Кронштадтѣ, какъ портовомъ городѣ, всегда было много рабочаго люда, остававшагося по временамъ безъ заработка; въ Кронштадтѣ же при Андреевскомъ Соборѣ, настоятелемъ котораго былъ о. Іоаннъ Сергіевъ, возникло попечительство, развившее широкую просвѣтительную и благотворительную дѣятельность. Въ числѣ устроенныхъ имъ 17 учрежденій была и пенько-щипальная мастерская для мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ заработка.

Четыре года спустя, возникъ въ Петербургѣ „Евангелическій домъ трудолюбія", подъ вліяніемъ и по образцу нѣмецкихъ Arbeiterkolonien. Онъ предназначался не столько для лицъ, случайно оставшихся безъ заработка и искавшихъ кратковременнаго пріюта, сколько для лицъ, сбившихся съ трудовой колеи и нуждавшихся въ продолжительномъ *воспитаніи* и привычкѣ къ трудовой жизни. Въ виду того, уже на 5-й годъ были выдѣлены изъ дома престарѣлые въ особое убѣжище, вслѣдствіе чего въ самомъ домѣ работа могла быть ведена настойчивѣе и усерднѣе. Постепенно увеличивалось и число лицъ, поступавшихъ въ домъ, и число мастерскихъ, для нихъ устроиваемыхъ. Съ каждымъ отчетнымъ годомъ росла смѣта дома трудолюбія и его имущество. Но что̀ еще важнѣе, отчеты представляютъ возростающее число лицъ *пристроенныхъ*, т.-е. болѣе или менѣе окончательно выведенныхъ на путь самостоятельнаго существованія, и въ числѣ лицъ, дѣлавшихъ взносы на содержаніе дома трудолюбія, встрѣчались бывшіе обитатели его. Въ январѣ нынѣшняго года въ евангелическомъ домѣ были одни мужчины—въ числѣ 74.

Въ устройствѣ евангелическаго дома трудолюбія принималъ особенно дѣятельное участіе баронъ О. О. Буксгевденъ. Его и командировало министерство внутреннихъ дѣлъ въ различные провинціальные города въ 1887 — 88 годахъ, чтобы побудить мѣстное общество устроивать дома трудолюбія, какъ средство для „сокращенія нищенства, предупрежденія преступленій, часто совершаемыхъ съ голода, и для содѣйствія развитію народнаго труда".

Многіе провинціальные города отозвались на этотъ призывъ.

Еще раньше (въ 1886 г.) возникъ домъ трудолюбія во Псковѣ; а вслѣдъ за этимъ постепенно возникало почти ежегодно по нѣскольку домовъ трудолюбія, такъ что общее число ихъ достигло въ 1895 г. — 43. Провинціальные дома трудолюбія, сообразно съ мѣстными потребностями, приближались къ одному общему типу. Они не имѣли спеціальнаго характера евангелическаго дома трудолюбія, но, представляя собою весьма часто единственное благотворительное учрежденіе въ городѣ, должны были удовлетворять различнымъ потребностямъ, служа и дѣтскимъ пріютомъ, и богадельней для престарѣлыхъ, и убѣжищемъ для малоспособныхъ къ работѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даже превращались въ исключительно дѣтскіе пріюты. Вездѣ благотворительная задача преобладала надъ соціально-воспитательной. Лишь въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ съ болѣе сильнымъ приливомъ рабочаго люда и бо́льшею примѣсью городского пролетаріата трудовая помощь дѣйствительно стояла на первомъ планѣ.

Такъ стояло дѣло, когда Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ благоугодно было принять дома трудолюбія подъ свое покровительство. Для поощренія дѣла трудовой помощи Государь Императоръ, въ указѣ отъ 1-го сентября 1895 г., „обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ заработка и пріюта“,— повелѣлъ учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія, предназначенное для того, чтобы оказывать „этимъ учрежденіямъ необходимую поддержку и помощь“, а также содѣйствовать пріумноженію ихъ въ Россіи. Во главѣ попечительства былъ поставленъ комитетъ изъ 10 членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государыни. Свое назначеніе поддерживать существующіе дома трудолюбія и содѣйствовать пріумноженію ихъ комитетъ исполнялъ двумя способами: выдачей изъ своихъ средствъ безвозвратныхъ *пособій* преимущественно на постройку зданій для этихъ домовъ—и выдачей денежныхъ *ссудъ* на этотъ предметъ. По первой статьѣ комитетъ истратилъ по январь 1900 года 134.126 руб., изъ которыхъ большая половина—98.888 руб.— были выданы тринадцати учрежденіямъ трудовой помощи въ самомъ Петербургѣ и 35.238 руб.—шестнадцати провинціальнымъ учрежденіямъ. Ссудами было выдано 108.700 руб. двадцати-двумъ провинціальнымъ учрежденіямъ и 5.000 руб. одному изъ петербургскихъ. Всего же—247.826 руб.

Покровительство, оказываемое Государыней Императрицей трудовой помощи, и учрежденіе особаго комитета попечительства о домахъ трудолюбія подъ личнымъ предсѣдательствомъ Ея Ве-

личества оживили всеобщій интересъ къ этой формѣ благотворительности, и со дня указа 1-го сентября 1895 г. въ теченіе двухъ лѣтъ прибавилось къ прежнимъ 43 домамъ трудолюбія еще 38.

II.

Обязанность комитета, по отношенію къ домамъ трудолюбія, не могла, конечно, ограничиваться одной денежной поддержкой ихъ,—надо было также руководить ихъ дѣятельностью; но слѣдить за нею по отчетамъ было невозможно, такъ какъ отчеты не всегда присылались своевременно, и многое, чтò желательно было знать, не попадало въ отчеты. Въ виду этого, комитетомъ, были разосланы въ 1896 г. домамъ трудолюбія *вопросные листы* и, на основаніи отвѣтовъ, доставленныхъ 49-ю домами, было составлено первое обслѣдованіе домовъ трудолюбія [1]). Разсылка вопросныхъ листовъ повторилась въ 1897 году; отвѣты были на этотъ разъ присланы 105-ю домами. Третья разсылка вопросныхъ листовъ была сдѣлана 16-го января нынѣшняго года, и доставленный отвѣтами матеріалъ послужитъ основаніемъ для предлагаемаго нами очерка. Отвѣты эти поступали въ весьма различные промежутки времени и не всегда сообразно съ разстояніемъ. Первымъ—на другой же день—отвѣтилъ домъ трудолюбія въ Галерной-Гавани въ Петербургѣ; въ теченіе января пришло 33 отвѣта. Присылка отвѣтовъ продолжалась весь февраль и мартъ; послѣдніе отвѣты пришли: 4-го апрѣля изъ Хвалынска и 5-го мая—изъ Хабаровска.

Въ спискѣ комитета числится 130 домовъ; отвѣты получены отъ 94. Но изъ этого числа восемь домовъ не сообщили никакого матеріала, такъ какъ или еще не были открыты, или не оказывали трудовой помощи. Такимъ образомъ, у насъ имѣются фактическія данныя о трудовой помощи въ началѣ нынѣшняго года въ 86-ти учрежденіяхъ этого рода.

Однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ для характеристики домовъ трудолюбія является, конечно, ихъ классификація, въ основаніе которой можно положить различные признаки: качество призрѣваемыхъ, количество ихъ, проживаніе ихъ въ домѣ или внѣ его, родъ ихъ занятій и т. п.

Что касается до качества призрѣваемыхъ, т.-е. опредѣленія

---

1) В. И. Герье. „Чтò такое домъ трудолюбія?“ Въ ноябрьской книжкѣ журнала „Трудовая Помощь“ за 1897 г.

ихъ по возрасту и полу, то большинство домовъ трудолюбія представляетъ общій *смѣшанный типъ*, т.-е. соединеніе дѣтскаго пріюта, богадельни для престарѣлыхъ и дома трудолюбія. Изъ 86-ти домовъ въ этомъ отношеніи приходится выдѣлить 16, которые призрѣвали исключительно дѣтей. Но въ 10-ти другихъ количество дѣтей такъ преобладаетъ надъ взрослыми, что они также приближаются собственно къ дѣтскимъ пріютамъ; въ Екатеринштадтѣ, напр., изъ 70-ти призрѣваемыхъ 63 ребенка; въ Люблинѣ на 98 лицъ призрѣваемыхъ—дѣтей 80; въ Слободскомъ—6 взрослыхъ на 26 дѣтей, въ Полтавѣ—58 дѣтей изъ 103 лицъ; въ Радомѣ—80 дѣтей изъ 136; въ Томскѣ—62 изъ 80. Въ особенности слѣдуетъ въ этомъ отношеніи обратить вниманіе на кронштадтскій домъ трудолюбія; въ его отчетѣ число получающихъ трудовую помощь опредѣлено въ 608; но на самомъ дѣлѣ ихъ только 53, такъ какъ въ число 608 вошло 555 дѣтей, изъ которыхъ 110 живутъ въ пріютѣ, а 445 посѣщаютъ начальныя школы попечительства. Относительно пола, 11 домовъ принимаютъ только мужчинъ, 16—только женщинъ, но нѣкоторые изъ послѣднихъ (Елабуга, Плоцкъ) дѣлаютъ при этомъ исключеніе, принимая мальчиковъ.

По отношенію къ вопросу о мѣстѣ проживанія призрѣваемыхъ можно различить три группы домовъ: 36 домовъ имѣютъ у себя только живущихъ, 20—только приходящихъ; въ 30 домахъ встрѣчаются какъ живущіе, такъ и приходящіе.

Важнѣйшими признаками для характеристики домовъ трудолюбія могли бы служить свѣдѣнія о времени пребыванія каждаго призрѣваемаго въ домѣ и свѣдѣнія о работахъ въ домѣ; но правильная регистрація работъ и времени пребыванія каждаго трудолюбца такъ рѣдко производится, что на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ третьимъ обслѣдованіемъ, невозможно дѣлать общихъ заключеній.

Наиболѣе нагляднымъ признакомъ дѣятельности домовъ и средствомъ для ихъ характеристики остается поэтому *количество* призрѣваемыхъ ими лицъ. Этотъ признакъ, впрочемъ, имѣетъ и внутреннее значеніе въ томъ отношеніи, что правильное веденіе дѣла возможно лишь при извѣстномъ минимумѣ призрѣваемыхъ,—не говоря о томъ, что при маломъ количествѣ призрѣваемыхъ содержаніе дома обходится несоразмѣрно дорого.

Если руководиться этимъ признакомъ количества трудолюбцевъ, то можно распредѣлить упомянутые 86 домовъ трудолюбія, за исключеніемъ чисто дѣтскихъ домовъ, на четыре группы: 1) Дома, въ которыхъ число призрѣваемыхъ ниже 20;

если принять во вниманіе, что обыкновенно въ общемъ числѣ показаны и дѣти, и престарѣлые, и неспособные къ работѣ, то такіе дома трудолюбія только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заслуживать свое названіе,—изъ 86 домовъ такихъ было 16. 2) Мелкіе дома трудолюбія, въ которыхъ число призрѣваемыхъ не доходитъ до 50; домовъ этой группы, по свѣдѣніямъ 1900 года, 24. 3) Средніе дома, съ числомъ отъ 50 до 100 призрѣваемыхъ,—18 домовъ. 4) Крупныя учрежденія—12 домовъ: въ Варшавѣ, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Одессѣ, Москвѣ, Петербургѣ (1-й 1897 г.); въ Полтавѣ, Радомѣ, Ростовѣ, Самарѣ, Саратовѣ и Царскомъ-Селѣ. Правда, если исключить дѣтей изъ общаго числа призрѣваемыхъ, тогда нѣкоторые дома должны быть отнесены къ низшей категоріи. Такъ, изъ 4-й группы спустятся въ 3-ю—Кронштадтъ, Полтава, Радомъ; а въ 3-й группѣ останутся лишь Митава, Нижній, с.-петербургскій „евангелическій" и „образованныхъ женщинъ", череповецкій и виленскій.

Въ общемъ итогѣ получается слѣдующій результатъ: въ день полученія высланныхъ 16-го января изъ Петербурга вопросныхъ листовъ (или въ день составленія отвѣта) въ 71 домѣ смѣшаннаго типа, приславшихъ свѣдѣнія, призрѣвалось 3.090 взрослыхъ и 1.533 дѣтей, и кромѣ того, въ 15-ти дѣтскихъ домахъ трудолюбія 740 дѣтей; итого дѣтей—1.273; всего же взрослыхъ и дѣтей въ 86-ти домахъ 5.363 человѣка.

Географически 86 домовъ, уже имѣющихъ у себя призрѣваемыхъ и приславшихъ о себѣ свѣдѣнія, можно распредѣлить на слѣдующія группы: 1) сѣверъ:—архангельская, вятская и вологодская губерніи—6 домовъ; 2) Петербургъ—13; 3) округъ Петербурга—12 домовъ; 4) остзейскія губерніи—2 дома; 5) Западный край—3 дома; 6) польскія губерніи (считая варшавскіе дома за одинъ)—5 домовъ; 7) Москва (не считая городского работнаго дома)—2 и московскій округъ—7; 8) черноземныя губерніи—2; 9) югъ Россіи—9; 10) приволжскія губерніи—13; 11) Кавказъ—2; 12) Уралъ—8 и Сибирь—2.

Какъ было выше указано, наибольшей поддержкой комитета пользовались учрежденія трудовой помощи въ самомъ Петербургѣ, благодаря чему число ихъ здѣсь особенно возросло и замѣчается большое разнообразіе въ назначеніи трудовыхъ учрежденій. Остановимся поэтому на нихъ нѣсколько подробнѣе, насколько къ этому даютъ возможность доставленные не всѣми домами отвѣты.

Три года спустя послѣ основанія евангелическаго дома трудолюбія—въ 1886 г., въ Петербургѣ возникъ другой домъ трудолюбія для бѣднѣйшихъ жителей столицы безъ различія пола и возраста; но вслѣдствіе шестилѣтняго неудачнаго призрѣнія мужчинъ—въ немъ съ 1892 г. призрѣваются лишь женщины, дѣвицы и дѣвочки; 21-го января 1900 г. въ немъ было всего 56 лицъ, а именно: 2 женщины, 25 дѣвицъ и 29 дѣвочекъ, моложе 15-ти лѣтъ. Кромѣ 20-ти живущихъ въ домѣ дѣвочекъ, всѣ прочія были приходящія. Для женщинъ же предназначались и устроенный въ 1894 г. такъ называемый „С.-Петербургскій *первый* для женщинъ домъ трудолюбія" и въ томъ же году—„Большой Охтенскій домъ трудолюбія для женщинъ и дѣтей", въ которомъ въ январѣ 1900 г. было занято работою 45 лицъ, а именно 6 женщинъ, 14 дѣвушекъ и 25 дѣвочекъ моложе 15-ти лѣтъ—всѣ приходящія.

Учрежденіе въ 1895 г. попечительства о домахъ трудолюбія дало новый толчокъ развитію трудовой помощи женщинамъ въ Петербургѣ. Въ томъ же году, на пособіе въ 500 р., отпущенное комитетомъ попечительства, былъ устроенъ обществомъ для вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ св. Троицы небольшой домъ трудолюбія въ Галерной-Гавани. Это—мастерская для приходящихъ. Въ январѣ въ ней было „занято работою" 10 лицъ, причемъ нельзя не отмѣтить, что изъ нихъ двое были 70-ти лѣтъ, трое 60-ти лѣтъ и только двое моложе 40-ка лѣтъ; кромѣ того, шестеро приходятъ въ домъ съ самаго его основанія.

Болѣе интереса, съ точки зрѣнія принципа трудовой помощи, представляетъ возникшій въ 1898 г. домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ, открытый стараніями барона Буксгевдена и получившій отъ комитета пособіе въ 6.000 р. Домъ былъ сначала разсчитанъ на 50 приходящихъ, а потомъ расширенъ для 100 лицъ. Работа, предоставляемая въ домѣ, весьма разнообразна: съ одной стороны, работа интеллигентная—переводы, составленіе отчетовъ, корректура; съ другой стороны, работа механическая — переписка на машинѣ или рукодѣльная. Для лицъ, незнакомыхъ съ рукодѣльемъ, устроена школа шитья и кройки. Въ январѣ нынѣшняго года въ домъ приходили на работу 64 лица, время пребыванія которыхъ въ домѣ показано очень разнообразно; такъ же разнообразна и заработная плата—1 р. 25—45 к., но также 15 и 12 к. Въ теченіе 1899 г. въ домѣ перебывало 227 лицъ, которымъ было выдано заработной платы 3.159 р. Общій итогъ расходовъ исчисленъ въ 9.673 р., а поступленій—въ 15.271 р.

Что же касается до трудовой помощи мужчинамъ, то въ Петербургѣ, кромѣ евангелическаго дома, долго ничего не имѣлось. Учрежденіе попечительства вызвало въ этомъ отношеніи перемѣну къ лучшему. Первый изъ домовъ трудолюбія для однихъ мужчинъ возникъ въ 1896 г., на Петербургской-Сторонѣ. Въ январѣ въ немъ было 30 лицъ, изъ которыхъ 3 престарѣлыхъ; всѣ проживали въ самомъ домѣ. Всѣмъ имъ велся аккуратный списокъ, съ обозначеніемъ семейнаго и общественнаго положенія, причинъ, побудившихъ ихъ поступить въ домъ, а также и времени поступленія, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ другихъ домахъ трудолюбія. Такой списокъ можетъ краснорѣчивѣе всего убѣдить въ необходимости подобныхъ учрежденій. Домъ разсчитанъ на 50 человѣкъ; въ немъ 4 мастерскія. Заработываютъ призрѣваемые въ нихъ отъ 10 до 50 к. Изъ этой платы имъ выдается на руки 20%. Въ расходахъ показано: на продовольствіе 1.222 р.; на заработную плату 426 р., на матеріалъ 604 р.; очень высока статья „ремонтъ и расходъ по дому"—3.683 р. Общій расходъ—6.683 р., такъ что средняя годовая стоимость каждаго призрѣваемаго—223 р. Итогъ поступленій—6.614 р. Домъ имѣлъ въ 1899 г. безвозвратное пособіе отъ комитета.

Въ томъ же 1896 г. возникъ домъ трудолюбія на Глухоозерной улицѣ—для мужчинъ отъ 18 до 60 лѣтъ, на 40 человѣкъ живущихъ, съ 3 мастерскими—для клейки пачекъ на 35, ткацкой на 5 и столярной на 2 чел. Въ январѣ сего года въ домѣ работало 35 чел. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ о 28 лицахъ, 4—находились въ домѣ менѣе одного мѣсяца, большинство (14)—2 мѣсяца, пятеро—отъ 7 до 9 мѣсяцевъ. Заработокъ показанъ отъ 15 к. до 75 к., изъ которыхъ удерживалось 10 к. Въ 1899 г. издѣлія дома были проданы безъ остатка на 1.754 р.; расходъ на заработную плату показанъ въ 1.432 р., на продовольствіе—892 р., общій расходъ въ 4.105 р., что составляетъ, въ среднемъ, при 35 призрѣваемыхъ, около 120 р. въ годъ на каждаго. Общій итогъ поступленій—4.443 р. Отъ попечительства домъ на Глухоозерной улицѣ пособій не получалъ.

11-го февр. 1897 г. открытъ с.-петербургскимъ попечительнымъ обществомъ о домахъ трудолюбія такой домъ для мужчинъ, женщинъ и дѣтей не моложе 10 лѣтъ. Онъ былъ названъ *Первымъ* потому, что общество имѣло въ виду выстроить въ различныхъ мѣстностяхъ Петербурга дома трудолюбія въ количествѣ, соотвѣтствующемъ потребности. Благодаря энергической дѣятельности предсѣдателя общества, с.-петербургскаго градоначаль-

ника, Н. В. Клейгельса, былъ выстроенъ на Обводномъ каналѣ прекрасный каменный двухъ-этажный домъ съ подвальнымъ помѣщеніемъ для кухни и мастерской. Въ отличіе отъ указанныхъ ранѣе домовъ трудолюбія, *Первый домъ* имѣетъ дѣло преимущественно съ оставшейся безъ работы частью чернорабочаго населенія, впавшею вслѣдствіе этого въ крайнюю нищету, выражающуюся уже во внѣшнемъ ея видѣ. Поэтому чрезвычайно цѣлесообразна устроенная въ особомъ зданіи при домѣ трудолюбія баня съ дезинфекціонной при ней камерой. Не менѣе сообразно съ характеромъ призрѣваемыхъ въ этомъ домѣ людей производство въ мастерской подвальнаго этажа *швабръ*, не требующее никакой особой подготовки. Кромѣ этой мастерской на 100 ч. въ домѣ, находится ткацкая на 20 чел., коврики и полотенца которой отличаются большимъ изяществомъ, и столярная на 40 ч. Поденной платы выдается, кромѣ довольствія, отъ 5 до 20 к., смотря по старанію. Помѣщеніе разсчитано на 250 ч. Наивысшее число призрѣвавшихся въ домѣ было 234, наименьшее—15 ч. Въ день полученія вопроснаго листа въ домѣ было 215 ч.; изъ нихъ 7 дѣтей, 19 ж. и 189 мужчинъ. Изъ послѣдняго разряда 50 человѣкъ имѣли ночлегъ въ домѣ. Время пребыванія ихъ въ домѣ не показано. По отчету за 1899 годъ на продовольствіе истрачено 1.491 р.; заработной платы выдано 1.522; на матеріалъ для работы истрачено 4.558; общій расходъ—11.298 р.; за сработанные въ домѣ предметы выручено 6.476 р.; общій итогъ всѣхъ поступленій, съ членскими взносами—4.120, и денежными пожертвованіями—не считая большихъ пожертвованій натурою—14.407 р.

Для совершенно другого слоя населенія предназначенъ домъ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ, возникшій благодаря кружку лицъ, образовавшемуся 11-го ноября 1898 г. у барона О. О. Буксгевдена, на пожертвованіе бывшаго городского головы Ратькова-Рожнова въ 3.000 р. Правленіе дома задается мыслью быть не только „посредникомъ между предлагающими и ищущими интеллигентнаго труда", но и работодателемъ, и съ этою цѣлью проектируетъ приступить къ изданію ряда брошюръ и устроило мастерскую художественнаго труда. Такъ какъ изъ этого дома не получено отвѣта на предложенные ему въ январѣ вопросы, то болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности дома не могутъ быть здѣсь сообщены.

Изъ дѣтскихъ домовъ трудолюбія въ вѣдѣніи попечительства находятся въ Петербургѣ два: домъ для „мальчиковъ подростковъ" въ Галерной-Гавани, съ 1897 г., и пріютъ св. Ольги для

дѣтей до 15-лѣтняго возраста, также съ 1897 г. Въ первомъ изъ нихъ въ январѣ было дѣтей 32, живущихъ и приходящихъ. Для ихъ обученія было приглашено 3 мастера. Въ пріютѣ св. Ольги было 7 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ, начиная съ 6 лѣтъ.

Но наиболѣе выдающееся учрежденіе для дѣтей, непосредственный памятникъ заботъ Ея Величества о трудовой помощи, это—„С.-Петербургскій Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія", основанный 3-го ноября 1897 г. и названный именемъ великой княжны Ольги Николаевны. Пріютъ предназначается для дѣтей, остающихся въ столицѣ безъ призора или пристанища въ возрастѣ: для мальчиковъ отъ 6 до 15 лѣтъ и для дѣвочекъ отъ 6 до 16 лѣтъ. Онъ помѣщается въ Царской-Славянкѣ, а малолѣтнее его отдѣленіе—въ Царскомъ-Селѣ, въ зданіи Императорской Фермы. Щедрой рукой раскинуты въ Царской-Славянкѣ постройки, предназначенныя для того, чтобы дать воспитаніе и пріучить къ труду жалкую и въ извѣстной части уже испорченную дѣтвору, безпризорно скитающуюся по улицамъ громадной столицы—главный домъ съ церковью и центральной кухней, семь домовъ для мальчиковъ на 20 человѣкъ каждый, домъ для дѣвочекъ и малолѣтнихъ, домъ для мастерскихъ, больница, скотный дворъ, молочная, баня съ прачешной, слесарная и кузница, изба для сторожей, ледникъ, конюшня и сарай. Подъ пріютъ отведено 54 десятины. Здѣсь въ январѣ училось и работало 120 призрѣваемыхъ мальчиковъ и 45 дѣвочекъ старше 10 лѣтъ; помимо малолѣтнихъ, помѣщавшихся на фермѣ—всего 189 дѣтей. Пріучаются они какъ къ земледѣльческому труду, такъ и къ ремеслу. Ради послѣдней цѣли при пріютѣ 11 наемныхъ мастеровъ и мастерицъ и пять мастерскихъ: столярная на 60 человѣкъ, слесарная съ кузницей на 40, сапожная на 20, портняжная на 20 и рукодѣльная на 45. Содержится Ольгинскій пріютъ на средства Ихъ Императорскихъ Величествъ, и въ 1899 г. на него отпущено изъ собственной Его Величества канцеляріи 52.877 р. Изъ этой суммы выдано жалованья служащимъ—15.708 р., на продовольствіе—16.259 р., на заработную плату—200 р. (поощрительная плата дѣтямъ), 2.850 р.—на ремонтъ, и на прочія нужды—14.159 р. Въ приходъ поступило 4.125 р., вырученныхъ мастерскими: сапожной—1.472 р. съ коп., портняжной—1.251 р., столярной—915 р., слесарной—485 р.

Совершенно иной оборотъ приняло дѣло трудовой помощи въ Москвѣ: вмѣсто небольшихъ учрежденій, устроенныхъ раз-

личными частными обществами Петербурга, трудовая помощь сосредоточивается въ Москвѣ въ рукахъ городского управленія, которому удалось въ послѣдніе годы создать самое обширное въ этой области и образцовое по своей дѣятельности учрежденіе. Кромѣ этого, трудовая помощь женщинамъ оказывается въ Москвѣ нѣсколькими спеціальными мастерскими.

При городскомъ домѣ трудолюбія находится устроенная въ 1896 г. С. Н. Горбовой, на ея средства, мастерская для приходящихъ женщинъ-швей. Особенность этой мастерской заключается въ томъ, что при ней—ясли для дѣтей тѣхъ матерей, которыя приходятъ работать въ домѣ. 1-го апрѣля въ Горбовскомъ домѣ работало 105 женщинъ, при которыхъ находилось 8 дѣтей. Домъ работаетъ по заказамъ; въ 1899 г. имъ заработано 20.572 р., изъ которыхъ уплачено за матеріалъ 4.597 р., а заработной платы выдано 2.858 р. Такъ какъ всѣхъ рабочихъ дней въ этомъ году показано 16.499, — что составляетъ въ среднемъ, при 285 рабочихъ дняхъ въ году, 58 лицъ, то на каждую посѣтительницу дома приходится общаго заработка въ году около 48 р. Дѣйствительный заработокъ отдѣльныхъ посѣтительницъ очень различенъ, отъ 8 коп. въ день до 1 р. 50 коп. Администрація дома, помимо дешевой столовой при домѣ, обходится въ 170 р. въ мѣсяцъ, т.-е. 2.040 р. въ годъ.

Нѣсколько раньше, въ 1893 г., подобный же домъ трудолюбія для приходящихъ женщинъ былъ основанъ въ Москвѣ А. Н. Стрекаловой, извѣстной своею болѣе чѣмъ сороколѣтнею плодотворной дѣятельностью въ области благотворенія и распространенія образованія. Домъ находится въ завѣдываніи общества „Муравейникъ“ и заключаетъ въ себѣ, кромѣ мастерской для шитья платья и бѣлья, школу шитья и кройки для бѣдныхъ дѣвочекъ и отдѣленіе для раздачи работъ на дому преимущественно бѣднымъ женщинамъ, рекомендуемымъ городскими попечительствами. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ концѣ апрѣля, Сергіевскій домъ давалъ въ то время въ своей мастерской работу 31 женщинѣ—всѣ онѣ приходящія; изъ описанія 1897 г. видно, что онъ давалъ тогда еще работу на домъ 68 женщинамъ. Свѣдѣній о денежныхъ оборотахъ этого дома не представлено.

Кромѣ того, въ Москвѣ имѣются семь швейныхъ мастерскихъ при шести городскихъ попечительствахъ. Три изъ нихъ имѣютъ характеръ учебныхъ мастерскихъ, въ которыхъ обучались 26, 11 и 10 учениц. Остальныя были мастерскими для взрослыхъ. Двѣ мастерскія попечительства 1-го прѣсненскаго участка доставили заработокъ 107 женщинамъ, всего на сумму

1.276 р. Заработокъ въ мастерской 2-го прѣсненскаго участка равнялся 2.431 р., а въ мастерской сущевскаго попечительства—1.352 руб.

Обратимся теперь къ „Московскому Городскому дому трудолюбія“, стоящему особнякомъ отъ разсмотрѣнной выше группы домовъ, которымъ комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія разослалъ вопросные листы.

Въ концѣ 80-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ предложило столичнымъ думамъ вопросъ, предпочитаютъ ли онѣ увеличить пособіе, отпускавшееся ими комитету работнаго дома, или же взять въ свое вѣдѣніе борьбу съ нищенствомъ. Петербургъ предпочелъ сохранить комитетъ. Московская же дума отвѣтила, что она готова взять на себя дѣло комитета, если ей будетъ предоставлено право завести въ городѣ мѣстные органы общественнаго призрѣнія для оказанія помощи нуждающимся и предотвращенія нищенства. Министерство согласилось на это, утвердило проектъ думы, и съ конца 1894-го года въ Москвѣ стали дѣйствовать городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и работный домъ перешелъ въ городское управленіе.

Этотъ переходъ немедленно выразился въ расширеніи и улучшеніи дѣятельности работнаго дома по отношенію къ лицамъ, приводимымъ полиціей за нищенство. При комитетѣ ихъ содержалось въ среднемъ до 100; при городскомъ управленіи ихъ число увеличилось въ первый же годъ (1895) до 150 и затѣмъ, въ 1899, возросло до 603. Всѣмъ этимъ людямъ правленіе дома впервые стало доставлять настоящую работу и заработокъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности по этому вопросу, разсмотримъ здѣсь лишь вновь образовавшійся при работномъ домѣ, какъ особый отдѣлъ его—домъ трудолюбія. Не привыкшее искать трудовой помощи, московское населеніе не сразу проложило себѣ путь въ новый домъ трудолюбія; въ 1896 г. добровольцевъ въ среднемъ числѣ въ домѣ призрѣвалось—48. Но это число быстро возросло. Уже въ слѣдующемъ году среднее число призрѣваемыхъ было—426, въ 1898 г.—795, а въ 1899—796; перебывавшихъ же въ домахъ трудолюбія за этотъ годъ лицъ было 7.377—немного болѣе, чѣмъ лицъ, доставленныхъ полиціей за прошеніе милостыни (7.357). Число искавшихъ трудовой помощи было весьма различно по мѣсяцамъ. Наименьшія числа относятся, конечно, къ лѣтнимъ мѣсяцамъ—іюню (374) и іюлю (309)—ко времени полевыхъ работъ. Но интересно, что какъ

апрѣль, такъ и февраль показываютъ большое уменьшеніе (351)—по случаю пасхи и масляной недѣли и ухода въ деревню. Августъ и сентябрь представляютъ нѣкоторое увеличеніе—536 и 528. Въ октябрѣ число приходящихъ за работой возростаетъ до 720 и доходитъ въ ноябрѣ до своего максимума—1.270; декабрь и мартъ стоятъ на одной высотѣ—902 и 907; январь представляетъ уменьшеніе.

Всѣ эти люди прибѣгаютъ къ дому трудолюбія въ послѣдней крайности. Имущественное положеніе ихъ гораздо хуже тѣхъ, которые доставляются въ работный домъ за прошеніе милостыни. Только семь (7,5) процентовъ добровольцевъ поступаютъ въ одеждѣ годной, и ни у одного изъ нихъ никогда не оказывалось денегъ, между тѣмъ какъ у нищихъ бываютъ на рукахъ деньги отъ копѣекъ до десятковъ и иногда до сотенъ рублей. Кромѣ того, нищіе большею частью обезпечены постояннымъ пристанищемъ, а изъ добровольцевъ только пять (5,4) процентовъ жили на своихъ квартирахъ или у родственниковъ, а 87 процентовъ имѣли свое пребываніе въ ночлежныхъ домахъ.

Ихъ положеніе ухудшалось и становилось, такъ сказать, хроническимъ, вслѣдствіе того, что у 38 процентовъ не было паспортовъ. Въ теченіе послѣдняго года домъ трудолюбія доставилъ паспорты 3.219 человѣкамъ.

Громадное большинство изъ нихъ мужчины—7.211; женщинъ было 166. По происхожденію, большинство изъ 6 прилегающихъ къ Москвѣ губерній—3.348; 2.027—изъ одной московской губерніи, 1.140—изъ Москвы, 852—изъ дальнихъ губерній и 10—иностранцевъ. По времени пребыванія въ Москвѣ, большинство проживало въ этомъ городѣ болѣе 2 лѣтъ; 404—отъ одного года до 2 лѣтъ; 923—менѣе одного года; 761 пробыли менѣе одного мѣсяца.

Принимались въ 1899 г. всѣ приходившіе за трудовой помощью—за исключеніемъ 200 рецидивистовъ, которымъ было отказано; 200 человѣкъ, также рецидивисты, были приняты съ уменьшенной платой, а 13—до заработка извѣстной суммы.

Такая масса людей не могла, конечно, помѣститься въ старомъ работномъ домѣ. Для расширенія его городъ пріобрѣлъ, въ 1897 г., владѣніе Борисовскихъ въ Сокольникахъ, обнимавшее до 10 десятинъ съ нѣсколькими фабричными корпусами. Главный корпусъ былъ приспособленъ съ затратою до 140.000 руб. на надобности дома трудолюбія. Это зданіе въ настоящее время вмѣщаетъ въ себѣ до 2.500 чел. Другой затѣмъ корпусъ былъ приспособленъ для 120 призрѣваемыхъ, страдающихъ хрониче-

скими болѣзнями, какъ изъ нищихъ, такъ и изъ добровольцевъ, а третій—для лицъ, неспособныхъ къ труду. Кромѣ заботы о здоровьѣ призрѣваемыхъ, управленіе дома трудолюбія заботилось также о ихъ духовныхъ нуждахъ. Съ 1897 г. въ домѣ производились духовныя бесѣды и чтенія съ туманными картинами и заведена библіотека, насчитывающая до 2.500 названій.

Но главной заботой управленія—и, конечно, самой трудной—было доставленіе трудолюбцамъ работы и хорошаго заработка. Съ переходомъ дома къ городскому управленію были сначала введены самыя простыя производства (напр. клейка чайныхъ коробочекъ), не требующихъ особаго умѣнья, а также устроены нѣкоторыя мастерскія—сапожная, переплетная и т. п.—для ремесленниковъ. Это дѣло стало развиваться путемъ расширенія помѣщеній и найма спеціальныхъ мастеровъ для руководства работающими—и въ настоящее время ремесленныя мастерскія дома имѣютъ вполнѣ солидный промышленный характеръ съ суммой годичнаго оборота въ 110.000 руб. Эти мастерскія двухъ типовъ: общаго производства, не требующаго подготовки со стороны работающихъ, какъ-то: клейка чайныхъ коробокъ, конвертовъ, пакетовъ, нашивка крючковъ или пуговицъ, плетенье корзинъ и т. п. Второй типъ составляютъ ремесленныя мастерскія—сапожная, переплетная, столярная, обойная, кузнечно-слесарная и шорная. Изъ нихъ въ 1899 г. наибольшую валовую выручку доставили: коробочная—12.511 руб., столярная—15.261 руб., сапожная—16.465 руб. и кузнечно-слесарная—60.658. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ этихъ мастерскихъ работный домъ являлся почти исключительно исполнителемъ заказовъ, вслѣдствіе чего эти мастерскія находились въ зависимости отъ случайности и не всегда могли занимать всѣхъ призрѣвавшихся.

Но уже въ 1895 г. былъ сдѣланъ первый опытъ организаціи артелей изъ трудолюбцевъ, для посылки ихъ на различныя внѣшнія, преимущественно черныя работы, какъ для городскихъ надобностей, такъ и по требованію частныхъ лицъ. Послѣднимъ моментомъ явилась организація *общественныхъ работъ*, какъ по ремонту городскихъ зданій, такъ и асфальтовыхъ. Эти работы—въ 1899 г. на 170.000 руб.—оказались выгодными для города еще и потому, что дали ему возможность нормировать цѣны на заказы города частнымъ подрядчикамъ. Какъ быстро и широко развивалась организація трудовой помощи при домѣ—видно изъ того, что въ 1896 г. рабочихъ дней, проведенныхъ въ домѣ, было 30.129; въ слѣдующемъ году ихъ число возросло до 89.798; въ 1898 г. составило—183.521, а въ 1899—232.241.

Чѣмъ значительнѣе число дней, проведенныхъ призрѣваемыми въ домѣ, тѣмъ труднѣе для управленія находить для всѣхъ постоянную работу. Достоинство организаціи работъ въ московскомъ городскомъ работномъ домѣ и энергія его управленія поэтому въ особенности ярко проявляются въ сравнительно небольшомъ количествѣ незанятыхъ дней. Общее число проведенныхъ трудоспособными призрѣваемыми въ домѣ составляетъ 393.883 дня; изъ нихъ проведенныхъ за работою дней было—232.241 день; но если исключить изъ числа 393.883 дней праздничные дни, дни болѣзни, дни, проведенные въ *сборномъ* отдѣленіи, и т. п., то останется дней, которые могли бы быть использованы работою—271.724. Слѣдовательно, по вычетѣ изъ этой цифры 232.241 дня дѣйствительной работы, лишь оказавшійся остатокъ въ 39.483 дня представитъ количество дней, проведенныхъ безъ работы, что составляетъ—14,5% общаго числа дней. Другими словами, изъ общаго числа призрѣваемыхъ—138 человѣкъ, въ среднемъ, оставались ежедневно безъ работы.

Это число—232.241 рабочихъ дней—распредѣляется слѣдующимъ образомъ между упомянутыми выше работами: на внѣшнихъ работахъ проведено — 78.862 дня, въ мастерскихъ—77.495, на работахъ по дому—47.550 и на городскихъ работахъ—28.235 дней. Изъ этихъ работъ наиболѣе выгоды, какъ для дома, такъ и для самихъ рабочихъ, представляла работа асфальтовая: въ среднемъ, 24 коп. рабочему и 94 коп. дому; мастерскія давали рабочему, въ среднемъ, заработокъ въ 18 коп. и дому 30 коп.; внѣшнія работы—22 и 47 коп.; работы для дома давали рабочему 8 коп. Съ расширеніемъ дѣятельности работнаго дома и производствомъ болѣе выгодныхъ работъ сталъ увеличиваться и заработокъ призрѣваемыхъ: въ 1897 г. онъ выразился, въ среднемъ, въ суммѣ 37 коп. за одинъ рабочій день (заработокъ призрѣваемаго и остатокъ въ пользу дома) въ 1898 г. 38,8 коп., а въ 1899 г.—47,7 коп.

Въ общемъ результатѣ эта работа доставила валовой выручки, т.-е., со включеніемъ расходовъ на матеріалъ—332.003 р. Главную часть этой выручки—161.285 руб. доставили внѣшнія работы, 11.120 руб.—мастерскія, 48.503 руб.—внѣшнія работы и т. д.

Причисливъ къ валовой выручкѣ отъ работы и издѣлій 17.619 руб., поступившихъ отъ тюремнаго отдѣленія въ возмѣщеніе за продовольствіе нищихъ въ домѣ и небольшую сумму процентовъ съ капитала дома, мы получимъ въ общемъ приходѣ дома 353.401 руб.

Изъ этой суммы выдано на руки призрѣваемымъ заработной платы—42.184 руб., не считая той части заработка, которая пошла въ возвратъ городскимъ расходамъ.

Содержанiе такого числа призрѣваемыхъ, управленiе такой обширной организацiей и матерiалъ для работъ (ремонтныхъ) и издѣлiй обходились, конечно, не дешево. На матерiалъ истрачено въ круглыхъ цифрахъ 173.000 р.; продовольствiе стоило 55.000 руб.; отопленiе и освѣщенiе—12.000 руб.; одежда, обувь, бѣлье и стирка его—11.500 руб.; администрацiя и канцелярiя—33.000 руб. Общiй расходъ достигъ цифры 421.966 руб., такъ что городскому управленiю пришлось нести расходъ на работный домъ и домъ трудолюбiя въ 68.564 руб.

Но необходимо при этомъ принять во вниманiе, что часть этихъ тратъ идетъ на неизбѣжную борьбу съ нищенствомъ; другая—спасаетъ отъ нищенства или полнаго изнуренiя и нравственнаго растлѣнiя ежегодно нѣсколько сотъ трудоспособныхъ людей: 28-го марта 1900 г. въ московскомъ работномъ домѣ со включенiемъ трудолюбцевъ было занято работою 1.262 человѣка (изъ которыхъ 82 женщины); содержалось: неспособныхъ къ работѣ 503 взрослыхъ, дѣтей 38; взрослыхъ, способныхъ къ работѣ, но не занятыхъ—50 и 97 въ сборномъ отдѣленiи; всего же было укрыто отъ нужды и порока 1.950 человѣкъ изъ городского населенiя.

Болѣе живое представленiе о домахъ трудолюбiя, чѣмъ предшествовавшая характеристика ихъ, дадутъ выставленные ими на парижской выставкѣ предметы. Здѣсь наглядно проявляется и работа людей, которымъ была оказана трудовая помощь, и заботы о нихъ со стороны учредителей и руководителей домовъ трудолюбiя. Въ выставкѣ участвуютъ 28 учрежденiй трудовой помощи; изъ нихъ 8 знакомятъ съ собой посѣтителей фотографiями. Между экспонатами другихъ преобладаетъ женское рукодѣлiе отъ самыхъ простыхъ работъ, которыя можетъ исполнить неопытная работница, до самаго тонкаго, изящнаго шитья, обличающаго опытную мастерицу и хорошую школу шитья и кройки. Особенно въ этомъ отношенiи отличаются разнообразiемъ и изяществомъ экспонаты „Московскаго Муравейника". Къ швейному производству въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединяется выпилка деревянныхъ вещей. Въ другихъ случаяхъ преобладаетъ ремесленное производство, болѣе или менѣе легко доступное, разсчитанное на крестьянскiя потребности (Козьмодемьянскъ и Ростовъ на-Дону), щеточное и желѣзодѣлательное (Тула), щеточное и столярное (Минскъ), коробочное (Елецъ). Особенный интересъ

представляютъ тѣ экспонаты, которые имѣютъ мѣстный характеръ или мѣстное назначеніе; въ первомъ случаѣ, напр., можно указать на соломянки польскихъ домовъ трудолюбія (Варшава, Сувалки, Люблинъ), на издѣлія изъ корня въ Слободскомъ, разноцвѣтныя брони Симбирска и бруски Калуги; во второмъ случаѣ—на произведенія нижегородскаго дома трудолюбія, приспособленныя къ потребностямъ жизни на большой рѣкѣ — спасательные круги, кранцы, маты и т. д. Но особеннымъ разнообразіемъ поражаютъ экспонаты саратовскаго и череповецкаго домовъ трудолюбія; здѣсь—все, отъ всевозможныхъ ткацкихъ издѣлій, бѣлья, чулокъ, желѣзныхъ, жестяныхъ и столярныхъ издѣлій до мелочей, какъ коробки для петардъ и подчасники.

Съ размноженіемъ и развитіемъ домовъ трудолюбія стало рости и то учрежденіе, которое было призвано покровительствовать имъ—попечительство о домахъ трудолюбія, и стали усложняться обязанности и задачи комитета. Для успѣха трудовой помощи было важно не только привлекать пожертвованія на это дѣло и давать пособія домамъ трудолюбія, но и позаботиться о распространеніи въ русскомъ обществѣ правильныхъ представленій о благотворительности и о правильной организаціи ея.

Съ этой цѣлью Ея Величество пожертвовала капиталъ въ 20.000 р., для образованія изъ процентовъ съ него преміи въ 1.500 р., выдаваемой черезъ три года за лучшее сочиненіе по благотворительности, и 500 р.—за лучшій переводъ. Въ нынѣшнемъ году происходила первая выдача премій. На конкурсъ было представлено 10 сочиненій, изъ которыхъ два были удостоены половинной преміей въ 750 р., а три—похвальнаго отзыва; два перевода были удостоены преміями въ 400 р. и въ 100 р. Для вящшаго поощренія соціально-филантропической литературы Ея Императорское Величество увеличила въ настоящее время основной капиталъ на 50.000 р., такъ что онъ нынѣ представляетъ сумму въ 70.000 р., изъ процентовъ съ которой будетъ выдаваться одна большая премія въ размѣрѣ 2.000 р., одна въ 1.000 р. и двѣ по 750 р.

Съ тою же цѣлью распространенія правильныхъ представленій о благотворительности и трудовой помощи, при комитетѣ съ 1897 г. издается особый журналъ „Трудовая Помощь“, выходящій десятью книжками въ годъ, подъ редакціей В. Дерюжинскаго.

Въ Россіи давно ощущалась потребность въ такомъ спеціальномъ органѣ по благотворительности, и была попытка удовлетворить этой потребности. Но безъ Высочайшаго покровительства

не могъ выходить такой журналъ, который, подобно „Трудовой Помощи", систематически знакомитъ публику какъ съ тѣмъ, что̀ дѣлается въ области благотворительности, такъ и съ тѣмъ, что̀ должно быть сдѣлано. Помѣщая у себя оригинальныя статьи по разнымъ вопросамъ трудовой помощи, редакція журнала въ особенности старается сосредоточить въ своей хроникѣ всякаго рода свѣдѣнія, необходимыя для всякаго, кто желаетъ слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлается въ области общественнаго призрѣнія. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи сообщенія, доставляемыя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ членовъ россійскихъ миссій и консульствъ за границей.

Дѣятельность комитета весьма скоро привела членовъ его къ убѣжденію въ необходимости расширенія программы попечительства и его организаціи. Съ этою цѣлью была образована среди комитета особая коммиссія для обсужденія этого вопроса и подготовленія новаго проекта устава.

Этому же вопросу была посвящена и рѣчь, произнесенная во второмъ годичномъ собраніи попечительства о домахъ трудолюбія 22 мая 1898 года однимъ изъ членовъ комитета [1]). Разсмотрѣвъ вопросъ о количествѣ безработныхъ въ разныхъ государствахъ Европы и въ Америкѣ, авторъ рѣчи сдѣлалъ разборъ тремъ главнымъ видамъ трудовой помощи въ Европѣ, имѣющимъ цѣлью: 1) облегчить не имѣющимъ заработка найти работу—посредническія учрежденія; 2) обезпечить во время безработицы тѣхъ, кто остается безъ работы—страхованіе, и 3) вызвать новый спросъ на работу—дома трудолюбія, рабочія колоніи и общественныя работы. Обратившись затѣмъ къ Россіи, авторъ упомянулъ о томъ, какая великая будущность ожидаетъ попечительство о домахъ трудолюбія, если оно станетъ во̀-время *центральнымъ органомъ* и руководителемъ усилій, направленныхъ къ развитію въ Россіи трудовой помощи. Дѣятельность попечительства могла бы особенно благотворно проявиться во время кризисовъ въ жизни сельскаго населенія, которые неизбѣжны въ земледѣльческой странѣ.

Эти слова оказались, къ сожалѣнію, пророчествомъ, слишкомъ скоро осуществившимся.

Повторившійся въ приволжскихъ губерніяхъ въ 1898 г. неурожай имѣлъ такіе размѣры, что ни земская помощь, ни помощь Краснаго Креста и частныхъ обществъ не были въ со-

---

[1]) Рѣчь В. И. Герье, съ добавленіями, напечатана въ октябрьской книгѣ „Трудовой Помощи" за 1898 г.

стояніи предотвратить нужду мѣстнаго населенія, выражавшуюся въ сильномъ развитіи болѣзней и полнѣйшемъ упадкѣ многихъ крестьянскихъ хозяйствъ. При такихъ условіяхъ учрежденію, призванному, согласно съ царскимъ словомъ, оказывать трудовую помощь терпящимъ крайнюю нужду, было невозможно не придти на помощь голодающему населенію. Съ этою цѣлью комитетъ постановилъ, съ разрѣшенія Ея Величества, командировать на Волгу двухъ изъ своихъ членовъ, д. т. сов. М. Н. Галкина-Враскаго и барона О. О. Буксгевдена. Уполномоченные комитета отправились на Волгу въ концѣ апрѣля съ нѣсколькими помощниками и сотрудниками. Дѣятельность ихъ распространилась на пять губерній: казанскую, вятскую, симбирскую, уфимскую и самарскую, охвативъ цѣлый рядъ находящихся въ нихъ уѣздовъ. О дѣятельности М. Н. Галкина-Враскаго и его помощника по симбирской губерніи, Е. Д. Максимова, напечатаны краткіе отчеты въ 4 книжкахъ „Трудовой Помощи". Дѣятельность эта принимала, смотря по мѣстнымъ условіямъ, весьма разнообразный характеръ, выражаясь или въ производствѣ различныхъ земляныхъ работъ, которыя, давая мѣстному населенію заработокъ, въ то же время прочно содѣйствовали мѣстному благосостоянію—укрѣпленіе и насажденіе овраговъ, защита полей отъ песковъ и т. д., или же въ устройствѣ яслей и подспорьѣ мѣстному кустарному промыслу.

Значеніе этой дѣятельности можно будетъ вполнѣ оцѣнить, когда выйдетъ въ свѣтъ предполагаемый къ изданію оффиціальный отчетъ въ 30 печатныхъ листовъ. Отчетъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Отдѣлъ первый — общественныя работы — въ свою очередь будетъ распадаться на группы: по водоснабженію, по дорожнымъ сооруженіямъ, по укрѣпленію овраговъ, по осушенію болотъ, по борьбѣ съ песками, по строительнымъ работамъ, по устройству жилыхъ и холодныхъ помѣщеній. Второй отдѣлъ будетъ обнимать различныя новыя учрежденія трудовой помощи. Въ третьемъ отдѣлѣ будетъ идти рѣчь о пособіяхъ, оказанныхъ существующимъ уже учрежденіямъ трудовой помощи. Четвертый отдѣлъ будетъ касаться снабженія крестьянъ матеріалами и орудіями различныхъ производствъ и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Въ пятый отдѣлъ войдутъ ясли, а въ шестой—остальныя формы трудовой помощи. Особенный интересъ будетъ представлять введеніе, гдѣ будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о значеніи трудовой помощи крестьянскому населенію, пострадавшему отъ неурожая, и о поддер-

жаніи попечительствомъ насажденныхъ имъ постоянныхъ учрежденій трудовой помощи.

Какъ разнообразна была помощь, оказанная неурожайнымъ губерніямъ и какъ многихъ пунктовъ она коснулась,—объ этомъ можетъ дать представленіе слѣдующій краткій подсчетъ того, что было сдѣлано помощникомъ уполномоченнаго, Е. Д. Максимовымъ, въ четырехъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздахъ симбирской губерніи: оказана или подготовлена трудовая помощь по 15-ое іюня всего въ 143 населенныхъ пунктахъ: 1) въ 35 селеніяхъ общественныя работы по водоснабженію или улучшенію водъ, укрѣпленію овраговъ, осушенію болотъ, устройству запрудъ, гатей, дорожныхъ сооруженій, школьныхъ зданій; 2) въ 40 селеніяхъ—ясли или дневные пріюты; 3) въ 7 селеніяхъ магометанъ, не отпускающихъ дѣтей въ ясли—кормленіе ихъ на дому; 4) приблизительно въ 40 селеніяхъ—предоставленіе небольшого заработка извозомъ; 5) въ 9 селеніяхъ—раздача сырыхъ матеріаловъ для кустарныхъ производствъ; 6) въ 2 городахъ—устройство складовъ сырья и инструментовъ; 7) въ 10 мѣстахъ—двухъ временныхъ и двухъ постоянныхъ трудовыхъ пріютовъ, двухъ учебныхъ мастерскихъ, одной посреднической конторы и трехъ дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія.

Опытъ скоро показалъ, что двухъ предположенныхъ мѣсяцевъ недостаточно для приведенія въ исполненіе всѣхъ начатыхъ видовъ трудовой помощи, и командировка уполномоченнымъ съ ихъ помощниками была продолжена до 1-го сентября. Всего на трудовую помощь въ приволжскихъ губерніяхъ за лѣто 1899 г. было истрачено комитетомъ 222.500 рублей, и къ этому присоединились 20.000 рублей, назначенныхъ въ 1900 г. на аккерманскій уѣздъ въ Бессарабіи, вслѣдствіе постигшаго его неурожая.

Эта щедрая и своевременная помощь, оказанная комитетомъ нуждающемуся населенію неурожайныхъ губерній, служитъ доказательствомъ, что сама жизнь вывела попечительство о домахъ трудолюбія изъ поставленныхъ ему первоначальныхъ рамокъ и открыла предъ нимъ болѣе широкое поприще дѣятельности. Сообразно съ этимъ должно измѣниться и „Положеніе“, которымъ оно руководится. И на самомъ дѣлѣ коммиссія изъ членовъ комитета въ проектѣ новаго положенія, подлежащаго нынѣ разсмотрѣнію комитета, слѣдующимъ образомъ формулировала цѣль, которой должно служить попечительство: „озабочиваться основаніемъ различныхъ учрежденій трудовой помощи, какъ-то: домовъ трудолюбія разныхъ типовъ, рабочихъ колоній, учебныхъ мастер-

скихъ съ ремесленными классами и показательными выставками, дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія по образцу Ольгинскаго, складовъ для снабженія нуждающихся матеріалами и орудіями производства, а также для сбыта ихъ произведеній, дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, яслей, ночлежныхъ домовъ, временныхъ пристанищъ и бараковъ для отхожихъ рабочихъ, дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и т. п."

Такова широкая программа, которую ставитъ себѣ въ настоящее время попечительство о домахъ трудолюбія. Высокое покровительство, которымъ оно пользуется, даетъ основаніе надѣяться, что эта программа будетъ утверждена правительствомъ и что попечительство о домахъ трудолюбія превратится въ „попечительство трудовой помощи". По мѣрѣ того, какъ во всѣхъ странахъ напряженный трудъ все болѣе и болѣе становится необходимымъ условіемъ какъ личнаго благоденствія, такъ и общаго преуспѣянія, забота о тѣхъ, которые ищутъ и не находятъ случая примѣнить къ дѣлу свой трудъ, становится предметомъ общественнаго интереса, и для блага Россіи эта забота обратила на себя вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Однако судьба домовъ трудолюбія и успѣхъ трудовой помощи находятся въ полной зависимости отъ *общей* постановки призрѣнія въ странѣ. Несмотря на великодушные завѣты императрицы Екатерины II, вошедшіе въ русское законодательство, несмотря на интересъ къ этому дѣлу со стороны императора Александра I, общественное призрѣніе находится въ Россіи въ зачаточномъ развитіи. Императоръ Александръ III поручилъ статсъ-секретарю К. К. Гроту составить особую коммиссію для пересмотра существующихъ законовъ о призрѣніи. Коммиссія разработала проектъ систематической организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи на основаніи опыта заграничныхъ странъ и примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Болѣзнь предсѣдателя задержала окончательное разрѣшеніе дѣла; но министерство внутреннихъ дѣлъ, представитель котораго принималъ участіе въ работахъ коммиссіи, разработало проектъ и внесло его въ государственный совѣтъ. Перемѣна министра пріостановила разсмотрѣніе проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Отъ судьбы этого проекта зависитъ въ значительной степени и успѣхъ дѣла попечительства о домахъ трудолюбія и трудовой помощи; ибо успѣшная дѣятельность центральнаго учрежденія обусловливается преуспѣяніемъ мѣстныхъ учрежденій трудовой помощи, — а послѣднимъ большею частью недостаетъ денегъ и людей. Деньги же и люди могутъ найтись только въ мѣстныхъ

общественныхъ ȯрганахъ—въ земствахъ и думахъ, образчикомъ чего можетъ послужить вышеприведенная исторія московскаго дома трудолюбія. А потому нужно имѣть въ виду, что широкое и прочное развитіе у насъ *трудовой помощи* предполагаетъ систематическое преобразованіе законовъ и мѣстныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія—въ духѣ современныхъ понятій и потребностей.

II.

На ряду съ учрежденіями для трудовой помощи, другую, вызванную потребностями современной жизни, форму благотворительности представляютъ мѣстныя *попечительства* о бѣдныхъ (городскія или земскія).

По двумъ своимъ свойствамъ *попечительство* является наиболѣе соотвѣтствующей современнымъ потребностямъ формой благотворительности, и потому особенно желательной по своей организаціи и по кругу задачъ, которыя оно преслѣдуетъ. Главными дѣятелями въ области благотворительности были въ Россіи до сихъ поръ—вліятельныя и снабженныя большими средствами учрежденія, принимавшія характеръ особыхъ *вѣдомствъ*, бюрократически организованныхъ. Эти учрежденія, конечно, охотно привлекали къ себѣ новыхъ членовъ и жертвователей, но ближайшею цѣлью для этихъ членовъ-жертвователей бывало пріобрѣтеніе этимъ путемъ почетнаго положенія и служебной карьеры, а потому это не измѣняло бюрократическаго характера учрежденія. Съ другой стороны, такая организація дѣлала благотворительныя вѣдомства болѣе способными къ устройству постоянныхъ учрежденій, благотворительныхъ или учебныхъ, чѣмъ къ неустанной ежедневной борьбѣ съ мѣстной нуждой въ ея вѣчно измѣняющихся видахъ.

Иллюстраціей этого можетъ послужить исторія „Человѣколюбиваго Общества“. Поводомъ къ созданію этого учрежденія послужили знаменательныя слова императора Александра I въ рескриптѣ на имя камергера Витовтова: „Растроганнымъ быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества не есть еще благодѣяніе. Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ“.

Слова эти были сказаны подъ впечатлѣніемъ замѣчательной организаціи филантропіи въ Гамбургѣ, съ которой познакомился государь. Чтобы перенести эту организацію на русскую почву, по волѣ императора было учреждено въ Петербургѣ по-

печительство о бѣдныхъ; на членовъ послѣдняго была возложена обязанность *посѣщать* бѣдныхъ и выдавать имъ на основаніи тщательныхъ изслѣдованій единовременныя пособія или постоянныя пенсіи. На эту помощь государемъ была назначена сумма въ 40.000 р. въ годъ, которая съ 1 января 1810 г. была увеличена ежемѣсячной ассигновкой въ 3.000 руб.

Изъ этого попечительства образовалось „Человѣколюбивое Общество"; въ настоящее время это—обширное вѣдомство, подъ вѣдѣніемъ котораго находятся 220 учрежденій съ недвижимымъ имуществомъ въ 10 милліоновъ и съ капиталомъ почти въ семь милліоновъ—всего 17.345.749 руб. Съ 1816 г. это общество получило пожертвованій и доходовъ безъ малаго на 58 милліоновъ.

Но что сталось съ завѣтомъ государя относительно посѣщенія бѣдныхъ и помощи имъ? *Обязанность* посѣщать бѣдныхъ была скоро замѣнена *правомъ* членовъ совѣта посѣщать „страждущихъ, бѣдныхъ и заключенныхъ", а затѣмъ совѣтъ призналъ нужнымъ употреблять значительнѣйшую часть своихъ доходовъ на доставленіе бѣднымъ *прочнаго* призрѣнія, т.-е. на устройство заведеній; обязанность же посѣщенія бѣдныхъ была возложена на „комитетъ изъ 15 лицъ недостаточнаго состоянія", получавшихъ сами денежное пособіе, „не превышающее 1200 р.". Въ 1858 же году эти попечители были освобождены отъ участія въ назначеніи пособія бѣднымъ. Прошенія по производствѣ обслѣдованія передавались обратно въ канцелярію совѣта, „а послѣдняя, по надлежащемъ разсмотрѣніи, докладывала все дѣло помощнику главнаго попечителя, отъ котораго зависитъ назначеніе пособія или отказъ".

Кромѣ Человѣколюбиваго Общества и другихъ крупныхъ благотворительныхъ учрежденій или вѣдомствъ съ бюрократической организаціей, у насъ издавна существовали и многочисленныя частныя или мѣстныя благотворительныя общества. Но эти общества или спеціализировали свои задачи (призрѣніе слѣпыхъ женщинъ, безпризорныхъ дѣтей и т. п.), или не обладали достаточными средствами, чтобы вести систематическую борьбу съ мѣстной нуждой. Вести такую борьбу, поднять частную и случайную благотворительность на степень *общественнаго призрѣнія* — по силамъ только *общественнымъ* органамъ, городскимъ думамъ и земству. Изъ этой идеи и возникли въ концѣ 1894 г. московскія городскія попечительства о бѣдныхъ. „Вѣстникъ Европы" удѣлилъ имъ вниманіе какъ при самомъ возникновеніи ихъ, такъ и при разсмотрѣніи ихъ отчетовъ за второй годъ ихъ

дѣятельности [1]). Съ тѣхъ поръ прошло уже три года, и потому мы считаемъ не излишнимъ сообщить дальнѣйшія свѣдѣнія о ихъ дѣятельности по поводу составленнаго на французскомъ языкѣ и отправленнаго въ Парижъ описанія ихъ.

Какъ въ организаціи, такъ въ дѣятельности и въ средствахъ этого молодого учрежденія можно отмѣтить движеніе и ростъ—залогъ дальнѣйшаго развитія. Организація его, приноровленная къ мѣстнымъ условіямъ, не измѣнилась, но развивается въ данномъ ей направленіи; согласно съ этимъ одно изъ попечительствъ, слишкомъ обширное, обнимавшее 4 полицейскихъ участка, раздробилось на четыре, такъ что всѣхъ попечительствъ въ настоящее время насчитывается 28 (при 27 попечителяхъ). Хотя срокъ попечителей, избираемыхъ на 4 года, за это время истекъ, составъ ихъ почти не измѣнился, что нельзя не считать весьма хорошимъ признакомъ. Мало измѣнился и составъ членовъ совѣта; измѣнчивѣе, конечно, составъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ очень много молодежи изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но въ общемъ число ихъ не уменьшается—измѣняется оно лишь по отдѣльнымъ попечительствамъ и въ отношеніи половъ. По отчетамъ за 1898 г. мужчины составляли 56% общаго числа, женщины—44%.

Дѣлопроизводство и отчетность городскихъ попечительствъ указываютъ на пріобрѣтенную ими опытность и на стараніе городской управы ввести въ это дѣло необходимую точность и контроль. Благодаря этому, уже является возможность дѣлать нѣкоторые общіе выводы о числѣ и разрядахъ московскихъ бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе отъ городскихъ попечительствъ. По даннымъ 1898 г., таковыхъ было 12.097, въ томъ числѣ 1.765 мужчинъ и 16.332 женщины. Но изъ этого общаго числа 5.597 лицъ явились представителями семей, которыя въ общей сложности состояли изъ 20.757 членовъ, такъ что всѣхъ лицъ, получившихъ непосредственно или косвенно помощь отъ попечительствъ, было 27.257, что составляетъ около 2,7% населенія города.

Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность разбить это число на разряды по возрастамъ и—что особенно важно—установить до извѣстной степени *причины* ихъ нужды.

---

[1]) См. „Опытъ городского попечительства", „Вѣстн. Европы" окт. 1896, и „Второй годъ гор. поп. въ Москвѣ", „Вѣстн. Европы" окт. 1897.

Такъ изъ упомянутаго числа 12.097:

60 лѣтъ и старше	33%
отъ 40 до 59 лѣтъ	34 „
„ 20 „ 39 „	25 „
моложе 20 лѣтъ	2 „
не обозначено	4 „

Причиною нужды показаны:

дряхлость и болѣзнь	48%
многосемейность	14 „
семейныя несчастія	8 „
отсутствіе работы или плохой заработокъ	11 „
сиротство	1 „
причины разныя или необозначенныя .	18 „

Однако, распредѣленіе по возрасту и по причинамъ нужды показываетъ совершенно другую картину, если произвести его отдѣльно для одинокихъ и для семейныхъ.

У одинокихъ 6.038 сильно преобладаетъ преклонный возрастъ: 53% изъ нихъ—лица отъ 60 лѣтъ и старше, 25%—старше 50 лѣтъ; а между причинами бѣдности—дряхлость или болѣзненность составляютъ 83%. У семейныхъ же на первомъ планѣ среднiй возрастъ: 50% изъ нихъ женщины отъ 20 до 39 лѣтъ, 37%—отъ 40 до 59, и 9%—старше 59 лѣтъ. Между причинами же нужды семейныхъ женщинъ на первомъ планѣ многосемейность—40%; различныя семейныя несчастія (смерть мужа, весьма нерѣдко его уходъ, пьянство или его заключеніе въ острогъ) обусловливаютъ собою нужду 20%; отсутствіе работы или малый заработокъ—19%, и столько же—слабость и болѣзнь.

Что касается до многосемейности, то у 46% дѣтей отъ 4 до 8; у 22%—трое дѣтей, у 30%—двое дѣтей.

Эта выраженная здѣсь въ цифрахъ краткая картина нужды предопредѣлила дѣятельность попечительствъ, побуждая ихъ пристроивать однихъ — престарѣлыхъ и дѣтей — въ убѣжищахъ и пріютахъ, другимъ—помогать на дому... Какъ было указано въ „Вѣстникѣ Европы“, по поводу перваго отчета попечительства, 17 изъ нихъ уже въ первый годъ открыли у себя богадельни на 668 престарѣлыхъ. Въ этомъ направленіи продолжалась ихъ дѣятельность, и на пятый годъ у нихъ уже было 37 убѣжищъ для 1.287 престарѣлыхъ.

То же самое мы видимъ и по отношенію къ яслямъ, большею частью превращающимся по необходимости въ постоянные

дѣтскіе пріюты. Уже въ теченіе перваго года 11 попечительствъ устроили у себя дѣтскіе пріюты и дали въ нихъ убѣжище 342 дѣтямъ. Дѣтскіе пріюты сдѣлались излюбленнымъ предметомъ интереса и заботъ со стороны женскихъ членовъ попечительствъ, и это отчасти объясняетъ быстрое увеличеніе ихъ числа. По отчету за пятый годъ, одно лишь попечительство не имѣло такого пріюта. Всѣхъ пріютовъ было 33; въ нихъ находилось 850 дѣтей, и въ этомъ числѣ уже преобладали живущіе—450 на 400 приходящихъ.

Къ этимъ учрежденіямъ *закрытаго* призрѣнія (in door relief), нужно еще прибавить такъ называемыя *коечныя* или безплатныя квартиры для одинокихъ-престарѣлыхъ, въ которыхъ находили чистый и здоровый пріютъ 175 человѣкъ.

Заслуга городскихъ попечительствъ относительно закрытаго призрѣнія не ограничивается тѣмъ, что они призрѣли болѣе 2.000 престарѣлыхъ и дѣтей, и что они призрѣваютъ ихъ на половину дешевле, чѣмъ это возможно въ городскихъ и общественныхъ богадельняхъ; эта заслуга заключается еще въ томъ, что они привлекли на это дѣло вниманіе общества и обезпечили дальнѣйшее развитіе этой отрасли общественнаго призрѣнія. Частныя лица и городъ, такъ сказать, наперерывъ дѣлали на этотъ предметъ пожертвованія, благодаря которымъ Москва украсилась цѣлымъ рядомъ новыхъ цѣлесообразныхъ сооруженій, которыя будутъ служить памятникомъ этого благороднаго движенія среди московскаго общества. Починъ былъ сдѣланъ попечителемъ 2-го мѣщанскаго участка, Ѳомичевымъ, который, получивъ пожертвованіе въ 10.000 р. на постройку особой богадельни, исходатайствовалъ для этого у думы участокъ городской земли въ 600 кв. саженъ. Его примѣру послѣдовали въ томъ же 1897 году попечительство лефортовское, Первое серпуховское и Первое прѣсненское. Въ слѣдующемъ году обратились съ подобнымъ ходатайствомъ въ думу три новыхъ попечительства. Шесть изъ нихъ уже успѣли выстроить на отведенной имъ землѣ и на пожертвованныя для этого деньги каменные или деревянные дома для своихъ богаделенъ и пріютовъ. Прѣсненское попечительство выстроило даже второй каменный домъ на средства, пожертвованныя семьей покойнаго товарища предсѣдателя, С. И. Прохорова. Въ 1900 г. получили землю 4 новыхъ попечительства. Всего городской земли уступлено думою 11 попечительствамъ 6.348 кв. с. Кромѣ того, двумъ попечительствамъ были пожертвованы дома, а первому сущевскому—земля (871 с.), на которой попечитель Бакастовъ выстроилъ домъ на свой счетъ.

Какъ, однако, ни важенъ успѣхъ московскихъ городскихъ попечительствъ въ области закрытаго призрѣнія, особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ дѣятельность по открытому призрѣнію; ибо въ оказаніи помощи нуждающимся на дому, для которой не существовало прежде никакихъ учрежденій, заключается специальное и главнѣйшее ихъ призваніе. Необходимость домашней и своевременной помощи нуждающимся послужила поводомъ къ возникновенію попечительствъ; къ этой задачѣ приноровлена ихъ организація: помѣщать престарѣлыхъ людей въ богадельни можно и безъ нихъ, но постоянное попеченіе о бѣдныхъ, внимательное отношеніе къ людямъ случайно, неожиданно впавшимъ въ крайнюю нужду, невозможно безъ систематической и широко развѣтвленной организаціи призрѣнія, которую и представляютъ собою городскія попечительства. Въ виду этого положенія дѣла возникаетъ вопросъ о томъ: какъ относятся московскія попечительства къ двумъ одновременнымъ своимъ задачамъ? не отдають ли онѣ предпочтеніе одной въ ущербъ другой? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ общемъ отчетѣ управы за 1898 годъ, гдѣ указывается, что въ этомъ году попечительства истратили на помощь бѣднымъ въ заведеніяхъ 131.238 р., а на открытую помощь—91.149, т.-е. немного болѣе двухъ пятыхъ.

Это отношеніе между обоими способами призрѣнія представляется, однако, совершенно инымъ при разсмотрѣніи отчетовъ отдѣльныхъ попечительствъ. Здѣсь мы находимъ очень большія колебанія и должны, къ сожалѣнію, отмѣтить, что нѣкоторыя попечительства почти исключительно расходуютъ свои средства на закрытое призрѣніе, тратя на него (8 попечительствъ) отъ 70 до 80%, а два попечительства даже—до 82 и 85%; восемь попечительствъ тратятъ на закрытое призрѣніе около двухъ третей своихъ расходовъ; въ 4 попечительствахъ расходы на эти два способа призрѣнія почти одинаковы; въ 7 попечительствахъ преобладаетъ открытое призрѣніе, доходя въ 3 случаяхъ до 72—76%.

Судить о цѣлесообразности того или другого образа дѣйствія можно, конечно, лишь зная мѣстныя условія. Но есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдается предпочтеніе закрытому призрѣнію только потому, что оно легче и возможно при небольшомъ числѣ сотрудниковъ. Поэтому было бы нежелательно, еслибы предпочтеніе закрытаго призрѣнія взяло верхъ, какъ можно опасаться, сопоставляя отчетъ за 1897 и 1898 годы. Въ первомъ случаѣ число попечительствъ, израсходовавшихъ большую половину своихъ средствъ на закрытое призрѣніе, было 14

на 10; во второмъ году такихъ было уже 20 (при 28 попечительствахъ). Можно, впрочемъ, думать, что такое положенiе дѣла —временное и обусловливается тѣмъ, что многiя попечительства были вовлечены въ большiе расходы построенными ими учрежденiями.

Помощь, оказываемая попечительствами, бываетъ единовременная, срочная—не болѣе какъ на 3 мѣсяца—или постоянная. На самомъ дѣлѣ первая иногда обращается во вторую, а вторая возобновляется и становится, такъ сказать, постоянной. Отношенiе этихъ трехъ различныхъ формъ помощи можетъ быть выражено въ слѣдующей таблицѣ:

	Одинокимъ.	Семьямъ.
Постоянное пособiе.	30%	16%
Временное	28%	25%
Единовременное	41%	58%

Самое пособiе выдается большею частью деньгами, за исключенiемъ случаевъ, когда это неудобно—по причинѣ, напр., пьянства отца семейства. Но нѣкоторыя попечительства предпочитаютъ по принципу оказывать помощь *натурою*, уплачивая за квартиру, выдавая книжки на полученiе припасовъ изъ лавки (хлѣба, молока) или покупая необходимые припасы или одежду и обувь черезъ сотрудниковъ. Въ одномъ изъ попечительствъ пособiя натурой, если перевести ихъ на деньги, составляютъ 95% общаго расхода, въ двухъ—свыше 40%, въ трехъ—свыше 20, въ одномъ—15% и т. д. Въ 14 попечительствахъ, отчеты которыхъ дозволяютъ установить такое процентное отношенiе двухъ способовъ выдачи, въ общей сложности натурою выдано 23,7%, а деньгами—76,3%.

Что касается до размѣровъ пособiй, то *единовременныя*, какъ одинокимъ людямъ, такъ и семейнымъ, относительно выше, чѣмъ постоянныя. О единовременныхъ можно сказать, что размѣры ниже 2 р., отъ 2 до 3 р. и отъ 3 до 5 р.—встрѣчаются почти въ одинаковомъ количествѣ разъ; много рѣже число случаевъ, когда пособiе выше 10 р. Въ числѣ же единовременныхъ пособiй семьямъ обращаютъ на себя вниманiе большое количество выдачъ въ 25 р., которыя объясняются раздачей процентовъ съ завѣщанныхъ спецiальныхъ капиталовъ въ опредѣленномъ завѣщателемъ размѣрѣ. Продолжительныя или постоянныя пособiя одинокимъ въ большинствѣ случаевъ не превышали 30 р.,—что означаетъ отъ 2 до 3 р. въ мѣсяцъ; лишь въ 58 случаяхъ пособiя доходили до 40 р. Между пособiями семьямъ преобладаютъ выдачи—въ общей сложности—до 40 р., затѣмъ отъ 50 до 75;

выше этой суммы получили 45 семействъ,—не считая опредѣленныхъ завѣщателями пособій въ 200 р. Но вопросъ о размѣрѣ пособій побуждаетъ насъ коснуться другого, самаго труднаго вопроса въ организаціи попечительства, а именно—различія между ними въ средствахъ, которыми онѣ располагаютъ. Вслѣдствіе такого различія, размѣръ выдаваемаго пособія часто долженъ сообразоваться не столько съ положеніемъ просителя, сколько съ положеніемъ кассы попечительства, и тамъ, гдѣ одно изъ нихъ считаетъ возможнымъ дать пособіе въ 5 р., другое можетъ дать только 3 или 2 р.

При такомъ положеніи дѣла на городскомъ управленіи лежитъ обязанность по возможности уравнивать попечительства относительно средствъ, которыми онѣ располагаютъ, чтобы не предоставлять бѣднымъ, случайно живущимъ въ болѣе состоятельныхъ попечительствахъ, привилегированнаго положенія. Московское городское управленіе съ перваго же года обратило вниманіе на это обстоятельство; но осуществить хотя бы приблизительное уравненіе попечительствъ для него весьма трудно, такъ какъ этого можно было бы достигнуть лишь посредствомъ сообразной съ мѣстными условіями развёрстки *большой* суммы денегъ, какъ это, напр., дѣлается въ Парижѣ; суммы же, которыми для этого располагаетъ московская управа, недостаточно значительны. Затѣмъ такое уравненіе случайно затруднено крупнымъ пожертвованіемъ покойнаго П. Щапова, завѣщавшаго тремъ попечительствамъ по 4.000 р. ежегоднаго дохода. Наконецъ, не мало затрудненій представляетъ и избраніе способа и основаній для развёрстки пособій отъ города отдѣльнымъ попечительствамъ. Московское городское управленіе усвоило себѣ употреблявшійся раньше въ Парижѣ способъ развёрстки—а именно, пропорціонально населенію, количеству живущихъ въ участкѣ людей, нуждающихся въ пособіи, и обратно-пропорціонально богатству участка, опредѣляемому сообразно съ платимымъ въ немъ налогомъ на недвижимыя имущества. Но какъ опредѣлить *второй*, самый важный факторъ—степень нужды, подлежащей удовлетворенію въ каждомъ участкѣ? Для установленія его, въ Парижѣ въ послѣдніе года вычислялась такъ называемая unité de misère, или *единица нужды*, т.-е. то, что приходится, въ среднемъ, въ каждомъ участкѣ изъ выданныхъ имъ пособій на отдѣльное, получившее пособіе лицо. Въ первомъ отчетѣ нашемъ о московскихъ попечительствахъ мы сдѣлали попытку установить для нихъ эту единицу нужды, и пришли тогда къ слѣдующему результату: въ наиболѣе состоятельныхъ попечительствахъ приходилось на лицо

18 р. 70 к., 20 р. 51 к. и даже 21 р. 93 к., тогда какъ въ бѣднѣйшихъ попечительствахъ единица нужды падала до 2 р. 31 к. и даже до 1 р. 83 к.

Но точное установленіе единицы нужды возможно лишь при очень обстоятельной регистраціи бѣдныхъ и семейнаго положенія каждаго изъ нихъ—количества малолѣтнихъ дѣтей, напр. А кромѣ того установленіе единицы нужды не принимаетъ во вниманіе количества и причинъ *отказовъ*, которые могутъ обусловливаться скудостью средствъ у попечительства, такъ что этотъ способъ можетъ послужить къ ущербу именно бѣднѣйшимъ попечительствамъ.

Въ виду этого собраніе московскихъ попечителей прибѣгало къ различнымъ комбинаціямъ для установленія правильной разверстки между ними городскихъ средствъ. Самая простѣйшая формула для установленія относительной нужды отдѣльныхъ попечительствъ основывалась на центральности ихъ положенія. Сообразно съ послѣднимъ признакомъ, онѣ распредѣлялись на 3 пояса: центральныя принимались за единицу, среднія—за 2, крайнія—за 3. Съ этимъ признакомъ комбинировалось количество населенія и степень достатковъ участка, опредѣляемая суммой квартирнаго налога.

Кромѣ заботы о закрытомъ призрѣніи и помощи на дому, можно отмѣтить еще третью область дѣятельности московскихъ попечительствъ, въ которой на первомъ планѣ стоятъ личныя услуги ихъ членовъ нуждающимся различныхъ разрядовъ. Сюда относится врачебная помощь, доставленіе дарового лекарства, отправка въ больницу или на родину. доставленіе паспорта, выдача свидѣтельства, освобождающаго отъ платы за ученье, рекомендація на мѣсто или доставленіе заработка. Нѣкоторыя попечительства обратили особенное вниманіе на послѣдніе два способа помощи. Два изъ нихъ устроили посредническія бюро, доставившія мѣсто 405 лицамъ, причемъ каждая рекомендація обходилась попечительствамъ 1 р. 27 к. и 1 р. 10 к. Шесть попечительствъ имѣли мастерскія для шитья, какъ объ этомъ выше было сказано подробнѣе. Наконецъ, два попечительства содержали столовыя для выдачи дешевыхъ или безплатныхъ обѣдовъ; одно изъ нихъ выдало въ теченіе года 52.502 обѣда, изъ нихъ безплатныхъ—41.401. Обѣдъ обходился столовой въ 6,77 к.

Отъ разсмотрѣнія дѣятельности московскихъ попечительствъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ денежныхъ средствъ. Какъ для

войны, по словамъ извѣстнаго полководца, прежде всего необходимы деньги, деньги и деньги, такъ нужны онѣ и для борьбы съ нуждой. Денежный оборотъ московскихъ попечительствъ не великъ, если имѣть въ виду населеніе города и прославленную склонность москвичей къ благотворительности, но онъ утѣшителенъ потому, что въ немъ ясно обнаруживаются признаки стойкости и значительнаго расширенія въ будущемъ.

На всѣ свои расходы истрачено было городскими попечительствами въ 1898 году 243.285 р., почерпнутые изъ нѣсколькихъ источниковъ. При самомъ возникновеніи ихъ, дума постановила ежегодно отпускать на нихъ 40.000 р. Вслѣдъ затѣмъ она стала отпускать, кромѣ того, 10.000 р. въ пособіе къ содержанію попечительствами престарѣлыхъ людей по числу таковыхъ въ каждомъ попечительствѣ, не свыше, однако, 50 лицъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы не поощрять стремленія къ закрытому призрѣнію. Это пособіе очень раціонально, и желательно, чтобы оно было увеличено, такъ какъ содержаніе престарѣлыхъ должно лежать, какъ въ Парижѣ, на обязанности всего города, а не того изъ его участковъ, въ которомъ случайно ихъ могло много скопиться.

Затѣмъ, дума выдаетъ попечительствамъ проценты съ капитала въ 200.000 р., ассигнованныхъ ею въ память убитаго въ ея стѣнахъ городского головы, Н. А. Алексѣева. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми пожертвованіями, поступившими въ думу въ пользу попечительствъ, вся сумма, выданная въ 1898 г. думою въ пособіе попечительствамъ, составила 75.622 р. Въ слѣдующемъ 1899 г. эта сумма увеличилась до 95.081 р., благодаря тому, что въ нее вошли 20.000 р., доставленные налогомъ на собакъ, который былъ введенъ въ этомъ году и предоставленъ (за покрытіемъ расходовъ) въ пользу попечительствъ.

Второй и главный источникъ дохода городскихъ попечительствъ—членскіе взносы, составившіе въ 1898 г. 142.002 р.

Количество членскихъ взносовъ, собираемыхъ каждымъ попечительствомъ, весьма различно — и колебалось въ 1898 году между ничтожной суммой 766 р. въ 1-мъ мѣщанскомъ и 10.497 р. въ 1-мъ рогожскомъ (два участка). Количество это находится въ зависимости, конечно, отъ количества полицейскихъ участковъ, которые попечительство обнимаетъ—одинъ, два или три; затѣмъ — отъ центральности положенія. Можно сказать, что среднее количество членскихъ взносовъ въ центральныхъ попечительствахъ— отъ 4.000 р. до 5.000 р. по отдѣльному участку, на окраинахъ — около 2.000 р. Но помимо этого, много зависитъ отъ

характера населенія и отъ организаціи сборовъ; такъ, хамовническое 1-е на окраинѣ собрало 9.003 р.; тверское — 3-го участка, находящееся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ,—лишь 2.717 р.

Но любопытно то, что, несмотря на различныя колебанія въ поступленіи членскихъ взносовъ, общая сумма этихъ поступленій держится приблизительно на одномъ уровнѣ. Она достигла въ первый годъ (1895) суммы въ 126.167 р., въ 1897 г. составила 143.190 р., а въ 1898 г.—142.002 р. Для такого большого города это не много, и можно думать, что очень много расходуется жителями въ видѣ неразборчивой милостыни, но, тѣмъ не менѣе, этотъ сборъ составляетъ важное культурное и соціальное пріобрѣтеніе, и самая одинаковость суммы свидѣтельствуетъ о томъ, что новое благотворительное учрежденіе пускаетъ корни въ городскомъ населеніи.

Въ тѣсной связи съ этимъ источникомъ дохода находится другой—сборъ съ спектаклей, концертовъ и вечеровъ въ пользу отдѣльныхъ попечительствъ; весьма часто это не что̀ иное, какъ средство косвеннымъ образомъ собирать членскіе взносы и пожертвованія или дополненія къ нимъ. Хотя устройство этихъ спектаклей и т. п. сопряжено съ большими хлопотами и становится все затруднительнѣе, вслѣдствіе увеличивающейся конкурренціи, результатъ этихъ усилій въ цѣломъ благопріятенъ. Въ первый годъ этотъ сборъ далъ 13.761 р., на третій годъ — 20.791; на четвертый годъ 21 изъ 28 попечительствъ собрали этимъ способомъ 27.443, причемъ онъ колебался между чистымъ сборомъ въ 223 р. и 4.667 р. (пречистенское).

Къ этимъ источникамъ дохода нужно присоединить еще одинъ *случайный* источникъ, но такой, который, главнымъ образомъ, обусловливаетъ собою въ будущемъ ростъ попечительствъ: это— пожертвованія и завѣщанія въ пользу попечительствъ. Такихъ пожертвованій въ пользу отдѣльныхъ или всѣхъ попечительствъ, можно указать уже цѣлый рядъ въ краткій срокъ дѣятельности московскаго городского призрѣнія. Уже въ первый годъ пожертвованія, если включить въ нихъ всѣ взносы въ 1.000 р. и болѣе, доставили не менѣе 100.000 р. Изъ нихъ выдается сумма въ 30.000 р., пожертвованная Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной съ устроеннаго ею базара, и 50.000 р., пожертвованные неизвѣстнымъ на нужды всѣхъ попечительствъ.

Въ 1896 г. сдѣлано пожертвованій на 79.812 р.; въ этомъ числѣ дано 1.000 р. Ея Императорскимъ Величествомъ Госу-

дарыней Императрицей Александрой Өеодоровной во время пребыванія Ея Величества въ Москвѣ, и 20.000 р.—Ө. Н. Самойловымъ. Въ 1897 г. сдѣлано пожертвованій на 60.769 р.; въ этомъ числѣ поступило 10.219 р. отъ А. С. Капцова, 10,000 р. отъ душеприказчиковъ Шенгиной, 10.000 р.—отъ товарищества прохоровской мануфактуры. Въ 1898 г. на 110.432 р. — въ этомъ числѣ 53.385 р. отъ И. С. Гайдина, 11.730 р. и 10.000 р.— отъ кн. А. А. Щербатова. Въ 1899 г.—132.700 р.; въ томъ числѣ 20.000 р. отъ Великой Княгини Елизаветы Өеодоровны изъ выручки благотворительнаго базара, устроеннаго Ея Императорскимъ Высочествомъ, и 92.000 р. отъ душеприказчика Медвѣдниковой. Всего за пять лѣтъ пожертвовано около полумилліона, къ чему еще слѣдуетъ присоединить пожертвованный Щаповымъ домъ съ доходомъ около 12.000 р. въ пользу трехъ попечительствъ, въ которыхъ покойный принималъ участіе, домъ, пожертвованный П. В. Петровой, и домъ, пожертвованный басманному попечительству.

Благодаря такимъ пожертвованіямъ въ неприкосновенный капиталъ и сбереженіямъ, сдѣланнымъ нѣсколькими попечительствами, образовался въ смѣтахъ почти всѣхъ попечительствъ новый источникъ доходовъ—проценты съ собственнаго капитала. Доходъ этотъ ниже 100 р. въ 4 попечительствахъ, отъ 100 до 500 р.—въ 14 попечительствахъ, и свыше 500—до 1.171 р.—въ 4 попечительствахъ; всего же этотъ доходъ составилъ въ 1898 г. сумму въ 6.729 р.

Всѣ эти источники дали попечительствамъ въ 1898 году 252.888 р. Къ этимъ средствамъ, которыми попечительства могли располагать въ интересахъ бѣднѣйшаго населенія Москвы, нужно прибавить еще проценты съ благотворительныхъ капиталовъ, находящихся въ распоряженіи города и распредѣленіе которыхъ городское управленіе предоставило попечительствамъ. Въ 1899 году розданная сумма этихъ процентовъ составила 35.123 р. Примѣру города послѣдовало въ 1898 г. московское купеческое общество, обладающее завѣщанными ему благотворительными капиталами. Въ 1899 г. купеческое общество предоставило попечительствамъ, для раздачи передъ Рождествомъ и Пасхой, 26.700 р. Въ прежнее время цѣлесообразная выдача этихъ пособій, какъ городскимъ управленіемъ, такъ и купеческимъ, обществомъ представляла непреоборимыя затрудненія, вслѣдствіе громаднаго числа поступавшихъ прошеній, которыхъ некому было разбирать. Передача попечительствамъ раздачи этихъ благотворительныхъ суммъ имѣла своимъ послѣдствіемъ правильное

распредѣленіе ихъ между нуждающимися и устраненіе злоупотребленій со стороны просителей — и въ то же время служила убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости городскихъ попечительствъ и важности ихъ общественной миссіи.

Предшествовавшій очеркъ долженъ былъ указать: сколько стариковъ и старухъ нашли прочный пріютъ; сколько сиротъ и брошенныхъ дѣтей нашли кровъ и заботливыхъ опекуновъ, благодаря городскимъ попечительствамъ; какія суммы эти учрежденія собрали среди добрыхъ людей и роздали бѣднымъ въ трудную для нихъ минуту. Но этотъ очеркъ не можетъ описать того нравственнаго блага, которое было слѣдствіемъ взаимнаго сближенія между нуждающимися и людьми, пришедшими къ нимъ на помощь. Сколько утѣшенія и свѣта своими совѣтами и увѣщаніями сотрудники и особенно сотрудницы вносили иногда въ семью бѣдняка, и сколько они сами выигрывали въ пониманіи жизни!

Какъ, однако, ни важна дѣятельность городскихъ попечительствъ въ этомъ отношеніи, онѣ имѣютъ еще другое, болѣе общее значеніе. Онѣ, можно сказать, представляютъ собою важный общественный симптомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ на новомъ пути въ области благотворительности. Онѣ служатъ проявленіемъ новой потребности, пробудившейся въ русскомъ обществѣ—относиться серьезно и сознательно къ великой проблемѣ нужды и борьбы противъ нея. Прошло время, когда можно было удовлетворяться въ этомъ отношеніи первобытнымъ способомъ *подаянія*. Неразборчивая милостыня въ бо́льшей части случаевъ приноситъ вредъ, отвлекая помощь отъ болѣе нуждающихся и воспитывая нищенство какъ промыселъ. Но удовлетворяться подачей милостыни нельзя въ наше время, не только въ виду формальнаго несовершенства этого способа помогать нуждающимся; еще важнѣе тотъ мотивъ, что помощь бѣднымъ въ наше время не можетъ считаться лишь *личнымъ* дѣломъ. Культурно-развитое общество не можетъ не сознавать своей обязанности придти на помощь нуждающимся своимъ членамъ на основаніи принципа общественной *солидарности*, не говоря уже объ интересахъ городского благоустройства и о мотивахъ нравственнаго и гуманитарнаго свойства. Городскія попечительства и являются о́рганомъ такой сознательной общественной помощи, основанной на принципѣ *общественнаго призрѣнія*.

Но въ то же время городскія попечительства представляютъ

собою, и по своему составу, и по способамъ дѣятельности, самый *цѣлесообразный* органъ общественнаго призрѣнія.

Мы выше указали на то, что наше время не можетъ удовлетворяться въ области благотворительности возникшими въ прежнее время для этой цѣли учрежденіями или вѣдомствами. Бюрократическая организація этихъ учрежденій представляетъ большія неудобства въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ борьба съ нуждою. Благотворители не должны быть незримы для нуждающихся, а стоять среди нихъ и лично знать ихъ. Они должны нести помощь туда, гдѣ она нужна, и не ждать, пока проситель постучится въ дверь ихъ канцеляріи съ прошеніемъ въ рукахъ. Они должны оказывать помощь не *резолюціей*, написанной на пачкѣ прошеній, подсунутыхъ имъ секретаремъ, а личнымъ опытомъ взвѣшивать степень дѣйствительной нужды и руководиться соображеніями, взятыми изъ жизни. Попечительства обладаютъ въ этомъ отношеніи двумя важными преимуществами. Стоя ближе къ жизни, онѣ не ставятъ *дѣлопроизводство* выше ея, и онѣ призываютъ къ дѣлу людей, для которыхъ благотвореніе—не служебное занятіе, а личное и общественное призваніе.

Московскія городскія попечительства представляютъ собою первый опытъ организованной общественной самодѣятельности въ области благотворительности и борьбы съ нуждой—и опытъ удавшійся.

Въ этомъ заключается ихъ общественное значеніе. Онѣ доказываютъ, какъ благотворно и существенно въ этой области непосредственное участіе общественныхъ силъ.

Было время, хотя въ это и вѣрится съ трудомъ, когда считали возможнымъ лечить людей теоретически, не изучая ихъ болѣзни. Лишь съ начала XVIII в. медики оставили Галена и Гиппократа и стали изучать свое дѣло въ оперативной залѣ и въ клиникѣ, при постели больного.

Такой переворотъ, конечно въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, совершается въ нашемъ вѣкѣ въ области соціальной.

Исцѣлять недуги общества, удовлетворять его нужды, вести его впередъ на пути благоденствія и прогресса, можно только зная его и стоя близко къ нему, — а этого можно достигнуть лишь при постоянномъ общеніи съ нимъ и при дѣятельномъ участіи его самого въ этомъ великомъ дѣлѣ.

В. Герье.

КОМУ КАКЪ!

РАЗСКАЗЪ.

I.

Крепова нельзя было узнать. Его нервное, худощавое лицо какъ будто пополнѣло; каріе—обыкновенно грустные—глаза глядѣли самоувѣренно, весело; губы складывались въ улыбку.

Войдя въ подъѣздъ меблированныхъ комнатъ, онъ веселымъ кивкомъ отвѣтилъ на поклонъ швейцара и быстро взбѣжалъ на первую площадку лѣстницы; швейцаръ только посмотрѣлъ ему вслѣдъ, качнулъ головою и сказалъ корридорной дѣвушкѣ, которую жилецъ изъ 24-го нумера послалъ за папиросами:

— Ишь, какимъ нынче соколомъ! вѣроятно, удача какая ни на есть!

— Дай ему Богъ!—сочувственно отвѣтила дѣвушка:—измотались они ужъ очень. Пріѣхали такіе веселые, а тамъ все хуже. А теперь уже мѣсяцъ, если не больше, какъ сама-то все въ ломбардъ ходитъ. Вчера увязала такой большой узелъ! „Позовите, говоритъ (все на „вы“ со мною), Даша, извозчика.— Куда?—спрашиваю.—Тутъ она законфузилась.—„На Владимірскій“.—А потомъ догадалась, что я поняла, да и говоритъ: „У васъ въ ломбардахъ берутъ шубы на храненіе. Мы боимся, чтобы моль не съѣла“.—А какая тутъ моль, когда зима скоро! Бѣдуютъ, страсть! Онъ-то, слышь, мѣсто ищетъ. Дѣвочка ихняя все говоритъ: „Когда папа мѣсто получитъ“...

— Надо быть, получилъ,—сказалъ швейцаръ:—радостный! Я вотъ тоже, пока сюда поступилъ...—и онъ сталъ обстоя-

тельно разсказывать Дашѣ, сколько претерпѣлъ съ семьею всяческихъ мытарствъ...

Өедоръ Алексѣевичъ, между тѣмъ, взбѣжалъ на третій этажъ, быстро прошелъ корридоръ, въ которомъ помѣщался его нумеръ; стукнувъ въ одну изъ восьми совершенно одинаковыхъ дверей, онъ распахнулъ ее, не дожидаясь отвѣта.

Въ большой комнатѣ, перегороженной на двѣ части, у окна, выходившаго на глухую стѣну, склонившись надъ шитьемъ, сидѣла жена Крепова, молодая, красивая женщина, съ блѣднымъ лицомъ и голубыми глазами. Въ углу комнаты восьмилѣтняя Лиза занимала своего четырехлѣтняго братишку. При входѣ Крепова, лица всѣхъ обернулись къ нему, и вдругъ словно все повеселѣло въ этой неприглядной комнатѣ: и дрянной комодишка, и традиціонная, репсомъ обитая, мягкая мебель, и нескладныя ширмы, перегораживающія комнату.

Евгенія Петровна бросила работу на подоконникъ и быстро встала на встрѣчу мужу. Маленькій Алеша съ радостнымъ крикомъ: „папа вернулся!"—подбѣжалъ къ отцу.

Онъ взялъ на руки сына, поцѣловался съ Лизою и радостнымъ, возбужденнымъ голосомъ сказалъ женѣ:

— Ну, Женя, конецъ мытарствамъ! мѣсто!

Лицо Евгеніи Петровны озарилось улыбкою; она поцѣловала мужа и взяла съ его рукъ Алешу.

— Раздѣвайся и разсказывай толкомъ!—сказала она.—Ѣсть хочешь?

— Очень!—отвѣтилъ онъ, снимая пальто, галоши, шляпу и перчатки.

Лиза взяла отъ матери деньги, выбѣжала въ корридоръ, потомъ вернулась и, зажегши фитили керосиновой кухни, начала варить кофе.

А тѣмъ временемъ Өедоръ Алексѣевичъ переодѣлся за ширмами, сѣлъ на одно изъ креселъ и сталъ разсказывать про свою удачу. Евгенія Петровна сидѣла на диванѣ, держа на рукахъ Алешу, который, прислонившись къ ея груди, мурлыкалъ пѣсню.

— Пришелъ сегодня,—разсказывалъ Креповъ,—меня Соловской очень радушно встрѣтилъ.—Оказывается, и онъ изъ Курска. Многихъ знаетъ. Перебрали общихъ знакомыхъ, а тамъ заговорили и о мѣстѣ. Онъ прямо сказалъ, что кромѣ меня и кандидатовъ нѣтъ; повелъ къ управляющему: Терновъ какой-то, премилый господинъ. „Очень пріятно, говоритъ; вы были бухгалтеромъ, значитъ—хорошій счетчикъ, а намъ это важно. Какъ, го-

ворить. директоръ пріѣдетъ, такъ и—милости просимъ". Отъ него зависитъ утвержденіе; на дняхъ пріѣхать долженъ. Сегодня четвергъ, ну, а въ понедѣльникъ я иду и со вторника служу! Такъ-то!—онъ весело потеръ руки и взялъ снова на колѣни Алешу.

— Кофе готовъ!—заявила Лиза и стала наливать.

— А содержаніе?—спросила Евгенія Петровна.

Креповъ засмѣялся.

— Главное-то и забылъ! На первый разъ тысяча-двѣсти, да награды рублей триста, а тамъ, мнѣ сказали, старшимъ ревизоромъ могутъ сдѣлать. Три тысячи!

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди Евгеніи Петровны. Креповъ взглянулъ на жену и увидалъ на глазахъ ея слезы.

— Женя, съ чего ты это?

Она, улыбаясь, поспѣшно вытерла глаза.

— Рада я. Измучились мы съ тобою!..

— Да-а, — задумываясь, сказалъ Креповъ: — тяжело безъ мѣста.

— А еще тяжелѣе, это—неопредѣленность!

— Да!—Креповъ помолчалъ, потомъ встряхнулся и уже бодрымъ голосомъ заговорилъ:

— Теперь зато сразу оправимся. Я отъ Соловского всѣ порядки узналъ! Черезъ недѣлю можно уже будетъ взять изъ кассы мѣсячное жалованье съ погашеніемъ на годъ. Потомъ у нихъ такъ устроено, что многіе магазины даютъ въ кредитъ съ уплатою по пяти рублей въ мѣсяцъ. Я такъ и рѣшилъ. Сейчасъ найдемъ квартиру и отсюда вонъ! Обзаведемся кое-какъ хозяйствомъ и... заживемъ! Такъ, Лиза?—и онъ обнялъ подошедшую къ нему дочь.—Пьянино тебѣ возьму...

Евгенія Петровна встала.

— Ну, ты прилягъ или съ дѣтьми побудь, а я схожу въ лавки и стану стряпать.

— Не позволю!—отвѣтилъ онъ.—Я рѣшилъ пиръ устроить. Сегодня безъ керосинки. Идемъ въ ресторанъ.

— Мамочка!—хлопая въ ладоши, воскликнула Лиза въ восторгѣ:—Какъ интересно!

— А Леша какъ же?

— И его покормимъ! велимъ котлету сдѣлать, скобленную... Я ужъ прикажу!

Евгенія Петровна согласилась. Ей и самой хотѣлось хоть на нѣсколько часовъ развлечься послѣ долгихъ дней хлопотли-

ваго труда, томленія, опасливыхъ ожиданій и унизительной нужды.

И весь день они провели по праздничному.

Онъ повелъ ихъ обѣдать къ Палкину. Большая, богато убранная зала, великолѣпный органъ, услужливая прислуга, бѣлизна бѣлья, блескъ посуды и обѣдъ, какого дома не приготовишь...

Потомъ они поѣхали домой, въ угоду Лизѣ купили къ чаю пирожнаго, и незамѣтно, въ полу-мечтательныхъ разговорахъ о дѣлѣ, провели остатокъ дня за вечернимъ чаемъ.

Отдыхъ человѣка, измотавшагося въ борьбѣ за существованіе!.. Вечеръ—и забота о завтрашнемъ днѣ; ночь—и тяжелыя мысли о безотрадной жизни; сонъ съ болѣзненными грёзами, а тамъ утро и впереди—цѣлый день мыканья, униженій, разочарованій и отчаянія. И вдругъ—отдыхъ. Два, три дня, недѣля съ обезпеченнымъ „завтра“. А когда впереди и вся остальная жизнь грезится обезпеченной, и измученный человѣкъ уходитъ на покой, какъ истрепанное бурями судно въ тихую пристань, счастіе кажется безмѣрнымъ...

Такое время переживали Креповы, ободренные надеждою.

На диванѣ спала Лиза; въ маленькой кроваткѣ подлѣ нея спалъ Алеша, а за ширмами Креповъ съ женою изрѣдка обмѣнивались тихими фразами.

— Измучилась я...

— А я-то? Когда мы пріѣхали, у меня была полная увѣренность, и вдругъ Ипатьевъ уѣзжаетъ, Карловъ въ отставкѣ... Я думалъ, съ ума сойду. А потомъ эти исканія! Я выходилъ съ утра, и не зналъ, куда идти. Сколько униженій!... И вдругъ встрѣча съ Семеновымъ... — Въ темнотѣ послышался глубокій вздохъ облегченія.

— Я все думала о будущемъ, — заговорила снова Евгенія Петровна:—За шубы дали шестьдесятъ рублей. Проживутся они, и что̀ дальше?.. Носильное платье, что̀ лишнее—все снесено; серебро, золото—тоже. Осталось самое нужное. Прогнали бы отсюда... съ дѣтьми... осенью... Ужасно!...

Креповъ мысленно переживалъ пройденныя имъ мытарства. Тридцати лѣтъ онъ женился, только-что пріѣхавъ въ Курскъ податнымъ инспекторомъ. Должность оказалась не по немъ, и черезъ два года онъ вышелъ въ отставку; но порядочные люди успѣли оцѣнить его за это время, и онъ получилъ мѣсто бухгалтера въ губернскомъ земствѣ. Жизнь его проходила мирно и тихо. Шесть лѣтъ прошли незамѣтно, и вдругъ—съ новымъ

предсѣдателемъ начались недоразумѣнія. Въ короткое время всѣмъ стало ясно, что Крепова предсѣдатель намѣренъ замѣнить своимъ человѣкомъ; работать сдѣлалось невозможно, и Креповъ оставилъ мѣсто. Оставилъ и оказался ни при чемъ. Маленькія сбереженія, сдѣланныя его женою, устраняли нужду, но она надвигалась. Первое время и онъ, и друзья его искали какихъ-нибудь занятій въ Курскѣ, но поиски оказались напрасны. Креповъ сталъ падать духомъ. Приходилось разставаться съ насиженнымъ угломъ и искать мѣста въ другомъ городѣ.

Въ какомъ? Ему совѣтовали и Москву, и Варшаву, и Одессу, и Петербургъ.

И онъ остановился на послѣднемъ.

Тамъ временно проживалъ предводитель дворянства; у него самого есть хорошій знакомый Карловъ, занимающій генеральское мѣсто.

Къ Крепову вернулась энергія. Жена поддерживала его.

—Господи, свѣтъ не клиномъ сошелся! Вѣдь находятъ же другіе себѣ мѣсто и дѣло...

Они продали все, скопленное ими за девять лѣтъ жизни, и уѣхали.

И началось....

Вдвоемъ, съ двумя ребятами, они сняли комнату и на другой же день Креповъ направился къ предводителю; но тотъ, какъ нарочно, уѣхалъ за границу до самаго ноября.

Первая неудача.

На другой день онъ пошелъ къ Карлову. Карловъ оказался уже въ отставкѣ. Онъ радушно встрѣтилъ того, чей отецъ оказалъ ему много услугъ, но при просьбѣ Крепова развелъ руками.

— Годомъ раньше, и я помогъ бы вамъ, но теперь!.. Я—нуль! Вы знаете людскія отношенія? мнѣ сдѣлаютъ, если я могу расплатиться, а ради добраго расположенія никто пальцемъ не шевельнетъ. Впрочемъ, толкнитесь...—и Карловъ назвалъ нѣсколько учрежденій и фамилій.

Вторая неудача.

Креповъ началъ „толкаться“.

Ахъ, это исканіе мѣста!.. томительныя ожиданія въ пріемной, замираніе сердца при вызовѣ къ тому, отъ кого зависитъ рѣшеніе, унижающіе разспросы, холодные отказы, равнодушные „не могу“ и „навѣдайтесь какъ-нибудь“. И пока испивалась эта горькая чаша, деньги проживались; дѣти, лишенныя воздуха, запертыя въ душныя, смрадныя стѣны меблированной комнаты,

худѣли и блѣднѣли; въ глазахъ жены, казалось ему, отражался безмолвный упрекъ, и онъ, теряя надежды и съ ними силу, становился нервенъ, раздражителенъ, подчасъ грубъ и несправедливъ... И никого вокругъ. Всѣ чужіе...

И вдругъ онъ встрѣтилъ Семенова, стараго гимназическаго товарища, все такого же добродушнаго, веселаго и безпечнаго. Онъ потащилъ Крепова обѣдать въ ресторанъ, и они разговорились.

Семеновъ служилъ въ министерствѣ за сто-пятьдесятъ рублей, не домогаясь ни чиновъ, ни отличій. Холостой, свободный, онъ понималъ жизнь по-своему и наслаждался ею за всѣ сто-пятьдесятъ рублей. Никакія думы не омрачали его всегда ликующаго духа. Въ положеніи Крепова онъ принялъ участіе.

— Стой! — воскликнулъ онъ, хлопнувъ себя по лбу: — да у меня есть мѣсто для тебя. Соловской на дняхъ говорилъ...

И Креповъ на другой же день съ письмомъ Семенова былъ у этого Соловского. Въ управленіи желѣзной дороги онъ былъ правителемъ канцеляріи и у нихъ освободилось мѣсто завѣдующаго однимъ изъ отдѣловъ.

Соловской встрѣтилъ его радушно, познакомилъ съ управляющимъ, и они оба твердо обѣщали ему вакантное мѣсто.

— Да, не легко въ Петербургѣ мѣсто сыскать, — вслухъ проговорилъ Креповъ: — не попадись этотъ Семеновъ...

— Страшно даже...—отозвалась Евгенія Петровна.

II.

Сергѣй Яковлевичъ Гуляевъ, чиновникъ крупнаго ранга, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ газету, когда къ нему вошла Софья Аркадьевна и сказала:

— Сержъ, я съ тобой поговорить хотѣла!

Сергѣй Яковлевичъ отложилъ газету, сбросилъ съ носа пенснэ и обернулся къ женѣ съ покорнымъ видомъ.

— Я, собственно, насчетъ Аркадія. Вѣдь надо же для него что-нибудь сдѣлать!—произнесла она, опускаясь въ кресло: — я не говорю уже о томъ, что по нашему положенію содержать его становится тяжело. У насъ есть Аглая кромѣ него. Ее вывозить нужно. Но и такъ. Онъ томится безъ дѣла и, наконецъ, положеніе...

Сергѣй Яковлевичъ пожалъ плечами.

— Я тутъ безсиленъ. Онъ не смѣетъ сказать, что для него

ничего не сдѣлано. Гимназія, пансіоны, учителя... Согласись, я къ себѣ его взять не могу. Теперь всюду требуется образовательный цензъ, а у него...

— Онъ уже имѣетъ два чина.

— Благодаря Петру Петровичу, который зачислилъ его, но этого теперь недостаточно.

— У васъ! но вѣдь есть частныя должности. У тебя столько связей... Ты долженъ это сдѣлать.

— Но, другъ мой...

— Ты для Селиванова сдѣлалъ же. А это—родной сынъ. Какихъ-нибудь сто, сто-пятьдесятъ рублей, это—такіе пустяки.

— Завтракъ поданъ!—доложила красивая горничная.

Софья Аркадьевна поднялась.

— Идемъ!—и затѣмъ заговорила:—Кромѣ всего, я навѣрное знаю, что Кушинниковыхъ дочь съ охотою вышла бы за него, но самъ не отдастъ ее такъ; надо для простой видимости мѣсто, хоть на время. За нею домъ и сто тысячъ...

— Что же... я попробую,—покорно согласился Сергѣй Яковлевичъ,—только врядъ-ли. По правдѣ, мнѣ за него и хлопотать неловко. Никакихъ правъ.

— Онъ твой сынъ!—сухо отвѣтила Софья Аркадьевна, проходя въ столовую.

За изящно сервированнымъ столомъ сидѣли семнадцатилѣтняя Аглая, красивая брюнетка съ надменнымъ выраженіемъ лица, и двадцатилѣтній Аркадій. Одѣтый въ изящную свѣтлую пару съ модной цвѣтною рубашкою и поясомъ-жилетомъ, онъ сидѣлъ развалясь и при входѣ отца лѣниво поднялся ему на встрѣчу.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ онъ, небрежно цѣлуя его въ бритую щеку,—ты вчера былъ въ клубѣ?

— Нѣтъ, а что̀?

— Князь Вороховъ, говорятъ, вчера проигралъ восемь тысячъ. Думалъ, ты знаешь, кому.

— И былъ бы, такъ не зналъ! — сухо отвѣтилъ Сергѣй Яковлевичъ.

— Противъ воли услыхалъ бы,—усмѣхаясь, сказалъ Аркадій, садясь къ столу и наливая себѣ водки:—такіе проигрыши теперь рѣдкость. Тебѣ налить?

Сергѣй Яковлевичъ молча кивнулъ. Сынъ своими манерами и разговорами всегда раздражалъ его.

Неглупый малый и совершенный невѣжда. Мало того, ни малѣйшей любознательности. Хоть бы случаемъ увидѣть его съ книгою—никогда. И при этомъ какой апломбъ!.. Откуда это?

Самъ онъ, кажется, не можетъ служить примѣромъ. Въ годы Аркадія онъ уже былъ на четвертомъ курсѣ университета, содержалъ мать, сестру и брата, занимаясь уроками и составляя компиляціи для издателя Синильнаго. Все, чему онъ обязанъ, чему обязана вся семья, это—его трудъ, неустанный, упорный...

И вдругъ, такой сынъ! первенецъ!..

Сергѣй Яковлевичъ взглянулъ на сына и тотчасъ опустилъ глаза на скатерть. Аркадій, положа локти на столъ и куря папиросу, съ жаромъ говорилъ матери:

— Гридень и Эльсиноръ! и все отъ грунта зависитъ. Если не высохнетъ, то первый Гридень, потому что на тяжелый грунтъ ему нѣтъ равнаго! Вы слушаете этого Разбери, а надо только глаза имѣть да слѣдить хоть по афишамъ.

Сергѣй Яковлевичъ вздохнулъ.

Какъ онъ любилъ быстроглазаго мальчугана, съ звонкимъ смѣхомъ носящагося по комнатамъ! сколько онъ ожидалъ отъ него радости!.. какъ онъ былъ смышлёнъ въ ранней молодости!.. И все рушилось, едва онъ пошелъ учиться. Въ первомъ классѣ остался, во второмъ остался, изъ третьяго надо было взять. Потомъ частная гимназія. Кажется, отдай туда вѣнскій стулъ, и тотъ получитъ аттестатъ. Аркадій и тамъ ничего не дѣлалъ, кромѣ долговъ... шестнадцать лѣтъ—и долги!

Готовился въ военную службу—и туда не выдержалъ. И рядомъ съ этимъ—бѣга, скачки, циркъ и велосипедъ. Тонъ, манеры человѣка, увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ, и даже какое-то снисходительное отношеніе къ отцу...

Сергѣй Яковлевичъ вдругъ спохватился, взглянулъ на часы, торопливо допилъ кофе и всталъ.

— Ну, я ѣду!

— Не забудь моей просьбы!—сказала ему жена на прощанье, кивнувъ головою.

Сергѣй Яковлевичъ быстро вышелъ.

„Дѣйствительно, только и остается,—думалъ онъ, сидя въ пролеткѣ,—ткнуть куда-нибудь, и пусть служитъ. Можетъ быть, выправится“.

Онъ подъѣхалъ; швейцаръ внимательно помогъ ему слѣзть и поспѣшилъ за нимъ въ подъѣздъ, отворить двери.

———

III.

Существуютъ совершенно особеннаго типа „дѣловые“ люди. Кажется, они ничего не дѣлаютъ, проводя жизнь безпечнаго жуира. Въ полдень—у Кюба за завтракомъ, вечеромъ—у Контана за обѣдомъ, во вторникъ—въ фойé Маріинскаго театра, въ воскресенье—Михайловскаго, въ субботу—въ циркѣ, въ уборной танцовщицы, въ будуарѣ кокотки, на холостомъ ужинѣ золотой молодежи, на серебряной свадьбѣ финансоваго туза, на пышномъ банкетѣ торговой фирмы, на бѣгахъ и скачкахъ, на биржѣ и въ банкирской конторѣ, — вездѣ появляется этотъ „дѣловой“ человѣкъ, принятый всюду какъ „свой“; всегда остроумный, находчивый, щедрый. Кажется, онъ ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ при его содѣйствіи учреждаются акціонерныя общества, совершаются крупные займы, исхлопатываются концессіи, субсидіи, производится продажа и купля. При его содѣйствіи изъ рукъ въ руки переходятъ сотни тысячъ, и отъ нихъ кое-что остается и у него въ рукахъ, мало-по-малу образовывая капиталъ. Эти люди знаютъ всѣхъ и все, они умѣютъ быть всѣмъ необходимыми.

Къ разряду такихъ дѣльцовъ принадлежалъ и отставной полковникъ Василій Степановичъ Долотовъ. Выйдя изъ кадетскаго корпуса, онъ сразу почувствовалъ свое призваніе, и на одной сдѣлкѣ съ сѣномъ, съумѣвъ вò-время найти покупателя, нажилъ въ два дня четыреста рублей. Съ этого счастливаго случая не проходило мѣсяца безъ выгодной сдѣлки, и къ тому времени, какъ ему выйти въ отставку, у него уже былъ кругленькій капиталъ, и среди коммерческихъ людей и финансистовъ репутація „головы“.

Это былъ невысокаго роста, полный брюнетъ съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, съ изящными, увѣренными манерами и бойкою, находчивою рѣчью.

Василій Степановичъ сидѣлъ утромъ въ своемъ кабинетѣ за чашкою кофе и пересматривалъ газеты, въ то же время изрѣдка занося замѣтки въ записную книжку, когда къ нему вошелъ представительнаго вида господинъ и съ порога комнаты заговорилъ пріятнымъ баритономъ:

— Простите, дорогой Василій Степановичъ, я на минутку! Вчера ловилъ васъ и нигдѣ не засталъ.

Василій Степановичъ быстро всталъ съ кресла и, дѣлая шагъ къ гостю съ протянутой рукой, заговорилъ радушнымъ голосомъ:

— Что̀ вы, Антонъ Савельевичъ! Садитесь! Чашку кофе угодно? Отлично! — Онъ позвонилъ; въ дверяхъ появилась горничная.

— Чашку кофе! — приказалъ онъ и снова обратился къ гостю:—Сигарку?

Гость взялъ, срѣзалъ кончикъ и закурилъ сигару.

— Ну, и сразу, чтобы съ плечъ долой,—засмѣялся Василій Степановичъ:—что у васъ за дѣло? Кажется, теперь уже все въ порядкѣ?

Гость со вздохомъ выпустилъ клубъ душистаго дыма.

— Все, да не все! — сказалъ онъ:—въ среду докладъ. Я думалъ, что и мое дѣло пойдетъ, а его отложили. Будто бы есть что-то особенно важное... Я про васъ и вспомнилъ. Не съумѣете ли ускорить, дорогой?..

Горничная внесла кофе. Василій Степановичъ подвинулъ гостю чашку, сахарницу и, добродушно усмѣхаясь, сказалъ:

— Эхъ вы, горячка! Вѣдь дѣло ваше въ принципѣ уже рѣшено. Ну, не въ эту среду, такъ въ будущую.

Гость даже откинулся.

— Помилуйте! да тогда я въ будущую-то уже субсидію получу и съ деньгами уѣду на работу. Вѣдь я и то здѣсь четыре мѣсяца. Нѣтъ, ужъ если вы можете...

Василій Степановичъ засмѣялся.

— Развѣ для васъ только! Признаться, мнѣ по пустякамъ не охота людей тревожить. Понадобится что̀ важное — и опять къ нему. Впечатлѣніе-то и другое.

— Да вѣдь только ускорить...

— Ну, ускорю, ускорю!

— А гдѣ я увижусь съ вами?

— Со мною?—Василій Степановичъ подумалъ.

— Да что-жъ я! — воскликнулъ онъ: — вѣдь третьяго дня Перехватовъ вернулся; сегодня винтъ у него. Приходите туда!

— Часовъ въ десять?

— Да хоть къ ужину. Я у него ужъ и закончу вечеръ.

— Такъ я бѣгу!—Гость сдѣлалъ послѣдній глотокъ и всталъ. Василій Степановичъ поднялся тоже.

— Я съ вами. Хотите, подвезу, если по дорогѣ.

Они вышли вмѣстѣ. Горячій рысакъ, заложенный въ легкую полуколяску, ждалъ Василія Степановича. Тотъ, кого называлъ Долотовъ Антономъ Савельевичемъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на лошадь и закладку.

— На биржу! — приказалъ Василій Степановичъ. Кучеръ подобралъ возжи, и экипажъ покатился.

— Какія у васъ чудныя лошади!—сказалъ Антонъ Савельевичъ.

Василій Степановичъ кивнулъ.

— Не мои только. Беру со двора, помѣсячно. На дняхъ везъ, тоже по пути, генерала Ахвердова. Онъ восхитился и купилъ рысака...

— Живи я тутъ...

— Да вѣдь его и переслать можно! — быстро сказалъ Василій Степановичъ:—а такого, батюшка, въ другой разъ не купите. Орловскій... Я вотъ что̀. Я пошлю къ вамъ хозяина. Ладно?

— А пришлите!—согласился Антонъ Савельевичъ,—можетъ, и сговоримся. Ну, мнѣ сюда.

— Семенъ, придержи! — крикнулъ Василій Степановичъ.— Такъ до вечера!

— До вечера!

Василій Степановичъ толкнулъ кучера и поѣхалъ дальше. По дорогѣ онъ сказалъ ему:

— Ну, вотъ, Семенъ, и второго сторговали. Сходи къ нему завтра утромъ. Отель де-Франсъ. Я ему еще напомню.

Кучеръ, не оборачиваясь, кивнулъ головою.

— Ужъ вотъ какое вамъ спасибо, Василій Степановичъ!

— Ну, ну, за это вѣдь возишь меня. А много еще?

— Да три рысачка и парочка!

— Богъ дастъ, и ихъ сбудемъ. Стой! я часа черезъ полтора отсюда.

— Слушаю!

Семенъ, натянувъ возжи, медленно сталъ оборачивать лошадь, а Василій Степановичъ съ живостью юноши взбѣжалъ на гранитную лѣстницу биржи...

IV.

Сергѣй Яковлевичъ подписывалъ послѣднія бумаги, собираясь ѣхать домой, когда курьеръ доложилъ ему о Долотовѣ, и черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ Василій Степановичъ.

— Не безпокойтесь! продолжайте ваше дѣло!—проговорилъ онъ, когда Сергѣй Яковлевичъ, поздоровавшись съ нимъ, отодвинулъ бумаги въ сторону.—Я на мгновеніе. Ѣхалъ мимо, давно васъ не видѣлъ. Думаю, дай нанесу визитъ. Какъ живете?

Онъ опустился въ кресло и обернулъ къ Сергѣю Яковлевичу лицо, исполненное дружескаго вниманія.

— Благодарю васъ. Ну, какія у васъ новости? что̀ въ свѣтѣ интереснаго?

— Новости? въ вашемъ клубѣ вчера князь Вороховъ Ануфріеву четыре тысячи проигралъ. Это разъ!—но вы ее знаете.

— Да,—кивнулъ Сергѣй Яковлевичъ,—мнѣ сынъ говорилъ.

— Ну, ну! Потомъ, Семенова выходитъ за Спицына. Возмутительно! 60-ти лѣтъ старуха съ милліонами и—молодой повѣса. Я бы запрещалъ подобные браки. Ей Богу!.. Вотъ еще новость: Григоръ получилъ концессію,—ну, да это вамъ извѣстно; а вотъ ка̀къ?..—и Долотовъ, смѣясь, сталъ разсказывать канцелярскую интригу.

Гуляевъ слушалъ его однимъ ухомъ, и въ то же время одна неотвязная мысль мелькала у него въ головѣ. Онъ выждалъ минуту, когда Долотовъ умолкъ, и, смущенно улыбаясь, сказалъ:

— А я очень радъ вашему посѣщенію, Василій Степановичъ...

Лицо Долотова приняло тотчасъ выраженіе напряженнаго вниманія.

— У васъ такая масса знакомыхъ... всюду... такъ я хотѣлъ просить васъ о содѣйствіи... Видите...

Долотовъ прижалъ руку къ сердцу.

— Вѣрьте, ваше превосходительство, я буду только счастливъ услужить вамъ!

Сергѣй Яковлевичъ совершенно смутился и нагнулся надъ бумагами.

— У меня сынъ, двадцати лѣтъ,—произнесъ онъ глухо:—надо его пристроить куда-нибудь на мѣсто, а я... мнѣ неудобно, у себя... такъ бы гдѣ-нибудь въ частномъ правленіи, въ конторѣ...

Долотовъ вскочилъ съ кресла и протянулъ руки.

— Сергѣй Яковлевичъ! не продолжайте! это—такой пустякъ, такой... завтра же онъ будетъ на мѣстѣ. Я васъ вполнѣ понимаю. Скажутъ, непотизмъ. Ха-ха-ха!

Сергѣй Яковлевичъ взглянулъ на него съ благодарностью.

— Дѣйствительно. Если можно...

— Пустяки! я сегодня же скажу Перехватову. Два слова—и все. Я только радъ.

Онъ взялъ шляпу. Сергѣй Яковлевичъ вышелъ изъ-за стола.

— Я васъ завтра же извѣщу, ка̀къ, гдѣ, что̀ и на сколько!

Сергѣй Яковлевичъ горячо пожалъ ему руку.

— Ахъ!—вдругъ словно вспомнилъ Долотовъ:—а кстати и у меня просьбишка къ вамъ.

— Что такое? сдѣлайте одолженіе.

— Такъ, пустяки; въ эту среду у васъ докладъ министру. Пожалуйста, доложите о предложеніи Пеликанова, не откладывая.

Сергѣй Яковлевичъ задумался, припоминая.

— Мы готовили его къ слѣдующему докладу. Здѣсь есть одно скучное дѣло о...

— Скучное, такъ вы его и отложите, — засмѣялся Долотовъ,—а моего Пеликанова теперь. Вамъ вѣдь все равно!

— Положимъ, — улыбнулся Сергѣй Яковлевичъ и кивнулъ головою.—Хорошо, я распоряжусь приготовить!

— Пожалуйста!

— Будьте покойны!—пожимая руку Долотова, сказалъ Сергѣй Яковлевичъ.

Долотовъ вышелъ. Сергѣй Яковлевичъ, медленно подошелъ къ своему столу. Непріятное чувство брезгливости закралось въ его душу. Словно онъ устроилъ какой-то нехорошій компромиссъ.

V.

Директоръ правленія одного изъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Петровичъ Перехватовъ, два дня всего, какъ вернулся изъ-за границы, и сегодня у него былъ первый винтъ.

— Безъ винта для меня полжизни,—говорилъ онъ, смѣясь, своимъ гостямъ.

Къ нему шли охотно. Всякій зналъ, что послѣ картъ подается роскошный ужинъ, и что на вино и сигары Перехватовъ не жалѣетъ денегъ.

Долотовъ явился изъ первыхъ.

— А, Васинька! — привѣтствовалъ его Перехватовъ.—Прыгаешь?

— Какъ всегда! А ты жиру, кажется, не убавилъ себѣ на водахъ-то?

Перехватовъ вздохнулъ.

— Радъ, что не прибавилъ, другъ. Теперь рѣшилъ на велосипедѣ попробовать. Авось отощаю!

— Если ногъ не поломаешь!—и, сразу измѣнивъ тонъ на серьезный, онъ сказалъ Перехватову, беря его подъ руку:—Пока до винта, на два слова!

— Чтò?—озабоченно спросилъ Перехватовъ, отходя въ уголъ кабинета.

— Пустяковое дѣло: одного молодого человѣка къ тебѣ пристроить надо. Непремѣнно!

— На сколько?

— Ну, хоть на сто рублей. Понимаешь, необходимо. Сынъ Гуляева, Сергѣя Яковлевича. Человѣкъ нужный.

Перехватовъ оттопырилъ губу.

— Ни, ни, ни!—рѣшительно сказалъ Долотовъ.—Завтра же у тебя буду. Нѣтъ мѣста, найди! Самъ потомъ спасибо скажешь!

— Ну, ладно!—сказалъ Перехватовъ и, обращаясь къ вновь вошедшему, заговорилъ:

— А! Андрей Алексѣевичъ, ну, какъ-то поиграемъ сегодня! Соскучился я, страсть! Безъ винта, прямо, не жизнь!..

VI.

Въ управленіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ главное послѣ директора лицо, Сергѣй Ивановичъ Терновъ, суетился и волновался. Съ озабоченнымъ видомъ онъ нѣсколько разъ входилъ въ канцелярію, то за одной справкой, то за другой, и въ полголоса торопливо обмѣнивался съ правителемъ канцеляріи отрывочными фразами.

— Смѣты о ремонтѣ готовы?

— Готовы!

— Ихъ тоже къ подписи. А машинки всѣ?

— Всѣ, всѣ! И чего вы такъ волнуетесь, право?

— Чего?—изумился Терновъ:—вы словно вновѣ, батюшка. Онъ, съ отдыха-то какъ пріѣдетъ, во все суется. Непріятно недовольную физіономію увидать. Чего! — повторилъ онъ раздражительно.

— Ну, а машинки къ чему?

— Онъ же приказалъ! „Чтобы къ моему пріѣзду, говоритъ, переписчиковъ не было. Все на машинкахъ“.

Терновъ схватилъ со стола нужныя бумаги и убѣжалъ въ кабинетъ, откуда тотчасъ зазвенѣли во всѣ концы электрическіе звонки.

Волненіе главнаго начальника передалось невольно и всѣмъ служащимъ. Перехватовъ вернулся изъ-за границы и послѣ двухмѣсячнаго отпуска явится въ управленіе. Швейцаръ выглядывалъ поминутно изъ подъѣзда, боясь упустить встрѣчу директора.

Сторожа при каждомъ шумѣ испуганно вскакивали со своихъ мѣстъ, завѣдующіе отдѣленіями имѣли озабоченный видъ, а прочіе служащіе, наклонивъ головы, усиленно считали, писали, ворочали бумаги, изрѣдка шопотомъ обмѣниваясь своими впечатлѣніями.

Наконецъ, Перехватовъ подъѣхалъ къ подъѣзду своего управленія. Юркій швейцаръ выскочилъ, словно ошпаренный, и ловко подхватилъ его подъ локоть.

— Съ пріѣздомъ, ваше превосходительство!—подобострастно сказалъ онъ.

— Благодарю, братецъ!—отвѣтилъ Перехватовъ, грузно наваливаясь на его руку.

Онъ вошелъ въ прихожую. Сторожа бросились къ нему съ низкими поклонами. Одинъ помогъ снять пальто; другой почтительно принялъ шляпу; третій быстро и ловко обмахнулъ щеткою его изящный костюмъ, и Перехватовъ, пыхтя, переваливаясь, медленно сталъ подниматься по лѣстницѣ, на верхней площадкѣ которой его поджидали уже Терновъ и Соловской.

— Съ благополучнымъ пріѣздомъ!

— Ну-съ, какъ? Поправились?

Перехватовъ дружески кивнулъ головою и подалъ имъ руку.

— Благодарю! Нѣтъ, ничего не помогло. Буду теперь на велосипедѣ кататься. Вы вѣдь ѣздите, Антонъ Семеновичъ?—обратился онъ къ Соловскому:—такъ вотъ съ вами совѣтоваться буду. Трудно выучиться?

— Пустяки!

— Это для вашей комплекціи, а во мнѣ, друже, семь пудовъ! Да-съ! — и онъ улыбнулся отошедшему къ своему столу Соловскому.

Идя вдвоемъ съ Терновымъ, Перехватовъ дружески кивалъ головою въ отвѣтъ на почтительныя привѣтствія служащихъ.

— Ну-съ, а теперь дѣла, — сказалъ онъ, входя въ свой роскошный кабинетъ:—что̀ безъ меня подѣлывали?

— Все обстоитъ благополучно! Смѣты по ремонту...—началъ Терновъ, раскрывая толстый портфель.

— А машины?

— Машины пріобрѣтены, Дмитрій Петровичъ. Всѣ барышни на нихъ работаютъ.

— Отлично! Ну-съ, далѣе!..

Терновъ сталъ вынимать бумагу за бумагой, докладывая содержаніе каждой. Голосъ его звучалъ монотонно, ровно, и Перехватову. становилось все скучнѣе и томительнѣе...

Терновъ оканчивалъ свой докладъ.

— Завѣдующій контролемъ по мелкимъ расходамъ померъ. Освободилась вакансія,—окончилъ онъ, собирая бумаги.

Перехватовъ вдругъ встрепенулся.

— Не занята?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Терновъ,—но Антонъ Семеновичъ намѣтилъ одного кандидата. Прекрасный счетчикъ. Въ земствѣ бухгалтеромъ былъ и голо...

— А какой окладъ?

— Тысяча-двѣсти, съ наградными—тысяча-пятьсотъ.

— Вотъ-вотъ!—закивалъ Перехватовъ:—и отлично! У меня есть свой кандидатъ. Изготовьте-ка мнѣ бумажку о назначеніи Гуляева...

Онъ напрягъ память, не позабылъ ли фамиліи.

— Да, Гуляева! — подтвердилъ онъ и прибавилъ: — знаете Сергѣя Яковлевича? такъ его сына.

— Но, Дмитрій Петровичъ,—смутился Терновъ,—вѣдь его мѣсто все-таки отвѣтственное. Мы обнадежили того... бухгалтера, какъ же...

— Ну, ну, ну, тоже!—недовольно перебилъ его Перехватовъ:—какой-то земскій бухгалтеръ—и Гуляевъ! Да еще за него Долотовъ просилъ, а онъ, сами знаете, всегда нуженъ! Ну, и усталъ же я... — И Перехватовъ съ утомленнымъ видомъ потянулся и зѣвнулъ. — Вчера интересная игра пришла. Въ пяти. Интересно, что выходило четыре или шлемъ, а пять—никакъ...

Онъ на минуту оживился, разсказалъ игру и снова зѣвнулъ.

— Такъ бумажку о Гуляевѣ изготовьте, а я Долотову напишу!...

Терновъ вышелъ и прошелъ въ канцелярію.

— Прикажите, Антонъ Семеновичъ, изготовить бумагу о назначеніи на вакантное мѣсто Гуляева, — сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть на Соловского.

Тотъ изумленно взглянулъ на Тернова.

— А Креповъ?

— Дмитрій Петровичъ такъ распорядился. Этотъ Гуляевъ—сынъ Сергѣя Яковлевича...

— Онъ?—воскликнулъ Соловской.—Такъ я его знаю. Видѣлъ. Вѣдь это—лоботрясъ совершенный; мой пріятель его въ юнкерское готовилъ и даже грамотно писать не могъ выучить.

Терновъ пожалъ плечами.

— Это ужъ не мое дѣло. Вѣроятно, по высшимъ соображеніямъ... А Крепова жаль!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Свинство! — выругался Соловской, рѣзко опускаясь на свое кресло.

— Все-таки изготовьте!—сказалъ Терновъ и торопливо выскользнулъ изъ комнаты.

Соловской взялъ въ руки перо, но писать не могъ. Онъ вспомнилъ Крепова, задушевную съ нимъ бесѣду и свои обѣщанія.

VII.

За всѣ дни со времени выхода изъ земства Креповъ не просыпался утромъ въ такомъ жизнерадостномъ настроеніи, какъ въ утро понедѣльника, въ который онъ рѣшилъ сходить въ управленіе за окончательнымъ отвѣтомъ.

Онъ проснулся, слыша лепетъ своего сына. Маленькая Лиза кормила его кашей, а онъ говорилъ безъ умолку.

— Когда будетъ воскресенье,—говорилъ онъ,—мы поѣдемъ въ циркъ—я, ты, мама и папа! Воскресенье скоро!—вторникъ, потомъ пятница, а потомъ и воскресенье! Правда, мама?

— Правда, правда,—отвѣчалъ голосъ матери,—кушай кашку.

Креповъ улыбнулся. Онъ пообѣщалъ, какъ получитъ мѣсто, повезти дѣтей въ циркъ, и маленькій Леша не забылъ этого обѣщанія.

— Всѣ въ циркъ поѣдемъ, — громко сказалъ Креповъ съ постели,—и я тебѣ апельсинъ куплю!

— Папа проснулся!—закричалъ Алеша.

— Кушай кашку!—раздался голосъ Лизы.

— Тебѣ подать чаю или встанешь?—спросила жена, заглядывая за ширмы.

Онъ улыбнулся и протянулъ ей руки.

— Сегодня рѣшится наша участь,—сказалъ онъ,—а я не только спокоенъ, но радостенъ даже!

Жена нагнулась и поцѣловала его.

— Устали мы ужъ очень!—отвѣтила она.—Такъ встанешь?

— Встану, встану!

Утро онъ провелъ съ дѣтьми, и планы на будущее строились даже ими.

— Не забудь, папа,—говорила Лиза:—ты возьмешь піанино и будешь учить меня музыкѣ.

— И меня музыкѣ!—повторялъ Алеша.

— Обоихъ, обоихъ,—смѣясь, отвѣтилъ Креповъ.

— Говорятъ, квартиры ужасно трудно искать. Дороги неприступно,—озабоченно говорила Евгенія Петровна.

— Глупости! — гдѣ-нибудь на Петербургской, на Островѣ. Намъ вѣдь все равно. А къ веснѣ я пріобрѣту велосипедъ.

— Швейную машинку надо выкупить...

Но когда Креповъ вышелъ изъ дому, сомнѣніе вдругъ коснулось его сознанія и сразу отравило его настроеніе.

„Съ какой стати?—думалъ онъ:—правитель канцеляріи—не мальчикъ, управляющій—тоже. Обыкновенно, директоръ—только одна формальность... Формальность! — тотчасъ возражалъ онъ себѣ: — предсѣдатель выжилъ меня изъ управы потому только, что у него былъ свой кандидатъ. А тутъ—готовое мѣсто“.

Онъ не рѣшился ѣхать на извозчикѣ, изъ трусливаго желанія отдалить роковую минуту. То убѣждая себя въ невозможности получить отказъ, то разбивая свои доводы, онъ терзалъ свою душу, и нѣсколько изъ встрѣчныхъ прохожихъ обернулись ему вслѣдъ, но онъ не замѣчалъ дороги.

Передъ входомъ въ управленіе силы на мигъ покинули его. Измученный, онъ уже не вѣрилъ въ возможность счастія. Но черезъ минуту онъ справился съ собою и, сбросивъ пальто, спросилъ у сторожа:

— Антонъ Семеновичъ здѣсь?

— Здѣсь, наверхъ пожалуйте. Направо, вторая дверь!

— Знаю!—отвѣтилъ Креповъ и легко взбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ широкомъ корридорѣ по одну сторону стояли ясеневыя скамейки, по другую—высокія двери съ матовыми стеклами вели въ отдѣленія службы.

Креповъ подошелъ къ сторожу и попросилъ его вызвать Соловского. Сторожъ вошелъ во вторую дверь, черезъ минуту вернулся и, сказавъ:—Сейчасъ выйдутъ!—остановился у стѣны, равнодушно сложивъ на груди руки.

Креповъ сѣлъ на скамью, но тотчасъ всталъ и нетерпѣливо началъ ходить по корридору. Волненіе его росло. Онъ слышалъ біеніе своего сердца. Отъ одного слова зависитъ счастіе всей семьи!..

Онъ съ завистью смотрѣлъ на служащихъ, проходящихъ дѣловымъ быстрымъ шагомъ по корридору. Мгновенія обращались для него въ томительные часы. Онъ въ изнеможеніи опустился на скамью и сейчасъ же вскочилъ, увидѣвъ входившаго изъ двери Соловского.

— Пріѣхалъ?—спросилъ онъ Соловского, поздоровавшись съ нимъ.

— Пріѣхалъ, — отвѣтилъ Соловской и замолчалъ. Онъ не могъ нанести удара, и не зналъ, что говорить дальше. Креповъ поблѣднѣлъ.

— Сергѣй Ивановичъ говорили обо мнѣ?

Соловской кивнулъ головою. Сердце Крепова упало, на лбу выступила испарина.

— И что же? утвер....

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Соловской:—у директора оказался уже давнишній кандидатъ,—совралъ онъ,—а мы этого и не знали. Да постойте. Вы не волнуйтесь...

Соловской посадилъ Крепова на скамью и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, сталъ говорить безсвязно.

— Видите ли. Это пустяки. Я знаю, что его кандидатъ не прослужитъ и полгода. Тогда вы, а можетъ быть и ранѣе. Можетъ быть что-нибудь освободится. Вы навѣдайтесь черезъ недѣлю. Мы съ Сергѣемъ Ивановичемъ...

— Благодарю васъ,—глухо отвѣтилъ Креповъ, поднимаясь со скамьи. Онъ былъ спокоенъ, только мертвенная блѣдность выдавала его волненіе.

— Навѣдайтесь!—съ горячимъ сочувствіемъ повторилъ Соловской, встряхивая его руку.—Мы васъ будемъ помнить!

— По моему, это гнусность,—взволнованно говорилъ онъ черезъ минуту Тернову:—я чувствовалъ себя палачомъ, буквально. Вы должны были убѣдить директора.

Терновъ пожалъ плечами.

— Вы рехнулись, батенька! Во-первыхъ, я тутъ безсиленъ, а потомъ не одинъ вашъ Креповъ страдаетъ. Такъ вѣдь для каждаго мѣста кличъ кличи: „кто самый бѣдный“! Жалко, что и говорить, но не трагедія.

— Не испытали вы этого,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Соловской, и весь день не могъ работать...

Креповъ вышелъ изъ управленія, не придя еще въ сознаніе отъ полученнаго удара, и, свернувъ направо, пошелъ, не разбирая дороги. Что-то огромное, тяжкое обрушилось на него, и онъ не могъ еще разобраться въ мысляхъ. Всѣ погибли! Жалость къ женѣ, дѣтямъ, къ себѣ, наполняла его сердце, и онъ готовъ былъ плакать.

По дорогѣ ему попался скверъ. Онъ вошелъ въ него и сѣлъ на скамейку. Наискосокъ отъ него какой-то юноша стоялъ передъ двумя дѣвицами и разсказывалъ имъ что-то забавное. Онѣ громко смѣялись. Мимо него съ гикомъ пробѣжала толпа мальчиковъ. Въ отдаленіи играли дѣти.

Креповъ оглянулся и вздохнулъ. Вотъ что̀ такое „борьба за жизнь"! Жизнь наноситъ неожиданные удары, разбиваетъ надежды, лишаетъ близкихъ людей, вырываетъ изъ горла кусокъ хлѣба—и ты терпи. Надоѣстъ судьбѣ трепать тебя, и ты—побѣдитель...

Креповъ горько усмѣхнулся.

Мысли его начали проясняться. Но первая же мысль наполнила его душу ужасомъ. Онъ представилъ себѣ жену, Лизу. Онѣ встрѣтятъ его радостно, и потомъ... какъ измѣнятся ихъ лица!..

Что̀ будетъ съ Женей? она говоритъ: „измучилась", а впереди—то же, безъ срока... Въ надеждѣ на мѣсто, эти дни онѣ тратили больше обыкновеннаго. И что̀ у нея осталось отъ шубъ? Чѣмъ жить, на что надѣяться?.. Онъ тяжко вздохнулъ и снялъ шляпу, чтобы освѣжить взволнованную голову.

На небо надвинулись тучи, пошелъ дождь...

Евгенія Петровна уже не могла скрыть своего безпокойства отъ Лизы.—Семь часовъ, а его все нѣтъ!

— Лиза, выглянь на лѣстницу! — говорила она время отъ времени, одной минутою желая ускорить извѣстіе о мужѣ. Лиза выходила и возвращалась снова.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ! Мама, что̀ съ папой?

— Ничего! опоздалъ. Можетъ быть, его позвали обѣдать. Ты хочешь ѣсть?

Лиза качала головою. Ихъ безпокойство передалось и Алешѣ. Онъ закапризничалъ.

— Лешенька, тебѣ спать пора. Папа придетъ и принесетъ тебѣ гостинца. Лиза, уложи его

— Не хочу, я буду папу ждать! Лиза, уйди!..

— Господи, да что же это?—воскликнула въ отчаяньи Евгенія Петровна:—скоро восемь!

Онѣ не замѣтили, какъ сгустились сумерки, и тревожно прислушивались къ тишинѣ.

Вдругъ въ корридорѣ раздались тяжелые шаги.

Евгенія Петровна встрепенулась. Лиза обхватила Алешу.

— Не плачь! папа идетъ!

Дверь распахнулась, и въ полутьмѣ раздался недовольный окрикъ Крепова:

— Что это вы, какъ совы, въ темнотѣ сидите! Или на керосинъ денегъ нѣтъ?

— Мы ждали тебя,—вздрогнувъ, отвѣтила Евгенія Петровна, —безпокоились...

— И совершенно напрасно! Мнѣ еще далеко до смерти. Чортъ не торопится.

— Лиза, зажги лампу! Постой, я сама.

— Папа, принесъ гостинца?—заговорилъ Алеша.

— Не до гостинца, Алеша; скоро ѣсть будетъ нечего,— горько отвѣтилъ Креповъ.

Алеша заплакалъ. Сердце Евгеніи Петровны сжалось. Отказъ! Что же будетъ съ ними?!.. Но она сдержалась и осторожно оглянулась на мужа. При свѣтѣ лампы, лицо его показалось еще блѣднѣе. Одежда и волоса его были мокры.

Евгенія Петровна испугалась.

— Ѳедя,—подошла она къ мужу,—ты промокъ. Раздѣнься и лягъ. Я заварю чаю.

Креповъ взглянулъ на нее, и лицо его вдругъ исказилось судорогою.

— Женя, отказали мнѣ! — произнесъ онъ глухо: — у нихъ свой кандидатъ...

— Послѣ разскажешь, Ѳедя. Теперь лягъ! Иди, раздѣнься! Я достану бѣлье.

— Алеша уснулъ? тсс... положи его въ постельку. Ты хочешь обѣдать?

— Нѣтъ!—тихо отвѣтила Лиза. Она уже понимала, какое горе разразилось надъ ними, и раздѣляла его съ отцомъ и матерью...

Наступила ночь, и опять Креповы лежали на постели безъ сна.

Среди тяжкаго молчанія, которое угнетало обоихъ, послышался глубокій вздохъ Крепова.

— Ѳедя,—тихо сказала Евгенія Петровна,—не убивайся! Свѣтъ не клиномъ сошелся, будетъ и мѣсто!...

— На Смоленскомъ,—горько отвѣтилъ Креповъ:—намъ только на кладбищахъ отказа нѣтъ...

Евгенія Петровна промолчала. Слезы тихо струились по ея лицу. Дѣйствительно, развѣ мѣсто падаетъ съ неба?..

VIII.

Сергѣй Яковлевичъ Гуляевъ вышелъ къ завтраку съ довольной улыбкой на лицѣ.

— А гдѣ Аркадій?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Съ утра ушелъ,—отвѣтила Софья Аркадьевна.

— На велосипедѣ уѣхалъ,—поправила ее Аглая.

— А что?—спросила Софья Аркадьевна.

— Ну, сдѣлалось по-твоему. Вотъ для Аркадія мѣсто,—отвѣтилъ Гуляевъ, подавая ей вскрытый конвертъ съ письмомъ отъ Долотова.

Софья Аркадьевна быстро пробѣжала письмо глазами и воскликнула:

— Вотъ спасибо! Я говорила тебѣ, что найти мѣсто ничего не стоитъ!..

Гуляевъ нахмурился.

— Только скажи ему, чтобы онъ хоть на время бросилъ велосипедъ свой. А то прямо неловко.

А. Заринъ.

БЕРЛИНСКАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПРЕССА

ОЧЕРКИ.

I.

„Schlimme Nachrichten aus Paris“—такъ озаглавленъ былъ изданный 25-го февраля 1848 года въ Кёльнѣ летучій листокъ (Extra-Blatt), извѣщавшій гражданъ этого стариннаго города о вспыхнувшей въ Парижѣ революціи. Изъ этого же летучаго листка узнавали тогда о новѣйшихъ событіяхъ во Франціи и жители Берлина, слѣдившіе и прежде съ большимъ интересомъ за столкновеніемъ, разыгравшимся между правительствомъ іюльской монархіи и представителями народной оппозиціи. Слѣдить же за быстро чередовавшимися во Франціи событіями берлинцы могли только по парижскимъ газетамъ, потому что мѣстныя газеты или сообщали о парижскихъ событіяхъ на нѣсколько дней позже полученія парижскихъ газетъ, или же ничего не сообщали. Это объяснялось очень просто. По мнѣнію тогдашняго шефа берлинской цензуры, старенькаго и умудреннаго опытомъ гофъ-рата Іона, задерживавшаго у себя регулярно на 24 часа всѣ приносимыя берлинскими газетами политическія извѣстія, подобныя новости, какъ „Воспрещеніе министерствомъ Гизо банкета, назначеннаго на 21-е февраля въ Елисейскихъ-Поляхъ“, или „Внесеніе въ палату депутатовъ предложенія о преданіи министерства Гизо суду“, не должны

были быть сообщены „добрымъ“ берлинскимъ бюргерамъ своевременно, во избѣжаніе возможнаго возбужденія умовъ. Поэтому кое-какія извѣстія о ходѣ революціи въ Парижѣ Іонъ задерживалъ у себя на нѣсколько дней, а кое-что другое совершенно не разрѣшалъ печатать. Парижскія газеты получались только въ нѣсколькихъ большихъ кафѐ или кондитерскихъ, и въ нихъ всегда было шумно и оживленно въ двадцатыхъ числахъ февраля 1848 г. Тотъ, кто первый получалъ въ руки свѣжій нумеръ парижской газеты, долженъ былъ становиться на стулъ и прочитывать вслухъ все то, что̀ въ этомъ нумерѣ было напечатано. Подобныя оживленныя собранія, оканчивавшіяся, обыкновенно, диспутами и предсказаніями будущаго, повторялись изъ вечера въ вечеръ. Въ субботу, 26-го февраля, парижскія газеты принесли извѣстіе о паденіи министерства Гизо. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всему Берлину. Возбужденіе умовъ сильно повысилось, и въ воскресенье вечеромъ всѣ кафѐ и кондитерскія, гдѣ получались парижскія газеты, были биткомъ набиты посѣтителями. Въ обычный часъ получилась почта изъ Кёльна, но парижскихъ газетъ не оказалось. Зато упомянутый кёльнскій листокъ принесъ „скверныя извѣстія“ изъ Парижа: „Предъ дворцомъ Гизо произошло первое столкновеніе между народомъ и муниципальной гвардіей! На улицахъ Парижа воздвигаются баррикады!“ Нѣкоторые пылкіе посѣтители кафѐ говорили, что надо ожидать крупныхъ событій въ Парижѣ. Дѣйствительно, уже на слѣдующій день „Allgemeine Preussische Zeitung“, оффиціальный органъ прусскаго правительства, сообщила въ экстренномъ изданіи о состоявшемся во Франціи отреченіи Лудовика-Филиппа и о назначеніи герцогини Орлеанской королевой-регентшей, скрывъ, однако, отъ берлинскихъ гражданъ, что во Франціи провозглашена республика и что король бѣжалъ изъ Парижа. Хотя французскія газеты все еще не получались въ Берлинѣ, но о провозглашеніи во Франціи республики узнали быстро на берлинской биржѣ, а вскорѣ объ этомъ зналъ и говорилъ весь городъ, но мѣстнымъ газетамъ не разрѣшено было цензурой ни слова о томъ, что̀ творится во Франціи. Одинъ только д-ръ Юліусъ, недавно основавшій новую газету „Zeitungshalle“, имѣлъ мужество обойтись безъ разрѣшенія цензора и передалъ въ своей газетѣ городскіе слухи, нашедшіе себѣ вскорѣ полное подтвержденіе. Въ эти-то дни началось среди берлинскаго населенія сильнѣйшее броженіе; оно еще болѣе увеличилось при извѣстіи о побѣдѣ революціи въ Вѣнѣ, и закончилось мартовскими днями, однимъ изъ

ближайшихъ послѣдствій которыхъ было полное паденіе предварительной цензуры въ Пруссіи, а вслѣдъ затѣмъ и въ Германіи.

Такимъ образомъ, только въ мартѣ 1848 г. началось, наконецъ, нормальное развитіе нѣмецкой политической печати, въ то время какъ уже лѣтъ за триста до того положено было ей начало нѣкоторыми энергичными нѣмцами, которые, получая болѣе или менѣе регулярно кое-какія свѣдѣнія отъ лицъ, приближенныхъ къ князьямъ и курфюрстамъ, сообщали образованному нѣмецкому населенію о всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ и новостяхъ путемъ рукописныхъ писемъ и печатныхъ „реляцій". „Relationen"—такъ называлась и первая берлинская газета, издатель которой довольствовался тѣмъ, что выпускалъ ее разъ въ полгода. Нѣсколько позже, когда въ Германіи положено было начало болѣе или менѣе правильному почтовому сообщенію, „Реляціи", носившія еще также названія: „Avisen" (отъ итальянскаго слова avviso—извѣстіе, сообщеніе), „Beylagen", „Pagellen", „Zeddel" и „Nora", стали появляться все болѣе и болѣе часто. Почти всѣ онѣ были въ рукахъ „редактировавшихъ" ихъ почтмейстеровъ, такъ какъ почтовыя станціи являлись въ то время единственнымъ центромъ, гдѣ можно было узнавать отъ проѣзжающихъ и сообщать имъ же всѣ свѣжія новости. Характерно, что едва только газеты („gazeta"—итальянское слово, означавшее первоначально названіе мелкой монеты) стали прививаться и въ Германіи, онѣ уже имѣли ярыхъ враговъ. Нѣкто Каспаръ Шлибекъ написалъ даже цѣлую книгу, въ которой предостерегаетъ современныя ему предержащія власти отъ того, что онѣ смотрятъ на существованіе газетъ сквозь пальцы и, что̀ еще хуже, оставляютъ ихъ въ рукахъ почтмейстеровъ, этихъ „зловредныхъ либераловъ". Эта удивительная книга, нѣкоторыя идеи которой находятъ себѣ откликъ даже въ наше время, была написана на латинскомъ языкѣ и называлась: „Usus et abusus novellarum".

Болѣе или менѣе точно установлено, что слово „Zeitung" употреблялось въ Германіи уже въ 1505 году. Еще сохранились два экземпляра берлинскихъ газетъ отъ 1580 и 1588 годовъ. Въ одной изъ нихъ берлинскій епископъ описывалъ новѣйшія небесныя знаменія и, подкрѣпляя себя цитатами изъ Библіи, предсказывалъ близкое уже разрушеніе міра; въ другой разсказывалось о найденной близъ Зонденбурга селедкѣ, на чешуѣ которой можно было ясно различить нѣкоторыя слова. Сохранились также нѣкоторыя періодическія изданія, вышедшія въ эпоху тридцатилѣтней войны; въ нихъ, между прочимъ, раз-

сказывается, что провинившихся солдатъ наказывали повѣшеніемъ за руки, и что въ тѣ времена была страшная нужда въ деньгахъ... Въ томъ же семнадцатомъ вѣкѣ основаны были въ Германіи нѣкоторыя газеты, не прекратившія своего существованія вплоть до нашего времени. Такъ, съ 1615 года издается „Frankfurter Journal", газета, которая, за все долгое время своего существованія, никогда, однако, не имѣла крупнаго значенія въ какомъ бы то ни было отношеніи. „Magdeburger Zeitung" также существуетъ уже свыше 250 лѣтъ, а „Гамбургскому Корреспонденту" скоро минетъ два вѣка. Въ 1655 году получилъ въ Берлинѣ привилегію на открытіе типографіи и печатаніе газеты нѣкій Георгъ Рунге; его изданіе процвѣтало, но за оскорбленія иностранныхъ дворовъ онъ часто бывалъ штрафованъ. Послѣ его смерти, единственнымъ типографомъ въ Берлинѣ былъ нѣкоторое время Лоренцъ, пока въ 1704 году Андрей Рюдигеръ также получилъ разрѣшеніе издавать еженедѣльную газету, называвшуюся „Diarium". Пути обоихъ издателей были усѣяны сплошными терніями: не говоря о конкурренціи другъ съ другомъ, то одинъ, то другой издатель часто впадали въ немилость у короля и, смотря по тому, то имѣли привилегію на изданіе газеты, то временно лишались ея. Позднѣйшая привилегія, полученная тѣмъ же Андремъ Рюдигеромъ „на право печатанія частнымъ образомъ и продажи берлинскихъ еженедѣльныхъ газетъ", помѣчена 11-мъ февраля 1722 г. На основаніи этой привилегіи, 23-го февраля того же года появился первый нумеръ газеты, носившей названіе „Berlinische privilegirte Zeitung" и выходившей въ свѣтъ уже три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ очень маленькомъ форматѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ I терпѣть не могъ „резонерства", и поэтому газеты въ его время должны были выражаться о всякихъ придворныхъ дѣлахъ особенно осторожно. Такъ, упомянутая газета сообщала изъ Лондона, что тамъ „переведено на англійскій языкъ и напечатано письмо одного *извѣстнаго* короля, написанное имъ къ его великобританскому величеству по поводу суровой, выполненной въ 1724 г. іезуитами экспедиціи". А вотъ что̀ писали той же газетѣ изъ Данцига: „Такъ какъ одинъ *извѣстный* король принимаетъ особенно близко къ сердцу дѣла всѣхъ протестантовъ вообще, а также протестантовъ, живущихъ въ польской Пруссіи, то есть поводъ надѣяться, что тамъ перестанутъ ихъ угнетать". Въ 1727 году получилъ „королевскую привилегію" на изданіе второй берлинской газеты А. В. Гайнъ; его изданіе, выходившее разъ въ недѣлю и пре-

назначавшееся исключительно для помѣщенія объявленій спроса и предложенія, носило слѣдующее, довольно длинное заглавіе: „Unter Sr. Königl. Majest. in Preussen, etc. etc., Unseres allergnädigsten Königs und Herrnallerhöchsten Approbation und auf Dero specialen Befehl: Wöchentliche Berlinische Frage- und Anzeigungsnachrichten“. Далѣе, въ заголовкѣ газеты было напечатано о томъ, что газета „будетъ сообщать читателямъ о всевозможныхъ вещахъ, которыя можно купить или желаютъ продать въ городѣ и внѣ его, о всѣхъ разсылаемыхъ судомъ и администраціей приглашеніяхъ, обо всемъ томъ, что̀ отдается въ наемъ или въ аренду, или же продается съ аукціона, о потерянныхъ, найденныхъ и украденныхъ вещахъ, равно какъ и о случаяхъ отдачи чего-либо въ ленное владѣніе“. Затѣмъ, въ газетѣ „будутъ указываться лица, которыя хотятъ отдать деньги въ займы, ищутъ подходящихъ для себя условій или работы, или предлагаютъ таковую“. Наконецъ, газета обѣщала еще своимъ читателямъ „сообщеніе еженедѣльныхъ базарныхъ цѣнъ и таксы на зерно, шерсть, пиво, хлѣбъ, мясо и т. д.“... 5-го іюня 1740 г., т.-е. чрезъ пять дней послѣ вступленія Фридриха Великаго на прусскій престолъ, опубликованъ былъ циркуляръ министра королевскаго кабинета, фонъ-Подевиля, въ которомъ было сказано, что, по повелѣнію короля, предоставляется „мѣстнымъ берлинскимъ газетнымъ писателямъ полная свобода сообщать подъ рубрикой „Берлинъ“ все то, что̀ здѣсь происходитъ, писать, какъ имъ угодно, и безъ предварительной цензуры ихъ словъ“. Въ циркулярѣ упоминается и знаменитое выраженіе короля: „Gasetten, wenn sie interessant sein sollen, nicht gerügt werden müssen“. Впрочемъ, границы „полной свободы“ были довольно узки, тѣмъ болѣе, что освобожденіе газетъ отъ предварительной цензуры было сдѣлано хотя и по распоряженію короля, но противъ воли и согласія его министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ. Уже 13-го сентября того же года, „Buchführer“ Рюдигеръ получилъ отъ генералъ-директоріума приказъ о томъ, чтобы „онъ пользовался предоставленной газетнымъ писателямъ свободой съ большой обдуманностью и осторожностью“. Рюдигера упрекали въ томъ, что онъ сообщилъ въ своей газетѣ ложное извѣстіе о мѣстномъ Lager-Haus'ѣ, и на этомъ основаніи ему было „строго приказано, чтобы онъ себѣ не позволялъ впредь сообщать въ своей газетѣ рѣшительно ничего о мѣстномъ Lager-Haus'ѣ, какъ и вообще о коммерческихъ и мануфактурныхъ дѣлахъ внутри страны, безъ полученнаго на это предварительнаго распоряженія“.

Въ томъ же 1740 году Фридрихомъ Великимъ разрѣшено было изданіе третьей берлинской газеты, которая называлась сначала „Berlinische Nachrichten“ и выходила вплоть до 1824 г. три раза въ недѣлю. Съ упомянутаго года газета эта, переименованная, по имени издателя ея, въ „Spenersche Zeitung“, стала выходить шесть разъ въ недѣлю, съ 1872 г.—12 разъ, а 1-го ноября 1874 г. она слилась въ одно цѣлое съ газетой „National Zeitung“, которая была основана значительно позже Шпенеровой, только въ 1848 г., и о которой будетъ рѣчь ниже. Въ 1749 г. упомянутая уже „Berlinische privilegierte Zeitung“ перемѣнила свой форматъ, т.-е. стала выходить полулистомъ in quarto, и ввела новую рубрику: „Von gelehrten Sachen“. Когда же, послѣ смерти Рюдигера, въ мартѣ 1751 г., королевская привилегія на право изданія газеты перешла къ его зятю, книжному торговцу Христіану-Фридриху Фоссу, редактированіе недавно введеннаго научнаго отдѣла взялъ на себя не кто иной, какъ Лессингъ, близкій другъ Фосса. Съ того времени газета называется, по имени издателя, „Vossische Zeitung“, причемъ второе заглавіе нѣсколько разъ въ теченіе ея существованія измѣнялось, а съ 1785 г. до нашихъ дней на первой страницѣ этой газеты неизмѣнно и постоянно печатается: „Königlich privilegierte berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen“. Придававшее газетѣ значительный интересъ участіе въ ней Лессинга продолжалось до 1755 г.; съ этого же времени „Фоссова Газета“ начала разнообразить и свой политическій отдѣлъ, причемъ на первомъ мѣстѣ печатались, обыкновенно, придворныя извѣстія: какъ о персонѣ короля, его семьѣ и придворныхъ, такъ и о разнаго рода внѣшнихъ событіяхъ при прусскомъ дворѣ. Приблизительно тогда же „Фоссова Газета“ стала увеличивать и свои размѣры. Во время семилѣтней войны нѣкоторые нумера этой газеты выходили въ размѣрѣ полнаго листа; съ 1767 г. газета даетъ приложеніе въ размѣрѣ четверти листа, сначала изрѣдка, потомъ все чаще и чаще, пока съ 1769 г. газета, наконецъ, выходитъ уже почти постоянно въ размѣрѣ полнаго листа, причемъ читателямъ аккуратно сообщались и тиражи выигрышей старыхъ денежныхъ лотерей. Но до начала текущаго столѣтія „Фоссова Газета“, какъ и всѣ остальныя нѣмецкія газеты, была совершенно незначительнымъ органомъ печати, потому что ограничивалась сообщеніемъ мѣстныхъ новостей и распоряженій правительства, но не подвергала ихъ критикѣ или же не выражала своего мнѣнія по тому или иному вопросу. Лишь съ значительно подвинувшимся впередъ, въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ

истекающаго, развитіемъ путей сообщенія, газеты не только стали значительно противъ прежняго распространяться, но и играть извѣстную роль и даже принимать болѣе или менѣе опредѣленную политическую окраску. Постепенный ростъ и развитіе берлинской печати можно лучше всего прослѣдить по стариннымъ томикамъ „Фоссовой Газеты", которая съ 1806 по 1825 г. выходила подъ редакціей проповѣдника французской общины въ Берлинѣ, профессора Кателя. Въ 1822 году „Фоссова Газета" отпраздновала столѣтній юбилей своего существованія, а съ 1-го января 1824 г. стала выходить, наравнѣ съ „Шпенеровой Газетой", шесть разъ въ недѣлю. Позже газетой руководилъ смѣнившій профессора Кателя коммиссаръ при министерствѣ юстиціи, К. Ф. Лессингъ, племянникъ знаменитаго нѣмецкаго писателя. Популярности „Фоссовой Газеты" много помогъ Людвигъ Релльштабъ, который напечаталъ въ 1826 г. въ этой газетѣ первый свой музыкально-критическій очеркъ (объ „Ифигеніи"), а затѣмъ принялъ на себя обработку замѣтокъ о городскихъ и общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ новостяхъ; д-ръ Фриденбергъ завѣдывалъ тогда политическимъ отдѣломъ, а проф. Губицъ взялъ на себя отчеты о театральныхъ новинкахъ. Наконецъ, 30-го августа 1844 г. „Фоссова Газета" сдѣлала еще одно крупное нововведеніе: въ этотъ день въ нумерѣ газеты была напечатана первая въ нѣмецкой печати передовая статья!

Успѣхъ старыхъ берлинскихъ газетъ и облегченіе полученія привилегіи на право изданія повели, конечно, къ тому, что въ началѣ XIX-го столѣтія появился въ Берлинѣ цѣлый рядъ новыхъ періодическихъ изданій. До 1848 г. основано было въ Берлинѣ почти до двадцати новыхъ политическихъ газетъ. Всѣ онѣ прекратили уже свое, иногда весьма бренное, существованіе. Однѣ не въ состояніи были выдержать конкурренціи со старыми газетами и переставали выходить уже въ годъ основанія или два-три года спустя, немногія продержались 5—10 лѣтъ, и только три газеты завоевали себѣ болѣе или менѣе прочное положеніе. Такъ, основанная въ 1802 г. газета „Beobachter an der Spree" продержалась семьдесятъ лѣтъ; газета „Der Freimütige", основанная на три года позже предыдущей, существовала тридцать лѣтъ; „Gesellschafter"—отъ 1817 г. по 1855 г. Такъ или иначе, но потребность въ газетахъ, сравнительно съ прошлымъ, сильно возросла. Прусское правительство, облегчившее, согласно требованіямъ времени, процедуру полученія привилегіи на право печатанія газеты, не упустило, однако, изъ виду того обстоятельства, что газеты стали постепенно „смѣть свое суж-

деніе имѣть", а „Vossische Zeitung" даже проявляла довольно рѣзко свое либеральное направленіе. Правительство рѣшило пресѣчь это „зло" двумя мѣрами: съ одной стороны, въ 1819 году основанъ былъ для публикаціи правительственныхъ распоряженій оффиціальный органъ „Allgemeine Preussische Staatszeitung", а съ другой стороны была снова введена отмѣненная Фридрихомъ Великимъ предварительная цензура. И чѣмъ больше разросталась берлинская, а съ нею и вся прусская печать, тѣмъ все строже становились цензурныя преслѣдованія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ строгія, исключавшія почти всякую публичность, мѣры оказывали гнетущее давленіе на всю нѣмецкую духовную жизнь. Каждое сильно и смѣло сказанное слово изгонялось изъ газетъ полицейской цензурой. Газеты даже вынуждены бывали воздерживаться отъ простого сообщенія фактовъ изъ политической и общественной жизни. Цензора не только задерживали у себя непонравившіяся имъ почему-либо статьи и замѣтки, но даже измѣняли самовольно самый смыслъ статей. Впрочемъ, большинство берлинскихъ цензоровъ исполняло свою работу чисто механически: все, что носило характеръ критики и неудовольствія, было ими зачеркиваемо, даже критическіе отзывы о той или другой оперѣ. Нѣкоторымъ ловкимъ и остроумнымъ журналистамъ удавалось подчасъ перехитрить своихъ судей. Имѣлась въ Берлинѣ въ ту эпоху и такъ называемая „gute Presse". Были публицисты, которые вели себя смирно и чинно, какъ благовоспитанныя дѣти. Неудивительно, если послѣ вынужденнаго долголѣтняго молчанія нѣмецкій гражданинъ почувствовалъ потребность высказать возможно больше, разомъ, все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ за долгіе годы молчанія: въ теченіе одного лишь года съ того дня, какъ прекратилась дѣятельность цензуры, число берлинскихъ газетъ увеличилось почти *вдесятеро*. Основано было тогда нѣсколько солидныхъ изданій, изъ коихъ четыре отпраздновали уже свой полувѣковой юбилей, и именно: „National Zeitung", „Kreuzzeitung", „Kladderadatsch" (сатирическій журналъ, значительно лишившійся былого своего значенія и вліянія) и „Volkszeitung" (газета, называвшаяся раньше „Urwählerzeitung"). На-ряду съ этими солидными политическими органами возникли въ 1848 и ближайшихъ годахъ многочисленныя мелкія газеты, прекращавшія, обыкновенно, свое существованіе въ годъ основанія или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, продерживавшіяся года два-три. Весьма характерны названія нѣкоторыхъ газетъ, возникшихъ въ 1848 г. и желавшихъ, очевидно, возможно ярче отразить настроеніе времени, какъ напр.: „Volkszei-

tung", „Neue Volkszeitung", „Volksblätter", „Reform", „Demokrat", „Konstitutionelle Klubzeitung" и даже „Republik, Zeitschrift für das deutsche Volk".

Во второй разъ Берлинъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ горячку основанія значительнаго числа новыхъ газетъ въ семидесятыхъ годахъ, тотчасъ по возрожденіи германской имперіи и со времени начала колоссальнаго развитія Берлина, пріобрѣвшаго значеніе и размѣры мірового города. Къ тому же, были тогда утверждены рейхстагомъ общіе для всей германской имперіи, кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, законы о печати, предоставившіе нѣмецкой печати бо̀льшую, нежели раньше, свободу распространенія, а редакторамъ и издателямъ — извѣстную юридическую обезпеченность. Тогда же, закономъ 7-го мая 1874 г., нѣмецкая печать освобождена была отъ штемпельнаго налога, введеннаго въ Пруссіи еще въ 1810 году. На каждый экземпляръ всякаго періодическаго изданія налагалась казенная печать, и соразмѣрно съ числомъ отпечатанныхъ экземпляровъ взималась съ издателей опредѣленная сумма въ пользу фиска. Издатели распространенныхъ газетъ вынуждены были переплачивать казнѣ огромныя суммы денегъ: такъ, напримѣръ, контора газеты „Berliner Tageblatt" передала прусскому казначейству въ послѣдніе три мѣсяца существованія штемпельнаго налога сумму въ 38.000 марокъ. Нечего и говорить, что отмѣна штемпельнаго налога была счастьемъ не только для издателей, но и для читателей. Газеты значительно увеличили форматъ, расширили рамки своихъ программъ, улучшили содержаніе и къ тому же понизили подписную плату. Конечно, изъ основанныхъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ многочисленныхъ новыхъ газетъ далеко не всѣ съумѣли выдержать сильно тогда возросшую повсюду, а въ особенности въ Берлинѣ, конкурренцію. Изъ издающихся въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ ежедневныхъ газетъ основаны были еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, какъ было упомянуто выше, только три (кромѣ „Kladderadatsch"), въ шестидесятыхъ годахъ — 5, въ семидесятыхъ—6, въ восьмидесятыхъ—11, и въ девяностыхъ—всѣ остальныя; въ то время какъ въ 1867 году насчитывалось въ Берлинѣ, въ общемъ, 165 періодическихъ изданій, въ 1879 г. уже 350, т.-е. больше, нежели вдвое; въ 1881 г.—454, въ 1887 г.—497 и, наконецъ, къ концу 1895 г., судя по послѣднимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ, 834 [1]). Теперь число пе-

[1]) По содержанію своему онѣ дѣлились на слѣдующія рубрики: 62 изданія посвящены были политикѣ и общественной жизни; 206—искусствамъ и различнымъ от-

ріодическихъ изданій въ Берлинѣ достигло 900. Само собою разумѣется, подобный мощный ростъ берлинской печати (какъ и печати всего міра) возможенъ былъ только при условіи колоссальнаго развитія техники. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ на ручномъ прессѣ можно было напечатать лишь 100 — 150 экземпляровъ газеты въ часъ (и то маленькаго формата: четверть или осьмушку или же 1.200—1.800 экз. въ день, при условіи 12-часоваго труда. Когда позже въ типографіяхъ введена была стереотипія, двойная скоропечатная машина, имѣвшаяся тогда лишь въ типографіяхъ большихъ газетъ, все-же отпечатывала только 3.000 экземпляровъ въ часъ. А теперь двойная ротаціонная машина, одновременно печатающая, рѣжущая и складывающая газетные листы, даетъ въ одинъ часъ 30.000 экземпляровъ нумера газеты въ восемь страницъ in folio. Возможность массоваго распространенія газетъ снова возросла въ Германіи въ восьмидесятыхъ годахъ, когда сильно понизились цѣны на бумагу. Нѣкоторыя вновь основанныя тогда берлинскія газеты имѣли возможность назначить столь низкую подписную плату, что даже редакціи упрочившихъ свое положеніе газетъ вынуждены были послѣдовать примѣру вновь народившихся изданій. И само собой разумѣется, что на-ряду съ конкурренціей въ дешевизнѣ возникла и постепенно развивалась конкурренція въ быстротѣ сообщенія новостей и разносторонности содержанія. На нѣкоторыхъ моментахъ этой послѣдней конкурренціи мы остановимъ теперь вниманіе читателей.

Выше было упомянуто, что первая такъ называемая „передовая“ (руководящая) статья, гдѣ редакція не ограничивалась сообщеніемъ голыхъ фактовъ, но давала имъ извѣстное освѣщеніе, высказывала свое мнѣніе и принимала къ данному вопросу опредѣленное отношеніе, появилась въ 1844 г. на столбцахъ „Фоссовой Газеты“. Тогда же, въ сороковыхъ годахъ, въ берлинскихъ газетахъ стали печататься болѣе или менѣе правильно корреспонденціи изъ-за границы въ видѣ писемъ, въ которыхъ разсказывалось о политической и общественной жизни въ различныхъ европейскихъ странахъ. Слѣдующее по очереди нововведеніе сдѣлалъ Алексисъ Шмидтъ, руководившій одно время большой „Шпенеровой Газетой“: онъ началъ печатать въ фельетонномъ отдѣлѣ романъ и понынѣ здравствующаго Поля Гейзе, „Kinder der Welt“. Какъ это ни странно, но романъ этотъ,

раслямъ науки; 264—торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству; 67 изданій существовали для печатанія оффиціальныхъ сообщеній и публикацій; 40 носили исключительно религіозный характеръ и т. д.

упрочившій славу его автора, потерпѣлъ у читателей газеты фіаско, а нововведеніе редактора только ускорило гибель продержавшейся такъ долго, но тогда доживавшей уже свой вѣкъ „Шпенеровой Газеты". А теперь почти всѣ берлинскія газеты отводятъ въ своихъ нумерахъ или въ ежедневныхъ и воскресныхъ приложеніяхъ значительное мѣсто романамъ, повѣстямъ и разсказамъ. Нѣкоторыя редакціи принимаютъ для напечатанія лишь самыя лучшія беллетристическія вещи и платятъ за нихъ крупный гонораръ, причемъ многіе видные нѣмецкіе писатели охотно печатаютъ свои новыя произведенія въ фельетонахъ большой газеты, а молодые авторы иногда съ большимъ трудомъ добиваются чести попасть на столбцы распространенной газеты. Довольно значительное число выходящихъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ романовъ печаталось предварительно въ газетахъ, подъ чертой. Даже устойчивая въ своихъ принципахъ „Фоссова Газета", повинуясь духу времени, начала, года два назадъ, печатать на своихъ столбцахъ беллетристическія произведенія, хотя отвела этому новому у нея отдѣлу только небольшой клочокъ мѣста. Давая у себя мѣсто исключительно выдающимся произведеніямъ современныхъ беллетристовъ, „Фоссова Газета" откупила въ прошломъ году у гр. Л. Н. Толстого право перевода его „Воскресенія" и печатала ежедневно по 150—200 строкъ, но все-же успѣвала дать читателямъ за недѣлю больше, нежели печатавшая оригиналъ „Нива". Мелкія газеты тянутся за большими и также печатаютъ беллетристику, причемъ въ бѣднѣйшихъ и разсчитанныхъ на низшій классъ читателей газетахъ за художественныя произведенія сходятъ иногда вещи, носящія на нѣмецкомъ языкѣ характерное названіе „Hintertreppen Literatur".

Заслуга слѣдующаго нововведенія принадлежитъ Б. Вольфу: онъ ввелъ печатаніе въ газетахъ свѣдѣній, переданныхъ по телеграфу. Когда, въ 1849 г., Берлинъ соединенъ былъ съ Франкфуртомъ-на-Майнѣ первымъ въ Германіи телеграфнымъ проводомъ, д-ръ Вольфъ сталъ въ томъ же году литографировать и разсылать редакціямъ берлинскихъ газетъ (а съ 1855 г. также и иногородныхъ) получаемыя имъ отъ своихъ агентовъ телеграммы относительно всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событій политическаго характера и сообщающія послѣдніе биржевые курсы. Теперь основанное д-ромъ Вольфомъ скромное „litographierte Büreau" носитъ, по имени основателя, названіе „Wolff's Telegraphenbüreau" и принадлежитъ акціонерному обществу, съ основнымъ капиталомъ въ шесть милліоновъ марокъ. Давая свое разрѣшеніе на учрежденіе акціонернаго общества, императоръ Виль-

гельмъ I писалъ Вольфу: „Я считаю созданіе въ Пруссіи подобнаго института, который могъ бы конкуррировать съ англійскимъ, дѣломъ весьма важнымъ". Дѣйствительно, въ теченіе полувѣка бюро Вольфа стало крупнѣйшимъ источникомъ политическихъ, биржевыхъ и иного рода новостей для всей нѣмецкой печати. Бюро имѣетъ своихъ агентовъ и корреспондентовъ въ сотняхъ крупныхъ и мелкихъ городовъ и обмѣнивается матеріаломъ съ заграничными телеграфными бюро. Въ послѣднее время агенты стали пользоваться и телефономъ, гдѣ таковой имѣется, и сообщаютъ главному бюро въ Берлинѣ всѣ новости непосредственно. Здѣсь этотъ матеріалъ обработывается цѣлымъ штабомъ редакторовъ, быстро отпечатывается и при помощи маленькой арміи посыльныхъ доставляется редакціямъ газетъ, также и абонирующимся отелямъ, кафé и частнымъ лицамъ; въ провинцію весь этотъ матеріалъ передается по телеграфу. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ основано было въ Берлинѣ еще одно телеграфное бюро, а въ началѣ девяностыхъ — и третье, но оба они далеко не имѣютъ того значенія, какъ бюро Вольфа, ставшее и оффиціальнымъ, и оффиціознымъ. Ему разрѣшено содержать своего агента даже среди лицъ ближайшей свиты императора, и имъ же пользуются для своихъ надобностей какъ имперское, такъ и прусское правительство. Обиліе подобныхъ оффиціозныхъ сообщеній и опроверженій, въ концѣ концовъ не подтверждающихся, породило недовѣріе къ этого рода телеграммамъ бюро Вольфа, какъ и мало помогаетъ его значенію обстоятельство, раскрытое случайно на судѣ: всѣ телеграммы агентства доставляются, до разсылки ихъ, на просмотръ Блейхредеру, извѣстному банкиру и главному акціонеру бюро.

Рудольфъ Моссе, издатель „Berl. Tageblatt", первый въ Германіи ввелъ печатаніе въ своей газетѣ телеграммъ отъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Это нововведеніе привилось довольно быстро, и корреспонденты большихъ берлинскихъ газетъ не только сообщаютъ теперь редакціямъ по телеграфу обо всѣхъ крупныхъ событіяхъ и новостяхъ, но и передаютъ цѣлыя статьи, иногда въ нѣсколько тысячъ словъ. Это, конечно, обходится издателямъ газетъ дорого, и неудивительно, если нѣмецкая печать настаиваетъ на уменьшеніи правительствомъ таксы на телеграммы, предназначенныя для газетъ. Но зато событія, происходящія въ Парижѣ, извѣстны уже черезъ два-три часа въ Берлинѣ; въ вечернихъ изданіяхъ большихъ берлинскихъ газетъ печатались во время процессовъ Зола̀ и Дрейфуса подробнѣйшіе отчеты объ утреннихъ засѣданіяхъ въ парижскомъ или реннскомъ судѣ, и постоянно пе-

чатаются въ тотъ же день подробности засѣданій парижской палаты депутатовъ, австрійскаго рейхсрата или испанскихъ кортесовъ. Конкуррирующія между собою большія берлинскія газеты стараются поразить читателя не только размѣрами своихъ телеграммъ, но и обиліемъ ихъ, и поэтому принимаютъ всѣ мѣры для увеличенія по возможности числа своихъ иногородныхъ и заграничныхъ корреспондентовъ. Газета „Berl. Tageblatt“ обратилась даже съ просьбой къ своимъ провинціальнымъ читателямъ не отказать въ сообщеніи по телеграфу крупнѣйшихъ новостей мѣстной жизни, гарантируя своимъ случайнымъ корреспондентамъ покрытіе издержекъ и извѣстное вознагражденіе за трудъ. Озабочиваясь расширеніемъ сѣти своихъ корреспондентовъ, большія берлинскія газеты имѣютъ всегда къ своимъ услугамъ множество корреспондентовъ, готовыхъ по одному слову редактора отправиться хоть на край свѣта. Куда только ни отправляются эти путешественники-корреспонденты: въ Чикаго — на выставку, въ Москву—на коронацію, въ Грецію—описывать возобновленныя олимпійскія игры, въ Христіанію—присутствовать при возвращеніи изъ полярныхъ странъ Нансена и тріумфахъ его, на дальній сѣверъ—для описанія подъема шара Андрэ, въ лагерь буровъ — для описанія борьбы за независимость маленькаго народа, которому симпатизируетъ вся Германія, и т. д. и т. д. Во время греко-турецкой войны, эта газета имѣла одного корреспондента въ турецкомъ лагерѣ и другого — въ лагерѣ грековъ. Къ открытію Сѣвернаго канала нѣкоторыя берлинскія газеты посылали по нѣсколько корреспондентовъ, а одна газета—даже семь человѣкъ. Во время послѣдней войны французовъ съ мадагаскарскими туземцами, на театрѣ войны находился и Евгеній Вольфъ, корреспондентъ „Berl. Tageblatt“, дававшій не только отчеты о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и описывавшій подробно страну, ея населеніе и его нравы. Года три назадъ, редакція этой газеты отправила того же своего „всемірнаго корреспондента“ (какъ таковые, прославились Людвигъ Пичъ, Теодоръ Фонтанъ, Леопольдъ Кайзлеръ и др.) изучать и описывать неизслѣдованныя еще области Китая. Евгеній Вольфъ блестяще выполнилъ свою миссію и отправился уже, было, съ той же цѣлью въ Японію, но событія въ Кіао-Чау заставили его вернуться въ Китай. Редакціи конкуррирующихъ газетъ стали тогда хлопотать о томъ, чтобы на бортъ военныхъ кораблей, отправлявшихся въ Кіао-Чау, приняты были и ихъ корреспонденты, но правительство, помнится, отказало имъ въ этомъ, такъ что только значительно позже обзавелись тамъ своими корреспондентами

„Berliner Lokal-Anzeiger“ и „Frankfurter Zeitung“. Когда со дня на день ожидали объявленія войны между Соединенными-Штатами и Испаніей, редакція „Berl. Tageblatt“ командировала въ Мадридъ, на подмогу своему постоянному мадридскому корреспонденту, Теодора Вольфа, своего парижскаго (и наиболѣе даровитаго корреспондента), который являлся представителемъ своей газеты и на празднествахъ по случаю совершеннолѣтія голландской королевы Вильгельмины, хотя въ столицѣ Голландіи имѣется постоянный корреспондентъ газеты. А редакція „Lokal-Anzeiger“, не удовольствовавшись тѣмъ, что въ столицахъ Трансвааля и Оранжевой республики имѣлись у нея постоянные корреспонденты, командировала туда же еще двухъ своихъ сотрудниковъ: одного въ южную Африку вообще, а другого—спеціально въ лагерь буровъ...

Каковы же были послѣдствія этой конкурренціи въ быстротѣ и разносторонности сообщенія новостей? Съ одной стороны, мелкія газеты стали тянуться за большими и почти всѣ стремятся къ тому, чтобы имѣть возможность сообщить читателямъ всѣ политическія и заграничныя извѣстія по телеграфу, хотя бы въ видѣ голаго факта,—и это повело, между прочимъ, къ увеличенію числа еженедѣльныхъ изданій, обработывающихъ накопившійся за недѣлю матеріалъ и сообщающихъ о соціальной и культурной жизни въ Германіи и за границами ея гораздо болѣе полно и объективно. Съ другой же стороны, газеты стали, въ видахъ пріобрѣтенія подписчиковъ, прибѣгать къ фальсификаціи телеграммъ и сочиненію ихъ на мѣстѣ [1]). Нѣсколько примѣровъ подобнаго сочинительства сенсаціонныхъ телеграммъ редакціей одной бойкой берлинской газеты я привожу ниже,—здѣсь же укажу только на одинъ подобнаго рода фактъ: „Münchener neueste Nachrichten“, большая и, казалось бы, почтенная газета, напечатала, года три назадъ, въ видѣ телеграммы изъ Берлина подробности засѣданія комитета министровъ,—подробности, извѣстныя, обыкновенно, только лицамъ, принимавшимъ участіе въ засѣданіи. А позже докторъ Гиртъ, издатель газеты, сознавался, что телеграмма эта сочинена была въ Мюнхенѣ, на основаніи догадокъ и предположеній редакціи. Когда этотъ фактъ, благодаря процессу, сталъ общеизвѣстнымъ, онъ далеко не вызвалъ въ значительной части берлинской прессы того негодованія, какого можно было ожидать. Наоборотъ, многіе редакторы должны

[1]) Такъ, напримѣръ, намъ не трудно было провѣрить, что телеграммы изъ крупныхъ центровъ Россіи сочиняются сплошь и рядомъ на основаніи замѣтокъ, заимствованныхъ изъ русскихъ газетъ.

были признаться: „Всѣ мы сочиняемъ различнаго рода телеграммы и сенсаціонныя сообщенія у себя въ редакціи!“ Цѣль, преслѣдуемая ими всѣми, одна и та же: каждая газета хочетъ показаться предъ публикой наиболѣе разносторонней и освѣдомленной тѣмъ, что̀ по-нѣмецки называется „actuell“. И къ какимъ только средствамъ ни прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли редакціи нѣкоторыхъ берлинскихъ газетъ! Д-ръ Левизонъ, стоящій во главѣ „Berliner Tageblatt“'а, бесѣдовалъ однажды въ своемъ редакціонномъ кабинетѣ съ полицейскимъ коммиссаромъ Таушемъ. Въ концѣ бесѣды Таушъ говоритъ: „Это все останется между нами?“ —„Конечно“,—отвѣчаетъ редакторъ, провожая интереснаго собесѣдника, но тотчасъ беретъ въ руки перо и сообщаетъ въ своей газетѣ наиболѣе интересные отрывки изъ своей бесѣды съ Таушемъ. Когда газета „Die Welt am Montag“ еще только-что начала выходить, бывшій ея редакторъ, д-ръ Плецъ, пригласилъ въ качествѣ сотрудника завѣдомаго полицейскаго агента, который и представлялъ читателямъ разнаго рода сенсаціонныя, большей частью фальсифицированныя или сильно преувеличенныя извѣстія. И такихъ примѣровъ—десятки. Недавній процессъ картежниковъ, членовъ аристократическаго „Клуба беззаботныхъ ребятъ“, также принесъ нѣсколько разоблаченій, ярко иллюстрирующихъ нравы нѣкоторыхъ изъ берлинскихъ газетъ: газета „Berl. Tagebl.“ сочла возможнымъ воспользоваться для своихъ сенсаціонныхъ разоблаченій относительно дѣятельности названнаго клуба разсказомъ одного изъ картежниковъ, получившаго, несомнѣнно, порядочный кушъ, который, пожалуй, и далъ ему возможность заблаговременно скрыться и избѣгнуть судебнаго преслѣдованія... Вся эта такъ называемая „Sensationspresse“ старается держать нервы читателей въ постоянномъ напряженіи, ставитъ своей задачей поразить читателей обиліемъ свѣдѣній и новостей. И лишь немного имѣется въ Берлинѣ газетъ, которыя сообщаютъ своимъ читателямъ только то, что̀ члены редакціи считаютъ справедливымъ и разумнымъ, которыя не „создаютъ“ событій, не занимаются сочинительствомъ телеграммъ и раздуваніемъ сенсаціонныхъ новостей, не входятъ въ сношенія съ состоящими при каждомъ министерствѣ „бюро прессы“ и не являются туда за инструкціями. Объ этихъ честныхъ, а потому и далеко не богатыхъ о̀рганахъ печати, какъ и о продажныхъ изданіяхъ, будетъ еще рѣчь впереди...

Не менѣе быстро, какъ и печатаніе телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ, привилось введенное впервые газетой „Berliner Börsenkurier“ печатаніе въ утреннихъ изданіяхъ

отчетовъ о вчерашнихъ театральныхъ представленіяхъ, концертахъ, празднествахъ и народныхъ собраніяхъ. Почти всѣ большія берлинскія газеты послѣдовали примѣру „Börsenkurier"'а и ввели въ редакціяхъ ночныя дежурства, чтобы быть въ состояніи сообщить рано утромъ читателямъ хотя вкратцѣ обо всемъ, что случилось вчера до полуночи. Избалованный читатель, придя домой съ новой пьесы или съ концерта, хорошо знаетъ, что завтра утромъ онъ найдетъ въ свѣжемъ нумерѣ своей газеты отзывъ о только-что видѣнной имъ пьесѣ или прослушанной оперѣ. Дѣйствительно, театральные рецензенты, тотчасъ по окончаніи спектакля, отправляются въ помѣщеніе редакціи и тамъ наскоро набрасываютъ 100—200 строкъ о новой пьесѣ или оперѣ, оставляя иногда болѣе подробный отзывъ и критическій разборъ пьесы до слѣдующаго дня, а большей частью ограничиваясь этими бѣглыми замѣтками. Миновали тѣ дни, когда театральный критикъ большой берлинской газеты долго обдумывалъ, взвѣшивалъ и рѣшалъ, прежде чѣмъ сообщалъ читателямъ свое мнѣніе о достоинствахъ или недостаткахъ новой пьесы или оперы. Театральная критика выродилась, уступивъ свое мѣсто легкой, по возможности остроумной болтовнѣ. Подъ рубрикой „Театръ" часто можно встрѣтить описаніе туалетовъ на сценѣ и въ зрительномъ залѣ, замѣтки о составѣ публики, о томъ, сколько разъ авторъ выходилъ кланяться и т. п., но только не театральную критику. Такъ называемая „Sensationspresse" сокращаетъ ее по возможности, печатаетъ мелкимъ шрифтомъ и терпитъ ее, вообще только по традиціи. Если „Soirée théâtrale" парижскихъ газетъ еще не совсѣмъ привилось въ берлинской прессѣ, то „интервью"—еще въ модѣ: автора пьесы или оперы спрашиваютъ о его планахъ и надеждахъ, директора просятъ сдѣлать предсказаніе относительно успѣха пьесы, у артистовъ выпытываютъ ихъ мнѣніе о ихъ роляхъ, устроиваютъ, наконецъ, enquête, т.-е. собираютъ объ одной пьесѣ, оперѣ или литературномъ какомъ-либо произведеніи мнѣнія сотни артистовъ, авторовъ и директоровъ и т. д.

Такимъ образомъ, мѣсто театральнаго критика постепенно занялъ остроумный фельетонистъ, какъ мѣсто журналиста, смѣнившаго въ свое время на столбцахъ газеты писателя и публициста, занялъ теперь репортеръ. Берлинская ежедневная печать постепенно перерождается, какъ уже переродилась нью-іоркская, лондонская или парижская. Возьмите любой нумеръ большой и бойкой берлинской газеты, и вы встрѣтите только факты, голые факты, свѣтскія новости, послѣднія событія. Репортеръ хватаетъ

фактъ на лету, быстро его записываетъ и тотчасъ отдаетъ въ печать. Молодые таланты становятся репортерами, интервьюерами, корреспондентами. Теперь въ числѣ заграничныхъ корреспондентовъ (этихъ репортеровъ въ большомъ стилѣ) нѣкоторыхъ берлинскихъ газетъ можно найти дюжину европейски-извѣстныхъ именъ. Среди профессіональныхъ интервьюеровъ, въ сущности тѣхъ же репортеровъ, есть также не мало даровитыхъ людей, и нельзя, напримѣръ, отказать въ остроуміи и талантливости нѣкоему Ревелю, поставляющему свои „интервью“ для „Berl. Tageblatt“, хотя читатель съ неизвращеннымъ еще вкусомъ глубоко возмущается безшабашностью его тона и фальсификаціей словъ интервьюируемыхъ имъ лицъ.

— А что же читатель?—Читатель—изъ бюргерства, на вкусахъ и интересахъ котораго строитъ свое благополучіе большинство берлинскихъ газетъ,—ищетъ въ газетѣ прежде всего интересныхъ сообщеній и свѣдѣній обо всемъ и отовсюду; онъ требуетъ, чтобы газета отражала жизнь германской столицы со всѣми ея радостями и горестями, какъ зеркало. Германскій императоръ упрекнулъ недавно весь нѣмецкій народъ въ чрезмѣрной партійности, но нѣмецкій бюргеръ далеко не всегда является настолько партійнымъ человѣкомъ, чтобы поддерживать тотъ или другой мѣстный органъ партіи, къ которой онъ принадлежитъ, и интересоваться освѣщеніемъ всѣхъ фактовъ и событій исключительно съ точки зрѣнія принциповъ своей партіи. Это хорошо понимаютъ лица, основывающія такъ называемые „безпартійные“ органы, которые, изощрившись въ умѣньѣ лавировать и угождать вкусамъ всѣхъ и всякаго, имѣли всегда и имѣютъ теперь въ Германіи болѣе крупный матеріальный успѣхъ, нежели органы той или другой политической партіи. Вотъ почему къ 1-му іюля 1897 г. было подсчитано въ Германіи, при наличности девятисотъ безпартійныхъ газетъ, только 321 консервативная газета, 318—клерикальныхъ, 300—національ-либеральныхъ, 356—либеральныхъ различныхъ оттѣнковъ и 54—соціаль-демократическихъ; вотъ почему и добрая половина берлинскихъ газетъ является все тѣми же безпартійными органами, съ которыми мы и познакомимся теперь ближе.

II.

Въ тѣ дни, когда въ Берлинѣ случаются сенсаціонныя убійства или крупныя происшествія иного рода, не только на шумныхъ и оживленныхъ улицахъ, но и на болѣе или менѣе отда-

ленныхъ отъ центра германской столицы, появляются какія-то, большею частью грязныя и полуоборванныя лица, въ рукахъ у которыхъ пачка афишъ, и они выкрикиваютъ на всю улицу:

„Extra-Blatt! страшное, звѣрское, къ небу вопіющее убійство родной матерью своихъ собственныхъ четырехъ дѣтей! Extra-Blatt!..“

Или:

„Extra-Blatt! ужасное, доселѣ небывалое, столкновеніе поѣздовъ, съ пролитіемъ человѣческой крови!..“

На оживленныхъ улицахъ прохожіе берутъ, обыкновенно, нарасхватъ эти большіе листы съ напечатаннымъ на нихъ крупными буквами сенсаціоннымъ извѣстіемъ, и тутъ же, на мѣстѣ, жадно прочитываютъ ихъ. Иногда Extra-Blatt сообщаетъ, дѣйствительно, своимъ случайнымъ читателямъ о происшедшемъ въ теченіе дня крупномъ событіи, но въ большинствѣ случаевъ оказывается, что убійство матерью „своихъ собственныхъ четырехъ дѣтей“ случилось за тридевять земель отъ Берлина, а „доселѣ небывалое“ столкновеніе поѣздовъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Берлина ограничилось поломкой буферовъ и пораненіемъ руки машиниста. Но что̀ за бѣда! Издатель „Extra-Blatt“, этой въ полномъ смыслѣ слова уличной газетки, продаваемой и прочитываемой только на улицѣ, собралъ достаточное количество десятипфенниговыхъ монетъ и оплатилъ, пожалуй, свои незначительные расходы въ десять или двадцать разъ. Особенно часто подобные „Extra-Blätter“ появляются по понедѣльникамъ, потому что въ этотъ день многія берлинскія газеты не выходятъ или разсылаютъ своимъ абонентамъ фельетонный или литературный матеріалъ, — или же вечеромъ, нѣсколько позже выхода вечернихъ изданій, когда легче поймать на удочку какого-либо нетерпѣливаго прохожаго, сгорающаго нетерпѣніемъ тотчасъ узнать сенсаціонное извѣстіе, не попавшее еще почему-либо въ вечерніе нумера газетъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ утреннія газеты вынуждены бываютъ заявить, что принесенное вчера вечеромъ въ „Extra Blatt“ извѣстіе о томъ-то и томъ-то фальшиво отъ начала до конца. Иногда, въ тѣ дни, когда случаются особенно важныя политическія событія, нѣкоторыя берлинскія мелкія газеты также выпускаютъ по понедѣльникамъ, или же въ промежутокъ между утреннимъ и вечернимъ изданіемъ большихъ газетъ, особые листки, но продавцы ихъ ужъ не выкрикиваютъ столь безшабашно заглавія продаваемыхъ листковъ и не перевираютъ ихъ содержанія, а экстренныя прибавленія газеты „Berliner Lokal-Anzeiger“ раздаются, обыкновенно, публикѣ на всѣхъ боль-

шихъ перекресткахъ Берлина безплатно въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, на главныхъ улицахъ Берлина можно было наблюдать слѣдующую картину: идутъ гуськомъ человѣкъ десять-двѣнадцать, и каждый носитъ на груди и на спинѣ большой плакатъ на картонѣ съ надписью: „Die Welt am Montag". Таково заглавіе газеты, выходящей вотъ уже нѣсколько лѣтъ, по мысли ловкаго предпринимателя, исключительно по понедѣльникамъ, т.-е. по тѣмъ днямъ, когда въ Берлинѣ почти нѣтъ свѣжихъ газетъ. Этимъ обусловленъ былъ успѣхъ газеты съ самаго начала, тѣмъ болѣе, что, кромѣ свѣжихъ новостей и сенсаціонныхъ извѣстій, газета давала читателямъ и нѣкоторый литературный матеріалъ, удобный для чтенія на городской желѣзной дорогѣ или въ омнибусѣ [1]). Въ теченіе цѣлой недѣли объ этой газетѣ ничего не было слышно и нумеровъ ея нигдѣ не было видно, но наступалъ понедѣльникъ, и снова появлялись гуськомъ носильщики рекламъ; на колоннахъ для афишъ появлялись крупные плакаты; во всѣхъ кіоскахъ, на всѣхъ вокзалахъ, у всѣхъ уличныхъ продавцовъ газетъ на рукахъ, всюду и вездѣ—„Die Welt am Montag". Мало того, предприниматель выпускалъ по понедѣльникамъ на улицы Берлина нѣсколько сотъ своихъ продавцовъ, степенныхъ и молчаливыхъ, съ желтыми шапками на головахъ и съ свѣжими нумерами газеты въ корзинкѣ, посаженной на шестъ. Наступалъ вечеръ, появлялись вечерніе нумера большихъ газетъ, и всѣ эти продавцы исчезали съ улицъ вмѣстѣ съ нумерами газеты до слѣдующаго понедѣльника. И что же? газета постепенно упрочила настолько свое существованіе, что имѣетъ десятки тысячъ подписчиковъ и почти не нуждается въ громкой рекламѣ. По понедѣльникамъ утромъ нумера этой газеты распродаются довольно бойко, и предприниматель, уже года два назадъ, не устрашился увеличить цѣну отдѣльнаго нумера съ 5 до 10 пфенниговъ. Большую, хотя и печальную популярность пріобрѣла эта газета уже тогда, когда появлявшіяся въ ней сенсаціонныя замѣтки повели къ столь нашумѣвшимъ процессамъ Лютцова и Леккерта и позже Тауша. Теперь сенсація совершенно изгнана со столбцовъ газеты „Die Welt am Montag", въ возмѣщеніе чего редакція отводитъ не малое число строкъ мѣстной хроники хорошо оплачиваемымъ рекламамъ. Газета эта имѣла уже нѣсколькихъ издателей и нѣ-

---

[1]) По такой же, въ общемъ, программѣ издается въ самое послѣднее время еще одна понедѣльничная газета, „Berliner Montags-Zeitung".

сколько различныхъ составовъ редакціи, а теперь она—въ рукахъ группы молодыхъ и не лишенныхъ дарованія журналистовъ. Передовыя статьи пишетъ демократъ Янусъ (д-ръ Францъ Оппенгеймеръ) или фонъ-Герлахъ, приверженецъ идей пастора Наумана. Онъ же ведетъ театральную хронику за недѣлю, а литературное обозрѣніе пишетъ Лео Бергъ, поломавшій въ свое время не мало копій за Ибсена и натурализмъ. На столбцахъ газеты можно встрѣтить время отъ времени и еще нѣсколько именъ представителей „молодой Германіи". Направленіе ея не то національное, не то демократическое, и солиднымъ òрганомъ газета во всякомъ случаѣ не является. Именуетъ она себя безпартійной, чтò „освобождаетъ ее отъ громкихъ фразъ и пустыхъ рѣчей", будто бы „связанныхъ съ каждымъ ярко партійнымъ òрганомъ", но въ сущности и это заявленіе на столбцахъ газеты—не больше, какъ фраза. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ появляются переводные разсказы большею частью съ французскаго и довольно часто съ русскаго, причемъ выборъ русскихъ авторовъ заставляетъ желать лучшаго.

„Berliner Morgen-Zeitung"—эту газету можно наиболѣе часто встрѣтить въ рукахъ кучеровъ, портьé, мастеровыхъ и мелкихъ бюргеровъ. Выходитъ она съ 1889 года по утрамъ и имѣетъ теперь свыше 150.000 подписчиковъ, чтò объясняется не столько богатствомъ содержанія, сколько дешевизной: газета стòитъ, съ платой за доставку на домъ, всего 60 пфенниговъ. Распространена она весьма сильно и въ провинціи, но въ количественномъ отношеніи не прогрессируетъ, вслѣдствіе успѣшной конкурренціи со стороны „Berliner Lokal-Anzeiger"'а и новой газетки „Berliner Morgenpost". Въ отличіе отъ этихъ двухъ газетъ, „Berliner Morgen-Zeitung" не бьетъ на сенсацію, не стремится перещеголять другія газеты быстротой сообщенія свѣдѣній и не дѣлаетъ изъ мухи слона. Наоборотъ, она ведется добропорядочно, въ умѣренно-либеральномъ духѣ, и приноситъ своимъ читателямъ, кромѣ важнѣйшихъ извѣстій, довольно много интереснаго и полезнаго для нихъ матеріала. Издатель этой газеты—тотъ же Рудольфъ Моссе, который издаетъ „Berliner Tageblatt", газету хорошо освѣдомленную и имѣющую значительное число сотрудниковъ и корреспондентовъ. Благодаря этому, хотя „Berliner Morgen-Zeitung" и имѣетъ самостоятельную редакцію, въ этой газетѣ появляются цѣликомъ или въ сжатомъ изложеніи статьи изъ „Berliner Tageblatt".

Совершенно въ иномъ духѣ ведется газета „Das kleine Journal", выходящая также лишь по утрамъ и стòящая марку въ

мѣсяцъ. Контингентъ ея читателей—самый разнородный: съ одной стороны, зажиточные ремесленники и бюргеры средней руки; съ другой—биржевики, спортсмэны, придворные поставщики, гвардейскіе офицеры. Редакція же старается угодить всѣмъ подписчикамъ: для биржевиковъ имѣется обширный биржевой и торговый отдѣлъ, для jeunesse dorée—ежедневное спортивное обозрѣніе, для бюргеровъ — богатая, изобилующая убійствами и самоубійствами, мѣстная хроника. Редакція газеты особенно пристрастна ко всякаго рода сенсаціоннымъ происшествіямъ и скандаламъ. Заграничныхъ корреспондентовъ и знающихъ публицистовъ газета не имѣетъ; отчетовъ парламентскихъ засѣданій—не печатаетъ; руководящія статьи пишутся обыкновенно въ архи-патріотическомъ (чтобы не сказать: подломъ) духѣ; масса интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, появляющихся хотя бы въ „Berliner Morgen-Zeitung", здѣсь пропускается. Зато „Das kleine Journal" печатаетъ извѣстія о всѣхъ великосвѣтскихъ свадьбахъ и раутахъ, родословную всѣхъ умирающихъ герцоговъ и бароновъ, описаніе новѣйшихъ парижскихъ модъ и туалетовъ извѣстныхъ берлинскихъ артистокъ и т. д.; но весь составъ редакціи, вмѣстѣ съ издателемъ газеты, Лоло Лейпцигеромъ, сочинителемъ бездарныхъ оперетокъ,—крещеные евреи, очень далекіе отъ аристократическаго общества. Читатель „Das kleine Journal" не любитъ философскихъ разсужденій и поучительныхъ статей, а потому фельетонъ этой газеты содержитъ въ себѣ статейки игриваго содержанія или же легкую болтовню, причемъ по воскресеньямъ газета даетъ своимъ читателямъ довольно остроумные фельетоны извѣстнаго писателя-юмориста Штеттенгейма, который подъ псевдонимомъ Wippchen удачно пародируетъ письма корреспондентовъ большихъ газетъ съ театра войны. Не дурно, сравнительно съ другими берлинскими мелкими газетами, поставленъ въ газетѣ „Das kleine Journal" театральный отдѣлъ. Газета превосходно обставлена по этой части, хотя рецензіи о драматическихъ или оперныхъ новинкахъ пишутся въ легкой, очень часто шутливой формѣ.

Самая распространенная изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ — упомянутый „Berliner Lokal-Anzeiger", безпартійный органъ, какъ онъ себя называетъ. Интересна исторія быстраго роста этой газеты. Лѣтъ 18 назадъ, Августъ Шерль, основатель ея, пріѣхалъ въ Берлинъ безъ пфеннига денегъ. Тѣмъ не менѣе, 4-го ноября 1883 года онъ отпечаталъ 200.000 экземпляровъ перваго нумера своей газетки, заполненной почти исключительно объявленіями, и раздавалъ ее всѣмъ желающимъ даромъ, при усло-

віи уплаты 10 пфенниговъ въ мѣсяцъ женщинѣ, приносящей по воскресеньямъ газетку на домъ. Газетка выходила разъ въ недѣлю и именовала себя „центральнымъ органомъ главнаго города имперіи". Редакцію составляли всего лишь три человѣка, заботившіеся о томъ литературно-газетномъ матеріалѣ, который можно было вмѣстить между многочисленными объявленіями, составлявшими съ самаго начала центръ тяжести газетки. Безплатная газетка понравилась берлинскому мелкому бюргерству, и предпріимчивый Августъ Шерль сталъ выпускать ея нумера сначала три раза въ недѣлю, затѣмъ (съ 1885 года) шесть разъ въ недѣлю и наконецъ (съ 1889 года)—12 разъ въ недѣлю. Стоитъ она теперь, при условіи доставки на домъ два раза въ день, всего лишь одну марку въ мѣсяцъ. Шерль добился уже печатанія газеты въ количествѣ до 225.000 экземпляровъ, причемъ постоянныхъ абонентовъ у него было до 200.000. Но недоразумѣнія, происшедшія года полтора назадъ между Шерлемъ и его наборщиками, которымъ онъ воспретилъ вполнѣ законное право коалиціи, повели къ дѣятельной агитаціи среди рабочихъ противъ „Berliner Lokal-Anzeiger", и газета потеряла тогда около 20.000 подписчиковъ, хотя Шерль согласился потомъ, чтобы наборщики его типографіи примкнули къ организаціи своихъ товарищей.

Колоссальный успѣхъ газеты созданъ, главнымъ образомъ, ея городской хроникой, которая весьма и весьма интересуетъ берлинскаго мелкаго бюргера и поставлена поэтому въ его излюбленной газетѣ на самую широкую ногу: всѣ скандалы, драки, пожары, убійства, самоубійства и иныя происшествія извѣстны ей доподлинно и тотчасъ по совершеніи факта. Не даромъ эта газета въ Берлинѣ называется „Skandal-Anzeiger". Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые репортеры газеты состоятъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ полицейскими коммиссарами и сыщиками. Затѣмъ редакція газеты начала иллюстрировать свой текстъ рисунками. Получается, напр., телеграмма откуда-нибудь о катастрофѣ въ угольныхъ копяхъ. Черезъ день или два въ нумерѣ „Lokal-Anzeiger" появляются рисунки: „Рабочіе вытаскиваютъ трупы", „У спуска въ шахту" и т. д.; у спуска въ шахту стоятъ рыдающія женщины и съ отчаяніемъ всматриваются въ трупы, только-что вынесенные оставшимися въ живыхъ рабочими; къ рисунку имѣется соотвѣтствующій текстъ, написанный „нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ". Между тѣмъ, какая-нибудь мѣстная газета сообщаетъ, что трупы приносились прямо въ машинный залъ и что у спуска въ шахту не стояла ни одна рыдающая женщина. Такихъ примѣровъ можно привести сотни.

Когда однажды одна изъ руководительницъ женскаго движенія въ Берлинѣ отказала посѣтившему ее репортеру въ просьбѣ дать ея портретъ для „Lokal-Anzeiger"'а, редакція не постѣснилась напечатать на слѣдующій же день портретъ какой-то шансонетной пѣвицы, выдавая его за портретъ названной дѣятельницы въ области женской эмансипаціи. Въ другой разъ римскій корреспондентъ, описывая празднество въ Ватиканѣ, сообщалъ читателямъ объ игрѣ сикстинской капеллы, не подозрѣвая, конечно, что сикстинская капелла — церковь, а не музыкальный оркестръ.

Политическій отдѣлъ поставленъ въ „Lokal-Anzeiger"'ѣ довольно хорошо и былъ бы поставленъ гораздо лучше, еслибы не систематически развращающій читателей принципъ „безпартійности", сводящійся, въ сущности, къ полному отсутствію политическихъ убѣжденій. Кромѣ того, значительная часть „спеціальныхъ" телеграммъ несомнѣнно сочиняется въ помѣщеніи редакціи, и въ особенности много—во время мертваго политическаго сезона. Тогда гдѣ-нибудь на югѣ Россіи „нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ" газеты открывается новая секта, чуть ли не пожирающая стариковъ или дѣтей; рѣки выступаютъ изъ береговъ и затопляютъ чуть ли не цѣлыя провинціи, конечно китайскія или японскія, если не еще дальше; острова съ десятками тысячъ туземцевъ заливаются океаномъ и т. д. Но газета читается, и ея распространенностью пользуются иногда даже видные дѣятели для пропаганды своихъ идей. Такъ, напр., въ день открытія въ Берлинѣ осенью 1896 г. международнаго женскаго конгресса г-жа Минна Кауэръ познакомила въ прекрасной статьѣ читателей „Lokal-Anzeiger"'а съ сущностью и цѣлями женскаго движенія. Принятіе редакціей этой статьи для напечатанія опять явилось слѣдствіемъ основного принципа—угождать вкусамъ публики. Лѣтъ 10—12 назадъ, женское движеніе было у нѣмецкаго бюргерства не въ авантажѣ, а газета относилась къ эмансипированнымъ не только отрицательно, но и презрительно; теперь же, когда дѣло обстояло иначе, когда магистратъ даже предоставилъ женскому конгрессу залы ратуши, та же газета привѣтствовала женское движеніе и печатала самые подробные отчеты о работахъ конгресса, благо онъ самъ по себѣ былъ сенсаціоннымъ событіемъ. Въ подобныхъ случаяхъ редакція не останавливается даже предъ крупными расходами. Въ 1885 г. Шерль послалъ впервые двухъ своихъ корреспондентовъ за границу: одного въ Парижъ, на похороны Виктора Гюго, другого— на Балканскій полуостровъ, гдѣ возгорѣлась война между Сер-

біей и Болгаріей. Теперь редакція не только содержитъ корреспондентовъ рѣшительно во всѣхъ уголкахъ міра, но имѣетъ цѣлый штабъ корреспондентовъ, готовыхъ по первому указанію редакціи отправиться въ любую командировку и съ любой цѣлью: одинъ изъ такихъ корреспондентовъ присутствовалъ при подъемѣ шара Андрэ, и его отчетъ былъ перепечатанъ всѣми европейскими газетами Другой корреспондентъ, Альберти, объѣздилъ по порученію редакціи Испанію и Португалію. Третій совершилъ еще недавно путешествіе по великой сибирской желѣзной дорогѣ и далъ рядъ статей, иллюстрированныхъ фотографическими снимками, и т. д. Одинъ нѣмецкій профессоръ совершилъ спеціально для „Lokal-Anzeiger"'а кругосвѣтное путешествіе; д-ръ Георгъ Вегенеръ выполнилъ одну научную экспедицію въ Индію и другую экспедицію съ научной цѣлью въ арктическія моря. Теперь Вегенеръ отправился по порученію редакціи для изученія и описанія вновь пріобрѣтенныхъ Германіей колоній: Самоа, Каролинскихъ и Маршаловыхъ острововъ. А съ профессоромъ Георгомъ Штейндорфомъ, преемникомъ Георга Эберса въ лейпцигскомъ университетѣ по каѳедрѣ египтологіи, редакція „Lokal-Anzeiger"'а заключила договоръ, по которому профессоръ обязуется свои работы по изученію оазиса Юпитера Аммона напечатать предварительно на столбцахъ „Lokal-Anzeiger". Или примѣры изъ другой области. На слѣдующій день послѣ перваго представленія трагедіи Зудермана, „Іоаннъ", въ „Lokal-Anzeiger" появился обстоятельный отчетъ о постановкѣ трагедіи, написанной такимъ авторитетомъ, какъ Георгъ Брандесъ. Рождественское приложеніе 1898 г. составлено было изъ разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, и даже Гауптманъ далъ для этого нумера одну свою небольшую балладу, за право напечатанія которой редакція уплатила ему 600 марокъ. Ежедневное же приложеніе газеты, такъ называемой „Unterhaltungsblatt", наполнено обыкновенно только беллетристическимъ хламомъ. Спеціальность „Lokal-Anzeiger"'а—это его почтовый ящикъ, въ которомъ цѣлый рядъ спеціалистовъ даетъ отвѣты на разнообразнѣйшіе вопросы и запросы подписчиковъ, начиная съ того, гдѣ живетъ такой-то писатель, или какъ пишется такое-то слово и кончая всевозможными практическими совѣтами и указаніями. Мало того, подъ рубрикой: „Oeffentliche Meinung" редакція газеты печатаетъ все, что присылаютъ ея подписчики, начиная съ жалобы какого-нибудь бюргера на неисправность почты или на неугодившаго ему кондуктора на омнибусѣ и кончая стихотворными и прозаическими упражненіями. Наконецъ, въ теченіе

двухъ часовъ ежедневно открыто въ помѣщеніи редакціи особое бюро, въ которомъ абонентамъ, предъявляющимъ свои квитанціи за послѣдній мѣсяцъ, даются безплатно юридическіе совѣты. А такъ какъ подобныя быро заведены при редакціяхъ нѣкоторыхъ другихъ берлинскихъ газетъ, то „Lokal-Anzeiger“, въ видахъ конкурренціи, собирается ввести ежедневное дежурство врачей съ выдачей абонентамъ лекарствъ изъ собственной аптеки.

При всемъ несимпатичномъ веденіи этой газеты, Шерлю нельзя отказать въ крупномъ организаторскомъ талантѣ, и онъ проявилъ, конечно, не мало энергіи и положилъ не мало труда, пока тотъ домъ, въ которомъ былъ отпечатанъ первый нумеръ „Lokal-Anzeiger“, сталъ его собственностью и отведенъ всецѣло для нуждъ редакціи, типографіи и экспедиціи, пока „Lokal-Anzeiger“ сталъ приносить ежедневно читателямъ цѣлый ворохъ печатной бумаги, а воскресные нумера его представляютъ собою чуть ли не цѣлый томъ in folio, пока „Lokal Anzeiger“ сталъ не только главнымъ мѣстомъ публикацій берлинскаго магистрата, но и имѣетъ, благодаря своей распространенности, такъ много объявленій, какъ ни одна другая берлинская газета. Въ то время, какъ редакціи всѣхъ остальныхъ берлинскихъ газетъ для разсылки экземпляровъ своихъ газетъ прибѣгаютъ къ общимъ экспедиціямъ, разсѣяннымъ по всему городу, Августъ Шерль организовалъ особую армію женщинъ и дѣтей, разносящихъ абонентамъ по домамъ исключительно экземпляры его газеты. Мало того, въ видахъ удобства подписчиковъ и объявителей, главная контора газеты имѣетъ въ городѣ и предмѣстьяхъ свыше сорока отдѣленій для пріема подписки и объявленій, для сдачи на руки разносчицамъ газеты на домъ опредѣленнаго числа экземпляровъ и для безплатной раздачи особо отпечатанныхъ объявленій всѣмъ ищущимъ труда, ожидающимъ обыкновенно въ видѣ длинной цѣпи у воротъ главной экспедиціи или безпрерывно являющимся ко времени выхода свѣжаго нумера въ помѣщеніи того или другого отдѣленія. Успѣшная децентрализація столь обширнаго дѣла въ административномъ отношеніи подала Шерлю мысль децентрализировать, насколько это возможно, и редакцію газеты. Такъ, кромѣ главной редакціи на Zimmerstrasse, Шерлемъ организованы въ сѣверной и южной, западной и восточной части города четыре отдѣленія редакціи, на обязанности которыхъ лежитъ собираніе всевозможныхъ свѣдѣній исключительно въ районѣ ихъ дѣятельности. Свѣдѣнія болѣе общаго характера эти отдѣленія направляютъ въ главную редакцію; свѣдѣнія мѣстнаго характера, интересныя только для даннаго района или для жителей того

или другого изъ берлинскихъ предмѣстій, переработываются отдѣленіями редакціи на мѣстѣ и разсылаются въ видѣ особыхъ приложеній при вечернихъ изданіяхъ подписчикамъ каждаго района отдѣльно. Эта мысль является, собственно говоря, логическимъ развитіемъ мысли, пришедшей раньше Шерлю: печатать въ вечернихъ изданіяхъ газеты нѣкоторыя объявленія, имѣющія чисто мѣстный характеръ, напр.—для западной части Берлина—не во всѣхъ 215.000 экземплярахъ, но только въ 55.000, доставляемыхъ подписчикамъ изъ той мѣстности.

Весь богатый матеріалъ газеты, какъ по части текста, такъ и по части объявленій, Шерль съумѣлъ использовать еще и слѣдующимъ образомъ. Онъ издаетъ маленькую вечернюю газетку „Berliner Abendzeitung", которая составляется изъ однѣхъ перепечатокъ изъ большой газеты, стòитъ лишь 24 пфеннига въ мѣсяцъ и довольно хорошо распространена въ провинціи, но въ Берлинѣ, несмотря на свою дешевизну, популярностью не пользуется. Затѣмъ Шерль издаетъ еще газетку „Deutsche Feldpost", главный òрганъ военныхъ кружковъ (Kriegsvereine), на столбцахъ которой печатаетъ сначала текстъ „Lokal-Anzeiger", а затѣмъ спеціальныя извѣстія, интересныя только для читателей изъ военныхъ кружковъ. И именно за заслуги по изданію этого òргана Августъ Шерль награжденъ былъ орденомъ Короны третьяго класса. Въ видахъ привлеченія значительнаго числа объявителей Шерль суммируетъ всѣ объявленія относительно квартиръ и помѣщеній отдѣльно, какъ и всѣ объявленія въ области предложенія и спроса труда, и печатаетъ ихъ отдѣльно въ большомъ количествѣ, для раздачи и разсылки всѣмъ желающимъ и всѣмъ интересующимся безплатно. Наконецъ, Шерль издаетъ еще изъ года въ годъ адресную книгу, два громадныхъ тома которой можно найти чуть ли не въ каждомъ магазинѣ и ресторанѣ, въ любомъ учрежденіи, а изданіемъ „Die Woche", иллюстрированнаго журнала, пріобрѣвшаго въ теченіе года до 200.000 подписчиковъ, онъ доказалъ лишній разъ свой организаторскій талантъ.

Само собою разумѣется, что на рекламированіе своей газеты Шерль тратитъ ежегодно крупныя суммы. Онъ первый сталъ рекламировать свою газету громадными буквами на стѣнахъ домовъ, но позже оставилъ эту мысль и ограничивается рекламой на колоннахъ для афишъ—желтыми буквами на черномъ фонѣ: о томъ, гдѣ помѣщается ближайшее отдѣленіе экспедиціи; сколько подписчиковъ констатировалъ по книгамъ экспедиціи приглашенный спеціальный ревизоръ, и о томъ, какъ распредѣляется по

участкамъ Берлина подписка на „Lokal-Anzeiger“. Гораздо болѣе подробны рекламы, разсылаемыя въ короткіе промежутки чуть ли не всѣмъ квартиронанимателямъ Берлина и его предмѣстій. Публикѣ дана возможность осматривать въ опредѣленные часы типографію газеты, въ которой рукописи набираются на особыхъ наборныхъ машинахъ, а газета печатается на 18 ротаціонныхъ машинахъ, дающихъ одновременно не 18, а 36 экземпляровъ свѣжаго нумера газеты. Наконецъ, Шерль устроилъ еще на улицѣ „Unter den Linden“ по парижскому образцу „залъ депешъ“, разсчитанный на вкусы и запросы посѣщающей его безплатно толпы. Здѣсь имѣются свѣжіе нумера газеты, всевозможныя справочныя изданія, новѣйшіе биржевые курсы и т. д.; здѣсь вывѣшиваются получаемыя редакціей въ теченіе дня и ночи телеграммы, иллюстраціи къ тексту свѣжаго нумера газеты, фотографическіе снимки, рисунки, каррикатуры, плакаты и т. п.

Съ газетой Шерля попыталась-было, конкуррировать основанная года два назадъ и продававшаяся только по три пфеннига за нумеръ газета „Berliner Herold“. Основана была эта газета тѣмъ самымъ коммандитнымъ обществомъ, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, надѣлало столько шуму своей угрозой наводнить всю Германію такъ называемыми „газетами безъ заголовка“. „Kopflose Zeitung“—это одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей нѣмецкой печати. Ловкіе берлинскіе издатели входятъ въ сношенія съ редакціями мелкихъ провинціальныхъ газетъ и поставляютъ имъ ежедневно отпечатанные въ Берлинѣ листы политическихъ извѣстій и фельетоннаго содержанія, причемъ одна сторона каждаго листа оставляется чистой, и здѣсь печатаются уже на мѣстѣ, въ провинціальномъ городѣ, мѣстная хроника и объявленія, и газета, снабженная мѣстнымъ заголовкомъ, выходитъ такимъ образомъ въ свѣтъ, вслѣдствіе чего въ мелкихъ городахъ, гдѣ-нибудь на югѣ и одновременно на сѣверѣ Германіи, предлагаются читателямъ одни и тѣ же разсказы, политическія новости, передовыя статьи и фельетоны. Въ Берлинѣ имѣются уже четыре фирмы, разсылающія въ провинціальные города десятки тысячъ экземпляровъ „газетъ безъ заголовка“ или же отлитыя въ Берлинѣ формы для печатанія стереотипомъ, а упомянутое коммандитное общество угрожало, года три назадъ, основать на собственный страхъ и рискъ подобныя „Kopflose Zeitungen“ чуть ли не въ каждомъ провинціальномъ городѣ, чтобы дешевизной ихъ подорвать всю мѣстную печать, если только редакціи провинціальныхъ газетъ не согласятся получать готовый текстъ отъ берлинскаго коммандитнаго общества. Нѣ-

мецкая печать забила тревогу, но опасенія оказались напрасны: общество стало издавать только газету „Berliner Herold“, въ духѣ „Lokal-Anzeiger“'а и предназначенную для конкурренціи съ нимъ. Но, несмотря на то, что „Berliner Herold“ стоилъ лишь 50 пфенниговъ въ мѣсяцъ, т.-е. вдвое дешевле газеты Шерля и несмотря на то, что лица, подписавшіяся на „Berliner Herold“, однимъ фактомъ подписки застраховывали себя, на случай несчастья, въ 1.000 марокъ, число подписчиковъ у Шерля еще болѣе возросло за тотъ годъ, и редакція, не опасаясь своего конкуррента, повысила цѣну утренняго изданія въ отдѣльной продажѣ съ пяти до десяти пфенниговъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и „Berliner Herold“ пересталъ существовать, и доказалъ только, что для основанія въ Берлинѣ новой газеты нуженъ не только крупный капиталъ, но и крупный организаторскій талантъ.

Каждая статья составляетъ собственность автора или издателя, которому была продана. Желая повысить интересъ своихъ изданій, издатели большихъ газетъ снабжаютъ каждую мало-мальски интересную статью примѣчаніемъ: „Nachdruck verboten“, вслѣдствіе чего статья эта не можетъ быть воспроизведена ни цѣликомъ, ни въ извлеченіи на столбцахъ другой газеты. Иныя газеты разрѣшаютъ перепечатку своего матеріала только подъ условіемъ указанія источника, и въ Германіи сложился обычай уплаты гонорара авторамъ статей, перепечатанныхъ изъ другихъ изданій,—конечно, по пониженной таксѣ. Этотъ обычай значительно облегчаетъ, въ особенности для мелкихъ изданій, веденіе газетнаго дѣла въ Германіи, и на этой же почвѣ возникли изобрѣтенныя еще въ 30-хъ годахъ баденскимъ журналистомъ д-ромъ Зингеромъ многочисленныя „Korrespondenzen“, составляющія другую характерную особенность нѣмецкой печати. Какъ телеграфныя бюро заботятся о доставкѣ газетамъ свѣжихъ новостей изъ-за границы и изъ другихъ городовъ, эти корреспонденціи доставляютъ редакціямъ газетъ интересныя свѣдѣнія о политической и общественной жизни, также и свѣжія новости во всѣхъ областяхъ. Нѣкоторыя лица, стоящія близко ко двору, къ той или другой политической партіи, къ художественно-артистическимъ или ученымъ кругамъ и т. д., сообщаютъ объ извѣстныхъ имъ событіяхъ и новостяхъ редакціямъ газетъ въ формѣ печатныхъ или литографированныхъ „корреспонденцій“. Редакціи платятъ, обыкновенно, издателямъ корреспонденцій за каждую у нихъ заимствованную замѣтку отдѣльно или же вознаграждаютъ ихъ опредѣленной суммой за опредѣленный срокъ. Въ Бер-

линѣ издается нѣсколько сотъ подобныхъ „корреспонденцій“: политическихъ, парламентскихъ, судебныхъ, политико-экономическихъ, репортерскихъ, фельетонныхъ, научныхъ и т. д., причемъ частнымъ лицамъ онѣ не продаются, и публика иногда даже не знаетъ о ихъ существованіи. Нѣкоторыя корреспонденціи составляются и редактируются цѣлымъ штабомъ сотрудниковъ и могли бы выходить въ свѣтъ, какъ самостоятельныя газеты, но онѣ служатъ только „первоисточникомъ“ для многихъ берлинскихъ и провинціальныхъ газетъ. Для большихъ газетъ онѣ составляютъ иногда значительную точку опоры: такъ, напр., нѣкоторыя редакціи не содержатъ своихъ репортеровъ или судебныхъ хроникёровъ, но ограничиваются абонементомъ на многочисленныя корреспонденціи репортерскаго характера. Мелкія же газеты очень часто состоятъ изъ сплошныхъ перепечатокъ изъ „корреспонденцій“ и даютъ своимъ читателямъ очень мало самостоятельнаго и оригинальнаго. Подобныхъ мелкихъ газетъ издается въ Берлинѣ, кромѣ большихъ политическихъ и большихъ безпартійныхъ газетъ, добрый десятокъ.

Что касается мелкихъ газетъ, то всѣ онѣ—такъ называемыя „безпартійныя“, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, не будучи органомъ какой-либо политической партіи, имѣютъ ту или другую политическую окраску.

Самая старая изъ этихъ газетъ — это упомянутая выше „Wöchentliche Berlinische Frage- und Anzeigungsnachrichten“. Она носила это заглавіе до 1767 года, а затѣмъ стала именоваться „Berliner Intelligenzblatt“ и была до 1885 г. исключительно листкомъ объявленій. Съ названнаго же года редакція ввела мѣстную хронику, въ началѣ 90-хъ годовъ стала сообщать своимъ читателямъ и политическія новости вмѣстѣ съ отчетами судебныхъ засѣданій и извѣстіями о дѣятельности ферейновъ, а въ концѣ 1894 г. преобразовала „Berliner Intelligenzblatt“ въ большую по формату и разностороннюю газету. Ведется она и понынѣ безпартійно, но довольно прилично и объективно, причемъ редакція обращаетъ главное вниманіе на мѣстную хронику, и только въ этой газетѣ встрѣчаются такія рубрики, какъ „Извѣстія о судоходствѣ“, „Рынокъ скота и бойни“, „Базары“ и т. п. Благодаря этому, а также публикаціямъ магистрата, полиціи и судебныхъ учрежденій, газета расходится въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Совершенно иной характеръ носитъ основанная въ 1862 г. придворнымъ типографомъ Деккеромъ газета „Berliner Fremdenblatt“. По особому соглашенію редакціи этой газеты съ „Обще-

ствомъ берлинскихъ гостинновладѣльцевъ", списки пріѣзжихъ доставляются конторой каждаго отеля исключительно этой газетѣ, нумера которой разсылаются ежедневно въ пять часовъ вечера конторамъ гостинницъ, для раздачи пріѣзжимъ [1]). Газета служитъ еще органомъ крупныхъ торговыхъ предпріятій, какъ, напр., „Berliner Messe", „Waarenhaus für deutsche Beamte" и др. Приноровляясь ко вкусамъ случайныхъ читателей, газета отводитъ весьма мало мѣста политическимъ извѣстіямъ, хотя и состоитъ въ послѣднее время въ довольно тѣсной связи съ берлинскими консервативными избирательными кружками. Хорошо поставленъ въ газетѣ театральный отдѣлъ, которымъ руководитъ поэтъ-романтикъ и драматургъ, Аксель Дельмаръ.

Что касается газетки „Deutsche Worte", то она ведется въ монархически-національномъ духѣ и имѣетъ свыше 80.000 подписчиковъ. Читаютъ ее, главнымъ образомъ, мелкіе чиновники, за интересы которыхъ она горячо заступается, ремесленники и мелкіе торговцы, такъ какъ газета поднимаетъ голосъ и за среднее сословіе, которому все болѣе и болѣе угрожаетъ гигантски ростущая промышленность. Но голосъ ея слабый, и газетка не пользуется рѣшительно никакимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Политическій отдѣлъ ея и заграничныя корреспонденціи составляются исключительно изъ перепечатокъ, а иллюстраціи ея, обыкновенно, грубы до невозможности. На-ряду съ „Deutsche Worte" можетъ быть поставлена, по распространенности, незначительная газетка „Berliner Abendpost", стоящая лишь 1 марку 25 пфенниговъ за четверть года и имѣющая, благодаря этому, до 70.000 подписчиковъ. Выходитъ она по вечерамъ, сообщая новости за день въ возможно сжатой формѣ, и имѣетъ за собой ту заслугу, что пріучила къ систематическому чтенію печатнаго органа десятки тысячъ провинціаловъ, какъ „Berliner Lokal-Anzeiger" пріучилъ къ тому берлинскихъ мелкихъ бюргеровъ.

„Tägliche Rundschau", газета, основанная въ 1881 г. и расходящаяся въ количествѣ до 2.600 экземпляровъ, была однимъ изъ первыхъ безпартійныхъ органовъ въ Берлинѣ, но, при всей своей безпартійности, ведется въ націоналистическомъ духѣ и отстаиваетъ германскую колоніальную политику. Ея „Unterhal-

[1]) Кладется теперь безплатно во всѣхъ занятыхъ пріѣзжими нумерахъ въ нѣкоторыхъ большихъ отеляхъ еще и газетка „Berliner Nachtpost" (о ней нѣсколько словъ ниже), приноравливающаяся къ интересамъ и нуждамъ иностранцевъ и пріѣзжихъ, что даетъ ей рядъ хорошо оплачиваемыхъ и окупающихъ расходы объявленій отъ театровъ, ресторановъ, кафе, отелей, кафе-шантановъ и пр.

tungs-Blatt fur die Gebildeten aller Stände“ ведется въ литературномъ отношеніи опрятно и здѣсь изъ числа сотрудниковъ можно отмѣтить Юліуса Гарта, талантливо ведущаго литературное и театральное обозрѣнія. Въ томъ же національно-шовинистскомъ духѣ ведется газета „Deutsche Zeitung“, издающаяся лѣтъ пять и выходящая шесть разъ въ недѣлю по утрамъ. Издаетъ ее д-ръ Фридрихъ Ланге, тотъ самый, который пытался, года три назадъ, организовать „Deutsch-Kartell“, т. е. союзъ всѣхъ національно-германскихъ партій. Въ качествѣ таковыхъ явились тогда на учредительное собраніе консерваторы, національ-либералы, аграріи и „чистые“ антисемиты; но хотя тогда Ланге избрали въ президенты, изъ „картели“ ничего не вышло, какъ мало проку выходитъ изъ стремленія д-ра Ланге угодить въ своей безцвѣтной газетѣ представителямъ всѣхъ названныхъ партій.

Самой юной, по времени основанія, изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ является „Berliner Morgenpost“, ставшая, за какіе-нибудь два года, крупнымъ конкуррентомъ газеты „Lokal-Anzeiger“. Одна марка въ мѣсяцъ за газету, доставляемую два раза въ день, для мелкаго бюргера — сумма небольшая, но есть въ Берлинѣ широкій слой населенія, который не можетъ удѣлить на газету даже и одной марки. „Berl. Morgenpost“ пошла на встрѣчу этимъ кругамъ и беретъ только 10 пфенниговъ въ недѣлю, не обязывая, такимъ образомъ, къ подпискѣ на цѣлый мѣсяцъ, какъ это дѣлаютъ всѣ берлинскія газеты, или на двѣ недѣли, какъ это дѣлаетъ „Lokal-Anzeiger“ подъ видомъ „пробнаго“ абонемента. Само собой разумѣется, что „Berl. Morg.“ приноровляется ко вкусамъ своихъ болѣе чѣмъ непритязательныхъ читателей, и ея мѣстная и судебная хроника не только стоитъ ниже хроники „Lokal-Anzeiger“, но и дѣйствуетъ, вмѣстѣ съ грубо исполненными и почти всегда душу раздирающими рисунками, положительно растлѣвающимъ образомъ на умы читателей. „Lokal-Anzeiger“, напр., еще не унизился до того, чтобы печатать на своихъ столбцахъ, какъ дѣлаетъ „Berl. Morgenblatt“, портреты уличныхъ оригиналовъ, чтобы давать мѣсто бездарной и глупой болтовнѣ второстепенныхъ артистовъ и артистокъ, снабженной ихъ портретами и автографами, чтобы не брезгать объявленіями гадалокъ на картахъ и гадалокъ на кофейной гущѣ, чтобы назначать ежемѣсячно премію тому изъ подписчиковъ, который первый прибѣжитъ въ редакцію и принесетъ какое-либо сенсаціонное извѣстіе, чтобы печатать на своихъ столбцахъ „интервью“ съ звѣрскимъ убійцей, чтобы устроивать, наконецъ, спеціально для абонентовъ вечера съ музыкой и назначать премію тому изъ нихъ, который заранѣе

угадаетъ тотъ день, когда число абонентовъ „Berl. Morg." достигнетъ 200.000. Число подписчиковъ газеты уже превысило двѣсти тысячъ.

III.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ крупныхъ политическихъ газетъ и начнемъ съ „Крестовой Газеты" (Neue Preussische Kreuz-Zeitung) [1]), старѣйшаго органа прусскихъ „юнкеровъ". Эта газета, какъ и нѣкоторые крупные либеральные органы, есть продуктъ эпохи мартовскихъ дней, но создана она была для борьбы со всѣмъ тѣмъ, чего бюргерство добилось путемъ революціи. Уже въ апрѣлѣ 1848 года нѣкоторые вожаки „маленькой, но могущественной партіи" — такъ называли себя тогда прусскіе юнкеры, глубоко огорченные побѣдой революціи и уступчивостью короля,—объединились для изданія большой политической газеты, предназначенной для защиты ихъ интересовъ, и надо отдать справедливость „Крестовой Газетѣ": она выполняла свою задачу умѣло и не безъ успѣха. Пробный нумеръ „Крестовой газеты" вышелъ 16-го іюня названнаго года, а съ 30-го іюня газета стала выходить каждый день вечеромъ. Руководилъ ею комитетъ изъ пяти лицъ: президентъ Эрнстъ-Людвигъ фонъ-Герлахъ, его братъ, генералъ Леопольдъ фонъ-Герлахъ, баронъ Зенфтъ фонъ-Пильзахъ Сандофъ, графъ Финкенштейнъ и фонъ-Бетманъ-Гольвегъ. Въ числѣ основателей газеты числились, кромѣ названныхъ лицъ, еще пять графовъ, одинъ князь, одинъ министръ и одинъ оберъ-президентъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если газета уже въ скоромъ времени стала могучимъ орудіемъ въ рукахъ юнкерства, съумѣвшаго подчинить себѣ послѣ революціи и бюргерство, и короля. Никто изъ названныхъ лицъ не пожелалъ, однако, унизиться до того, чтобы заниматься газетой непосредственно, и редакторомъ былъ приглашенъ молодой ассесоръ Германъ Вагнеръ, который привлекъ къ участію въ газетѣ начинавшаго тогда свою карьеру, въ качествѣ депутата, Бисмарка. Во время парламентской сессіи почти ни одинъ нумеръ „Крестовой Газеты" не выходилъ безъ болѣе или менѣе обстоятельной статьи Бисмарка, и когда онъ впослѣдствіи сталъ прусскимъ министромъ-президентомъ, Вагнеръ, бывшій уже самъ депутатомъ, получилъ

[1]) Правѣе „Крестовой Газеты" стоитъ въ Берлинѣ развѣ что только „Deutscher Reichsanzeiger und Königlich preussischer Staatsanzeiger", оффиціальный органъ имперскаго и прусскаго правительствъ, имѣющій, конечно, какъ всѣ подобные оффиціальные органы только спеціальный интересъ.

высокій постъ при министерствѣ. „Крестовая Газета“ осталась, однако, независимымъ ȯрганомъ консерваторовъ и даже опубликовала однажды протестъ противъ рѣчи имперскаго канцлера, бывшаго своего сотрудника, въ рейхстагѣ, за что всемогущій въ 70-хъ годахъ Бисмаркъ назвалъ иронически своихъ бывшихъ коллегъ по газетѣ „Deklaranten“ и высказывалъ имъ явное свое неудовольствіе. Редакція основанной въ 1862 году газеты „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ оказалась болѣе покладистой и предоставляла въ теченіе 28 лѣтъ въ распоряженіе князя Бисмарка „ein Stück weisser Papier“. Желѣзный канцлеръ, какъ общеизвѣстно, никогда не оставлялъ этого „куска бѣлой бумаги“ безъ употребленія, и „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ была всюду извѣстна, какъ оффиціальный ȯрганъ Бисмарка. Какъ издатель ея, такъ и руководитель газеты, Эмиль Пиндтеръ, никогда не заботились о томъ, чтȯ и въ какой формѣ печатаетъ канцлеръ на столбцахъ газеты, и всесильный князь не оставилъ своего преданнаго слуги безъ наградъ: Пиндтеръ вошелъ въ чины. Каково же было всеобщее удивленіе, когда въ 1891 году, тотчасъ по уходѣ князя Бисмарка въ отставку, тотъ же Пиндтеръ открылъ столбцы своей газеты его преемнику, графу Каприви, чѣмъ тотъ и не преминулъ воспользоваться! Редактируемая Пиндтеромъ газета высказывалась даже противъ самого Бисмарка и „стараго курса“, за что Пиндтеръ, конечно, снова не оставленъ былъ безъ наградъ. Лѣтъ шесть назадъ, онъ основалъ въ Шарлоттенбургѣ свою собственную маленькую газетку, но прекратилъ изданіе ея незадолго до своей смерти, года три назадъ. „Norddeutsche Allgemeine-Zeitung“ все еще считается, и съ правомъ, ȯрганомъ нынѣшняго имперскаго канцлера, князя Гогенлоэ. За эту услужливость „Norddeutsche Allgemeine-Zeitung“ получила отъ другихъ газетъ кличку: „Mädchen für Alles“. Вполнѣ преданной Бисмарку, павшему въ началѣ царствованія Вильгельма II, осталась газета „Berliner Neueste Nachrichten“. Основана она была въ 1881 г., выходила сначала два раза въ недѣлю, потомъ ежедневно, а теперь выходитъ, какъ обѣ раньше упомянутыя газеты, 12 разъ въ недѣлю, т.-е. утромъ и вечеромъ. Эта газета принадлежала до дня смерти Бисмарка къ такъ называемымъ „Bismarck-Presse“, часть которой получала внушенія отъ стараго канцлера и его приближенныхъ (какъ, напр., „Hamburger Nachrichten“, лейбъ-ȯрганъ покойнаго Бисмарка), а другая часть выказывала чрезмѣрное усердіе въ куреніи ему ѳиміама. „Berliner Neueste Nachrichten“ принадлежатъ извѣстному Круппу и другимъ богатымъ заводчикамъ, и неудивительно, если газета, въ защиту интересовъ своихъ владѣль-

цевъ, горячо ратуетъ за продолженіе національной и колоніальной политики Бисмарка, за увеличеніе флота и т. д. Сначала эти лица пригласили въ качествѣ редактора Гуго Якоби, бывшаго редактора мюнхенской „Allgemeine Zeitung", отпраздновавшей недавно свой столѣтній юбилей. А позже, когда берлинскія „Neueste Nachrichten" пріобрѣли уже значеніе крупнаго политическаго органа, редакторомъ газеты былъ приглашенъ и состоялъ до самаго послѣдняго времени нѣкій Викторъ Швейнбургъ, выходецъ изъ Галиціи, человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ, но довѣренное лицо хитроумнаго Микеля, прусскаго министра финансовъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства газету очень дѣятельно читали, такъ какъ знали, кто скрывается за спиной редактора. Когда Швейнбургъ, послѣ извѣстной гамбургской рѣчи императора, наводнилъ страну своими летучими листками, въ которыхъ, между прочимъ, подсчиталъ стоимость новаго флота по старымъ цѣнамъ и намекалъ на то, что пересмотръ въ 1903 году торговыхъ договоровъ принесетъ, несомнѣнно, повышеніе пошлинъ на хлѣбъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повышеніе государственныхъ доходовъ для покрытія расходовъ на оборудованіе флота,—глаза всѣхъ обратились на Микеля. Но случилось то, чего никто не ожидалъ: министръ Микель выступилъ за своей полной подписью на столбцахъ „Berliner Korrespondent", оффиціознаго министерскаго органа, съ заявленіемъ, что все это хитросплетеніе, приписываемое ему,—клевета. Швейнбургъ потерялъ мѣсто въ редакціи и сознался, что цифры, приведенныя въ упомянутомъ летучемъ листкѣ, были фальшивыя.

„Крестовая Газета является центральнымъ органомъ консервативной фракціи германскаго рейхстага (какъ и прусскаго ландтага) и за свыше нежели пятидесятилѣтнее свое существованіе газета эта пережила, конечно, всѣ тѣ стадіи развитія, чрезъ которыя прошло нѣмецкое юнкерство, начиная отъ староконсервативной патріархальности и кончая защитой узко-классовыхъ интересовъ и проповѣдью политики силы и кулака по отношенію къ „внутреннимъ" врагамъ. И этой же газетѣ приходится теперь переживать паденіе своего вліянія, послѣ того какъ бывшій до іюня 1895 г. руководителемъ ея фонъ-Гаммерштейнъ, депутатъ и вожакъ юнкеровъ, проворовался и бѣжалъ, но былъ задержанъ и отбылъ уже назначенное ему судомъ наказаніе въ каторжной тюрьмѣ. Преемникомъ его по редакціи состоитъ профессоръ и депутатъ Германъ Кропачекъ.

Выходитъ „Крестовая Газета“ въ количествѣ не болѣе 9.500 экземпляровъ.

Еще менѣе распространена четвертая изъ издающихся въ Берлинѣ консервативныхъ газетъ: „Die Post“, органъ свободно-консервативной („имперской“) фракціи и лейбъ-органъ вожака партіи, вліятельнаго заводчика и депутата, барона Штумма. Онъ —личный другъ императора и негласный его совѣтникъ. При своемъ недюжинномъ умѣ, баронъ Штуммъ не только пользуется (по крайней мѣрѣ, пользовался до послѣдняго времени) сильнымъ вліяніемъ при германскомъ дворѣ. Благодаря этому, „Post“ имѣетъ значеніе крупнаго политическаго органа, съ которымъ не перестаютъ бороться многочисленные политическіе враги барона Штумма. Когда, въ 1874 г., эту газету откупили нѣкоторые члены свободно-консервативной фракціи, „Post“ стала горячей поборницей иностранной политики князя Бисмарка, и въ нѣкоторые критическіе моменты, какъ, напр., въ 1875 г., передовыя статьи этой газеты считались сигналами того или другого направленія въ международной политикѣ, а знаменитая статья „Krieg in Sicht“ извѣстила тогда всю Европу о новыхъ осложненіяхъ между Германіей и Франціей, вызвавшихъ вмѣшательство Россіи. Теперь же по статьямъ „Post“, внушеннымъ Штуммомъ или написаннымъ его политическими друзьями-депутатами, можно часто вѣрно опредѣлить отношеніе правительства къ тому или иному вопросу внутренней политики. Газета, пожалуй, потеряетъ свое значеніе, если оправдаются слухи, будто баронъ Штуммъ впалъ въ немилость при дворѣ и хочетъ отказаться отъ дальнѣйшей парламентской дѣятельности.

Подобная участь постигла, напримѣръ, газету „Das Volk“, основанную въ 1889 г. пользовавшимся еще тогда большимъ вліяніемъ при дворѣ Адольфомъ Штеккеромъ, бывшимъ придворнымъ проповѣдникомъ и основателемъ „христіанско-соціальной партіи“. Будучи еще кронпринцемъ, Вильгельмъ II покровительствовалъ Штеккеру и сочувствовалъ его идеямъ, но позже императоръ, пресыщенный и возмущенный интригами и кознями своего проповѣдника, удалилъ его отъ себя и разрѣшилъ Штумму опубликовать его, императора, рѣзкій отзывъ о Штеккерѣ. Послѣдній вскорѣ лишился всякаго вліянія, тѣмъ болѣе что отъ него отказалось и все такъ называемое лѣвое крыло его партіи, объединившееся подъ именемъ „національно-соціальнаго ферейна“. Къ тому же, рядъ процессовъ разоблачилъ многіе некрасивые проступки Штеккера, и въ настоящее время онъ—только пользующійся печальной славой депутатъ прусскаго ландтага. Газета его,

все еще слабо доказывавшая возможность и необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ на монархической и національной подкладкѣ, потеряла свое былое значеніе, а въ послѣднее время ея изданіе даже перенесено въ маленькій провинціальный городокъ Зигенъ, представителемъ коего въ ландтагѣ является Штеккеръ. Одинъ изъ бывшихъ ближайшихъ сотрудниковъ Штеккера по газетѣ, нѣкій фонъ-Герлахъ (тотъ самый, который работаетъ теперь въ газетѣ „Die Welt am Montag"), также перешелъ въ лагерь пастора Паумана, вычеркнувшаго изъ программы Штеккера раньше всего расовое человѣконенавистничество, и редактировалъ основанную этимъ молодымъ вожакомъ, но недолго продержавшуюся газету „Die Zeit". Единственнымъ органомъ національно-соціальной партіи является въ настоящее время выходящая разъ въ недѣлю газета „Hilfe". Въ Берлинѣ имѣется еще одинъ органъ пасторовъ: основанная еще въ 1873 г. консервативная газета „Der Reichsbote", или по кличкѣ: „Pastorenbote". Газета выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ, въ количествѣ до 12.000 экземпляровъ. Въ политическомъ отношеніи она ведется вполнѣ независимо и выдается своимъ соціально-политическимъ отдѣломъ, гдѣ неуклонно проводится строго обдуманная экономическая программа въ защиту интересовъ евангелическихъ пасторовъ.

Послѣдней по времени основанія въ числѣ берлинскихъ консервативныхъ газетъ является „Deutsche Tageszeitung", выходящая въ свѣтъ всего лишь седьмой годъ, но расходящаяся уже въ количествѣ до 40.000 экземпляровъ. Эта газета—центральный органъ основавшаго ее „Союза сельскихъ хозяевъ" и выдается той энергіей и рѣзкостью, съ какой она вступается за интересы аграріевъ, заходя очень часто въ своихъ требованіяхъ до геркулесовыхъ столбовъ. Въ лагерѣ „Союза сельскихъ хозяевъ", изъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, примыкающихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, имѣется значительное число національ-либераловъ, въ то время какъ центральный органъ послѣднихъ, „National-Zeitung", упорно борется противъ ненасытимой алчности аграріевъ. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о распаденіи отжившей свое время національно-либеральной партіи, и тщетно пытается „National-Zeitung", переживающая ту же стадію, что и партія, предотвратить своимъ напоминаніемъ о старыхъ идеалахъ нѣмецкаго либеральнаго бюргерства ходъ постепеннаго разложенія партіи и упадка собственнаго своего былого значенія. Основана была газета 1-го апрѣля 1848 г. извѣстнымъ педагогомъ Дистервегомъ, Дункеромъ, впо-

слѣдствіи берлинскимъ бургомистромъ, Цабелемъ, взявшимъ на себя обязанности редактора, и др. лицами. Будучи сначала органомъ свободомыслящаго и просвѣщеннаго бюргерства, которое не переставало мечтать объ объединеніи Германіи, газета съ гордостью указывала на свою дѣятельность въ этомъ направленіи, когда праздновала чрезъ два года послѣ объединенія Германіи свой 25-лѣтній юбилей. Теперь газета взялась за новую задачу: бороться съ партикуляристическими стремленіями нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ и горячо отстаивать данныя народу конституціей права. Въ исторіи газеты „National-Zeitung" можно разграничить три отдѣльныя эпохи; изъ нихъ первая, когда газета была органомъ свободомыслящаго бюргерства, была самая блестящая. Цабель редактировалъ газету до своей смерти въ 1875 г.; Отто Михаэлисъ велъ экономическій отдѣлъ до тѣхъ поръ, пока не перешелъ въ канцелярію имперскаго канцлера; Лотаръ Бухеръ, впослѣдствіи также сотрудникъ Бисмарка, былъ лондонскимъ корреспондентомъ газеты и далъ рядъ блестящихъ статей о первой всемірной выставкѣ въ Англіи; Титъ Ульрихъ, ведшій фельетонный отдѣлъ, перешелъ изъ редакціи прямо въ интендантство королевскихъ театровъ. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ газета перешла въ руки упомянутаго Вольфа, основателя перваго телеграфнаго бюро, и „National-Zeitung" стала постепенно пріобрѣтать оффиціозный характеръ. Когда либеральное бюргерство перешло на сторону Бисмарка, „National-Zeitung", забывъ о своемъ прошломъ, также приняла національно-либеральную окраску, пока не перешла впослѣдствіи окончательно въ руки національно-либеральной фракціи. Третій періодъ исторіи газеты былъ періодомъ ея упадка. Редакція имѣла и имѣетъ еще въ своемъ составѣ многихъ выдающихся сотрудниковъ, но потеряла прошлое свое вліяніе.

Въ томъ же національно-либеральномъ духѣ редактируется основанная въ 1855 г. „Berliner Börsenzeitung", ставшая изъ маленькаго биржевого листка, выходившаго три раза въ недѣлю, большой политической газетой, обращающей, однако, и теперь главное свое вниманіе на финансовый и биржевой отдѣлы. Значительно болѣе крупную роль играла и играетъ другая биржевая газета, „Berliner Börsen-Kurier", основанная въ 1868 г. Георгомъ Давидсономъ, который руководилъ газетой почти тридцать лѣтъ, до дня своей смерти, непосредственно редактировалъ торговый отдѣлъ и писалъ постоянно музыкально-критическія замѣтки,—между прочимъ какъ давній ревностный поклонникъ Вагнера. Газета эта займетъ, несомнѣнно, свою страничку не

только въ исторіи берлинской журналистики, но и въ исторіи берлинскихъ театровъ и тѣсно связаннаго съ ними искусства. Съ 1878 года театральнымъ отдѣломъ руководитъ талантливый рецензентъ Ландау, съ которымъ дѣлитъ труды его коллега, извѣстный берлинскій фельетонистъ и драматургъ Бенно Якобсонъ. Газета выходитъ 12 разъ въ недѣлю, и Давидсонъ сталъ выпускать ее двумя изданіями въ день еще тогда, когда только немногія газеты выходили по два раза въ день. Утреннее изданіе „Börsen-Kurier'a" онъ посвящалъ политикѣ, искусствамъ, фельетону, мѣстной хроникѣ, и т. д., а вечернее—всецѣло коммерціи и биржѣ. Подобное распредѣленіе матеріала нравилось публикѣ, и газета имѣла крупный матеріальный успѣхъ. „Börsen-Kurier" съ самаго начала своего существованія—либеральная и прогрессивная газета, не зависящая, однако, отъ какой-либо либеральной фракціи [1]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о католическомъ органѣ Берлина, „Germania". Ряды депутатовъ партіи центра составлены, главнымъ образомъ, изъ представителей южно-германскаго, католическаго населенія, и на югѣ Германіи партія эта обладаетъ многими крупными органами печати. Тѣмъ не менѣе, клерикалы сочли необходимымъ (съ 1871) имѣть въ Берлинѣ центральный органъ своей партіи. „Germania" пріобрѣла во время знаменитаго „культуркампфа" значеніе крупнаго политическаго органа, а такъ какъ Бисмаркъ умѣлъ неутомимо преслѣдовать своихъ политическихъ враговъ, то было время, когда пять отвѣтственныхъ редакторовъ этой газеты отбывали одновременно по приговорамъ суда назначенный имъ срокъ наказанія за преступленія, предусмотрѣнныя законами о печати. Между этими пятью редакторами былъ и д-ръ Маюнке, депутатъ, руководившій органомъ своихъ политическихъ друзей. Позже д-ръ Маюнке оставилъ парламентскую дѣятельность и сталъ пасторомъ; точно также его преемникъ, депутатъ д-ръ Францъ, теперь прелатъ въ Гмунденѣ. „Germania" не потеряла своего значенія и по окончаніи „культуркампфа"; клерикалы являются въ настоящее время наиболѣе могущественной фракціей въ рейхстагѣ и постепенно оставили свою оппозиціонную политику, а по вопросамъ объ увеличеніи арміи и флота даже перешли на сторону правительства, выговоривъ себѣ извѣстныя уступки въ другихъ областяхъ. Изъ перепечатокъ газеты „Germania" составляется маленькая газетка для народа—„Katholische Volkszeitung".

[1]) Изъ перепечатокъ изъ „Börsen-Kurier" составляется маленькая газетка „Berliner-Kurier".

Духовнымъ основателемъ газеты „Staatsbürgerzeitung" былъ упомянутый выше журналистъ и ораторъ Гельдъ. Когда, лѣтъ черезъ шесть по основанiи газеты, онъ разошелся со своимъ издателемъ, въ началѣ 70-хъ годовъ въ Берлинѣ оказалось двѣ „Staatsbürgerzeitung", причемъ та, которою руководилъ Гельдъ вмѣстѣ съ оставшимся ему вѣрнымъ составомъ редакцiи, имѣла второе заглавiе: „Alte Heldsche". Первая должна была вскорѣ перемѣнить свое названiе и прекратилась черезъ нѣсколько лѣтъ. Тенденцiя газеты съ начала редактированiя ея Гельдомъ была узко-нацiональная. Когда же, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, началось такъ называемое берлинское движенiе, „Staatsbürgerzeitung" приняла антисемитическую окраску и является понынѣ органомъ антисемитической „deutsch-sociale Reformpartei". Выходитъ она теперь 12 разъ въ недѣлю, въ количествѣ до 17.500 экземпляровъ. Мелкихъ антисемитическихъ газетъ возникало въ теченiе послѣднихъ 20 лѣтъ въ Берлинѣ очень много, но всѣ онѣ, за немногими исключенiями, удерживались очень недолго, хотя Берлинъ до самаго послѣдняго времени, когда центръ тяжести антисемитизма перенесенъ въ Парижъ и Вѣну, служилъ очагомъ такъ называемаго „научно-обоснованнаго" антисемитизма и племенной вражды.

Свободомыслящiе составляютъ въ рейхстагѣ и ландтагѣ двѣ фракцiи: freisinnige Volkspartei и freisinnige Vereinigung, причемъ каждая изъ этихъ фракцiй имѣетъ свои отдѣльные органы печати. Центральнымъ органомъ первой фракцiи является „Freisinnige Zeitung", газета, основанная въ 1885 году депутатомъ и вожакомъ свободомыслящихъ, Рихтеромъ. Выходитъ она два раза въ день, и вечернее изданiе составляетъ перепечатку утренняго, съ добавленiемъ крупныхъ новостей за день въ возможно сжатой формѣ. Органомъ другой фракцiи свободомыслящихъ считается „Berliner Tageblatt", хотя редакцiя отрицаетъ это, завѣряя своихъ читателей, что „Tageblatt" — независимая газета свободомыслящаго направленiя. Она — самая распространенная среди берлинскихъ политическихъ органовъ (она имѣетъ до 67.000 подписчиковъ) и изъ берлинскихъ газетъ самая популярная какъ въ Германiи, такъ и за границей. Основана была эта газета Рудольфомъ Моссе, когда Берлинъ, юная еще столица Германiи, сталъ Меккой международной политики и центромъ накопленiя привезенныхъ изъ Францiи миллiардовъ, переросъ внезапно свою прессу и нуждался, очевидно, въ новыхъ органахъ печати. Тогда-то Рудольфъ Моссе и создалъ свою газету, носившую сначала исключительно мѣстный характеръ, но теперь газета не

имѣетъ уже почти ничего общаго съ „Tageblatt“ начала 70-хъ годовъ. Только форматъ, послужившій образцомъ для многихъ нѣмецкихъ газетъ, остался тотъ же. Мѣстная хроника отодвинута была постепенно на второй планъ и уступила свое мѣсто вопросамъ политики, искусства, литературы и т. д. Оставаясь строго національной по отношенію къ вопросамъ иностранной политики, „Berliner Tageblatt“, однако, стала, по мысли ея главнаго редактора д-ра Левизона, космополитической въ смыслѣ отраженія международныхъ вліяній. Тѣмъ не менѣе, газета эта уваженіемъ далеко не пользуется, какъ вслѣдствіе шаткости ея политическихъ принциповъ, такъ и вслѣдствіе стремленія ея служить нашимъ и вашимъ. Сначала дешевая цѣна газеты, въ связи съ богатымъ матеріаломъ ея, повела къ быстрому увеличенію числа подписчиковъ. Затѣмъ введеніе первой въ берлинскихъ типографіяхъ ротаціонной машины дало Рудольфу Моссе возможность увеличить форматъ газеты. Наконецъ, онъ первый сталъ получать телеграммы отъ своихъ корреспондентовъ не только изъ крупнѣйшихъ центровъ Европы, но и изъ сотни мелкихъ городовъ внутри страны. Теперь онъ постепенно замѣняетъ телеграфъ телефономъ, и редакторы газеты уже регулярно бесѣдуютъ со своими вѣнскими корреспондентами. Моссе даетъ при газетѣ цѣлый рядъ приложеній: ежедневно утромъ и вечеромъ самостоятельную „Торговую газету“, по средамъ—„Техническое обозрѣніе“, по четвергамъ—маленькій журналъ домоводства и сельскаго хозяйства, по пятницамъ—сатирическій журналъ „Ulk“, въ субботу вечеромъ—небольшое литературное обозрѣніе, по воскресеньямъ — спортивное обозрѣніе и иллюстрированное беллетристическое приложеніе „Deutsche Lesehalle“; по понедѣльникамъ, наконецъ, вмѣстѣ съ послѣдними извѣстіями, набранными и напечатанными наканунѣ ночью,—особое приложеніе „Zeitgeist“, заключающее политическій, научный и литературный матеріалъ. Неудивительно поэтому, если въ редакціи числится 20 редакторовъ, которымъ поручено веденіе извѣстныхъ отдѣловъ, и значительное число сотрудниковъ.

Значительно ниже по разносторонности и распространенности, но выше по честному служенію истинѣ и преданности политическимъ принципамъ стоитъ свободомыслящая газета: „Berliner Zeitung“, основанная въ 1876 Леоп. Ульштейномъ и почти за четверть вѣка своего существованія не входившая въ сдѣлки съ совѣстью, вслѣдствіе чего газетѣ не разъ приходилось разрывать то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ политическихъ протекторовъ, постепенно уклонявшихся вправо. При

печальномъ фактѣ хамелеонства другихъ берлинскихъ газетъ, необходимо отмѣтить, что „Berliner Zeitung“ неуклонно придерживалась своего прогрессивнаго направленія и въ то время, когда Бисмаркъ сдѣлалъ въ своей экономической политикѣ рѣзкій шагъ назадъ, и когда рядъ покушеній на жизнь императора Вильгельма I внесъ смуту въ умы и послужилъ правительству поводомъ для созданія суровыхъ законовъ о соціалистахъ. Ни одной газетѣ въ ту пору не приходилось имѣть столько соприкосновенія съ государственными прокурорами, какъ именно „Berliner Zeitung“, и Фишеръ, популярный авторъ рѣзкихъ передовыхъ статей, утомленный нескончаемыми преслѣдованіями, даже оставилъ Берлинъ и переселился въ Парижъ. Въ настоящее время „Berliner Zeitung“ выходитъ 12 разъ въ недѣлю въ количествѣ до 27.000 экземпляровъ.

Съ исторіей „Фоссовой Газеты“ до памятныхъ мартовскихъ дней мы познакомились выше: 20 марта 1848 г. редакція этой газеты, боровшейся, насколько возможно было подъ ярмомъ цензуры, за тѣ идеи, осуществленіе которыхъ принесъ день 18-го марта, выпустила летучій листокъ, характерно озаглавленный: „Extra-Blatt der Freude“, а въ нумерѣ отъ 4-го апрѣля того же года писала: „Мы имѣемъ священное право считать ночь на 18-е марта великимъ актомъ искупленія. Свобода не могла быть намъ подарена: она должна была быть нами завоевана! Только въ упорной стычкѣ могло юношески одухотворенное бюргерство одержать побѣду надъ военнымъ, рѣзкимъ и высокомѣрнымъ духомъ старой Пруссіи“. Но, спустя годъ, въ нумерѣ отъ 15-го марта, та же газета писала нѣчто совершенно противоположное: „Теперь завѣса приподнята, и никто уже больше не вѣритъ въ лживые слухи и басни о томъ, будто стрѣляли въ народъ... Народъ заставили сдѣлать то, чего онъ не хотѣлъ и не думалъ сдѣлать. Такова правда о днѣ 18-го марта. Долженъ ли и можетъ ли быть отпразднованъ этотъ день? Безусловно нѣтъ и трижды нѣтъ!“

Впрочемъ, эти строки—старый, давно позабытый грѣшокъ „Фоссовой Газеты“. Нынѣ она стойко и неуклонно держится принятаго ею до 1848 г. умѣреннаго прогрессивнаго направленія и пользуется большимъ уваженіемъ. Ея дѣловитость и умѣренность, спокойный тонъ, корректность по отношенію ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ вопросамъ дня, педантичность редакціи въ выборѣ матеріала,—все это отличительные признаки „Фоссовой Газеты“, за что она и получила характерные эпитеты „аристократически-либеральнаго органа“ и „тетки Фоссъ“. Газета значи-

тельно выросла за послѣднія 50 лѣтъ. До 1872 г. она выходила еще въ форматѣ quarto и до 1879 г.—только разъ въ день. Теперь газета выходитъ 12 разъ въ недѣлю, причемъ утренніе нумера ея имѣютъ иногда до 12—15 приложеній in folio, а вечерніе нумера выходятъ въ размѣрѣ до двухъ листовъ того же формата. Общее число сотрудниковъ газеты достигаетъ 500, и между ними десятки выдающихся профессоровъ, молодыхъ ученыхъ, спеціалистовъ въ различныхъ областяхъ науки, знатоковъ искусства, выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей и т. д. „Фоссова Газета“ обладаетъ и гораздо бо́льшимъ числомъ корреспондентовъ, нежели „Berliner Tageblatt“, причемъ парижскимъ корреспондентомъ газеты состоитъ знаменитый авторъ „Парадоксовъ“, Максъ Нордау. „Vossische Zeitung“, какъ и „Berliner Tageblatt“, — обѣ принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ „Weltblätter“ и обѣ имѣютъ крупный матеріальный успѣхъ. Хотя „Vossische Zeitung“ и имѣетъ только 24.500 подписчиковъ (почти втрое меньше, нежели „Tageblatt)“, но беретъ болѣе высокую подписную плату и имѣетъ крупныхъ, дорого оплачиваемыхъ объявленій гораздо больше, нежели какая-либо изъ берлинскихъ газетъ, въ то время какъ по части мелкихъ, дешевыхъ объявленій перевѣсъ взялъ Lokal Anzeiger. Но въ то время какъ „Lokal-Anzeiger“ и „Berliner Tageblatt“ все свое преуспѣяніе поставили въ зависимость отъ умѣнья угождать вкусамъ своихъ читателей, „Vossische Zeitung“ воспитываетъ цѣлыя поколѣнія своихъ читателей, оставаясь издавна вѣрной своимъ идеаламъ.

Въ Берлинѣ издается еще одна большая прогрессивная газета— основанная 1-го апрѣля 1849 г.,—„Volkszeitung“ (Urwählerzeitung); но ее слѣдовало бы скорѣе назвать радикально-демократической. Такой характеръ газета носила съ перваго дня. 27-го марта 1853 года правительство даже запретило „Urwählerzeitung“, но уже 10-го апрѣля того же года газета возобновилась подъ названіемъ „Volkszeitung, Organ für Jedermann aus dem Volke“. Издателемъ ея былъ прославившійся впослѣдствіи депутатъ-демократъ Францъ Дункеръ, а редакторомъ — Бернштейнъ, авторъ „Естественно-исторической библіотеки для народа“ въ тридцати томахъ и „Исторіи революціи и реакціи въ Пруссіи“. Во второй разъ газета запрещена была въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Правительство, которому не понравились статьи „Volkszeitung“ о самоубійствѣ австрійскаго кронпринца, хотѣло примѣнить одинъ изъ параграфовъ „закона о соціалистахъ“ для подавленія ярко-демократическаго о́ргана, но судъ нашелъ распоряженіе правительства незаконнымъ, и въ самомъ непродолжи-

тельномъ времени изданіе газеты возобновилось. Пароль ея— „улучшеніе экономическихъ условій жизни народа, достиженіе полной религіозной свободы, распространеніе въ народѣ просвѣщенія и знаній“, выставленный на ея знамени въ началѣ 50-хъ годовъ, остался все тотъ же. Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе не только профессіональные журналисты и ученые, но и нѣкоторые ремесленники и рабочіе. Ея руководитель — бывшій депутатъ-демократъ Карлъ Фольратъ, лицо, пользующееся большимъ уваженіемъ въ берлинскомъ журнальномъ мірѣ.

Лѣвѣе демократической „Volkszeitung“ стоитъ газета „Vorwärts“ (со вторымъ заглавіемъ: „Berliner Volksblatt“), центральный органъ нѣмецкой соціаль-демократической партіи, располагавшей во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагѣ почти двумя милліонами голосовъ. И именно какъ центральный органъ, „Vorwärts“ долженъ былъ бы быть выразителемъ мнѣній всей партіи. Но издается газета въ Берлинѣ, т.-е. въ центрѣ страны, гдѣ борьба на экономической и политической почвѣ упорнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи, гдѣ пролетаріатъ составляетъ могучую силу, съ которой считаются, гдѣ собрались, наконецъ, наиболѣе развитые элементы рабочаго класса; поэтому „Vorwärts“ является выразителемъ мнѣній не столько всей массы рабочихъ, сколько передового авангарда ея. Вслѣдствіе этого происходятъ иногда столкновенія. Такъ, напр., авангардъ партіи принялъ планы аграрной реформы, но масса рабочаго населенія отклонила ихъ чуть ли не единогласно. „Vorwärts“ вынужденъ иногда полемизировать съ другими соціаль-демократическими органами. Вотъ почему на соціаль-демократическихъ съѣздахъ происходитъ всегда жаркій бой изъ-за „Vorwärts“; и старому Либкнехту, главному редактору газеты, приходится выслушивать столько нападокъ на редакцію газеты и самыхъ разнорѣчивыхъ требованій отъ нея. Другой недостатокъ „Vorwärts“, мѣшающій его развитію и распространенности,—тотъ, что газета должна выполнять одновременно двѣ разныя задачи: быть одновременно и центральнымъ органомъ, и берлинской мѣстной газетой. Въ то время какъ чуть ли не въ каждомъ крупнѣйшемъ городѣ Германіи имѣется мѣстная соціаль-демократическая газета, берлинскіе рабочіе подобной газеты не имѣютъ. Съ другой стороны, газета не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней, какъ къ центральному органу многомилліонной партіи, ибо газета вынуждена считаться съ интересами своихъ мѣстныхъ читателей, да и выходитъ только одинъ разъ въ день. При всемъ томъ „Vorwärts“ имѣетъ почти 50.000 подписчиковъ (цѣна—одна марка въ мѣ-

сяцъ), и эта цифра является лучшимъ показателемъ культурности берлинскаго рабочаго населенія. Популярность газеты весьма велика. Столь же велико вліяніе ея на берлинскихъ рабочихъ, въ то время какъ внѣ столицы Германіи „Vorwärts" мало распространенъ. Что касается политическаго значенія „Vorwärts"'а, то уже не одинъ опубликованный этой газетой тайный правительственный циркуляръ (печатаніе тайныхъ циркуляровъ и распоряженій составляетъ даже спеціальность газеты) вызывалъ не только страстную газетную полемику, но и продолжительные дебаты въ рейхстагѣ. Какъ увѣряютъ, императоръ ежедневно прочитываетъ передовую статью, напечатанную въ центральномъ органѣ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ.

Есть въ Берлинѣ газета еще радикальнѣе „Vorwärts"'а, органъ той незначительной партіи, которая, еслибы она признавала цѣлесообразность народнаго представительства, заняла бы въ рейхстагѣ мѣсто еще лѣвѣе соціаль-демократовъ. Это— маленькій анархистскій листокъ „Der Socialist", съ которымъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ безуспѣшно борются берлинская полиція и государственные прокуроры, добиваясь искусственными, косвенными мѣрами прекращенія изданія его. Къ подобнымъ мѣрамъ этимъ представителямъ государственной власти приходится прибѣгать потому, что § 4 имперскихъ законовъ о печати гласитъ: „право самостоятельнаго изданія и распространенія печатныхъ органовъ не можетъ быть отнято ни у кого ни административнымъ путемъ, ни въ судебномъ порядкѣ". Но въ § 8 тѣхъ же законовъ сказано, что отвѣтственнымъ редакторомъ періодическаго изданія можетъ быть лишь то лицо, которое не лишено по суду гражданскихъ правъ, а въ § 21 говорится: „къ отвѣтственности за проступки путемъ періодической печати могутъ быть привлечены, кромѣ редактора, еще и издатель, и владѣлецъ типографіи". Благодаря этому, правительство можетъ добиться путемъ безпрестанныхъ судебныхъ преслѣдованій прекращенія какой-нибудь маленькой и небогатой газетки, но редакція большой газеты всегда найдетъ себѣ новаго издателя или отвѣтственнаго редактора, тѣмъ болѣе, что утвержденія правительства въ данномъ случаѣ не требуется, какъ не требуется и особаго разрѣшенія для основанія новаго періодическаго изданія. Правительство, въ лицѣ государственнаго прокурора, имѣетъ право привлеченія отвѣтственнаго редактора къ суду и конфискаціи экземпляровъ газеты, но распорядиться объ отобраніи у владѣльцевъ экземпляровъ того или иного нумера изданія безъ предварительнаго рѣшенія суда прокуроръ

имѣетъ право лишь въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, данный нумеръ не снабженъ подписью и указаніемъ мѣста жительства отвѣтственнаго редактора, издателя и владѣльца типографіи; во-вторыхъ, если въ данномъ нумерѣ напечатано сообщеніе о передвиженіяхъ войскъ и средствахъ обороны, послѣ того какъ имперскій канцлеръ, въ виду опасности, сопряженной съ подобнаго рода публикаціями до начала и во время войны, уже воспретилъ, на основаніи даннаго ему закономъ права, печатаніе въ періодическихъ изданіяхъ подобныхъ свѣдѣній; и, въ-третьихъ, если въ данномъ нумерѣ заключается оскорбленіе императора, короля или мѣстнаго потентата, публичный призывъ къ государственной измѣнѣ, возбужденіе различныхъ классовъ населенія къ насилію одного класса надъ другимъ и т. п. Уничтожены же могутъ быть конфискованные экземпляры только по постановленію суда, къ которому прокуроръ обязанъ въ подобныхъ случаяхъ обратиться въ теченіе 24 часовъ. Если судъ находитъ конфискацію экземпляровъ незаконной, правительство не имѣетъ права апеллировать къ высшему суду и обязано немедленно возвратить всѣ отнятые экземпляры или конфискованный типографскій наборъ. Постановленіе суда также должно состояться въ теченіе 24 часовъ. Конфискація, судомъ уже утвержденная, теряетъ, однако, свою силу, если государственный прокуроръ въ теченіе двухъ недѣль не началъ судебнаго процесса противъ отвѣтственнаго редактора или издателя конфискованнаго періодическаго изданія. Подобные процессы могутъ быть начаты не только правительствомъ, но и различными общественными учрежденіями и частными лицами, если таковыя считаютъ себя оскорбленными той или другою газетной статьей. Для защиты интересовъ этихъ учрежденій и лицъ имѣется еще всѣмъ газетамъ столь ненавистный § 11: редакторъ періодическаго изданія обязанъ принять и напечатать заявленіе, содержащее въ себѣ поправки къ сообщеннымъ газетой фактамъ, если таковое ограничивается фактическими данными и снабжено полной подписью частнаго лица или уполномоченнаго представителя общественнаго учрежденія. Наконецъ, періодическимъ изданіямъ воспрещено печатаніе обвинительныхъ актовъ до начала и во время судебнаго разбирательства...

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

ИЗЪ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ДРЕВНЯГО РИМА

— И. М. Гревсъ: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Т. I. Спб. 1899.
— М. И. Ростовцевъ: Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи. Спб. 1899.

I.

Экономическая исторія древняго міра даже и въ западной наукѣ сравнительно туго разработывается—что и неудивительно. если присмотрѣться къ тѣмъ разнообразнымъ трудностямъ, съ которыми приходится бороться при всякой мало-мальски производительной работѣ въ этой области. Прежде всего, матеріалы, долженствующіе служить эмпирической основой для нашихъ заключеній, дошли до насъ въ очень разрозненномъ видѣ: это не то, что политическая исторія, для которой у насъ имѣются связныя, объемистыя изложенія первоклассныхъ писателей—матеріалы экономической исторіи разбросаны повсюду среди дошедшихъ до насъ памятниковъ древней культуры, не имѣя центра, или центровъ, вокругъ которыхъ они могли бы естественнымъ образомъ группироваться. Разбросанность эта столь велика, что изслѣдователю было бы трудно сказать a priori о какомъ бы то ни было памятникѣ, что онъ ему никакой пользы не принесетъ и поэтому можетъ безнаказанно быть оставленъ въ сторонѣ: самыя отдаленныя на первый взглядъ литературныя произведенія—философскій трактатъ, лирическое стихотвореніе, отрывокъ изъ

трагедіи, мало того—любой вещественный памятникъ, обломокъ надписи, барельефъ, монета, глиняный черепокъ могутъ дать историку экономической жизни древняго міра либо прямое свидѣтельство, либо косвенную улику по интересующимъ его вопросамъ. Вторая трудность заключается въ томъ, что плодотворная работа по собраннымъ и изученнымъ матеріаламъ совершенно выводитъ изслѣдователя изъ той области, въ которой онъ до тѣхъ поръ вращался: изъ филолога-классика онъ долженъ превратиться въ экономиста, если не желаетъ подвергаться риску опрометчивыхъ, а то и прямо наивныхъ выводовъ. Въ этомъ, положимъ, съ принципіальной точки зрѣнія ничего новаго и особеннаго не заключается: образовательное значеніе классической филологіи обусловливается въ значительной мѣрѣ именно тѣмъ, что она на каждомъ шагу заставляетъ своихъ адептовъ искать помощи въ другихъ наукахъ, знакомя ихъ этимъ съ планомъ и образчиками всего громаднаго научнаго зданія; эпитетъ „несамодовлѣющей науки", которымъ ее честятъ ея противники, оно можетъ поэтому принять, и принять съ гордостью. Нѣтъ: новое и особенное въ положеніи того изслѣдователя, о которомъ мы говоримъ, заключается въ томъ, что въ науки-помощницы онъ долженъ просить именно политическую экономію, а эта наука, будучи сама по себѣ очень важной, плодотворной и почтенной, въ настоящее время имѣетъ несчастье пользоваться особымъ расположеніемъ публики. Будучи, такимъ образомъ, баловнемъ общественнаго мнѣнія, она не избѣгла обычной участи балованныхъ дѣтей: стала капризной, сварливой и упрямой, столь же нетерпѣливой въ рѣшеніи несозрѣвшихъ еще вопросовъ, сколько нетерпимой къ тѣмъ, кто ихъ рѣшаетъ иначе. Благодаря этому, а также и множеству непризванныхъ, соблазнившихся удобнымъ случаемъ распустить свой парусъ по вѣтру,—политико-экономическая наука представляетъ для не-спеціалиста, нуждающагося въ ея помощи, особенно неблагопріятныя условія: онъ встрѣчаетъ, вмѣсто единой—по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ понятіяхъ—науки, нѣсколько рѣзко обособленныхъ и воюющихъ другъ съ другомъ направленій, по всему гораздо болѣе напоминающихъ вѣроисповѣданія, чѣмъ научныя системы.

И все-таки приходится идти на встрѣчу всѣмъ этимъ трудностямъ; приходится потому, что указанныхъ вопросовъ въ настоящее время уже никоимъ образомъ обойти нельзя. Не можетъ ихъ обойти, прежде всего, классическая филологія въ широкомъ и единственно правильномъ значеніи этого слова: мы рискуемъ оставить невыясненными очень большое число явленій античной

жизни, если не обнаружимъ этой столь важной и центральной ея пружины. Не можетъ ихъ обойти, затѣмъ, и политическая экономія; какъ ни какъ, а историзмъ, проникающій всѣ эмпирическія науки въ нашу эпоху, не исключая и естественныхъ, не могъ не оказать своего вліянія и на нее. И она, въ своемъ стремленіи объяснить и оцѣнить экономическіе институты и явленія, должна поставить вопросъ о ихъ происхожденіи и развитіи; а этотъ вопросъ неминуемо заводитъ ее въ античную эпоху. И вотъ мы видимъ, какъ экономисты и соціологи, одни съ полной любознательностью, другіе скрѣпя сердце и какъ-то свысока берутся за выясненіе экономическаго и соціальнаго строя античныхъ народовъ, но, не будучи въ состояніи разобраться въ получаемыхъ изъ третьихъ и десятыхъ рукъ матеріалахъ, представляютъ его не какимъ онъ былъ или могъ бы быть, а какимъ ему слѣдуетъ быть въ угоду какой-нибудь излюбленной формулѣ; читаетъ ихъ сочиненія филологъ—и руками разводитъ, встрѣчая въ нихъ утвержденіе, будто античная культура была вся построена на рабствѣ, будто въ древности любовь дѣтей къ родителямъ была неизвѣстна, и т. п.

Въ виду всѣхъ указанныхъ условій, появленіе всякаго серьезнаго и самостоятельнаго изслѣдованія, посвященнаго экономической жизни древняго міра, должно быть признано особенно отраднымъ въ интересахъ и историческихъ и политическихъ наукъ; истекшій же 1899 годъ подарилъ намъ, и спеціально русской наукѣ, два крупныхъ труда по этому предмету, настолько солидныхъ, что они несомнѣнно обратятъ (и отчасти уже обратили) на себя вниманіе западной науки, хотя они и написаны на „недоступномъ“ языкѣ. Это—тѣ двѣ диссертаціи, заглавія которыхъ выписаны въ заглавіи настоящей статьи. Обѣ были напечатаны въ „Запискахъ ист.-филол. факультета с.-петербургскаго университета“, первая въ качествѣ 53, вторая—51 тома; обѣ были представлены въ тотъ же факультетъ на соисканіе ученой степени; обѣ имѣютъ авторами лицъ, не безъизвѣстныхъ учащейся молодежи обоего пола въ С.-Петербургѣ. Все-же было бы неправильно усматривать здѣсь вліяніе какой-нибудь „с.-петербургской школы“: авторы не имѣли общей точки отправленія, будучи одинъ—историкомъ, а другой—филологомъ, и только случайность или, говоря правильнѣе, естественный и самостоятельный планъ занятій того и другого заставилъ ихъ встрѣтиться въ этой области экономической жизни древняго міра.

Тѣмъ не менѣе, оба труда при рѣзкомъ, коренномъ различіи въ прочемъ представляютъ и общія черты, обусловливаемыя не

столько одинаковыми требованіями предмета, сколько индивидуальными особенностями обоихъ авторовъ; и будетъ, полагаемъ, не безполезно, прежде чѣмъ перейти къ содержанію каждой изъ обѣихъ работъ, охарактеризировать ихъ вмѣстѣ, оттѣняя одну при помощи другой. Обѣимъ свойственна, прежде всего, широкая и солидная эрудиція, достаточно свидѣтельствующая о добросовѣстности, съ которой оба автора взялись за исполненіе своихъ задачъ; но характеръ этой эрудиціи въ обѣихъ очень неодинаковъ—какъ это показываетъ уже бѣглый взглядъ, брошенный на ученый аппаратъ цитатъ и ссылокъ въ каждой изъ нихъ. Я говорю здѣсь не о томъ, что источникъ И. М. Гревса—преимущественно литературныя свидѣтельства, источники М. И. Ростовцева—преимущественно папирусы, надписи, монеты, черепки и пломбы; это различіе стоитъ въ зависимости отъ требованій темъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ слѣдующихъ томахъ обширнаго труда И. М. Гревса оно утратитъ свою рѣзкость. Нѣтъ, гораздо характернѣе для обоихъ авторовъ ихъ отношеніе къ новѣйшей литературѣ по ихъ предмету. Обоимъ она превосходно извѣстна; но М. И. Ростовцевъ занимается ею лишь по мѣрѣ надобности, охотнѣе всего прямо отсылая читателя къ тѣмъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ данная деталь вопроса достаточно разработана, и обсуждая лишь тѣ, которыя прямо становятся, можно сказать, между нимъ и его темой; И. М. Гревса, напротивъ, спеціально интересуетъ, на ряду съ самимъ вопросомъ, и его разработка въ новѣйшей литературѣ, которой онъ удѣляетъ, поэтому, не мало мѣста въ своемъ трудѣ, не только во вступительныхъ частяхъ, довольно пространныхъ, но и поминутно, при обсужденіи той или другой стороны своихъ темъ. Въ связи съ этимъ различіемъ стоитъ и другое. Отношеніе М. И. Ростовцева къ другимъ ученымъ—чисто дѣловое; они его интересуютъ лишь насколько они высказали то или другое мнѣніе, изслѣдовали ту или другую сторону даннаго вопроса; одинъ ихъ результатъ принимается, другой отвергается, сухо, кратко, безстрастно—даже тамъ, гдѣ личное отношеніе автора къ данному результату, насколько можно догадываться, вовсе не было безстрастнымъ. Совершенно иное замѣчаемъ мы у И. М. Гревса; онъ видитъ въ своихъ предшественникахъ какъ бы товарищей, его отношеніе къ нимъ обыкновенно бываетъ окрашено большей или меньшей долей субъективизма, но субъективизма мягкаго, ласковаго, участливаго... по-французски мы бы сказали: aimable. Исключенія крайне рѣдки; да врядъ ли они и есть, если не считать одного—увы, тоже с.-петербургскаго ученаго, дошедшаго въ своей конструкціонной

маніи до отчаяннаго утвержденія, что римляне презирали земледѣліе.

Общей обоимъ изслѣдованіямъ чертой является, далѣе, живой интересъ обоихъ авторовъ къ современной дѣйствительности: они не принадлежатъ къ тѣмъ ученымъ, которые, разъ погрузившись въ изученіе отдаленной эпохи прошлаго, совершенно забываютъ объ ея отношеніи къ современности и о томъ, что именно это отношеніе и должно служить мѣриломъ цѣнности для насъ данной эпохи, а стало быть, и цѣнности ихъ трудовъ о ней. Но, стараясь по мѣрѣ возможности утилизировать прошлое для современности, они, и наоборотъ, стремятся и привлекать современность къ выясненію загадокъ прошлаго. Чтобы судить о размѣрахъ земельной собственности Горація, И. М. Гревсъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить и мѣстность, гдѣ она была расположена; посѣщеніе это доставило ему, прежде всего, эстетическое наслажденіе, о которомъ онъ, при своей участливости, — о чемъ рѣчь была выше,—тоже разсказываетъ своимъ читателямъ (стр. 85, пр. 2). „Окружающая милая и изящная природа настраивала чувство особеннымъ образомъ; мысль, уже направленная въ далекое прошлое, изощряла вниманіе, и чуткость его будилась еще сильнѣе отъ сознанія, что идешь по дорогѣ, которую такъ хорошо зналъ Горацій, и по которой такъ часто ѣздили къ нему его друзья“. Но главное, разумѣется, не эта эстетическая сторона (которая, спѣшу прибавить, нигдѣ не выдвигается на первый планъ), а тѣ положительныя данныя, которыя авторъ, гуляя по холмамъ долины Дигенціи, извлекъ для своей темы, какъ весьма желательное дополненіе къ заимствованнымъ у самого поэта уликамъ, для выясненія возможныхъ размѣровъ и ландшафтнаго характера принадлежавшей ему нѣкогда собственности. Точно также онъ, чтобы составить себѣ представленіе о возможномъ имущественномъ положеніи мелкихъ хозяевъ этой мѣстности въ эпоху Горація, навелъ справки у теперешнихъ ея жителей (стр. 179). Такія свѣдѣнія, хотя и не рѣшаютъ вопроса, все же указываютъ путь къ возможному его рѣшенію. Равнымъ образомъ и М. И. Ростовцевъ, изъѣздившій значительную часть громадной территоріи, бывшей нѣкогда подвластной римлянамъ, зорко присматривался къ тѣмъ явленіямъ, которыя могли служить иллюстраціями къ извлеченнымъ имъ изъ памятниковъ законамъ. Такъ онъ провелъ двое сутокъ въ развалинахъ древней Ammaedara въ Тунисѣ: „ничто,—пишетъ онъ объ этомъ своемъ пребываніи (стр. 90),—не можетъ такъ хорошо иллюстрировать римское таможенное дѣло, какъ ходъ сбора пошлинъ на боль-

шихъ дорогахъ, ведущихъ изъ Туниса въ Алжиръ. Караваны верблюдовъ, останавливающіеся у бюро таможни, соглашеніе—почти всегда быстрое и безъ споровъ—о высотѣ стоимости товара, патрули пограничной стражи, которая часто завѣдуетъ и сборомъ—все это лучше всякихъ текстовъ даетъ представленіе о жизни римской statio съ ея виликами и бенефиціаріями". Положимъ, такихъ прямыхъ параллелей изъ дѣйствительности у обоихъ авторовъ немного, но *чувство* дѣйствительности, если можно такъ выразиться, проходитъ черезъ ихъ труды во всемъ ихъ объемѣ, вселяя въ читателѣ пріятное убѣжденіе въ надежности его проводниковъ по этимъ труднымъ и темнымъ областямъ знанія.

Пропуская другія, менѣе важныя и интересныя черты, коснемся напослѣдокъ манеры изложенія того и другого автора; тутъ уже врядъ ли можетъ быть рѣчь о сходствѣ—различія такъ и бросаются въ глаза. И. М. Гревсъ пишетъ очень обстоятельно; на 600 слишкомъ страницахъ своего „перваго тома" онъ представилъ намъ только два изъ пяти очерковъ, которые разсчитываетъ обработать въ своемъ трудѣ, между тѣмъ какъ онъ легко умѣстилъ бы всѣ пять при болѣе сжатой формѣ изложенія; происходитъ это потому, что онъ любитъ разсматривать вопросы, съ которыми онъ встрѣчается, со всѣхъ сторонъ, все равно, имѣетъ ли онъ сказать о нихъ что-нибудь новое, или же долженъ ограничиться пересказомъ развитыхъ уже другими мнѣній. И это касается не только тѣхъ вопросовъ, которые лежатъ прямо на его пути, какъ историка римскаго землевладѣнія: избравъ, вмѣсто строго историческаго повѣствованія и изслѣдованія, вольную форму „очерковъ", онъ любитъ округлять ихъ, такъ сказать, прибавленіемъ къ нимъ смежныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего каждая картина, какъ таковая, выигрываетъ, но связная нить изложенія нерѣдко теряется. Сюда же относится и затронутый уже выше субъективизмъ: авторъ интересуется не только вопросомъ, но и своимъ къ нему отношеніемъ, подробно и всесторонне его оговаривая, гдѣ это только возможно. Зато его построеніе каждаго отдѣльнаго очерка безукоризненно, его стиль легокъ, плавенъ и изященъ, и если бы не маленькіе недосмотры, въ родѣ допущеннаго на стр. 51, гдѣ у него „*планъ* изображенія даннаго явленія выростаетъ своими корнями изъ различныхъ слоевъ почвы и объединяется въ одинъ *стволъ* со стройно распредѣленными *вѣтвями*"; или стр. 497, гдѣ „цѣлая *цѣпь* возраженій" мѣшаетъ историку „наложить, такъ сказать, *сѣть* понятій, характеризующихъ первое звено (данной) классификаціи, на всю исторію Рима"—

то и придраться было бы не къ чему. У М. И. Рост[illegible] не то. Онъ прямо шествуетъ къ своей цѣли, не останавл[illegible] на пути и не отвлекаясь въ сторону; онъ не только не [illegible] ждаетъ смежныхъ вопросовъ, но не стѣсняется пропус[illegible] важныя стороны коренныхъ, коль скоро онѣ достаточно о[illegible] таны другими. Въ композиціонномъ и стилистическомъ отн[illegible] онъ не столько небреженъ, сколько беззаботенъ; каждое [illegible] женіе достаточно обосновано, только не вездѣ эти осн[illegible] легко обозримы; авторъ писалъ со своей точки зрѣнія, мало заботясь о точкѣ зрѣнія читателя. Деревообразныхъ плановъ и сѣтчатыхъ звеньевъ у него нѣтъ, но скорѣе всего потому, что онъ вообще метафоръ, равно какъ и прочихъ изяществъ стиля, не любитъ; онъ выражается трезво и дѣловито, пользуясь первыми встрѣчными словами, нерѣдко путаясь въ лабиринтѣ придаточныхъ предложеній и выше всего, повидимому, ставя сжатость, дозволяющую возможно больше матеріала умѣстить на возможно меньшемъ числѣ страницъ. Въ результатѣ вышло, что книга М. И. Ростовцева при 280 страницахъ содержательнѣе, чѣмъ вдвое болѣе объемистая книга И. М. Гревса; но послѣднюю, несмотря на ея гораздо болѣе значительный объемъ, гораздо легче и скорѣе можно прочесть, чѣмъ первую; и если на манерѣ М. И. Ростовцева отразилось извѣстное гораціево brevis esse laboro—obscurus fio, то при чтеніи И. М. Гревса нерѣдко вспоминается второй членъ антитезы: sectantem levia nervi deficiunt.

Пора, однако, обстоятельнѣе заняться содержаніемъ обѣихъ книгъ и представить читателю достигнутые ихъ авторами результаты. Въ спеціальную критику, невозможную безъ приведенія и обсужденія текстовъ, я здѣсь вдаваться не намѣренъ, предполагая отвести ей надлежащее мѣсто въ спеціальномъ филологическомъ органѣ; цѣль настоящаго очерка — изобразить въ надлежащемъ освѣщеніи то положительное, которое внесено обоими авторами въ науку, причемъ я предоставляю себѣ дополнить, гдѣ это понадобится, то, что̀ ими упущено, свое же несогласіе лишь вкратцѣ отмѣчать, не входя въ подробную его мотивировку.

II.

Имѣетъ ли вопросъ о римскомъ землевладѣніи частный, или общій интересъ? Другими словами: составляетъ ли онъ исключительное достояніе тѣхъ, кто посвятилъ свою рабочую силу

изученію древняго міра, или же онъ важенъ и для изслѣдователя судебъ новыхъ народовъ?

При правильномъ взглядѣ на античность, отвѣтъ не можетъ быть спорнымъ. Разъ мы убѣдились въ томъ, что античность была и родительницей культуры современнаго человѣчества, и ея воспитательницей за весь періодъ ея развитія, то нѣтъ и не можетъ быть ни одного болѣе или менѣе крупнаго вопроса въ области античной цивилизаціи, который былъ бы лишенъ интереса для историка новыхъ народовъ. Но это общее, апріорное соображеніе не устраняетъ желательности, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственность интереса была доказана путемъ по возможности конкретныхъ, осязательныхъ данныхъ, и авторъ первой изъ выше поименованныхъ диссертацій, И. М. Гревсъ, поступилъ вполнѣ правильно, представляя эти данныя на судъ своихъ читателей. Было время, дѣйствительно, когда историкъ новыхъ народовъ, изслѣдуя вопросъ о происхожденіи западно-европейскаго феодальнаго землевладѣнія, могъ съ бòльшимъ или мèньшимъ правомъ оставлять въ сторонѣ пережитки римской экономической жизни; это было то время, когда этотъ вопросъ разрѣшался въ смыслѣ такъ называемыхъ германистовъ (Вайтца и др.). Но вотъ явился Фюстель де-Куланжъ, и противопоставилъ германистической теоріи свою, такъ называемую нео-романистическую; съ нею и римское землевладѣніе, какъ основаніе феодальнаго, получило для историковъ средневѣковья рѣшающее значеніе. Правда, эта теорія еще не можетъ считать себя господствующею; пока она только успѣшно конкуррируетъ съ германистическою, и еще нельзя предсказать, кому достанется побѣда. Но именно поэтому желательно, чтобы обѣ противницы пустили въ ходъ всѣ свои силы; а такъ какъ нео-романистическая теорія выводитъ феодальное землевладѣніе изъ землевладѣнія римскаго, то ея представители—а съ ними и мы—должны желать, чтобы римское землевладѣніе нашло наконецъ своего историка.

Таковымъ и обѣщаетъ явиться И. М. Гревсъ—но только не въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи. „Исторія римскаго землевладѣнія“—дѣло будущаго; пока же намъ представлена подговительная работа въ видѣ „очерковъ“, общія свойства которыхъ охарактеризованы выше. И вотъ картина, которая остается въ умѣ вдумчиваго читателя послѣ внимательнаго чтенія этихъ очерковъ, картина, пріуроченная къ тому времени, когда отшумѣли тревоги республиканскаго Рима и упроченный принципатъ сталъ лить елей римскаго мира—pax Romana—на утихающія волны всенародной войны.

Прежде всего мы будемъ искать глазами единственнаго залога земледѣльческаго преуспѣянія страны—будемъ искать *мелкой крестьянской собственности*; но именно ея мы, въ Италіи по крайней мѣрѣ, почти что не найдемъ. „Тонъ Горація, когда онъ говоритъ о крестьянствѣ, часто таковъ, будто рѣчь идетъ о далекомъ преданіи, о забывающемся признакѣ добраго стараго времени“ (стр. 180); въ самомъ дѣлѣ, какъ знаменательно одно начало общеизвѣстнаго стихотворенія: „Beatus ille... “(пер. Фета)!

Блаженъ, кто вдалекѣ отъ всѣхъ житейскихъ золъ,
Какъ родъ людей первоначальный,
На собственныхъ волахъ отцовскій пашетъ долъ,
Не зная алчности печальной...

Очевидно, типъ крестьянина, воздѣлывающаго собственный клочокъ земли, принадлежитъ уже къ „уходящимъ типамъ“; но что же заставляетъ его уходить? Куда онъ уходитъ? И что же водворяется на покинутомъ имъ мѣстѣ?

Что его заставляетъ уходить? Рядъ неблагопріятныхъ для его существованія условій, явившихся послѣдствіемъ внутренней и внѣшней политики Рима. Съ одной стороны, римскій крестьянинъ, какъ ни гордился онъ своимъ римскимъ гражданствомъ, этимъ безсмертнымъ civis Romanus sum,—могъ ощущать выгоды своего привилегированнаго положенія только въ самомъ городѣ Римѣ; здѣсь была трибунская власть, дѣйствительность которой не простиралась на италійскую деревню; здѣсь происходили народныя собранія, на которыхъ бѣднякъ получалъ случай воспользоваться своимъ правомъ голоса, а въ случаѣ надобности — его продать; здѣсь ему давались роскошныя представленія въ циркѣ, въ амфитеатрѣ, въ театрѣ; здѣсь его зачастую угощали даровымъ обѣдомъ по случаю смерти какого-нибудь вельможи; здѣсь наконецъ—и это было, пожалуй, главное—производилась дешевая продажа, а то и даровая раздача хлѣба римской бѣднотѣ. Тамъ, напротивъ, онъ былъ безпомощнымъ кліентомъ своего богатаго и могущественнаго сосѣда: сначала непосильная борьба на экономической почвѣ, въ которой всѣ выгоды были на сторонѣ эксплуатировавшаго даровой рабскій трудъ капиталиста, затѣмъ—задолжалость, а съ ней и полная экономическая зависимость, наконецъ—уходъ. Къ такому сосѣду-насильнику обращается Горацій въ одной изъ своихъ гражданскихъ одъ (II, 18, пер. Фета):

...ты дерзко отодвинулъ
Полей сосѣднихъ вѣковую грань.
Скупецъ! за чуждыми межами

Ты властелинъ, и выгнаны изъ хатъ,
Жена и мужъ несутъ съ богами
За пазухой непризрѣнныхъ ребятъ.

Такъ-то великое море столичнаго пролетаріата принимало обезземеленнаго крестьянина; а здѣсь для него начиналась новая жизнь—нищенская, правда, но для многихъ заманчивая своей праздностью, своими приключеніями, своимъ мишурнымъ блескомъ. А впрочемъ—былъ и другой исходъ. Со времени реформы Марія, упразднившаго воинскій цензъ, бѣднякамъ была открыта военная служба: тутъ вчерашняго пролетарія кормило и одѣвало государство, а въ случаѣ войны, которая была обычнымъ явленіемъ, ему виднѣлись въ близкой перспективѣ—разгулъ и добыча, въ болѣе отдаленной—тріумфальные подарки, а на горизонтѣ—надѣлъ въ колоніи ветерановъ. Такъ-то нашъ пролетарій послѣ долгаго времени возвращался къ матери-Землѣ; но было ли пріятно матери-Землѣ возвращеніе этого блуднаго сына, потерявшаго и навыкъ, и охоту къ труду? и каково было прежнимъ собственникамъ, мелкимъ крестьянамъ, которыхъ выселяли для того, чтобы очистить мѣсто пришельцамъ? А въ этомъ—главная суть: военныя колоніи сдѣлались вторымъ источникомъ обезземеленія крестьянства. Вергилій сохранилъ намъ трогательныя картины такого процесса въ своихъ „пастушескихъ“ стихотвореніяхъ:

Ты, о Титиръ, отдыхая, подъ сѣнью вѣтвистаго дуба
Шепоту чащи лѣсной на излюбленной вторишь свирѣли;
Мы покидаемъ родную страну и поля дорогія,
Мы изъ отчизны бѣжимъ... (I, 1 сл.).

Вотъ до чего, мой Ликидъ, мы дожили; пришлый хозяинъ—
Кто-бъ это могъ ожидать!—появился на нашихъ надѣлахъ;
„Все это“, молвитъ, „мое; выбирайтесь скорѣе, крестьяне!“

Мы же отсюда уйдемъ: кто въ Африки знойной пустыни,
Въ Скиѳскія степи другіе, къ волнамъ безпредѣльнаго Окса,
Кто на окраину міра, къ туманамъ Британіи дальней.
О, доведется ли мнѣ, послѣ долгаго срока разлуки,
Вновь васъ увидѣть, родныя поля, вновь хижины бѣдной
Дерномъ покрытую кровлю? И сердце въ печали сожмется,
Жалкіе видя колосья на нивѣ моей благодатной!
Да: равнодушный солдатъ той тучною пашней владѣетъ,
Варваръ владѣетъ посѣвомъ; вотъ братоубійственной распри
Плодъ, о несчастные! вотъ для кого вы засѣяли нивы! (I, 65 сл.).

Такъ-то земля переходила изъ рукъ крестьянина въ руки отставного солдата; ясно, что это рѣдко представляло выгоду для нея, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ—потерю. Но

это было лишь первымъ шагомъ по наклонной плоскости; второй обыкновенно за нимъ слѣдовалъ. Отбившійся отъ земли солдатъ рѣдко оказывался въ состояніи поправить свои отношенія къ ней; еще хорошо, если онъ сдавалъ свой участокъ въ аренду прежнему владѣльцу-крестьянину (причемъ возникало фермерство, —о чемъ ниже); обычная же участь попавшей въ руки пришельца земли была та, что она рано или поздно была присоединяема къ крупной земельной собственности ближайшаго вельможи. Правда, колоніальные законы это запрещали: по праву, участки колонистовъ были неотчуждаемы. Но мы знаемъ, что эти законы обходились: Цицеронъ, предостерегая своихъ согражданъ отъ такой колоніальной затѣи въ „счастливой Кампаніи", для осуществленія которой была намѣчена особая коллегія „децемвировъ", высказываетъ эту мысль совершенно ясно. „Да, квириты,—говоритъ онъ, — эту Кампанскую область, которой они васъ раззадориваютъ—ее они облюбовали для себя самихъ; они выведутъ въ нее своихъ людей, подъ именемъ которыхъ они будутъ ею владѣть и пользоваться сами, а затѣмъ они и скупятъ земли въ свою частную собственность, образуя изъ этихъ надѣловъ, по 10 югеровъ каждый, одно сплошное имѣніе.— „Нашъ законъ этого не дозволяетъ", скажутъ они.—А законъ Суллы развѣ дозволялъ? Однако мы видимъ, что, напр., Пренестинская область (нын. Palestrina) находится нынѣ во владѣніи немногихъ лицъ!" (вторая аграрная рѣчь, 78).

Такимъ образомъ, на мѣстѣ мелкой крестьянской собственности появлялась крупная барская *латифундія*; этимъ данъ отвѣтъ на послѣдній изъ вышепоставленныхъ трехъ вопросовъ. Но прежде чѣмъ говорить о латифундіи, слѣдуетъ коснуться двухъ посредствующихъ формъ землевладѣнія, имѣющихъ своимъ источникомъ именно ее: это, во-первыхъ, мелкое и среднее кліентское землевладѣніе, а во-вторыхъ—фермерство.

Кліентское землевладѣніе имѣетъ своимъ правовымъ основаніемъ то нѣсколько стѣсненное положеніе, въ которомъ находился кліентъ по отношенію къ своему патрону. Начиналось дѣло съ того, что патронъ дарилъ кліенту имѣніе изъ своей латифундіи; такое имѣніе въ теченіе нѣкотораго времени составляло такъ называемое прекарное владѣніе кліента, т.-е могло быть потребовано патрономъ обратно. Въ такомъ положеніи былъ Горацій, когда Меценатъ подарилъ ему имѣніе въ Сабинскихъ горахъ: онъ чувствовалъ себя неполнымъ его хозяиномъ; его молитва Меркурію состояла въ томъ, чтобы оно стало его собственностью—ut propria haec mihi munera faxis. Наконецъ, же-

ланный срокъ давности наступалъ; „прекарный" владѣлецъ становился собственникомъ; было ли это право собственности неограниченнымъ? Можемъ ли мы признать за кліентской собственностью пожизненность, произвольную отчуждаемость и наслѣдственность? Повидимому, придется допустить сильныя оговорки во всѣхъ трехъ отношеніяхъ; но мы не можемъ сказать, обычай ли ихъ требовалъ, или право. Горацій всю жизнь оставался собственникомъ своего Sabinum—но, быть можетъ, потому только, что и Меценатъ всю жизнь оставался богачомъ; еслибы онъ разорился, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и имѣніе его кліента пошло бы съ молотка. Горацій никому не продавалъ своей земли —но, быть можетъ, потому только, что онъ страстно ее любилъ; еслибы онъ пожелалъ ее продать, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что для этого потребовалось бы спеціальное разрѣшеніе Мецената. Горацій, наконецъ, завѣщалъ свое имѣніе Августу, ставшему послѣ смерти Мецената его патрономъ—но, быть можетъ, потому только, что у него не было дѣтей; еслибы таковыя у него были, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что они не могли бы унаслѣдовать его собственность безъ соизволенія патрона.

Была ли рада мать-земля этимъ новымъ питомцамъ? Всякое бывало. Спеціально противъ Горація она врядъ-ли могла что-либо имѣть: хотя его любовь къ ней была гораздо болѣе нравственно-эстетическаго, чѣмъ агрономическаго характера и не была лишена нѣкотораго, очень сердечнаго, впрочемъ, сентиментализма (вспомнимъ его прелестное: „o rus, quand ego te aspiciam", и т. д.)—все же онъ былъ ей привязаннымъ, почтительнымъ и заботливымъ сыномъ. Не всѣ были, однако, таковыми, и этотъ самый Горацій сохранилъ намъ живой портретъ новоиспеченнаго землевладѣльца совершенно другого пошиба, Вольтея Мены, который, послѣ ряда земледѣльческихъ неудачъ, бѣжитъ въ отчаяніи къ своему патрону, съ просьбой освободить его отъ непосильной ноши. Конечно, тутъ важны были бы статистическія данныя, которыхъ у насъ нѣтъ; все же намъ не вѣрится, чтобы кліентское землевладѣніе могло сыграть выдающуюся роль въ дѣлѣ экономическаго оздоровленія Италіи.

Скорѣе годился для этой роли второй типъ исходящей отъ латифундіи осѣдлости — фермерство. Портретъ такого фермера сохраненъ намъ опять-таки Гораціемъ; это—Офеллъ, апулійскій крестьянинъ, нѣкогда собственникъ, теперь—въ силу описанныхъ условій—арендаторъ того самаго участка, который ему нѣкогда принадлежалъ. Какъ уже выше было замѣчено, это было—при неизбѣжно прогрессирующемъ процессѣ упраздненія крестьян-

скаго землевладѣнія — еще лучшимъ исходомъ съ точки зрѣнія самой земли: все же она оставалась на попеченіи родныхъ дѣтей, хотя и при менѣе выгодныхъ для этихъ послѣднихъ условіяхъ. Это разъ; а затѣмъ — нанесенный ущербъ былъ поправимъ. Тотъ же Горацій разсказываетъ намъ объ одномъ арендаторѣ, который, нашедши внезапно кладъ, тотчасъ выкупилъ свой участокъ и сталъ воздѣлывать его уже на правахъ собственника. Эта исторія очень знаменательна—гораздо болѣе, чѣмъ это склоненъ, повидимому, допустить нашъ авторъ. Замѣтьте: нашъ арендаторъ не ѣдетъ въ городъ, чтобы тамъ или прокутить нежданное богатство, или купить на него акцій (таковыя, вѣдь, были) египетскаго или кипрскаго банка; нѣтъ, его первая забота—выкупить землю. Это—здоровая черта; видно, и италійскихъ крестьянъ „любила мать-сыра земля", а при такомъ положеніи дѣлъ отчаяваться было нечего.

Но, при всемъ томъ, латифундія росла и росла, все болѣе и болѣе поглощая мелкую крестьянскую собственность, все болѣе и болѣе наводняя Италію рабами, все болѣе и болѣе превращая прежнюю, густо населенную пахотную землю въ пустынныя пастбища... Къ сожалѣнію, нашъ авторъ оставилъ до другого раза разсмотрѣніе организаціи латифундіи; пока онъ представляетъ намъ только, на примѣрѣ Цицеронова друга, Аттика, возникновеніе обширной земельной собственности, состоящей изъ дворца и домовъ въ самомъ Римѣ, помѣстій въ его окрестностяхъ, имѣній въ прочей Италіи и, наконецъ, цѣлыхъ, можно сказать, княжествъ въ провинціяхъ. Примѣръ этотъ, безъ сомнѣнія, интересенъ, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ Аттика крупный биржевой спекулянтъ совмѣщается съ крупнымъ землевладѣльцемъ, что̀ было, повидимому, довольно заурядным явленіемъ. Все-же этотъ примѣръ не даетъ намъ представленія о томъ, чѣмъ была латифундія, какъ въ сельско-хозяйственномъ, такъ и въ политико-экономическомъ отношеніяхъ; не даетъ намъ возможности взвѣсить, на-ряду съ ея отрицательными качествами, которыя несомнѣнны, также и положительныя, еслибы таковыя оказались. А это необходимо: только послѣ такой работы мы могли бы вполнѣ оцѣнить знаменитое изреченіе Плинія Старшаго: „latifundia perdidere Italiam". Авторъ много труда потратилъ, чтобы доказать,—возражая Моммсену и другимъ,—правильность первой части этого изреченія, т.-е. преобладаніе въ Италіи латифундіи надъ другими видами собственности (насколько это ему удалось—объ этомъ ниже); необходимо, однако, доказать и правильность другой половины, т.-е. гибельное влія-

ніе латифундіи на экономическое развитіе Италіи. Пока эта работа не исполнена—раствореніе (если можно такъ выразиться) сельско-хозяйственнаго процесса развитія Италіи въ обще-экономическомъ будетъ преждевременнымъ.

Именно это раствореніе и предпринялъ нашъ авторъ въ послѣдней части своего труда; признавая его нѣсколько поспѣшнымъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не находить вполнѣ симпатичнымъ то стремленіе къ животворящей интеграціи, которое сказалось въ этой попыткѣ. Какъ математикъ старается свои геометрическія вычисленія подвести подъ алгебраическія формулы, такъ и нашъ авторъ ищетъ обще-экономической эволюціонной формулы, которая прикрывала бы предположенную имъ схему развитія италійскаго землевладѣнія. И тутъ - то начинается та трудность, о которой рѣчь была выше: оставляя въ сторонѣ „классическую“ теорію Адама Смита и его послѣдователей, столь же заслуженную и столь же несостоятельную, какъ и самый духъ (esprit classique) „просвѣщенія“, которымъ она навѣяна, онъ обращается къ новѣйшей конструкціи Бюхера, которую и воспроизводитъ съ нѣкоторыми (правда, довольно существенными) оговорками. Согласно этой теоріи, все экономическое развитіе древняго міра, да и доброй части средневѣковья, совершалось внутри предѣловъ замкнутаго домашняго хозяйства; лишь позднѣйшее средневѣковье перешло отъ домашняго хозяйства къ городскому, лишь новыя времена перешли отъ городского къ народному. А если такъ, если древнему міру не было дано экономически развиваться внѣ „эка“ (οἶκος), то ясно, что его экономическое развитіе должно было состоять въ развитіи этого эка, что его экономическія силы, за невозможностью взорвать экъ, должны были надувать его до послѣднихъ предѣловъ. Такъ оно, по теоріи автора, и выходитъ: латифундія съ экономической точки зрѣнія—не что иное, какъ такой надутый до послѣднихъ предѣловъ экъ.

Я уже сказалъ, что авторъ допускаетъ довольно существенныя оговорки для своей теоріи; наиболѣе существенная изъ нихъ касается „временного подавленія домашняго хозяйства усиленнымъ прогрессомъ экономическаго взаимодѣйствія между хозяйственными единицами и группами въ эпоху первыхъ императоровъ“ (стр. 582). Въ связи съ этимъ экономическимъ явленіемъ стоитъ, повидимому, параллельное явленіе въ области землевладѣнія—именно, „война, объявленная принципатомъ крупному аристократическому землевладѣнію“ (стр. 596). Для войны, однако, нужна армія; между тѣмъ, если признать правильнымъ

вышеозначенный выводъ автора о полномъ исчезновеніи мелкой земельной собственности къ эпохѣ Августа, то выходитъ, что у императоровъ никакой арміи не было. Въ этомъ и заключается, на мой взглядъ, самая крупная ошибка автора; источникъ этой ошибки—неправильный уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ смотритъ на Горація. Онъ видитъ въ немъ только трезваго, хладнокровнаго наблюдателя,—между тѣмъ Горацій былъ бойцомъ. Подобно Августу, и онъ участвовалъ въ войнѣ, объявленной крупному землевладѣнію; и его врагъ—латифундія. Вотъ почему онъ такъ много о ней говоритъ, и вотъ также почему было бы опрометчиво переносить въ дѣйствительность то количественное отношеніе между крупной и мелкой собственностью, которое мы встрѣчаемъ въ его стихотвореніяхъ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особаго вниманія тотъ замѣчательный циклъ гражданскихъ одъ, которымъ открывается его третья книга. Имъ во всѣ времена много восхищались, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія; первый Моммсенъ разсмотрѣлъ ихъ въ связи съ общей политикой тѣхъ временъ и этимъ значительно двинулъ впередъ ихъ пониманіе; но мнѣ думается, что для полнаго проникновенія въ ихъ смыслъ нужна не общеполитическая, а политико-экономическая точка зрѣнія. Нашъ авторъ прекрасно освѣтилъ эту сторону кризиса, пережитого Италіей въ эпоху Августа; слѣдуя дальше въ намѣченномъ имъ направленіи, позволю себѣ—въ заключеніе моего очерка объ его трудѣ—развить идею этихъ замѣчательныхъ одъ, обезпечивающихъ Горацію, на ряду съ Солономъ, почетное мѣсто среди поэтовъ земли.

Исторія гибели римской республики такова, что по отношенію къ ней трудно выдержать единое настроеніе духа въ смыслѣ постоянства симпатіи къ той или другой изъ борющихся сторонъ; кто изучалъ ее съ раннихъ лѣтъ, и притомъ изучалъ безпристрастно, т.-е. не будучи, въ силу политическихъ предубѣжденій, заранѣе расположенъ въ пользу республики или принципата, тотъ, вѣроятно, переживалъ слѣдующую эволюцію своего къ ней отношенія. Сначала, когда насъ въ исторіи болѣе всего плѣняютъ личности, могучая фигура Цезаря, затмѣвающая всѣхъ современниковъ, дѣйствуетъ на насъ всей неотразимой силой своего обаянія; удивляясь ему, мы невольно беремъ его сторону въ его борьбѣ съ республикой. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, обаяніе личности меркнетъ, ея мѣсто занимаютъ идеи; предъ нами встаетъ во всей своей плѣнительной красотѣ идея политической свободы, за которую сражались и погибли Цицеронъ,

Катонъ и Брутъ, о которой сожалѣли Тацитъ и Ювеналъ; симпатизируя этой побѣжденной и замученной свободѣ, мы бываемъ склонны строго судить о Цезарѣ, какъ о крупномъ, и объ Августѣ, какъ о мелкомъ честолюбцѣ, но еще болѣе строго о Гораціи, этомъ офицерѣ Брута, который позднѣе, забывъ объ идеалахъ своей молодости, примирился съ монархіей и писалъ хвалебныя оды въ честь Августа и его царедворцевъ; „не тогда, когда палъ Катонъ,—тогда, когда сталъ пѣть Горацій, я счелъ республику погибшей", говоритъ Бёрне. Еще позже, при болѣе глубокомъ проникновеніи въ культуру тѣхъ временъ, и это увлеченіе проходитъ; на смѣну политической точкѣ зрѣнія является политико-экономическая. Мы видимъ, какъ, благодаря республиканской свободѣ, капитализмъ, земельный и денежный, заполоняетъ все болѣе и болѣе расширяющуюся территорію римскаго государства; мы видимъ, что вслѣдствіе этого процесса экономическія силы человѣчества получаютъ пагубное направленіе, непроизводительно расходуясь не на пользу, а въ ущербъ землѣ; мы предугадываемъ ужасающее банкротство человѣчества при дальнѣйшемъ развитіи этого процесса, а потому охотно привѣтствуемъ ту могучую руку, которая рѣшится дать колесу эволюціи обратный ходъ.—Возможна ли еще новая, болѣе возвышенная точка зрѣнія? Я думаю—да. Вмѣсто того, чтобы ограничивать свой горизонтъ предѣлами древняго міра, будемъ судить объ его явленіяхъ по ихъ дѣйствію—прямому и косвенному, реальному и идеальному—на развитіе новаго міра. Тогда мы будемъ сочувствовать уже не одному какому-нибудь направленію, а тому добру, той истинѣ, которыя мы, въ различныхъ преломленіяхъ, будемъ усматривать то здѣсь, то тамъ; а тотъ фактъ, что они имѣются и здѣсь, и тамъ, не будучи всецѣло собственностью одного только направленія,—лишь усилитъ трагическій характеръ борьбы, о которой идетъ рѣчь.

Основанный Ромуломъ міръ, второе воплощеніе разрушенной Трои, доживалъ свои послѣдніе дни въ ту эпоху, когда его судьбами взялся управлять царственный юноша, потомокъ Ромула и троянскихъ царей... Такъ вѣрили тогда, а эта вѣра придавала миѳу значеніе и силу историческаго факта. Да и нельзя было не вѣрить: великій знатокъ римской старины, Варронъ, составилъ „золотую книгу" римской знати, подъ заглавіемъ: „De familiis Trojanis"; цвѣтъ римской знати—это возрожденная Троя. Въ ея рукахъ была политическая власть; въ ея рукахъ—необъятныя пространства земли, занимаемыя ея латифундіями; въ ея рукахъ, наконецъ,—огромныя денежныя богатства, отдавае-

мыя подъ чудовищные проценты биржевымъ маклерамъ, конторы которыхъ ютились подъ сводчатыми галереями форума.—Теперь дальнѣйшее существованіе этой Трои зависѣло отъ одного человѣка, задумавшаго вторичное основаніе Рима и освященіе этого акта торжествомъ „вѣковыхъ игръ“; сохранитъ ли онъ ее? или, стеревъ ее съ лица земли, предоставитъ ея мѣсто другому сословію?—Позднѣйшій историкъ, Кассій Діонъ, сохранилъ намъ отголосокъ преній, происходившихъ по этому поводу; не могъ оставаться безучастнымъ къ нимъ и Горацій, которому была предоставлена выдающаяся роль въ предстоящихъ вѣковыхъ играхъ: ему было поручено составленіе торжественной кантаты, исполнить которую долженъ былъ хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ—представителей будущаго возрожденнаго Рима.

Горацій, тѣмъ временемъ, успѣлъ—не „измѣнить идеаламъ своей молодости“, а просто вернуться на ту колею, которая была ему предначертана его происхожденіемъ и семейнымъ воспитаніемъ, и изъ которой онъ лишь временно далъ себя выбить въ дни своего ученья въ Аѳинахъ и общенія съ учившеюся тамъ золотой молодежью Рима. Какъ сынъ деревни, вскормленный ея воздухомъ, онъ скоро почувствовалъ себя вновь окруженнымъ своей родной атмосферой, какъ только ему дали землю и хозяйство въ Сабинскихъ горахъ. Земля его сблизила и съ староримской вѣрой, и съ нравственностью; въ обоихъ отношеніяхъ онъ, будучи самъ чуждъ всякой ортодоксальности, все-же сталъ въ открытый антагонизмъ къ тогдашней знати съ ея полнымъ безвѣріемъ и полной безнравственностью. И вотъ ему открылась истина, что спасенія можно искать только въ близкомъ, непосредственномъ общеніи съ землей—такомъ, какое даетъ только мелкая крестьянская собственность; новую Италію онъ могъ представлять себѣ только какъ Италію крестьянскую; старая „Троя“ казалась ему во всѣхъ отношеніяхъ осужденной на гибель.

Свое воззваніе онъ обращаетъ къ отрокамъ и дѣвственницамъ, представителямъ будущаго Рима; имъ онъ поетъ „неслыханную дотолѣ пѣснь“, непонятную для „непосвященной черни“ —таковъ смыслъ его знаменитаго „odi profanum volgus“. У этой черни свои идеалы—обширность владѣній, блескъ предковъ, похвалы услужливой молвы, длинная свита кліентовъ; но свѣдущіе знаютъ, что никакія богатства не улучшатъ самочувствія человѣка, не замѣнятъ ему того легкаго, здороваго сна, которымъ Земля даритъ своихъ тружениковъ. (А потому вотъ тебѣ, молодежь, мой наказъ). Въ трудѣ и бѣдности да воспитывается отрокъ, чтобы никакая опасность ему не была страшна, чтобы нѣ-

когда жены и невѣсты властителей-враговъ вздрагивали при мысли объ участи, которой его львиная удаль грозитъ ихъ супругамъ и женихамъ; такому юношѣ и смерть не горька—dulce et decorum est pro patria mori—въ случаѣ же удачи ему обѣщана высшая награда, virtus, открывающая небо своимъ поклонникамъ. Дѣвушкѣ такая жизнь не суждена, но унывать ей нечего: „есть и для молчаливой вѣрности обезпеченная награда". (И если тебѣ, о государь! придется выбирать между *этимъ* Римомъ и тѣмъ, который окружаетъ тебя, то неужели твой выборъ будетъ затруднителенъ? О, да, будетъ; но) „справедливаго и стойкаго мужа не поколеблютъ въ его твердомъ рѣшеніи превратныя требованія гражданъ"; а именно этой справедливостью и стойкостью долженъ обладать тотъ, кому суждена, послѣ этой земной жизни, жизнь небесная,—какъ она суждена тебѣ, какъ была раньше суждена твоему образцу, первому основателю Рима, Ромулу... И вотъ поэтъ, облекая въ аллегорическую форму свою революціонную мысль, переноситъ насъ въ собраніе боговъ, на которомъ былъ рѣшенъ апоѳеозъ Ромула. Сопротивленіе Юноны, наконецъ, сломлено, но условіемъ своего согласія она ставитъ требованіе, чтобы римляне не слишкомъ угождали своей привязанности къ прошлому, чтобы они ни подъ какимъ видомъ *не возстановляли погибшей Трои.* Ее постигла заслуженная участь, какъ городъ и богоотверженный, и безнравственный; эта участь была рѣшена уже тогда, когда его царь Лаомедонтъ отказалъ богамъ въ условленной почести, уже тогда, когда сладострастный судья богинь оскорбилъ трапезу и ложе супруга спартанской прелюбодѣйки; пусть же навѣки пасутся стада на курганахъ Париса и Пріама! Хоть трижды окружайте стальною стѣной возстановленную Трою — она трижды погибнетъ вновь... Остается разрѣшить аллегорію, сказать, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Троей; но поэтъ этого не дѣлаетъ. Онъ притворяется, будто увлекся въ сторону, онъ зоветъ свою музу обратно: „не тебѣ подобаетъ передавать бесѣды боговъ". Но именно этимъ аллегоричность всей картины подчеркнута; несомнѣнно, древняя Троя, разбитая подъ Фарсаломъ и Ѳапсомъ, подъ Филиппами и Акціемъ, не должна быть возстановлена: но какъ ее устранить? и чѣмъ ее замѣнить? На первый вопросъ пусть Цезарю отвѣтитъ сама муза, покровительница всякой гармоніи на землѣ; она привыкла внушать людямъ мягкія рѣшенія и благословляетъ тѣхъ, кто ихъ исполняетъ; она—источникъ движимой разумомъ воли, посредствомъ которой всякое существо, будь то простой смертный, или царь, или богъ, торжествуетъ надъ грубой и лишенной разума

силой—тѣмъ болѣе, если эта сила безнравственная. Цезарь не разъ уже прислушивался къ внушеніямъ музы—пусть онъ сдѣлаетъ это и теперь. Что же касается второго вопроса, то пусть урокомъ для будущаго послужитъ прошлое; поэтъ всматривается въ старину—и предъ нимъ открывается единственная въ своемъ родѣ картина старо-римской доблести, герой Регулъ, который, будучи взятъ въ плѣнъ врагами и отправленъ въ Римъ для переговоровъ о выкупѣ плѣнныхъ, сказалъ рѣчь противъ этого выкупа, обрекая этимъ себя самого на мучительную смерть. Въ теперешнемъ Римѣ такихъ богатырей уже нѣтъ; теперешній Римъ сталъ и богоотверженнымъ, и безнравственнымъ. Онъ допустилъ паденіе храмовъ и оскверненіе кумировъ; онъ допустилъ паденіе и оскверненіе брака. Уже съ раннихъ лѣтъ дѣвушка учится сладострастнымъ пляскамъ, мечтая о прелестяхъ незаконной любви; вскорѣ затѣмъ, выданная за пожилого мужа, она ищетъ друга сердца среди молодыхъ гостей его стола; еще одинъ шагъ—и она уже не будетъ долго искать, любъ будетъ ей всякій, кто явится къ ней съ полной мошной. Могутъ ли такіе отцы, такія матери дать Риму новыхъ Регуловъ? Нѣтъ, не въ такихъ семьяхъ выростали богатыри прежнихъ лѣтъ... И тутъ слѣдуютъ замѣчательные стихи (III, 6, 37 сл.; пер. Фета):

То были воиновъ-оратаевъ сыны,
Привычные вращать сабинскою киркою
Бразду; имъ матерью заранѣ внушены
И страхъ, и трудъ: они вечернею порою
Несли ей дровъ, когда надъ сумракомъ земли
Отъ солнца выси горъ блистали багряницей,
И безъ ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась во слѣдъ за ясной колесницей.

Въ этомъ образѣ дѣтей „воина-оратая" (rusticorum mascula militum proles) сосредоточенъ весь смыслъ гражданскихъ одъ Горація. И когда Августъ впослѣдствіи принималъ благодѣтельныя мѣры къ тому, чтобы, ограничивая латифундіи, увеличивать число свободныхъ собственниковъ-крестьянъ, — онъ слѣдовалъ внушенію той же музы, которая вдохновляла и нашего поэта-гражданина, представляя ему въ далекой перспективѣ оздоровленіе и возрожденіе Рима силою Земли.

III.

Земельный капитализмъ былъ лишь одной изъ разновидностей древняго капитализма вообще; существовали рядомъ съ

нимъ и другія. Поскольку онъ выражался въ крупныхъ коммерческихъ оборотахъ или въ массовомъ производствѣ, поощряя или поглощая мелкую торговлю или мелкую мануфактуру, онъ еще ждетъ своего историка; пока такой найдется, будемъ благодарны М. И. Ростовцеву за то, что онъ освѣтилъ другое его проявленіе, очень важное и затрогивающее самыя разнообразныя стороны античной жизни — откупъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ.

Откупъ предполагаетъ существованіе налога, но не является его необходимымъ, неизмѣннымъ послѣдствіемъ: какъ формы его взиманія, онъ конкуррируетъ съ другой формой—такъ называемымъ прямымъ взиманіемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ государственная власть обращается непосредственно къ плательщикамъ; она дѣлаетъ это черезъ своихъ чиновниковъ. Въ первомъ случаѣ между государственною властью и плательщикомъ возникаетъ третье лицо — именно то, которому налоги сдаются на откупъ, будь это отдѣльный человѣкъ или товарищество. Не трудно понять, что только откупная форма взиманія налоговъ могла представлять благодарное поле для капитала и капитализма: какъ безъ капитала откупъ былъ немыслимъ, такъ и наоборотъ, наличность частныхъ капиталовъ естественнымъ образомъ должна была вызвать возникновеніе откупа. Все же она была не единственнымъ его условіемъ. Если мы спросимъ себя, которая изъ обѣихъ формъ взиманія налоговъ выгоднѣе для государства, то отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: это—та, при которой между нимъ и плательщикомъ нѣтъ никакого третьяго лица, раздѣляющаго съ нимъ его прибыль,—т.-е. прямое взиманіе. Если мы спросимъ себя, которая форма выгоднѣе для плательщика, то отвѣтить будетъ не такъ же легко. Съ матеріальной точки зрѣнія какъ будто выгоднѣе прямое взиманіе, при которомъ плательщикъ по мѣрѣ своихъ платежныхъ силъ содержитъ лишь государственную казну, а не сверхъ ея, цѣлый штатъ жадныхъ и безцеремонныхъ откупщиковъ, и, конечно, имѣй плательщикъ возможность сноситься непосредственно съ олицетвореннымъ государствомъ — онъ несомнѣнно избралъ бы эту форму. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ этой возможности не имѣетъ; государство сносится съ нимъ не непосредственно, а черезъ своихъ чиновниковъ, тоже жадныхъ, тоже безцеремонныхъ; а разъ съ матеріальной точки зрѣнія особой разницы нѣтъ, то въ силу вступаетъ другое, болѣе тонкое соображеніе: на неправоту откупщиковъ можно подать жалобу государству; на неправоту же представителей государства жа-

лобу подавать некому. Т.-е., собственно, есть кому—самому государству въ лицѣ его контрольныхъ и ревизіонныхъ учрежденій; но такъ какъ государство заинтересовано въ солидарности его отдѣльныхъ вѣдомствъ, то разница между той и другой формой сводится къ слѣдующему. Въ одномъ случаѣ плательщикъ имѣетъ откупщика противной стороной, а государство—судьей; въ другомъ случаѣ государство будетъ для него и стороной, и судьей въ одномъ лицѣ. А при такихъ условіяхъ будетъ неудивительно, если онъ отдастъ предпочтеніе откупу предъ прямымъ взиманіемъ.

Итакъ: для государства выгоднѣе прямое взиманіе, для плательщиковъ — откупъ; чѣмъ сильнѣе поэтому будетъ государственная власть, тѣмъ болѣе государственная власть будетъ имѣть шансовъ предъ откупомъ. А такъ какъ государственная власть бываетъ сильнѣе въ монархически управляемыхъ государствахъ, чѣмъ въ республикахъ, то можно будетъ a priori сказать, что монархія будетъ естественно тяготѣть къ прямому взиманію, республика — къ откупу. Республиканскій строй — второе условіе, благопріятствующее возникновенію откупа.

Есть, однако, еще третье. Откупное дѣло всецѣло основано на матеріальной заинтересованности занимающихся откупомъ лицъ; откупныя товарищества сплочиваются однимъ только интересомъ—выгодой. При прямомъ взиманіи именно этотъ интересъ въ *принципѣ* отсутствуетъ; его органы—государственные чиновники, образъ дѣйствія которыхъ въ *принципѣ* опредѣляется тѣми идеологическими побужденіями и соображеніями, которыя заключаетъ въ себѣ понятіе „государственная служба". Теперь ясно слѣдующее. Чѣмъ болѣе это принципіальное различіе будетъ осуществлено въ дѣйствительности, тѣмъ сильнѣе, съ одной стороны, будетъ для плательщика *матеріальная выгодность* прямого взиманія въ сравненіи съ откупомъ, и тѣмъ менѣе ощутительна, съ другой стороны, будетъ въ его глазахъ невыгода въ *стѣсненной подсудности* государственнаго чиновника въ сравненіи съ откупщикомъ. Осуществимость же того принципіальнаго различія будетъ прямо пропорціональна уровню *нравственной культуры* страны: чѣмъ выше этотъ уровень, тѣмъ болѣе преимуществъ будетъ представлять прямое взиманіе налоговъ въ сравненіи со сдачей ихъ на откупъ.

Этимъ условія, вліяющія на возникновеніе и развитіе откупа, исчерпаны; мы видѣли, что эволюція этого института находится въ тѣсной зависимости отъ экономической, политической и нравственно-культурной жизни народа. Отсюда явствуетъ, насколько

интересна и благодарна задача историка государственнаго откупа; но явствуетъ также, насколько она трудна и сложна. Конечно, она является таковой лишь при идейной ея постановкѣ—и мнѣ, полагаю я, нѣтъ надобности оговариваться въ томъ, что эту идейную постановку я считаю единственно правильной. Но одно дѣло — поставить задачу, другое—рѣшить ее. Человѣкъ, обладающій достаточнымъ всемірно-историческимъ и философскимъ образованіемъ, можетъ безъ особаго труда въ каждомъ данномъ случаѣ намѣтить ту точку зрѣнія, съ которой ея рѣшеніе представится плодотворнымъ и истинно-научнымъ; но осуществимость этого рѣшенія будетъ зависѣть отъ характера матеріала, съ которымъ приходится считаться, а въ этомъ характерѣ можетъ дать отчетъ только спеціалистъ. Въ нашемъ случаѣ дѣло обстоитъ такъ: предлагаемое намъ рѣшеніе задачи осуществимо, но въ настоящее время оно было бы преждевременнымъ; и М. И. Ростовцевъ поступилъ вполнѣ правильно, ограничивая свою задачу чисто фактической стороной. До него исторія римскаго государственнаго откупа даже въ этой фактической своей части не была извѣстна; онъ первый ее написалъ, пользуясь для этого матеріалами, отчасти лишь за послѣдніе годы, добытыми изъ нѣдръ земли. А между тѣмъ, эта фактическая исторія—необходимый фундаментъ для той идейной, о которой рѣчь была выше. У насъ часто превратно судятъ о задачахъ изслѣдователя, ставя къ проблемѣ въ ея зародышномъ состояніи тѣ же требованія, какъ и въ ея созрѣвшемъ, законченномъ видѣ; тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ заявить, что, принимая во вниманіе зачаточность стадіи, въ которой находился интересующій его вопросъ, М. И. Ростовцевъ избралъ единственный правильный путь къ ея рѣшенію. Свою непосредственную задачу онъ видитъ въ избраніи и выясненіи доступныхъ ему и надежныхъ матеріаловъ; предѣлами этихъ матеріаловъ ограничена и подлежащая его изслѣдованію область. Они имѣются для римскаго откупа начиная съ I-го вѣка до Р. Х.; но, разумѣется, эта эпоха была эпохой процвѣтанія, а не возникновенія откупа. Гдѣ же искать его корней? Болѣе древняя исторія Рима намъ именно въ этой части недостаточно извѣстна; карѳагенское вліяніе a priori возможно,—для эксплуатаціи земли оно даже засвидѣтельствовано,—но для насъ совсѣмъ неуловимо; зато вполнѣ можетъ быть обнаруженъ третій корень, т.-е. воздѣйствіе такъ называемыхъ эллинистическихъ монархій—особенно эллинизованнаго Египта Птолемеевъ. Дѣйствительно, благодаря находкамъ послѣдняго времени, финансовое управленіе Птолемеевскаго Египта

извѣстно намъ съ завидною точностью, и нашъ авторъ могъ пользоваться не только очень обильнымъ сырымъ матеріаломъ, но и превосходными синтетическими сочиненіями серьезныхъ ученыхъ [1]). Но гдѣ же, въ свою очередь, корни греко-египетскаго откупа? Ихъ можно искать, во-первыхъ, въ древнемъ національномъ Египтѣ, финансовый строй котораго достаточно извѣстенъ по мѣстнымъ, египетскимъ матеріаламъ—но эти матеріалы, составляя достояніе спеціальной науки, египтологіи, выходили изъ предѣловъ компетенціи автора; во-вторыхъ,—въ древней Персіи, предшественницѣ Александра Великаго во владѣніи Египтомъ,—но ея финансовая исторія неуловима; наконецъ, въ-третьихъ,—въ Греціи, подчинившей въ лицѣ Птолемея Египетъ своему культурному вліянію. И тутъ мы всегда находимся на твердой исторической почвѣ: финансовое управленіе греческихъ общинъ, спеціально Аѳинъ, извѣстно намъ очень хорошо, благодаря обилію и литературныхъ, и эпиграфическихъ свидѣтельствъ. Мало того: мы находимся здѣсь не только на твердой, но и на родной для большинства культурныхъ институтовъ почвѣ; здѣсь было бы возможно прослѣдить — начиная съ гомеровской общины, продолжая аристократіей, тиранніей, демократіей,—и возникновеніе, и первое развитіе откупа. Авторъ этимъ вопросомъ не задавался; интересуясь главнымъ образомъ римскимъ откупомъ, онъ въ Греціи искалъ только точки отправленія для своего историческаго изслѣдованія; эту точку отправленія онъ нашелъ въ откупѣ греческихъ общинъ, откупѣ свободномъ, не стѣсненномъ никакимъ контролемъ со стороны государства и его чиновниковъ. Платежныя повинности плательщиковъ строго нормированы; какъ чрезмѣрное требованіе откупщика, такъ и незаконный отказъ или недоплата плательщика могутъ быть преслѣдуемы судомъ, точно также какъ и всякое чрезмѣрное, частное требованіе и уклоненіе отъ обязательства. Но государство, предоставляя откупщикамъ и плательщикамъ охрану своего суда, не считаетъ нужнымъ создавать спеціальный органъ для контроля отношеній между той и другой стороной; изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ откупа, греко-республиканская—самая чистая.

Переходя изъ республиканской Эллады въ монархическій эллинизованный Египетъ, мы, согласно сказанному выше, должны

---

[1]) Изъ нихъ, впрочемъ, послѣднее по времени появилось уже послѣ выхода въ свѣтъ труда нашего автора; это - новый томъ обширнаго сочиненія И. Вилькена „Griechische Ostraka“ (Берлинъ, 1899). Ср. о немъ критику нашего автора въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1900, мартъ.

ожидать элементовъ, сближающихъ откупную систему съ системой прямого взиманія; и дѣйствительно, мы находимъ такой элементъ въ формѣ государственнаго контроля надъ откупщиками... Правда, отъ нѣкоторыхъ положеній, представляющихъ этотъ контроль особенно сильнымъ и сводящимъ дѣятельность откупщиковъ почти что на роль биржевыхъ игроковъ при довольно ограниченныхъ размѣрахъ спекуляціи, авторъ самъ отказался впослѣдствіи, подъ вліяніемъ вышеназваннаго изслѣдованія Вилькена; но фактъ государственнаго административнаго контроля остается неоспоримымъ, и этотъ контроль настолько стѣснялъ свободу откупщиковъ, что государству приходилось привлекать таковыхъ особой десятипроцентной допсенъ (opsonion), уплачиваемой въ случаѣ добросовѣстнаго исполненія ими условій контракта. Такимъ образомъ Египетъ знакомитъ насъ съ особымъ типомъ откупа, ограниченнаго надзоромъ государства, и не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе надзора было лишь первымъ шагомъ, за которымъ, при болѣе продолжительномъ, нормальномъ развитіи, не замедлили бы послѣдовать и другіе.

Оставляя въ сторонѣ другія промежуточныя инстанціи, въ родѣ Сициліи, во взглядѣ на которую я не вполнѣ согласенъ съ авторомъ, мы переходимъ прямо въ Римъ. Здѣсь откупная система достигла, какъ это извѣстно всѣмъ, своего наибольшаго расцвѣта. Качественно мы имѣемъ тѣ же факторы, какъ и въ Греціи—свободный откупъ, практикуемый товариществами дольщиковъ (знаменитыми societates publicanorum), при полномъ невмѣшательствѣ государственной власти; но количественно онъ, вслѣдствіе колоссальности римскаго государства и соотвѣтствующаго расширенія поля спекуляціи, разросся до такихъ размѣровъ, что потребовалось со временемъ развитіе капитализма, для того, чтобы выяснить намъ многія частности этой системы, оставшіяся непонятными въ эпоху нашихъ прадѣдовъ. Интересъ къ откупному дѣлу не ограничивался сравнительно тѣснымъ кругомъ его непосредственныхъ участниковъ; благодаря услужливости биржевыхъ маклеровъ, имѣвшихъ свои конторы на форумѣ, подъ арками Яна, всякій мало-мальски состоятельный человѣкъ могъ помѣщать свои сбереженія въ „акціяхъ“ (partes) товариществъ. Постоянныя войны увеличивали рискъ, которому подвергались откупщики, но и соблазнительность ихъ предпріятій, вслѣдствіе естественнаго пониженія откупной суммы, сулимая въ благопріятныхъ случаяхъ, была громадная. Въ результатѣ получалось то, что̀ обыкновенно является результатомъ такой бѣшеной „пляски милліоновъ“: мелкіе капиталисты, у которыхъ нечѣмъ

было покрыть дефицитъ, разорялись и принуждены были, подобно гораціеву Дамазнипу, искать утѣшенія въ философіи; крупные—выживали и развивались. Явленіе было аналогичное описанному выше: земельному капитализму соотвѣтствовалъ денежный; какъ латифундія поглощала мелкаго собственника, такъ милліонеръ поглощалъ скромнаго рантьѐ. Этимъ положеніемъ дѣлъ была за-одно опредѣлена и задача, выполнить которую надлежало имперіи.

Система нестѣсненнаго откупа, царившая въ республиканскомъ Римѣ, была, во-первыхъ, убыточна для казны, которая страдала отъ обязательно низкой таксаціи каждаго опредѣленнаго откупа; она была, во-вторыхъ, разорительна для плательщиковъ, которымъ въ мирное время приходилось вознаграждать откупщиковъ за ихъ потери въ тревожное время войны; она вела, въ-третьихъ, къ разоренію мелкихъ капиталистовъ и къ сосредоточенію богатствъ въ рукахъ немногихъ, содѣйствуя тѣмъ образованію своего рода денежныхъ латифундій. Со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія она заслуживала отмѣны; а вслѣдствіе естественнаго тяготѣнія монархическаго правленія къ системѣ прямого взиманія налоговъ, можно было ожидать, что именно имперія возьмется за трудную задачу регулированія пошлиннаго дѣла въ смыслѣ ограниченія и постепеннаго упраздненія откупной системы. Задача эта была вполнѣ аналогична той, о которой была рѣчь въ предъидущей главѣ: борьба противъ латифундій съ одной стороны, противъ откупной системы съ другой—все это было лишь два различныхъ аспекта одной и той же борьбы, борьбы противъ главной язвы экономической жизни всѣхъ временъ,—противъ капитализма.

Прослѣдить отдѣльные фазисы этой борьбы въ области пошлиннаго дѣла—задача въ высшей степени сложная; приходится различать: 1) отдѣльныя времена—это разумѣется само собой; 2) отдѣльныя провинціи—въ сенатскихъ провинціяхъ дѣло обстояло иначе, чѣмъ въ императорскихъ, въ восточныхъ, эллинистическихъ иначе, чѣмъ въ западныхъ съ ихъ первоначально варварскимъ населеніемъ; 3) отдѣльные виды пошлинъ и налоговъ. Нашъ авторъ съ большимъ терпѣніемъ и большою тщательностью отнесся къ своему труду: большая часть его книги содержитъ именно такія отдѣльныя исторіи отдѣльныхъ налоговъ въ различныхъ провинціяхъ. Мы, разумѣется, не можемъ его сопровождать на всѣхъ извилинахъ его мудренаго пути; укажемъ только на тѣ его результаты, которые иллюстрируютъ общую мысль, интересующую насъ здѣсь—борьбу имперіи съ откупной

системой, аналогичную той борьбѣ, которую та же имперія вела съ латифундіей.

Начнемъ съ того, что само упорядоченіе провинціальной администраціи, введеніе „римскаго мира" (pax Romana) на мѣсто прежняго тревожнаго, измѣнчиваго состоянія, должно было уменьшить рискъ, уменьшить и бѣшеную спекуляцію, а съ ней и тотъ быстрый ростъ капитализма, который отличаетъ послѣднюю эпоху римской республики. Капиталы отхлынули; тѣмъ легче было замѣнить неограниченную откупную систему другими, болѣе приближающимися къ системѣ прямого взиманія. Случилось это, однако, не съ одинаковой быстротой во всѣхъ отрасляхъ податного дѣла.

Легче всего было дать мѣсто новымъ идеямъ въ тѣхъ пошлинахъ, которыя были введены самимъ Августомъ и для взиманія которыхъ такимъ образомъ опредѣленныхъ традицій не было. Августъ ввелъ, во-первыхъ, пяти-процентный налогъ на наслѣдство, затѣмъ однопроцентную пошлину съ продаваемыхъ путемъ аукціона вещей; съ самаго начала отъ этихъ пошлинъ товарищества откупщиковъ были устранены. Мелкіе чиновники, на которыхъ было возложено ихъ взиманіе, были подчинены императору; ихъ трудъ оплачивался вознагражденіемъ, о которомъ можно предположить, что оно составляло извѣстный процентъ съ доставляемой ими въ казну суммы. А что оказалось возможнымъ для этихъ новыхъ налоговъ, то можно было постепенно распространить и на схожіе налоги изъ старыхъ: реальная аналогичность естественно вела и къ аналогичности въ формѣ взиманія.

Не трудно было также устранить откупныя товарищества отъ дѣлъ взиманія прямыхъ налоговъ—главнымъ образомъ подушнаго; для этого можно было воспользоваться самой естественной организаціонной формой, вошедшей, какъ наиболѣе мелкая единица, въ составъ римскаго государства,—общиной. Этой финансово-административной функціи общинъ не приходилось даже создавать, какъ нѣчто новое; она существовала уже раньше, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ греческаго міра, только не какъ обязательная, а какъ факультативная. Уже раньше общинамъ дозволялось конкуррировать съ откупными товариществами; если откупъ оставался за общиной, то она, въ лицѣ коллегіи наиболѣе богатыхъ изъ своихъ гражданъ, такъ называемыхъ „десяти первыхъ", завѣдывала плательщиками и передъ государственной казной. Этимъ и можно было воспользоваться; надлежало только 1) путемъ устраненія конкурренціи откупныхъ товариществъ превратить эту функцію общины и ея „десяти первыхъ" изъ факультатив-

ной въ обязательную податную; и 2) распространить ее и на тѣ общины, въ которыхъ она раньше не существовала, и затѣмъ, вмѣстѣ съ общиной, и на тѣ провинціи, гдѣ раньше даже этой общинной организаціи не было. Это и было одною изъ первыхъ великихъ реформъ императорской эпохи: она была произведена съ той осторожной постепенностью и послѣдовательностью, которая вообще характеризуетъ эволюцію римскихъ институтовъ, оттѣсняя, шагъ за шагомъ, хищническую спекуляцію откупныхъ товариществъ.

Но одновременно съ распространеніемъ финансово-административной функціи общинъ, въ ней самой произошла существенная перемѣна, въ значительной степени извратившая первоначальный характеръ реформы. Пока общины конкуррировали съ откупными товариществами, желаніе избѣгнуть вторженія этихъ послѣднихъ въ общинныя дѣла было такъ велико, что въ охотникахъ записываться въ „десять первыхъ" недостатка не было. Теперь этого стимула не стало; и съ другой стороны, двойная отвѣтственность—и передъ собственными согражданами, и передъ государственной казной—стала давить попавшихъ въ незавидное положеніе „десяти первыхъ" непосильнымъ бременемъ. Охотники поэтому записывались туго; пришлось ихъ привлекать силою. Такимъ образомъ обязанность сборщика податей въ общинѣ превратилась въ общественную повинность, въ тяготу, сопряженную съ сравнительной состоятельностью отдѣльныхъ членовъ общины. Въ этой формѣ—въ формѣ *тяготы*—мы и встрѣчаемъ дѣло взиманія прямыхъ налоговъ въ послѣднія времена имперіи. Реформа здѣсь, какъ видно, остановилась на полъ-пути. Дѣйствительно, что̀ такое были эти „десять первыхъ" въ этой новой своей роли? Откупнымъ товариществомъ они не были—для этого имъ недоставало и возможности свободной конкурренціи съ другими товариществами, и болѣе или менѣе обезпеченной надежды на крупный переборъ, и главное—самаго характера добровольности. Чиновниками они тоже не были,—ихъ трудъ не оплачивался свыше, и они были отвѣтственны предъ казной не дѣйствительно получаемой ими съ плательщиковъ суммой, но той, въ которую была оцѣнена совокупность налоговъ ихъ общины. Это было нѣчто среднее; и при нормальномъ развитіи податного дѣла оно бы, вѣроятно, уступило свое мѣсто чиновничеству; принципъ имущественной тяготы былъ бы замѣненъ принципомъ прямого взиманія. Тотъ фактъ, что этого не случилось, является однимъ изъ доказательствъ старческаго характера послѣднихъ вѣковъ существованія римскаго государства.

Дѣйствительно, не только этого не случилось, но и раз-

вившійся на почвѣ взиманія прямыхъ налоговъ принципъ имущественной тяготы былъ перенесенъ въ другія области, гдѣ развитіе податного дѣла приняло, было, вначалѣ болѣе здоровое и полезное направленіе. Тутъ намъ придется имѣть дѣло съ институтомъ, открытіе и выясненіе котораго составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ автора — съ институтомъ *генеральнаго кондуктората*.

Развился онъ, по весьма правдоподобной конструкціи автора, на почвѣ аренды государственныхъ земель. Арендная плата за пользованіе государственной землей фактически приближается къ земельной подати; весь вопросъ въ томъ, играла ли она настолько важную роль въ финансовомъ дѣлѣ, чтобы имѣть вліяніе на смежныя области финансовой администраціи. И тутъ намъ придется вновь поднять нить, ускользнувшую отъ насъ въ предъидущей главѣ; эта нить — развитіе латифундій; аграрная программа Горація была въ значительной мѣрѣ исполнена. Были ли хороши или предосудительны средства, къ которымъ прибѣгали императоры, это—другой вопросъ; фактъ тотъ, что въ ихъ рукахъ очутилась значительная доля италійской и провинціальной земли, которая и была сдаваема въ аренду мелкимъ фермерамъ-колонамъ. Фактическое превращеніе этого первоначально добровольнаго и временнаго государственнаго фермерства въ пожизненное и наслѣдственное лежало въ интересахъ самой земли, а слѣдовательно и въ правильно понимаемыхъ интересахъ государства; чѣмъ болѣе это превращеніе осуществлялось, тѣмъ болѣе, какъ было замѣчено выше, арендная плата фермеровъ получала характеръ земельнаго налога. И вотъ для сбора этого-то налога прибѣгли къ *генеральному кондукторату*.

Внѣшняя форма этого процесса была слѣдующая. Государство, уже вслѣдствіе малочисленности своего чиновничества, не могло вступать въ мелкія сношенія со своими арендаторами; оно давало землю лишь въ крупную аренду, причемъ, однако, крупный арендаторъ—это и есть генеральный кондукторъ—имѣлъ право, а позднѣе и обязанность, передавать ее мелкимъ. А разъ вся земля была передана, роль генеральнаго кондуктора сводилась на роль посредника между государствомъ и колонами. (Замѣчу мимоходомъ, что изложенный здѣсь процессъ предполагаетъ приравненіе государственныхъ земель къ императорскимъ, къ которому, однако, имперія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе тяготѣла).

Теперь спрашивается, что̀ привлекало генеральныхъ кондукторовъ къ ихъ отвѣтственной дѣятельности, полной риска? При наличности полной свободы, этой приманкой была бы, конечно,

надежда на перевыручку; въ этомъ случаѣ кондукторъ совпалъ бы съ откупщикомъ. Но именно этой свободы не было: къ кондуктору былъ приставленъ контролеръ въ лицѣ прокуратора, да и самая его зависимость отъ императора дѣлала его полу-чиновникомъ (вслѣдствіе чего мы, къ слову сказать, встрѣчаемся съ оригинальнымъ явленіемъ совмѣстительства кондукторства съ прокураторствомъ въ одномъ лицѣ). А разъ принципъ откупа былъ подорванъ, то на его мѣсто надлежало поставить другой принципъ: таковымъ могъ быть либо принципъ чиновной службы, либо принципъ имущественной тяготы. Первое повело бы къ прямому взысканію, но—по причинамъ, о которыхъ мы можемъ только догадываться—случилось второе. Генеральный контролеръ былъ какимъ-то двойственнымъ существомъ, соединеніемъ чиновника съ несущимъ имущественную тяготу лицомъ. Все-же институтъ генеральнаго кондукторства соотвѣтствовалъ, повидимому, государственной потребности; это видно изъ того, что, выросши на почвѣ аренды государственной земли, онъ былъ перенесенъ въ область косвенныхъ, преимущественно *таможенныхъ* налоговъ.

Въ детали мы, разумѣется, входить не можемъ; между тѣмъ, въ этой именно детальной работѣ и заключается главная трудность. Надобно помнить, что нигдѣ эволюціонный процессъ не описанъ намъ хотя бы въ самыхъ грубыхъ чертахъ; нашъ матеріалъ—исключительно надписи, очень краткіе, такъ сказать, формулярные списки лицъ, увѣковѣченныхъ на камнѣ своими доброжелателями или пожелавшихъ увѣковѣчить себя сами. Нужно было эти надписи собрать, сортируя ихъ географически и хронологически; собравъ ихъ,—конфронтировать; конфронтацію же осмыслить путемъ осторожной комбинаціи. А затѣмъ, полученный результатъ уже нетрудно было передать въ немногихъ словахъ. Результатъ же гласитъ такъ: прежде всего откупныя товарищества *на западѣ* перестаютъ играть свою прежнюю роль; ихъ замѣняетъ генеральный кондукторъ. Это значитъ, что мѣсто прежнихъ свободныхъ органовъ финансовой администраціи занимаютъ императорскіе квази-чиновники, стѣсненные контролемъ и зависимостью своего положенія; но кромѣ того вводится еще одно важное новшество. Заключаемые государствомъ и откупщиками контракты были пятилѣтніе; нетрудно понять, въ какой мѣрѣ такая долгосрочность контракта должна была благопріятствовать спекуляціи, а съ нею и вышеупомянутому поглощенію среднихъ капиталовъ крупными. Такое положеніе дѣлъ измѣняется: сроки заключаемыхъ съ кондукторами контрактовъ—го-

довые, а не пятилѣтніе. Такимъ образомъ и здѣсь замѣчается стремленіе къ опредѣленности и порядку.

При всемъ томъ генеральный кондукторъ не былъ послѣднимъ словомъ римской административной мудрости. „Сама идея,— говоритъ авторъ (стр. 258),—соединенія откупщика и чиновника въ одномъ лицѣ была неудачна; откупщикъ, естественно, охранялъ свои интересы, и интересъ государства отходилъ для него на второй планъ; при строгомъ же контролѣ это учрежденіе сводилось къ имущественной тяготѣ". И вотъ генеральный кондукторъ объявляется несостоятельнымъ; вездѣ отъ него переходятъ къ *прямому взиманію*. На почвѣ прямыхъ налоговъ этотъ естественный, вполнѣ соотвѣтствующій монархической идеѣ исходъ оказался почему-то неизложеннымъ; мы видѣли, что развитіе системы ихъ взиманія остановилось на принципѣ имущественной тяготы. Почему же косвенные налоги оказались болѣе благопріятной почвой для принципа прямого взиманія—единственнаго, который допускаетъ современное понятіе о финансовой администраціи?.. Отвѣтъ на этотъ вопросъ окажется возможнымъ тогда, когда все податное дѣло Рима подвергнется всестороннему обсужденію со всемірно-исторической точки зрѣнія.

Такова двойная эволюція пошлинной системы на западѣ; иначе дѣло обстояло на востокѣ. Эти страны съ давнихъ поръ знали откупъ въ его мягкой, эллинистической формѣ: вся совокупность пошлины разбивалась на мелкія частички, по участкамъ и категоріямъ, причемъ каждая частичка отдавалась на откупъ скромному капиталисту, довольствовавшемуся небольшимъ сравнительно заработкомъ, взамѣнъ своего, тоже небольшого риска. Правда, надъ всѣмъ этимъ муравейникомъ маленькихъ интересовъ пронесся вихрь римской спекуляціи въ послѣдній вѣкъ республики: какимъ образомъ мелкій эллинистическій откупъ амальгамировался съ персоналомъ крупныхъ акціонерныхъ товариществъ—это въ частности выяснить мудрено; но фактъ тотъ, что въ императорскую эпоху вихрь улегся, и прежній эллинистическій откупъ остался цѣлъ и невредимъ. Его и не тронули; консерватизмъ и косность застывшаго въ своихъ формахъ востока сказались и здѣсь. Да и стоило ли его трогать? Только имя сближало эту форму жизни съ той, которую знали и которой справедливо боялись по опыту прежнихъ временъ; на дѣлѣ же разница между обѣими была такъ же велика, какъ и разница между гордымъ римскимъ всадникомъ и скромнымъ, забитымъ еѵангельскимъ мытаремъ.

И вотъ, наконецъ, конечный пунктъ, точнѣе говоря, конеч-

ные пункты развитія податного дѣла въ римскомъ государствѣ. Первоначально скромный, сообразно со скромностью средствъ и состояній, старо-римскій откупъ, по мѣрѣ развитія римскаго государства, разростается въ то всеобъемлющее, всепоглощающее чудовище, которое мы знаемъ по памятникамъ послѣдняго вѣка республики; принявъ затѣмъ, въ эпоху первыхъ императоровъ, элементъ контроля, онъ гибнетъ и уступаетъ свое мѣсто генеральному кондуктору, представляющему изъ себя соединеніе трехъ принциповъ: откупа, чиновничества, т.-е. прямого взиманія, и имущественной тяготы. Соединеніе это, по существу неестественное, держится недолго; генеральный кондукторъ въ свою очередь гибнетъ и его три принципа продолжаютъ существовать каждый самъ по себѣ: принципъ прямого взиманія въ области косвенныхъ налоговъ, на западѣ принципъ имущественной тяготы въ области прямыхъ налоговъ,—наконецъ, принципъ откупа въ области косвенныхъ налоговъ на востокѣ.

Въ этомъ положеніи находилось податное дѣло къ началу того кризиса, который перевелъ античное человѣчество изъ античной эпохи въ ту, которую принято называть средневѣковьемъ.

IV.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы задались цѣлью прослѣдовать за авторами обѣихъ диссертацій въ область ихъ изслѣдованій. Мы слѣдовали за ними не рабски, не шагъ за шагомъ, а съ тою вольностью, съ которой это дѣлаетъ и долженъ дѣлать стѣсненный во времени путникъ; да не посѣтуютъ поэтому на подписавшагося подъ этими строками читатели, а также и авторы разбираемыхъ книгъ, если окажется, что намъ пришлось оставить въ сторонѣ много не только второстепенныхъ, но и главныхъ вопросовъ. Это относится особенно къ книгѣ М. И. Ростовцева; какъ ни интересны и новы его разсужденія объ организаціи рудниковъ, о соленой монополіи и т. д.—въ интересахъ стройности изложенія главной мысли ихъ пришлось исключить изъ плана настоящаго этюда.

Теперь, въ заключеніе, я желалъ бы, на основаніи всего предложеннаго вниманію читателя въ двухъ предыдущихъ главахъ, дополнить и завершить характеристику обоихъ трудовъ. Мнѣ придется при этомъ значительно раздвинуть рамки разсужденія; то, что я имѣю сказать теперь, уже не имѣетъ прямого отношенія къ экономической жизни древняго Рима. Есть общіе

вопросы, дорогіе сердцу каждаго изслѣдователя, которые, тѣмъ не менѣе, рѣдко являются у насъ предметомъ разговора и еще рѣже—обсужденія въ печати; вслѣдствіе этого—не пренебрежительнаго, а скорѣе слишкомъ осторожнаго къ нимъ отношенія изслѣдователей, они перешли отъ нихъ къ людямъ, мало посвященнымъ или даже совершенно непосвященнымъ въ условія и методы научнаго творчества. Ихъ-то поверхностныя и безапелляціонныя сужденія и сдѣлались преобладающими; это могло случиться тѣмъ легче, что они нашли себѣ опору въ отзывахъ нѣкоторыхъ ученыхъ, слишкомъ односторонне увлекшихся своею спеціальностью и лишившихся вслѣдствіе этого способности выдавать каждой наукѣ слѣдуемое ей.

Одинъ изъ такихъ общихъ вопросовъ я и желалъ бы обсудить здѣсь; его постановка естественно вытекаетъ изъ сравнительной оцѣнки обѣихъ работъ, о которыхъ была рѣчь—до того естественно, что мнѣ приходилось почти насильственно его отодвигать. Та же сравнительная оцѣнка снабдитъ насъ и данными къ его рѣшенію,—рѣшенію краткому, простому и убѣдительному. Таковымъ представляется оно автору этихъ строкъ; если читатель, по прочтеніи послѣднихъ страницъ этого этюда, скажетъ себѣ, что онъ все это и самъ давно уже зналъ, то моя цѣль будетъ достигнута.

Первая изъ разобранныхъ диссертацій имѣетъ своимъ содержаніемъ исторію римскаго землевладѣнія, вторая—исторію римскаго податного дѣла; темы, повидимому совершенно параллельныя и родственныя по существу, которыя каждый, не задумавшись, отнесетъ къ одной и той же наукѣ. Тѣмъ не менѣе, обработавшіе ихъ ученые—представители двухъ различныхъ наукъ: И. М. Гревсъ—историкъ, М. И. Ростовцевъ—филологъ; сами работы представлены на соисканіе степени по двумъ различнымъ каѳедрамъ. Мало того, и точка отправленія была у обоихъ авторовъ различная: И. М. Гревсъ задался цѣлью выяснить происхожденіе феодальнаго землевладѣнія; придерживаясь нео-романистическихъ взглядовъ на возникновеніе феодализма, онъ a priori былъ склоненъ признать вліяніе пережитковъ римскаго землевладѣнія на интересующее его явленіе средневѣковой экономической жизни. Отсюда явилась для него научная необходимость ознакомиться съ исторіей римскаго землевладѣнія; а такъ какъ эта исторія еще не написана, то онъ и взялся ее написать. Это — чисто историческая точка отправленія; при построеніи общей схемы исторической эволюціи замѣчается въ одномъ ея

мѣстѣ чувствительный *пробѣлъ*, и вслѣдъ затѣмъ для посильнаго его пополненія отыскиваются *матеріалы*.

Совершенно инымъ путемъ возникла диссертація М. И. Ростовцева. Знакомясь группа съ группой съ разнородными матеріалами, подлежащими вѣдѣнію его науки—надписями, пломбами, исписанными черепками и т. д., онъ замѣтилъ, что цѣлый рядъ этихъ памятниковъ, естественно тяготѣющихъ къ одному и тому же центру, остался недостаточно разъясненнымъ, что это разъясненіе получится, если свести вмѣстѣ соединенные тѣмъ общимъ тяготѣніемъ памятники, присоединяя къ нимъ и относящіеся туда же матеріалы и другія свидѣтельства, и восполнить получаемые пробѣлы путемъ комбинаціи; что эта конфронтаціонная и комбинаціонная работа, послѣдовательно произведенная, даетъ въ своемъ окончательномъ итогѣ новую, до тѣхъ поръ не существовавшую, научную дисциплину—исторію государственнаго откупа въ Римѣ. Это—точка зрѣнія филологическая: сначала авторъ видитъ передъ собою *матеріалы*, съ ихъ изслѣдованія начинаетъ, а затѣмъ уже убѣждается, что созданное имъ путемъ такого изслѣдованія цѣлое заполнитъ существующій *пробѣлъ* въ общей схемѣ историческаго развитія государственныхъ институтовъ. Но, кромѣ точки исхода, и методъ обѣихъ работъ существенно различенъ; позволимъ себѣ въ видахъ поясненія привести сравненіе. У обоихъ авторовъ имѣется по шкафу; у обоихъ есть чѣмъ заполнить его. Но у И. М. Гревса шкафъ имѣлся раньше; онъ старательно его отдѣлалъ, раздѣлилъ на крупные и мелкіе компартименты, снабдилъ каждый надписью, указывающей его назначеніе; все это имѣло чрезвычайно стройный и красивый видъ. А затѣмъ онъ сталъ по рубрикамъ разставлять свои достопримѣчательности; при этомъ оказалось, что для одного отдѣленія ихъ было слишкомъ много, для другого—слишкомъ мало; для иного и вовсе не было. Въ первомъ случаѣ онъ помогъ бѣдѣ старательной и разумной выборкой; но во второмъ и особенно въ третьемъ случаѣ дѣло было серьезное: несоразмѣрность слишкомъ бросалась въ глаза и, чтобы избѣгнуть непріятнаго зрѣлища пустоты, приходилось разставлять попышнѣе жиденькій матеріалъ, а мѣстами заполнять пробѣлы издѣліями собственныхъ рукъ (я имѣю тутъ въ виду особенно главу объ Аттикѣ). Иначе поступаетъ М. И. Ростовцевъ: у него именно матеріалы имѣлись раньше, и имѣлась возможность, старательно ихъ разсортировавъ, распредѣлить компартименты заказаннаго для нихъ шкафа, соразмѣрно съ сравнительнымъ обиліемъ каждой группы матеріала. При этомъ методѣ онъ, разумѣется, могъ (говоря

точнѣе, могъ бы) съ полнымъ удобствомъ разложить свои драгоцѣнности по соотвѣтственнымъ отдѣленіямъ, избѣгая и переполненія, и пробѣловъ; но стройность и планомѣрность всего построенія отъ него пострадали.

Итакъ, при полной схожести и родственности темъ, мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе, въ одномъ случаѣ—во всѣхъ отношеніяхъ историческій, въ другомъ — во всѣхъ отношеніяхъ филологическій трудъ. Не часто представляется намъ возможность на столь удобныхъ примѣрахъ выяснить значеніе понятій „исторія“ и „филологія“; да будетъ намъ, поэтому, дозволено воспользоваться этой возможностью.

Прежде всего ясно, что по существу никакой разницы между исторіей и филологіей нѣтъ. И дѣйствительно, съ какой стороны мы ни подходили бы къ этому вопросу—мы такой разницы не найдемъ. Разсуждая догматически, мы легко выдѣлимъ изъ совокупности наукъ такъ наз. науки о духѣ; идя далѣе, мы не менѣе легко можемъ отъ общей массы этихъ наукъ обособить тѣ, которыя изслѣдуютъ творенія человѣческаго духа—въ самомъ общемъ значеніи слова—въ ихъ послѣдовательности, и убѣдиться, что эти науки, вмѣстѣ взятыя, составляютъ единую историко-филологическую науку; но всѣ дальнѣйшія попытки раздробить эту науку уже не поведутъ къ отдѣленію исторіи отъ филологіи, а лишь къ тому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вмѣстѣ съ кускомъ исторіи окажется отрѣзаннымъ и соотвѣтственный кусокъ филологіи. — Разсуждая эмпирически, мы не въ состояніи указать какую бы то ни было частицу исторической науки, которая не была бы въ то же время и частицей науки филологической; это можетъ на первый взглядъ представляться страннымъ, но тѣмъ не менѣе это такъ. Если кто пожелаетъ меня опровергнуть ссылкой, напр., на латинскую грамматику, которая, будто бы, представляетъ изъ себя несомнѣнно филологическую, а не историческую науку, то я отвѣчу, что латинская грамматика въ смыслѣ науки не существуетъ, а есть только исторія развитія латинскаго языка, т.-е. наука несомнѣнно историческая; если, наоборотъ, мнѣ укажутъ, какъ на примѣръ чисто историческаго, не-филологическаго труда, на извѣстное сочиненіе Бокля, то я сошлюсь на примѣчанія того же Бокля, въ которыхъ сосредоточена филологическая часть его работы, и замѣчу при этомъ, что если не всѣ историки публикуютъ такую филологическую часть, то это еще не доказываетъ, чтобы ея у нихъ не было.—Разсуждая, далѣе, исторически, мы найдемъ, конечно, въ не очень отдаленномъ прошломъ время, когда подъ исторіей и

филологіей разумѣли двѣ существенно различныя области человѣческаго знанія; но съ тѣхъ поръ какъ со стороны историковъ было выставлено понятіе „исторія культуры“, причемъ въ область культуры вошло все то, что было создано человѣческимъ духомъ, эти двѣ науки совершенно слились, и обособить ихъ стало невозможнымъ.—Желая, наконецъ, провѣрить правильность этихъ выводовъ, мы поступимъ лучше всего, если обратимся къ сочиненіямъ тѣхъ, которые, подобно Бёку, пытались отвести для филологіи особое поле изслѣдованія, независимо отъ исторіи: именно, несостоятельность этихъ попытокъ, при неоспоримомъ остроуміи и глубокой учености ихъ авторовъ, доказываетъ неосуществимость той цѣли, которую они поставили себѣ.

Съ этимъ придется примириться. Филологія и исторія по своему содержанію совпадаютъ; въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не лучше ли будетъ, въ видахъ ясности и простоты терминологіи, пожертвовать однимъ изъ обоихъ терминовъ? а такъ какъ слово „исторія“ въ ушахъ современнаго русскаго общества звучитъ какъ-то пышнѣе и либеральнѣе, то не благоразумно ли поступятъ филологи, если назовутъ себя просто историками? Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ высказался не такъ давно нѣкто Нерлихъ, авторъ столь же невѣжественной, сколько и заносчивой и задорной книги, подъ заглавіемъ: „Догматъ о классической древности“. Мы же совѣтуемъ имъ не торопиться; разница между исторіей и филологіей существуетъ, хотя и не тамъ, гдѣ ее ищетъ большинство людей.

Дѣло въ томъ, что историко-филологическая наука, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, носитъ въ себѣ самой причину своей естественной, неупразднимой двойственности. Всѣ другія науки имѣютъ дѣло съ явленіями настоящаго; ихъ представители имѣютъ болѣе или менѣе полную возможность стать лицомъ къ лицу съ изучаемыми ими объектами, и чѣмъ полнѣе эта возможность, тѣмъ точнѣе и надежнѣе достигаемые результаты. Одна только исторія этой возможности совершенно лишена: ея объектъ—прошлое; прошлое же никогда не можетъ быть изучаемо лицомъ къ лицу. Когда-то оно было настоящимъ и, въ качествѣ такового, объектомъ непосредственнаго изученія, для насъ же оно исчезло; исчезло оно безслѣдно—и всякое изученіе стало бы невозможнымъ; но, къ счастью для насъ, оно оставило свои слѣды. Эти слѣды, въ чемъ бы они ни состояли, мы называемъ *памятниками*; историческій памятникъ — это и есть то третье, неустранимое, стоящее между историкомъ и его прямымъ объек-

томъ—прошлымъ. Историко-филологическая наука—одна; исторія и филологія, совпадая по содержанію, различны, однако, по методу. Чѣмъ ближе какой-нибудь трудъ къ памятникамъ, тѣмъ болѣе носитъ онъ филологическій характеръ. Другими словами: филологія—это обращенная къ памятникамъ сторона исторіи; исторія—это обращенная ко вселенскому Логосу сторона филологіи; филологія и исторія—два различныхъ аспекта одной и той же науки.

Отсюда слѣдуетъ, что мы имѣемъ полное право удержать оба термина въ установившемся ихъ значеніи, и что филологамъ нѣтъ надобности переименовать себя въ историковъ: они—филологи, поскольку они изслѣдуютъ исторію на почвѣ историческихъ памятниковъ и въ изученіи этихъ памятниковъ видятъ главную сторону своей дѣятельности. Но отсюда слѣдуетъ также, что строгое отдѣленіе исторіи и филологіи немыслимо; всякій филологъ долженъ быть въ извѣстной части своего научнаго естества и историкомъ, всякій историкъ долженъ быть до нѣкоторой степени и филологомъ,—иначе филологическая дѣятельность будетъ безцѣльною, а историческая—безпочвенною.

Взглядъ этотъ ясенъ и врядъ ли можетъ возбудить особыя возраженія. Я глубоко сожалѣю о тѣхъ „филологическихъ старыхъ дѣвахъ", какъ ихъ называлъ Лагарпъ, которыя видятъ окончательную цѣль своей научной дѣятельности въ изслѣдованіи употребленія союза „cum" у такого-то писателя и даже не спрашиваютъ, кому и на что пригодятся выведенныя ими статистическія цифры; но я не менѣе глубоко сожалѣю и о тѣхъ псевдо-историкахъ. которые, никогда не видавъ первоисточниковъ и черпая свои свѣдѣнія изъ десятыхъ рукъ, „стряпаютъ" какую-нибудь исторію Лудовика XIV; признаковъ истинной научности я ни здѣсь, ни тамъ не вижу. Но на практикѣ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исполненіе нашего требованія встрѣчаетъ различнаго рода препятствія, которыми обусловливается различное отношеніе между историческимъ и филологическимъ элементами въ умѣ изслѣдователя. Эти препятствія заключаются *въ большемъ или меньшемъ несовпаденіи исторической и филологической классификаціи.* Выдающееся принципіальное значеніе этого фактора еще не было, насколько мнѣ извѣстно, принимаемо во вниманіе составителями энциклопедій историческихъ наукъ: будетъ поэтому небезполезно посвятить ему здѣсь нѣсколько строкъ.

Выставимъ сначала правило; вотъ оно. Чѣмъ меньше это несовпаденіе, тѣмъ слабѣе зависимость историка отъ филолога; чѣмъ оно больше, тѣмъ болѣе филологъ доминируетъ надъ исто-

рикомъ. Другими словами: историкъ тѣмъ болѣе можетъ расширить историческую часть своего научнаго естества, или съузить филологическую, чѣмъ болѣе соблюдено требованіе, чтобы каждая отрасль исторической науки имѣла своимъ источникомъ *особую и однородную* группу памятниковъ. Соблюдено оно болѣе всего въ исторіи новыхъ народовъ: вы не станете читать докладовъ своимъ правительствамъ аккредитованныхъ при вѣнскомъ дворѣ представителей иностранныхъ государствъ, если васъ интересуетъ исторія нѣмецкой литературы въ классическую эпоху; не станете читать переписки Шиллера съ друзьями, если вы пишете исторію наполеоновскихъ войнъ. Менѣе всего оно соблюдено въ исторіи народовъ классическаго Востока; историкъ древняго Египта стушевывается передъ египтологомъ; одни и тѣ же памятники являются источниками и для политической, и для культурной исторіи, и для исторіи литературы, и для исторіи искусствъ, и для исторіи языка. Что касается классической древности, то она занимаетъ среднее мѣсто; но все же она ближе ко второй, чѣмъ къ первой группѣ; а такъ какъ она въ то же время и наиболѣе разработана, то взаимное соотношеніе филолога и историка здѣсь наиболѣе разительно. Мы имѣемъ просто двойную классификацію: если историкъ со своей точки зрѣнія раздѣлитъ науку о классической древности на исторію внѣшней и внутренней политики, умственной и матеріальной культуры, литературы, художествъ, языка и т. д. въ предѣлахъ древняго міра, то филологъ, имѣющій въ виду памятники, раздѣлитъ ее на палеографію, эпиграфику, нумизматику, археологію съ ея многочисленными подраздѣленіями, не говоря уже о папирологіи, народившейся на дняхъ, остракологіи, нарождающейся именно теперь, и пломбологіи, которою подаритъ насъ въ близкомъ будущемъ М. И. Ростовцевъ. Все это—науки, не предусмотрѣнныя ни Аристотелемъ, ни Бэкономъ, ни Контомъ, ни Спенсеромъ; вы ихъ не умѣстите ни въ одну раціональную схему классификаціи наукъ, не умѣстите именно потому, что ихъ система ни въ одномъ пунктѣ не совпадаетъ съ вышенамѣченной раціональной системой, предложенной историками. Отсюда слѣдуетъ вотъ что̀: филологъ, не претендующій на имя историка, можетъ спеціализироваться сколько угодно; изъ него выйдетъ прекрасный палеографъ, эпиграфикъ и т. д., т.-е. прекрасный ремесленникъ. Но историкъ древности, желающій быть ученымъ, не только долженъ быть для этого также и филологомъ (это мы видѣли выше)—онъ сверхъ того и лишенъ возможности, въ качествѣ этого послѣдняго, спеціализироваться:

если я желаю написать исторію греческой религіи, я долженъ умѣть обращаться и съ литературными, и съ эпиграфическими, и съ археологическими, и съ нумизматическими и т. д. памятниками; будучи, такимъ образомъ, какъ историкъ — спеціалистомъ, я, какъ филологъ, долженъ быть энциклопедистомъ—а при такихъ условіяхъ филологъ будетъ во мнѣ естественно доминировать надъ историкомъ, по крайней мѣрѣ количественно.

Этихъ условій намъ не измѣнить; онѣ естественны, а natura non vincitur nisi parendo.

Если мы теперь,—возвращаясь къ обоимъ трудамъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ,—спросимъ себя, который изъ обоихъ авторовъ съ самаго начала находился въ лучшей, такъ сказать, обстановкѣ для того, чтобы подчиниться этимъ неумолимымъ условіямъ и, подчиняясь, побѣдить,—то придется признать, что всѣ выгоды находились на сторонѣ М. И. Ростовцева; воздавая должную дань уваженія его неутомимому трудолюбію, его замѣчательному комбинаторскому таланту,—мы, со всѣмъ тѣмъ, можемъ по справедливости сказать, что эти его блестящія качества потому дали столь положительные и богатые результаты, что онъ съ самаго начала избралъ кратчайшій и удобнѣйшій путь, поднимался въ области исторіи съ широкаго и прочнаго филологическаго фундамента. Это восхожденіе, какъ мы убѣдились выше, еще не завершено; работа М. И. Ростовцева еще не можетъ быть названа „исторіей откупа“; это то же—хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ „очерки“ И. М. Гревса —лишь подготовительная работа. Но, зная направленіе, которое избралъ авторъ, видя его спокойный, бодрый шагъ, мы не сомнѣваемся, что онъ своей цѣли достигнетъ. Въ иномъ и, согласно сказанному выше, значительно менѣе выгодномъ положеніи находился И. М. Гревсъ. Затруднительность этого положенія заключалась именно въ томъ, что онъ приступилъ къ исполненію своей задачи именно какъ историкъ; мы легко представляемъ себѣ, какого самоотреченія отъ него потребовали эти годы, во время которыхъ онъ, лелѣя въ сердцѣ свою прекрасную историческую мечту, терпѣливо погружался въ эту пучину детальной филологической работы. А при такихъ условіяхъ слово „подготовительная работа“ звучитъ какъ-то грустно и тревожно; мы невольно спрашиваемъ себя, хватитъ ли у автора самоотреченія довести свой трудъ до конца, выдержитъ ли его терпѣніе ту массу предстоящей ему кропотливой и сухой работы, которую онъ самъ такъ живо описалъ въ первой части своихъ „очерковъ“? И если насъ что̀ укрѣпляетъ въ этой надеждѣ, такъ это

именно сумма уже затраченнаго труда. Бываютъ моменты, когда не новая затрата, а именно уклоненіе отъ таковой даетъ поводъ упрекнуть человѣка въ расточительности; это—тѣ, когда издержанный уже раньше капиталъ представляетъ изъ себя достаточно крупную и въ то же время еще недостаточную сумму. Если не ошибаюсь, И. М. Гревсъ переживаетъ теперь именно такой моментъ. Быть можетъ, онъ нѣсколько измѣнитъ направленіе своего пути; быть можетъ, онъ, отказываясь отъ продолженія своей подготовительной работы, приступитъ теперь же къ своему окончательному, капитальному труду. Мы не очень посѣтуемъ на него, если первый томъ его „очерковъ" останется единственнымъ; но мы просимъ его сдержать свое слово и дать намъ обѣщанную „исторію римскаго землевладѣнія", за которую ему заранѣе обезпечена благодарность—быть можетъ, не очень многочисленнаго, но преданнаго своей наукѣ кружка.

Ѳ. Зѣлинскій.

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ

Историко-критическій этюдъ.

„Il faut juger les hommes et les écrits d'après leur date“.
M-me de Staël.

Историческая литература чрезвычайно богата всевозможными изслѣдованіями о французской революціи и Наполеонѣ I, и тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчаются и будутъ еще встрѣчаться немалые пробѣлы. Не скоро также здѣсь исчезнетъ потребность въ пересмотрѣ уже извѣстнаго, подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія, сообразно настроенію умовъ; но эта эпоха полна *міроваго, общечеловѣческаго* интереса. Чтобы понять разнообразныя явленія той эпохи, чтобы постигнуть этотъ историческій моментъ, лучше всего обращаться къ самимъ представителямъ стремленій окружавшей ихъ среды. Ко многимъ изъ нихъ можно примѣнить остроумное слово Монтескьё, сказанное о Вольтерѣ: „Il a plus que personne l'esprit que tout le monde a“. Такова была и г-жа де-Сталь. Она—одна изъ наиболѣе впечатлительныхъ натуръ среди прочихъ выдающихся ея современниковъ. Это, такъ сказать, кристаллъ, отражающій въ себѣ все настроеніе эпохи. На ней, быть можетъ, лучше, чѣмъ на комъ-либо, можно изучать всю сложность, все жизненное разнообразіе *переходной* эпохи того времени, со всѣми ея противорѣчіями и аномаліями. Она вынесла на себѣ всю борьбу различныхъ и могущественныхъ теченій европейской жизни, какъ просвѣщеніе, революція и реакція.

О г-жѣ Сталь не мало писали, но преимущественно, какъ о романисткѣ, какъ о Колумбѣ по отношенію къ Германіи, или же какъ объ интересной для біографа личности; но она не ме-

нѣе важна какъ политикъ и соціологъ; для насъ же, въ наше время, эта сторона ея таланта даже наиболѣе поучительна. И мы имѣемъ желаніе воздать должное этой замѣчательной женщинѣ, на которую еще мало обращали вниманія съ этой стороны.

Но наша задача представляетъ особенныя затрудненія. Дѣло не въ недостаткѣ матеріала: на него не поскупилась сама г-жа Сталь. Дѣло въ томъ, что у нея самой, какъ у писательницы чрезвычайно чуткой, какъ у мыслителя переходнаго времени, на каждомъ шагу встрѣчаются противорѣчія, даже нѣкоторыя запутанности. Но, зато, это—тема благодарная, если приложить къ ней надлежащій методъ. Здѣсь, какъ и вообще въ современной наукѣ, должно слѣдить за эволюціей идей автора. Необходимо выяснить, подъ какими неизбѣжными вліяніями зарождались разные взгляды у г-жи Сталь, какъ они боролись съ другими, какъ терпѣли превращенія, въ которыхъ отражалась бурная эпоха того времени.

Мы не поскупимся на подлинныя выписки. Кромѣ того, что документы всегда — самые краснорѣчивые свидѣтели, въ данномъ случаѣ ссылки оправдываются самою сущностью дѣла.— Г-жа Сталь — изъ тѣхъ авторовъ, у которыхъ очень важны оттѣнки и самая форма изложенія—самый блестящій и своеобразный авторъ.

Начавъ наше изслѣдованіе съ цѣлью изучить г-жу де-Сталь, какъ политика и соціолога, мы ходомъ самой работы были приведены къ необходимости разобраться во всемъ ея міровоззрѣнія, которое было, можно сказать, умоначертаніемъ всей эпохи. У нея чувство неразрывно связано съ умомъ. Г-жу Сталь нужно понять всю: тогда только она станетъ ясна и съ нашей спеціальной точки зрѣнія.

Само собою разумѣется, что мы старались не оставлять безъ вниманія ничего изъ ея произведеній. Но для нашей цѣли главную службу сослужили наиболѣе крупныя ея сочиненія: это — „Страсти“ (1796), „Литература“ (1800), „Дельфина“ (1802), „Коринна“ (1807), „Германія“ (1810) и „Революція“ (сочиненіе, изданное въ годъ смерти де-Сталь—въ 1817 г.).

I.

Нелегко представить въ стройной системѣ *соціологію* г-жи Сталь: мы употребляемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ это выраженіе для того времени, когда даже не было и названія этой

науки. Главное затрудненіе лежитъ, впрочемъ, не столько въ самомъ авторѣ, сколько въ его эпохѣ, изобилующей массой фактовъ, богатой геніальными людьми и новыми идеями,—въ эпохѣ, когда жизнь била повсюду ключомъ, какъ бы стараясь наверстать потерянное, и, пе довольствуясь разрушеніемъ стараго, воздвигала идеалы, которые отчасти не утратили своей силы и для насъ. Самой г-жѣ Сталь трудно было слѣдить за этимъ потокомъ событій; и она, какъ впечатлительная, горячая натура, сама всюду бросала мысли, иногда забывая однѣ изъ нихъ и противорѣча другимъ. Сверхъ того, она и сама была участницей нѣкоторыхъ событій. Ея главное политическое сочиненіе, „Разсужденія о французской революціи", не столько исторія, сколько мемуары, которымъ явственно вредили двѣ страсти автора—пылкая любовь къ своему отцу и столь же горячая ненависть къ якобинцамъ и Наполеону; оно и возникло изъ желанія описать жизнь Неккера, какъ общественнаго дѣятеля. Г-жа Сталь сама чувствовала это: „Моей гордостью,—предупреждаетъ она,—было бы говорить о временахъ, въ которыхъ мы жили, какъ о давнемъ прошломъ. Пусть просвѣщенные люди, эти современники будущаго по своимъ мыслямъ, судятъ, насколько я съумѣла подняться до той высоты безпристрастія, къ которой я стремилась".

Но наша задача облегчается, прежде всего, самими „Разсужденіями". Это сочиненіе — основа для политики г-жи Сталь. И именно оно принадлежитъ къ числу самыхъ зрѣлыхъ ея трудовъ и можетъ служить ея завѣщаніемъ: она и писала его до конца своей жизни. Это—первая исторія великаго переворота, и она написана женщиной. Мало того: это—первая исторія Франціи, набросанная систематически съ извѣстной точки зрѣнія. Это — работа философской мысли; тутъ много темъ для публициста и соціолога. Въ „Разсужденіяхъ" все связано основною идеей, которой была посвящена вся жизнь автора. Это—защита принциповъ 1789 года; но необходимо оговориться, что идеаломъ г-жи Сталь были „первые дни Національнаго Собранія", т.-е., начало Учредительнаго Собранія. Отвергая „равенство", она сократила тройной девизъ революціи на треть или, вѣрнѣе, на двѣ трети. „Разсужденія" стали евангеліемъ либерализма; а ретрограды и демократы съ одинаковымъ усердіемъ проклинали эту книгу. „Разсужденія" послужатъ намъ лучшимъ путеводителемъ въ лабиринтѣ идей и событій, куда вступаемъ теперь; хотя мы, конечно, будемъ пользоваться и всѣми остальными сочиненіями г-жи Сталь. Другою Аріадниной нитью по-

служатъ намъ нѣкоторыя изъ этихъ идей, — idées-mères, idées-forces, какъ говорятъ теперь,—проходящія по трудамъ г-жи Сталь всѣхъ эпохъ. И это тѣмъ важнѣе для насъ, что, какъ мы уже говорили, онѣ связаны съ общими аксіомами міросозерцанія нашей писательницы. Но предварительно укажемъ на ея отношенія къ другимъ *соціологамъ до соціологіи.*

Г-жа Сталь умѣла цѣнить своихъ предшественниковъ, кого знала. Лучше всего ей были знакомы Монтескьё и Руссо, хуже —Макіавелли, совсѣмъ плохо—Аристотель. Это и отразилось на ея пониманіи ихъ. Менѣе всего она оцѣнила Аристотеля: она даже имѣла въ виду скорѣе средневѣкового Аристотеля, авторитетъ котораго такъ заковалъ умы европейцевъ въ „догматическія формы“. Да г-жѣ Сталь и нужно было унизить Аристотеля, чтобы выдержать свою теорію усовершенствованія (гл. V); она и постаралась сдѣлать это, напирая, вопреки своему историческому чутью, на то, что онъ допускалъ рабство. Г-жа Сталь какъ бы желаетъ умалить его геніальность ссылкой на то, что ему не трудно было черпать свои примѣры изъ республики, находившейся у него передъ глазами. Но замѣчательно, какъ она, при всемъ томъ, почуяла главное значеніе Аристотеля въ данномъ случаѣ. Восхищаясь „этимъ удивительнымъ для своего вѣка человѣкомъ“,— она говоритъ: „Аристотель замѣнилъ духъ системы духомъ наблюденій... Онъ выше новыхъ ученыхъ въ знаніи соціальнаго искусства. Онъ почти такъ же силенъ, какъ новые, въ нѣкоторыхъ вопросахъ политики... Онъ съ рѣдкой проницательностью оцѣниваетъ причины революцій и принципы правительствъ“.

Зато Макіавелли уже понятъ г-жею Сталь съ поразительною глубиной, до которой недавно дошли его историки. Въ то время, какъ всѣ видѣли въ немъ отца „макіавелизма“, г-жа Сталь, еще до открытія его писемъ, не могла допустить, чтобы „такой геній могъ принять теорію преступленія“: онъ нарочно развивалъ принципы тиранніи, чтобы внушить ужасъ къ злодѣяніямъ. „Онъ раскрылъ искусство преступленія скорѣе какъ наблюдатель, чѣмъ какъ преступникъ“, и не его вина, что „его уроками воспользовались больше угнетатели, чѣмъ угнетенные“. Его можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что онъ „писалъ какъ бы для себя, не думая о впечатлѣніи“ своей книги. Сталь восхищается соціологическими обобщеніями въ разсужденіяхъ Макіавелли о Титѣ-Ливіи, которыя ставитъ выше „Государя“: „Это — одно изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ наиболѣе проявилась глубина человѣческаго ума“. Вообще Макіавелли — единственный изъ

итальянскихъ историковъ, который смотрѣлъ на событія своей страны съ всемірной точки зрѣнія. А послѣ изданія писемъ Макіавелли (1813), Сталь окончательно утверждала, что „Государь“ былъ написанъ съ цѣлью примириться съ Медичи, которые измучили автора за его любовь къ свободѣ. При этомъ тутъ высказался горячій патріотъ: онъ шелъ на все, чтобы помочь итальянскимъ государямъ изгнать нѣмцевъ и французовъ.

Непосредственными предшественниками и отчасти учителями нашего автора были вожди французскаго просвѣщенія. Для исторіи политическихъ теорій XIX вѣка любопытно его различное отношеніе къ главнымъ изъ нихъ. Конечно, „царь насмѣшниковъ“ (prince des moqueurs), Вольтеръ, не могъ нравиться такой поклонницѣ тогдашней Германіи, какъ г-жа Сталь. Ее мирила съ нимъ сначала только его защита свободы, его терпимость, его война съ уродствами стараго порядка. За первыя сочиненія, написанныя „подъ вліяніемъ Англіи“, она даже ставитъ его, какъ перваго поэта своего вѣка, какъ генія, который наполнилъ собой цѣлую умственную эпоху, популяризовалъ во Франціи философію и высказалъ свободный взглядъ на вещи. Но въ „Германіи“, гдѣ Сталь вообще отступаетъ отъ своихъ передовыхъ взглядовъ и бичуетъ XVIII-й вѣкъ за его „матеріализмъ“, она не щадитъ Вольтера. Напирая на вторую половину его дѣятельности, она уничтожаетъ перо, опороченное „жалкимъ и суетнымъ безвѣріемъ“, обращающее въ шутку великую метафизику и нападающее на католицизмъ. „Вольтеръ не поднималъ могучихъ ощущеній нашей природы; онъ не вызывалъ изъ глубины лѣсовъ, какъ Руссо, бури первобытныхъ страстей, чтобы потрясти правительство въ его старыхъ основахъ. Вольтеръ лишь шуткой, насмѣшкой, ослаблялъ понемногу значеніе нѣкоторыхъ заблужденій... Онъ предвидѣлъ революцію, которую самъ подготовлялъ, но не желалъ ея“. Конечно, меньше всего Сталь могла простить Вольтеру его „Жанну д'Аркъ“; но ей не нравится и „Кандидъ“, написанный для уничтоженія Лейбница, „противъ конечныхъ причинъ оптимизма, свободной воли, наконецъ, противъ всѣхъ философскихъ мнѣній, возвышающихъ достоинство человѣка!“ Это—образецъ той „насмѣшливой философіи“, которая снисходительна съ виду и такъ жестока на дѣлѣ! Вотъ результаты пагубнаго матеріализма, не признающаго ничего, кромѣ ощущеній! Впрочемъ, въ „Разсужденіяхъ“ г-жа Сталь старается оправдать Вольтера условіями его времени, когда были еще во всей силѣ законы противъ протестантовъ. „Во время революціи,—говоритъ она,—мы чувствовали только зло невѣрія и гнус-

ныхъ насилій, съ которыми старались распространять его; но тѣ же благородныя чувства, которыя въ концѣ XVIII-го вѣка заставляли возмущаться опалой духовенства, внушали, 50 лѣтъ раньше, ненависть къ нетерпимости послѣдняго". Послѣ этого понятенъ злостный взглядъ г-жи Сталь на энциклопедистовъ. Она даже не могла оцѣнить, близкій къ ней въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, умъ Дидро. Ей казалось, что онъ находится „подъ игомъ собственнаго разума" и что онъ, „ломался ради эффекта". Ей даже какъ будто не нравилась извѣстная филантропія этого человѣка рѣдкой души: вѣдь, это—замѣна религіозныхъ чувствъ, которыхъ ему недоставало!

Иное дѣло—Руссо и Монтескьё. По словамъ Мишле́, „геній г-жи Сталь послѣдовательно подчинялся двумъ учителямъ и двумъ идеямъ: до 1789 года—Руссо, а потомъ—Монтескьё". Это не совсѣмъ вѣрно. Наиболѣе восторженное отношеніе г-жи Сталь къ Руссо замѣчается въ первомъ ея произведеніи, вышедшемъ изъ-подъ ея пера наканунѣ революціи, когда ей было всего 22 года: „Письма о сочиненіяхъ и характерѣ Руссо", это—хвалебный гимнъ. Но всегда точкой соприкосновенія между нею и Руссо было то, что потомъ называли „романтизмомъ". Она восторгалась „сердцемъ, естественностью, талантомъ, идущимъ изъ глубины души и потому презираемымъ свѣтомъ", человѣка, „который съумѣлъ сдѣлать изъ добродѣтели страсть". Ее трогала его религіозность, особенно его „меланхолія" и мечтательность. Указывая на то, что первое сочиненіе онъ написалъ, когда ему было сорокъ лѣтъ, она замѣчаетъ: „онъ слишкомъ много чувствовалъ, чтобы думать". Она высоко ставила его, какъ писателя новаго направленія: „Руссо, Монтескьё и Кондильякъ,—говоритъ она,—принадлежатъ къ республиканскому духу до республики; они начали желательную революцію въ характерѣ французскихъ сочиненій". Г-жѣ Сталь нравились и чувствительная „Новая Элоиза", и искренняя „Исповѣдь". Она во многомъ раздѣляла взгляды Руссо па религію, женщину, воспитаніе; ее подкупалъ весь этотъ горячій протестъ противъ общественной несправедливости. Руссо казался ей „единственнымъ геніемъ своего времени, который уважалъ благочестивыя мысли, столь необходимыя намъ". Наконецъ, она вполнѣ принимала его основной взглядъ на человѣка, какъ на существо доброе по природѣ, но испорченное обществомъ. Съ этимъ свѣточемъ въ рукахъ, г-жа Сталь, если бы была послѣдовательна, должна бы была идти и дальше. до самаго „Общественнаго Договора". Между тѣмъ именно въ политикѣ г-жа Сталь была далека отъ Руссо съ самаго начала, даже

въ хвалебной статьѣ о немъ. Она, какъ только касается этого вопроса, тотчасъ указываетъ на „дикое воображеніе“ Руссо и рисуетъ его фантазёромъ, хотя и геніальнымъ. Въ противоположность Монтескьё, „большинство развиваемыхъ имъ мыслей—умозрительнаго характера“. Она видитъ здѣсь даже вредъ, противъ котораго необходимо предостеречь общество. „Смѣю осуждать Руссо,—говоритъ она,—за то, что онъ не считалъ свободною ту націю, у которой законодатели выборные, и требовалъ собранія всѣхъ гражданъ. Энтузіазмъ дозволителенъ въ чувствахъ, а не въ планахъ. Защитники свободы должны остерегаться преувеличеній. Какъ обрадовались бы ея враги, видя ея невозможность!“ Вообще, „Общественный Договоръ“, на взглядъ Сталь, есть изложеніе мечты объ идеальномъ строѣ общества, а не описаніе существующихъ обществъ, какъ у Монтескьё. Позже, переживъ ужасы террора, г-жа Сталь выражалась еще сильнѣе. Она говоритъ о Руссо въ „Литературѣ“: „Онъ ничего не открылъ, но все воспламенилъ“. „Чувство равенства, которое порождаетъ гораздо больше бурь, чѣмъ любовь къ свободѣ, и вызываетъ совсѣмъ иные вопросы и болѣе страшныя событія,—это чувство рисуется въ каждой строчкѣ Руссо во всемъ своемъ величіи и во всемъ ничтожествѣ и овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, какъ его добродѣтелями, такъ и пороками“. Можно сказать, что г-жа Сталь только тамъ обращала вниманіе на политику Руссо, гдѣ послѣдній самъ бралъ у Монтескьё, что̀ случалось нерѣдко. Замѣтимъ, что Руссо даже примѣры изъ исторіи беретъ тѣ же, что у Монтескьё. Сюда относятся, напр., дѣленіе государства на демократію, аристократію и монархію (по Монтескьё и г-жѣ Сталь, деспотизмъ), соотношеніе между формами правленія, съ одной стороны, и величиной территоріи и климатомъ—съ другой. [1]).

Но былъ человѣкъ, къ которому г-жа Сталь всегда относилась съ благоговѣніемъ, которому почти во всемъ слѣдовала. Это — ея истинный учитель, Монтескьё, котораго она изучала, съ замѣтками, уже съ четырнадцати-лѣтняго возраста. Вотъ настоящій кладезь премудрости, изъ котораго она все черпала по соціологіи. Тутъ-то видна наглядно ея способность переливать чужое въ свой блестящій сосудъ, который давалъ всему свою красивую окраску,—такъ что иногда трудно опредѣлить цвѣтъ содержимаго. Монтескьё для г-жи Сталь выше всѣхъ на свѣтѣ. Онъ „нерѣдко превосходитъ лучшихъ писателей древности“; древнихъ фило-

---

[1]) Michelet, „Les femmes et la Revolution“, стр. 72.—M-me de Staël, „Sur Rousseau“ (Oeuvres: I, 15—18).

софовъ нельзя и сравнивать съ нимъ. Планъ „Духа Законовъ", безъ сомнѣнія, обширнѣе плана „Общественнаго Договора". Тамъ разсмотрѣны всѣ существовавшіе законы, и еще тысячи подробностей вытекаютъ изъ этой книги, столь замѣчательной по общимъ мыслямъ. „Монтескьё полезнѣе для сложившихся обществъ, а Руссо—для тѣхъ, которыя пожелали бы собраться въ первый разъ... Правда, слѣдуетъ болѣе восторгаться тѣмъ, кто создаетъ систему, хотя бы и несовершенную, но возможную, чѣмъ философомъ, который, борясь съ одною природою вещей, представляетъ воображенію безукоризненный планъ; но, быть можетъ, нужно быть самому правителемъ, чтобы отказываться отъ идеальнаго блага, чтобы рѣшиться ставить достижимое лучшее рядомъ съ необходимымъ зломъ, чтобы ограничиться медленными шагами къ цѣли, которая такъ быстро достигается мыслью. Наконецъ, быть можетъ, нужно самому наблюдать вблизи бѣдствія народовъ, чтобы считать достаточной славой хотя бы указаніе небольшого облегченія. Такъ поставимъ же выше Руссо твореніе государственнаго человѣка, у котораго наблюденія предшествуютъ теоріямъ, который доходитъ до общихъ идей путемъ познанія частныхъ фактовъ, и который не берется, какъ артистъ, начертывать планъ правильнаго зданія, а старается, какъ опытный человѣкъ, поправлять готовое сооруженіе"—человѣка, который „показываетъ разомъ и зло, и его лекарство, и цѣль, и средства".

Нечего и говорить, что Гердеръ, какъ ни восторгалась имъ г-жа Сталь, стоитъ гораздо ниже Монтескьё, „по глубинѣ политическихъ наблюденій". Монтескьё выше даже Вольтера, въ самой спеціальности послѣдняго, хотя онъ взялся за шутку только потому, что она въ то время „аллегорическимъ способомъ показывала истину при господствѣ заблужденій". Монтескьё, конечно, не сравниться съ Вольтеромъ въ „естественной веселости"; зато онъ „возмѣстилъ ее силой ума". Г-жа Сталь говоритъ: Монтескьё выдвинули самые глубокомысленные труды, и его мысль породила тысячи мыслей. Онъ анализировалъ всѣ политическіе вопросы безъ энтузіазма; онъ все показалъ,—другимъ осталось только выбирать. Если соціальное искусство своимъ принципомъ и въ своемъ приложеніи достигнетъ когда-нибудь во Франціи достовѣрности науки, то первые шаги послѣдней нужно будетъ считать со временъ Монтескьё". Въ этомъ смыслѣ, не говоря уже о „Духѣ Законовъ", „превосходный трудъ" Монтескьё „О причинахъ величія и паденія римлянъ" послужитъ своего рода евангеліемъ для соціологовъ. Г-жа Сталь ставитъ Монтескьё даже

образцомъ относительно внѣшней формы. Въ его произведеніяхъ „совмѣщаются всѣ достоинства стиля". У него, какъ и у Паскаля, „краснорѣчіе мыслей, которымъ изъ древнихъ обладалъ одинъ только Тацитъ; онъ, освѣщая идею, въ то же время расширялъ ее однимъ удачнымъ выраженіемъ, однимъ поразительнымъ эпитетомъ, однимъ ббразомъ, брошеннымъ мимоходомъ". Англичане писали о соціологіи и психологіи для поученія, не заботясь о томъ, чтобы заинтересовать читателя; „Монтескьё же какъ бы даетъ жизнь идеямъ; въ каждой своей строчкѣ, посреди абстракцій ума, онъ напоминаетъ намъ о нравственной природѣ человѣка". И если „Монтескьё не такъ легко понять, какъ Вольтера, тѣмъ не менѣе онъ всегда ясенъ настолько, насколько позволяетъ предметъ его размышленія" [1]). Немудрено, что, какъ увидимъ ниже, Сталь исчерпала все содержаніе своего учителя до мельчайшихъ подробностей; только для уясненія его вліянія нужно сличать ея политику, шагъ за шагомъ, съ мыслями Монтескьё, такъ какъ она нигдѣ не цитируетъ его и такъ какъ у нея все выходитъ красиво и горячо, вопреки сухости и строгости учителя, и многое чужое кажется подъ ея перомъ собственнымъ. Мы были поражены, при сличеніи, какъ вся Сталь словно разваливалась: оставалась только своеобразная форма и наблюденіе надъ пережитымъ, если не считать такихъ вопросовъ, болѣе ясно опредѣлившихся послѣ Монтескьё, какъ прогрессъ и матеріализмъ. Начиная съ англійской конституціи и кончая выборами, судомъ присяжныхъ и разводомъ,—во всемъ Сталь могла бы примѣнить къ себѣ слова, сказанныя ею объ адресахъ Учредительнаго Собранія: „каждый изъ этихъ 40.000 считалъ себя соревнователемъ Монтескьё". Сталь смотрѣла и на своихъ предшественниковъ глазами учителя. Для Монтескьё, Макіавелли — также „великій человѣкъ", хотя онъ мало заимствовалъ у него. Онъ, подобно Сталь, не понялъ Аристотеля, который будто-бы руководился „то завистью къ Платону, то пристрастіемъ къ Александру"; и онъ не можетъ простить ему оправданія рабства, хотя самъ признается, что „черныхъ невозможно считать людьми".

Послѣ Монтескьё для Сталь важнѣе всѣхъ предшественниковъ былъ человѣкъ, игравшій первостепенную роль въ ея жизни; это—ея отецъ, Неккеръ. Исторія послѣднихъ годовъ стараго режима и начала революціи немыслима безъ его имени. Его со-

---

[1]) Montesquieu, Oeuvres. I, 157; II, 68; III, 440.—M-me de Stael, „Rousseau" и „Fictions" (Oeuvres I, 3, 16, 66).

чиненія служатъ исходною точкою либерализма XIX-го вѣка. Въ своей широкой практикѣ, онъ такъ наметался въ знаніи людей, что, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, можно принять слова его дочери, сказанныя по поводу его мемуара при уничтоженіи титуловъ: „въ теченіе двадцати лѣтъ, онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ постоянно предсказывалъ событія". Сталь находитъ даже, что онъ „первый указалъ на стремленіе къ безвѣрію". Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя предвѣщанія, которыми, кстати сказать, любопытно воспользовалась его дочь. Неккеръ предсказывалъ, что республика вызоветъ не одну внутреннюю войну: „и иностранныя державы никогда не допустятъ этого". Онъ предвидѣлъ весь терроръ и то, какъ изъ этого хаоса поднимется болѣе другихъ честолюбивый, ловкій и смѣлый господинъ, который увлечетъ массы надеждой на „химерическую будущность": „начало подобнаго предпріятія ознаменуется междоусобіемъ со всѣми его несчастіями; и, быть можетъ утвержденіе самаго тиранническаго деспотизма будетъ его послѣднимъ словомъ". И тогда уже „недостаточно будетъ возстановленія стараго порядка: подавай хоть двадцати-лѣтній деспотизмъ и самую страшную тираннію!" Это было писано въ 1792 году, а въ 1795 году Сталь, въ своемъ „Внутреннемъ мірѣ", предсказывала тираннію: „Необходимая для сверженія республики сила неизбѣжно поведетъ къ абсолютизму....; а король, который приходитъ среди хаоса законовъ и правилъ, окруженъ всѣми условіями деспотизма". Однако, и тутъ можно докопаться до первоначальнаго источника. У Монтескьё сказано: „Духъ крайняго равенства ведетъ къ деспотизму одного, а деспотизмъ одного кончается завоеваніемъ". Вообще, Неккеръ точно такъ же относится къ Монтескьё, какъ Сталь—къ Неккеру: и это-то закрѣпляло связь между дочерью и отцомъ, хотя, сама того не замѣчая, дочь въ нѣкоторыхъ вопросахъ вела либерализмъ дальше, чѣмъ ея отецъ.

Неккеръ—вообще натура болѣе консервативная и узкая. Сама Сталь свидѣтельствуетъ, что онъ боялся всякихъ „нововведеній"; и самъ онъ называетъ себя другомъ „старыхъ правилъ" (vieilles maximes). Онъ даже какъ бы отпирался отъ своего знаменитаго „Отчета" (Compte-rendu), утверждая, что онъ составилъ его по приказанію короля. Неккеръ—недюжинный человѣкъ только для дюжиннаго времени. По справедливому замѣчанію участника событій, проницательнаго Байейля, у Неккера „честные взгляды и возвышенныя чувства, но онъ слишкомъ полагался на ихъ чистоту, какъ на гарантію противъ всякихъ заблужденій. Онъ

вовсе не былъ способенъ понимать время, въ которомъ все было чрезвычайно". Неккеръ, какъ швейцарецъ и кальвинистъ, именно годился въ отцы доктринаризма своей систематичностью и осторожностью. Хотя банкиръ, онъ въ то-же время былъ честный филантропъ. Г-жа дю-Деффанъ справедливо говорила, что онъ вносилъ метафизику во всѣ свои слова,—прибавимъ, и во всѣ свои писанія. Но дочь видѣла одни только достоинства отца. По словамъ американскаго посланника Морриса, Сталь говорила объ отцѣ „съ невиданной, чрезмѣрной суетностью", какъ объ „идеалѣ мудрости". Она сама признавалась: „Все, что говорилъ мнѣ отецъ, твердо во мнѣ, какъ скала"; всему, пріобрѣтенному послѣ его смерти, она не придавала значенія. Какъ мы уже упоминали, она считала своимъ священнымъ долгомъ описать его политическую дѣятельность,—задача, которая разрослась подъ ея перомъ въ извѣстное сочиненіе о „Революціи". Сталь одинаково превозноситъ всѣ его труды. Она хвалитъ даже его попытку въ области романа и сатиры. Она оправдываетъ такую лесть Наполеону, какъ его „Послѣдніе взгляды на политику и финансы", и защищаетъ его книжку „О законодательствѣ и хлѣбной торговлѣ". Затѣмъ Сталь съ восторгомъ разсказываетъ объ успѣхѣ „Финансоваго Управленія" (оно разошлось въ 80.000 экземплярахъ),—этого „единственнаго классическаго сочиненія во Франціи по вопросамъ администраціи", этого „плана финансовыхъ реформъ, усвоенныхъ Конституантой". Особенно высоко ставитъ она „Революцію" и „Администрацію" Неккера—сочиненія, которыя Байейль называетъ „путеводителями" г-жи Сталь въ ея собственной „Революціи". Въ первомъ изъ этихъ сочиненій „всѣ вопросы взяты такъ глубоко, что, читая его, почти теряешь смѣлость писать", а за второе Сталь называетъ Неккера „Фенелономъ политики". Но верхъ совершенства—„Исполнительная власть", „признанная мыслителями классическимъ произведеніемъ". Здѣсь-то, подъ видомъ критики Конституанты, заключены важные совѣты политикамъ и предсказанія. Сталь свидѣтельствуетъ о 12-ти тезисахъ книги: „это общественное евангеліе воскресло почти цѣликомъ въ сентуанской деклараціи Людовика XVIII и потомъ въ другомъ актѣ: съ 27 декабря 1788 года по 8 іюля 1815-го вотъ чего желали французы, когда они могли желать!" „Исполнительная власть", написанная въ духѣ извѣстнаго сочиненія Борка о революціи, только-что вышедшаго тогда, стала дѣйствительно руководителемъ доктринаризма и главнымъ путеводителемъ г-жи Сталь, которая, впрочемъ, такъ

же мало ссылается на отца, какъ и на ихъ общаго учителя, Монтескьё.

Къ предшественникамъ Сталь должно отнести еще одного ея старшаго современника, такъ какъ онъ уже въ 1793 году написалъ сочиненіе объ одной изъ главныхъ ея темъ,—о прогрессѣ (сочиненіе, которое было опубликовано послѣ его смерти, въ 1795 г.). Это — Кондорсé, знавшій ее въ началѣ революціи. Онъ спасъ тогда, по ея собственному признанію, двухъ ея пріятелей отъ гильотины. Подъ его невозмутимой внѣшностью таилась пылкая душа республиканца. Д'Аламберъ называлъ его „вулканомъ, покрытымъ снѣгомъ". Сталь знала объ его „Прогрессѣ": „когда,—говоритъ она,—Кондорсé подвергся опалѣ, онъ написалъ объ усовершенствованіи человѣческаго ума книгу, въ которой есть, конечно, ошибки, но которая, въ общемъ, проникнута надеждой на счастье людей; и онъ питалъ эту надежду въ ту самую минуту, когда его собственная судьба погибала безвозвратно". Но Сталь не любила этого мученика идеи, хотя признавала его „знаменитымъ во многихъ отношеніяхъ, неоспоримо весьма просвѣщеннымъ и умершимъ какъ мученикъ". Его „характеръ отличается духомъ партіи". Онъ обязанъ своею ролью больше „своимъ страстямъ, чѣмъ своимъ мыслямъ; онъ былъ безбожникъ, точно такъ же, какъ священники были фанатичны; онъ отличался ненавистью и упорствомъ". Это не мѣшало г-жѣ Сталь заимствовать у него основную идею, сдѣлавъ изъ нея новое приложеніе. Идея „Прогресса" Кондорсé—та же душа XVIII-го вѣка: это—вѣра въ безконечное развитіе разума, ясно выразившаяся уже въ Тюрго.

II.

Что̀ же представляла собой сама г-жа Сталь, съ точки зрѣнія соціологіи? Постараемся уловить сначала въ ея сочиненіяхъ основы ея политическихъ воззрѣній, а потомъ разсмотримъ подробно тѣ вопросы, которые занимали ее преимущественно.

Несомнѣнно, что г-жѣ Сталь представлялся обликъ будущей соціологіи, хотя еще въ смутномъ и отрывочномъ видѣ. Читая нѣкоторыя строки, думаешь, что читаешь Конта, Спенсера, Бокля и т. п. Она не только понимала научныя требованія вообще, но и прямо высказывалась о „политической наукѣ", и даже съ приложеніемъ къ ней математическаго метода. Характеризуя Людовика XVI, она говорила: „Но всѣ его промахи до того были въ природѣ

обстоятельствъ, что они возобновлялись бы каждый разъ, какъ только образовывались бы подобныя же внѣшнія обстоятельства". Она предвѣщала Наполеона и реставрацію и подходила близко къ пониманію политической будущности Швейцаріи, Даніи и Италіи; она предчувствовала великую будущность Россіи и Сѣверной Америки; она первая подмѣтила недостатки Нѣмецкаго Союза, устроеннаго передъ ея смертью (въ 1816 году). Оттого-то Сталь не только признаетъ предсказанія въ исторіи, но выставляетъ ихъ какъ заслугу. Мы видѣли, какъ рѣшительно она признаетъ отцомъ новой науки того Монтескьё, который сказалъ знаменитыя слова: „Разумъ состоитъ въ познаваніи сходства между различными предметами и различія между предметами подобными". И передъ этимъ научнымъ умомъ, у котораго всегда „наблюденія предшествовали теоріямъ", становился фантазёромъ Руссо, разсуждавшій въ противоположную сторону. Оттого она и отъ историковъ требуетъ „не одного собранія именъ", но и обобщеній, а также „изгнанія изъ исторіи всякихъ вымысловъ". Мало того,—подобно тому, какъ она пользовалась уже извѣстнымъ терминомъ для обозначенія прогресса, у нея есть свой терминъ и для соціологіи: это — „общественное искусство" (l'art social). Она даже какъ бы раздѣляетъ двѣ части новой науки, говоря то объ „основахъ" (principes), то о „приложеніи" (application) этого искусства. Прибавимъ, что, отдавая дань духу времени, она особенно интересовалась второю частью: у нея—больше политическіе совѣты, чѣмъ выводы историческихъ законовъ; она думаетъ больше о томъ, какъ должно идти въ будущемъ, чѣмъ о томъ, какъ шли въ прошломъ.

У Сталь есть уже элементы этого „общественнаго искусства", весьма любопытные для того времени. Быть можетъ, нигдѣ лучше не высказывается борьба двухъ эпохъ, на порогѣ которыхъ она стояла. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ XVIII-мъ вѣкомъ, сила котораго ясна въ признаніи науки и ея метода. Понятно, что, несмотря ни на что, г-жѣ Сталь должна была броситься въ глаза *закономѣрность* въ исторіи. Человѣкъ, который могъ, хотя бы повторяя Кондорсé, сказать, что теорія вѣроятностей примѣнима и къ человѣческимъ дѣйствіямъ, естественно долженъ былъ видѣть въ жизни народовъ не игру случая или личнаго произвола, а непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. У г-жи Сталь мы нерѣдко наталкиваемся на такія глубокомысленныя научныя положенія: „Правительства, по большей части,—плодъ времени и событій: и часто познаніе ихъ природы и сущности не предшествовало, а слѣдовало за ихъ установленіемъ... Тотъ не можетъ

относиться къ междоусобіямъ какъ мыслитель, кто не знаетъ, что реакція всегда равна акціи... Когда дѣло касается политическихъ убѣжденій, намъ трудно высказать справедливое сужденіе объ отдѣльномъ человѣкѣ: каково же судить цѣлую націю?" Замѣчательнѣе всего, что Сталь подводила подъ законъ даже такой „хаосъ", какъ революціи вообще и „ужасы" 1793 г. въ частности. Эпиграфомъ къ ея „Революціи" служатъ знаменательныя слова: „Революціи въ большихъ государствахъ—вовсе не дѣло случая или каприза народовъ". Даже въ ихъ ходѣ господствуетъ правильность: „въ революціяхъ есть неизбѣжные періоды, какъ въ болѣзненныхъ кризисахъ человѣческаго тѣла". Революціи необходимы, чтò особенно слѣдуетъ помнить такимъ деспотическимъ государствамъ, какъ Австрія того времени, по поводу которой Сталь сказала: „Сладкій сонъ обманчивъ; онъ можетъ быть нарушенъ великими потрясеніями". Сталь убѣждена, что народныя волненія всегда связáны съ „естественными чувствами". Отсюда выводъ: „Если правительство какой-нибудь страны не хочетъ принимать участія въ ходѣ вещей, оно необходимо будетъ сломлено имъ. Неужели нужно доказывать, что нынѣшнія формы правительствъ должны согласоваться съ требованіями настоящаго поколѣнія, а не поколѣній вымершихъ? Неужели нужно доказывать, что государственный человѣкъ долженъ черпать свои правила не въ мракѣ древности, а, обладая геніемъ и твердостью Питта, долженъ знать, гдѣ сила, куда направляется общественное мнѣніе, гдѣ можно найти точку опоры, чтобы дѣйствовать на свободѣ? Вѣдь, безъ народа ничего нельзя сдѣлать, а съ нимъ все доступно, за исключеніемъ того, чтò унижаетъ его. Послѣдняя грустная цѣль достигается только штыками".

И революція 1789 года была неизбѣжнымъ плодомъ обстоятельствъ. Упомянувъ въ своихъ „Страстяхъ" о томъ, что она была полна проявленій людской суетности, Сталь поспѣшила оговориться такъ: „Но я не назову суетностью то движеніе, которое заставило 24.000,000 людей сбросить съ себя привилегіи двухъ сотъ тысячъ: это—возсталъ разумъ, это—природа снова поднялась до своего уровня". Въ другой разъ, обмолвившись насчетъ „преступленій и злодѣяній", Сталь тотчасъ же поправляется. Она сравниваетъ Людовика XVI съ Карломъ I, въ доказательство, что перваго погубили вовсе не слабость характера и уступчивость революціоннымъ принципамъ. Ужъ не Карлъ I-й ли былъ образцомъ твердаго деспота? Это ли не мастеръ всевозможныхъ мѣръ противъ всякихъ революціонныхъ принциповъ?

А между тѣмъ у него, какъ и у Людовика XVI, дѣло началось одинаково—съ денежныхъ затрудненій „которыя *всегда* ставятъ королей въ зависимость отъ народа"—и кончилось для обоихъ казнью. Нѣтъ, не личными качествами королей объясняются такія преступленія и злодѣянія: они — „плодъ столѣтняго суевѣрія и произвола". Разъ революціи неизбѣжны, то онѣ и благодѣтельны. Даже архи-революція принесла бы пользу, еслибы не повредила „демократическая секта" и деспотизмъ Наполеона: на ряду съ преступленіями, въ теченіе ея развивались большія добродѣтели. Дѣло въ томъ, что „если революціи задерживаютъ развитіе на нѣкоторое время, то лишь съ тѣмъ, чтобы потомъ двинуть его съ удвоенной силой". Впрочемъ, послѣ большого опыта человѣчества, особенно во Франціи, вопросъ о революціяхъ настолько уже сталъ просвѣтляться, что многіе говорили этимъ языкомъ. Укажемъ только на то, что̀ ближе всего касается г-жи Сталь. Самый помянутый выше эпиграфъ къ своей „Революціи" она взяла изъ мемуаровъ Сюлли. Политическій противникъ г-жи Сталь, Байейль, считалъ переворотъ 1789 года столь же „неизбѣжнымъ", какъ „паденіе, когда потеряешь равновѣсіе". Признавая „ошибки власти лишь случайными причинами", онъ видѣлъ „истинную причину революціи въ порочной организаціи власти, въ ея возвратѣ къ старому феодализму,—словомъ, въ ея наклонностяхъ, безусловно противныхъ тому духу, которому она должна бы слѣдовать". Констанъ, въ своей рецензіи на „Революцію" г-жи Сталь, писанной въ 1818 году, принимаетъ ея взглядъ на революцію, стараясь „объяснить" великій переворотъ. Это было тѣмъ болѣе важно съ его стороны, что онъ тутъ же прибавляетъ: „во многихъ моихъ сочиненіяхъ я показалъ, что не люблю самихъ революцій".

Послѣ этого нечего говорить, что обычный ходъ человѣчества подчиненъ извѣстнымъ законамъ. Какъ будто присутствуешь при зарожденіи мыслей Гумбольдта, Дарвина и Бокля, когда читаешь брошенныя мимоходомъ соображенія г-жи Сталь—о значеніи *времени* и *природы* въ процессѣ образованія и развитія націй. Она вполнѣ понимаетъ замѣчательныя слова Монтескьё: „Всякія измѣненія въ законахъ должны производиться медленно, и должно уважать старыя учрежденія". Г-жа Сталь, если забыть ея обычныя противорѣчія, держалась этого принципа въ своихъ сочиненіяхъ. Указывая на мѣры Іосифа II для просвѣщенія „вовсе не приготовленнаго государства", она замѣчаетъ, что ихъ успѣхъ былъ только „минутный". „Послѣ его смерти не осталось ничего изъ его нововведеній (фраза, выкинутая цензурой

Наполеона), потому что только то прочно, что̀ идетъ постепенно". Г-жа Сталь говоритъ также: „Нужно судить о поступкахъ и сочиненіяхъ по времени ихъ появленія". Сталь внимательно слѣдила за успѣхами естествознанія, какъ въ прошломъ, такъ и въ ея время, какъ видно особенно изъ ея „Германіи". Здѣсь ее интересовало все—отъ теоріи миражей Гумбольдта до теоріи цвѣтовъ Гёте. Зарождающаяся геологія возбуждала въ ней „ужасъ передъ безконечностью во всемъ" и вызвала дарвиновскія соображенія о соотвѣтствіи сѣверныхъ животныхъ со снѣгомъ. Ботаника заставляла ее упрекать Руссо за то, что, въ его глазахъ, признать пользу природы для человѣка значило „унизить ее, опозорить созданія Творца". Вся природа связана съ нами: „Провидѣніе все дѣлаетъ для поддержанія нашего существованія и влечетъ насъ ко всему, что̀ нужно для нашего сохраненія". „Высшій духъ! Ты научилъ меня признавать братьевъ въ обитателяхъ лѣсовъ, воздуха и воды!" Эти слова Фауста проникаютъ въ душу г-жи Сталь. И она говоритъ въ „Страстяхъ": „Если бы удалось связать нравственную природу съ физической, всю вселенную—съ одною мыслью, то мы, можно сказать, похитили бы тайну вселенной".

На дѣлѣ эта связь природы съ человѣкомъ видна повсюду. Г-жа Сталь нерѣдко принимала въ разсчетъ вліяніе физической среды на правительства и общества, слѣдуя указаніямъ Монтескьё. Она считала только небольшія государства пригодными для республики и соглашалась съ своимъ отцомъ, что „увеличеніе государства представляетъ большія препятствія свободѣ: слишкомъ большое скопленіе людей и земель потребовало бы деспотизма невиданнаго, болѣе быстраго, тонкаго, электрическаго". По ея мнѣнію, „въ обществѣ, какъ и въ природѣ, существуютъ извѣстные принципы, нарушеніе которыхъ ведетъ къ смутѣ: такъ, три власти лежатъ въ самой сущности вещей,—монархія, аристократія, демократія присутствуютъ во всѣхъ правительствахъ, какъ дѣйствіе, самосохраненіе и возобновленіе въ ходѣ природы". Она отстаивала „естественныя границы", какъ одинъ изъ элементовъ націи, на ряду съ языкомъ и историческими воспоминаніями. Это—преграда завоеваніямъ, которую ставитъ „неизмѣнная природа вещей". Оттого Рейнъ составляетъ „вѣчную преграду для Франціи, Финляндія должна принадлежать Россіи, Норвегія—Швеціи". По поводу деспотизма встрѣчаемъ такую фразу: „Землетрясенія Калабріи, чума Турціи, вѣчные снѣга Россіи и Камчатки, словомъ, всѣ бичи природы,—вотъ истинные союзники системы, которая желала бы остановить развитіе человѣческихъ способностей".

Особенно г-жа Сталь останавливается на такомъ благодарномъ примѣрѣ, какъ Италія: „На югѣ,—говоритъ она,—гдѣ климатъ мягкій, гдѣ легко добываются средства къ пропитанію и люди склонны къ лѣни, правленіе должно быть строгое“. Природа дѣйствуетъ могущественно на характеръ націи: „Избытокъ жары на востокѣ точно такъ же ведетъ къ созерцательности, какъ избытокъ холода на сѣверѣ“.

Сталь неоднократно подходитъ къ вопросу о началѣ *націй*; она понимала всю его важность, а также трудность и неразработанность. Немудрено, что она приводила такое наивное мнѣніе Руссо: „южные языки порождены радостью, а сѣверные—нуждою“, и сама называла языкъ какимъ-то чудомъ. Но она по крайней мѣрѣ выставляла такое соображеніе, что если рѣчь явилась самопроизвольно (spontanément), какъ пища въ природѣ, то дальнѣйшее ея развитіе требовало большихъ усилій ума. Сталь смотрѣла и на поэзію какъ на первобытную способность: „мало-цивилизованная нація всегда начинаетъ со стиховъ; и когда сильная страсть волнуетъ душу, самые простые люди употребляютъ, не думая о томъ, образы и матафоры: они призываютъ къ себѣ на помощь внѣшнюю природу, чтобы выразить то, что̀ происходитъ въ нихъ невыразимаго; простонародье ближе къ поэзіи, чѣмъ свѣтскіе люди“. На-ряду съ этимъ можно поставить ея глубокомысленный взглядъ на національность, какъ на продуктъ не только расы, но, главнымъ образомъ, времени и среды. Сталь умѣла довольно мѣтко схватить характеры нѣмцевъ, итальянцевъ, англичанъ и даже русскихъ. Тѣмъ не менѣе, она не увлекалась національизмомъ, уже начинавшимся при ней, подъ вліяніемъ возстанія Европы противъ Наполеона. Она постоянно указывала на взаимодѣйствіе народовъ и на общеобразовательное значеніе цивилизацій. Она предрекала западнымъ народамъ освобожденіе отъ ихъ недостатковъ и была увѣрена, что даже славяне и русскіе сольются съ остальною Европой и добьются свободы, которой они еще не знали, хотя часто мѣняли правителей.

Таковы отрывочные элементы новой науки у Сталь, которые, если ихъ развить, составятъ чуть ли не всю современную соціологію. Но тотъ сильно ошибся бы, кто подумалъ бы, что она ими руководилась въ своихъ произведеніяхъ. Это—случайно брошенныя зерна, носившіяся въ воздухѣ XVIII-го вѣка, подхваченныя ею и еще не давшія плода у нея самой. Она даже, при всемъ ея вниманіи къ внѣшнимъ условіямъ жизни, упустила изъ виду такую великую сторону общественныхъ явленій, какъ *экономическія отношенія*. Она нигдѣ не упоминаетъ о нихъ, ни

по поводу формъ правительства, ни по поводу умственнаго развитія человѣчества. Замѣчательно, что эта писательница, которая лично принимала такое дѣятельное участіе въ политикѣ директоріи, ни словомъ не обмолвилась о Бабёфѣ. Если, по поводу якобинцевъ, она и затрогивала мимоходомъ имущественные вопросы, то, какъ увидимъ ниже, лишь для огульнаго ихъ порицанія съ точки зрѣнія извѣстной политической партіи. Душой ея воззрѣній была другая идея XVIII-го вѣка, которая болѣе подходила къ духу начала XIX-го вѣка: это—*господство идей*. Мы уже знаемъ, что эта тема была поставлена г-жею де-Сталь въ основу ея системы усовершенствованія. Можно бы подобрать много мѣстъ, изъ разныхъ ея сочиненій и особенно изъ „Революціи", гдѣ видно, до какой наивности она иногда руководилась этимъ путеводителемъ: у нея и порабощеніе аѳинской республики объясняется „злоупотребленіемъ комедіи, этимъ безпорядочнымъ пристрастіемъ къ шуткамъ, которое каждый день возбуждало потребность забавляться". У г-жи Сталь вся философія служитъ средствомъ увеличить „счастье народовъ", т.-е. улучшить нравы и политическія учрежденія; и государствомъ должны управлять философы. Тутъ она доказываетъ пользу такого соединенія философіи съ политикой на примѣрѣ Англіи и вредъ разъединенія— на примѣрѣ Германіи. Разбирая исторію Франціи, г-жа Сталь твердитъ, что не только народъ, но и его вожди,—не болѣе, какъ орудіе господствующихъ идей. Такъ Неккеръ прославлялся лишь до тѣхъ поръ, пока шелъ за-одно съ убѣжденіями народа, и палъ, какъ только отступился отъ народа, ставшаго „узурпаторомъ". То же случилось съ Лафайетомъ, Дюмурье и другими. Самъ Робеспьеръ имѣлъ значеніе лишь какъ олицетвореніе идей террора; онъ съумѣлъ устроить себѣ „тронъ изъ эшафота", но занималъ его лишь какъ палачъ. Какъ только замѣтили, что онъ отступаетъ отъ своей роли, выдвигая свою личность, народъ возмутился противъ него.

Понятно то огромное значеніе, которое Сталь приписываетъ *правительствамъ*, примыкая тутъ къ энциклопедистамъ. По ея мнѣнію, какъ разумъ дѣйствуетъ на личность, такъ правительство должно дѣйствовать на народы; какъ отдѣльный человѣкъ долженъ своею волею и энергіей подавлять въ себѣ страсти, такъ правительство должно воспитывать народъ въ томъ же направленіи. „Единственная задача конституціи, это—пониманіе, до какой степени можно возбуждать или подавлять страсти, не нарушая общественнаго счастья". Вся книга о „Страстяхъ" была лишь половиною задуманной работы: во второй части Сталь хо-

тѣла написать о вліяніи страстей на народы. Въ сохранившемся краткомъ наброскѣ этой части мы видимъ убѣжденіе Сталь, что, быть можетъ, прослѣдивъ исторію, мы придемъ къ заключенію, что націи воспитываются правительствомъ, какъ дѣти — отцовскимъ авторитетомъ. „Правительства создаютъ характеръ націй. Это до того важно, что въ Италіи предъ вами замѣчательная разница въ нравахъ въ различныхъ государствахъ, изъ которыхъ она состоитъ... Южные народы легче измѣняются учрежденіями, чѣмъ сѣверные".

Такое понятіе о всемогуществѣ правительства мыслимо лишь при признаніи великаго значенія *личности* въ исторіи. Послѣднее — одна изъ любимыхъ мыслей г-жи Сталь. Она глубоко вѣровала въ свободу воли. Прибавимъ, что высшей ироніей относительно Наполеона было у нея выраженіе: „въ царствованіе Бонапарта метафизическій вопросъ о свободѣ воли человѣка сталъ совсѣмъ празднымъ". Отсюда—то благоговѣніе къ *генію* (любимое слово того времени для обозначенія великихъ людей), которымъ проникнуты всѣ ея сочиненія. По мѣткому замѣчанію Сентъ-Бёва, этимъ отчасти объясняется ея изумительная любовь къ своему отцу. Можно сказать, что Сталь—одна изъ первыхъ жрицъ „поклоненія героямъ" (heroworship,—Карлейля). „Когда націи,—говоритъ она,—начинаютъ играть роль въ политическихъ дѣлахъ, всѣ эти салонные умы оказываются ниже требованій обстоятельствъ: тогда нужны люди съ принципами; только они идутъ твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ; только люди съ великимъ характеромъ и душой, видимые издали, какъ Минерва Фидія, могутъ дѣйствовать на массы". Геній, это—тотъ, „кто обладаетъ творчествомъ въ мысляхъ и въ слогѣ". Это — какое-то божество. Онъ окруженъ „благоговѣніемъ, какимъ-то фанатизмомъ, требующимъ чудесъ". „Успѣхъ—его торжество... Толпа предается естественнымъ, самопроизвольнымъ движеніямъ, подчиненнымъ вліянію воображенія. Смѣшное разрушаетъ въ ея глазахъ блескъ добродѣтели; подозрѣніе вселяетъ въ нее страхъ, чрезмѣрныя обѣщанія увлекаютъ ее больше, чѣмъ разумныя услуги; жалобы отдѣльнаго человѣка волнуютъ ее больше, чѣмъ молчаливая признательность многихъ. Наконецъ, толпа подвижна, такъ какъ она страстна, и страстна потому, что люди въ массѣ затрогиваются этимъ электрическимъ токомъ и руководятся лишь своими чувствами. Оттого-то конечный результатъ есть слѣдствіе не разсужденій отдѣльнаго лица, а общаго толчка. А этотъ толчокъ дается самою экзальтированною личностью... Геній, во многихъ отношеніяхъ, популяренъ, т.-е. у него есть точки соприкос-

новенія съ чувствами большинства". Сталь говоритъ про Руссо: „Въ силу своего превосходства, это—словно сумасшедшій; но онъ не былъ сумасшедшій". Вотъ истинные намеки на теорію Тарда и Ломброзо. Но можно встрѣтить и г-на Нитцше. Мефистофель вводитъ Фауста въ общество молодежи разныхъ классовъ и подчиняетъ себѣ всѣ, встрѣчающіеся тутъ, умы ошеломленіемъ, неожиданностями и презрительностью въ своихъ словахъ и поступкахъ. И Сталь прибавляетъ: „Вѣдь, большинство обыкновенныхъ людей тѣмъ больше почитаетъ высшій умъ, чѣмъ меньше онъ заботится о нихъ; тайный инстинктъ подсказываетъ имъ, что кто презираетъ ихъ, у того вѣрный взглядъ". Цѣлая глава „О славолюбіи", въ „Страстяхъ", чрезвычайно интересна именно съ этой точки зрѣнія. Смыслъ ея въ слѣдующихъ словахъ: „На пути къ славѣ совершаются самыя благородныя дѣла; и родъ человѣческій остался бы безъ благодѣтелей, еслибы не было этого возвышеннаго соревнованія". Оттого-то „не должно отнимать у великихъ душъ ихъ стремленія къ славѣ, а у народовъ—чувства благоговѣнія... Слава великихъ людей—достояніе свободной страны: послѣ ихъ смерти весь народъ наслѣдуетъ ее. Любовь къ отечеству состоитъ лишь изъ воспоминаній". И, при всей своей ненависти къ Наполеону, Сталь презирала его измѣнниковъ, жалѣла его при паденіи и говорила: „Бонапартъ не человѣкъ только, но система; и еслибы онъ былъ правъ, человѣческій родъ былъ бы не тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ; слѣдовательно, его нужно изучать, какъ великую задачу, рѣшеніе которой важно для мысли во всѣ вѣка". Послѣ этого становится особенно понятнымъ тотъ аристократизмъ, то преклоненіе г-жи Сталь передъ историческими фамиліями, съ которымъ мы познакомимся ниже. Нельзя не видѣть связи съ героепоклонствомъ въ стремленіи г-жи Сталь всегда защищать избранное „меньшинство" или „побѣжденныхъ",—чувство, за которое ей не мало доставалось отъ людей противныхъ партій.

Повторяемъ, нельзя понимать г-жу Сталь безъ героепоклонства, такъ тѣсно связаннаго съ ея философскими аксіомами. Но напомнимъ, что и тотъ также не пойметъ г-жи Сталь, кто забудетъ о присущихъ ей противорѣчіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ своей „Литературы", г-жа Сталь проситъ не забывать принципа, „поставленнаго въ началѣ этого сочиненія". А этотъ принципъ—слѣдующій. „Самый замѣчательный геній въ состояніи подняться надъ уровнемъ просвѣщенія своего вѣка лишь на небольшую высоту". А въ „Германіи" говорится: „Но какъ уклониться отъ вліянія своего времени? И гдѣ человѣкъ, даже ге-

ніальный, который не былъ бы плодомъ своего вѣка во многихъ отношеніяхъ?“ Въ другихъ мѣстахъ читаемъ: „Геніальные люди, повидимому, творятъ природу вещей, но въ сущности они обладаютъ искусствомъ овладѣвать ею первыми... Истина—вотъ печать божества: генію приписываютъ слово *изобрѣтеніе* (invention), между тѣмъ какъ вся его слава творца заключается въ томъ, что онъ очерчиваетъ, объединяетъ, вскрываетъ то, что̀ есть“. Вспомнимъ, какъ Сталь изображаетъ вездѣ дѣятелей лишь орудіемъ идей. А вотъ и нѣсколько примѣровъ. „Гомеръ, при всемъ его величіи, не былъ ни выше всѣхъ другихъ людей, ни единственнымъ человѣкомъ своего вѣка“. Фридрихъ Великій служитъ образцомъ того, что личность можетъ заставить противоположные элементы идти вмѣстѣ, „но по ея смерти они разъединяются“ (фраза, выкинутая цензурой Наполеона). Сталь прибавляетъ: „Судьба Пруссіи отлично показываетъ, что̀ такое вліяніе даже великаго человѣка, — если онъ не работаетъ великодушно надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя ненужнымъ: нація возложила на него все свое существованіе и, казалось, должна была скончаться вмѣстѣ съ нимъ“. Но самымъ предательскимъ примѣромъ служитъ Неккеръ. Съ одной стороны, это — всемогущій геній. Г-жа Сталь согласна съ нимъ въ томъ, что дай ему лишнихъ 15 мѣсяцевъ и помоги ему высшіе классы—и онъ вышелъ бы побѣдителемъ изъ „борьбы съ духомъ времени“; она увѣрена, что „его мудрость была единственнымъ средствомъ задержать и предупредить политическій кризисъ“. А на-ряду съ этимъ говорится, что самый сильный человѣкъ не можетъ идти противъ духа времени.

Личность была необходима для Сталь, чтобы спасти ея задушевныя вѣрованія,—ея „добродѣтель“ и „энтузіазмъ“. На личномъ элементѣ, только на самоусовершенствованіи основывается ея нравственность: „Мнѣ кажется невозможнымъ,—говоритъ она,—отдѣлить потребность общественнаго усовершенствованія отъ желанія улучшить себя самого... И политика—священное дѣло, такъ какъ она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ пружины, которыя дѣйствуютъ на людей въ массѣ и приближаютъ ихъ къ добродѣтели или удаляютъ ихъ отъ нея“. Она твердо руководится мыслью, которой не могъ раздѣлять вполнѣ даже ея пріятель, Констанъ, находившійся подъ ея вліяніемъ: „Я,—говорилъ онъ,—также вѣрю въ усовершенствованіе, но не настолько въ индивидуальномъ смыслѣ; вѣка ведутъ къ нему, но каждая отдѣльная личность содѣйствуетъ ему лишь въ незамѣтной степени“. Указывая своимъ соотечественникамъ на примѣръ Англіи,

Сталь говоритъ: „Только основанная на критикѣ религія, народное образованіе, свобода выборовъ и печати,—вотъ настоящіе источники усовершенствованія".

Свобода! Здѣсь мы подошли къ знамени „великой революціи". Это—первый изъ трехъ принциповъ конца XVIII-го вѣка,—принципъ, составлявшій, собственно, душу г-жи Сталь, какъ теоретика и какъ практическаго политическаго дѣятеля.

III.

Монтескьё говоритъ: „*Свобода* есть право дѣлать то, что дозволяютъ законы; вѣдь, еслибы гражданинъ могъ дѣлать то, что̀ они запрещаютъ, то̀ не было бы свободы, такъ какъ другіе имѣли бы ту же власть". Констанъ считалъ это опредѣленіе невѣрнымъ, видя въ немъ не самую свободу, а только ея „гарантію": вѣдь фраза Монтескьё „не объясняетъ, что̀ законы въ правѣ или не въ правѣ запрещать; законы могутъ запрещать столько, что не останется никакой свободы".

Г-жа Сталь положила мнѣніе своего учителя въ основу своего взгляда на свободу, но расширила его. Свобода была, въ ея глазахъ, чѣмъ-то врожденнымъ, какъ бы одною изъ нравственныхъ аксіомъ. „Принципы свободы,—говоритъ она,—начертаны въ сердцѣ человѣка, и такъ, что если исторія всѣхъ правительствъ есть усиліе власти насильничать, то она представляетъ также картину борьбы народовъ противъ этихъ усилій... Мы чувствуемъ въ насъ самихъ сознаніе свободы, точно также какъ сознаніе нравственности; никто не признается въ томъ, что онъ желаетъ рабства, безъ краски стыда на лицѣ... Всѣ страны, всѣ люди способны къ свободѣ, въ силу различныхъ своихъ качествъ; и всѣ достигаютъ или достигнутъ ея, каждый своимъ способомъ... Свобода не полагаетъ никакихъ различій между людьми, кромѣ связанныхъ съ ихъ природою". Оттого-то свобода стара, какъ человѣческій міръ. Сталь не разъ повторяла эту фразу, которая надѣлала не мало шума и заставитъ задуматься соціолога нашихъ дней. „Думаю,—заявляетъ она,—что я доказала, что въ Европѣ, какъ и во Франціи, свобода стара, новъ деспотизмъ, и что защитники народныхъ правъ, которыхъ принято называть нововводителями, всегда призывали прошлое. А еслибы эта истина не была очевидна, то стала бы еще болѣе настоятельною необходимость начать царство справедливости, пока еще не имѣвшей силы".

При такой широкой точкѣ зрѣнія, свобода должна проникать во всѣ стороны жизни. Эта идея такъ проникаетъ всѣ сочиненія г-жи Сталь, что здѣсь не считаемъ нужнымъ держаться хронологіи. Нечего и говорить о томъ, какъ должна была относиться къ *свободѣ мысли* и *слова* такая жертва деспотизма, какъ Сталь. Ея сочиненія проникнуты духомъ свободы. Читая ее, невольно замѣчаешь, что самая философія увлекаетъ ее отчасти своей безграничной свободой размышлять. Сталь постоянно доказываетъ, насколько свободная форма правленія благотворно дѣйствуетъ на литературу, искусство и вообще на характеръ людей; а „прогрессъ литературы, т.-е. усовершенствованіе искусства думать и выражаться, необходимы для установленія и сохраненія свободы". Она глубоко сожалѣетъ о русскихъ именно съ этой точки зрѣнія, а нѣмцы нравятся ей, прежде всего, за то, что, и по своему климату, и по всему, они предназначены для свободы. „Извѣстная гордость, презрѣніе къ жизни, порождаемыя и самою почвой, и грустью по небу, должны были сдѣлать у нѣмцевъ рабство невыносимымъ... Скандинавская поэзія, воспѣвающая съ такимъ энтузіазмомъ военный духъ, внушала человѣку необыкновенное понятіе объ его индивидуальной силѣ, объ его волѣ, задолго до того, какъ Англія узнала теорію конституцій и выгоды представительныхъ правительствъ". Напротивъ, такія эпохи, какъ вѣкъ Августа и Людовика XIV-го, только то и имѣютъ общаго между собою, что тутъ власть заставляетъ поэтовъ фальшивить, льстить и принижаться. Вообще, „въ націи тогда только можетъ быть характеръ, когда она свободна". Слѣдствіе не можетъ быть раньше причины: народъ не можетъ до свободы обладать качествами, пріобрѣтаемыми только свободой. Первое достоинство народа, это — энергія противъ произвола правительствъ. Понятно, что особенно часто приходилось г-жѣ Сталь высказываться противъ цензуры. Наиболѣе полно высказаны ея доводы въ слѣдующихъ словахъ: „Одинъ изъ самыхъ мощныхъ умовъ въ Германіи, Лессингъ, постоянно нападалъ, со всей силой своей логики, на слѣдующее правило, которое такъ любятъ повторять: *„есть опасныя истины"*. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя личности подвержены крайнему самомнѣнію, приписывая себѣ право скрывать истину отъ себѣ подобныхъ и преимущество становиться, какъ Александръ передъ Діогеномъ, въ такое положеніе, чтобы скрадывать лучи солнца, принадлежащаго всѣмъ равно. Это мнимое благоразуміе—не что иное, какъ шарлатанское ученіе: хотятъ поддѣть мысли, чтобы лучше поработить людей. Истина—дѣло Божье; ложь—дѣло человѣка.

Изучайте тѣ времена, когда боялись истины,—и вы всегда увидите, что тутъ частная выгода боролась тѣмъ или другимъ способомъ противъ всеобщаго стремленія. Изысканіе истины—самое благородное занятіе, и обнародованіе его—есть долгъ. Въ этомъ изысканіи нѣтъ ничего опаснаго ни для религіи, ни для общества: оно искренно. Въ противномъ случаѣ, не истина, а ложь причиняетъ зло... Предложить людямъ не говорить другъ другу то, что̀ они думаютъ, значитъ просто, что̀ называется, хранить тайну полишинеля. Если не знаютъ чего-нибудь, то лишь потому, что не догадываются, что не знаютъ; а какъ только приказываютъ молчать,—значитъ, кто-нибудь сказалъ слово, и хотятъ унижать разумъ, чтобы заглушить мысли, возбужденныя этимъ словомъ... Неудобно пропускать мнѣнія и познанія лишь на половину... Вѣдь, проходятъ обыкновенно самыя дурныя сочиненія; запрещеніе ложится всей своей тяжестью на философскія сочиненія, которыя возвышаютъ душу и расширяютъ мысль; оно именно ведетъ только къ потворству умственной лѣни, а вовсе не къ невинности сердца.. Правительство не можетъ воображать, будто ему удастся лишить великую націю знакомства съ духомъ своего вѣка. Въ этомъ духѣ кроются задатки силы и величія, которыми можно пользоваться съ успѣхомъ, если не бояться смѣло касаться всякихъ вопросовъ: тутъ въ вѣчныхъ истинахъ найдутся средства противъ преходящихъ заблужденій, и самая свобода окажется опорой порядка и источникомъ власти".

Точно такъ же смотрѣла Сталь и на необходимость *свободы совѣсти*. Она говоритъ: „Многіе негодуютъ на религіозныя или философскія секты и называютъ ихъ сумасбродствомъ, даже опаснымъ сумасбродствомъ! Мнѣ кажется, что самыя заблужденія ума менѣе опасны, для спокойствія и нравственности людей, чѣмъ отсутствіе мысли... Тотъ совсѣмъ плохо знаетъ христіанство, т.-е. откровеніе нравственныхъ законовъ и вселенной, кто рекомендуетъ желающимъ вѣровать—невѣжество, тайну и мракъ". Въ христіанствѣ Сталь отдавала предпочтеніе протестантизму, какъ вѣроисповѣданію, которое допускаетъ критику и способствуетъ свободѣ просвѣщенія и всему передовому. Она и тутъ слѣдуетъ Монтескьё, который находитъ, что протестантизмъ, лишенный вождя, утвердился на сѣверѣ, среди народовъ болѣе независимыхъ, и что вообще онъ подходитъ къ свободнымъ странамъ точно такъ же, какъ католицизмъ—къ правительствамъ деспотическимъ. Наконецъ, любопытно, что Сталь мечтала для Италіи о томъ, что̀ стало теперь оффиціальной формулой,—свободная церковь въ свободномъ государствѣ.

Сталь оставалась вѣрной себѣ и при разсужденіяхъ, правда слишкомъ рѣдкихъ, объ экономической сторонѣ жизни. Довольно ея взгляда на континентальную систему, чтобы убѣдиться, что она рѣшительно стояла за *свободу торговли*,—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что отецъ ея былъ завзятый протекціонистъ. Она смотритъ на континентальную систему какъ на „гигантскую идею", какъ на „своего рода крестовый походъ Европы противъ Англіи", и называетъ ее прямо „тиранническимъ абсурдомъ". Она прекрасно поняла, что это страшное насиліе только вредило Наполеону и ничуть не помѣшало экономическому процвѣтанію Англіи. „И развѣ вооруженными запрещеніями создаютъ богатства?" спрашиваетъ она. „Нѣтъ, воля монарховъ уже не можетъ направлять промышленныя и торговыя системы націй: нужно предоставить ихъ естественному развитію, лишь помогая ихъ выгодамъ по ихъ собственному желанію. Какъ женщина не привлекаетъ мужчинъ своей ревностью къ соперницѣ, такъ и въ дѣлѣ торговли и промышленности нація можетъ восторжествовать только умѣньемъ привлекать добровольную дань, а не запрещеніемъ конкурренціи". Отсюда — сочувствіе г-жи Сталь вообще къ процвѣтанію колоній и восторженное отношеніе къ такимъ героямъ независимости, какъ Вашингтонъ. Отсюда ея соболѣзнованіе къ сохранившимся еще тогда рабамъ, были ли то русскіе крѣпостные, или нѐгры плантаторовъ.

Конечно, у ученицы Монтескьё, а не Руссо, на первомъ планѣ стояла *свобода политическая*. Съ подробностями этого взгляда мы познакомимся ниже. Теперь же замѣтимъ только, что г-жа Сталь была вполнѣ вѣрна своей привязанности къ свободѣ вообще. Мало того: только здѣсь она отступала отъ своего гораздо болѣе консервативнаго отца; и только здѣсь мы можемъ видѣть обратное явленіе —воздѣйствіе дочери на отца. Мы присоединяемся къ мнѣнію Мишле́: „Безъ своей пылкой дочери, женевскій банкиръ никогда не пошелъ бы такъ далеко по революціонному пути... Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что, подъ вліяніемъ своей дочери, онъ схватился за смѣлый опытъ всеобщей подачи голосовъ". Г-жа Сталь всюду искала и видѣла политическую свободу. Она ставила ее, какъ мы замѣтили выше, въ самомъ началѣ обществъ. Она какъ бы завидовала Аристотелю за то, что онъ жилъ среди греческихъ республикъ. Но древній міръ погибъ оттого, что его разъѣдало рабство, точно также какъ Востокъ палъ жертвой деспотизма. Дальнѣйшій ходъ исторіи представлялся г-жѣ Сталь прогрессомъ, въ смыслѣ увели-

ченія круга освобожденныхъ. Сначала аристократія или высшіе два чина пользовались большою свободою и соперничали съ королемъ; потомъ, если король сталъ усиливаться, то только потому, что опирался на третій чинъ, которому онъ помогалъ освобождаться изъ-подъ гнета феодаловъ. Слѣдовательно, установленію абсолютизма сопутствуетъ паденіе привилегій, т.-е. расширеніе свободы. И если короли стремились подчинить себѣ законодательную власть, зато дальнѣйшій ходъ исторіи состоялъ въ стремленіи народовъ отдѣлить законодательство отъ исполнительной власти, т.-е. принять живое участіе въ управленіи. И все идетъ къ тому, чтобы вездѣ, не исключая и странъ отсталыхъ, водворилось представительное правленіе, эта лучшая гарантія свободы. Вообще, бѣглый обзоръ политической исторіи въ „Революціи" составленъ весьма мѣтко для того времени. Главная его нить положена въ основаніе взглядовъ Гизо и Августина Тьерри на исторію Франціи.

Только въ общихъ выводахъ попадается нерѣдко произвольность у г-жи Сталь. Она, напр., дѣлитъ „философскій ходъ человѣческаго рода" на четыре эры: время героизма, патріотизма, рыцарства и свободы, начавшейся съ реформаціи. И такъ какъ, послѣ Людовика XIV, совсѣмъ угасъ рыцарскій духъ, то „Франція осталась безъ всякаго энтузіазма; а такъ какъ онъ нуженъ всякой націи, чтобы не испортиться и не развалиться, то, безъ сомнѣнія, эта естественная потребность обратила всѣ умы къ свободолюбію съ половины послѣдняго вѣка". Отсюда та неизбѣжность революціи, о которой мы говорили выше. И замѣчательно, что г-жа Сталь, какъ тотчасъ послѣ „ужасовъ и преступленій" революціи, такъ при Наполеонѣ и реставраціи, съ одинаковымъ жаромъ защищала лелѣемую ею свободу. Она говорила: „Потомство оцѣнитъ революцію за ту свободу, которую она обезпечила за Франціей... Если чувствительныя души до того увлекутся невольною и нервною ненавистью къ ужасамъ, которыхъ они были свидѣтелями, что станутъ говорить, будто никто больше и слышать не хочетъ о свободѣ, то мы отвѣтимъ имъ словами современнаго поэта: „не заставляйте свободу заколоть себя, подобно Лукреціи, потому что она была изнасилована". Мы напомнимъ имъ, что Варѳоломеевская ночь не наложила опалы на католицизмъ. Наконецъ, мы скажемъ имъ, что судьба истины не можетъ зависѣть отъ того или другого девиза на знамени людей, и что каждому данъ здравый смыслъ, чтобы судить о вещахъ по ихъ сущности, а не по случайнымъ обстоятельствамъ... Точно также, если память о Людовикѣ XVI и его

семьѣ возбуждаетъ глубокій и душу раздирающій интересъ, то отсюда не слѣдуетъ, что, ради утѣшенія ихъ потомковъ, должно возстановить абсолютизмъ: это значило бы подражать Ахиллесу, который приносилъ рабовъ въ жертву на могилѣ Патрокла. Нація вѣчно существуетъ: она-то никогда не умираетъ; и ни подъ какимъ предлогомъ нельзя отнимать у нея нужныхъ учрежденій. Когда рисуютъ намъ ужасы, учиненные во Франціи, лишь съ тѣмъ негодованіемъ, которое они должны внушать, всякій согласится съ этимъ; но когда изъ этого дѣлаютъ средство для возбужденія ненависти противъ свободы, мы отираемъ слезы, вызванныя невольнымъ сожалѣніемъ".

Легко было бы подобрать у г-жи Сталь много подобныхъ одушевленныхъ словъ, которыя всегда выливались изъ-подъ ея пера, какъ только она касалась этого задушевнаго предмета. Укажемъ только на предсмертныя строки въ „Революціи", которыя справедливо считаются политическимъ завѣщаніемъ г-жи Сталь: это—послѣдняя глава, которая и названа „Любовью къ свободѣ". Здѣсь какъ бы собраны въ одинъ букетъ всѣ цвѣты истиннаго краснорѣчія въ защиту свободы противъ всѣхъ ея враговъ, которые „всюду суть также враги знаній и просвѣщенія". Тутъ достается всѣмъ—и роялистамъ, и якобинцамъ, и либераламъ, терпѣвшимъ иго Бонапарта, и тѣмъ честнымъ, но наивнымъ душамъ, которыя смѣшиваютъ свободу съ преступленіями во имя свободы, что̀ ведетъ къ „развращенію безсмысленному, т.-е. къ послѣдней степени паденія, до которой можетъ дойти человѣческій родъ". Г-жа Сталь спрашиваетъ: неужели оттого, что были атеисты, нужно извѣриться въ христіанство, которое „по истинѣ принесло свободу на землю"? И если въ революціяхъ встрѣчаются люди, „испорченные самимъ же деспотизмомъ", то неужели нужно вычеркнуть изъ исторіи Аристида, Фокіона и Эпаминонда, Регула, Катона и Брута, Телля, Эгмонта и Оранскаго, Сиднея и Росселя? Она кончаетъ такимъ пылкимъ воззваніемъ къ потомству: „Свобода! Будемъ повторять ея имя тѣмъ громче, что люди, которые должны бы произносить его, хоть какъ свое оправданіе, избѣгаютъ его изъ лести. Будемъ повторять его, не опасаясь оскорбить какую-либо почтенную власть: вѣдь, въ немъ все, что̀ мы любимъ, все, что̀ мы уважаемъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ одна свобода движетъ душами... Съ тѣхъ поръ, какъ умственный прогрессъ создалъ націю, что̀ сдѣлаешь съ человѣчествомъ безъ чувства свободы?.. Замѣчательная вещь! На извѣстной глубинѣ мысли, не найдешь среди людей ни одного врага свободы... Изъ конца въ

конецъ міра, друзья свободы соединены между собой просвѣщеніемъ, какъ религіозные люди—общимъ чувствомъ: лучше сказать, просвѣщеніе и чувство одинаково сливаются въ любви къ свободѣ и къ Высшему Существу. Когда дѣло идетъ о торговлѣ неграми, о свободѣ печати, религіозной терпимости, Джефферсонъ думаетъ за-одно съ Лафайетомъ, Лафайетъ за-одно съ Уильберфорсомъ; и тѣ, которыхъ уже нѣтъ, стоятъ также въ рядахъ священной лиги. Разсчетъ ли, низкія ли побужденія виной тому, что такіе возвышенные люди, несмотря на все различіе положеній и странъ, такъ гармонируютъ между собой въ политическихъ убѣжденіяхъ? Правда, нужно просвѣщеніе, чтобы подняться надъ предразсудками. Но должно помнить, что принципы свободы заложены въ душѣ человѣка: они заставляютъ биться сердце точно такъ же, какъ любовь и дружба; они—въ самой природѣ; и они облагораживаютъ характеръ. Кажется, что весь запасъ добродѣтелей и идей образуетъ эту, описанную Гомеромъ, золотую цѣпь, которая, привязывая человѣка къ Небу, освобождаетъ его отъ всѣхъ оковъ тиранніи".

Г-жа Сталь была матерью и однимъ изъ вождей *либерализма*, въ смыслѣ той могучей политической партіи, которая правила цивилизованнымъ міромъ безраздѣльно цѣлые полвѣка и на нашихъ глазахъ ведетъ борьбу съ другими партіями. Какъ обыкновенно бываетъ со всякимъ новымъ явленіемъ, тогда не было только клички этой партіи; но и къ ней г-жа Сталь уже подходила, опять слѣдуя по стопамъ своего отца. Предчувствіемъ этого важнаго слова политики XIX-го вѣка можно считать выраженіе Неккера: „еслибы было два слова для свободы—безграничной и *свободы благоразумной*, это спасло бы всѣхъ отъ многихъ бѣдствій". Г-жа Сталь твердо держалась названія *друзья свободы*, также какъ прогрессъ она неизмѣнно называла „системой усовершенствованія". Иногда она прямо приставляетъ къ этому термину эпитетъ своего отца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій (1795), объясняя Питту нетерпимость эмигрантовъ, она говорила, что ихъ боятся одинаково и „благоразумный другъ свободы (sage ami de la liberté), и бѣшеный убійца Людовика XVI". Тамъ же, восхваляя конституцію 1789 г. и представляя „якобинцевъ и аристократовъ" въ „тайномъ заговорѣ съ цѣлью за-одно уничтожить весь разумный промежутокъ, раздѣляющій ихъ", она прибавляетъ: „Конечно, монархисты-конституціоналисты, униженные, всѣ тѣ, которые, при царствѣ духа партій, ускользаютъ отъ ярости и безсмыслія абсолютныхъ идей, дали бы совѣты болѣе благоразумные и просвѣщенные". Вотъ истинные

друзья свободы, — „эти люди, составляющіе самый отличный классъ націи, по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, по вѣчной твердости убѣжденій". Въ своей „Революціи" она причисляетъ торія, лорда Гарроули (Harrowley), къ „либеральной партіи", по его убѣжденіямъ. Взывая къ англичанамъ о спасеніи конституціи и протестантовъ во Франціи, во время реставраціи, она восклицаетъ: „Вѣдь, друзья свободы—въ то же время и братья англичанъ по религіи!" Бонапартъ, по ея словамъ, выбиралъ своихъ служителей среди аристократовъ и якобинцевъ. „Партія же средняя, друзья свободы, меньше всего нравилась ему, ибо она состояла изъ немногихъ людей во Франціи, имѣвшихъ свои убѣжденія... И эти друзья свободы, конечно, были въ правѣ думать, что нужно дать способностямъ возможность развиваться и что національное представительство—единственное средство обезпечить за гражданами блага, которыя временно можетъ даровать имъ добродѣтельный монархъ". И если г-жа Сталь столько страдала въ жизни, то вотъ ея признаніе: „Я приписываю это тому, что, съ самаго вступленія въ свѣтъ, обстоятельства связали меня съ интересами свободы, которую поддерживали мой отецъ и его друзья".

Если самъ Неккеръ сталъ другомъ свободы не безъ вліянія своей дочери, то еще сильнѣе она воздѣйствовала на самаго близкаго къ ней человѣка, на одного изъ первыхъ въ ряду борцовъ за либерализмъ. Констанъ развивалъ и защищалъ ея основную идею при разныхъ правительствахъ, въ теченіе полувѣка. Его „Курсъ конституціонной политики", составленный въ 1818—1819 годахъ, сталъ учебникомъ либераловъ, особенно съ 1851 года, когда Лабулэ сдѣлалъ его изданіе съ примѣчаніями, которыя заглаживаютъ всѣ пробѣлы и пополняютъ Констана имъ самимъ. Въ то же время выступилъ Гизо, который въ 1807 году очаровалъ Сталь своимъ горячимъ декламированіемъ словъ Шатобріана о томъ, что когда все молчитъ среди рабства, „историку какъ бы поручается месть народовъ". Въ 1834 году Ламартинъ припоминалъ преслѣдованіе тираномъ „двухъ великихъ геніевъ", охранявшихъ свободу,—г-жи Сталь и Шатобріана. Первая казалась ему „геніемъ мужчины въ тѣлѣ женщины", „ходячею революціей, способною и вложить кинжалъ въ руки заговорщиковъ, и поразить себя самоё, чтобы доставить своей душѣ ту свободу, которую ей хотѣлось дать всему міру". Въ глазахъ поэта, то была и Коринна, и Мирабо, и Гракхи, и Катоны — все вмѣстѣ. Онъ говоритъ, по поводу Наполеоновскихъ цензоровъ: „Лохмотья, уцѣлѣвшія отъ ихъ грязныхъ рукъ, утѣшали насъ

въ нашемъ умственномъ униженіи, доносили до нашего слуха и сердца то отдаленное вѣяніе морали, поэзіи и свободы, которымъ мы не могли дышать подъ воздушнымъ колоколомъ рабства и посредственности... Я любилъ этихъ двухъ предтечъ (г-жу Сталь и Шатобріана), которые появились при моемъ вступленіи въ жизнь и утѣшали меня... Они были для насъ какъ два живыхъ протеста противъ угнетенія души и сердца, противъ сухости, низости вѣка; они были пищею нашихъ уединенныхъ очаговъ,— тайнымъ хлѣбомъ нашихъ отверженныхъ душъ. Они возымѣли надъ нами какъ бы семейное право: они были нашей крови, мы—ихъ; и рѣдкій не былъ одолженъ имъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, есть и будетъ". И такъ идетъ эта традиція, черезъ Ройе-Коллара, Кузена и ихъ преемниковъ, вплоть до нашего времени. И невольно вспоминается извѣстная фраза Маколея о необходимости воды, чтобы научиться плавать, — фраза, которая такъ напоминаетъ одну изъ вышеприведенныхъ фразъ г-жи Сталь о свободѣ.

Итакъ, политическая „свобода" — вотъ догматъ, которымъ началась и кончилась революція и который сталъ душой развитія обществъ первой половины XIX-го вѣка. Два другія слова революціоннаго девиза были только намѣчены. *Равенства*, конечно, не было въ жизни. Если это выраженіе употреблялось нерѣдко, то опять въ смыслѣ политической свободы; разумѣлось вообще гражданское право, „равенство передъ закономъ". Отсюда и логическій выводъ, что свобода есть исполненіе законовъ. Но отсюда столь же естественно вытекаетъ остроумный вопросъ Констана: а либеральны ли, справедливы ли самые законы? Вѣдь, новые законы писались третьимъ чиномъ, точно также какъ въ старомъ режимѣ ихъ составляли первые два чина. Могучія волны революціи всколыхнули общество до самаго дна: всплыла на поверхность будущая основа XIX-го вѣка, — экономическій вопросъ, который выдвигалъ четвертый чинъ, а съ нимъ—и новое пониманіе второго слова девиза. Замѣчательно, что даже этотъ новый терминъ мелькаетъ на страницахъ г-жи Сталь. Но она не замѣчала, не хотѣла замѣтить великаго смысла самаго явленія: у нея, какъ мы уже видѣли, нѣтъ ни слова о такомъ фактѣ, какъ заговоръ Бабёфа, совершившійся на ея глазахъ. Впрочемъ, и безъ этого краснорѣчиваго молчанія слишкомъ ясно, какъ она смотрѣла на равенство.

И здѣсь она слѣдуетъ по стопамъ своихъ главныхъ учителей. Монтескьё, какъ умъ холодный и научный, представитель поколѣнія, жившаго чуть не за полвѣка до ужасовъ революціи,

и здѣсь, какъ вездѣ, выставлялъ свои строгія положенія. Онъ говоритъ: „Принципъ демократіи нарушается не только когда утрачивается духъ равенства, но и тогда, когда хватаются за духъ *крайняго равенства*, когда каждому хочется сравняться съ тѣми, которыхъ онъ избираетъ своими начальниками, когда онъ хочетъ все дѣлать самъ... Тогда теряется уваженіе къ сенаторамъ, а слѣдовательно и къ старцамъ; а безъ уваженія къ старцамъ не можетъ быть и уваженія къ отцамъ... Женщины, дѣти, рабы не станутъ никому повиноваться — и прощай нравы, любовь къ порядку,—словомъ, добродѣтель". Отсюда выводъ: „Демократія должна избѣгать двухъ крайностей—духа неравенства, который ведетъ къ аристократіи или къ правленію одного, и духа крайняго равенства, который ведетъ къ деспотизму одного". Въ главѣ о „Духѣ крайняго равенства" Монтескьё пишетъ: „Насколько небо удалено отъ земли, настолько же истинный духъ равенства далекъ отъ духа крайняго неравенства... Въ естественномъ состояніи люди, конечно, рождаются равными, но они не могутъ оставаться таковыми. Общество отнимаетъ его у нихъ, и они снова становятся равными только въ силу законовъ". Другое замѣчательное мѣсто окончательно поясняетъ мысль Монтескьё: „Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ люди отказались отъ своей естественной независимости, чтобы жить подъ политическими законами, точно также они отказались отъ естественной общности имуществъ, чтобы жить подъ гражданскими законами. Первые законы доставили имъ свободу, вторые — собственность... Общественное благо состоитъ въ томъ, чтобы каждый неизмѣнно сохранялъ собственность, которую даютъ ему гражданскіе законы. Оттого-то Цицеронъ доказывалъ, что аграрные законы были пагубны. Вѣдь, гражданская община для того и установлена, чтобы каждый сохранялъ свое имущество. Положимъ же за правило, что общественное благо отнюдь не состоитъ въ томъ, чтобы лишали частное лицо его имущества, или хотя бы урѣзывали малѣйшую часть его какими-нибудь законами или политическимъ уставомъ. Въ этомъ случаѣ должно строго слѣдовать гражданскому закону, который есть палладіумъ собственности".

Та же самая мысль нерѣдко высказывается Неккеромъ, но уже въ новой формѣ. Каждый разъ этотъ сухой, сдержанный человѣкъ приходитъ въ ярость отъ того „равенства", съ которымъ ему приходилось бороться въ жизни, какъ министру стараго режима. Въ то время, когда не было не только слова „соціализмъ", но и термина „либерализмъ", Неккеръ уже отчетливо отдѣлялъ политическую свободу отъ экономическаго ра-

венства и всячески доказывалъ, что между ними такъ же мало общаго, какъ между спасеніемъ и гибелью государства. „Не деспотизмъ правительствъ, а господство собственности ограничиваетъ участь большинства самымъ необходимымъ. Этотъ законъ зависимости почти одинаковъ при всякой политической власти: повсюду плата за работу, не требующую воспитанія, подчинена одной и той же мѣркѣ. Эти начала присущи самой природѣ обществъ; и нельзя допустить ни малѣйшаго нарушенія правъ собственности: иначе — государствомъ овладѣетъ смута. Отсюда вытекаетъ, что не во власти законодателей доставить большинству время, необходимое для долгаго воспитанія". А это окончательно утверждаетъ неравенство. Мысль Руссо о „державномъ народѣ"—абсурдъ, который ведетъ только къ анархіи: и Неккеръ предсказалъ терроръ въ 1792 г. Понятно, что въ 1797 г. онъ могъ говорить еще самоувѣреннѣе. Тогда выходило уже, что Руссо „никогда и не думалъ, чтобы его ученіе было приложимо къ уже образовавшимся обществамъ". Неравенство, какъ непоколебимый законъ „природы и обществъ", который „ставитъ каждаго на свое мѣсто на лѣстницѣ разумныхъ существъ, смотря по его рожденію", доказывалось здѣсь всевозможными доводами. Неккеръ даже не постигалъ, какъ можно признавать его гдѣ-либо. Онъ восклицалъ: „Странное чудачество! Мы, вѣдь, миримся съ неравенствомъ въ красотѣ, умѣ, талантѣ, просвѣщеніи, памяти, предусмотрительности, счастьѣ, воспитаніи, силѣ, здоровьѣ; но мы не хотимъ переносить самаго идеальнаго—превосходства въ рангахъ и превосходства (sic) въ положеніяхъ". А между тѣмъ и „исторія свидѣтельствуетъ, что равенства никогда не было ни въ одномъ политическомъ обществѣ". Такимъ образомъ „въ природѣ вещей, и особенно въ вѣковѣчной сущности общественнаго міра, — чтобы большинство людей было недовольно своимъ состояніемъ". И если отсюда вытекаетъ „хаотическая борьба" за существованіе, то среди нея „раздается дивная гармонія—гармонія неравенствъ: вотъ девизъ вселенной!" Между тѣмъ какъ идеи порядка современны съ идеями собственности, и счастье состоитъ въ „душевномъ спокойствіи, порождаемомъ увѣренностью въ обладаніи плодами своего труда или наслѣдствомъ отцовъ", равенство привело бы только къ „одичанію": оттого „должно особенно остерегаться привлекать къ умозрительнымъ идеямъ людей, предназначенныхъ ихъ положеніемъ къ механическимъ работамъ". Немудрено, что Неккеръ не считалъ нужнымъ требовать грамотности отъ гражданъ: „вѣдь, Карлъ Великій управлялъ недурно, а онъ не умѣлъ писать!" И 600 лѣтъ

спустя, французскіе министры прилагали свои печати къ бумагамъ, за неумѣньемъ подписать свою фамилію. „Умственное образованіе никогда не можетъ стать всеобщимъ преимуществомъ". А такъ какъ, въ силу этого, массы остаются полуживотными, то „падать на колѣни передъ толпой—значитъ унижать достоинство человѣческаго рода"; слѣдуетъ только почитать высшихъ, такъ какъ „неуваженіе къ установленнымъ природою чинамъ есть неуваженіе къ Богу". Наконецъ, не зная, какъ выразить свое презрѣніе къ „метафизическимъ проповѣдникамъ" равенства, Неккеръ обозвалъ ихъ „маленькой шайкой экономистическихъ *доктринеровъ*".

Г-жа Сталь лишь воспроизводитъ мысли отца, иногда даже въ близкихъ выраженіяхъ. И тутъ она сохраняла постоянство, также какъ относительно либерализма. Въ 1795 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ужасовъ террора, она старалась доказать, что „друзья свободы"—именно тѣ люди, которые не признаютъ иного равенства, кромѣ гражданскаго. „Въ глазахъ народа,—писала она,—уничтоженіе аристократіи значитъ не платить феодальныхъ оброковъ, республика—прекращеніе налоговъ. При послѣднемъ возстаніи, на шапкахъ обитателей предмѣстій было написано: „хлѣба и конституція 1793 года". Вотъ какими средствами дѣлаются всѣ народныя революціи... Но всѣ благодѣянія общественнаго порядка проистекаютъ изъ сохраненія собственности; граждане должны не только платить налоги, но и жертвовать отчасти своей естественной свободой... Почти всѣ законы, составляющіе общественный кодексъ, касаются собственности. Не было ли бы странно призывать не-собственниковъ къ защитѣ собственниковъ?.. Скажутъ, что не-собственники, это—большинство націи. Но должно отличать большинство данной минуты отъ постояннаго большинства... Интересъ большинства людей, взятыхъ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній, заключается въ сохраненіи собственности. Отдѣльныя лица пріобрѣтаютъ ее, сохраняютъ, теряютъ, снова находятъ; но общество въ массѣ основано на ней... Много добродѣтелей можно встрѣтить между не-собственниками, но лишь при ихъ пассивномъ положеніи; а какъ только пустить ихъ въ дѣло, всѣ ихъ интересы влекутъ ихъ къ преступленію... Тѣ, которыхъ судьба осуждаетъ на заработокъ куска хлѣба, никогда не выходятъ, по собственному убѣжденію, изъ круга, начертываемаго имъ этимъ трудомъ... Чтобы докончить революцію, нужно найти центръ и общую связь... Этотъ необходимый центръ—собственность, эта связь—личный интересъ... Ужасное правительство преступленій—это господство не-

собственниковъ... Всѣ общественныя конституціи суть республики аристократическія: это—правленіе немногихъ, выдвинутыхъ или рожденіемъ, или выборами... Республиканское правительство, состоящее изъ собственниковъ, не менѣе всякой монархіи заинтересовано въ сдерживаніи не-собственниковъ. Оно должно подходить къ имущимъ, къ желающимъ... Стало быть, оно по необходимости болѣе всякаго другого правительства противно толпѣ, враждебной труду и спокойствію".

Еще сильнѣе выражается г-жа Сталь въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, на которое легъ отпечатокъ пережитыхъ авторомъ ужасовъ. Приведя рѣзкое мѣсто противъ равенства изъ записки своего отца въ защиту титуловъ, г-жа Сталь восклицаетъ: „Главною причиной господства якобинцевъ было дикое опьянѣніе химерическою системой равенства. Въ этой фанатичной политической религіи совмѣщались экзальтированный энтузіазмъ метафизическихъ отвлеченностей съ реальной яростью имущественныхъ выгодъ и честолюбія: то были и догма и грабежъ, и принципъ и гордость". А въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ такую поразительную фразу, впрочемъ опять списанную, почти слово въ слово, у Неккера: „Мысль должна оставаться чуждою людямъ, лишеннымъ правъ, такъ какъ стоитъ только имъ усмотрѣть истину, какъ они тотчасъ станутъ несчастными и тотчасъ же взбунтуются". Не можемъ воздержаться, чтобы и тутъ не показать духа противорѣчія. На той же страницѣ, строкъ черезъ двадцать, по поводу ланкастерской системы обученія, Сталь проговаривается: „Въ странѣ, гдѣ есть огромная столица, большія богатства въ немногихъ рукахъ, дворъ,—словомъ, все, что можетъ содѣйствовать развращенію народа,—требуется время, чтобы просвѣщеніе распространилось и успѣшно боролось съ неудобствами, связанными съ неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ".

Констанъ развивалъ мысли своей пріятельницы, но спокойнѣе, съ болѣе научной строгостью. Онъ „не хотѣлъ упрекать трудящійся классъ, у котораго не меньше патріотизма, чѣмъ въ другихъ классахъ". Онъ находилъ только, что для пользованія правами необходимъ досугъ, доставляющій просвѣщеніе. „А лишь собственность обезпечиваетъ этотъ досугъ, одна собственность дѣлаетъ людей способными пользоваться политическими правами... Неизбѣжная цѣль неимущихъ—пріобрѣтать собственность. Дайте имъ политическія права, и эти права послужатъ источникомъ развращенія и безпорядковъ... Итакъ, собственность необходима равно какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ". Констанъ рѣшительно возсталъ противъ „Общественнаго Договора"

Руссо, „самаго страшнаго споспѣшника всякаго деспотизма“: его многія главы „достойны схоластиковъ XV-го вѣка“. Отвергая, съ другой стороны, и отвлеченныя доказательства въ пользу собственности, онъ съ практической точки зрѣнія находитъ ее „священной, ненарушимой, необходимой“: „Безъ собственности родъ человѣческій жилъ бы въ застоѣ, на самой грубой, дикой ступени своего существованія. Уничтоженіе собственности было бы гибелью для раздѣленія труда, этой основы прогресса въ искусствахъ и наукахъ. Грубое и наслѣдственное равенство положило бы непреодолимую преграду постепенному установленію истиннаго равенства,—равенства счастья и просвѣщенія“.

Все сказанное показываетъ, какъ было еще смутно, неглубоко пониманіе равенства во времена г-жи Сталь. Для тогдашнихъ умовъ яснѣе представлялось третье слово революціоннаго девиза. *Братство* было дѣйствительно однимъ изъ принциповъ просвѣщенія, и не одного французскаго: оно ясно выдвигалось на первый планъ, подъ именемъ то филантропіи, то космополитизма. Оно было на устахъ всѣхъ „чувствительныхъ“ людей, которые вообще легко проливали слезы, былъ ли то тронутый „философіей“ жантильомъ, или якобинецъ. Братства нечего было бояться, такъ какъ оно соотвѣтствовало всеобщимъ и даже матеріальнымъ выгодамъ. Къ тому же, вѣдь, всѣ были христіане; тутъ сходились всѣ классы общества. Братство такъ соотвѣтствовало и начинавшемуся романтизму! Тѣмъ понятнѣе оно было въ такой отъ природы чувствительной душѣ, какъ г-жа Сталь. Эта добрая женщина, вопреки своему воспитанію, иногда смотрѣла на бѣдность не какъ баронесса. Говоря о смерти историка Іоганна Мюллера, она замѣчаетъ: „Бѣдность такого талантливаго человѣка составляетъ почетъ его жизни: одной тысячной доли ума, доставляющаго славу, конечно, довольно, чтобы осуществить всѣ разсчеты жадности. Прекрасно—посвятить свои способности служенію славѣ; всегда чувствуешь уваженіе къ тому, чья дражайшая цѣль—за гробомъ“. Сама г-жа Сталь спасала во время террора людей различныхъ партій и даже своихъ враговъ. Ея личная жизнь складывалась благопріятно для развитія космополитизма. Дочь гостепріимной Швейцаріи, вѣчно кишащей иностранцами, она сама должна была, сверхъ того, странствовать чуть не по всей Европѣ. Она распространила гостепріимство также чуть не на всѣ страны: ея салонъ, это—„убѣжище всѣхъ опальныхъ“ и гостиная-пріютъ для людей всѣхъ странъ и народовъ, и даже противныхъ мнѣній. Это давало ей возможность черпать отовсюду всевозможныя свѣдѣнія.

При ея необыкновенной впечатлительности, это вело даже къ „недостатку единства и послѣдовательности“, какъ вѣрно объясняетъ нѣмецкій профессоръ Шютцъ, знавшій лично эту „весь міръ обнимающую душу“. Другой нѣмецъ, А. В. Шлегель, изумлялся ея „чрезвычайно рѣдкой способности переноситься въ образъ мыслей иностранцевъ и усвоивать его посредствомъ фантазіи“. Оттого-то она восхищалась средними вѣками, увлекаясь особенно космополитизмомъ рыцарства.

Сказаннымъ объясняется то замѣчательное явленіе, что въ эпоху, когда, подъ вліяніемъ войнъ, уже выступалъ націонализмъ, г-жа Сталь была такъ далека отъ шовинизма, омрачающаго Францію даже въ наши дни. Никто не можетъ сомнѣваться въ ея французскомъ патріотизмѣ. Она имѣла полное право сказать о себѣ, что она — болѣе француженка, чѣмъ преслѣдовавшій ее корсиканецъ. Она доказала это и своими поступками, и всѣми своими сочиненіями. А „Десять лѣтъ изгнанія“ совсѣмъ продиктованы наболѣвшимъ отъ изгнанія сердцемъ. Но у г-жи Сталь патріотизмъ принималъ самыя широкія и благородныя формы. „Націи,—говоритъ она,—должны служить другъ другу вожаками, и онѣ дѣлаютъ плохо, когда лишаютъ другъ друга взаимнаго просвѣщенія... Самому умному человѣку не отгадать, что̀ естественно развивается въ душѣ того, кто живетъ на другой почвѣ и дышетъ другимъ воздухомъ. Поэтому хорошо собирать чужія мысли во всѣхъ странахъ; тутъ гостепріимство обогащаетъ хозяина“. Гёте и Шлегель считали г-жу Сталь по нѣкоторымъ чертамъ даже не француженкой; да и она сама, по свойствамъ своей натуры, причисляла себя къ „сѣверянамъ“. Отсюда—космополитическое значеніе ея сочиненій. Своей „Германіей“, открывшей эту „единственную націю, умѣющую чувствовать и думать“, она,—какъ выразился Гёте,—сломала „китайскую стѣну“ между Франціей и Германіей. Она распространяла восхищеніе Англіей, „страной, еще поддерживающей вѣру въ идеалы человѣчества“, а также Америкой, „этимъ необычайнымъ образцомъ федеративной республики“. Она знакомила міръ съ Италіей и даже съ Россіей, набрасывая покровъ сочувствія на раны, которыми страдали тогда эти страны. Замѣчательно, какъ у г-жи Сталь и братство, подобно всѣмъ высшимъ стремленіямъ въ жизни, связывалось съ ея неизбѣжнымъ либерализмомъ. Кажется, чего бы проще для такой религіозной женщины, какъ г-жа Сталь, вывести братство изъ словъ Христа. А между тѣмъ, на той послѣдней страницѣ ея „Революціи“, которую мы называемъ ея завѣщаніемъ, она, соболѣзнуя о погибели свободы

во Францiи, восклицаетъ: „На чемъ же вы станете основывать братство человѣческихъ обществъ, когда въ сердцахъ не будетъ энтузiазма? Кто будетъ гордиться именемъ француза, когда передъ нами свобода разрушена тираннiей, тираннiя сломлена иностранцами? И хоть бы военные лавры были облагорожены завоеванiемъ свободы!“

Послѣдняя фраза—лучшее свидѣтельство братскаго чувства, которымъ всегда была одушевлена г-жа Сталь. Всѣ ея сочиненiя, какъ и вся ея жизнь, проникнуты ненавистью къ насилiю во всякой его формѣ. Нынѣшнiе конгрессы *мира* могли бы начертать на своемъ знамени многiя благородныя слова этой предтечи баронессы Суттнеръ. Уже въ сочиненiи о Руссо мы встрѣчаемъ такiя слова: „Еслибы любовь къ знанiю отвлекала воинственные народы отъ страсти къ оружiю, счастье человѣческаго рода не потеряло бы отъ этого“. Лѣтъ черезъ десять, г-жа Сталь высказала оригинальную мысль о томъ, что даже для славы завоевателя нужно просвѣщенiе: какая же честь побѣждать глупцовъ! „Не знаю, суждено ли могуществу мысли уничтожить когда-нибудь бичъ войны; но пока придетъ этотъ день, все-таки оно же, краснорѣчiе, воображенiе, самая философiя придаютъ значенiе военнымъ подвигамъ“. Тутъ же встрѣчаемъ такiя выраженiя: „Слишкомъ большое влiянiе военнаго духа—одна изъ опасностей для свободныхъ государствъ; и такое бѣдствiе можно предупредить только развитiемъ просвѣщенiя и философскаго духа... Дисциплина подавляетъ всякiя мнѣнiя среди войскъ: тутъ духъ корпорацiи походитъ на духъ священниковъ; здѣсь точно также исключается всякое разсужденiе, такъ какъ единственнымъ правиломъ служитъ воля начальниковъ. Постоянное всемогущество оружiя ведетъ къ презрѣнiю медленныхъ успѣховъ убѣжденiя. Энтузiазмъ, возбуждаемый побѣдоносными генералами, вовсе не связанъ съ справедливостью обороняемаго ими дѣла: тутъ воображенiе поражается рѣшенiемъ судьбы, успѣхами доблести. Побѣдами можно подавить враговъ свободы; но чтобы укоренились въ умахъ принципы этой свободы, для этого нужно искорененiе военнаго духа“. Въ 1812 году, г-жа Сталь писала, сожалѣя о судьбѣ Россiи: „Если бы эта страна могла наслаждаться миромъ, она воспользовалась бы всякаго рода улучшенiями въ благотворное царствованiе Александра I-го. Но вопросъ: при нынѣшней войнѣ, тѣ ли развиваются добродѣтели, которыя служатъ къ возрожденiю народовъ?“ Еще позже, въ своей „Революцiи“, г-жа Сталь горячо возстала противъ милитаризма французской аристократiи. Она доказывала, что порядоч-

ные - люди не станутъ уважать тѣхъ, которые „дерутся только потому, что не хотятъ наполнить свою голову и свое время никакимъ трудомъ. Только невѣжественные народы слѣпо восторгаются саблей". Она допускала военную доблесть только въ томъ случаѣ, когда „гражданинъ становится солдатомъ для охраненія своихъ гражданскихъ правъ", когда свободный народъ, подобно англичанамъ, сражается за свою независимость. Вообще, рѣдко раздавался такой краснорѣчивый гимнъ противъ постоянныхъ армій, какъ слѣдующія слова г-жи Сталь по поводу Наполеона: „Хотятъ сдѣлать изъ солдатъ какую-то корпорацію, которая стояла бы внѣ націи и никогда не могла бы слиться съ нею. И у несчастныхъ народовъ вѣчно были бы два врага— ихъ собственныя войска и арміи иностранцевъ, такъ какъ воинамъ запретили бы всѣ добродѣтели гражданъ... Должно сознаться, и чистосердечно, что линейныя войска—гибельное изобрѣтеніе; еслибы можно было уничтожить ихъ сразу во всей Европѣ, человѣческій родъ сдѣлалъ бы большой шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія общественнаго строя". И ей казалось, что если не перестанутъ воевать, то Европа превратится въ Сахару, а развитіе цивилизаціи перенесется въ Америку.

IV.

Мы исчерпали теорію г-жи Сталь относительно братства и равенства. Но о „свободѣ" остается еще многое сказать. Такъ какъ у нея это слово означаетъ политическое или гражданское развитіе человѣчества, то передъ нами—великая задача о государствѣ и обществѣ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Скажемъ сначала объ общихъ чертахъ государства, какъ онѣ рисовались въ воображеніи г-жи Сталь, чтобы потомъ анализировать, вмѣстѣ съ нею, разныя формы правленія.

Мы уже видѣли, какъ ярко XVIII-й вѣкъ отразился въ томъ мнѣніи г-жи Сталь, что *„все дѣло—въ правительствахъ"*. Все замѣчательное предисловіе къ „Страстямъ" можно считать апологіей силы государства. Тамъ читаемъ: „Въ своемъ превосходномъ сочиненіи объ упадкѣ Рима, Монтескьё разобралъ причины судебъ этой имперіи. Читайте эту книгу и возьмите въ исторіи всѣхъ народовъ событія, бывшія простымъ слѣдствіемъ политическихъ учрежденій,—и вы, быть можетъ, найдете, что всѣ вообще событія проистекаютъ отсюда. Націи воспитываются своими правительствами, какъ дѣти—отцовскою властью... Родъ

человѣческій достигнетъ высшей степени совершенства лишь тогда, когда пріобрѣтетъ настоящее пониманіе политической науки". Г-жа Сталь неоднократно почти повторяетъ такія рѣшительныя положенія своего учителя: „Нравы короля настолько же соотвѣтствуютъ свободѣ, какъ и законы: онъ можетъ, какъ и эти послѣдніе, сдѣлать изъ звѣрей людей, и изъ людей—звѣрей. Если онъ любитъ свободныя души,—у него будутъ подданные; если же онъ любитъ низкія души,—будутъ рабы. Если онъ желаетъ познать великое искусство правленія, пусть приближаетъ къ себѣ честь и доблесть, пусть взываетъ къ личному достоинству". Г-жа Сталь возлагала большія надежды на личность Людовика XVIII и сказала Александру I, что его характеръ—лучшая конституція. Даже мысль Монтескьё о необходимости почаще, ежегодно смѣнять чиновниковъ, встрѣчаемъ у г-жи Сталь въ такой оригинальной формѣ: „Такъ какъ власть почти всегда портитъ людей, то весьма желательно, чтобы, въ свободной странѣ, одни и тѣ же лица не засиживались на одномъ и томъ же мѣстѣ; было бы хорошо даже мѣнять министровъ лишь ради перемѣны". Сочиненія г-жа Сталь переполнены примѣрами сильнаго вліянія правительства. Въ особенности она любила останавливаться на сравненіи „сѣверныхъ" и „южныхъ". По ея мнѣнію, на Италіи особенно можно было прослѣдить вліяніе формъ правленія, такъ какъ климатъ въ Римѣ теперь такой же, какъ и прежде,—между тѣмъ какая разница между его гражданами этихъ двухъ эпохъ! Причина лежитъ въ раздробленности страны, въ междоусобіяхъ, въ деспотизмѣ мелкихъ правителей; съ другой стороны, феодальная раздробленность Германіи отражалась на всей ея культурѣ. Такой взглядъ тѣмъ болѣе подходилъ къ г-жѣ Сталь, что онъ вполнѣ гармонировалъ съ ея пониманіемъ страстей. „Если,—говоритъ она,—отдѣльныя личности съумѣютъ сокращать свои страсти, то правительственная система упростится до возможности полной независимости гражданъ, какъ въ маленькихъ государствахъ. Но если это—метафизическая теорія, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что чѣмъ больше будутъ работать надъ усмиреніемъ необузданныхъ чувствъ, волнующихъ душу человѣка, тѣмъ менѣе будетъ нужды въ измѣненіи политической свободы. Страсти принуждаютъ жертвовать независимостью для обезпеченія порядка; а все, что̀ клонится къ господству разума, уменьшаетъ необходимость пожертвованія свободой".

Если правительство—Провидѣніе народовъ, зато и *задача* его высока. „Высшій законъ—благо народа",—говоритъ Монтескьё. Г-жа Сталь замѣчаетъ: „Государство должно стараться только объ

одномъ—извлекать средства, чтобы привлекать къ себѣ большинство частныхъ интересовъ; все, что̀ хватаетъ дальше этой цѣли, есть насиліе, которое гнететъ, но не обезпечиваетъ". Отсюда—всеобщая терпимость, сдержанность, умѣренность. А такъ какъ такое требованіе исключаетъ всякую прямолинейность, то г-жа Сталь, вопреки своей приверженности къ аксіомамъ, говоритъ: „Въ политикѣ нѣтъ ни отдѣльно стоящихъ, ни безусловныхъ истинъ". Точно также Неккеръ, считавшій, что мораль и политика тѣсно связаны между собой, проговорился по поводу своей отставки: „Я не замедлилъ раскаяться, и тогда я снова понялъ, что въ частномъ человѣкѣ могутъ встрѣчаться такія добродѣтельныя чувства, примѣненіе которыхъ къ государственному человѣку составляетъ ошибку, и большую ошибку". Въ другой разъ г-жа Сталь сравнила плохого политика съ тѣмъ морякомъ, который направляетъ паруса все въ одну сторону, откуда дуетъ вѣтеръ. Понятна горячность, съ которой возставала она противъ „духа партій". Она посвятила ему, въ „Страстяхъ", одну изъ лучшихъ главъ. Здѣсь „духъ партій" мастерски обрисованъ, какъ „родъ душевнаго бѣшенства, ослѣпленія". Г-жа Сталь прибавляетъ: „Все сказанное о партійности вполнѣ примѣняется къ религіи, когда она впадаетъ въ фанатизмъ, какъ и ко всякому бѣшенству, причиняемому господствомъ одного мнѣнія". Да и что̀ такое политическія учрежденія при господствѣ партій? „Можно ли быть увѣреннымъ, что такое-то событіе или положеніе не измѣнило бы нашего взгляда?"

Немудрено, что поборница прогресса твердо стояла за необходимыя измѣненія въ политикѣ путемъ „благоразумныхъ" *реформъ*. „Только ограниченные умы держатся одного,—учила она: —нѣтъ формы правленія, которой не слѣдовало бы измѣнять по обстоятельствамъ". Да и ничего не сдѣлаешь, когда настанетъ пора: „разъ народъ почувствуетъ потребность въ политической реформѣ, силу этого толчка не остановятъ никакія достоинства государя". Если не удовлетворите этой потребности своевременно, невольно произойдетъ взрывъ. А если станутъ противодѣйствовать, то онъ перегнетъ корабль черезчуръ въ другую сторону и можетъ потопить его. Нѣсколько позже, другъ г-жи Сталь, Б. Констанъ, въ своемъ политическомъ „Курсѣ", писалъ, что „революціи неизбѣжны, когда нарушается согласіе между учрежденіями и идеями"; и такъ какъ „реакція противъ идей ошеломляетъ родъ человѣческій", то „просвѣщенные люди обязаны противиться ей".

Конечно, г-жу Сталь сильно занималъ вопросъ о *равновѣсіи*

властей, который уже волновалъ тогда всѣхъ политиковъ, какъ средство отъ всѣхъ общественныхъ золъ. И этотъ догматъ былъ установленъ учителемъ. У Руссо видимъ единую власть—державность народа, которая предписываетъ всякіе законы: исполнительная власть—лишь вѣтвь законодательной, лишь слуга той же воли. Монтескьё же отдѣлялъ одну власть отъ другой и ставилъ еще, подлѣ нихъ, третью—судебную. Первый заботился о средствахъ, чтобы исполнительная власть не перешла за указанныя ей служебныя границы; второй старался выдвинуть и оградить права этой же власти отъ угнетенія со стороны законодателей. „Если,—говоритъ Монтескьё, – исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпріятія законодательнаго корпуса, послѣдній станетъ деспотическимъ: будучи въ силахъ снабжать себя всевозможною властью, онъ уничтожитъ всѣ другія власти. Исполнительная власть должна находиться въ рукахъ монарха: эта часть правительства, почти всегда требующая немедленнаго дѣйствія, можетъ быть ведена лучше однимъ лицомъ, чѣмъ многими". Неккеръ повторялъ этотъ взглядъ въ своей „Революціи" и въ „Исполнительной Власти" (Pouvoir Exécutif). То же самое говорила г-жа Сталь, желавшая начертать главу Монтескьё о равновѣсіи властей на знамени революціи. „Еслибы исполнительная власть принимала участіе въ составленіи законовъ, неизбѣжно установилось бы единство, на мѣсто смуты", и тогда не было бы бѣдствій революціи, которыя вытекли изъ того, что законодательная власть захватила въ свои руки всю исполнительную. Вотъ въ какомъ смыслѣ должно понимать ту гармонію властей, о которой г-жа Сталь писала Рёдереру въ 1795 году: „Все толкуютъ о раздѣленіи властей, но самая трудная задача партій—ихъ соединеніе. Исполнительная власть, не имѣющая никакого отношенія къ составленію законовъ, есть естественный врагъ тѣхъ, которые даютъ ей предписанія, противныя и ея видамъ, и ея способамъ исполненія: оттого-то почувствовали необходимость дать королю право освященія законовъ... Правда, въ республикѣ нельзя предоставить столько вліянія исполнительной власти; но тогда не слѣдуетъ ли выбирать министровъ изъ членовъ палаты старѣйшинъ?.. Скажутъ, выйдетъ смѣшеніе властей. Но развѣ въ Америкѣ и Англіи происходитъ такое смѣшеніе оттого, что тамъ министры—въ то же время и представители народа? Борьба, столкновеніе властей ведетъ къ захвату одной изъ нихъ со стороны другой: онѣ сохраняются лишь при своемъ соединеніи. Исполнительная власть, не имѣющая никакого отношенія къ законамъ, которымъ она заставляетъ повиноваться,

тотчасъ превратится въ простого служителя; а такое пассивное существованіе воли, съ активнымъ дѣйствіемъ, не удовлетворитъ никого".

Въ то время играло большую роль опредѣленіе разныхъ *формъ правительства*, которыя старались подвести подъ законы, имѣя въ виду даже физическую природу. Здѣсь также былъ свой догматъ, установленный всеобщимъ учителемъ. Извѣстно, что Монтескьё раздѣлялъ правительство на „республиканское, монархическое и деспотическое", причемъ онъ разумѣлъ подъ республикой и аристократію, и демократію, подъ монархіей же—парламентаризмъ, а подъ деспотизмомъ—абсолютизмъ. Г-жа Сталь, равно какъ и Неккеръ, придерживалась того же дѣленія. То же должно сказать относительно другого догмата того времени—о соотвѣтствіи трехъ формъ правленія съ пространствомъ территоріи. Монтескьё училъ: „Въ природѣ республики, чтобы она была небольшая; иначе она не можетъ существовать. Монархическое государство должно быть средней величины. Большая имперія предполагаетъ деспотическую власть". И Монтескьё такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что прибавлялъ: „Отсюда ясно, что для сохраненія принциповъ установленнаго правительства необходимо удерживать государство въ его границахъ, и что духъ этого государства долженъ измѣняться по мѣрѣ съуженія или расширенія границъ". Если уже тогда предвидѣлось сильное возраженіе въ видѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, то Неккеръ поспѣшилъ опровергнуть его указаніемъ на малочисленность населенія и на отсутствіе историческихъ преданій въ заатлантической республикѣ. Въ то же время онъ подтверждалъ правило Монтескьё примѣромъ Франціи при Наполеонѣ, когда, въ силу расширенія границъ, потребовался деспотизмъ. Тѣмъ же правиломъ руководствовалась г-жа Сталь: для нея оно было „истиной до того очевидной, что, кажется, никто искренно не можетъ отвергнуть ее". Она доказывала, что для Россіи деспотизмъ до того необходимъ, что онъ даже кажется не особенно чувствительнымъ, именно вслѣдствіе огромной величины территоріи; конституціонная Англія —образецъ территоріи средней величины, а маленькая Швейцарія—естественно республика. Франція, какъ государство средней величины, конечно, должна быть ограниченной монархіей. Впрочемъ, г-жа Сталь, какъ видно, была не прочь допустить прогрессъ и въ политикѣ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ: „Не слѣдуетъ ли допустить въ исторіи новыхъ большихъ государствъ три совершенно различныя эпохи—феодализмъ, деспотизмъ и представительное правленіе?" Германія находилась, по ея мнѣ-

нію, на первой ступени, Россія—на второй, Франція же и Англія, благодаря своимъ революціямъ, вступили въ третій періодъ. Отчего же было не пойти имъ и дальше! По поводу законодательнаго собранія, она замѣтила, что нельзя переходить прямо отъ абсолютизма къ республикѣ: иначе будутъ насилія; а не можетъ быть прочно то, что̀ достигается заговорами и несправедливостью. Пріятель г-жи Сталь, Констанъ, какъ бы намекаетъ на это. Въ предисловіи къ своимъ „Политическимъ реакціямъ“ онъ говоритъ: „Свобода, порядокъ, счастье народовъ—вотъ цѣль человѣческихъ обществъ, а политическій строй—не болѣе, какъ средство... Между конституціонной монархіей и республикой разница только по формѣ; между конституціонной монархіей и абсолютизмомъ—разница по существу“.

V.

Установивши три формы правленія, оставалось анализировать ихъ. Монтескьё и сдѣлалъ это строго научнымъ образомъ. Онъ опредѣлялъ *республику*, какъ правленіе самого народа въ его цѣломъ или въ извѣстной его части, т.-е. какъ „демократію или аристократію“. По его мнѣнію, въ республикѣ нравы всегда чище, чѣмъ въ монархіи: она легко приноровляется къ христіанству; ея „духъ составляютъ миръ и увѣренность“. Но, несмотря на это и на другія преимущества республики, это—мудреная форма правленія: она пригодна лишь для народовъ значительно развитыхъ, приготовленныхъ къ ней. При всемъ томъ, она непрочна даже въ маленькомъ государствѣ, для котораго республика только и пригодна: она погибаетъ здѣсь отъ иностранной силы. Въ большомъ же государствѣ ее убиваютъ внутренніе пороки. И этому роковому закону подчинены равно всякія республики—хорошія и дурныя, аристократическія и демократическія. Ихъ можетъ спасти одно только средство, при которомъ „всѣ внутреннія выгоды республиканскаго правленія соединяются съ внѣшнею силой монархизма“; это—федерація или соединеніе мелкихъ свободныхъ государствъ въ одно могучее цѣлое. Неккеръ и здѣсь раздѣлялъ взглядъ Монтескьё, но съ оттѣнкомъ, болѣе враждебнымъ республикѣ. Онъ только разъ допускалъ республику для Франціи,—когда боялся возврата террора и считалъ невозможнымъ возстановленіе Бурбоновъ; да и то скрѣпя сердце, вовсе не надѣясь на достиженіе ею добрыхъ результатовъ. Но г-жа Сталь, которая вообще нерѣдко обращала

большое вниманіе на свободныя формы правленія, въ особенности по ихъ вліянію на нравы и литературу, рѣшительно стояла за республику въ 1795 г. Написанное ею тогда сочиненіе о „Внутреннемъ Мирѣ" все посвящено этому предмету. Тамъ она спрашивала: „Какое правительство, какъ не республиканское, наиболѣе благопріятно для развитія таланта? Къ чему личное достоинство въ монархической рутинѣ? Наконецъ, какая же республика не взываетъ для своего утвержденія къ подъему самыхъ высокихъ добродѣтелей?.. Учредите же хорошую республику, какъ единственное средство уничтожить королевскую власть!" И г-жа Сталь была увѣрена, что всѣ лучшіе люди станутъ за республику—не только чистые республиканцы, но и конституціоналисты: „Вѣдь, это одна и та же партія, по своимъ основамъ и по своей цѣли; одни должны пожертвовать демократіей ради общественнаго порядка, другіе—королевской властью для обезпеченія свободы". Вслѣдъ затѣмъ появились „Страсти". Многія страницы ихъ посвящены апологіи республики. Въ главѣ о честолюбіи читаемъ: „Энтузіазмъ къ республикѣ, въ его чистотѣ, есть самое возвышенное чувство, на которое только способенъ человѣкъ". И она умоляла французовъ „исправиться отъ заблужденій революціи, но сохранить истины, которыя влекутъ мыслящую Европу къ основанію свободной и справедливой республики". Она готова была, опять слѣдуя своему отцу, принять *федерацію*, сравнивая нововведенные 85 департаментовъ съ американскими штатами, лишь бы было во Франціи одно законодательство, отъ недостатка котораго страдали янки. Тогда г-жа Сталь съ любовью слѣдила за Америкой, за этимъ „великимъ и просвѣщеннымъ народомъ, у котораго установлены свобода, политическое равенство и нравы, согласные съ этими учрежденіями". Но это былъ единственный республиканскій совѣтъ французамъ. Да и тотъ былъ вынужденъ ужасами, крайностями якобинцевъ и эмигрантовъ. Г-жа Сталь какъ бы выбирала изъ двухъ золъ меньшее. Это ясно изъ всѣхъ послѣдующихъ ея сочиненій. Въ особенности характерно слѣдующее мѣсто въ „Революціи": „Конечно, республиканское правительство и безъ приложенія къ большому государству заслуживаетъ того уваженія, которое оно всегда внушало; но еслибы меня спросили, я бы, безъ сомнѣнія, не посовѣтовала ввести республику во Франціи; но разъ она существовала, я не думала, что ее должно низвергнуть". Здѣсь же г-жа Сталь прямо высказывалась противъ федераціи, почти повторяя слова своего отца: „Она менѣе всего подходитъ къ характеру націи, любящей блескъ и движеніе. Для

того и другого необходимъ городъ, который былъ бы очагомъ талантовъ и богатствъ имперіи". Понятно, что г-жѣ Сталь была невыносима перспектива паденія Парижа. И для Франціи у г-жи Сталь уже сталъ выдвигаться другой законъ учителя— о постепенности въ развитіи государствъ. Она стала указывать на невозможность прямо перейти отъ деспотизма къ республикѣ,—другими словами, на необходимость конституціонной монархіи.

Итакъ, г-жа Сталь въ принципѣ видѣла прогрессъ въ республикѣ, но на дѣлѣ сознавала всю трудность осуществленія его. Если она готова была допустить эту форму правленія даже для большихъ государствъ, то только въ томъ случаѣ, когда иначе нельзя справиться съ *деспотизмомъ*. Именно онъ былъ ея главнымъ врагомъ; съ нимъ она неизмѣнно боролась всю жизнь. Оттого она привѣтствовала начало революціи; оттого она стояла за свободу даже послѣ всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ ненавистными ей сокрушителями общественнаго порядка"; оттого она всѣми силами противилась и сокрушителю этихъ сокрушителей; оттого, наконецъ, она предостерегала, передъ своей смертью, отъ новыхъ ужасовъ реакціи. Здѣсь г-жа Сталь особенно сходится со своимъ учителемъ.

При всей осторожности, научности, даже сухости Монтескьё, всѣ его сочиненія проникнуты протестомъ противъ деспотизма. Кому неизвѣстны его „Персидскія письма"! Тѣмъ же направленіемъ проникнутъ весь „Духъ Законовъ". Извѣстна его 13-я глава книги, которая носитъ названіе: „Идея деспотизма", и состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ фразъ: „Когда дикари Луизіаны хотятъ покушать плодовъ, они срубаютъ дерево и срываютъ плодъ. Вотъ деспотическое правительство". Г-жа Сталь усвоила этотъ „прекрасный образъ деспотизма" (belle image), какъ самъ авторъ назвалъ эту главу; она примѣнила эти слова къ Наполеону. Монтескьё дорисовываетъ этотъ образъ такими мѣткими словами: „Какъ въ республикѣ требуется добродѣтель, а въ монархіи — честь, такъ и для деспотизма необходимъ страхъ. Тутъ громадная власть государя всецѣло переходитъ къ тѣмъ, кому онъ ее вручаетъ".

Если отецъ г-жи Сталь, хотя тоже врагъ деспотизма, но самъ бывшій министръ стараго порядка, относился къ нему милостивѣе, зато дочь ни въ чемъ не слѣдовала такъ твердо по стопамъ своего учителя. Она повторяетъ его почти слово въ слово до мелочей—до происхожденія условной вѣжливости, церемоній и интригъ при дворѣ. Съ этой точки зрѣнія опредѣ-

ляются ея отношенія къ своимъ главнымъ предшественникамъ. „Въ этомъ вѣкѣ,—говоритъ она,—Руссо освободился отъ большинства предразсудковъ и приличій монархизма. Монтескьё, хотя сдержаннѣе, но умѣлъ, когда нужно, выказать всю смѣлость разума. Но Вольтеръ, который нерѣдко желалъ соединить милости двора съ философской независимостью, показалъ самымъ разительнымъ образомъ противорѣчіе и затруднительность такого намѣренія". Г-жа Сталь различаетъ установившійся деспотизмъ отъ случайной тиранніи. И конечно, съ первымъ она могла бы скорѣе примириться, чѣмъ со второй, олицетворившейся въ образѣ Наполеона. Деспотизмъ, это—„большой баринъ", тираннія—„выскочка". Оба эти палача свободы были ей ненавистны. Мы увидимъ ниже ея вражду къ тиранніи; что же касается „большого барина", то въ ея „Революціи" есть отдѣльная глава: „Вліяніе произвольной власти на духъ и характеръ націй", гдѣ выясненъ весь вредъ деспотизма. Г-жа Сталь находила, что фракція, поддерживающая „абсолютную власть" во Франціи, стоитъ внѣ націи: это—„иностранцы", будутъ ли то эмигранты, поднимающіе оружіе противъ отечества, или вандейцы, которые отдѣляются отъ всѣхъ мнѣній и отъ всѣхъ интересовъ Франціи. „Можно биться объ закладъ, что, разсмотрѣвъ всѣ историческія имена, окажется, что безграничная власть почти никогда не была защищаема ни геніальнымъ человѣкомъ, ни тѣмъ болѣе человѣкомъ добродѣтельнымъ". Фридрихъ II, Марія-Терезія, Екатерина II, Александръ I, всѣ подобные государи—не болѣе, какъ „счастливая случайность", какъ сказалъ про себя самъ русскій царь. Пусть не указываютъ на „золотой вѣкъ" Августа, Елизаветы и Людовика XIV-го. При Августѣ литература чуждалась политики; при Елизаветѣ дѣйствовалъ духъ реформаціи, которую она поддерживала въ интересахъ своего престола; а при Людовикѣ XIV лучшіе писатели были именно тѣ, которые нападали на него. „Понимающій свои интересы деспотизмъ не долженъ поощрять литературу". Прежде такъ и было: „помощниками абсолютной власти служили только священники да солдаты". Наполеонъ прибавилъ третье средство: „онъ заставилъ печать содѣйствовать угнетенію свободы"; и мы уже знаемъ, какъ возмущалась г-жа Сталь противъ цензуры. Если во Франціи были и Генрихъ IV, и Колиньи, то только благодаря тому, что смуты подавляли деспотизмъ и тѣмъ выдвигали крупныхъ людей. Но нельзя себѣ представить, чтобы такіе министры, какъ Чатамъ, Питтъ и Фоксъ, назначались тѣми государями, которые отдавали власть кардиналамъ Дюбуа и Флёри. Съ Людовика XIV до Лю-

довика XVI-го во Франціи господствовалъ полный произволъ. Чтобы добиться успѣха, нужно было только изучить придворныя интриги, — „самая несчастная изъ наукъ, когда-либо унижавшихъ человѣческій родъ". Такое же значеніе имѣютъ французская „грація" и „остроуміе". Вотъ почему Мольеръ немыслимъ у англичанъ: они не узнали бы себя въ его пьесахъ. Вообще, упомянутая глава „Революціи" есть художественное развитіе типа царедворца, набросаннаго въ „Духѣ Законовъ", — свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что авторъ зналъ лично дворъ. А внѣ двора развиваются тлетворныя вліянія главныхъ приспѣшниковъ деспотизма—ханжей, чиновниковъ, въ особенности же полиціи и войска.

Понятны результаты деспотизма. Они глубоко печальны даже при самой блестящей обстановкѣ. „Никогда,—говоритъ г-жа Сталь, —не слѣдуетъ судить деспотовъ по временной удачѣ, которая достается имъ, благодаря напряженности власти. Положеніе, въ которомъ они оставятъ страну, при своей смерти или паденіи, —вотъ что̀ свидѣтельствуетъ о томъ, чѣмъ они были". Подкошенный самимъ Людовикомъ XIV-мъ, деспотизмъ едва держался при его преемникѣ; а при Людовикѣ XVI онъ погибъ вмѣстѣ съ головой короля. Въ „Кориннѣ" горячо оплакивается даровитая Италія, которая уже не производитъ геніевъ, ибо „для питанія мысли требуются крѣпкая жизнь, высокіе интересы, независимое существованіе",—положеніе тѣмъ болѣе трогательное, что „самое паденіе римскаго народа все еще величественно; его трауръ по свободѣ покрываетъ міръ чудесами, и геній идеальныхъ красотъ старается утѣшить человѣка за потерю дѣйствительнаго и истиннаго достоинства". Г-жа Сталь знаетъ старинную мысль, особенно свойственную эпохѣ „Возрожденія", о томъ, что „преступленіе должно считаться уравновѣшиваніемъ властей". И, конечно, для избѣжанія такихъ непріятностей, монархи должны обратить вниманіе на общественное мнѣніе. Но бѣда въ томъ, что деспоты обыкновенно уподобляются тому персидскому шаху, который сказалъ англійскому посланнику, выслушавъ его разсказъ про англійскую конституцію: „Понимаю, какъ описанный вами порядокъ вещей болѣе содѣйствуетъ прочности и счастію вашей имперіи, чѣмъ правительство Персіи; но онъ мнѣ кажется гораздо менѣе благопріятнымъ для наслажденій монарха". Оттого-то деспотизму всегда угрожаетъ гибель. Г-жа Сталь убѣждена, что „виною безумствъ революціи служатъ всегда старыя политическія учрежденія". Эта политика „должна падать по мѣрѣ распространенія просвѣщенія: вѣра въ чародѣйство

исчезла съ тѣхъ поръ, какъ были открыты истинные законы физики". Точно также, по мѣткому сравненію автора, деспотизмъ, это—какъ бы лента вокругъ Тюльери, которая крѣпка лишь до тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе за того, кто обвилъ ее.

VI.

Какъ ни труденъ переходъ къ правовому порядку, тѣмъ не менѣе онъ обязателенъ для всякой націи, имѣющей будущее. А въ ту эпоху, полную жизни и стремленій, тѣмъ болѣе было естественно *всѣмъ* мечтать объ этой ступени развитія. Она требовалась, прежде всего, только-что пережитыми ужасами деспотизма. „Большинство просвѣщенныхъ умовъ, которыми гордится этотъ вѣкъ,—говоритъ г-жа Сталь,—думали, что ограниченная монархія лучше всего подходитъ къ Франціи. За это мнѣніе былъ авторитетъ Монтескьё, Мирабо и многихъ политическихъ писателей, разсужденія которыхъ были всѣми приняты... Установленіе ограниченной монархіи было тою системой, которую указывалъ разумъ и которую человѣчество ставило закономъ въ эпоху первой революціи". По словамъ Гримма, о конституціонной монархіи было написано болѣе 10.000 сочиненій, и салоны дамъ превратились въ клубы конституціоналистовъ. Даже пріятельница Тюрго, мадемоазель Леспинасъ, восклицала: „Я лучше желала бы быть послѣднимъ членомъ англійской палаты общинъ, чѣмъ прусскимъ королемъ!" Если такъ было въ началѣ великой революціи, то ужасы террора должны были еще болѣе обращать умы на этотъ средній путь. Указавъ на „12 статей" своего отца о конституціи, г-жа Сталь говоритъ: „Вотъ общественное евангеліе, котораго желали французы съ 27 декабря 1788 года до 8 іюля 1815 года!" Всѣ ея пріятели, политики, „самые добросовѣстные", могли сказать, какъ Мунье (Mounier): „Всѣ мои работы постоянно имѣли цѣлью умѣренную монархію, или монархію съ реформами". Констанъ писалъ, по поводу швейцарской революціи 1797 года: „Это—большой шагъ къ утвержденію представительнаго правленія, а всякая выигрываемая имъ пядь земли—счастье для человѣчества". Стоявшій вдали отъ этого кружка Шатобріанъ зачислялъ представительную систему въ разрядъ трехъ или четырехъ великихъ открытій, измѣнившихъ лицо міра.

Для самой г-жи Сталь конституція казалась такою же очевидною необходимостью, какъ воздухъ для всякаго живого суще-

ства. Учитель сказалъ: „Повторяю, духъ *умѣренности* долженъ быть душой законодателя; въ политикѣ, какъ и въ морали, благо всегда находится между двухъ границъ". Г-жа Сталь признавала даже, что въ жизни крайности невозможны: онѣ—только въ головахъ фантазёровъ. „Въ нравственной природѣ,—говоритъ она,—какъ и въ природѣ физической, находятся двѣ всемогущія силы—наклонность къ покою и стремленіе къ свободѣ; беретъ верхъ то та, то другая. Но твердая и всеобщая воля вытекаетъ лишь изъ соединенія обѣихъ". Отсюда необходимость ограниченной монархіи для большихъ государствъ. Правда, это не легкая вещь. Но къ этому идеалу нужно стремиться, и Франція уже достойна его. Все благородное, неподкупное, всѣ „друзья свободы" „постепенно, но твердо" идутъ къ этому „вестфальскому миру" между нынѣшнимъ просвѣщеніемъ и унаслѣдованными интересами.

Что̀ за сила—конституція, надъ этимъ г-жѣ Сталь нечего было задумываться. Тогда всѣ съ ума сходили отъ примѣра Англіи. Г-жа Сталь увлекалась имъ до наивности, до софизмовъ. Она говорила объ англичанахъ: „Ихъ превосходная конституція, которая чрезвычайно развиваетъ нравственныя способности, можетъ одна удовлетворять ихъ потребности дѣйствовать и мыслить... Говорятъ, что климатъ Англіи особенно способствуетъ меланхоліи: я не могу судить объ этомъ, такъ какъ небо свободы всегда казалось мнѣ самымъ чистымъ". Въ Англіи ей нравятся даже подкупы избирателей: вѣдь „это даетъ случай и богатымъ хоть разъ нуждаться въ людяхъ, которые обыкновенно находятся въ ихъ зависимости". Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ Монтескьё, находившаго, что въ монархіи „хороша продажа должностей". Указавъ на то, что въ началѣ революціи англійская конституція „была цѣлью надеждъ и усилій французовъ", г-жа Сталь прибавляетъ въ 1810 году: „Моя же душа и теперь тамъ". Конечно, сто двадцать лѣтъ политическаго развитія лежатъ между Англіей и материкомъ. „Но мы не думаемъ,—говоритъ г-жа Сталь,—чтобы Провидѣніе поставило этотъ прекрасный памятникъ общественнаго порядка только для того, чтобы возбуждать въ насъ сожалѣніе о невозможности сравниться съ нимъ". Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, за Каналомъ, частные интересы слиты съ общими. Сознаніе своего достоинства, какъ гражданина, стоитъ выше всякихъ должностей, титуловъ и личныхъ интересовъ. Тамъ все гуманно: уголовное право, и въ особенности законы о политическихъ преступленіяхъ доведены до высокой степени справедливости; неудовлетворительно только гражданское право. Система двухъ па-

латъ, при свободныхъ выборахъ, ведетъ къ разнообразію мнѣній: гдѣ единогласіе, тамъ деспотизмъ. Еще больше способствуетъ этому существованіе двухъ партій—министерской и оппозиціонной: „это—настоящая опора свободы, основанная на природѣ вещей". При этомъ „торіи допускаютъ свободу и любятъ монархію, виги допускаютъ монархію и любятъ свободу"; но тѣ и другіе возвышаются только благодаря талантамъ и честности. И самая аристократія въ Англіи—не то, что на материкѣ: она сливается тамъ съ третьимъ чиномъ; она „тожественна съ народомъ". „Англійская конституція одинаково дорога, какъ герцогу Норфолькскому, такъ и послѣднему носильщику". Всякій дворянинъ исполняетъ какую-нибудь полезную государственную должность, и безвозмездно. Весьма важно, что англійская конституція—плодъ постепеннаго развитія, что̀ даетъ ей устойчивость. „Она можетъ совершенствоваться безъ потрясеній".

Вслѣдствіе всего этого, кредитъ, финансы, торговля, промышленность,—все развивается и процвѣтаетъ въ Англіи, несмотря ни на продолжительныя войны, ни на континентальную блокаду. Присяжные, провинціальныя и городскія власти, выборы, журналы, школы,—все даетъ доступъ народу къ общественнымъ дѣламъ. Послѣдній англійскій фермеръ больше понимаетъ въ политикѣ, чѣмъ просвѣщенные люди на материкѣ. И вотъ страна, гдѣ философы и ученые сливаются съ правителями! Тамъ нѣтъ и милитаризма: каждый гражданинъ—солдатъ. Гордая свобода отражается и на положеніи женщины, и на нравахъ вообще. Въ Англіи все серьезно, все обдуманно, нравственно. И „только благодаря свободѣ, рычагъ, поднявшій весь міръ, могъ найти точку опоры въ этомъ маленькомъ островѣ: сдѣлайте изъ этой страны лагерь и заведите дворъ—и вы увидите ея нищету и униженіе". Исторія вообще грустна и мрачна: она состоитъ изъ окровавленныхъ страницъ. Только Греція и Римъ освѣтили земной шаръ на нѣсколько вѣковъ. „Какъ вдругъ Провидѣніе позволило, чтобы Англія разрѣшила задачу монархическихъ конституцій, а Америка, вѣкомъ позже,—задачу федеративныхъ республикъ". И то, что̀ считалось химерой, осуществилось передъ нашими глазами въ видѣ британской конституціи—этого образца „послѣдняго усовершенствованія общественнаго порядка", этого „прекраснѣйшаго памятника справедливости и нравственнаго величія въ Европѣ", этого „перла разума и свободы". На этомъ перлѣ есть одно только пятнышко—злая и корыстная внѣшняя политика. Но это не мѣшаетъ, въ общемъ, быть „англійской націи, по своимъ добродѣтелямъ и просвѣщенію, аристократіей

всего остального міра". Дѣло въ томъ, что во времена г-жи Сталь Англія воевала съ ея злѣйшими врагами,—съ якобинцами и Наполеономъ: Англія, какъ „вооруженный рыцарь", охраняла Европу 10 лѣтъ отъ анархіи, отъ безначалія, и 10 лѣтъ—отъ деспотизма.

Если такъ, то дѣло было очень просто: возьмите англійскую конституцію и перенесите ее во Францію. Это совѣтовали и Монтескьё, и Неккеръ. Г-жа Сталь посвятила, въ своей „Революціи", отдѣльную главу вопросу: „Могутъ ли быть другія основанія для ограниченной монархіи, кромѣ англійской конституціи?" Здѣсь исчерпаны всѣ возраженія, которыя дѣлались тогда во Франціи противъ такого опыта. Опровергнувъ ихъ, г-жа Сталь дѣлаетъ такой выводъ: „Сказать правду, я не вижу, почему бы французамъ или всякой другой націи отказываться отъ употребленія компаса, хотя онъ изобрѣтенъ итальянцами?" Подробности управленія зависятъ отъ мѣстныхъ условій; но основы конституцій—однѣ и тѣ же повсюду. И г-жѣ Сталь казалось, что „до сихъ поръ мыслители не могли найти другихъ принциповъ монархической и конституціонной свободы, кромѣ тѣхъ, которые приняты въ Англіи". Невольно напрашивается вопросъ: почему г-жа Сталь, которая, подобно своимъ учителямъ, такъ хорошо знала исторію Англіи и Франціи и придавала такое большое значеніе средѣ, забывала существенную разницу между англійской и французской аристократіей и между положеніемъ третьяго чина въ обѣихъ странахъ? Да, и въ ея время были люди, которымъ это бросалось въ глаза. Байейль замѣчаетъ, что „конституцію не пересадишь, какъ дерево; да она и не состоитъ въ одномъ установленіи верхней и нижней палаты... Какимъ образомъ народная партія согласилась бы на учрежденіе верхней палаты, которая была бы наполнена лишь врагами націи?" Правда, Байейль былъ противникъ г-жи Сталь въ политикѣ, но даже Б. Констанъ находилъ ея взглядъ черезчуръ оптимистичнымъ и навѣяннымъ Вольтеромъ и Монтескьё. Онъ указывалъ на жестокіе законы въ Англіи противъ сектантовъ и иностранцевъ, а также на анахронизмъ въ изложеніи г-жи Сталь.

Къ счастью, у насъ есть документы, по которымъ мы можемъ судить безошибочно и точно о той конституціи или политической „свободѣ", которая рисовалась въ воображеніи вождей либерализма. Прежде всего, это—ихъ „общественное евангеліе" или 12 статей Неккера, составленныхъ въ 1791 году. Вотъ онѣ: 1) Законодательство принадлежитъ исключительно представителямъ націи, но требуетъ утвержденія монарха, т.-е., какъ

говорили тогда, ему предоставляется „вето“ (veto) или право запрета. Сюда принадлежитъ установленіе всѣхъ рѣшительно налоговъ,—дѣло первой важности, не только какъ средство ограничивать короля, но и потому, что, по замѣчанію Монтескьё, въ свободныхъ государствахъ всегда налоговъ больше, чѣмъ въ деспотіяхъ. 2) Представители же опредѣляютъ государственные расходы, а стало быть, и размѣръ военныхъ силъ. 3) Правительственный отчетъ въ финансахъ передъ представителями. 4) Ежегодная смѣна сборщиковъ податей. 5) Отмѣна всякаго произвола и право каждаго гражданина привлекать къ суду всякаго чиновника, злоупотребляющаго своею властью. 6) Запрещеніе офицерамъ распоряжаться внутри государства безъ полномочія со стороны гражданскихъ властей. 7) Ежегодное возобновленіе парламентомъ военныхъ законовъ. 8) Свобода печати. 9) Равное распредѣленіе государственнаго бремени и право всѣхъ гражданъ на занятіе государственныхъ должностей. 10) Отвѣтственность министровъ и первыхъ властей. 11) Наслѣдственность престола. 12) Предоставленіе монарху полной и всецѣлой исполнительной власти, со всѣми необходимыми средствами для пользованія ею.

Таковы „основные устои гражданской и политической свободы націи“, какъ назвалъ авторъ свои 12 статей. Онѣ не полны, какъ бы набросаны поспѣшной рукой: не говоря о другихъ вопросахъ (свобода личности и совѣсти, судебная власть), —тутъ нѣтъ статей о собственности, о выборахъ и о палатахъ. Впрочемъ, тотчасъ послѣ статей, но внѣ ихъ, сказано: „Къ этимъ принципамъ слѣдовало бы прибавить о самомъ безусловномъ уваженіи къ собственности, еслибы это уваженіе не составляло одинъ изъ элементовъ всеобщей морали при всякомъ правительствѣ. Зато авторъ не забылъ исполнительной власти: это—„чтобы предотвратить факціи, чтобы сохранить спокойствіе государства и обезпечить общественный порядокъ, чтобы соединеніе всѣхъ властей въ законодательномъ корпусѣ не привело къ деспотизму, не менѣе опасному, чѣмъ всякій другой“.

„Евангеліе“ конституціоналистовъ, конечно, было особенно священно для г-жи Сталь. Она только дополнила его, въ 1795 году, въ своемъ „Внутреннемъ Мирѣ“. Это—настоящій манифестъ либераловъ. Здѣсь читаемъ: „Вотъ какая свобода составляетъ истинное благо: соразмѣрность налоговъ; аресты и судъ лишь въ законныхъ и всѣмъ общихъ формахъ; отмѣна всякихъ привилегій“. Вообще, власть должна быть средствомъ, а не цѣлью; а права соединяются съ обязанностями. Г-жа Сталь вы-

ставляла еще три принципа, о которыхъ выразилась такъ: „пока мудрость человѣка не изобрѣла еще ничего, что̀ лучше охраняло бы, въ большомъ государствѣ, благо общественнаго порядка“. Она говоритъ: „Въ конституціяхъ всего міра есть три основныхъ вопроса, ибо, къ счастью, политическихъ истинъ весьма мало, и въ этой наукѣ изобрѣтеніе—чистое дѣтство, а практика—верхъ совершенства. Раздѣленіе законодательнаго корпуса, независимость исполнительной власти и, прежде всего, собственность—вотъ простыя идеи, образующія планъ любой конституціи, такъ какъ онѣ лежатъ въ самой природѣ вещей“.

Именно, конституціоналисты убѣждены въ необходимости *двухъ палатъ* и особенно стоятъ за „прочность, силу и значеніе палаты старѣйшинъ“, чтобы возвысить „королевскую власть, которая необходима во всякой конституціи, какъ залогъ ея прочности“. Г-жа Сталь часто возвращалась къ этому вопросу и горячо отстаивала двухъ-палатную систему. И не потому только, что такъ въ Англіи и что Руссо стоялъ за одну палату. Монтескьё училъ: „Законодательная власть должна быть поручена какъ корпусу благородныхъ, такъ и тому корпусу, который будетъ выбранъ для представительства народа; оба они должны собираться и совѣщаться отдѣльно, имѣя личные взгляды и интересы“. Къ тому же вели уроки исторіи. Во Франціи именно оттого и не было свободы, что въ генеральныхъ штатахъ была одна палата, гдѣ третьему чину принадлежала лишь одна треть голосовъ. „Это роковое учрежденіе всегда давало большинство привилегированнымъ противъ народа, что̀ часто заставляло народъ предпочитать деспотизмъ короля законной зависимости отъ аристократическихъ кастъ. Все это было слѣдствіемъ раздѣленія на три чина“. Оттого-то одна палата, это „царство страстей“, погубило и Конститюанту“. Особенно г-жа Сталь отстаивала верхнюю палату. Вѣдь и Монтескьё требовалъ даже наслѣдственной палаты. Неккеръ не жалѣлъ доказательствъ въ пользу послѣдней. Онъ предполагалъ составить ее изъ 250 наслѣдственныхъ пэровъ—все изъ самыхъ знатныхъ, самыхъ историческихъ фамилій, съ присоединеніемъ къ нимъ 50 гражданъ, избранныхъ государемъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Первые изъ нихъ должны происходить по прямой мужской линіи и обладать землею, доставляющей 30.000 ливровъ ренты. Это будетъ „свита и лейбгвардія королевскаго величества“. Ея роль—„окружать тронъ, поддерживать его, увѣковѣчивать его блескъ, устанавливать политическое разстояніе между монархомъ и народомъ“. Г-жа Сталь приводитъ подобное же доказательство въ пользу не-

обходимости верхней палаты. Впрочемъ, она ставитъ первымъ условіемъ, чтобы члены верхней палаты были „друзья свободы". Точно также, конечно, смотрѣли и друзья г-жи Сталь. Мунье считалъ верхнюю палату неизбѣжною. Констанъ требуетъ того же, ссылаясь на Монтескьё. По плану Констана, верхняя палата наслѣдственна и назначается королемъ; число членовъ неограничено. Сначала онъ былъ противъ наслѣдственной пэріи, а потомъ оправдывался, что она не годится для республики, но годится для конституціонной монархіи. Что же касается нижней палаты, то членами ея должны быть лишь лица, которыя могутъ жить безъ заработка, по крайней мѣрѣ годъ, такъ какъ „у бѣдности есть свои предразсудки, какъ и у невѣжества". Они могутъ быть вновь избираемы безконечно. Всякое вообще представительство народа должно быть оплачиваемо.

Что касается независимости *исполнительной власти*, то здѣсь г-жа Сталь почти списываетъ съ Монтескьё и Неккера. Монтескьё требовалъ сосредоточенія этой власти въ рукахъ монарха, для болѣе быстраго дѣйствія, на которое не способны коллегіальныя учрежденія. Король одинъ долженъ созывать и распускать законодательныя собранія. Онъ долженъ „принимать участіе въ законодательствѣ, но лишь посредствомъ пріостановки рѣшеній этихъ собраній", которыя иначе станутъ деспотичными. Собранія не должны останавливать короля, ибо „исполнительная власть ограничена самою своею природой". Зато собранія должны контролировать исполнительную власть; но такъ какъ личность исполнителя священна (иначе собраніе стало бы тираномъ, и не было бы свободно), то отсюда вытекаетъ отвѣтственность министровъ. Армія должна зависѣть отъ короля, но парламентъ долженъ имѣть право раскассировать ее, когда пожелаетъ. Неккеръ говорилъ то же самое во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, стараясь еще болѣе выставить необходимость „независимости" исполнительной власти. Онъ твердилъ, что еслибы Франція подражала въ этомъ Англіи, она избѣжала бы ужасовъ революціи. „Въ нравственномъ мірѣ,—говоритъ Неккеръ,—короли — существа неестественной величины; ихъ можно оцѣнить лишь издали"; и „говоря отвлеченно", ихъ могли бы судить развѣ только иностранныя націи. И нечего бояться такихъ королей: ихъ ограничиваетъ парламентъ, снабженный властью разрѣшать имъ доходы ежегодно; ихъ соперниками являются аристократы палаты пэровъ. То же самое повторяетъ г-жа Сталь. Она просто не можетъ постигнуть, какъ революціонеры хотѣли низвести короля на степень обыкновеннаго чиновника и до того обезвластить

министровъ, что едва одинъ сторожъ оставался въ ихъ распоряженіи. По ея мнѣнію, должно бояться именно не силы, а слабости исполнительной власти: тогда-то „скорѣе можно опасаться, что она перейдетъ всѣ границы".

Г-жу Сталь особенно интересовалъ мучившій тогда всѣхъ политиковъ вопросъ о *вето* короля. Въ своей „Революціи" она разсказываетъ, какъ было дѣло. Когда въ Конститюантѣ провалился вопросъ о двухъ палатахъ, занялись вопросомъ о „королевской санкціи". Слѣдуетъ ли давать королю вето временное или неограниченное? „Слово „неограниченный" звучало въ ушахъ народа деспотизмомъ,—и вотъ, началось пагубное вліяніе криковъ толпы на рѣшенія просвѣщенныхъ людей... На улицахъ Парижа толковали о вето, какъ о какомъ-то чудовищѣ, которое должно пожрать младенцевъ". Народная партія допускала только временное вето, т.-е., чтобы отказъ короля утвердить законъ падалъ самъ собою на слѣдующемъ собраніи, если собраніе настаивало на этомъ законѣ. Споръ разгорался: одни говорили, что неограниченный запретъ помѣшаетъ всякому улучшенію со стороны собранія; другіе говорили, что временный запретъ не сегодня—завтра заставитъ короля вполнѣ повиноваться представителямъ народа. Неккеръ въ одномъ мемуарѣ о конституціи указывалъ средній путь—именно троекратный срокъ, т.-е., чтобы запретъ короля падалъ только при третьемъ собраніи. Неккеръ приводилъ такіе доводы: въ Англіи король весьма рѣдко прибѣгалъ къ запрету, такъ какъ палата лордовъ почти всегда избавляетъ его отъ этого. Во Франціи же, при одной палатѣ, король принужденъ исполнять роль и верхней палаты, и исполнительной власти; при тройномъ срокѣ, т.-е. по истеченіи трехъ—четырехъ лѣтъ, пылъ французовъ охладѣетъ; если же и тогда палата будетъ настаивать на своемъ, то общественное мнѣніе будетъ достаточно сильно, чтобы принудить короля уступить. „Однако,—прибавляетъ г-жа Сталь,—Неккеръ протестовалъ, такъ сказать, противъ этого примирительнаго средства, хотя самъ предлагалъ его: указывая, что временный запретъ былъ необходимымъ результатомъ одной палаты, онъ повторялъ, что одна палата не приведетъ ни къ чему доброму, ни прочному". А въ своемъ „Внутреннемъ Мирѣ", гдѣ она рекомендовала республику, г-жа Сталь естественно находила, что, при такой формѣ правленія, исполнительной власти не приличествуетъ неограниченный запретъ. „Это — королевское преимущество, которое составляетъ скорѣе пышность королей, чѣмъ право, которымъ корона можетъ пользоваться". Иное дѣло—останавливать волю народа, иное дѣло

просвѣщать ее. Для созданія законовъ необходимы свѣдѣнія, которыя можетъ имѣть только исполнительная власть. „А если послѣдняя лишена права добиться своимъ замѣчаніемъ пересмотра закона, который кажется ей опаснымъ, т.-е., если она не будетъ имѣть права, которымъ пользуется президентъ Америки, законы будутъ часто неисполнимы". Такъ какъ при жизни короля г-жа Сталь стояла за неограниченный запретъ, то въ 1795 году она сочла нужнымъ объясниться. „Нельзя запретить заботиться объ усовершенствованіи конституціи въ этихъ формахъ. „Временный запретъ" (veto reviseur) произвелъ въ конвентѣ то же впечатлѣніе, какъ предложеніе двухъ палатъ Конститюанты. Шестилѣтнія бѣдствія заставили принять послѣднее; неужели же нужно, чтобы подобной цѣной исполнительная власть окупала силу, необходимую для сохраненія правительства, а слѣдовательно и республики?"

Желая всячески утвердить исполнительную власть, де-Сталь всегда отстаивала „законную" (légitime), т.-е. наслѣдственную корону. Въ „Революціи" этому вопросу посвящена цѣлая глава, весьма любопытная, какъ примѣръ, что самые просвѣщенные люди могутъ изъ страха говорить большія странности,—примѣръ, впрочемъ, излишній, когда мы видимъ, что по тому же мотиву дѣлаютъ то же самое цѣлыя подобныя націи. Если Монтескьё стоялъ за наслѣдственность, то онъ приводилъ такой доводъ, какъ „благо государства, требующее этого порядка для того, чтобы избѣжать бѣдствій, случающихся въ деспотизмѣ, гдѣ все невѣрно, потому что все произвольно". Г-жа Сталь прибѣгаетъ къ такимъ доводамъ: „Государи древнихъ фамилій гораздо болѣе соотвѣтствуютъ благу государства, чѣмъ государи-выскочки. Если у нихъ обыкновенно не очень замѣчательные таланты, зато ихъ нравъ болѣе миролюбивъ; если у нихъ болѣе предразсудковъ, зато—меньше честолюбія. Они меньше изумляются власти, такъ какъ имъ твердятъ съ дѣтства, что они предназначены къ ней; и они меньше боятся потерять ее, что̀ дѣлаетъ ихъ менѣе подозрительными и безпокойными. Они живутъ болѣе просто, такъ какъ не нуждаются въ искусственныхъ средствахъ для внушительности, и имъ нечего думать о пріобрѣтеніи уваженія: привычки и преданія служатъ имъ руководителями. Наконецъ, внѣшній блескъ, эта необходимая принадлежность королевской власти, приличнѣе всего, когда дѣло идетъ о государяхъ, предки которыхъ въ теченіе вѣковъ стояли въ такомъ же высокомъ достоинствѣ... Выскочка же долженъ пріобрѣтать славу военными подвигами... Наслѣдственность въ монархіяхъ необходима для спокойствія,

скажу даже, для нравственности и для прогресса человѣческаго ума... При избирательномъ королѣ, я увѣрена, было бы междоусобіе при каждомъ новомъ выборѣ". „Нигдѣ наслѣдственность не установлена такъ прочно, какъ въ Англіи". Вообще, какъ видно, кровопролитія Наполеона и „ужасы" террора нагнали такой страхъ на „умѣренныхъ", что какъ г-жа Сталь, такъ и всѣ ея пріятели, отъ Мунье до Констана, настаивали на „независимости", т.-е. силѣ исполнительной власти для большихъ государствъ. Они вызывали, наконецъ, колкія насмѣшки со стороны демократовъ, какъ Байейль, который принужденъ былъ выставлять права разума и мудрости.

Остается третій принципъ конституціи—собственность. Мы уже знаемъ общій взглядъ г-жи Сталь на этотъ „центръ политической жизни", безъ котораго „нѣтъ никакого общества". Чтобы сохранить этотъ священный устой въ конституціонной монархіи, нужно было, прежде всего, подвести его подъ систему политическихъ *выборовъ*. Монтескьё взялъ тутъ все въ разсчетъ —и жребій, за который стоялъ Руссо, и тайную и явную подачу голосовъ, и наказы депутатамъ, и замѣчательный тактъ толпы, на который указывалъ еще Макіавелли. Онъ стоялъ за прямые выборы и предоставлялъ это право „всѣмъ гражданамъ, кромѣ тѣхъ, которые пали такъ низко, что не считаются способными имѣть собственную волю". Но Тюрго прямо считалъ собственность неизбѣжнымъ условіемъ выборовъ; а Неккеръ не зналъ, на какую ногу стать. Онъ колебался въ бытность свою министромъ; позже, въ своей „Исполнительной Власти", онъ сталъ за собственность, чтобы сильнѣе связать избирателей съ государствомъ. Еще позже, въ своей „Революціи", Неккеръ опять колеблется, такъ какъ это условіе отстранило бы отъ законодательства приходское неимущее духовенство. Г-жа Сталь мало обращала вниманія на механику выборовъ: она считала только ихъ свободу „первымъ условіемъ для правильнаго хода представительнаго правительства". Ее больше занимала экономическая сторона дѣла. Она съ самаго начала рѣшительно стала за собственность. Уже въ 1795 году она писала противъ неимущихъ, которые представлялись ей грабителями: „Какъ вы поставите въ конституцію людей, жаждущихъ добычи,—людей, представители которыхъ не могутъ служить имъ иначе, какъ обезпечивъ за ними, прежде всего, первое благо—собственность, которой недостаетъ имъ?... Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ законы связаны съ собственностью". Описывая потомъ „ошибки" Конституанты, г-жа Сталь говорила: „Оставалось одно средство—выборы, чтобы слѣ-

дующее собраніе исправило зло благоразуміемъ. Но отвергли условіе собственности, необходимое для того, чтобы замкнуть выборы въ классѣ тѣхъ, которые заинтересованы въ порядкѣ. Робеспьеръ, которому потомъ принадлежала такая великая роль въ царствѣ крови, возсталъ противъ этого условія, въ какой бы степени ни опредѣлили его... Однако, постановили, что депутатомъ могъ бы быть лишь тотъ, кто платитъ 54 ливра налоговъ. Мало того: ввели двухстепенные выборы... Эта градація, конечно, должна была подорвать демократическій элементъ. Оттого-то вожди революціонеровъ уничтожили ее, когда достигли власти. Но прямые народные выборы, подчиненные справедливому условію собственности, несомнѣнно больше благопріятствуютъ энергіи свободныхъ правительствъ". Только непосредственные выборы, какъ въ Англіи, заставляютъ гражданъ проникаться любовью къ отечеству и духомъ общественности. Народъ тогда только привязывается къ своимъ представителямъ, когда онъ самъ ихъ выбираетъ, точно также какъ вся сила депутатовъ заключается въ довѣріи избирателей. „Если за избирателями не стоитъ народъ, тогда батальонъ гренадеровъ сильнѣе 300 депутатовъ". Выбирать же народъ долженъ среди людей перваго класса, которые, съ своей стороны, „должны стараться нравиться народу своими талантами и добродѣтелями". А эта двойная связь теряется, когда выборы проходятъ черезъ двѣ степени. „Гдѣ выборъ депутатовъ не принадлежитъ народу просто и прямо, тамъ нѣтъ представительнаго правительства. Наслѣдственныя учрежденія могутъ сопутствовать выборамъ, но свобода коренится только въ послѣднихъ. Оттого для Бонапарта было важно подорвать народные выборы, такъ какъ онъ зналъ, что они несовмѣстимы съ деспотизмомъ".

Думаемъ, что сказаннаго достаточно для уясненія взгляда г-жи Сталь на парламентъ и короля, — эти двѣ основныя власти, которыя такъ занимали общество того времени. О третьей, *судебной*, власти она говорила меньше, но зато здѣсь ей представлялось и меньше случаевъ для противорѣчій. Съ одной стороны, этотъ вопросъ менѣе сложенъ, съ другой—онъ былъ подробно выясненъ Монтескьё и примѣромъ Англіи. Г-жа Сталь держится основного правила своего учителя, который такъ опредѣлилъ великое учрежденіе суда присяжныхъ: „Судебная власть не должна быть вручаема постоянному сенату: она должна принадлежать лицамъ изъ народа (какъ въ Аѳинахъ), собирающимся въ извѣстное время года, по предписанному закономъ правилу, чтобы образовать судилище, продолжающееся столько, сколько

потребуетъ необходимость. Такимъ образомъ судебная власть, столь страшная для людей, не связываясь ни съ какимъ чиномъ, ни съ какимъ званіемъ, становится, такъ сказать, невидимой и несуществующей! Судьи не торчатъ постоянно передъ глазами, и боишься не судей, а суда... Нужно даже, чтобы судьи принадлежали къ одному званію съ обвиняемымъ, или были бы его равными". Г-жа Сталь превозноситъ Конституанту за то, что она ввела судъ присяжныхъ,—этотъ „якорь надежды Франціи", „это дивное учрежденіе, которое будутъ почитать съ каждымъ днемъ все больше по мѣрѣ того, какъ будутъ чувствовать его благодѣянія". Она отдаетъ Конституантѣ полную дань справедливости за ея по истинѣ гуманную и блестящую судебную реформу и перечисляетъ всѣ ея достоинства. Друзья г-жи Сталь, и въ особенности Констанъ, развивали ея идею суда присяжныхъ и мысль Неккера о несмѣняемости судей.

Мы исчерпали „общественное евангеліе" конституціоналистовъ или „друзей свободы". Мунье очень вѣрно резюмировалъ его въ своемъ горячемъ воззваніи къ гражданамъ Франціи: „Познайте цѣну конституціи! Она не лишитъ васъ выгодъ рожденія и братства; но и простой гражданинъ будетъ не такъ униженъ: онъ будетъ бояться не людей, а законовъ". За это-то евангеліе „друзья свободы" получили кличку, которая прежде принадлежала не имъ. Въ 1816 году одинъ изъ реакціонеровъ крикнулъ Ройе-Коллару за его рѣчь, по поводу избирательнаго закона: „Вотъ настоящіе *доктринеры*!" Тотъ возразилъ: „О какихъ доктринерахъ говорите? Я знаю только, что въ началѣ насъ было трое— де-Серръ, Камиль Жорданъ и я". Затѣмъ постепенно пристали Бёньо, Гизо, Барантъ и герцогъ Брольи. Тогда доктринеры „помѣстились бы на диванѣ", по выраженію одного изъ нихъ. Но они постепенно стали отступать отъ г-жи Сталь, въ особенности въ двухъ пунктахъ—въ любви къ Англіи и въ пристрастіи къ аристократизму. Съ измѣненіемъ общественныхъ и экономическихъ условій, сталъ опять выдвигаться третій чинъ: съ 5-го февраля 1817 года, доктринеры, съ Гизо во главѣ, стали за избирательный цензъ въ 300 франковъ, — и началось тридцатилѣтнее царство буржуазіи.

Вопросъ о государствѣ приводитъ насъ къ вопросу объ обществѣ.

С. В—штейнъ.

ВНОВЬ БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Въ грозные, знойные,
Лѣтніе дни —
Бѣлые, стройные
Тѣ же они.

Призраки вешніе
Пусть сожжены —
Здѣсь вы нездѣшніе,
Вѣрные сны.

Зло пережитое
Тонетъ въ крови, —
Всходитъ омытое
Солнце любви.

Замыслы смѣлые
Въ сердцѣ больномъ, —
Ангелы бѣлые
Встали кругомъ.

Стройно-воздушные
Тѣ же они —
Въ тяжкіе, душные
Грозные дни.

Владиміръ Соловьевъ.

8 іюля 1900. Пустынька.

А. А. ТУЧКОВЪ

и

ЕГО ДНЕВНИКЪ 1818-го ГОДА [1])

Объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ въ нашей исторической литературѣ сохранилось мало свѣдѣній; но и того, что̀ извѣстно, достаточно, чтобы признать его однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей этого вѣка. Потомокъ знатнаго и богатаго рода, старшій братъ позднѣйшаго московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова, онъ родился около 1800 года и получилъ превосходное образованіе, сначала дома, подъ руководствомъ иноземныхъ гувернеровъ, затѣмъ въ московскомъ университетѣ и, наконецъ, въ извѣстной школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ. Въ этой школѣ, разсказываетъ его дочь, Нат. Ал. Огарева-Тучкова [2]), онъ сблизился со многими изъ (будущихъ) декабристовъ, особенно съ Оболенскимъ и двумя Муравьевыми-Апостолами. Изъ муравьевской школы онъ вышелъ въ генеральный штабъ по квартирмейстерской части и состоялъ на службѣ до декабря 1825 г. Онъ принадлежалъ къ „сѣверному обществу", но во время возстанія 14-го декабря находился на службѣ въ Москвѣ; онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и послѣ трехмѣсячнаго ареста освобожденъ. Тотчасъ послѣ этого онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое родовое имѣніе Яхонтово, пензенской губерніи. Въ это время онъ былъ уже женатъ.

---

[1]) Этотъ дневникъ сохранился у его дочери, Н. А., вдовы поэта Огарева.—*Ред.*

[2]) „Изъ дальнихъ лѣтъ" Т. Пассекъ, т. III, и „Русская Стар." 1890 г., октябрь.

Въ Яхонтовѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно до самой смерти. Съ середины тридцатыхъ годовъ онъ около пятнадцати лѣтъ состоялъ инсарскимъ предводителемъ дворянства. Онъ остался вѣренъ ганнибаловой клятвѣ. Среди оставшихся послѣ него бумагъ сохранилось множество копій прошеній и отношеній къ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и пр., за время его предводительства: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что званіемъ своимъ онъ пользовался преимущественно для заступничества за слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола становыхъ, исправниковъ и т. п., и, прежде всего, за крѣпостныхъ противъ деспотизма помѣщиковъ. Н. А. Огарева ярко изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ результаты этой дѣятельности: ненависть со стороны помѣщиковъ, вражду со стороны губернатора и великую популярность среди крестьянъ.

„Въ концѣ 1849 года я,—разсказываетъ она,—возвращаясь съ Огаревымъ изъ Крыма и проѣзжая по симбирской или тамбовской губерніи—не помню, разговорилась съ однимъ крестьяниномъ о рекрутскомъ наборѣ. Дѣло было осенью.

— У насъ бѣда,—отвѣчалъ онъ,—да, впрочемъ, вездѣ одно и то же; только вотъ тамъ,—и онъ указалъ по направленію къ пензенской губерніи,—и есть одинъ человѣкъ, который жалѣетъ крестьянина.

Мы взглянули другъ на друга.

— Какъ его зовутъ?—спросила я съ замираніемъ сердца.

— Тучковъ,—отвѣчалъ онъ.

Онъ служилъ народу искренно, не тщеславясь, и память о немъ сохранилась въ народѣ".

Въ 1850 году у него въ имѣніи былъ сдѣланъ обыскъ; онъ былъ арестованъ, одновременно съ Н. П. Огаревымъ и Н. М. Сатинымъ, женатыми на его дочеряхъ, и отвезенъ въ Петербургъ; недолго продержавъ подъ арестомъ, его освободили, но запретили на два года выѣздъ изъ Петербурга. Онъ умеръ, если не ошибаемся, въ 1879 году. Что онъ до конца не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ его бумагахъ любопытнѣйшая записка о реформѣ рекрутскаго устава, написанная въ 1866 году. Доказавъ несостоятельность вреднаго и ненавистнаго народу очередного порядка по работникамъ въ нераздѣльномъ дому, и еще болѣе ненавистной жеребьевой системы, онъ предлагаетъ вернуться къ исконному, выработанному народнымъ опытомъ очередному порядку по роднымъ братьямъ. Эти очередные наборы должны, по его плану, производиться въ каждомъ обществѣ особо, такъ какъ всякое

общество владѣетъ землею особо. Установленіе очередей есть дѣло суда, составленнаго въ мірскомъ обществѣ не изъ очередныхъ семействъ, а изъ людей, не подлежащихъ рекрутской повинности; ибо такіе люди, имѣющіе по одному сыну или вовсе ихъ не имѣющіе, могутъ судить безпристрастно, тогда какъ сельскій сходъ есть безобразное скопище людей, въ которомъ сами же очередные домохозяева—судьи въ своемъ дѣлѣ, и гдѣ несправедливости совершаются очень часто, подъ вліяніемъ ли міроѣдовъ, или диктаторовъ-посредниковъ. Эта судная изба должна состоять не менѣе, какъ изъ двѣнадцати такихъ хозяевъ, не опороченныхъ притомъ ни судомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ сосѣднихъ деревень; если же недостанетъ этого числа, то добавлять изъ ближайшаго села по жеребью. Еслибы введено было такое устройство,—говоритъ онъ въ заключеніе своей записки,—„тогда бы по истинѣ сельское населеніе само распоряжалось назначеніемъ очередныхъ рекрутъ, и распоряжалось безпристрастно, разумно и самостоятельно“.

Лѣтомъ 1818 года, восемнадцатилѣтнимъ юношей, „свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части господинъ прапорщикъ Тучковъ 1-й“ былъ командированъ въ тульскую губернію для топографическаго и статистическаго описанія одоевскаго и бѣлевскаго уѣздовъ. Во время этой командировки юный прапорщикъ велъ подробный дневникъ, подлинникъ котораго нынѣ сохраняется у дочери его, Н. А. Огаревой. Легко понять, какимъ желаннымъ поводомъ лично ознакомиться съ положеніемъ народа должно было явиться такое порученіе для будущаго члена „сѣвернаго общества“. Дѣйствительно, онъ зорко смотрѣлъ, и дневникъ его рисуетъ такую картину крѣпостныхъ порядковъ этого времени, которая, кажется, заслуживаетъ быть сохраненной отъ забвенія; но и собственныя разсужденія автора имѣютъ свою цѣнность: онѣ рисуютъ намъ образъ мыслей будущихъ людей 14-го декабря, являясь, безъ сомнѣнія, отголоскомъ бесѣдъ въ ихъ средѣ.

Все нижеслѣдующее касается одоевскаго уѣзда; дневникъ кончается такими словами: „Августа 6-го. Рекогносцированіе бѣлевскаго уѣзда не представляетъ ничего особеннаго“.

„Обѣдалъ, — записываетъ Тучковъ въ своемъ дневникѣ, — 1-го іюля, въ д. Бутырки—помѣщикъ генералъ П. А. Р. Тамъ

земли (сѣрой) по одной десятинѣ на тягло, и помѣщикъ изъ милосердія ли, или оттого, что въ этихъ мѣстахъ земля дурна, положилъ ихъ на оброкъ и беретъ только 60 рублей съ тягла. Сами крестьяне говорятъ, что имъ еще хорошо въ сравненіи съ тѣми, которые на пашнѣ, несмотря на то, что и они кромѣ оброка возятъ въ Москву господамъ хлѣбъ, а оттуда привозятъ господамъ собакъ, которыхъ должны кормить для господской забавы. Въ селѣ Касимовѣ баринъ Н. А. Л.; у него сборъ съ крестьянъ всего съѣстного, да сверхъ того барщина братъ на брата. Иные откупаются отъ послѣдняго и за три дня въ недѣлю платятъ 35 рублей оброку съ тягла. Онъ (Л.) продалъ Ю. дѣвокъ и выдаетъ своихъ по неволѣ. Какъ Р., такъ и Л. во время неурожая заставляютъ мужиковъ ходить по міру—и продаютъ хлѣбъ свой.

„Въ Филатовѣ помѣщикъ Н. В. Р., отставной гусарскій поручикъ лѣтъ тридцати-пяти. Р. говоритъ хорошо, но, видно, не такъ дѣлаетъ, какъ говоритъ; по его словамъ, тиранія помѣщиковъ — дурное дѣло, однако же вотъ уже два мѣсяца, какъ его крестьяне работаютъ поголовно на барина, а на себя ни одного еще дня. Они въ жалкомъ состояніи и говорятъ, что онъ ихъ *доѣхалъ*. Р.—изъ числа мелкопомѣстныхъ. Сестра его, пожилая дѣвушка, кажется умнѣе его, хотя и еще болѣе провинціалка. Впрочемъ, и самъ онъ очень неглупъ, говоритъ только отборными словами.

„Сидоровское принадлежитъ И. Н. Х., городничему новосильскому. Крестьяне работаютъ всю недѣлю поголовно на барина, исключая четверга и пятницы,—они только два дня работаютъ на себя; что же касается до воскресенья, то они въ этотъ день работаютъ на барина, себѣ—грѣхъ.

„Воротцы двухъ разныхъ помѣщиковъ—бр. С.; у того работаютъ братъ на брата обыкновеннымъ образомъ, но другой гоняетъ крестьянъ поголовно, и они въ жалкомъ состояніи.

„Покровское принадлежитъ И. И. Г.—вотъ его хозяйство: первое—оброкъ съ тягла сорокъ рублей; сверхъ того, барщина поголовно, когда вздумаетъ; всякій крестьянинъ обязанъ дать ему барана, овцу, курицу, свиней, поросятъ, даже масла, холста и пр., и всего, что̀ только можно вздумать. Собранный скотъ и вообще весь господскій розданъ по крестьянамъ; они обязаны его кормить, а въ случаѣ, что корова или что̀ другое издохнетъ, то мужикъ за это долженъ заплатить, какъ тому и былъ примѣръ: за теленка взялъ онъ 60 рублей съ мужика, который его кормилъ. Къ удивленію, староста несетъ всѣ повинности

на-ряду съ прочими. Но, что всего хуже, всякій крестьянинъ безъ позволенія барина не можетъ жениться, а баринъ за позволеніе беретъ съ жениха 150, 100, а иногда и 300 рублей, другими словами, баринъ продаетъ своихъ дѣвокъ своимъ же крестьянамъ; а ежели послѣдніе, по бѣдности, этого не заплатятъ, то онъ продаетъ дѣвокъ чужимъ, а двадцатилѣтній крестьянинъ считается уже въ тяглѣ, хотя бы онъ былъ и холостой. Этихъ примѣровъ было четыре: за вдову 150 рублей, за дѣвокъ: за одну—170, за другую—200 и за третью—250. Что же касается до холостыхъ тяголъ, то ихъ довольно. Я былъ у тамошняго священника и просилъ его дать мнѣ записку за его подписаніемъ, что въ Покровскомъ дѣйствительно помѣщикъ Г. такъ обходится съ крестьянами; но онъ мнѣ сказалъ, что хотя все это очень справедливо, но записки дать не можетъ, по той причинѣ, что это запрещено. Онъ человѣкъ очень неглупый и бранитъ барина; онъ мнѣ совѣтовалъ поговорить съ протопопомъ въ Одоевѣ, который, по его словамъ, можетъ приказать ему дать записку обо всемъ, и тогда съ радостью онъ это исполнитъ. Эти крестьяне принадлежали прежде Степану Ивановичу Вельяминову—имъ было тогда очень хорошо. Попадья и вообще всѣ крестьяне говорятъ, что никогда не сравняютъ они старыхъ помѣщиковъ съ молодыми; прежніе были несравненно лучше, по ихъ словамъ; никогда они такъ много не работали на господъ, какъ ныньче; ныньче ихъ больнѣе бьютъ, больнѣе взыскиваютъ, продаютъ порознь дѣвокъ, вдовъ, мужиковъ (напримѣръ, въ Воротцахъ у *лихого* барина купленный мужикъ въ жалкомъ состояніи; его пригнали и поставили въ рядъ съ прочими и до того разорили, что онъ продалъ послѣднюю корову, по словамъ тамошнихъ крестьянъ). Нынѣшніе помѣщики всѣ *лихи*, а въ прежнее время это если и бывало, то весьма рѣдко. А если и есть молодые хорошіе помѣщики, то они *не стоятъ* (умираютъ), напримѣръ Алексѣй Ивановичъ Ляпуновъ. Гдѣ же просвѣщеніе дворянъ? Вообще можно сказать, что здѣсь народъ угнетенъ до чрезвычайности; казенныхъ крестьянъ мало—все помѣщичьи, а изъ нихъ ни одного нѣтъ изряднаго; если не сами, то приказчики разоряютъ въ конецъ.

„Въ Ивановскомъ гоняютъ на работу поголовно, въ иную недѣлю дадутъ крестьянамъ 1 день на себя, много 2 дня, а часто и ни одного дня. Воскресенье не работаютъ. Я спрашивалъ, когда же крестьяне убираютъ свой хлѣбъ—мнѣ отвѣчали: на это есть ночь. Съ нихъ идетъ также сборъ всего съѣстного по обыкновенію здѣшнихъ помѣщиковъ; однакоже крестьяне не

въ самомъ дурномъ состояніи—можетъ быть, отъ того, что помѣщикъ ихъ умеръ, а они въ опекѣ, по тяжебному дѣлу, и хотя на прежнемъ положеніи, но вѣроятно, что на нихъ не такъ строго взыскиваютъ. Здѣсь народъ веселѣе.

„На дорогѣ встрѣтили мы одного изъ здѣшнихъ помѣщиковъ—у него 5 душъ, и онъ шелъ осматривать труды своихъ рабовъ. Нельзя было повѣрить, чтобы этотъ человѣкъ былъ помѣщикомъ: бѣлье, шлафрокъ, зеленая фуражка съ красным ободочкомъ, бѣлые чулки, мужичьи сапоги—вотъ весь его нарядъ, грудь нараспашку и съ палкою, и небритою сѣдою бородой. Хорошо, что извозчикъ сказалъ мнѣ, что и это баринъ, а зовутъ его Аѳанасій Степановичъ. Баринъ остановился, снялъ шапку и спросилъ меня: много ли было на ярмонкѣ?—Не знаю, —отвѣчалъ я.—Да вѣдь вы вѣрно съ ярмонки?—Совсѣмъ нѣтъ. —Такъ откуда вы?—Я ѣзжу по уѣзду.—Вотъ весь нашъ разговоръ, а слѣдствіе его было то, что стали говорить обо мнѣ: онъ-де ѣздитъ по всѣмъ деревнямъ разставлять кабаки.

„Нѣмцово—однодворческая деревня. Однодворцы живутъ несравненно чище, богаче; они имѣютъ своихъ крестьянъ и поступаютъ съ ними *варварски*. Правда, что они не бьютъ ихъ, но заставляютъ работать очень много, и что̀ хуже всего дѣлятъ ихъ безчеловѣчно: одному достался дѣдъ, другому—сынъ, третьему—внукъ. Продаютъ и покупаютъ ихъ по одиночкѣ.

„Лѣска—разныхъ помѣщиковъ. Тамъ, какъ и во всей здѣшней сторонѣ, не знаютъ работать братъ на брата—все поголовно; здѣсь вообще по воскресеньямъ работаютъ на помѣщиковъ: поутру къ обѣднѣ, и то не всегда и не у всякаго помѣщика, а послѣ обѣда у *всѣхъ* на барщину. Что же касается до самихъ помѣщиковъ, то я не знаю, съ чѣмъ можно ихъ сравнить—вотъ ихъ образъ жизни: встаютъ рано, пойдутъ осмотрѣть работу крестьянина, сѣкутъ, ежели покажется дурною, потомъ пьютъ травникъ и сивуху, не знаю только, въ какое время: я видался съ иными поутру рано, съ другими поздно, съ иными въ полдень, и вездѣ заставалъ если не водку (ибо это дорого), то сивуху или травникъ. Изъ числа этихъ празднопатающихся разбойниковъ и пьяницъ не исключаются и женщины; безъ со мнѣнія, послѣднихъ гораздо меньше. Однако вотъ имена всѣхъ негодяевъ одоевскаго уѣзда: пьяницы А. М. Ж., три брата К., Н. Д. А. съ братомъ (у послѣдняго я былъ, онъ мнѣ предлагалъ травнику, живетъ въ бѣлой избѣ, молодъ, я думаю—лѣтъ двадцати, въ усахъ и съ маленькой бородою; можетъ быть, не

брѣется за неимѣніемъ бритвы); изъ женщинъ: покойная жена И. П. В. (сивуху) и барыня въ Лѣскахъ нынѣ здравствующая.

„Въ Желѣзенцахъ баринъ старикъ князь Г.—въ двѣ недѣли 1 день мужикамъ, да сверхъ того сборъ всего съѣстного. Онъ *донялъ крестьянъ боемъ*, по словамъ ихъ,—по 500 палокъ за одинъ разъ, или, лучше сказать, бьетъ до упаду, сѣчетъ кнутомъ, когда очень осердится, и бьетъ изъ своихъ рукъ палкой по головѣ. Много отъ него померло.—Самодержавное правленіе русскихъ помѣщиковъ не можетъ быть одинаково, ибо основано на волѣ помѣщика, а такъ какъ они всѣ разныхъ свойствъ, то и не могутъ управлять рабами своими одинаково. Можно сказать утвердительно, что даже въ одномъ селеніи *разныхъ господъ* есть разность въ характерѣ крестьянъ. Уныніе и неудовольствіе —печать рабства—составляютъ главнѣйшую черту характера русскихъ крестьянъ, но въ иныхъ мѣстахъ они услужливѣе, въ другихъ—боязливѣе, и тамъ, гдѣ помѣщики обходятся съ ними лучше, они не такъ снисходительны, но все такъ же недовольны своею участью; ибо тамъ, гдѣ человѣкъ менѣе угнетенъ, онъ болѣе можетъ размышлять о себѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть доволенъ своею участью.

„Не всегда проклинаютъ крестьяне помѣщиковъ; много терпятъ они и отъ приказчиковъ, особливо отъ нѣмцевъ; эти варвары поступаютъ съ ними безчеловѣчно—бьютъ палками и сѣкутъ кнутомъ безъ пощады. Въ Лѣскахъ г-жи Р. приказчикъ-нѣмецъ, года три или четыре тому назадъ, осмотрѣвши господскую пашню, приказалъ сѣчь мужиковъ за то, что будто бы они дурно пахали; онъ сѣкъ немилосердно въ два кнута, тутъ же на полѣ. Мужиковъ было много, и такъ какъ иные стали отъ него бѣгать, то онъ приказалъ догнать ихъ на лошадяхъ, и, закинувъ имъ петлю на шею, тащить такимъ образомъ до мѣста казни; двухъ крестьянъ онъ было-удавилъ до смерти; прочіе это видѣли и сказали: „намъ этого не миновать, а хуже этого съ нами никогда не будетъ—долго ли же терпѣть?“ Они бросились на хромого нѣмца и, безъ сомнѣнія, убили бы его, еслибы онъ не ускакалъ отъ нихъ въ телѣгѣ. Мужики гнались за нимъ 15 верстъ, но онъ ушелъ отъ нихъ къ другому приказчику, который его спряталъ; дѣло кончилось, а приказчикъ сталъ гораздо смирнѣе. Я замѣтилъ, что крестьяне еще болѣе ненавидятъ дурного приказчика, чѣмъ дурного помѣщика. Можетъ быть, это отъ того, что они менѣе видятъ разности между приказчикомъ и собою, нежели между господиномъ и собою. Наружность дѣлаетъ большое вліяніе на человѣка, а приказчиковъ

много съ бородами, и отъ этого крестьянинъ скорѣе можетъ видѣть, что приказчикъ, такой же человѣкъ, какъ и онъ. Однодворцы имѣютъ крестьянъ; они, кажется, обходятся съ ними если и не хорошо, то по крайней мѣрѣ ничего не дѣлаютъ противъ закона. Однодворецъ такъ же и ѣстъ, такъ же одѣвается, такъ же работаетъ и сверхъ того совершенно тѣ же несетъ повинности государственныя, какъ и его крестьянинъ. Но послѣдніе въ ужасномъ положеніи, ибо не постигаютъ, почему не только совершенно такой же человѣкъ, какъ они, но человѣкъ платящій одну повинность съ ними, слѣдовательно не болѣе ихъ значащій въ обществѣ, имѣетъ такую страшную власть: продаетъ сына одному, отца другому, внука третьему. „Вотъ, баринъ,—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—отецъ мой всю свою жизнь работалъ однодворцу; пока были силы—его кормили; состарился—согнали, двухъ братьевъ моихъ распродали, а имѣніе наше все забрали. Я оставался одинъ съ моимъ сыномъ вотъ у этой барыни—и послѣдняго отняли и продали. Мнѣ осталось одно утѣшеніе: придетъ сюда отецъ мой, по міру скитающійся, мы можемъ только вмѣстѣ плакать". Но господскіе крестьяне думаютъ, что служить однодворцу лучше, ибо видятъ, что иногда однодворецъ вмѣстѣ съ ними обѣдаетъ и совершенно имъ равенъ (при томъ однодворцы никогда такъ не бьютъ своихъ крестьянъ, какъ помѣщики; ежели это и бываетъ, то весьма рѣдко). Но они ошибаются, ибо рабъ, который не видитъ разницы между своимъ властелиномъ и собою, отъ наружности ли, отъ обхожденія ли, отъ просвѣщенія ли, не можетъ сносить иго терпѣливо. И потому крестьяне однодворцевъ—въ худшемъ положеніи, нежели господскіе, хотя впрочемъ перваго несравненно менѣе бьютъ; онъ же не имѣетъ и приказчика.

„Мнѣ разсказывалъ крестьянинъ князя Г., помѣщика деревни Желѣзенцы, довольно ужасный поступокъ барина: онъ захотѣлъ отнять дочь у отца и взять ее къ себѣ (а нравственность крестьянъ лучше нравственности помѣщиковъ); слезы отца и матери не могли спасти дочери. Но вотъ еще примѣръ,—не знаю, который ужаснѣе. Г. хотѣлъ имѣть жену своего столяра, который, не имѣя правъ человѣческихъ, безъ сомнѣнія, не станетъ защищать священнѣйшаго изъ нихъ: такъ думалъ баринъ. Но онъ ошибся. Столяръ-рабъ умолялъ барина оставить жену его; но когда увидѣлъ, что это не помогало, тогда столяръ сдѣлался уже не рабомъ, ибо требовалъ этого настоятельно. Какое же было слѣдствіе сего благороднѣйшаго поступка? Рабъ былъ высѣченъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ и сосланъ въ деревню

за 500 верстъ. Теперь спрашиваю: кнутъ въ рукахъ помѣщика для претерпѣвающаго это мученье (ибо это не есть наказаніе) —не все ли равно, что кнутъ въ рукахъ правительства, а ссылка за 500 верстъ—не та же ли Сибирь для человѣка, преданнаго своему семейству, для раба, готоваго защищать права человѣческія, которыхъ онъ не имѣетъ? Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что помѣщикъ не въ правѣ былъ это сдѣлать; но гдѣ же искать суда? Нынче крестьяне объ этомъ и не думаютъ; они говорятъ: „одна надежда на Бога", а иные: „на Бога уповай, а самъ не оплошай". Впрочемъ, вотъ извѣстное право всякаго человѣка, который имѣетъ въ судѣ тяжебныя дѣла: онъ можетъ подать даже подозрѣніе на члена суда. Теперь посмотрите на помѣщиковъ и крестьянъ; не только этого права,—ихъ и судить не станутъ (и такъ крестьянинъ лишается первѣйшаго права человѣческаго), но сдѣлаютъ слѣдствіе, ибо рабъ не требуетъ правосудія, а *доноситъ рабски* о несносномъ обхожденіи своего господина. Потомъ баринъ бываетъ всегда почти правъ, не столько отъ законовъ, сколько отъ самихъ крестьянъ, которые, зная, что не-баринъ навѣрное будетъ наказанъ и что всего чаще ихъ опять отдаютъ тому же господину, страшатся сказать на господина *все*, ибо чѣмъ болѣе они обвинятъ барина, тѣмъ ужаснѣе будетъ ихъ положеніе въ случаѣ неудачи. Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что раба съ господиномъ судить нельзя; а такъ какъ и рабъ, и господинъ—равные люди, Богомъ созданные, слѣдовательно равно требующіе правосудія, то ни раба, ни господина быть не должно. Я чрезъ это не хочу сказать, чтобы люди были всѣ равны. Это невозможно, ибо люди созданы съ разными душевными качествами; всегда будутъ отличнѣйшіе достойны уваженія и возьмутъ первенство передъ прочими; но, возвышаясь заслугами, пускай забудутъ они быть *властелинами* и имѣть *рабовъ*, ибо это противно закону Божію.

„Мнѣ сказывалъ крестьянинъ малолѣтнихъ Б., села Стоянова, какъ заставляютъ работать 70-лѣтняго отца его. Съ 13-ти до 70-ти лѣтъ работаетъ онъ на господъ, и, работая 57 лѣтъ, ничего не выслужилъ. Ежели же его кормятъ, то, по словамъ крестьянина, этого мало, потому что кормятъ и скотину, которая служитъ.—Послѣ этого какъ намъ не желать свободы! Старикъ, какъ жизнь его ни тяжела, желалъ бы дожить до *того* времени, чтобы, по словамъ его, „хоть умереть весело",—а сынъ сказалъ мнѣ, что для такого торжества какъ не выпить; впрочемъ *радоваться* много нечему.

„Въ Есенкахъ написалъ къ одоевскому исправнику г. Бори-

сову на приказчика Булатова, помѣщика Л. И помѣщикъ, и приказчикъ—*славные люди.* Они разоряютъ крестьянъ до чрезвычайности и бьютъ немилосердно; во все лѣто даютъ имъ 3 дня работать на себя, отрѣзали у нихъ лучшую землю. Перевели у крестьянъ свиней, а между тѣмъ собираютъ съ нихъ свинину, которую крестьяне должны покупать. Работая вѣчно на барина, не зная ни отдыха, ни церкви по воскресеньямъ, эти несчастные находятся въ жалкомъ состояніи. Если кто изъ нихъ осмѣлился попросить господскаго хлѣба по неурожаю прошедшаго года, то баринъ даетъ имъ понемногу, только прежде крестьянина сѣкутъ ужаснымъ образомъ. По міру ходить не позволяютъ, работать на себя не даютъ, а сбираютъ съ крестьянъ все съѣстное, что только вздумать можно. Они до того довели крестьянъ, что послѣдніе въ голосъ кричали мнѣ: „Уйми хоть ты его (приказчика), баринъ! Онъ, разбойникъ, бьетъ насъ безъ милости, разоряетъ въ конецъ".—Вотъ слѣды беззаконной помѣщичьей власти. Никогда не истребятся злые властелины, ибо ихъ и много, и бо̀льшая часть въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ: они любятъ имѣть рабовъ, ибо они сами рабы, но не ищутъ своей собственной свободы, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ.

„Въ заключеніе рекогносцированія одоевскаго уѣзда смѣло можно сказать, что напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары безо всякаго просвѣщенія, что они преданы всѣ почти пьянству и не чувствуютъ вреда, происходящаго отъ сего пагубнаго порока; что они, получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее ни на что полезное, и что тогда размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой,—и наконецъ напрасно говорятъ, что теперь—золотое время *спокойствія* или *тишины*, благодаря власти помѣщиковъ. Я удостовѣрился въ несправедливости сихъ мнѣній слѣдующими доводами, которые ясно убѣждаютъ въ противномъ. Можно ли назвать варваромъ человѣка, который бы сказалъ слѣдующее: „Господа забыли, что и мы такіе же, какъ они, люди, и обходятся съ нами какъ со скотами—продаютъ дѣтей нашихъ и насъ самихъ по одиночкѣ, разоряютъ цѣлыя семейства и цѣлыя деревни, наказываютъ безвинно и жестоко. Госпожи, забывъ стыдъ, свойственный ихъ полу, приказываютъ нѣсколькимъ мужчинамъ при своихъ глазахъ сѣчь безвинно обвиняемыхъ женщинъ. Неужели Богъ не услышитъ нашихъ молитвъ? Развѣ господа думаютъ, что они никогда не умрутъ и никогда не дадутъ отвѣта предъ Богомъ въ ихъ беззаконіяхъ? Но по смерти мы будемъ всѣ равны, и тамъ не будетъ ни господина,

ни раба. Это одна наша надежда, и еслибъ мы ее лишились, мы бы не знали, какъ и жить на свѣтѣ".

„Рабство, соединенное съ пагубнымъ пьянствомъ, безъ сомнѣнія дѣлаетъ русскаго крестьянина безпечнымъ; но всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, и можетъ ли крестьянинъ назваться виновнымъ въ этомъ порокѣ, когда правительство старалось и старается всячески о размноженіи сего порока, дабы разореніемъ крестьянъ обогатить себя, хотя, впрочемъ, доходъ этотъ не можетъ быть выгоденъ, ибо не отвращать отъ труда должно крестьянина, но стараться поощрять его въ занятіяхъ, полезныхъ для всего отечества. Итакъ, не будемъ обвинять крестьянъ, которые, не имѣя довольно просвѣщенія, чтобы воздержаться отъ сего порока, заслуживаютъ болѣе соболѣзнованія, нежели порицанія. Посмотрите на просвѣщенныхъ: многіе ли изъ нихъ умѣютъ повелѣвать страстями своими? Многіе ли умѣютъ укрощать страсти еще ужаснѣйшія, неизвѣстныя классу крестьянъ?

„Но не думайте, чтобы крестьяне не видѣли своего порока: они чувствуютъ его, и тѣмъ еще бо̀льшаго достойны сожалѣнія. Не отъ одного крестьянина слышалъ я, что кабаки ихъ разоряютъ, что государственныя подати для нихъ еще не такъ велики, и что съ нихъ сбираютъ гораздо большій оброкъ—деньги, которыя они платятъ за вино. Итакъ, изъ этого видѣть можно, что и крестьяне имѣютъ понятія о государственныхъ повинностяхъ и государственныхъ доходахъ, слѣдовательно они не варвары, преданные одному пьянству. Но что̀ сказать о крестьянахъ Селева, когда цѣлое селеніе предлагало деньги для того, чтобы не ставили къ нимъ кабака? Этотъ примѣръ восхитителенъ; тутъ видимъ не одного человѣка, но все селеніе, знающее силу порока и слабость силъ своихъ удержать оный: они предлагали выкупъ для избавленія села отъ разоренія, но его не приняли. И несчастные видятъ свое разореніе и не могутъ спасти себя отъ своего порока—вотъ положеніе ужасное!

„Что касается до свободы крестьянъ, то, безъ сомнѣнія, надобно стараться сперва потушить вредную страсть, вкоренившуюся, которая усиливается въ дни рабства, ослабѣетъ, но не исчезнетъ совершенно во дни свободы; ибо въ это время всякій думаетъ о себѣ и о своей будущей участи; а такъ какъ правительство распространило сей порокъ, то ему же должно принять мѣры и для его истребленія и, во-первыхъ, отказаться отъ *неправеднаго дохода*, основаннаго на разореніи людей. Тогда можно ожидать, что свобода не замедлитъ привести въ цвѣтущее состояніе сословіе людей (по словамъ одного почтеннаго человѣка), *прокорм-*

ляющее и обогащающее всю Россію, сословіе, дающее самое большое число защитниковъ отечеству, и потому сословіе достойное уваженія.

„Разбой и грабежъ теперь такъ часты, что, кажется, не будетъ времени, въ которое бы они могли быть еще ужаснѣе. Не стану разсказывать слышаннаго мною; довольно сказать, что и днемъ убиваютъ людей,—гдѣ же тишина и спокойствіе? Ночью нигдѣ почти нельзя ѣхать безопасно,—разбиваютъ почту; а между тѣмъ говорятъ, что власть помѣщиковъ удерживаетъ рабовъ отъ разбоевъ. При томъ замѣтить надобно, что во всѣхъ почти разбояхъ главные соучастники—люди крѣпостные. Въ бытность мою въ одоевскомъ уѣздѣ въ одно время найдено въ разныхъ мѣстахъ три мертвыя тѣла. Сверхъ того, одинъ удавился отъ нестерпимыхъ побоевъ бурмистра въ деревнѣ Калиновкѣ.

„Теперь обратимся къ просвѣщенію крестьянина. Многіе говорятъ, что русскій мужикъ глупъ и необразованъ. Не стану опровергать перваго, ибо нелѣпость эта слишкомъ очевидна. Что же касается до образованности его, то, сравнивая его съ иностраннымъ крестьяниномъ, говорятъ: первый живетъ въ черной избѣ, въ дыму—другой же живетъ въ бѣлой горницѣ; первый преданъ вину до чрезвычайности—другой употребляетъ его умѣренно; первый живетъ совершенно безпечно въ своемъ хозяйствѣ,—другой-же, напротивъ того, бываетъ иногда и прихотливъ“... [1])

---

[1]) На этомъ обрывается дневникъ поѣздки по одоевскому уѣзду; недостаетъ, повидимому, лишь немногихъ строкъ.

СЕСТРЫ

ПОВѢСТЬ.

I.

Весь торговый городокъ Песчанскъ былъ взволнованъ новой удачей Семена Алексѣевича Задорова.

„Лихачъ малый! Орелъ! Съ налету бьетъ!"—говорили про него даже самые видные и горделивые песчанскіе толстосумы, не то завистливо, не то съ восхищеніемъ обсуждая рѣдкое счастье молодого купца. „Въ короткое время—замѣтьте—чтò былъ и чтò сталъ! Да вѣдь еще еслибъ эта Софья Александровна его какая-нибудь мордафія была, на манеръ, скажемъ, свиного рыла, либо перестарокъ, либо дурища неотесанная, либо опять вертушка безстыжая—ну, понятное бы дѣло было. Такъ нѣтъ! Краля писаная, прямо сказать; умна, обучена, привѣтлива—на фортепіано ли сыграть кадриль или вальсикъ тамъ для танцевъ, для веселія, значитъ, молодежи, сурьезнаго ли человѣка принять ласково да съ почтеніемъ—на все она первая мастерица. И дѣловитая! У отца-то, говорятъ, въ Воронежѣ, у Александра Игнатьича, она первой рукой была, никакого конторщика не надо. Да-съ, по своей прыти да съ ейными деньгами далеко теперь вознесется нашъ Семенъ Алексѣевичъ!"

Песчанскіе обыватели не безъ основанія удивлялись удачамъ молодого Задорова.

Единственный сынъ скромнаго, болѣзненнаго и небогатаго купца, кончивъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, онъ еще почти ребенкомъ засѣлъ въ отцовскую лавку и ничѣмъ не выдавался изъ

среды своихъ сверстниковъ, кромѣ, пожалуй, цвѣтущаго здоровья, рѣдкой физической красоты и силы, да умѣнья держать себя дѣловито и нравиться людямъ даже гордымъ и ворчливымъ, отнюдь не особенно принижаясь передъ ними и не подслуживаясь раболѣпно.

По смерти отца, девятнадцатилѣтній Семенъ Алексѣевичъ быстро, но выгодно ликвидировалъ его торговое дѣло, а затѣмъ вовсе исчезъ изъ Песчанска, поступивъ на частную службу гдѣ-то далеко. Вернулся онъ черезъ четыре года. Завелъ торговлю желѣзомъ, послѣ занялся скупкою лѣсовъ — все это въ очень небольшомъ размѣрѣ сначала—наконецъ, выстроилъ химическій заводъ, и къ тридцати-двумъ годамъ отъ роду сдѣлался однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и видныхъ песчанскихъ дѣльцовъ.

Удивительная ему во всемъ была удача! Но слѣдуетъ признать, что удача эта въ достаточной степени оправдывалась и удивительнымъ умѣньемъ, рѣдкой силою воли и безпримѣрной выносливостью въ трудѣ. Не въ Песчанскѣ, отдававшемъ нѣкоторою затхлостью, но въ болѣе передовыхъ торговыхъ центрахъ, молодой, небогатый Семенъ Алексѣевичъ Задоровъ пользовался иной разъ бо́льшимъ кредитомъ и довѣріемъ, чѣмъ какой-нибудь ветхозавѣтный толстосумъ, единственно въ силу своихъ личныхъ свойствъ. Нашлись люди, которые охотно помогали ему въ трудную минуту просто потому, что „пареневъ-то выдался ужъ больно хорошій да разумный; на рѣдкость! Не жаль и приласкать такого: почувствуетъ и попомнитъ“.

Семенъ Алексѣевичъ, дѣйствительно, отличался не только строгой точностью въ исполненіи своихъ обязательствъ, хотя въ его рукахъ обыкновенно „мѣдная копѣйка за рубль шла“, но и способностью цѣнить доброе къ себѣ отношеніе. Между людьми, знавшими его поближе, онъ считался человѣкомъ ловкимъ, жаднымъ, хитрымъ и себялюбивымъ, но не дурнымъ и даже добрымъ. А его смѣлость, находчивость и вѣчная готовность на всякій трудъ, на всякія лишенія, завоевали ему прочное сочувствіе большинства его приказчиковъ, мастеровъ и тому подобнаго служебнаго люда, несмотря на его хозяйскую требовательность, а иногда и довольно горячія вспышки.

Тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, Семенъ Алексѣевичъ производилъ уже огромный торговый оборотъ, съ великой для себя выгодой, какъ это всѣмъ было ясно, но—„не по средствамъ“, какъ увѣряли песчанскіе дѣловые люди. „По туго натянутому канату ходитъ“,—говорили они.—„Если что̀—и оборваться не

долго. А все жадность. Очень ужъ на все завистливъ; глаза ровно у волка въ лѣсу горятъ".

Легко поэтому судить о впечатлѣніи, какое произвело въ Песчанскѣ внезапное прибытіе Задорова съ женою, послѣ двухнедѣльнаго только отсутствія „по дѣламъ"—и съ какой женою! Съ одной изъ двухъ дочерей извѣстнаго воронежскаго богача Безпальчикова, который уже давно выдѣлилъ каждой изъ нихъ по полумилліону.

Это оказывалось тѣмъ болѣе громкимъ событіемъ, что въ Песчанскѣ не только нѣкоторыя очень видныя невѣсты заглядывались на красавца Задорова, но и отцы ихъ или матери были далеко не противъ подобнаго жениха. Самъ милліонеръ Волнотеповъ, пожалуй, не прочь былъ бы назвать его своимъ зятемъ, тѣмъ болѣе, что оба молодые Волнотеповы-сыновья оказывались неудачниками. Но на всѣ въ этомъ родѣ намеки пріятелей Семенъ Алексѣевичъ неизмѣнно отвѣчалъ, что кусокъ хлѣба у него, слава Богу, есть свой, а ужъ если придетъ ему охота жениться, то не иначе, какъ на такой дѣвушкѣ, которая съумѣетъ ему очень понравиться. „Опостылишь себѣ свой же домъ,—прибавлялъ Задоровъ,—тогда для чего же и на свѣтѣ маяться? Не съ арфистками же, въ самомъ дѣлѣ, съ ярмарочными жизнь коротать. Помилуй Богъ!"

Софья Александровна дѣйствительно съумѣла „очень понравиться" своему красавцу-мужу. Весь Песчанскъ скоро замѣтилъ, что Задоровъ совсѣмъ безъ ума отъ молодой жены. „Ровно котъ весною, такъ за нею и ходитъ, глазами ѣстъ", — выразилась Олимпіада Харитоновна Изъянцева, дама „пронзительная", какъ ее называли въ Песчанскѣ, способная всякаго „разглядѣть насквозь" и „обработать въ наилучшемъ видѣ", до такой степени, что „послѣ ейной раскраски хоть въ баню иди въ десяти водахъ отмываться".

Замѣтили зоркіе дѣльцы, и совершенно безошибочно, что на первыхъ порахъ послѣ женитьбы Семенъ Алексѣевичъ сталъ даже „отбиваться отъ дѣла", сталъ въ своемъ огромномъ хозяйственно-торговомъ круговоротѣ менѣе вездѣсущимъ и всевидящимъ, позволялъ себѣ нѣкоторыя мелкія упущенія, за которыя самъ же въ былое время разгнѣвался бы на себя и на своихъ служащихъ совсѣмъ не на шутку. Задоровъ—кстати сказать—принадлежалъ къ числу тѣхъ хозяевъ, которые въ каждомъ промахѣ своихъ подчиненныхъ видятъ прежде всего свою собственную вину: зачѣмъ, молъ, не доглядѣлъ и не предвидѣлъ.

Опустили крылья хозяйская жадность и трудовая энергія Се-

мена Алексѣевича. Видно, слишкомъ горячи и сладки оказались поцѣлуи красавицы молодой жены, слишкомъ захватывалъ сердце ея влюбленный шопотъ. „Опалѣлъ я немного!"—сознался самъ Задоровъ своему главному приказчику. „Погодите, дайте опомниться... Наше не уйдетъ. Наверстаю".

Зато Софья Александровна даже въ угарѣ молодого счастья выказала замѣчательную дѣловитость. Необыкновенно быстро и толково освоилась она со всѣми дѣлами своего мужа, вникла во всѣ подробности, ознакомилась со всѣми служащими; пронаблюдала и разсмотрѣла ихъ не хуже самой пронзительной Олимпіады Харитоновны Изъянцевой; вызнала, поняла и оцѣнила съ замѣчательной вѣрностью всѣ виды и предположенія своего мужа на будущее время, наконецъ, совершенно естественно и просто, какъ будто иначе и быть не могло, стала замѣнять его во многихъ случаяхъ, дѣлая это съ такимъ умомъ и умѣньемъ, что Семену Алексѣевичу оставалось только руками развести да сказать себѣ, что Богъ послалъ ему помощницу, которая, въ случаѣ надобности, смѣло можетъ замѣнить самого хозяина. Даже въ смыслѣ бережливости и холоднаго разсчета двадцати-трехлѣтняя красавица-жена оказывалась чуть ли не поприжимистѣе своего мужа, хотя и онъ далеко не слылъ расточителемъ.

Когда, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, Софья Александровна, сидя у своего мужа на колѣняхъ, сообщила ему, между двумя горячими ласками, что съ помощью кое-какихъ неважныхъ и почти безобидныхъ для людей перемѣнъ расходъ въ рабочей застольной можно сократить на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ,—восхищенный Задоровъ, любуясь ею, невольно воскликнулъ:

— Золотая ты моя! Какъ тебя Господь такую сотворилъ? И краше всѣхъ, и умнѣе всѣхъ, ровно въ сказкѣ... Анъ вотъ быль, живая сидитъ! Смотрите всѣ люди, по цѣлому царству россійскому, какая у Семена Задорова жена!

Софья Александровна только улыбнулась въ отвѣтъ.

— Хороша ли, нѣтъ ли,—замѣтила она черезъ мгновеніе,—а ужъ теперь видно, какъ купилъ, хвалить надо.

II.

Догоралъ ясный и теплый майскій вечеръ. Закатъ, еще яркоцвѣтный и лучистый, свѣтился сквозь рѣдкіе стволы красноватыхъ сосенъ, выбѣжавшихъ узкой опушкой за край небольшого озера, которымъ кончалась Синеплесовская лѣсная дача купца

Семена Алексѣевича Задорова. Безмѣрныя тѣни этихъ стволовъ тянулись черезъ все озеро Синій Плёсъ въ перемежку съ отблесками на водѣ, то яркими, то мутными, далекихъ огней заката. Тѣни вытянулись даже на небольшую, открытую полянку противоположнаго, лѣсного берега и захватили собою группу людей, расположившихся возлѣ костра.

Она, впрочемъ, была не многолюдна, эта группа.. Одинъ — молодой парень лѣтъ двадцати-пяти на видъ, съ красивымъ, но нѣсколько суровымъ лицомъ цыганскаго типа, лежалъ навзничь прямо на травѣ, закинувъ обѣ руки себѣ подъ голову. Другой— небольшой и тщедушный старичокъ съ темными, но сильно тронутыми сѣдиною волосами и бородою, сидя на кускѣ дерева, помѣшивалъ что-то въ котелкѣ, который висѣлъ надъ разведеннымъ въ сухихъ прутьяхъ огнемъ. Наконецъ, третій и послѣдній— высокая, сухая фигура въ крестьянской рубахѣ и лаптяхъ—стоялъ опершись на свой длинный, длинный посохъ и молча смотрѣлъ въ огонь. Это былъ пастухъ, и его большое стадо, купленное Задоровымъ „на выгулъ“, разсыпалось пестрыми группами тутъ же по всей полянѣ.

— Дѣдушка, а дѣдушка!—лѣниво протянулъ молодой человѣкъ, лежавшій на травѣ.—Правда ли, ребята сказываютъ, будто ты прежде въ большихъ капиталахъ ходилъ?

— Правда.

— Н-ну?

— У моего тятеньки, у покойника, агромадный кругъ заведенъ былъ по мясному дѣлу; а потомъ все ко мнѣ перешло.

— Да что̀ все-то?

— Однѣми чистыми деньгами тысячъ поболѣ пятидесяти. Тогда это здоровый капиталъ считался.

Молодой человѣкъ даже приподнялся на локтѣ и повернулъ лицо свое къ собесѣднику.

— Куда же это все дѣлось?

— Куда! Мѣста на свѣтѣ много. Большіе милліоны и тѣ летятъ такъ, что не увидишь.

— Ты какъ же, тоже мясное дѣло велъ?

— Разумѣется.

— Значитъ, плохо понималъ въ этомъ?

— Ну, вотъ! Я вѣдь выросъ на мясномъ дворѣ. Кому же и понимать!

— Мало ли что выросъ! Иной, дѣйствительно, при какомъ-нибудь дѣлѣ всю жизнь околачивается; а между прочимъ...

— Ты, молодецъ, у насъ еще вновѣ, — оттого и хозяина,

Семена Алексѣевича, мало знаешь. У него, братъ, несвѣдущій приказчикъ даже и недѣлю не проживетъ, это будь въ надеждѣ. А черезъ мои руки, можетъ, ужъ десятки тысячъ головъ его скотины перешло. Вотъ ты теперь въ здѣшнюю лѣсную контору къ нему поставленъ — что-жъ, берешься ты глаза ему отвести въ какомъ ни на есть дѣлѣ?

— Нѣтъ. Это правильно. Человѣкъ замѣчательный: ничего не упуститъ, ни самой малости. Иной разъ даже здѣсь, на мѣстѣ сидя, не доглядишь чего-нибудь, не спохватишься, а ужъ онъ замѣчаетъ въ лучшемъ видѣ.

— Тò-то вотъ и есть.

— Какъ же, значитъ, капиталъ ты свой провелъ? Али закурилъ больно? Винцо, картишки, дѣвочки...

— Тьфу! Это, братъ, теперь такая отчаянность на свѣтѣ пошла. А мнѣ даже подумать противно. Винище, положимъ, и тогда здорово лакали иные прочіе. Ну, у меня охоты къ нему не было.

— Куда же деньги дѣвались?

— Божья воля. Сегодня падежъ; завтра на подрядѣ убытокъ; послѣ-завтра добрый человѣкъ обманулъ, не заплатилъ... Такъ потихоньку да незамѣтно и пошло все прахомъ. Значитъ, не было у меня настоящаго промышленія о капиталѣ, неспособенъ оказался. Для этого вѣдь, милый человѣкъ, большая произительность требуется, а пуще всего жадность. Чтобы, значитъ, сердце спокоя себѣ не знало; чтò больше захватилъ, то больше хочется. Ну, а мнѣ Господь этого не далъ.

— Что-жъ, дѣдушка, много ты убивался по деньгамъ-то? Это помилуй Богъ всякаго!

— Убивался? Хе-хе-хе! Сначала, милый человѣкъ, точно: выпужался до смерти. Думаю себѣ: какъ же такъ? Жена, двѣ дочери малютки. Ну, а послѣ того, коли хочешь знать, мнѣ много слаще прежняго жилось.

— Это какъ?

— Да очень просто! Покуда были деньги, бывало, по ночамъ подушка подъ головою вертится. Все думаешь, тоскуешь, боишься. А спроси, на кой онѣ лядъ, деньги-то эти? Чтò я—не такъ же сытъ, не такъ же одѣтъ, не въ томъ же тепломъ углѣ живу, не въ той же церкви Богу молюсь? Только въ душѣ-то теперь покой, а въ молитвѣ сладость и веселіе, какихъ прежде никогда не было. Семенъ Алексѣевичъ, по старой памяти—мы вѣдь съ евонымъ отцомъ когда-то знакомство водили, даже въ родѣ какъ пріятелями считались—мѣсто мнѣ предоставилъ, ку-

сокъ хлѣба на старости лѣтъ. Дочки мои обѣ за хорошими людьми, слава Богу, и меня старика не забываютъ...

— Еще бы, когда ты имъ все свое жалованье отдаешь.

— Милый человѣкъ, они люди молодые, дѣтки у нихъ, внучки мои разлюбезные; имъ еще начинать приходится. А мнѣ что? зачѣмъ деньги?

— Ну, дѣдушка, тебѣ бы по твоимъ мыслямъ въ монахи идти.

— Сказалъ тоже! Хорошъ монахъ! Святые отцы—понимаешь ли ты это?—всѣмъ своимъ помышленіемъ только въ Богѣ да въ молитвѣ пребываютъ. А я мірской человѣкъ, на міру живу, и на умѣ-то у меня все мірское. Въ монастырѣ на молитву звонятъ, а я перекрестился, прочиталъ „Отче нашъ“ да „Богородицу“, и улетѣлъ мыслями къ земному дѣлу. Монахъ въ это время передъ алтаремъ, яко свѣща, Богу возженная, на молитвѣ труждается, не только за себя, но за всѣхъ христіанъ; а я думаю, не пора ли стадо на Нижній Логъ перегонять. Такъ-то, милый человѣкъ! Гдѣ ужъ намъ, грѣшникамъ, на святое дѣло дерзать.

— Постой, дѣдушка! Никакъ колокольчикъ?

— И то. Это Семенъ Алексѣевичъ ѣдетъ. Я евоный колокольчикъ издалека признаю.

— Что же это онъ, на ночь глядя?

— Дѣловъ много. Когда время трафится, тогда и ѣдетъ. Пожалуй, ночевать въ конторѣ останется.

— Что-жъ, его комната прибрана чисто.

— Надо пойти къ конторѣ, встрѣтить.

Оба собесѣдника встали.

— Михѣичъ, ты присмотри здѣсь за котелкомъ,—обратился старикъ къ молчаливому пастуху, который продолжалъ стоять, опираясь на свой длинный посохъ, неподвижный, какъ изваяніе.

— Ладно.

Къ лѣсной конторѣ—небольшому, крытому тесомъ флигельку —дѣйствительно подкатилъ легкій тарантасикъ на тройкѣ сытыхъ лошадей.

Семенъ Алексѣевичъ пріѣхалъ на этотъ разъ съ молодой женою.

Иванъ Поддужный, новый лѣсной приказчикъ, который попалъ къ Задорову на службу не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, увидѣлъ при этомъ случаѣ Софью Александровну впервые, и до такой степени былъ пораженъ ея наружностью, что даже не могъ совладать со своимъ смущеніемъ.

— Господи! Вотъ такъ красавица! — восклицалъ онъ въ душѣ, не совсѣмъ впопадъ отвѣчая на вопросы Задорова.

И долго въ эту ночь ворочался онъ безъ сна на своей старой перинѣ, унаслѣдованной отъ „маменьки“.

„На кой лядъ деньги! — думалъ онъ, вспоминая свой разговоръ съ дѣдушкою. — Нѣтъ, деньги — все! Былъ бы я богатъ, можетъ, и я бы съумѣлъ такую жену себѣ выискать... и я бы цѣловалъ, миловалъ... Господи! Да что̀ же это? Прямо, наважденье... Не могу заснуть... Духотище, жарко...“

Да, душною показалась Ивану Поддужному эта майская ночь. А тутъ еще соловьи со всѣхъ сторонъ свищутъ. Какъ заснешь?

III.

На слѣдующее утро Задоровы поднялись рано и пили чай на небольшомъ крытомъ крылечкѣ лѣсной конторы. Семенъ Алексѣевичъ вслѣдъ затѣмъ ушелъ куда-то вмѣстѣ съ Касаткинымъ, или „дѣдушкою“, какъ его почему-то всѣ называли. А Софья Александровна осталась за самоваромъ.

— Иванъ Ѳомичъ! — громко позвала она, оглядываясь на открытое окно конторы.

— Что̀ изволите приказать?—появился въ дверяхъ Поддужный.

— Не хотите ли стаканчикъ чаю?

— Помилуйте, смѣю ли я безпокоить...

— Садитесь-ка, садитесь, да потолкуемъ. Я очень рада съ вами познакомиться. Не чужіе вѣдь. Вмѣстѣ будемъ дѣло дѣлать.

Она передала Поддужному стаканъ чаю, и онъ присѣлъ на деревянную скамью, не помня себя. Но смущеніе его, человѣка бывалаго и знавшаго себѣ цѣну, было вовсе не робостью подчиненнаго.

— Скажите, отчеты по лѣсной конторѣ за прошлые три года хранятся у васъ, здѣсь?—спросила Софья Александровна.

— Точно такъ-съ.

— Ну, я послѣ пересмотрю ихъ... изъ любопытства. А пока скажите мнѣ, есть тутъ по близости какія-нибудь другія лѣсныя дачи, которыя могутъ намъ сбивать цѣну?

— Есть пристань Иванцева, да Расторгуевъ въ Коноплевской дачѣ Но они оба купили лѣсъ на сводъ, и срокъ имъ кончается: Расторгуеву въ будущемъ году осенью, а Иванцеву— черезъ три года.

— Такъ что къ тому времени цѣны можно будетъ поднять?

— Непремѣнно даже. Остальные лѣсишки здѣсь, кромѣ казеннаго, самые пустые. Такъ, крестьянскій товаришко да дрова. Ихъ и сводятъ-то больше все крестьяне же. Мелочь, не стоющая вниамнія.

— Значитъ, и на будущее время намъ опасаться нечего?

— На будущее-то время... есть тутъ одна загвоздочка.

— Ну?

— Не дай Богъ, Крутовицынскую дачу сводить начнутъ. Не слышно, положимъ, чтобы онъ ее продавать собирался... Но на грѣхъ мастера нѣтъ. А то еще растолкуютъ ему, чтобы самъ рубилъ.

— Ну, вѣдь онъ большой баринъ, столичный.

— Такъ-то такъ... Однако господинъ, говорятъ, прозорливый.

— А дача развѣ хорошая?

Поддужный пустился въ описаніе, поощряемый весьма дѣловитыми разспросами Софьи Александровны. Однако, подробно описывая достоинство различныхъ участковъ дачи и высчитывая приблизительную ихъ стоимость, онъ хотя и старался лицемѣрно потуплять глаза въ землю, но по временамъ, когда ему казалось, что молодая хозяйка на него не смотритъ, глаза эти вспыхивали такимъ жаднымъ огнемъ, такими знойными взглядами, что понять ихъ истинное значеніе было совсѣмъ нетрудно.

Софья Александровна, впрочемъ, отлично ихъ замѣтила и улыбалась въ душѣ.

„Не ты первый, голубчикъ! — думала она горделиво. — Захочу—на стѣны полѣзешь. Что-жъ, это не мѣшаетъ, даже и поощрить можно. Если дѣло съ Крутовицынской дачей выгоритъ, онъ мнѣ преданнѣе служить будетъ и дешевле. Рублей двѣсти можно ему дать за „лишній трудъ“—ну, двѣсти пятьдесятъ... Да нѣтъ, и двухъ сотъ довольно, если взглянуть поласковѣе. Онъ согласится, да еще какъ стараться будетъ! А то вѣдь съ другимъ, пожалуй, и пятью стами не отдѣлаешься“.

Допивъ чай, Софья Александровна прошла въ контору и стала внимательно просматривать итоги лѣсного дѣла по отчетнымъ книгамъ за прошлые года. А Поддужный присѣлъ поодаль, немного сзади, и пожиралъ ее глазами. Это, однако, мѣшало молодой женщинѣ сосредоточиться на своемъ занятіи. На этотъ разъ ей было не до влюбленныхъ взглядовъ.

— Иванъ Ѳомичъ! — обернулась она къ нему съ любезной улыбкой.—Вы изъ-за меня не безпокойтесь, я и одна справлюсь.

А у васъ вѣрно есть дѣло. Можетъ быть, Сеня на лѣсосѣкъ прошелъ, васъ ждетъ.

Поддужный молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

„Лицо немножко цыганское, а недуренъ,—подумала Софья Александровна.—Еслибы что—съ ума бы сошелъ малый... Не стоитъ!"

Задоровы пробыли на Синеплесовской дачѣ двое сутокъ. Софья Александровна неутомимо объѣздила, исходила и осмотрѣла ее всю до самыхъ отдаленныхъ угловъ, попутно выспрашивая то у мужа, то у Поддужнаго всѣ подробности о мѣстныхъ цѣнахъ и требованіяхъ на лѣсной матеріалъ, о стоимости рабочихъ силъ, о поставкѣ на желѣзныя дороги и сплавахъ лѣса на югъ, въ степныя мѣстности, словомъ, о всѣхъ торговыхъ условіяхъ дѣла. Очевидно, съ ея стороны это не было ни празднымъ любопытствомъ, ни случайной болтовнею отъ скуки. Она такъ быстро выводила изъ добытыхъ свѣдѣній правильныя заключенія и такъ вѣрно таксировала на глазъ лѣсные участки, что мужъ и Поддужный могли, не стѣсняясь, говорить съ нею, какъ съ товарищемъ - спеціалистомъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ условные термины лѣсоторговаго языка оказались ей вполнѣ извѣстными. Поддужный только дивился про себя да приходилъ все въ большій восторгъ. „Вотъ это... дама, можно сказать!"— восклицалъ онъ въ душѣ.—„Не сорока-трещотка пустоголовая, а королева, прямо королева!.. и разлапушка, какихъ даже на свѣтѣ нѣтъ! Эхъ... кажется, душу бы продалъ"...

По части скота Софья Александровна оказалась несравнимо менѣе свѣдущей, чѣмъ по лѣсному дѣлу. Она хорошо знала условія торговли мяснымъ скотомъ, вѣрно цѣнила луга и выпасы, но незнакома была съ тонкостями и подробностями всѣхъ пріемовъ выкормки или нагуливанія, а также не умѣла правильно „обложить" (то-есть опредѣлить убойный вѣсъ и качество мяса) животное на глазъ. Зато тѣмъ болѣе внимательно слушала она всѣ объясненія „дѣдушки", и даже прямо-таки заставила его учить себя, провозившись въ стадѣ около трехъ часовъ. Старика-Касаткина она обласкала, помянула ему и о старомъ его пріятельствѣ съ отцомъ ея мужа, разспросила его о дочеряхъ и пригласила его, когда ему случится быть въ городѣ, непремѣнно заходить къ ней, чтобы напиться чайку и побесѣдовать. „Умная хозяйка и ласковая!"—заключилъ Касаткинъ:—„Семенъ Алексѣевичъ зналъ, кого выбрать. Очень даже сурьезная и обходительная... А впрочемъ въ душу не влѣзешь".

Но если Софья Александровна выказала свои хозяйственныя

дарованія съ наилучшей стороны, зато самъ Семенъ Алексѣевичъ былъ на этотъ разъ далеко ниже своего обычнаго дѣлеческаго уровня. Всякіе доклады и объясненія выслушивалъ онъ разсѣянно, особенно въ присутствіи жены. Онъ видимо еще находился въ угарѣ страсти, слѣдилъ за всѣми движеніями своей „Сони", и въ глазахъ его нерѣдко свѣтился довольно яркій отблескъ того же жаднаго огонька, съ которымъ посматривалъ на нее украдкою Иванъ Поддужный. Семенъ Алексѣевичъ даже не всегда сдерживался и, несмотря на присутствіе своихъ приказчиковъ, позволялъ себѣ такія порывистыя и горячія ласки, что у Поддужнаго темнѣло въ глазахъ и стучали зубы, а „дѣдушка" —смотрѣлъ въ сторону. Эти порывы, впрочемъ, отчасти вызывались той все увеличивавшейся ласкою и нѣжностью, съ которыми посматривала Софья Александровна на своего мужа, по мѣрѣ выясненія всѣхъ огромныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ покупкою Синеплесовской дачи. „Да!"—говорила она себѣ.— „Мой Сеня не ротозѣй какой-нибудь, не фофанъ, а настоящій мужчина. Такого и любить стоитъ. Далеко пойдетъ... А все-таки я его вокругъ пальца обернула! Не вырвется!" И эта мысль заставила Софью Александровну самодовольно улыбнуться.

Задоровъ настолько былъ полнъ своимъ чувствомъ къ женѣ, что даже не утерпѣлъ похвастаться ею, оставшись какъ-то наединѣ съ Касаткинымъ.

— Ну, дѣдушка!—сказалъ онъ.—Хорошую я себѣ хозяйку выискалъ? Какъ по твоему? Ты вѣдь помнишь, какъ я въ отцовской лавкѣ мальчикомъ сидѣлъ... Можно было тогда что-нибудь такое подумать?

— Хозяйка—надо бы лучше, да нельзя. Зато ты самъ-то не больно хорошъ.

— Чѣмъ?

Старикъ замялся.

— Говори, дѣдушка, прямо. Мы вѣдь все-таки свои люди, и разговоръ у насъ зашелъ не хозяйскій, а по человѣчеству.

— Что жъ, Семенъ Алексѣевичъ, если правду сказать, не гожо̀ такъ.

— Что̀ не гожо?

— Софья Александровна супруга вамъ законная, Богомъ данная, дѣткамъ вашимъ, Богъ дастъ, будетъ матерью. А вы съ ней... на манеръ какъ съ полюбовницею.

— Что̀ ты, ошалѣлъ, дѣдушка? Да есть ли для меня что-нибудь дороже и милѣе ея на цѣломъ свѣтѣ!

— Не ошалѣлъ, Семенъ Алексѣевичъ, а насмотрѣлся кое-

чего на своемъ вѣку. Ты кровь-то свою поуйми, лучше будетъ. Богъ тебѣ жену для святого дѣла, для семьи, а не для баловства послалъ.

Задоровъ покраснѣлъ.

— Ну, дѣдушка, я и холостымъ на баловство не очень-то падокъ былъ.

— Такъ зачѣмъ же теперь себя не соблюдаешь въ уздѣ? И грѣхъ, и нехорошо, ей Богу, нехорошо. Огонь что ни больше раздуваешь, тѣмъ скорѣе догоритъ, а къ баловству, по слабости человѣческой, пристрастишься, одолѣетъ оно тебя, втянетъ, и на распутство кинешься.

Оба замолчали.

— Вы меня простите, хозяинъ, если я...

— Не въ чемъ прощать, дѣдушка. Я вѣдь самъ заговорилъ съ тобою объ этомъ. Я тебя еще благодарить долженъ за откровенность.

— Если такъ, спасибо тебѣ, Семенъ Алексѣевичъ, что мною, убогимъ старикомъ, не побрезговалъ.

Когда Задоровы вернулись изъ лѣсной дачи къ себѣ домой, въ Песчанскъ, то за позднимъ вечернимъ чаемъ разговорились между собою очень интимно и дружно.

— Ну, Сеня,—объявила Софья Александровна,—начинай дѣло съ Крутовицынымъ, я согласна. Авось, Богъ намъ поможетъ это устроить. Разумѣется, чтобы папаша былъ спокоенъ, мои деньги ты обезпечишь закладною, а какая будетъ польза—подѣлимъ по разсчету, кто сколько вложилъ.

— Да хоть всю себѣ бери!—разсмѣялся Семенъ Алексѣевичъ.—Нешто я съ тобой считаться буду? Мужъ да жена—одна сатана.

— Зачѣмъ такъ, Сеня? Деньги всегда счетъ любятъ. Дѣло дѣломъ. А что я тебя крѣпко люблю, ты самъ знаешь, да и стоишь того.

Послѣдовали очень пылкія нѣжности.

— А знаешь, Сеня,—замѣтила Софья Александровна въ концѣ очень обстоятельной дѣловой бесѣды:—у тебя этотъ Поддужный, кажется, очень знающій и расторопный малый, даромъ что молодъ.

— Прямо дорогой малый по работѣ. Только ненадёженъ. Такіе люди долго въ подручныхъ не живутъ,—норовятъ свое дѣло завести. И понятно. Поддужный тоже своего случая не упуститъ, навѣрное. Не тотъ малый! На лету схватитъ. Вся задача, когда такой случай представится.

— Ну, можетъ быть, на наше счастье, и не такъ скоро. Опять же на всякаго мудреца и простота бываетъ. Какъ-нибудь и прикрутимъ молодца къ своему дѣлу покрѣпче.

— Дай Богъ. А впрочемъ, не суть важно. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Не воруетъ онъ, Сеня?

— Незамѣтно покуда. Да воръ ко мнѣ и не пойдетъ на службу.

— Тò-то!

IV.

Судьбѣ угодно было пріостановить на время всѣ дѣловые планы и разсчеты Задоровыхъ. На слѣдующій же день имъ доставлена была телеграмма съ извѣстіемъ о скоропостижной смерти отца Софьи Александровны, воронежскаго милліонера Безпальчикова. Этотъ тучный человѣкъ умеръ, спокойно бесѣдуя съ однимъ изъ своихъ пріятелей въ трактирѣ, за парой чая. Агонія длилась не болѣе трехъ, четырехъ минутъ. Случай апоплексіи вышелъ „очень чистенькій и демонстративный“,— какъ выразился молодой врачъ, нà-скоро позванный перепуганными свидѣтелями этого „случая“, но успѣвшій явиться слишкомъ поздно, когда могучій милліонеръ сталъ уже только—„падалью“. Это некрасивое словечко пустили ему въ слѣдъ нѣкоторые, повидимому, несовсѣмъ по-христіански настроенные мелкіе людишки, которымъ случалось испробовать на самихъ себѣ силу коммерческой геніальности покойнаго богача.

Задоровы, разумѣется, поѣхали въ Воронежъ. Семенъ Алексѣевичъ пробылъ, однако, тамъ недолго и вернулся въ Песчанскъ, къ своимъ текущимъ дѣламъ, тотчасъ послѣ похоронъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Зато Софья Александровна оставалась въ Воронежѣ до истеченія сорокового дня по смерти своего покойнаго отца, то-есть, до того момента, когда душа внезапно усопшаго милліонера окончательно простилась съ своимъ земнымъ мѣстопребываніемъ и вознеслась... въ тѣ обители, гдѣ, говòрятъ, коемуждо воздается по дѣламъ его. Наслѣдники Безпальчикова, впрочемъ, не поскупились на возможное облегченіе ему доступа въ обители горнія: тѣло предавалъ землѣ самъ архипастырь соборнѣ, сорокоусты заказаны были чуть не десятками, вклады на вѣчный поминъ души даны были щедрые и многіе, „даже, прямо можно сказать, сверхъестественные“, какъ выразился одинъ изъ приказчиковъ покойнаго. „Ничего не

пожалѣли для папаши молодые хозяева при этомъ случаѣ",— добавлялъ онъ же.—„Да какъ и пожалѣть, какъ и не почесть, если, напримѣръ, милліоны?"

Софья Александровна хотя и не была уже наслѣдницею послѣ отца, какъ дочь, выдѣленная имъ еще при жизни, тѣмъ не менѣе вполнѣ оправдывала своимъ поведеніемъ сужденіе приказчика. На вопросъ одной изъ своихъ старыхъ знакомокъ, сколько времени она думаетъ пробыть въ Воронежѣ и не проѣдетъ ли до сорокового дня въ Песчанскъ—Софья Александровна даже нѣсколько обидѣлась.

— Развѣ я совсѣмъ безчувственная?—возразила она.—Папенька-голубчикъ—царство ему небесное!—наградилъ насъ не какими-нибудь пустяшными копѣйками. И вдругъ, зарывши его въ землю и даже не выждавши души упокоенія, я бы отвернулась прочь, да къ молодому мужу махнула! Нѣтъ, ужъ такъ я не сдѣлаю. Что̀ бы добрые люди обо мнѣ сказали? Что̀ бы родные братья подумали?

— Это такъ. Молодоженъ, извѣстно... Онъ не посмотритъ... Что̀-жъ, голубушка, это честь вамъ дѣлаетъ. Не всѣ такъ-то разсуждаютъ въ нынѣшнее время. А папеньки вашего покойнаго душенька теперь, чай, смотритъ на васъ да радуется, радуется. Почтили, молъ, меня дѣтки, какъ слѣдуетъ, добросовѣстно...

Недѣли черезъ двѣ послѣ своего возвращенія въ Песчанскъ съ похоронъ тестя, Семенъ Алексѣевичъ получилъ отъ жены нижеслѣдующее письмо.

„Милый Сеня! Сегодня совершенно неожиданно вернулась изъ-за границы сестрица моя, Анюточка. Тамошнее леченье и жизнь не помогли ей нисколько: такая же худая, блѣдная, безсильная—ужъ именно, что краше въ гробъ кладутъ. Впрочемъ, въ самое послѣднее время одинъ знаменитый докторъ сказалъ ей, что ее не такъ лечили, что никакихъ водъ или ваннъ ей не нужно, климатъ для нея хорошъ всякій, а все дѣло въ томъ, что не поняли ея болѣзни и больше ей вредили, чѣмъ лечили. Докторъ этотъ подробно, на бумагѣ написалъ ей, что̀ нужно дѣлать на будущее время, и увѣрялъ честнымъ словомъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она совсѣмъ оправится. Анюточка съ этимъ и пріѣхала домой. „Все равно,—говоритъ,—если помирать, такъ ужъ лучше на родной землѣ"; а то опротивѣли ей эти французы: „не люди,—говоритъ,—а козлы какіе-то противные; каждый,—говоритъ,—нашъ русскій нищій мнѣ пріятнѣе ихняго господина". Можетъ быть, у нея это и отъ болѣзни такая

меланхолія образовалась... Впрочемъ, главное-то вотъ въ чемъ. Анюточка не хочетъ оставаться въ Воронежѣ. „Зачѣмъ,—сказываетъ,—я буду жить съ невѣстками, когда у меня есть родная сестрица? Ты вѣдь, Соня,—спрашиваетъ,—примешь меня къ себѣ въ домъ?“ Я, Сеня, признаться, даже тебя не спросившись, очень ее обнадежила. Что-жъ, быть намъ въ чемъ-нибудь помѣхою она не можетъ, такъ какъ папенька-покойникъ еще при жизни выдѣлилъ ей деньгами столько же, сколько и мнѣ. А даже, напротивъ, если новый докторъ ее обманулъ и случится, помилуй Богъ, несчастье, придется ей помирать, то вѣдь даже и по справедливости мнѣ бы слѣдовало быть ея наслѣдницей. Братья безъ того на двоихъ больше пяти милліоновъ получили. За чтò же имъ еще-то? Такъ если Анюточка будетъ жить съ нами и увидитъ нашу ласку, она, въ случаѣ чего, скорѣе согласна будетъ наградить свою единственную сестру, чѣмъ братьевъ да невѣстокъ. Кстати же ты знаешь, какое у насъ золото Ильюшина Аграфена Кузьминишна! Да вѣдь и Васина Глафира Кондратьевна привыкла носъ свой задирать выше облака ходячаго, ровно бы герцогиня какая-нибудь урожденная; а и всего-то сарапульскаго второй гильдіи купца дочь, и всей ея награды отъ отца было пятьдесятъ тысячъ да тряпки. Такъ кому же можетъ быть пріятно ея фордыбаченье? особливо мужниной сестрѣ, которая сама въ полумилліонѣ,—значитъ, по настоящему, ровно въ десять разъ ея лучше? Вѣдь мужнины-то деньги Безпальчиковскіе, а не ея, Курятниковскіе, поэтому и кичиться ими передъ нами, Безпальчиковыми, ей не слѣдовало бы. Напиши же мнѣ, Сеня, поскорѣе насчетъ этого дѣла, да такъ, чтобы я могла показать твое письмо Анюточкѣ. Если ты уже писалъ Крутовицыну и получилъ отвѣтъ, то намекни мнѣ объ этомъ въ письмѣ, но не ясно. Пиши, напримѣръ, такъ: рубка начата, или не начата, удачно, или неудачно; а я ужъ буду понимать. Цѣлую тебя, милый мой дружокъ, крѣпко-прекрѣпко, скучаю безъ тебя и думаю о тебѣ цѣлые дни. Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я тебя люблю, потому что ты этого стоишь“.

„Твоя вѣрная жена Софья Задорова“.

„Кланяется тебѣ старикъ Маркелъ Никитичъ. Встрѣтилъ меня въ соборѣ, очень былъ доволенъ, и тобою не нахвалится. Это пріятно. Онъ вѣдь не пустой человѣкъ, а изъ первыхъ купцовъ въ городѣ“.

Семенъ Алексѣевичъ никогда не видалъ своей свояченицы. Когда онъ познакомился съ семьею Безпальчиковыхъ, посватался и женился — все въ теченіе одной зимы — Анна Александровна

уже жила и лечилась за границею. Пріѣхать на свадьбу она, разумѣется, не могла, такъ какъ въ ея положеніи промѣнять мягкую зиму средиземнаго побережья на трескучіе морозы воронежской губерніи было бы—по мнѣнію пользовавшихъ ее врачей, по крайней мѣрѣ,—настоящимъ безуміемъ. Да врядъ ли она и стремилась попасть на шумное и утомительное свадебное веселье. Семенъ Алексѣевичъ слыхалъ, что, измученная трехлѣтней тяжелой болѣзнью, она, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, отличалась угрюмостью и необщительностью, а вмѣстѣ чрезвычайной, почти капризной настойчивостью въ своихъ рѣшеніяхъ. Дома, въ семьѣ, судя по всѣмъ отзывамъ, она не пользовалась особеннымъ расположеніемъ близкихъ, хотя и не вызывала противоположнаго чувства; къ ней относились какъ-то снисходительно - индифферентно; обѣ невѣстки, напримѣръ, не стѣсняясь, называли ее „убогенькой". Семенъ Алексѣевичъ составилъ себѣ о свояченицѣ представленіе, какъ о чемъ-то малорослом, тщедушномъ, больномъ и ничтожномъ. „Что-жъ,—рѣшилъ онъ, прочитавъ письмо,—пусть пріѣзжаетъ. Мѣста у насъ довольно, и сама она тихая, лѣзть на глаза черезчуръ не станетъ. Да еще долго ли протянетъ? Такія вѣдь не жилицы на бѣломъ свѣтѣ. Докторъ ее, конечно, обнадежилъ, потому что такъ водится. Деньги ея беретъ,—не сказать же ей за это въ глаза: помирай, молъ, матушка, пора! А только гдѣ ужъ тамъ выздоровѣть, коли три года хворала... Гм! Иной разъ, какъ попадешь на линію, такъ словно само собою все спорится. Неужто въ самомъ дѣлѣ намъ съ Соней еще и сестрина часть достанется? Богъ съ нею, не желаю ея смерти, грѣхъ это— все-таки сестра вѣдь — да вѣдь мірской человѣкъ по неволѣ о мірскомъ думаетъ".

А Семенъ Алексѣевичъ именно въ этотъ моментъ и былъ какъ разъ озабоченъ серьезной думою о деньгахъ. Внезапно сложились такія обстоятельства, появились такія требованія и предложенія, что небольшой химическій заводъ Задорова могъ бы съ огромной выгодою утроить, даже упятерить свое производство. Но для этого нужно было построить еще два огромные корпуса, выписать новыя машины, затратить значительный капиталъ на пріобрѣтеніе сырья, а денегъ для этого далеко не хватало, или, вѣрнѣе, ихъ не было вовсе. Семенъ Алексѣевичъ и безъ того развилъ торговое дѣло значительно шире наличныхъ средствъ, въ надеждѣ на свою неутомимость и находчивость. Откуда же было взять еще двѣсти или двѣсти пятьдесятъ тысячъ? Близко локоть, да не укусишь. „Въ три года

я бы удвоилъ капиталъ!" —шепталъ себѣ Семенъ Алексѣевичъ, безъ сна ворочаясь на душной постели. „А капиталъ жены нельзя тронуть: весь понадобится для Крутовицына, да еще, пожалуй, не хватитъ. Ужъ его-то дачи не упущу, скорѣе самого себя продамъ! Господи, дѣла-то, дѣла сколько предвидится!.."

V.

Софья Александровна вернулась въ Песчанскъ въ концѣ іюня, и привезла съ собою больную младшую сестру.

Какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оказалось, что Задоровъ составилъ себѣ объ этой дѣвушкѣ представленіе, не имѣвшее ничего общаго съ дѣйствительностью.

Правда, Анна Александровна поражала своей худобой и блѣдностью, крайняя усталость и безсиліе сказывались въ каждомъ ея движеніи, а глуховатый голосъ, страдальческое выраженіе лица и нерѣдкое дрожаніе рукъ дополняли картину человѣческаго разрушенія, которую ей суждено было представлять собою въ двадцать лѣтъ отъ роду. Но все-таки ни малорослой, ни слабой отъ природы, ни тѣмъ болѣе „ничтожной" никто бы ее не назвалъ. Напротивъ, это была дѣвушка высокая, стройная, даже несмотря на свою чрезвычайную худобу, съ широкимъ окладомъ плечей и небольшой головкой, увѣнчанной такою массою прелестнѣйшихъ волосъ темнаго цвѣта, почти черныхъ, что невольно казалось, будто они тяготятъ эту бѣдную больную головку, безпомощно поникшую долу. Зато тѣмъ неожиданнѣе было выраженіе лица Анны Александровны, когда она иной разъ внимательно и въ упоръ на кого-нибудь взглядывала. Вмѣсто печальнаго, робкаго, молящаго или капризнаго лица, которое каждый естественно предполагалъ встрѣтить въ больномъ полу-ребенкѣ, удивленный наблюдатель вдругъ видѣлъ предъ собою огромные темно-сѣрые глаза съ глубокимъ, осмысленнымъ, но крайне серьезнымъ и почти враждебнымъ взоромъ, выпуклый, прекрасно развитый лобъ, сдѣлавшій бы честь любому мыслителю, и безкровныя, подернутыя страдальческой гримаскою, но крѣпко сомкнутыя губы, ясно свидѣтельствовавшія объ увѣренной въ себѣ силѣ воли и спокойной непоколебимости рѣшенія.

Была ли красива собою Анна Александровна?

Когда она впервые протянула руку Задорову, безъ малѣйшей улыбки поднявъ на него свои огромные, строгіе глаза, то

она не только ему не понравилась, но даже произвела на него какое-то не то отталкивающее, не то жуткое впечатлѣніе.

„Ого-го-го! Вотъ ты какая! — подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, смутившись. — Нравная, должно быть... Да и некрасива же, Господь съ тобой!“

Между тѣмъ, было что-то въ этомъ лицѣ, такъ непонравившемся Семену Алексѣевичу, что̀ притягивало къ себѣ его невольное вниманіе, заставляло его исподтишка, но подолгу вглядываться въ эти заострившіяся черты, черные круги подъ глазами, провалившіяся щеки и блѣдноголубыя жилки на вискахъ, покрытыхъ безкровной и фарфорово-прозрачной кожею.

„Ну, сестричка! — покачивалъ про себя головою Семенъ Алексѣевичъ. — Нехороша, совсѣмъ нехороша! Даже смотрѣть непріятно. Ровно привидѣніе какое-нибудь, прости Господи, либо вѣдьма. Глаза-то злющіе... Вотъ Соня говоритъ: „будь съ нею поласковѣе“. Ну, на какой козѣ къ этакой-то подъѣдешь? Впрочемъ, пусть ее. Она какъ хочетъ, а мы сами по себѣ, въ сторонкѣ. Что̀ намъ? Хворая, вѣдь... Можно такъ устроиться, что какъ будто ея и нѣтъ совсѣмъ. Да... некрасива!“

И взгляды Семена Алексѣевича все-таки никакъ не могли оторваться отъ уродливой сестрички. Чѣмъ она ихъ притянула?

Впрочемъ, наметанный глазъ художника навѣрное возсталъ бы противъ черезчуръ поспѣшныхъ заключеній Задорова. Художникъ, конечно, разглядѣлъ бы и безукоризненную форму головы Анны Александровны, и строгую правильность линій ея лица, и своеобразную красоту ея глубокихъ глазъ, въ которыхъ вспыхивалъ по временамъ какъ бы отблескъ далекаго, скрытаго огня. Его не обманули бы вялость и восковая безцвѣтность кожи или рѣзкая угловатость очертаній.

А бѣдная „вѣдьма“, такъ упорно и недоброжелательно разглядываемая своимъ зятемъ, сама едва скользнула по немъ однимъ или двумя разсѣянными взорами. Ни его наружность, ни манеры, ни рѣчь — ничто не вызвало съ ея стороны ни малѣйшаго вниманія. Послѣ! Успѣется. Да и нѣтъ, кажется, ничего особеннаго... А пока, крайне утомленная дорогой, Анна Александровна жаждала отдыха, только отдыха, одиночества и полной тишины кругомъ.

Выпивъ кое-какъ чашку чая, но отказавшись отъ какой бы то ни было ѣды, она ушла къ себѣ, въ отведенныя ей двѣ комнаты, и поспѣшила лечь въ постель, несмотря на то, что солнце еще не успѣло скрыться за горизонтомъ.

Зато супруги Задоровы долго и серьезно бесѣдовали въ этотъ вечеръ.

— Чтò тебѣ отвѣтилъ Крутовицынъ? — спрашивала Софья Александровна.

— Отвѣтилъ, что въ августѣ самъ пріѣдетъ сюда, въ свое имѣніе, и тогда будетъ имѣть возможность подробно обсудить мое предложеніе, хотя, въ сущности, продать лѣсъ едва ли рѣшится.

— Значитъ, все-таки не совсѣмъ отказъ!

— Нѣтъ, я думаю, что рыбка клюнула.

— Дай-то Богъ!.. Теперь до августа нужно примолкнуть.

— Разумѣется. Но вотъ чтò, Соня: у меня есть для тебя другія новости. Я о нихъ не писалъ, потому что всего не напишешь, да и ради осторожности. Мало ли кто можетъ письмо прочесть!

— Какія же новости?

Семенъ Алексѣевичъ, въ отвѣтъ, показалъ женѣ всю переписку, которую велъ въ послѣднее время съ новыми покупателями и заказчиками своего химическаго завода, разсказалъ подробно о личномъ посѣщеніи, которымъ удостоилъ его многоизвѣстный фабрикантъ Иванъ Саввичъ Хлопушинъ, и о предложенной имъ многолѣтней поставкѣ по контракту, выяснилъ всѣ необходимыя затраты по расширенію производства въ химическомъ заводѣ, но и всѣ громадныя выгоды, которыя явятся вѣрнымъ и обезпеченнымъ результатомъ этихъ затратъ. Семенъ Алексѣевичъ говорилъ, не стѣсняясь, настоящимъ дѣловымъ языкомъ, потому что успѣлъ вполнѣ убѣдиться въ совершенной способности жены понять и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всякую торговую операцію. И дѣйствительно, Софья Александровна на этотъ разъ опять оказала быстроту и ясность своего пониманія. Она только удивилась нерѣшимости мужа.

— Чего же ты еще ждешь, Сеня? Дѣло превосходное, на рѣдкость. Но и зѣвать не приходится, особенно съ постройками. Не откладывать же до будущаго года!

— Деньги-то гдѣ, Соня?

— А мои? Я на это дамъ съ удовольствіемъ, разумѣется, подъ закладную и изъ доли въ дѣлѣ.

— Чтò же останется для Крутовицына?

— Э, тогда видно будетъ... Не все же ему сразу выкладывать, а для завязки дѣла останется больше, чѣмъ довольно. Притомъ, Крутовицынъ покуда—журавль въ небѣ. Не терять же изъ-за него синицу въ рукахъ... особенно такую синичку!

Семенъ Алексѣевичъ пришелъ въ восторгъ.

— Королева ты моя!—воскликнулъ онъ, обнимая жену.— Разумница ненаглядная! Другія бабы только и умѣютъ, что ахать, да всего бояться, да мужа тревожить. А ты въ дѣлахъ съ любымъ хозяиномъ поспоришь!

— Папенька-покойникъ и то довѣрялъ мнѣ больше, чѣмъ обоимъ братьямъ.

— Еще бы! Изо всей семьи ты одна такая выродилась, на мое, видно, счастье. А красавица-то какая!

— Анюта, покуда не заболѣла, считалась много красивѣе меня, не въ примѣръ даже.

— Ну ужъ, еще скажи! — съ неудовольствіемъ отмахнулся Семенъ Алексѣевичъ.

— Право такъ, Сеня. Зачѣмъ мнѣ лгать?

— Галку къ лебедушкѣ бѣлой приравняла... Ну, да Господь съ нею!..

Конецъ интимной бесѣды супруговъ совсѣмъ не коснулся какихъ-либо торговыхъ интересовъ.

VI.

Семейный обиходъ въ домѣ Задоровыхъ вскорѣ наладился на обычную стать, а пріѣздъ Анны Александровны отнюдь и ничему въ этомъ отношеніи не помѣшалъ. Больная дѣвушка почти совсѣмъ уединилась въ отдѣленныхъ ей комнатахъ и усердно, съ фанатической настойчивостью, принялась за леченіе своего недуга, выполняя до мельчайшихъ подробностей всѣ довольно сложныя указанія послѣдняго врача, какого-то нѣмца-профессора, которому она безусловно повѣрила. Когда Софья Александровна подсмѣивалась иной разъ надъ ея неукоснительнымъ растираніемъ всего тѣла грубыми шерстяными перчатками, смоченными въ разведенной водою водкѣ, надъ періодическимъ глотаніемъ извѣстной порціи молока съ какимъ-то снадобьемъ и т. п.,—больная со спокойнымъ убѣжденіемъ отвѣчала только: „Я тоже, какъ люди, жить хочу... и буду жить! Ты не понимаешь этого, потому что никогда серьезно не болѣла“. Софья Александровна про себя незамѣтно пожимала плечами,—но совсѣмъ напрасно, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Семенъ Алексѣевичъ, вопреки первому, довольно сильному впечатлѣнію, которое произвела на него свояченица, замѣчалъ ее очень мало, скоро убѣдившись въ томъ, что ровно никакой

роли въ его семейной жизни она не играетъ, да и не желаетъ играть. „Коли такъ—пусть ее. Тихая!“—рѣшилъ онъ разъ навсегда, вполнѣ успокоившись, тѣмъ болѣе, что и видѣться съ нею, на первое время, по крайней мѣрѣ, ему случалось довольно рѣдко. Множество новыхъ дѣловыхъ заботъ и не въ мѣру затянувшійся медовый мѣсяцъ совсѣмъ поглотили Задорова. Онъ даже похудѣлъ и поблѣднѣлъ очень замѣтно.

Можетъ быть, черезчуръ пылкая взаимная нѣжность молодыхъ супруговъ отчасти объяснялась недосугомъ Семена Алексѣевича; они никакъ не находили времени налюбоваться другъ другомъ въ волю, до сытости. А можетъ быть, въ Софьѣ Александровнѣ—повидимому всегда ровной, осмотрительной и неспособной увлечься до самозабвенія—было, однако, что-нибудь особенно обольстительное для ея мужа, что-нибудь опьянявшее его обыкновенно-крѣпкую голову. По крайней мѣрѣ, задоровскіе домочадцы всѣ единогласно порѣшили между собою, что Софья Александровна прямо-таки приворожила чѣмъ-нибудь своего прежде вовсе не податливаго мужа, который, бывало, не только не увлекался самъ, но и довольно презрительно относился къ чужимъ увлеченіямъ „всякими глупостями“. Теперь же каждый могъ видѣть, что Семенъ Алексѣевичъ даже „на людяхъ“ не всегда сдерживаетъ проявленіе своихъ пылкихъ чувствъ къ женѣ; нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется такой ласкою, что „иной разъ совсѣмъ неловко станетъ“ или „человѣка въ дрожь ударитъ“, какъ выражался Поддужный съ явнымъ озлобленіемъ. Софья же Александровна, правда, охотно и не конфузясь, но все-таки довольно сдержанно отвѣчала на ласки мужа и никогда не называлась на нихъ сама первая, по крайней мѣрѣ при людяхъ, или даже, въ минуты дѣловыхъ занятій, прямо-таки уклонялась отъ „нѣжностей“.

— Погоди! вечеръ у насъ еще длинный будетъ,—говорила она мужу съ ласковой улыбкой.

Аннѣ Александровнѣ чаще всѣхъ, разумѣется, приходилось быть свидѣтельницею нескромныхъ увлеченій Задорова, потому что она естественно сходилась съ молодыми супругами только въ самое свободное для нихъ время; а Семенъ Алексѣевичъ, если и дичился нѣсколько свояченицы въ первые дни, то, убѣдившись въ ея миролюбіи, молчаливости и незамѣтности, скоро перестаалъ обращать на нее какое-либо вниманіе. „Сестрица—свой человѣкъ, жена—законная, чего же мнѣ стѣсняться?“—говорилъ онъ себѣ съ полнымъ убѣжденіемъ.—„Опять же въ собственномъ домѣ я самъ себѣ хозяинъ“.

Однако, больная дѣвушка не совсѣмъ-то равнодушно смотрѣла

на взаимныя любованія молодыхъ супруговъ. Сначала они ей казались довольно-таки противными и „глупыми"; пронаблюдавши ихъ раза два съ нѣкоторымъ брезгливымъ любопытствомъ, она затѣмъ старалась избѣгать повторенія подобныхъ сценъ и, если это оказывалось возможнымъ, незамѣтно исчезала, уединяясь отъ нихъ въ своей комнатѣ. Но мало-по-малу отношеніе это совершенно измѣнилось...

Дѣвушка начала выздоравливать, на этотъ разъ безобманно. Угадалъ ли нѣмецъ-профессоръ настоящую причину болѣзни и ея леченіе, или просто въ молодомъ организмѣ сами собою накопились условія, достаточныя для благотворной реакціи—какъ бы то ни было, силы больной возстановлялись не по днямъ, а по часамъ, кровь ея словно быстрѣе задвигалась по жиламъ, проявился интересъ къ житейскимъ мелочамъ, и въ глубокихъ, мрачныхъ темно-сѣрыхъ глазахъ засверкали порою огоньки торжества и радости. Даже наружный видъ Анны Александровны сталъ замѣтно измѣняться: она полнѣла и бѣлѣла.

Но, по мѣрѣ своего выздоровленія, дѣвушка начала смотрѣть иными глазами на пылкія нѣжности молодыхъ супруговъ. Они уже не казались ей только „противными" и „глупыми", а возмущали ее, злили и вмѣстѣ волновали такъ странно, что она не находила въ себѣ силы по-прежнему укрыться отъ нихъ въ свою комнату, но жадно, хотя и по возможности скрытно, слѣдила за ними до самаго конца, съ трепещущимъ сердцемъ. Иной разъ случалось такъ, что, послѣ горячихъ взаимныхъ ласкъ между супругами, Анна Александровна валилась въ своей комнатѣ на постель, совершенно обезсилѣвшая и разбитая. Замѣчательно, однако, что преимущественное негодованіе возбуждалъ въ ней совсѣмъ не Семенъ Алексѣевичъ, при всей его пылкой несдержанности, а именно старшая сестра, только поддававшаяся ласкамъ мужа, съ явнымъ, впрочемъ, удовольствіемъ и удовлетворенностью. Красивое, томное и вмѣстѣ самодовольное въ эти минуты лицо Софьи Александровны даже возбуждало въ дѣвушкѣ чувство гадливости.

— Тьфу! Тьфу!—говорила она про себя.—Что̀ онъ въ ней нашелъ? Развѣ такъ любятъ?

Дѣвушка въ первое время съ негодованіемъ ловила себя на подобныхъ мысляхъ.

„Какое мнѣ дѣло!"—думала она, пожимая плечами.

Но ей было дѣло... И скоро ей пришлось почувствовать это въ достаточной степени. Тревога ея росла.

Однажды, при всей своей обычной молчаливости, она даже не выдержала и частію высказалась старшей сестрѣ.

— Что ты, Нюточка, словно бы не въ духѣ?—спросила Софья Александровна.

— Чему радоваться?

— Слава Богу, есть чему. Богата, молода, здоровье поправляется. Скажи лучше, печалиться-то чему?

— Богата, молода... а что въ томъ? Какъ я живу? Ты вотъ, небось, къ мужу-то липнешь — и не оторвать тебя, клещомъ впилась. У меня же кто есть?

— Вона́! Надъ чѣмъ задумалась! Были бы деньги, Нюта, а этихъ-то, дружковъ сердечныхъ, хоть дюжину купишь.

— За деньги не любятъ.

— Ха-ха-ха! Кто это тебѣ сказалъ? Нѣтъ, именно за деньги-то и любятъ по настоящему. За деньги, милая, все достанешь, что только на свѣтѣ есть, въ полное свое удовольствіе. Вѣдь красотою да ласкою кому понравишься, а кому и нѣтъ; да еще виляй хвостомъ передъ нимъ, передъ Сердечкинымъ-то, ублажай его всячески. А за деньги я кого захочу, того къ себѣ и приближу; и не я передъ нимъ, а онъ передо мной на заднихъ лапахъ прыгать учнетъ, было бы мое желаніе. Любого возьмешь, милая, было бы чѣмъ заплатить по запросу. За деньги все можно... Только отдавать-то ихъ ни за что не стоитъ.

— Значитъ, весь свѣтъ на однѣхъ деньгахъ стоитъ?

— А то какъ же? Разумѣется, для приличія болтаютъ люди разный вздоръ. Не въ деньгахъ, молъ, счастье; слезы и черезъ деньги льются; деньгами грѣховъ не покроешь... А ты вглядись-ка поаккуратнѣе—и пустяки все! глупости!

— Ну, не одни люди болтаютъ. Въ священномъ писаніи про богатыхъ что сказано?

— Сказано! А, между прочимъ, попы да монахи не хуже насъ, грѣшныхъ, денежками интересуются. Попробуй, попроси кого-нибудь изъ нихъ даромъ молебенъ отслужить, либо за упокой души помолиться. Дождешься! А за деньги какого угодно грѣшника на вѣчный поминъ души запишутъ. Значитъ, забота о деньгахъ и на судѣ божіемъ не за великій грѣхъ почитается, потому что лежитъ онъ въ естествѣ человѣческомъ, какъ—помнишь?—объяснялъ о. Паисій.

— Ну, онъ про другое говорилъ.

— Не все ли равно? И то въ естествѣ, и это тоже. Значитъ, грѣхъ одинаково простительный.

— А оптинскаго старца, помнишь?—Лицо Софьи Александ-

дровны вдругъ омрачилось. — Привезли насъ къ нему дѣвочками. А онъ вдругъ погладилъ намъ обѣимъ головки рукою, да и говоритъ: „Бѣдныя дѣтки! Погубитъ ихъ отцовское богатство“.

— Не поминай лучше! — поблѣднѣвъ, воскликнула Задорова. — Конечно, все можетъ случиться. И не такіе, какъ у насъ съ тобою, милліоны исчезали да таяли — въ крѣпкихъ рукахъ таяли — до послѣдняго рублика... Помилуй Богъ!

— И какъ жить тогда?..

— Не какъ — живутъ люди и безъ денегъ — а зачѣмъ?

VII.

Его высокопревосходительство Иванъ Сергѣевичъ Крутовицынъ прибылъ къ себѣ въ имѣніе, во многоизвѣстную Пальховку, въ половинѣ августа, и черезъ недѣлю по прибытіи извѣстилъ Задорова, что готовъ принять его по извѣстному имъ обоимъ дѣлу.

Иванъ Сергѣевичъ на этотъ разъ не прочь былъ разстаться со своимъ заповѣднымъ лѣсомъ, о продажѣ котораго ранѣе и слышать не хотѣлъ. Онъ выдавалъ замужъ свою единственную дочь и наслѣдницу, которой при этомъ рѣшено было вручить, кромѣ имѣнія въ саратовской губерніи, еще милліонъ рублей наличными, такъ какъ именно въ этомъ состояло имущество ея покойной матери. Деньги находились въ полной сохранности и даже выросли; но Иванъ Сергѣевичъ убѣдилъ себя, что въ его положеніи ему неудобно и почти неблаговидно оставаться для всѣхъ на виду безъ значительныхъ наличныхъ средствъ; а беречь пальховскій лѣсъ, не пользуясь отъ него ничѣмъ, при стеченіи такихъ обстоятельствъ, было бы нелѣпымъ упорствомъ.

— И зачѣмъ, — говорилъ себѣ Иванъ Сергѣевичъ, — если моя Бесси выходитъ за Шелетьева, у котораго состояніе въ десять разъ больше нашего! Чего же ради я буду стѣснять себя на старости лѣтъ или ронять свое достоинство?

Когда Семенъ Алексѣевичъ, получивъ извѣщеніе отъ Крутовицына, явился къ нему въ Пальховку, то принятъ былъ съ нѣкоторой строгостью. Правда, онъ допущенъ былъ въ кабинетъ, гдѣ въ глубокомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ сидѣлъ самъ хозяинъ, но на низкій поклонъ гостя Крутовицынъ отвѣтилъ только наклоненіемъ головы, даже не привставъ, и, показывая рукою на стулъ, отрывисто сказалъ:

— Садитесь.

Семенъ Алексѣевичъ сѣлъ, поклонившись еще разъ.

— *Вы* писали мнѣ, что желали бы купить Пальховскую лѣсную дачу?—началъ старикъ, поднимая сѣдыя, густо нависшія брови.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Гм...

Крутовицынъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Я, пожалуй, не прочь теперь продать... Только не воображайте, — вдругъ взметнулъ онъ очень строго, — что вамъ удастся купить ее задешево!

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство! — спокойно отвѣтилъ Задоровъ.—Мнѣ вѣдь извѣстно, что не вы изволите нуждаться въ продажѣ, а я самъ набиваюсь купить.

— То-то!—произнесъ Крутовицынъ, но на этотъ разъ болѣе мягкимъ тономъ.—И цѣну дачѣ я, повѣрьте, настоящую знаю. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ ее подробно осматривалъ по моему приказанію опытный казенный таксаторъ. Слѣдовательно, надуть меня нельзя.

— Я не о двухъ головахъ, ваше высокопревосходительство. Такой несообразности и затѣвать не стану.

— Гм... да!.. „Кажется, не глупый человѣкъ",—подумалъ про себя Иванъ Сергѣевичъ.—Вы понимаете, что опытный казенный таксаторъ не могъ ошибаться, да еще имѣя дѣло со мною. Онъ здѣсь болѣе двухъ недѣль прожилъ.

— Мнѣ это извѣстно, ваше высокопревосходительство.

— То-то.

Задорову извѣстно было даже нѣчто большее; а именно, что таксаторъ, по неотступной просьбѣ и нѣкоторымъ „настояніямъ" пальховскаго управляющаго—весьма милаго и любезнаго господина, умѣющаго и повеселиться, и угостить,—оцѣнилъ всю дачу подробно, очень искусно, но по семидесяти копѣекъ за рубль. Задоровъ со своей стороны далъ Богдану Карловичу Фишеру (управляющему) обязательство выплатить ему пятьдесятъ тысячъ рублей тотчасъ по заключеніи сдѣлки съ Крутовицынымъ, независимо отъ цѣны покупки.

Иванъ Сергѣевичъ опять поднялъ свои сѣдыя брови.

— А есть ли у васъ, господинъ купецъ, достаточный для этого дѣла наличный капиталъ? Я вѣдь какими-нибудь десятками тысячъ получать не стану.

— Богъ дастъ, найдется, ваше высокопревосходительство. Позвольте узнать вашу цѣну и сроки.

Крутовицынъ опять забарабанилъ пальцами по столу.

— Цѣна—милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Чтò?—вдругъ вскрикнулъ онъ почти свирѣпо.—Вы, можетъ быть, скажете, что это дорого, что я запрашиваю?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, зачѣмъ же я буду лгать? Вѣдь обмануть васъ все равно нельзя, да я и не посмѣю. Нѣтъ, цѣну вы изволили сказать настоящую.

— Вотъ какъ! Значитъ, вы согласны?—съ нѣкоторой благосклонностью произнесъ Крутовицынъ.

— На чтò-съ?

— Купить за эту цѣну.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство. А въ чемъ же моя прибыль будетъ, если я заплачу въ обрѣзъ? Я—человѣкъ торговый, вкладываю въ дѣло весь свой капиталъ, и надолго. Развѣ я могу отдать рубль для того, чтобы послѣ многихъ хлопотъ и долгаго времени выручить опять—его же?

Крутовицынъ былъ сбитъ съ позиціи.

„Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ онъ,—малый правъ. Съ какой стати ему возиться съ лѣсомъ безъ пользы для себя? И онъ, кажется, разсуждаетъ довольно честно и откровенно".

— Сколько же вы могли бы предложить? — спросилъ онъ вслухъ, опять поднимая брови съ очень строгимъ видомъ.

— Ваше высокопревосходительство! Обыкновенно мы, лѣсники, платимъ половину стоимости. Извольте объ этомъ справиться у кого угодно. Но за вашу дачу я охотно заплачу дороже, потому что она мнѣ очень нужна. Если я ее пріобрѣту,—позвольте мнѣ вашему высокопревосходительству прямо это высказать, я передъ такой особой таиться не смѣю,—вся лѣсная торговля въ уѣздѣ будетъ въ моихъ рукахъ; другихъ значительныхъ дачъ, кромѣ Пальховской да моей Синеплесовской, здѣсь нѣтъ нигдѣ. Поэтому если вамъ угодно будетъ скинуть мнѣ хоть двадцать процентовъ—я буду доволенъ.

— То-есть?

— Я готовъ заплатить милліонъ. Кромѣ того, позвольте доложить вашему высокопревосходительству: очень можетъ случиться, что такая превосходная, холеная и береженая дача, какъ Пальховская, доставитъ владѣльцу нѣкоторыя особыя выгоды. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ по нашимъ мѣстамъ можно еще найти лѣсной товаръ такого же достоинства? Поэтому могутъ явиться казенные подряды и поставки для желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но этой счастливой случайностью я не желаю пользоваться одинъ, и впередъ обязуюсь, немедленно по заключеніи какого-либо условія съ казною, десять процентовъ съ валовой

стоимости всего товара предоставлять въ распоряженіе вашего высокопревосходительства. Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что дача принесетъ вамъ и побольше милліона двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Это ужъ будетъ зависѣть отъ удачи и счастливой случайности.

— Дà, дà, дà, конечно...

Крутовицынъ погрузился въ раздумье.

— Ну, вотъ чтò,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—вотъ чтò, милѣйшій... какъ ваше имя и отчество?

— Семенъ Алексѣевичъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ вотъ что, милѣйшій Семенъ Алексѣевичъ, обо всемъ этомъ нужно поразсудить. Пріѣзжайте ко мнѣ... пріѣзжайте... ну, хоть въ четвергъ утромъ; и мы уже переговоримъ подробно, даже окончательно. Сдѣлать вамъ нѣкоторую уступку я въ принципѣ не прочь... Я вижу, вы человѣкъ серьезный, понимающій, а съ такими и дѣло пріятно имѣть. Такъ до четверга. Да! Въ принципѣ, въ принципѣ я согласенъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—сказалъ Задоровъ, поднимаясь съ мѣста.—Имѣю честь кланяться.

— До свиданія, милѣйшій Семенъ Алексѣевичъ.

На этотъ разъ Крутовицынъ всталъ и даже подалъ своему гостю руку.

VIII.

Въ четвергъ переговоры между Крутовицынымъ и Задоровымъ подвинулись довольно далеко. Иванъ Сергѣевичъ согласился взять за свою лѣсную дачу одинъ милліонъ и пятьдесятъ тысячъ рублей. Онъ рѣшилъ, что эти пятьдесятъ тысячъ рублей понадобятся ему для экстренныхъ расходовъ на свадьбу дочери. О разсрочкѣ же платежей на четыре года изъ пяти процентовъ, которую предложилъ-было Задоровъ, онъ не сталъ говорить вовсе, замѣтивъ, что въ этомъ отношеніи условиться не трудно, если будетъ достигнуто главное соглашеніе, то-есть, насчетъ цѣны. Но Семенъ Алексѣевичъ, видя, что дѣло идетъ на ладъ несравнимо легче, чѣмъ онъ ожидалъ, поскупился прибавить затребованныя Крутовицынымъ пятьдесятъ тысячъ. „Зачѣмъ торопиться?“ рѣшилъ онъ. „Богъ дастъ, и такъ сладится. Наконецъ, попробую хоть половину, или хоть двадцать тысячъ оттянуть“.

Однако, Крутовицынъ оказался на этотъ разъ упорно неуступчивымъ, и Семенъ Алексѣевичъ долженъ былъ уѣхать, не кончивъ дѣла.

— Очень жаль, ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ, прощаясь,—что ничего у насъ не вышло. Душевно скорблю, но не въ силахъ. Простите великодушно, что напрасно васъ обезпокоилъ.

— Напротивъ, напротивъ. Я вѣдь вижу, что вы все-таки пріѣзжали не воздухъ языкомъ бичевать, а съ серьезными намѣреніями. У всякаго свой разсчетъ. Еслибы вы, однако, все-таки надумались, то я еще пробуду здѣсь до среды, и вы можете навѣдаться ко мнѣ...—Крутовицынъ подумалъ:—скажемъ, въ воскресенье, и опять въ эту же пору.

— Весьма осчастливленъ, ваше высокопревосходительство! И хотя не вижу для себя надежды, но во всякомъ случаѣ осмѣлюсь явиться, чтобы засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за оказанное снисхожденіе и пожелать счастливаго пути.

Когда Семенъ Алексѣевичъ вернулся домой и передалъ женѣ всѣ подробности своихъ переговоровъ съ петербургскимъ сановникомъ, то, послѣ нѣкотораго раздумья, она объявила:

— Эти пятьдесятъ тысячъ, Сеня, тебѣ придется прибавить. Лучше и не стой за нихъ, не оттягивай ничего.

— Почему?

— Какъ же ты не понимаешь? Крутовицынъ продаетъ не отъ нужды. Милліонъ онъ все равно въ банкъ либо въ бумаги положитъ. А пятьдесятъ-то тысячъ ему на что-нибудь въ самомъ дѣлѣ понадобились, такъ онъ за нихъ ухватится больше, чѣмъ за все остальное. Значитъ, и перечить ему въ этомъ не нужно, а уступить, да на срокахъ и процентахъ отыграться. Я, молъ, даже черезъ силу уважилъ волю вашего высокопревосходительства, такъ ужъ, надѣюсь, и вы меня, въ чемъ можно, не обидите. Съ господами нужно умѣючи.

Семенъ Алексѣевичъ былъ пораженъ этимъ соображеніемъ.

— Умница ты у меня, Соня!—воскликнулъ онъ въ неподдѣльномъ восторгѣ.—То-есть, истинно золотая голова!

— Что̀-жъ, право такъ!—дополнила Софья Александровна, улыбаясь.—Эти важные господа—все равно какъ дѣти. Что̀ они понимаютъ? За глинянаго пѣтушка рады шолковый платокъ отдать.

Надъ Задоровыми, однако, разразился нежданный ударъ грома, жестоко поколебавшій всѣ ихъ упованія.

Въ субботу къ Семену Алексѣевичу явилась жена пальховскаго управляющаго, Амалія Францовна Фишеръ, крайне взволнованная и встревоженная.

— Меня къ вамъ мужъ прислалъ!—объявила она съ оника.— Самому нельзя было пріѣхать, да и неловко. У насъ бѣда вышла.

— Что̀ такое?

— Вчера утромъ генералъ ѣздилъ кататься, привезъ съ собою вашего лѣсного приказчика Поддужнаго. А сегодня утромъ Поддужный опять пріѣзжалъ и пробылъ у генерала больше двухъ часовъ.

— Что̀ такое? Для чего?—даже поблѣднѣлъ Семенъ Алексѣевичъ.

— Мерзавецъ вашъ Поддужный, вотъ что̀! Низкій интриганъ! Мой Готлибъ—Амалія Францовна въ минуты волненія называла Богдана Карловича Готлибомъ и даже немного путалась въ русской рѣчи, хотя вообще говорила по-русски отлично, — мой Готлибъ все успѣлъ узнавать отъ самого генерала, потому что Herr General всегда съ нимъ совѣтуется.

— Ну, и что̀ же?

— Подлецъ вашъ приказчикъ!—съ необыкновенно выразительной запальчивостью крикнула Амалія Францовна.—Подлецъ! Десять разъ подлецъ! Это именно... unverschämter русскій жуликъ! Служитъ и продаетъ своего же господина, у котораго онъ кусокъ хлѣба кушаетъ! Pfui! Pfui! и тысяча разъ pfui!

Оказалось, что Поддужный предложилъ Крутовицыну раздѣлить дачу на сорокъ равныхъ участковъ, за каждый изъ которыхъ, въ теченіе первыхъ пяти или десяти лѣтъ—какъ угодно будетъ генералу,—онъ, Поддужный, обязывался уплачивать по семидесяти тысячъ. Вѣрность уплаты обезпечивалась тѣмъ, что весь лѣсной матеріалъ, вырубленный и раздѣленный, будетъ считаться собственностью Крутовицына и всѣ поступающіе за него отъ покупателей деньги, до послѣдней копѣйки, будетъ взимать контора имѣнія, впредь до погашенія условленныхъ семидесяти тысячъ. Такимъ образомъ владѣлецъ дачи получитъ опредѣленный ежегодный доходъ, не отчуждая свое имущество навсегда, и черезъ сорокъ лѣтъ можетъ вновь начинать рубку лѣса тѣмъ же порядкомъ.

Амалія Францовна, волнуясь и спѣша, объяснила Задорову, что генералъ чрезвычайно заинтересованъ этимъ предложеніемъ, и хотя еще не кончилъ съ Поддужнымъ, но очень къ тому склоненъ. А „mein Gottlieb“, по необходимой осторожности, не рѣшается прямо его отговаривать, но только принимаетъ видъ человѣка удивленнаго и сомнѣвающагося.

— Ну, какъ могъ бы онъ сдѣлать что̀ другое? Войдите въ

наше положеніе!—восклицала Амалія Францовна.—Ему нельзя... какъ это?.. отваживать себя на очень большой risico.

Оба Задоровы были чрезвычайно смущены извѣстіемъ, которое привезла г-жа Фишеръ. Семенъ Алексѣевичъ въ первую минуту такъ растерялся, что готовъ былъ даже признать все дѣло „лопнувшимъ". Но Софья Александровна круто возразила ему самымъ рѣшительнымъ или даже повелительнымъ тономъ:

— Вздоръ! Чего размякъ? Поѣзжай завтра, захвати съ собою денегъ и кончай. Разумѣется, ужъ теперь за пустяками стоять нечего. Иди сразу на все.

— Но если генералъ не захочетъ?

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, малый ребенокъ, что-ли! Почему не захочетъ? А ты съумѣй дѣло представить какъ слѣдуетъ, да деньги готовыя выложи. Развѣ ему особая пріятность съ какимъ-то голоштанникомъ, съ проходимцемъ приказчикомъ возиться? На это бей. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, ты можешь самъ согласиться на тѣ же условія, которыя предложилъ Поддужный. Все-таки лучше. Не допускать же въ Пальховкѣ чужую лѣсную торговлю рядомъ съ нашей синеплесовской.

— Разумѣется! Разумѣется! Конечно такъ; только съ перепуга-то я даже опалѣлъ сразу. Каковъ, однако, Поддужный?

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше. Ну, Богъ дастъ, мы еще съ нимъ сочтемся, за нами не останется... Прытокъ, а мальчишка. Не могъ понять, что ему прежде всего слѣдовало съ Фишеромъ уладиться. Горячъ больно. Ну, да покуда не въ немъ дѣло; а подумаемъ лучше, на какой козѣ завтра къ генералу подъѣхать. Это хорошенько обсудить нужно. Хоть и простъ онъ въ нашемъ дѣлѣ, а все-таки между людьми пожилъ довольно,—значитъ, осторожности, подозрительности, а пожалуй и хитрости въ немъ имѣется не мало. Своихъ-то, петербургскихъ, должно быть, насквозь видитъ... Фишеръ тоже его побаивается... Такъ, вотъ, какъ же быть?

Совѣщаніе супруговъ длилось болѣе часа и закончилось такимъ рѣшеніемъ, которое выразила Софья Александровна:

— Значитъ такъ, Сеня! Стой смѣло на своемъ, даже глазомъ не моргни. А ужъ если увидишь, что не беретъ, тогда, нечего дѣлать, переходи къ рубкѣ по участкамъ. И то лучше, чѣмъ въ чужія руки отдать.

IX.

На слѣдующій день, въ воскресенье, Семенъ Алексѣевичъ явился къ генералу Крутовицыну со своимъ обычнымъ, невозмутимо-спокойнымъ и вѣжливо-предупредительнымъ видомъ.

— А-а! Чтò скажете, любезнѣйшій?—протянулъ генералъ, нѣсколько прищурившись.

— Я пріѣхалъ доложить, что рѣшился исполнить волю вашего высокопревосходительства. Изъ-за пятидесяти тысячъ я не хочу лишаться чести имѣть дѣло съ вами, да мнѣ это и невыгодно: мнѣ дороже пятидесяти тысячъ, чтобы стало вездѣ извѣстнымъ, что я удостоился личнаго вниманія со стороны вашего высокопревосходительства. Вѣдь мы, торговые люди, доброй славой живемъ, и всякій понимаетъ, что съ какимъ-нибудь проходимцемъ ваше высокопревосходительство не пожелали бы вступить въ какое-нибудь соглашеніе.

— Зна-читъ?...

Семенъ Алексѣевичъ поклонился.

— Я согласенъ заплатить милліонъ пятьдесятъ тысячъ и привезъ съ собою сто тысячъ рублей въ задатокъ.

Крутовицынъ забарабанилъ пальцами по столу, и нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— А мнѣ,—сказалъ онъ, вдругъ уставившись острымъ и прямымъ взглядомъ въ лицо Задорова,—а мнѣ предлагаютъ новую сдѣлку. Покупаютъ лѣсъ на срубъ, участками, на сорокъ лѣтъ, по семидесяти тысячъ за участокъ.

Семенъ Алексѣевичъ выразилъ на своемъ лицѣ сначала почтительное вниманіе, а затѣмъ совершенное изумленіе.

— Ну-съ, чтò же скажете?

— Ваше высокопревосходительство! Хотя я имѣю ваше слово, но покорнѣйше васъ прошу этимъ не стѣсняться. Я добровольно отказываюсь. Съ какой же стати вамъ, въ самомъ дѣлѣ, терять подобный случай!

Послѣдовало опять молчаніе, послѣ котораго Семенъ Алексѣевичъ всталъ и началъ откланиваться.

— Имѣю честь, ваше высокопревосходительство... Позвольте пожелать вамъ наилучшаго успѣха и, ради Бога, простите за безпокойство. Вы сами изволите видѣть, что съ моей стороны было полное усердіе угодить вамъ.

— Дà, дà, дà! Погодите, впрочемъ, на минутку... Э-э-э... Почему же вы такъ легко уступаете сопернику?

— Ваше высокопревосходительство, онъ очевидно покупаетъ въ виду какихъ-нибудь совершенно особыхъ обстоятельствъ. Вамъ самимъ извѣстно, что въ обыкновенныхъ условіяхъ такой цѣны на вашъ лѣсъ быть не можетъ; вы сами изволили провѣрять ее даже черезъ спеціалиста таксатора... И... позвольте мнѣ высказать—хотя, разумѣется, ваше высокопревосходительство лучше меня это понимаете—обезпечить свои обязательства покупатель долженъ бы очень солидно. Всякій вѣдь народъ бываетъ. Иному, можетъ быть, всего-то одинъ участокъ нуженъ, а онъ толкуетъ о сорока́. Либо даже такой попадется, которому и терять все равно нечего, такъ онъ, разумѣется, на какое угодно авось пойдетъ.

— Ну... достаточно солиднымъ обезпеченіемъ, въ случаѣ чего, можетъ, я думаю, служить... самый лѣсъ въ раздѣланномъ и подготовленномъ видѣ.

— То-есть, какъ это-съ? Я не понимаю... Вѣдь за участокъ покупатель, разумѣется, всѣ деньги впередъ заплатитъ? То-есть, даже не впередъ, а, какъ водится, при совершеніи сдѣлки. Иначе, какая же это купля... Да̀, понялъ-съ! Можетъ быть, въ видѣ обезпеченія, онъ обязывается за годъ впередъ раздѣлать слѣдующій участокъ? Только... не очень это надежно-съ.

— Почему?

— Да вотъ позвольте вашему высокопревосходительству одинъ примѣръ привести. Можетъ, изволили слышать о воронежскомъ помѣщикѣ, господинѣ Суглинскомъ? Они еще одно время предводителемъ дворянства были.

— Ну?

— Господинъ они, надо прямо сказать... очень добрый и довѣрчивый, всякаго выслушать готовы. И подбейся къ нему тамошняго купца Селифонтова лѣсной приказчикъ. Малый пустой, а языкомъ вертѣть мастеръ. Уговорилъ вѣдь онъ господина Суглинскаго-то! Позвольте мнѣ лѣсъ, молъ, вашъ участками сводить, я платить то-то и то-то буду, а лѣсной матеріалъ вамъ въ обезпеченіе: сами, молъ, деньги за него получайте. Хорошо-съ, порубили. Приказчикъ-то, оказалось, и матеріалъ раздѣлалъ Богъ знаетъ по-каковски. Конечно, глупъ еще, неопытенъ-съ; это вѣдь не за хозяиномъ жить да указанное дѣлать. Пришлось самому распорядиться — и нѣтъ ничего. Опять же Селифонтовъ человѣкъ извѣстный, уважаемый, съ давними знакомствами; у него отъ покупателей отбоя нѣтъ; а съ евонымъ приказчикомъ кто захочетъ связываться, а кто еще и нѣтъ. Кончилось тѣмъ,— лѣсу наготовили на многія тысячи, а продаютъ мужичонкѣ какой-

нибудь срубецъ, дровецъ саженей десятокъ, по четверочкамъ — только и всего. Осерчалъ господинъ Суглинскій, приказчика этого выгналъ, да вѣдь дѣла этимъ не поправишь; такъ почти задармà и потлѣло все... Много тогда было смѣху въ городѣ, промежду купечества.

Генералъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Дà... Ну, однако, пора приступить къ дѣлу. Знайте, г. Задоровъ,—воскликнулъ онъ, окидывая Семена Алексѣича строгимъ взглядомъ,—что я своего слова назадъ не беру. Сказано — свято. Я вамъ далъ срокъ до воскресенья, вы въ воскресенье явились, слѣдовательно лѣсъ за вами. Теперь слѣдуетъ уговориться въ подробностяхъ.

Семенъ Алексѣевичъ внутренно торжествовалъ; но „подробности“ опять нѣсколько его смутили. Оказалось, что генералъ, прежде достаточно податливый относительно разсрочки платежей, теперь и слышать не хотѣлъ о „новой волокитѣ“. „Я желаю, чтобы дѣло кончено было разомъ!“—заявлялъ онъ рѣшительно. „Для того и продаю!“—Задоровъ не смѣлъ слишкомъ настаивать на разсрочкѣ, боясь еще разъ упустить лакомый кусокъ. А Крутовицынъ на своемъ рѣшеніи уперся съ крайней настойчивостью. „По крайней мѣрѣ, если станетъ извѣстно, что я продалъ за милліонъ пятьдесятъ тысячъ наличными,—соображалъ онъ,—никто не посмѣетъ разсуждать, худо это или хорошо. Милліонъ наличными, денежки на столъ, всякому ротъ замажетъ“.

Кончилось тѣмъ, что Семенъ Алексѣевичъ выдалъ генералу сто тысячъ подъ домашнюю росписку съ тѣмъ, чтобы черезъ недѣлю написать запродажную, съ доплатою въ видѣ задатка еще четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ, а купчую вмѣстѣ съ уплатою остального полумилліона совершить въ слѣдующемъ году, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ по составленіи запродажной.

Семенъ Алексѣевичъ возвращался отъ генерала домой и счастливый, и встревоженный. Откуда взять такія деньги въ короткій срокъ? Онъ теперь почти упрекалъ себя въ томъ, что поспѣшилъ приступить къ постройкамъ и покупкѣ новыхъ машинъ для химическаго завода. Конечно, онъ обезпечилъ себя превосходными контрактами и заказами; конечно, деньги потекутъ къ нему рѣкою; но все это не ранѣе апрѣля, мая въ будущемъ году. А до тѣхъ поръ какъ быть?

Положеніе становилось черезчуръ запутаннымъ.

— Помогутъ ли Сонины братья, въ случаѣ надобности?— спрашивалъ себя Семенъ Алексѣевичъ.

X.

Задоровъ почти тотчасъ же собрался въ Москву. Тамъ у него были главныя дѣловыя связи, тамъ его хорошо знали, и тамъ же, слѣдовательно, онъ могъ всего легче устроить себѣ новый значительный кредитъ; тѣмъ болѣе, что двое столичныхъ тузовъ торговаго міра, толкуя съ нимъ еще ранѣе о расширеніи химическаго завода, уже намекали весьма ясно на свою готовность, въ случаѣ надобности, ссудить его капиталомъ на безобидныхъ условіяхъ.

Эти разсчеты и упованія Семена Алексѣевича оправдались вполнѣ. Самъ Вуколъ Кондратьевичъ Пудовиковъ принялъ его очень участливо, выслушалъ, разспросилъ, одобрилъ и обѣщалъ дать полмилліона подъ залогъ химическаго завода. Ну, а кто же въ Россіи не знаетъ Вукола Кондратьевича? Слово его тверже и вѣрнѣе стали, сдѣлка же въ полмилліона рублей для него нѣчто почти ничтожное, надъ чѣмъ и задумываться не стóитъ; совершается она въ благодушную минуту, для ради хорошаго человѣка, между двумя стаканами чаю.

Такимъ образомъ Семенъ Алексѣевичъ вернулся въ Песчанскъ не только успокоенный, но и въ нѣсколько новышенномъ состояніи духа; онъ гордился вниманіемъ и ласкою Пудовикова, который, конечно, не расточалъ ихъ особенно щедро, да и громкую извѣстность создалъ себѣ не однимъ только числомъ пріобрѣтенныхъ милліоновъ. Были люди побогаче Вукола Кондратьевича, которые, однако, лебезили передъ нимъ и заискивали.

Нѣкоторое разочарованіе или, вѣрнѣе, отрезвляющій душъ холодной воды, поджидали Задорова дома, въ Песчанскѣ.

Когда онъ разсказалъ женѣ о своей удачѣ, любезностяхъ Пудовикова и положительно выраженномъ обѣщаніи дать нужную сумму подъ залогъ химическаго завода, — Софья Александровна вдругъ перебила мужа возгласомъ:

— Какъ, подъ залогъ завода! А моя-то закладная?

— Ну, разумѣется, ее придется похерить на время.

— При чемъ же я останусь? При какомъ обезпеченіи?

Семенъ Алексѣевичъ принахмурился, удивленный очень непріятно.

— Послушай, Соня, развѣ мы съ тобою не одно и то же? Мужъ да жена. Особенно теперь, когда у тебя подъ сердцемъ, слава Богу, ужъ и ребеночекъ нашъ ростетъ. Какого тебѣ еще обезпеченія? Не лѣзть же въ петлю изъ-за пустяковъ!

— Покорнѣйше благодарю. Полмилліона! Хорошіе пустяки...

Софья Александровна, впрочемъ, тотчасъ же сдержалась серьезнымъ усиліемъ воли.

— Погоди, милый,—сказала она, ласково къ нему прижимаясь,—и не волнуйся. Все устроится, какъ нельзя лучше. Только не люблю я, чтобы къ намъ въ дѣло посторонніе люди лапу запускали... Хотя и Пудовиковъ, однако все-таки залогодержатель. Притомъ же именно онъ—одинъ изъ главныхъ твоихъ покупателей. Значитъ, мало ли какъ онъ можетъ прижать и воспользоваться...

— Ну, не таковъ онъ человѣкъ!

— Береженаго Богъ бережетъ.

— Однако, не пропадать же задатку въ 550.000 рублей!

— Какой вздоръ! Устроимся. Братецъ Илья Александровичъ все равно теперь прикончилъ всякія свои торговыя дѣла, выдѣлился, получилъ три милліона и живетъ на проценты. Разумѣется, онъ остороженъ и раздаетъ деньги только въ вѣрныя руки. Да вѣдь и мы не лыкомъ шиты. Тѣмъ болѣе, что ему легко провѣрить, для какого дѣла намъ капиталъ требуется. Значитъ, если поманить его хорошимъ процентомъ—онъ дастъ непремѣнно. А по моему лучше переплатить два и три десятка тысячъ, чѣмъ лѣзть въ закладную, подъ ярмо; тѣмъ болѣе, что эта штука, въ случаѣ надобности, всегда останется въ запасѣ. Лѣсъ рубить—щепки летятъ. За Пальховскую дачу лишній процентъ не жаль заплатить: все вернется.

Семенъ Алексѣевичъ нахмурулся и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Не очень-то мнѣ хочется лебезить передъ братцемъ Ильею Александровичемъ.

— Совсѣмъ этого не нужно. Я сама къ нему поѣду, чтобы все устроить. Ужъ, повѣрь, въ обиду тебя не дамъ.

Задорову, въ сущности, очень не пò сердцу былъ заемъ денегъ у шурина, особливо сопряженный съ отказомъ отъ льготной и даже лестной для самолюбія сдѣлки съ Вуколомъ Кондратьевичемъ Пудовиковымъ. Однако, онъ не рѣшился настаивать на своемъ желаніи, въ виду явныхъ опасеній жены за свои права, обезпеченныя закладною. Думая объ этомъ, Задоровъ только досадливо пожималъ плечами.

— Поди вотъ, разбери этихъ бабъ!—говорилъ онъ себѣ съ недоумѣніемъ.—Чего боится? А вѣдь ужъ, кажется, изъ толковыхъ толковая... Пусть по ея будетъ. Не войну же въ домѣ поднимать, да и неловко...

Черезъ недѣлю Софья Александровна уѣхала въ Воронежъ.

Непомѣрно занятый множествомъ чрезвычайныхъ дѣлъ и заботъ въ послѣдніе три-четыре мѣсяца, Семенъ Алексѣевичъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему „постороннему“, тѣмъ болѣе, что каждую свою свободную минуту посвящалъ страстному любованію женою. Напряженіе всѣхъ его силъ и способностей было доведено до столь высокой точки и держалось на ней такъ долго, что это не могло не отразиться въ извѣстной степени даже на его стальныхъ нервахъ. Онъ впервые началъ понимать, что существуетъ утомленіе не только физическое, но и умственное.

Вдругъ послѣ бури наступило затишье, и Семенъ Алексѣевичъ очутился въ своей старой, давно привычной колеѣ. Чрезвычайныя дѣла и заботы улеглись; жена, съумѣвшая продлить медовый мѣсяцъ на цѣлые полгода, уѣхала. Онъ могъ успокоиться, опомниться и осмотрѣться. „Посторонній“ міръ опять сталъ на свое мѣсто, вернулъ свои права; чужіе люди, чужая жизнь опять начали существовать; и первое, что̀ бросилось Задорову въ глаза въ его же собственномъ домѣ, что̀ властно приковало къ себѣ его вниманіе, это была его свояченица.

„Господи, что̀ съ ней сдѣлалось! — думалъ онъ съ удивленіемъ.—Вотъ перемѣнилась! Она теперь, должно быть, совсѣмъ выздоровѣла; и хороша же стала—на рѣдкость“.

Семену Алексѣевичу представлялась теперь полная возможность присмотрѣться къ дѣвушкѣ, такъ какъ, по случаю отсутствія Софьи Александровны, которое должно было продлиться болѣе двухъ недѣль, „сестрица“ взяла въ свои руки бразды управленія домашнимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего и просиживала со своимъ зятемъ цѣлые часы, то за обѣдомъ, то за чаемъ, а то и безъ всякаго особаго повода, просто потому, что у обоихъ находилась свободная минута.

Анна Александровна видимо изучила вкусы и привычки Задорова не хуже его жены и умѣла угодить ему, какъ нельзя лучше. Но несравнимо болѣе всякихъ угожденій нравилась она ему сама по себѣ. Самъ того не сознавая, онъ неотступно любовался ею, вглядываясь — незамѣтно для нея, какъ ему казалось — въ каждое ея движеніе, чуть не въ каждую складку ея платья. Но особенно привлекала она и дразнила его воображеніе своими глазами, строгими, глубокими, почти мрачными, но которые умѣли свѣтиться для него такимъ лучистымъ, теплымъ и ласковымъ взглядомъ.

Наблюденія Задорова повели къ тому, что на пятую ночь по отъѣздѣ жены ему приснилось, будто онъ обнимаетъ и страстно

цѣлуетъ свою свояченицу, а она шепчетъ ему что-то милое, любовное, окончательно сводящее съ ума...

Приснилось это Семену Алексѣевичу такъ живо, что онъ даже проснулся, весь въ испаринѣ и, перекрестившись, поднялся съ постели. Сердце его колотилось неистово; внутри что-то словно трепетало...

— Тьфу! Привидится же этакое. . Неужели это соломенное вдовство дѣйствуетъ? Разбаловался я очень; нужно себя въ руки взять. А то и до бѣды недалеко...

Семенъ Алексѣевичъ сталъ на колѣни передъ освѣщеннымъ лампадкою кіотомъ, и трижды прочелъ „Отче нашъ“ и „Богородицу“, усердно кладя земные поклоны. Затѣмъ онъ опять улегся, но заснуть ему удалось не скоро.

— Навожденіе! — шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ.

Въ первые дни послѣ отъѣзда Софьи Александровны, хотя Задоровъ нерѣдко оставался со свояченицею вдвоемъ, однако бесѣда у нихъ какъ-то не клеилась. Лишь съ большой разстановкою перебрасывались они какими-нибудь незначительными фразами, главнымъ образомъ по поводу какихъ-либо хозяйственныхъ распоряженій. Семенъ Алексѣевичъ читалъ газету, впрочемъ весьма мало ею интересуясь; а Анна Александровна молча занималась шитьемъ либо вышиваніемъ.

Но ледъ скоро началъ таять. Правда, Анна Александровна никогда не заводила бесѣду первая, но очень охотно и мило отзывалась на всякую къ тому попытку Задорова. Такъ, она живо и довольно забавно пересказала ему о всѣхъ своихъ мытарствахъ за границею, весьма неглупо комментируя западно-европейскіе порядки, нравы и обычаи.

Раза два она даже вызвала искренній взрывъ смѣха со стороны Семена Алексѣевича.

— Ну, вотъ,—замѣтилъ онъ,—вы теперь дома, слава Богу, совсѣмъ поправились. Никакіе доктора больше не нужны, ни нѣмецкіе, ни русскіе.

— Да, я совсѣмъ здорова. А зачѣмъ это... Богъ знаетъ.

— Какъ зачѣмъ! Вы молоды, ваша жизнь впереди.

Анна Александровна улыбнулась.

— Много есть людей, у которыхъ жизнь впереди. Только много ли приходится на нее радоваться?

— Ну, вамъ жаловаться грѣхъ. Вы—богатая невѣста, умны... красивы. Кому же и жить?

— Богатая... Я въ этомъ не похожа на сестру Соню. Для меня деньги—не все.

— Все не все, конечно... А великое дѣло!

Анна Александровна пытливо посмотрѣла на зятя.

— А вы, Семенъ Алексѣевичъ, — сказала она, видимо съ живымъ интересомъ,—тоже считаете деньги самымъ первымъ и главнымъ дѣломъ въ жизни?

— Какъ вамъ сказать...—нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ Задоровъ.—Еще очень недавно считалъ, безъ всякихъ сомнѣній. А теперь...

— Что̀ же теперь?

— А теперь замѣчаю, что ни жены, напримѣръ, ни матери, ни сына либо дочери за деньги не купишь.

— Да̀-а... А вотъ Соня увѣрена, — Анна Александровна улыбнулась холодно и жестко,—что и это все покупное, лишь бы не постоять за цѣну.

— Что̀ вы, сестрица, Богъ съ вами!

— Ну, можетъ быть, я ее не такъ поняла... Ошибаюсь... Но мнѣ изъ ея же словъ показалось, будто она именно такъ думаетъ... Да вѣдь и вы еще недавно были подобныхъ мыслей?

— А все-таки Богъ съ ними! Грѣхъ это.

XI.

Властнымъ усиліемъ воли Семенъ Алексѣевичъ подавилъ въ себѣ грѣшныя мысли, возбужденныя красотою свояченицы; соблазнительные сны исчезли. Онъ, дѣйствительно, умѣлъ взять себя въ руки, въ случаѣ надобности; а на этотъ разъ ему помогло даже то новое для него, искреннее чувство братской (какъ ему казалось) любви, которое съумѣла внушить ему Анна Александровна.

Чрезвычайно полюбилась ему эта дѣвушка,—хотя въ ней не было и слѣда тѣхъ дѣлеческихъ дарованій, которыми онъ такъ восхищался въ собственной женѣ. Нравился ему ея спокойный съ виду, сдержанный нравъ, ея непоказная, но искренняя ласка и забота объ его удобствахъ, привычкахъ или вкусахъ; а въ особенности милы ему были ея бесѣды, то шутливыя, то серьезныя, всегда простыя, довѣрчивыя, и обо всемъ на свѣтѣ кромѣ торговыхъ дѣлъ, денегъ и всякой базарно-промышленной суеты. Къ собственному удивленію, Семенъ Алексѣевичъ отдыхалъ умомъ и чувствомъ, благодаря этимъ бесѣдамъ, освобождался отъ вѣчнаго угара заботъ и начиналъ понимать, что люди, мысли, жизнь въ ея безчисленныхъ проявленіяхъ и вѣчные законы бо-

жественной правды представляютъ по крайней мѣрѣ не менѣе интереса или значенія, чѣмъ деньги.

Семенъ Алексѣевичъ, по своей природѣ, не былъ ни особенно черствымъ эгоистомъ, ни безоглядньмъ стяжателемъ. Онъ просто черезчуръ увлекся своей задачей, какъ это часто случается съ людьми выдающейся силы и энергіи. Успѣхъ вѣдь и подзадориваетъ, и туманитъ глаза. Задоровъ же въ глубинѣ души, хотя безсознательно, но упорно придерживался еще нѣкоторыхъ понятій о добрѣ, правдѣ и справедливости, знакомыхъ ему съ дѣтства. Мутныя волны житейскаго дѣлечества, конечно, успѣли прикрыть въ его душѣ эти свѣтлыя вѣрованія довольно толстымъ слоемъ наносной тины, но—не похоронить ихъ вовсе.

Поймавъ себя на грѣшныхъ мысляхъ относительно свояченицы, Семенъ Алексѣевичъ прямо-таки пришелъ въ ужасъ.

„Что же это я, къ чорту въ лапы лѣзу? — подумалъ онъ послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ часовъ ночью. — Опалѣлъ я... Отъ молодой, доброй жены, отъ перваго ребенка, котораго она еще подъ сердцемъ носитъ... И на кого думаю! Сестра, дѣвушка, милая, скромная, ласковая... Какъ я смѣлъ такое объ ней?... Вѣдь это же мерзость, дьявольщина!.. Фу! Господи, помилуй меня грѣшнаго! Нѣтъ, это нужно кончить, съ корнемъ вырвать. Хоть бы жена скорѣе пріѣхала; авось, опомнюсь“.

Но Семенъ Алексѣевичъ справился съ собою и безъ жены, которая зажилась въ Воронежѣ на цѣлыя двѣ недѣли долѣе, чѣмъ предполагала, именно благодаря своей беременности (пришлось покориться совѣту врачей). Могучимъ, безпощадно-прямолинейнымъ требованіемъ, которое онъ предъявилъ самому себѣ, онъ и на этотъ разъ по обыкновенію достигъ своей цѣли. Соблазнительные сны и мысли исчезли безслѣдно.

Зато, успокоенный въ этомъ отношеніи, Семенъ Алексѣевичъ тѣмъ полнѣе и свободнѣе наслаждался своей дружеской привязанностью къ посланной ему Богомъ „сестрицѣ“. Онъ уже не конфузился и не стѣснялся заговаривать съ нею, какъ съ самымъ близкимъ человѣкомъ, въ довѣріи и расположеніи котораго нельзя сомнѣваться; не стѣснялся въ свободныя минуты являться къ ней въ ея собственныя комнаты, если она почему-либо долго не выходила на общую половину, и прямо заявлялъ, что, пославъ ему сестру, Богъ открылъ его глаза на новое счастье въ жизни, котораго онъ не испытывалъ доселѣ.

Однажды Семенъ Алексѣевичъ вернулся съ химическаго завода раньше, чѣмъ его ждали. Не найдя Анну Александровну въ общихъ комнатахъ, онъ прошелъ къ ней и засталъ ее въ са-

мой пріятельской бесѣдѣ съ „дѣдушкой"-Касаткинымъ, котораго она угощала чаемъ.

Старикъ, при входѣ хозяина, всталъ, почтительно поклонился и отошелъ къ двери, гдѣ остановился въ привычной позѣ подчиненнаго.

— Садись, садись, Андрей Кузьмичъ!—сказалъ Задоровъ.— Здѣсь сестрица—хозяйка; а мы съ тобою оба у нея въ гостяхъ.

— Конечно, садитесь, дѣдушка!—улыбнулась Анна Александровна.—Хозяйка я или нѣтъ, да вы-то обоихъ насъ вмѣстѣ,—съ Семеномъ Алексѣевичемъ, то-есть,—много постарше будете.

— Если ваша такая ласка...

Старикъ поклонился сначала Аннѣ Александровнѣ, потомъ Задорову, и опять присѣлъ къ своему недопитому стакану.

— А я и не зналъ,—замѣтилъ Семенъ Алексѣевичъ свояченицѣ,—что вы съ моимъ старикомъ такъ познакомились.

— Да, дѣдушка—спасибо—мною не брезгаетъ.

Касаткинъ очень оживился.

— Анна Александровна, — воскликнулъ онъ, — такъ меня, стараго, приголубила, такъ вознесла, что я ужъ и сказать не умѣю. Сверхъ всякой мѣры! Не заслужилъ я этого даже нисколько... На что лучше,—дочекъ моихъ, и тѣхъ разыскала. Сама къ нимъ пожаловала. Мы, говоритъ, немножко сродни.

— Какъ съ родни?—удивился Семенъ Алексѣевичъ.

— Хе-хе-хе!—задребезжалъ старикъ не то сконфуженнымъ, не то счастливымъ смѣшкомъ.—Старину вспомнили Анна Александровна, которой давно и на свѣтѣ нѣтъ. „Вашъ, говоритъ, папаша"—это она дочкамъ-то моимъ—„отцу моего богоданнаго брата первымъ пріятелемъ былъ; значитъ, и брату самому, по его сиротству, въ родѣ какъ дяденькой приходился. Значитъ, говоритъ, и мы съ вами" — это она дочкамъ-то — „все-таки сколько-нибудь свои люди, черезъ братца. Прошу, говоритъ, любить и жаловать, а я къ вамъ и къ папашѣ вашему всѣмъ сердцемъ". Да вотъ съ тѣхъ поръ и не забываетъ моихъ дочурокъ, ласкаетъ ихъ... Пошли ей Господь великія свои милости!

Дѣдушка прослезился.

Семенъ Алексѣевичъ относился къ судьбѣ дочерей Касаткина вполнѣ равнодушно; едва-ли онъ даже узналъ бы ихъ при встрѣчѣ, хотя и видѣлъ мимоходомъ разъ или два,—такъ мало правъ на свое вниманіе признавалъ онъ за ними. Тѣмъ не менѣе, нечаянно раскрывшійся поступокъ Анны Александровны тронулъ его чрезвычайно, взволновалъ до глубины душевной.

— „Не дѣвушка, а золото!—воскликнулъ онъ мысленно.—Вотъ какъ она понимаетъ родство, вотъ какъ цѣнитъ богоданнаго брата—меня! хотя я виноватъ передъ нею безъ мѣры, десятки разъ... Ну, если такъ, милая, дорогая,—клянусь, я самъ за тебя пойду въ огонь и въ воду, ничего не пожалѣю, если понадобится! Нѣтъ и не будетъ у тебя друга вѣрнѣе".

Едва-ли не впервые въ сердцѣ Задорова расцвѣла пышная роза искренней, несебялюбивой нѣжности. Ему самому показалась она необычайно дорогой и желанной, окрасивъ весь міръ какимъ-то новымъ, чуднымъ блескомъ. Даже давно знакомый старикъ Касаткинъ вдругъ сталъ Семену Алексѣевичу небывало милымъ и симпатичнымъ.

— Дѣдушка!—сказалъ онъ, положивъ руку на рукавъ его старенькой, хотя и безупречно чистой поддёвки.—А вѣдь сестрица-то права. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ ты мнѣ дяденькой приходишься. Зачѣмъ же,—улыбнулся онъ,—ты меня мало журишь? Смотри, какой изъ меня нескладный да непутёвый верзила выросъ!

— Гдѣ ужъ мнѣ учить! Самъ я убогій.

— Люди тебя праведникомъ прозвали.

— Смѣются... Пусть ихъ!

— Дѣдушка, я въ самомъ дѣлѣ винюсь передъ тобою!—серьезно замѣтилъ Задоровъ.—Въ нашей торговой сутолокѣ я совсѣмъ забылъ, что не я тебѣ, а ты мнѣ старшимъ приходишься. Даже совѣстно теперь, самому себя стыдно... Спасибо сестрицѣ, что напомнила.

Анна Александровна только молча вскинула глазами на своего шурина. Но въ ея взглядѣ было много ласки и серьезной нѣжности.

— Погодите, хозяинъ!—всполохнулся дѣдушка.—Этакъ не годится. Я вашъ хлѣбъ ѣмъ. Вы меня пріютили, когда я никому не нуженъ былъ. И не только я отъ васъ никакой хозяйской обиды не видѣлъ, а напротивъ, передъ тѣмъ, какъ умирать стану—приду къ вамъ, въ ноги поклонюсь, за хлѣбъ, за соль, за доброе терпѣніе.

— Тѣмъ-то и погрѣшилъ я, старикъ, что не приходилось мнѣ, пожалуй, съ тобою, какъ хозяину съ приказчикомъ, считаться. Ты меня когда-то къ себѣ на колѣни верхомъ не за деньги сажалъ, не за жалованье. Цѣловался ты со мною да крестилъ меня, мальчишку, на дорогу, когда я изъ Песчанска уѣзжалъ, тоже не ради корысти какой-нибудь.

— Что̀ было, того нѣтъ. А хотя и было, что̀ въ томъ?

Свѣтъ не нами устроенъ. Старому молодое всегда мило; молодой же на старое и глядѣть не хочетъ. Но чтобъ приказчикъ съ хозяиномъ равнялся, это нигдѣ не видано, и не порядокъ, и передъ Богомъ грѣхъ! На какое мѣсто Господь тебя поставилъ— тамъ и будь, а самовольно не суйся.

— Вотъ видите, сестрица,—улыбнулся Задоровъ Аннѣ Александровнѣ,—какой у насъ дѣдушка строгій!

— Да, къ себѣ самому. Помоги Богъ и намъ быть такими.

XII.

Софья Александровна настолько успѣла измѣниться въ Воронежѣ, что при возвращеніи домой, въ Песчанскъ, вызвала своимъ видомъ общее удивленіе и участіе. Фигура ея какъ-то вдругъ очень расплылась, но цвѣтъ лица потускнѣлъ, и даже былой огонекъ въ глазахъ почти совсѣмъ исчезъ; вокругъ рта легли какія-то некрасивыя складки; общее выраженіе лица стало кислымъ и раздраженнымъ.

Вглядываясь въ эту новую для него физіономію жены, Семенъ Алексѣевичъ, самъ того не сознавая, отнесся къ ней не только холодно, но даже непріязненно.

„Расползлась и раскисла,—думалъ онъ съ неудовольствіемъ, —словно тѣсто рыхлое. Съ какой стати? Мало ли кому доводится быть въ такомъ положеніи—и ничего: веселы, здоровы, даже въ восторгѣ. А это что̀? Вѣдь свое же дитя носитъ".

Задоровъ былъ несправедливъ къ женѣ. Какая-то неосторожность во время поѣздки очень повредила ея здоровью, вызвала вмѣшательство врачей и вынудила ее согласиться съ ихъ требованіемъ соблюсти на будущее время самую крайнюю осторожность въ движеніяхъ, занятіяхъ и во всемъ образѣ жизни.

— Разрѣшитесь отъ бремени благополучно, и все пойдетъ по старому, — утѣшалъ Софью Александровну ея воронежскій цѣлитель. — Еще сильнѣе и здоровѣе прежняго будете. Но до тѣхъ поръ, сами видите, малѣйшій рискъ обойдется вамъ очень дорого. Такъ посдержитесь же.

Время отъ времени довольно тяжелыя страданія напоминали Софьѣ Александровнѣ о необходимости послѣдовать этому совѣту. Но живой, дѣятельный нравъ ея плохо мирился съ подобной необходимостью, и вынужденная праздность то раздражала ее, то приводила въ уныніе, причемъ физическое недомоганіе—тош-

ноты, слабость, головная боль—конечно не могли улучшить ея расположеніе духа.

Дѣловую свою задачу въ Воронежѣ Софья Александровна исполнила удовлетворительно. „Братецъ“ Илья Александровичъ очень заинтересовался покупкою Пальховской дачи, обѣщалъ даже самъ пріѣхать осмотрѣть ее, и если дѣло въ самомъ дѣлѣ окажется достаточно серьезнымъ — дать денегъ, сколько потребуется.

Правда, „братецъ“ не рѣшилъ еще, на какихъ условіяхъ предложитъ онъ ссуду—„вѣдь деньги тоже товаръ; Богъ знаетъ, какой черезъ три мѣсяца будетъ учетный процентъ держаться“ —но онъ во всякомъ случаѣ обѣщалъ поступить по-родственному. „Будь спокойна!—говорилъ онъ внушительно.—Ты вѣдь для меня не кто-нибудь, не первая встрѣчная, а родная сестрица. Своего, положимъ, не упущу; но и тебя обижать не стану“.

— А можно ли вѣрить Ильѣ Александровичу?—полюбопытствовалъ Задоровъ, слушая разсказъ жены.

— Ну... пальца въ ротъ тоже ему не положишь... Однако на этотъ разъ онъ, я думаю, въ самомъ дѣлѣ дастъ денегъ. Вѣдь ему же прямой разсчетъ. Дѣло вѣрное, и проценты хорошіе—не то что на вкладѣ либо въ бумагахъ держать. Содрать-то онъ сдеретъ... Ну, да вѣдь и мы въ состояніи будемъ расплатиться довольно скоро, если Богъ поможетъ.

— Лишнихъ одинъ либо два процента—это Богъ съ нимъ, конечно. Перенесу. А какъ онъ вовсе надуетъ?

— Я тоже не маленькая. Я ему сказала, что срокъ совершенія купчей не 3-е февраля, а 3-е января. Такимъ образомъ, въ случаѣ чего, у насъ останется еще цѣлый мѣсяцъ времени. Что-нибудь придумаемъ, подготовимъ даже ранѣе.

— И подготовлять нечего: Пудовиковъ на-лицо, если ужъ нельзя будетъ обойтись иначе.

— Да... тогда видно будетъ...—отвѣтила Софья Александровна довольно кисло.

Но нежеланіе ея имѣть дѣло съ Пудовиковымъ Семенъ Алексѣевичъ замѣтилъ, и отмѣтилъ въ своемъ сердцѣ болѣе непріязненно, чѣмъ въ первый разъ.

„Чтò же она, не довѣряетъ мнѣ?—подумалъ онъ хмуро.—Ограбить я ее, что-ли, хочу? Такъ я и съ посторонними, слава Богу, такихъ вещей еще не дѣлывалъ. Выгоду свою умѣю найти, но воромъ не былъ и не буду. Довольно-таки сомнительна моя супруга. Коли про собственнаго мужа можетъ такое въ умѣ держать, значитъ, и сама не очень надежна. А мысли-то у нея

или разговоры! Деньги да деньги, только и всего. Положимъ, оно хоть правильно, серьезное, хозяйственное дѣло; но"...

Семену Алексѣевичу чуть не до тоски было жаль своихъ „бездѣльныхъ" бесѣдъ со свояченицей, которыя сами собою естественно прекратились съ возвращеніемъ Софьи Александровны.

Свою жену онъ теперь впервые наблюдалъ не влюбленными глазами и не въ угарѣ чувственныхъ увлеченій. Можетъ быть, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія жены и яснаго пониманія неумѣстности подобныхъ увлеченій въ данное время, или по какимъ-либо другимъ причинамъ—Семенъ Алексѣевичъ вдругъ совершенно остылъ. И еслибы онъ привыкъ разбираться въ собственныхъ чувствахъ, онъ вѣроятно замѣтилъ бы, что въ отношеніи къ женѣ въ немъ нѣтъ и слѣдовъ той покровительственной нѣжности и радостнаго любованія, съ которыми онъ уже привыкъ смотрѣть на свояченицу.

Впрочемъ, Задорову некогда было разбираться въ собственныхъ чувствахъ. Пріѣхалъ братецъ Илья Александровичъ, который поспѣшилъ воспользоваться послѣдними днями осени, чтобы осмотрѣть Пальховскую дачу. Разумѣется, пришлось дѣлать ради него экстренные выѣзды и проводить съ нимъ все свободное время.

Братецъ прожилъ въ Песчанскѣ десять дней, зато осмотрѣлъ все и вся, удостовѣрился въ положеніи дѣлъ Задорова, и всѣмъ остался очень доволенъ. Пальховская дача привела его даже прямо въ восторгъ. Онъ выразилъ рѣшительное убѣжденіе, что самому покойному папашѣ Александру Игнатьичу никогда не удавалась подобная покупка, хотя подготовлялъ покойникъ свои „операціи" издалека и дѣло имѣлъ обыкновенно съ людьми, достаточно позапутавшимися въ долгахъ, или очень ужъ мотоватыми.

— Да, для такого дѣла и рискнуть стоило!—выразился братецъ Илья Александровичъ.—Что-жъ, если и не хватаетъ денегъ? Оно само для себя капиталъ сыщетъ.

Братецъ уѣхалъ изъ Песчанска, торжественно поклявшись Задоровымъ, что деньги къ третьему января будутъ готовы и доставлены по первому же требованію, на самыхъ безобидныхъ, притомъ, условіяхъ.

— Копѣйки вашей не захочу взять, вотъ вамъ Христосъ!—объяснилъ Илья Александровичъ.—Братья мы или нѣтъ? Одного вѣдь отца-матери съ ней-то, съ Сонечкой. Такъ неужто-жъ мы изъ-за грошей считаться будемъ, а? Никогда этого не можетъ статься.

Семенъ Алексѣевичъ былъ вполнѣ обнадеженъ клятвами и родственнымъ поведеніемъ братца; но Софья Александровна въ душѣ обезпокоилась.

„Непремѣнно Ильюшка какую-нибудь гадость задумалъ!— соображала она про себя.—Не могу только понять, въ чемъ дѣло... Если просто хочетъ сорвать побольше—чортъ съ нимъ, пусть пользуется, хоть и жалко... Не могу же я допустить, чтобы мой капиталъ оставался безъ закладной. Векселя и вообще-то—бумага. А векселя, выданные мужемъ женѣ, въ случаѣ чего, того и смотри, будутъ признаны безденежными. Поди тамъ, судись, доказывай!... Нѣтъ, ужъ на это я никакъ не соглашусь, ни за что“...

XIII.

Софья Александровна стала прихварывать все чаще. Случалось, что цѣлые дни она вынуждена была проводить либо сидя, либо даже лежа. Такимъ образомъ, значительная часть хозяйственныхъ заботъ по дому мало-по-малу перешла къ Аннѣ Александровнѣ. Сдѣлалось это какъ-то само собою, естественнымъ порядкомъ, но къ большому удовольствію Семена Алексѣевича; потому что свояченица опять начала чаще и дольше бывать въ общемъ помѣщеніи. Возобновились даже, хотя далеко не въ полной мѣрѣ и не съ прежней задушевностью, бывалыя бесѣды подъ шумъ самовара или просто въ свободный часъ вечера.

Софья Александровна, впрочемъ, быстро замѣтила и оцѣнила перемѣну отношеній между мужемъ и сестрою.

„Дѣвкѣ замужъ пора! — рѣшала она въ душѣ. — Съ тѣхъ поръ, какъ выздоровѣла, вишь какъ на Сеню пялится. Рада сама на шею кинуться. Извѣстно, дѣвкѣ двадцать-одинъ годъ. Ну, и онъ сталъ съ нею поласковѣе. Тоже мужчина въ порѣ; а я вонъ калѣкою валяюсь... Дура! Она-то, она-то кипятится! Думаетъ, нивѣсть, какая въ этомъ сласть. Ну, конечно... А только погоди еще, испытаешь мое теперешнее положеніе, такъ будешь знать, что иной разъ о мужчинахъ даже думать противно. Баловство, въ сущности... А впрочемъ, почему же себѣ отказывать, если не теряя голову? Покуда молода, пусть и Анюта поживетъ въ свое удовольствіе. Надо, надо ей мужа найти. Напишу къ невѣсткамъ“.

Софья Александровна, однако, отнюдь не мучила себя ревностью. Врядъ ли подобное чувство было ей сколько-нибудь зна-

комо. Она вообще привыкла думать, что случайныя, преходящія уклоненія мужчинъ съ пути супружескаго долга и неизбѣжны, и не заслуживаютъ вниманія. Мало ли, молъ, что̀ бываетъ! За всякимъ вздоромъ не нагоняешься. Да и кто, наконецъ, безъ грѣха? Жёны-то вѣдь тоже иной разъ пошаливаютъ, не хуже мужей. Эка невидаль, что человѣкъ побаловался въ свободную минуту! Не въ монастырѣ живемъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Софья Александровна была непоколебимо убѣждена въ своемъ правѣ собственности на мужа, и въ этомъ почерпала полнѣйшее, увѣренное спокойствіе.

„Сколько ни вертись, — думала она про Семена Алексѣевича,—а къ женѣ прибѣжишь опять. Это вѣдь не кто-нибудь, не первая встрѣчная. Ау, братъ! Если вокругъ аналоя обвели— ужъ не отдѣлаешься. Да я и сама не дура, чтобы тебя изъ рукъ выпустить. Небось, за свое постоять съумѣю, въ обиду не дамся".

Вслѣдствіе такихъ соображеній, Софья Александровна холодно и спокойно смотрѣла на сближеніе сестры съ мужемъ, нимало ему не препятствуя. Необыкновенная почтительность и невозмутимость, которую проявлялъ въ своихъ отношеніяхъ къ свояченицѣ Семенъ Алексѣевичъ, еще болѣе увѣренности сообщала его женѣ. Софья Александровна привыкла къ его несдержанной пылкости, къ горячему и жадному блеску въ его глазахъ, къ порывистой, почти грубой ласкѣ. Она хорошо помнила его въ роли жениха, ухаживателя... Нѣтъ! Анютѣ не удастся захватить его сколько-нибудь серьезно. Она только напрасно мечтаетъ и—характеръ ея довольно извѣстенъ—кончитъ тѣмъ, что разозлится, какъ кошка.

„Такъ-то и лучше! — сама себѣ улыбнулась Софья Александровна.—Найдемъ для Анюты другого молодца, поподатливѣе и свободнаго. За этимъ товаромъ дѣло не станетъ. А въ чужой огородъ по рѣпу не ходятъ,—не модель".

Болѣзненное состояніе вѣроятно отчасти ослабило обычную проницательность Софьи Александровны и ея способность быстро понимать и оцѣнивать всякія проявленія мысли или чувства въ близкихъ ей людяхъ, поскольку они могли отразиться на ея собственныхъ интересахъ. Можетъ быть, въ другое время она замѣтила бы возростающую въ отношеніи къ ней холодность и отчужденіе мужа, спохватилась бы, понаблюдала бы за нимъ и за собою и съ обычной ловкостью поспѣшила бы устранить причины назрѣвающаго семейнаго разлада.

Но теперь, хвастаясь передъ собою, что она не дура и

мужа изъ рукъ не выпуститъ, она въ то же время дѣлала крупную ошибку. Больная и раздраженная, она не хотѣла стѣснять себя, не была на сторожѣ, не ловила налету впечатлѣніе, производимое ея рѣчами и поступками, словомъ—позволяла себѣ быть слишкомъ естественною, слишкомъ самой-собою. И это откровеніе совпало для ея мужа именно съ тѣмъ моментомъ, когда чувственное его увлеченіе улеглось, когда онъ видѣлъ въ своей женѣ не только женщину, но и человѣка, и не сквозь дымку страсти, когда, наконецъ, даже внѣшняя привлекательность Софьи Александровны находилась въ превеликомъ ущербѣ...

Кто-то давно сказалъ, что чувство можетъ либо рости, либо уменьшаться, но никогда не остается въ стаціонарномъ положеніи.

Это—безспорная истина.

Въ душѣ Семена Алексѣевича оно стало сокращаться, съёживаться и высыхать, какъ молодое растеніе, пересаженное въ пески раскаленной пустыни.

Да еще и было ли оно когда-нибудь дѣйствительно сочнымъ и живучимъ растеніемъ? Богъ вѣсть.

По внѣшности въ крошечной семьѣ Задоровыхъ—крошечной, если даже причислить къ ней Анну Александровну—все оставалось по старому. Однако, взаимныя отношенія лицъ въ ней измѣнились хотя незамѣтно, но коренным образомъ.

XIV.

Въ исходѣ декабря Семенъ Алексѣевичъ написалъ „братцу“ въ Воронежъ о томъ, что желалъ бы получить теперь обѣщанную сумму для покупки Пальховской дачи, и освѣдомлялся, когда именно для этой цѣли ему нужно явиться въ Воронежъ, а также просилъ окончательно опредѣлить условія.

Въ отвѣтъ на это послѣдовала краткая телеграмма: „Съ деньгами пріѣду самъ“.

Прошло, однако, пять дней, значилось уже тридцатое декабря, а о братцѣ не было ни слуху, ни духу.

Семенъ Алексѣевичъ телеграфировалъ ему въ свою очередь: „Пріѣдете ли? Когда?“ И получилъ въ отвѣтъ: „Праздники задержали. Второго января непремѣнно“.

Прочитавъ эту послѣднюю депешу, Софья Александровна объявила мужу рѣшительнымъ тономъ:

— Ничего не выйдетъ. На Илью разсчитывать нечего. Онъ задумалъ какую-то мерзость.

— Почему ты знаешь?

— Ну, вотъ! Кому же и знать. Только ты не подавай вида, когда онъ пріѣдетъ. Посмотримъ, что̀ будетъ.

„Братецъ", дѣйствительно, пріѣхалъ второго января, довольно позднимъ вечеромъ, „на ночь глядя", какъ выражаются въ Песчанскѣ.

— Что-же, готово у васъ все къ совершенію купчей?—спросилъ онъ послѣ первыхъ, очень родственныхъ и любовныхъ привѣтствій, присаживаясь къ столу съ чайнымъ приборомъ.—Продавецъ-то здѣсь, явился?

— Даже и проектъ купчей сегодня совершили у нотаріуса, —невозмутимо отвѣтила Софья Александровна.

— А-а-а! Что же такъ поторопились?

— Чего было ждать? Черновой вѣдь проектъ. Въ книгу нотаріусъ покуда не записывалъ.

— Да, если черновой... не суть важно.

— Однако, Илья Александровичъ,—вмѣшался Задоровъ,— пора же намъ теперь знать, на какой срокъ вы даете деньги и изъ какихъ процентовъ.

„Братецъ" усердно и шумно втянулъ въ себя горячій чай со стекляннаго блюдечка.

— Вѣдь я же говорилъ вамъ, — отвѣтилъ онъ потомъ съ спокойной умиленностью,—что не желаю пользоваться ни единой вашей копѣйкой. Какіе между родными счеты да проценты? Жиды-христопродавцы, и тѣ въ своей семьѣ добрые люди. А кольми паче мы, православные христіане. Ничего мнѣ вашего не нужно. За лѣсъ половину заплатили вы, теперь вторую половину заплачу *я*, и будемъ имъ владѣть вмѣстѣ, по-братски.

Семенъ Алексѣевичъ едва усидѣлъ на стулѣ; но жена усмирила его серьезнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, братецъ! — отвѣтила она спокойно. — На это мы не согласны. Возьмите лучше процентъ... хор-рошій!—подчеркнула она послѣднее слово.

— А на процентъ *я* не согласенъ.

— Ну, значитъ, дѣло не сойдется.

— Пустяки, сойдемся. Не терять же вамъ задатокъ въ полмилліона! Да вѣдь и половина Пальховской дачи—кусъ довольно лакомый, хоть бы и не по вашимъ зубамъ.

— Зачѣмъ терять полмилліона? Помилуй Богъ! Да и зубовъ у насъ, братецъ, даже на всю Пальховскую дачу хватитъ.

— Не глупи, Сонечка. Гдѣ вы съ мужемъ за одну ночь полмилліона достанете?

— Да вѣдь и купчая-то, братецъ, не третьяго января совершается. Это я, по своей бабьей безтолковости, оговорилась тогда, перепутала. На третье февраля ей срокъ.

Илья Александровичъ безпомощно опустилъ на столъ блюдечко съ чаемъ, который только-что намѣревался втянуть въ себя обычнымъ порядкомъ. Онъ былъ совершенно уничтоженъ.

— Четыреста тысячъ намъ нужно, братецъ. Берите на нихъ по восемь процентовъ и—хорошее дѣло.

Онъ только замоталъ головою съ растерянно-жалкимъ видомъ.

— Ну, видно, нечего намъ торговаться. Вотъ послѣднее слово. Мы заплотимъ десять процентовъ. Сорокъ тысячъ за годъ! Кажется, не плохо. Ну, по рукамъ, что-ли?

Но Илья Александровичъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, взялъ свою шапку и молча направился къ двери.

— Куда же вы, братецъ?

— Но... нога моя... б... больше у васъ не будетъ!—вдругъ даже завизжалъ онъ какимъ-то не своимъ голосомъ, захлёбываясь и задыхаясь.—Мерзавцы! Каторжники! Родного брата подвели! Живъ не буду, а я вамъ себя покажу... пок-кажу... Мальчишка я вамъ?..

Лицо его налилось кровью; онъ топалъ ногами, брызгалъ слюною, грозилъ кулакомъ, и вдругъ исчезъ за дверью.

— Будьте вы прокляты!—донесся его послѣдній взвизгъ.

— Ну!..—махнула рукой Софья Александровна.

— Да что онъ, ошалѣлъ, что-ли?—совершенно озадачился Задоровъ.

— Нравъ у него такой. Самъ-то не изъ орловъ вѣдь онъ, а никогда въ жизни не проститъ, что его перехитрили. Черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, вспомнитъ—и то весь поблѣднѣетъ и затрясется. Хуже ему обиды нѣтъ. Нравенъ!

— Вотъ еще чадушко Господь послалъ!..

— Да. То бы онъ за десять процентовъ какъ бы ухватился... Жаденъ вѣдь. А ужъ если обозлится, такъ и денегъ не надо; расфыркается хуже дикой кошки, на стѣну лѣзть готовъ.

— Хорошъ, хорошъ!.. Ну, однако, что̀ же теперь дѣлать? Надо за Пудовикова приниматься.

Софья Александровна смолчала.

Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, становилось затруднительнымъ. Гдѣ взять недостающую сумму? И, какъ на бѣду, здоровье мо-

лодой женщины къ концу беременности становилось все хуже. Она не только сдѣлалась почти безпомощною физически, но ослабѣла даже ея дѣловая находчивость и энергія; мысль путалась и утомлялась.

Прошло Крещеніе, наступила вторая половина января, а еще ничто не было не только устроено, но даже рѣшено.

Наконецъ, Семенъ Алексѣевичъ приступилъ къ женѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ уничтожить закладную на химическій заводъ, ибо другого выхода не имѣется.

Софья Александровна очевидно къ этому приготовилась. Безъ малѣйшихъ колебаній, она холодно и дѣловито объяснила мужу, что закладную уничтожить готова, но въ видѣ обезпеченія потребовала себѣ половинное право владѣнія Пальховской дачею, то-есть, именно то, чего добивался Илья Александровичъ; причемъ добавила, что погасить закладную обязанъ Пудовиковъ, при составленіи и утвержденіи новой, внесеніемъ причитающейся суммы непосредственно въ ея руки. А затѣмъ эти деньги уплачены будутъ Крутовицыну, и купчая должна быть совершена на имя обоихъ супруговъ вмѣстѣ.

— Но какъ же это сдѣлать?—воскликнулъ Семенъ Алексѣевичъ.—Вѣдь Пудовиковъ не поѣдетъ къ тебѣ въ Песчанскъ.

— Я ужъ сама какъ-нибудь доберусь до Москвы.

— Въ твоемъ положеніи?!

— Дѣло—всегда дѣло. Оно положеній знать не хочетъ.

— А кромѣ того вся эта процедура можетъ очень отозваться на моемъ кредитѣ... И на чтò она? Чѣмъ ты рискуешь?

— Полумилліономъ,—сухо отвѣтила Софья Александровна.

— Или мужемъ и ребенкомъ...

— Ребенокъ тутъ ни при чемъ; не я первая поѣду въ такомъ положеніи. А мужемъ, если спокойствіе и обезпеченіе своей больной жены онъ ставитъ ни во что, даже рисковать не приходится.

— Какъ это?

— Насильно милою не будешь.

Семенъ Алексѣевичъ не счелъ нужнымъ продолжать этотъ споръ.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ онъ только.—Я телеграфирую Пудовикову.

— Хорошо.

Московскій милліонеръ отвѣтилъ безъ задержки: „Деньги будутъ готовы 27-го. Пріѣзжайте. Условія извѣстны“.

Въ виду этой телеграммы Задоровы рѣшили выѣхать въ Москву 25-го января съ вечернимъ поѣздомъ.

Уже покончивъ всѣ приготовленія къ выѣзду, Семенъ Алексѣевичъ сѣлъ отдохнуть въ своемъ кабинетѣ и распечаталъ получаемую имъ московскую газету.

На первой же страницѣ онъ прочиталъ слѣдующее: „Сегодня волею божіею скоропостижно скончался, вѣроятно отъ разрыва сердца, извѣстный всей Россіи Вуколъ Кондратьевичъ Пудовиковъ“.

XV.

Семенъ Алексѣевичъ долго просидѣлъ надъ этимъ коротенькимъ извѣстіемъ, собираясь съ мыслями. Наконецъ, онъ всталъ и, не выпуская газеты изъ рукъ, тяжелыми шагами направился въ комнату жены.

— Что̀ съ тобою?—воскликнула она испуганно, взглянувъ на его блѣдное, встревоженное лицо.

— Прочти.

Софья Александровна ахнула и опустилась на кресло съ подкосившимися ногами.

На этотъ разъ она тоже была испугана и ошеломлена нечаяннымъ извѣстіемъ.

Оба молчали.

Семенъ Алексѣевичъ отвернулся къ окну и глядѣлъ въ его стекла, ровно ничего не видя.

— Какъ же теперь быть?—вдругъ рѣзкимъ тономъ воскликнула Софья Александровна.

Задоровъ повернулся къ ней.

— Разумѣется, все-таки ѣдемъ въ Москву. Можетъ быть, еще удастся устроить какъ-нибудь...

— Въ четыре-то дня? Да такія дѣла и не дѣлаются на можетъ быть, — еще рѣзче заявила Софья Александровна. — Это вѣдь не какія-нибудь сотни, даже не тысячи.

— А по твоему какъ быть?

— Одно остается. Иди просить у Анюты.

— Не при тебѣ ли она двадцать разъ говорила, что ни за что, никогда и ни на какія денежныя сдѣлки не согласится.

— А ты... приласкай ее получше. Дастъ!

— Съ какой стати?

— Вѣрно говорю. Развѣ не видишь, что дѣвка въ тебя совсѣмъ врѣзалась?

— Что̀ ты, Соня!

— Слава Богу, не слѣпая я. И теперь не до церемоній. Иди, улещай, какъ знаешь. Но чтобы дѣло было сдѣлано!

— Соня!..

— Ну, Соня! Знаю, что Соня. Чего на меня пялишься?.. Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ—мужчина или нѣтъ? Къ дѣвкѣ подойти, что-ли, боишься?.. Вспомни, Пальховская дача пропадаетъ, да наши шесть сотъ тысячъ вмѣстѣ съ нею! Такъ тутъ ужъ раздумывать нечего. Иди, говорятъ тебѣ! — Софья Александровна даже ногою топнула. — Цѣлуй, милуй, клянись... Иди!!... Стой! На̀ вотъ...

Она сунула ему въ руки газету.

Семенъ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты, самъ не понимая, что́ съ нимъ дѣлается. Голова у него совсѣмъ затуманилась. „Пальховская дача... шесть сотъ тысячъ... дѣвка врѣзалась... Какъ врѣзалась? Что̀ это значитъ? Неужто Нюта, Нюта, радость моя, меня любитъ?.. Съ какой стати Пудовиковъ такъ вдругъ умеръ? И что̀ теперь будетъ?.. Нютины деньги... Господи! Да неужто это правда? Неужто я ей тоже милъ?..“

Семенъ Алексѣевичъ остановился и машинально вытеръ платкомъ испарину, появившуюся у него на лбу.

Онъ вдругъ сѣлъ на стулъ и началъ крутить папиросу.

„Нужно опомниться, взять себя въ руки... Этакъ нельзя! —рѣшилъ онъ, сдавивъ зубами крѣпко сомкнутыя губы.—Это, наконецъ, глупо. Гдѣ моя голова?“

Чрезвычайнымъ усиліемъ воли Задоровъ справился со своимъ волненіемъ; и хотя непослушныя его руки два раза сломили зажигаемую спичку, хотя папироса вздрагивала вмѣстѣ съ державшими ее губами, зато мысли прояснились и потекли потокомъ, правда, очень стремительнымъ или даже бурнымъ, но въ опредѣленномъ порядкѣ и направленіи.

„Что Нюта любитъ меня,—думалъ онъ,—это вздоръ. Бабья подозрительность жены. Не сто̀ю я даже Нютинаго мизинца. Такія, какъ Соня, вотъ кто мнѣ подъ пару... Но деньги она, можетъ быть, все-таки дастъ; захочетъ въ бѣдѣ помочь. Она вѣдь изъ добрыхъ добрѣйшая. Вѣдь она хоть и говорила, что ни за что ни на какія дѣла не согласится, такъ вѣдь это же для наживы не согласится. Она даже объясняла: мнѣ, молъ, и своего больше, чѣмъ довольно. А здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы помочь близкимъ роднымъ, и безъ всякаго для себя риска. Закладная на заводъ—достаточное обезпеченіе. Ну, разумѣется.

такъ. Удивительно, почему это мнѣ раньше не пришло въ голову!"

Семенъ Алексѣевичъ быстро всталъ и направился къ комнатамъ свояченицы. Но, подходя къ ея двери, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ „упало сердце".

Ему даже не пришлось стучаться. Заслышавъ его шаги, Анна Александровна сама встрѣтила его на порогѣ.

— Чтò случилось?—воскликнула она тревожно, едва взглянувъ на его лицо.

— Сестрица, мнѣ съ вами поговорить нужно.

— Входите. Ну?

— Вы слышали о моемъ дѣлѣ съ Крутовицынымъ.

— Конечно.

— И знаете, что я разсчитывалъ на Пудовикова?

— Все знаю. Ну?

— Прочтите.

— Хорошо еще, что не успѣли уѣхать!—воскликнула Анна Александровна.

— Да. Но теперь мнѣ грозятъ огромныя потери, если... если вы не захотите помочь, сестрица.

— Мои деньги всѣ въ государственныхъ бумагахъ, такъ что реализировать ихъ очень легко, и лежатъ на храненіи въ нашей песчанской конторѣ государственнаго банка. Поѣдемте сейчасъ къ нотаріусу, я вамъ выдамъ довѣренность на полученіе ихъ.

— Сестрица! Ангелъ! Какъ мнѣ васъ благодарить? Мы тутъ же и закладную на заводъ совершимъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ! Для обезпеченія.

— Это вздоръ. Я знаю, что вы не захотите меня обидѣть безъ надобности. А если нужно... Однимъ словомъ, вы дадите мнѣ просто векселя, на всякій случай. Больше ничего не нужно.

У Семена Алексѣевича слезы выступили на глазахъ.

— Вотъ вы же не считаете меня извергомъ, мерзавцемъ, который за деньги и самыхъ близкихъ не пожалѣетъ!

— Богъ съ вами! Откуда такія мысли?

— Собственная жена, и та мнѣ безъ закладныхъ не вѣритъ... Не знаю ужъ, какъ самому на себя смотрѣть: чтò я, молъ, такое?

— Соня! Такъ вѣдь она же ничего на свѣтѣ, кромѣ денегъ, не любитъ!—вырвалось у дѣвушки.

— А вы, сестрица?

Анна Александровна вспыхнула горячимъ румянцемъ.

— Я?!.. Чтò вамъ до этого? Сердца словами не выскажешь... Если любятъ оба, безъ словъ другъ друга поймутъ. А не понимаетъ кто-нибудь одинъ изъ нихъ—значитъ, и понимать ему не нужно.

Семенъ Алексѣевичъ простоялъ нѣсколько мгновеній молча, пытливо всматриваясь въ свояченицу, и вдругъ упалъ на колѣни, залившись цѣлымъ потокомъ слезъ.

— Нюта! Будь, чтò будетъ! Не могу я больше терпѣть... Нюта! Я люблю тебя больше жизни, больше своей души, больше всего на свѣтѣ! Пожалѣй меня! Нюта! Нюта!!...

— Любишь?—дѣвушка поблѣднѣла, схватываясь рукою за кресло, чтобы не упасть.—Такъ чего же ты молчалъ? А я-то!..

XVI.

Иванъ Ѳомичъ Поддужный, послѣ запродажи Пальховской дачи, не долго оставался на службѣ у Задорова. Хотя ему не намекнули даже на неблаговидность его предложеній Крутовицыну—Семенъ Алексѣевичъ, не торопясь, подыскивалъ на его мѣсто знающаго и дѣятельнаго человѣка—однако, Поддужный самъ понималъ, что удержаться на службѣ прочно не можетъ. Да онъ и не очень дорожилъ ею. Владѣя собственнымъ наслѣдственнымъ капитальцемъ въ десятокъ тысячъ рублей, онъ давно уже порывался начать какое-нибудь свое дѣло и ждалъ только благопріятнаго случая.

Ловкость и денежная сила Задорова разрушили его черезчуръ смѣлую и блестящую мечту о сдѣлкѣ съ Крутовицынымъ. Но вслѣдъ затѣмъ представился другой случай, опять-таки достаточно лакомый, и притомъ, на этотъ разъ, даже не измышленный собственными усиліями, а подвернувшійся по волѣ судебъ—то-есть, въ сущности, болѣе благонадежный: умѣй только взяться.

Умеръ послѣ долгой и мучительной болѣзни извѣстный въ Песчанскѣ лѣсопромышленникъ Иванцевъ. Онъ когда-то считался серьезнымъ дѣльцомъ и капиталистомъ, не имѣющимъ достойныхъ соперниковъ въ цѣломъ уѣздѣ; но появился Задоровъ, и молодая неутомимость человѣка „изъ новыхъ“, его смётка и смѣлость, его новые пути и пріемы въ торговлѣ, скоро побѣдили рутинный опытъ старѣющаго Иванцева. Молодая сила гремѣла и ширилась; старая—стихала и ёжилась. Какимъ-то непостижимымъ стеченіемъ обстоятельствъ всѣ лучшіе, жирные куски стали пролетать мимо Иванцева; ему удавалось попользоваться только кру-

пинками. Наконецъ, тяжелая, неисцѣлимая болѣзнь, тянувшаяся цѣлыхъ три года, не только уничтожила силу и жизнь стараго лѣсоторговца, но и значительно позапутала его дѣла, такъ какъ надежныхъ помощниковъ у него не имѣлось. Сыновей Богъ ему не далъ вовсе. Семья состояла только изъ старушки-жены, Евлампіи Харитоновны, которая въ цѣломъ городѣ извѣстна была подъ кличкою Божьей Коровки, да изъ дочери, тихой и запуганной дѣвушки лѣтъ двадцати-трехъ. Разумѣется, ни та, ни другая ровно ничего не смыслили въ дѣлахъ мужа; да и онъ былъ не изъ такихъ, чтобы допускать чье-либо вмѣшательство, а особливо „бабье".

Крутой былъ человѣкъ, покойникъ!

Легко себѣ представить, въ какомъ затрудненіи и страхѣ очутились Божья Коровка съ дочерью, Агніей Парменовной, сознавъ себя полноправными наслѣдницами и распорядительницами всего имущества и запутанныхъ дѣлъ покойнаго лѣсоторговца. Чтò имъ было нужно сдѣлать? Какъ и съ чего начать? Къ чему собственно стремиться?

Всѣ эти задачи оказывались для бѣдныхъ женщинъ безусловно неразрѣшимыми. Непривычная свобода угнетала ихъ несравненно больше былого семейнаго деспотизма. Такъ яркій дневной свѣтъ слѣпитъ и рѣжетъ больные глаза, давно знакомые лишь съ ночью да сумракомъ.

Къ счастію для растерявшихся наслѣдницъ, родной сестрою Божьей Коровки была „пронзительная" Олимпіада Харитоновна Изъянцева, которая и приняла героическое рѣшеніе, совсѣмъ внезапно, неожиданно даже для самой себя, а какъ бы по наитію свыше.

Сидя однажды у своего обычнаго окна на улицу, она въ числѣ прохожихъ увидала Ивана Ѳомича Поддужнаго, да „такъ и сорвалась съ мѣста" (по собственному ея свидѣтельству).

— Гашка! Гашка! Бѣги на улицу! Догони Ивана Ѳомича и попроси его зайти сейчасъ. Понимаешь? Скажи, Олимпіада Харитоновна, молъ, просятъ. По очень сурьезной, молъ, надобности. Лети!

„И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову?—спрашивала себя Изъянцева. — Вѣдь это жъ оно самое и есть, чтò нужно-то".

Поддужный явился и принятъ былъ очень любезно. А затѣмъ вскорѣ, за стаканомъ чаю, Олимпіада Харитоновна повела разговоръ о „сурьезной надобности" въ самомъ рѣшительномъ тонѣ.

— Ну, вотъ чтò, молодецъ! Теперь потолкуемъ, зачѣмъ я

тебя позвала,—сказала она вдругъ, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ о погодѣ, праздникахъ, здоровьѣ и т. п., причемъ съ формально вѣжливаго *вы* перешла на грубовато-дружелюбное *ты*.—Ты мою сестру, Божью Коровку, и дочку ейную, Агнюшу, Агнію Парменовну, знаешь вѣдь? Видалъ?

— Еще бы-съ. При жизни ихъ супруга и родителя—пошли ему Господь царство небесное—даже въ домѣ у нихъ бывалъ, хоть и не часто. Удостоился вниманія.

— Ну, да, я помню. Такъ вотъ... не хочешь ли жениться на Агніи Парменовнѣ?

Иванъ Ѳомичъ даже привскочилъ отъ неожиданности.

— Помилуйте, Олимпіада Харитоновна...

— Что жъ, Агнюша—дѣвушка добрая, послушная и собою не плоха, изъ лица, значитъ...

— Помилуйте, Олимпіада Харитоновна,—перебилъ Поддужный:—смѣю ли я даже подумать что-нибудь противъ Агніи Парменовны! Дѣвица, можно сказать, въ полномъ своемъ достоинствѣ, какихъ даже лучше и найти невозможно. Только я-то для нихъ никакого интереса не представляю. Какъ человѣкъ я покуда маленькій, на приказчичьемъ положеніи—онѣ за меня не пойдутъ.

— Ну, это не твоя забота. А ты скажи прямо, хочешь жениться или нѣтъ?

— Какъ не хотѣть! Отъ своего счастья никто не отказывается, которые даже и поглупѣе меня.

— То-то!.. Да ты...—Олимпіада Харитоновна вдругъ окинула Поддужнаго строгимъ взглядомъ:—ты не подумай себѣ чего-нибудь, не вообрази. Агнюша—дѣвица чистая, скромница, какія даже на рѣдкость. Этого у тебя чтобъ и въ мысляхъ не было, слышишь? А просто по ихнему сиротскому дѣлу имъ въ домѣ мужчина нуженъ, знающій и дѣятельный. Покойникъ-то въ послѣднее время, изъ-за хворости, позапустилъ, позапуталъ; такъ гдѣ же имъ однѣмъ справиться! Опять и на чужого человѣка положиться нельзя. Ну, понялъ теперь? Онѣ богатства не ищутъ, свое есть, а былъ бы человѣкъ настоящій, умный, свѣдущій, да не обидчикъ.

— Олимпіада Харитоновна! Вотъ вамъ Христосъ, если Агнія Парменовна удостоитъ—буду я имъ вѣрный слуга, и Евлампію Харитоновну успокою въ лучшемъ видѣ, и для васъ буду даже не какъ племянникъ, а какъ благодарный рабъ, можно сказать.

— Это хорошо, что ты чувствуешь. А только помни, отъ меня ты не укроешься, и въ обиду я тебѣ своихъ не дамъ.

— Зачѣмъ въ обиду? Помилуй Богъ! Неужто душа у меня собачья какая-нибудь? Такъ и собака хозяйскую руку лижетъ.

Простившись съ Поддужнымъ, Олимпіада Харитоновна тотчасъ же поѣхала къ сестрѣ.

„Вороватъ малый!—думала она про Ивана Ѳомича дорогою.— Да вѣдь по нашему торговому дѣлу иначе нельзя. Что же толку-то будетъ отъ рохли отъ какого-нибудь? Богъ милостивъ, все обладится. Какой ни есть, а жену да родныхъ дѣтокъ все-таки пожалѣетъ. Отъ нихъ никуда не уйдешь: свои!"

Ни въ сестрѣ, ни въ племянницѣ Олимпіада Харитоновна ни малѣйшаго противорѣчія не встрѣтила. Божья Коровка, узнавъ о согласіи Поддужнаго, стала даже креститься на икону съ радостными и благодарными слезами, а тихая Агнія молча поцѣловала у тетки руку, въ благодарность за ея заботу.

— Нравится ли онъ тебѣ?—спросила Изъянцева.

— Разумѣется, понравится, тетушка, если мужемъ будетъ. Развѣ я безсовѣстная какая или супротивница?

— Значитъ, ты довольна?

Агнія Парменовна опять горячо поцѣловала теткину руку.

— А что бы мы теперь съ маменькой безъ васъ придумали? Прямо сказать, извелись бы съ одного страха... Вѣчно буду Бога молить и за васъ, и за Ивана Ѳомича.

— Именно, именно такъ!—подтвердила Божья Коровка.

Олимпіада Харитоновна была даже искренно тронута безотвѣтностью и покорностью обѣихъ Иванцевыхъ.

— Готовьтесь же!—сказала она.—Завтра вечеромъ привезу его.

Ѳ. Ромеръ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ пору моей молодости, пришлось мнѣ стать однимъ изъ работниковъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Дѣлу этому я послужилъ около восьми лѣтъ. Много слѣдовъ тогдашнихъ заботъ о крестьянскомъ устройствѣ уже стерлось. Пришлось мѣстному крестьянству пережить не мало вліяній позднѣйшихъ, рѣзко смѣнявшихся административныхъ вѣяній. Огромное большинство людей, съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться на этомъ поприщѣ, ушло уже въ могилу, и на обширномъ пространствѣ разныхъ губерній лишь кое-гдѣ теперь остались единицы изъ бывшихъ моихъ товарищей и вообще прилагавшихъ къ тогдашнему крестьянскому дѣлу свою руку. Обращаясь къ этому времени, приходится воскрешать въ своей памяти массу картинъ, положеній, портретовъ, характеристикъ и условій хода нашихъ административныхъ дѣлъ, причемъ выступаетъ кое-что свѣтлое и много оставившаго тяжелыя воспоминанія. Пережитая эпоха уже быльемъ поросла, и приходитъ время стать ей достояніемъ безпристрастной исторіи. Для послѣдней не мало осталось матеріаловъ печатныхъ и письменныхъ, только очень разбросанныхъ. Весьма возможно, что иные изъ сошедшихъ со сцены дѣятелей заготовили или гото-

вать свои мемуары, которые доскажутъ часть массы недосказаннаго. Передамъ и я сохранившееся въ моей памяти изъ видѣннаго, слышаннаго, перечувствованнаго и лично дѣланнаго, что̀ не забылось въ теченіе тридцатилѣтняго періода.

Но прежде всего надо коснуться предшествовавшаго положенія юго-западнаго крестьянства, потому что безъ этого не такъ будетъ понятенъ разсказъ о томъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Прошлое налагало извѣстную печать на весь характеръ крестьянскаго устройства въ шестидесятыхъ годахъ, во многомъ отличалось отъ бывшаго въ большинствѣ русскихъ губерній, и выясненіе его покажетъ, отъ какого положенія приходилось отправляться въ даль будущаго, съ какимъ наслѣдіемъ считаться и чѣмъ обусловливалось значеніе того или другого частнаго вопроса.

I.

Инвентарный періодъ.

Въ великороссійскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ до самаго 1861 года господствовало „чистое“ крѣпостное право, т.-е. личное безправіе крестьянъ и полная ихъ зависимость отъ помѣщиковъ въ хозяйственномъ отношеніи. Тутъ реформу пришлось осуществлять, такъ сказать, „на-бѣло“, не считаясь съ какою-либо предшествовавшею подготовкою, создавая на-ново и сельское общественное устройство, и условія земельнаго обезпеченія. Но въ юго-западномъ краѣ еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ введены были „инвентарныя правила“, представлявшія юридически нѣчто въ родѣ ограниченнаго крѣпостного права. Съ другой стороны, большія отличія представлялъ самый строй хозяйства и общественнаго быта крестьянъ, въ которомъ преобладало „личное“ начало. Не было тамъ общины, сходной съ великорусскою, и міръ—по мѣстному „громада“—не въ такой степени вліялъ на положеніе каждаго хозяина. Послѣдній владѣлъ своею усадьбою, полемъ и другими угодьями отдѣльно, не подвергаясь періодическимъ передѣламъ земли, и что̀ у себя заводилъ—тѣмъ пользовался самъ, передавая унаслѣдованное и пріобрѣтенное своимъ дѣтямъ. Самые размѣры земельнаго владѣнія отдѣльныхъ крестьянъ однихъ и тѣхъ же селеній очень различались между собою.

Инвентарныя правила возникли по соображеніямъ политическимъ, да и не могли возникнуть иначе, такъ какъ, ограничивая

крѣпостное право, онѣ вовсе не гармонировали съ тогдашнимъ господствомъ его духа въ законодательствѣ, на практикѣ и въ понятіяхъ общества или, по крайней мѣрѣ, подавляющаго большинства послѣдняго. Помимо выгодности крѣпостного права для самаго вліятельнаго общественнаго класса, поставлявшаго и государственныхъ людей, въ этомъ правѣ видѣли тогда и основу государственнаго порядка. Я видѣлъ крѣпостное право въ своемъ дѣтствѣ и будучи подросткомъ, такъ какъ самъ принадлежалъ къ помѣщичьей семьѣ херсонской губерніи и постоянно вращался среди окрестныхъ помѣщиковъ. Когда и теперь приходится вспоминать то время—морозъ деретъ по кожѣ отъ представленія разныхъ ужасовъ и той умственной и нравственной темноты, въ которой атмосфера крѣпостного права держала даже образованныхъ людей. Не буду останавливаться здѣсь на примѣрахъ жестокости, которыхъ въ памяти сохранилось довольно, но припомню, какъ относились къ этому дѣлу помѣщики, считавшіеся добрыми. Въ дѣтствѣ, даже раннемъ, я не особенно любилъ компанію сверстниковъ, больше предпочитая прислушиваться къ разговорамъ взрослыхъ, и помню, какъ разсуждали сравнительно лучшіе наши сосѣди. При разсказахъ о случаяхъ жестокости, они возмущались, рѣзко осуждали дурныхъ помѣщиковъ и не разъ заговаривали на тему о несчастномъ положеніи мужика: какова, молъ, жизнь его, когда онъ ни на одинъ день не можетъ быть спокоенъ за себя, не огражденъ въ своихъ семейныхъ правахъ и лишенъ даже побужденій къ улучшенію своего благосостоянія, зная, что завтра же у него могутъ отнять все, и не найдетъ онъ рѣшительно нигдѣ никакой защиты!—Положимъ, говорили, мужикъ грубъ, лукавъ, пьянствуетъ, однако, какъ ему и не пить, когда это даетъ ему хоть минуту забвенія, безъ которой онъ чувствуетъ только безконечный рядъ черныхъ дней, не выходитъ изъ состоянія постоянныхъ тревогъ, а въ перспективѣ у него часто—одна безпомощная старость и смерть гдѣ-нибудь въ заброшенномъ углу или на работѣ, при полномъ сознаніи, что ту же чашу будетъ пить и его потомство.—Однако, когда отъ такихъ жалостливыхъ мыслей разговоръ переходилъ къ практическимъ выводамъ, тутъ сейчасъ же сказывалось полное безсиліе творчества.—Что жъ, надо „освободить", что-ли?—Но это вызывало рѣзкій отрицательный отвѣтъ:—Нѣтъ, прекратить крѣпостного права нельзя, какой тогда будетъ порядокъ! Помѣщики разорятся, а народъ самъ собою управиться не съумѣетъ, и выйдетъ одинъ хаосъ: крѣпостное право должно сохраниться, оно нужно не только для помѣщиковъ, но и для го-

сударства; надо только, чтобы помѣщики лучше понимали, что нельзя съ своими людьми слишкомъ дурно обращаться. Потолкуютъ и успокоятся на чемъ-нибудь въ родѣ древней теоріи, что надо прежде образовать мужика, а когда онъ просвѣтится, —ну, тогда можно будетъ ему и волю дать. Основа тогдашняго деревенскаго строя представлялась незыблемою, вѣчною, и хотя періодически возникали слухи о возможности правительственныхъ освободительныхъ вѣяній, но къ послѣднимъ относились какъ къ чему-то несерьезному, преходящему, что не выдержитъ критики при первомъ приступѣ и вызоветъ лишь отрезвленіе мечтателей. Законъ, запрещавшій крѣпостному человѣку даже приносить жалобы на злоупотребленія владѣльцевъ, показывалъ, каково отношеніе къ данному вопросу въ высшихъ сферахъ, а смѣлая практика крѣпостного права еще болѣе убѣждала не только въ его прочности, но и въ безнаказанности всякихъ злоупотребленій. Много мнѣ приходилось слышать о послѣднихъ, но помню только одинъ примѣръ кары за злоупотребленія, постигшей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ херсонскаго помѣщика Карцева, подвиги котораго выходили уже изъ всякихъ границъ, причемъ, за недосмотръ, преданы были суду два уѣздныхъ предводителя, два исправника и становые пристава. Словомъ, атмосфера крѣпостного права была сплошная, плотная, безпросвѣтная, и вдругъ среди нея появляется извѣстіе, что въ сосѣднихъ, юго-западныхъ губерніяхъ вводится ограниченіе крѣпостного права, въ видѣ какихъ-то загадочныхъ „инвентарныхъ правилъ"!

Дѣло, конечно, было въ томъ, что огромное большинство помѣщиковъ юго-западнаго края составляли поляки, а крестьянское населеніе тамъ—русское. Полякамъ, особенно при свѣжей памяти о 1831 годѣ, не довѣряли политически, и оставлять въ ихъ рукахъ власть надъ благонадежною массою населенія, на которую правительство всего болѣе могло опираться, признано было неудобнымъ, несправедливымъ. Національная, политическая сторона дѣла взяла верхъ. Она и дѣйствительно бросалась въ глаза. Помню, какъ, еще будучи мальчикомъ, посѣщая сосѣднія мѣстности кіевской губерніи и подъ вліяніемъ уроковъ русской исторіи, я невольно задавался вопросомъ: вотъ, возстаніе Хмельницкаго выставляется въ самомъ симпатичномъ видѣ, какъ дѣло народнаго освобожденія; защита императрицею Екатериною православнаго населенія западнаго края и послѣдующее присоединеніе его къ Россіи тоже выставляется освобожденіемъ народа отъ чуждой власти; но гдѣ же это освобожденіе, когда вотъ предо мною тотъ же русскій человѣкъ, Антипъ или Ерема, на-

ходятся въ полнѣйшей зависимости отъ польскаго владѣльца, который можетъ сдѣлать съ нимъ, что̀ захочетъ, находя для себя опору въ русскомъ же законѣ и властяхъ? Какъ согласить уроки исторіи съ видимою дѣйствительностью, и не очевидно ли, что гдѣ-то есть тутъ большая ложь? Отвѣта я такъ и не доискался, но сходныхъ недоразумѣній возникало не мало и впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, однако, но въ сороковыхъ годахъ состоялся первый шагъ къ ограниченію крѣпостного права. Политическія соображенія вызвали рѣшимость прикоснуться къ тому, что̀ большинствомъ помѣщиковъ считалось своего рода святынею, хотя въ этомъ же шагѣ сказались и правительственныя колебанія, и двойственность стремленій, и обычныя свойства полумѣръ, и полная необезпеченность того, что̀, повидимому, старались ввести въ жизнь, при тогдашнемъ общественномъ и административномъ строѣ.

Въ апрѣлѣ 1844 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи въ девяти западныхъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ для составленія и разсмотрѣнія „инвентарей". Каждый комитетъ долженъ былъ состоять, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ нѣсколькихъ губернскихъ чиновниковъ, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ приглашенныхъ губернаторомъ помѣщиковъ. Въ обязанность этимъ комитетамъ вмѣнялось истребовать отъ помѣщиковъ инвентари, исправить ихъ и дополнить. Каждый инвентарь, представляя хозяйственныя данныя по имѣнію, главнымъ образомъ, долженъ былъ опредѣлять размѣръ крестьянскихъ повинностей и земельное пользованіе крестьянъ. По окончаніи трудовъ комитетовъ и разсмотрѣніи представленныхъ соображеній, предполагалось установленіе правительствомъ „полныхъ и положительныхъ правилъ" о порядкѣ введенія инвентарей.

Въ то время генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ былъ извѣстный Д. Г. Бибиковъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ императора Николая Павловича. Человѣкъ онъ былъ умный, строгій, настойчивый, властолюбивый и державшійся опредѣленныхъ взглядовъ на политическія задачи края. О проявленіяхъ всѣхъ этихъ свойствъ сохранилось въ краѣ не мало характерныхъ преданій и много анекдотовъ. Но, съ другой стороны, указывали и на недостатки Бибикова: излишнюю крутость и слабость къ такимъ изъ окружающихъ лицъ, которыя вовсе не заслуживали его довѣрія и снисходительности, умѣя только искусно пріобрѣтать его благоволеніе неразборчивыми средствами. Между ними преимущественно называли правителя его канцеляріи, Пи-

сарева, вліяніе котораго объясняли даже какими-то интимными, закулисными причинами. При Бибиковѣ были составлены инвентарныя правила, при немъ же онѣ и зводились, такъ что вообще онъ въ очень значительной мѣрѣ наложилъ на это дѣло свою руку.

Задача представлялась двойственная: сохранить крѣпостной принципъ и ограничить помѣщичью власть. Насколько значительны были опасенія и колебанія, показываетъ нерѣшительность перваго шага. Какъ ни существенно затрогивались проектомъ инвентарныхъ правилъ прежнія помѣщичьи права, этотъ проектъ не проводился обычнымъ законодательнымъ порядкомъ. Подписанъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ и генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, а затѣмъ сдѣлана была на немъ лишь надпись, означавшая, что государь императоръ „разсматривалъ“ его 26-го мая 1847 года. Не было даже прямо сказано, что проектъ утверждается. Тѣмъ не менѣе, новыя правила стали вводиться въ дѣйствіе. Только спустя слишкомъ полтора года, 29-го декабря 1848 года, когда они уже введены были фактически, новая редакція ихъ была прямо „утверждена“. Теперь надо объяснить сущность этого ограниченія крѣпостного права.

Инвентарныя правила главнымъ образомъ *закрѣпляли* существовавшее крестьянское пользованіе землею и *нормировали* крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ. Въ отношеніи къ землѣ не вводилось ничего новаго. Не было никакихъ теоретическихъ построеній, не выводились ни степень нужды крестьянъ въ землѣ, ни отношеніе земельнаго пользованія къ повинностямъ, а просто удерживалось то положеніе, какое существовало въ каждомъ имѣніи и должно было означаться въ предварительно истребованныхъ статистическихъ описаніяхъ имѣній. Крестьянская земля объявлена была неприкосновенною, неподлежащею ни уменьшенію, ни принудительнымъ перемѣнамъ. Порядокъ же распредѣленія ея былъ такой, что участки отдѣльныхъ дворовъ отличались большою неравномѣрностью. Крестьяне раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, между которыми главными были: „огородники“, „пѣшіе“ и „тяглые“. Первые владѣли только усадьбами безъ поля, хотя усадьбы эти бывали иногда очень значительны. „Пѣшіе“ имѣли усадьбы и полевой надѣлъ, размѣры котораго въ каждомъ имѣніи держались однообразной нормы (хотя могли отличаться отъ нормъ даже сосѣднихъ имѣній), а „тяглые“ владѣли двойнымъ противъ пѣшихъ размѣромъ полевой земли. Кромѣ того, встрѣчались кое-гдѣ еще высшіе раз-

ряды: „паровые“, „полторачные“ и „плуговые“, имѣвшіе полевой земли въ полтора раза, вдвое и т. д. противъ тяглыхъ. Неимѣвшіе земли вовсе, т.-е. проживавшіе въ чужихъ дворахъ, назывались „бобылями“. Дворовые, какъ помѣщичья прислуга, составляли особый безземельный разрядъ. Въ каждомъ статистическомъ описаніи означалось число крестьянъ каждаго изъ упомянутыхъ разрядовъ съ поименнымъ спискомъ ихъ и указаніемъ, какими угодьями и въ какомъ размѣрѣ крестьяне каждаго разряда пользуются.

Весь этотъ порядокъ утверждался инвентарными правилами, причемъ запрещалось какъ отнятіе, такъ и перемѣна крестьянскихъ земель. Лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, и то по добровольному соглашенію съ крестьянами и „съ вѣдома начальства“, дозволялось замѣнять одни участки другими, того же размѣра и качества, но только въ самыхъ малыхъ частяхъ, въ видѣ исключенія, а не въ смыслѣ перемѣны общаго состава надѣла. Другое исключеніе допускалось въ виду возможности хозяйственнаго упадка отдѣльныхъ дворовъ. При оскудѣніи крестьянскаго двора рабочими руками или скотомъ, т.-е. при невозможности для тяглаго удержать двойной участокъ, а для пѣшаго—поддерживать какое бы то ни было полевое хозяйство, покидаемые ими участки, считаясь по прежнему въ составѣ неприкосновеннаго мірского владѣнія и подлежа передачѣ другимъ, болѣе способнымъ дворамъ, могли поступать во временное распоряженіе помѣщиковъ. Такіе участки получали названіе „вакансовъ“.

Новыя правила, такимъ образомъ, не шли дальше охраны наличнаго крестьянскаго землепользованія и подворнаго его распредѣленія. Велико или мало было это землепользованіе—оно, безъ всякой критики, оставлялось на будущее время, причемъ оставлялись и лазейки для обхода правилъ. Конечно, достаточно было допущенія какого-нибудь маленькаго исключенія, чтобы вызвать на практикѣ попытки къ обращенію его, по возможности, въ общее правило. Перейдемъ теперь къ повинностямъ.

Размѣръ повинностей также ставился въ зависимость отъ дѣленія крестьянъ на упомянутые разряды. Тяглые обязаны были, по инвентарнымъ правиламъ, тремя днями мужской работы въ недѣлю, со своимъ рабочимъ скотомъ, и однимъ днемъ женской барщины. Пѣшимъ назначено было два дня въ недѣлю мужской барщины, со своими земледѣльческими орудіями, и одинъ день женской работы. Огородники подлежали уплатѣ денежнаго оброка или 24 днямъ работы въ годъ. Даже для бобылей, вовсе землею

не пользовавшихся, установленъ былъ годовой оброкъ отъ 1 рубля 50 к. до 2 р. 50 к.

Такими повинностями, однако, дѣло не ограничивалось и къ нимъ присоединялись еще добавочныя. Каждый способный работникъ обязанъ былъ отбывать въ теченіе года двѣнадцать рабочихъ дней, называвшихся „сгонными", причемъ такихъ дней помѣщикъ могъ требовать по одному въ недѣлю, а въ случаѣ *соглашенія* съ крестьянами допускалось и два дня. За эти дни полагалась плата: тяглому отъ 10 до 15 копѣекъ, а пѣшему и женщинѣ—отъ $7^1/_2$ до 10 копѣекъ въ день. Работа эта принадлежала къ числу особенно отяготительныхъ, такъ какъ полагалась она въ лѣтнее время, т.-е. въ страдную пору. Тяжело было отработывать и по одному дню сверхъ барщины въ столь горячее время, но допущеніе двухъ дней въ недѣлю заходило уже очень далеко. Правда, для этого допущенія требовалось правилами соглашеніе, но что̀ значили соглашенія при крѣпостномъ правѣ? Выходило въ результатѣ, что, напр., тяглый въ страдную лѣтнюю пору долженъ былъ изъ шести рабочихъ дней недѣли, за вычетомъ праздниковъ, отбывать владѣльцу три дня барщины со скотомъ, да два дня сгонныхъ, и того—пять дней, оставляя для себя одинъ. А когда на этотъ послѣдній день приходился праздникъ, то мужику для своихъ работъ не оставалось уже ничего. Если отбывалось по два сгонныхъ дня, то всей суммы сгонныхъ дней (12) хватало на шестинедѣльный періодъ, охватывающій все время уборки. Кто могъ въ дѣйствительности добровольно соглашаться на подобное увеличеніе сгонныхъ дней? Положимъ, за эти дни полагалась особая денежная плата, но приведенные выше размѣры ея показываютъ, какъ она была ничтожна, несмотря даже на то, что въ ту пору деньги цѣнились гораздо больше, чѣмъ теперь. Ходили очень распространенные слухи, что опредѣленіе размѣра этой платы было результатомъ большихъ помѣщичьихъ хлопотъ въ генералъ-губернаторской канцеляріи, управлявшейся Писаревымъ.

Слѣдующею добавочною повинностью являлись такъ называемые „строительные" дни (починка мельницъ, мостовъ, плотинъ, хозяйственныхъ построекъ и т. под.). Такихъ дней полагалось по восьми въ годъ съ каждаго хозяйства и назначеніе ихъ мотивировалось тѣмъ, что они отбываются за особыя предоставляемыя крестьянамъ выгоды, только безъ точнаго опредѣленія, въ чемъ состоятъ эти выгоды. Третьею добавочною повинностью являлось отбытіе въ году 24 ночныхъ карауловъ при помѣщичьемъ хозяйствѣ, обязательныхъ для каждаго крестьянскаго двора.

Власть помѣщика надъ личностью крестьянина сохранялась, подвергнутая лишь нѣкоторому нормированію. Такъ называемыя „исправительныя“ наказанія, т.-е. тѣлесныя, оставлялись въ его волѣ и въ волѣ его уполномоченныхъ: управляющихъ, приказчиковъ, экономовъ и т. под. Для каждаго изъ нихъ опредѣлялось въ инвентаряхъ право на назначеніе извѣстнаго числа ударовъ; встрѣчалось въ инвентаряхъ и запрещеніе прибѣгать къ прежнимъ, черезчуръ жестокимъ наказаніямъ, въ родѣ заключенія въ подземелья, заковыванія въ цѣпи и т. под.

Таковы были главныя черты инвентарныхъ правилъ. На основаніи ихъ, каждому имѣнію составленъ былъ особый „инвентарь“, въ которомъ подробно указывались: землепользованіе крестьянъ, ихъ повинности, число тяглыхъ, пѣшихъ и огородничныхъ дворовъ, степень власти помѣщиковъ и т. д. Въ инвентарѣ помѣщались и поименные списки крестьянъ каждаго разряда. Затѣмъ каждый инвентарь представлялся на утвержденіе генералъ-губернатора и всѣ они помѣчены были собственноручною утвердительною надписью Д. Г. Бибикова. Мелкая подпись его съ маленькою буквою вмѣсто прописной въ началѣ фамиліи значилась и на краткихъ инвентарныхъ выписяхъ, оставлявшихся въ дѣлахъ губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ, какіе занимались предварительною провѣркою инвентарей. Однако, всѣ эти надписи и подписи не имѣли безусловно утвердительнаго характера. Въ текстѣ надписи значилось только, что инвентарь утверждается во всемъ томъ, чтò согласуется съ установленными правилами. Недовѣріе къ правильности инвентарей и вѣрности заключающихся въ нихъ данныхъ сказывалось тутъ довольно ясно и притомъ не было чуждо основательности, какъ выяснилось впослѣдствіи, при болѣе серьезныхъ повѣркахъ: Въ сущности, означенная выше надпись была только удостовѣреніемъ, что инвентарь доходилъ до генералъ-губернаторскаго разсмотрѣнія, но опредѣленнаго юридическаго значенія, при условности или уклончивости ея содержанія, имѣть она не могла. Вѣдь чтò согласно съ правилами, то и безъ утвержденія крѣпко, а что несогласно -- не подкрѣпляется и условнымъ утвержденіемъ, слѣдовательно допускаетъ отмѣну и поправки.

Не трудно видѣть, какъ далеки были инвентарныя правила отъ чего-нибудь дѣйствительно освободительнаго, отъ выраженія настоящей заботливости о сколько-нибудь прочномъ, экономически удовлетворительномъ крестьянскомъ устройствѣ. Не было никакихъ разсчетовъ ни необходимаго для крестьянъ количества земли, ни соотвѣтствія землепользованія и др. выгодъ—размѣру повин-

ностей. Нормы этихъ повинностей для всѣхъ крестьянъ каждаго разряда были одинаковы, а въ отношеніи къ землепользованію все сводилось къ закрѣпленію существовавшаго порядка и формальному запрещенію уменьшать или обмѣнивать крестьянскіе участки. Нельзя даже сказать, чтобы подобное закрѣпленіе исходило изъ увѣренности, что существовавшіе размѣры крестьянскаго землепользованія, какъ установившіеся путемъ долгаго опыта, сами-по-себѣ указывали, что̀ именно нужно для обезпеченія крестьянскаго быта. Слишкомъ ужъ рѣзко бросалось въ глаза различіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Въ одной и той же мѣстности, при совершенно одинаковыхъ почвенныхъ и иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ одномъ имѣніи „пѣшій" участокъ (а въ зависимости отъ него и тяглые и иные) заключалъ въ себѣ 6 морговъ земли, или 3 дес. 702 саж. (моргъ равенъ былъ 1.317 кв. саж.), а въ другомъ — 8 или 9 морговъ. Встрѣчались даже четырехморговые надѣлы. Такимъ образомъ одно и то же количество барщинныхъ, сгонныхъ и строительныхъ дней и ночныхъ карауловъ въ одномъ селеніи отбывалось за 6 морговъ земли, а въ другомъ недалекомъ — за 9 или за 4 морга. Какое же тутъ соотвѣтствіе или одинаковость обезпеченія? Всѣ эти различія являлись послѣдствіемъ не хозяйственныхъ мѣстныхъ условій, а одной воли прежнихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ одни были снисходительнѣе, а другіе — притѣснительнѣе для крестьянъ. Иначе сказать, плоды доброй или недоброй личной воли въ давнемъ прошломъ получали въ инвентарныхъ правилахъ узаконеніе, безъ всякой ихъ критики по существу.

Ясно, что основнымъ элементомъ правилъ было опредѣленіе *повинностей*, а за что̀ онѣ отбывались — это ставилось на второй планъ. Да и въ отношеніи къ повинностямъ большой заботливости или критики замѣтно не было, какъ это показываетъ приведенный выше размѣръ ихъ. Въ эпоху общаго господства идеи крѣпостного права, даже казавшіяся тогда очень рѣшительными правительственныя мѣры неспособны были идти дальше поверхностной нормировки и положенія предѣла эксцессамъ практическаго примѣненія этого права.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о самой физіономіи крестьянскаго поземельнаго устройства, съ какою считались правила. Мы уже выше замѣтили, что въ краѣ господствовало строго подворное начало. Но подворность эта не доходила до отвода всего владѣнія въ одномъ мѣстѣ. Въ черноземной мѣстности, охватывающей бо̀льшую часть края (всю подольскую губернію,

кіевскую за исключеніемъ сѣверной части и юго-востокъ волынской), обычный порядокъ былъ такой: господство трехпольной системы; въ каждой изъ трехъ полевыхъ смѣнъ тяглые и пѣшіе хозяева имѣли по участку; кромѣ того, во многихъ имѣніяхъ крестьянамъ отведена была еще сѣнокосная „рука“ (смѣна), гдѣ крестьянинъ имѣлъ такой же величины участокъ, какъ и въ полевой смѣнѣ, но большею частію сѣнокосъ отведенъ былъ въ помѣщичьемъ лѣсу, гдѣ, слѣдовательно дерево принадлежало помѣщику, а трава—крестьянамъ. Происходило ли это отъ сравнительной тѣсноты населенія, отъ недостаточности расчищенныхъ подъ поле пространствъ и обилія лѣсовъ, но порядокъ этотъ создался задолго до инвентарныхъ правилъ и удержался въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, одни крестьяне имѣли поле и сѣнокосъ, другіе—только поле. Вообще, крестьянскія полевыя смѣны имѣли почти тотъ же видъ, какъ и въ другихъ плодородныхъ мѣстностяхъ Россіи: большой кусокъ земли, нарѣзанный на длинныя и узкія полоски, только полоски эти не подвергались передѣламъ, какъ при общинномъ владѣніи. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ порядокъ этотъ осложнялся еще тѣмъ, что между крестьянскими полосками помѣщались полоски такъ называемой „чиншевой шляхты“ —людей, не причислявшихся къ крестьянамъ, и оффиціально представлявшихъ совсѣмъ отдѣльныя сословія: „западныхъ однодворцевъ“ и „гражданъ“. На земли этихъ послѣднихъ инвентарныя правила не распространялись, и они, имѣя совершенно такое же землепользованіе, какъ крестьяне, т.-е. участки такого же размѣра и расположенія, платили помѣщикамъ „чиншъ“, т.-е. оброкъ. Права ихъ имѣли особое происхожденіе, котораго мы здѣсь касаться не будемъ. Усадьбы отличались крайнимъ разнообразіемъ, не только каждая относительно сосѣдней, но и по цѣлымъ деревнямъ. Здѣсь тѣсная постройка, при которой во дворѣ едва помѣщается небольшая хатка, да какой-нибудь сарайчикъ, а тамъ — кромѣ построекъ, есть большіе огороды, сады, цѣнные заливные капустники и т. д. Бывали усадьбы даже въ 2 или 3 десятины.

Наконецъ, встрѣчалась еще одна серьезная особенность. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ отдѣльные крестьяне, кромѣ усадьбы и поля, а иногда и сѣнокоса, пользовались отдѣльными участками, представлявшими или лужокъ (леваду), или цѣнный садъ, причемъ многіе сады помѣщались среди помѣщичьихъ лѣсовъ. Владѣніе подобнаго рода установилось въ очень давнее время. Тотъ или другой крестьянинъ расчищалъ лѣсной участокъ или поляну, разводилъ тамъ садъ, и подобный участокъ переходилъ отъ одного

поколѣнія къ другому. Сады разводились очень заботливо и иные представляли большую цѣнность, доходя до 3 и 4 десятинъ и заключая въ себѣ прекрасныя плодовыя деревья, приносившія своимъ хозяевамъ хорошій доходъ. Крестьянинъ не разъ объяснялъ, что садомъ пользовались его предки еще съ „антенату“ (очевидно съ латинскаго ante-natu, т.-е. до рожденія), что дѣдъ и прадѣдъ его „выкохали“ (взлелѣяли) этотъ садъ, положивъ на него массу труда. И точно, давность происхожденія этого владѣнія нерѣдко была очевидна. Не могли такъ развести садовъ въ какія-нибудь 10—20 лѣтъ, а кромѣ того у многихъ крестьянъ я находилъ старинныя записи, изъ которыхъ было видно, что помѣщикъ признавалъ подобные сады неотъемлемою принадлежностью даннаго крестьянина, что крестьяне перепродавали подобные сады одинъ другому, какъ личное свое владѣніе. Въ иныхъ селеніяхъ подобными участками владѣли немногія единицы, но встрѣчались даже большія селенія, гдѣ такіе участки имѣли десятки и сотни крестьянъ. Явленіе это очевидно было одною изъ особенностей края, выросшею изъ давнихъ условій и обычаевъ мѣстнаго сельскаго строя. Ближайшіе къ инвентарному времени помѣщики большею частію или поддерживали результатъ стараго обычая или уничтожали его по крѣпостному праву, не заводя подобныхъ владѣній вновь.

На основаніи инвентарныхъ правилъ, всѣ упомянутые виды землепользованія, какъ застигнутые моментомъ введенія означенныхъ правилъ, подходили къ категоріи неприкосновенныхъ и подлежали внесенію въ „инвентарь“ каждаго имѣнія, гдѣ подобныя владѣнія встрѣчались. Но на дѣлѣ инвентари во многихъ случаяхъ отступали отъ вѣрнаго изображенія дѣйствительности, частію по недоразумѣнію, частію по небрежности составленія, частію же въ прямомъ разсчетѣ ослабить практическое значеніе объявленной неотъемлемости крестьянскаго владѣнія. Существовало мнѣніе, что если та или другая земля въ инвентарь не запишется, то на нее и не распространится начало неотъемлемости. Хотя во многихъ имѣніяхъ, особенно въ крупныхъ, были хорошіе планы частной работы (генеральнаго межеванія въ краѣ не было), но въ нѣкоторыхъ измѣреній вовсе не производилось. Въ иныхъ инвентаряхъ пѣшій участокъ показывался въ 6 морговъ (3 д. 702 саж.), тогда какъ на дѣлѣ было 7 или даже больше. Одно уже это оправдывало условность утвержденія отдѣльныхъ инвентарей Д. Г. Бибиковымъ. Какъ утверждать окончательно, безъ увѣренности, что въ инвентарѣ все показано вѣрно? Пропуски въ особенности относились къ участкамъ, какими пользовались

крестьяне сверхъ однообразныхъ нормъ пѣшаго или тяглаго надѣла, т.-е. къ садамъ, левадамъ и т. под. Въ одни инвентари эти участки попадали, въ другихъ совсѣмъ о нихъ не упоминалось, и тутъ даже съ формальной стороны облегчалась возможность нарушенія неотъемлемости мірской земли. Не мало такихъ владѣній было отобрано отъ крестьянъ послѣ инвентарей, но нѣкоторые удержались въ ихъ рукахъ и до полной крестьянской реформы.

Итакъ крестьянское землепользованіе, застигнутое введеніемъ инвентарныхъ правилъ, составляли: 1) усадьбы (по мѣстному „садыбы") разной величины и цѣнности; 2) полевые участки, составлявшіе одинъ или нѣсколько пѣшихъ надѣловъ у отдѣльнаго крестьянина; 3) сѣнокосные участки въ помѣщичьемъ лѣсу или внѣ его; и 4) отдѣльные участки нѣкоторыхъ крестьянъ внѣ однообразныхъ нормъ, представлявшіе особенность меньшинства имѣній. Понятно, что съ этимъ соединялось и большое черезполосье между помѣщичьими и крестьянскими землями, но въ до-инвентарное время оно не считалось большимъ неудобствомъ, во-первыхъ, вслѣдствіе примитивности тогдашняго хозяйства, при которомъ дальше трехполья шелъ очень рѣдкій помѣщикъ, во-вторыхъ — въ силу власти помѣщиковъ надъ крестьянами, и въ третьихъ — потому, что очень часты были въ ту пору крайніе виды черезполосья и между помѣщичьими имѣніями, особенно тамъ, гдѣ дѣлились многіе наслѣдники или имѣніе дробилось, по старымъ мѣстнымъ законамъ, между кредиторами разорившагося владѣльца.

Когда инвентарныя правила начали вводиться, это нѣсколько встревожило и сосѣднихъ съ юго-западнымъ краемъ помѣщиковъ. Помню разговоры по этому предмету въ херсонской губерніи. „Ужъ не прикосновеніе ли это къ крѣпостному праву?—задавался вопросомъ какой-нибудь помѣщикъ.—Вѣдь такъ, пожалуй, и до насъ дойдетъ очередь!" Однако опасенія держались очень недолго. На небосклонѣ не показывалось ничего въ смыслѣ территоріальнаго расширенія инвентарнаго принципа, и скоро всѣ успокоились мыслью: „Ну, все это оттого, что тамъ помѣщики—поляки".

Фактическое введеніе инвентарей, какъ водится, не обошлось безъ большихъ недоразумѣній, нерѣдко приводившихъ къ „усмиреніямъ" цѣлыхъ селеній, и неразлучнымъ съ ними экзекуціямъ. Я былъ въ ту пору еще очень небольшимъ мальчикомъ, но помню такія картины, представлявшіяся при проѣздѣ черезъ то или другое селеніе сосѣдней кіевской губерніи. Стоитъ на помѣщичьемъ крыльцѣ какой-то чиновникъ, одѣтый въ форменный сюртукъ съ

краснымъ воротникомъ и имѣя на головѣ фуражку съ краснымъ околышкомъ, а предъ нимъ—толпа крестьянъ. Чиновникъ что-то грозно внушаетъ, кричитъ и размахиваетъ руками. Что̀ именно онъ внушалъ — этого я понимать не могъ, но по внѣшности и разсказамъ составлялось у меня впечатлѣніе, что видѣнная сцена— одинъ изъ эпизодовъ воздѣйствія исправника на непокорный, бунтливый народъ. Мѣстное начальство въ ту пору бывало на содержаніи помѣщиковъ, получая отъ нихъ дани и продуктами, и чѣмъ-то въ родѣ жалованья, и въ видѣ поднесеній въ чрезвычайныхъ случаяхъ, слѣдовательно все это отражалось на характерѣ упомянутыхъ внушеній. Безъ „недоразумѣній" при введеніи такой полумѣры, какъ инвентарныя правила, конечно обходиться не могло, такъ какъ тутъ соединялись самыя разнородныя вліянія: и сочетаніе чего-то освободительнаго съ охраною помѣщичьей власти, и поползновенія къ искаженію дѣйствія правилъ, и поголовная безграмотность крестьянскаго населенія.

Скоро дѣло дошло и до большихъ волненій. Помню, какъ въ 1848 году появились у насъ слухи, что сосѣдніе, кіевскіе мужики „бунтуютъ", а затѣмъ пошли разсказы и объ опытахъ усмиренія. Инвентарнымъ правиламъ въ ту пору никто не сочувствовалъ ни на мѣстѣ ихъ приложенія, ни въ сосѣдствѣ (не говоримъ о самихъ крестьянахъ). Наши херсонскіе помѣщики находили въ этихъ правилахъ какое-то напрасное баловство, путаницу отношеній и даже опасность. Чиновники, издавна привыкшіе къ строгимъ порядкамъ, тоже относились къ правиламъ неодобрительно, находя въ нихъ безпокойное новшество, дающее поводъ къ недовольствамъ и колебанію принципа безмолвнаго повиновенія. Вообще, въ тогдашнихъ „общественныхъ" кругахъ смотрѣли на появленіе у темной подчиненной массы какихъ-то „правъ" и возможности чего-то требовать, какъ на весьма рискованный опытъ. Въ обыкновеннѣйшихъ проявленіяхъ права видѣли своеволіе, которое надо въ каждомъ случаѣ скорѣе подавлять самыми рѣшительными мѣрами; въ несогласіи даже на очень притѣснительныя требованія усматривали бунтъ, и исторіи о бунтахъ раздувались искусственно. Неудивительно потому, что разсказы о волненіяхъ кіевскихъ крестьянъ вызывали какое-то злорадство, соединенное съ желаніемъ такихъ строгихъ усмиреній, которыя бы надолго гасили въ нихъ „непокорный духъ".

За слухами о волненіяхъ выступили разсказы о посылкѣ въ непокорныя селенія военныхъ отрядовъ для усмиренія и расправы. И расправы бывали жестокія. То-и-дѣло слышалось, что тамъ-то пересѣкли чуть не все село, тамъ-то наказали „зачин-

щиковъ"; здѣсь всѣ уже приведены въ покорность, а въ другомъ, уже наказанномъ селеніи опять проявляется вредный духъ, обѣщающій новое усмиреніе съ экзекуціею. Иные изъ нашихъ сосѣдей съ торжествомъ и веселыми насмѣшками разсказывали, какъ въ той или другой деревнѣ жестоко расправились съ позволявшими себѣ много разговаривать, и какъ они, истерзанные, потомъ должны были выражать покорность, просить у начальства и помѣщиковъ прощенія и благодарили „за науку". Для созерцанія картины экзекуцій призывались и представители сосѣднихъ селеній, получавшіе тутъ внушеніе:—не будете покорны—и вамъ то же будетъ! Въ одно селеніе посланъ былъ для усмиренія кавалерійскій эскадронъ, командиръ котораго извѣстенъ былъ самымъ суровымъ обращеніемъ съ солдатами, и говорили, что выборъ этого эскадрона сдѣланъ былъ однимъ изъ начальствующихъ генераловъ именно по соображенію свойствъ упомянутаго командира. „Ну, если посылать,—говорилъ, по разсказамъ, съ веселою улыбкою генералъ,—такъ послать эскадронъ К—я. Этотъ К—ъ очень любитъ драться, надо дать ему пріятную практику, ужъ онъ-то распорядится въ лучшемъ видѣ, будутъ его помнить!" Въ критику поводовъ къ волненіямъ или порядка разбора претензій, сколько помню, не вдавался никто, требовали только покорности. Вотъ чѣмъ съ самаго начала сопровождалось введеніе той мѣры, которая формально направлялась къ облегченію сельскаго населенія, и это, разумѣется, въ свою очередь, не оставалось безъ вліянія на фактическое соблюденіе инвентарныхъ правилъ. Въ сосѣдствѣ наказанныхъ селеній меньше нужно было церемониться съ этими правилами.

Введеніе наконецъ состоялось, недоразумѣнія и волненія какъ будто затихли или стали проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Снаружи казалось, что все пришло въ порядокъ. Но чѣмъ обезпечивалось соблюденіе инвентарныхъ правилъ помѣщиками на практикѣ? По ихъ тексту, за исполненіемъ ихъ должно было „строго наблюдать мѣстное начальство"; виновные въ нарушеніи ихъ обрекались „взысканіямъ на основаніи общихъ законовъ", безъ указанія однако—какихъ именно законовъ, а ближайшій надзоръ возлагался на уѣздныхъ предводителей и земскихъ исправниковъ, обязанныхъ „отвѣтствовать", какъ за непринятіе мѣръ пресѣченія, такъ и за недоведеніе о случаяхъ нарушеній до свѣдѣнія начальства. Понятно, что такія гарантіи не представляли ничего серьезнаго. Упоминанія объ общихъ законахъ и отвѣтственности являлись какими-то общими мѣстами, неопредѣленными выраженіями, помѣщенными какъ бы ради приличія. Уѣздные предво-

дители не могли строго наблюдать за своими сосѣдями, ихъ избирателями, какъ въ силу сословной солидарности, общественныхъ отношеній и общаго несочувствія къ непріятной выдумкѣ,—какою большинству представлялись новыя правила,—такъ и потому, что иные предводители сами были заинтересованы въ нарушеніи этихъ правилъ. А на земскую полицію полагаться было не больше основаній. Получая дани и не видя ни откуда поддержки правиламъ, она встрѣчала только одобренія каждой своей поблажкѣ нарушеніямъ,—значитъ, ей оставалось заботиться лишь о томъ, чтобы не выходило какихъ-нибудь слишкомъ выходящихъ изъ ряда происшествій, способныхъ вызвать громкій скандалъ и служебныя непріятности. Иниціаторъ инвентарныхъ правилъ, Д. Г. Бибиковъ, будучи, вслѣдъ за введеніемъ ихъ, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставилъ край, и его смѣнило болѣе мягкое, по тогдашнимъ отзывамъ, управленіе, причемъ эта мягкость чувствовалась преимущественно верхними слоями населенія. Немалое значеніе имѣло также то, что въ краѣ съ преимущественно крупнымъ землевладѣніемъ были помѣщики вліятельные, съ большими связями въ высшихъ сферахъ, стѣснять которыхъ никакому мѣстному начальству было не по силамъ. А послѣдствія ихъ вліятельности неизбѣжно, косвеннымъ образомъ, распространялись на другихъ. Если ко всему этому прибавить общій мракъ окружающей атмосферы крѣпостническихъ понятій и симпатій, господствовавшихъ въ общественныхъ кругахъ, то станетъ понятно, что создававшійся инвентарными правилами порядокъ представлялся насажденіемъ растенія, попавшаго въ слишкомъ суровый для него климатъ, слѣдовательно обреченнаго на постепенное замираніе.

Просуществовали инвентарныя правила около 13 лѣтъ, до полной крестьянской реформы. Въ теченіе этого періода примѣненіе ихъ имѣло въ каждомъ селеніи свою особую исторію. Были помѣщики осторожные, боявшіеся отступать отъ законности, почти не заходившіе въ своихъ требованіяхъ дальше дозволеннаго и совсѣмъ не трогавшіе мірской земли,—какъ это потомъ обнаруживалось при позднѣйшихъ повѣркахъ,—но такіе представляли ограниченное меньшинство. Въ другихъ же имѣніяхъ происходили нарушенія самыхъ разнообразныхъ родовъ: и въ отношеніи къ повинностямъ, и въ обращеніи съ личностью крестьянъ, и по части отобранія, и по части перемѣнъ мірского надѣла. Относительно повинностей и вообще обращенія съ крестьянами сложилась въ народѣ очень характерная малорусская пѣсня, кѣмъ-то записанная и между прочимъ приведенная въ обширной исторической статьѣ покойнаго кіевскаго профессора Шульгина („Кіев-

лянинъ", 1864 года), выражавшая прямо народный вопль. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ нея:

„Губернаторъ нашъ Бибиковъ
Давъ намъ инвентàри,
Щобъ робить панамъ пять день
Изъ каждои пары..
. . . .
Сразу добре рàдылися,
Сполняли инвентàри,
А тамъ стали шкуры дерти,
Якъ и перше дерли,
Цылый тыждень верзуваты,
Якъ и верзовали,
А въ недилю ранесенько
До выпасу гнаты.
Атаманы съ батогáми,
Съ нагаемъ гуменный,
На роботу цилый тыждень
Гонять, мовъ скаженныхъ...
. . . .
Правдывіи инвентàри
У куферки поховали;
Становыи, що читали
Инвентари тіи,
Подружилися съ панами
Мовъ браты родныи,
Вкупи бьють насъ,
Вкупи и обдирають,
И до тебе, генерале,
Съ листомъ не пускають.
. . . .
Ой, не дай насъ, генерале,
Тяжко забиждаты..
Бо будемъ и тебе, добрый,
И тебе проклинаты [1])!"

Рѣзкій народный протестъ противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ представило еще сильное крестьянское движеніе

[1]) Губернаторъ нашъ, Бибиковъ, далъ намъ инвентари, чтобы мы работали панамъ пять дней отъ каждой семьи... Сначала хорошо справлялись, исполняли инвентари, а потомъ стали шкуры драть, какъ и прежде драли, цѣлую недѣлю изводить, какъ изводили, а въ воскресенье рано выгонять на пастбища. Атаманы съ батогами и съ нагайкою гуменный (экономическій служитель) цѣлую недѣлю гонять на работы, какъ бѣшеныхъ... Настоящіе инвентари попрятали въ сундуки; становые, объявлявшіе эти инвентари, подружились съ панами какъ родные братья, вмѣстѣ бьютъ насъ, вмѣстѣ обдираютъ и къ тебѣ, генералъ, съ бумагою (жалобою) не пускаютъ... О, не дай насъ, генералъ, тяжко обижать... иначе и тебя, добраго, будемъ проклинать.

во время крымской войны 1855 г., когда объявлено было государственное ополченіе и призваніе къ защитѣ отечества малороссійскихъ козаковъ. Масса крестьянъ кіевской губерніи, среди которыхъ не угасла историческая память о козачествѣ, поняла эти акты въ томъ смыслѣ, что съ призваніемъ на защиту государства соединяется освобожденіе отъ помѣщичьей власти. Появились откуда-то слухи, будто настоящая царская грамота о томъ получена въ церквахъ, и только духовенство, стакнувшись съ помѣщиками, скрываетъ ее отъ крестьянства. Массы отказались отъ работы, собирались огромными толпами, требовали грамотъ отъ священниковъ и, не вѣря ихъ клятвеннымъ отрицаніямъ, подвергали священниковъ тяжкимъ истязаніямъ. Посланныя противъ крестьянъ, воинскія команды встрѣчали упорное сопротивленіе. Много хлопотъ принесло это волненіе всякимъ мѣстнымъ начальствамъ, но, разумѣется, все кончилось жестокимъ усмиреніемъ и традиціонными расправами.

Отдѣльные примѣры злоупотребленій по части повинностей и надъ личностью крестьянъ проходили одни за другими, постепенно забываясь, и слѣды ихъ можно отыскивать развѣ въ устныхъ разсказахъ зажившихся на свѣтѣ стариковъ и въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ, гдѣ вѣроятно уцѣлѣла часть дѣлъ о крестьянскихъ жалобахъ, волненіяхъ и производившихся по ихъ поводу чиновничьихъ разслѣдованіяхъ. Но факты отнятія усадебъ, полей, покосовъ, садовъ, перемѣны состава надѣловъ и т. под. остались на лицо къ моменту реформы 1861 г. и стали предметомъ разслѣдованій при работахъ по возстановленію инвентарнаго надѣла на основаніи Положеній 19 февраля и дополнительныхъ къ нимъ узаконеній.

Послѣ окончанія Крымской войны, безъ всякой подготовки, появились слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Сначала неясно было, насколько широко ставится мысль объ этомъ преобразованіи и какихъ мѣстностей оно должно коснуться, но постепенно новые акты стали разъяснять эту загадку. Крестьянское дѣло вступило въ новый фазисъ уже при гораздо благопріятнѣйшихъ условіяхъ какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ. Тутъ стушевывавшееся практически созданіе инвентарныхъ правилъ оживилось и стало основаніемъ новаго устройства сельскаго быта. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ начались въ губерніяхъ края подготовительныя работы, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Настала эпоха, давшая лучшую страницу русской исторіи и до настоящаго вре-

мени составляющая лучшее воспоминаніе о пережитомъ нашимъ поколѣніемъ:

II.

Подготовка Положеній 19 февраля.

Наступленіе новой эпохи для крестьянскаго дѣла и оживленія всей внутренней жизни Россіи обозначилось, какъ извѣстно, высочайшими рескриптами (20 ноября 1857 г.) по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, поднятому сначала относительно трехъ литовскихъ губерній, къ которымъ почти одновременно присоединилась и петербургская. Если встрѣчались еще люди, полагавшіе, что тутъ дѣло идетъ лишь о мѣстномъ вопросѣ, то и ихъ сомнѣнія держались очень недолго. Признаки предстоявшаго общаго освобожденія стали совсѣмъ ясными, когда вслѣдъ за упомянутыми рескриптами появился всеподданнѣйшій адресъ нижегородскаго дворянства, а далѣе, одинъ за другимъ, начали опубликовываться дворянскіе адресы прочихъ губерній, выражавшіе готовность приступить къ улучшенію крестьянскаго быта на высочайше указанныхъ основаніяхъ. Вѣковой вопросъ наконецъ двинулся и общественное вниманіе къ нему всюду достигало крайней степени напряженія. Въ числѣ первыхъ актовъ новаго движенія было учрежденіе въ каждой губерніи спеціальныхъ комитетовъ для предварительной подготовки реформы. Въ этихъ комитетахъ представителямъ дворянства открывалась возможность выразить свои желанія и мнѣнія, а также внести въ крупное государственное дѣло то знаніе сельскаго быта и его потребностей, какими они могли обладать.

Такіе же комитеты образованы были и въ юго-западномъ краѣ, но съ нѣкоторымъ осложненіемъ. Кромѣ отдѣльныхъ комитетовъ: кіевскаго, волынскаго и подольскаго, образована была въ Кіевѣ еще особая коммиссія, для обсужденія способовъ крестьянскаго устройства по всѣмъ тремъ губерніямъ въ совокупности. Эта коммиссія, такимъ образомъ, являлась промежуточнымъ учрежденіемъ между губернскими комитетами и центральными правительственными органами, на которые возлагалась задача подготовки основаній для крестьянскаго устройства во всей Россіи.

Положеніе было уже далеко не то, что при введеніи инвентарныхъ правилъ. Съ наступленіемъ новаго царствованія и подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго толчка, даннаго тяжкими уро-

ками крымской войны, правительство уже явно стало на новый путь коренныхъ улучшеній, а въ обществѣ расшевелилась умственная дѣятельность. Возникло критическое отношеніе къ застарѣлымъ язвамъ, поддерживавшимся старымъ жизненнымъ строемъ страны, которая, по выраженію современнаго Хомяковскаго стихотворенія, была „въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена“. При наружныхъ признакахъ начинавшагося воскресенія, оказалось, что въ обществѣ есть живыя силы, которыя долго казались какъ бы не существующими, но въ дѣйствительности только таились подъ внѣшностью общаго молчанія. Не наступи лучшія условія, оставайся прежній внѣшній гнетъ съ отсутствіемъ простора для общественной жизни— эти силы, можетъ быть, заглохли бы, можетъ быть—проявились бы въ какой-нибудь исключительной формѣ или просто затерялись безплодно въ массѣ темныхъ элементовъ; а тутъ имъ удалось какъ бы неожиданно выступить наружу, до извѣстной степени расцвѣсти и послужить обновленію своей страны. Выступленіе общественнаго элемента въ качествѣ дѣятельнаго жизненнаго органа составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ того времени; этому элементу не только давался большій противъ прежняго просторъ, но онъ и прямо призывался къ участію въ обновленіи. Звали его уже для настоящаго дѣла, а не для однихъ парадныхъ актовъ или производства такихъ выборовъ, которые, при старыхъ порядкахъ, не вносили въ жизнь ничего живого. Тогда не только выступали новые люди, но перерождались и старые. Были примѣры, что давніе крѣпостники или чиновники, воспитавшіеся на старыхъ порядкахъ съ ихъ самоуправными и нечестными преданіями и замашками, стали думать и говорить иначе, притомъ далеко не всегда изъ какой-либо политики, но и потому, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно таилась гдѣ-то глубоко искра жизни, обреченная-было заглохнуть, которая, будучи пробуждена новымъ духомъ, вытѣснила пассивное слѣдованіе традиціи—самостоятельною выработкою новаго убѣжденія. Велика была общественная перемѣна, но вѣдь силенъ былъ и призывъ къ лучшимъ элементамъ человѣческой природы.

Къ участію въ работахъ по крестьянской реформѣ общественный элементъ призванъ былъ прежде всего, и въ этой сферѣ сразу сказалось не мало общественнаго оживленія. Для многихъ это участіе создало опредѣленную нравственную физіономію и симпатіи на всю жизнь. Въ работахъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій, къ которымъ допущена была часть общества, довольно ясно обозначились свѣжія обще-

ственныя струи. Конечно, живо, крѣпко и сильно численностью было старое крѣпостничество, но рядомъ съ нимъ выдвигалась другая струя, значеніе которой было не столько количественное, сколько качественное, а качество въ общественныхъ дѣлахъ бываетъ иногда важнѣе числа. Прежняя сплоченность людей у знамени односторонняго интереса начала слабѣть. Помимо личныхъ наблюденій надъ человѣческимъ матеріаломъ того времени, если даже ограничиться пересмотромъ трудовъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, то постоянно придется встрѣчать проявленія самостоятельныхъ мнѣній и разнообразіе стремленій. Соображенія личнаго и корпоративнаго интереса боролись съ началами справедливости и участія къ освобождаемой массѣ. Почти вездѣ встрѣчаются расходящіяся между собою большинство, меньшинство и отдѣльныя группы. Различіе было не только въ частностяхъ, но и въ общемъ направленіи. Тогда какъ одни, видя непредотвратимость реформы, силились, насколько можно, испортить ее—другіе искренно старались о лучшемъ устройствѣ крестьянскаго положенія. Физіономіи группъ оттѣнялись одна отъ другой довольно рѣзко; было тутъ изъ чего отбирать, было что̀ соглашать, и на борьбѣ мнѣній выигрывало освѣщеніе разныхъ сторонъ вопроса.

Нельзя, однако, не сказать, что матеріалъ этого рода, касающійся юго-западнаго края, не производитъ выгоднаго впечатлѣнія. Такого различія стремленій въ немъ не замѣтно. Можетъ быть, внутри губернскихъ комитетовъ и бывали разнорѣчія, но въ конечномъ результатѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, мѣстные проекты вышли однороднѣе и одностороннѣе. И въ комитетахъ, и въ кіевской коммиссіи видимо преобладало стремленіе къ охранѣ собственно помѣщичьихъ выгодъ, почему редакціоннымъ коммиссіямъ пришлось считаться съ избыткомъ подобныхъ притязаній. Покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, близко стоявшій къ разработкѣ крестьянскаго дѣла въ Петербургѣ, указывалъ въ печати на существенныя различія между отношеніемъ къ дѣлу западныхъ и прочихъ сторонниковъ означенныхъ выгодъ. По его словамъ, великорусское „не-либеральное большинство хлопотало почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброка—вотъ къ чему сводились ихъ толки и представленія“. Западные же дворяне „имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщиками власть надъ крестьянскими участками; отстранить принципъ безсрочнаго пользованія землею; вмѣсто безграмотнаго волостного суда, ввести судъ и разбирательство помѣщика; назна-

чить помѣщиковъ начальниками волостей; не допускать установленія крестьянскихъ общинъ; не давать крестьянамъ самоуправленія, однимъ словомъ—удержать крестьянское населеніе въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства". Оставляя даже эту рельефную характеристику за ея авторомъ, нельзя, во всякомъ случаѣ, не остановить вниманія на проходившей всюду красною ниткою дружной заботѣ о поддержаніи экономической зависимости крестьянства, особенно выражавшейся въ усиліяхъ оторвать, сколько можно, отъ общаго размѣра инвентарной земли, признанной неприкосновеннымъ крестьянскимъ владѣніемъ еще въ 1847 г.,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ, если и при введеніи инвентарныхъ правилъ достаточность этой земли для крестьянства могла представляться вопросомъ, то спустя болѣе десяти лѣтъ, т.-е. предъ крестьянскою реформою, она казалась еще болѣе сомнительною. А такъ какъ односторонность притязаній тутъ заходила далеко, то, при окончательномъ разрѣшеніи вопроса, своего рода побѣдою представлялось—только отстоять общую величину инвентарнаго владѣнія, то-есть,—не сдѣлать отступательнаго шага предъ созданіемъ 1847 года.

Отъ установленнаго для юго-западнаго края порядка первоначальнаго обсужденія крестьянскаго вопроса слѣдовало ожидать, что, если въ проектахъ губернскихъ комитетовъ скажутся сословныя пристрастія, то кіевская общая коммиссія будетъ смягчать ихъ, объединяя предположенія, а кіевскій генералъ-губернаторъ выскажется за дальнѣйшее смягченіе въ духѣ указанныхъ для реформы началъ, послѣ чего мѣстныя предположенія, достаточно прокритикованныя, придутъ въ Петербургъ уже въ состояніи недалекомъ отъ возможности осуществленія. Добавка двухъ такихъ мѣстныхъ критическихъ инстанцій, какъ общая коммиссія и генералъ-губернаторъ, казалось, должна была въ значительной степени гарантировать тщательный отсѣвъ односторонностей и предупреждать слишкомъ большую ломку мѣстныхъ предположеній въ Петербургѣ, со стороны редакціонныхъ коммиссій. На дѣлѣ, однако, выходило не то: кіевская коммиссія во многомъ поддерживала губернскія притязанія, а генералъ-губернаторская критика не чужда была вялости и излишней уступчивости. Насколько это происходило отъ личныхъ свойствъ участниковъ обсужденія и въ какой мѣрѣ отъ недостаточной ясности дѣла въ его первоначальномъ фазисѣ—разбирать не будемъ, но только дѣло было такъ, и мѣстный элементъ внесъ много такого, что̀ требовало

не отдѣлки или смягченія, а прямого отрицанія. Изложимъ это по матеріаламъ редакціонныхъ коммиссій.

Всѣ три губернскихъ комитета рѣшительно высказались за значительное уменьшеніе инвентарнаго владѣнія крестьянъ, расходясь между собою лишь въ степени его и нѣкоторыхъ частностяхъ. Подольскій комитетъ оставлялъ полевую землю за каждымъ крестьянскимъ дворомъ, фактически ею пользовавшимся въ данный моментъ, но—въ размѣрѣ не болѣе одного „пѣшаго" участка; излишки же противъ этого размѣра, заключавшіеся въ надѣлахъ „тяглыхъ" крестьянъ, онъ сохранялъ за послѣдними только на переходное время срочно-обязанныхъ отношеній, съ тѣмъ, чтобы эти излишки потомъ были переданы помѣщикамъ. Такимъ образомъ, по подольскому проекту, всѣ тяглые должны были потерять половину полевой земли, дворы высшихъ разрядовъ (паровые и т. под., гдѣ они еще удержались)—еще бо̀льшую долю своего фактическаго владѣнія, а огородники и бобыли не пріобрѣтали ничего, оставаясь первые—только при усадьбахъ, а послѣдніе—безъ всякой земли. Кіевскій же и волынскій комитеты старались порвать всякую связь съ инвентарнымъ положеніемъ, посредствомъ установленія для всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ хозяйствъ каждаго селенія совершенно новыхъ, однообразныхъ, „нормальныхъ" участковъ, размѣръ которыхъ ставился въ зависимость отъ качества земли. Размѣръ этотъ проектировался по мѣстностямъ, такъ какъ въ краѣ однообразіемъ почвы отличается лишь черноземная подольская губернія, а въ остальныхъ двухъ качество земли представляетъ рядъ переходныхъ видовъ отъ прекраснаго чернозема до песчаныхъ и болотистыхъ пространствъ Полѣсья, охватывающаго сѣверъ кіевской и обширную сѣверо-западную площадь Волыни. Но вообще размѣръ нормальныхъ участковъ проектировался близкій къ размѣру „пѣшихъ". Въ лучшихъ мѣстностяхъ обѣихъ губерній проекты назначали по 4 десятины на дворъ, а въ худшихъ, по кіевскому проекту 11, а по волынскому—13 десятинъ. Промежуточнымъ мѣстностямъ соотвѣтствовали и промежуточныя нормы надѣленія. При сравненіи этихъ нормъ съ инвентарнымъ владѣніемъ выходило почти такое же уменьшеніе послѣдняго, какъ и по подольскому проекту.

Но этимъ сокращеніе земельнаго надѣла еще не ограничивалось. Вдобавокъ, проектировались еще другіе виды его, именно въ отношеніи къ сравнительно малоземельнымъ имѣніямъ, къ вакантнымъ участкамъ и къ усадебному владѣнію.

Такъ, кіевскій проектъ, для имѣній, въ которыхъ удобной земли вообще немного, допускалъ дополнительную урѣзку на-

дѣла противъ общихъ его предположеній. Волынскій же, хотя съ перваго взгляда охранялъ величину придуманныхъ имъ „нормальныхъ“ участковъ, но—за счетъ общаго крестьянскаго же владѣнія. Предвидя случаи, когда нормальные участки, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, окажутся больше существовавшихъ пѣшихъ, онъ предлагалъ произвести нормировку такимъ способомъ: раздѣлить совокупность наличныхъ (меньшихъ) участковъ на нормальные (бо̀льшіе); а такъ какъ число послѣднихъ при этомъ должно было выйти меньше числа прежнихъ, слѣдовательно для части крестьянъ земли должно было недостать, то—рѣшать жребіемъ, кому изъ полевыхъ дворовъ обезземелиться, т.-е. перейти изъ пѣшихъ въ огородники или выселиться изъ деревни. Небольшое пополненіе долей однихъ крестьянъ, такимъ образомъ, окупалось обезземеленіемъ другихъ.

Вакантные участки, образующіеся вслѣдствіе выморочности крестьянскихъ дворовъ, отказа хозяевъ отъ земли безъ передачи ея другимъ, увольненія крестьянъ изъ обществъ и т. под., по проектамъ, должны были поступать въ полное распоряженіе помѣщиковъ, хотя и съ предоставленіемъ послѣднимъ права надѣлять ими другихъ крестьянъ, въ томъ числѣ бобылей и огородниковъ.

Коснулись проекты и нормированія величины усадебъ, которыя, какъ объяснялось выше, отличались большимъ разнообразіемъ размѣра и достоинства, причемъ иные крестьяне владѣли усадьбами гораздо больше десятиннаго размѣра. Къ этой значительности всѣ комитеты отнеслись отрицательно, стремясь ее ограничить. Кіевскій комитетъ предложилъ сокращать большія усадьбы до размѣра одной десятины путемъ добровольнаго отказа крестьянъ отъ излишковъ. Подольскій, на такомъ же основаніи, низводилъ величину усадьбы до одной четверти десятины. А волынскій допускалъ максимальный размѣръ усадьбы только въ 1.317 кв. саженъ (моргъ) съ отрѣзкою всего излишка.

Не много отличался отъ общаго характера предположеній губернскихъ комитетовъ и проектъ кіевской общей коммиссіи. Она также разрывала связь съ инвентарнымъ преданіемъ, вводя новые нормальные участки отъ 4 до 10 десятинъ по мѣстностямъ; въ случаѣ превышенія этими нормами фактическаго крестьянскаго владѣнія—коммиссія предлагала придерживаться этого послѣдняго и дѣлить наличное владѣніе между всѣми полевыми дворами поровну; когда же наличное владѣніе окажется больше „нормальнаго“, по проекту коммиссіи слѣдовало вводить нормальный, оставляя крестьянамъ прежніе излишки противъ него лишь

на девятилѣтній срокъ. Т.-е., проектированное нормальное владѣніе укрѣплялось лишь тамъ, гдѣ оно меньше прежняго, являясь поводомъ только къ уменьшенію крестьянской земли. Въ отношеніи къ нормировкѣ усадебъ, коммиссія примыкала къ проекту кіевскаго губернскаго комитета.

Кромѣ того, всѣ проекты устанавливали новый взглядъ на усадебное владѣніе. По инвентарямъ, напр., тяглые, пѣшіе и др. полевые дворы отбывали опредѣленное число рабочихъ дней за совокупность полевого надѣла и усадьбы, какова бы эта послѣдняя ни была, а по проектамъ комитетовъ крестьяне должны были оплачивать усадьбы сверхъ повинности за полевые участки, какъ особую земельную статью, соразмѣрно величинѣ усадьбы, и притомъ—деньгами, въ размѣрѣ 5 процентовъ съ капитальной оцѣнки усадебъ.

Одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ всѣхъ мѣстныхъ проектовъ представлялъ проводившійся ими общій взглядъ на крестьянское землевладѣніе. Проекты вполнѣ отрицали въ послѣднемъ значеніе „общественнаго“ надѣла, такъ что въ нихъ не упоминалось даже узаконенное прежде названіе „мірской“ земли. Тогда какъ по инвентарнымъ правиламъ цѣльною единицею признавался надѣлъ всѣхъ крестьянъ даннаго имѣнія, проекты признавали самостоятельною единицею отдѣльный дворъ, ставившійся въ непосредственныя отношенія къ помѣщику, помимо общества. Съ точки зрѣнія проектовъ, крестьянская земля являлась лишь огромнымъ итогомъ участковъ отдѣльныхъ крестьянъ, а владѣніе каждаго изъ послѣднихъ выходило личное, семейное, наслѣдственное, безъ всякаго участія въ земельномъ дѣлѣ сельскихъ обществъ, міра, „громады“.

Заключеніе генералъ-губернатора (кн. Васильчикова) значительно отличалось отъ предположеній губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, хотя—какъ замѣчено выше—выражало недостатокъ рѣшительности. Кн. Васильчиковъ не возражалъ противъ сокращенія обязательнаго надѣла сравнительно съ размѣромъ всей инвентарной земли, но высказывался въ пользу сохраненія за крестьянами права—буде они пожелаютъ и смогутъ удержать за собою—на фактически существовавшіе въ крестьянскомъ пользованіи надѣлы, такъ какъ „повсемѣстное ихъ уменьшеніе, конечно, могло бы повести къ крайнимъ затрудненіямъ“. Неодобрительно отнесся онъ и къ обособленію усадебнаго владѣнія съ установленіемъ за него отдѣльной отъ полевого надѣла повинности, находя, что „крестьяне, вслѣдствіе существующаго у нихъ убѣжденія о правѣ ихъ на потомственное, безвозмездное

пользованіе усадьбами, будутъ смотрѣть на взиманіе процента за пользованіе усадьбою, какъ на новый налогъ". Платежъ этотъ генералъ-губернаторъ признавалъ настолько обременительнымъ, что онъ, по его мнѣнію, даже „едва ли можетъ быть введенъ безъ большихъ затрудненій". Точно также высказался кн. Васильчиковъ противъ устраненія „обществъ" отъ распоряженія мірскою землею. Онъ находилъ, что хотя въ краѣ нѣтъ общиннаго владѣнія великорусскаго типа, но это вовсе не составляетъ препятствія къ допущенію участія міра въ земельномъ дѣлѣ, такъ какъ, „сохраняя порядокъ надѣла земельныхъ угодій на каждое хозяйство отдѣльно, вмѣстѣ съ тѣмъ можно установить круговое ручательство міра въ исполненіи повинностей за эти угодья, предоставивъ міру распоряжаться вакантными участками и отдавать ихъ другимъ членамъ общества", съ устраненіемъ непосредственныхъ, въ этой области, отношеній между отдѣльными крестьянами и помѣщикомъ.

Таковы были мѣстныя предположенія относительно земельнаго надѣла и способовъ пользованія имъ. Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣла—проектированію повинностей.

Изъ того, что̀ изложено въ предыдущей главѣ, не трудно видѣть, что порядокъ, введенный инвентарными правилами, исходилъ изъ основной мысли, по которой мужикъ долженъ отдавать помѣщику опредѣленную часть своего рабочаго времени, а земельное пользованіе за это получать—какое случится, какое завелось въ предшествующее время, подъ вліяніемъ случайной требовательности или снисходительности владѣльцевъ. Повинностная сторона преобладала надъ вопросомъ объ обезпеченіи той или другой степени имущественнаго благосостоянія крестьянъ. Представляя, въ сущности, лишь опытъ ограниченія крѣпостного права, безъ упраздненія его принципа, инвентарныя правила не входили въ критику ни размѣра земельнаго надѣла, ни даже отношенія доходности земли къ цѣнности отбываемыхъ за нее повинностей. Но когда рѣчь зашла уже объ отмѣнѣ крѣпостного права, о полномъ освобожденіи сельскаго населенія, тутъ измѣнялась основная точка зрѣнія и долженъ былъ выступить другой принципъ: мужикъ долженъ платить не больше того, что сто̀итъ укрѣпляемая за нимъ земля. Возникалъ вопросъ объ оцѣнкѣ земли и повинностей, причемъ мѣстныя данныя получали особенное значеніе. Такъ какъ инвентарныя повинности вообще значительно превышали стоимость дохода съ надѣловъ, то естественно было ожидать уменьшенія числа рабочихъ дней сравнительно съ преж-

нимъ. Однако губернскіе комитеты и тутъ стали на своеобразную точку зрѣнія.

Односторонности представлялся просторъ въ натяжкѣ оцѣнокъ, но, не довольствуясь ею, эта односторонность стремилась отстоять, при развязкѣ крѣпостного права, еще другія выгоды въ разныхъ видахъ. Кромѣ упомянутаго установленія отдѣльной высокой платы за усадьбы, выступили усилія ввести добавочное обложеніе самой рабочей силы, въ видѣ личныхъ и общественныхъ обязательныхъ повинностей, уже безъ всякаго отношенія къ земельному надѣлу. Разставаясь съ правомъ на личность освобождаемыхъ, комитеты попытались удержать часть права на личный трудъ, въ его чистомъ видѣ. Поэтому, хотя при оцѣнкѣ земли и повинностей и выходило нѣкоторое уменьшеніе числа рабочихъ дней собственно за полевой надѣлъ, но это съ избыткомъ вознаграждалось другими видами обложенія, и въ результатѣ выходило смѣшеніе формальнаго освобожденія съ сохраненіемъ значительной доли крѣпостного преданія.

Собственно за нормальный полевой надѣлъ кіевскій комитетъ назначалъ 82 рабочихъ дня въ годъ или 18 рублей деньгами, подольскій—96 дней, волынскій—105 дней, а кіевская общая коммиссія—78 дней или 16 рублей, тогда какъ инвентарная повинность пѣшаго хозяина составляла не болѣе 104 мужскихъ и 52 женскихъ дней. Облагаемую отдѣльнымъ пяти-процентнымъ годовымъ платежомъ усадебную землю кіевскій комитетъ и общая коммиссія цѣнили по 102 рубля за десятину, подольскій—отъ 120 до 240 рублей, а волынскій—по 192 рубля.

Сверхъ этихъ рабочихъ и денежныхъ повинностей, всѣ комитеты облагали отдѣльно рабочую силу крестьянъ. Кіевскій и подольскій комитеты и общая коммиссія полагали съ каждой рабочей души въ имѣніи по 8 сгонныхъ дней за плату, а волынскій—по 12 дней. Въ дополненіе къ тому, еще цѣлое общество должно было поставлять помѣщику, въ качествѣ экономической прислуги, съ каждыхъ ста душъ, по кіевскому проекту—6 годовыхъ работниковъ, 5 полу-рабочихъ и 4 работницы; по волынскому—4 рабочихъ силы каждаго изъ трехъ разрядовъ, а по проекту общей коммиссіи—5 работниковъ, 3 полу-рабочихъ и 2 работницы. Подольскій требовалъ 2 работниковъ и одну работницу съ каждаго десятка хозяевъ. Всѣ эти поставки назначались за плату, колебавшуюся отъ 12 до 20 рублей въ годъ, по волынскому же проекту—только отъ 4 до 12 рублей. Подольскій комитетъ добавлялъ ко всему этому еще сохраненіе ночного караула съ каждаго двора по два раза въ мѣсяцъ.

Итакъ, повинности проектировались четырехъ разрядовъ: за полевой надѣлъ, за усадьбу, съ рабочей души и еще отдѣльно— отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ. Оцѣночный элементъ соединялся съ элементомъ личной зависимости, и общій итогъ повинностей могъ превышать прежній инвентарный.

Генералъ-губернаторъ и въ этомъ отношеніи остался при снисходительной критикѣ. 78 рабочихъ дней, предложенныхъ кіевскою коммиссіею, онъ признавалъ повинностью умѣренною, но проектированный, взамѣнъ ея, 16-рублевый оброкъ находилъ обременительнымъ и даже „невозможнымъ" для крестьянъ, почему предложилъ пониженіе его до 14 рублей. Обращаясь же къ сгоннымъ днямъ и поставкѣ экономической прислуги, онъ хотя и находилъ, что подобная повинность „противорѣчитъ принятому началу освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости", но тѣмъ не менѣе допускалъ сгонные дни на трехлѣтній срокъ, лишь съ ежегодною ихъ переоцѣнкою, а поставку экономической прислуги—въ существовавшемъ размѣрѣ на два года со времени утвержденія реформы.

Вотъ въ какомъ видѣ вышли освободительныя предположенія изъ рукъ подготовительныхъ мѣстныхъ общественныхъ и административныхъ учрежденій. Всего серьезнѣе и опаснѣе было выразившееся въ нихъ стремленіе къ значительному обезземеленію крестьянъ, такъ какъ оно грозило парализованіемъ, при развязкѣ крестьянъ съ помѣщиками, основного источника матеріальной обезпеченности сельскаго населенія и предуготовляло усиленную его экономическую зависимость.

Въ итогѣ, по проектамъ губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, крестьяне лишались: 1) возврата той части инвентарной земли, которая отошла отъ нихъ въ промежуткѣ времени между введеніемъ инвентарей и освобожденіемъ отъ крѣпостного права; 2) той части полевого надѣла изъ уцѣлѣвшаго ихъ владѣнія въ моментъ реформы, которая составляла разницу между владѣніемъ крестьянъ высшихъ разрядовъ (тяглыхъ и пр.) и проектированными пѣшими или нормальными участками; 3) большей части вакансовъ, состоявшихъ во временномъ пользованіи помѣщиковъ, но считавшихся подлежащими возврату крестьянамъ при первой возможности, и 4) значительной доли усадебнаго надѣла. Осуществись такіе проекты, освобожденіе соединилось бы съ большимъ обезземеленіемъ. Если трудно выводить полный размѣръ задуманной отрѣзки, то для нѣкотораго освѣщенія приведемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ, во что обошлось бы низведеніе одного полевого владѣнія до проектированныхъ нормъ.

Въ одной изъ находящихся въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій вѣдомостей показано, что въ подольской и волынской губерніяхъ считалось въ ту пору 132 тысячи тяглыхъ и 113 тысячъ пѣшихъ хозяйствъ. (По кіевской такого подсчета не приведено). Такъ какъ первыя, владѣя двойными участками, должны были потерять половину, то въ общемъ итогѣ по обоимъ разрядамъ хозяйствъ получается потеря больше чѣмъ третьей части всего полевого надѣла. Въ соединеніи же съ другими задуманными видами уменьшенія крестьянской земли, итогъ потерь мѣстами могъ доходить и до половины всего инвентарнаго надѣла. Тенденція обозначалась довольно рельефно.

Для нѣкотораго выясненія характера проектированныхъ повинностей сдѣлаемъ другой разсчетъ. По предположеніямъ кіевской общей коммиссіи (болѣе умѣреннымъ, чѣмъ проекты губернскихъ комитетовъ), полевые участки должны были отводиться въ размѣрѣ отъ 4 до 10 десятинъ на дворъ; слѣдовательно, въ мѣстностяхъ съ лучшею почвою они назначались въ 4 десятины, за что полагалось 16 рублей оброка. Полагая еще полъ-десятины въ среднемъ на усадьбу, размѣръ платежа за нее (5% со 102 руб. за десятину) получимъ въ 2 р. 55 коп.; итого, платежъ двора составитъ 18 руб. 55 коп. за 4½ десятины, или слишкомъ 4 рубля съ десятины кругомъ. Между тѣмъ, по собраннымъ въ то время свѣдѣніямъ о продажной стоимости имѣній, выходило, что въ наиболѣе плодородной и однообразной подольской губерніи высшая поуѣздная цѣна десятины составляла около 40 рублей. Но въ эту послѣднюю цѣну входила стоимость не одной земли, а также входившихъ въ составъ имѣній лѣсовъ, разныхъ доходныхъ статей (мельницъ, винокуренныхъ заводовъ, рыбныхъ ловель и т. под.) и экономическихъ построекъ,—слѣдовательно, голая земля цѣнилась значительно дешевле. Если положить ее даже не ниже 35 рублей— и то выйдетъ, что проектированная повинность доходила до 12 процентовъ всей земельной стоимости, не считая прочихъ, указанныхъ выше, натуральныхъ повинностей, облагавшихъ рабочую силу. Даже внесенная генералъ-губернаторомъ поправка облегчала упомянутую повинность всего на 2 рубля съ двора, или на 45 коп. съ десятины, т. е. съ небольшимъ на одинъ процентъ стоимости земли Впрочемъ, на повинностяхъ нѣтъ надобности здѣсь особенно останавливаться, потому что съ неосуществленіемъ проектовъ сглаживались слѣды относившихся къ нимъ стремленій, тогда какъ тенденція къ сокращенію земельнаго надѣла обнаружила и впослѣдствіи бо́льшую живучесть.

Выражая свой общій взглядъ на дѣло, кіевская коммиссія

давала въ отношеніи къ нему довольно характерныя разъясненія. Рѣшительно высказываясь противъ сохраненія существующихъ надѣловъ, она выставляла это сохраненіе невыгоднымъ не только для помѣщиковъ, но также для крестьянъ и для „экономической будущности края вообще". По ея утвержденію, крестьяне не въ состояніи были справиться съ этими надѣлами, а для помѣщиковъ „опасно отвести крестьянамъ такое количество земли, которое бы вполнѣ обезпечивало послѣднихъ и поглотило весь ихъ трудъ, а напротивъ гораздо выгоднѣе, оставивъ крестьянъ при скудномъ надѣлѣ и легкой повинности, обратить ихъ къ вольнонаемному труду, необходимому для поддержанія помѣщичьихъ запашекъ". Осуществленіе подобной цѣли коммиссія и видѣла въ уменьшеніи надѣла, ставившемъ крестьянъ, по ея словамъ, „въ положеніе, довольно независимое для свободныхъ заработковъ". Кромѣ характерности цѣли, тутъ обозначалась и степень прозорливости коммиссіи по части будущихъ экономическихъ судебъ края и способностей крестьянскаго населенія, такъ какъ для оцѣнки ея предвидѣній скоро дала достаточный матеріалъ ближайшая сельская исторія: несмотря на отклоненіе проектовъ убавки надѣла, не только всѣ крестьянскія и помѣщичьи земли успѣшно обработывались, но расчищались новыя пашни, сильно развивалась обработывающая промышленность—и все-таки скоро обнаружились земельная тѣснота и большой избытокъ предложенія труда. Вмѣсто вопроса о недостаткѣ рабочихъ рукъ, выступили вопросы о малоземельѣ и выселеніяхъ.

Редакціонныя коммиссіи нашли, такимъ образомъ, мало подготовленнаго къ искомому исходу. Имъ пришлось имѣть дѣло съ слишкомъ односторонними притязаніями. Затрудненія увеличивались тѣмъ, что сами коммиссіи вынуждены были считаться съ крѣпостническими вліяніями, окружавшими ихъ и проникавшими въ ихъ собственную среду. При такомъ положеніи оставалось, твердо ставъ на почвѣ уже пріобрѣтеннаго прежде крестьянами права, отстаивать за ними всю инвентарную землю, какъ состоявшую въ ихъ фактическомъ пользованіи, такъ и отобранную послѣ инвентарныхъ правилъ, устранясь отъ критики ея достаточности. Этотъ принципъ и отстаивался. Надо еще имѣть въ виду, что кромѣ формально выраженной аргументаціи комитетовъ и кіевской коммиссіи, не мало было закулисныхъ стараній о поддержкѣ проектовъ въ Петербургѣ. По отзыву Ю. Ѳ. Самарина (бывшаго членомъ редакціонныхъ коммиссій), „спасти неприкосновенность мірской земли стòило не мало труда; все было пущено въ ходъ депутатами отъ дворянства: и консервативный характеръ крупной

собственности, и преданность дворянства, и неспособность крестьянъ управиться съ землею, и—главное—коммунистическія тенденціи возражавшихъ на проектъ! Тѣмъ не менѣе, начало было спасено"...

Если нужна была борьба съ упомянутыми вліяніями, зато не представляла трудностей критика мѣстныхъ притязаній и соображеній по существу, какъ показываютъ, напр., доклады хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій. Возражая противъ основного мѣстнаго соображенія о непосильности для крестьянъ справиться съ большими, тяглыми участками и о томъ, что обработка послѣднихъ не оставитъ времени для вольнонаемной работы на помѣщичьихъ поляхъ, одинъ изъ такихъ докладовъ говоритъ: „если тяглые крестьяне, владѣя двойными участками противъ пѣшихъ, находили время и средства для отбыванія по инвентарнымъ правиламъ трехдневной мужской упряжной барщины, то нѣтъ никакого повода опасаться, чтобы воздѣлываніе тѣхъ же участковъ, при томъ значительномъ уменьшеніи натуральной повинности, которое предложено общею коммиссіею, отняло у нихъ все время и лишило ихъ возможности наниматься въ работу у помѣщиковъ".

Соображенія въ пользу охраны даннаго уже инвентарными правилами крестьянамъ права на всю мірскую землю наконецъ успѣли взять верхъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, но труднѣе было положеніе относительно опредѣленія повинностей. Хотя необходимость уменьшить инвентарный размѣръ ихъ была совершенно ясною, но оставался большой вопросъ—на какомъ именно размѣрѣ остановиться. Здѣсь нельзя было такъ утвердиться на юридической почвѣ, какъ относительно земельнаго надѣла. Въ основаніе требовался оцѣночный матеріалъ, а онъ былъ слишкомъ недостаточенъ, да и имѣвшійся отличался малонадежностью. Соразмѣреніе повинностей съ доходностью земли представляло такія же трудности, какъ и въ отношеніи къ прочимъ губерніямъ, по недостатку статистики, кадастра и всякихъ экономическихъ изслѣдованій. Вѣроятность крупныхъ ошибокъ тамъ и здѣсь представлялась одинаковою. Конечно, оставленіе такихъ крѣпостныхъ преданій, какъ желавшееся комитетами обложеніе рабочей силы, отдѣльно отъ земли, было отвергнуто, но въ отношеніи къ оцѣнкѣ надѣловъ и вообще къ повинностямъ притязанія мѣстныхъ комитетовъ и другія сходныя вліянія получили значительный просторъ и имъ сдѣланы были въ результатѣ крупныя уступки.

Впрочемъ, не станемъ входить въ подробности высказывавшихся соображеній и вообще процесса выработки окончатель-

ныхъ положеній, такъ какъ многое тутъ скоро утратило значеніе. Бо́льшаго вниманія заслуживаетъ и, слѣдовательно, больше историческаго интереса представляетъ борьба началъ, стремившихся войти въ великое дѣло развязки крѣпостныхъ отношеній и предопредѣлить будущность милліоновъ населенія, а также экономическую физіономію мѣстности. Обозначеніе выступавшихъ тенденцій не лишне и потому, что съ ними приходилось еще считаться при фактическомъ исполненіи крестьянской реформы. Вообще, ими объясняется не мало происходившаго впослѣдствіи.

Перейдемъ къ заключительному моменту разсматриваемаго періода,—къ перечисленію главныхъ основаній утвержденнаго 19-го февраля 1861 года для юго-западнаго края „Крестьянскаго „Положенія“.

Вся мірская земля, объявленная инвентарными правилами неизмѣнною и неприкосновенною, признана подлежащею предоставленію крестьянамъ. Части ея, отошедшія отъ крестьянъ въ промежуткѣ времени между изданіемъ инвентарныхъ правилъ и утвержденіемъ Положеній 19-го февраля, предназначены къ возврату, съ разрѣшенія губернскихъ присутствій, крестьянамъ, по ходатайствамъ послѣднихъ, заявленнымъ какъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, такъ и впослѣдствіи, въ теченіе шести лѣтъ.

Отводимый крестьянскимъ обществамъ земельный надѣлъ раздѣлялся на коренной и дополнительный. Въ коренной зачислялась усадебная земля и по одному пѣшему полевому надѣлу на каждый дворъ, пользовавшійся полевою землею. Вся остальная крестьянская земля зачислялась въ надѣлъ дополнительный, въ томъ числѣ излишки тяглыхъ участковъ противъ размѣра пѣшихъ. Такимъ образомъ, въ надѣлъ однихъ крестьянъ поступалъ только коренной, а въ надѣлъ другихъ — коренной и дополнительный. Отъ дополнительнаго надѣла крестьяне могли отказываться, а сохраненіе коренного было для нихъ обязательно, за точно опредѣленными исключеніями.

Уменьшеніе мірской земли допускалось по добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ. Кромѣ отказа отъ упомянутаго выше дополнительнаго надѣла, оно могло касаться крестьянскихъ сѣнокосовъ въ лѣсу. При разверстаніи угодій (въ теченіе шести лѣтъ послѣ введенія уставныхъ грамотъ) эти сѣнокосы не только могли быть обмѣниваемы на другія угодья, но въ крайнихъ случаяхъ даже вовсе отбираемы отъ крестьянъ съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ повинностей.

Повинности устанавливались раздѣльно за усадьбы и прочія земли. Усадьбы вездѣ были оцѣнены по 102 рубля за десятину, и за нихъ полагался оброкъ по 5 руб. 10 коп. въ годъ съ десятины. Въ отношеніи же къ оцѣнкѣ полевой земли край дѣлился на девять мѣстностей; и въ каждой изъ нихъ размѣръ повинности опредѣлялся подесятинно. Въ первой (лучшей) мѣстности за десятину полагалось 20 пѣшихъ рабочихъ дней, или 3 руб. 30 коп. оброка, а въ наихудшей, девятой мѣстности— $8^1/_2$ рабочихъ дней, или 1 руб. 35 коп. деньгами. Въ промежуточныхъ мѣстностяхъ—промежуточныя нормы. При особыхъ выгодахъ или невыгодахъ надѣла дозволялось повышать или понижать повинности за полевую землю до 15-ти процентовъ.

Таково было „Мѣстное Положеніе“. Положенія же о выкупѣ, объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, о порядкѣ приведенія Положеній въ дѣйствіе, а также „Общее Положеніе“ (крестьянское управленіе, государственныя повинности и т. п.) установлены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ.

„Положенія“ объявлены въ мартѣ 1861 года. Скоро образованы были губернскія присутствія, назначены изъ мѣстныхъ помѣщиковъ мировые посредники и началось фактическое примѣненіе реформы.

III.

Первый періодъ примѣненія Положеній.

Съ весны 1861 года началось фактическое приведеніе въ дѣйствіе „Крестьянскихъ Положеній“. Тутъ насталъ собственно первый періодъ этого приведенія, когда дѣло находилось въ рукахъ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Періодъ этотъ длился не долго, всего около двухъ лѣтъ, и былъ достаточенъ собственно для установленія крестьянскаго общественнаго управленія и введенія уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ по каждому имѣнію: размѣръ и составъ земельнаго надѣла, повинности и прочія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Польское національное движеніе, разразившееся въ началѣ 1863 года вооруженнымъ возстаніемъ, слегка коснувшимся и юго-западнаго края, рѣзко закончило этотъ періодъ, вызвавъ: повсемѣстную повѣрку всего сдѣланнаго первыми мировыми посредниками, введеніе обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ и замѣну всего состава завѣдывавшихъ крестьянскимъ дѣ-

ломъ—новымъ личнымъ составомъ. Тогда наступила новая пора рѣзко смѣнявшихся административныхъ вѣяній, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла и характеризовавшихъ управленія разныхъ генералъ-губернаторовъ. Одно за другимъ прошли времена: Анненковское, Безаковское, Дондуковское и т. д.

Съ наружной стороны, въ первые два года, введеніе Положеній представлялось довольно быстрымъ и успѣшнымъ. Общественное управленіе (сельскія общества и волости) установлено было скоро и, повидимому, безъ особыхъ осложненій. Процессъ введенія уставныхъ грамотъ тоже шелъ довольно быстро, а въ подольской губерніи шибко пошло въ ходъ даже составленіе выкупныхъ договоровъ, прекращавшихъ взаимно-обязательныя отношенія и дававшихъ крестьянамъ полное право собственности на надѣльныя земли.

Словомъ, въ первое время оффиціально все казалось благополучнымъ и цифровая сторона дѣла выступала, пожалуй, удовлетворительнѣе, чѣмъ по многимъ другимъ губерніямъ. Не предвидѣлось еще никакой связи между судьбами крестьянскаго дѣла и польскимъ національнымъ движеніемъ, которому предстояло скоро сыграть въ этомъ дѣлѣ рѣшающую роль,—хотя отзвуки означеннаго движенія явственно усиливались, особенно рельефно выразившись въ концѣ 1862 года въ извѣстномъ адресѣ подольскаго дворянства, гдѣ изъявлено было желаніе административнаго соединенія подольской губерніи съ губерніями царства польскаго. Однако, подъ внѣшностью успѣшнаго хода крестьянскаго дѣла скрывалась довольно недоброкачественная, односторонняя работа, значительно ухудшавшая крестьянское устройство противъ общихъ началъ Положеній. Дѣло, казавшееся конченнымъ законодательно, портилось исполнительными пріемами, въ которыхъ сказывался тотъ же духъ, какой воплощался прежде въ проектахъ губернскихъ комитетовъ. Уставныя грамоты вводились, но очень часто на такихъ основаніяхъ, какія фактически стушевывали то, что̀ удалось отстоять редакціоннымъ коммиссіямъ.

Я не былъ близкимъ свидѣтелемъ введенія въ краѣ уставныхъ грамотъ, такъ какъ жилъ въ то время въ Москвѣ. Знакомиться съ этимъ періодомъ работъ мнѣ пришлось сперва по свѣдѣніямъ, доходившимъ до печати и по частнымъ сообщеніямъ, а впослѣдствіи — по краснорѣчивымъ результатамъ введенія грамотъ, представшимъ предо мною въ подлинномъ видѣ и большомъ обиліи, а также по массѣ отзывовъ о недавнемъ прошломъ, полученной на мѣстѣ. Матеріалъ этотъ далъ уже фактическія основанія для характеристики перваго періода примѣненія Положе-

ній. Будучи далекъ отъ тѣхъ мотивовъ, при которыхъ объясненій всему ищутъ въ какихъ-либо національныхъ стремленіяхъ или такихъ же свойствахъ мѣстныхъ руководителей крестьянскаго дѣла, и не вдаваясь также въ сравненія юго-западной работы съ соотвѣтствующими работами по другимъ губерніямъ,— гдѣ тоже было много односторонностей при отсутствіи всякихъ національныхъ вопросовъ,—я просто желаю передать впечатлѣнія того, что̀ было мною встрѣчено въ области фактовъ.

Свѣдѣнія, доходившія до печати въ 1861 и 1862 годахъ, отличались большою скудостью, и юго-западный край въ этомъ отношеніи замѣтно отличался отъ великорусскихъ губерній. Тогда какъ при общемъ интересѣ къ ходу крестьянскаго дѣла газеты и журналы полны были сообщеніями изъ самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи, — этотъ край больше оставался въ тѣни и относительно хода дѣлъ въ немъ больше приходилось довольствоваться сухими оффиціальными цифрами, обрисовывавшими внѣшность. Относительно великорусскихъ губерній въ печать попадалъ не только фактическій матеріалъ, но въ нее переносилась и масса вопросовъ, возникавшихъ изъ примѣненія Положеній, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Велись оживленные споры по этимъ вопросамъ съ участіемъ самихъ мѣстныхъ дѣятелей. И мировые посредники, и члены губернскихъ присутствій нерѣдко сами выступали въ печати съ своими мнѣніями и замѣчаніями, передавая также и новый фактическій матеріалъ. Горячо обсуждались способы выхода изъ встрѣчавшихся недоразумѣній. Подробно описывались болѣе замѣчательныя дѣла по отдѣльнымъ имѣніямъ, особенно такія, въ которыхъ выражалась борьба съ односторонними притязаніями, получавшими въ печати и строгую оцѣнку. Обличались неправильности и примѣры пристрастія, что̀ вызывало печатныя же оправданія со стороны обвиняемыхъ. Не стѣснялись въ оцѣнкѣ дѣлъ вліятельныхъ по своему положенію лицъ, борясь, насколько можно, со стѣсненіями тогдашней цензуры въ отношеніи къ столь щекотливымъ для нея дѣламъ. Вообще, тогдашняя печать была полна крестьянскимъ дѣломъ. Но юго-западный край былъ далеко не такъ отзывчивъ къ печати. Оттуда изрѣдка приходили отрывочныя вѣсти, преимущественно безцвѣтныя, хотя и среди такой скудости прорывались смущавшія сообщенія о крестьянскихъ волненіяхъ, усмиреніяхъ и экзекуціяхъ. А какъ часты были подобные примѣры и какими обстоятельствами вызывались — это оставалось безъ разъясненій, и, вообще, трудно было составить ясное понятіе о томъ, что̀ именно тамъ происходитъ. Если скуденъ былъ фактическій ма-

теріалъ, то еще скуднѣе были приходившія оттуда сужденія о созданномъ реформою положеніи и соединенныхъ съ нимъ вопросахъ. Изъ статей такого рода, сколько помню, выдавались только туманныя статьи знаменитаго хирурга Пирогова, бывшаго подольскимъ помѣщикомъ и мировымъ посредникомъ, помѣщенныя въ „Днѣ“ Аксакова, хотя и эти статьи больше обращали на себя вниманіе по имени автора, чѣмъ по содержанію, такъ какъ въ нихъ сквозило лишь смутное недовольство наличнымъ положеніемъ, при неясности—чего именно хочетъ самъ авторъ. Поэтому, болѣе ясное представленіе о качественности работъ по введенію уставныхъ грамотъ пришлось мнѣ получить только тогда, когда я самъ вошелъ въ крестьянское дѣло края, получивъ въ наслѣдіе значительную массу повѣрки этой работы и вступивъ въ общеніе съ дѣятелями сосѣднихъ мѣстностей, попавшими въ такое же положеніе.

Конечно, въ разныхъ имѣніяхъ введеніе уставныхъ грамотъ шло различно, и слишкомъ широкія обобщенія въ такой огромной массѣ, какъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ дѣлъ, невозможны. Для полнаго представленія нуженъ бы перечень болѣе выдающихся дѣлъ, съ объясненіемъ обстоятельствъ каждаго, но такой матеріалъ уже черезчуръ грузенъ, неудобочитаемъ и не входитъ въ ограниченную задачу настоящаго очерка. Отмѣтимъ лишь болѣе общія, болѣе распространенныя явленія.

Самою выдающеюся чертою представлялось пренебреженіе къ опредѣленію инвентарной земли, ея размѣра, состава и границъ. Законъ далъ крестьянамъ право на все владѣніе 1847 г., предоставивъ имъ требовать, при самомъ введеніи уставныхъ грамотъ, возврата того, что̀ изъ этого владѣнія отъ нихъ отошло. Это составляло одно изъ самыхъ основныхъ началъ Положеній, но на дѣлѣ уставныя грамоты считались только съ наличнымъ крестьянскимъ пользованіемъ. Насколько инвентарный надѣлъ уменьшенъ или измѣненъ въ своемъ составѣ—это большею частію оставлялось безъ выясненія, какъ обреченное забвенію. Говорю: „большею частію“, собственно для избѣжанія излишнихъ обобщеній, но могу прибавить, что, несмотря на знакомство съ огромною массою дѣлъ и многочисленныя бесѣды съ представителями разныхъ мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, не могу припомнить случая, изъ котораго было бы видно, что крестьянское заявленіе о возстановленіи инвентарнаго надѣла принято и получило удовлетворительный исходъ. Формальная сторона дѣла сводилась къ тому, что въ уставную грамоту вносился наличный надѣлъ, бывшій въ крестьянскомъ пользованіи

въ 1861 году, и иногда показывались „вакансы“, т.-е. участки обезземелившихся крестьянъ, перешедшіе во временное пользованіе помѣщиковъ и признававшіеся послѣдними; да и эти „вакансы“ часто оставлялись въ прежнемъ положеніи, т.-е. у помѣщиковъ же. О многихъ земляхъ, отобранныхъ послѣ введенія инвентарей или обмѣненныхъ, не было помину. По документамъ выходило большею частію, что уставная грамота введена гладко, безъ возраженій. Въ числѣ забытыхъ такимъ образомъ инвентарныхъ участковъ, оставалось, между прочимъ, много крестьянскихъ усадебъ, отобранныхъ и отданныхъ въ пользованіе экономической прислуги или поступившихъ подъ какое-нибудь изъ помѣщичьихъ угодій — садъ, огородъ и т. под.

Судя по бумагамъ, надо было бы предположить, что крестьяне совсѣмъ не интересовались возвратомъ потерянныхъ ими земель, но такое предположеніе встрѣчаетъ рѣшительныя противорѣчія, во-первыхъ—въ своей неестественности, а во-вторыхъ—въ массѣ возникшихъ при послѣдующихъ повѣрочныхъ работахъ требованій именно возврата инвентарной земли. Едва приступишь, бывало, къ чтенію крестьянамъ подворнаго списка уставной грамоты, какъ посыплются, одна за другою, жалобы на лишеніе усадебъ, причемъ истцами выступаютъ то самъ лишенный жилища, то—за его смертью—семья его, то другіе участники схода. Также обильны бывали заявленія о другихъ отнятыхъ угодьяхъ, и все это показывало, что мужикъ вовсе не равнодушенъ къ землѣ, а очень дорожитъ каждымъ ея клочкомъ. Отчего такихъ требованій не заявлялось при введеніи уставныхъ грамотъ или онѣ остались неотмѣченными—объясненій надо искать въ самихъ способахъ введенія грамотъ въ первый періодъ. Правда, сами крестьяне нерѣдко утверждали, что они своевременно заявляли свои претензіи, да только ничего изъ этого не вышло.

Затѣмъ выступили опыты уменьшенія надѣла и противъ пользованія 1861 г. Ближайшій поводъ къ тому давали крестьянскіе сѣнокосы въ лѣсу. Какъ выше объяснено было, положеніемъ допускался при разверстаніи обмѣнъ ихъ на другія угодья, а въ крайнемъ случаѣ—даже отобраніе ихъ съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ повинностей. На практикѣ, вопросъ о сѣнокосахъ нерѣдко предрѣшался безъ выжиданія срока разверстанія, при самомъ введеніи уставныхъ грамотъ, и дѣло подводилось именно подъ упомянутые „крайніе случаи“, т.-е. оно сводилось къ простому отобранію, безъ замѣны чѣмъ-либо.

Быстрота введенія грамотъ сопровождалась тѣмъ, что и въ

нихъ размѣръ крестьянскаго надѣла часто показывался съ значительными ошибками. Хотя геометрическія измѣренія были довольно распространены и порядочныхъ плановъ у помѣщиковъ было много, но нерѣдко—за отсутствіемъ ли хорошихъ измѣреній, или по другимъ причинамъ—встрѣчались случаи, когда величина надѣла показывалась только по преданію, оставляя новое поле для спорныхъ земельныхъ вопросовъ. Заботились о точномъ опредѣленіи величины усадебъ, прежде большимъ вниманіемъ не пользовавшихся, но отъ каждой сажени которыхъ теперь сталъ зависѣть размѣръ денежной повинности. Усадьбы почти повсемѣстно подвергались новой съемкѣ, но относительно полевого надѣла такой заботливости не было. Считалось, напр., что въ такомъ-то имѣніи пѣшій надѣлъ заключаетъ 6 или 8 морговъ—по этому разсчету и выводили надѣлъ въ уставной грамотѣ, только съ переводомъ морговъ на десятины. А послѣ оказывалось, что вмѣсто 6 морговъ было 7 или 6 съ дробью, вмѣсто 8—только 7 съ половиною или что-нибудь въ этомъ родѣ. Провѣрка оставлялась будущему, и трудно сказать, что̀ бы изъ нея вышло фактически, еслибы направленіе дѣла удержалось прежнее; сохранились ли бы надѣлы, вызвавъ лишь поправку уставныхъ грамотъ, или, наоборотъ, показанія послѣднихъ приняты были бы за основу, ведя за собою отрѣзку излишковъ,—объ этомъ можно только гадать, но во всякомъ случаѣ тутъ оставлялся немалый матеріалъ для новыхъ недоразумѣній.

Повинности устанавливались по законной расцѣнкѣ десятинъ, но дозволеніе закона повышать или понижать ихъ размѣръ до 15% получало одностороннее примѣненіе. Случаи повышенія—хотя вообще немногіе—встрѣчались большею частію по поводу близости селеній къ городамъ или рѣчнымъ пристанямъ, обнаруживая, однако, натяжки, а примѣровъ пониженія не могу припомнить ни одного. Разъ только я нашелъ въ дѣлѣ слѣдъ крестьянской просьбы о пониженіи; тутъ у крестьянъ значительная часть земли была очень неудобна, занимая глинистый скатъ среди окружающаго чернозема, изрытый водомоинами. Жалоба на эту землю отмѣчена была въ протоколѣ о введеніи уставной грамоты, но удовлетворенія не получила подъ тѣмъ предлогомъ, что остальная земля у крестьянъ хороша и селеніе находится недалеко отъ австрійской границы, въ чемъ усмотрѣна была для крестьянъ какая-то выгода.

Введеніе грамотъ во многихъ селеніяхъ опять сопровождалось крестьянскими волненіями, вводомъ въ деревни военныхъ командъ и экзекуціями, свѣжія преданія о чемъ мнѣ пришлось

слышать потомъ отъ ближайшихъ свидѣтелей и участниковъ. Селенія, испытавшія такую участь, пользовались извѣстностью въ широкой округѣ. Но не всегда легко было разбираться въ существѣ „недоразумѣній“, вызывавшихъ столь рѣшительныя мѣры. По многимъ даннымъ выходило, что причину составляли невниманіе или чрезмѣрная взыскательность иныхъ посредниковъ, видѣвшихъ иногда въ естественномъ крестьянскомъ требованіи „ослушаніе“ или „бунтъ“ и не бравшихъ на себя труда терпѣливо выяснить крестьянамъ суть дѣла. Бывали подобныя „неповиновенія“ и просто плодомъ стѣсненія законныхъ крестьянскихъ правъ. Мнѣ приходилось встрѣчать многихъ наказанныхъ при экзекуціяхъ, но между ними нерѣдко оказывался очень умный, дѣльный мужикъ, а иной потомъ былъ образцовымъ старшиною, представляя собою вполнѣ полезнаго члена общества, а вовсе не какого-нибудь „врага порядка“.

Для соглашеній крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ прибѣгали и къ стороннимъ увѣщаніямъ, обращаясь между прочимъ къ священникамъ, какъ къ оффиціальнымъ представителямъ нравственнаго авторитета. Издавались по этому предмету распоряженія, поручавшія священникамъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе къ миролюбному устройству соглашеній. Разные священники поступали, конечно, различно, но вотъ, напримѣръ, какіе отзывы мнѣ случалось потомъ слышать отъ нихъ: „Трудное было наше положеніе. Получаемъ мы высшія распоряженія, внушаетъ и епархіальное начальство: соглашайте, убѣждайте, приводите все къ миролюбному окончанію. Начинается дѣло; видимъ, что оно не ладно, крестьянамъ предлагаютъ невыгодное и права ихъ нарушаются противъ Положеній. Чуть заикнешься объ этомъ— слышимъ отъ посредника и помѣщика:—Это не ваше дѣло: на то, чтобы толковать Положенія, есть мировой посредникъ, а толковать вамъ ихъ по-своему значитъ—волновать; изъ этого можетъ выйти бунтъ и вы отвѣтите предъ начальствомъ. Ваше дѣло—только „убѣждать“.—Что̀ прикажете тутъ дѣлать? Рисковать отвѣтственностью, подъ которую тебя легко подведутъ— отважится не каждый; а уговаривать къ тому, въ правильности чего самъ не убѣжденъ или даже въ неправильности чего совершенно убѣжденъ — будетъ неправедно, выйдетъ грѣхъ противъ моей паствы и злоупотребленіе своимъ положеніемъ. Вѣдь меня на томъ основаніи и зовутъ, что я считаюсь обладающимъ довѣріемъ своего прихода; а какого же довѣрія я сто̀ю, когда стану склонять только къ тому, что̀ мнѣ велятъ, а не къ тому, что̀ самъ считаю правильнымъ? Какъ я буду увѣрять, что не-

выгодное — выгодно, а незаконное—законно? Вѣдь мои прихожане прямо и справедливо скажутъ: ты не пастырь нашъ, а подставленъ панами—на ихъ руку и тянешь! Да, тяжкое бремя, бывало, чувствуешь, когда зовутъ тебя на соглашеніе. Не удивляйтесь, что въ иныхъ неправильныхъ дѣлахъ найдете слѣды и нашего участія".—Въ одномъ селеніи священникъ, усердствуя въ улаженіи сдѣлки путемъ убѣжденія крестьянъ, сказалъ имъ: „соглашайтесь; пускай у меня очи вылѣзутъ, коли я вамъ нехорошо совѣтую". Слова эти подѣйствовали, а когда сдѣлка состоялась и оказалась невыгодною и неправильною, крестьяне указывали на этого священника, носившаго потомъ, по болѣзни глазъ, темные очки: „вотъ, заклинался своими очами, что говоритъ правду, а теперь и сталъ слѣпой; не прошла ему даромъ неправедная клятва!"

За введеніемъ уставныхъ грамотъ, выступили новые опыты уменьшенія крестьянскаго надѣла противъ того, что было уже назначено этими грамотами. Началось составленіе выкупныхъ договоровъ. Окончательная развязка взаимныхъ обязательныхъ отношеній и поземельнаго устройства, казалось, поставитъ уже крестъ надъ всѣмъ прошлымъ, похоронитъ инвентарное преданіе и положитъ конецъ всѣмъ правамъ и притязаніямъ, изъ него выходящимъ, закрѣпивъ новый порядокъ, создаваемый этими договорами. Надѣлъ установится, какъ его устроятъ, а полученіе выкупныхъ суммъ, соотвѣтствующихъ выведеннымъ повинностямъ, совсѣмъ завершитъ вопросъ о послѣднихъ.

Уменьшеніе крестьянскаго надѣла по соглашенію и такое округленіе дачъ, при которомъ крестьянскія и помѣщичьи земли разводятся къ однимъ мѣстамъ, составляли основныя черты многихъ выкупныхъ договоровъ. Но если эти условія были выгодны помѣщикамъ, то для крестьянъ выкупъ представлялся дѣломъ темнымъ, въ которомъ они не легко разбирались, а во многихъ случаяхъ невыгоды были имъ даже очевидны. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что преданія прошлаго сложили въ крестьянахъ огромное недовѣріе ко всѣмъ предлагаемымъ перемѣнамъ, къ каждому новому акту. Кромѣ сознательной, была глубокая инстинктивная недовѣрчивость, и мужикъ всегда боялся бумаги, къ которой надо „прикладывать руки", а въ дѣлѣ договоровъ выступалъ именно спросъ на эти руки. Инвентари имъ объявлялись какъ подлежащее исполненію правительственное распоряженіе; введеніе уставныхъ грамотъ тоже обходилось безъ письменныхъ выраженій крестьянскаго согласія, а составленіе выкупныхъ договоровъ, какъ актовъ взаимнаго соглашенія, не-

премѣнно требовало крестьянскихъ подписей, которыхъ такъ боялись. Капиталъ накопленнаго недовѣрія и опасливости былъ такъ великъ, что даже въ позднѣйшее время, при совсѣмъ другихъ условіяхъ, нерѣдко при достиженіи полнаго взаимнаго соглашенія по какому-нибудь вопросу, сдѣлка разстроивалась изъ-за одного отказа въ подписяхъ. Крестьяне говаривали въ такихъ случаяхъ: „Мы на все согласны, пускай будетъ какъ теперь сказано, а рукъ не дадимъ“.—Но почему же? вѣдь на бумагѣ написано то самое, чего вы желаете?—„Пускай и такъ, а мы люди темни, не знаемъ, что съ того будетъ“. Съ другой стороны, выкупные договоры осложнялись тѣмъ, что требовали перехода съ издѣльной повинности на денежную, непривычную населенію. Опредѣленная уставными грамотами барщина была рѣшительно преобладающимъ видомъ крестьянской повинности въ краѣ, а что будетъ при переводѣ на оброкъ или выкупные платежи—объ этомъ представленіе было неясно и усиливало боязнь. Обусловленіе же выкупныхъ предложеній уменьшеніемъ надѣла ставило новое крупное затрудненіе.

Насколько терялись и опасались будущаго крестьяне даже въ случаяхъ нестѣснительныхъ выкупныхъ предложеній со стороны помѣщиковъ, отчасти показываетъ слѣдующій характерный примѣръ. Подольскій русскій помѣщикъ (г. Ге),—о которомъ я потомъ слышалъ, какъ о находившемся въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами, — чтобы успокоить крестьянскія неопредѣленныя сомнѣнія, предложилъ выдать имъ при выкупѣ совершенно оригинальную запись. Она заключала его обязательство, написанное, для большей понятности крестьянамъ, на малорусскомъ языкѣ, принять на свой счетъ передѣлку условій выкупа, если только впослѣдствіи окажется, что его крестьяне будутъ въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ какіе-либо другіе въ окрестности. Выкупъ состоялся, крестьяне припрятали полученную запись, а потомъ, когда вышли новыя правила объ обязательномъ выкупѣ и начались всюду повѣрки уставныхъ грамотъ—предъявили ее начальству. Замѣчательно въ этомъ случаѣ еще то, что по имѣнію г. Ге въ инвентарной выписи сдѣлана была крупная ошибка: въ надѣлѣ, вмѣсто бывшаго числа морговъ, показано было столько же десятинъ, т.-е. по документу инвентарный надѣлъ преувеличенъ былъ почти вдвое, а вслѣдствіе того, при сличеніи инвентарной выписи съ уставною грамотою, возникалъ поводъ считать надѣлъ сильно убавленнымъ противъ должнаго; но крестьяне, на разспросы, твердо увѣряли, что никакого отобранія земли у нихъ не было и владѣютъ они тѣмъ

же, чѣмъ въ инвентарное время.—Но въ другомъ случаѣ вызова крестьянскаго довѣрія вышло иначе. Русская же крупная титулованная помѣщица долго уговаривала крестьянъ согласиться на выкупъ съ уменьшеніемъ надѣла почти на половину. Жаль было крестьянамъ теряемой земли, но, съ другой стороны, ихъ пугали увѣреніями, что полнаго надѣла удержать, при назначенныхъ платежахъ, они будутъ не въ состояніи. Они долго колебались, сходились и расходились въ недоумѣніи, но тутъ помѣщица, по разсказу священника, обратилась къ новому средству: попросила отворить церковь, стала предъ иконою и въ присутствіи всѣхъ побожилась, что при предлагаемыхъ ею условіяхъ—крестьянамъ будетъ всего лучше. „Это,—говорилъ священникъ,—всего больше на нихъ подѣйствовало"; а послѣ выкупной договоръ оказался однимъ изъ самыхъ скверныхъ, такъ какъ по немъ не выходило и одной десятины на душу.—Видно, что были опыты положиться въ неясномъ дѣлѣ на совѣсть, только не всегда удачные. Толки о непосильной повинности за полный надѣлъ имѣли немалое значеніе въ дѣлѣ составленія выкупныхъ договоровъ, и часто крестьяне не имѣли возможности отнестись къ дѣлу съ необходимою сознательностью, а совѣтоваться имъ было не съ кѣмъ, потому что почти ни къ кому не было довѣрія.

И при всемъ томъ выкупные договоры пошли шибко. Сомнѣнія и нерѣшительность во многихъ случаяхъ уступали давленію помѣщиковъ и административныхъ властей, которое проявлялось иногда очень рѣзко. Крестьяне большею частію впослѣдствіи говорили, что вовсе не были согласны на договоры, но если имъ не всегда можно вѣрить, то слова ихъ нерѣдко косвенно подтверждались явною невыгодностью условій договоровъ и даже неестественностью сочетанія этихъ условій. Въ имѣніи одного крупнаго польскаго помѣщика договоры совершались какъ разъ въ то время, когда въ сосѣдствѣ производилась экзекуція съ ея эффектами, и по этимъ договорамъ крестьяне отказывались отъ слишкомъ трехсотъ десятинъ цѣнныхъ фруктовыхъ садовъ инвентарнаго владѣнія, отведенныхъ имъ по уставнымъ грамотамъ. Но тутъ же—какая послѣдовательность!—по тѣмъ же договорамъ, тѣ же самые сады крестьяне брали въ аренду на двѣнадцать лѣтъ и за ту же плату, какая причиталась за надѣльныя десятины. Выходило, что крестьяне одновременно и тяготятся садами, и желаютъ удержать ихъ, насколько можно. Выкупное дѣло настойчиво двигалось даже съ полнымъ пренебреженіемъ къ формальной сторонѣ. Вотъ, напримѣръ, вы-

ступаютъ изъ архива крестьянскіе приговоры о согласіи на выкупъ. Дворовъ въ селеніи сто или полтораста, а подписей подъ приговоромъ двадцать пять или тридцать; текстъ же приговора въ напыщенныхъ выраженіяхъ излагаетъ комплименты помѣщику — кстати, вовсе не славившемуся дружелюбнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ,—и благодарность за такую милость, какъ выкупъ. Натуральный ли это приговоръ, или продиктованный—кѣмъ-то—писарю? Сами крестьяне рѣзко отрицаютъ свое согласіе; невыгодность условій показываетъ, что на нихъ очень мудрено было сознательно и добровольно соглашаться; да если отнестись къ дѣлу и строго формально, то выходитъ, что приговоръ выражалъ не общее желаніе законнаго схода, а согласіе небольшой кучки людей. При общей безграмотности, подписи почти вездѣ представляли одинъ перечень именъ, съ означеніемъ, что за всѣхъ расписался какой-нибудь имярекъ (пономарь, экономическій служитель и т. п.). Въ числѣ подписавшихъ иногда значились бывшіе во время договора давно покойниками, такъ что очевидно бумаги писались зря, какъ-нибудь. Крайнее невниманіе даже къ формальной сторонѣ дѣла показывало, что была полная увѣренность въ возможности устроивать выкупы безъ церемоній. Бывали примѣры, когда условленное договоромъ лишеніе крестьянъ части земли даже не осуществлялось фактически немедленно, и повѣрка заставала такія земли еще въ крестьянскомъ пользованіи. Какъ видно, тутъ, во избѣжаніе ближайшихъ волненій отъ числившагося добровольнымъ соглашенія, осуществленіе послѣдняго откладывалось до наступленія болѣе благопріятной для того поры.

Экзекуціи, въ свою очередь, не оставались безъ вліянія на развитіе выкупного дѣла и подвигали его. Бывало, что въ одномъ селеніи совершается экзекуція и тутъ же составляется „добровольный“ выкупной договоръ съ обычными аттрибутами, а въ сосѣднихъ одновременно пишутся такіе же договоры. Въ подобные жуткіе моменты крестьянскія сомнѣнія и недоразумѣнія относительно выкуповъ уже не представляли такихъ препятствій, какъ тамъ, гдѣ шло спокойнѣе.

Особенное развитіе выкупные договоры получили въ подольской губерніи, гдѣ—кстати сказать—при плодородіи почвы и густотѣ населенія, всякое сокращеніе надѣловъ было интереснѣе. Первый періодъ крестьянскаго дѣла въ краѣ длился всего около двухъ лѣтъ, но въ это время,—изъ котораго не мало пошло еще на введеніе уставныхъ грамотъ — по губерніи успѣло составиться и получить утвержденіе болѣе двухсотъ выкуповъ.

Нѣкоторые состоялись по одностороннему помѣщичьему требованію, безъ участія крестьянъ, хотя въ такихъ случаяхъ помѣщикъ долженъ былъ довольствоваться выкупною суммою, въ 80 процентовъ капитализированной крестьянской повинности. Гдѣ же было соглашеніе, тамъ эти 80 процентовъ выдавались правительственною выкупною ссудою, а остальные 20 вносились большею частію крестьянами, въ видѣ дополнительныхъ платежей. Но приведенная цифра еще не выражаетъ всей широты выкупного движенія, такъ какъ, сверхъ того, много выкуповъ было уже подготовлено, но не успѣло пройти всѣ инстанціи и движеніе ихъ пріостановилось наступленіемъ новой, повѣрочной эпохи. Конечно, не всѣ выкупы заслуживали одинаковой характеристики, но въ общей совокупности ихъ совершался большой шагъ къ дальнѣйшему сокращенію крестьянскаго землевладѣнія.

Въ такомъ направленіи шло дѣло, и трудно сказать, какими бы итогами оно завершилось при продолженіи подобнаго хода, еслибы польское революціонное движеніе не вызвало рѣшительнаго поворота въ правительственной системѣ относительно крестьянскаго дѣла въ краѣ. Политическому мотиву суждено было опять получить въ этомъ дѣлѣ такое же рѣшающее значеніе, какъ въ эпоху инвентарныхъ правилъ, не выходившихъ за предѣлы западныхъ губерній. Много нехорошаго принесло это революціонное движеніе не для одного западнаго края, пробудивъ, кромѣ анти-національныхъ мотивовъ, еще разные другіе реакціонные, отражавшіеся во внутренней политикѣ широко и долго, но нельзя отрицать, что собственно для крестьянскаго дѣла оно принесло пользу, заставивъ оглянуться внимательнѣе на происходившее въ сферѣ этого дѣла и—по тѣмъ или другимъ побужденіямъ—внести туда существенное улучшеніе. Не будь этого движенія, крестьянамъ было бы много хуже.

Въ 1863 году въ юго-западномъ краѣ стали появляться партіи повстанцевъ, и это прибавило къ прежнимъ причинамъ натянутости отношеній между помѣщиками и крестьянами—еще новыя. Въ крестьянахъ вызвана была политическая подозрительность относительно помѣщиковъ; а такъ какъ кромѣ преслѣдованія означенныхъ партій военною силою, признано было нужнымъ учредить еще сельскую стражу изъ крестьянъ, то послѣдніе получили и активную роль. Вооруженные пиками, крестьянскіе отряды обходили вокругъ селеній, наблюдая за подозрительными признаками, и крестьяне чувствовали и говорили, что слѣдятъ за проявленіемъ панскихъ затѣй. Помѣщикъ сознавалъ себя состоящимъ подъ крестьянскимъ надзоромъ, и отношенія

запутались сильнѣе прежняго. Помѣщику надо было требовать барщинныхъ работъ отъ тѣхъ самыхъ, кто наблюдалъ за его поведеніемъ, а мужику — покорно выполнять работы въ пользу того, за кѣмъ онъ зорко присматривалъ. Ненормальность подобнаго положенія, въ свою очередь, указывала на необходимость скорѣе развязать взаимно-обязательныя отношенія и путаницу зависимостей, обративъ господствующихъ и подчиненныхъ — въ деревенскихъ сосѣдей.

Революціонное движеніе вызвало въ правительственныхъ сферахъ и въ общественной средѣ раздраженіе противъ поляковъ; отъ неблагопріятной оцѣнки представителей опредѣленной національности дошло до такой же оцѣнки ихъ въ качествѣ „помѣщиковъ“. Правда, помѣщичьи интересы вообще очень заботливо охранялись правительственными сферами, гдѣ были сторонники ихъ и по отношенію къ западному краю; но когда эти интересы подверглись смѣшенію съ политическими, когда помѣщика сталъ заслонять „полякъ“—положеніе сильно измѣнилось. Направленія въ высшихъ сферахъ хотя боролись, но это было поводомъ лишь къ колебаніямъ, къ замедленію рѣшеній, къ нѣкоторымъ компромиссамъ, а въ общемъ все-таки брала верхъ рѣшимость измѣнить положеніе крестьянскаго дѣла.

Въ это время, большое значеніе пріобрѣло и общественное отношеніе къ дѣлу. Явственно почувствовалось вліяніе печати, которая частію отражала въ себѣ общественное настроеніе, но во многомъ и руководила имъ. Съ этою новою силою стало считаться и правительство. Громче и рѣшительнѣе печать заговорила въ Москвѣ, требуя энергическаго правительственнаго вмѣшательства въ устройство внутреннихъ отношеній въ западномъ краѣ. И общая правительственная система, и дѣйствія мѣстной администраціи критиковались ею довольно рѣзко, несмотря на цензурныя стѣсненія. Вліятельными силами выступили „Московскія Вѣдомости“ Каткова и „День“ Аксакова. Обѣ эти газеты взывали къ правительственной энергіи, но въ характерѣ их требованій замѣчалось и существенное различіе. Катковъ взывалъ, главнымъ образомъ, къ мѣрамъ строгости, къ военнымъ и полицейскимъ воздѣйствіямъ, къ преслѣдованію личностей, ко всему, что̀ можетъ быть направлено противъ зловредности „поляка“, какъ таковаго; центръ тяжести его требованій былъ въ средствахъ усмиренія, подавленія, упраздненія. Пресѣчь вліяніе польскаго элемента во всѣхъ сферахъ являлось основною цѣлью. Аксаковъ же, хотя тоже высказывался иногда за строгости, но больше имѣлъ въ виду вызовъ къ жизни наличнаго русскаго

элемента въ краѣ—крестьянства и духовенства,—чтобы этотъ элементъ могъ стать дѣятельною оппозиціонною силою въ отношеніи къ польскому. Въ одинъ тонъ съ Аксаковымъ говорили и такіе сотрудники его, какъ покойные Ю. Θ. Самаринъ и А. Θ. Гильфердингъ. Читавшій „Московскія Вѣдомости" больше выносилъ мысль, что надо давить все польское, а читавшій „День"—что надо живить все мѣстное русское, помогая ему и великорусскою общественною силою. Одни читатели усвоивали мнѣніе, что надо уничтожать наличную польскую общественную силу, хотя бы тамъ не оставалось иной, а другіе—что слѣдуетъ непремѣнно вызывать другую общественную силу. При всѣхъ этихъ отличіяхъ проповѣди подавленія и оживленія между публицистами обѣихъ газетъ, при тогдашнемъ разгарѣ страстей, оказывалось не мало пунктовъ соприкосновенія и основныя точки зрѣнія выдерживались не очень строго. Правительственныя сферы, въ свою очередь, испытывали давленіе съ этой стороны. Но практически Катковская проповѣдь все-же оказывалась вліятельнѣе: будучи проще, рѣзче, согласнѣе съ привычками, считаясь больше съ вопросами текущей минуты, она была и болѣе наглядна, понятна и удобопріемлема, чѣмъ призывы къ оживленіямъ. Цензура тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева старалась сдерживать рѣшительность печатныхъ рѣчей, но министерская политика сама не имѣла твердой опоры въ какой-либо прочно установленной точкѣ зрѣнія и виляла между теченіями, не рѣшаясь пристать къ одному и опасаясь другого. Верхнія колебанія при ростѣ общественнаго возбужденія характеризовали довольно значительный періодъ времени.

По отношенію къ крестьянскому дѣлу въ итогѣ стало устанавливаться мнѣніе, что неблагонадежный помѣщичій элементъ западнаго края испортилъ это дѣло въ своихъ видахъ, а потому надо поддержать крестьянство, провѣривъ то, что̀ для него было сдѣлано, и измѣнивъ его положеніе съ отношеніями къ помѣщикамъ. Правда, во взглядахъ на этотъ вопросъ сказывалась та же двойственность, какъ объясненная выше. Одни считали нужнымъ улучшить положеніе крестьянъ потому, что помѣщики тамъ—поляки, а другіе находили, что огражденіе крестьянскихъ правъ и интересовъ требуется само по себѣ, въ силу того, что эти интересы нарушены, не ограждены, что требованія ихъ нуждаются въ оцѣнкѣ болѣе безпристрастныхъ судей, чѣмъ мѣстные посредники, сами заинтересованные въ извѣстномъ направленіи крестьянскаго дѣла, и что нужно, наконецъ, поставить когда-нибудь хорошее устройство крестьянъ самостоятельною цѣлью.

По одному взгляду выходило, что измѣненіе крестьянской реформы—нѣчто въ родѣ кары для поляка, а по другому—дѣло справедливости, исправленія долгихъ ошибокъ и живого участія къ крестьянскому населенію. Различіе взглядовъ по данному вопросу сказывалось и между упомянутыми публицистами. Вчитывавшійся въ Катковскія статьи часто выносилъ мысль, что крѣпостничество—удѣлъ только западныхъ губерній и имѣетъ исключительно національное основаніе. Аксаковскій „День", напротивъ, уже много боровшійся прежде съ крѣпостническими тенденціями всѣхъ мѣстностей, больше видѣлъ въ западномъ краѣ лишь усиленное напряженіе ихъ, объясняемое, главнымъ образомъ, совпаденіемъ классовой и національной розни населенія. Всѣ эти различія понятій распространялись въ обществѣ и держались довольно долго, отражаясь, между прочимъ, и на послѣдующихъ работахъ по крестьянскому дѣлу.

Пока шелъ процессъ измѣненія правительственныхъ и общественныхъ взглядовъ, направленіе мѣстной администраціи юго-западнаго края было самое неопредѣленное. Во главѣ ея стоялъ старикъ генералъ-губернаторъ Анненковъ, уже заканчивавшій свою жизненную карьеру и далеко не отвѣчавшій высотѣ своего положенія въ столь серьезную эпоху. Въ дѣлахъ гражданскаго управленія онъ былъ несвѣдущъ и опредѣленными воззрѣніями на интересы края не обладалъ. Бороться военными средствами противъ появлявшихся повстанцевъ или учреждать военные суды надъ обвиняемыми онъ могъ, но дальше не зналъ, что̀ дѣлать, плохо улавливая и правительственныя вѣянія, особенно при тогдашней ихъ розни. Въ трудныхъ случаяхъ онъ терялся, проявлялъ нерѣшительность или бросался съ одной стороны на другую. То онъ несклоненъ къ крутымъ мѣрамъ и проявляетъ мягкость характера, то рѣшаетъ смертныя казни. Какой системы держаться послѣ подавленія повстанскихъ попытокъ, какіе вопросы выдвинуть, съ кѣмъ считаться—было для него непосильною задачею. А тутъ, сверхъ другихъ затрудненій, выступаетъ и въ печати рѣзкая критика дѣйствій кіевской администраціи. Надо было отзываться въ разныя стороны и, между прочимъ, оправдываться оффиціозными статьями, прикрытыми именемъ услужливаго чиновника, выступавшаго въ качествѣ частнаго корреспондента, а на эти неловкія оправданія, выражавшія тоже шатаніе изъ стороны въ сторону, опять сыплются новая критика и новые запросы. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ скорѣе симпатизировалъ помѣщичьей сторонѣ, какъ представитель старыхъ традицій, но и тутъ твердо не могъ стать ни на чемъ, такъ какъ

выступали явно новыя требованія. Не выручали и губернаторы. Плохъ былъ кіевскій, а наиболѣе способнымъ былъ подольскій губернаторъ Брауншвейгъ; только и его положеніе было неловкимъ, такъ какъ при его вліяніи развивались тѣ самые выкупные договоры, и вообще то направленіе крестьянскаго дѣла, о которыхъ сказано выше, для которыхъ онъ прежде ожидалъ благопріятной верхней аттестаціи, но которые теперь уже ждали пересмотра.

Хотя правительственная рѣшимость поставить крестьянское дѣло на новый путь уже выработывалась, но она выразилась не сразу и двигалась полумѣрами. Дать крестьянамъ полную земельную самостоятельность оказалось возможнымъ по частямъ. Обязательный выкупъ объявленъ былъ 1 марта 1863 года только для сѣверо-западнаго края, а юго-западный оставлялся еще въ прежнемъ положеніи. Опять пошли колебанія, опять въ печати заговорили о безцѣльности изъятія юго-западнаго края и о необходимости также оградить его крестьянъ, но для рѣшенія на второй подобный шагъ понадобилось еще пять мѣсяцевъ, и обязательный выкупъ для губерній кіевской, волынской и подольской рѣшенъ былъ 30 іюля 1863 года. Только послѣ этого стали выступать, однѣ за другими, дополнительныя правила, опредѣлявшія самый порядокъ осуществленія выкупа и разрѣшавшія соединенные съ нимъ вопросы, причемъ и эти правила не чужды были отрывочности и недостатка послѣдовательности, вызывавшихъ потомъ поправки и добавки.

Указъ 30 іюля кратко устанавливалъ слѣдующія положенія: всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращались съ 1 сентября и крестьяне сразу переводились съ издѣльной повинности на денежные выкупные платежи, размѣръ которыхъ опредѣлялся установленною прежде оцѣнкою издѣльныхъ работъ, пониженною на 20 процентовъ. Уставныя грамоты признаны подлежащими повѣркѣ и затѣмъ обращенію въ выкупные акты. Но вмѣстѣ съ заботливостью объ исправленіи уставныхъ грамотъ тотъ же указъ оставлялъ въ силѣ „со всѣми послѣдствіями" состоявшіеся выкупы (по соглашенію или по требованію однихъ помѣщиковъ), если только они подверглись утвержденію до 30 іюля. Только относительно выкуповъ, составленныхъ, но еще не утвержденныхъ, требовалось новое удостовѣреніе въ ихъ добровольности и правильности.

Выкупные платежи, исчисленные мировыми посредниками на основаніи уставныхъ грамотъ, подлежали внесенію крестьянами прямо въ казначейство, а послѣднимъ предоставлялось переда-

вать ихъ помѣщикамъ по мѣрѣ поступленія. Казначейство обращалось въ платежнаго посредника. На дѣлѣ, впрочемъ, такая передача осуществлялась рѣдко. Только помѣщики, пользовавшіеся бо̀льшимъ административнымъ участіемъ, получали выкупные платежи фактически; у прочихъ же эти платежи, по разнымъ соображеніямъ, задерживались, отчего помѣщики сразу очутились и безъ крестьянскихъ работъ, и безъ замѣняющихъ ихъ платежей, причемъ должны были еще одновременно уплачивать вновь установленный „процентный сборъ", выводившійся по ихъ доходамъ административно и въ первое время—на̀-скоро, по непровѣреннымъ свѣдѣніямъ, съ большими ошибками. Объясненный порядокъ платежей имѣлъ собственно временный характеръ, такъ какъ полный разсчетъ по выкупнымъ ссудамъ и платежамъ долженъ былъ наступить уже послѣ повѣрокъ и утвержденія выкупныхъ актовъ.

Далѣе, 8 октября того же года, утверждены были правила о самомъ порядкѣ произведенія обязательнаго выкупа. Повѣрять уставныя грамоты должны были мировые съѣзды, измѣненные въ своемъ составѣ. Уѣздные предводители устранялись отъ предсѣдательствованія въ этихъ съѣздахъ и замѣнялись спеціальными предсѣдателями, назначаемыми министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предусматривалась и замѣна прежнихъ мировыхъ посредниковъ лицами, назначаемыми правительствомъ. Съѣздамъ предоставлено было измѣнять грамоты по надѣлу и повинностямъ, „но безъ права возвышать" крестьянскіе платежи противъ того размѣра, какой устанавливался на основаніи уставной грамоты по указу 30 іюля. Только земли, вновь присоединяемыя къ надѣлу, облагались добавочными платежами. Процессъ повѣрки грамотъ устанавливался такой: мировой съѣздъ по каждому имѣнію вызываетъ не менѣе шести крестьянскихъ уполномоченныхъ и предъявляетъ имъ грамоту. Въ случаѣ возраженій съ ихъ стороны и возникшихъ въ съѣздѣ сомнѣній относительно правильности грамоты—объ этомъ сообщается помѣщику, для доставленія имъ объясненій, а мировому посреднику поручается дознаніе на мѣстѣ. По полученіи всѣхъ разъяснительныхъ свѣдѣній, мировой съѣздъ составляетъ заключеніе о степени правильности грамоты и необходимыхъ въ ней измѣненіяхъ, а также объ окончательномъ размѣрѣ выкупныхъ платежей. Сообразно этому заключенію мировой посредникъ исправляетъ грамоту, составляетъ на ея основаніи выкупной актъ и предъявляетъ его сторонамъ, послѣ чего означенный актъ, просмотрѣнный предсѣдателемъ съѣзда, пред-

ставляется въ губернское присутствіе. На обжалованіе выкупного акта сторонамъ давался мѣсячный срокъ. Затѣмъ, единогласныя рѣшенія губернскаго присутствія признавались окончательными, а при отсутствіи единогласія — на эти рѣшенія стороны могли приносить жалобы министерству внутреннихъ дѣлъ. На весь ходъ такихъ повѣрочныхъ дѣйствій назначался годовой срокъ.

При всей внѣшней рѣшительности этихъ новыхъ законовъ, въ нихъ съ перваго взгляда замѣчались внутреннія противорѣчія, предсказывавшія неизбѣжность новыхъ серьезныхъ вопросовъ. Особенно бросалась въ глаза вводимая ими двойственность положенія крестьянъ. Для тѣхъ, которые къ выкупу надѣла не приступали, назначалась повѣрка, возможность исправленія надѣла и ограниченіе платежей убавленною на 20 процентовъ повинностью по уставной грамотѣ,—словомъ, выражалась заботливость о правильности ихъ устройства. А для крестьянъ, уже застигнутыхъ выкупомъ до 30 іюля, которые еще больше нуждались въ повѣркѣ, — условія выкупа оставлялись неприкосновенными, каковы бы онѣ ни были, и этимъ крестьянамъ, кромѣ пользованія обрѣзаннымъ надѣломъ, часто предстояло нести гораздо высшія повинности,—напр., когда по выкупнымъ договорамъ, вдобавокъ къ выкупной суммѣ, назначены были дополнительные платежи въ пользу помѣщика. На жалобы такихъ крестьянъ, мировые съѣзды должны были отвѣчать: „вы согласились на выкупъ, и потому вашихъ жалобъ слушать не будемъ". Это приводило къ новому усиленію крестьянской недовѣрчивости и опасливости относительно всякихъ соглашеній и подписыванія чего-либо. Появились толки: — Вотъ тѣ согласились, отъ нихъ „брали руки", и имъ стало хуже, а кто на соглашенія не шелъ— тѣмъ вышло лучше. Нѣтъ, нельзя „приставать" ни на что, ничего не надо подписывать!

На разные вопросы, вытекавшіе изъ предыдущей практики, новыя правила отвѣта не давали, и этимъ вопросамъ суждено было выступить уже во время самаго хода повѣрочныхъ работъ, отчего онъ сильно осложнялся. Невѣроятнымъ казалось окончаніе такого громоздкаго дѣла въ годовой срокъ, способное осуществиться развѣ при полной исправности подавляющаго большинства повѣряемыхъ грамотъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ было вовсе не то. Стоялъ, наконецъ, большой вопросъ о направленіи предстоявшихъ работъ, потому что отъ исполнительныхъ пріемовъ зависѣло, какъ придать имъ полную серьезность, такъ и свести ихъ къ одной формальности.

1863-й годъ закончился явнымъ переходомъ къ чему-то но-

вому, но это новое было довольно темно. Ничего нельзя было сказать о будущемъ направленіи. Процессъ его выработки при большихъ затрудненіяхъ выпалъ на долю слѣдующаго, 1864 года, который, такъ сказать, „выносилъ" въ себѣ то, что̀ разрѣшалось фактически въ послѣдующее время, и потому имѣлъ для мѣстнаго крестьянскаго дѣла весьма важное значеніе поворотнаго періода.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

Вопросы техническаго образованія.

Когда идетъ рѣчь о техническомъ образованіи, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что оно преслѣдуетъ двоякую цѣль. Это, во-первыхъ, дать техническую подготовку, съ которой учащійся, по окончаніи своего образованія, можетъ оріентироваться во всякаго рода производствахъ, конечно, предварительно поработавъ практически нѣкоторое время въ избранной имъ спеціальности; такую подготовку даютъ высшія техническія учебныя заведенія, такъ называемые, политехникумы. Совершенно иныя цѣли преслѣдуются средними и низшими техническими училищами, равно какъ и школами, предназначенными для взрослыхъ, избравшихъ для своей жизни вполнѣ опредѣленную спеціальность.

Если въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ главною основою образованія являются общіе предметы, дающіе въ общихъ чертахъ понятіе о машиностроеніи, архитектурѣ и т. д., независимо отъ примѣненія таковыхъ къ тому или иному производству; если въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дается общее представленіе о производствахъ, то задачею второго типа техническихъ школъ является—дать учащемуся все необходимое по избранной имъ спеціальности.

Поэтому въ спеціальныхъ школахъ для взрослыхъ, принципы организаціи которыхъ составляютъ предметъ настоящей бесѣды, всѣ предметы должны быть такъ скомбинированы, чтобы учащійся, съ одной стороны, получалъ научное пониманіе процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ производствѣ, и съ другой стороны — выносилъ изъ школы знаніе современныхъ пріемовъ и орудій производства, пріобрѣлъ способность оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ, способность критически относиться ко всякаго рода новымъ пріемамъ и нововведеніямъ. Чѣмъ больше производство по своимъ размѣрамъ, тѣмъ болѣе находитъ себѣ мѣсто распредѣленіе труда и тѣмъ болѣе практикуется спеціализація.

Такъ, на громадныхъ заводахъ въ Германіи и Англіи техники завѣдуютъ совершенно самостоятельно отдѣльными частями производства, не сносясь другъ съ другомъ и подчиняясь только инструкціямъ особаго совѣта или комитета, на обязанности котораго лежитъ давать извѣстное направленіе производству въ его цѣломъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло на заводахъ среднихъ размѣровъ и маленькихъ, которые пока еще составляютъ преобладающій элементъ въ мірѣ индустріи.

Чѣмъ меньше производство, тѣмъ болѣе несетъ на себѣ обязанностей лицо, призванное завѣдывать техническою стороною дѣла, тѣмъ разностороннѣе должны быть его познанія.

Поэтому и спеціальная техническая школа (обучающая одному производству) должна давать учащемуся всѣ необходимыя знанія и притомъ въ формѣ, по возможности доступной и простой. Наиболѣе распространенными и наиболѣе научно обставленными въ настоящее время являются производства, основанныя на броженіи. Поэтому я считаю наиболѣе интереснымъ дать описаніе организаціи трехъ школъ для взрослыхъ, обучающихъ, именно, этой отрасли индустріи, тѣмъ болѣе, что планы преподаванія и организація ихъ повсюду почти одинаковы, и, наконецъ, потому, что мнѣ лично ихъ устройство и значеніе хорошо извѣстны.

Въ кругъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ производствахъ броженія, входятъ явленія физическія (теплота и нѣкоторыя другія), нѣкоторыя химическія явленія и растительно-физіологическія, относящіяся къ жизни низшихъ растеній (грибы).

Процессы пивоваренія и винокуренія затрогиваютъ довольно узкую, хотя и вполнѣ опредѣленную область физико-химическихъ явленій, почему и въ соотвѣтствующихъ школахъ преподаются только нѣкоторые отдѣлы изъ физики и химіи съ объясненіемъ важнѣйшихъ законовъ этихъ наукъ и практическихъ пріемовъ, выработанныхъ на основаніи послѣднихъ.

Совокупность вышеуказанныхъ знаній составляетъ, какъ это принято называть, химическую часть спеціальнаго образованія.

Безъ этихъ знаній пивоваръ или винокуръ не можетъ вести, какъ слѣдуетъ, производства, не можетъ его контролировать, не можетъ давать вѣрной оцѣнки какъ сырымъ продуктамъ, входящимъ въ производство, такъ и продуктамъ, приготовляемымъ на заводѣ.

Однако, пивовару или винокуру недостаточно имѣть одну химическую подготовку: онъ долженъ понимать устройство и практику машинъ, дѣйствующихъ на заводѣ, для того, чтобы эксплоатировать послѣднія съ возможно большей выгодою для завода. На этомъ основаніи въ число предметовъ преподаванія входятъ разъясненіе и описаніе устройства и ухода за машинами, употребляемыми въ производ-

ствѣ, что̀ и составляетъ техническій отдѣлъ обученія въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Наконецъ, пивоваръ или винокуръ долженъ вести производство сообразно спросу и, вообще, вести дѣло съ возможной выгодою для заводовладѣльца,—и для этой цѣли отъ завѣдующаго техника требуется знаніе и хозяйственной стороны дѣла. Послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда ведется болѣе или менѣе правильное счетоводство и когда самъ техникъ достаточно знакомъ съ теоріею и практикою счетоводства. Такимъ образомъ, въ кругъ преподаванія въ этихъ школахъ должна входить бухгалтерія, спеціально приноровленная для того или другого рода производства. Вотъ общій планъ обученія въ такихъ школахъ.

Что потребность въ техническихъ школахъ для взрослыхъ въ Германіи очень велика, это видно изъ того, что большинство такихъ школъ составляютъ частныя учрежденія и часто являются средствомъ существованія для ихъ устроителей.

Такова. между прочимъ, весьма извѣстная мюнхенская пивоваренная школа.

Въ 1869 году владѣлецъ пивовареннаго завода въ Аугсбургѣ, Карлъ Михель, попробовалъ устроить при своемъ заводѣ пивоваренную школу. Удачная организація этой школы, удачный подборъ преподавателей и авторитетъ основателя, какъ глубокаго знатока этой отрасли промышленности, скоро создали хорошую репутацію школѣ. Дѣла послѣдней пошли такъ хорошо, что въ 1881 году оказалось возможнымъ пріобрѣсти въ Мюнхенѣ отличное помѣщеніе и перевести туда школу, которая и до настоящаго времени процвѣтаетъ, несмотря на существованіе государственной „Пивоваренной академіи“ и другой частной школы въ томъ же Мюнхенѣ.

Въ школѣ Михеля два отдѣленія: практическое, предназначенное исключительно для лицъ, не занимавшихся или, вообще, незнакомыхъ съ этимъ производствомъ. Въ это отдѣленіе поступаютъ преимущественно богатые люди, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ желающіе познакомиться практически съ пивовареніемъ.

Число учащихся въ немъ обыкновенно въ годъ колеблется отъ 15 до 17 чел.

Ученики здѣсь, главнымъ образомъ, знакомятся съ производствомъ, принимая участіе во всѣхъ его работахъ.

Главный же контигентъ учениковъ этой школы поступаетъ на ея теоретическое отдѣленіе и состоитъ изъ служащихъ на заводахъ и желающихъ пополнить свои практическія свѣдѣнія теоретическими познаніями. На этомъ отдѣленіи число учащихся колеблется въ годъ отъ 90 до 100 чел. Продолжительность курса на обоихъ отдѣленіяхъ—

6 мѣсяцевъ. Плата за курсъ 125 рублей и около 25 руб. за дополнительные предметы. Ученики по желанію могутъ пользоваться въ школѣ квартирою и столомъ за 25 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, для пріѣзжаго въ Мюнхенъ все обученіе и жизнь обходятся въ триста рублей.

Преподавателями въ школѣ состоятъ, кромѣ директора и завѣдующаго лабораторіею, четверо—профессоровъ изъ политехникума и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Мюнхена.

Эта школа существуетъ исключительно съ доходовъ, получаемыхъ съ учениковъ за слушаніе лекцій, и съ платы за анализы различныхъ продуктовъ, производимые въ школьной лабораторіи.

Ученики Михелевской школы извѣстны какъ лучшіе пивовары въ Баваріи и состоятъ главными пивоварами на самыхъ лучшихъ заводахъ въ этой странѣ, какъ, напримѣръ, на знаменитыхъ заводахъ Шпорра и Зедельмейера. Вообще, я долженъ замѣтить, что въ этой отрасли производства, въ качествѣ главныхъ руководителей дѣла, въ громадномъ большинствѣ случаевъ стоятъ лица, не получившія высшаго техническаго образованія, а выдвинувшіяся изъ среды рабочихъ, благодаря своей энергіи, и получившія спеціальное образованіе въ пивоваренныхъ школахъ. Это—люди, къ которымъ какъ нельзя болѣе подходитъ англійская кличка: self-made.

Если Германія колоссальнымъ ростомъ своего политическаго могущества и матеріальнаго благосостоянія во многомъ обязана своему „школьному учителю“, разнесшему по всей странѣ какъ общее, такъ и спеціальное образованіе, то еще въ большей степени обязана школьному учителю маленькая Богемія въ дѣлѣ пробужденія своего національнаго самосознанія и въ поднятіи матеріальнаго благосостоянія страны.

Въ то время, какъ въ остальной части Австріи процентъ неграмотныхъ достаточно высокъ, въ Богеміи на тысячу человѣкъ неграмотныхъ приходится только нѣсколько.

Богемія въ настоящее время является наиболѣе культурною, богатою и промышленною страною въ Австро-Венгріи. Прогрессъ въ этой странѣ представляетъ значительный интересъ уже потому, что въ развитіи Богеміи главную роль играла частная и мѣстная иниціатива, иногда не только не находившая поддержки со стороны правительства, но даже стоявшая въ прямомъ антагонизмѣ съ послѣднимъ. Однако, несомнѣненъ и тотъ фактъ, что чехи очень многое въ дѣлѣ своего общаго и спеціальнаго образованія позаимствовали у своихъ сосѣдей—сѣверныхъ нѣмцевъ.

По нѣмецкому образцу устроены въ Прагѣ пивоваренная и винокуренная школы.

Въ 1875 году союзъ богемскихъ землевладѣльцевъ, въ видахъ поднятія мѣстнаго хозяйства и улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, рѣшилъ устроить на свои средства винокуренную школу.

Довольно извѣстный чешскій патріотъ и землевладѣлецъ Даубекъ предоставилъ въ распоряженіе школы свой винокуренный заводъ и уступилъ домъ для помѣщенія въ немъ школы и учениковъ. Въ 1881 году найдено было болѣе удобнымъ перенести школу въ Прагу, гдѣ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ читается теорія и производятся лабораторныя работы. По окончаніи теоретическаго курса, ученики отправляются для двухмѣсячной практики на громадный и прекрасно обставленный заводъ г. Рингофера, гдѣ практически знакомятся съ производствомъ, совершая своими руками всѣ обычныя работы въ извѣстной, конечно, послѣдовательности.

Практическій курсъ, благодаря любезности заводовладѣльца, не только не вызываетъ какихъ-либо затратъ со стороны школы, но ея директоръ и ученики пользуются на заводѣ самымъ широкимъ гостепріимствомъ.

При организаціи этой школы, между прочимъ, имѣлось въ виду дать владѣльцамъ (конечно, желающимъ) сельско-хозяйственныхъ заводовъ возможность теоретически и практически ознакомиться съ винокуреніемъ для того, чтобы путемъ улучшенія производства успѣшнѣе конкуррировать съ крупными промышленными заводами.

Въ школѣ пять преподавателей, изъ которыхъ трое состоятъ доцентами въ чешскомъ политехникумѣ. Расходы на содержаніе школы простираются до 10.000 гульденовъ ежегодно.

Съ учениковъ взимается плата въ 80 гульденовъ за все обученіе. Средства на содержаніе школы даются вышеупомянутымъ союзомъ, въ числѣ членовъ котораго состоятъ такіе извѣстные землевладѣльцы, какъ князь Фюрстенбергъ, Даубекъ и другіе.

Школа пользуется вполнѣ заслуженною репутаціею; ея ученики австрійскимъ правительствомъ сравнены въ правахъ государственной службы съ лицами, окончившими высшія техническія учебныя заведенія, и съ честью несутъ обязанности акцизныхъ чиновниковъ.

Нѣсколько учениковъ изъ этой школы состоятъ главными винокурами на лучшихъ заводахъ южной Россіи.

Обѣ вышеописанныя школы устроены на скромныхъ началахъ и располагаютъ скромными средствами.

Въ Пруссіи, странѣ, богатой населеніемъ, деньгами и иниціативою, подобнаго рода учрежденія создаются въ болѣе широкомъ масштабѣ и на это дѣло затрачиваются большія суммы.

Поэтому и неудивительно, что пивоваренно-винокуренная школа

въ Берлинѣ представляетъ собою обширное учрежденіе, болѣе похожее на высшее техническое заведеніе, чѣмъ на простую техническую школу.

Большой интересъ представляетъ исторія возникновенія и устроенія „Institut für Gährungsgewerbe“ въ Берлинѣ, въ своемъ родѣ единственнаго учрежденія въ мірѣ.

Въ 1883 года 120 членами союза пивоваренныхъ заводчиковъ рѣшено было устроить испытательный заводъ и станцію; на это ими ассигновано ежегодно по 7.000 марокъ. Идея нашла сочувствіе со стороны другихъ союзовъ, непосредственно заинтересованныхъ въ обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ а также и правительства. Въ 1887 г., въ дополненіе къ собраннымъ вышеупомянутыми союзами 240.000 марокъ, прусскій ландтагъ ассигновалъ 400.000 марокъ на устройство сначала испытательнаго пивовареннаго завода и школы, а изъ фискальныхъ земель былъ отведенъ участокъ въ шесть десятинъ на окраинѣ Берлина. Вторая ассигновка въ 600.000 марокъ послѣдовала со стороны правительства, когда къ союзу пивоваренныхъ заводчиковъ присоединились союзы крахмалопроизводителей, сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводчиковъ и интересующихся культурою картофеля и ячменя.

Они рѣшили построить испытательные заводы: винокуренный, крахмальный, уксусный, и развести образцовыя плантаціи картофеля и ячменя, а также устроить при нихъ соотвѣтствующія школы. Союзы для выполненія этого предпріятія ассигновали милліонъ марокъ. Въ 1888 г. началъ дѣйствовать пивоваренный заводъ и школа. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ была закончена постройка остальныхъ заводовъ и особаго помѣщенія для школъ и испытательной лабораторіи, которыя временно помѣщались въ зданіи высшаго сельско-хозяйственнаго института въ Берлинѣ.

Средства для содержанія этого грандіознаго института составляются: во-первыхъ, изъ членскихъ взносовъ (число членовъ соединенныхъ союзовъ въ 1887 году было болѣе 6.000), во-вторыхъ изъ платы съ учениковъ школъ, въ-третьихъ изъ платы за анализы, и въ-четвертыхъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ заводовъ института. Годовой оборотъ испытательнаго пивовареннаго завода въ 1897 году—428.000 марокъ, винокуреннаго—220.000 марокъ и т. д.

Для научныхъ цѣлей и преподаванія состояло 32 человѣка. При институтѣ—бюро, занимающееся исключительно статистикой этихъ отраслей промышленности, обработывающей сельско-хозяйственные продукты, а также и тѣсно связанныхъ съ послѣдними отраслей сельскаго хозяйства. Контингентъ учащихся въ школахъ и лабораторіяхъ института ежегодно простирается до 450—500 человѣкъ. Единственное для

поступленія въ школу условіе—предварительная двухлѣтняя практика по соотвѣтствующей спеціальности. Я былъ удивленъ, увидавъ среди слушателей почтенныхъ и убѣленныхъ сѣдинами отцовъ семействъ, изучавшихъ ту или другую отрасль сельско-хозяйственной промышленности. Это—сельскіе хозяева изъ различныхъ провинцій Германіи, которые изучали технику интересовавшаго ихъ производства съ цѣлью поднять таковую въ своемъ имѣніи. При институтѣ издается четыре спеціальныхъ еженедѣльныхъ журнала: по пивоваренію, винокуренію, уксусному и крахмальному производствамъ. Каждый журналъ знакомитъ читателей со всѣми успѣхами и усовершенствованіями техники производства, съ положеніемъ рынка, даетъ массу интереснаго статистическаго матеріала. Каждый изъ этихъ журналовъ является органомъ своего союза.

Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить дѣятельность этихъ союзовъ въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній въ своей странѣ и всю ту пользу, которую они приносятъ экономическому прогрессу Германіи. По статистическимъ даннымъ за послѣдніе годы, выше указанныя отрасли промышленности переработываютъ ежегодно на 630 милл. марокъ произведеній сельскаго хозяйства. Стоимость выработанныхъ продуктовъ составляетъ 1.067 милліоновъ марокъ, причемъ получается отбросовъ, идущихъ на кормъ, на сумму въ 50 милл. марокъ. По разсчетамъ профессора Дельбрюка, удешевленіе производства, благодаря успѣхамъ и усовершенствованіямъ техники въ этихъ областяхъ промышленности, составляетъ за послѣднія 15 лѣтъ минимумъ 10%, что даетъ солидную цифру въ 100 милл. марокъ ежегодной экономіи для государства.

На каждомъ заводѣ ведется одновременно два производства: постоянное, выработывающее продукты опредѣленнаго качества для продажи, и производство испытательное, предназначенное для опытовъ или для демонстраціи ученикамъ различныхъ пріемовъ.

Такая чисто-практическая постановка дѣла даетъ возможность не только существовать этому институту, но и постоянно расширять сферу своей дѣятельности, пріобрѣтать новые усовершенствованные аппараты, обогащать лабораторію цѣнными инструментами и т. д. Въ настоящее время при институтѣ устроены образцовыя плантаціи хмеля, картофеля и ячменя.

Какъ въ пивоваренномъ, такъ и въ винокуренномъ отдѣленіяхъ школы два семестра: зимній и лѣтній, почти съ одинаковою продолжительностью обученія и программою.

Семестръ длится 4 мѣсяца, послѣ чего желающіе спеціально изучать контроль производства и культуру чистыхъ дрожжей, могутъ работать въ спеціально приноровленной для этого лабораторіи.

Дополнительный курсъ длится обыкновенно 2 мѣсяца, хотя, вообще, никакими сроками не ограниченъ.

Въ кругъ преподаванія пивоваренной школы входятъ главныя положенія общей части физики и теоріи теплоты, главные законы химіи и тѣ ея отдѣлы, которые имѣютъ связь съ наиболѣе важными процессами производства.

Практическія занятія по химіи состоятъ въ продѣлываніи анализовъ, наиболѣе употребительныхъ въ производствѣ.

Изъ ботаники читается отдѣлъ о грибахъ, съ объясненіями нѣкоторыхъ общихъ положеній этой науки.

Кромѣ того, читается машиновѣдѣніе, т.-е. описаніе машинъ, употребляемыхъ на пивоваренныхъ заводахъ, съ предварительными объясненіями изъ области практической механики. При этомъ машины демонстрируются на мѣстѣ; ученики, кромѣ того, посѣщаютъ лучшіе пивоваренные заводы въ Берлинѣ, гдѣ имъ даются нужныя объясненія. Изъ чисто спеціальныхъ предметовъ читаются: ученіе о производствѣ (Betriebslehre) и контроль производства (Betriebscontrolle) и, наконецъ, преподается подробное описаніе свойствъ продуктовъ, поступающихъ въ обработку и приготовляемыхъ въ этомъ производствѣ.

Заводское счетоводство составляетъ также важную часть обученія въ этой школѣ. Этотъ предметъ изучается такимъ образомъ, что каждый ученикъ долженъ свести счеты завода института за мѣсяцъ и по методамъ счетоводства, спеціально выработаннымъ для этой цѣли, т.-е. чисто практическій пріемъ обученія.

На винокуренномъ отдѣленіи школы читаются тѣ же общіе предметы, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, сообразно меньшей сложности этого производства, но все преподаваніе ведется совершенно аналогично вышеописанному.

Въ настоящее время берлинскій Пивоваренно-винокуренный Институтъ считается лучшимъ въ мірѣ по отрасли производствъ, основанныхъ на броженіи. Прусское правительство вполнѣ оцѣнило его значеніе и даровало ему наименованіе отдѣльнаго факультета Высшей сельско-хозяйственной школы, и слушатели этихъ курсовъ нынѣ пользуются правомъ считаться студентами берлинской Высшей сельскохозяйственной школы. При этомъ правительство оставило всѣ статуты пивоваренно-винокуреннаго института въ ихъ прежнемъ видѣ. Двѣ трети слушателей составляютъ рабочіе съ заводовъ. По окончаніи курса, ученики награждаются дипломами сообразно выказаннымъ успѣхамъ. Этотъ Институтъ сдѣлался центромъ цѣлаго ряда научныхъ и чисто спеціальныхъ изслѣдованій, касающихся этой отрасли производствъ.

Удачно приноровленная программа преподаванія, систематично ведущіяся репетиціи, исключеніе изъ преподаванія всякаго ненужнаго балласта—имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что ученики изъ школы выходятъ съ достаточнымъ пониманіемъ производства въ его цѣломъ и съ яснымъ представленіемъ о его главныхъ процессахъ, пріемахъ и орудіяхъ, а это и составляетъ главную цѣль подобной школы.

Если и кажется, что курсъ обученія слишкомъ коротокъ, то не надо забывать, что учениками въ такихъ школахъ состоятъ люди взрослые и привыкшіе къ тяжелой и утомительной работѣ. Въ четыре же мѣсяца, при 8—9-часовой ежедневной работѣ въ школѣ, конечно, можно кое-чему научиться.

Мнѣ кажется, что установившійся опытъ такого рода техническихъ школъ для взрослыхъ людей, уже посвятившихъ себя вполнѣ опредѣленной спеціальности, наконецъ, успѣхъ, которымъ онѣ пользуются на западѣ, въ достаточной степени опредѣляютъ мѣсто, занимаемое ими въ ряду техническихъ учебныхъ заведеній, и пользу, ими приносимую въ дѣлѣ промышленности, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Давъ краткій очеркъ постановки техническаго образованія въ школахъ для взрослыхъ по одной отрасли промышленности, я не могу не указать на тотъ фактъ, что удивительные успѣхи нѣмецкой промышленности во многихъ отношеніяхъ являются результатомъ раціональной, по своей общедоступности, постановки техническаго образованія въ этой странѣ.

Нѣмецкая промышленность и торговля за послѣднія 25 лѣтъ сдѣлали громадный прогрессъ въ своемъ развитіи и заняли прочное положеніе на міровомъ рынкѣ.

Германія сдѣлалась серьезнымъ конкуррентомъ Англіи не только на континентѣ, но и во всѣхъ частяхъ свѣта; ея продукты и товары находятъ широкій сбытъ въ Австраліи, Африкѣ и Америкѣ, и въ настоящее время проникаютъ въ Англію. Германскіе товары выдерживаютъ конкурренцію съ англійскими, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже въ мѣстахъ производства послѣднихъ.

Наконецъ, стремленія нѣмецкаго коммерческаго міра направлены въ данный моментъ въ Азію, гдѣ съ ними въ близкомъ будущемъ и прежде всего придется считаться Россіи.

Но, не заглядывая въ будущее, мы желаемъ только указать на то, какимъ образомъ нѣмцы въ очень короткій промежутокъ времени успѣли создать себѣ такое прочное положеніе на міровомъ рынкѣ.

Кромѣ благопріятныхъ политическихъ событій, среди которыхъ первенствующую роль, конечно, играетъ соединеніе разрозненныхъ нѣмецкихъ народовъ въ одну мощную германскую имперію, соедине-

ніе, создавшее единство цѣлей и средствъ къ ихъ достиженію, причиною колоссальнаго развитія нѣмецкой торговли и промышленности является вѣрное пониманіе того, что нужно для прогресса и успѣховъ торговли въ настоящее время.

Естествознаніе въ данный моментъ такъ шагнуло впередъ, что даетъ всѣ средства для приложенія къ практикѣ теоретическихъ свѣдѣній, добытыхъ пытливымъ умомъ человѣка.

И нѣмцы въ этомъ отношеніи сдѣлали все возможное. Они обратили все свое вниманіе на самое широкое распространеніе прикладныхъ знаній въ массахъ народа путемъ устройства всевозможныхъ испытательныхъ станцій, открытіемъ разнаго рода курсовъ и отдѣльныхъ каѳедръ. Для каждой отрасли промышленности въ Германіи созданы особые спеціалисты, которыхъ нерѣдко удостоиваютъ профессорскимъ званіемъ. Такимъ образомъ создались, такъ называемые, ученые практики. Но было бы ошибочно думать, что сравнительно незначительное число „ученыхъ практиковъ" можетъ много сдѣлать въ такой необъятной сферѣ дѣятельности человѣка, какъ сельское хозяйство, промышленность и торговля.

Слѣдовало, кромѣ того, создать и воспитать массу практиковъ, обладающихъ нѣкоторыми теоретическими познаніями, хотя бы въ предѣлахъ той или другой узкой спеціальности.

Съ цѣлью подготовленія этого рода практиковъ и устроенъ цѣлый рядъ техническихъ школъ для взрослыхъ, куда открытъ самый широкій доступъ, не ограниченный никакими испытаніями или экзаменами; единственнымъ условіемъ для поступленія въ эти школы является предварительное практическое знакомство съ тѣмъ или другимъ производствомъ, опредѣляемое обыкновенно извѣстнымъ срокомъ пребыванія на соотвѣтствующемъ заводѣ въ качествѣ или простого рабочаго, или въ какой-либо иной должности.

Въ эти школы идутъ въ большинствѣ случаевъ люди взрослые съ вполнѣ опредѣлившеюся въ ихъ жизни спеціальностью и съ полнымъ сознаніемъ того, что имъ нужно въ этихъ школахъ и зачѣмъ они туда идутъ. Идутъ же они туда съ цѣлью разъясненія тѣхъ темныхъ и непонятныхъ для нихъ практическихъ пріемовъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло во время работы.

Мы думаемъ, что низшія техническія школы только тогда цѣлесообразны, когда предназначаются для взрослыхъ, такъ какъ предопредѣлять человѣку какую-нибудь спеціальность въ жизни, вообще, дѣло рискованное, и несомнѣненъ фактъ, что изъ спеціальныхъ школъ, предназначенныхъ для юношей, выходитъ всегда много неудачниковъ. Въ пользу устройства техническихъ школъ для взрослыхъ говоритъ уже и то обстоятельство, что ихъ содержаніе обходится втрое де-

шевле вслѣдствіе того, что взрослый, да еще съ практической подготовкой, усвоиваетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ то, для чего мальчику требуются цѣлые годы.

Какъ бы то ни было, но въ Германіи техническія школы для взрослыхъ получили самое широкое распространеніе въ каждой отрасли промышленности, и въ результатѣ создалась масса свѣдущихъ и опытныхъ мастеровъ.

Такая постановка техническаго образованія и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ настоящихъ успѣховъ нѣмецкой промышленности.

Широкое распространеніе и разработка прикладного естествознанія даютъ возможность при помощи усовершенствованныхъ способовъ производства приготовлять дешевле и лучше различные товары.

Въ Германіи однѣ только пивоваренныя школы посѣщаются до 400 учениками ежегодно. Въ десять лѣтъ это составитъ лишь для одного производства до 4.000 чел. (продолжительность обученія въ пивоваренныхъ школахъ не превышаетъ никогда одного года), понимающихъ дѣло и стоящихъ на уровнѣ современной технической науки и, кромѣ того, находящихся у дѣла, такъ какъ большинство учениковъ—рабочіе или служащіе, только временно покинувшіе свои мѣста, чтобы, по окончаніи курса, вернуться на свой или какой-либо другой заводъ; имъ всегда отдается предпочтеніе передъ лицами, не прошедшими курса школы. Въ настоящее время въ Германіи почти нѣтъ главныхъ пивоваровъ и винокуровъ, не посѣщавшихъ соотвѣтственной школы.

Совершенно такая же система образованія практикуется въ машиностроительномъ, желѣзодѣлательномъ производствахъ, въ электротехникѣ и т. д.

Интереснымъ является то обстоятельство, что отвѣтственными лицами въ этихъ отрасляхъ промышленности бываютъ очень часто не лица, получившія образованіе въ политехникумахъ или въ высшихъ спеціальныхъ школахъ, а именно лица, работавшія въ качествѣ рабочихъ и пополнившія свои знанія впослѣдствіи въ техническихъ школахъ для взрослыхъ. Многіе ученики этихъ школъ занимаютъ выдающіяся мѣста въ различныхъ отрасляхъ промышленности, служатъ въ акцизѣ, а нѣкоторые даже получили каѳедры и профессорское званіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что высшія техническія заведенія не нужны,—напротивъ того, безъ нихъ немыслимо существованіе техническихъ школъ для взрослыхъ, и оба вида техническаго образованія должны существовать одновременно.

У насъ рѣшено расширить старыя существующія высшія техни-

ческія учебныя заведенія и устроить нѣсколько новыхъ. Но все ли это, что̀ намъ нужно? Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ для Россіи устроить, по примѣру Германіи, и техническія школы для взрослыхъ, хотя бы по важнѣйшимъ отраслямъ промышленности? Устроить послѣднія можно частью при политехникумахъ, частью при естественныхъ факультетахъ университетовъ, что̀ обойдется очень недорого.

Конечно, прежде всего, потребуется подготовить преподавателей, т.-е. просто послать (охотниковъ найдется всегда достаточно) по каждому производству двухъ-трехъ лицъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ практиковать на лучшихъ заводахъ за границею и пройти соотвѣтственную школу для взрослыхъ,—что̀ будетъ далеко не лишнимъ,—такъ какъ въ подобныхъ школахъ дается многое такое, чего высшія учебныя заведенія не даютъ и не могутъ давать. Такое прохожденіе школы, кромѣ того, дастъ возможность познакомиться детально съ устройствомъ и порядкомъ преподаванія въ подобнаго рода техническихъ учебныхъ заведеніяхъ для взрослыхъ; наконецъ, чтобы оцѣнить всю пользу, ими приносимую, надо видѣть, съ какимъ багажомъ знаній вступаютъ ученики въ эти школы и съ какимъ выходятъ изъ нихъ. Обычныя посѣщенія и бѣглые осмотры, конечно, не даютъ о нихъ полнаго представленія.

Устройство подобныхъ школъ требуетъ затратъ сравнительно малыхъ. Сами заводчики и владѣльцы промышленныхъ предпріятій могутъ устроивать такія школы и на собственныя средства, съ нѣкоторою поддержкою со стороны правительства.

Подобнаго рода затраты, несомнѣнно, окупятся съ избыткомъ для страны и промышленниковъ.

Конечно, устройство этихъ школъ, какъ и всякое новое дѣло, причинитъ нѣкоторыя хлопоты, но черезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ даже надобности посылать для этой цѣли молодыхъ людей за границу, и можно будетъ устроивать школы на основаніи собственнаго опыта и полученныхъ результатовъ. Что̀ же сдѣлано до сихъ поръ у насъ въ смыслѣ технической подготовки практическихъ дѣятелей въ нашихъ главныхъ отрасляхъ обработывающей промышленности (сельскохозяйственныхъ продуктовъ), какъ, напримѣръ, для винокуренія, пивоваренія и дрожже-винокуреннаго производства, крахмальнаго и т. д.?

Должно сознаться, что ровно ничего не сдѣлано, если не считать мало даже кому извѣстныхъ винокуренныхъ курсовъ при красноуфимскомъ реальномъ училищѣ (если я не ошибаюсь). Въ Россіи болѣе 2.000 винокуренныхъ заводовъ съ общею производительностью около 40.000.000 ведеръ абсолютнаго спирта въ годъ. Въ качествѣ вино-

куровъ и ихъ помощниковъ дѣйствуютъ въ громадномъ большинствѣ люди, не имѣющіе никакого представленія о современной техникѣ этого производства, и поэтому послѣднее стоитъ у насъ въ Россіи очень низко.

По сравнительнымъ разсчетамъ, сдѣланнымъ для нѣкоторыхъ русскихъ и германскихъ заводовъ, не трудно убѣдиться, что винокуренное производство въ Россіи можетъ быть, въ среднемъ, удешевлено на 15—20% только посредствомъ болѣе раціональнаго веденія процесса броженія, топки, перегонки и т. д., однимъ словомъ, только измѣнивъ рутинные техническіе пріемы и безъ существенныхъ затратъ на перестройку заводовъ и покупку машинъ и аппаратовъ. Конечно, такое удешевленіе производства возможно только при наличности подготовленныхъ и знакомыхъ съ современною техникою винокуровъ. Съ успѣхами винокуреннаго производства у насъ лица, занимающіяся этимъ дѣломъ, знакомятся только по календарямъ, не всегда добросовѣстно издаваемымъ, и по кое-какимъ брошюрамъ и учебникамъ, въ большинствѣ случаевъ непонятнымъ и непригоднымъ для нихъ, не приносящимъ не только пользы, но даже вредящимъ авторитету науки. Правила и совѣты, даваемые этими книгами, имѣютъ смыслъ только тогда, когда они примѣняются послѣ взвѣшиванія и разсмотрѣнія всѣхъ условій производства на томъ или другомъ заводѣ. Для того, чтобы хорошо оріентироваться среди этихъ условій, надо имѣть извѣстную систематическую техническую подготовку, которую только и можетъ дать спеціально для этой цѣли приноровленная школа. Для лицъ, прошедшихъ школу такого рода, учебники и книги, несомнѣнно, принесутъ громадную пользу. При настоящемъ уровнѣ знаній русскихъ винокуровъ, пивоваровъ и т. д., книга остается мертвою буквою; практики всегда консервативны, и это весьма понятно, такъ какъ, вообще, трудно вѣрить тому, чего не знаешь или не понимаешь.

Россія въ обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто по количеству производимыхъ продуктовъ, и лицамъ, которымъ дороги интересы производствъ, тѣсно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, слѣдовало бы позаботиться объ устройствѣ подобныхъ техническихъ школъ для взрослыхъ, уже занимающихся этими отраслями промышленности,—по примѣру Германіи, которому послѣдовали Франція, Бельгія. Австрія и съ недавняго времени даже Англія.

Если считать, что одно винокуренное производство можетъ быть удешевлено путемъ болѣе раціональнаго веденія дѣла только на 10 проц., то выгода для государства будетъ простираться до 4.000.000 р. ежегодно, и стоимость устройства школъ вознаградится сторицею.

Выиграютъ не только предприниматели, которымъ представится возможность съ большимъ успѣхомъ конкуррировать на заграничныхъ рынкахъ и извлекать большій заработокъ у себя дома, но и казна, которая можетъ покупать спиртъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Едва ли нужно упоминать о томъ, что болѣе раціональное веденіе сельскаго хозяйства и другихъ производствъ должно поднять экономическое благосостояніе страны.—Н. Климовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

Событія въ Китаѣ и европейская дипломатія.—Правительственныя сообщенія о китайскихъ дѣлахъ.—Военныя и дипломатическія недоразумѣнія.—Роль Японіи въ китайскомъ вопросѣ.—Смерть короля Гумберта.

Нѣтъ ничего легче, какъ обнаруживать дальновидность заднимъ числомъ и обвинять другихъ въ недостаткѣ предусмотрительности по отношенію къ фактамъ, которыхъ мы сами почти не замѣчали, хотя они подготовлялись издавна на нашихъ глазахъ. Послѣднія китайскія событія поразили всѣхъ своею неожиданностью; никто не предполагалъ, что народъ, смиренно подчинявшійся до сихъ поръ всевозможнымъ европейскимъ требованіямъ и угрозамъ, поднимется вдругъ съ такою яростью противъ иностранцевъ и броситъ дерзкій вызовъ соединеннымъ великимъ державамъ культурнаго міра. Были пророчества объ опасности пробужденія „желтой расы"; были отдѣльныя указанія и совѣты благоразумія, но не было пониманія важности кризиса, приведшаго теперь къ военнымъ дѣйствіямъ въ Китаѣ. Опасность представлялась слишкомъ отдаленною и, такъ сказать, теоретическою; она имѣла характеръ видѣнія или кошмара, съ которымъ совершенно не считались дипломаты-практики.

Въ 1895 году газеты сообщали объ оригинальномъ аллегорическомъ рисункѣ императора Вильгельма II: группа женщинъ, изображающихъ главныя европейскія націи, съ ужасомъ видитъ поднимающійся съ востока страшный образъ Будды, на который указываетъ имъ ангелъ, стоящій на вершинѣ горы съ мечомъ въ рукѣ; подъ рисункомъ помѣщены слова: „Народы Европы, защищайте свои самыя священныя блага". Императоръ Вильгельмъ II, предсказавшій такимъ образомъ столкновеніе христіанскаго Запада съ языческимъ дальнимъ Востокомъ, распорядился послѣ того послать военный отрядъ для занятія Кіао-Шау и слѣдовательно первый приступилъ къ фактическому раздѣлу прибрежной территоріи Китая, не опасаясь, очевидно, ни противодѣйствія грознаго Будды, ни кровавой борьбы съ „желтой расой". Германскіе инструкторы обучали китайцевъ военному дѣлу и способствовали превращенію ихъ нестройныхъ войскъ въ настоящую регулярную армію, что̀ тоже не свидѣтельствовало о серьезности опасеній насчетъ будущей роли Китая относительно Европы. Германское посольство въ Пекинѣ дѣйствовало круто и достигало этимъ ви-

димаго успѣха, пока наконецъ не произошло несчастіе съ посланникомъ Кеттелеромъ на улицѣ Посольствъ, 5 (18) іюня. Представитель Германіи первый палъ жертвою грозы, которую раньше другихъ предвидѣлъ германскій императоръ и которую онъ какъ будто желалъ предупредить своими энергическими рѣшеніями и дѣйствіями. Посылая къ берегамъ Китая „закованный въ броню кулакъ", въ видѣ броненосной эскадры, или поручая своему брату, принцу Генриху, поддержать престижъ Германіи предъ богдоханомъ и его мандаринами, Вильгельмъ II руководствовался тѣмъ общимъ правиломъ, что обаяніе внѣшней силы и твердый, рѣшительный тонъ вѣрнѣе всего обезпечиваютъ пассивную покорность народовъ и правительствъ на востокѣ. Такая политика, выработанная житейскою мудростью дипломатіи, всегда примѣнялась западно-европейскими кабинетами въ сношеніяхъ съ отсталыми государствами Азіи, и въ этомъ случаѣ Германія пользовалась лишь опытомъ чужихъ странъ и особенно Англіи. Почему же то, что̀ до послѣдняго времени признавалось вполнѣ цѣлесообразнымъ и столь блистательно оправдывалось на практикѣ, произвело вдругъ кровавый взрывъ и поставило Европу лицомъ къ лицу съ организованнымъ возстаніемъ „желтой расы"? Справедливо ли обвинять въ этомъ однихъ нѣмцевъ или англичанъ?

Мы несравненно больше Германіи и Англіи заинтересованы были въ сохраненіи мира и порядка въ Китаѣ, не только въ виду прямого сосѣдства съ китайскими владѣніями на громадномъ пространствѣ нашихъ азіатскихъ границъ, но и въ виду предпринятаго нами сооруженія желѣзной дороги въ Манчжуріи, на китайской территоріи. Однако, событія застали насъ врасплохъ; мы спокойно тратили огромныя средства на предпріятіе, ничѣмъ не гарантированное отъ произвола и насилій китайскихъ властей и мятежныхъ туземныхъ полчищъ; мы какъ будто ничего и не знали о военныхъ приготовленіяхъ по китайскому берегу Амура, о воздвигнутыхъ тамъ фортахъ, объ усовершенствованныхъ орудіяхъ, направленныхъ противъ русскихъ пограничныхъ городовъ и поселеній, о постоянныхъ передвиженіяхъ китайскихъ войскъ вдоль нашей границы и въ предѣлахъ Манчжуріи,— и въ то самое время какъ китайцы готовились разрушить наши желѣзно-дорожныя сооруженія и бомбардировать Благовѣщенскъ, у насъ еще толковали о старинной дружбѣ съ Китаемъ и о необходимости предоставить западно-европейскимъ націямъ пожинать плоды заслуженной ими ненависти китайскаго населенія. Увѣренность, что китайцы въ своей враждѣ къ иноземцамъ дѣлаютъ исключеніе для насъ, русскихъ, была внезапно нарушена извѣстіемъ о бомбардировкѣ Благовѣщенска (съ 2 іюля) и о начатыхъ китайцами военныхъ дѣйствіяхъ спеціально противъ Россіи, къ чему мы, съ своей стороны, не были

надлежащимъ образомъ подготовлены. Довѣрчивый оптимизмъ былъ отплаченъ тяжелыми потерями и печальною необходимостью защиты нашихъ собственныхъ предѣловъ отъ нападеній китайскихъ войскъ.

Дипломатіи вообще несвойственно пониманіе психологіи чужихъ народовъ; практическіе дѣятели, въ томъ числѣ и желѣзно-дорожные, не придавали значенія мѣстнымъ требованіямъ и обстоятельствамъ, которыми наиболыше способны были волноваться туземцы; при устройствѣ желѣзно-дорожнаго пути приходилось часто занимать участки земли, заключающіе въ себѣ могилы и долженствующіе поэтому остаться неприкосновенными, по понятіямъ китайцевъ, а пренебреженіе къ культу предковъ возбуждало фанатическія чувства, готовыя вырваться наружу при первомъ подходящемъ случаѣ. Народныя волненія въ разныхъ мѣстахъ Китая несомнѣнно вдохновлялись и объединялись пекинскимъ правительствомъ, съ цѣлью изгнать или истребить иноземцевъ подъ прикрытіемъ неодолимаго революціоннаго движенія. Мнимые „боксеры“ обладали отличною артиллеріею, которою дѣйствовали превосходно, и уже этотъ одинъ фактъ долженъ былъ уничтожить иллюзію, что противъ европейцевъ возстали какіе-то мятежники, безъ участія высшихъ китайскихъ властей. Въ первыхъ же встрѣчахъ съ международными военными отрядами участвовали отборныя части регулярной китайской арміи; германскій посланникъ Кеттелеръ убитъ китайскими солдатами, и зданія посольствъ въ Пекинѣ подверглись правильной и продолжительной осадѣ, съ неоднократными попытками штурма, который всякій разъ подготовлялся жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ. Дипломатія не только не предвидѣла разыгравшейся войны, но и не хотѣла понять ея значенія; она до конца полагалась на китайскія увѣренія о бунтѣ какихъ-то „боксеровъ“ и серьезно основывалась на оффиціальныхъ пекинскихъ указахъ, предназначенныхъ спеціально для иностранцевъ и явно противорѣчащихъ секретнымъ распоряженіямъ, послѣдствія которыхъ давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Близорукость была общимъ удѣломъ дипломатовъ въ китайскомъ вопросѣ.

Въ какой мѣрѣ иностранные представители въ Пекинѣ ошибались въ оцѣнкѣ происходившихъ событій не задолго до начала прямыхъ военныхъ дѣйствій Китая, можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія, обнародованнаго 21 іюня нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ:

„Вслѣдъ за полученіемъ въ серединѣ мая достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что возстаніе боксеровъ принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры, старшиной мѣстнаго дипломатическаго корпуса созваны были иностранные представители для обсужденія вопроса о вызовѣ, со-

гласно ходатайству католическихъ миссіонеровъ, морского дессанта. На состоявшемся дипломатическомъ собраніи было рѣшено ограничиться предъявленіемъ къ китайскому правительству требованія о принятіи строжайшихъ мѣръ къ немедленному прекращенію безпорядковъ. Вслѣдствіе сего, отъ имени иностранныхъ представителей цунгъ-ли-ямену была передана 8-го мая нота слѣдующаго содержанія:

„Дипломатическій корпусъ, основываясь на изданныхъ уже китайскимъ правительствомъ указахъ объ уничтоженіи общества боксеровъ, требуетъ:

1) арестованія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ названному обществу и производящихъ безпорядки на улицахъ, а равно распространителей афишъ, объявленій, печатныхъ изданій и воззваній, содержащихъ угрозы по адресу иностранцевъ;

2) арестованія домовладѣльцевъ, надзирателей кумиренъ и другихъ лицъ, которыя предоставили бы свое помѣщеніе для сборищъ бунтовщиковъ, и приравненія къ симъ послѣднимъ всѣхъ виновныхъ въ поощреніи къ мятежу;

3) строгаго наказанія полицейскихъ чиновъ, которые оказались бы виновными въ небрежномъ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ или въ единомысліи съ возставшими;

4) казни виновныхъ въ покушеніяхъ (убійства, пожары) на жизнь и имущества;

5) казни лицъ, руководящихъ дѣйствіями боксеровъ и снабжающихъ ихъ денежными средствами;

6) оповѣщенія населенія столицы, чжилійской и другихъ сѣверныхъ провинцій объ этихъ мѣрахъ путемъ печатныхъ объявленій".

„На томъ же засѣданіи, посланники пришли къ соглашенію обсудить средства вызова дессантовъ въ Пекинъ, если указанныя ими мѣры не будутъ приведены китайцами въ исполненіе въ теченіе пяти дней. Послѣ засѣданія нашъ представитель съ своей стороны вновь обратилъ самое серьезное вниманіе китайскихъ министровъ на необходимость немедленно принять самыя рѣшительныя мѣры къ подавленію возстанія.

„Въ отвѣтной нотѣ отъ 11-го мая декану дипломатическаго корпуса цунгъ-ли-ямень сообщилъ, что, „ознакомившись съ сообщеніемъ посланниковъ и усматривая важное значеніе, которое придаютъ иностранные представители этому вопросу, правительство удостовѣряетъ, что уже до полученія этой ноты 4-го мая былъ изданъ декретъ, повелѣвающій ямену, военному губернатору, пекинскому префекту и цензорамъ пяти городовъ выработать мѣры для строгаго подавленія возстанія, и что выработанныя ими мѣры въ главныхъ чертахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ посланниковъ. Цунгъ-ли-ямень вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваетъ чжилійскому вице-королю и мѣстнымъ административнымъ властямъ принять строгія мѣры и запрещаетъ прикрывать бездѣйствіе одними словами. Въ концѣ выражается увѣренность, что общество боксеровъ будетъ такимъ образомъ уничтожено и что дальнѣйшихъ безпорядковъ не произойдетъ".

„Такой уклончивый отвѣтъ не могъ удовлетворить иностранныхъ

представителей, а потому они вновь были созваны для окончательнаго рѣшенія способа вызова дессантовъ.

„За полчаса до этого засѣданія китайскіе министры прислали къ посланнику нашему одного изъ старшихъ секретарей цунгъ-ли-ямена съ извѣщеніемъ, что приняты уже строгія мѣры къ подавленію возстанія. Это поспѣшное сообщеніе было повидимому вызвано желаніемъ китайскаго правительства отклонить иностранныхъ представителей отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ.

„Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ: мятежники окружили какъ бы огненнымъ поясомъ окрестности столицы и разбили на-голову отрядъ китайскихъ регулярныхъ войскъ, высланный противъ нихъ. При этомъ полковникъ, командовавшій отрядомъ, и шестьдесятъ нижнихъ чиновъ были звѣрски умерщвлены фанатиками. Таково было положеніе въ столицѣ Поднебесной имперіи наканунѣ полнаго разобщенія ея съ внѣшнимъ міромъ, вызвавшимъ опасеніе за судьбу иностранныхъ представителей и европейской колоніи въ Пекинѣ".

Требованіе суровыхъ мѣръ противъ „возстанія", руководители котораго засѣдали въ самомъ цзунъ-ли-ямынѣ или состояли ближайшими совѣтниками вдовствующей императрицы, могло только усилить опасность, угрожавшую европейцамъ, и обратить ее противъ самихъ посольствъ; а требованіе арестовъ и казней едва ли соотвѣтствовало положенію представителей христіанскихъ націй, которые, разумѣется, отлично знали, что въ Китаѣ не существуетъ правильнаго суда и что пекинскому правительству ничего не стоило бы снять нѣсколько сотъ случайно попавшихся головъ для успокоенія иноземной дипломатіи, безъ ущерба для истинныхъ вождей и участниковъ воинственно-патріотическаго движенія.

Въ дальнѣйшихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ допускается уже существованіе нѣкоторой солидарности между предводителями „боксеровъ" и органами центральнаго правительства, но послѣднее само по себѣ не признается еще отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ сановниковъ, предполагаемыхъ „мятежными" (хотя, повидимому, безъ достаточныхъ къ тому данныхъ). Съ одной стороны, возстаніе изображается разросшимся до того, что оно почти цѣликомъ поглотило собою китайскую правительственную организацію и, слѣдовательно, перестало быть мятежомъ, а съ другой—проводится все-таки взглядъ, что великія державы имѣютъ противъ себя не китайское правительство и его регулярную армію, а мятежныхъ китайскихъ мандариновъ, вице-королей и генераловъ съ мятежными войсками. Приводимъ эти сообщенія, въ качествѣ документовъ, объясняющихъ постепенное развитіе кризиса до нынѣшнихъ его размѣровъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 25 іюня напечатано:

„По мѣрѣ поступленія изъ оффиціальныхъ источниковъ подробныхъ сообщеній о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи настоящаго

возмущенія въ Китаѣ, все болѣе представляется очевиднымъ, что анти-христіанское движеніе въ имперіи давно и систематически подготовлялось мѣстными національными партіями, выражавшими неудовольствіе по поводу поощренія правительствомъ промышленной и преимущественно миссіонерской дѣятельности иностранцевъ. Главными руководителями этихъ партій явились нѣкоторые изъ китайскихъ сановниковъ, находившихся не у дѣлъ и замышлявшихъ свергнуть законное правительство и захватить въ свои руки власть.

„Иностранные представители въ Пекинѣ, хотя и были освѣдомлены о возникшемъ движеніи, но, судя по имѣющимся даннымъ, не предполагали, что оно приметъ столь угрожающіе размѣры, тѣмъ более, что однородное движеніе въ 1899 году было быстро подавлено суровыми мѣропріятіями центральнаго правительства.

„Вслѣдъ за полученными ими извѣстіями о нападеніяхъ на миссіонеровъ и кровавой расправѣ съ нѣкоторыми иностранно-подданными, проживавшими въ провинціяхъ, посланники въ теченіе долгаго времени ограничивались обычными представленіями въ цзунъ-ли-ямынь, усматривая въ этихъ прискорбныхъ явленіяхъ единичные факты столкновеній между фанатиками-китайцами и христіанами, изъ года въ годъ повторяющіеся въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности европейцевъ.

„Еще 13-го мая россійскій посланникъ извѣщалъ императорское правительство, что иностранные представители въ Пекинѣ не видятъ основаній считать центральное правительство безсильнымъ подавить возстаніе боксеровъ. Командированная за нѣсколько времени предъ этимъ въ Таку русская канонерка, на случай необходимой защиты русско-подданныхъ, была, по распоряженію нашей миссіи, отправлена обратно въ Портъ-Артуръ, причемъ и ни одинъ изъ европейскихъ представителей присылки судна не требовалъ. Г. Гирсъ, какъ и всѣ его сотоварищи, тѣмъ не менѣе поспѣшили вызовомъ въ Пекинъ десантовъ, въ 75 человѣкъ каждый, что въ минувшемъ году оказалось совершенно достаточнымъ для охраны безопасности миссій.

„Между тѣмъ дѣятельная переписка посланниковъ съ цзунъ-ли-ямынемъ продолжалась. Министры завѣряли въ полной готовности своей подавить возстаніе, и дѣйствительно принимали къ тому возможныя мѣры.

„Но, къ сожалѣнію, мятежники успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ изъ болѣе независимыхъ генералъ-губернаторовъ провинцій, которые значительно облегчили имъ достиженіе преступной цѣли, поощряя къ тому и находящіяся въ ихъ распоряженіи правительственныя войска.

„Цзунъ-ли-ямынь видимо оказался безсильнымъ бороться съ распространившеюся по всей имперіи смутою. Тѣмъ не менѣе, отъ посланника нашего въ Пекинѣ 20-го мая получено было извѣстіе, что съ приходомъ дессантовъ въ столицѣ стало спокойнѣе и что лишь во дворцѣ продолжается борьба между покровителями боксеровъ и ихъ противниками. Затишье это, однако, продолжалось недолго, ибо не далѣе какъ чрезъ недѣлю дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ уже телеграфировалъ не безъ тревоги, что „роль посланниковъ окон-

чена и дѣло должно перейти въ руки адмираловъ. Только быстрый приходъ сильнаго отряда можетъ спасти иностранцевъ въ Пекинѣ".

„Въ виду сего, посланникъ былъ немедленно предупрежденъ по телеграфу, что начальнику квантунской области предложено предоставить въ распоряженіе миссіи отрядъ въ 4 тысячи человѣкъ, по первому ея требованію.

„Телеграмма эта, какъ видно изъ опубликованныхъ въ правительственномъ сообщеніи данныхъ, пришла, къ сожалѣнію, поздно: мятежникамъ удалось въ большомъ числѣ окружить столицу, разрушить всѣ пути сообщенія съ Пекиномъ и подвинуться къ Тянь-Цзиню, мѣсту сосредоточенія международныхъ войскъ.

„Тѣмъ не менѣе, отправленному изъ Квантуна, по распоряженію вице-адмирала Алексѣева, русскому отряду поручено было принять всѣ мѣры къ возстановленію сношеній съ Пекиномъ, озаботиться огражденіемъ россійскаго представительства и русско-подданныхъ отъ угрожавшей имъ опасности и, такимъ образомъ, въ предѣлахъ возможности оказать содѣйствіе центральному правительству въ непосильной борьбѣ его съ мятежниками.

„Однако, къ быстрому осуществленію этой задачи на первыхъ же порахъ встрѣтились серьезныя препятствія, какъ въ виду занятія мятежниками укрѣпленій Таку, такъ равно и сосредоточенія уже значительнаго числа ихъ въ самомъ Тянь-Цзинѣ.

„Одновременно стали поступать извѣстія о выступившемъ изъ Пекина громадномъ скопищѣ боксеровъ, на которыхъ, повидимому, долженъ былъ натолкнуться малочисленный международный отрядъ подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура. Положеніе дѣлъ въ самой столицѣ ухудшалось съ каждымъ днемъ; законное правительство не въ силахъ было сдержать народное движеніе. Императрица-регентша, по распространившимся въ это время слухамъ, бѣжала будто бы изъ Пекина, и захватившій въ свои руки власть принцъ Туанъ обратился съ воззваніемъ къ истребленію всѣхъ иностранцевъ.

„Среди многочисленныхъ тревожныхъ сообщеній, переданныхъ изъ разныхъ источниковъ, проникла одна утѣшительная вѣсть о томъ, что, по распоряженію нѣкоторыхъ членовъ цзунъ-ли-ямыня, иностраннымъ посланникамъ была предоставлена возможность выѣхать изъ Пекина подъ конвоемъ какъ ихъ собственныхъ дессантовъ, такъ и китайскихъ войскъ. Это обстоятельство подавало надежду, что отряду адмирала Сеймура удастся встрѣтить на своемъ пути выѣхавшихъ изъ Пекина иностранныхъ представителей и содѣйствовать водворенію ихъ въ безопасный пунктъ.

„Къ несчастью, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Вышедшимъ изъ Тянь-Цзиня международнымъ войскамъ, подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго, и успѣвшимъ своевременно оказать помощь англійскому адмиралу, не удалось получить какихъ-либо положительныхъ свѣдѣній о судьбѣ иностранныхъ представителей.

„Впрочемъ, поступившія вслѣдъ затѣмъ извѣстія изъ разныхъ источниковъ съ достовѣрностью указывали на ложность слуховъ о выѣздѣ посланниковъ; какъ нынѣ оказывается, германскій представитель баронъ Кеттелеръ былъ убитъ мятежниками 5-го іюня; остальные же, повидимому, успѣли укрыться въ зданіи одной изъ уцѣлѣвшихъ отъ

поджога миссій, выдерживая осаду многочисленной толпы мятежниковъ.

„Всѣ заботы и усилія международныхъ войскъ съ минуты вступленія ихъ на китайскую территорію направлены были къ тому, чтобы спасти представителей державъ и всѣхъ проживающихъ въ осажденной столицѣ иностранцевъ отъ звѣрской расправы обезумѣвшихъ мятежниковъ.

„По полученнымъ, однако, отъ адмираловъ послѣднимъ сообщеніямъ, численность всѣхъ иностранныхъ войскъ въ Тянь-Цзинѣ и Таку достигаетъ лишь 20.000 человѣкъ; китайскихъ же мятежныхъ силъ на пространствѣ между названными пунктами и Пекиномъ насчитывается свыше 150.000 человѣкъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ тяжелое сомнѣніе въ возможности съ успѣхомъ двинуть международный отрядъ по направленію къ Пекину до прибытія болѣе значительныхъ подкрѣпленій.

„Такъ какъ въ настоящее время законное китайское правительство силою вещей поставлено въ невозможность преодолѣть революціонное движеніе, то само собой разумѣется, что вся тяжкая отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія падетъ на мятежныхъ китайскихъ сановниковъ и ихъ преступныхъ сообщниковъ, успѣвшихъ захватить въ свои руки власть".

О положеніи дѣлъ въ Манчжуріи появилось въ газетахъ 30 іюня обстоятельное сообщеніе отъ министерства финансовъ:

„Мятежное движеніе, вспыхнувшее въ Пекинѣ и ближайшихъ къ нему провинціяхъ Китая, до половины іюня почти совершенно не коснулось района сооружаемой черезъ Мандчжурію китайской восточной желѣзной дороги. Оно отразилось здѣсь лишь небольшими безпорядками близъ городовъ Хай-ченъ, Ляо-янъ и Мукденъ; эти безпорядки были весьма скоро прекращены, причемъ мѣстная китайская администрація увѣряла агентовъ дороги въ полной своей непричастности къ происходящимъ волненіямъ и въ своей вѣрной и неизмѣнной дружбѣ къ Россіи. Еще 21-го іюня главный инженеръ по сооруженію дороги донесъ изъ Харбина, что на линіи все обстоитъ благополучно и что цицикарскій, гиринскій и мукденскій цзянъ-цзюни (генералъ-губернаторы трехъ провинцій, черезъ которыя проходитъ желѣзная дорога) ручаются за безопасность, если только русскіе первыми не начнутъ враждебныхъ дѣйствій.

„Мирное настроеніе мѣстнаго населенія, которое до сихъ поръ вполнѣ дружелюбно относилось къ дѣлу постройки дороги и къ ея служащимъ. въ связи съ рѣшительными завѣреніями китайскихъ властей—давали основаніе строительному управленію дороги надѣяться на сохраненіе спокойствія. Такое предположеніе не оправдалось, однако, такъ какъ къ возстанію, быстро распространившемуся изъ Пекина, примкнули нѣкоторые чины китайской администраціи въ Мандчжуріи, а слѣдомъ за ними и часть расположенныхъ здѣсь китайскихъ войскъ.

22-го іюня въ Харбинѣ было получено извѣстіе, что эръ-да-жень Мукдена (въ переводѣ—второй сановникъ), т.-е. старшій помощникъ

мукденскаго цзянъ-цзюня, будто бы взялъ въ плѣнъ этого послѣдняго и, ставъ во главѣ значительной шайки мятежниковъ, направляется къ Телину.

„Стало также извѣстно, что каменноугольныя копи китайской восточной желѣзной дороги близъ Янъ-Тая подверглись нападенію китайской толпы, и что близъ станціи Ляо-янъ подожженъ желѣзнодорожный мостъ. Въ то же время въ Харбинъ дошли слухи о разгромѣ католической миссіи въ Мукденѣ, сожженіи тамъ церкви и разграбленіи лавокъ купцовъ, торговавшихъ европейскими товарами.

„Было сообщено затѣмъ, что на сѣверѣ Мандчжуріи, въ цицикарской провинціи, приступлено къ поспѣшной мобилизаціи китайскихъ войскъ. Объ этомъ увѣдомилъ главнаго инженера самъ цицикарскій цзянъ-цзюнь, объясняя цѣль мобилизаціи необходимостью принять мѣры для защиты желѣзно-дорожной линіи противъ возможнаго возстанія боксеровъ. Далѣе строительное управленіе дороги было поставлено въ извѣстность о появленіи прокламацій мятежниковъ также въ Гиринѣ и продолжающемся тревожномъ настроеніи населенія въ Цицикарѣ, а вслѣдъ затѣмъ гиринскій и цицикарскій цзянъ-цзюни сообщили представителямъ дороги, что, въ случаѣ нападенія на русскую колонію, они не могутъ ручаться за поведеніе своихъ солдатъ.

„О всемъ происшедшемъ главный инженеръ немедленно донесъ приамурскому генералъ-губернатору съ просьбою принять мѣры къ охранѣ дороги и ея служащихъ. 24-го іюля желѣзно-дорожными служащи перехваченъ близъ Телина указъ богдохана, вѣроятно подложный, предписывающій войскамъ присоединиться къ боксерамъ, а 25-го іюня главнымъ инженеромъ получено предложеніе мукденскаго цзянъ-цзюня, поддержанное двумя другими мандчжурскими цзянь-цзюнями—цицикарскимъ и гиринскимъ, о томъ, чтобы агентамъ дороги предписано было сдать все желѣзно-дорожное имущество китайскимъ чиновникамъ, а самимъ подъ конвоемъ китайскихъ солдатъ удалиться изъ предѣловъ Мандчжуріи. На это предложеніе главный инженеръ немедленно далъ слѣдующій телеграфный отвѣтъ: „Согласно договору съ китайскимъ правительствомъ, русскіе обязаны строить желѣзную дорогу; для этого они пріѣхали въ Мандчжурію, гдѣ находятся три года, и всегда были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ населеніемъ. Теперь въ мукденской провинціи возстали боксеры, которые напали на китайцевъ-христіанъ, на желѣзную дорогу, на русскихъ рабочихъ, на охрану и инженеровъ, а мукденскіе чиновники своевременно не приняли мѣръ для огражденія русскихъ отъ нападенія. Чтобы устранить безпорядки, цзянъ-цзюнь Мукдена обязанъ немедленно истребить бунтовщиковъ; а если онъ не можетъ сдѣлать этого собственными силами, то долженъ обратиться за помощью къ дружественному русскому правительству въ лицѣ главнаго начальника квантунской области, находящагося въ Портъ-Артурѣ. Цзянъ-цзюнь Мукдена не имѣетъ права предлагать русскимъ оставить постройку дороги, потому что дорога строится по соглашенію двухъ Императоровъ, россійскаго и китайскаго. Я вижу, что цзянъ-цзюнь Мукдена позабылъ долгъ вѣрной службы своему государю, позволивъ себѣ сдѣлать подобное предложеніе подданнымъ дружественнаго русскаго государства, работающимъ въ Мандчжуріи надъ сооруженіемъ линіи на пользу обѣихъ странъ.

Очевидно, только изъ страха передъ возставшими мятежниками сдѣлалъ цзянъ-цзюнь столь тяжелые проступки передъ долгомъ службы и долгомъ чести. Совѣтую ему стряхнуть съ себя это низкое чувство страха передъ боксерами, прогнать окружающихъ его дурныхъ совѣтниковъ и клеветниковъ, мужественно стать самому во главѣ солдатъ, не зараженныхъ мятежомъ, и съ помощью русскихъ начальниковъ Квантуна, уничтоживъ мятежниковъ, возстановить порядокъ".

„26-го іюня строительнымъ управленіемъ дороги было получено свѣдѣніе, что во всѣхъ окрестностяхъ желѣзно-дорожной линіи прибываютъ китайскія войска, а 27-го іюня главный инженеръ уже телеграфировалъ, что агенты дороги съ 150 чинами охраны, вынужденные отступить отъ Телина передъ огромнымъ скопищемъ китайцевъ, находятся въ опасномъ положеніи, что ожидается нападеніе китайцевъ на многіе пункты дороги, между прочимъ и на самый Харбинъ, и что вслѣдствіе этого имъ, главнымъ инженеромъ, сдѣлано распоряженіе о сосредоточеніи служащихъ по охранѣ дороги.

„Донося о всѣхъ этихъ тревожныхъ волненіяхъ, главный инженеръ и начальникъ охранной стражи засвидѣтельствовали, что поведеніе служащихъ по постройкѣ линіи и по ея охранѣ—внѣ упрека, и настроеніе ихъ бодро".

Желаніе сохранить миръ съ законнымъ правительствомъ Китая побуждало насъ сомнѣваться въ подлинности указовъ, которыми руководствовались китайскія должностныя лица; но настаивать на этихъ сомнѣніяхъ было безполезно, такъ какъ они опровергались всѣми дѣйствіями пограничныхъ китайскихъ властей. Движеніе нашихъ пароходовъ по Амуру было также остановлено китайцами на основаніи полученныхъ ими указовъ; очевидно, враждебныя намъ мѣры принимались по извѣстному общему плану и послѣдовательно приводились въ исполненіе, что̀ было бы немыслимо при отсутствіи центральнаго правительства и при разладѣ и „мятежѣ" среди высшихъ китайскихъ сановниковъ. Китайскія власти получали извѣстныя распоряженія отъ своихъ обычныхъ начальствъ изъ Пекина и исполняли то, что̀ имъ предписано, безъ всякихъ колебаній; а китайцамъ ближе знать, отъ кого имъ слѣдуетъ получать указы и какъ отличить подлинныхъ китайскихъ начальниковъ отъ мятежныхъ и незаконныхъ. Для иностранцевъ было не совсѣмъ удобно становиться на эту почву внутренней китайской политики; ссылки на „мятежъ" ослабляли отвѣтственность оффиціальнаго Китая за дѣйствія, предпринятыя отъ его имени во вредъ иностранцамъ, а для державъ было, напротивъ, необходимо признавать эту отвѣтственность безусловною, въ интересахъ болѣе старательнаго огражденія европейцевъ отъ кровавыхъ насилій. Во всякомъ случаѣ, не было повода и основанія навязывать китайскимъ правителямъ маску миролюбія, которую они сами сбросили съ себя на дѣлѣ безъ стѣсненій; и чѣмъ раньше мы отказались бы отъ ошибоч-

ной дипломатической тактики, тѣмъ вѣрнѣе были бы избѣгнуты печальныя послѣдствія анти-европейскаго движенія въ Китаѣ. Теперь уже ясно, что вступленіе небольшихъ иностранныхъ отрядовъ въ Пекинъ для охраны посольствъ было принято китайцами за враждебный вызовъ и подало поводъ къ военнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ всѣ преимущества были на сторонѣ туземной арміи; послѣдовавшее затѣмъ взятіе Таку международными войсками было уже началомъ фактической войны, и съ этого момента китайское правительство относится уже къ Россіи какъ къ непріятельской державѣ,—приписывая ей почему-то руководящее участіе въ начатыхъ военныхъ операціяхъ. Движеніе иностранныхъ войскъ на Тянь-Цзинь подъ начальствомъ русскаго генерала должно было укрѣпить въ Китаѣ мысль о войнѣ спеціально съ Россіею, чѣмъ и объясняются неожиданныя отвѣтныя нападенія китайцевъ въ Манчжуріи и по сибирской границѣ. Упорныя и кровопролитныя битвы подъ Тянь-Цзинемъ окончились 2 іюля занятіемъ этого важнаго укрѣпленнаго пункта и очищеніемъ его окрестностей отъ китайскихъ полчищъ. Утверждать, что это не война, а что-то другое, было уже слишкомъ мудрено даже съ точки зрѣнія китайской дипломатіи. „Мятежные" боксеры стягивались съ разныхъ сторонъ туда, гдѣ они нужны были для поддержки регулярныхъ войскъ,—все болѣе раскрывая свой дѣйствительный характеръ ополченія, созваннаго и организованнаго китайскими властями по указамъ изъ Пекина.

Иностранныя посольства въ Пекинѣ, вмѣсто того чтобы своевременно покинуть китайскую столицу, остались на мѣстѣ въ ожиданіи военной помощи, все еще разсчитывая внушить спасительный страхъ Китаю перспективою появленія нѣсколькихъ новыхъ сотенъ или даже тысячъ европейскихъ солдатъ. Посланники съ своими семействами и съ значительнымъ штатомъ служащихъ очутились въ положеніи осажденныхъ заложниковъ, которыхъ китайское правительство рѣшило не выпускать изъ рукъ. Эта горсть иностранныхъ представителей, отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра и вынужденныхъ защищать свою жизнь отъ фанатически-настроенныхъ туземныхъ войскъ, послужила для Китая предметомъ коварной и жестокой игры: нѣсколько разъ возвѣщалась Европѣ гибель посланниковъ, съ ужасающими подробностями, и фактъ всеобщаго избіенія европейцевъ въ Пекинѣ былъ наконецъ оффиціально подтвержденъ телеграммами шандунскаго губернатора и директора телеграфовъ Шенга отъ 15 (2) и 14 (1) іюля. Весь культурный міръ волновался по поводу этой неслыханной катастрофы, и въ газетахъ посвящались погибшимъ краснорѣчивые пространные некрологи. Черезъ нѣкоторое время приходили изъ Китая смутные намеки на то, что посланники еще живы и что правительство старается

ихъ спасти; но армія по прежнему окружаетъ посольства тѣснымъ кольцомъ, и цзунъ-ли-ямынь вступилъ съ ними въ какіе-то переговоры черезъ посредство своихъ чиновниковъ, публично удостовѣривъ такимъ образомъ лживость увѣреній насчетъ мятежныхъ боксеровъ, дѣйствующихъ, будто бы, самовольно и не признающихъ, будто бы, авторитета законныхъ китайскихъ властей. Благодаря настойчивому требованію сѣверо-американскаго правительства, китайскій посланникъ въ Вашингтонѣ, Вутингфангъ, постарался устроить передачу депеши представителю Соединенныхъ Штатовъ въ Пекинѣ, Конджеру, съ полученіемъ отъ него шифрованнаго отвѣта, отъ 5 (17) іюня, и это обстоятельство вновь возбудило надежду на спасеніе посланниковъ. Тѣмъ не менѣе, китайское правительство не прекращало осады посольствъ и рѣшительно отказывалось дозволить имъ посылать телеграммы помимо контроля цзунъ-ли-ямыня. Подобное обращеніе съ иностранными посольствами представляетъ собою нѣчто небывалое; но и взятіе Таку безъ войны также выходило изъ предѣловъ обычнаго международнаго права.

Въ китайскихъ событіяхъ мы видимъ вообще цѣлый рядъ военно-дипломатическихъ недоразумѣній. Китай обороняется отъ иноземныхъ пришельцевъ, какъ отъ злѣйшихъ враговъ, а послѣдніе требуютъ суровой расправы съ туземными властями, относящимися къ нимъ непріязненно; противъ иностранныхъ войскъ двинуто народное ополченіе, а оно принимается за толпы мятежниковъ, съ которыми не могутъ справиться китайскіе правители. И въ то время какъ мы выражаемъ сочувствіе и предлагаемъ дружескую помощь китайскому правительству для подавленія возстанія, военныя силы Китая борются съ нами и побѣждаются подъ стѣнами Тянь-Цзиня, смѣло нападаютъ на насъ въ Манчжуріи и по берегамъ Амура. Для того, чтобы нынѣшнія тяжелыя жертвы Россіи и другихъ державъ не пропали даромъ, мы должны теперь же имѣть въ виду ни въ какомъ случаѣ не возвращать Таку и Тянь-Цзина китайцамъ; эти пункты должны остаться вполнѣ международными, одинаково доступными всѣмъ культурнымъ націямъ, подъ управленіемъ и контролемъ мѣстныхъ представителей заинтересованныхъ кабинетовъ. То же самое слѣдуетъ сдѣлать и съ Пекиномъ, если онъ будетъ занятъ международными войсками дли освобожденія посольствъ. Въ политикѣ надо наиболыше остерегаться иллюзій, создающихъ грозныя опасности для будущаго подъ предлогомъ какихъ-либо неудобствъ или затрудненій въ настоящемъ. Мы невольно вовлечены въ военныя дѣйствія противъ Китая, и съ нашей стороны обязательно позаботиться, чтобы возможность такихъ столкновеній не повторялась или, по крайней мѣрѣ, чтобы она утратила свой грозный характеръ, прежде чѣмъ ки-

тайскія народныя массы успѣли выработать изъ себя правильно вооруженныя и стойкія арміи по европейскому образцу.

Дѣятельное участіе Японіи въ „концертѣ“ великихъ державъ на дальнемъ востокѣ представляетъ фактъ въ высшей степени любопытный и поучительный. Современная японская имперія, съ ея новыми учрежденіями, съ ея парламентомъ и свободною печатью, возникла, можно сказать, на нашихъ глазахъ и развилась и окрѣпла съ замѣчательною быстротою, съ половины шестидесятыхъ годовъ. Примѣръ Японіи показалъ наглядно, что великое зло, отъ котораго бѣдствуютъ и гибнутъ старыя азіатскія государства, коренится не въ народахъ, а въ правительствахъ, въ ихъ застывшей политической и административной организаціи, основанной на полномъ безправіи населенія и на неограниченномъ произволѣ властвующихъ лицъ. Японія стряхнула съ себя эти ветхія лохмотья, отреклась отъ неудачныхъ традицій прошлаго и сознательно направилась на новый путь, по иниціативѣ и подъ руководствомъ молодого императора и его просвѣщенныхъ совѣтниковъ; и благодаря предпринятымъ и осуществленнымъ реформамъ она въ короткое время достигла такого развитія и процвѣтанія, о какомъ едва мечтали сами дѣятели и участники преобразовательнаго движенія. Обладая энергіею, предпріимчивостью и широкимъ честолюбіемъ, японцы естественно ищутъ себѣ простора въ мірѣ и прежде всего стремятся пріобрѣсть надежную точку опоры на азіатскомъ материкѣ. Видимое разложеніе Китая даетъ японскимъ патріотамъ богатую пищу для смѣлыхъ политическихъ плановъ; война изъ-за Кореи была только первымъ пробнымъ шагомъ, за которымъ можно ожидать дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же родѣ. Теперь вновь представился случай выдвинуть Японію въ роли устроительницы китайскихъ дѣлъ, и Англія настойчиво зоветъ ее къ Пекину, убѣждая какъ можно скорѣе послать стотысячную японскую армію для спасенія посланниковъ. Англичане обвиняютъ русскую дипломатію въ противодѣйствіи этому проекту, отъ котораго зависитъ, будто бы, судьба европейцевъ въ Пекинѣ; японское правительство сохраняетъ, однако, сдержанность и не торопится послѣдовать заманчивому призыву Англіи, опасаясь столкновенія съ другими великими державами и прежде всего съ Россіею. Британскіе патріоты, ожидающіе спасительныхъ услугъ отъ Японіи, не останавливаются вовсе надъ вопросомъ, который возникаетъ при этомъ самъ собою: почему и ради чего Японія будетъ одна жертвовать своими силами и средствами для исполненія задачи, одинаково важной и для другихъ? Если по своему географическому положенію и по удобствамъ сообщеній она имѣетъ возможность немедленно переправить большую армію въ Китай, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она обязана сдѣлать это только въ видахъ удовлетворенія соединенныхъ

державъ, не располагающихъ по близости нужными силами для освобожденія посланниковъ. Японія охотно пойдетъ на Пекинъ, но не для другихъ и не для цѣлей человѣколюбія, а для себя, для своего будущаго, во имя своихъ идеаловъ политическаго величія и могущества, съ цѣлью вновь оплодотворить и оживить роскошную почву Китая при помощи своей настойчивой энергіи и создать новую колоссальнѣйшую въ мірѣ имперію изъ разрозненныхъ нынѣ элементовъ желтой расы на азіатскомъ материкѣ. Общность расы сближаетъ Китай съ Японіею, несмотря на ихъ временныя несогласія и войны; и еслибы японская предпріимчивость завладѣла китайскимъ населеніемъ, то образовалась бы готовая почва для „панмонголизма", о которомъ недавно еще говорилъ въ нашей печати Вл. С. Соловьевъ. Японцы, какъ напоминаетъ Фриманъ Митфордъ въ лондонскомъ „Times", имѣютъ въ сущности мало общаго съ европейскими націями и ихъ культурою, хотя и заимствовали у нихъ разные усовершенствованные порядки; еще четверть вѣка тому назадъ, они избивали иностранцевъ съ такимъ же звѣрскимъ ожесточеніемъ, какъ теперь китайцы. Племенные и расовые инстинкты не исчезаютъ и не перерабатываются въ теченіе двухъ-трехъ десятилѣтій, и Англія въ концѣ концовъ едва ли выиграла бы отъ появленія новой японско-китайской имперіи, которую британская дипломатія столь близоруко желала бы противопоставить Россіи.

Итальянскій король сдѣлался жертвою неожиданнаго покушенія въ Монцѣ, 17 (29) іюля, и скончался вечеромъ того же дня, на 56 году жизни. Виновникъ злодѣянія, нѣкій Гаэтано Бресси, принадлежитъ очевидно къ числу тѣхъ безумцевъ, для которыхъ преступленіе есть только особый способъ самоубійства; никакихъ правдоподобныхъ мотивовъ, ни личныхъ, ни политическихъ, тутъ быть не могло. Общеизвѣстныя качества покойнаго короля Гумберта, его привѣтливый, хотя и сдержанный характеръ, простота и безупречность его частной жизни, его неизмѣнно корректный образъ дѣйствій, какъ конституціоннаго монарха,—все это исключало мысль о возможности примѣшивать его личность къ глухой соціальной борьбѣ, которая издавна происходила въ Италіи. Разныя невзгоды, отъ которыхъ страдаетъ итальянская нація, зависятъ отъ причинъ и условій, имѣющихъ только косвенную связь съ вопросами текущей политики; ошибочное направленіе политической жизни вызывалось идеями и чувствами, находившими всегда авторитетныхъ и популярныхъ выразителей въ парламентѣ. Непосильное и разорительное для Италіи стремленіе къ роли великой военной державы поддерживалось цѣлымъ рядомъ политическихъ дѣятелей и большею частью одобрялось парламентскимъ боль-

шинствомъ, безъ чего оно и не могло бы проявиться и господствовать во внѣшнихъ дѣлахъ страны. Король Гумбертъ, быть можетъ, слишкомъ долго и послѣдовательно стоялъ на сторонѣ Криспи въ его безплодныхъ колоніальныхъ предпріятіяхъ, въ его попыткахъ національнаго соперничества съ Франціею и въ его увлеченіи планами и комбинаціями Бисмарка; но Криспи имѣлъ за собою вліятельную парламентскую партію и опирался на значительную часть итальянскаго общества, такъ что считать короля отвѣтственнымъ за ошибки его правительства было бы несправедливо.

Царствованіе Гумберта, продолжавшееся 22 года, было вообще тревожное и не можетъ быть названо счастливымъ; политическія неудачи, безцѣльныя африканскія экспедиціи, война съ Абиссиніею, окончившаяся пораженіемъ при Адуѣ, полное разстройство финансовъ, бѣдность и даже нищенство народныхъ массъ, необходимость постоянныхъ вооруженій для поддержанія престижа Италіи, какъ равноправной союзницы Германіи и Австро-Венгріи,—таково наслѣдіе, которое оставилъ покойный своему сыну и преемнику, Виктору-Эммануилу III. Новый король, какъ извѣстно, женатъ на дочери князя Николая Черногорскаго, и это обстоятельство, какъ предполагають дальновидныя газеты, должно оказать свое вліяніе на его политическія симпатіи и воззрѣнія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

— Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка. П. Житецкаго. Изданіе „Кіевской Старины“. Кіевъ, 1900.
— Викъ (1798—1898). Кыивъ, 1900.
— Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. (По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго). Проф. В. Антоновича. Кіевъ, 1900.

Два года тому назадъ малорусская литература совершала историческія поминки,—не скажемъ, торжествовала юбилей, потому что ея современное положеніе очень далеко, даже противорѣчитъ всякой мысли о торжествѣ. Предметомъ историческаго воспоминанія былъ фактъ и личность, съ которыхъ начинаютъ существованіе новѣйшей малорусской литературы. Эта личность былъ извѣстный Иванъ Петровичъ Котляревскій (1767—1838), а фактъ—первое появленіе въ свѣтъ „Перелицованной Энеиды“. Явились біографическія изслѣдованія о писателѣ, и нѣсколько весьма внимательныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій объ его произведеніи. „Энеида“ Котляревскаго не была самостоятельна по самому замыслу. Травестированіе, обращеніе въ шутку знаменитыхъ произведеній, въ томъ числѣ и Энеиды Виргилія, началось уже давно въ западно-европейской литературѣ, и въ литературѣ русской Котляревскій имѣлъ предшественника въ Осиповѣ, который уже оборачивалъ ее на изнанку. Новѣйшіе изслѣдователи старательно сличали этихъ двухъ передѣлывателей „Энеиды“ (Осиповъ также имѣлъ свой нѣмецкій образецъ) и разыскивали, въ чемъ состояло отношеніе Котляревскаго къ его русскому предшественнику; признавали его зависимость отъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, насколько Котляревскій былъ самостоятеленъ въ подробностяхъ своей поэтической шутки, съ какимъ знаніемъ малорусской жизни онъ вводилъ въ поэму бытовыя ея черты, сколько вложилъ въ свой разсказъ оригинальнаго юмора.

Казалось бы, что сдѣлано было все, что̀ требовалось; но болѣе или менѣе цѣльное представленіе объ историческомъ значеніи Котляревскаго явилось только въ трудѣ г. Житецкаго, заглавіе котораго мы выписали. Не вдаваясь въ мелкія частности упомянутыхъ литературныхъ связей и отношеній „Энеиды" Котляревскаго, г. Житецкій поставилъ общій вопросъ о самомъ существѣ этого литературнаго явленія: откуда исходилъ мотивъ, породившій это произведеніе,—какъ будто совсѣмъ случайное, не имѣвшее связи ни съ прошедшимъ, ни съ наличною народною жизнью; какое міровоззрѣніе или общественный взглядъ заключается въ этой сплошной шуткѣ; гдѣ была причина необычайнаго успѣха этого произведенія, отъ котораго позднѣйшіе историки могли вести начало малорусской литературы, въ ея новѣйшей формаціи? На нашъ взглядъ авторъ прекрасно разрѣшилъ свою задачу.

Г. Житецкій уже давно, съ семидесятыхъ годовъ, сталъ въ ряду наиболѣе замѣчательныхъ изслѣдователей малорусскаго языка и словесности. Обширныя знанія въ старой малорусской книжности и внѣшней исторіи малорусскаго народа, тонкое художественное пониманіе поэзіи народной и искусственно-литературной, этнографическій опытъ дѣлали его особенно компетентнымъ въ разъясненіи поставленнаго вопроса. Онъ исходилъ изъ частнаго факта. Открытъ былъ „древнѣйшій" списокъ „Энеиды" (разумѣется, эта „древность" есть не далѣе какъ конецъ прошлаго вѣка), рукопись, въ которой оказались любопытные варіанты противъ извѣстнаго печатнаго текста; варіанты давали намекъ на ходъ мыслей писателя, а самый списокъ, принадлежавшій тогдашнему любителю народной старины, указывалъ начинавшуюся популярность писателя. Понятно, что для полнаго объясненія писателя,—притомъ выступившаго съ такимъ своеобразнымъ произведеніемъ,—нужно было прослѣдить тѣ далекіе источники, изъ которыхъ складывались его общественныя понятія и литературный характеръ. Внѣ его чисто личнаго дарованія, Котляревскій переживалъ вліянія старой малорусской школы съ одной стороны, и съ другой—вліянія тѣхъ переворотовъ, какіе испытывала народная жизнь Малороссіи со времени присоединенія къ Россіи. Такимъ образомъ, изложеніе начинается издалека. Разыскивая „корни Энеиды въ прошедшемъ", авторъ проводитъ передъ читателемъ длинный рядъ историко-литературныхъ явленій восемнадцатаго вѣка (или даже еще съ конца семнадцатаго), которыя онъ обыкновенно мѣтко опредѣляетъ ихъ основными чертами книжными и историческо-бытовыми, и слѣдитъ въ нихъ постепенное развитіе новыхъ настроеній. Какъ опытный филологъ онъ изображаетъ, во-первыхъ, судьбу славяно-малорусской рѣчи въ ея старыхъ условіяхъ и новыхъ вліяніяхъ восемнадца-

таго вѣка съ Петровской реформы,—отъ языка старыхъ богослужебныхъ книгъ малорусской печати, продолжая славяно-малорусской рѣчью въ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича, въ лѣтописи Грабянки, въ „странствованіяхъ" Барскаго; далѣе авторъ останавливается на славяно-малорусскихъ драмахъ восемнадцатаго вѣка, на новыхъ вліяніяхъ изъ русской литературы, на философіи и языкѣ извѣстнаго Сковороды; далѣе авторъ объясняетъ вопросъ о проникновеніи народныхъ элементовъ сюжета и языка въ школьныя драмы и вирши, и въ результатѣ выясняется та почва, на которой могла возникнуть въ концѣ восемнадцатаго столѣтія дѣятельность Котляревскаго.

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ,—„уже болѣе вѣка длилось умственное общеніе малорусскаго юга съ великорусскимъ сѣверомъ. Со временъ Петра Великаго главная сила этого общенія заключалась въ реформѣ его, которая опиралась, какъ извѣстно, на свѣтскую науку. Но въ вѣкъ Петра Великаго наука эта не выходила изъ тѣснаго круга техническихъ знаній, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни. При Елизаветѣ Петровнѣ это дѣловое, утилитарное направленіе науки смѣняется болѣе общимъ: русскихъ людей начинаетъ интересовать не та или другая отрасль знанія, а самое знаніе, какъ потребность мысли, какъ образовательная сила. При Екатеринѣ II само правительство пошло на встрѣчу этой потребности, стремясь къ обновленію русской жизни посредствомъ идей французскаго просвѣщенія. Масса французскихъ сочиненій безъ особеннаго стѣсненія переводилась въ то время на русскій языкъ. Составлялись сборники выбранныхъ мѣстъ изъ авторовъ наиболѣе извѣстныхъ, подъ заглавіями: „Духъ Вольтера", „Духъ Гельвеція", „Духъ Руссо". Особеннымъ уваженіемъ пользовался Вольтеръ, создавшій у насъ цѣлое поколѣніе „вольтеріанцевъ". Нѣтъ сомнѣнія, что эта волна просвѣтительнаго движенія коснулась и Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ней издавна во всѣхъ слояхъ народонаселенія распространено было уваженіе къ просвѣщенію, и малорусское шляхетство, какъ мы знаемъ, постоянно мечтало объ учрежденіи университетовъ въ разныхъ городахъ малорусскихъ, пока наконецъ мечты эти не осуществились въ 1805 году, когда основанъ былъ университетъ въ Харьковѣ. Что касается до школъ духовныхъ, господствовавшихъ въ Малороссіи, то по составу своему это были всесословныя школы, начиная отъ кіевской академіи и до семинаріи, въ которой учился Котляревскій. Объ этой семинаріи въ біографіяхъ его существуютъ сбивчивыя показанія,—поэтому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

„Называютъ ее обыкновенно полтавской семинаріей, такъ какъ она находилась въ г. Полтавѣ, гдѣ родился Котляревскій. Основана она

была спустя десять лѣтъ послѣ его рожденія, въ 1779 г., при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, который жилъ въ Полтавѣ и отсюда управлялъ словенскою епархіей: вотъ почему и семинарія полтавская называлась въ то время словенскою. Самъ Ѳеотоки, молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ: можетъ быть, это обстоятельство имѣло вліяніе на расширеніе учебной программы въ словенской семинаріи, такъ какъ въ ней, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, преподавались еще французскій и нѣмецкій языки. Отсюда Котляревскій вынесъ знаніе французскаго языка. Здѣсь же, по преданію, началъ онъ писать стихи, за что товарищи называли его риѳмачемъ. Слѣды юношескаго размаха мысли, не охлажденной еще опытомъ жизни, видны въ первыхъ трехъ пѣсняхъ „Энеиды", хотя нѣтъ никакого основанія утверждать, что она начата была на школьной скамьѣ. Одно можно сказать положительно, что Котляревскій не вынесъ изъ семинаріи того душевнаго склада, который необходимъ для духовнаго званія, поэтому и не сдѣлался лицомъ духовнымъ. Не коснулось его и вольномысліе временъ Екатерины II: нѣтъ во всей „Энеидѣ" ничего похожаго на отрицаніе въ области религіозныхъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ словѣ Котляревскаго чувствуется та широта мысли, которая недоступна была поколѣніямъ предшествующимъ".

Между прочимъ, воспринимая вліянія образованности восемнадцатаго вѣка, Котляревскій почерпнулъ изъ нея новыя представленія общественнаго характера. Есть извѣстія о принадлежности его къ масонской ложѣ. По объясненію г. Житецкаго, онъ остался чуждъ мистицизму, какимъ отличались обыкновенно приверженцы „ордена", но онъ усвоилъ, или раньше самъ выработалъ, общественныя понятія, которыя сближали его съ другою стороною масонскаго направленія и сдѣлали возможнымъ его вступленіе въ ложу. „Масонство,—говоритъ г. Житецкій,— могло укрѣпить только Котляревскаго въ его нравственномъ ригоризмѣ, въ его недовѣріи къ философской мудрости, опирающейся на изученіе естественныхъ наукъ, отчасти въ его оппозиціонномъ отношеніи къ духовенству, съ которымъ масоны не сходились по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Что касается до мистицизма масонскаго, то онъ былъ совершенно чуждъ Котляревскому. Это былъ умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціальнаго зла, тяготѣвшаго надъ его современниками. Зло это онъ видѣлъ въ угнетеніи слабыхъ людей сильными людьми, принадлежавшими къ сословіямъ привилегированнымъ... Это было самое больное мѣсто въ соціальномъ строѣ малорусской жизни, и ничто такъ не возвышаетъ нашего поэта надъ низменнымъ уровнемъ современныхъ ему понятій, какъ благородный, негодующій

голосъ его противъ превращенія людей въ скотовъ. Нужно было имѣть гражданское мужество, чтобы поднять этотъ голосъ въ тотъ вѣкъ, когда, по свидѣтельству историка, во всей Россіи и отъ всѣхъ сословій, послышался дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ".

„Итакъ, Котляревскій выдвинулъ новый вопросъ въ малорусской литературѣ, тотъ вопросъ о мужикѣ, который составлялъ злобу дня для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній до самаго освобожденія крестьянъ".

Наконецъ, это былъ мѣстный, т.-е. малорусскій патріотъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ любилъ ходить въ народѣ, присматриваться къ его быту, прислушиваться къ языку, что̀, конечно, при собственномъ талантѣ, сдѣлало его такимъ мастеромъ малорусской рѣчи. За послѣднее время въ извѣстномъ кругу нашей печати усиленно старались заподозрить подобный патріотизмъ, давая ему наименованіе мѣстнаго сепаратизма. Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе и распространеніе этого термина было однимъ изъ самыхъ зловредныхъ, противообщественныхъ дѣяній нашей реакціонной печати: вводя въ заблужденіе администрацію, она вызвала раздоръ и стѣсненія тамъ, гдѣ дѣло шло о естественныхъ явленіяхъ народной литературы и народничества. Потому что въ дѣйствительности такъ называемое украинофильство было совершенно параллельно тому явленію, какое у насъ назвали народничествомъ. То и другое было вполнѣ послѣдовательнымъ проявленіемъ сочувствій къ народу, когда реформа возвратила народной массѣ гражданскія права и когда все общество было проникнуто стремленіями къ обновленію и къ широкой гражданской жизни, которая мечталась въ будущемъ послѣ освобожденія крестьянъ и другихъ знаменательныхъ преобразованій. Извѣстно, что наше (собственно великорусское) народничество перебродило, значительно утратило свои угловатости,—но (не должно этого забывать) принесло свою великую общественную пользу,—напримѣръ, тѣмъ, что усилило изученія народной жизни, настаивая при томъ на большемъ вниманіи къ ея бытовымъ и нравственнымъ особенностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени, въ литературномъ и общественномъ взаимодѣйствіи сгладилось бы и уравновѣсилось то, въ чемъ видѣли крайности украинофильства. Для насъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ своемъ послѣдовательномъ и нормальномъ развитіи оно могло бы оказать великую пользу для цѣлаго русскаго дѣла: малорусское племя не все находится въ предѣлахъ имперіи, и воздѣйствіе нашего украинофильства установило бы другія отношенія къ галицкой Руси, чѣмъ тѣ, какія образуются теперь,—когда происходитъ какое-то странное, противное природѣ вещей перемѣщеніе литературнаго и научнаго центра тяжести изъ громадной русской Украйны въ маленькую и бѣдную Га-

лицію. Что касается народническихъ пристрастій „украинофильства" къ малорусскому языку, къ особенностямъ малорусскаго обычая и т. д., то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ любовь человѣка къ ближайшей родинѣ: эта любовь понятна всегда, но, быть можетъ, она особенно понятна у насъ, гдѣ національное „отечество" такъ громадно. Въ основѣ всякой любви къ „отечеству" лежитъ любовь къ болѣе близкой, осязательной „родинѣ", и когда родина чувствуетъ себя спокойной, свободной, обезпеченной въ государственномъ и общенаціональномъ отечествѣ, между двумя чувствами не можетъ быть никакого разлада и противорѣчія; напротивъ, на это національное цѣлое переносится не одна отвлеченная мысль, но и вся непосредственная и горячая любовь къ родинѣ. Какъ просто и естественно это чувство, показываетъ все развитіе мѣстныхъ литературъ, въ томъ числѣ и малорусской.

Когда Котляревскій задумалъ и исполнилъ свою „Энеиду", не было никакихъ толковъ ни о сепаратизмѣ, съ одной стороны, ни о вредѣ и опасности литературы на мѣстномъ языкѣ (или „нарѣчіи"). Основнымъ мотивомъ была простая, исторически сложившаяся и вмѣстѣ связанная съ внушеніями тогдашняго образованія привязанность къ родинѣ, родному обычаю и языку. Чрезвычайный успѣхъ малорусской „Энеиды" (и тѣни такого успѣха не имѣла „Энеида" Осипова) показывалъ, что было затронуто сильное органическое чувство цѣлой массы не только малорусскаго „общества", но и народа. Въ концѣ концовъ, съ „Энеиды" начинаютъ развитіе новѣйшей малорусской литературы.

Названная выше книга „Викъ", т.-е. „Вѣкъ", представляетъ собою поэтическую (стихотворную) хрестоматію изъ этой литературы за сто лѣтъ. Въ сборникъ вошли многочисленныя произведенія писателей изъ нашей Малороссіи и изъ Галицкой Руси (изъ послѣдней, напримѣръ: Шашкевичъ, Головацкій, Федьковичъ, Устіановичъ, Франко и др.). Писатели расположены приблизительно въ хронологической послѣдовательности. Такъ, на первомъ планѣ поставленъ Котляревскій, за нимъ Гулакъ-Артемовскій, Боровиковскій, Гребенка, Шашкевичъ, Головацкій, Костомаровъ,... Метлинскій,... Шевченко, Кулишъ и т. д.; о каждомъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія.

Къ этимъ книгамъ мы присоединили брошюру В. Б. Антоновича. Заслуженный знатокъ южно-русской исторіи и литературы, авторитетный ученый, счелъ нужнымъ отвѣтить на тѣ нападенія, какія произведены были профессоромъ кіевскаго университета Флоринскимъ на наше украинофильство и на галицко-русское движеніе по поводу прошлогодняго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Объ этомъ была въ свое время рѣчь въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы". Не будемъ повторять этой печальной исторіи; скажемъ только. что для

тѣхъ, кого интересуетъ этотъ вопросъ,—онъ весьма серьезенъ не только для любителей южно-русской литературы, но и важенъ для самаго достоинства литературы русской,—небольшая книжка г. Антоновича доставитъ весьма простыя и поучительныя разъясненія по существу дѣла. Книжка написана въ спокойномъ, серьезномъ тонѣ; авторъ желалъ разсматривать вопросъ только съ чисто научной точки зрѣнія, съ полнымъ безпристрастіемъ къ противной сторонѣ, и надо желать, чтобы его спокойный разборъ вопроса подѣйствовалъ на эту противную сторону. Въ концѣ книжки проф. Антоновичъ коснулся и тѣхъ личныхъ обвиненій, какія были выставлены между прочимъ противъ него и гр. Уваровой проф. Флоринскимъ; г. Антоновичъ фактически разъяснилъ малую основательность этихъ обвиненій, находя, что онѣ выходили уже за предѣлы научнаго изслѣдованія вопроса и относились скорѣе къ области „сердцевѣдѣнія".—Т.

— Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе Спиридона Гопчевича. Издано съ 38 оригинальными рисунками и двумя планами въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Г. Петровичъ. Спб. 1899.

— „Македонскій вопросъ" на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Іованъ П. Рогановичъ. Казань. 1900.

Со времени послѣдней войны, результатомъ которой было освобожденіе Болгаріи и отдача въ австрійскую оккупацію Босніи и Герцеговины, т.-е. послѣ Берлинскаго трактата, славянскій вопросъ, который передъ тѣмъ такъ волновалъ русское общество, какъ будто пересталъ для него существовать. Единственное, что̀ нѣсколько объ немъ напоминаетъ въ нашей общественной жизни, есть славянскій благотворительный комитетъ, который имѣетъ только небольшой кружокъ своихъ членовъ и къ которому масса общества относится съ большимъ равнодушіемъ. Причина этого охлажденія довольно понятна. Берлинскій трактатъ разрушалъ всѣ надежды и ожиданія той доли русскаго общества, которая видѣла въ славянскомъ вопросѣ національное дѣло; онъ не удовлетворилъ и тѣхъ, болѣе равнодушныхъ къ этому вопросу людей, которымъ казалось, что политическій результатъ войны не отвѣчалъ затраченнымъ силамъ. Но было и другое...

Намъ вспоминаются слова Гилярова-Платонова (въ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому) по поводу смерти Ивана Аксакова: „Аксаковъ долженъ былъ умереть, не могъ не умереть. Я намекнулъ объ этомъ, сказавъ, что къ причинамъ смерти его должно отнести страданіе, причиненное восточной политикой (моя первая о немъ статья). Это несомнѣнно. Помимо негодованія, которое въ немъ возбуждалось направленіемъ дипломатіи, въ немъ не могло не произойти разочарова-

нія. Онъ не признавался въ этомъ; онъ отбивался, но въ глубинѣ души не могъ же не чувствовать, что идеалъ славянскаго братства, начертанный его учителями (Хомяковымъ и К. Аксаковымъ), разлетается; на распростертыя объятія „братья" отвѣчають пренебреженіемъ, завистью, коварствомъ, зложелательствомъ. Пусть виноватъ Берлинскій трактатъ и дипломатія; пусть вѣрно (до извѣстной степени, однакожъ, только), что нельзя отожествлять народовъ съ правительствами, но... Вотъ этого-то „но" онъ не могъ не чувствовать... Тотъ постъ, который занималъ онъ въ славянскомъ вопросѣ, во всякомъ случаѣ бы пустовалъ. Русское великодушіе къ славянамъ упраздняется самими обстоятельствами, самою исторіею"... Въ самомъ дѣлѣ, въ добычу Австріи достались тѣ самыя Боснія и Герцеговина, которыя именно начали съ ихъ скудными внѣшними средствами геройскую борьбу противъ турецкаго ига; Болгарія, которая, напротивъ, гораздо меньше участвовала въ этой борьбѣ, пріобрѣла политическую независимость и вскорѣ, подъ владычествомъ Стамбулова, отплатила Россіи способомъ дѣйствій, который, при всѣхъ ошибкахъ съ русской стороны, былъ низменнымъ и возмутительнымъ; въ южномъ славянствѣ, несмотря на громадныя событія, не нашлось людей, которые стояли бы на уровнѣ этихъ событій, стремились бы двигать дальше начатое дѣло, исправить то, что въ прежнемъ могло быть ошибкой; безсмысленная сербо-болгарская война, нелѣпыя событія во внутренней жизни Болгаріи и Сербіи мало обѣщали въ будущемъ. Старый идеалъ, о которомъ мечталъ Хомяковъ, Аксаковы и пр., оставалось сдать въ архивъ. Славянская идея, въ смыслѣ племенного братства, новыхъ культурныхъ основъ, неизвѣстныхъ Европѣ, и т. д., едва-ли могла бы быть усмотрѣна въ новѣйшей исторіи южнаго славянства; между тѣмъ, еслибы оно способно было къ какой-либо дѣятельности въ этомъ смыслѣ, передъ нимъ стояло бы не мало задачъ, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, культурныхъ и политическихъ: балканское славянство живетъ какъ бы на перепутьѣ, ему предстоитъ или дѣйствительно создать здѣсь самобытную политическую жизнь, или превратиться въ вассаловъ Австріи...

Есть, впрочемъ, политическіе вопросы, къ которымъ болгары и сербы относятся съ большою страстностью. Это въ особенности вопросъ о Македоніи. Эта турецкая область, забытая берлинскимъ трактатомъ, хотя наполнена въ большинствѣ славянскимъ населеніемъ, составляетъ яблоко раздора между болгарскими и сербскими политиками. Область самымъ настоящимъ образомъ принадлежитъ Турціи; но они рѣшили, что она должна быть присоединена къ тому или другому славянскому государству, но какому—Сербіи или Болгаріи? Къ настоящему времени собралась уже цѣлая литература изъ поли-

тическихъ и научныхъ или мнимо-научныхъ сочиненій, гдѣ доказывается, съ одной стороны, что Македонія есть страна сербская по населенію и должна принадлежать Сербіи, а съ другой, что она болгарская и должна принадлежать Болгаріи. Съ обѣихъ сторонъ движущій мотивъ есть стремленіе къ политическому расширенію, къ увеличенію внѣшней силы, не задаваясь какими-нибудь высокими идеалами. Обѣ стороны, повидимому, мало оцѣниваютъ еще третьяго претендента—Австрію...

Къ этой литературѣ принадлежатъ и двѣ названныя книги. Македонскій вопросъ такъ сложенъ и труденъ, что говорить о немъ по поводу этихъ двухъ сочиненій было бы, кажется, напрасно,—хотя сочиненіе Гопчевича представляетъ довольно объемистую книгу (364, XV и V стр.). Мы остановились на нихъ потому, что онѣ явились и въ русской литературѣ, и на нихъ можно получить понятіе о литературномъ и политическомъ уровнѣ—если не всей этой литературы, то значительной ея доли.

Книга г. Гопчевича, для нашихъ литературныхъ обычаевъ, представляетъ нѣчто необыкновенное. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ нѣмецкаго подлинника, съ котораго переводилъ г. Петровичъ. По всей вѣроятности изъ этого нѣмецкаго подлинника, выходившаго съ вѣдома автора, заимствована первая, вводная статья: „Къ портрету Спиридона Гопчевича", представляющая литературную біографію писателя (род. въ 1855). Изъ біографіи оказывается, что авторъ есть знаменитый путешественникъ по востоку и что, „отдавшись потомъ изученію историческихъ, географическихъ и военныхъ наукъ, изучилъ вмѣстѣ съ тѣмъ 27 различныхъ языковъ, изъ которыхъ на 13 свободно говоритъ". Онъ изучалъ настоящій востокъ, но въ особенности востокъ славянскій; его сочиненія,—читаемъ мы въ этой біографіи,—постоянно обращали на себя большое вниманіе и доставили ему большую славу; кромѣ того онъ не только ученый, но и беллетристъ: „беллетристическія его работы отличаются серьезностью и драматичностью дѣйствій и живымъ юморомъ". Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о Турціи, балканскомъ славянствѣ, Египтѣ, и, „кромѣ перечисленныхъ, сдѣлалъ еще массу интересныхъ путешествій. *изучилъ*: Австро-Венгрію, Германію, Италію, Англію, Швейцарію, Шотландію, Уэльсъ, Бельгію, Голландію, Данію, Швецію, Норвегію, Грецію, Сербію, Турцію, Румынію, Болгарію, Восточную Румелію, Сирію, Палестину, о. Критъ, Тунисъ, Малую Азію, Египетъ, Боснію, Старую Сербію и Македонію, о. Кипръ, о. Родосъ, Испанію, Марокко, Финляндію, Сибирь, Польшу, Россію и Португалію".

Но и этого мало. Въ заключеніе мы читаемъ: „Гопчевичъ, при своихъ путешествіяхъ, кстати сказать, познакомился съ самыми зна-

менитыми личностями въ Европѣ, съ которыми онъ велъ переписку съ каждымъ на его родномъ языкѣ.

„Чтобы читатели могли получить приблизительно точное понятіе о его литературныхъ трудахъ, упомяну, что онъ, въ теченіе 15 лѣтъ, издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять новеллъ, 250 военныхъ и морскихъ, 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ, и 1.300 политическихъ статей, которыя печатаны въ 70 различныхъ газетахъ и журналахъ".

Не знаемъ, находится ли въ нѣмецкомъ изданіи эта статья о трудахъ г. Гопчевича. Если находится, т.-е. если статья поставлена въ изданіе самимъ авторомъ, съ его вѣдома, она получаетъ особый интересъ. Правда, не всѣ писатели рѣшаются говорить такъ открыто о своихъ заслугахъ; но съ другой стороны, кто же, кромѣ самого писателя, можетъ такъ хорошо знать его труды, и кто, кромѣ г. Гопчевича, могъ сосчитать его многочисленныя книги и статьи?

Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ великимъ знатокомъ востока и славянства, по его собственному объясненію. На этомъ мы могли бы и остановиться, предоставивъ спеціалистамъ разбирать его откровенія. Мы укажемъ лишь нѣсколько подробностей. Въ первой главѣ книги авторъ разсказываетъ, что̀ дало поводъ къ его путешествію въ Македонію и Старую Сербію. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ г. Гопчевичъ былъ вызванъ къ этому однимъ болгариномъ, человѣкомъ состоятельнымъ, который приглашалъ его, какъ авторитетнаго знатока, посѣтить эти страны и бралъ на свой счетъ издержки путешествія. Цѣль была въ томъ, чтобы опредѣлить этнографическій составъ населенія этихъ земель, составлявшихъ яблоко раздора между болгарами и сербами. Болгаринъ, предлагавшій путешествіе, оставлялъ за г. Гопчевичемъ всю свободу рѣшенія, въ чью бы сторону оно ни сложилось, и въ этомъ смыслѣ составленъ былъ оффиціально засвидѣтельствованный контрактъ (?), который и приводится въ книгѣ сполна... Въ статьѣ „Къ портрету" мы читаемъ, что раньше „болгарскій министръ Каравеловъ столько довѣрялся Гопчевичу, что приглашалъ его иногда даже въ министерскія засѣданія, какъ и засѣданія военнаго совѣта"; но въ первомъ же разговорѣ съ болгариномъ, такъ сказать, абонировавшимъ г. Гопчевича на путешествіе, оказалось, что г. Гопчевичъ не весьма одобрялъ „какого-то Каравелова" (стр. 2);—къ довершенію недоумѣнія читателя, въ концѣ книги, въ добавленіи переводчика, г. Петровича, этотъ же Каравеловъ оказывается въ числѣ „лучшихъ болгарскихъ патріотовъ" (стр. IV).

Совмѣстное путешествіе должно было на первыхъ же порахъ разочаровать болгарина, устроителя экспедиціи. Изслѣдованіе началось разговорами со встрѣчными, мѣстными жителями. По мнѣнію

болгарина, они должны были быть болгары; тѣ отрицались и называли себя сербами. Дальше, въ глубинѣ Македоніи и Старой Сербіи оказывалось другое: въ разныхъ мѣстахъ жители называли себя болгарами, но на дѣлѣ они не понимали спутника г. Гопчевича, болгарина, заговаривавшаго съ ними по-болгарски, и напротивъ, совершенно понимали Гопчевича, говорившаго по-сербски, и по-сербски ему отвѣчали. По объясненіямъ автора, здѣсь и обнаруживалась болгарская интрига: какимъ-то образомъ болгары ухитрялись внушать сербамъ, что они не сербы, устроивали имъ болгарскія училища и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ держалъ себя побѣдоносно, опровергалъ болгарина, раскрывалъ истину и т. д.: страна оказывалась сербскою. Но затѣмъ читателя встрѣчало крайнее недоумѣніе. Послѣдняя глава книги представляетъ статистику населенія Македоніи и Старой Сербіи. Не будемъ спрашивать, какъ выведена эта статистика; но авторъ даетъ весьма опредѣленныя цифры и въ концѣ высчитываетъ даже численность греческой, турецкой и болгарской „партій“. Главная цифра сербовъ находится въ турецкой „партіи“ (больше полумилліона); въ партіи болгарской сербовъ нашлось только 10.000, но къ этой цифрѣ г. Гопчевичъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „здѣсь включены *всѣ* оболгаренные сербы. Точнаго опредѣленія количества остальной части, которую болгарская пропаганда склонила на свою сторону, нельзя добиться, потому что большинство македонскихъ сербовъ, только изъ своихъ личныхъ выгодъ выдаютъ себя передъ болгарской пропагандой за ихъ приверженцевъ: такъ какъ они устраиваютъ имъ школы, церкви, раздаютъ деньги и т. д., тогда какъ сербы о нихъ ничуть не заботятся. Въ силу такихъ обстоятельствъ, выясняется позорный фактъ для сербовъ, что и въ настоящее время изъ всѣхъ старо-сербовъ и македонянъ, говорящихъ по-сербски, и 25.000 не думаютъ по-сербски, не считая 330.000 причисленныхъ мною къ албанцамъ, грекамъ и болгарамъ, потому что они, будучи несомнѣнно сербскаго происхожденія, теперь говорятъ по-албански, по-гречески и по-болгарски“ (стр. 364). Но если болгары „устраиваютъ сербамъ школы, церкви, раздаютъ деньги и т. д.“, а сербы (подразумѣваются вѣроятно сербы не только мѣстные, но сербы королевства и Черногоріи) объ нихъ совсѣмъ не заботятся, то что̀ же остается этимъ заброшеннымъ сербамъ, какъ не считать себя болгарами, а со временемъ и дѣйствительно въ нихъ обратиться? Этого существеннаго вопроса г. Гопчевичъ и не объяснилъ.

Среди изложенія г. Гопчевичъ не однажды поминаетъ иностранныхъ путешественниковъ по этимъ землямъ—Каница, Барта, Гана, Викенеля (въ русскомъ изданіи: Викеснелъ), Буэ, Мэкензи и Ирби, и т. д., но говоритъ объ нихъ обыкновенно съ великимъ презрѣніемъ

(„ихъ сочиненій не могу читать безъ смѣха и нѣкотораго сожалѣнія", стр. 38), но это презрѣніе едва ли раздѣлитъ здравомыслящій человѣкъ. Кто, какъ не эти писатели, не славяне, чуждые славянскому міру, начиная съ стариннаго Ами Буэ, именно начинали весьма трудное нѣкогда (да и теперь не совсѣмъ легкое) изслѣдованіе, котораго не дѣлали сами славяне?

Не имѣя въ рукахъ нѣмецкаго подлинника, не знаемъ, правильно ли передано слѣдующее ученое соображеніе: „Оставивъ стѣны Марковой крѣпости, мы спустились въ село *Варошъ*. Правда, д-ръ Бартъ научно объясняетъ, что „варошъ" на болгарскомъ языкѣ означаетъ открытый торговый городъ, въ противоположность укрѣпленному *городу*, между тѣмъ какъ въ болгарскомъ языкѣ слово „варошъ" *совсѣмъ неизвѣстно* и тамъ безъ различія *каждый* городъ называется „варошъ", несмотря на то, укрѣпленъ ли онъ, или не имѣетъ крѣпости" (стр. 96). Какимъ образомъ „каждый городъ" называется такимъ словомъ, которое въ языкѣ „совсѣмъ неизвѣстно",—остается загадкой...

Опять мы не будемъ входить въ разборъ существа другой книжки—о „Македонскомъ вопросѣ". Вопросъ трактуется также съ сербской точки зрѣнія: Македонія никакъ не должна принадлежать Болгаріи;—но впрочемъ и не королевству Сербіи, а Черногоріи и ея „заслуженной древней династіи". Авторъ взываетъ къ единодушію Сербіи и Черногоріи, которыя должны, наконецъ, объединить сербское племя,—но это политическое пріобрѣтеніе авторъ все-таки предназначаетъ для Черногоріи.

Это предпочтеніе объясняется тѣмъ, что самъ авторъ—уроженецъ Черногоріи. Правда, изъ Черногоріи онъ долженъ былъ бѣжать, но тѣмъ не менѣе онъ желаетъ послужить Черногоріи и черногорской династіи. Въ концѣ книжки онъ счелъ нужнымъ изложить собственную біографію.

„Можно констатировать тотъ фактъ,—говоритъ г. Рогановичъ,—что въ настоящее время serbus serbi (т.-е. serbo) lupus... Новый сербъ съ улыбкой возводитъ своего соплеменника серба на эшафотъ, лишь бы удовлетворить амбицію своего испорченнаго „я". Авторъ этихъ строкъ, сербъ, черногорскій уроженецъ, самъ былъ невинной жертвой этихъ черныхъ душъ, создавшихъ и поддерживающихъ эту черногорско-сербіанскую династическую борьбу. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что serbus serbi lupus. Событіе это случилось со мною въ Черногоріи и Сербіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кончивъ требуемый курсъ ученія въ цетиньской и бѣлградской гимназіи, а затѣмъ въ бѣлградскомъ учительскомъ институтѣ, я послѣ своего шестилѣтняго пребыванія въ Сербіи отправился въ Черногорію, въ которой и прожилъ годъ въ качествѣ учителя, управляющаго на-

родными школами въ Цетиньѣ. По истеченіи года, я отказался отъ этой любимой мною должности и отправился для дальнѣйшаго образованія въ пражскій университетъ, по приглашенію адвоката Черпаго, извѣстнаго чешскаго славянофила, которымъ я, какъ черногорецъ, былъ горячо обласканъ и любезно принятъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность. Въ это же самое время удостоило меня своимъ высокимъ вниманіемъ и черногорское правительство, назначивъ мнѣ стипендію. Въ теченіе двухъ лѣтъ моего пребыванія въ пражскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ я, совмѣстно съ начальникомъ народныхъ черногорскихъ школъ Джуромъ Поповичемъ, извѣстнымъ черногорскимъ педагогомъ, написалъ по конкурсу два учебника: „Српски Буквар" и „Землопис Црне Горе"...

„Время моего пребыванія и занятія въ Прагѣ совпало съ шумною порой въ Черногоріи. Много видныхъ по положенію, но насквозь испорченныхъ и безнравственныхъ людей покинуло Черногорію къ ея, разумѣется, счастью, такъ какъ этимъ она освободилась отъ внутренней гнили. Всѣ эти эмигранты выбыли изъ Черногоріи не изъ-за какихъ-либо возвышенныхъ цѣлей и побужденій, а вслѣдствіе своихъ грязныхъ поступковъ и виновности. Намъ не хочется называть ихъ по имени и удостоивать чести публикаціи въ русской печати". (Замѣтимъ, впрочемъ, что „честь" была бы сомнительная. Дальше авторъ называетъ, однако, нѣкоторыя имена). „Одни изъ этихъ лицъ поселились въ Австро-Венгріи, Босніи и Хумѣ, получивъ тамъ помѣстья, пенсіи и титулы бароновъ. Австро-Венгрія разсчитывала создать въ лицѣ этихъ людей оппозицію противъ Черногоріи и черногорской династіи, въ чемъ, замѣтимъ, и не ошиблась... Всѣ эти эмигранты провозгласили себя мучениками за сербскую идею и, поддерживаемые Австро-Венгріей и Сербіей, начали дѣйствовать чрезъ анонимную печать противъ Черногоріи и ея правительства, причинивъ этимъ не мало вреда сербскому народу. Въ это самое печальное время я былъ оклеветанъ (?) предъ черногорскимъ правительствомъ однимъ изъ эмигрантовъ, перебѣжчикомъ, который за золото готовъ былъ служить кому и чему угодно. Я себя и не оправдываю (?). Можетъ быть, я былъ и виноватъ, но развѣ только въ томъ, что я продолжалъ личныя сношенія потому, что всѣ эти событія не могли не интересовать меня по одному уже тому, что они касались родного и дорогого мнѣ края Черногоріи, а также и всего дорогого мнѣ сербства. Пріѣхавши изъ Праги, я около мѣсяца пробылъ въ Черногоріи, находясь въ самомъ критическомъ и тяжеломъ положеніи, но затѣмъ вынужденъ былъ внезапно покинуть ее и спасаться отъ опасности, готовящейся мнѣ со стороны указанной личности и его шайки (?). Изъ Черногоріи я добрался кое-какъ до Австро-Венгріи, но такъ какъ это

государство въ понятіи черногорскаго серба, да и на самомъ дѣлѣ, является заклятымъ врагомъ Черногоріи и всего сербскаго народа, то мнѣ не хотѣлось далѣе оставаться въ ней и продолжать свои занятія въ пражскомъ университетѣ. Я боялся стать измѣнникомъ въ глазахъ своего народа и своихъ родныхъ, изъ устъ которыхъ была бы провозглашена на меня всякая анаѳема. Потому вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Прагу, я отправился въ родную Сербію, въ которой я ранѣе кончилъ учительскій институтъ, какъ правительственный стипендіатъ и въ которой, какъ солдатъ, прошелъ студенческій курсъ резервныхъ офицеровъ въ надеждѣ, исполнивъ всѣ обязанности гражданина Сербіи (?), приклонить въ ней свою голову и отдохнуть послѣ такого сильнаго душевнаго напряженія, которое я пережилъ въ Цетиньѣ и послѣ неожиданной потери родного края. Но, къ сожалѣнію, мои мечты такъ и остались мечтами. Я, было, разсчитывалъ достать учительскую должность, но только не въ свободномъ королевствѣ Сербіи, а въ подневольныхъ сербскихъ провинціяхъ Старосербіи и Македоніи. Туда меня влекло какое-то невѣдомое и самому мнѣ непонятное чувство, а можетъ быть, и желаніе показать, что я невиновенъ, что я люблю свой народъ, что я могу охотно служить народной идеѣ. Свидѣтелемъ всего этого былъ сербскій народный дѣятель Станко Ивановичъ, черногорскій сербъ, теперешній профессоръ сербской семинаріи въ Скоплѣ въ Македоніи, воспитанникъ русской духовной академіи. Но упомянутые черногорскіе эмигранты не оставили меня и здѣсь въ Сербіи; тѣ же самые, которые начали преслѣдовать меня, успѣли убѣдить и сербіанское правительство, что я нарочно присланъ изъ Черногоріи устроить заговоръ противъ сербіанской династіи. Боже мой! Я 24-лѣтній молодой человѣкъ, исполненный самыхъ благихъ стремленій и намѣреній, и вдругъ будто бы думаю устраивать заговоръ!! Необычайно и ужасно, а тутъ еще грозный и страшный префектъ бѣлградской полиціи неистово оглушалъ мой слухъ. Я не зналъ, гдѣ нахожусь, что̀ со мной дѣлается, просто мутилось сознаніе... Я доказывалъ, что все это вздоръ и ложь, что этого не можетъ быть, что я не такой человѣкъ, и въ доказательство приводилъ то, что я желаю служить не въ королевствѣ Сербіи, а въ Старосербіи или Македоніи, гдѣ жизнь человѣка виситъ на волоскѣ, и гдѣ меня, если бы я былъ заговорщикомъ-интриганомъ, нечего было опасаться. Но все было напрасно. Министромъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ мнѣ было объявлено, что не только въ Сербіи, но и внѣ ея вездѣ, гдѣ только распространяется ея вліяніе и власть, я не могу получить никакой должности. А я и просилъ-то всего только должности сельскаго учителя между старосербіанскими и македонскими сербами, чтобы просвѣщать здѣсь своихъ соотчичей. Мало

того, послѣ тщательнаго и мелочного изслѣдованія и осмотра моихъ вещей и даже меня самого и послѣ нѣсколькихъ вынужденныхъ визитовъ подъ крѣпкимъ карауломъ къ префекту Бѣлграда, мнѣ было объявлено, что я долженъ немедленно оставить Сербію, какъ очень опасный человѣкъ и противникъ сербской династіи, записанный на вѣчныя времена въ черную книгу сербіанскаго правительства. И грустно, и смѣшно! Но судьба, которая выгнала меня такъ немилостиво изъ двухъ сербскихъ государствъ и лишила возможности жить въ своемъ отечествѣ, та же самая судьба, наконецъ, и улыбнулась мнѣ, указавши мнѣ дорогу въ общую славянскую родину—Россію, получивши въ ней высшее образованіе, откуда я теперь спокойно наблюдаю за всѣмъ, что̀ дѣлается въ сербствѣ" (стр. 74... 80).

Но и здѣсь, какъ въ книгѣ г. Гопчевича, мы,—независимо отъ этой мало понятной автобіографіи,—находимся въ лабиринтѣ недоумѣній. Во-первыхъ, все, для блага сербскаго народа, должно дѣлаться „съ согласія русской политики", „при русскомъ покровительствѣ" (стр. 71, 82 и др.), т.-е., иначе говоря, русскими людьми и деньгами. Во-вторыхъ, „черногорская и сербіанская (такъ называетъ авторъ королевство Сербію) династіи борются на жизнь и смерть, и весь сербскій народъ раздѣлился на два лагеря" (стр. 80). Въ-третьихъ, вражда Сербіи и Черногоріи есть „ядовитый плодъ, выращенный *насквозь испорченною* сербіанско-черногорской интеллигенціей, упавшей нравственно и забывшей, что безъ прочной собственной духовной выдержки нельзя браться за трудную работу устроенія счастья народа" (стр. 74),—это послѣднее не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ-четвертыхъ, македонское населеніе, по словамъ автора, есть „сербское дитя общей славянской семьи, но по своей организаціи это скорѣе кусокъ глины, изъ котораго искусный ваятель можетъ сформировать своими руками что̀ ему угодно" (стр. 53),—отзывъ довольно фатальный; и самъ авторъ признаетъ, что сербы Македоніи весьма поддаются болгарскому вліянію и становятся болгарами, несмотря на сербское численное большинство.

Но какимъ же образомъ, послѣ всего сказаннаго, настаивать на „государственно-національномъ правѣ" Черногоріи, на какомъ-нибудь правѣ Сербіи, когда ихъ „интеллигенція", т.-е. образованнѣйшій и руководящій классъ, которому—въ случаѣ успѣха, „при русскомъ покровительствѣ"—пришлось бы распоряжаться во вновь пріобрѣтенной Македоніи, когда эта интеллигенція насквозь испорчена и упала нравственно?—Достаточно одного зрѣлища современной Сербіи, чтобы усомниться въ предположеніяхъ автора.

Пусть авторъ не думаетъ, впрочемъ, что мы становимся въ „македонскомъ вопросѣ" на сторону болгарскихъ притязаній. Мы хотимъ

только сказать, что *эта* аргументація, какую авторъ излагаетъ въ своей книжкѣ, очень мало убѣдительна.

Въ книжкѣ есть отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, но мы остерегли бы автора отъ приложенія „сербіанско-черногорской“ мѣрки къ такимъ писателямъ, какъ г. Милюковъ (стр. 25). Вѣроятно, г. Милюковъ самъ сдѣлаетъ автору подобающее поученіе по этому случаю, когда до него дойдетъ эта книжка.—Т.

— **Голодный годъ (1898—1899). Письма въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Е. Шмурло М. 1900.**

Предметъ книги—печальный; этотъ предметъ—народное бѣдствіе, и разсказъ о немъ, составленный серьезнымъ человѣкомъ, принявшимъ къ сердцу народную бѣду, можетъ быть весьма поучителенъ, какъ новое изученіе народной жизни, какъ новое указаніе о томъ, какимъ путемъ цѣлесообразнѣе можетъ быть подаваема помощь народу въ подобныя тяжелыя времена. Такова именно и есть книжка г. Шмурло. Авторъ, ученый историкъ, профессоръ юрьевскаго университета, тревожась частными извѣстіями о голодѣ, рѣшилъ самъ отправиться на мѣсто, и сдѣлалъ двѣ поѣздки въ уфимскій и казанскій край, зимою и лѣтомъ. Съ дороги и съ мѣста онъ писалъ письма, которыя и собралъ теперь въ особую книжку.

Авторъ,—читаемъ въ предисловіи,—вездѣ являлся въ роли лишь простого наблюдателя, описывая только то, что̀ непосредственно видѣлъ или слышалъ: его цѣлью было подѣлиться своими *впечатлѣніями*, и онъ не задавался какими-либо *выводами*, тѣмъ болѣе не ставилъ себѣ задачею что-либо „раскрыть“, „доказать“, въ чемъ-либо „убѣдить“.—Надо думать, что въ этомъ отклоненіи „выводовъ“ авторомъ руководило нежеланіе смѣшаться съ тѣми газетными писателями, которые все знаютъ, все рѣшаютъ, „раскрываютъ“, „доказываютъ“ и т. д.—часто не заикаясь о самомъ главномъ. Въ этомъ смыслѣ, уклончивость автора совершенно непонятна;—но вслѣдъ затѣмъ онъ самъ признаетъ, что нельзя не сдѣлать нѣкотораго обобщенія или „вывода“, что „оглянуться на давнее прошлое, можетъ быть, будетъ небезполезно“: „истекшая година должна многому научить насъ и не только тому, что̀ слѣдуетъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, но также и тому, чего дѣлать не слѣдуетъ“. Главное поученіе заключалось въ слѣдующемъ. „Истекшій годъ съ убѣдительной ясностью на каждомъ шагу подчеркивалъ ту мысль, что только при дружной совмѣстной работѣ *правительственныхъ* и *общественныхъ* элементовъ возможенъ успѣхъ въ достиженіи той цѣли, какая преслѣдовалась нынче въ

пострадавшихъ губерніяхъ, что только тамъ, гдѣ существовало *взаимное довѣріе* этихъ элементовъ, гдѣ формы и способы въ оказанія помощи получали наиболѣе свободное выраженіе—только тамъ успѣшнѣе всего и дѣйствовала эта помощь".

Авторъ очень обстоятельно изображаетъ положеніе деревенскаго населенія въ краѣ, который былъ постигнутъ неурожаемъ, и тѣ мѣры помощи, которыя принимались оффиціальными вѣдомствами и частной иниціативой; изображаетъ дѣятельность Краснаго Креста, частныхъ благотворительныхъ кружковъ, указываетъ свойства канцелярскихъ порядковъ, отмѣчаетъ впечатлѣніе, какое производила благотворительная дѣятельность на мѣстное инородческое населеніе, ставитъ извѣстный вопросъ, развращаетъ ли даровая помощь, и т. д. Въ концѣ концовъ, сама собой возникаетъ оцѣнка всего благотворительнаго движенія. Именно, начиная говорить о значеніи частной благотворительной помощи,—„невольно ставишь себя въ положеніе того бытописателя, которому впослѣдствіи выпадаетъ на долю невеселая задача возстановить въ памяти позднѣйшихъ поколѣній картину современной нашей косности и омертвѣнія общественной жизни. Его перо заговоритъ нѣсколько бодрѣе, развѣ еще когда рѣчь зайдетъ, именно, объ участіи общества въ борьбѣ съ теперешнимъ голодомъ". И по мнѣнію автора, будущій бытописатель, между прочимъ, будетъ говорить, что, когда началось бѣдствіе голода, правительство приняло необходимѣйшія мѣры; но средствъ его недоставало, и бѣдствіе продолжало распространяться...

„Между тѣмъ,—будетъ говорить бытописатель,—единичные работники изъ среды общества то тамъ, то тутъ стали появляться сравнительно еще задолго. Они не только боролись, но и дѣлились своими впечатлѣніями; не только работали, но и взывали о помощи. И вотъ, наконецъ, ихъ голосъ и примѣръ были услышаны и мало-по-малу начали оказывать свое дѣйствіе; положеніе дѣла стало уясняться гораздо отчетливѣе, картина рисоваться гораздо ярче. Тревога и скорбь душевная охватили спокойнаго до сихъ поръ зрителя...

„И вотъ, сотни и сотни людей самоотверженно пошли теперь въ зараженныя и обезсиленныя деревни. Ледъ пробился, плотина прорвалась, потокъ хлынулъ. Русское общество нервнымъ, порывистымъ движеніемъ точно спѣшило вознаградить себя за несвоевременную спячку, за невольное бездѣйствіе. Въ глухіе углы Поволжья и Прикамья потянулись доктора и женщины-врачи, студенты и студентки. фельдшерицы и сестры милосердія, учителя и учительницы, помѣщики и литераторы, консерваторки и художники, люди свободные отъ службы и взявшіе отпускъ, мужчины и женщины, вдовы и замужнія, моло-

дежь и взрослые, безбородые и съ сѣдиной, богатые и бѣдные, лица съ положеніемъ и никому не извѣстные...

„Многихъ захватилъ этотъ чистый, свѣтлый потокъ, затронувъ и мѣстныхъ дѣятелей, вызвавъ въ нихъ усиленную энергію, готовность идти на работу. Внося чистыя, еще не испытанныя радости въ жизнь участниковъ этого благороднаго движенія, онъ въ то же время нравственно освѣжилъ, приподнялъ и все современное общество. Этою стороною онъ является свѣтлымъ лучомъ на общемъ фонѣ тогдашней сѣрой дѣйствительности, отрадной, примиряющей страницей въ исторіи того времени. Благодаря этому движенію, тяжелую годину 1898—1899 г. найдется чѣмъ помянуть, также и хорошимъ. Хвала всѣмъ, кто будилъ насъ въ это время, всѣмъ, кто напоминалъ о нашемъ долгѣ:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..“

„Вотъ что,—продолжаетъ нашъ авторъ,—или приблизительно что, думается мнѣ, скажетъ будущій историкъ о нашемъ времени вообще, и о той годинѣ, что теперь заканчивается, въ частности.

„И развѣ онъ не будетъ правъ? Развѣ участіе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ голодомъ не приподняло нашего настроенія, развѣ не почувствовалась струя свѣжаго, здороваго воздуха?.. Развѣ могли безслѣдно пройти эти многочисленные примѣры добровольнаго удаленія въ деревенскую глушь, гдѣ иные прямо до самозабвенія жертвуютъ своими силами, здоровьемъ, покоемъ душевнымъ?..“—Д.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арефьевъ, В.—Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Выпускъ первый. Географическое положеніе и природа Сибири. Томскъ, 1900. Изданіе книжнаго магазина П. И. Макушина въ Томскѣ. 105 стр. Ц. 30 коп.

Байда, Петро.—Гомерова Одиссея гексаметром на мову українську перевіршував П. Б. Часть I (приписано). У Львові 1900. (Такъ на оберткѣ; на второмъ заглавномъ листѣ: Львів 1889). Часть II. У Львові 1892. 162 и 158 стр. Цѣна первой части 3 зр. 20 кр.; второй—1 р. а. в.

Богдановичъ, П.—Изъ уроковъ по русской словесности. Кіевъ, 1900. 385 и VI стр. Ц. 2 руб.

Божерьяновъ, И. Н.—Жизнеописаніе императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая I. Выпускъ второй, съ одною автотипіею и 50 рисунками въ текстѣ. Спб. (1900). Стр. 109—214. Ц. 1 р. 50 к.

Викъ. 1798—1898. Кыивъ, 1900. 464 и VIII стр. Ц. 2 руб.

Горькій, М.—Разсказы. Томъ II. Спб., 1900. Изд. товарищества „Знаніе“. Стр. 394. Ц. 1 р.

Дорошевичъ, В.—Въ землѣ обѣтованной. (Палестина). Съ 76 рисунками. М. 1900. 231 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Житецкій, П.—Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы. Изданіе „Кіевской Старины". Кіевъ, 1900. 174 и 130 стр. Ц. 2 р.

Заболотный, В.—Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: Что такое война? (философскій эскизъ на почвѣ субъективизма). Варшава, 1900. IV, 124 стр. Ц. 70 к.

Клаузнеръ, I.—Ново-еврейская литература XIX-го вѣка. (1785—1899). Литературно-историческій очеркъ. Варшава, 1900. VIII и 102 стр. Ц. 50 коп. Изданіе „Тушія".

Левицькый, Иванъ.—Повисти й оповидання. Томъ II. Кіевъ, 1900. 453 стр. Цина 1 р. 50 коп.

Пель, А. В., проф.—Физіолого-химическія основы теоріи спермина и клиническіе матеріалы о терапевтическомъ примѣненіи спермина (Sperminum-Poehl). Спб. 1899. 366 стр.

Рогановичъ, Іованъ П.—„Македонскій вопросъ" на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Казань, 1900. 84 стр.

Русовъ, А. А.—Описаніе Черниговской губерніи. Составлено по порученію Губернскаго Земства членомъ Импер. Р. Геогр. Общества А. А. Р. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи". Черниговъ, 1898—1899. Т. I, XI, 437, 123 стр. и нѣсколько картъ, Т. II, XI, 377 и 327 стр., и нѣсколько картъ.

Скворцовъ, Ир., проф.—Основы гигіологіи и гигіены. Краткій курсъ для студентовъ и врачей. М. 1900. Изданіе книжнаго магазина Брейтигама въ Харьковѣ. 368 стр., съ таблицами. Ц. 2 р. 75 к.

Спиридонъ, іеромонахъ. — Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ, сочинися и списася въ лѣто 1792. Стъкми за издание В. Н. Златарски. Издава Св. Синодъ на Българската церква. София, 1900. LV и 124 стр. Цѣна 2 лева. (Намира се за продань въ придворната книжарница. София, площадь Александръ I).

Столѣтовъ, А. Г., проф. московскаго университета.—Введеніе въ акустику и оптику. Съ 285 чертежами въ текстѣ. Изданіе 2-е. М. 1900. 324 стр. Ц. 2 руб.

— Журналы Лохвицкаго уѣзднаго земскаго собранія XXXV очередного созыва 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го и 9-го октября 1899 года. Лохвица, 1900, 251 стр.

— Всемірная выставка 1900 г. въ Парижѣ. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Спб. (Составилъ В. И. Михайловскій). Иллюстрированное изданіе. 68 стр.

— Тоже: Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Очеркъ. Составилъ В. Михайловскій. Спб. 1900. (Безъ иллюстрацій).

— Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Пермской губерніи въ продовольственномъ отношеніи. Пермь, 1900. 95 и 263 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— XVII Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи, Севастопольскаго и Керченскаго градоначальства. Симферополь, 1900. 162 и 57 стр.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ третій. Выпускъ IV. 1900. Спб. 1900. (Министерство иностранныхъ дѣлъ). 275—361 стр.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Выпускъ XI. (Изъ „Извѣстій Московской Городской Думы", октябрь 1899—февраль 1900 года). М. 1900. 238 стр.

— Стенографическій отчетъ XXXV очередного Новгородскаго Губернск. Земск. Собранія. Съ 15 по 29 января 1900 года. Новгородъ, 1900, V, 5, 456 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Maurice Talmeyr. Souvenirs de Journalisme. Paris, 1900. Стр. 290.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Морисъ Тальмейръ говоритъ о томъ, какой интересъ могъ бы представить романъ, описывающій французскую газетную прессу. Жизнь и дѣятельность французскихъ журналистовъ представляетъ богатый психологическій матеріалъ, и нравы, господствующіе въ этой средѣ, чрезвычайно любопытны и поучительны для бытописателя современной жизни. Фактически онъ ошибается, утверждая, что подобнаго романа не существуетъ. Вспомнимъ хотя бы „Bel Ami“ Мопассана, гдѣ смѣло и безпощадно раскрыты самыя неприглядныя стороны французскаго журнальнаго міра, обрисованы всѣ идеалы газетныхъ дѣятелей, менѣе всего занятыхъ безкорыстнымъ служеніемъ своему дѣлу. До Мопассана Флоберъ въ „Education Sentimentale“ описывалъ закулисную сторону журналистики въ довольно мрачномъ свѣтѣ. И Гонкуры, и нѣкоторые изъ молодыхъ современныхъ романистовъ выводили въ своихъ повѣстяхъ типы журналистовъ со всѣми свойствами и недостатками, обусловленными ихъ сложными интересами и борьбой за успѣхъ. Но Тальмейръ правъ, говоря, что все-таки романъ, изображающій картину нравовъ французской журналистики, еще не написанъ. Такого романа нѣтъ и быть не можетъ,—Тальмейръ думаетъ, что никто бы даже не повѣрилъ раскрываемой во всей наготѣ истинѣ. Онъ самъ не беретъ на себя столь неблагодарной задачи, а предпринимаетъ нѣчто болѣе скромное. Онъ собираетъ свои воспоминанія, накопившіяся за много лѣтъ журнальной дѣятельности, разсказываетъ о людяхъ, знаменитыхъ и мало извѣстныхъ, съ которыми онъ сталкивался, работая въ разныхъ газетахъ,—и въ ограниченныхъ рамкахъ личныхъ наблюденій оказывается такъ много характернаго съ бытовой точки зрѣнія, что выводы объ общемъ духѣ французской прессы напрашиваются сами собой.

Впечатлѣніе, которое читатель выноситъ изъ воспоминаній Тальмейра,—очень грустное. Французская пресса считается самой яркой и блестящей въ Европѣ. Она имѣетъ боевой характеръ, и въ ней индивидуальность писателей выступаетъ болѣе опредѣленно, чѣмъ, на-

примѣръ, въ Англіи, гдѣ большинство газетныхъ статей появляется даже безъ подписи. Благодаря условіямъ французской печати, журналистъ имѣетъ возможность оказать самое широкое вліяніе на общество. Казалось бы поэтому, что журналистика должна привлекать въ свою среду лучшія силы страны, тѣхъ, кому дороги интересы общества, кто призванъ вести за собой людей къ истинѣ. А между тѣмъ, читая исторію возникновенія разныхъ газетъ, исторію преуспѣванія людей, стоящихъ теперь во главѣ французской прессы, мы видимъ совершенно другое. Журнальная дѣятельность привлекаетъ не той пользой, какую она можетъ принести обществу, а блескомъ, связаннымъ съ успѣхомъ. Ни въ одной другой странѣ нельзя себѣ сдѣлать такую блестящую карьеру журнальной дѣятельностью, какъ во Франціи. Журналисту, обладающему нужными для успѣха качествами, обезпечены и огромныя матеріальныя выгоды, и высокое общественное положеніе; вслѣдствіе этого въ прессу устремляются прежде всего честолюбцы и карьеристы. Изъ фактовъ, сообщаемыхъ Тальмейромъ, видно, что стòитъ безкорыстному и искреннему въ своемъ желаніи блага человѣку затѣять газетное предпріятіе, чтобы оно погибло почти въ самомъ началѣ. Только твердое рѣшеніе преуспѣть создаетъ во Франціи успѣхъ. Чтобы достигнуть его, нужны качества, не имѣющія прямого отношенія къ литературѣ. Нуженъ талантъ особаго рода, остроуміе, находчивость, дерзость, доходящая до наглости, умѣнье столь же ловко владѣть шпагой, какъ и перомъ, нужно имѣть за собой извѣстное число знаменитыхъ дуэлей и быть сильнымъ въ полемикѣ. Для общества, въ сущности, всѣ эти качества не имѣютъ значенія, но пресса нужна во Франціи не для того, чтобы управлять общественнымъ мнѣніемъ, а для того, чтобы забавлять легкомысленную, жаждущую всякаго рода развлеченій публику. Успѣхъ журналиста во Франціи—такой же, какъ успѣхъ актера, опернаго тенора. Изъ воспоминаній Тальмейра видно, до чего укоренился во Франціи такой взглядъ, и съ какой откровенностью всякій начинающій журналистъ стремится выработать въ себѣ только такого рода внѣшнія качества, даже не маскируя своей погони за успѣхомъ болѣе возвышенными цѣлями. Журналистика во Франціи—каррьера, а не служеніе отвлеченнымъ интересамъ. Каррьера эта болѣе трудная, чѣмъ служеніе въ какой-нибудь администраціи, или даже военная служба, но она и болѣе выгодная, и потому всякій, кто обладаетъ умомъ и талантомъ, стремится къ ней.

Прямымъ слѣдствіемъ такого пониманія журнальной дѣятельности является полная рознь журнальныхъ дѣятелей между собой. Газета, какъ бы блестяще она ни велась, не есть органическое цѣлое, не есть совмѣстное дѣло людей, объединенныхъ общими интересами.

Всякій занятъ только собой, успѣхомъ написанной имъ статьи, и кромѣ внѣшнихъ товарищескихъ отношеній, банкетовъ, собирающихъ по разнымъ поводамъ сотрудниковъ газетъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, никакой органической связи нѣтъ между людьми, ищущими каждый успѣха для себя. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Рошфора и его отношенія къ сотрудникамъ, о которомъ говоритъ Тальмейръ въ интересной главѣ, посвященной редактору „Intransigeant“.

Тальмейръ рисуетъ очень живой портретъ Рошфора, и многія черты этого портрета типичны для всякаго преуспѣвшаго французскаго журналиста. Есть что-то богемное въ несомнѣнно талантливомъ памфлетистѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Тальмейръ отмѣчаетъ въ немъ аристократическую брезгливость къ черни, надменность въ обращеніи съ людьми. Можно было бы отмѣтить еще другія, буржуазныя черты—страсть къ наживѣ и влеченіе къ удовольствіямъ, болѣе приличествующимъ разбогатѣвшему банкиру, чѣмъ тому, кто долгое время считался однимъ изъ вождей радикализма. Вотъ какимъ рисуется Рошфоръ въ воспоминаніяхъ Тальмейра: „Рошфору въ это время было около 50-ти лѣтъ, но онъ все-таки велъ образъ жизни студента, которому банкиръ его отца вручаетъ ежедневно сто франковъ на карманные расходы. Время онъ проводилъ самымъ безпорядочнымъ и легкомысленнымъ образомъ: бѣготня днемъ, театры вечеромъ, и среди этой разсѣянной жизни, среди всякихъ развлеченій, часъ или самое большее два—для писанія статьи къ слѣдующему дню. Онъ жилъ въ маленькомъ отелѣ, гдѣ не было недостатка ни въ красивой мебели, ни въ прекрасныхъ картинахъ, но былъ тамъ какъ на бивуакѣ. Всегда казалось, что онъ наканунѣ переѣзда; онъ принималъ посѣтителей кое-какъ; видно было, что ему неохота обзаводиться благоустроеннымъ хозяйствомъ. Онъ показывалъ картины, какую-нибудь недавно купленную обновку, послѣдній bibelot, раздобытый гдѣ-нибудь на рынкѣ, лазилъ по лѣстницамъ съ быстротой клоуна, водилъ на чердакъ—показывать какую-нибудь мебель, которую нигдѣ нельзя поставить, но которую онъ все-таки купилъ, потомъ задерживалъ къ завтраку и угощалъ съ чрезвычайной любезностью. Въ редакціи онъ проводилъ ежедневно отъ четверти—до получаса, никогда не болѣе часа, приходя туда всегда въ разное время, не любилъ посѣтителей, боялся докучливыхъ людей, ненавидѣлъ людей, занятыхъ политикой, и просматривалъ работы своихъ сотрудниковъ, какъ генералъ пробуетъ пищу солдатъ—одинъ или два раза въ мѣсяцъ, когда улучалъ свободную минуту“. Этотъ человѣкъ, вѣчно занятый собой, не пользовался симпатіей своихъ сотрудниковъ, и по очень простой причинѣ. Всякій изъ нихъ чувствовалъ, что не существовалъ для

Рошфора, что онъ ни въ комъ не нуждался и готовъ былъ хоть каждый день мѣнять составъ редакціи. „Между Цезаремъ и его солдатами, — говоритъ Тальмейръ, — есть органическая связь, но между актеромъ, играющимъ роль Цезаря, и другими участниками представленія нѣтъ никакой связи, а Цезарь въ газетѣ—то же самое, что Цезарь на сценѣ". Это сравненіе Рошфора съ актеромъ очень удачно. Тальмейръ правъ, говоря далѣе, что Рошфоръ прежде всего „самый колоссальный, сокрушительный и ядовитый насмѣшникъ" со временъ Вольтера. Вольтеръ при этомъ имѣлъ въ виду аристократическихъ слушателей. Рошфоръ же потѣшаетъ толпу. Вокругъ такого человѣка всѣ обращались въ ничто, и ясно это чувствовали. Въ редакціи его газеты всегда ходили слухи объ увольненіи кого-нибудь изъ сотрудниковъ, или о томъ, что въ концѣ мѣсяца вся редакція получитъ отставку. Стоило Рошфору завтракать съ какимъ-нибудь начинающимъ ученымъ, стоило ему или не приходить нѣсколько дней въ редакцію, или же, напротивъ, того зачастить въ нее, какъ всѣ въ редакціи начинали волноваться и высказывать свои предположенія о предстоящихъ перемѣнахъ. Газета Рошфора всегда держалась только имъ однимъ,—чрезвычайно характерный фактъ въ исторіи французской журналистики, доказывающій преобладаніе въ ней личности надъ идеями, и погони за успѣхомъ—надъ убѣжденіями.

Другой примѣръ журналиста, который сразу понялъ, какими средствами достигается успѣхъ въ Парижѣ, и который вступилъ въ журналистику только съ мыслями объ успѣхѣ—Орельенъ Шоль, одинъ изъ самыхъ блестящихъ парижскихъ хроникёровъ. Тальмейръ перечисляетъ качества, которымъ Шоль обязанъ своимъ успѣхомъ. „Это—самый остроумный и оригинальный изъ нашихъ журналистовъ,—говоритъ онъ,—самый рѣзкій, легкій, блестящій, самый злой и умѣющій лучше всѣхъ смѣшить". Казалось бы, что одними этими качествами, какъ бы талантливъ ни былъ писатель, нельзя вліять на общественное мнѣніе,—нужно, чтобы самыя идеи, высказываемыя въ столь блестящемъ съ внѣшней стороны образомъ, заслуживали вниманіе и были благотворны. Но для французскаго журналиста не представляется никакой надобности въ томъ, чтобы имѣть опредѣленное міросозерцаніе и защищать его всѣми доступными ему средствами. Онъ долженъ быть только занимателенъ, и тогда читатели его будутъ вполнѣ удовлетворены, и успѣхъ его будетъ обезпеченъ. Не даромъ Франція — родина фельетоннаго стиля, процвѣтающаго въ такъ называемыхъ chroniques, гдѣ говорится о чемъ угодно въ легкомъ и остроумномъ стилѣ. А Орельенъ Шоль въ своемъ родѣ—царь хроники; онъ считается отцомъ всѣхъ удачныхъ остротъ, которыми восхищаются на парижскихъ бульварахъ. Тальмейръ разсказываетъ о томъ, какъ этотъ любимецъ французской

публики началъ свою карьеру—и въ его разсказѣ обнаруживается съ полной, почти циничной откровенностью, до чего успѣхъ и только одинъ успѣхъ—завѣтная цѣль французскихъ журналистовъ. Она влечетъ ихъ къ себѣ даже когда они молоды, только-что вступаютъ въ литературу и, казалось бы, должны были питать хоть какія-нибудь иллюзіи относительно своей будущей дѣятельности. Орельенъ Шоль, какъ всѣ парижане, былъ родомъ изъ провинціи, и въ ранней молодости напечаталъ въ мѣстной газетѣ романъ длиной въ шестьдесятъ фельетоновъ. Но ему не хотѣлось застрять въ провинціи, и на всѣ убѣжденія отца, провинціальнаго нотаріуса, онъ не соглашался продолжать его дѣло, обезпечивающее ежегодный доходъ въ восемь тысячъ франковъ. „Мнѣ больше нравится Парижъ",—упрямо твердилъ онъ, какъ бы предчувствуя, что въ Парижѣ онъ будетъ заработывать гораздо болѣе восьми тысячъ франковъ. Первые шаги въ Парижѣ были очень тяжелы, доступъ въ журналы крайне затруднителенъ, но Шоль не унывалъ. Нужно было выказать ловкость, изобрѣтательность, богатую фантазію—и всѣмъ этимъ Шоль обладалъ въ достаточной мѣрѣ. Первой его геніальной выдумкой было изобрѣтеніе газеты подъ названіемъ „La Naïade". Особенность ея заключалась въ томъ, что она печаталась на непромокаемой бумагѣ, и ее можно было читать сидя въ водѣ. „Наяда" выписывалась всѣми établissements de bains, и начинающій журналистъ составилъ себѣ сразу имя. Самый журналъ скоро погибъ, но Шоль, неисчерпаемый въ сочиненіи всякаго рода сенсаціонныхъ слуховъ и остротъ, сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ журналистовъ, хроники котораго появлялись во всѣхъ журналахъ.

Въ книгѣ Тальмейра есть еще нѣсколько примѣровъ литературныхъ дебютовъ столь же мало литературнаго свойства. Онъ говоритъ о дѣльцахъ и разныхъ спекуляторахъ, для которыхъ основаніе газеты было только аферой, иногда удачной, иногда неудачной. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ журналистѣ, котораго называетъ вымышленной фамиліей Дюпона. Онъ основалъ газету „Жиль Блазъ для семейнаго чтенія". Сотрудники, группировавшіеся вокругъ него, были очень довольны своимъ редакторомъ, который совершенно не касался содержанія статей, предоставляя каждому писать какъ угодно. Но черезъ нѣсколько времени газета была закрыта, явились два агента полиціи и увезли съ собой пріятнаго для сотрудниковъ редактора—оказалось, что онъ преслѣдовалъ чисто шантажныя цѣли подъ прикрытіемъ литературныхъ интересовъ. Впослѣдствіи Тальмейру пришлось еще разъ встрѣтиться съ Дюпономъ на банкетѣ, гдѣ праздновалось основаніе новой газеты. Группа сотрудниковъ, привлеченныхъ къ участію въ ней, радовалась основанію „независимой" газеты, и на банкетѣ много говорилось о „честномъ направленіи". Администраторомъ газеты былъ

нѣкій Легрò. Войдя въ залу, Тальмейръ увидѣлъ у входа господина во фракѣ, украшеннаго множествомъ орденовъ; онъ принималъ гостей, играя очевидно роль хозяина. Это и былъ Легрò, въ которомъ Тальмейръ съ ужасомъ узналъ Дюпона, редактора „Жиль Блаза для семейнаго чтенія“. Онъ сообщилъ свое открытіе одному изъ предполагаемыхъ сотрудниковъ „честной газеты“, Альфонсу Эмберу. „Да вѣдь это сказка о разбойникахъ!“ въ ужасѣ сказалъ Эмберъ. „Нѣтъ, это сказка объ основаніи газеты“, — отвѣтилъ Тальмейръ. Узнавшіе Дюпона журналисты не захотѣли испортить праздника и обличить своего знакомца, а стали слушать рѣчи присутствующихъ и того же Дюпона, который громко ораторствовалъ о строгости убѣжденій. „Честная газета“ была основана. Тальмейръ не называетъ настоящихъ именъ участниковъ этой исторіи, но для парижскихъ журнальныхъ кружковъ онѣ вѣроятно не составляютъ секрета, а самый фактъ является интересной страницей изъ исторіи французской журналистики.

Не менѣе любопытно все то, чтò Тальмейръ разсказываетъ о темныхъ, мало извѣстныхъ журналистахъ, и главнымъ образомъ о неудачникахъ въ прессѣ. Онъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе о мелкой злобѣ тѣхъ, которые не преуспѣли въ погонѣ за успѣхомъ, и столь же мало думали о высшемъ назначеніи своей профессіи, какъ и болѣе счастливые и болѣе талантливые ихъ товарищи. Интересенъ, напримѣръ, одинъ сотрудникъ журнала „La Tribune“, который славился своими нападками на правительство и сановниковъ, и оказался въ концѣ концовъ шпіономъ. Когда произошелъ споръ между Альфонсомъ Додэ и его сотрудникомъ по какой-то драмѣ, злобный журналистъ страшно напалъ на Додэ, хотя и говорилъ товарищамъ, что считаетъ его совершенно правымъ. „Почему же ты нападаешь на Додэ?“—спрашиваютъ его товарищи. „Потому что онъ пользуется успѣхомъ (parce qu'il est arrivé)“, цинично заявляетъ журнальный неудачникъ.

Тальмейръ говоритъ и о немногихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ въ неприглядной картинѣ газетныхъ нравовъ. Онъ разсказываетъ исторію газеты „Homme Libre“, основанной Луи Бланомъ. Луи Бланъ хотѣлъ сдѣлать свою газету въ самомъ дѣлѣ совершенно порядочной, обойтись безъ финансовой хроники и безъ возмущавшихъ его объявленій,— но ему очень скоро пришлось сложить оружіе, и онъ не могъ безъ ужаса вспоминать о времени своего редакторства.

Въ общемъ, уголокъ французской журналистики, который раскрывается въ воспоминаніяхъ Тальмейра, даетъ цѣльную картину тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается французская пресса. Знакомясь съ положеніемъ вещей по отдѣльнымъ фактамъ, приходится въ самомъ дѣлѣ задаться вопросомъ, входитъ ли дѣятельность газетъ—по крайней мѣрѣ во Франціи—въ область литературы, преслѣдующей высокія

цѣли, или же печатное слово служитъ въ этомъ случаѣ орудіемъ личныхъ цѣлей, не имѣющихъ отношенія къ духовной культурѣ.

II.

Francisque Sarcey. Quarante ans du Théâtre. Paris, 1900. Стр. 403.

Франдискъ Сарсэ умеръ въ мартѣ 1899 года, и смерть его вызвала множество статей, въ которыхъ чувствуется неподдѣльное уваженіе къ критику, вызывавшему при жизни много недружелюбія и даже озлобленія. Въ теченіе многихъ лѣтъ Франдискъ Сарсэ былъ оплотомъ буржуазнаго духа въ литературѣ, и потому все передовое во Франціи считало его своимъ непримиримымъ врагомъ. Самыя ѣдкія насмѣшки сыпались безъ конца на въ сущности очень добродушнаго старика, который раздражалъ литературную молодежь и отсталостью идей, и самоувѣренностью тона, и своей популярностью. Всякій парижанинъ зналъ въ лицо „дядюшку Сарсэ", толстяка съ расплывшимся лицомъ, подслѣповатыми глазами, съ громкимъ, грубоватымъ смѣхомъ. Довольство, которымъ дышала вся его фигура, показывало, что онъ не чужой для толпы, среди которой любилъ появляться. Та интеллигенція, которая наполняетъ собой залы театровъ въ дни первыхъ представленій, была его родной стихіей. Онъ не чувствовалъ себя въ ней изгнанникомъ. Напротивъ того, онъ сознавалъ свою съ ней общность идей и вкусовъ и зналъ, что, отдавая отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ, онъ скажетъ какъ разъ то, что̀ всѣ другіе чувствовали, но не могли выразить. Эта гармонія съ толпой и придавала Сарсэ видъ добродушія и самодовольства, возмущавшій всѣхъ, кто исповѣдывалъ въ искусствѣ гораціевскій принципъ: „odi profanum vulgus", и Бодлеровскій аристократизмъ, сказавшійся въ извѣстной фразѣ: „le beau, c'est le rare". Сарсэ, пророкъ толпы, осмѣивался во всѣхъ такъ называемыхъ артистическихъ кабачкахъ, во всѣхъ „обозрѣніяхъ". Миніатюрный театръ „Chat Noir", гдѣ новое искусство представлено было пантомимами и китайскими тѣнями, особенно усердствовалъ въ осмѣяніи почтеннаго критика, представляя его въ каррикатурномъ, иногда даже непристойномъ видѣ. А органъ этого театра, маленькій журнальчикъ „Chat Noir", завелъ себѣ своего собственнаго „дядюшку Сарсэ", за подписью котораго появлялись иногда очень удачныя пародіи. Ко всему этому критикъ относился довольно добродушно; но иногда озлобленіе молодой литературы принимало болѣе рѣзкія формы, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда Анри Бэкъ, авторъ „Парижанки", затѣялъ процессъ противъ Сарсэ за несправедливое осужденіе своей

комедіи. Процессъ былъ выигранъ Сарсэ, но ему пришлось наслушаться не мало весьма ядовитыхъ словъ.

Теперь, у гроба умершаго критика, личная ненависть къ нему улеглась, и въ посвященныхъ его памяти некрологахъ и статьяхъ писатели самыхъ различныхъ направленій спѣшили выразить свое признаніе умственныхъ и душевныхъ качествъ Сарсэ; лишь очень немного непримиримыхъ поборниковъ новыхъ идей изъ числа сотрудниковъ такъ называемыхъ „молодыхъ журналовъ“, не скрывая, говорили о томъ, что радуются избавленію литературы отъ вреднаго вліянія умершаго критика. Общее признаніе заслугъ Сарсэ даже со стороны людей, не согласныхъ съ его взглядами, очень знаменательно; какова бы ни была внутренняя цѣнность того, что̀ Сарсэ проповѣдывалъ въ теченіе своей сорокалѣтней дѣятельности, онъ съумѣлъ внести въ нее качества, обезпечивающія ему почетное мѣсто среди критиковъ XIX вѣка. Главное и наиболѣе драгоцѣнное качество Сарсэ—его цѣльность. Среди общей расшатанности французской литературы, среди невсегда искренняго слѣдованія модѣ, Францискъ Сарсэ представляетъ рѣдкій примѣръ стойкости. Какъ много писателей измѣняли своимъ природнымъ склонностямъ подъ вліяніемъ измѣнившагося вкуса публики. Зола̀, чувствуя что натурализмъ отживаетъ свое время, написалъ псевдо-мистическій „Rêve“; Буржэ, Маргеритъ и многіе другіе ста̀ли поддѣлываться, когда вошелъ въ моду русскій романъ, подъ такъ называемое „евангеліе русскаго милосердія“; Ростанъ, чистый романтикъ по природѣ, сталъ писать фальшивыя символическія драмы. А среди критиковъ Брюнетьеръ, сжигая то, чему поклонялся, сдѣлался проповѣдникомъ католицизма; Жюль Леметръ, импрессіонистъ и эстетъ, неожиданно ударился въ политику и сдѣлался шовинистомъ въ духѣ Дерулэда. Во всѣхъ этихъ литературныхъ отступничествахъ нѣтъ прежде всего искренности. Новыя направленія въ литературѣ создаются только людьми, внутренно убѣжденными въ своей правотѣ; таковые, конечно, есть и во Франціи, и, благодаря имъ, литература естественно движется впередъ, создавая новыя формы для всего, что̀ волнуетъ умъ и душу человѣческую. Но тѣ, кто идутъ за новаторами, повинующимися только своимъ внутреннимъ побужденіямъ, часто дѣлаютъ это только ради успѣха и слѣдуя модѣ. Таковы писатели, которыхъ мы поименовали, и другіе подобные имъ. Францискъ Сарсэ — не изъ ихъ числа. Онъ оставался всегда вѣрнымъ своему міросозерцанію и обнаружилъ большую смѣлость, защищая свои взгляды среди общихъ нападокъ на ихъ устарѣлость, банальность и близорукость. Онъ опирался на требованія здраваго смысла, на логическія привычки французскаго ума, на незыблемыя свойства національнаго французскаго духа. Менѣе всего онъ былъ правъ теоретически въ большин-

ствѣ случаевъ, но психологическая подкладка его разсужденій внушаетъ невольное уваженіе къ нему, какъ къ убѣжденному писателю, умѣющему къ тому же отстаивать свои взгляды чрезвычайно умно и логично. Если поэтому и нельзя говорить о плодотворности идей Сарсэ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть въ немъ рѣдкій образецъ того, чѣмъ долженъ быть писатель, вѣрующій въ свое дѣло. А это— психологическая заслуга не изъ малыхъ. Сарсэ былъ человѣкомъ университетской науки. Онъ кончилъ Ecole Normale, былъ профессоромъ и вступилъ въ литературу съ большими знаніями классической литературы, а также съ привычками университетскаго преподаванія. Ему ставили въ упрекъ, что онъ относится къ читателямъ какъ къ ученикамъ, которымъ нужно разжевывать самыя простыя истины. Въ самомъ дѣлѣ, Сарсэ сохранилъ на всю жизнь учительскія замашки, преклоненіе передъ авторитетомъ классиковъ и господствующій во французскихъ университетахъ критическій методъ: онъ состоитъ не столько въ изученіи писателей со стороны ихъ философскаго, идейнаго и психологическаго содержанія, сколько въ экзаменѣ, такъ сказать, ихъ способности къ логикѣ. Если писатель развиваетъ свою мысль вполнѣ правильно, если драматургъ дѣлаетъ всѣ выводы, которые логически могутъ быть сдѣланы изъ взятыхъ имъ положеній, изъ выводимыхъ имъ характеровъ, если чувства и страсти развиваются правдоподобно и соотвѣтствуютъ требованіямъ нормальнаго пониманія и вкуса средняго человѣка, то къ такому писателю Сарсэ всегда относился сочувственно, хотя бы мысль, проводимая имъ, была и неинтересна, и ничего оригинальнаго и новаго не содержала. Напротивъ того, писатели съ слишкомъ опредѣленной индивидуальностью, съ идеями, противорѣчащими вкусу большинства, возбуждали въ Сарсэ глубокое негодованіе. Онъ всегда ловилъ ихъ на какой-нибудь погрѣшности противъ логики, и ставилъ имъ въ вину то, что̀ въ искусствѣ чаще всего бываетъ достоинствомъ—ихъ разладъ съ требованіями и пониманіемъ „средняго человѣка“. Отъ этой системы критики Сарсэ никогда не отступалъ, оставаясь всю жизнь типичнымъ школьнымъ учителемъ, или „normalien“, какъ его злобно ругали его литературные враги. Съ такими привычками ума и твердо сложившимися вкусами, Сарсэ началъ въ 1859 году писать свои фельетоны о театрѣ. Онъ уже тогда былъ далеко не юношей, такъ какъ родился въ 1828 году. Съ 1859 года и до самой смерти (послѣдній фельетонъ Сарсэ появился за недѣлю до его смерти) Сарсэ въ теченіе сорока лѣтъ изо дня въ день бывалъ въ театрѣ, иногда по два раза, если случалось интересное утреннее представленіе. Каждую недѣлю онъ давалъ отчетъ о скопившихся за этотъ промежутокъ впечатлѣніяхъ, и всегда съ величайшей радостью и бодростью относился къ своему дѣлу. Въ этомъ—второе драгоцѣн-

ное качество Франциска Сарсэ. Онъ любилъ театръ всей душой, и умѣлъ внушать эту любовь своимъ читателямъ. Никто такъ не содѣйствовалъ развитію театральнаго дѣла во Франціи, какъ Сарсэ своими фельетонами. Они были всѣмъ понятны, всѣмъ по душѣ, и пьесу, которую расхвалилъ Сарсэ, непремѣнно ходили смотрѣть и парижане, и провинціалы, когда она переходила со столичныхъ сценъ на провинціальныя. Сарсэ при этомъ укрѣплялъ въ средней читающей публикѣ много уже отжившихъ и узкихъ идей, и тормозилъ поступательное движеніе въ литературѣ своими постоянными, иногда досадными и назойливыми ссылками на всякаго рода священные устои, на прославляемый имъ esprit français, который въ его устахъ былъ часто синонимомъ умственнаго застоя. Но все-же, несмотря на вредъ такого рода проповѣди, польза Сарсэ несомнѣнна, потому что, преисполненный живого интереса къ театру, онъ внесъ въ сознаніе средней интеллигентной массы серьезное отношеніе къ театру, умѣнье разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и предъявлять къ драматическимъ произведеніямъ опредѣленныя требованія. Пусть его собственные критеріи и невѣрны—подготовленная его разсужденіями публика сама создастъ новые, вкусы измѣнятся подъ новыми вліяніями,—но какъ воспитатель театральной залы, Сарсэ не имѣетъ себѣ равныхъ среди французскихъ критиковъ, именно потому, что взгляды его не были слишкомъ возвышенны и субъективны, а шли на встрѣчу „среднему человѣку", его развитію и его вкусу.

Признавъ за Сарсэ историческое воспитательное значеніе, остается выяснить другой, весьма существенный вопросъ: имѣютъ ли писанія Сарсэ самостоятельное литературное значеніе, обогатилъ ли онъ критическую литературу новыми идеями или даже методами, выказалъ ли критическое чутье, объяснилъ ли въ литературѣ что-нибудь непонятое до него. Самъ Сарсэ былъ какъ будто бы не увѣренъ въ этомъ. Онъ поэтому не рѣшался никогда издавать отдѣльныя книги, никогда не собиралъ своихъ фельетоновъ. Теперь, послѣ его смерти, его друзья, желая выяснить тотъ вкладъ, который сдѣлалъ Сарсэ въ литературу своими идеями, затѣяли изданіе его произведеній. Мысль объ этомъ принадлежитъ его зятю, извѣстному журналисту Бриссону. Предполагается пять томовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Quarante ans du théâtre". Издатели систематизировали отдѣльныя статьи. Въ первый томъ вошли статьи болѣе теоретическаго характера, а послѣдующіе будутъ заключать разборъ классическихъ комедій, трагедій, затѣмъ современнаго театра и, наконецъ, молодой школы, т.-е. репертуара „Théâtre Libre", драмъ Ибсена и его школы. Въ сущности, главный интересъ будутъ представлять два послѣднихъ тома, посвященныхъ современному театру. Они выяснятъ, насколько Сарсэ вы-

казалъ критическаго пониманія писателей, еще не подвергавшихся суду прежнихъ поколѣній. Что касается французскихъ и древнихъ классиковъ, то въ сужденіяхъ о нихъ Сарсэ держался суда исторіи и не имѣлъ случая выказать никакой самобытности.

Первый томъ состоитъ изъ фельетоновъ, посвященныхъ теоретическимъ вопросамъ. Конечно, теоретическіе взгляды — самое существенное въ писателѣ, который въ теченіе сорока лѣтъ судилъ, каралъ и миловалъ драматурговъ самыхъ различныхъ направленій. Но все-же намъ кажется, что друзья, озабоченные посмертной славой Сарсэ, должны были бы отложить этотъ томъ на самый конецъ изданія. Въ фельетонахъ, посвященныхъ новымъ драмамъ, Сарсэ имѣлъ случай выказать лучшія стороны своего дарованія — остроуміе, логичность, живой темпераментъ. Въ теоретическихъ же статьяхъ онъ не высказываетъ ничего оригинальнаго, а чрезвычайно пространно и настойчиво излагаетъ мысли, большею частью общеизвѣстныя. Свое знаніе театра, — которое у Сарсэ было огромно, — онъ гораздо болѣе проявляетъ въ обсужденіи отдѣльныхъ пьесъ. Эстетика же его сводится къ нѣсколькимъ положеніямъ крайне догматичнаго и узко-спеціальнаго характера. Сарсэ прежде всего выдѣляетъ драматическое творчество изъ обще-литературнаго. Театральныя пьесы пишутся для публики, и потому основной критерій для сужденія — успѣхъ у средней массы зрителей, „les gens qui paient“. Сарсэ настаиваетъ на такъ называемой „оптикѣ сцены“, на условности драматическаго творчества. „Драматическое искусство,—говоритъ онъ,— сводится къ цѣлому ряду общихъ и частныхъ, вѣчныхъ и временныхъ условностей, при помощи которыхъ человѣческая жизнь, представленная на сценѣ, давала бы публикѣ иллюзію истины“. Казалось бы, что изъ этого положенія никакихъ существенныхъ законовъ театра вывести нельзя. Такого рода условность сама собой разумѣется. Драматургъ руководствуется ею такъ же, какъ живописецъ, представляя на плоской поверхности, при помощи красокъ и освѣщенія, все разнообразіе живой дѣйствительности. Это не мѣшаетъ ни драматургу, ни живописцу вносить въ свои произведенія полную правду и, главное, проявлять свою индивидуальность, свое пониманіе отвлеченныхъ истинъ, не заботясь о воздѣйствіи на зрителей, повинуясь только внутреннимъ законамъ творчества. Для Сарсэ же внѣшняя условность, связанная съ перенесеніемъ жизни на сцену, затмѣваетъ внутреннее содержаніе. Такъ какъ театръ существуетъ для публики, то единственнымъ критеріемъ для сужденія о достоинствахъ драматическихъ произведеній является у него удовлетвореніе, довольство зрительной залы, тѣхъ „gens qui paient“, которымъ онъ поклоняется. Онъ съ какимъ-то упоеніемъ отдается этому культу, и постоянно говоритъ о томъ, что „критикъ долженъ идти на встрѣчу толпѣ“.

Всѣ остальныя разсужденія Сарсэ о драматическомъ искусствѣ обусловлены тѣмъ же стремленіемъ удовлетворять вкусамъ зрительнаго зала. Все, что̀ онъ говоритъ о необходимости строго соблюдать раздѣленіе комическаго и драматическаго, основано на психологіи толпы. Авторъ драматическаго произведенія долженъ дать время зрителямъ сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь впечатлѣніи, грустномъ или веселомъ, не разбивать его противоположнымъ. Чѣмъ-то узкимъ и отсталымъ вѣетъ отъ этихъ разсужденій, предписывающихъ условныя правила свободному творчеству. Сарсэ съ ограниченностью школьнаго учителя называетъ свои правила законами, не чувствуя, что онѣ разбиваются о каждое болѣе или менѣе самобытное художественное произведеніе. Всѣ его теоретическія статьи—въ томъ же родѣ, и, еслибы приходилось судить о немъ, какъ о критикѣ, только по его „эстетикѣ", заключенной въ первомъ томѣ,—результатъ получился бы очень печальный. Но, какъ мы говорили выше, значеніе Сарсэ заключается въ его воспитательномъ вліяніи на читателей, въ томъ, что, любя театръ, онъ съумѣлъ привить эту любовь средней французской интеллигенціи.

Въ фельетонахъ, посвященныхъ разбору отдѣльныхъ драмъ, яснѣе сказываются свойства его критическаго таланта, и только по нимъ можно уяснить себѣ, какимъ образомъ Сарсэ достигъ того вліянія, которымъ онъ несомнѣнно пользовался при жизни. По нимъ можно будетъ также судить, было ли это вліяніе временнымъ, или въ его писаніяхъ есть нѣчто, обезпечивающее ему прочное мѣсто въ литературѣ.

III.

Otto Reuter. Ludwig Jacobowski, Werk, Entwickelung und Verhältniss zur Moderne. Berl. 1900. Стр. 63.

Людвигъ Якобовскій—одинъ изъ извѣстныхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, авторъ многочисленныхъ лирическихъ сборниковъ, стихотворныхъ драмъ и нѣсколькихъ романовъ; объ одномъ изъ послѣднихъ—„Локки, исторія одного бога", мы имѣли случай говорить въ свое время. Отто Рейтеръ даетъ въ своей небольшой книжкѣ обстоятельную характеристику поэта и выясняетъ его положеніе въ современной нѣмецкой литературѣ. Авторъ—большой поклонникъ Якобовскаго, и считаетъ его по таланту чуть ли не первымъ изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Его восторженное отношеніе кажется намъ преувеличеннымъ. Стихи Якобовскаго хороши; въ нихъ чувствуется вліяніе лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ прошлаго, отъ Гёте до Гейне

включительно, чувствуется также близость къ народной пѣснѣ. Якобовскій очень мелодиченъ, особенно въ послѣднемъ своемъ сборникѣ, „Leuchtende Tage", гдѣ больше пѣсенъ, чѣмъ стихотвореній, т.-е. больше лиризма, нежели разсудочной и прозаичной поэзіи въ духѣ эпигоновъ Гёте. Но, при всемъ этомъ, Якобовскій недостаточно индивидуаленъ, въ стихахъ его нѣтъ силы, которая оправдывала бы восторги его критика. Тѣмъ не менѣе, онъ въ литературномъ отношеніи представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ типичный представитель господствующихъ въ современной нѣмецкой поэзіи настроеній и идеаловъ. Будучи еще сравнительно молодымъ—ему въ настоящее время немногимъ болѣе тридцати лѣтъ,—Якобовскій написалъ очень много. Первый сборникъ его стихотвореній составленъ имъ въ возрастѣ 16-ти — 19-ти лѣтъ, и съ тѣхъ поръ появилось много другихъ, въ которыхъ молодой поэтъ совершилъ послѣдовательный и ясно выраженный въ его произведеніяхъ ходъ развитія. На примѣрѣ этого несомнѣнно талантливаго поэта можно видѣть, какимъ путемъ шла современная нѣмецкая поэзія,—такъ какъ, не будучи созидателемъ новыхъ путей, Якобовскій очень чутко отражалъ мѣняющіяся настроенія своего времени.

Нѣмецкая поэзія пережила въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ очень знаменательную „эволюцію". Долгое время господствовалъ въ ней пессимистическій духъ отрицанія, разъѣдающій скептицизмъ, направленный на всѣ устои жизни. Все это было еще переживаніемъ поэзіи Гейне. Поэты были разрушителями, обличали пороки общества, вступались за угнетенныя жертвы эгоистическаго строя жизни, сомнѣвались въ себѣ, въ своихъ чувствахъ, и съ грустью и болью говорили объ отсутствіи всякой вѣры въ людяхъ. Исходомъ изъ этого пессимизма явилось самоуглубленіе, исканіе опоры въ глубинѣ человѣческаго „я", въ жаждѣ красоты и блага, наполняющей душу человѣка. Явилось желаніе не отрицать, а оправдывать жизнь, явилось ощущеніе силы,—индивидуализмъ вступилъ въ свои права, и вѣра въ плодотворность усилій человѣческаго духа примирила съ природой и съ жизнью. Это положило начало новому настроенію въ лирикѣ; поэты не судили уже природу, не предъявляли къ ней своихъ требованій, а старались понять ее и слиться съ ней, идти къ ней, а не звать ее къ себѣ. Современная нѣмецкая поэзія всецѣло проникнута этого рода пантеизмомъ, любовью къ жизни, основанной на пониманіи ея. Для поэзіи эта примиренность, конечно, гораздо плодотворнѣе разсудочнаго скептицизма. Она возсоздаетъ наивность, которая и есть душа поэзіи, дѣлаетъ поэта пѣвцомъ чувствъ и настроеній, всего, что̀ открывается его душѣ инстинктивно, не проходя черезъ путь сознанія. Въ настоящее время въ нѣмецкой литературѣ замѣ-

чается подъемъ лиризма, объясняемый именно „радостью жизни“. Ее нельзя назвать оптимизмомъ, потому что оптимизмъ связанъ съ любовью къ тому, что̀ создано людьми, а не природой. Оптимизмъ ведетъ къ буржуазности, потому что его корни лежатъ въ объективномъ отношенiи къ окружающему. Радость жизни современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ—иная, болѣе стихiйная, болѣе субъективная и потому болѣе близкая къ пониманiю вѣчнаго въ жизни и природѣ. Она связана съ расцвѣтомъ индивидуализма, выразившагося наиболѣе дерзновенно въ идеѣ „сверхъ-человѣка“—Ницше. Въ извращенномъ пониманiи полуинтеллигентной массы „сверхъ-человѣкъ“ сталъ синонимомъ узкаго эгоизма, стремящагося силой покорить болѣе слабыхъ, ради себялюбивыхъ узкихъ жизненныхъ выгодъ. Но истинное значенiе гордой проповѣди Ницше совершенно иное. Онъ поклоняется не грубой силѣ человѣка, а тѣмъ возможностямъ высшаго совершенствованiя, которыя заложены въ человѣкѣ, и для служенiя которымъ онъ долженъ приносить въ жертву все, что̀ въ жизни доставляетъ ему радости и пользу. Для поэзiи вѣра въ то, что человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ божество, и въ самомъ себѣ можетъ черпать все, чему онъ поклоняется, послужила источникомъ радости и примиренiя, и положила конецъ разочарованiямъ и нападкамъ на бренность всего существующаго. Бодрость и сила возрожденной любви къ жизни звучатъ очень громко въ новѣйшей нѣмецкой лирикѣ—и Якобовскiй является теперь однимъ изъ типичныхъ представителей этого настроенiя, также какъ раньше онъ отражалъ пессимизмъ разочарованныхъ хулителей жизни.

Отто Рейтеръ останавливается съ большимъ вниманiемъ на раннихъ произведенiяхъ Якобовскаго, въ которыхъ онъ былъ характернымъ эпигономъ, писалъ поэмы метафизическаго содержанiя, и воспѣвалъ потомковъ Прометея. Въ поэмѣ „Das Geschlecht der Promethiden“ представленъ Прометей въ образѣ мечтателя и поэта съ пламеннымъ сердцемъ; онъ блуждаетъ среди ужасовъ и мрака столичной жизни. Въ немъ воплощенъ духъ вѣчнаго исканiя и разочарованiя, духъ любви къ человѣчеству. Отвращенiе къ людямъ, къ ихъ порокамъ и пошлости, жалость къ несчастнымъ, голодающимъ и больнымъ, приводитъ его въ отчаянiе; но ему является въ свѣтломъ видѣнiи „духъ времени“ и возвѣщаетъ о томъ, что старый мiръ распадется въ прахъ, и изъ развалинъ его поднимется новый мiръ и новое поколѣнiе. Уже въ концѣ этой поэмы, написанной въ условномъ старомъ стилѣ, чувствуется переходъ ко второму индивидуалистическому перiоду въ поэзiи Якобовскаго, отражающаго въ этомъ случаѣ не только самого себя, но и общiй духъ современности. Исходъ изъ пессимизма Якобовскiй находитъ въ проснувшейся вѣрѣ въ человѣка, въ силы

души, которыя ставятъ отдѣльную личность выше среды и обстоятельствъ и, принося страданія, приносятъ также вѣру въ себя и ведутъ къ просвѣтленію. Въ этомъ духѣ написанъ романъ Якобовскаго: „Werther der Jude“, гдѣ борьба человѣка съ обществомъ представлена на почвѣ національной вражды. Еще сильнѣе проявляется его вѣра въ силу человѣческой воли и въ спасительность духа въ двухъ произведеніяхъ, гдѣ дѣйствіе разыгрывается на фонѣ восточной жизни. Страсти стихійныхъ, не-культурныхъ людей кажутся поэту болѣе выразительными для его цѣли. Герой повѣсти „Der kluge Scheikh“ нѣсколько романтиченъ въ своихъ чувствахъ любви и ненависти, но сила индивидуальности представлена въ немъ очень ярко. Побѣда въ чрезвычайно сложныхъ столкновеніяхъ и въ борьбѣ за обладаніе любимой женщиной принадлежитъ тому, кто умѣетъ силой ума и воли покорять себѣ людей и обстоятельства. Въ стихотворной драмѣ „Dijab der Narr“ тоже представлено торжество индивидуализма. Побѣда здѣсь тоже на сторонѣ ума, но еще выше ума ставится чистота и возвышенность души. Герой драмы Діабъ—сынъ шейха. Его преслѣдуютъ потому, что мать его была бѣлой женщиной; отецъ предпочитаетъ ему своихъ другихъ сыновей, и Діабъ становится предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ своей семьи и всего народа. Чтобы спастись отъ преслѣдованій, Діабъ представляется дурачкомъ, ведетъ уединенную жизнь въ лѣсахъ—и въ тишинѣ его чуткая душа крѣпнетъ и проникается сознаніемъ своей собственной силы. Онъ научается презирать людей, повиноваться только внутреннему голосу, искренно любить—и, сталкиваясь съ людьми, побѣждаетъ ихъ своей силой и твердостью духа. Всѣ начинаютъ бояться насмѣшекъ загнаннаго дурачка; женщина, которую онъ любитъ, вѣритъ въ него, несмотря на то, что онъ поставленъ въ унизительное положеніе. Когда приходитъ случай выказать на дѣлѣ храбрость и смѣлость, Діабъ дѣлаетъ то, на что неспособны его надменные братья. Когда туареги захватываютъ стада его отца, Діабъ отстаиваетъ честь своего племени и побѣждаетъ враговъ. Народъ изъ благодарности выбираетъ его шейхомъ. Благородство души Діаба поэтично выражено въ грусти нѣжнаго юноши, у котораго отъ столкновеній съ грубостью людей осталось въ душѣ много слезъ. Даже тогда, когда пришелъ моментъ торжества, онъ понимаетъ, что никогда не сможетъ забыть своего грустнаго прошлаго: „Кто можетъ забыть свою печаль? и даже если теперь всѣ придутъ и будутъ цѣловать мои руки... развѣ могутъ изгладиться изъ памяти тѣ годы, когда въ дѣтствѣ въ меня бросали камнями? развѣ можно стереть воспоминаніе о тысячахъ ночей, которыя я одиноко провелъ въ пустынѣ и ни одинъ человѣкъ не пришелъ подложить мнѣ цыновку подъ голову? Могу ли я все это забыть? Въ этомъ—все дѣло: смѣхъ развѣ-

вается вѣтромъ и отлетаетъ отъ устъ, чтобы сѣсть на другія уста,—слезы же остаются и глубоко врѣзываются въ душу, какъ въ темную бронзу". Такъ воспѣваетъ страданія чистый юноша, но въ его тоскѣ нѣтъ ничего безъисходнаго. Онъ мститъ судьбѣ тѣмъ, что совершенствуетъ и закаляетъ душу—и въ этомъ залогъ его побѣды.

Въ новѣйшихъ лирическихъ сборникахъ Якобовскаго нѣтъ уже и признака борьбы. Черезъ индивидуализмъ онъ пришелъ къ гармоніи со всѣмъ существующимъ; онъ сознаетъ только полноту бытія, которая волнуетъ всѣ его чувства. Онъ какъ бы самъ радуется полнотѣ своихъ ощущеній, ищетъ вездѣ проявленія силы и крассты и воспѣваетъ свою радость въ гимнахъ природѣ и жизни. Въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Lebenslust", это настроеніе очень ярко выражено: „Танцуя между жизнью и смертью, мелькаютъ дни въ безумномъ хороводѣ. И если листья сегодня темнѣютъ, завтра они снова будутъ зелеными. Сколько плачетъ несбывшихся надеждъ, какъ много грёзъ рано умершихъ! И все-же сила жизни бушуетъ безудержно и безконечно". Въ послѣднихъ лирическихъ сборникахъ Якобовскаго, „Aus Tag und Traum" и „Leuchtende Tage", проявляется чуткое пониманіе природы, сліяніе души съ настроеніями внѣшняго міра. Поэтъ чувствуетъ въ природѣ тоже присутствіе духа Божія, какъ и въ самомъ себѣ; ему кажется, что душа его—часть всего бытія. Въ этомъ пантеизмѣ—вся суть новой лирики, болѣе мистической, нежели философской, и проникнутой глубокой и искренней поэзіей. Якобовскому все кажется одинаково отраднымъ въ бытіи, и въ вводномъ стихотвореніи къ сборнику" Aus Tag und Traum" онъ указываетъ на то, что составляетъ содержаніе его пѣсенъ: „я цѣпь кую, пишу за пѣснью пѣснь—о юныхъ дѣвушкахъ, нѣжно краснѣющихъ, объ узкихъ могилахъ, около которыхъ цвѣтетъ сирень, о грёзахъ, развѣваемыхъ вѣтромъ, о дождливыхъ ночахъ, проведенныхъ мною безъ сна, объ ароматахъ, приносимыхъ дыханіемъ вѣтра, о снахъ, о пѣніи соловьевъ и о безуміяхъ невыразимой тоски"...

Якобовскій—романтикъ. Музыкальность его стиховъ, часто повторяющіеся у него мотивы народной пѣсни, чуткость ко всѣмъ звукамъ въ природѣ, роднятъ его скорѣе съ Новалисомъ и Тикомъ, чѣмъ съ классическими поэтами, которые стремились къ звучнымъ риѳмамъ и къ торжественности стиха. Но романтизмъ Якобовскаго болѣе современный. Въ немъ нѣтъ разорванности настроеній, которыми отчасти рисовались романтики начала вѣка. Въ его настроеніяхъ, которыя онъ черпаетъ изъ природы, царствуетъ гармонія, сліяніе радости и грусти,—и благодаря этому онъ является типичнымъ представителемъ современнаго нѣмецкаго неоромантизма.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 (14) августа 1900.

Отмѣна ссылки въ Сибирь на поселеніе и житье, и особое ея значеніе въ будущемъ, въ виду послѣднихъ народныхъ волненій въ Китаѣ.—Современное положеніе дѣла начальнаго образованія въ столицѣ.—Существенная реформа въ порядкѣ экзаменовъ.—Результаты экзаменовъ на льготу по воинской повинности и повѣрки обученія.—Открытіе перваго „городского 4-классная училища“ на счетъ города, и первые результаты обученія въ немъ.—Осужденіе дѣятельности города въ области школьнаго дѣла со стороны оффиціальнаго педагога.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ былъ опубликованъ Именной Высочайшій Указъ, 12 іюня с. г., данный Правительствующему Сенату,—слѣдующаго содержанія:

„Въ непрестанномъ помышленіи о благѣ всѣхъ частей Державы Нашей обратили Мы вниманіе на неблагопріятное положеніе ссылки въ Сибирь и другія отдаленныя мѣстности, опредѣляемой какъ по суду, такъ и въ послѣдствіе приговоровъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ относительно порочныхъ своихъ членовъ.

„Ссылка въ Сибирь въ особенности препятствуетъ преуспѣянію этой окраины, коей Царственными заботами незабвенной памяти Родителя Нашего Императора Александра III и Нашими попеченіями дарованы пути къ достиженію гражданскаго и экономическаго благосостоянія.

„Почитая настоятельнымъ устранить неудобства, отъ ссылки проистекающія, Мы въ маѣ прошлаго 1899 года, по обсужденіи сего предмета въ особомъ совѣщаніи подъ личнымъ предсѣдательствомъ Нашимъ, повелѣли министру юстиціи подвергнуть подробной разработкѣ соотвѣтственныя мѣропріятія на предуказанныхъ Нами основаніяхъ.

„Предначертанный, во исполненіе таковой Нашей воли, проектъ узаконенія объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки внесенъ былъ министромъ юстиціи на уваженіе Государственнаго Совѣта и имъ всесторонне соображенъ.

„Послѣдовавшія въ Совѣтѣ заключенія объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ Мы нашли отвѣчающими желанію Нашему, задачами настоящаго времени укрѣпляемому, снять съ Сибири тяжелое бремя мѣстности, въ теченіе вѣковъ наполняемой людьми порочными.

„Вслѣдствіе сего повелѣваемъ:

„I. Ссылку на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказье, равно какъ

ссылку на житье въ Сибирь и другія, кромѣ сибирскихъ, отдаленныя губерніи, — отмѣнить, съ сохраненіемъ ссылки на поселеніе въ предназначенныя къ тому мѣстности лишь за преступленія, особо въ законѣ указанныя.

„II. Право мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ постановлять приговоры о принятіи или непринятіи своихъ членовъ, отбывшихъ наказаніе по судебнымъ приговорамъ, коими они присуждены къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе или къ заключенію въ тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ,—отмѣнить. Равнымъ образомъ отмѣнить право мѣщанскихъ обществъ представлять въ распоряженіе правительства своихъ членовъ въ случаѣ порочнаго ихъ поведенія.

„III. Дѣйствіе постановленій, изложенныхъ въ отдѣлѣ II, распространить на всѣхъ не отправленныхъ въ Сибирь лицъ, о коихъ до обнародованія сего указа Нашего состоялись непріемные приговоры мѣщанскихъ или крестьянскихъ обществъ или же приговоры мѣщанскихъ обществъ о представленіи этихъ лицъ въ распоряженіе правительства.

„IV. Въ отношеніи: 1) замѣны ссылки на поселеніе и на житье другими наказаніями, 2) ограниченія права крестьянскихъ обществъ представлять въ распоряженіе правительства порочныхъ своихъ членовъ, и 3) денежныхъ расходовъ, вызываемыхъ отмѣною и ограниченіемъ ссылки,—принять мѣры, преподанныя въ утвержденномъ Нами мнѣніи Государственнаго Совѣта по указаннымъ предметамъ“.

Отмѣна ссылки, на поселеніе и житье, въ Сибирь, хотя и является пока только началомъ чрезвычайно важной и обширной реформы въ системѣ наказаній, такъ какъ ссылка на каторжныя работы остается еще въ прежней силѣ,—но въ этой отмѣнѣ особенно важно то, что ею ставится уже теперь громадная часть имперіи, можно сказать, цѣлая страна, въ совершенно новыя условія гражданской и общественной жизни. Эта реформа совпала притомъ съ послѣдними, весьма важными политическими событіями въ сосѣднемъ съ Сибирью Китаѣ. вслѣдствіе чего дальнѣйшіе успѣхи развитія общественныхъ силъ на мѣстѣ въ этой окраинѣ имперіи сдѣлались теперь особенно желательны, къ чему бы ни привело смутное время, переживаемое Китаемъ, и его борьба не только съ цѣлою почти Европой, но, сверхъ, того, и съ Сѣверо-американскими Штатами. Колоссальное и для Китая безпримѣрное потрясеніе его тысячелѣтнихъ устоевъ государственнаго существованія,—самое успокоеніе этого всколыхнувшагося моря человѣческихъ жизней окажется, вѣроятно, не болѣе, какъ только временнымъ: ни западная Европа,

повидимому, не была въ настоящую минуту достаточно освѣдомлена о томъ, что̀ въ послѣднее время, послѣ замиренія Японіи съ Китаемъ, въ тиши подготовлялось въ немъ, ни самое его центральное правительство не разсчитывало на такой быстрый и для него не вполнѣ своевременный подъемъ народныхъ массъ, за которымъ пришлось послѣдовать, какъ это нерѣдко случается, и самому богдоханскому правительству. Если и усматривать въ настоящихъ событіяхъ на дальнемъ Востокѣ начало паденія древняго Китая, то, въ виду того мѣста, какое уже успѣла занять тамъ Японія, въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, слѣдуетъ ожидать или дѣйствительнаго преобразованія Китая, или—соперничества европейскихъ державъ на его развалинахъ. И въ томъ, и въ другомъ предположеніи, такая обширная часть нашей имперіи, какъ Сибирь, непосредственно примыкавшая къ древнему Китаю, не должна являться только узкою желѣзно-дорожною полосою, служащею къ соединенію европейской Россіи съ берегами Тихаго океана; надобно желать Сибири быстраго и широкаго развитія мѣстныхъ общественныхъ силъ, что̀, въ свою очередь, будетъ имѣть послѣдствіемъ привлеченіе въ нее изъ метрополіи всего, что̀ въ ней самой есть лучшаго и предпріимчиваго — въ противность тому, чѣмъ европейская Россія награждала Сибирь до настоящаго времени, и чему теперь, весьма и весьма своевременно, положенъ конецъ. Какъ бы дорого ни обошлась предстоящая замѣна ссылки въ Сибирь новыми мѣрами, но во всякомъ случаѣ всѣ такіе расходы слѣдуетъ считать ничтожными, если сравнить ихъ съ тѣмъ, во что̀ ссылка обходилась государству до настоящаго времени, когда цѣною ея являлось ненормальное положеніе громаднѣйшей и вмѣстѣ богатой окраины государства, гдѣ общественная жизнь отравлялась постоянно самыми дурными отбросами изъ европейской Россіи.

Въ августѣ оканчивается обычный у насъ трехмѣсячный перерывъ въ дѣятельности начальныхъ народныхъ училищъ г. С.-Петербурга—ихъ лѣтнія вакаціи; съ 1-го сентября, эти училища открываются на девять мѣсяцевъ новаго учебнаго года, двадцать-четвертаго, со времени принятія въ 1877 году городомъ въ свое вѣдѣніе дѣла народнаго образованія въ столицѣ. Изъ отчета городской Коммиссіи по народному образованію за гражданскій 1899 г. видно, что въ началѣ этого года, въ январѣ, въ г. С.-Петербургѣ было 396 классовъ начальнаго народнаго училища, каждое на 50, въ среднемъ, учащихся, т.-е. почти на 20.000 дѣтей обоего пола. Эти 396 классовъ въ послѣднее пятилѣтіе размѣщались или, по прежнему, каждый классъ въ особой квартирѣ, или, при возможности получить достаточно обширную квартиру, со-

единялись по три, четыре и болѣе классовъ въ одной квартирѣ, а потому въ это послѣднее пятилѣтіе число училищныхъ квартиръ не увеличивалось, какъ прежде, въ соотвѣтствіи съ числомъ вновь открываемыхъ училищъ, но оставалось почти то же, — росло одно число классовъ. Дѣйствительно, изъ 396 классовъ, въ началѣ 1899 года, въ январѣ мѣсяцѣ, только 320 классовъ имѣли, по прежнему, каждое для себя отдѣльное помѣщеніе, а остальные 76 классовъ были уже соединены, по три, четыре и болѣе, въ одной квартирѣ; такихъ квартиръ, съ нѣсколькими соединенными классами, оказалось 21 квартира, а всѣхъ училищныхъ квартиръ, какъ съ одиночными классами, такъ и съ соединенными, было—341 училищная квартира, съ 396 классами въ нихъ, причемъ каждый классъ имѣлъ своего учащаго, а по тому учащихъ было столько же, сколько и классовъ.

Въ половинѣ 1899 года, къ началу новаго тогда учебнаго 1899—900 года, городская Дума постановила открыть 30 новыхъ классовъ, на 1.500 учащихся. При этомъ опять повторилось то же самое, а именно, Коммиссія открыла всего только два класса въ особой для каждаго квартирѣ; остальные же 28 классовъ были или присоединены къ старымъ училищамъ съ однимъ классомъ, причемъ расширялась ихъ прежняя квартира, или нанимались новыя, болѣе обширныя квартиры, и въ нихъ Коммиссія соединяла по нѣскольку классовъ; такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось слѣдующее, а именно, число училищныхъ помѣщеній, отъ открытія 30 новыхъ классовъ, увеличилось весьма мало: къ началу новаго гражданскаго 1900 года оказалось на лицо 344 училищныхъ квартиры; число же классовъ возросло, согласно постановленному Думою, на 30: въ началѣ 1899 г. было, какъ выше сказано, 396 классовъ (въ 341 училищномъ помѣщеніи), а въ началѣ 1900 года—426 классовъ, размѣщенныхъ въ 344 отдѣльныхъ училищныхъ квартирахъ.

Благодаря значительному увеличенію числа классовъ въ прошедшемъ учебномъ году, возросло соотвѣтственно и число учащихся въ нихъ—до 21.100 дѣтей обоего пола, причемъ число дѣвочекъ почти достигло половины общаго числа учащихся: 10.800 мальчиковъ и дѣвочекъ до 10.200. Въ первый годъ завѣдыванія городомъ начальными училищами, въ 1877—78 г., всѣхъ учащихся было 899, но и настоящее число учащихся нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ, сравнительно съ населеніемъ столицы.

Изъ общаго числа учащихся, въ 1899—900 г., окончило, въ маѣ мѣсяцѣ, ученіе съ успѣхомъ около 4.400, почти 20%; изъ нихъ мальчиковъ—2.400, и дѣвочекъ—2.000. При этомъ, спб. городской училищный Совѣтъ въ первый разъ нынѣ произвелъ весьма существенную и важную реформу въ порядкѣ такъ-называемыхъ выпускныхъ

экзаменовъ дѣтей, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ. Еще въ прошедшемъ, 1899 г., училищный Совѣтъ обратилъ свое вниманіе на весьма важное обстоятельство для характера начальнаго обученія дѣтей въ самомъ первомъ ихъ возрастѣ, отъ 8 до 12 лѣтъ, и при этомъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что формальные экзамены, въ подобномъ возрастѣ, „не могутъ служить основаніемъ для правильности заключеній о познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ дѣтьми въ школахъ. Только лица, непосредственно связанныя со школою, какъ законоучители, учители и учительницы, могутъ безошибочно (безъ всякихъ формальныхъ экзаменовъ, являющихся чистою потерею времени) опредѣлить степень познаній каждаго ученика своей школы, а для этого не требуется ни особыхъ испытаній, ни той затраты времени и силъ учащихъ и учащихся, которые вызываются экзаменами".

Съ такимъ вполнѣ справедливымъ взглядомъ училищнаго Совѣта согласилась и городская Коммиссія по народному образованію, а потому въ нынѣшнемъ учебномъ году послѣдовала въ первый разъ та существенная перемѣна, что экзамены сохранены были не въ смыслѣ какихъ-нибудь выпускныхъ экзаменовъ, а какъ экзамены для желающихъ, по прохожденіи ими трехлѣтняго обученія, получить теперь же свидѣтельство для льготы по воинской повинности, когда они со временемъ достигнутъ 20-лѣтняго возраста. Вслѣдствіе того, къ экзамену на льготу были допущены, конечно, только мальчики; притомъ, согласно требованію закона, и изъ мальчиковъ — только тѣ, которые достигли или достигнутъ, къ 1 сентября с. г., предписаннаго закономъ 11-лѣтняго возраста. Что же касается до дѣвочекъ и мальчиковъ, не достигшихъ упомянутаго возраста,—то экзаменаціонная коммиссія, въ отношеніи ихъ, ограничивалась одною повѣркою ихъ познаній, при помощи данныхъ имъ письменныхъ работъ, и на основаніи ихъ, а также и годовыхъ отмѣтокъ, дѣти получали „удостовѣреніе" объ успѣшномъ прохожденіи ими трехлѣтняго обученія въ начальной школѣ — безъ обязательнаго производства, для всѣхъ безъ различія, формальныхъ экзаменовъ.

Весьма интересно, при этомъ, указаніе „Отчета" городской Коммиссіи по народному образованію на то, сколько времени потребовалось для успѣшнаго прохожденія дѣтьми начальнаго обученія, и на что, по существующимъ узаконеніямъ, дается три года.

Изъ 2.400 мальчиковъ, получившихъ въ нынѣшнемъ году свидѣтельство на льготу по воинской повинности, или, за недостаткомъ установленнаго для того возраста, удостовѣреніе объ успѣшномъ окончаніи ученія, было: 1.240 м., пробывшихъ въ классѣ три года (52%); 465 м. — четыре года (19%); 55 м. — пять лѣтъ (2%); но, съ другой

стороны, 440 м. пробыли въ училищѣ два года (18%), и 200 м.— одинъ годъ (8%).

Изъ 2.000 дѣвочекъ, получившихъ удостовѣреніе объ успѣшномъ прохожденіи ими обученія по программѣ начальныхъ училищъ, было: 1.100 дѣв., пробывшихъ три года (55%); 400 д.—четыре года (20%; 25—пять лѣтъ (1½%); но, съ другой стороны, 350 д. обучались только два года (17%), и 115 д. (5½%)—одинъ годъ.

Послѣдніе разряды, гдѣ нѣкоторыя дѣти успѣвали, какъ будто, пройти съ успѣхомъ курсъ трехлѣтней программы въ два и даже въ одинъ годъ, говорятъ вовсе не о какой-нибудь исключительной ихъ способности: это—дѣти, или подготовленныя дома и поступившія въ школу полуграмотными, или, что̀ случается еще чаще—пробывшія уже годъ или два въ какомъ-нибудь другомъ начальномъ училищѣ, и за переѣздомъ ихъ родителей изъ одной части города въ другую, поступившія въ новое для нихъ, такое же начальное училище, гдѣ они и могли окончить ученіе въ два или даже въ одинъ годъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, такихъ дѣтей обоего пола, не остававшихся въ школѣ даже и трехъ лѣтъ, было 1.100. Засимъ, изъ остальныхъ 3.300 дѣтей, 2.340 окончили съ успѣхомъ ученіе нормально, въ три года; 865—оставались на четвертый годъ, и 80—на пятый. При сравненіи съ другими учебными заведеніями, общій результатъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга является весьма благопріятнымъ: при трехлѣтнемъ курсѣ обученія, въ нихъ оканчиваютъ ученіе съ успѣхомъ около 20%, между тѣмъ какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ 8-лѣтнимъ курсомъ, получаютъ аттестатъ немного болѣе 5%.

Такимъ образомъ, столичное городское управленіе не можетъ сожалѣть о тѣхъ расходахъ, которые оно сдѣлало на одно начальное образованіе: въ отчетномъ 1899 г., изъ общей суммы въ 1.100.000 руб., израсходованной на распространеніе образованія, какъ научнаго, такъ и профессіональнаго, въ массахъ городского населенія, доходящаго до 1.200.000 жителей, — расходъ на начальное образованіе достигъ *900.000* рублей. Сверхъ того, израсходовано было на уплату стипендій въ частныя профессіональныя школы за окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ и притомъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ— около 30.000 рублей; всѣхъ такихъ стипендіатовъ и стипендіатокъ было свыше 700; на содержаніе воскресныхъ школъ для вышедшихъ изъ школьнаго возраста и не успѣвшихъ въ свое время обучиться даже грамотѣ—около 8.000 руб.,—такихъ лицъ оказалось свыше 1.400; на безплатныя читальни для желающихъ поддержать свою умственную дѣятельность, начатки которой были положены въ начальной школѣ— 25.000 руб.; на устройство дѣтскихъ лечебныхъ и лѣтнихъ колоній,

сверхъ постоянной врачебной помощи учащимся въ теченіе года,—на что расходовалось, для вознагражденія труда 28-ми дѣтскихъ врачей, до 30.000 руб. — было отпущено особо 16.000 руб., съ цѣлью леченія хроническихъ больныхъ или слабыхъ здоровьемъ. Въ этомъ же отчетномъ году, на постройку новаго, второго, по числу, училищнаго дома „на-Прудкахъ“, съ 19-ю соединенными классами (почти на 1.000 учащихся), особо было ассигновано: 80.000 рублей, изъ общей суммы, предположенной на эту постройку—свыше 220.000 рублей.

Послѣдній отчетный гражданскій 1899-ый годъ, въ дѣятельности столичнаго городского общественнаго управленія на поприщѣ народнаго образованія, ознаменовался новымъ фактомъ, а именно, открытіемъ перваго „Городского четырехкласснаго училища“, по „Положенію о народныхъ училищахъ 1872 года“. Около 25 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, министерство народнаго просвѣщенія передало въ вѣдѣніе города только одни начальныя народныя училища, по „Положенію 1874 года“, въ числѣ 14-ти, а „Городскія четырехклассныя училища“, въ числѣ 6-ти, предназначаемыя для четырехлѣтняго продолженія обученія дѣтей, окончившихъ трехлѣтній курсъ начальныхъ училищъ, министерство удержало за собою. Съ того времени отношеніе числа „начальныхъ“ училищъ къ „городскимъ“ измѣнилось весьма существенно, а между тѣмъ послѣднія должны служить продолженіемъ и вмѣстѣ окончаніемъ полнаго народнаго образованія для первыхъ—начальныхъ училищъ: въ то время какъ число „начальныхъ“ училищъ, переданныхъ въ вѣдѣніе города, возросло съ 14 до 426,—число „городскихъ“ четырехклассныхъ едва удвоилось, т.-е. съ 6-ти поднялось до 12-ти.

Въ прошедшемъ отчетномъ, 1899 году, городская Дума, получивъ разрѣшеніе отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ открыла въ Александро-Невской части города первое „Городское четырехклассное мужское училище“, въ память императрицы Екатерины II—на 200 учениковъ изъ окончившихъ съ успѣхомъ трехлѣтнее ученіе въ начальныхъ училищахъ, содержимыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Отличіе „городскихъ“ училищъ, содержимыхъ городомъ, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, отъ такихъ же министерскихъ—нисколько не существенно, такъ какъ программа курса, и въ тѣхъ, и въ другихъ, одна и та же. Потребность же въ такомъ, такъ сказать, высшемъ народномъ училищѣ, была такъ велика, что, по словамъ „Отчета“ Коммиссіи по народному образованію, несмотря на то, что новое училище принадлежало одному небольшому району города, а именно, Александро-Невской части, уже

въ теченіе первой половины сентября училище было наполнено почти до самаго комплекта—200 учениковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, по истеченіи перваго учебнаго года, пока опытнаго, свыше 100 учащихся, какъ указывается въ томъ же „Отчетѣ“, обнаружили весьма удовлетворительные успѣхи, особенно возрастные между ними (13—14-ти лѣтъ), а потому могли быть переведены въ слѣдующій классъ.

Бюджетъ такого высшаго народнаго училища, съ 200 учащихся, можно сказать, равенъ бюджету четырехъ начальныхъ училищъ, вмѣщающихъ въ себѣ также до 200 учащихся,—а именно, 8.200 рублей, отпускаемыхъ городомъ, причемъ городская касса возвращаетъ 2.700 рублей, — сумму, образующуюся изъ собираемой платы за ученіе, 20 рублей въ годъ, съ достаточныхъ учащихся, такъ что училище обойдется городу собственно въ 5.500 рублей.

„Итакъ,—говоритъ, въ заключеніи своего краткаго „Отчета“ за послѣдній 1899—1900 учебный годъ, городская Коммиссія по народному образованію,—успѣхи въ дѣятельности города на поприщѣ народнаго образованія, въ недавнемъ прошедшемъ, повидимому, весьма велики; но, при всемъ томъ, слѣдуетъ помнить, не гордясь прошедшимъ, что они оставляютъ не мало еще мѣста для новыхъ и необходимыхъ успѣховъ въ ближайшемъ будущемъ. Наступающій учебный 1900—1901 годъ стоитъ какъ разъ на рубежѣ двухъ столѣтій, XIX-го и XX-го вѣковъ, и историкъ городского общественнаго управленія нашего времени, въ концѣ первой четверти имѣющаго вскорѣ наступить новаго вѣка, быть можетъ, отнесется и къ намъ такъ же, какъ и мы относимся теперь къ тому, что̀ было за четверть вѣка передъ нами, и скажетъ, что въ концѣ XIX-го вѣка, переживаемаго нынѣ нами, дѣло народнаго образованія, положеніемъ котораго мы сами, повидимому, довольны, находилось не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи, такъ какъ городское общественное управленіе имѣло, въ концѣ XIX-го вѣка, всего только *одно* „городское четырехклассное мужское училище“ болѣе чѣмъ на *двѣсти* начальныхъ одноклассныхъ мужскихъ училищъ, и въ первомъ обучалось какихъ-нибудь *двѣсти* учениковъ, при *10.000* мальчиковъ въ послѣднихъ. Четверть вѣка тому назадъ—быть можетъ, скажутъ еще о нашемъ времени—городъ С.-Петербургъ имѣлъ тогда всего *одинъ* училищный домъ, съ 12-ю соединенными классами, а другой—только-что отстраивался. Наше время —такъ кончаетъ „Отчетъ“ Коммиссіи по народному образованію,—въ нѣкоторое оправданіе себѣ, можетъ сослаться только на аксіому, часто повторявшуюся въ старинныхъ школьныхъ прописяхъ: „Всякое начало трудно“,—и пожелать первой четверти приближающагося новаго вѣка съ успѣхомъ довести начатое въ наше время дѣло—если не до самаго конца, то хотя бы до начала конца“!...

Не всѣ, однако, педагоги присоединяются къ такому пожеланію городской Коммиссіи по народному образованію—довести начатое дѣло замѣны одиночныхъ начальныхъ училищъ съ 50-ю учащимися—училищами многоклассными, гдѣ въ одномъ помѣщеніи соединено нѣсколько классовъ, но, какъ мы видѣли, съ тѣмъ, чтобы каждый классъ, по прежнему, состоялъ также изъ 50-ти учащихся, имѣющихъ своего постояннаго учащаго, съ которымъ дѣти остаются неразлучно въ теченіе всего трехлѣтняго обученія. Но эти же самые педагоги, оставаясь послѣдовательными, должны возставать также и противъ постройки городомъ собственныхъ домовъ, гдѣ могли бы быть соединены не только три или шесть классовъ (что̀ еще возможно бываетъ —въ частныхъ домахъ), но и гораздо болѣе: одинъ такой училищный домъ существуетъ уже три года на Васильевскомъ-Острову, съ 12-ю соединенными классами, а открытіе другого, на-Прудкахъ, съ 20-ю соединенными классами, ожидается къ началу осени текущаго года.

„Въ настоящее время,—говоритъ одинъ такой педагогъ,—возникъ споръ (?): лучше ли обширныя школы на большое число дѣтей, дающія возможность обучать каждое отдѣленіе начальной школы особо, дать хорошія помѣщенія и обходящіяся все-таки дешевле;—или лучше маленькія школы, съ однимъ, двумя (?) учащими, принужденными, поэтому, обучать два или три отдѣленія одновременно? Противъ *денежной* (курсивъ подлинника) выгодности большихъ школъ не возражаю. Несомнѣнно, постройка 12-ти домовъ на маленькія школы обошлась бы много дороже одного большого дома, и содержаніе 12 школъ въ одномъ домѣ обходится дешевле. Но для педагога (?) видна и другая сторона дѣла, наиболѣе важнаго во всякой школѣ, особенно же въ начальной, именно воспитательная. Воспитательное вліяніе въ маленькихъ школахъ, по моему мнѣнію, уже неоднократно высказанному, всегда сильнѣе, чѣмъ въ большихъ, при тѣхъ же учащихъ; точно такъ же и учебная часть, если учащіеся малолѣтніе. Для жизни государства достиженіе воспитательно-образовательной цѣли всего важнѣе“ [1]).

Всѣ эти разсужденія можно было бы оставить безъ вниманія уже по одному тому, что они являются нѣсколько запоздалыми: одно изъ самыхъ крупныхъ помѣщеній въ спеціально отстроенномъ самимъ городомъ домѣ на 12 классовъ, съ 600 учащимися и 12-ю учащими,

[1]) Такъ высказывается все это въ статьѣ, подписанной г. В. Латышевымъ и озаглавленной: „О числѣ училищъ Спб. Дирекціи и состояніи ихъ въ 1898 г.“. Судя по заглавію, статья носитъ полу-оффиціальный характеръ, такъ какъ авторъ ея есть вмѣстѣ и директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи. Статья появилась въ № 8—9 журнала „Русскій Начальный Учитель“, 1899 г, издаваемаго В. Латышевымъ.

въ нынѣшнемъ году закончило свой первый полный курсъ трехлѣтняго обученія и дало результаты болѣе, чѣмъ удовлетворительные,—это первое Василеостровское училище, какъ видно изъ „Отчета" городской Коммиссіи по народному образованію, выпустило, изъ 600 общаго числа учащихся, до 200, по прохожденіи ими, въ стѣнахъ именно этого училища, трехлѣтняго обученія. Но авторъ той статьи—оффиціальное лицо, а журналъ, издаваемый имъ же самимъ, какъ сообщается на обложкѣ, „одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ начальныхъ и городскихъ училищъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ". Вотъ почему мы считаемъ не совсѣмъ излишнимъ остановиться на статьѣ г. Латышева, автора упомянутой статьи, такъ какъ она можетъ кого-нибудь ввести въ заблужденіе. Прежде всего, въ этой статьѣ обращаетъ на себя вниманіе увѣренность автора, будто бы и училища съ соединенными классами, и постройка для такихъ училищъ обширныхъ собственныхъ помѣщеній, есть, какъ онъ выражается, результатъ „взглядовъ на постановку училищнаго дѣла коммиссіи по народному образованію". Дѣйствительно, изъ этой статьи не видно, чтобы авторъ былъ, хотя по слухамъ, знакомъ съ постановкою училищнаго дѣла въ классической странѣ народнаго образованія, какою является Германія, гдѣ всѣ народныя школы соединяютъ въ себѣ многочисленные классы, расположенные въ одномъ обширномъ помѣщеніи; въ большихъ городахъ, какъ въ Берлинѣ, такія соединенія доходятъ до 1.500 и болѣе учащихся. Г. Латышевъ, какъ мы видѣли, не возражаетъ противъ „денежной" выгодности большихъ школъ, хотя и ею не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ въ школьномъ дѣлѣ „денежная" выгодность преслѣдуется не въ видахъ экономіи, т.-е. уменьшенія расходовъ на школы, а совершенно съ другою цѣлью—чтобы на тѣ же суммы сдѣлать дѣла и больше, и лучше; „но,—прибавляетъ г. Латышевъ,—для педагога видна и другая сторона дѣла, наиболѣе важная во всякой школѣ, особенно же въ начальной, именно *воспитательная*"... Оказывается, что педагогамъ Германіи не видна эта другая сторона школьнаго дѣла, и въ народныхъ училищахъ Германіи совсѣмъ не преслѣдуютъ воспитательныхъ цѣлей. А между тѣмъ, нѣмецкіе педагоги всѣми признаются именно воспитателями по преимуществу—и мы ничего не потеряемъ, если когда-нибудь и у насъ народная школа станетъ на ту же высоту, на какой она стоитъ въ Германіи.

Въ доказательство преимущества „маленькихъ школъ", т.-е. школъ стараго типа, гдѣ каждая школа помѣщается въ отдѣльной частной квартирѣ (построить же отдѣльный домъ для каждой школы въ 50 учащихся—нѣтъ никакой возможности: это понимаетъ и самъ г. Латы-

шевъ),—предъ „большими“, т.-е. съ многими соединенными классами въ одномъ помѣщеніи, гдѣ, однако, каждый классъ имѣетъ своего учащаго и существуетъ совершенно независимо отъ другихъ классовъ, — г. Латышевъ приводитъ самого себя, т.-е. свои личныя наблюденія—и гласъ народа! „Чтобы еще разъ провѣрить свои мнѣнія на практикѣ,—говоритъ авторъ,—въ прошломъ учебномъ году я сдѣлалъ рядъ сравненій положенія школъ многоклассныхъ, которыхъ теперь въ Петербургѣ 21 съ 76 классами, съ состояніемъ школъ прежняго строя, имѣющихъ 2 или 3 отдѣленія, при одномъ преподавателѣ. Я знакомился съ какой-либо школой одного типа и потомъ на другой же день, или по крайней мѣрѣ на той же недѣлѣ—съ школой другого типа, посѣщая тѣ же отдѣленія. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, оказалось, что дѣти въ многоклассныхъ успѣли пройти или меньше, чѣмъ въ одноклассной, или почти столько же, только въ одномъ случаѣ прочли больше“... Училища не названы, а потому читатель приглашается вѣрить какимъ-то безмѣстнымъ и безъименнымъ указаніямъ автора—однимъ словомъ, вѣрить ему на слово. „Одинъ разъ,—разсказываетъ авторъ далѣе,—я былъ въ школѣ съ *тремя* отдѣленіями (т.-е., въ школѣ стараго типа, гдѣ всѣ три возраста: младшій, средній и старшій, обучаются вмѣстѣ у одного учащаго), и на другой день въ школѣ съ *двѣнадцатью* классами (т.-е. новаго типа, гдѣ каждый классъ состоитъ изъ дѣтей одного возраста, и слѣдов. имѣетъ всего одно отдѣленіе, младшее, среднее, или старшее), въ которой оказалась та же самая книжка для чтенія, но дѣти прошли въ ней (въ школѣ новаго типа) на двѣ (!) статьи меньше. чѣмъ въ соотвѣтствующемъ возрастѣ въ школѣ съ тремя отдѣленіями у одной учительницы. Для человѣка незнакомаго съ начальными школами это кажется страннымъ: обыкновенно думаютъ, что гораздо удобнѣе заниматься съ однимъ отдѣленіемъ, въ которомъ всѣ дѣти проходятъ одинъ и тотъ же курсъ, нежели съ двумя или тремя отдѣленіями, въ которыхъ учащіеся различаются по своимъ познаніямъ и не могутъ заниматься однимъ и тѣмъ же“... Но для человѣка, даже и вовсе незнакомаго съ начальными школами, гораздо болѣе странно. что автору оказалось возможнымъ изъ такого узкаго факта, совершенно случайнаго (на двѣ статьи прочтено меньше!), сдѣлать такой широкій выводъ о преимуществахъ того или другого типа начальныхъ школъ. Вотъ какимъ образомъ г. Латышевъ провѣрилъ свои мнѣнія „на практикѣ“!!.. Желая придать особенную силу своимъ мнѣніямъ, онъ привелъ еще мнѣніе народа, добытое имъ никому неизвѣстнымъ способомъ, о начальныхъ школахъ новаго типа, съ соединенными классами: „Замѣтно (?!), что населеніе къ многокласснымъ училищамъ особеннаго сочувствія не проявляетъ“... Надобно, однако,

думать, что населеніе не такъ глупо, чтобы не понимать, по крайней мѣрѣ, того, что въ многоклассныхъ училищахъ его дѣти помѣщаются въ весьма выгодной для ихъ здоровья обстановкѣ, особенно въ школьныхъ домахъ, отстроенныхъ самимъ городомъ; въ то время, когда, напримѣръ, въ одноклассныхъ училищахъ школьный врачъ можетъ посѣщать школу не болѣе одного раза въ недѣлю,—въ такомъ училищѣ, какъ Василеостровское, врачъ посѣщаетъ школу ежедневно; тамъ имѣется и зубной врачъ; есть преимущества и въ самой программѣ обученія: въ многоклассныхъ училищахъ введено преподаваніе рисованія и черченія, приглашается особый учитель для пѣнія, и т. д. Вотъ на что уходитъ „экономія", получаемая отъ многоклассныхъ училищъ: она остается въ школѣ, какъ новое средство для улучшенія ея внѣшней обстановки и внутренняго быта, а не возвращается въ городскую кассу, какъ то̀, съ нѣкотораго укоризною, заявляетъ г. Латышевъ, не представляя къ тому никакихъ основаній. Можно подумать, что авторъ, вѣроятно, еще не успѣлъ близко познакомиться съ начальными школами новаго типа, и если знакомъ съ ними, то весьма поверхностно и второпяхъ. Такъ, онъ замѣчаетъ, въ концѣ статьи, что „классныя помѣщенія въ новомъ городскомъ домѣ въ Спб. на 12 классовъ производятъ очень хорошее впечатлѣніе, но во время перемѣнъ мѣста для дѣтей не хватаетъ, они не могутъ свободно бѣгать и играть, а могутъ только *ходить* по широкому корридору вдоль стѣнъ: въ серединѣ ходятъ учащіе для поддержанія порядка. Гдѣ же тутъ отдыхъ, и развѣ возможно установить личныя отношенія съ учащимися?"—Этотъ, пока единственный школьный домъ очень хорошо знакомъ многимъ, а потому многіе увидятъ, что г. Латышевъ даже не далъ себѣ труда подняться въ верхній этажъ, гдѣ помѣщается огромное рекреаціонное зало, а потому и остался при убѣжденіи, что въ этомъ училищѣ дѣти для отдыха не имѣютъ ничего кромѣ широкихъ корридоровъ. Авторъ, какъ мы видѣли выше, одинъ разъ уже „провѣрялъ свои мнѣнія на практикѣ",—ему необходимо провѣрить ихъ вновь...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

1. При Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ учреждается капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго, въ каковой капиталъ зачисляются какъ уже поступившія, такъ и имѣющія поступить суммы, предназначенныя для той же цѣли.

2. Означенныя въ предыдущемъ параграфѣ суммы обращаются въ процентныя бумаги и хранятся Комитетомъ Общества до той поры. пока капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго не достигнетъ суммы въ 5 тысячъ руб. Затѣмъ 5 тысячъ рублей передаются тому учрежденію, которое, по соглашенію съ Н. Н. Златовратскимъ, будетъ избрано для руководства устройствомъ или для завѣдыванія народной библіотекой-читальней имени Н. Н. Златовратскаго на его родинѣ. Затѣмъ дальнѣйшія поступленія въ капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго также обращаются въ процентныя бумаги и хранятся Комитетомъ Общества до той поры, пока капиталъ этотъ не достигнетъ суммы въ 20 тысячъ рублей. Послѣ сего 20 тысячъ рублей передаются тому учрежденію, которое, по соглашенію съ Н. Н. Златовратскимъ или его наслѣдниками, будетъ избрано для руководства устройствомъ тамъ же (на родинѣ Н. Н. Златовратскаго) народной школы имени Н. Н. Златовратскаго. Дальнѣйшія поступленія въ капиталъ Н. Н. Златовратскаго остаются собственностью Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и составляютъ неприкосновенный капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго.

Примѣчаніе. Если же земское, городское или какое-либо иное общественное учрежденіе или частное лицо пожелаютъ взять на себя устройство и постоянное содержаніе народной библіотеки-читальни или школы имени Н. Н. Златовратскаго на его родинѣ, то такому учрежденію или лицу можетъ быть передана наличность этого капитала, при условіи согласія на это Н. Н. Златовратскаго или его наслѣдниковъ даже и въ томъ случаѣ, если къ тому времени капиталъ не доростетъ еще до вышеозначенныхъ размѣровъ.

3. Изъ процентовъ на капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго выдаются пособія наиболѣе нуждающимся авторамъ беллетристическихъ произведеній изъ народнаго быта.

Къ 1-му іюня 1900 г. капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго достигъ 791 р. 85 к.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль. — Августъ. 1900.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку. Спб., 1900. Стр. 87.

Въ этомъ небольшомъ собраніи статей, напечатанныхъ авторомъ въ разное время, много разъ повторяется мысль, что Азія—„намъ родная и близкая по духу", что и для китайцевъ Россія—„своя близкая, родная", и что весь Востокъ и мы—„одна безбрежная стихія, одно гармоничное въ своихъ духовныхъ основахъ цѣлое". Но отъ частаго повторенія мысль не выигрываетъ въ ясности, а дѣлаемые изъ нея практическіе выводы поражаютъ своими внутренними противорѣчіями и странностями. Мы должны отдѣлиться отъ западныхъ „хищнически настроенныхъ и лукаво дѣйствующихъ державъ" и примкнуть къ „религіозно и монархически настроенной Азіи",—гдѣ лукавство и хищничество составляютъ единственныя практическія основы управленія и политики. Востокъ тяготѣетъ къ намъ, „будучи справедливо увѣренъ въ томъ, что мы-то его не потѣснимъ" (стр. 70), ибо мы не ищемъ колоній и завоеваній, какъ хищныя націи Запада; но „наше наступательное (т.-е. завоевательное?) движеніе въ Азіи далеко нельзя считать завершеннымъ" (стр. 79): „въ Азіи для насъ въ сущности нѣтъ и не можетъ быть границъ, кромѣ необузданнаго, какъ и духъ русскаго народа, свободно плещущаго у ея береговъ необъятнаго синяго моря" (стр. 84), и слѣдовательно по части завоеваній намъ суждено перещеголять всѣ западныя державы, вмѣстѣ взятыя, чѣмъ и доказана будетъ наша всегдашняя рѣшимость не трогать Востока, не „тѣснить" его. По словамъ кн. Ухтомскаго, „мы съ дѣтства привыкаемъ (?) относиться къ Китаю и Японіи, какъ къ чему-то съ нами связанному и духовно гораздо болѣе близкому, чѣмъ надменная западная Европа" (стр. 74); заносчивый германизмъ для насъ страшнѣе Азіи и т. п. (стр. 70 и др.),—но и по части надменности и заносчивости патріотическихъ чувствъ почтенный авторъ нисколько не отстаетъ отъ осуждаемыхъ имъ германцевъ и англичанъ. Онъ утверждаетъ, напр., что „непреоборимая мощь" Россіи только „усугубляется отъ натиска враговъ" (хотя это противорѣчитъ, кажется, законамъ природы), или что русскому народному духу присущи „сверхъестественныя свойства" (стр. 86—7), въ силу которыхъ мы „отъ вѣка призваны" быть единственною въ своемъ родѣ міровою державою, „сочетающею Западъ съ Востокомъ". Чрезмѣрное обиліе лирическаго краснорѣчія не можетъ также считаться достоинствомъ брошюры, посвященной вопросамъ практической политики. Между прочимъ, авторъ находитъ, что въ настоящее время „китайцы даютъ Западу хорошій урокъ" (стр. 43, примѣч.),—хотя разрушительныя дѣйствія ихъ въ Манчжуріи и по Амуру направлены не противъ Запада, и въ судьбѣ посольствъ въ Пекинѣ заинтересованы также не однѣ западныя державы. Безсмысленное истребленіе европейцевъ, ихъ женъ и дѣтей, не можетъ быть названо „хорошимъ урокомъ" кому бы то ни было, точно также какъ и бомбардировка и осада иностранныхъ посольствъ; эти факты указываютъ лишь на невозможность относиться къ современному Китаю, какъ къ культурному государству, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ князя Ухтомскаго. Восхваляя Китай, авторъ ставитъ ему въ заслугу доведеніе „до высшей степени высоты и простоты культа монарха" (стр. 16—7), что и видно на примѣрѣ нынѣшняго богдохана, отстраненнаго мандаринами и запертаго въ одномъ изъ своихъ дворцовъ; даже сами мандарины кажутся кн. Ухтомскому хорошими „отвѣтственными" правителями. Подобные фантастическіе взгляды едва-ли могутъ способствовать правильному пониманію событій на дальнемъ Востокѣ.

К. Р. Качоровскій. Русская община. Томъ первый. Спб., 1900. Стр. 431. Ц. 1 р. 75 к.

Первый томъ предпринятаго авторомъ обширнаго изслѣдованія заключаетъ въ себѣ „общее введеніе" — о задачѣ, методѣ, матеріалахъ и исторіи изслѣдованія русской общины (стр. 1—56),—и затѣмъ первую часть („Что такое община?")—опытъ описанія и классификаціи, съ обзоромъ послѣдовательныхъ измѣненій главныхъ формъ крестьянской общины въ Россіи. Авторъ обѣщаетъ еще два тома, въ которыхъ будетъ собранъ и разработанъ статистическій матеріалъ по вопросамъ о шансахъ долговѣчности нашей общины и о степени желательности ея сохраненія. Книга посвящена „памяти Н. Г. Чер—шевскаго". Важность предмета и самая обширность задачи, которую поставилъ себѣ авторъ, выдѣляютъ его трудъ изъ ряда многихъ литературно-экономическихъ работъ, появившихся у насъ за послѣдніе годы.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. IX. Спб., 1900. Стр. 458. Ц. 2 р.

„Послѣднія работы въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка"—такъ озаглавленъ авторомъ вышедшій нынѣ девятый томъ его сочиненій. Во главѣ этихъ работъ находимъ воспоминанія о Кавелинѣ; затѣмъ идутъ статьи о чествованіи Палацкаго, о поѣздкѣ въ Оберъ-Аммергау, о Гете въ книгѣ Рода, о Мицкевичѣ, о „Вѣчныхъ спутникахъ" Д. С. Мережковскаго, о „Семьѣ Поланецкихъ" Сенкевича и объ адвокатскомъ конгрессѣ 1897 г. въ Брюсселѣ, а также шесть несудебныхъ рѣчей. Большинство этихъ статей было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы", а воспоминанія о Кавелинѣ сверхъ того,—во второмъ томѣ собранія сочиненій К. Д. Кавелина, въ видѣ вступительнаго этюда.

А. К. Булатовичъ. Съ войсками Менелика II. Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа. Съ 4 схемами, 3 картами, 75 фототипогравюрами по фотографіямъ автора и поручика Давыдова. Спб., 1900. Стр. IV+271.

Авторъ два раза путешествовалъ по Абиссиніи—въ 1896—7 годахъ, съ отрядомъ Краснаго Креста, и въ 1897—8 гг., въ качествѣ курьера къ негусу Менелику, для извѣщенія о предстоящемъ прибытіи къ нему чрезвычайной миссіи изъ Петербурга. Исполнивъ это послѣднее порученіе, авторъ присоединился къ отряду абиссинскихъ войскъ, направлявшемуся въ южныя области, и совершилъ интересный походъ, который и описываетъ въ напечатанномъ теперь дневникѣ. Иллюстраціи и гравюры не всѣ одинаково отчетливы, но вообще книга издана роскошно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	По полугодіямъ: Іюль	По четвертямъ года: Январь	По четвертямъ года: Апрѣль	По четвертямъ года: Іюль	По четвертямъ года: Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; Н. Б. Голубева, Покровка, 52 (у церкви Іоанна Предтечи), и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

3 2044 015 517 881